

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07920050 1

БИБЛИОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ
Полка
№

*OCH

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 9. СЕНТЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУРАДА ПРАЦА

1862

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 100

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
252957
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 100

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ, 14 сентября 1882 года.

НАШЪ ГУБЕРНСКІЙ ДЕНЬ

ВВЕДЕНІЕ

Какъ тамъ ни шути, а жить скучно. Жизнь сорвалась съ прежней колен, а на новую попасть и не смѣть, и не умѣть. Люди ходятъ какъ сонные или сидятъ себѣ сложа руки, вперивъ взоры въ туманную даль — ничего въ волнахъ не видно! Особенно мастерски умѣемъ скучать мы, провинціалы. Тамъ, въ Петербургѣ, что-то затѣвается, какал-то все стряпня идетъ; одни болтаютъ, что готовится нѣчто громадное, другіе брешутъ, что черезчуръ что-то маленькое. Мы сидимъ въ мурѣѣ и недоумѣваемъ; намъ-то желалось бы, чтобъ все это было маленькое да миниатюрненькое... а вдругъ, чортъ возьми, левиафана хватить! Вѣдь съ нашими ребятами и это случиться можетъ!

Вотъ пронеслись слухи, будто откупа трещать, — предсѣдатель казенной палаты дрожить и слабѣетъ желудкомъ. «Куда же я съ малыи дѣтьми-то дѣнусь? спрашиваетъ онъ самъ себя: — Да пойми же ты, чортъ, что у меня восемь дочерей, и каждой надобно по приданому!»

До свѣдѣнія губернатора доходить, что въ губерніяхъ будутъ заведены новыя какія-то учрежденія, совсѣмъ будтобы независимыя учрежденія. «Какъ же я теперича повелѣвать буду? вопрошаетъ онъ самъ себя: — Да пойми же ты, чортъ, какъ я за благосостояніе губерніи-то отвѣчать буду?»

Предсѣдатель судебной палаты тоже узналъ кое-что о гласномъ судопроизводствѣ, и тоже совсѣмъ растерялся. Онъ то застегиваетъ, то разстегиваетъ свой вицмундиръ, то беретъ за шляпу, точно ваті куда-то собирается, то бросаетъ шляпу на столъ и садится. Наконецъ рѣшается послать за секретаремъ.

— Иванъ Ксенофонтычъ, слышалъ?

— Поговариваютъ-съ.

— Ну?

— Поговариваютъ-съ.

— Да какъ же это... въ публикѣ-то сидѣть?

— Будемъ прописывать-съ.

— Да какъ же, братъ, это... въ публикѣ-то?

— Будемъ прописывать-съ.

— Да пойми же ты, любезный: вѣдь кругомъ-то вездѣ публика поватыкана! Пу-бли-ка!

— Чтоже-съ? Каждому кто что заслужилъ-съ!

— О, чортъ побери да и совѣмъ!

— Это точно-съ.

Однимъ словомъ всѣ повѣсили головы, всѣ отстали отъ дѣла, которое уже признается старымъ, отживающимъ свой вѣкъ, всѣ ждутъ чего-то новаго, а новое не идетъ.

— Хоть бы развязали чтоли! слышится со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти люди сидятъ на чеку, словно куда-то собираются, словно теперъ только почему-то вспомнили, что они лишь временные жильцы этого міра. Очевидно нѣчто волнуетъ ихъ, и мы конечно поймемъ и это волненіе, и эту озабоченность, если припомнимъ, что это «нѣчто» — ни болѣе, ни менѣе какъ вопросъ о жизни и смерти ихъ.

Скучно жить! Скучно видѣть людей, которые разучились смѣяться, которыхъ мысль постоянно находится въ отсутствіи. Подойдешь къ губернатору, спросишь: «не угодно ли вашему превосходительству карточку?» а онъ вмѣсто отвѣта выпучить глаза и бормочетъ какія-то безсвязныя фразы: «гм... да... что?.. объ чемъ бишь мы говорили?» Прошу покорно тутъ думать о какихъ-нибудь общественныхъ движеніяхъ при видѣ столь огорченнаго начальника!

Да и одинъ ли губернаторъ, одинъ ли предсѣдатель опустили носы? Увы! улицы пусты, базары обезлюдѣли! Полиція незнаетъ, драться ли ей или вѣжливоенько приглашать: пойдемъ дескать, милый мой, я тебя въ части посѣку! Обыватели тоже пришли въ сомнѣніе. То что прежде разрѣшалось въ одно мгновеніе ока и однимъ мановеніемъ руки, нынче перекладывается съ мѣста на мѣсто, перевортывается съ боку на бокъ, да такъ на боку и остается.

— Да разрѣши-то мою нужду! пристааетъ несчастный обыватель къ лицу власть имѣющему.

— Нельзя, братецъ, закона нѣтъ! отвѣтствуетъ лицо власть имѣющее.

— Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй! вопитъ обыватель, и слѣдомъ за нимъ эхо изъ конца въ конецъ перекатываетъ: — Охъ, да хоть бы ужъ развязали поскорѣй!

Какъ жить? какъ поступать? чѣмъ быть? — вотъ вопросы, которые слышатся всюду. Пойдешь направо — назовутъ ретроградомъ; сунешься влѣво — прослывешь прогрессистомъ... Оба прозвища равно небезопасны. Одинъ мой знакомый говоритъ: «а ны пройдемъ середочкой!» Гм... хорошо, коли кто эквилибристикъ обучался; а каково тому, кто этой науки не знаетъ? Каково идти-то по этой переузинѣ? Каково цѣлую жизнь обѣ томъ только думать, какъ бы не покачнуться ни направо, ни влѣво, и не вырывать изъ рукъ спасительнаго шеста?

Объ чемъ писать? Какіе подвиги воспѣвать? Подвиговъ вѣтъ; героевъ нѣтъ — ихъ мѣсто заступили люди, у которыхъ трясутся поджилки; фестивалей и пиршествъ нѣтъ — ихъ мѣсто заступили молчаливыя сборнища съ головными помаваніями, съ односложными рѣчами и скорбными дрожаніями устъ и ноздрей. Что за время! что за время!

Увы! я охотно бы рассказалъ напримѣръ о томъ, какъ Леонидъ Эвонскій, протанцовавъ туръ вальса съ Пульхеріей Пронской, почувствовалъ, что все его существо внезапно охватилося токомъ любовнаго электричества, — но не могу, потому что мнѣ никто не повѣритъ. «Подите! скажете мнѣ читатель: — да развѣ вы не знаете, что нынче Леонидъ Эвонскій насчетъ любовныхъ дѣлъ советамъ слабъ сталъ?» И читатель будетъ правъ, потому что дѣйствительно Эвонскій не тѣмъ занятъ: онъ думаетъ о томъ, будетъ или не будетъ опредѣленъ помощникомъ управляющаго питейными сборами, и весь погруженный въ расчеты и соображенія, взираетъ на Пульхерію не только съ холодностью, но даже не безъ ироніи.

Еще охотнѣе я началъ бы свой расказъ такъ: «Леонидъ Эвонскій принадлежалъ къ одной изъ великихъ либеральныхъ партій, которая въ послѣднее время оказала столько услугъ для отечественнаго преуспѣванія. Онъ ненавидѣлъ откупа со всю искренностью пламенной души» и т. д. и т. д. Конечно,

тутъ было бы больше правдоподобія и больше животрепещущаго интереса (ибо кто же въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ нынче къ одной изъ либеральныхъ партій?), однако я и этого написать не рѣшусь. Впервыхъ, если я углублюсь въ свой предметъ надлежащимъ образомъ, то расказъ можетъ выйти несовсѣмъ цензурный; вовторыхъ, откупной либерализмъ уже нѣсколько провонялъ сивухой, и въ этомъ видѣ сланъ въ архивъ.

Одинъ мой пріятель предлагаетъ такого рода сюжетъ: Леонидъ Звонскій, начитавшись мемуаровъ Казановы, ощутилъ и т. д. «Тутъ можетъ выйти цѣлый рядъ очень миленькихъ сценъ, да и цензура испремѣнно пропуститъ расказъ!» прибавляетъ пріятель. Но нѣтъ... я не могу писать и на эту тему! Я не сомнѣваюсь, что цензура пропуститъ расказъ мой, но сомнѣваюсь, чтобъ нашолся журналъ, который рѣшился бы напечатать его.

Чтожъ остается мнѣ дѣлать? Очевидно остается грустить вмѣстѣ со всѣми, остается быть лѣтописцемъ вздоховъ... поймите какъ это трудно!

Да и какой еще вздохъ? какой его цвѣтъ? какой его запахъ? Во времена счастливыя, въ тѣ времена, когда жизнь изживается «безъ тоски, безъ думы роковой», отвѣтъ на эти вопросы дать нетрудно. Тогда вздохъ бываетъ голубой и пахнетъ фіалкой. Вотъ Леонидъ Звонскій, который только-что кончилъ вторую фигуру кадрили съ возлюбленной Пульхеріей; онъ садится возлѣ предмета своихъ страстныхъ, но законныхъ помышленій, и вздыхаетъ... Вздохъ не задерживается въ груди его, не вылетаетъ оттуда ураганомъ; онъ выходитъ легко, ровно, благоуханно. Очевидно, Звонскій вздыхаетъ потому только, что онъ счастливъ; онъ принадлежитъ Пульхеріи, Пульхерія принадлежитъ ему; кадрили кончится, и растроганные родители благословятъ ихъ... Вотъ патриархъ-помѣщикъ, въ бояхъ домашнихъ посѣдѣлый, который только-что получилъ оброкъ съ возлюбленныхъ домохозяевъ своихъ. Онъ сидитъ за конторкой, разглаживаетъ замасляныя и измятыя пачки асигнацій, и вздыхаетъ... Миръ царствуетъ во всемъ существѣ его; онъ пересчитываетъ деньги, и въ душу его закрадывается увѣренность, что недоимки нѣтъ, и что слѣдовательно домохозяцы его блаженствуютъ и живутъ припѣваючи. Веселыя картины рисуетъ его воображеніе; пейзажи гуляютъ въ кумачныхъ сарафанахъ, пейзажи въ синихъ суконныхъ поддевахъ; а тамъ горѣлки, хороводы, орѣхи,

пряники... Тутъ вздохъ понятенъ : тутъ онъ служить существеннымъ выраженіемъ того кроткаго блаженства, которое наполеть душу и катится благоуханной струей по всѣмъ жиламъ... Вотъ чиновникъ который сейчасъ только сходилъ въ карманъ своего ближняго ; онъ тоже нѣчто считаетъ , онъ умиленъ духомъ , онъ чувствуетъ, какъ дыханіе спирается въ его зобу, онъ вздыхаетъ. Понятно, что и тутъ вздохъ не можетъ быть горькимъ.

Все это вздохи голубые , пропитанные запахомъ фіалки. Человѣкъ , который вздыхаетъ такимъ образомъ , можетъ сказать объ себѣ : я вздыхаю , потому что во мнѣ играетъ сердце , потому что природа разыгрываетъ въ мою пользу постоянное увеселительное представленіе. Я вижу цвѣтокъ — и радуюсь ; я внимаю пѣнію птички — и радуюсь ; я слышу мычаніе осла — и радуюсь ; все въ божьемъ мірѣ манитъ и взираетъ на меня свѣтлыми очами, все говорить : живи и наслаждайся !

Но я имѣю дѣло съ міромъ огорченныхъ , съ міромъ людей трепещущихъ и скучающихъ. Они тоже вздыхаютъ , но ихъ вздохи жолтые и пропитанные тлѣніемъ органическихъ остатковъ. Имѣть дѣло съ подобными вздохами почти невыносимо.

А другихъ вздоховъ нѣтъ. Странно измѣнился міръ божій ; уже не смотритъ онъ на человѣка свѣтлыми очами, не приглашаетъ его жить и наслаждаться. Подобно бурѣ, вырывающей съ корнемъ столѣтніе дубы и щадящей молодые, гибкіе побѣги, смерть прошла крыломъ своимъ по рядамъ человѣческимъ и постѣкла въ одинъ мигъ все что считало себя на вѣки несокрушимымъ. Валятся люди, а за ними валится цѣлый порядокъ явленій, валится цѣлая жизнь.

Лѣтописецъ минуты, я роковою силою осужденъ раздѣлять настроеніе ея. Міръ грустенъ — и я грущу вмѣстѣ съ нимъ ; міръ вздыхаетъ — и я вмѣстѣ съ нимъ вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вмѣстѣ со мною и читателя.

Изъ послѣдующихъ очерковъ онъ увидитъ чтоъ стало съ нашимъ провинціальнымъ «днемъ», этимъ днемъ, который еще столь недавно былъ днемъ веселія и утѣхъ.

I

У ПУСТЫННИКА

Мы составляемъ особое общество, *status in statu*. Насъ немного: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, я, председатель казенной палаты, управляющій палатой государственныхъ имуществъ и жандармскій штабъ-офицеръ. Еще допускается къ намъ откупщикъ, потому что имѣть очень пріятное обхождение.

До тѣхъ поръ, пока мы не начали грустить, мы жили очень весело: днемъ распоряжались, а вечеромъ играли въ стуколку; но теперь все это переѣнилось. Если хотите, мы продолжаемъ и распоряжаться, и играть въ стуколку, но на все это легла какая-то печать унынія. Все идетъ машинально, безъ присказокъ, безъ острыхъ словъ, словно не сами мы все это дѣлаемъ, а играетъ и распоряжается въ насъ непорвавшійся еще процессъ нашего прежняго, веселаго существованія. Скоро онъ порвется, а съ нимъ вмѣстѣ порвутся распоряженія и стуколка...

Есть у насъ пріятель, который слыветъ между нами подъ именемъ пустынника. Почему мы дали ему такое прозвище, объяснить не могу. Развѣ потому, что онъ любитъ прибѣгать къ славянскимъ оборотамъ рѣчи, а можетъ-быть и потому, что въ дѣйствительности ничто такъ не противно его природѣ, какъ уединеніе. Человѣкъ онъ старій и одинокій, но еще до сихъ поръ сохранившій въ душѣ своей юношескую веселость и проказливость. Мы любили посѣщать его. Когда ни придите къ нему, у него всегда словно масляница: либо самъ пѣсни поетъ, либо соберетъ мальчишекъ да и заставитъ ихъ голосить, а самъ сидитъ на диванѣ и благодумствуетъ.

— Величай, душе! деруть во все горло мальчишки.

— Преславнаго и пречестнаго! подтягиваетъ имъ пустынникъ, и когда придется забирать голосомъ высоко, то вытянетъ шею, и руки простретъ, точь-вточь какъ дѣлаютъ регенты.

И такимъ образомъ время проходитъ быстро, весело и для души невредительно.

— Не люблю, государи мои, не люблю одинъ оставаться!

черты въ уединеніи посѣщаютъ! говаривалъ онъ намъ, когда мы веселою толпой врываются въ его уединенную комнату, и потомъ, словно о чемъ-то задумавшись, прибавлялъ: — И по хлѣбѣ являлся ему діаволь... Вотъ и выходить, государи мои, что діаволь-то всегда намъ тайно сопутствуетъ, ибо еще отцы наши выражались: веселіе есть Руси пити и ясти... Ахти-хти! грѣхъ наши!

И дѣйствительно, такой страстной жажды общества, сопровождаемой безпримѣрнѣйшимъ гостепріимствомъ, рѣдко можно было встрѣтить. Бывало чуть немного засидится безъ гостей, какъ ужъ бредеть на балконъ и выглядываетъ студа, не видать ли гдѣ праздношатающагося, котораго можно бы залучить, накормить, напоить и утѣшить. И благо тому, кто, завидѣвъ издалека его приземистую фигуру съ распущенными по вѣтру волосами, послѣдуетъ влеченію сердца, и незаглядываясь по сторонамъ, пойдетъ прямо туда, гдѣ ожидаютъ всѣ утѣхи, какихъ только можетъ пожелать самый прихотливый желудокъ.

— Не хотите ли зернистой икорки закусить? Миѣ наши черноглазовскія дѣвки вотъ эка мѣсто въ презентъ прислали! привѣтствуетъ онъ гостя, и тутъ же сряду дрожащимъ старческимъ голосомъ запоетъ: — Да балыкъ тоже преотмѣнный есть: это наши мужики изъ Полорѣцка презентовали!

И не пройдетъ получаса, какъ одно за другимъ переберутся всѣ произведенія глуповской природы во всѣхъ видахъ и со всевозможными приправами. Не пройдетъ получаса, какъ гость уже ощущаетъ себя в сытымъ и глупымъ.

— Теперь бы вотъ поплясать гостю! восклицаетъ пустынный: — я смолода—то куда дерзокъ плясать былъ.

И вотъ призываются пѣсенники, плюются гонцы за новыми собесѣдниками, столъ уставляется новыми снѣдками и питьями, и начинается пиръ горой до самой ночи.

Увы! этому ликованію, этой вѣчной масляницѣ суждено было прекратиться!

На дняхъ я посѣтилъ утромъ пустытника и былъ самымъ грустнымъ образомъ пораженъ происшедшею въ немъ переменой. По обыкновенію онъ сидѣлъ на диванѣ, и по обыкновенію же, кого-то дрожащимъ голосомъ величалъ. Это тоскливое величанье и прежде порой досаждало миѣ; теперь же, какъ только я его слышалъ, сердце мое сжалось, какбы томимое тяжкимъ

предчувствіемъ. Дѣйствительно, закуски на столѣ не было; пустынный сидѣлъ и качалъ головой изъ стороны въ сторону, словно бѣлый медвѣдь, оторванный отъ родной стихіи и посаженный въ звѣринецъ. Казалось даже лысина его потускнѣла.

— Что съ вами, пустынный? спросилъ я его послѣ обычнаго привѣтствія.

— Скорблю!

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ сначала, что у него вышелъ весь запасъ свѣжей икры, что откупщикъ забылъ прислать ему обычную дань водки и пива, и эта догадка тоскливо подѣйствовала на мой желудокъ.

— Мяутся! продолжалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ въ грустно-минорномъ тонѣ запѣлъ: — И смятошася людіе...

Я все-таки не понималъ, хотя нельзя было сомнѣваться, что нѣчто произошло. Конечно, мнѣ не безызвѣстно было, что наше маленькое общество съ нѣкотораго времени прониклось гражданскою скорбью, но какое же дѣло до нея пустыннику? Пустынный — отрѣзанный ломоть отъ общества; пустынный самой природой такимъ образомъ устроенъ, что было бы у него вдоволь ѣства да пойма, да малахай шолковый, такъ не проймешь его никакою скорбью — это ясно! И вдругъ о чемъ-то скорбить, и произносить отрывистыя и неподобныя рѣчи!

— Да чтоже случилось, пустынный? спросилъ я.

Онъ въ свою очередь взглянулъ на меня, но въ этомъ взглядѣ видѣлась скорбная иронія.

— Не велѣтъ ли развѣ рыбки подать? Мнѣ намеднись преотмѣнной изъ Песчанолѣсья прислали! сказалъ онъ, но въ звукахъ его голоса слышался укоръ, и я даже явственно различилъ, что укоръ этотъ относится именно ко мнѣ, какъ-будто онъ говоритъ: «малодушный человѣкъ! я знаю, что ты думаешь объ осетринѣ... въ такую горестную для отчины минуту!»

— Да нѣтъ, позвольте, зачѣмъ же рыбки? Если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь важное случилось, то можно и безъ рыбы... Скажите, чтоже случилось?

Онъ посмотрѣлъ на меня строго.

— Да чтожь ты, сударь, смѣешься чтоли?

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Незнаешь чтоли, что дѣлается?

— Да чтоже такое наконецъ?

— А вотъ, сударь, что! Приходитъ ко мнѣ сегодня одинъ изъ моихъ жеребцовъ стоялыхъ (пустынникъ называлъ такимъ образомъ своихъ дворовыхъ) и кланяется мнѣ... вотъ эдакъ (пустынникъ кивнулъ головой съ невыносимымъ пренебреженіемъ)! Я на него смотрю и думаю: не въ горячкѣ ли малый, не очунется ли? Однако вѣтъ: стоитъ какъ столбъ безчувственный. «Постой! что ты, дама чтоли?» спрашиваю я его. — Нѣтъ, говорить, я не дама, а по вашему мнѣнію выходить, я жеребецъ стоялый! Ну ужь меня, знаешь, и разбирать зачало, однако все терплю. «Чтожъ, говорю, коли ты не дама, зачѣмъ же такъ кланяешься?» Все еще, знаешь, мыслю, что онъ очунѣетъ... Хорошо. Только чтожъ бы ты думалъ, онъ сдѣлалъ? — А коли, говорить, мой поклонъ тебѣ не нравится, такъ и вѣтъ тебѣ ничего! Повернулся хребтомъ-то да и былъ таковъ! А что? хорошо?

— Гм... да...

Я незналъ что отвѣтить пустыннику, но чувствовалъ, что въ головѣ моей бродитъ нето мысль, нето ощущеніе, однимъ словомъ нѣчто такое, что можно бы формулировать словами: «эге! да это явленія одного и того же порядка!»

— Такъ вы думаете?.. сказалъ я вслухъ.

— Чего тутъ думать... оно!

— Гм... да... это оно!

Мы не объяснили другъ другу что значить это «оно»: мы поняли. Я вознамѣрился было посѣтовать, высказать нѣсколько жалкихъ словъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, которыхъ претензіи ограничиваются желаніемъ выпить и закусить и которыхъ вмѣсто того заставляютъ ломать голову надъ какими-то проклятыми вопросами. Но пустынникъ оказался и рѣшительнѣе, и воинственнѣе меня. Онъ вскочилъ съ дивана и накинулся на меня съ такою непстовой яростью, что я одну минуту думалъ, что онъ растерзаетъ меня на части.

— Чего же вы-то, начальство, смотрите? закричалъ онъ на меня, сверкая глазами.

Я поникъ головой.

— Вѣдь это зараза! продолжалъ онъ, все болѣе и болѣе наступая: — вѣдь это чума!

Я почувствовалъ себя сугубо виновнымъ. Мнѣ не приходило даже въ голову сказать въ свое оправданіе стереотипную фразу:

«да чѣмъ же я виноватъ?», которою, по заведенному изстаря обычаю, оправдываются всѣ птенцы бюрократіи. Мнѣ какъ-то вдругъ пришли на умъ всѣ пословицы вродѣ: «взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ», «люби кататься, люби и саночки возить» и проч. Я вдругъ почувствовалъ, что на мнѣ лежитъ какая-то отвѣтственность, что я долженъ былъ предугадать, предвидѣть, предозаботиться и предотвратить! Держа въ рукахъ свою мильонную частицу административной возжи, имѣя право, въ мильонной части, рѣшить и вязать, я обязанъ былъ тянуть свою тягу насколько ставало моихъ силъ. Если возжа ослабла, слѣдовательно я не натягивалъ ее съ надлежащею заботливостью, слѣдовательно я не исполнилъ своего долга, слѣдовательно я былъ безъ оправданій.

Пустынникъ казалось понялъ, что во мнѣ происходитъ нѣчто очень тяжелое, и смягчился.

— Да ужь не велѣтъ ли рыжичковъ подать? Мнѣ дѣвки мелкошнкихъ такихъ въ укусу прислали! сказалъ онъ ласково.

Но мнѣ было не до грибовъ. Чортъ-знаетъ что бродило въ это время въ головѣ моей, но только вмѣсто того, чтобъ отказаться и поблагодарить, я отиѣчалъ:

— А кто ихъ знаетъ, можетъ-быть онѣ не дѣвки, а бабы!

Пустынникъ усмѣхнулся.

— Да ну ужь, ну! велѣтъ чтоли? Вижу! все вижу! Обидѣлъ я тебя!

— Нѣтъ ужь, увольте... Лучше потолкуемъ!

Я былъ смущенъ: мнѣ представлялась «зараза». Не могу опредѣлительно объяснить фигуру этого существа, но помню, что это было нѣчто похожее на громадное черное пятно, которое безобразно шевелилось передъ моими глазами, словно угрожая лечь мнѣ на грудь всею своею массой. Стало-быть она поселилась вездѣ, коли проникла даже въ такое тихое пристанище, какъ домъ нашего милаго пустынника!

— Такъ потолкуемъ! повторилъ я.

— Потолкуемъ! отиѣчалъ онъ.

Но уста наши нѣмѣли. Было какое-то слово, которое казалось вертѣлось на губахъ, но оно словно застыло тамъ.

— Вотъ каково оно тяжко! произнесъ наконецъ пустынникъ: — что даже словъ не измыслишь!

Что за будущее, что за будущее представлялось воображе-

вѣсть дадимъ! Сѣрое, неприглядное, покрытое бурьяномъ и колючками! Нужны мы или ненужны? — безпрестанно приходило на мысль. Или мы тотъ самый бурьянъ и есть, который предстоить настоятельная надобность скосить? Если мы бурьянъ, то какое же сдѣлають употребленіе изъ насъ, подкошенныхъ? Отдадутъ ли на кормъ осламъ, или просто кинуть въ навозъ? Если же мы не бурьянъ, то за что же, Господи! за что же!

Странное дѣло! Въ то время когда наши души были полны скорби, въ саду, прилегавшемъ къ пустынникову дому, беззаботно чирикали птички. Да, для нихъ горизонтъ былъ чистъ и безоблаченъ; имъ не угрожала ни гласность, ни устыость, ни уничтоженіе откуповъ; вокругъ нихъ природа оставалась неизмѣнною: вчера она радовала, насыщала и убаюкивала, и завтра будетъ точно такъ же радовать, насыщать и убаюкивать. Майскій солнечный день такъ и врывается въ комнату сквозь отворенную дверь балкона, врывается со всѣмъ своимъ влажнымъ тепломъ, со всѣми благоуханіями молодой, только-что распустившейся флоры. Хорошо тамъ въ саду; хорошо птицамъ, хорошо жучкамъ и мошкамъ, хорошо цвѣтамъ! Только человѣку скверно: скверно вездѣ: и на солнышкѣ, и въ тѣни, и въ саду, и на погребѣ; вездѣ преслѣдуетъ безотвязная дума, вездѣ насквозь прохватываетъ мысль о заразѣ...

«Расхитять! растащуть! по кусочкамъ разнесутъ!» долженъ онъ ежемгновенно твердить себѣ, чтобы не ослабнуть духомъ. Каково тутъ жить? Каково недреманнымъ—то окомъ всю жизнь глядѣть? Ну, а чѣмъ онъ наприимѣръ виновать, если и въ самомъ дѣлѣ растащуть? Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ не хочется ему и погулять, и выпить, и съ дѣвушками побаловать, и на птичекъ полюбоваться? Развѣ весна—то не дѣйствуетъ на него?

— А чего вы смотрѣли, покуда у васъ алонамѣренныя мысли распространились? спросать его быть—можетъ строгіе цѣнители и судьи.

— А я, скажете, въ это время у Матрены Ивановны пироги съ грибами ѣлъ, ибо я тоже обязанъ и о соединеніи общества подумать.

— Правда. Ну, а гдѣ вы были въ то время, какъ у васъ въ оковскомъ уѣздѣ нѣкоторый продераостивый нахаль на полной сходкѣ утверждалъ, что словесное производство лучше безсловеснаго?

— А я въ это время у себя въ кабинетѣ на приговорахъ уголовной палаты «согласенъ», «согласенъ», «согласенъ» писалъ!

— Правда.

Такого рода разговоръ можно бы продолжать хоть до завтра, и все-таки въ результатѣ ничего иного не выйдетъ, кромѣ : правда, правда и правда.

Признаюсь, еслибъ я былъ губернаторомъ, я отиудь не затруднился бы никакимъ вопросомъ. Я бы заранѣе для себя такой катихизисъ составилъ, въ которомъ начертилъ бы простодушные, но дышашіе истиной отвѣты на всевозможные вопросы.

Вопр. Это что?

Отв. Не разорваться же мнѣ!

Вопр. А это что?

Отв. А это правитель канцеляріи напуталъ!

Вопр. Ну, а это что?

Отв. Гм... это? Помнится, что я посылаю туда своего чиновника, а онъ ничего не сдѣлалъ! и т. д. и т. д.

Дѣла пошли бы у меня какъ по маслу, — начальство было бы довольно, я былъ бы правъ, а обыватели славословили бы имя мое.

Размысливъ все это, я почувствовалъ себя облегченнымъ; идея объ отвѣтственности уже не лежала тяжелымъ камнемъ на сердцѣ; призракъ слаботяннутой административной возжи не тревожилъ воображенія. Очевидно весна подѣйствовала благотворно; я даже непрочь былъ отвѣдать грибовъ.

— Однако вы несправедливы, пустынный! молвилъ я, покоряясь новому порядку идей.

— Въ чемъ же, сударь?

— Намеднись я былъ у него по дѣламъ... Только, знаете, слово за слово, онъ мнѣ и открылся: повѣрите ли, говорить, Николай Ивановичъ, вотъ третій вицмундиръ приходится бросить, съ тѣхъ поръ какъ эти слухи пошли! Такъ вотъ оно что!

— Чтожъ, потомъ чтоли оно изъ него выходитъ?

— Смѣйтесь тамъ или не смѣйтесь, а что человекъ скорбитъ — это вѣрно!

— Гм... да... чай расходъ на одежду большой?

Мнѣ стало обидно и больно.

— Пустынный! сказалъ я серьезно: — поймите, что это

дѣло совѣтъ не шуточное! Вѣдь мы всё, сколько насъ пи есть, должны будемъ такъ—сказать сократиться... исчезнуть...

— Скорблю! вздохнулъ пустынный.

— Виѣсто того чтобъ смѣяться другъ надъ другомъ, намъ надлежало бы соединиться!

— О семь мечтаю и всечасно сего желаю!

— Вотъ у Ивана Николаича восемь дочерей невѣсть: вѣдь ему и съ дочерьми исчезнуть придется!

— Яко исчезаетъ дымъ да исче—е—езнуетъ! затанулъ пустынный.

— Намеднись я у Семена Петровича былъ; онъ тоже говорить: чтó я съ этой устностью буду дѣлать?

— Куда прочіе, туда и онъ!

— Да вѣдь люди—то какіе!

— Люди отъѣнные!

— И всѣхъ вотъ словно холерой постѣкло! Вѣдь мухъ зла не слѣдали! Иванъ—то Николаичъ курицы въ супу не съѣсть безъ того, чтобъ не сказать: «Вотъ курочка! Кабы не плотоядность человѣческая, клевала бы ты да клевала теперь по зернышку!»

— Что и говорить!

— А вы еще обвиняете!

— Постой! Я въ чемъ обвиняю? Я въ томъ, сударь, и обвиняю, что много въ васъ добродѣтели этой развелось... да! Возьмемъ хоть губернатора: сажаетъ это всякаго, руку подаетъ — пристойно ли? Нѣтъ, вотъ я съ предмѣстникомъ его хлѣбъ—соль важивалъ, такъ тотъ и слово—то молвить бывало, такъ словно укусить того—гляди! Видѣ—отъ одинъ дикій что предвѣщалъ!

— Однако какъ же руки не подать? согласитесь!

— Да такъ: не подавай да и шабашъ! Иной еще такой озорникъ выищется: ты ему руку подашь, а онъ на нее плюнетъ!

Признаюсь, это предположеніе совѣтъ сшибло меня съ ногъ своею непредвидѣнностью. Во все время моеи административной карьеры ничего подобнаго не приходило мнѣ на мысль — и вдругъ!..

— А ну, если и въ самомъ дѣлѣ плюнетъ? подумалъ я.

Вся кровь во мнѣ закипѣла; я явственно слышалъ какъ внутри меня разомъ поднялись тысячи голосовъ, которые кричали: въ острогъ! въ острогъ его!

— Такъ-то вотъ, сударь! Дѣло-то оно съ маленькаго начинается: тамъ посадишь, тамъ погладишь, анъ онъ ужъ и думаетъ, что и завсегда его сажать да гладить слѣдуетъ... Черти!

— Да вѣдь велѣно! сказалъ я голосомъ полнымъ отчаянія: — кому бы охота, кабы не велѣно!

— А коли велѣно, такъ стало-быть и шабашъ!

Мы умолкли; часы заунывно простонали двѣнадцать. Странное дѣло! я еще не завтракалъ, а между тѣмъ былъ такъ сытъ, какъ-будто цѣлаго осетра одолѣлъ.

— Сколько добродѣтельныхъ людей чрезъ это самое погибнуть должны! промолвилъ пустынный.

— Можетъ-быть и я! подумалъ я.

— Можетъ-быть и я! подумалъ пустынный.

Въ это время, неся подносъ и гремя тарелками, влетѣлъ въ комнату прислужникъ въ длинномъ кафтанчикѣ на манеръ ополченскаго. На подносѣ красовались вещи знакомыя, но вѣчно милыя: янтарный балыкъ, свѣжая икра, духовая осетрина, копченныя стерляди и проч.

— Ну, мы добрѣ побесѣдовали; теперь потрапезуемъ!

— Нѣтъ, нѣтъ! ужъ увольте! я сытъ!

— Чѣмъ же сытъ? развѣ у кого потрапезовалъ?

— Нѣтъ, ни у кого! Я... я просто сытъ...

— Гм... оно и вправду... какая нынче ѣда!

— Какая ѣда! повторилъ я машинально.

— Не о хлѣбѣ единомъ... такъ-то!

— Прощайте, пустынный!

— Куда же?

— Да надобно бы... тово...

Я хотѣлъ было сказать, что надобно бы распорядиться, но вспомнилъ, что все уже кончено, что зараза уже совершаетъ развѣдающій кругъ свой, — и заппулся.

— Нѣтъ, ужъ прощайте!

— Ну, прощай, сударь, прощай! Я-то съ своими справлюсь; вотъ вы-то какъ?

Я взялся за шляпу и спѣшилъ уйти. Слова пустытника дали мнѣ; никогда я не понималъ такъ отчетливо, что все кончено, никогда будущее не представлялось мнѣ въ такомъ черномъ цвѣтѣ.

— Зараза! думалъ я, возвращаясь домой: — зараза!

И такимъ образомъ , погибая отъ думы , я пробылъ въ этотъ день невеселѣе.

II

ОБѢДЪ

Бьютъ четыре часа ; дѣла покончены , пора обѣдать. Впереди еще остался цѣлый день , пустой и длинный день... Куда дѣваться ? Куда дѣваться такъ , чтобъ уйти отъ политическихъ соображеній , не слышать политическихъ вздоховъ , не видать политическихъ взоровъ ? Свиданіе съ пустыннымъ положительно разстроило меня. Представьте себѣ , что когда секретарь принесъ мнѣ къ подпису бумаги , то я вмѣсто своей фамилии вездѣ подписался : «зараза» , «зараза» , «зараза»... Хорошо , если ни одна изъ этихъ бумагъ не отправлена по начальству , а то вѣдь отъ этихъ приказныхъ станется , что и нарочно пошлютъ — каковъ тогда срамъ !

Куда дѣваться ? Дома оставаться нельзя , во первыхъ потому , что дома нечего дѣлать , а во вторыхъ и потому , что мы положительно не привыкли къ уединенію. Какъ только останешься одинъ , такъ вотъ тебя и томить , такъ и сосеть что-то : десятки да двойки въ глаза мечутся , нагія плечи , розовыя улыбки , французскія рѣчи такъ и тревожатъ воображеніе... Правду говорилъ пустынный , что въ уединеніи черти посѣщаютъ.

— Не зайдете ли къ намъ отобѣдать ? вдругъ раздался подъ окномъ моимъ ласковый голосъ , и вслѣдъ затѣмъ показался украшенный брилліантовымъ перстнемъ палецъ , который легонько постукивалъ по стеклу.

И палецъ , и перстень принадлежали генералу Голубчикову. Разумеетсяъ я поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ съ благодарностью.

Генералъ Голубчиковъ — тотъ самый предсѣдательствующій старецъ , у котораго восемь дочерей. Онъ любитъ и видимо ласкаетъ меня , потому что полагаетъ , что изъ всего этого выйдетъ гименей. Быть-можетъ это предположеніе и не лишено основанія , однако я еще крѣплюсь : пускай , думаю , старикъ покоивтъ !

Генералъ — очень малевый и частенький старичокъ. Когда онъ бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, мы называемъ его мышиннымъ жеребчикомъ, когда же въ мрачномъ (а это случается всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь объ уничтоженіи откуповъ), то каримъ мериномъ.

— Господа! сегодня нашъ генералъ въ образѣ мышиннаго жеребчика! раздается въ одномъ концѣ комнаты, какъ только онъ войдетъ.

— Нѣтъ, онъ сегодня въ образѣ каряго мерина! раздается въ другомъ концѣ.

И такимъ образомъ шутки идутъ непрерываясь, но шутки безобидныя, незлостныя, доказывающія лишь наше расположеніе къ милому генералу.

Увы! я не могу не сознаться, что съ нѣкотораго времени генералъ почти постоянно является въ образѣ каряго мерина. Глаза его тусклы, носъ какъ-то раздался вширь и вытянулся, словно хочетъ слиться съ мясистыми губами; въ звукахъ его голоса слышится нѣчто похожее на томное, разслабленное ржаніе; однимъ словомъ по всему видно, что его насквозь пронизываютъ заботы о любезныхъ восьми дочеряхъ.

Какъ и всѣ мы, генералъ гостеприимецъ, но въ немъ это гостеприимство усугубляется вѣчно присущимъ воспоминаніемъ о дочеряхъ. Милые птенцы! имъ необходимы развлеченія, имъ нужно общество, имъ нужны наконецъ женихи! Рассказываютъ, будто его зятьямъ не житье, а масляница: я этому очень вѣрю. Я самъ, неоднократно обѣдая у генерала, замѣчалъ какихъ-то двоихъ господъ, которыхъ генеральша разъ навсегда рекомендовала мнѣ такъ: мужа моихъ двухъ старшихъ дочерей (эти дочери были выданы замужъ еще до возникновенія слуховъ объ уничтоженіи откуповъ). Господа имѣли видъ здоровый, ѣли за обѣдомъ съ двоякимъ апетитомъ, и никто имъ въ этомъ не препятствовалъ ни косвенными взглядами, ни тонко брошеннымъ намекомъ на то, что вотъ дескать есть люди на свѣтѣ, на которыхъ и пропасти нѣтъ. Напротивъ того, мнѣ даже достовѣрно извѣстно, что этихъ господъ не только поить и кормить, но даже одѣваютъ, обуваютъ и обмываютъ. По этому случаю ихъ въ нашемъ обществѣ называютъ въ шутку вземными мужьями.

— Да поскорѣе! весело торопилъ меня генералъ, покуда я облакался въ сертукъ: — вы можетъ-быть не слышали еще, что

сегодня у насъ по налатѣ распоряженіе получено, которое даетъ основаніе заключить, что откупа остаются на неопредѣленное время... да!

— Ну вотъ и слава-богу! отвѣчалъ я такъ же весело. Съ одной стороны меня радовала мысль, что хоть на этотъ разъ я убѣгу отъ политики, съ другой стороны я все-таки невольно говорилъ самъ себѣ: пускай старикъ поконитъ! пускай его!

Я вышелъ; мы поздоровались.

— Представьте какъ все это неожиданно вышло: сдвигъ ны сегодня въ налатѣ и по обыкновенію разсуждаемъ о томъ, что ожидаетъ впереди нашу матушку Русь православную, какъ вдругъ приходитъ пакетъ. Раскрываю — и чтоже напримѣръ вижу? «Снисходя, говорить, къ ходатайству грека Мерзконоаки, оставляемъ...» ну, однимъ словомъ оставляемъ, да и все тутъ!

Генералъ хихикнулъ, какъ-будто его кто-нибудь печально щекотнулъ пальцемъ подъ мышкой.

— Ну и слава-богу! повторилъ я.

— Я впрочемъ заранѣе зналъ, что это такъ будетъ! Да оно, коли ховите, и неправдоподобно! Не было еще примѣровъ въ исторіи, чтобъ правительство просвѣщенное добровольно отказывалось отъ такихъ полезныхъ сотрудниковъ.

— Да, объ нихъ именно можно сказать, что это истинные вѣрноподавныя!

— Это такъ. Потому живутъ смирно и никого не задѣваютъ!

— Мало того, что не задѣваютъ, но всегда такъ-сказать на общую пользу стремятся!

— И это опять-таки именно такъ. Ктò во время послѣдней войны неестественныя суммы, съ явнымъ для себя ущербомъ, на торгахъ набавилъ?

— Мерзконоаки в Лампурдось!

— Ктò нашего губернатора изъ бѣды выручилъ, когда вельно было женскія училища вездѣ заводить?

— Лампурдось и Мерзконоаки!

— Ктò обществу угодилъ, когда оно постоянный театръ видѣть пожелало?

— Лампурдось, Лампурдось и Лампурдось!

— Какъ вспомнишь да соединишь все это въ одинъ фокусъ, такъ оно денегъ-то и многовко выйдетъ!

— Что ужъ и говорить!

— А вѣдь ничъ точно съ деньгами-то чай жалъ расставаться-то! А вѣдь они даже вида этого не подадутъ, что жалъ! А вѣдь у нихъ только и словъ, что «сейчасъ» да «съ нашими удовольствіемъ!» Самый то-есть кроткій, безотвѣтвый народъ!

Такимъ образомъ, слово Лампурдеса, мы дошли до самой квартиры генерала. Столъ былъ ужъ накрытъ и насъ встрѣтила въ залѣ сама Прасковья Петровна, которая привѣтствовала меня самымъ утонченнымъ образомъ. За нею стояла Nathalie, та самая, на которую старики Голубчины наиболѣе рассчитывали въ отношеніи гименея. Я взглянулъ на нее, и какъ какъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, то мнѣ опять пришло на мысль: пускай старикъ покопится! пускай!

Надобно сказать правду, что въ наружности Nathalie было нѣчто двойственное. Когда она имѣла основаніе надѣяться и чувствовала себя счастливою, то была похожа на мать и могла нравиться; когда же сладкія надежды гименея покидали ее и будущее покрывалось чернымъ флеромъ, то была похожа на отца, и нравиться не могла. Сколько разъ бывало, видя ее въ этомъ послѣднемъ образѣ, я съ досадою восклицалъ: отъ ужъ этотъ мнѣ карій меринъ! даже хамелеонство свое проклятое потомству передалъ! Однако дѣлать было нечего.

На этотъ разъ Nathalie была похожа на отца. Вообще съ нѣкотораго времени на всемъ домѣ генерала лежала словно опала какая-то. Неговоря ужъ объ немъ самомъ, все семейство его очевидно скорбѣло. Прасковья Петровна, несмотря на утонченную свѣтскость манеръ, предписывающую выказывать какъ можно больше равнодушія къ житейскимъ мелочамъ, безпрестанно прорывалась. То не донесетъ до рта ложки съ супомъ, и съ крикомъ: «ахъ, это ужасно!» положить ее опять въ тарелку; то потянется, чтобъ достать соли, но на обратномъ пути почувствуетъ дрожаніе въ рукѣ и разсыплетъ свою ношу на столъ и т. д.

— Хоть неѣвши сиди! говаривалъ мнѣ иногда генералъ, съ полными глазами слезъ.

Да, политическіе кризисы ужасны; они возбуждаютъ чувства и уничтожаютъ апетитъ. Но еще чаще бываетъ такъ, что апетитъ остается прежній, а органы, долженствующие служить ему, внезапно, вслѣдствіе какихъ-то мелкихъ политическихъ соображеній, отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей. Несноснѣе этого положенія ничего быть не можетъ. Чело-

вѣтъ, постигнутый такимъ несчастіемъ, постепенно диня и выцвѣтая, дѣлается наконецъ способнымъ только ронять ножи и вилки, которыя, какъ орудія ѣды, во всякое другое время могли бы доставить ему полное удовольствіе. Только во время глубокаго мира, когда политическій горизонтъ совершенно безоблаченъ, можно найти полную гармонию между аппетитомъ и чувствами; только тогда они пополняютъ и даже такъ-сказать подстрекаютъ другъ друга: чувства рождаютъ новый аппетитъ, аппетитъ рождаетъ новыя чувства. Веселіе и пріятнѣе этого положенія нельзя себѣ ничего вообразить.

— А я, ма сѣге, пріятную новость принесъ! началъ генераль.

— Ну вотъ и прекрасно! А то, признаюсь вамъ, Николай Ивановичъ, даже противно жить стало: кругомъ все тодько пошлости одинъ слышишь!

— Да вы спросите напередъ, какую новость-то! сказалъ я, желая нѣсколько помучить генеральшу: — вѣдь дозволено оглашать всѣ злоупотребленія... и съ именами, Прасковья Петровна, съ именами-съ!

— Да кому же и гласное судопроизводство вводится! брякнулъ за мной генераль, любезно подмигивая мнѣ.

Но генеральша не могла видѣть подмигиванья, потому что съ ней сдѣлалось дурно. Разумѣется генераль струсиль и засуетился около нея; онъ безпрестанно хлопалъ ей по ладони и нѣжнымъ голосомъ ворковалъ на ухо:

— Ма сѣге! я пошутилъ! Этого не будетъ! этого никогда не будетъ! Напротивъ того, откупа продолжены, а типографіи всѣ до одной закрыты!

— А! слабо вскрикнула Прасковья Петровна.

Признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ слово «откупъ» заключало въ себѣ такую магическую силу. Конечно, всѣ мы, члены великой отечественной консервативной партіи, чувствуемъ искреннюю преданность къ откупщику, но это все-таки не мѣшаетъ намъ сохранять нѣкоторый десогизмъ въ выраженіи чувствъ нашихъ. Со стороны генеральши подобный поступокъ могъ быть объясненъ только силою материнскихъ чувствъ и деликатностью женскихъ нервъ.

— Машап всегда такъ! Когда рара въ первый разъ получилъ извѣстіе, что откупщиковъ всѣхъ выгоняютъ, то она по пяти

разъ въ день въ обморокъ падала! сѣискала мнѣ на ухо Nathalie.

— Какая однако милая дѣвушка! подумалъ я.

— Потомучто вѣдь намъ нельзя, продолжала Nathalie: — у рара денегъ не будетъ, если откупщиковъ выговять.

— Ну, деньги-то у рара пожалуй и теперь есть! подумалъ я.

Между тѣмъ генеральша оправилась совершенно; она ужъ шутила и даже пребольно выдрала генерала за ухо за его неумѣстную выходку.

— И вамъ бы тоже слѣдовало сдѣлать, сказала она, обращаясь ко мнѣ: — да такъ ужъ и быть, на этотъ разъ я свисходительна.

Въ глазахъ ея я прочелъ: «прощаю тебя, но сдѣлай же милость не медли: сдѣлай счастливою мою дочь!»

— Матап! вы однакожь забыли, что къ рара письмо изъ Петербурга есть? вступилась Nathalie.

— Ахъ да, дѣйствительно къ тебѣ есть письмо, Jean; enfants, apportez donc la lettre à rара!

Я совершенно согласенъ, что лучше, еслибъ этого письма совсѣмъ не было, но ужъ во всякомъ случаѣ было бы лучше, еслибъ оно пришло послѣ обѣда. Едва генераль прочиталъ нѣсколько строкъ, какъ уже позеленѣлъ отъ верхняго края до нижняго; сердца всѣхъ присутствующихъ сжались болѣзненнымъ предчувствіемъ.

— Вотъ такъ штука! сказалъ наконецъ генераль какимъ-то унылымъ голосомъ, какъ-будто всѣ внутренности его въ одну минуту отсырѣли.

Въ письмѣ было изображено:

«Нѣтъ сомнѣнія, что вы уже получили, почтеннѣйшій другъ, распоряженіе насчетъ продолженія откупной системы. Скажу безъ хвастовства: нужно было много ловкости, чтобъ при настоящемъ откупновраждебномъ настроеніи умовъ провести нашу мысль, однако мы не пощадили ни трудовъ, ни издержекъ, и провели. Но не спѣшите радоваться, ибо радоваться въ наше время столь же несовѣстно, какъ и мечтать о временахъ пелавняго, но увы! невозвратимаго отечественнаго благополучія. Едва успѣли мы покончить, какъ противная партія уже ударила въ набатъ. Что говорилось и писалось по этому случаю, того бу-

нагъ довить не могу, однако полага руку на сердце скажу: уши вянуть! Подобно злымъ и неотвязнымъ шавкамъ набросались школяры на нашъ проектъ, и неистовымъ своимъ крикомъ (именно однимъ крикомъ) успѣли—таки поколебать величественное зданіе его.

«Мы стояли на твердой почвѣ и упирались въ казенный интересъ; противники наши приводили возраженія мечтательныя и опирались на требованія нравственности. «Нравственность — говорили мы — есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ объ интересѣ казны и славѣ любезнаго отечества» (вамъ должно быть по опыту извѣстно, почтеннѣйшій другъ, что слава безъ денегъ мертва есть). — «Интересъ казны — возражали наши противники — есть вещь второстепенной важности, когда дѣло идетъ о нравственности.» И такимъ образомъ сговориться никакъ не могли, тѣмъ болѣе что и самое преніе какбы о томъ только шло, чтобы сказуемое намѣсто подлежащаго поставить, а подлежащее намѣсто сказуемаго. Все сіе было бы смѣшно; еслибъ не заключало въ себѣ, какъ въ зернѣ, зачатка самыхъ горькихъ послѣдствій. Границы россійскія, какъ вамъ извѣстно, обширныя, — войска требуется пропасть; народъ русскій многочисленъ и склоненъ къ увеселеніямъ — полиціи требуется пропасть — всего и не перечесть... Съ одной стороны обширность, съ другой лѣсисость и малообработанность — вотъ положеніе нашего любезнаго отечества въ финансовомъ, экономическомъ и административномъ отношеніяхъ! Дочинѣ все это шло, все это удовлетворялось: обширность была обезпечена, лѣсисость уничтожалась, къ воздѣлыванію полей принимались мѣры. Откуда извлекались средства для всего этого? спрашиваю я васъ. Откуда, какъ не изъ откуповъ? Они представляли и для государства и для общества убѣжище постоянное и непоколебимое; они изображали собой шкатулку, въ которую всякій достойный гражданинъ свободно запускалъ руку, безъ опасеній завязать ее. Тутъ была цѣлая государственная теорія, намѣсто которой нынѣшніе мечтатели предлагаютъ что? Предлагаютъ нравственность!.. Скучно слушать! И тѣмъ менѣе побѣдили! Откупа окончательно и безвозвратно уничтожены...

«Не могу по этому случаю не выразить моего искренняго сожалѣнія о васъ и о всемъ вашемъ почтенномъ семействѣ. Знаю по себѣ, что подобные удары переносить не легко, по ду-

маю, что упованіе на милость божію и въ семь крайнихъ случаевъ не оставить васъ. Оно одно...

И т. д. и т. д.

Подписалъ : « Георгій Лампурдосъ ».

Описать сцену ужаса и смятенія, которая произошла вслѣдствіе чтенія этого пасьяма, я не въ силахъ. Скажу одно: лица у дочерей невѣсть вытанулись, и на лицахъ этихъ я очевъ яственно могъ прочесть, что женихи улетѣли. Наемные мужья, пользуясь общей суматохой, незаметно удрали. Генераль, вдругъ преобразившись въ каряго мерина, шагаль по комнатѣ и безпрестанно повторялъ, что жизнь есть обманъ. Генеральша, едва замѣтно вздрагивая ноздрями, возражала, что жизнь есть совсѣмъ не обманъ, а что напротивъ того, дураки сами во всемъ виноваты.

— Представьте себѣ, Николай Ивановичъ! сказала она, обращаясь ко мнѣ: — даже въ дѣтихъ эта зараза дѣйствуетъ! Намеднишь, на балѣ у Пеструшкиныхъ, подходитъ мой Иванъ Николаичъ къ сыну Шалимова, гимназисту, и хочеть, знаете, по щечкѣ его потрепать... Только какъ бы вы думали, что этотъ мальчишка сдѣлалъ? Повернулся эдакъ къ нему спиной, да говорить: я, говорить, съ вами незнакомъ, потому что вы откупа защищаете!

— Все...

— Нѣтъ, да каковъ клопъ! Вѣдь отъ земли не видать, букашка, а туда же въ политику лѣзеть!

— Скажите пожалуста!

— Право! Какъ же теперь можемъ мы жаловаться, когда ужъ дѣтей своихъ не умѣемъ въ истинныхъ правилахъ воспитать! Когда мы сами вездѣ кричимъ: откупа гадость! крѣпостное право мерзость! Ну и докричались!

— Я, па сѣге, никогда ничего подобнаго не кричалъ! отозвался генераль.

— Ахъ отстань пожалуста! Не объ тебѣ и говорить!

— Я положительно отъ того терплю, что жизнь есть обманъ! приставалъ генераль.

— Да отстань же сдѣлай милость! Развѣ кто-нибудь съ тобой объ этомъ спорить!

— Я положительно утверждаю, что жить въ настоящее время не только гадко, но и не безопасно.

Генеральша жемала плечами.

— Взгляните въ микроскопъ на каплю воды — вы увидите, что инфузоріи съ жадностью пожирають другъ друга! Взгляните на нашъ человѣческій міръ даже безъ увеличительнаго стекла — вы увидите, что люди съ такою же жадностью пожирають другъ друга, какъ и безмысленныя инфузоріи.

— Mais qu'est-ce qu'il a donc? сказала генеральша, съ спокойствомъ глядя на мужа.

— Я положительно удостовѣрю, что Лампурдосъ подлець! провозгласилъ генераль торжественно.

Генеральша вскочила со стула и вся перепуганная устремилась къ мужу.

— Jean! что съ тобой, другъ мой? сказала она.

— Грекъ Лампурдосъ подлець, потомучто лишилъ меня аппетита! Грекъ Лампурдосъ подлець, потомучто не будь его поганого письма, я былъ бы въ настоящую минуту счастливъ! Вотъ все что я желалъ сказать!

Генераль заплакалъ.

— За докторомъ! ради-бога за докторомъ! вскрикнула встревоженная генеральша.

— Меня ни одинъ докторъ лечить не станетъ! продолжалъ жаловаться генераль: — мнѣ даже крошка-Шалимовъ въ глаза сказалъ, что я ретроградъ... да! О, еслибъ я былъ либераломъ! Я былъ бы теперь здоровъ, и всякій докторъ согласился бы лечить меня съ удовольствіемъ!

Генеральша металась; малыя дѣти взвизгивали и машинально хватались за фалды генерала, словно боялись, что онъ улетитъ... Смутно стало на душѣ моей. Съ одной стороны мнѣ представлялся вопросъ: неужели я и обѣдать сегодня не буду? съ другой стороны, взирая на генерала, я невольно говорилъ самъ себѣ: ну нѣтъ, братъ! копить ты ужь больше не будешь!

— Кушать подано! гаркнулъ въ это время лакей.

Никто не тронулся.

— La soupe est sur la table, maman! робко подсказала Nathalie, которая, надо сказать правду, и въ мирное и въ смутное время кушала съ одинаковымъ аппетитомъ.

Но генеральша такъ строго взглянула на дочь, что та навѣрное откусила себѣ языкъ.

Я увидѣлъ, что надеждамъ моимъ суждено разлетѣться въ прахъ, взялся за шляпу и посѣвшилъ уйти. На другой день весь

городъ зналъ, что генералъ лишился разсудка, что онъ безъ умолку говоритъ какія-то странныя рѣчи, упоминаетъ о грѣшѣ Лампурдосѣ и грозитъ дѣтямъ, что если они будутъ дурно учиться, то онъ отдастъ ихъ въ ретрограды, а самъ останется въ либералахъ и будетъ носить бѣлый колпакъ.

III

НА БАЛѢ

Въ бывалыя времена, когда губернаторша желала повеселить себя и своихъ demoiselles, то просто говорила губернатору:

— Губернаторъ! чтоже ты не прикажешь откупщику балъ дать?

— Можно! отвѣтствовалъ обыкновенно губернаторъ, и тотчасъ же посылалъ за откупщикомъ.

— Балъ? вопрошала губернаторъ.

— Можно—съ, отвѣтствовалъ откупщикъ.

И дѣло устроивалось легко, просто и умиительно. Губернаторъ оставался доволенъ, что онъ далъ возможность откупщику повеселиться; откупщикъ оставался доволенъ, что онъ хотя на нѣсколько часовъ могъ послужить въ нѣкоторомъ смыслѣ административнымъ орудіемъ для соединенія общества.

Нашъ глуповскій губернаторъ не дальнозорокъ (употребляю это слово не въ обилномъ для этого сановника смыслѣ, но просто желая выразить, что онъ близорукъ). Помѣщики знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; чиновники знаютъ это и говорятъ: «это ничего»; наконецъ мѣстные либералы знаютъ это и говорятъ: «это ничего». Для всѣхъ «ничего», — стало-быть очень хорошо.

Съ своей стороны скажу: это хорошо, именно потому, что это «ничего». Горе тому граду, въ которомъ «князь» юнъ, усерденъ по службѣ и не чуждъ разговоровъ о прогрессѣ. «Князь» можетъ забрать себѣ въ голову, что онъ благонамѣреннѣйшій и образованнѣйшій человекъ, и чортъ знаетъ чего надѣлаетъ! Почнетъ купцовъ за бороды трести, а помѣщикамъ реприманды дѣлать, почнетъ женскія гимназій устроить, почнетъ заботиться

о распространеніи обществъ трезвости... однимъ словомъ учредить нѣчто вродѣ временнаго землетрясенія.

Нашъ начальникъ края принадлежитъ къ такъ-называемой старой школѣ. Онъ управляетъ съ прохлагою, любитъ поѣсть, поить и поврать съ барынями, о прогресѣ же не имѣетъ никакого понятія. Зато чиновники боготворятъ его, зато помѣщики безпрестанно зовутъ его къ себѣ откушать, зато откупщикъ устрояетъ въ честь его обжорныя торжества и говоритъ на нихъ благодарственные речи, въ которыхъ сравниваетъ его съ Минервою; зато землетрясенія ни временнаго, ни постоянного у насъ нѣтъ и не бывало. Зато онъ пріѣхалъ къ намъ на губернію худенькій и мизерненькій, а въ два года отѣлся такъ, что сдѣлался совершенной кубышечкой, и только послѣднія моральныя потрясенія возвратили его къ первоначальной худобѣ и мизерности.

На дняхъ какъ-то губернаторша, по старой привычкѣ, обратилась къ мужу съ обычнымъ вопросомъ относительно устройства какого-либо увеселенія.

— Губернаторъ! сказала она: — ты забываешь, душа моя, что откупщикъ ужъ третій мѣсяцъ ничего не дѣлаетъ!

— Мож... отвѣчалъ было губернаторъ, но потомъ спохватился, и махнувъ рукою, прибавилъ очень рѣшительно: — нельзя!

— C'est inconcevable! сказала губернаторша.

— Чего тутъ «inconcevable!» запальчиво возразилъ губернаторъ: — ты знаешь ли, сударыня, что за нами съ тобой нынче тысячи глазъ наблюдаютъ?

Въ это время маленькій Володя (сынокъ ихъ превосходительствъ) навелъ на шапанъ свое зеркальце (на дѣтскомъ языкѣ это называется *устроить зайчика*), и отраженіе свѣта на минуту ослѣпило глаза ея. Губернаторша подумала, что это смотрятъ тѣ самые тысячи глазъ, о которыхъ только-что упомянулъ губернаторъ.

— Во всякомъ случаѣ хоть намъ самимъ да слѣдуетъ что-нибудь устроить! сказала она: — вѣдь это невозможно: Aglaé и Cléopâtre (pauvres petites!) совсѣмъ никакихъ развлеченій не имѣютъ!

— Я самъ объ этомъ... да! надо положить конецъ этимъ распрямъ, надо соединить обѣ партіи! пробормоталъ губернаторъ, какбы обдумывая нѣчто грандіозное.

— Ну вот и прекрасно! Кстати же, мы такъ давно не доставляли никакихъ удовольствій обществу!

Слово «партии» не ново въ провинціи, но значеніе его на нашихъ уже глазахъ совершенно измѣнилось. Въ прежнія времена у насъ обыкновенно свирѣпствовали двѣ партии: стараго предводителя дворянства и новаго предводителя дворянства. Обѣ партии исключительно занимались тѣмъ, что объѣдали и опивали своихъ патроновъ и бушевали на выборахъ, кладя имъ шары направо, поднося имъ шары на блюдѣ и вообще оказывая самые разнообразныя знаки всевозможной преданности. Тутъ борьба не имѣла никакого политическаго оттѣнка, тутъ дѣло шло единственно о томъ, кто кого перекормить. И, Господи! что за объѣды, что за объѣды происходили изъ этого благороднаго соревнованія! Петръ Петровичъ шесть недѣль спавиваетъ съ круга какого-то благо рожденнаго телянка, хохлитъ и ублажаетъ нѣкоторую необычайную свинью; бѣлые какъ снѣгъ поросята визжать и мнутъ отъ желудочныхъ болѣй, слѣдствія неслыханнаго обжорства... Партия Петра Петровича притаила дыханіе, взирая на эти приготовленія, и заботится только о томъ, чтобъ Иванъ Яковлевичъ какъ-нибудь не пропалъ объ нихъ и не успѣлъ отразить ударъ чѣмъ-нибудь въ томъ же родѣ. Но Иванъ Яковлевичъ тоже не промахъ; съ помощью преданныхъ ему клеветовъ онъ зорко слѣдитъ за своимъ противникомъ, и въ то время какъ тотъ торжествуетъ мысленно побѣду, онъ наноситъ ему ударъ въ самое сердце, посылая въ Москву за такою провизіей, о которой мудрецамъ глуповскимъ и во снѣ не снилось.

— Фазановъ! фазановъ! фазановъ! кричитъ онъ восторженно и отъ нетерпѣнія даже подпрыгиваетъ.

И вотъ черезъ какой-нибудь день послѣ объѣда у Петра Петровича, гдѣ гости до оглушенія объѣдались неслыханными колбасами и чудодѣйственною телятиной, устраивается объѣдъ у Ивана Яковлевича, гдѣ гостямъ предлагаютъ фазановъ и тончайшее вино въ бутылкахъ съ золотыми ярлыками... Чудное время! гдѣ ты?

Мы, предержавшія власти, а также тѣ изъ благоразумныхъ людей, которые находили для себя выгоднымъ равно уважать и Петра Петровича, и Ивана Яковлевича, — мы съ одинаковымъ

рвеніемъ ѣли и у того и у другого. Мы ѣли и радовались, что въ отечествѣ нашемъ процвѣтаетъ гостепріимство, что въ отечествѣ нашемъ откармливаются такіа неслыханныя стынны, и что это не мѣшаетъ фазанамъ населять отечественныя лѣса, безпечно перелетая съ одной вѣтки на другую. Души наши ничѣмъ не возмущались, ибо мы были чисты; сердца наши стучали въ груди ровно, ибо мы были пьяны: понятно, какое благотворное вліяніе оказывало это обстоятельство на дѣла.

Увы! партій остались, но это партій такъ—сказать голодные. Нынѣче не ѣдятъ и не пьютъ, но разговариваютъ. Порою кажется, что міръ долженъ потонуть въ потокѣ словесъ, стонозъ и восклицаній. Завелись ретрограды, завелись либералы красные, либералы умѣренные, завелись даже такіе люди, которые соглашаются и съ одними, и съ другими, и съ третьими, и надѣются пройти какъ—нибудь посередкѣ (не потомуки ли это тѣхъ доблестныхъ мужей, которые во времена оны обѣдывали и у Петра Петровича, и у Ивана Яковлевича?) И, странное дѣло! прежніе люди партій, встрѣчаясь въ обществѣ, все-таки подавали другъ другу руки и даже взаимно другъ у друга обѣдывали; нынѣшніе не только взаимно не угощаются (и самимъ—то видно перекусить вечего!), но даже выказываютъ другъ другу совершенное презрѣніе, выражая оное шлепками, пощечинами и плеваніемъ въ глаза... Вотъ какъ ожесточилось человѣчество въ какіе—нибудь два года!

У насъ въ настоящее время двѣ партіи: ретрограды и либералы (разумѣется умѣренные). Представителемъ первыхъ служитъ Сидоръ Петровичъ (сынъ Петра Петровича), представителемъ послѣднихъ — Эмманюель Ивановичъ (сынъ Ивана Яковлевича). Чего хотятъ ретрограды, чего добиваются либералы — понять очень трудно: съ одной стороны ретрограды кажутся либералами, ибо составляютъ оппозицію, съ другой стороны либералы являются ретроградами, ибо говорятъ и дѣйствуютъ такъ, какъ бы состояли на жалованьи. Повторяю: понять очень трудно. Если же захотѣть объяснить, какой смыслъ имѣетъ у насъ слово «оппозиція», то навѣрное въѣдешь въ такой дремучій лѣсъ, изъ котораго потомъ и дороги не найдешь. Скажу одно: если гнаться за опредѣленіями, то первую партію всего приличнѣе было бы назвать ретроградною либераліей, а вторую — либеральною ретроградіей.

Нашъ начальникъ края искренно сокрушался, взирая на всѣ эти раздоры.

— Ахъ, mon cher, неразъ говаривалъ онъ мнѣ: — мнѣ хотѣлось бы, чтобъ все это было полегче да потише...

Желаніе исполнѣ законное. По мнѣнію его благосостояніе губерніи было нарушено, ибо благосостояніе это тогда только возможно, когда помѣщики совершенно довольны. Сколько положилъ онъ труда, чтобъ умирить враждующія стороны! Сколько истинно-сводническихъ способностей выказалъ онъ, перебѣгая изъ одного лагеря въ другой и успѣвая пошептаться а part со всякимъ изъ враждующихъ членовъ! И все вотще! Члены, вмѣсто исполненія его желанія, показывали ему языки (да, нынче и это дѣлается!) и даже съ дерзостью замѣчали, что онъ суется не въ свое дѣло. Балъ представлялся послѣднимъ, крайнимъ средствомъ для сближенія враговъ.

— Если и послѣ того я не успѣю, сказалъ начальникъ края, — тогда...

Онъ хотѣлъ сказать: «тогда выйду въ отставку», но запнулся и подумалъ: «тогда... я останусь на службѣ попрежнему!»

Когда мы пріѣхали, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Волнующееся море танцующихъ пестрѣло самыми яркими и разнообразными цвѣтами; дамы граціозно колыхались; кавалеры напоятывали любезности и выдѣлывали такіе па, которые положительно доказывали, что они съ честью выдержали весь курсъ петербургскихъ шицбаловъ. Въ одномъ углу интересная блондинка мѣла подъ звуки рѣчей мѣстнаго льва, Свербиллы-Замбрицкаго, который рассказывалъ, что вчера проигралъ въ стуколку послѣдніе пять цѣлковыхъ, что сегодня утромъ онъ успѣлъ изобличить во взяткѣ своего надсмотрщика и что однажды въ Петербургѣ въ него влюбилось разомъ пять княгинь. Въ другомъ углу очень бойкая брюнетка спрашивала своего кавалера: что вы зѣваете? Танцующихъ обступила густая толпа праздныхъ зрителей, которыхъ довольныя лица казалось говорили:

— Эге! да вѣдь это все наши!

Хорошая вещь балъ, господа, но въ особенности хорошъ балъ въ провинціи. Онъ хорошъ тѣмъ, что служитъ какбы продолженіемъ нашихъ домашнихъ дѣлъ, что никто изъ насъ не передѣлываетъ себя по этому случаю, что всѣ мы находимся

какбы въ семейномъ кружкѣ своемъ. Въ этой непринужденности отношеній есть своя особенная, неисчерпаемая прелесть. Хотя мы знаемъ другъ друга наизусть, знаемъ всѣхъ этихъ женщинъ съ благоухающими плечами и цвѣтущими улыбками, но это не мѣшаетъ намъ видѣть другъ друга каждый разъ все съ новымъ и новымъ наслажденіемъ. Причина такого явленія, я полагаю, заключается въ томъ во первыхъ, что мы сами очень ужъ милы; а вторыхъ въ томъ, что намъ не нужно много затрудняться и насиловать воображеніе, чтобъ найти предметъ для разговора. Предметы эти общи намъ всѣмъ въ равной степени, и хотя мало разнообразны, но зато прямо вытекаютъ изъ нашего существованія и потому затрогиваютъ насъ гораздо сильнѣе, нежели какой-нибудь вымученный разговоръ о преимуществѣ Тамберлика надъ Кальцоляри. Тѣ, которые распространяютъ мнѣніе о чопорности провинціальныхъ баловъ, — тѣ или клеветуютъ на провинціи, или не знаютъ сами о чемъ говорятъ или пишутъ. Да, они не видали тѣхъ подмигиваній и улыбокъ, которыя пересылаются отъ одного конца залы въ другой, они не слышали тѣхъ веселыхъ побрякиваній, которыми сосѣдъ сосѣду выражаетъ свою мысль. Чтоже касается до того, что на провинціальныхъ балахъ царствуетъ чиновочитаніе, то это и не можетъ быть иначе: чиновочитаніе существуетъ въ природѣ, а потому итъ резона не быть ему и на балахъ.

Въ самыхъ дверяхъ зала я встрѣтился съ Сидоромъ Петровичемъ, и съ перваго же взгляда убѣдился, что предпріятіе нашего почтеннаго начальника края совершенно не удалось.

— Скажите пожалуйста что это съ вашимъ префектомъ случилось? совсѣмъ чтоли онъ голову потерялъ? — обратился ко мнѣ этотъ ретроградъ.

Сидоръ Петровичъ въ шутку называлъ всѣхъ вообще губернаторовъ префектами, ибо стоялъ за selfgovernment, а централизацию признавалъ вреднымъ порожденіемъ наплыва французскихъ демократическихъ идей. Съ другой стороны Эмманюель Иванычъ называлъ всѣхъ губернаторовъ пашами, потому что былъ сторонникомъ самой строгой административной централизации и находилъ, что наше губернское учрежденіе есть горькій плодъ нашей древней азіятской распущенности.

— Развѣ что-нибудь случилось? спросилъ я.

— Чего «случилось»? Онъ кажется вознамѣрился ипшѣе потѣшить публику увеселительнымъ представленіемъ! Вообразите: вѣдь онъ выдумалъ сводить меня съ нашимъ доморощеннымъ Лафайетомъ... да вѣдь такъ и толкаетъ, такъ и толкаетъ! А тутъ ему сдуру Лампадииковъ взялся помогать: тотъ Лафайета на меня толкаетъ — чуть было носы намъ не разбили! Извольте видѣть, это у нихъ называется примирять враждующія стороны!

— Вѣроятно однакожъ его превосходительство имѣлъ при этомъ въ виду какую-нибудь благонамѣренную цѣль...

— Да чортъ его дери съ его благонамѣренными цѣлями! да какое намъ дѣло до его цѣлей!

— Однакожъ согласитесь сами, Сидоръ Петровичъ, его превосходительство, какъ начальникъ края...

— Нѣтъ, да вы представьте себѣ: вѣдь такъ и толкаетъ! такъ и толкаетъ! «Позвольте, господинъ префектъ, говорю я ему: — развѣ въ вашихъ instructions такъ написано, чтобъ толкаться? Да вы за маленькаго чтоли, или за вашего adjoint или substitut меня принимаете?» Такъ вѣдь нѣтъ, не унялся: щеко-титъ у меня подъ мышками да и полно! Насилу вѣдь освободились!

— Ахъ, какъ это неприятно! Куда-жъ вы теперь?

— Домой, батюшка, домой, и съ этой минуты на всѣ эти bals de la préfecture ни шагу! Нѣтъ, да каковъ однако? Щеко-таться выдумалъ!

— Послушайте, Сидоръ Петровичъ: вашъ отъѣздъ можетъ глубоко огорчить начальника края... Конечно, я совѣтовать вамъ не смѣю, но съ своей стороны полагалъ бы, что благоразумное списхождение и такъ-сказать покорность волѣ начальства...

Но я не успѣлъ кончить, потомучто Сидоръ Петровичъ какъ-то странно обозрѣлъ меня съ ногъ до головы и тотчасъ же началъ спускаться по лѣстницѣ. «Эге! подумалъ я, да какой же ты ретроградъ! Ты, братъ, либераль, да еще какой — въ носъ бросится!»

Между тѣмъ въ кабинетѣ его превосходительства разыгрывалась другая исторія. Начальникъ края стоялъ посреди комнаты совершенно растрепанный и застѣнчиво выслушивалъ заносчивыя рѣчи Эмманюэля Ивановича. Гости сжались и притаились; нѣкоторые изъявляли явное намѣреніе улѣзнуть, другіе попрыта-

лись къ сторонѣ, но ни одинъ не пикнулъ. Среди этой всеобщей тишины привольно было раздаваться громовому голосу нашего либерала.

— Вы обязаны были, государь мой, кричать онъ, — предварительно освѣдомиться, пріятно ли будетъ *мнѣ*... да, *мнѣ*! а не подмигивать какому-нибудь баши-бузуку Лампадикиву толкаться!

— Эмманюель Ивановичъ! повѣрьте, я никакъ не думалъ, чтобъ вы такъ горячо приняли такое дѣйствіе, которое въ сущности заключало въ себѣ лишь желаніе примирить двухъ благонамѣренныхъ согражданъ и...

— Я, государь мой, ни съ кѣмъ не ссорился! Я имѣю свои политическія убѣжденія, Сидоръ Петровичъ свои! Мы можемъ оспаривать другъ друга, мы можемъ даже враждовать, но толкать себя никому не позволимъ! *Jeu de mains, jeu de vilains*; время пашей прошло безвозвратно, государь мой! Вы должны бы болѣе другихъ помнить и понимать, что мы живемъ въ цивилизованномъ государствѣ, которое нѣкогда имѣло во главѣ своей блаженной памяти государя императора Петра-великаго и которое мы имѣемъ честь и счастье называть своимъ отечествомъ!

— Но, повѣрьте...

— Извините, мнѣ здѣсь не мѣсто!

Сказавъ эти слова Эмманюель Ивановичъ вышелъ, гордо потрясая головой. Зрители мгновенно вышли изъ оцѣпенѣнія и зажужжали какъ шмели въ рою. Всѣ до одного выражали непритворное соболѣзнованіе о нашемъ добромъ начальникѣ, который за свое усердіе и благонамѣренность вознагражденъ столь наkostнымъ образомъ. Но начальникъ стоялъ блѣдный, приложивъ палецъ къ носу и какбы въ забытіи повторялъ:

— Стало-быть толкаться нельзя... славно!

— Мое почтеніе, ваше превосходительство! сказалъ я, подходя къ нему.

— Здравствуйте! Вы слышали что онъ говорилъ?

— Отчасти, ваше превосходительство; я пришолъ ужъ на самомъ кончикѣ...

— Да, у него отличный даръ слова! я всегда это утверждалъ, и теперь утверждаю! Тотъ... Сидоръ... тотъ ничего!

Поболталъ-поболталъ руками — и дѣло съ концомъ! А этотъ... орелъ!

Я смутился; я уже надѣялся, что въ третій разъ буду свидѣтелемъ умственного разстройства.

— Онъ говоритъ, что толкаться не слѣдуетъ, это такъ! продолжалъ между тѣмъ начальникъ края: — но развѣ я толкался? Я просто хотѣлъ ихъ свести... я просто желалъ, чтобъ общество наше не помрачалось...

— Несомнѣнно, что цѣль вашего превосходительства была самая благонамѣренная...

— Не правда ли? Вѣдь я имѣлъ не только право, но и обязанность такъ поступить? Вѣдь мое назначеніе какое? Мое назначеніе быть миротворцемъ, мое назначеніе улаживать, соединить, предотвращать... а онъ говоритъ, что я толкаюсь!

Но хотя мы всѣмъ хоромъ спѣшили подтвердить, что сводить людей еще не значитъ толкаться, гармонія была уже нарушена. Губернаторъ повѣсилъ носъ, губернаторша бросала окрестъ безпокойные взоры, губернаторскія demoiselles танцую болтали руками, что случалось съ ними лишь тогда, когда ихъ волновали политическія соображенія.

— Я бы этого стараго Манюшку (презрительное отъ «Эмманюель») за ноги повѣсилъ! Просто всю семейную картину испакостилъ, подлець! — шепнулъ мнѣ на ухо тотъ самый Лампадиновъ, который помогалъ начальнику края примирять враждующія стороны.

— Я просто незнаю что дѣлать! нашоптывалъ мнѣ съ другой стороны начальникъ края: — управление губерніей сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ!

— Я полагаю, ваше превосходительство...

— Вотъ вы увидите что они на предстоящихъ выборахъ надѣлаютъ.

— Я полагаю, ваше превосходительство, что относительно этихъ обывателей надлежитъ быть строже! осмѣлился замѣтить я, возмущенный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ: — необходимо, чтобъ они всегда чувствовали руку надъ собой...

— Нельзя, mon cher! отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно: — зайдите ко мнѣ завтра утромъ, и я объясню вамъ подробно *ouï nous en sommes!*

— N'est-ce pas quel esclandre! обратилась ко мнѣ губерна-
горша: — ces vieux grigous qui se donnent des airs!

— Ахъ, матушка! прервалъ ее губернаторъ.

— Да помилуй, Nicolas!

— Ахъ, матушка! вновь настаивалъ губернаторъ.

— Папасецка! ты навѣйное этихъ гьубіяновъ въ тюйму посадишь? сказала старшая губернаторская demoiselle, подлетѣвшая къ намъ въ эту минуту и имѣвшая обыкновеніе при постороннихъ картавить какъ маленькій ребенокъ.

— Ахъ, матушка! опять возразилъ губернаторъ.

Губернаторша и ея demoiselle спѣшили удалиться, потому что во опыту знали, что когда губернаторъ начнетъ говорить: «ахъ, матушка!» то изъ него ужъ ничего кромѣ этихъ словъ и не выбьешь. Въ этомъ отношеніи онъ нѣсколько походилъ на попуга; бывало вдругъ нападетъ на него стихъ говорить: «нельзя-сь» — ну, цѣлый день и говорить: «нельзя-сь»; въ другой разъ вздумаетъ говорить: «закона нѣтъ» — такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричить: «нѣтъ закона!»

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный! замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка! возразить губернаторъ, и съ этой минуты вмѣсто «нѣтъ закона» почнетъ пилить «ахъ, матушка!»

Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями повергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой церемоніи, сказалъ ему: «ахъ матушка!», — и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже! сказывалъ онъ мнѣ: — у него ницуть правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Но когда присмотришься къ людямъ, когда поймешь, что все это отъ незлобivosti происходитъ, тогда все сдѣлается ясно, и въ сношеніяхъ никакой помѣхи происходить не будетъ.

Вдругъ по залѣ пронесся зловѣщій шопоть. Пьеръ Укол-

кинь, цвѣтъ и надежда нашей молодежи, весь взволнованный переходилъ отъ одного гостя къ другому и таинственно передавалъ какую-то новость. «Телеграфическая депеша!» слышалось всюду, и внезапно, вопреки всѣмъ приличіямъ, по угламъ образовались кружки, такъ что губернаторское семейство осталось совершенно одинокимъ посреди́нѣ залы.

— Да что тамъ такое? спросилъ меня губернаторъ, встревоженный горькимъ предчувствіемъ.

Губернаторша озиралась во всѣ стороны, губернаторскія demoiselles съ изумленіемъ смотрѣли на мать, какбы говоря: та-тап, та-тап! да чтоже мы не танцуемъ!

— Господа! ваше поведеніе крайне изумляетъ его превосходительство, сказалъ я, подходя къ той группѣ, въ которой ораторствовалъ Пьеръ Уколкинъ.

— Шт... le gouverneur est flambé! отвѣчалъ Уколкинъ.

Я не понялъ; я все еще думалъ, что рѣчь идетъ объ этой поганой исторіи между Сидоромъ Петровичемъ и Эммануелемъ Ивановичемъ, и поспѣшилъ выразить все мое изумленіе.

— Mais non, il ne s'agit pas de celà! шопотомъ сказалъ мнѣ Уколкинъ: — je vous dis que le gouverneur est flambé!

Въ глазахъ у меня завертѣлись зеленые кружки. Съ одной стороны: «бѣдный старикъ!» съ другой стороны: «чортъ возьми, нельзя ли какъ-нибудь мнѣ на его мѣсто!» — все это страннымъ образомъ перемѣшалось въ моей головѣ. Во всякомъ случаѣ я былъ крайне смущенъ, ибо на мнѣ лежала тяжелая обязанность предупредить обо всемъ губернатора. Къ счастью, ее добровольно принялъ на себя Лампадииковъ.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ: — въ древности знаменитѣйшіе философы, будучи настагаемы ударами судьбы, вѣнчали себя розами...

Кругомъ оратора мало-помалу образовалась толпа.

— Ваше превосходительство! отъ лица всего общества принимаю смѣлость выразить вамъ наше соболѣзнованіе! вмѣшался Пьеръ Уколкинъ.

Губернаторъ все еще хлопалъ глазами.

— Vous n'êtes plus gouverneur! шепнулъ я ему на ухо.

Губернаторъ не изумился, не заплакалъ и не закричалъ. Онъ только инстинктивно расшаркался и сказалъ: — Честь вмѣю поздравить!

— Mais qu'est ce que c'est donc cela ? mais qu'est ce qu'ils ont, Nicolas ? приступала губернаторша.

— Честь имѣю поздравить ! повторилъ губернаторъ.

— Mais dites donc ! mais dites donc !

— Честь имѣю поздравить ! неизмѣнно отзывался губернаторъ на всѣ приставанья.

Легко можно представить себѣ, въ какое положеніе были поставлены присутствующіе ! Ясно, что танцы должны были прерваться, ясно, что ужинъ... При этой мысли волосы мои встали дыбомъ.

— Да вѣдъ Лампадииковъ говорить, что въ древности философы вѣнчались розами, думалъ я : — стало-быть...

Но скоро сомнѣнія мои разсѣялись окончательно. Я собственными глазами увидѣлъ, какъ гости одинъ за другимъ брались за шляпы и незамѣтно исчезали.

— Какая неблагодарность ! шептала губернаторша, необъясняя однакожъ, къ кому относятся ея слова.

— Честь имѣю поздравить ! отозвался губернаторъ : — а впрочемъ... увѣнчаемъ себя розами, какъ говоритъ Лампадииковъ ! Эй, человѣкъ ! шампанскаго !

Но зала была пуста.

— Честь имѣю поздравить ! въ послѣдній разъ уныло повторилъ начальникъ края.

• Кумиръ развѣнчанный — все богъ ! •

не безъ ироніи подумалъ я, надѣвая калоши : — однако поужинать такъ-таки и не удалось !

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Итакъ мы не завтракаемъ, не обѣдаемъ и не ужинаемъ. Хотя я самъ отчасти дѣлаю тоже самое, но порою, когда голодъ уже слишкомъ настоятельно даетъ себя чувствовать, въ голову мою невольно закрадывается сомнѣніе, дѣйствительно ли мы правы, поступая столь самоубійственнымъ образомъ ?

Дѣйствительно ли намъ угрожаетъ опасность ?

Дѣйствительно ли міръ погибаетъ подъ гнетомъ новыхъ идей, утопаетъ въ развратѣ реформъ и преобразованій?

Дѣйствительно ли въ воздухѣ пахнутъ фіялками, а не скотнымъ дворомъ?

Оглядываюсь кругомъ себя — и съ удовольствіемъ примѣчаю, что все обстоитъ благополучно. Правда, что появилось множество неслыханныхъ прежде промышленныхъ обществъ, но дѣйствія ихъ ограничивались доселѣ только невыдачею дивиденда простодушнымъ акціонерамъ. Правда, что старики вымираютъ или кротко стушовываются, но молодые, которые взлѣзаютъ на упраздненныя мѣста, отнюдь ихъ не хуже. Въ нихъ тотъ же запахъ, тотъ же вкусъ, та же заправка. Собственно отечество нисколько отъ того не теряетъ.

Скажу болѣе: отечество даже много выигрываетъ.

Мы, старики, смотрѣли на божій міръ слишкомъ простодушно; мы не строили системъ, не добивались принциповъ; мы жили и дѣйствовали сплеча. Рѣшаясь на что-либо, мы справлялись только о томъ, такъ ли было поступаемо въ подобныхъ случаяхъ прежде; но почему поступалось именно такъ, а не иначе, почему Петръ всегда оказывался правымъ, а Иванъ всегда виноватымъ, почему добродѣтель и смиреніе служатъ украшеніемъ простолюдиновъ, а пороки и непокорливость, неукрашая ихъ, служатъ лишь къ огорченію начальства — всѣ эти вопросы, вся эта философія жизни ускользала отъ насъ. Мы благодѣтельствовали единственно по добротѣ сердца, и если были у насъ подъ руками рецепты на различные административные случаи, то это были рецепты, механически списанные изъ домашняго лечебника, безъ изслѣдованія причины цѣлительности ихъ свойствъ. Напротивъ того, молодое поколѣніе успѣло привести все это въ ясность, и тамъ, гдѣ мы говорили: «видно такъ Богу угодно» — сумѣли доискаться до системы, а тамъ, гдѣ мы говорили: «самъ чортъ не разберетъ» — дорылись до принциповъ. Такимъ образомъ, хотя сущность осталась та же что и прежде, но Иванъ уже знаетъ почему онъ долженъ оставаться виноватымъ, а простолюдины не оставлены въ невѣдѣніи насчетъ того, что именно должно считаться ихъ украшеніемъ и что посрамленіемъ. Ясно, что жизнь сдѣлалась несравненно болѣе пріятною.

Конечно, нашъ милый грекъ Лампурдосъ справедливо выразился, что безъ системы нельзя, но онъ ошибся, сказавъ, что

именно въ настоящее время мы живемъ безъ системы. Удостоверю ихъ, что никогда «система» не сказывалась столь настоятельно, какъ въ настоящую минуту. Прежнія системы были ничто иное какъ младенческой лепетъ передъ тѣми, которыя воздвигаются нынѣ.

Я не говорю уже о томъ, что у каждаго изъ насъ были правители канцелярій и секретари, которые были въ своемъ родѣ масоны; важнѣе всего, что мы не имѣли понятія о томъ, что такое дисциплина, что такое корпорація. Мы думали, что всякій изъ насъ можетъ дуть въ свою дудку какъ ему угодно; мы свободно яшались съ суетными и непосвященными; мы охотно прохаживались съ ними по хересамъ, отнюдь неподозрѣвая, что это общеніе приучаетъ ихъ смотрѣть на насъ какъ на простыхъ смертныхъ и поселяетъ въ ихъ мораль вредную мысль о возможности кормить насъ современемъ подзатыльниками. Напротивъ того, истинный масонъ всегда живетъ особнякомъ и сохраняетъ гордую неприступность: подобно идолу, онъ стоитъ гдѣ-нибудь въ углу, одѣтый сумракомъ; жрецы (правители канцелярій) сметаютъ съ него пыль, а обыватели только кадятъ и славословятъ — и ничего болѣе.

Истинные масоны только теперь нараждаются на Руси, и надо отдать имъ справедливость, понимаютъ свое дѣло отлично. Несмотря на молодость и неопытность, они сразу постигли, что галиматья сама по себѣ есть вещь отличная, и что вся штука заключается въ томъ, чтобы возвести ее въ перлъ созданія. Вотъ они и возводятъ...

Итакъ галиматья осталась, но галиматья, возведенная въ перлъ созданія. Отчего же мы испугались, отчего потеряли аппетитъ, составлявшій доселѣ лучшее украшеніе нашей жизни? Я вамъ скажу отчего.

Несмотря на дряхлость и истощеніе силъ, мы желаемъ жить. «Послужилъ бы, ейбогу еще послужилъ бы!» повторяемъ мы непрерывно: до такой степени слова «жить» и «служить» сдѣлались въ понятіяхъ нашихъ синонимами. Привыкнувъ дѣйствовать всегда во имя личныхъ ощущеній, мы и на все происходящее въ мірѣ смотримъ въ силу этихъ же ощущеній. Еслибы міръ разрушался, но насъ это разрушеніе не коснулось, — мы не почувствовали бы его, мы не ощутили бы ни озлобленія, ни негодованія. Но худо то, что міръ стоитъ, а мы разрушаемся. Это

мы уже считаемъ дерзостью, и на все что це валится кругомъ насъ, смотримъ какъ на посягателей, отнимающихъ наши лакомые куски. Отсюда стоны, раздрающіе воздухъ, отсюда вопли о вторженіи новыхъ идей, угрожающихъ будтобы смертью старымъ порядкамъ.

Исторія эта не новая. Всякій разъ какъ какой-нибудь Иванъ Петровичъ сходить съ дѣятельнаго поприща и на смѣву его является Петръ Ивановичъ, мы уже трясемся и надсаждаемъ себѣ грудь, крича, что послѣзавтра имѣетъ быть революція. Кто нащоптываетъ намъ эту мысль, кто внушаетъ намъ такое обидное мнѣніе о Петрѣ Ивановичѣ — мы и сами затруднились бы объяснить это, но несомнѣнно, что явленіе это повторяется безъ ошибки каждый разъ какъ на горизонтѣ восходить новое свѣтило. Намъ и въ голову не приходитъ, что свѣтило это вовсе даже не свѣтило, а просто-напросто новый милостивецъ, что ни сущность дѣлъ, ни теченіе ихъ нимало оттого не измѣняются и что вся штука ограничивается тѣмъ, что на мѣсто Ивана Петровича, покровительствоваваго многочисленной династіи Трифоничей, поступилъ Петръ Ивановичъ, покровительствующій немнѣе многочисленной династіи Сидорычей. А кто же и въ какія времена могъ уловить политическіе признаки, характеризующіе эти двѣ разновидности?

Трифонычи смѣняютъ Сидорычей, Сидорычи смѣняютъ Трифонычей, — вотъ, благодареніе Богу, всѣ перевороты, возможные въ нашей любезномъ отечествѣ. Если такая перетасовка картъ можетъ назваться переворотомъ, то конечно нельзя не согласиться, что онъ совершается и на нашихъ глазахъ. Пожалуй можно сказать даже, что въ настоящее время онъ совершается сугубо, потомучто на мѣсто старыхъ и простыхъ Трифонычей поступили Трифонычи молодые, сугубые, махровые.

Но вопросъ не въ этомъ; вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли изъ этой перетасовки заключать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ любезное отечество, будетъ завтра дыра?..

Соображая все вышензложенное, я нахожу, что мы имѣемъ болѣе причинъ радоваться, нежели унывать. Что нужды, что насъ оттираютъ, а отчасти и умерщвляютъ? Мы обязаны въ этомъ случаѣ позабыть о себѣ и имѣть въ виду одно отечество. Если оно довольно, если преемники наши не только не отстаютъ отъ мудрой политики своихъ предковъ, но даже видимо

оную совершенствуютъ — этого достаточно для успокоенія увлеченныхъ сердецъ нашихъ!

Итакъ забудемъ наши горести и станемъ жуировать жизнью, въ надеждѣ, что доблестные потомки не посрамятъ именъ и дѣлъ доблестныхъ отцовъ своихъ. Благо тому, кто въ этой сладкой увѣренности можетъ встрѣтить тихій закатъ жизни своей! Благо тому, кто взирая на рѣзвящуюся юность, можетъ безъ озлобленія сказать: «да, и я былъ молодъ! и я въ свое время проказничалъ!»

Н. ЩЕДРИНЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

РОМАНЪ В. ГЮГО

ПРЕДИСЛОВІЕ ОТЪ РЕДАКЦІИ

«Le laid, c'est le beau» — вотъ формула, подъ которую лѣтъ тридцать тому назадъ самодовольная рутиня думала подвести мысль о направленіи таланта Виктора Гюго, ложно понявъ и ложно передавъ публикѣ то что самъ Викторъ Гюго писалъ для истолкованія своей мысли. Надо признаться впрочемъ, что онъ и самъ отчасти былъ виноватъ въ насмѣшкахъ враговъ своихъ, потомучто оправдывался очень темно и заносчиво и истолковывалъ себя довольно безтолково. И однакожъ нападки и насмѣшки давно исчезли, а имя Виктора Гюго не умираетъ, и недавно, слишкомъ тридцать лѣтъ спустя послѣ появленія его романа «Notre-Dame de Paris», явились «Les Misérables», романъ, въ которомъ великій поэтъ и гражданинъ выказалъ столько таланта, выразилъ основную мысль своей поэзіи въ такой художественной полнотѣ, что весь свѣтъ облетѣло его произведеніе, всѣ прочли его, и чарующее впечатлѣніе романа было полное и всеобщее. Давно уже догадались, что не глупой карикатурной формулой, приведенной нами выше, характеризуется мысль Виктора Гюго. Его мысль есть основная мысль всего искусства девятнадцатаго столѣтія, и этой мысли Викторъ Гюго, какъ художникъ, былъ чужъ ли не первымъ провозвѣстникомъ. Это мысль христіанская и высоконравственная; формула ея — возстановленіе погибшаго человѣка, задавленнаго несправедливо гнетомъ обстоятельствъ, застоя вѣковъ и общественныхъ предразсудковъ. Эта мысль — оправданіе униженныхъ и всѣми отринутыхъ парій обще-

ства. Конечно, аллегорія немислима въ такомъ художественномъ произведеніи, какъ напимѣръ «Notre-Dame de Paris». Но кому не придетъ въ голову, что Квазимодо есть олицетвореніе пригнетенаго и презираемаго средневѣкового народа французскаго, глухого и обезображеннаго, одареннаго только страшной физической силой, но въ которомъ просыпается наконецъ любовь и жажда справедливости, а вмѣстѣ съ ними и сознание своей правды и еще непочатыхъ, безконечныхъ силъ своихъ.

Викторъ Гюго чуть ли не главный провозвѣстникъ этой идеи «возстановленія» въ литературѣ нашего вѣка. Покрайней-мѣръ онъ первый заявилъ эту идею съ такой художественной силой въ искусствѣ. Конечно она не есть изобрѣтеніе одного Виктора Гюго; напротивъ, по убѣжденію нашему она есть неотъемлемая принадлежность и можетъ-быть историческая необходимость девятнадцатаго столѣтія, хотя впрочемъ принято обвинять наше столѣтіе, что оно послѣ великихъ образцовъ прошлаго времени не внесло ничего новаго въ литературу и въ искусство. Это глубоко несправедливо. Прослѣдите всѣ европейскія литературы нашего вѣка и вы увидите во всѣхъ слѣды той же идеи, и можетъ-быть хоть къ концу-то вѣка она воплотится наконецъ вся, цѣликомъ, ясно и могущественно, въ какомъ-нибудь такомъ великомъ произведеніи искусства, что выразитъ стремленія и характеристику своего времени такъ же полно и вѣковѣчно, какъ напимѣръ «Божественная комедія» выразила свою эпоху средневѣковыхъ католическихъ вѣрованій и идеаловъ.

Викторъ Гюго безспорно сильнѣйшій талантъ, явившійся въ девятнадцатомъ столѣтіи во Франціи. Идея его пошла въ ходъ; даже форма теперешняго романа французскаго чуть ли не принадлежитъ ему одному. Даже всѣ его огромные недостатки повторились чуть ли не у всѣхъ послѣдующихъ французскихъ романистовъ. Теперь, при всеобщемъ, почти всемірномъ успѣхѣ «Les Misérables», намъ пришло въ голову, что романъ «Notre-Dame de Paris» по какимъ-то причинамъ не переведенъ еще на русскій языкъ, на которомъ уже такъ много переведено европейскаго. Слова нѣтъ, что его всѣ прочли на французскомъ языкѣ у насъ и прежде; но впервыхъ, разсудили мы, прочли только знавшіе французскій языкъ; вовторыхъ — едвали прочли и всѣ знавшіе пофранцузски; втретьихъ — прочли очень давно; а вчетвертыхъ — и прежде-то, и тридцать-то лѣтъ назадъ, масса публики, читающей пофранцузски, была очень велика сравнительно съ тѣми, которые и рады бы читать, да по-

французски не умѣли. А теперь масса читателей можетъ—быть въ десять разъ увеличилась противъ той, что была тридцать лѣтъ назадъ. Наконецъ — и главное — все это было уже очень давно. Теперешнее же поколѣніе врядъ ли перечитываетъ старое. Мы даже думаемъ, что романъ Виктора Гюго теперешнему поколѣнію читателей очень мало извѣстенъ. Вотъ почему мы и рѣшились перевести въ нашемъ журналѣ вещь гениальную, могучую чтобъ познакомить нашу публику съ замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ французской литературы нашего вѣка. Мы даже думаемъ, что тридцать лѣтъ — такое разстояніе, что даже и читавшимъ романъ въ свое время можетъ—быть неслишкомъ отяготительно будетъ перечестъ его въ другой разъ.

Итакъ надѣмся, что публика на насъ не посятуетъ за то, что мы предлагаемъ ей вещь такъ всѣмъ извѣстную... *по названію.*

Много лѣтъ тому назадъ, осматривая въ малѣйшихъ подробностяхъ соборъ парижской Богоматери, авторъ этой книги нашолъ въ одномъ изъ темныхъ угловъ ея башень слово выцарапанное на стѣнѣ: *ἀνάκλη.*

Эти греческія буквы, почернѣвшія отъ времени, носили какой-то отпечатокъ готическаго письма, показывающаго, что онѣ существуютъ какъ остатокъ среднихъ вѣковъ. Какъ это, такъ и мрачный смыслъ слова заставили автора задуматься.

Онъ старался разгадать какая страждущая душа не хотѣла разстаться съ здѣшнимъ міромъ, неоставивъ этого клейма преступленія или несчастія на челѣ древней церкви.

Съ тѣхъ поръ стѣны выскоблили или закрасили и надпись исчезла. Такъ поступаютъ въ послѣдніе два вѣка съ великолѣпными средневѣковыми храмами. Нападенія на нихъ совершаются изнутри и извнѣ: священники ихъ расписываютъ, архитекторы скоблятъ, потомъ является толпа и разрушаетъ до основанія.

Потому—то о таинственномъ словѣ—на стѣнѣ парижскаго собора и объ участи писавшаго его остались только эти нѣсколько страницъ, посвященныхъ ему авторомъ. Человѣкъ, написавшій слово, исчезъ съ лица земли еще за нѣсколько вѣковъ, надпись ис-

чезла теперь въ свою очередь, можетъ-быть наконецъ и самый храмъ постигнетъ таже участь.

По поводу этого-то таинственного слова и написанъ слѣдующій романъ.

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Ровно триста сорокъ восемь лѣтъ, шесть мѣсяцевъ и девятнадцать дней тому назадъ жители города Парижа проснулись отъ звона въ большіе колокола, раздававшагося со стороны предмѣстья, университета и города.

Кажется 6-ое января 1482 года не ознаменовано никакимъ историческимъ событіемъ. Почему же колокола и буржуа въ такомъ движеніи? Въ этотъ день небыло возстанія пикардійцевъ и бургонцевъ, не носили мощей съ крестнымъ ходомъ, небыло возмущенія школьничковъ, ни вѣзда *potredit très redouté seigneur monsieur le roi*, ни даже висѣлицъ для мошенниковъ обоего пола. Трезвонъ этотъ не могъ быть также возбужденъ вѣздомъ какого-нибудь пестраго посольства, потомучто въ пятнадцатомъ вѣкѣ это было вещью обыкновенной. Еще не прошло и двухъ дней, какъ подобная кавалькада въ перьяхъ вступила въ городъ. Это были фламандскіе посланники съ порученіемъ устроить бракъ между дофиномъ и Маргаритой фландрской, которыхъ кардиналъ волей-неволей долженъ былъ угостить въ своемъ отелѣ Бурбоновъ «*d'une moult belle moralité sotie et farce*», между тѣмъ какъ дождь поливалъ на улицъ его дорогіе ковры.

Итакъ событіе, приведшее въ движеніе парижскій народъ шестого января, былъ съ незапамятныхъ временъ установленный праздникъ крещенья и торжество шутовъ.

Въ этотъ день предполагался фейерверкъ на Гревской площади, празднованіе мая въ часовнѣ *de Braque* и мистерія въ палатѣ юстиціи. Объ этомъ было провозглашено наканунѣ по всемъ предмѣстьямъ съ трубнымъ звукомъ, людьми г-на градского головы, одѣтыми въ фіолетовыя платья, съ бѣлымъ крестомъ на груди.

Толпы мужчинъ и женщинъ, торговцевъ и торговокъ, заперши дома и лавки, направлялись съ ранняго утра въ каждое изъ трехъ

вышеозначенныхъ мѣсть. Были охотники и до фейерверка, и до мистеріи. Надо сказать въ похвалу стариннаго здраваго смысла парижскихъ зѣвакъ, что большая часть изъ нихъ предпочла фейерверкъ, который совершенно соотвѣтствовалъ времени гола, или мистеріи, которая должна была разыгрываться въ тепломъ залѣ, и предоставилъ бѣдному маю одному дрогнуть отъ холода въ уединенной кладбищенской часовнѣ.

На мистерію стремились еще и потому, что фламандскіе посланники, пріѣхавшіе два дня тому назадъ, собирались присутствовать на ея представленіи и принимать участіе въ избраніи папы шутовъ, долженствующемъ быть въ томъ же залѣ.

Нелегко было въ тотъ день достать мѣстечко въ этомъ залѣ, считавшемся самымъ большимъ въ то время. (Правда, что тогда еще Соваль не измѣрилъ большой залы замка Монтаржи.) Площадь передъ зданіемъ представлялась огромнымъ моремъ, въ которое впадали пять или шесть улицъ, вносящихъ ежеминутно новыя волны людскихъ головъ. Эти живыя волны ударялись объ углы домовъ, выдающихся на подобіе мысовъ въ этомъ неправильномъ бассейнѣ. Въ центрѣ высокаго готическаго фасада зданія, толпы входили и спускались по лѣстницѣ, образуя каскадъ, выливающейся на площадь. Крики, смѣхъ, топанье тысячи ногъ производили ужасный шумъ, увеличивающійся повременамъ отъ слишкомъ большого наплыва людей у входа на лѣстницу; тогда все толкалось, кричало, спутывалось. Тогда сержанты на лошадяхъ врѣзывались въ толпу, чтобы возстановить порядокъ. Это трогательное преданіе перешло отъ власти градскихъ головъ къ вѣдомству конетабля, оттуда къ маршалству и наконецъ къ современнымъ парижскимъ жандармамъ.

Въ дверяхъ, въ окнахъ, на чердакахъ, на крышахъ, кишѣли тысячи добрыхъ гражданъ, которые смотрѣли на зданіе палаты, на толпу и оставались совершенно довольны; въ Парижѣ много людей довольствуется тѣмъ, что позѣваетъ на толпу; даже стѣна, за которой происходитъ что-нибудь любопытное, дѣлается сама предметомъ любопытства.

Еслибъ была возможность намъ, гражданамъ 1830 года, пройти всѣми неправдами въ тѣсную залу вслѣдъ за парижанами XV вѣка, зрѣлище было бы для насъ не безъ интереса: мы увидѣли бы вещи такія старыя, что онѣ за давностью перешли бы для насъ въ новизну.

Если читатель согласится, мы постараемся воспроизвести въ

умѣго впечатлѣніе, которое онъ вынесъ бы, пробираясь за нами въ эту разнохарактерную толпу.

Вопервыхъ въ ушахъ ужасный шумъ, изъ глазъ сыпятся искры. Надъ головою двойной стрѣльчатый сводъ, изукрашенный деревянными дѣльными фигурами, покрытыми голубой краской, съ золотыми разводами; подъ ногами плиты изъ чернаго и бѣлаго мрамора. Въ нѣсколькихъ шагахъ огромная колонна, потомъ другая и третья; всего семь колоннъ, по протяженію зала, поддерживающихъ сводъ посрединѣ. У четырехъ первыхъ колоннъ; прилавка съ стекломъ и лобрякушками; у трехъ послѣднихъ — дубовыя скамьи, выполированныя прикосновеніемъ нижняго платя судящихся и мантий прокуроровъ. Вокругъ всего зала, у стѣнъ, между дверями и окнами, нескончаемый рядъ статуй всѣхъ королей Франціи, отъ Фарамонда: лѣнивые короли, съ опущенными руками и глазами; короли храбрые и воинственные, съ головою и руками смѣло поднятыми къ небу. Въ стрѣльчатыхъ окнахъ разноцвѣтныя стекла; въ широкихъ выходахъ прекрасныя двери съ рѣзбою, и все это — окна, двери, статуи, стѣны, карнизы, покрыто сверху до низу голубымъ цвѣтомъ и позолотой, уже сильно потемнѣвшими въ то время и почти вовсе исчезнувшими подъ слоями пыли и паутины въ блаженной памяти 1549 году, когда дю-Брель любовался ими, по преданію.

Представьте себѣ эту огромную продолговатую залу, въ которую проникаетъ слабый свѣтъ январскаго дня, наполненную пестрой и шумной толпой, выстроенной вдоль стѣнъ и вращающейся около семи колоннъ, и у васъ будетъ общій абрисъ картины, любопытныя детали которой мы постараемся разъяснить подробнѣе.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибъ Равальякъ не убилъ Генриха IV, небыло бы процесса Равальяка и бумагъ, хранящихся въ судебной канцеляріи; небыло бы сообщниковъ, заинтересованныхъ въ уничтоженіи этихъ бумагъ и слѣдственно небыло-бъ зажигателей, принужденныхъ, за неимѣніемъ другого способа, прибѣгнуть къ пожару, — ergo небыло-бъ и пожара 1618 года. Старое зданіе существовало-бъ и теперь съ своей старой залой; я могъ бы сказать читателю: «подите посмотрите сами», и мы взаимно бы избавились — я отъ описыванья, а онъ отъ чтенія всѣхъ возможныхъ описаній. Все это подтверждаетъ старую истину, что великія событія влекутъ за собою бездну послѣдствій.

Разумѣется могло бы случиться, что у Равальяка небыло вовсе сообщниковъ или что эти сообщники не принимали никакого уча-

стія въ пожарѣ 1618 года. Существуютъ два очень вѣроятныя объясненія этого случая. Впервыхъ : огромная огненная звѣзда , длиною въ футъ , шириною въ локоть , упала , какъ всѣмъ извѣстно , съ неба на крышу зданія , 7 марта послѣ полуночи. Вовторыхъ четверостишіе Теофила :

Certes, ce fut un triste jeu
Quand à Paris dame Justice,
Pour avoir mangé trop d'épice,
Se mit tout le palais en feu.

Но что бы ни думали объ этомъ тройкомъ объясненіи , политическомъ , физическомъ и поэтическомъ , пожаръ 1618 года принадлежитъ къ несчастью , къ несомнѣнно-совершившимся фактамъ. Теперь по милости пожара и послѣдовавшихъ за нимъ поправокъ , окончательно истребившихъ то что онъ пощадилъ , осталось очень немного отъ вреняго жилища французскихъ королей , отъ этого предка Лувра , уже такого стараго во времена Филипа-красиваго , что въ немъ отыскивали слѣдовъ построекъ , воздвигнутыхъ королемъ Робертомъ и описанныхъ Гельгальдусомъ. Что сдѣлалось съ той канцеляріей , въ которой святой Людовикъ скрѣпилъ свой бракъ? съ садомъ , въ которомъ онъ рѣшалъ дѣла , «одѣтый въ камлотовое платье и шерстяной безрукавный камзолъ , въ черномъ плащѣ , лежа на коврѣ съ Жуанвильемъ»? Гдѣ комната императора Сигизмунда? Карла IV? Іоанна-безземельнаго? Гдѣ лѣстница , съ которой Карлъ VI провозгласилъ свой милостивый эдиктъ? Гдѣ та плита , на которой Марсель задушилъ , въ присутствіи дофина , Роберта клермонтенскаго и маршала Шанпанъ? Рѣшетка , за которой сожигались буллы антипапы Бенедикта и изъ-за которой принесшія ихъ , вышли парижонцы на-смѣхъ въ митры и должны были приносить публичное покаяніе по цѣлому Парижу? А зала съ своей лазурью , позолотой , сводами , статуями , огромнымъ куполомъ , униженнымъ лѣпными украшеніями? А золотая комната? А каменный левъ , сидящій у дверей съ поникшей головою и поджатымъ хвостомъ , какъ львы соломонова трона , символы власти , склоняющейся предъ правосудіемъ? А великолѣпныя двери? А окна? А рѣзные ручки , приводившія въ очаяніе Бискорнета? А изящная столярная работа дю-Ганеи?.. Что сдѣлало время и люди изъ этихъ чудесъ? Что дали намъ взамѣнъ всего этого , всей этой исторіи галловъ и готическаго искусства тянущія арки Броссе , этого неуклюжаго архитектора портала св. Жерве? Это по части искусства ; а по части исторіи намъ могутъ служить

болтамыя воспоминанія внутреннихъ столбовъ, сохранившихъ преданіе.

Это не много. Возвратимся къ настоящей большой залѣ настоящаго зданія.

Двѣ оконечности этого гигантскаго параллелограма были заняты, одна знаменитымъ столбомъ изъ цѣльной мраморной глыбы, такой длинной, широкой и толстой, что по сказанію старинныхъ росписей, слогъ которыхъ способенъ возбудить аппетитъ Гаргантюа, «никогда не видано въ свѣтѣ такого кусочка мрамора»; другая оконечность занята была часовней, въ которой Людовикъ XI велѣлъ сдѣлать свою статую на колѣнахъ передъ Богоматерью и куда онъ велѣлъ перенести, не забывая о томъ, что двѣ иши останутся пустыми, статуи Карла-великаго и Людовика-святого. Эта новая часовня, построенная лѣтъ шесть назадъ, отличалась тѣмъ деликатнымъ стилемъ, чудесной скульптурой, тонкой рѣзбой, которая обозначаютъ у насъ конецъ готическаго зра и являются во всю первую половину XVI вѣка въ волшебныхъ фантазіяхъ Возрожденія.

Сквозная розетка надъ входомъ была въ особенности верхомъ изящества и граціи: можно было назвать ее кружевною звѣздой.

Посрединѣ залы, передъ главною дверью, была поставлена страда, покрытая золотой парчей, возлѣ самой стѣны, въ которой устроенъ былъ особый выходъ черезъ окно, выходящее въ коридоръ золотой комнаты: это для фламандскаго посольства и другихъ важныхъ лицъ, желающихъ удостоить мистерію своимъ вниманіемъ.

Мистерія должна была, по принятому обычаю, разыгрываться на мраморномъ столѣ. Онъ былъ готовъ уже съ самаго утра; на его дорогой доскѣ, исцарапанной ногами черни, стояла довольно высокая деревянная клѣтка, верхняя часть которой, доступная вворами всѣхъ, должна была служить сценою, а внутренность, завѣшанная коврами, уборной для актеровъ. Лѣстница, наивно поставленная снаружи, должна была служить сообщеніемъ между уборной и сценою. Не предполагалось появленія какого-нибудь неожиданнаго лица или сценическаго эффекта; всѣ персонажи должны были избираться безъ церемоніи по ступенькамъ. Невинное и почтенное дѣтство искусства и механики!

Четыре сержанта изъ дворцовой стражи, обязанные хранители удовольствій толпы въ праздники и дни казни, стояли по угламъ мраморнаго стола.

Пьеса должна была начаться съ послѣднимъ ударомъ двадцатаго часа. Конечно это немного поздно для спектакля, но нужно было принаровить время удобное для посланниковъ.

Вся эта масса ждала здѣсь съ утра. Большая часть любопытныхъ съ утра дрогнула у входныхъ дверей; нѣкоторые, говорятъ, ночевали у порога, чтобъ войти первыми. Толпа ежеминутно увеличивалась и какъ вода, выступающая изъ береговъ, лѣзла на стѣны, обвивалась вокругъ колоннъ, помѣщалась на столахъ, карнизахъ, подоконникахъ, на всѣхъ архитектурныхъ уступахъ и скульптурныхъ рельефахъ. Нетерпѣніе, неудобство, скука, свобода разгульнаго дня, ссоры за толчки придавали говору этой массы недовольный тонъ еще задолго до прибытія посольства. Всюду слышались жалобы и проклятія фламандцамъ, градскому головѣ, кардиналу, судѣ, Маргаритѣ австрійской, сержантамъ, холоду, жару, дурной погодѣ, парижскому архіепископу, колоннамъ, папѣ шутовъ, статуямъ и пр. къ большому удовольствію школьниковъ и лакеевъ, которые дразнили и подзадоривали недовольныхъ.

Между прочимъ была одна группа этихъ веселыхъ бѣсенятъ, которые, продавивши оконную раму, уѣлись верхомъ на подоконникъ и перебрасывали остроты и насмѣшки на толпу, собранную въ залѣ и подъ ея окнами. По ихъ уморительнымъ жестамъ и фразамъ, которыми они перекликались съ товарищами на другомъ концѣ залы, легко было судить, что они отнюдь не раздѣляютъ усталости и скуки общества и умѣютъ извлекать пользу изъ зрѣлища, которое у нихъ передъ глазами, въ ожиданіи того, которое будетъ послѣ.

— Клянусь-богомъ, это Іоганнесъ Фролло де-Молендино! кричалъ одинъ, обращаясь къ маленькому бѣлокурому дьяволенку, съ хорошенькимъ и задорнымъ лицомъ, примостившемуся къ акантамъ капители: — тебя ловко прозвали Ванькой-Мельницей, потому что твои ноги и руки настоящія мельничныя крылья. Давно ты здѣсь?

— Часа четыре, чортъ бы ихъ побралъ; надѣюсь, что покрайней-мѣрѣ они зачтутся мнѣ въ чистилищѣ. Я слышалъ, какъ восемь пѣвчихъ короля Сициліи начали первый стихъ ранней обѣды въ капеллѣ.

— Прекрасные пѣвчіе! подхватилъ другой: — голосъ у нихъ такой же острый, какъ оконечность ихъ шапокъ! Прежде чѣмъ служить обѣдн святому Іоанну, нужно бы было спросить его, любитъ ли онъ латинскіе псалмы съ провансальскимъ акцентомъ.

— Все это сдѣлали, чтобы пристроить этихъ проклятыхъ сици-

льскихъ пѣвчихъ! крикнула снизу какал-то старуха. — Шутка, тысячу фунтовъ паризи за одну обѣдню! и еще изъ валога на рыбу!

— Молчи, корга! проворчалъ важный толстякъ, все время затыкавшій себѣ носъ отъ рыбнаго запаха, которымъ отдавала его сосѣдка: — нужно же было учредить обѣдню; или ты хочешь, чтобъ король опять заболѣлъ?

— Bravo, Жиль Лекорню, мѣховщикъ его величества! вскричалъ маленькій школьникъ съ карниза.

— *Cognatus et hirsutus*, подхватилъ другой.

— Разумѣется! продолжалъ первый: — чего они смѣются? Это почтенный Жиль Лекорню, братъ Ивана Лекорню, сынъ Майя Лекорню, старшаго сторожа въ венсенскомъ лѣсу; всѣ они граждане Парижа и всѣ состоятъ въ законномъ бракѣ.

Смѣхъ удвоился. Толстый мѣховщикъ, неотвѣчая ни слова, стараясь затереться въ толпѣ; но пыхтѣлъ и потѣлъ напрасно; чѣмъ болѣе онъ толкался, тѣмъ болѣе глазъ обращалось на его круглое лицо, багровое отъ злобы.

Наконецъ такой же почтенный толстякъ явился ему на помощь.

— Вотъ оно! школьники осмѣливаются такъ разговаривать съ почтенными гражданами! Въ мое время ихъ бы высѣкли розгами, а изъ розогъ составили бы костеръ и сожгли бы ихъ.

Вся толпа взволновалась.

— Кто эта старая сова, а?

— А, узнаю! это Андрей Мюнье.

— Онъ распѣваетъ эту гамму потому, что онъ одинъ изъ четырехъ книгопродавцевъ при университетѣ!

— Въ нашей лавкѣ всего по четыре: четыре народности, четыре факультета, четыре праздника, четыре прокурора, четыре избирателя, четыре книгопродавца.

— Ну, нужно сыграть съ ними штуку, предложилъ Фролло.

— Мюнье, мы сожжемъ твои книги!

— Мюнье, мы отколотимъ твоего лакея!

— Мюнье, мы раздѣлаемся съ твоей женой!

— Славная толстуха — мадмуазель Удардъ!

— Такая свѣжая и веселая, будто вдова.

— Чортъ бы васъ взялъ! ворчалъ Мюнье.

— Молчи, сказалъ Фролло: — нето я упаду тебѣ на голову.

Мюнье поднялъ голову, исчислилъ въ умѣ вышину карниза и тѣхъ шесть шалуна и не сказалъ ни слова.

Фролло, видя себя победителемъ, продолжалъ:

— Я это сдѣлаю, несмотря на то, что мой родной братъ архидьяконъ!

— Хорошо наше университетское начальство! Не уважило нашихъ привилегій въ такой день, какъ сегодня! Въ городѣ май и фейерверкъ; здѣсь мистерія, папа шутовъ и фламандское посольство, а въ университетѣ ничего!

— Долой ректоровъ, избирателей и прокуроровъ!

— Надо сдѣлать сегодня фейерверкъ на Гальярдовомъ полѣ изъ книгъ Андре Мюнье!

— И изъ кафедръ нашихъ книжниковъ!

— И изъ розогъ педелей!

— Изъ плевальницъ декановъ!

— Изъ буфета прокуроровъ!

— Изъ квашни избирателей!

— Изъ стульевъ ректора!

— Долой Мюнье, педелей, книжниковъ, теологовъ, докторовъ, прокуроровъ и ректора!

— Это свѣтопредставленіе! Бормоталъ Мюнье, затыкая уши.

— Кстати, ректоръ идетъ по площади! крикнулъ кто-то.

Всѣ обернулись.

— Въ самомъ дѣлѣ это нашъ почтенный ректоръ Тибо? спрашивалъ Фролло, немогшій удостовѣриться собственными глазами, потому что держался за внутренній карнизъ.

— Да, да, это онъ, ректоръ Тибо.

И въ самомъ дѣлѣ ректоръ и всѣ университетскія власти шли процесіей навстрѣчу посольству и переходили въ эту минуту площадь. Школьники встрѣтили ихъ ироническими привѣтствіями и рукоплесканіемъ. Ректору достался главный залпъ.

— Здравствуйте, господинъ ректоръ! Ну, здравствуйте жъ!

— Какъ это старый картежникъ не за игрой сегодня?

— Какъ его осель выступаетъ! Но у хозяина уши длиннѣе!

— Здравствуйте, господинъ ректоръ Тибо! Tubalde aleator! старый дуракъ! картежникъ!

— Господь съ вами! сколько угловъ вы загнули сегодня?

— О, почтенная рожа, битая за игру!

— Куда ты, Тибо, Tubalde ad dados, спиной къ университету, въ городъ!

Потомъ наступилъ чередъ прочихъ властей.

— Долой педелей ! долой палочниковъ !

— Кто это такой, Робертъ ?

— Это Жильберъ де Сюльи , Gilbertus de Soliaco , начальникъ Отонской школы.

— Вотъ мой башмакъ, тебѣ ловчѣе, брось ему въ рожу.

— Долой теологовъ въ бѣлыхъ мантияхъ !

— Долой докторовъ !

Между тѣмъ привилегированный книгопродавецъ университета шепталъ на ухо мѣховщику : — Увѣрю васъ, скоро конецъ свѣта ! Никогда еще не слыхано такого безобразія ; эти проклятыя нововведенія все портятъ. Артилерія, бомбардирскія судна, а въ особенности книгопечатаніе, эта нѣмецкая язва. Ненужно болѣе рукописей ! Печать убиваетъ книжную торговлю ! Скоро, скоро конецъ свѣта !

— Я это тоже замѣтилъ, по большимъ запросамъ на бархатъ, отвѣчать мѣховщикъ.

Пробило полдень.

— А !.. раздалось единодушно въ толпѣ.

Шюльники смолкли ; началась возня и шарканье ногами ; пошли сморкаться и кашлять ; каждый выбиралъ болѣе удобное положеніе. Настала тишина ; головы наклонились впередъ, рты раскрылись, глаза обратились къ мраморному столу... Но на немъ ничего не показывалось. Четыре сержанта попрежнему стояли по угламъ, какъ статуи молчанія. Всѣ глаза обратились къ эстрадѣ назначенной для посольства. Дверь была заперта, на эстрадѣ никого небыло. Эта толпа съ ранняго утра ждала трехъ вещей : полудня, фламандскихъ посланниковъ, мистерію. Одинъ только полдень явился въ свое время.

Это было слишкомъ !

Подождали одну, три, пять минутъ, даже четверть часа : ничего ! эстрада и сцена оставались пусты. Нетерпѣніе перешло въ гнѣвъ. Начался глухой ропотъ. — Мистерію ! Мистерію ! повторялось многими голосами. Головы начинали разгорячаться. Буря уже собиралась. Жанъ Фролло бросилъ первую искру.

— Мистерію и къ чорту фламандцевъ ! крикнулъ онъ во всю силу легкихъ, обвиняясь амѣй вокругъ своей капители.

Толпа рукоплескала.

— Мистерію ! повторила она : — и ко всемъ чертямъ Фландрію !

— Сейчас же мистерию, повторилъ школьникъ : — нето мы повѣсимъ полицейскаго въ примѣръ нравственности и взаимну комедіи.

— Хорошо, хорошо, начнемъ съ сержантовъ !

Четыре бѣдняка блѣднѣли и переглядывались. Толпа напирала на нихъ, легкая деревянная ограда уже готова была сломаться.

Минута была критическая.

— Въ мѣшокъ ! въ мѣшокъ ! кричали со всѣхъ сторонъ.

Въ эту минуту драпировка уборной, о которой мы говорили, поднялась и передъ публику предстала любопытная личность.

— Тише ! тише !

Фигура, дрожащая отъ страха, подошла къ окраинѣ стола съ частыми поклонами, которые подконецъ сдѣлались похожи на колѣнопреклоненія.

Тишина водворилась мало-помалу. Оставался только небольшой говоръ, свидѣтельствующій о многочисленномъ собраніи.

— Господа граждане и господа гражданки ! началъ онъ : — мы должны имѣть честь представить и продекламировать при его эминенціи кардиналъ нравоученіе, называющееся : «справедливый судъ». Я представляю Юпитера. Его эминенція сопровождаетъ посольство высокопочтеннаго герцога австрійскаго, остановившееся въ эту минуту для выслушанія рѣчи ректора университета. Какъ только святѣйшій кардиналъ прибудетъ, мы начнемъ немедленно.

Дѣйствительно, нужно было появленіе самого Юпитера для того, чтобъ спасти отъ смерти четверыхъ бѣдныхъ сержантовъ. Еслибы мы имѣли счастье выдумать всю эту правдивую исторію и слѣдственно отвѣчать за нее предъ судомъ критики, противъ насъ нельзя бы было привести классическаго правила: *Nec deus intersit*. Впрочемъ костюмъ Юпитера былъ очень красивъ и немало способствовалъ къ усмиренію толпы, привлеки ея вниманіе. Юпитеръ былъ одѣтъ въ кольчугу, покрытую чернымъ бархатомъ, съ золотыми гвоздями ; на головѣ у него была шапочка съ серебряными пуговками ; не будь румянъ и огромной бороды, покрывавшихъ его лицо, не будь свертка изъ позолоченаго картона и ремней обвитыхъ мишурою, въ которыхъ каждый угадывалъ молнію, не будь его ноги перевиты погречески лентами, — онъ по строгости костюма легко вынесъ бы сравненіе съ любимъ стрѣлкомъ корпуса герцога де-Берри.

II

ПЪЕРЪ ГРЕНГУАРЪ

Во время его рѣчи удовольствіе, возбужденное костюмомъ, начинало уничтожаться и когда онъ дошелъ до заключенія, что представленіе начнется тотчасъ по прибытіи кардинала, поднялась цѣлая буря свистковъ.

— Начинать сейчасъ же! Мистерію! сейчасъ мистерію! кричалъ народъ, и громче всѣхъ раздавался пискливый голосъ Фролло.

— Долой Юпитера и кардинала! кричали другіе школьники.

— Сейчасъ же мистерію! голосила толпа: — нето смерть комедіантамъ!

Бѣдный Юпитеръ, поблѣднѣвшій подъ своими румянами, уронилъ громы, снялъ шапочку, кланялся и борноталъ: — Его эминенція... посланники... Маргарита фландрская... — Онъ не зналъ что начать. Ему весьма не хотѣлось быть повѣшеннымъ.

Исхода небыло. Съ одной стороны толпа обѣщаетъ повѣснить, если не исполнять ея требованія; съ другой, можетъ повѣснить кардинала именно за его исполненіе.

Къ счастью явился спаситель, принявшій на себя отвѣтственность. Между рѣшеткой и мраморнымъ столомъ стояла такая длинная и тощая фигура, что колонна совершенно скрывала ее отъ глазъ зрителей. Эта-то фигура, высокая, худая, блѣлая, блѣлая и еще молодая, хотя лобъ и щеки покрылись уже морщинами, съ блестящими глазами и веселой улыбкой, въ платьѣ покрытомъ штопками и получившемъ лоскъ отъ давняго употребленія, подошла къ столу и сдѣлала знакъ бѣдному страдалцу. Тотъ впопыхахъ не замѣтилъ.

Фигура сдѣлала шагъ впередъ.

— Юпитеръ, любезный Юпитеръ!

Юпитеръ не слышалъ.

Выведенный изъ терпѣнія блондинъ крикнулъ уже во весь голосъ:

— Жиборнь!

— Кто меня зоветъ? вскрикнулъ Юпитеръ.

— Я.

— А!

— Начинайте сейчасъ. Удовлетворите публику; я беру на себя умилоствитъ судью, а онъ умилоствитъ кардинала.

Юпитеръ вздохнулъ свободно.

— Господа граждане! крикнулъ онъ толпѣ, продолжавшей свистать: — мы сейчасъ начинаемъ.

— *Евоэ, Jupiter! Plaudite, cives!* кричали школьники.

— Bravo! bravo! кричалъ народъ.

Рукоплесканія были единодушны и зала все еще дрожала отъ нихъ, когда Юпитеръ уже скрылся за занавѣской.

Между тѣмъ личность, отъратившая бурю, вновь приклонилась къ столбу и вѣроятно осталась бы тамъ незамѣченной, еслибы двѣ молодыя женщины, стоявшія въ первомъ ряду, не замѣтили ея разговора съ Юпитеромъ.

Одна поманила его къ себѣ. Другая, свѣжая и разряженная, толкнула его локтемъ.

— Что вамъ угодно, сударыни? сказалъ блондинъ, подойдя къ рѣшоткѣ.

— Это вотъ она хотѣла говорить съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, она сама! — И обѣ покраснѣли и опустили глаза.

— Такъ вамъ нечего сказать мнѣ?

— Нечего-съ.

Блондинъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но женщинамъ очень хотѣлось завести разговоръ.

— Послушайте, сказала одна, съ быстротою только-что открытаго плюза или женщины на что-нибудь рѣшившейся: — вы стало-быть знакомы съ солдатомъ, который будетъ играть въ мисте-ринъ?

— Роль Юпитера?

— Да. Ахъ, какая она глупая! Такъ вы знаете Юпитера?

— Жиборна? Какже.

— У него славная борода.

— А хорошо то что они будутъ представлять?

— Очень хорошо, отвѣчалъ съ увѣренностью незнакомецъ.

— Что это будетъ такое?

— Справедливый судъ богоматери, нравоученіе, сударыня.

— А!

Послѣдовала пауза. Незнакомецъ прервалъ ее:

— Это совсѣтъ новое правоученіе ; его дають въ первый разъ.

— Такъ это не то, которое давали два года тому назадъ, въ день прибытія г. легата, когда еще три дѣвицы исполняли роли?..

— Сирень? да еще раздѣтыхъ? Это была какая-то дрянъ. Сегодня будетъ пьеса, написанная нарочно для Маргариты фландрской.

— Будутъ пѣть кунлеты?

— Фи! то что хорошо для легата, негодится приицесь.

— А жаль. Тогда были также дикіе люди и сражались между собою и распѣвали разные пѣсенки.

— А около нихъ играли разные инструменты ; было очень приятно.

— А еще былъ фонтанъ изъ вина и пили всѣ, сколько кому хотѣлось.

— А помнишь, былъ приступъ и всѣхъ англичанъ перебили?

— Когда г. легатъ проѣзжалъ по мосту, то выпустили множество птицъ ; какъ это было хорошо!

— Сегодня будетъ лучше, прервалъ незнакомецъ, слушавшій съ нетерпѣніемъ.

— Такъ вы ручаетесь, что мистерія будетъ хороша?

— Сударыни! Я самъ сочинилъ ее.

— Неужели? сказали удивленные дѣвушки.

— Да, отвѣчалъ поэтъ съ нѣкоторой важностью : — то-есть насъ двое : Маршанъ, который пилилъ доски и строилъ сцену и я, который написалъ пьесу. Меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ.

Авторъ Сиды съ меньшею гордостью объявилъ бы, что его зовутъ Пьеромъ Корнелемъ.

Читатели вѣрно уже замѣтили, что прошло довольно времени съ тѣхъ поръ какъ Юпитеръ скрылся за драпировкой до той минуты, когда авторъ мистеріи открылся своимъ наивнымъ почитательницамъ. Странно : толпа, такая нетерпѣливая за минуту, добродушно ждала, положившись на слово комедіанта. Это подтверждаетъ вѣчно повторяющуюся истину, что лучшій способъ заставить публику долго ждать, это сказать ей, что представленіе сейчасъ начнется.

Одинъ Фролло не дремалъ.

— Эй, Юпитеръ! заснулъ ты чтоли? Начинайте, или мы начнемъ свое!

Раздались звуки музыки, драпировка запахнулась и изъ-за нея вышли четыре нарумявленныхъ и разряженныхъ личностей и стали подниматься по лѣстницѣ. На верхней площадкѣ онѣ выстроились въ

линію и низко поклонились публикѣ; музыка замолчала, началась мистерія.

Актеры, получивъ должную дань рукоплесканій, начали прологъ, отъ котораго мы охотно избавляемъ читателей. Впрочемъ тогда, какъ подчасъ и теперь, публика больше была занята ихъ костюмами, что было совершенно справедливо. Всѣ четверо были одѣты въ бѣломъ и желтомъ; платья отличались только качествомъ матеріи; первое было парчевое съ серебромъ, второе шолковое, третье шерстяное, четвертое холстинное. Первый персонажъ держалъ въ рукѣ шпагу, второй два золотыхъ ключа, третій вѣсы, четвертый заступъ; для людей несовѣтъ догадливыхъ, на подолѣ перваго платья, было вышито черными буквами: «я дворянство», на подолѣ второго: «я духовенство»; на третьемъ: «я торговля» и на четвертомъ: «я земледѣіе». Различіе пола обозначалось длиною платья и головнымъ уборомъ. У двухъ алегорій мужскаго рода платья были короче и на головѣ шапочки.

Надо было вовсе не имѣть провицательности, чтобъ не понять изъ пролога, что земледѣіе было въ законномъ супружествѣ съ торговлей, а духовенство съ дворянствомъ и что у обѣихъ семействъ былъ общій золотой дельфинъ, котораго они назначали лучшей изъ женщинъ. Они ходили долго по свѣту, отыскивая эту красавицу и отвергнувъ королеву голкондскую, принцессу требизондскую, дочь великаго хана татарскаго и т. д., пришли отдохнуть на мраморномъ столѣ и излить передъ зрителями весь запасъ риторическихкихъ фигуръ и кудрявыхъ фразъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ.

Все это было вельми хорошо.

Тѣмъ неменѣе изъ всей этой толпы, на которую четыре алегоріи взапуски изливали свое краснорѣчіе, внимательнѣе всѣхъ былъ Пьеръ Гренгуаръ, неутерпѣвшій, чтобъ не сказать своего авторскаго имени двумъ молодымъ дѣвушкамъ. Слухъ его былъ напряжонъ до послѣдней возможности, сердце билось, глаза такъ и впились въ актеровъ; онъ слушалъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ автора, слѣдящаго за тѣмъ, какъ воплощаются его идеи. Достойный Пьеръ Гренгуаръ!

Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что упоеніе его было непродолжительно. Едва успѣлъ онъ прикоснуться губами къ чашѣ наслажденія, какъ въ нее примѣшалась горечь.

Оборванный нищій, неимѣя возможности прорваться сквозь тол-

пу для сбора милостыни, и вѣроятно ненайди достаточной поживы въ карманахъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, вздумалъ помѣститься на первомъ встрѣчномъ видномъ мѣстѣ, чтобъ привлечь общее вниманіе. Въ самомъ началѣ пролога онъ пробрался по разнымъ лѣпнымъ украшеніямъ на самую верхушку столба, надъ эсградой для посольства, и усѣлся тамъ, неговоря пока ни слова, но выставивъ напоказъ руку съ ужаснѣйшей раной. Прологъ шолъ своимъ чередомъ, какъ вдругъ Жанъ-Фролло замѣтилъ нищаго и залился звонкимъ смѣхомъ :

— Ба! этотъ оборвышъ просить милостыню!

Тотъ, кому случилось бросить камень въ болото или выстрѣлить въ стаю птицъ, пойметъ какое дѣйствіе произвели эти неожиданныя слова въ минуту всеобщаго вниманія. Актеры остановились, всѣ головы повернулись къ нищему, который не упустилъ удобнаго случая и затянулъ жалобнымъ голосомъ : «подайте милостыньку!»

— Э! да это Клопенъ Трульфу. Что, любезный другъ, вѣрно ранъ твоей непоморвилось на ногъ, что она перевхала на руку?

Говоря это, онъ искусно бросилъ серебряную монетку въ грязную шапку нищаго. Нищій невозмутимо принялъ сарказмъ и милостыню и опять затянулъ свою жалобную ноту.

Этотъ эпизодъ значительно разсѣялъ слушателей и большая часть молодежи весело аплодировала импровизированному дуэту между школьникомъ и нищимъ.

Гренгуаръ былъ очень недоволенъ. Придя въ себя, онъ непереставалъ кричать четырьмя аллегоріями : — Да продолжайте же, чертъ васъ возьми! и не удостоилъ даже взглядомъ двухъ нарушителей его триумфа.

Кто-то сзади потянулъ его за сертукъ; онъ обернулся неохотно, однако принужденъ былъ состроить улыбку, потому что рука, потревожившая его, принадлежала одной изъ его молодыхъ собесѣдницъ.

— Будутъ они продолжать?

— Конечно, отвѣчалъ Гренгуаръ, обиженный вопросомъ.

— Въ такомъ случаѣ не будете ли вы такъ добры и не объясните ли мнѣ...

— То что они будутъ говорить? Да вы сами услышите.

— Нѣтъ, то что они говорили вначалѣ.

Гренгуара подернуло, какъ-будто кто пальцемъ коснулся ему до свѣжей раны.

— Чортъ побери глупую дѣвчонку! проворчалъ онъ сквозь зубы. — Съ этой минуты она потеряла права на его уваженіе.

Между тѣмъ актеры вняли его увѣщаніямъ и лублика тоже приготовилась дослушивать, хотя и пропустила множество красотъ отъ неумѣстной остановки. Гренгуаръ не безъ горечи думалъ объ этомъ. Школьникъ молчалъ, нищій пересчитывалъ деньги, пьеса шла своею дорогою.

Это было прекрасное твореніе, которымъ можно бы, по нашему мнѣнію, воспользоваться и теперь, допустивъ нѣкоторыя передѣлки. Правда, что вступленіе было нѣсколько длинно и пусто, но зато Гренгуаръ изъ своего угла любовался его ясностью. Какъ и слѣдовало ожидать, аллегоріи очень устали отъ своего долгаго путешествія, все-таки ненашедши пристанища своему золотому дельфину. Начались похвалы чудесной рыбѣ, съ тонкими и искусными намеками на молодого жениха Маргариты фландрской, который въ это время печально сидѣлъ въ Амбуазѣ и нисколько не подозрѣвалъ, что земледѣіе и духовенство, дворянство и торговля сдѣлали для него кругосвѣтное путешествіе. Вышеупомянутый дельфинъ былъ, по словамъ аллегорій, молодъ, красивъ, силенъ и главное (какое чудодѣйственное происхожденіе царственныхъ добродѣтелей!) былъ сынъ французскаго льва. Я заявляю, что эта смѣлая метафора удивительна и что естественная исторія театровъ въ припадкѣ аллегоріи и эпиталамы владѣтельнымъ лицамъ нисколько не оскорбляется происхожденіемъ дельфина отъ льва. Эти-то рѣдкія и пиндаровскія смѣшенія породъ и выражаютъ энтузіазмъ. Чтобы бросить на пьесу критическій взглядъ, скажемъ пожалуй, что авторъ могъ бы выразить свою прекрасную идею менѣе чѣмъ въ двухстахъ стихахъ. Правда и то, что по распоряженію судьи мистерія должна была занять время отъ полудня до четырехъ часовъ, а надо же говорить что-нибудь въ такой промежутокъ. Слушали впрочемъ терпѣливо.

Вдругъ, въ самый разгаръ ссоры между торговлей и дворянствомъ, въ то время когда земледѣіе произноситъ удивительный стихъ:

On le vit dans les bois bête plus triomphante —

дверь эстрады отворилась и пронзительный голосъ привратника провозгласилъ: «Его эминенція кардиналъ герцогъ бурбонскій!»

III

ЕГО ЭМИНЕНЦІЯ

Бѣдный Гренгуаръ! Двойной зарядъ изъ пушекъ, залпъ двадцати мушкетовъ, звукъ знаменитаго орудія въ башнѣ Билли, которое во время осады Парижа, въ воскресенье 29 сентября 1465 года, убило разомъ семерыхъ бургонцевъ, взрывъ всѣхъ пороховыхъ запасовъ не произвелъ бы на него такого оглушительнаго дѣйствія, какъ эти простые слова: «Его эминенція кардиналъ герцогъ бурбонскій».

Нельзя сказать, чтобы Пьеръ Гренгуаръ боялся кардинала или чувствовалъ къ нему презрѣніе. У него не было ни этой слабости, ни этого высокомерія. Настоящій эклектикъ, какъ сказали бы въ наше время, Гренгуаръ былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ воаппененно-спокойныхъ, твердыхъ и умѣренныхъ, которые всегда умѣютъ держаться золотой середины (*stare in dimidio regni*) и быть исполненными разсудка и либеральной философіи, непереставая уважать кардиналовъ. Драгоценная и неистощимая раса философовъ, которыми новая Ариадна кажется дала клубокъ, и они счастливо пробиваются съ нимъ по житейскому лабиринту. Они неизмѣнны во все времена, следовательно всегда умѣютъ быть современными.

Итакъ къ непріятному чувству отъ появленія кардинала не прибавлялась ни ненависть, ни презрѣніе въ душѣ Гренгуара. Напротивъ, у нашего поэта было слишкомъ много здравого смысла и костюмъ его былъ слишкомъ изодранъ, такъ что онъ не могъ не желать, чтобы нѣкоторыя фразы, содержащія похвалы дошину, долетѣли до чьихъ-нибудь высокихъ ушей. Впрочемъ интересъ не преобладаетъ въ поэтическихъ натурахъ. Если предположить, что существо поэта изображается цифрой десять, какой-нибудь химикъ, разложивъ ее, нашолъ бы девять частей самолюбія и одну десятую интереса. Въ ту минуту какъ отворялась дверь предъ кардиналомъ, девять частей гренгуарова самолюбія были сильно напряжены въ ожиданіе ожидаемой славы, такъ что одна десятая интереса, замѣченная нами въ поэтическихъ натурахъ, была совершенно въ тѣни; впрочемъ она составляетъ драгоценный ингредиентъ, въ силу котораго поэты получаютъ известную долю практичности и нѣсколько дѣ-

лаются сынами земли. Гренгуаръ наслаждался, видя цѣлую массу, правда простонародья, но все-таки массу, изумленную, внимательную, какъ-будто даже подавленную множествомъ тирадъ, ежеминутно вырывавшихся у его персонажей. Я готовъ утверждать, что и самъ онъ раздблялъ всеобщее умиленіе, и наперекоръ Лафонтену, который во время представленія своего Флорентинца спросилъ: «Какой это неучъ написалъ эту рапсодію?» Гренгуаръ готовъ былъ спросить: «Чье это образцовое произведеніе?» Можете представить какое дѣйствіе произвело на него внезапное появленіе кардинала.

Страхъ его вполне оправдался. Входъ его аминенціи растревожилъ все общество. Всѣ головы обернулись къ эстрадѣ. Гвалтъ былъ ужасный. Несчастный продогъ былъ еще разъ остановленъ.

Кардиналъ остановился на минуту на порогѣ эстрады. Поднялась цѣлая тревога; чтобы взглянуть на него; каждый старался возвыситься надъ головой стоящаго впереди.

Это была на самомъ дѣлѣ высокая личность, и взглянуть на нее стоило любой комедіи. Карлъ Бурбонъ, кардиналъ, архіепископъ и графъ Лионскій, примазь Галліи, состоялъ въ двойномъ родствѣ: съ Людовикомъ XI — со стороны своего брата, Петра де-Боже, жена-таго на старшей дочери короля, и съ Карломъ-сильвымъ, — по своей матери Агнесѣ бургонской. Слѣдственно главной характеристической чертой его былъ духъ куртизанства и преданность властямъ. Легко можно судить, сколько хлопотъ было ему отъ его двойного родства и между сколькими подводными камнями должна была лавировать его духовная ладья, чтобы не разбиться ни объ Людовика, ни объ Карла, эту Харибду и Сциллу, поглотившую герцога немурскаго и конетабля де Сен-Поль. Благодаря-бога онъ цѣлъ и невредимъ добрался до Рима. Но, хотя и у пристани, и потому именно, что былъ у пристани, онъ не безъ сердечной тревоги припоминалъ тревоженія своей многотрудной политической карьеры. Онъ обыкновенно говаривалъ, что 1476 годъ былъ для него *большимъ и чернымъ*, разумѣя подъ этимъ, что тогда онъ лишился своей матери и двоюроднаго брата, герцога бургонскаго, и что одна потеря утѣшила его въ другой.

Впрочемъ это былъ добрый человекъ; онъ велъ веселую жизнь, охотно пилъ королевское вино, охотнѣе оказывалъ благодѣяніе молодымъ дѣвушкамъ нежели старухамъ, и за все это былъ очень приятенъ народу. Его всегда сопровождала небольшая свита епископовъ и аббатовъ изъ хорошихъ фамилій, веселыхъ, милыхъ, любящихъ

покутить, и нерѣдко богомольныя дамы сенжерменскаго прихода, проходя вечеромъ подъ освѣщенными окнами дома Бурбоновъ, къ великому скандалу слышали какъ тѣже самые голоса, которые имъ пѣли вечерню, распѣваютъ теперь вакхическую пословицу Бенуа XII, этого папы, который прибавилъ третій вѣнецъ къ тиарѣ: *Vivamus papaliter.*

Вѣроятно эта-то справедливо заслужонная популярность и слава его отъ всякой непріятности, при появленіи на эстрадѣ, со стороны толпы, очень мало цѣнившей кардинальское званіе въ тотъ день, когда ей предстояло избрать папу. Но парижане не злопамятны; они поставили на своемъ, заставивъ начать мистерію, и были совершенно довольны. Ктому же кардиналъ былъ очень красивый мужчина и умѣлъ отлично носить свое превосходное красное платье; изъ этого слѣдуетъ, что прекрасная половина присутствующихъ была на его сторонѣ. Возможно ли изъявить неудовольствіе кардиналу, заставившему себя ждать, когда онъ такой красивый мужчина и такъ хорошо носить свое красное платье!

Онъ вошелъ, поклонился съ улыбкой и медленно направился къ своему креслу изъ пунцоваго бархата, съ видомъ челоуѣка, думающаго о совершенно постороннихъ вещахъ. Слѣдомъ за нимъ вошла его свита. Въ толпѣ каждый хвасталъ, что знаетъ хотя одного епископа, каждый называлъ своего, причемъ произносились странныя имена, едвали кѣмъ слыханныя. Школьники потѣшались; это былъ ихъ день, ихъ праздникъ, ихъ ежегодная оргія. Каждая шалость была въ этотъ день законна. Ктому же въ толпѣ было много веселыхъ Агнесъ, Клавдій и проч.: а какъ не подурачиться въ такомъ веселомъ обществѣ?

Кардиналъ между тѣмъ готовился къ принятію фландрскаго посольства, вступившаго вслѣдъ за нимъ за эстраду.

Нельзя сказать, чтобы онъ былъ большой политикъ и заботился о послѣдствіяхъ брака своей кузины Маргариты бургонской съ своимъ кузеномъ Карломъ, дофиномъ венскимъ, или вычислялъ какъ долго можетъ продлиться миръ между герцогомъ австрійскимъ и королемъ Франціи. Ему было рѣшительно все равно, какъ приметъ англійскій король отказъ своей дочери, и онъ попивалъ каждый вечеръ королевское вино, неподозрѣвая, что нѣсколько бутылокъ того же напитка, разумѣется исправленныхъ и пополненныхъ докторомъ Куатье, предложенныхъ въ подарокъ Людовикомъ XI Эдуарду IV, избавятъ Людовика отъ Эдуарда. Достопочтенное австрійское по-

солство не внушало всѣхъ этихъ заботъ кардиналу, но докучало ему въ другомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ было очень непріятно ему, Карлу Бурбону, ухаживать за какими-то бюргерами, любителями пива. При этомъ случаѣ онъ конечно сдѣлалъ самую трудную гримасу въ угоду королю Франціи.

Итакъ кардиналъ съ самой любезной миной обратился къ двери; конечно вся зала послѣдовала его примѣру.

Въ дверь начали входить попарно, съ важностью, составлявшею разительный контрастъ съ шумной свитой кардинала, сорокъ восемь посланниковъ Максимилиана австрійскаго. Толпа затихла; только изрѣдка слышался взрывъ смѣха при какомъ-нибудь странномъ имени или слишкомъ мѣщанскомъ титулѣ вновь прибывшихъ. Всѣ личности были важны, серьезны, разодѣты въ бархатъ и шюахъ, въ шапочкахъ изъ чернаго бархата съ золотыми кистями; у всѣхъ были добродушныя фламандскія головы, серьезныя и строгія, изъ ряда тѣхъ, которыя Рембрантъ изобразилъ въ своемъ ночномъ смотру; на всѣхъ лицахъ была написано, что Максимилианъ хорошо сдѣлалъ, *положившись вполне на такихъ достойныхъ представителей.*

Одно только лицо рѣзко отличалось отъ прочихъ: оно было умное и хитрое, какъ у обезьяны или дипломата; кардиналъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и особенно поклонился, хотя пришедшаго звали просто Вильгельмомъ Раймъ, совѣтникомъ города Гента.

Немногіе знали тогда, что такое Вильгельмъ Раймъ. Это былъ рѣдкій геній, который выказался бы въ полномъ блескѣ во время революцій, но въ XV вѣкѣ осужденъ былъ на *веденіе подземныхъ интригъ*, какъ говорилъ герцогъ Сен-Симонъ. Его вполне умѣлъ оцѣнить хитрѣйшій человекъ Европы; онъ имѣлъ частныя секретныя бесѣды съ Людовикомъ XI и исполнялъ его тайныя порученія. Всѣ эти вещи конечно небыли извѣстны толпѣ, удивлявшейся необыкновенной вѣжливости кардинала къ такой невзрачной фламандской личности.

IV

ТАКОВЪ КОППЕНОЛЬ

Пока кардиналъ и совѣтникъ обмѣнивались низкими поклонами и нѣсколькими тихими словами, человекъ высокаго роста, съ широ-

нимъ лицомъ и плечами, хотѣлъ войти вслѣдъ за Раймомъ, какъ бульдогъ вслѣдъ за лисицей. Его войлочная шляпа и кожаный кафтанъ резко бросались въ глаза среди шёлка и бархата. Думая, что это какой-нибудь конюхъ, привратникъ не хотѣлъ дуть на него.

— Нельзя, любовный другъ!

— Что надо отъ меня этой рожѣ? сказала новоприбывшій такимъ громкимъ голосомъ, что вся зала обратила вниманіе,

— Ваше имя?

— Иаковъ Коппеноль,

— Ваше званіе?

— Продавецъ панталонъ въ Гентѣ.

Придверникъ задумался. Докладывать о бургомистрахъ все еще спосно, но о продавцѣ нижняго платья... это ужъ слишкомъ. Кардиналъ былъ на угольяхъ. Тогда ждала и слушала. Его эминенція цѣлыхъ два дня приглаживала этихъ фламандскихъ медвѣдей, чтобы приличнѣе показать ихъ публикѣ, какъ вдругъ такой случай! Вильгельмъ Раймъ нашолся:

— Доложи: Иаковъ Коппеноль, старшина города Гента, подсказалъ онъ тихо.

Кардиналъ громко повторилъ титулъ.

Это была ошибка: Коппеноль слышалъ.

— Нѣтъ, закричалъ онъ своимъ громовымъ голосомъ, — Иаковъ Коппеноль продавецъ нижняго платья, ни болѣе ни менѣе, слышишь? Хорошо и такъ. Эрцгерцогъ не гнушается же брать перчатки изъ кармана моихъ панталонъ.

Раздался смѣхъ и рукоплесканія. Шутку всегда поймутъ и оцѣнятъ въ Парижѣ.

Прибавимъ, что Коппеноль принадлежалъ къ народу и народъ ему аплодировалъ. Сообщение между ними было быстрое, электрическое. Гордая выходка въ присутствіи придворныхъ пробудила въ плебейскихъ душахъ какое-то чувство собственнаго достоинства, еще очень смутное въ XV вѣкѣ. Продавецъ платья ихъ ровнялъ: такъ говорить съ кардиналомъ! — эта мысль была пріятна людямъ, привыкшимъ дрожать передъ каждымъ сержантомъ.

Коппеноль гордо поклонился его эминенціи, тотъ отдалъ поклонъ сильному гражданину, котораго побаивался Людовикъ XI. Потомъ, пока Вильгельмъ Раймъ, умный и хитрый, во словамъ Филиппа де Комминъ, слѣдилъ за обоими саркастическимъ взглядомъ, они сѣли на свои мѣста — кардиналъ озабоченный и сконфуженный, Коппеноль

спокойный и гордый, сознавая по всей вѣроятности, что его титулъ продавца платья стоилъ титула кардинала и что Марія бургонская, мать той Маріи, которой бракъ онъ теперь устраивалъ, менѣе бы боялась его, когда бы онъ былъ кардиналомъ, а не лавочникомъ; потому что не кардиналъ заставилъ бы толпу пренебречь слезами Маргариты фландрской, у подножія эшафота умолявшей за своихъ фаворитовъ: простой лавочникъ заставилъ пасть ваши головы, свѣтѣйшій Гюи Гимберкуръ, канцлеръ Вильгельмъ Гюгоне!

Но не все еще кончилось для бѣднаго кардинала; онъ долженъ былъ выпить до дна чашу горечи отъ такого неприличнаго общества.

Читатель вѣроятно не забылъ дерзкаго нищаго, забравшагося на колонну кардинальской эстрады. Прибытіе именитыхъ посѣтителей не заставило его измѣнить мѣста, и пока посланники утискивались въ своей ложѣ, какъ настоящія фламандскія сельди, онъ очень удобно утѣлся и скрестилъ ноги на перекладинѣ. Дерзость была ужасная, но въ первую минуту никто не обратилъ на нее вниманія. Онъ въ свою очередь не замѣтилъ ничего особеннаго въ залѣ и покачивая головою какъ безпечный неаполитанецъ, затыкалъ отъ времени до времени свою жалобную ноту. Нужно же было, чтобы Іаковъ Коппеноль сѣлъ въ первый рядъ, возлѣ самой колонны. Пока нищій раскачивался, Коппеноль положилъ ему на плечо руку; нищій обернулся; оба удивились, потомъ узнали другъ друга и обрадовались; нимало не забываясь о зрителяхъ, нищій и продавецъ платья начали потихоньку разговаривать, держась за руки, такъ что лохмотья Трульфу смѣшивались съ золотыми украшеніями эстрады.

Новость подобной сцены возбудила одобреніе и смѣхъ въ залѣ, такъ что кардиналъ обратилъ вниманіе. Наклонившись впередъ и видя только часть грязнаго платья Трульфу, онъ подумалъ, что тотъ проситъ милостыню и закричалъ судь:

— Бросьте это чучело въ рѣку!

— Господинъ кардиналъ, сказалъ Коппеноль, невыпуская руки нищаго, — это одинъ изъ моихъ друзей.

— Bravo! bravo! кричала толпа. Съ этой минуты Коппеноль получилъ въ Парижѣ такую же популярность, какъ и въ Гентѣ.

Кардиналъ закусилъ губы. Онъ нагнулся къ своему сосѣду аббату св. Женевьевы и сказалъ вполголоса:

— Странное посольство выбралъ эрцгерцогъ, чтобъ сообщить намъ прибытіе Маргариты!

— Ваша эминенція понапрасну тратитъ свою любезность на этихъ фламандцевъ : *Margaritas ante porcos*.

— Скажите лучше, замѣтилъ кардиналъ съ улыбкой : — *porcos ante Margaritam*.

Вся свита была въ восторгѣ отъ каламбура. Кардиналу сдѣлалось легче ; теперь онъ поквитался съ Коппенолемъ ; его шуткѣ также аплодировали.

Теперь пусть позволяютъ намъ тѣ читатели , которые оспособны обобщить образъ и идею , какъ говорятъ въ наше время , спросить ихъ : ясно ли они представляютъ себѣ видъ , который имѣла большая зала въ минуту нашего рассказа ? По срединѣ ея , у восточной стѣны великолѣпная широкая эстрада съ золотою парчей , въ которую входятъ попарно , чрезъ готическую дверь , важныя лица , превозглашаемая придверникомъ ; на переднихъ скамьяхъ уже множество почтенныхъ лицъ , въ горностаяхъ и бархатахъ . Вокругъ эстрады , дышащей тишиной и важностью , внизу ея , со всѣхъ сторонъ , шумъ и толпа . На каждое лицо эстрады устремлено тысячу глазъ , тысячи губъ повторяютъ каждое имя . Конечно все это любопытно и заслуживаетъ вниманія ; но тамъ , въ концѣ , что это за возвышеніе на четырехъ пестрыхъ столбахъ ? Что это за человекъ въ черномъ платьѣ и съ блѣднымъ лицомъ ? Увы , любезный читатель ! Это Пьеръ Гренгуаръ и его прологъ...

Мы его всѣ совершенно забыли.

А этого-то онъ пуще всего боялся.

Съ самаго входа кардинала Гренгуаръ хлопоталъ о спасеніи своего пролога . Онъ было велѣлъ актерамъ продолжать и возвысить голосъ , но видя что никто не слушаетъ , остановилъ ихъ ; въ продолженіи цѣлой четверти часа онъ не переставалъ выходить изъ себя , топтать ногами , призывать вниманіе сосѣдей — и все напрасно . Никто не отворачивался отъ кардинала , посланниковъ и эстрады , центра всѣхъ взоровъ . Къ величайшей горести надо признаться , что прологъ начиналъ уже порядочно надоѣдать , когда кардиналъ такъ кстати прервалъ его . Притомъ на эстрадѣ и на мраморномъ столѣ были одни и тѣже персонажи : собраніе земледѣльцевъ и духовенства , дворянства и торговцевъ . Многимъ зрителямъ лучше нравилось видѣть всѣ эти сословія въ настоящемъ ихъ видѣ , на эстрадѣ , въ костюмахъ фламандскихъ посланниковъ , въ мантии кардинала , въ одеждѣ Коппеноля , чѣмъ набѣленныхъ и говорящихъ стихами , въ жолтыхъ туникахъ , которыми наградилъ ихъ Гренгуаръ .

Однакожь нашъ поэтъ, пользуясь водвореніемъ тишины, придумалъ хитрость, которая могла бы все спасти.

— Милостивый государь, началъ онъ обращаясь къ своему толстому сосѣду съ лицомъ выражавшимъ терпѣніе: — что, еслибы начать сначала?

— Что такое? спросилъ сосѣдъ.

— Да мистерію, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ сосѣдъ.

Этого полуодобренія было довольно Гренгуару; онъ принялся самъ хлопотать о себѣ, и вмѣшавшись въ толпу, началъ кричать:

— Сначала мистерію! Сначала!

— Чортъ! сказалъ Юганъ де Молендино: — что они тамъ напѣваютъ? (Гренгуаръ кричалъ за четверыхъ.) Братцы, развѣ мистерія не кончилась? Они требуютъ ее сызнаова: это несправедливо!

— Нѣтъ, нѣтъ! подхватили школьники: — ненужно мистеріи!

Но Гренгуаръ кричалъ еще громче.

Шумъ привлекъ вниманіе кардинала:

— Что они такъ шумятъ, г. судья, будто въ аду? сказалъ онъ, наклонясь къ черной фигурѣ, стоявшей подлѣ него.

Этотъ судья былъ родъ амфибіи, летучей мыши судебного разряда, похожій на крысу и птицу, на судью и солдата.

Онъ не безъ страха подошелъ къ его эминенціи и объяснилъ запинаясь народное своеволие и то, что полдень прибылъ раньше его эминенціи, такъ что актеры не могли уже отказываться.

Кардиналъ расхохотался.

— Что-бы ректору университета догадаться сдѣлать тоже что и комедіанты! Какъ вы думаете, г. Раймъ?

— Будемъ довольны, ваша эминенція, что избавлены хоть отъ половины комедіи.

— Могутъ эти шуты продолжать свое дѣло? спросилъ судья.

— Продолжайте пожалуста, мнѣ все равно. Я буду пока читать молитвенникъ.

Судья приблизился къ краю эстрады и прокричалъ:

— Граждане и всѣ присутствующіе! чтобы удовлетворить тѣхъ, которые требуютъ начала, и тѣхъ, которые желаютъ конца, его эминенція приказалъ продолжать пьесу съ того мѣста, на которомъ остановились.

Нужно было покориться. Впрочемъ авторъ и публика долго были въ претензіи на кардинала.

Итакъ актеры опять начали болтовню и Гренгуаръ надѣялся, что по крайней мѣрѣ конецъ его созданія будетъ оцѣненъ по достоинству. Но и эта надежда незамедлила рушиться. Въ то время какъ кардиналъ отдалъ приказъ о продолженіи мистеріи, эстрада была еще далеко не полна, такъ что стихи пролога часто были раздѣляемы на двое крикливымъ голосомъ привратника, провозглашавшаго новыя имена.

Это было невыносимо.

Этотъ странный акомпаниментъ, мѣшавшій слѣдить за пьесой, былъ тѣмъ невыносимѣе для Гренгуара, что онъ сознавалъ какъ растеть интересъ его пьесы и что единственная бѣда въ томъ, что никому ее слушать. Въ самомъ дѣлѣ трудно придумать болѣе драматизма. Аллегоріи были въ смертельномъ недоумѣніи, когда сама Венера предстала предъ ними и требовала дельфина, обѣщаннаго красивѣйшей изъ женщинъ. Юпитеръ поддерживалъ ея просьбы своими громами и дѣло почти рѣшилось, какъ вдругъ явилась маленькая дѣвочка, одѣтая въ бѣломъ дамъ и держащая въ рукахъ бѣлую маргаритку (олицетвореніе Маргариты фландрской). Театральный эффектъ. Послѣ долгаго состязанія маргаритка, Венера и компанія рѣшили обратиться къ суду. Была еще хорошая роль дона Педро, короля Месопотаміи, но такъ какъ пьеса безпрестанно прерывалась, то и трудно было судить зачѣмъ онъ тутъ случился. Всѣ именитыя лица безъ церемоніи входили по лѣстницѣ.

Увы! ни одна красота не была понята и прочувствована. Съ прибытіемъ кардинала будто какая магическая нить обратила всѣ взоры къ эстрадѣ, съ южной на восточную сторону залы. Ничто не въ силахъ было разрушить этихъ чаръ и новоприбывающіе, съ своими проклятыми именами, продолжали разсѣвать публику. За исключеніемъ молоденькихъ сосѣдокъ, оглядывавшихся всякій разъ какъ Гренгуаръ дергалъ ихъ за рукавъ, и терпѣливаго толстяка, вся публика стояла профилемъ къ сценѣ.

Съ какимъ горькимъ чувствомъ видѣлъ Гренгуаръ разрушеніе зданія своей славы и поэзіи! Какъ вспомнишь, что всѣ эти люди готовы были повѣсить судью отъ нетерпѣнія видѣть мистерію! При какомъ единодушномъ сочувствіи она начиналась! А теперь?.. О непостоянство народнаго увлеченія! Чего бы онъ не далъ, чтобъ воротить ту сладкую минуту, когда собирались вѣшать сержантовъ!

Грубый монологъ привратника наконецъ прекратился и Гренгуаръ вздохнулъ свободно; актеры храбро продолжали свое дѣло,

Надо же было этому ненавистному Коппенюлю встать съ мѣста и начать свою скверную рѣчь :

— Господа граждане и молодежь Парижа! по чести, я незнаю что мы здѣсь дѣлаемъ. Я вижу тамъ въ углу, на возвышеніи, людей, которые кажется жалають драться. Незнаю что у васъ называется мистеріей, только это скучно; они болтають языкомъ и больше ничего. Уже съ четверть часа я ожидаю начала драки, но ея нѣтъ; это трусы, которые умѣють только ругаться. Нужно было выписать пулачныхъ бойцовъ изъ Лондона или Роттердама, тогда было бы другое дѣло! На этихъ смотрѣть жалко. Хоть бы они что-нибудь проплясали! Мнѣ обѣщали совсѣмъ другое: праздникъ шутовъ съ избраніемъ папы. У насъ въ Гентъ также есть такой папа; въ этомъ мы не отстаемъ. Только у насъ вотъ какъ дѣлается: мы всѣ собираемся толпою, какъ здѣсь; потомъ каждый просовываетъ голову въ какое-нибудь отверстіе и дѣлаетъ рожу: тотъ, у кого рожа выйдетъ всѣхъ хуже, избирается въ папы; это очень забавно. Хотите выбирать папу по-моему? Будетъ гораздо занимательнѣе, чѣмъ слушать этихъ болтуновъ. Если они тоже захотятъ дѣлать рожи, то мы и ихъ примемъ въ игру. Какъ вы думаете, господа граждане? Здѣсь порядочно наберется уморительныхъ лицъ мужского и женскаго пола, такъ что можно ожидать славной хари и похотать пофламандски.

Гренгуаръ хотѣлъ отвѣчать: удивленіе, гнѣвъ пресѣкли его голосъ. Впрочемъ предложеніе популярнаго торговца панталонами было принято съ такимъ единодушіемъ и энтузіазмомъ, что всякая рѣчь была бы бесполезна. Оставалось предаться теченію. Гренгуаръ закрылъ лицо руками, за неимѣніемъ плаща Агамемнона.

V

КВАЗИМОДО

Въ одно мгновеніе все было готово, чтобы осуществить идею Коппенюля. Буржуа, школьники и чернь, всѣ принялись за дѣло. Часовенька напротивъ мраморнаго стола была избрана мѣстомъ гримасъ. Одно разбитое стекло въ прелестной розеткѣ надъ дверью оставило пустой кругъ, въ который конкуренты рѣшили выставлять голову. Чтобъ достать до него, нужно было взобраться на двѣ боч-

ки, поставленные одна на другую и явившіяся богъ-вѣсть откуда. Въ условіи значилось, что каждый кандидат мужского или женскаго пола (женщины тоже допускались къ избранію); чтобы произвестъ своею гримасой полное впечатлѣніе, будетъ сидѣть въ углу часовни, закрывъ лицо руками. Въ одну минуту конкурентовъ явилась бездна и дверь часовни затворилась за ними.

Коппеноль распорядился съ своего мѣста. Кардиналъ, сконфуженный неменьше Гренгуара, ушелъ съ своей святой; подъ-предлогомъ вечерни, и таже толпа, на которую появленіе его произвело такое сильное впечатлѣніе, теперь и не замѣтила его ухода. Вильгельмъ Раймъ одинъ замѣтилъ отступленіе его эминенціи. Народное любопытство шло путемъ солнца: съ одного конца залы оно сначала перешло на середину, а теперь стремилось въ противоположный уголъ. Мраморный столъ и парчевая эстрада отбыло свою очередь; теперь былъ чередъ часовни Людовика XI. Раздолье для шалостей было полное; въ залѣ оставалась только чернь да фламанцы.

Начались гримасы. Первая рожа, показавшаяся въ омиѣ, съ вывернутыми нѣжками, съ исковерканнымъ ртомъ и лбомъ сморщеннымъ какъ гусарскіе сапоги времени имперіи, произвела такой ужасный хохотъ, что Гомеръ принялъ бы всѣхъ этихъ шалопаевъ за боговъ. Между тѣмъ зала далеко не была Олимпомъ; Овидій гренгуаровъ Юпитеръ зналъ это очень хорошо. Засимъ послѣдовала другая, третья, четвертая гримаса и всѣ сопровождались смѣхомъ и топаньемъ. Въ этомъ зрѣлищѣ было какое-то необъяснимое упоеніе, совершенно непонятное нашимъ современнымъ читателямъ. Представьте себѣ цѣлый рядъ лицъ, изображающихъ всѣ геометрическія формы, отъ треугольника до трапеціи и т. д.; всѣ выраженія человѣческихъ лицъ, отъ гнѣва до сладострастія; всѣ возрасты, отъ морщинъ новорожденного до морщинъ старика; всѣ религіозныя фантазмагоріи, отъ Фавна до Вельзевула; всѣ профили животныхъ. Представьте себѣ всѣхъ чудовищъ Новаго-моста ожившими и смотрящими на васъ огненными глазами, всѣ маски венеціанскаго карнавала, однимъ словомъ цѣлый людской калейдоскопъ.

Оргія дѣлалась все болѣе и болѣе фламандскою. Теньерь не въ силахъ бы былъ дать о ней полное понятіе. Пусть представляютъ себѣ въ видѣ вакханаліи битву Сальватора-Розы. Тутъ исчезло всякое различіе званій, пола и возраста, все слилось въ общемъ раз-

гулъ. Звѣда была опрѣмной наповальной цивилизма, каждый ротъ издавалъ прикъ, каждый взоръ металъ искры, каждое лицо было гримасой, каждое движеніе свободной позой: все ревѣло и дохотало. Лица, показывающіяся изъ окна, служили горячими головнями, бросаемами въ эту печь; и изъ всей этой толпы вылеталъ, какъ дымъ изъ огромной печи, гулъ, шипѣнье, свистъ.

— А, ахъ, чортъ побери!

— Смотри на эту рожу!

— Фуй, гадость!

— Ну-ка другую!

— Вильгельмина, посмотри на эту бычачью морду: недостаетъ только рогъ. Не твой ли это мужъ?

— Проваливай!

— Это что за гримаса?

— Ну это ужъ нечестно!.. Позволено показывать только лицо.

— Отъ шалуни Перетты это станется!

— Bravo! Bravo!

— Ухъ, дышать не могу!

— У этого уши не пролѣзаютъ! — И т. д., и т. д.

Надо отдать полную справедливость нашему другу Фролло. Впродолженіи всего этого шабаша онъ все еще былъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, какъ юнга на мачтѣ. Ротъ его былъ открытъ во всю ширину и издавалъ звукъ, котораго уже небыло слышно: такъ высокъ былъ его діапазонъ.

Чтожъ касается Гренгуара, то спустя первую минуту онъ рѣшился не уступать ни шагу. «Продолжайте!» крикнулъ онъ въ третій разъ своимъ говорящимъ машинамъ и пока расхаживалъ одиноко передъ мраморнымъ столомъ, ему пришла мысль показаться въ окнѣ и сдѣлать самую злую гримасу этой неблагодарной толпѣ. Но нѣтъ, это бы было недостойно насъ! будемъ бороться до конца! власть поэзіи надъ народомъ велика. Посмотримъ что возьметъ верхъ: литература или гримаса.

Увы! онъ остался единственнымъ зрителемъ своей пьесы.

Теперь къ нему обратились даже не профилею, а просто спиной.

То-есть нѣтъ. Терпѣливый толстякъ, къ которому онъ уже обращался за совѣтомъ, стоялъ лицомъ къ балюстрадаѣ. Молодые бабенки давнѣо дезертировали.

Гренгуаръ былъ до глубины души тронутъ постоянствомъ своего единственнаго зрителя. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ, тол-

хнулъ его немного подъ руку, потомучто добрякъ заснулъ; опершись о балюстраду:

— Милостивый государь, благодарю васъ!

— За что, милостивый государь? отвѣчалъ тотъ зѣвая.

— Я вижу, что вамъ надоѣдаетъ, сказалъ поэтъ, — этотъ шумъ, который помѣшалъ вамъ слушать. Но будьте покойны: ваше имя перейдетъ къ потомству. Позвольте узнать ваше имя?

— Рено Шато, къ вашимъ услугамъ.

— Милостивый государь, вы здѣсь единственный представитель нузъ.

— Вы слишкомъ добры, милостивый государь.

— Вы одни съ должнымъ вниманіемъ слушали пьесу. Какъ вы ее находите?

— Гм! гм! сказалъ тотъ совершенно проснувшись: — она очень забавна.

Гренгуаръ принужденъ былъ удовлетвориться этой похвалой, потомучто цѣлый залъ рукоплесканій, съ ужасными восклицаніями прервалъ ихъ разговоръ. Папа шутовъ былъ избранъ.

— Bravo! bravo! bravo! кричали со всѣхъ сторонъ.

На самомъ дѣлѣ это была удивительная гримаса. Послѣ всѣхъ пятиугольныхъ, шестиугольныхъ и неправильныхъ лицъ, появлявшихся въ окнѣ и недостигшихъ идеала, создавагося въ головахъ, возбужденныхъ оргіей, нужно было именно такое первокласное безобразіе. Самъ Коппеноль аплодировалъ и самъ Клонень Труйльфу, бывший въ числѣ конкурентовъ (а одинъ Богъ знаетъ до какой степени безобразія могло достигнуть его лицо), призналъ себя побѣжденнымъ. Мы повѣримъ ему на-слово и не будемъ передавать читателю, что это былъ за трехугольный носъ, ротъ подковой и маленькій лѣвый глазъ, ослѣненный рыжей, клокастой бровью, между тѣмъ какъ товарищъ его съ правой стороны исчезалъ подъ громадной бородавкой; зубы были неровные, мѣстами какъ зубцы на башиѣ; губы искривленныя и на одной изъ нихъ выступалъ длинный зубъ, какъ клыкъ у слона; подбородокъ острый; въ особенности же невозможно передать общаго характера фізіономіа: это была смѣсь хитрости, удивленія и печали. Вообразите, если можете, весь ансамбль.

Одобреніе было единодушное. Всѣ бросились къ часовнѣ. Счастливаго кандидата на папство съ триумфомъ вывели въ залу и тогда-то удивленіе и восторгъ достигли полнаго апогея; гримаса была его

постояннымъ выраженіемъ лица или лучше—сказать вся фигура его представляла одну гримасу. Большая голова съ клокастыми рыжими волосами, сзади огромный горбъ, часть котораго выходила и напередъ ; ноги были такъ странно устроены, что сходились только въ колѣнахъ и представляли видъ двухъ костей, соединенныхъ въ своей верхней части ; ступни широкія, руки чудовищныя, и со всѣмъ этимъ какой-то отпечатокъ силы, ловкости и отваги ; странное исключеніе изъ общаго правила, что сила, какъ красота, истекаетъ изъ гармоніи. Таковъ былъ новоизбранный пана шутовъ.

Это былъ раздробленный и потомъ худо сложенный гигантъ. Когда это подобіе циклопа показалось на порогѣ часовни, неподвижное, лохматое и почти квадратное, народъ тотчасъ узналъ его по его платью, частію красному, частію фіолетовому, съ серебряными мушками, въ особенности же по его феноменальному безобразію, и всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ :

— Это Квазимодо звонарь ! Это Квазимодо, горбатый изъ собора ! Кривой Квазимодо ! Кривоногій Квазимодо ! Bravo ! bravo !

Какъ-видно бѣднякъ могъ сдѣлать выборъ изъ прозвищъ.

— Берегитесь, беременныя женщины ! кричали школьники.

— Или тѣ, которыя надѣются дойти до такого положенія ! прибавилъ Фролло.

Женщины въ самомъ дѣлѣ закрывались руками.

— Мерзкая обезьяна ! говорила одна.

— Такой же злой, какъ и безобразный, говорила другая.

— Это чортъ, прибавляла третья.

— Я по несчастью живу у собора и слышу какъ онъ ночью ходить по крышѣ.

— Съ кошками.

— Онъ всегда лазитъ по крышамъ.

— Онъ нашоптываетъ въ трубы.

— Одинъ разъ онъ выставилъ свою рожу въ мое слуховое окно. Я думала, что это воръ и испугалась.

— Я увѣрена, что онъ ѣздитъ на шабашѣ. Одинъ разъ онъ оставилъ метлу у моего колодца.

— О противная харя !

— О гадость !

— Фуй !

Мужчины напротивъ были въ восторгѣ и рукоплескали. Одинъ

школьникъ засмѣялся ему прямо въ лицо. Квазимодо взялъ его за поясъ и бросилъ въ толпу, неговоря ни слова.

Восхищенный Коппеноль подошелъ къ нему.

— Ну, почтеннѣйшій, ты обладаешь такимъ безобразіемъ, ка-кого я во всю жизнь не встрѣчалъ.

Говоря это онъ весело положилъ ему на плечо руку. Квазимодо не шевельнулся. Коппеноль продолжалъ :

— Съ такимъ чудакомъ я бы охотно подрался. Что ты объ этомъ думаешь ?

Квазимодо не отвѣчалъ.

— Чортъ побери, неужели ты еще и глухъ ?

Онъ былъ на самомъ дѣлѣ глухъ.

Однакожъ ему начинали надобѣдать приемы Коппеноля и онъ вдругъ повернулся къ нему съ такимъ скрежетомъ зубовъ, что фламанскій гигантъ отступилъ, какъ бульдогъ отъ кошки.

Тогда вокругъ странной личности образовалась толпа, смотрящая съ любопытствомъ и ужасомъ. Одна старуха объяснила Коппенюлю, что чудакъ глухъ.

— Глухъ! сказалъ тотъ съ своимъ фламандскимъ хохотомъ : — ну, лучшаго паны и желать нельзя.

— А, я узнаю его! сказалъ Фролло, сошедшій наконецъ съ своего мѣста, чтобъ видѣть пану поближе : — это звонарь моего брата архидьякона.

— Здравствуй, Квазимодо.

— Вотъ чортова кукла! сказалъ Робертъ Пуспень, отряхавшись отъ своего паденія. — Посмотришь прямо — горбунъ, посмотришь снизу — кривоногій, взглянешь въ лицо — кривой, заговоришь — глухой. Какое-то употребленіе дѣлаетъ изъ своего языка это чучело ?

— Онъ говоритъ когда захочетъ, объяснила старуха : — онъ оглохъ отъ колокольнаго звона, онъ не глухонѣмой.

— Этого только ему недостаетъ, замѣтилъ Фролло.

— У него еще глазъ лишній, подсказалъ Пуспень.

— Неправда, справедливо возразилъ Фролло : — кривоі гораздо несовершеннѣе слѣпому; онъ знаетъ чего ему недостаетъ.

Между тѣмъ всѣ нищіе, всѣ лакеи, всѣ мазурики въ сопровожденіи школьниковъ отправились процесіей доставать картонную тиару и мантию паны-шутовъ. Квазимодо позволилъ одѣть себя съ видомъ нѣкоторой гордости. Потомъ его посадили на мѣстрыя но-

силки. Двѣнадцать членовъ шутовскаго братства подняли его на плеча; какая-то горькая и презрительная радость изобразилась на мрачномъ лицѣ циклопа, когда онъ увидѣлъ подъ своими ногами эти головы, принадлежащія людямъ высокимъ и красивымъ. Потому эта оборванная и кричащая процесія тронулась, чтобъ по обыкновенію обойти внутреннія галереи дворца, прежде чѣмъ появиться на улицахъ и предмѣстьяхъ.

VI

ОСМЕРАЛЪДА

Съ душевнымъ удовольствіемъ сообщаемъ читателю, что пьеса Гренгуара все время шла своимъ чередомъ. Актеры, возбуждаемые имъ, не переставали декламировать, а онъ не переставалъ слушать. Онъ рѣшился не обращать вниманія на шумъ и все еще надѣялся, что вотъ публика возвратится. Эта надежда воскресла, когда онъ увидѣлъ, что Квазимодо, Коппеноль и вся свита шутовъ удалялась. Увы! толпа жадно бросилась вслѣдъ за ними!

— Славно! всѣ зачинщики уберутся, подумалъ онъ.

Къ несчастію къ зачинщикамъ принадлежала вся публика. Въ одну минуту зала опустѣла.

Правда, осталось еще нѣсколько зрителей, женщинъ, дѣтей и стариковъ, которымъ надоѣлъ шумъ и которые толпились у колонъ, да нѣсколько школьниковъ сидѣло верхомъ на окнахъ и смотрѣло на площадь.

— Довольно и этихъ, чтобъ дослушать конецъ, думалъ Гренгуаръ. — Ихъ мало, но зато это избранная, просвѣщенная публика.

Въ эту минуту слѣдовало начать великолѣпную симфонію для выхода главнаго лица, но толпа увлекла музыкантовъ.

— Пропустить! стойчески распорядился Гренгуаръ.

Онъ подошелъ къ одной группѣ, гдѣ казалось толковали о его пьесѣ, и вотъ что онъ услышалъ:

— Знаете, Шеното, наварскій отель, который принадлежалъ герцогу немурскому?

— Что противъ часовни?

— Ну да, онъ отданъ внаймы за шесть ливровъ паризи въ годъ.

— Какъ квартиры-то дорожаютъ!

Гренгуаръ вздохнулъ. — Ну, зато другіе слушаютъ!

— Братцы! вскрикнулъ одинъ изъ школьниковъ: — Эсмемальда на площади!

Это слово произвело магическое дѣйствіе. Все что оставалось въ залѣ, бросилось къ окнамъ, взбираясь куда попало и повторяя: Эсмемальда! Эсмемальда!

Съ площади слышались сидрныя аплодисменты.

— Что это еще за Эсмемальда? сказала Гренгуаръ въ отчаяніи всплеснувъ руками. — Господи! теперь они бросились къ окнамъ!

Онъ обернулся къ столу и увидѣлъ, что представленіе остановилось. Въ эту минуту именно долженъ былъ появиться Юпитеръ съ своими громами, а онъ—то и стоялъ сложа руки внизу.

— Жиборнь, что ты здѣсь дѣлаешь? крикнулъ раздраженный поэтъ: — развѣ твоя это роль? Полѣзай сейчасъ!

— Эхъ! отвѣчалъ Юпитеръ: — школьники унесли лѣстницу.

Гренгуаръ посмотрѣлъ и убѣдился, что всякое сообщеніе между завязкой и концомъ прервано.

— И зачѣмъ имъ эта лѣстница?

— Смотрѣть на Эсмемальду, жалобно отвѣчалъ Юпитеръ. — Они сказали: «вотъ лишняя лѣстница» и унесли ее.

Это былъ послѣдній ударъ. Гренгуаръ перенесъ его съ покорностью.

— Ну, убирайтесь къ чорту! сказалъ онъ актерамъ: — если мнѣ заплатятъ, вы получите свою долю.

Тогда онъ вышелъ съ поникшей головою, но послѣдній, какъ полководецъ, сражавшійся до послѣдней возможности.

Сходя по лѣстницѣ, онъ размышлялъ: «Какая толпа ословъ и невѣждъ эти парижане: приходятъ слушать мистерію и не слышать ни слова! Они занимались здѣсь всѣми: Клопеномъ Трульфу, кардиналомъ, Коппенелемъ, Квазимодо, чортомъ! а мистеріей не занимались. Зналъ бы я это, составилъ бы я вамъ мистерію! А я—то? пришелъ сюда, чтобъ видѣть одни спины! Быть поэтомъ, а имѣть успѣхъ аптекаря! Правда, что Гомеръ просилъ милостыню, а Назонъ умеръ въ изгнаніи у московитовъ. Но самъ чортъ не разберетъ на что они теперь смотрятъ. Что за слово такое Эсмемальда? Это что-то египетское!»

КНИГА ВТОРАЯ

I

ИЗЪ ХАРИБДЫ ВЪ СПИЛАУ

Ночь рано наступаетъ въ январѣ мѣсяцѣ. На улицахъ было уже темно, когда Гренгуаръ вышелъ изъ залы. Ему нравилась темнота; онъ торопился въ какую-нибудь пустынную улицу, чтобы подумать на просторѣ и залечить философскими разсужденіями рану, нанесенную поэту. Философія была его единственнымъ приближеніемъ уже и потому, что другого, болѣе вещественнаго, у него не было.

Послѣ окончательнаго фіаско онъ не смѣлъ возвратиться на свой чердакъ, противъ Сѣннаго-моста, потому что рассчитывалъ выручкой за пьесу заплатить шестимѣсячный долгъ хозяину — двѣнадцать парижскихъ сантимовъ, т. е. двѣнадцать разъ стоимость всего его имущества, невключая панталонъ, рубашки и шапки.

Остановившись, чтобы рѣшить, которую изъ улицъ Парижа онъ выберетъ для своего ночлега, онъ припомнилъ одну ступеньку въ улицѣ Саватеръ, передъ домомъ парламентскаго совѣтника. Еще когда онъ видѣлъ ее въ первый разъ, ему уже пришло на мысль, что она можетъ служить изголовьемъ нищему или поэту. Онъ возблагодарилъ провидѣніе за счастливую мысль, но приготовившись перейти площадь, чтобы попасть въ лабиринтъ старыхъ улицъ, еще существующихъ и теперь съ своими девятиэтажными домами, онъ увидѣлъ процесію папы, выходящую изъ палаты юстиціи и направляющуюся съ шумомъ, крикомъ и факелами прямо на него, Гренгуара. Все что напоминало его неудачу, дѣйствовало раздражительно на свѣжую сердечную рану.

Онъ хотѣлъ идти по мосту Сень-Мишель, но по немъ бѣгали дѣти съ коньями и ракетами.

— Чортъ поberi эти ракеты! сказалъ Гренгуаръ и направился къ мосту О-Шанжъ. У трехъ главныхъ домовъ были выкинута три большихъ флага съ изображеніемъ короля, дофина и Маргариты фландрской и шесть маленькихъ съ портретами герцога австрійскаго, кардинала, Божё, Жанны французской, батарда Бурбона и незнаю еще кого-то; все было освѣщено факелами. Толпа любовалась.

— Счастливый живописецъ! подумалъ Гренгуаръ и повернулъ назадъ.

Передъ нимъ была улица такая темная и пустынная, что въ ней онъ надѣялся избѣжать всѣхъ иллюминацій. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ что-то подъ ногами, споткнулся и упалъ. Это былъ майскій снопъ, который клерки поставили поутру у двери президента парламента въ честь майскаго торжества. Гренгуаръ героически перенесъ эту новое паденіе; онъ всталъ и направился къ берегу. Оставивъ за собою тюремную башню и пройдя королевскіе сады, по немощеному берегу, въ грязи по щиколку, онъ дошелъ до западной стороны предмѣстья и взглянулъ на островокъ Пастуха, исчезнувшій теперь подъ бронзовымъ конемъ и Новымъ-мостомъ. Островокъ казался ему въ темнотѣ черной массой изъ-за узкаго пространства воды. Тамъ виднѣлась пастушеская хижинка, въ которой мерцалъ огонекъ.

— Счастливый пастухъ! подумалъ Гренгуаръ: — ты не мечтаешь о славѣ и не пишешь эпиталямъ! Что тебѣ за дѣло до королевскихъ браковъ! Ты знаешь только тѣ маргаритки, которыя твои коровы находятъ на лугу въ апрѣлѣ! А я, поэтъ, я освистанъ, мнѣ холодно, я долженъ двѣнадцать су и подошвы моихъ сапогъ такъ прозрачны, что могли бы служить стеклами для твоего фонаря. Благодарю тебя, пастухъ! видъ твоей хижины успокоилъ меня и заставилъ забыть Парижъ.

Онъ выведенъ былъ изъ экстаза двумя выстрѣлами изъ этой счастливой хижины. Пастухъ по-своему принималъ участіе въ общемъ увеселеніи.

Отъ этихъ выстрѣловъ передернуло Гренгуара.

— Проклятый праздникъ! ты меня всюду преслѣдуешь, даже въ хижинѣ пастуха!

Тогда онъ принялъ отчаянное рѣшеніе. Если уже ему не удалось избѣжать процесій, флаговъ, ракетъ и выстрѣловъ, такъ онъ пойдетъ въ самый центръ праздника, на Гревскую площадь.

— Тамъ покрайней-мѣрѣ погрѣешься у потѣшныхъ огней и можно будетъ утолить голодъ какими-нибудь крохами отъ сахарныхъ щитовъ, которые тамъ выставлены на общественномъ бунетѣ.

II

ГРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Теперь остались едва замѣтные слѣды того, чѣмъ была Гревская площадь въ то время. Существуетъ прелестная башенка на сѣверной сторонѣ, но и она уже изувѣчена поправками, сгладившими рельефность ея скульптуры; скоро ее можетъ-быть вовсе не будетъ замѣтно изъ-за наплыва новыхъ домовъ, такъ быстро замѣняющихъ теперь старинные фасады.

Люди, которые подобно намъ не могутъ пройти мимо башни, небросивъ на нее взгляда симпатіи и сожалѣнія, легко представляютъ въ своемъ воображеніи весь прежній характеръ этой готической площади.

Это была, какъ и теперь, неправильная трапеція, граничащая съ одной стороны набережной, а съ трехъ остальныхъ рядами домовъ высокихъ, узкихъ и темныхъ. Днемъ можно было любоваться разнообразіемъ этихъ зданій съ скульптурными украшеніями изъ камня или дерева, представлявшими всѣ образчики домашней архитектуры среднихъ вѣковъ, отъ XI до XV вѣка. Тутъ было все: отъ простыхъ оконъ, вытѣсненныхъ стрѣльчатыхъ, до полукруга романскаго, который замѣнили стрѣльчатые окна и который все еще красовался подъ ними, въ первомъ этажѣ башни Роланда. Ночью изъ всей этой массы строеній можно было различить только острия закраины крышъ, окаймляющія площадь своей зубчатой бахрамой. Радикальная разница между прежними и нынѣшними городами состоитъ въ томъ, что теперь фасадъ выдается на площадь, а тогда выдавалась часть фронтона. Впродолженіи двухъ вѣковъ дома перевернулись.

Въ центрѣ съ восточной стороны площади возвышалось тяжелое строеніе, смѣшанныхъ родовъ архитектуры; оно раздѣлялось на три помѣщенія и носило три имени, объясняющія его исторію, назначеніе и архитектуру. Оно называлось: домъ дофина, потому что въ немъ жилъ дофинъ Карлъ V; торговый домъ, потому что онъ служилъ городской думой, и домъ съ колоннами (*domus ad piloria*) по множеству колоннъ, поддерживавшихъ его три этажа.

Городъ находилъ въ немъ все что нужно такому хорошему го-

роду какъ Парижъ : часовню для богомолья , мѣсто , гдѣ можно собираться и критиковать распоряженія несоотвѣтствующія потребностямъ , и наконецъ арсеналь съ артилерійскими снарядами .

Площадь имѣла и тогда тотъ грозный видъ , который сохраняетъ и теперь , по гнусному воспоминанію , соединенному съ ея именемъ и по мрачной городской думѣ Доминика-Богадора , замѣнившей домъ съ волоннами . Нужно прибавить , что плаха и висѣлица , стоящія рядомъ посрединѣ мостовой , немало способствовали отвращенію отъ этой части города , гдѣ умирало такое множество людей полныхъ здоровья и силы и гдѣ пятьдесятъ лѣтъ спустя проявилась извѣстная лихорадка *fièvre de Saint-Vallier* , боязнь эшафота , болѣзнь самая страшная , потому что посылается не Богомъ , а людьми .

Отраднo подумать , что смертная казнь , выставявшая свои ужасные атрибуты въ двадцати мѣстахъ Парижа , не считая расправъ , принадлежащихъ старшинамъ , духовнымъ , монастырямъ и аббатамъ , не считая юридическихъ купаній въ Сенъ ; отраднo видѣть , что теперь , утративъ всю пышность своихъ отправленій , всю утонченность пытокъ , для которыхъ каждыя пять лѣтъ поновлялась кожаная постель въ *Grand Châtelet* , эта старая сюзеренка феодальнаго общества , почти изгнанная изъ нашихъ городовъ и законовъ , тѣшившая отъ мѣста до мѣста , пріютилась въ нашемъ огромномъ Парижѣ единственно въ безславномъ углу Гревской площади и только одна гильотина , временная , поворная , какбы боящаяся , что ее застанутъ врасплохъ , тотчасъ же исчезаетъ , окончивъ свое дѣло .

III

BESOS PARA GOLPES

Гренгуаръ продрогъ до костей , дойдя до Гревской площади ; онъ нарочно шолъ по Мельничному мосту , чтобъ избѣжать толпы , но тамъ мельничныя колеса забрызгали его , такъ что платье на немъ было мокрое ; паденіе его пьесы еще усиливало лихорадку . Онъ поспѣшно подошолъ къ праздничному костру , роскошно пылавшему посреди площади , но его уже окружала значительная толпа .

— Проклятые парижане ! подумалъ Гренгуаръ (какъ истинный драматургъ , онъ подверженъ былъ монологамъ) : — вотъ они заслоняютъ мнѣ огонь ! А между тѣмъ я болѣе кого-нибудь нуждаюсь въ

теплѣ; башмаки мои промокли, а тутъ еще эти проклятыя мельницы облили меня своими слезами! Желалъ бы я знать, начто архіереямъ мельницы? развѣ нашъ собирается перейти въ мельника? Если ему для этого недоставало только моего проклятiя, то я охотно произнесу его, въ честь его и его мельницъ! Посмотрите: хоть бы одна каналья посторонилась! Спрашивается, что они дѣлають здѣсь? Грѣются? — большое удовольствiе! Смотрятъ какъ горять прутья? — хорошъ спектакль!

Всмотрѣвшись поближе, онъ замѣтилъ, что вся эта толпа собралась вовсе не для того, чтобы грѣться или наблюдать за горѣніемъ прутьевъ.

Въ довольно большомъ пространствѣ между огнемъ и публикой плясала молоденькая дѣвушка.

Принадлежала ли эта дѣвушка къ породѣ смертныхъ, была ли она фея, этого Гренгуаръ не могъ рѣшить ни въ качествѣ философа-скептика, ни въ качествѣ ироническаго поэта: такъ поразила и очаровала она его въ первую минуту.

Она была не высока, но казалась высокою отъ стройности стана. Она была брюнетка, но легко было предположить, что днемъ ея кожа имѣетъ золотистый оттѣнокъ андалузскихъ и римскихъ женщинъ. Ножка у ней тоже была андалузская, свободно помѣщавшаяся въ прекрасномъ узенькомъ башмачкѣ. Она танцевала, вертѣлась, носилась вѣтеркомъ на старомъ персидскомъ коврѣ, небрежно подброшеномъ ей подъ ноги, и каждый разъ, когда перевертывалась, ея свѣтлое личико мелькало передъ зрителями, ея черные глаза метали искры.

Всѣ взоры были прикованы, всѣ рты раскрыты. И въ самомъ дѣлѣ, когда она танцевала подъ звуки тамбурина, который поддерживала надъ головою круглыми, стройными руками, такая стройная, тоненькая и живая, въ своемъ гладкомъ корсажѣ и пестрой юбочкѣ, открывавшей повременамъ ея стройныя ножки, съ открытыми плечами, черными волосами и огненными глазами, она казалась необыкновеннымъ существомъ.

— Это саламандра, это нимфа, это богиня, это вакханка! думалъ Гренгуаръ.

Въ эту минуту одна изъ черныхъ косъ саламандры распустилась и изъ нея выпала мѣдная бляха.

— А, это цыганка! сказалъ онъ.

Вся иллюзія исчезла.

Она опять уже плясала; взяла съ земли двѣ шпаги, приставила ихъ остріемъ ко лбу и вертѣла ихъ въ одну сторону, между тѣмъ какъ сама кружилась въ противоположную: въ самомъ дѣлѣ это была просто цыганка. Но несмотря на разочарованіе, картина эта имѣла свое обаяніе для Гренгуара; костеръ освѣщала ее неровнымъ краснымъ цвѣтомъ, который дрожалъ на лицахъ зрителей, на смугломъ лбу дѣвушки, и бросалъ блѣдный свѣтъ, съ движущимися тѣнями, на старый и темный фасадъ дома съ колоннами съ одной стороны и на каменные столбы вистълицы съ другой.

Между всѣми этими лицами, окрашенными въ пурпуръ, было одно, въ особенности слѣдившее за танцовщицей. Это было строгое, спокойное и мрачное лицо мужчины, одежды котораго нельзя было различить въ темнотѣ; ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ, а между тѣмъ онъ былъ плѣшивъ; волосы оставались только на вискахъ, но и тѣ были съ просѣдью; его широкій лобъ начиналъ покрываться морщинами, но изъ впалыхъ глазахъ его свѣтилась сильная жизнь, необыкновенная молодость и жгучая страсть. Глаза его были прикованы къ цыганкѣ, и чѣмъ живѣе плясала молодая дѣвушка для общаго удовольствія, тѣмъ мрачнѣе казалось становились его мысли. Въ одно и тоже время улыбка и вздохъ вырывались у него, но улыбка была грустнѣе самого вздоха.

Танцовщица наконецъ остановилась, и толпа съ любовью ей аплодировала.

— Джали! позвала цыганка: — теперь твоя очередь! — И саясь она граціозно подставила козѣ свой тамбуринъ.

— Джали, продолжала она: — который теперь мѣсяцъ въ году?

Коза подняла переднюю лапку и ударила одинъ разъ по тамбурину. Въ самомъ дѣлѣ январь первый мѣсяцъ. Всѣ аплодировали.

— Джали, спросила дѣвушка, перевернувъ тамбуринъ: — который теперь день въ январѣ?

Коза подняла свою позолоченую ножку и ударила шесть разъ.

— Джали, продолжала цыганка, дѣлая новую эволюцію тамбуриномъ: — который теперь часъ?

Джали ударила семь разъ. Въ ту же минуту часы въ сосѣднемъ зданіи пробили семь.

Народъ не могъ надивиться.

— Колдовство! сказалъ мрачный голосъ въ толпѣ. Онъ принадлежалъ плѣшивому челоуѣку, неспускавшему глазъ съ цыганки.

Она обернулась и вздрогнула, но рукоплесканія покрыли мрачный возгласъ. Они такъ успѣли изгладить его, что она продолжала:

— Джали, представь капитана Гишара Гран-Реми во время срътенскаго крестнаго хода.

Джали встала на заднія лапки и начала бляеть, выступая съ такой забавной важностью, что вся толпа единодушно хохотала надъ обязательной набожностью капитана.

— Джали, продолжала дѣвушка, ободренная успѣхомъ: — какъ говорить проповѣдь Жакъ Шармолю, духовный королевскій прокуроръ?

Коза съела на заднія лапы и начала бляеть такимъ страннымъ образомъ, что за исключеніемъ дурнаго французскаго и латинскаго выговора, это былъ настоящій Жакъ Шармолю.

Толпа рукоплескала еще сильнѣе.

— Святотатство! крикнулъ опять тотъ же голосъ.

Цыганка опять обернулась.

— А! сказала она: — это тотъ скверный человѣкъ! — Потомъ выдвинувъ нижнюю губку, она сдѣлала милую гримаску, повернулась на каблукъ и пошла собирать пожертвованія въ свой тамбуринъ.

Мелкія и крупныя монеты дождемъ сыпались въ него: вдругъ она остановилась передъ Гренгуаромъ. Гренгуаръ въ разсѣянности опустил руку въ карманъ; она ждала. — «Чортъ побери!» ворчалъ поэтъ, ощутивъ пустоту на днѣ кармана. Между тѣмъ передъ нимъ стояла хорошенькая дѣвушка съ большими черными глазами и протягивала свой тамбуринъ. У Гренгуара выступилъ потъ.

Еслибъ у него было Перу въ карманъ, онъ не задумался бы отдать его; но тогда Америка не была еще открыта.

Его выручилъ неожиданный случай.

— Уйдешь ли ты, цыганская стрекоза! раздался рѣзкій голосъ изъ самаго темнаго угла площади.

Дѣвушка обернулась въ испугъ. Это не былъ голосъ плѣшиваго мужчины; это былъ голосъ женщины и притомъ злобной святоши.

— Это затворница башни Роланда, заговорили всѣ со смѣхомъ. — Чего она бранится, вѣрно не ужинала? Отнесемте ей что-нибудь изъ буфета!

Всѣ бросились къ дому съ колоннами.

Гренгуаръ же воспользовался замѣшательствомъ танцовщицы и скрылся. Восклицанія напомнили ему, что и онъ не ужиналъ. Онъ

побѣждалъ къ буфету, но у молодежи ноги были быстрѣе и онъ нашолъ пустой столъ. Оставались только граціозныя лиліи, перемѣшанныя съ розами, нарисованныя въ 1434 году Матье Битерномъ. На ужинъ онъ негодились.

Скверно ложиться безъ ужина; но еще хуже незнать гдѣ придется еще и лечь. Гренгуаръ былъ въ такомъ положеніи. Ни хлѣба, ни крова! одна нужда встрѣчалась на каждомъ шагу, и конечно казалась ему очень назойливою. Онъ давно уже открылъ истину, что Юпитеръ создалъ людей въ минуту мизантропіи и что вся долгая жизнь мудреца есть борьба философіи съ судьбою. Самъ онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо въ осадномъ положеніи; желудокъ его громко билъ тревогу и ему казалось очень тривиальнымъ, что злая судьба рѣшила заставить его сдаться посредствомъ голода.

Эта меланхолія овладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе, какъ вдругъ раздался странный, хотя полный мелодіи голосъ. Это была поющая цыганка.

О ея голосъ можно было сказать тоже что о ея танцахъ и красотѣ. Это было нѣчто невыразимое, но восхитительное, что-то чистое, звучное, воздушное. Это были неожиданныя мелодіи среди самыхъ простыхъ фразъ, прерываемыхъ рѣзкими высокими нотами, потомъ слѣдовали переливы, неуступающіе соловью, въ которыхъ никогда не терялась первоначальная мелодія. Ея прелестное лицо согласовалось со всѣми выраженіями голоса, отъ самаго страстнаго вдохновенія до самой полнѣйшей скромности и достоинства. Это была безумная и королева въ одно время.

Слова ея пѣсни были на языкѣ незнакомомъ Гренгуару и казались были чужды самой пѣвицы: такъ выраженіе ея пѣнія мало соответствовало ихъ смыслу. Четыре слѣдующіе стиха она произносила съ безумной веселостью:

Un cofre de gran riqueza
Hallaron dentro un pilar
Dentro del, nuevas banderas
Con figuras de espantar.

А минуту спустя тонъ, который она придавала этой строфѣ:

Alarabes de cavallo
Sin poderse menear,
Con espadas, y los cuellos,
Ballestas de buen echar.

вызывалъ у Гренгуара слезы. Впрочемъ во всемъ ся пѣнии болѣе

выражалась радость: кажется она пѣла какъ птицы, отъ безопасности и потребности пѣть.

Пѣсня цыганки возмутила задумчивость Гренгуара, но такъ, какъ лебедь возмущаетъ воду. Онъ слушалъ ее съ восторгомъ, забывая все на свѣтѣ. Это была первая минута, въ которую онъ не ощущалъ страданія.

Минута прошла быстро.

Тотъ же женскій голосъ, который помѣшалъ танцамъ, прервалъ и пѣніе.

— Замолчишь ли ты, проклятая стрекоза? закричала таже женщина изъ того же темнаго угла.

Бѣдная стрекоза остановилась. Гренгуаръ зажалъ уши.

— О! вскричалъ онъ: — проклятая пила разбила лиру!

Другіе зрители тоже роптали: — Къ чорту святошу! бормотали многіе. И старухѣ пришлось бы поплатиться, еслибы вниманіе не было отвлечено процесіей паны, которая, обойдя всѣ улицы, вступала на Гревскую площадь съ шумомъ и факелами.

По выходѣ изъ палаты юстиціи кортежъ постепенно увеличивался отъ присоединявшихся къ нему праздныхъ гулякъ и воровъ безъ дѣла, такъ что, вступая на площадь, имѣлъ совсѣмъ торжественный видъ.

Впереди шло цыганство. Въ главѣ герцогъ цыганскій верхомъ, а его графы пѣшкомъ и держали ему стремя и узду лошади; позади цыгане и цыганки, толпой, съ ребятами за спиной; герцогъ, графы и народъ были въ лохмотьяхъ шитыхъ мишурою. Потомъ шествовали воры Франціи въ іерархическомъ порядкѣ, самые малые впереди; исчисленіе всѣхъ разрядовъ утомило бы самого Гомера. Посрединѣ двѣ собаки везли телѣжку, въ которой возсѣдалъ наибольшій. Далѣе начиналось царство галилеянъ. Вильгельмъ Руссо, король галилейскій, плавно выступалъ въ своей пурпуровой мантии, залитой виномъ, предшествуемый шутами, которые дрались и плясали пиррическій танецъ; кругомъ шли маршалы, члены и клерки конторы. Наконецъ шла просто чернь, съ цвѣтами, въ черныхъ платьяхъ, съ музыкой достойной шабаша вѣдьмъ и съ большими свѣчами изъ жолтаго воска. Въ центрѣ этой толпы сановники шутовскаго братства несли на плечахъ носилки, уставленные множествомъ свѣчей; а на этихъ носилкахъ красовался въ полномъ костюмѣ новый папа шутовъ, соборный звонарь, горбатый Квазимодо. Каждый отдѣлъ этой оригинальной процесіи имѣлъ свою му-

зыку. Цыгане били въ тамбурины. Мазурики, народъ весьма немзыкальный, пробавлялись віолой, пастушьимъ рожкомъ и какимъ-то готическимъ инструментомъ XII вѣка. Галилейская имперія тоже недалеко ушла: въ ея инструментахъ едва проглядывалъ какой-то родъ кринки, выводящій не далѣе *ré-la-mi*. Зато вокругъ самого папы собрались, въ ужасающей какофоніи, всѣ современные музыкальныя богатства. Увы! читатель вѣроятно помнитъ, что это былъ оркестръ Гренгуара.

Трудно дать положительное понятіе о степени гордаго торжества, до котораго достигло печальное и безобразное лицо Квазимодо. Это было первое удовлетвореніе его самолюбію. До сихъ поръ онъ испытывалъ только униженіе, презрѣніе къ своему положенію, отвращеніе къ своей личности. Несмотря на свою глухоту, онъ наслаждался, какъ настоящій папа, кликами толпы, которую всей душой ненавидѣлъ за ненависть ея къ себѣ. Что за бѣда, что народъ его состоитъ изъ воровъ, негодяевъ и нищихъ! Это все-таки народъ, а онъ его властелинъ. И онъ серьезно принималъ всѣ эти насмѣшливыя рукоплесканія, этотъ ироническій почетъ, къ которому, надо сказать правду, примѣшивался нѣкоторый страхъ. Горбунъ былъ силенъ и ловокъ, глухарь былъ очень золъ: качества, смягчающія смѣшную сторону личности.

Впрочемъ едвали новый папа отдавалъ себѣ полный отчетъ въ чувствѣ, которое внушалъ, и въ томъ, какое самъ испытывалъ. Духъ, обитающій въ этомъ неудавшемся тѣлѣ, долженъ былъ также отличаться несовершенствомъ; такъ что онъ долженъ былъ сознавать неясно и смутно то, что происходило въ его душѣ въ это время. Только радость и гордость, какъ чувства преобладающія, всплывали наружу. Была какая-то ореола вокругъ этой несчастной личности.

Представьте же себѣ удивленіе и испугъ толпы, увидѣвшей въ ту минуту, когда упоеннаго Квазимодо пронесли мимо дома съ колоннами, какъ кто-то съ яростью вырвалъ у него свѣчу, признакъ его ложнаго папства.

Дерзновенный былъ тотъ же плѣшивый человекъ, который за минуту привелъ въ ужасъ хорошенькую цыганку. Онъ былъ одѣтъ какъ духовный. Когда онъ выходилъ изъ толпы, Гренгуаръ узналъ его: — Э, да это мой учитель, дом-Клавдій Фродло, архидьяконъ! Чего ему нужно отъ этого горбуна? Вѣдь онъ растерзаетъ его.

Раздался крикъ ужаса. Страшный Квазимодо бросился съ носи-

локъ; всѣ женщины закрыли глаза, чтобъ не видать смерти архидьякона.

Въ одинъ прыжокъ Квазимодо былъ около священника, взглянулъ ему въ лицо и упалъ на колѣна.

Священникъ сорвалъ съ него тиару, разбилъ его жезлъ, изорвалъ его блестящую мантию.

Квазимодо все стоялъ на колѣняхъ, съ опущеною головою и сложенными руками.

Тогда завязался между ними странный разговоръ посредствомъ знаковъ и жестовъ, потому что ни одинъ не произносилъ словъ. Священникъ стоялъ грозный, разгнѣванный, Квазимодо склонялся съ видомъ умоляющей покорности. А между тѣмъ онъ могъ однимъ щелчкомъ уничтожить архидьякона.

Наконецъ тотъ, сильно потрясши могучее плечо горбуна, сдѣлалъ ему знакъ встать и идти.

Квазимодо всталъ.

Братство шутовъ, придя въ себя отъ перваго изумленія, хотѣло было защитить своего владыку. Цыгане, воры и чернь окружили священника.

Квазимодо заслонилъ его собою, сжалъ свои атлетическіе кулаки и взглянулъ на осаждающихъ съ скрежетомъ зубовъ разъяреннаго тигра.

Священникъ принялъ свой обычный суровый видъ, сдѣлалъ знакъ Квазимодо и молча удалился.

Квазимодо шолъ впереди, расталкивая толпу.

Когда они миновали площадь, толпа зѣвакъ пошла было за ними; Квазимодо перешолъ тогда въ арьергардъ и слѣдовалъ за архидьякономъ задомъ, страшный, клокастый, съ сжатыми кулаками и выказывавъ свои кабаньи клыки.

Такъ вошли они въ узкую и темную улицу. Никто не осмѣлился сдѣлать шагъ вслѣдъ за ними: такъ страшень былъ одинъ призракъ горбуна, скрежещущаго зубами.

— Все это очень странно!.. Однако чортъ-знаетъ гдѣ мнѣ придется поужинать? подумалъ Гренгуаръ.

IV

О НЕУДОБСТВѢ СЛѢДИТЬ ЗА ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНОЙ НОЧЬЮ
ПО УЛИЦАМЪ

На всякій случай Гренгуаръ пустился вслѣдъ за цыганкой. Онъ видѣлъ, что она направилась съ своей козой въ улицу Кутельри.

— Отчего-же и мнѣ нейти? подумалъ онъ.

Гренгуаръ, практической философъ парижской мостовой, пришолъ къ убѣжденію, что ничто такъ не способствуетъ мечтательности, какъ слѣдованіе за хорошенькой женщиной, когда незнаешь куда она идетъ. Въ этомъ отреченіи отъ собственнаго произвола, въ подчиненіи одной фантазіи другой, которая и не подозреваетъ этого подчиненія, смѣсь своенравной независимости и слѣпота повиновенія, что-то среднее между свободной и рабствомъ, нравилось Гренгуару, уму по преимуществу нерѣшительному и сложному, придерживающемуся всѣхъ крайностей, постоянно блуждающему между всѣми человѣческими наклонностями и нейтрализирующаго одну другою. Онъ охотно сравнивалъ себя съ могилою Магомета, которую притягиваютъ два противоположныхъ магнита и которая постоянно колеблется между низомъ и верхомъ, между сводомъ и поломъ, между паденіемъ и вознесеніемъ, между зенитомъ и надиромъ.

Еслибы Гренгуаръ жилъ въ наше время, какую бы великолѣпную средину между классицизмомъ и романтизмомъ могъ онъ избраться! Но онъ былъ слишкомъ недопотопенъ, чтобъ прожить триста лѣтъ. Очень жаль! Его отсутствіе образуетъ у насъ ненаполнимую пустоту.

Впрочемъ, чтобы слѣдить ночью за прохожими, въ особенности женскаго пола, что Гренгуаръ охотно дѣлалъ, надо не имѣть положительнаго ночлега

Итакъ онъ шолъ задумавшись за дѣвушкой, которая почти бѣжала, видя что добрые люди запираютъ дома и таверны, единственная мѣста торговли, которыя были открыты въ этотъ день.

— Вѣдь живетъ же она гдѣ-нибудь? думалъ онъ. — Цыганки добры. Кто знаетъ?.....

Въ этихъ точкахъ были какія-то невысказанныя, но граціозныя мысли.

Проходя мимо группъ, расходящихся по домамъ, онъ ловилъ отрывки разговоровъ, нарушавшихъ его плѣнительныя гипотезы.

Два старика сходились:

— А сегодня вѣдь очень холодно, г. Тибо?

— Да еще какъ, Дизомъ! Неужели будетъ такая же зима, какъ три года назадъ, въ восьмидесятомъ, когда дрова были такъ дороги?

— Ба! еще это что въ сравненіи съ зимой 1407 года: тогда были морозы отъ св. Мартина до Срѣтенія! Было такъ холодно, что у писарей замерзали на кончикѣ пера чернила послѣ каждаго слова! Такъ что нельзя было производить судебныхъ дѣлъ.

Далѣе двѣ сосѣдки разговаривали подъ окномъ:

— Вашъ мужъ рассказывалъ вамъ о несчастіи?

— Нѣтъ. Чтожъ это такое?

— Лошадь г. Жилия Гобенъ испугалась фламандской процесіи и опрокинула Филиша Аврильо, целестинскаго старца.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да еще какъ!

— Лошадь простого мѣщанина! Это ужъ слишкомъ. Еслибъ еще это была кавалерійская лошадь!

И окна закрывались. Но мысли Гренгуара теряли свою первоначальную нить.

По счастью онъ скоро снова напалъ на нее, благодаря цыганкѣ и Джали, шедшимъ все впереди, двумъ граціознымъ созданіямъ, тонкими ножками и граціозными формами которыхъ онъ любовался, соединяя ихъ почти въ одно своею мыслью; по разумности и дружбѣ онъ обѣ казались ему молоденькими дѣвушками, а по легкости и быстротѣ ходьбы двумя козочками.

Между тѣмъ улицы дѣлались все пустѣе и темнѣе. Давно велѣно было гасить огни и только изрѣдка виднѣлся еще огонекъ или встрѣчался прохожій. Гренгуаръ вступилъ за цыганкой въ тотъ лабиринтъ темныхъ проулковъ, который окружаетъ старое кладбище св. Инокентія и походить на мотокъ нитокъ, запутанныхъ котенкомъ. — Вотъ улицы, которымъ сильно недостаетъ логики! говорилъ Гренгуаръ, теряясь въ тысячѣ изворотовъ, нисколько не смущавшихъ молодой дѣвушки. Она была здѣсь какъ дома и все ускоряла шагъ; чтожъ до него, то онъ навѣрное не зналъ бы гдѣ находится, еслибъ не увидѣлъ на поворотѣ одной улицы осьмиугольную массу позорнаго столба, сквозная верхушка котораго обозначалась

чернымъ пятномъ на одномъ изъ освѣщенныхъ оконъ Верделейской улицы.

Молодая дѣвушка начала замѣчать, что за нею слѣдятъ и нѣсколько разъ съ безпокойствомъ оборачивалась назадъ; одинъ разъ она даже совсѣмъ остановилась и пользуясь свѣтомъ изъ дверей пекарни, оглядѣла его съ головы до ногъ; послѣ осмотра Гренгуаръ замѣтилъ у ней туже презрительную гримаску, какъ и на площади.

Гримаска заставила его призадуматься. Въ ней безъ всякаго сомнѣнiя выражалась насмѣшка и презрѣнiе. Онъ опустилъ голову и началъ уже отставать, какъ вдругъ на поворотѣ въ одну улицу услышалъ рѣзкій крикъ.

Онъ поспѣшилъ.

Улица была вовсе темна. Однакожъ свѣтильня, пропитанная масломъ, горѣвшая въ желѣзной клѣткѣ у Богоматери, помогла Гренгуару различить цыганку, отбивавшуюся отъ двухъ человѣкъ, которые старались заглушить ея крики. Бѣдная, испуганная козочка опустила рожки и жалобно блеяла.

— Ко мнѣ, стража! закричалъ Гренгуаръ и храбро пошолъ впередъ. Одинъ изъ нападающихъ обернулся къ нему. Гренгуаръ увидѣлъ страшное лицо Квазимодо.

Гренгуаръ не ударился бѣжать, но и не сдѣлалъ ни шагу впередъ.

Квазимодо приблизился къ нему, отбросилъ его на четыре шага однимъ ударомъ руки и убѣжалъ въ темноту, унося на одной рукѣ Эсмеральду. Товарищъ его пошолъ за нимъ, а коза бѣжала сзади, съ жалобнымъ блеянiемъ.

— Караулъ! караулъ! кричала несчастная цыганка.

— Стойте, негодяи, и оставьте эту женщину! раздался вдругъ громовой голосъ всадника, выѣхавшаго изъ перваго поворота. Это былъ капитанъ королевскихъ стрѣлковъ, въ полномъ вооруженiи и съ саблей наголо.

Онъ вырвалъ цыганку изъ рукъ пораженнаго Квазимодо и положилъ ее поперегъ сѣдла; въ ту минуту какъ страшный горбунъ пришолъ въ себя и готовъ былъ кинуться за своей добычей, пятнадцать человѣкъ стрѣлковъ явились на зовъ капитана. Это былъ ночной патруль, объѣзжавшiй городъ.

Квазимодо былъ окружонъ, схваченъ и связанъ; онъ рычалъ, кусался и будь это днемъ, одно его ужасное лицо, сдѣлавшееся еще

безобразіе отъ гнѣва, обратило бы въ бѣгство весь отрядъ. Но ночью онъ былъ лишонъ своего лучшаго оружія — безобразія.

Товарищъ его исчезъ во время борьбы.

Цыганка граціозно приподнялась на сѣдлѣ; она положила руки на плеча молодого офицера и пристально смотрѣла на него нѣсколь-ко минутъ, какъ-будто восхищенная его красотой и тронутая услу-гой. Потомъ она первая заговорила, стараясь придать еще болѣе нѣжности своему голосу:

— Какъ васъ зовутъ, г. жандармъ?

— Капитанъ Фебъ де-Шатоперь, къ вашимъ услугамъ, моя кра-савица! отвѣчалъ офицеръ.

— Благодарю, сказала она.

И пока капитанъ крутилъ усы, она спустилась на землю, какъ падающая стрѣла, и исчезла.

Молнія исчезла бы не такъ быстро.

— Канальство! проворчалъ офицеръ, приказывая крѣпче заты-нуть Квазимодо: — мнѣ пріятнѣе было бы задержать дѣвчонку!

— Что дѣлать, капитанъ, сказалъ одинъ изъ жандармовъ: — малиновка улетѣла, а летучая мышь осталась.

V

ПРОДОЛЖЕНІЕ НЕУДАЧЪ

Гренгуаръ, оглушонный паденіемъ, лежалъ у ногъ изображенія Богоматери. Мало-помалу онъ пришолъ въ себя; сначала онъ былъ въ какомъ-то полуснѣ, нелишонномъ пріятности: передъ нимъ мель-кали граціозныя фигурки Эсмеральды и козочки, перемѣшиваясь съ ощущеніями отъ тяжолога кулака Квазимодо. Ощущеніе это было непродолжительно. Холодъ въ той половинѣ тѣла, которая непосред-ственно касалась мостовой, вывелъ его изъ дремоты и возвратилъ разумъ. — Откуда такой холодъ? спросилъ онъ себя. Тогда онъ замѣтилъ, что лежитъ въ грязной лужѣ.

— Проклятый горбатый циклопъ! проворчалъ онъ сквозь зубы и хотѣлъ встать. Но ударъ былъ слишкомъ силенъ, а голодъ его ослабилъ, такъ что нужно было лежать. Воспользовавшись свободой рукъ, онъ зажалъ себѣ носъ и покорился судьбѣ.

— Парижская грязь, думалъ онъ (потомучто сталъ мириться съ

убѣжденіемъ, что переночуетъ въ лужѣ) — парижская грязь по преимуществу тяжело пахнетъ; въ ней вѣроятно заключается много сѣро-водороднаго газа. Это впрочемъ мнѣніе Николая Фламеля и герметическихъ...

Слово герметическій напомнило ему Клавдія Фролло. Онъ припомнилъ какъ цыганка отбивалась отъ двухъ мужчинъ: стало-быть у Квазимодо былъ товарищъ, и мрачная фигура архидьякона смутно мелькнула въ его памяти. — Вотъ было бы странно! подумалъ онъ. И онъ принялся созидать на этихъ данныхъ фантастическое зданіе гипотезъ, этотъ карточный домъ философовъ. Повременамъ однакожь онъ возвращался къ дѣйствительности: — Да я мерзну!

На самомъ дѣлѣ положеніе дѣлалось невыносимымъ. Каждая частица воды воспринимала частицу лучистой теплоты изъ тѣла Гренгуара и равновѣсіе между температурой лужи и его тѣла начинало происходить ощутительно.

Вдругъ пришла новзя бѣда.

Толпа дѣтей, этого полудикаго племени, таскающагося по улицамъ Парижа подъ общимъ названіемъ «*gamin*», которое бросало въ насъ камнями во времена нашего дѣтства, потому что на насъ не было разодранныхъ панталонъ, — эта-то толпа ворвалась съ крикомъ и гамомъ въ ту улицу, гдѣ лежалъ Гренгуаръ. Она тащила за собою какой-то безобразный мѣшокъ и одно ихъ топанье способно было разбудить мертваго. Гренгуаръ, чувствовавшій себя въ живыхъ, приподнялся.

— Слышите, компанія! кричали они во все горло: — старый Мубонъ, кузнецъ, померъ. Намъ достался его матрацъ, мы сожжемъ его и будетъ фейерверкъ. Сегодня праздникъ фламандцевъ!

И они бросили матрацъ прямо на Гренгуара, незамѣчая его. Въ ту же минуту одинъ изъ нихъ зажегъ пукъ соломы въ лампадѣ.

— Господи! думалъ Гренгуаръ: — эдакъ придется страдать отъ жара.

Минута была критическая. Приходилось быть между огнемъ и водою. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, усиліе фальшиваго монетчика, котораго сажаютъ въ кипятокъ. Онъ всталъ, бросилъ матрацъ на мальчишекъ и убѣжалъ.

— Матерь божія! вскрикнули дѣти: — кузнецъ ожилъ!

Матрацъ одинъ остался на полѣ битвы.

VI

РАЗБИТЫЙ КУВШИНЪ

Гренгуаръ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, тыкался головою въ заборы, перепрыгивалъ черезъ ручьи, искалъ защиты во всѣхъ закоулкахъ, подвергая изслѣдованію все что на языкѣ латинскихъ хартій называется *tota via, cheminum et viaria*, и вдругъ остановился, схваченный такъ-сказать за воротъ дилеммой, возникшей въ его умѣ.

— Кажется, любезнѣйшій Пьеръ Гренгуаръ, сказалъ онъ, приставивъ палецъ ко лбу, — что ты бѣжишь какъ сумасшедшій. Ребятишки столько же испугались тебя, какъ и ты ихъ. Кажется, что ты могъ бы слышать шумъ ихъ шаговъ, удаляющійся въ совершенно противоположную сторону. Итакъ изъ двухъ одно: или они разбѣжались и тогда матрацъ, брошенный ими, именно та постель, которой ты такъ давно жаждешь и которую судьба посылаетъ тебѣ за то, что ты написалъ мистерію съ прологомъ; или дѣти подожгли матрацъ и тогда готовъ костеръ, въ которомъ ты такъ нуждаешься, чтобъ обсушиться и отогрѣть члены. Въ обоихъ случаяхъ матрацъ есть даръ судьбы, которая можетъ-быть и ниспослала смерть Мубону именно для тебя. Стыдно бѣжать, какъ пикардіецъ передъ французами, оставляя за собою то, чего ищешь.

Тогда онъ вернулся назадъ и старался чутьемъ отыскать вожделѣнный матрацъ, но тщетно. Былъ такой хаосъ проулковъ, домовъ, грязи, что онъ блуждалъ какъ въ лабиринтѣ. Наконецъ вышедши изъ терпѣнія, онъ торжественно воскликнулъ: — Да будутъ прокляты перекрестки! ихъ самъ чортъ устраивалъ по своему плану!

Это восклицаніе его облегчило, а красноватый свѣтъ, который онъ завидѣлъ въ концѣ одной длинной и узкой улицы, окончательно возвратилъ ему бодрость духа.

— Слава-богу! подумалъ онъ, — это горитъ мой матрацъ.

И сравнивая себя съ кормчимъ, погибающимъ въ ночную бурю, онъ воскликнулъ: «*Salve! salve, maris stella!*»

Едва сдѣлавъ онъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, шедшей подъ гору, немощной и грязной, какъ замѣтилъ странную вещь. Она была не пустая: тамъ и сямъ, во всю ея длину, ползли какія-то черныя массы, направляясь къ свѣту, мерцавшему на концѣ улицы,

подобно насѣкомымъ, перебирающимъ съ былинки на былинку къ огню пастуха.

Ничто такъ не возбуждаетъ къ отвагѣ, какъ совершенная пуста́та кармана. Гренгуаръ смѣло подавался впередъ и настигъ одну изъ ящерицъ, которая ползла медленнѣе всѣхъ прочихъ. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что это было безногое существо, ползущее на рукахъ. Когда онъ проходилъ мимо, этотъ паукъ съ человѣческимъ лицомъ воззвалъ къ нему плачевнымъ голосомъ: «*La buona mancia, signor! la buona mancia!*» (милостыньку, баринъ, милостыньку!)

— Чортъ бы тебя побралъ, да и меня вмѣстѣ съ тобой, если я понялъ хоть одно слово! отозвался Гренгуаръ.

И прошолъ мимо.

Дойдя до другой движущейся массы, онъ тоже осмотрѣлъ ее.

Это былъ безногій и безрукій, такой изувѣченный, что сложная система его костылей придавала ему видъ ходячаго строенія.

Гренгуаръ, любящій благородныя классическія сравненія, уподобилъ его мысленно живому треножнику Вулкана.

Этотъ треножникъ поклонился ему, но остановивъ свою шляпу на высотѣ его подбородка, какъ бритвенницу, закричалъ ему на ухо:

— *Senor caballero, paga comprar un pedaso de pan!* (Баринъ, на ломтикъ хлѣбца!)

— Этотъ кажется то-же говорить, но на ужасномъ языкѣ и счастливъ же, если самъ его понимаетъ! подумалъ Гренгуаръ.

Потомъ по внезапному стеченію идей: — Что бишь это хотѣли они сказать утромъ своимъ *Эсмемальда*?

Онъ хотѣлъ ускорить шаги, но въ третій разъ наткнулся на что-то. Это что-то, или лучше кто-то, былъ слѣпой, маленькій слѣпецъ съ жидовскимъ лицомъ и бороною, который, ощупывая палкой дорогу и сопровождаемый собакою, прогнусилъ ему съ венгерскимъ акцентомъ: «*Facitote caritatem!*» (подайте милостыньку!)

— Наконецъ-то! сказалъ Гренгуаръ: — этотъ хоть говорить похристіански. Должно-быть у меня очень внушительный видъ, что всѣ они обращаются къ моему пустому кошельку.

— Другъ мой, сказалъ онъ, обращаясь къ слѣпому: — на той ведѣлъ я продать послѣднюю рубашку, то-есть, такъ какъ вы разумѣете только языкъ Цицерона, — *vendidi hebdomade nuper transitâ meam ultimam chemisam.*

Сказавъ это, онъ отвернулся и пошелъ дальше. Но слѣпой также ускорилъ шагъ и двое прокаженныхъ тоже подоспѣли, шумя своими клюками. Потомъ всѣ трое, ковыляя за Гренгуаромъ, затащили свое:

— *Caritatem!* пѣлъ слѣпой.

— *La buona speranza!* пѣлъ безногий.

А изувѣченный повторялъ всю мелодію въ словахъ:

— *Un pedaso de pan!*

Гренгуаръ зажалъ уши.

— О столпотвореніе вавилонское! вскричалъ онъ.

Онъ пустился бѣжать. Слепой бѣжалъ; хромой бѣжалъ; безрукій бѣжалъ.

Чѣмъ далѣе углублялся онъ въ улицу, слѣпые, хромые, прокаженные являлись десятками, выходили изъ домовъ, изъ сосѣднихъ улицъ, изъ погребовъ; все кричало, ныло, стонало, плелось къ огню и барахталось въ грязи, какъ улитки послѣ дождя.

Гренгуаръ, преслѣдуемый троими первыми, двигался между этой толпой, не зная что начать, обходя хромыхъ, перешагивая черезъ безногихъ, вязня въ грязи подобно английскому капитану, попавшему въ гнѣздо морскихъ пауковъ.

Ему-пришло на мысль воротиться назадъ, но было уже поздно. Легионъ сомкнулся сзади его и онъ былъ во власти трехъ первыхъ нищихъ. Онъ двинулся впередъ, увлекаемый теченіемъ, страхомъ и какимъ-то дурманомъ, принимая все видѣнное за страшный сонъ.

Наконецъ онъ достигъ конца улицы. Она выходила на огромную площадь, гдѣ брезжили въ туманѣ тысячи разныхъ огоньковъ. Гренгуаръ бросился туда, надѣясь избавиться отъ своихъ преслѣдователей.

— *Onde vais, homme?* (камо грядеши, человѣче?) вскричалъ прокаженный, бросивъ свои костыли и погнавшись за нимъ на самыхъ здоровыхъ ногахъ.

Между тѣмъ безрукій исправно нахлобучивалъ ему на голову тяжелую шапку, а слѣпой глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Гдѣ я? спросилъ испуганный поэтъ.

— При Дворѣ-чудесъ, отвѣчало четвертое привидѣнье.

— Я вижу, что хромые ходятъ и слѣпые прозрѣваютъ, но гдѣжъ исцѣлитель?

Ему отвѣчали ужаснымъ смѣхомъ.

Бѣдный поэтъ оглянулся кругомъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ былъ на

этомъ ужасномъ *Дворь-чудесъ* ⁽¹⁾, куда не проникалъ ни одинъ честный человекъ въ такое позднее время; волшебный кругъ, въ которомъ исчезали жандармы и сержанты; притонъ воровъ, гауеная язва Царижа; источникъ, изъ котораго выюдавали поутру и куда собирались въ вечеру всѣ пороки и преступленія, гнѣздящіяся въ столичныхъ улицахъ; ужасный улей, въ который слетались каждый вечеръ цмеди общественнаго норядка; ложный гошпиталь, гдѣ всякій бродяга, негодный школьникъ, мошенники всѣхъ націй и исповѣданій смывали мнимыя раны, съ которыми днемъ просили милостыню, и являлись просто разбойниками; однимъ словомъ огромная уборная, гдѣ отвалились и раздѣвались всѣ актеры той вѣчной комедіи, которую грабежъ, развратъ и убійство разыгрываютъ на улицахъ Царижа.

Это было обширное мѣсто, неправильное и дурно вымощенное, какъ всѣ парижскія площади того времени. У огня стояли странныя груны. Все двигалось, шумѣло, кричало. Слышался рѣзкій смѣхъ, плачь дѣтей, женскіе голоса. Руки и головы этой толпы, чернѣвшія на красномъ фонѣ, дѣлали странные жесты. Порою изъ земля, на которой дрожала отблескъ свѣта, пробѣгала собака похожая на человекъ, или человекъ похожій на собаку. Границы между породами здѣсь исчезали. Мужчины, женщины, животныя, возрастъ, полъ, здоровье, болѣзнь, все было общее у этого народа, — все было смутано, перемѣшано; каждый принималъ участіе во всемъ.

Тренетное мерцаніе огня позволило Гренгуару различить вокругъ площади рядъ скверныхъ домишекъ, странныя фасады которыхъ, снабженныя двумя свѣтящимися отверстиями, казались ему огромными головами старухъ, страшныхъ и косматыхъ, издали смотрящихъ на шабашъ.

Это былъ новый міръ, неизвѣстный, невѣроятный, безобразный, гнусный, фантастическій.

Гренгуаръ, совершенно ошеломленный, въ тискахъ у троихъ нищихъ, оглушонный нискомъ и крикомъ, несчастный Гренгуаръ старался собрать свои мысли, чтобы припомнить, не субота ли сегодня. Но усилія его были тщетны: нить его памяти и мышленія была

(1) Въ средніе вѣка «Дворь-чудесъ» назывались извѣстныя мѣстности въ большихъ городахъ, куда сходились всякаго рода нищіе и попрошайки, которые составляли изъ себя настоящую общину, имѣвшую особыя постановленія и особыя начальниковъ. Такъ назывались эти мѣстности потому, что по приходѣ туда всѣ нищіе-калькы какбы чудомъ мгновенно излечивались отъ всякаго мнимаго недуга, помощію котораго они вымаливали себѣ подаваніе.

порвана, и сомнѣваясь во всемъ, переходя отъ очевиднаго къ кажущемуся, онъ предлагалъ себѣ скептическій вопросъ: «Если я живъ, могутъ ли случиться со мной такія странности? А если онъ дѣйствительны, то не призракъ ли я?»

Въ эту минуту изъ толпы ясно раздался возгласъ: «Къ королю его! къ королю!»

— Пресвятая дѣва! проговорилъ Гренгуаръ: — да здѣшній король долженъ быть непременно козелъ.

— Къ королю! къ королю! повторяла толпа.

Его потащили. Каждый старался запустить свои когти, но трое нищихъ не уступали и ревѣли: «онъ нашъ!»

Платье поэта, уже находившееся въ агоніи, испустило послѣдній вздохъ въ этой борьбѣ.

Пока тащили его по площади, онъ началъ понемногу приходить къ сознанию дѣйствительности и свикаться съ мѣстной атмосферой.

Въ первую минуту въ его поэтической головѣ, или говоря прозой, въ его пустомъ желудкѣ поднялся туманъ, сквозь который онъ видѣлъ все предметы какъ въ кошмарѣ, когда все контуры сжимаются, все формы искривлены, предметы собираются въ невѣроятныя группы, вещи обращаются въ химеры, а люди въ привидѣнья. Эта галлюцинація постепенно переходила въ болѣе нормальный взглядъ. Дѣйствительность лѣзла къ нему со всехъ сторонъ, толкала въ бокъ, совалась подъ ноги и разрушала шагъ за шагомъ всю странную поэзію, которой онъ воображалъ себя окруженнымъ. Необходимо было сознаться, что онъ шолъ не по берегамъ Стикса, но по грязи; что его толкали не демоны, но воры; что дѣло шло не о его душѣ, но о жизни (потому что у него не было драгоценнаго примирителя, становящагося между бандитомъ и честнымъ человѣкомъ, — кошелька). Наконецъ, разсмотрѣвъ оргію поближе и похладнѣвъ, онъ спустился изъ шабаша въ чистый кабакъ.

Дворъ-чудесь былъ въ самомъ дѣлѣ кабакъ, но кабакъ разбойниковъ, пропитанный виномъ и кровью.

Зрѣлище, представившееся его глазамъ, когда онъ приведенъ былъ къ мѣсту назначенія, тоже внушало мало поэтическихъ мыслей, даже будь это адская поэзія. Болѣе чѣмъ когда-нибудь, это была прозаическая, грубая дѣйствительность кабака. Еслибъ дѣйствіе происходило не въ XV вѣкѣ, мы бы сказали, что Гренгуаръ снизошелъ отъ Микель-Анджело до Калло.

Вкругъ огня, горѣвшаго на широкомъ камнѣ и охватывавшаго

пламенемъ пока еще пустой треножникъ, стояло нѣсколько покоровившихся столовъ, расположенныхъ безъ малѣйшихъ признаковъ симетріи. На столахъ свѣтились нѣсколько кружекъ вина и водки, а за столами сидѣло множество вакхическихъ физиономій, разрумяненныхъ отъ вина и жара. Мужчина съ большимъ животомъ и веселымъ лицомъ громко цѣловалъ толстую, рябую дѣвку. Перереженный солдатъ разбинтовывалъ, посвистывая, свою мнимо-раненую ногу. На другомъ краю будущій калѣка приготавливалъ съ помощью бычачей крови и ластовочной травы снадобье для своей завтрашней раны.

Черезъ два стола мнимый богомолецъ въ полномъ костюмѣ заучивалъ молитву, произнося ее въ носъ. Далѣе, новичекъ бралъ уроки падучей болѣзни у старика, который училъ его жевать кусокъ мыла, чтобъ произвести пѣну у рта. Рядомъ происходило исцѣленіе отъ водяной и четыре женщины спорили за ребенка, украденнаго въ тотъ вечеръ. Всѣ эти случаи, два вѣка спустя, казались такъ смѣшны при дворѣ, — говоритъ Соволь — что служили развлеченіемъ королю и сюжетомъ для королевскаго балета «Ночь», раздѣленнаго на четыре отдѣла и даваемаго на театрѣ de petit Bourbon. Очевидецъ прибавляетъ, что никогда еще метаморфозы Двора-чудесъ не были такъ удачно воспроизведены. Бексеритъ подготовилъ насъ къ нимъ своими стихами.

Повсюду раздавался грубый смѣхъ и непристойныя пѣсни; каждый говорилъ свое, неслушая сосѣда. Кружки ежеминутно чокались и вслѣдъ за чоканьемъ возникали ссоры, сопровождаемая звукомъ разбитой посуды.

Большая собака сидѣла передъ огнемъ. Нѣсколько ребятъ прилѣживалось къ этой оргіи. Украденный ребенокъ кричалъ и плакалъ; другой, мальчикъ четырехъ лѣтъ, сидѣлъ на высокой скамьѣ, касаясь стола подбородкомъ, и не говорилъ ни слова. Третій переважно размазывалъ по столу пальцемъ наплывшее со свѣчки сало. Последний сидѣлъ въ грязи и чистилъ кирпичемъ жаровню, производя звукъ, способный довести до безпамятства Страдиваріуса. Около огня стояла бочка, а на бочкѣ возсѣдалъ нищій. Это былъ самъ король на тронѣ.

Тріо, притащившее Гренгуара, поставило его къ бочкѣ и вся вакханалія на минуту замолкла, исключая скрипа жаровни.

Гренгуаръ несмѣлъ поднять глазъ.

— *Nombre, quita tu sombrero!* (человѣкъ, скидай шапку!)

сказалъ одинъ изъ трехъ вожатыхъ ; и прежде тѣмъ онъ успѣлъ поинить что значила эта фраза , съ него сдернули шапку , правда очень плохонькую , но все еще годную отъ дождя или солнца . Гренгуаръ вдохнулъ .

Между тѣмъ король обратился къ нему съ высоты своего сидища :

— Что это за бездѣльникъ ?

Гренгуаръ вздрогнулъ . Этотъ голосъ , хотя съ выраженіемъ упрямства , напомнилъ ему другой , который въ это же утро занесъ первый ударъ его мистеріи , прогнавшаго : « подайте милостыню ! » Онъ поднялъ голову . На самомъ дѣлѣ это былъ Клопентъ Трульфу .

Костюмъ его нимало не измѣнился ; только рана на рукѣ исчезла и онъ держалъ въ ней ременный хлыстъ , употребляемый въ тѣ времена сержантами для водворенія порядка въ толпѣ . На головѣ у него была остроконечная шапка , напоминавшая дѣтскій головной уборъ или корону .

Незная самъ почему , Гренгуаръ ободрился , узнавши въ королѣ своего давешняго мучителя .

— Милостивый государь... ваша свѣтлость... ваше величество... Какъ долженъ я назвать васъ ? спросилъ онъ наконецъ , дойдя до самаго высокаго крешендо , незная что начать дальше .

— Свѣтлость , величество или просто пріятель , называя какъ хочешь , только скорѣе . Что скажешь ты въ свою защиту ?

— Въ твою защиту ! подумалъ Гренгуаръ : — это мнѣ не нравится . Онъ началъ запинаясь : — Я тотъ самый , который сегодня утромъ...

— Пошолъ ты къ дьяволу ! намъ нужно твое имя и ничего больше . Слушай . Ты передъ тремя могучими государями : я Клопентъ Трульфу , высшій сюзерентъ воровскаго царства ; Матьясъ Сликали , герцогъ Египта и Богеміи — вонъ тотъ жолтый старикъ , котораго ты видишь съ тряпкой на головѣ ; Вильгельмъ Руссо , императоръ Галлеи — вонъ тотъ толстякъ , который ласкаетъ дѣвку . Мы твои судьи . Ты вошелъ въ наше царство , непринадлежа къ нашей корпораціи , и тѣмъ нарушилъ привилегіи нашего города . Ты долженъ быть наказанъ , если не принадлежишь къ классу воровъ , нищихъ или бродягъ . Ну , принадлежишь ты къ какому-нибудь изъ этихъ разрядовъ ? Оправдывайся ; объяви намъ свой титулъ .

— Увы ! сказалъ Гренгуаръ : — я неимѣю этой чести . Я авторъ...

— Довольно . Ты будешь повѣшенъ . Дѣло очень просто , господа

честные люди! Какъ вы обходитесь съ нашими у себя, такъ и мы обращаемся съ вами въ нашихъ владѣнiяхъ. Законъ, который вы примѣняете къ бродягамъ, бродяги примѣняютъ къ вамъ. Сами же вы виноваты, если законъ жестокъ. Надо же когда-нибудь посмотреть какую гримасу дѣлаетъ честный человѣкъ на висѣльцѣ; это облагораживаетъ казнь. Ну, любезный другъ, подари свои дохмоты на память этимъ барышнямъ. Я велю тебя повѣсить для удовольствiя бродягъ и ты отдашь имъ свой кошелекъ, чтобъ справить поминки. Если хочешь покаяться, тамъ въ углу есть образъ. Даю тебѣ четыре минуты.

Рѣчь была ужасная.

— Хорошо сказано! воскликнулъ Руссо, разбивая кружку объ столъ.

— Императоръ и короли! сказалъ Гренгуаръ съ большимъ присутствiемъ духа (незная по какому случаю къ нему воротилась опять твердость): — подумайте: меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ; я тотъ самый поэтъ, котораго мистерiю представляли сегодня утромъ въ большой залъ.

— А, этотъ! сказалъ Клопъ. — Былъ я на этомъ представленiи! Чтоже, прiятель, развѣ то, что ты надѣдалъ намъ сегодня утромъ, мѣшаетъ тебѣ быть повѣшеннымъ къ вечеру?

— Трудно выпутаться, подумалъ Гренгуаръ.

Онъ попробовалъ послѣднее усилiе.

— Не знаю, сказалъ онъ, — почему бы поэтовъ не причислить также къ бродягамъ. Эносъ былъ бродягой, Гомеръ былъ нищимъ, Меркурiй былъ воромъ...

Клопъ прервалъ его: — Не пой намъ этой дичи. Приготовляйся быть повѣшеннымъ безъ всякихъ церемонiй!

— Извините, ваше королевское величество, продолжалъ Гренгуаръ, выигрывая время. — Это стоитъ послушать... Одну минуту!.. Выслушайте меня... Вы не осудите меня невыслушавши...

Голосъ несчастнаго исчезалъ въ шумъ, происходящемъ вокругъ. Маленькiй мальчикъ усерднѣе прежняго чистилъ жаровню и къ довершенiю удовольствiя старуха поставила на треножникъ сковороду полную жиру, который визжалъ на огнѣ какъ дѣлая ватага перепуганныхъ дѣтей.

Между тѣмъ Клопъ Трульфу казалось совѣщался съ герцогомъ Египта и императоромъ Галилеи, который былъ совершенно пьянъ. Потомъ онъ закричалъ «тише!» но такъ какъ жаровня и

сковорода его не слушались и продолжали дуетъ, онъ соскочилъ съ бочки, толкнулъ ногою жаровню, отскочившую на десять шаговъ вмѣстѣ съ мальчикомъ, сдѣлалъ тоже со сковородой, изъ которой весь жиръ вылился на огонь, и важно возшолъ снова на тронъ, не заботясь о сдержанномъ плачѣ ребенка и о ворчаньѣ старухи, ужинъ которой улетучивался въ клубахъ дыма.

Трульѳу подавъ знакъ, по которому герцогъ, императоръ и всѣ старшины встали передъ нимъ полукругомъ, центръ котораго составлялъ Гренгуаръ, все еще невысвободившійся изъ желѣзныхъ рукъ. Это былъ полукругъ изъ лохмотьевъ, блѣстокъ, вилъ, топоровъ, пьяныхъ лицъ съ угасшимъ животнымъ выраженіемъ. Клопень Трульѳу, какъ дождь этого сената, какъ король этихъ перовъ, какъ папа этого конклава, возвышался надъ всѣми, впервыхъ величиною своею бочки, а вовторыхъ какимъ-то гордымъ, дикимъ и страшнымъ выраженіемъ, заставлявшимъ блистать его глаза и облагораживавшимъ животный типъ бродяги. Это была голова кабана между рылами простыхъ свиней.

— Послушай, сказалъ онъ Гренгуару, поглаживая безобразный подбородокъ жесткой рукой: — я не вижу почему бы не быть тебѣ повѣшеному. Правда, что тебѣ это несовѣмъ нравится, да и понятно — вы, честные люди, не привыкли къ этому. Вы придаете слишкомъ много важности этой штуцѣ. Мы впрочемъ не желаемъ тебѣ зла. Вотъ тебѣ средство избавиться отъ бѣды, покуда. Хочешь быть нашимъ?

Можете судить, какое дѣйствіе произвело это предложеніе на Гренгуара, терявшаго послѣднюю надежду. Онъ крѣпко ухватился за предлагаемую нить.

— Конечно хочу, еще какъ! отвѣчалъ онъ.

— Ты согласенъ вступитъ въ ряды мелкихъ воришекъ?

— Именно въ ряды мелкихъ воришекъ! отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Ты признаешь себя членомъ свободныхъ гражданъ?

— Свободныхъ гражданъ.

— Подданнымъ царства бродягъ?

— Царства бродягъ.

— Бродягой?

— Бродягой.

— Въ душѣ?

— Въ душѣ.

— Надо тебѣ замѣтить, что это не спасетъ тебя отъ висѣлицы, сказалъ король.

— Канальство! сказалъ поэтъ.

— Только, продолжалъ Клопенъ, — ты будешь повѣшенъ попозже, съ большей церемоніей, на счетъ города Парижа, на красивой каменной висѣлицѣ и руками честныхъ людей. Это утѣнительно.

— Ваша правда, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Есть и другія выгоды. Въ качествѣ сводобнаго гражданина ты не будешь обязанъ платить ни за мостовую, ни за фонари, ни въ пользу бѣдныхъ, чему подвержены всѣ граждане Парижа.

— Пусть будетъ по-вашему, сказалъ поэтъ. — Я согласенъ. Я бродяга, мелкій воришка, свободный гражданинъ, все что хотите; я былъ всѣмъ этимъ уже и впередъ, ваше королевское величество, потому что я философъ; *et omnia in philosophia omnes in philosopho continentur*, какъ вамъ извѣстно.

Король нахмурилъ брови.

— За кого ты меня принимаешь, пріятель? Какую жидовскую грамоту ты еще выкопалъ? Я незнаю поеврейски Разбойники не жида. Я даже не ворую больше, я выше этого: я убиваю. Перерѣзать горло — мое дѣло, а рѣзать кошельки отказываюсь.

Гренгуаръ старался проговорить извиненіе во время этого потока словъ, тонъ которыхъ дѣлался все раздражительнѣе. — Извините, ваше величество, это не поеврейски, а полатыни.

— Я тебѣ говорю, что я не жидъ и что я велю тебя повѣсить, мянусь синагогой! какъ вотъ этого еврейскаго торгаша, что стоитъ съ тобой рядомъ и котораго я надѣюсь видѣть когда-нибудь приплюснутымъ къ его прилавку, какъ фальшивую монету!

Говоря это, онъ указывалъ пальцемъ на маленькаго жидка съ бородою, который приставалъ къ Гренгуару съ своимъ «*facitate caritatem*», и съ удивленіемъ смотрѣлъ теперь на гнѣвъ короля, непонимая никакого другого языка.

Наконецъ Клопенъ успокоился.

— Такъ ты, бездѣльникъ, хочешь быть бродягой? обратился онъ снова къ Гренгуару.

— Разумѣется, отвѣчалъ поэтъ.

— Одного хотѣнья еще мало! продолжало неотвязчивое величество: — отъ хотѣнья ни одной луковицы въ супъ не прибавится; надо доказать, что ты къ чему-нибудь годенъ и для этого надо сдѣлать опыты надъ манкеномъ.

— Я сдѣлаю какой хотите опытъ.

Клопенъ подалъ знакъ. Нѣсколько человекъ отдѣлились отъ группы и вернулись черезъ минуту. Они принесли два столба, заостренные внизу, такъ что ихъ легко было укрѣпить въ землѣ; на верхней части они утврдили балку, что составило премилую вѣсьлицу. Петля тоже была готова.

«Что они хотятъ дѣлать?» спрашивалъ себя Гренгуаръ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Звукъ колокольчиковъ, раздавшійся въ ту же минуту, разсѣялъ его опасенія: бродяги дѣщали манкена, родъ вороньяго пугала, одѣтаго въ красномъ и увѣшаннаго колокольчиками въ громадномъ количествѣ. Эти звонки подребезжали пока качалась веревка и наконецъ смолкли.

Тогда Клопенъ, указывая Гренгуару на ветхую скамейку, стоящую подъ манкеномъ, сказалъ: — Полѣзай на нее!

— Да я сломаю себѣ шею. Скамейка хромаетъ какъ марціаловъ крутъ; у ней одна нога шестистопная, а другая пятистопная.

— Полѣзай! повторилъ Клопенъ.

Гренгуаръ влѣзъ на скамью и ухитрился укрѣпиться на ней.

— Теперь обвей правой ногой лѣвую и встань на цыпочки.

— Ваше величество, вамъ непремѣнно хочется, чтобъ я сломаю что-нибудь?

— Послушай, пріятель, ты много разговариваешь. Вотъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло: ты встанешь на цыпочки, какъ я тебѣ сказалъ; такимъ образомъ ты достанешь до кармана куклы и занустишь въ него руку, чтобъ достать кошелекъ: если ты это сдѣлаешь, незатронувъ ни одного колокольчика, — хорошо, ты будешь бродягой. Намъ останется только поколотить тебя цѣлую недѣлю.

— Не приведи Богъ, сказалъ Гренгуаръ. — Ну, а если колокольчики вазвенять?

— Тогда ты будешь повѣшенъ. Понялъ?

— Вовсе не понялъ, сказалъ Гренгуаръ.

— Слушай еще разъ. Ты обещаешь манкену и вынешь у него кошелекъ; если хоть одинъ колокольчикъ звякнетъ во время операціи, ты будешь повѣшенъ. Понимаешь ты это?

— Хорошо, понялъ; а потомъ?

— Если ты вынешь кошелекъ безъ звона, будешь бродягой и тебя будутъ колотить ровно недѣлю. Теперь ты конечно все понялъ.

— Нѣтъ, ваше величество, опять не понимаю. Гдѣ-жъ моя выгода? Въ одномъ случаѣ избыють, а въ другомъ дѣвѣсятъ.

— А быть бродягой, развѣ этого мало? Мы будемъ тебя бить для твоей же пользы, чтобъ приучить къ побоямъ.

— Очень благодаренъ!

— Ну проворнѣй, сказалъ король, топая ногою. — Обьиди манкенъ и дѣлу конецъ! Объявляю тебѣ въ послѣдній разъ, что если услышу хоть одинъ колокольчикъ, ты замѣнишь манкенъ.

Вся толпа рукопискала словамъ Клопена и окружила вистлицу, съ самымъ безжалостнымъ смѣхомъ; Гренгуаръ увидалъ, что смерть его будетъ имъ еще большею забавой. Ему не оставалось другой надежды, кромѣ весьма сомнительнаго успѣха операцин; онъ рѣшилъ попытаться, произнеся мысленно самую жаркую просьбу манкену, надѣясь умилостывить его скорѣе нежели зрителей. Маршадъ звонковъ съ мѣдными явчиками казались ему пастью аспиловъ, ежеминутно готовыхъ ужалить и испустить снѣсть.

— О! говорилъ онъ про себя: — возможно ли, чтобъ моя жизнь зависла отъ шелеста этихъ побрякушекъ? О! повторялъ онъ, складывая руки: — не звоните колокольчики, не звоните!

Онъ попытался еще смягчить Трульфу.

— А если вдругъ подуетъ вѣтеръ? спросилъ онъ.

— Ты будешь повѣшенъ, отвѣчалъ тотъ незадумываясь.

Видя, что никакъ не отвертишься, онъ рѣшился: обернувъ правую ногу объ лѣвую, всталъ на пальцы, протянулъ руку... Но въ ту минуту какъ онъ коснулся манкена, его тѣло, державшееся на одной ногѣ, перетянуло скамью, у которой ногъ было только три; онъ машинально хотѣлъ схватиться за манкена, потерялъ равновѣсїе и тяжело упалъ на землю, оглушительный звукомъ тысячи колокольчиковъ манкена, который, покачнувшись взадъ и впередъ отъ даннаго толчка, опять висѣлъ на своемъ мѣстѣ.

— Проклятїе! восклицалъ онъ падая, и уже лежалъ лицомъ къ землѣ.

До ушей его доносился несносный трезвонъ колокольчиковъ, хоть бродягъ и слова Клопена: «Поднимите этого негодяя и побьсьте его хорошенько.»

Онъ всталъ. Манкенъ ужъ сняли, чтобъ дать ему мѣсто.

Мошенники втащили его на скамью. Клопенъ подошолъ къ нему, вакинулъ ему петлю на шею и ударя по плечу, сказалъ:

— Прощай, другъ! теперь не вырвешься.

Просьба о помилованїи замерла на губахъ Гренгуара. Онъ глянулъ кругомъ, но надежды не было; всѣ смѣялись.

— Бельвинъ , обратился Клопентъ къ огромному бродягѣ: — по-
лѣзай на перекладину.

Бельвинъ ловко вкарабкался и Гренгуаръ съ ужасомъ увидалъ
его надъ своей головою.

— Теперь, продолжалъ Клопентъ, — когда я хлопну въ ладоши,
ты, Андри, толкнешь колѣномъ скамейку, ты, Франсуа, повиснешь
у него на ногахъ, а ты, Бельвинъ, вскочишь ему на плечи; всѣ
трое разомъ. Слышали?

Гренгуаръ вздрогнулъ.

— Готовы? спросилъ Трульфу.

Бѣдный страдалецъ переживалъ ужасную минуту, между тѣмъ
какъ король поправлялъ ногою недогорѣвшіе сучья.

— Готовы? повторилъ онъ, и хотѣлъ уже ударить въ ладоши.
Еще секунда — и все было бы кончено.

Но онъ остановился, будто отъ какой-то внезапной мысли.

— Подождите! я позабылъ!.. по нашему правилу, нельзя повѣ-
сить человѣка неспросивши, не хотеть ли кто-нибудь изъ жен-
щинъ выйти за него замужъ. Пріятель, это твоя послѣдняя надежда.
Надо взять въ жены бродягу или петлю.

Этотъ странный цыганскій законъ еще и теперь существуетъ
въ старомъ англійскомъ законодательствѣ. Смотри «Burington's
Observations».

Гренгуаръ вздохнулъ. Впродолженіи получаса жизнь возвра-
щалась къ нему во второй разъ. Надѣяться онъ еще не осмѣли-
вался.

— Эй, вы! кричалъ Клопентъ, взмоштившись снова на свою
бочку: — женщины! есть ли между вами, отъ старой вѣдьмы до ея
кошки, существо женскаго рода, желающее взять этого молодца?
Идите, смотрите! Мужчина даромъ! Кто хочетъ?

Гренгуаръ въ своемъ бѣдственномъ положеніи былъ конечно
непривлекателенъ. Женщины были мало тронуты предложеніемъ.
Несчастный слышалъ ихъ отвѣтъ: «Нѣтъ, лучше повѣсить его:
эдакъ будетъ всѣмъ удовольствіе.»

Однакожь три отдѣлились отъ толпы и подошли его осматривать.
Первая была толстая дѣвка, съ квадратнымъ лицомъ. Она внима-
тельно осмотрѣла жалкую одежду бѣдняка: она была дырява какъ
сковорода, на которой пекутъ каштаны. Женщина сдѣлала гримасу.

— Старо! проворчала она: — а гдѣ твоя шапка?

— Я ее потерялъ, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— Твои сапоги?

— У нихъ отвалились подошвы.

— А кошелекъ?

— Увы! простоналъ Гренгуаръ: — въ немъ нѣтъ ни одного су.

— Ну такъ благодари, что тебя вѣшаютъ. — И она повернулась къ нему спиною.

Вторая была стара, черна и безобразна; Гренгуаръ почти не желалъ, чтобъ она его выбрала. Она проворчала сквозь зубы: «нѣтъ, онъ слишкомъ худъ!» и ушла прочь.

Третья была молодая дѣвушка, довольно свѣжая и неслишкомъ дурная.

— Спасите меня! шепталъ ей бѣднякъ.

Она съ сожалѣніемъ посмотрѣла на него, опустила глаза, повертѣла край своего передника и осталась въ нерѣшимости. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ.

— Нѣтъ, сказала она наконецъ: — длинный Вильгельмъ меня будетъ бить. — И она удалилась въ толпу.

— Ну братъ, ты несчастливъ! сказалъ Клопенъ.

Потомъ, привставъ на бочкѣ: — Такъ никому онъ не нуженъ? прокричалъ онъ, удачно передразнивъ эзекутора, къ общему удовольствію. — Разъ, два, три! Никто не выходитъ? — Присужденъ! объявилъ онъ, кивнувъ на толпу.

Бельвинъ, Андри и Франсуа приблизились къ Гренгуару.

Въ эту минуту раздался крикъ:

— Эсмеральда! Эсмеральда!

Гренгуаръ вздрогнулъ и оборотилъ голову по направленію шума. Толпа разступилась передъ чуднымъ, чистымъ созданіемъ. Это была цыганка.

— Эсмеральда! повторилъ Гренгуаръ, припоминая всѣ событія, связанныя съ этимъ именемъ.

Прелестное созданіе казалось имѣло какую-то власть, даже при дворѣ-чудесъ, силою своей красоты и граціи. Мошенники давали ей дорогу и ихъ грубые лица прояснялись отъ ея взгляда.

Она подошла къ бѣдняку своимъ легкимъ шагомъ. Джали слѣдовала за нею. Гренгуаръ былъ ни живъ ни мертвъ. Она съ минуту глядѣла на него.

— Вы хотите повѣсить этого человѣка? спросила она съ важною.

— Да, сестрица, отвѣчалъ король, — если ты не захочешь быть его женою.

Она сдѣлала свою обыкновенную гримаску.

— Я беру его, сказала она.

Гренгуаръ былъ твердо увѣренъ, что все что происходитъ съ утра — длинный сонъ, а это его продолженіе.

Переходъ, хотя и граціозный, былъ поразителенъ.

Петлю развязали и поэта свели со скамьи. Онъ принужденъ былъ съѣсть отъ сильнаго потрясенія.

Герцогъ Египта, неговоря ни слова, принесъ глиняный кувшинъ. Цыганка подала его Гренгуару.

— Бросьте его на землю.

Кувшинъ разбился въ дребезги.

— Братъ, произнесъ герцогъ Египта, кладя имъ руку на голову: — она твоя жена; сестра, онъ твой мужъ, на четыре года. Стушайте.

VII

СВАДЕБНАЯ НОЧЬ

Черезъ нѣсколько минутъ нашъ поэтъ очутился въ маленькой комнатѣ со стрѣльчатыми сводами, укрытой и теплой, передъ столомъ, готовымъ принять на свою поверхность все съѣстное, заключающееся въ сосѣднемъ шкапѣ; въ перспективѣ была покойная постель, а въ настоящемъ — tête-à-tête съ прелестной дѣвушкой. Все это отзывалось волшебствомъ. Онъ серьезно начиналъ считать себя сказочнымъ героемъ, и оглядывался, ища огненной колесницы, запряженной двумя крылатыми химерами, которая одна могла его перенести такъ быстро изъ тартара въ рай. Чтобы вовсе не потерять изъ виду дѣйствительности, онъ взглядывалъ и на свое худое платье. Разсудокъ его, витавшій въ вымышленныхъ мірахъ, нуждался въ этой нити, чтобы не вовсе покинуть землю.

Дѣвушка казалось не обращала на него вниманія; она ходила, прибирала, разговаривала съ козой и дѣлала повременамъ свою гримаску. Наконецъ она сѣла у стола и Гренгуару стало удобно смотреть на нее.

Вы были ребенкомъ, читатель, можетъ-быть даже имѣете сча-

стие быть имъ до сихъ поръ. Вамъ вѣроятно случалось (я же посвящалъ этому занятію мои лучшіе дни) слѣдить, съ куста на кустъ, у берега, въ ясный день, за хорошенькой стрекозой, голубой или зеленой, задѣвавшей каждую вѣтку въ своемъ неправильномъ полетѣ. Вы помните съ какимъ нѣжнымъ любопытствомъ слѣдилъ вашъ взглядъ за этимъ жужжащимъ вихремъ въ голубомъ одѣяніи, изъ-за котораго мелькала, едва замѣтная за быстротою, стройная форма. Воздушное существо, неясно обозначающееся изъ-за лазури крыльевъ, казалось вамъ химерическимъ, недоступнымъ осязанію и даже глазу. Но когда наконецъ стрекоза отдыхала на какой-нибудь вѣткѣ и вы могли разсматривать, сдерживая дыханіе, длинныя газовыя крылья, длинное эмалевое платье и два хрустальные шарика, какое вы испытывали удивленіе и страхъ, что вотъ существо снова обратится въ химеру! Припомните эти ощущенія и вамъ легко будетъ понять, что чувствовалъ Гренгуаръ, разсматривая въ видимой и осязательной формѣ эту Эсмеральду, которую видѣлъ до этой минуты только въ вихрѣ танца, съвозъ обаяніе пѣнія и страхъ смерти.

— Такъ вотъ что такое Эсмеральда! Небесное созданіе! уличная танцовщица! Такъ много и такъ мало! Она довершила паденіе моей пьесы поутру и спасла мнѣ жизнь вечеромъ. Мой злой геній и вмѣстѣ добрый ангелъ! Хорошенькая женщина, честное слово!.. И вѣрно любить меня до безумія, если согласилась на такой странный бракъ! Кстати! сказалъ онъ вставая, съ тѣмъ философскимъ чутьемъ истины, которое составляло основу его характера: — не знаю какъ это случилось, но вѣдь я ея мужъ.

Съ такою мыслью въ головѣ и въ глазахъ, онъ подошелъ къ двушкѣ съ такимъ развязнымъ видомъ, что та отшатнулась.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Можете ли вы спрашивать, обожаемая Эсмеральда? отвѣчалъ Гренгуаръ съ такимъ страннымъ акцентомъ, что и самъ удивился.

Цыганка широко раскрыла глаза.

— Я васъ не понимаю.

— Какъ! продолжалъ Гренгуаръ, воспламеняясь все болѣе и болѣе и думая при этомъ, что имѣеть дѣло съ добродѣтелью Двора-чудесъ: — развѣ ты не принадлежишь мнѣ, моя прелесть?

И онъ наивно взялъ ее за талію.

Корсажъ цыганки выскользнулъ изъ его рукъ какъ угорь. Она отпрыгнула на другой уголъ комнаты, наклонилась и встала передъ

нимъ съ маленькимъ кинжаломъ въ рукѣ, разгибавшая, гордая, съ надувшимися губками, съ щеками горѣвшими какъ яблоко, съ глазами мечущими молнію. Козочка тоже встала передъ своей хозяйкой и подставила Гренгуару золотые и острые рожки. Все это сдѣлалось въ одну минуту.

Стрекоза превратилась въ пчелу и готова была ужалить.

Философъ остоленѣлъ и поглядывалъ то на козу, то на дѣвушку.

— Матерь божія! сказалъ онъ, оправясь отъ удивленія: — какія храбрыя!

Цыганка тоже заговорила:

— А у тебя много дерзости!

— Простите, сударыня, сказалъ онъ улыбаясь: — но зачѣмъ же выбрали вы меня въ мужья?

— Такъ надо было дать тебя повѣсить?

— Такъ у васъ не было другой мысли, кромѣ моего спасенія? спросилъ Гренгуаръ, разочарованный въ своихъ надеждахъ.

— Какая же могла еще быть у меня мысль?

Гренгуаръ закусилъ губы.

— Увы! подумалъ онъ: — я еще не такой баловень амура, какъ думалъ. Но тогда зачѣмъ же было разбивать этотъ несчастный горшокъ?

Между тѣмъ кинжалъ Эсмемальды и рожки козы все еще были въ оборонительномъ положеніи.

— Мадмуазель Эсмемальда, сказалъ поэтъ, — будемте вести переговоры. Я не присяжный и не буду къ вамъ придирааться за то что вы носите оружіе, тогда какъ это строго запрещено. Вамъ конечно извѣстно, что Ноэль Лекривенъ былъ осужденъ на денежную пеню зато что носилъ шпагу. Но это не мое дѣло; перейдемъ къ сущности. Я клянусь вамъ будущей жизнью, что не подойду къ вамъ безъ вашего разрѣшенія, только дайте мнѣ поужинать.

Въ сущности Гренгуаръ не былъ страстенъ; онъ не принадлежалъ къ породѣ рыцарей и мушкетеровъ, которые берутъ женщину приступомъ. Въ дѣлахъ любви, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ былъ согласенъ на уступки; хорошій ужинъ въ пріятномъ обществѣ казался ему, въ особенности когда онъ былъ голоденъ, очень приличнымъ антрактомъ между прологомъ и развязкой любовнаго похождения.

Цыганка не отвѣчала. Она сдѣлала презрительную гримаску и

расхохоталась ; маленькій кинжалъ исчезъ, какъ и появился, совершенно невидимымъ для Гренгуара образомъ.

Минуту спустя на столѣ очутился ячменный хлѣбъ, кусокъ сала, нѣсколько яблокъ и кружка пива. Гренгуаръ принялся ѣсть съ яростью. По стуку его желѣзной вилки можно было подумать, что вся его любовь перешла въ аппетитъ.

Дѣвушка молча сидѣла противъ него, видимо занятая другой мыслью, которой улыбалась, отъ времени до времени поглаживая своей вѣжной ручкой бѣленькую головку козочки, лежавшую на ея козняхъ.

Свѣча желтаго воска освѣщала эту сцену жадности и мечтательности.

Когда были утолены первыя требованія желудка, Гренгуару сдѣлалось совѣстно, что на столѣ осталось всего одно яблоко.

— Вы не ужинаете, мадмуазель Эсмеральда ?

Она отвѣчала отрицательнымъ движеніемъ головы и взглядъ ея устремился на верхній сводъ.

— Чѣмъ это она занята ? подумалъ Гренгуаръ и сталъ смотрѣть по тому же направленію. — Невозможно, чтобъ ее такъ занималъ этотъ лѣпной карликъ. Чортъ возьми ! съ нимъ-то я выдержу сравненіе.

— Мадмуазель !

Она не слышала.

Онъ закричалъ громче :

— Мадмуазель Эсмеральда !

Напрасно ! Мысли Эсмеральды были далеко, а голосъ Гренгуара не имѣлъ достаточнаго обаянія, чтобы заставить ихъ вернуться. По счастью коза вмѣшалась въ дѣло. Она тихонько потянула за рукавъ свою хозяйку.

— Что тебѣ, Джали ? съ живостью спросила цыганка, какъ-будто проснувшись.

— Она хочетъ ѣсть, сказалъ Гренгуаръ, радуясь предлогу завести разговоръ.

Эсмеральда принялась крошить хлѣбъ, а Джали граціозно подбирала его у ней съ ладони.

Гренгуаръ не далъ ей времени вновь впасть въ задумчивость. Онъ рискнулъ предложить щекотливый вопросъ :

— Такъ вы не хотите, чтобъ я былъ вашимъ мужемъ ?

Дѣвушка пристально поглядѣла на него :

— Нѣтъ.

— А любовникомъ?

Она сдѣлала гримасу и отвѣчала :

— Нѣтъ.

— А другомъ? продолжалъ Гренгуаръ.

Она еще разъ посмотрѣла на него пристально и сказала :

— Можетъ-быть.

Это *можетъ-быть*, такъ любимое философами, одобрило Гренгуара.

— Знаете ли вы, что такое дружба? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала цыганка : — это значить быть братомъ и сестрой ; это двѣ души родныя другъ другу, но не слитыя въ одно, какъ два пальца руки.

— А любовь? продолжалъ Гренгуаръ.

— О, любовь! сказала она и голосъ ея дрожалъ, а глаза сверкали. — Это, когда двое составляютъ одно. Это блаженство!..

Уличная танцовщица была, произнося эти слова, такъ чудно хороша, что Гренгуаръ былъ пораженъ ; была гармонія между ея лицомъ и восточными оборотами рѣчи. Ея розовыя и чистыя губы слегка улыбались ; ея дѣвственное чело повременамъ смущалось какъ зеркало отъ легкаго дыханія, а изъ-подъ длинныхъ, опущенныхъ рѣсницъ изливался какой-то чудный свѣтъ, придававшій ея профилю ту идеальную чистоту, которую уловилъ впоследствии Рафаэль для мистическаго выраженія дѣвственности, материнской любви и божественности.

Несмотря на то Гренгуаръ продолжалъ :

— Чтожъ нужно дѣлать, чтобъ вамъ понравиться?

— Надо быть мужчиной.

— А я-то чтоже такое?

— Мужчина тотъ, у кого на головѣ каска, въ рукахъ сабля, а на ногахъ шпоры.

— Хорошо ; вамъ мужчина не можетъ обойтись безъ лошади. Любите вы кого-нибудь?

— Любовью?

— Любовью.

Она съ минуту подумала, потомъ отвѣчала съ особымъ выраженіемъ :

— Скоро я буду знать это.

— Почему-жъ не сегодня вечеромъ? нѣжно возразилъ поэтъ.
— Почему-жъ не меня?

Она серьезно посмотрѣла на него.

— Я люблю только челоѣка, способнаго защитить меня.

Гренгуаръ понялъ и покраснѣлъ. Очевидно дѣвушка намекала на малую помощь, которую онъ оказалъ ей въ критическомъ обстоятельствѣ, часа два назадъ. Это воспоминаніе, изглаженное другими событіями этого вечера, воротилось къ нему. Онъ ударилъ себя по-лбу.

— Кстати, слѣдовало бы начать съ этого. Простите за разсѣянность. Какимъ образомъ вы избавились отъ Квазимодо?

Цыганка вздрогнула отъ этого вопроса.

— О страшный горбунъ! сказала она, закрывая лицо руками и дрожа, какъ отъ сильнаго холода.

— Въ самомъ дѣлѣ ужасный, подтвердилъ Гренгуаръ, неупуская своей мысли: — но какъ вы отъ него отдѣлались?

Эсмеральда улыбнулась, вздохнула и промолчала.

— Зачѣмъ онъ слѣдилъ за вами? началъ Гренгуаръ, стараясь зайти съ другой стороны вопроса.

— Незнаю, отвѣчала она и живо прибавила: — но вы-то сами зачѣмъ за мною слѣдили?

— Сказать вамъ правду, отвѣчалъ Гренгуаръ, — я и самъ незнаю зачѣмъ.

Наступила минута молчанія. Гренгуаръ стругалъ ножомъ столъ; дѣвушка улыбалась и казалось видѣла что-то сквозь стѣну. Вдругъ она принялась пѣть едва слышнымъ голосомъ:

*Quando las pintadas aves
Mudas estan, y la tierra...*

Она внезапно остановилась и начала ласкать Джали.

— Хорошенькая у васъ козочка, сказалъ Гренгуаръ.

— Это моя сестра, отвѣчала она.

— Почему васъ называютъ Эсмеральдой? спросилъ поэтъ.

— Незнаю.

— Однакожъ?

Она вынула изъ-подъ корсажа родъ продолговатой ладонки, на цѣпочкѣ изъ сѣмянъ какого-то растенія. Ладонка издавала сильный запахъ камфоры; сшита она была изъ зеленой матеріи, а посрединѣ вставлено было стеклышко изумруднаго цвѣта.

— Можетъ-быть по случаю этого, сказала она.

Гренгуаръ хотѣлъ взять ладонку ; она отдернула.

— Не дотрогивайтесь , это талисманъ . Или вы можете уничтожить ея силу, или она причинить вамъ вредъ.

Любопытство поэта было еще сильнѣе возбуждено.

— Кто вамъ ее далъ ?

Она приложила палецъ къ губамъ и спрятала ладонку на груди . Онъ дѣлалъ и еще вопросы, но она едва отвѣчала.

— Что значить слово Эсмеральда ?

— Незнаю, сказала она.

— На какомъ это языкѣ ?

— Кажется на цыганскомъ.

— Я такъ и думалъ . Вы родились не во Франціи ?

— Незнаю.

— Есть у васъ родители ?

Она запѣла на мотивъ старой пѣсни :

Mon père est oiseau,
Ma mère est oiselle,
Je passe l'eau sans nacelle,
Je passe l'eau sans bateau.
Ma mère est oiselle,
Mon père est oiseau.

— Хорошо, сказалъ Гренгуаръ . — Сколькихъ лѣтъ вы пріѣхали во Францію ?

— Совсѣмъ ребенкомъ.

— А въ Парижъ ?

— Прошлаго года . Когда мы входили въ Папскія ворота , я видѣла какъ пролетала малиновка ; былъ конецъ августа ; я подумала, что зима будетъ очень холодная .

— Такъ и было, подтвердилъ Гренгуаръ, радуясь, что разговоръ завязывается : — я все это время дулъ на руки . Такъ вы обладаете даромъ пророчества ?

Она снова впала въ лаконизмъ : — Нѣтъ .

— Тотъ человѣкъ, котораго вы называете герцогомъ Египта, начальникъ вашего племени ?

— Да .

— Онъ насъ обручилъ, робко замѣтилъ Гренгуаръ .

Она сдѣлала свою привычную гримаску . — Я еще и имени вашего до сихъ поръ незнаю .

— Моего имени? Вотъ оно къ вашимъ услугамъ: Пьеръ Гренгуаръ.

— Я знаю одно получше.

— А вы таки злая! замѣтилъ поэтъ. — Ничего, вамъ не удастся меня разсердить. Можетъ-быть вы полюбите меня, когда узнаете короче; кому же вы такъ довѣрчиво рассказали мнѣ свою исторію, что я обязанъ сдѣлать тоже. Знайте же, что меня зовутъ Пьеръ Гренгуаръ и что я сынъ сельскаго нотаріуса. Мой отецъ былъ повѣщенъ бургонцами, а мать зарѣзали пикардійцы, двадцать лѣтъ назадъ, во время осады Парижа. Незнаю какъ я прожилъ отъ шести лѣтъ до шестнадцати. Кормили меня добрые люди, а ночью поднималъ дозоръ на улицѣ и отвозилъ въ тюрьму, гдѣ я находилъ пукъ соломы для ночлега. Все это не помѣшало мнѣ вытянуться и похудѣть, какъ вы видите. Зимой я грѣлся на солнцѣ и находилъ очень страшнымъ, что костры св. Іоанна зажигаются лѣтомъ. На шестнадцатомъ году я вздумалъ прискаты себѣ занятіе. Я пробовалъ всего: сдѣлался солдатомъ, но не хватило храбрости. Сдѣлался монахомъ, да не достало призванія; кому же я не пьяница. Съ отчаянія я поступилъ ученикомъ въ плотничью артель, да не достало физической силы. Склонность у меня была сдѣлаться школьнымъ учителемъ; правда, я не зналъ грамотъ, но это еще небольшой недостатокъ. Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что ни къ чему неспособенъ и сдѣлался поэтомъ. Это ремесло, которымъ можетъ заняться каждый праздншатающійся; все же лучше, чѣмъ воровать, какъ мнѣ совѣтовали нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Къ счастью судьба свела меня съ Клавдіемъ Фролло, соборнымъ архидьякономъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе и ему я обязанъ, что сдѣлался совсѣмъ ученымъ, знающимъ латынь отъ Цицерона до отцовъ-целестинцевъ и нечуждымъ схоластики и даже герметики, этого начала премудрости. Я авторъ той мистеріи, которую давали сегодня съ такимъ триумфомъ, при огромномъ стеченіи народа въ большой залъ юстиціи. Я написалъ также книгу въ шестьсотъ страницъ о чудесной кометѣ 1465 года, и вообразите: одинъ изъ моихъ читателей помѣшался. Были у меня и другіе успѣхи. У меня есть нѣкоторыя свѣдѣнія въ артилеріи, и это я работалъ надъ той большой мортирой Мога, которую разорвало во время пробы на Шарантонскомъ мосту и убило двадцать четыре человѣка. Вы видите, я не совсѣмъ плохая партія. Я знаю много хорошихъ фокусовъ, которымъ могу научить вашу козу; наприкладъ передраазивать парижскаго епископа, котораго мельни-

цы обрызгиваютъ на мосту прохожихъ. Потомъ моя мистерія дастъ мнѣ большой доходъ, если за нее заплатятъ. Наконецъ къ вашимъ услугамъ я самъ, мой умъ и моя наука; я готовъ жить съ вами какъ вамъ будетъ угодно, цѣломудренно или весело; какъ мужъ съ женой, если это вамъ нравится; какъ братъ съ сестрой, если вы это находите лучшимъ.

Гренгуаръ замолчалъ, ожидая дѣйствія своей рѣчи на молодую дѣвушку. Глаза ея были опущены.

— *Фебъ!* повторяла она вполголоса. Потомъ, обращаясь къ поэту: — Что значить *Фебъ*?

Гренгуаръ, непонимая хорошенько какое можетъ быть соотношение между этимъ вопросомъ и его рѣчью, не пропустилъ все-таки случая выказать свою ученость и отвѣчалъ съ важностью: — Это латинское слово и значить *солнце*.

— Солнце! повторила она.

— Это также имя одного божества, добавилъ Гренгуаръ.

— Божество! повторила цыганка и въ ея голосѣ было что-то задумчиво-страстное.

Въ эту минуту у ней разстегнулся браслетъ и упалъ на полъ. Гренгуаръ наклонился поднять его, и когда всталъ, — ни Эсмеральды, ни козы не было въ комнатѣ. Онъ услышалъ шумъ задвижки; заперали изнутри дверь сосѣдней каморки.

— Оставила ли она мнѣ хоть постель? сказалъ нашъ философъ.

Онъ обошелъ комнату. Лечь можно было только на довольно большомъ сундукѣ, крышка котораго украшена была рѣзьбою, что доставило улегшемуся Гренгуару ощущеніе похожее на микромегасово, когда тотъ ложился во весь ростъ на Альпы.

— Что дѣлать! говорилъ онъ, укладываясь какъ можно удобнѣе: — надо покориться. Однако странная же свадебная ночь!.. Очень жаль; въ этомъ бракѣ при разбитомъ кувшинѣ было что-то наивное и допотопное.

ОНА И ОНЪ

Das ist eine alte Geschichte...

HEINE.

Ему все мило было въ ней :
И смѣхъ ребяческій, и ласки.
Ея голубенькіе глазки
И пряди свѣтлыя кудрей.

Мирился онъ съ своей судьбой,
Когда къ плечу его бывало,
Ласкаясь, тихо припадала
Она головкой молодой.

Цѣлуя чистое чело
И гибкій станъ обвивъ рукою,
Онъ говорилъ : — «На мѣръ съ тобою
Смотрю я честно и свѣтло ;

«Ты духъ мой слабый излекла
Изъ бездны страшнаго паденья ;
Звѣздою яркою спасенья
Ты въ небесахъ моихъ взошла.

«Отнынѣ были-бъ безъ тебя
Мнѣ дни мои невыносимы ;
Тоской безвыходной томимый,
Сошолъ бы въ землю я любя !»

На рѣчи нѣжныя она
Могла отвѣтить лишь слезами ,

И не «клялася небесами»
Навѣки быть ему вѣрна.

Она безъ клятвъ, безъ громкихъ словъ
Всю жизнь любить его умѣла ;
Она пошла за милымъ смѣло,
Покинувъ свой родимый кровъ.

Онъ былъ хорошъ. Лицо его
Слѣды носило жизни бурной.
Сначала свѣта блескъ мишурный
Любилъ онъ болѣе всего,

Хоть можетъ-быть и не блисталъ
Онъ тамъ звѣздой первостепенной
И обращался съ нимъ надменно
Иной сѣятельный нахаль.

Но сердце женское неразъ
Умѣлъ плѣнить онъ рѣчью страстной,
И были всѣ мужа согласны,
Что онъ опасенъ какъ Ловласъ.

Въ любви онъ видѣлъ жизни цѣль,
Бросалъ, потомъ опять влюблялся,
Съ однимъ соперникомъ стрѣлялся
И сосланъ былъ онъ за дуэль.

Развратомъ, картами, виномъ
Онъ услаждалъ тоску изгнанья,
И небольшое состоянье
Убивъ, остался голякомъ.

Тогда-то онъ сошелся съ ней.
Его ума она сначала
Боялась все, — не понимала
Его возвышенныхъ рѣчей.

Какъ дикій цвѣтъ въ поляхъ цвѣла
Она, цѣны себѣ незная.
Ей странно было, какъ такая
Степнячка нравиться могла ?

Да и кому еще притомъ !
Ему, который тамъ, въ столицѣ,
Конечно не съ одною львицей
Великосвѣтской былъ знакомъ.

Онъ побѣдить въ ней этотъ страхъ
Старался вѣжностью покорной ;
Большую опытность безспорно
Имѣлъ въ сердечныхъ онъ дѣлахъ.

И говорилъ онъ такъ умно !
А отличить въ нашъ вѣкъ и сразу
Отъ чувства искренняго фразу
Сердцамъ наивнымъ мудрено !

И въ Петербургъ съ собой увезъ
Ее онъ изъ глуши печальной.
Съ нимъ въ путь она пустилась дальный
Безъ горькихъ жалобъ и безъ слезъ.

Онъ представлялъ друзьямъ своимъ
Ее съ торжествовавшимъ взоромъ ;
Друзья всѣ поздравляли хоромъ
Его съ сокровищемъ такимъ.

Какъ былъ доволенъ онъ и радъ,
Когда знакомые артисты
Бывало этотъ обликъ чистый
Съ головкой грёзовской сравнять !

Одна бѣда : своимъ трудомъ
Обоимъ жить имъ приходилось.
Она безъ усталы трудилась,
Сидѣла ночи за шитьемъ, —

А онъ... онъ мѣста все искалъ,
Но получивъ отвѣтъ повсюду
Одинъ : «имѣть въ виду васъ буду»,
Пока сложивши руки ждалъ.

Хоть онъ на связи прошлыхъ лѣтъ
Считать имѣлъ бы основанье,

Но въ этотъ разъ ему вниманья
Не оказалъ холодный свѣтъ.

Увѣрять я, извѣстно вамъ,
Читатель мой, что очень трудно
Въ столицѣ нашей многолюдной
Себя пристроить бѣднякамъ.

Себѣ отказывать во всемъ
Онъ не привыкъ. Среди лишеній,
Грошовыхъ счетовъ, огорченій,
Нерѣдко жолчь кипѣла въ немъ.

Купить хотѣлъ бы онъ своей
Подругѣ пышные наряды,
Чтобы завистливые взгляды
Привлечь, когда идетъ онъ съ ней.

Ему хотѣлось побывать
Въ любимой оперѣ, въ балетѣ ;
Порой хотѣлось даже въ свѣтѣ
Блеснуть любезностью опять.

Восвѣ онъ часто видѣлъ балъ.
Гремѣлъ оркестръ, блистали свѣчи
И кто-то пламенные рѣчи
Ему подъ музыку шепталъ...

Но чтоже дѣлала она ?
Ей не мечтался говоръ балъный :
Зажжотъ себѣ огарокъ сальный
И шветъ сдѣлать, незная сна.

Чтобъ только онъ доволенъ былъ,
Клясть пересталъ судьбы нападки,
Чтобъ завтра свѣжія перчатки
Себѣ къ гулянью онъ купилъ.

Она была такъ весела,
Какбы нужды не знала гнета ;
Лишь красота казалось что-то
Немного блекнуть начала.

Но наконецъ — хвала судьбѣ —
 (Я отношу сей случай къ чуднымъ)
 Мѣстечко съ жалованьемъ скуднымъ
 Нашолъ пріятель нашъ себѣ.

И сталъ онъ въ должность каждый день
 Ходить и тамъ строчить бумаги.
 Но не надолго въ немъ отваги
 Хватило... не осилилъ лѣтъ!

И тяготясь своимъ трудомъ,
 Онъ сталъ твердить : — «Нѣтъ право мочи
 Приказнымъ быть чернорабочимъ,
 Какимъ-то упряжнымъ воломъ.

«Не снился мнѣ такой удѣлъ!
 Доволенъ будетъ имъ не каждый;
 Моя душа томится жаждой
 Иныхъ полезныхъ міру дѣлъ!»

Но если правду говорить,
 Онъ къ дѣлу годенъ былъ неслишкомъ,
 И не такимъ какъ онъ умивкамъ
 Дѣла великія творить!

И становились все тошнѣй
 Ему служебныя занятія;
 Все чаще сыпалъ онъ проклятія
 И на судьбу и на людей!

И даже той онъ не щадилъ, —
 Когда домой къ себѣ бывало
 Придетъ сердитый и усталый, —
 Кому мидѣ жизни былъ!

Неразъ бросалъ въ лицо упрекъ
 Онъ ей въ минуту озлобленія,
 Хотя потомъ просилъ прощенья
 И у ея валялся ногъ.

То, чѣмъ душа была больна,
 У ней не изливалось въ пеняхъ —

И по ночамъ лишь на колѣняхъ
Молилась пламенно она.

А онъ все думалъ объ одномъ :
«Когда-жъ мнѣ счастье улыбнется?
Иль въ должность цѣлый вѣкъ придется
Мнѣ шлаться по-грязи пѣшкомъ!»

«Ужели буду поглощенъ
Я весь чиновничества тиной
И въ мѣсяцъ двадцать-два съ полтиной
Брать цѣлый вѣкъ я обреченъ!»

Желанье благъ пережитыхъ
Въ груди его все возрастало,
И онъ, вочто бы то вистало,
Поклялся вновь добиться ихъ.

Давно извѣстно намъ изъ книгъ,
Что человѣку съ силой воли
Возможно все. Такъ мудрено ли,
Что цѣли скоро онъ достигъ?

Достигъ... но не путемъ труда.
Вѣдь по привычкамъ былъ онъ баринъ —
А этотъ путь неблаголаренъ
Въ отчизнѣ нашей, господа!

Онъ часто льстилъ себя мечтой,
Что говорить умѣя плавно,
Онъ вѣрно-бъ былъ ораторъ славный,
Иль адвокатъ въ странѣ иной.

Увы! не то ему судилъ
И бѣдъ и радостей виновникъ,
Капризный рокъ. Одишь сановникъ
Тогда въ столицѣ нашей жилъ.

Хотя у старца голова
Была сѣдинами покрыта,
Но называла волокитой
Его стоустая молва.

И точно : отъ семьи тайкомъ
(Имѣлъ дѣтей онъ и супругу)
Завелъ онъ вѣжную подругу
И ей купилъ въ Коломенѣ домъ.

Связь эта длилась много лѣтъ,
И дочь была плодомъ ихъ страсти, —
Хоть признаюсь, темно отчасти,
Кто произвелъ ее на свѣтъ.

Ее любилъ онъ ; исполнялъ
Онъ дочки каждую затѣю
И общался дать за нею
Довольно круглый капиталъ.

Охота страшная была
У ней отвѣдать жизни брачной ;
Но къ сожалѣнію, невзрачной
Ее природа создала.

Хотя подчасъ пускала въ ходъ
Она румяна и бѣлила,
Но жениховъ не находила, —
А ей ужъ шолъ двадцатый годъ.

Она училась кой-чему,
Но не могла прочесть безъ скуки
Двухъ словъ. Неправились науки
Ея небойкому уму.

Боялась мать, чтобы грѣха
Какого съ дочкой не случилось —
И къ старцу съ просьбой обратилась
Скорѣй найти ей жениха.

Примѣрнымъ старецъ былъ отцомъ
И много времени петротя,
Искать усердно началъ злтя
Въ обширномъ вѣдомствѣ своемъ.

И нашъ пріятель тамъ служилъ :
Фигурой стройной, смѣлымъ взоромъ,

Изящнымъ, свѣтскимъ разговоромъ
Онъ тотчасъ старца поразилъ.

И старецъ былъ ужасно радъ,
Что сей чиновникъ интересный
Живеть себѣ въ коморкѣ тѣсной,
Что бѣденъ онъ и не женатъ.

Къ себѣ онъ на домъ звалъ его,
И тамъ однажды въ кабинетѣ
Открылъ ему, что на примѣтѣ
Имѣлъ невѣсту для него;

Что не красавица она,
Но обладаетъ состояньемъ,
Притомъ съ отличнымъ воспитаньемъ,
И будетъ добрая жена.

Отвѣсилъ нашъ герой поклонъ
И съ восхищеннымъ старцемъ вмѣстѣ
На смотрѣ къ назначенной невѣстѣ
Поѣхать согласился онъ.

Невѣста юная гостей
Ждала съ тоской нетерпѣливой:
Женихъ изящный и красивый
Давно воснѣ являлся ей.

Когда-жъ предсталъ ей наяву,
Ее онъ просто озадачилъ;
Ей стало жаль, что не назначилъ
Онъ гдѣ-нибудь ей рандеву.

Что не сошлись они тайкомъ,
Въ саду, въ аллеѣ темной, длинной,
А здѣсь въ гостиной этой чинно
Сидятъ, и даже не вдвоемъ.

Сбылся ея завѣтный сонъ,
Его мечты сбывались тоже, —
Такъ дожидаться имъ чего же?
Вопросъ о бракѣ былъ рѣшонъ.

Но въ душу страхъ ему проникъ :
Какъ объяснить подругѣ прежней?
А объясненье неизбежнѣй
Все становилось каждый мигъ.

И этотъ страхъ преодолѣть
Не въ силахъ будучи, изъ дому
Онъ скрылся разъ... Она къ знакомой
Пошла въ тотъ вечеръ посидѣть.

Когда-жъ назадъ она пришла
И побѣдивъ свою дремоту
Хотѣла взяться за работу, —
Письмо на столикѣ нашла.

Рукой дрожащею печать
Она въ испугъ надломилла,
Прочла... Слезы не проронила
И тихо сѣла на кровать.

И просидѣла такъ она
Вплоть до утра, храня молчанье,
Какъ-будто скорби изваянье,
И недвижима и блѣдна.

Онъ ей повѣдалъ коротко,
Что въ немъ ужъ нѣту прежней страсти,
Что чувства всѣ не въ нашей власти
И съ сердцемъ сладить нелегко.

Ну словомъ, онъ сумѣлъ мотивъ
Найти достаточный измѣнѣ
И кончилъ нѣжно, въ нотабене
Подругѣ помощь предложивъ.

Но вотъ ужъ розовымъ лучемъ
Къ ней утро въ комнатку блеснуло ;
Она очнулась и взглянула
Глазами мутными кругомъ.

У ней казалось на лицѣ
Ужъ нѣтъ отчаянья и тѣни ;

Привстала... дверь толкнула въ сѣни —
И очутилась на крыльцѣ.

Все спало. Даже въ мелочной
Лавченкѣ не было продажи
И не гремѣли экипажи
Еще по пыльной мостовой.

Съ крыльца сошла она, и вотъ
Куда-то улицей пустою
Идетъ поспѣшною стопою,
Неозирая идетъ.

Дома и церкви передъ ней
Громадно высились... но скоро
Пошли лачуги да заборы,
А тамъ застава, даль полей...

Минуя фабрикъ дымныхъ рядъ,
Кладбища тѣсныя могилы,
Она идетъ, идетъ... и силы
Ей измѣнить уже хотять.

Ей темя жжотъ полдневный зной,
Томятъ ее усталость, голодъ ;
А сердце словно тяжкій молотъ
Стучить у ней въ груди больной.

Переступать она съ трудомъ
Могла — подкашивались ноги...
И вдругъ упала средь дороги,
Какъ колось, срѣзанный серпомъ.

Купцомъ проѣзжимъ найдена,
Она въ ближайшій станъ попалась
И при допросѣ оказалось,
Что сумашедшая она.

А нашъ пріятель получилъ
Довольно выгодное мѣсто,
И съ некрасивою невѣстой
Спустия недѣлю въ бракъ вступилъ.

Я видѣлъ разъ какъ ихъ несли
Въ коляскѣ модной сѣрыхъ пара —
И пожалѣлъ лишонныхъ дара
Свои обдѣлывать дѣла!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

НО ПОВОДУ НѢКОТОРЫХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ

I

СВОБОДА ТОРГОВИИ

Изъ всѣхъ отраслей человѣческаго знанія нѣтъ ни одной науки, которая представляла бы такое обширное поприще для споровъ всевозможнаго рода школъ и въ тоже время для произвольнаго толкованія фактовъ и положеній, какъ политическая экономія.

Всякая наука ищетъ законовъ, и законы суть ничто иное какъ всеобщія истины, приложимыя во всякомъ данномъ случаѣ. Существуетъ ли въ социальной наукѣ хоть одно предложеніе, истина котораго была бы принята всѣми? Навѣрно нѣтъ. Попробуйте спросить любого экономиста, что такое политическая экономія? Политическая экономія — отвѣтитъ онъ — есть наука о народномъ богатствѣ. Что такое богатство? Смысла можно сказать, что не найдете двухъ экономистовъ, которые согласились бы между собою въ опредѣленіи богатства, этого основного понятія всей науки. Заключается ли богатство въ землѣ? Но вамъ отвѣтятъ, что въ силу весьма важнаго закона природы, чѣмъ болѣе пользуются землею и чѣмъ значительнѣе количество труда, употребленнаго на улучшеніе ея, тѣмъ менѣе плодовъ приносятъ усилія человѣка, тѣмъ слѣдовательно общество дѣлается бѣднѣе и стремится къ смертности и нищетѣ... Самыя убѣдительныя доказательства такого порядка дѣлъ вы можете легко найти у новѣйшихъ писателей, пользующихся огромнымъ авторитетомъ въ наукѣ. Не заключается ли богатство въ развитіи умственныхъ способностей? Но во первыхъ легко доказать, что всякія положительныя изслѣдованія въ этомъ смыслѣ будутъ тщетны, а во вторыхъ вамъ скажутъ, что всякое увеличеніе въ числѣ людей, посвятившихъ себя обученію народа, должно сопровождаться уменьшеніемъ количества богатства, которыми мо-

жетъ располагать общество. Однимъ словомъ добросовѣстный изслѣдователь по прочтеніи очень многихъ книгъ все еще не можетъ опредѣлить себѣ точно, что такое богатство? Переходя къ другимъ основнымъ понятіямъ науки, мы встрѣчаемъ тотъ же хаосъ и такую же неопредѣленность. Что такое цѣнность, что такое капиталъ, трудъ, рента, задѣльная плата, процентъ? На всѣ эти вопросы, которые сами собою представляются всякому, кто хотѣлъ бы дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ, совершающихся въ экономическомъ мірѣ, новѣйшая наука не даетъ положительныхъ отвѣтовъ, а если и даетъ, то такіе, которые ведутъ къ самымъ вопіющимъ противорѣчіямъ.

Причины существованія такого порядка вещей легко объясняются. Между всѣми науками социальная наука есть самая спеціальная, самая конкретная, наиболѣе всѣхъ требующая предварительныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ, наука, въ которой труднѣе всего собирать и анализировать факты и которая идетъ слѣдовательно позади всѣхъ наукъ. Кромѣ того изъ всѣхъ наукъ она одна непосредственно касается интересовъ людей, ихъ чувствъ, ихъ страстей, ихъ предрассудковъ, а поэтому въ ней труднѣе всего встрѣтить двухъ людей, которые бы собирали и сравнивали факты съ единственною цѣлью вывести изъ нихъ истину. Занимаясь взаимными отношеніями людей, ей приходится вездѣ бороться съ упаденіями личностей, которыя стараются поддержать свои привилегіи и свою власть насчетъ другихъ. Люди, поставленные высоко въ политическомъ мірѣ, мало уважаютъ науку, которая учитъ обходиться безъ ихъ помощи; военный человекъ не вѣритъ въ науку, которая хочетъ уничтожить его ремесло, а приверженецъ монополіи не захочетъ добровольно принять выгоду конкуренціи. Всѣ эти люди находятъ свою выгоду въ ложныхъ экономическихъ теоріяхъ и потому не могутъ благосклонно смотрѣть на тѣхъ, которые хотятъ проповѣдывать истину.

Здѣсь-то мы встрѣчаемъ такія затрудненія, противъ которыхъ не боролась ни одна наука. Астрономія напримѣръ встрѣтила на пути только минутную преграду въ предрассудкахъ школь, потому что никто лично не былъ заинтересованъ въ томъ, вертится ли земля вокругъ солнца, или солнце вокругъ земли. Если свѣтскіе и духовные ученые и показали въ началѣ противодѣйствіе наукъ Коперника и Галилея, то тѣмъ менѣе фактъ остался доказаннымъ и противодѣйствіе исчезло. Тоже самое случилось, когда геологи въ первый разъ доказали, что земля существуетъ гораздо дольше, чѣмъ до нихъ полагали. Франклинъ, Вольтъ, Берцелиусъ продолжали свои изслѣдованія, не боясь нападокъ, потому что мало

было вѣроятіа, чтобы ихъ открытіа нанесли ущербъ кошельку земельныхъ собственниковъ, купцовъ или государственныхъ людей. Наука же политической экономіи находится до сихъ поръ въ рукахъ людей школы и вездѣ поддерживается тѣми, которые находятъ выгоду въ невѣжествѣ и слабости народа.

Люди, занимающіе кафедры въ разныхъ государствахъ по мѣстнымъ учрежденіямъ, не всегда могутъ проповѣдывать то, что противно существующему порядку. Во Франціи доктрины экономическихъ школъ мѣняются смотря по тому, деспотизмъ ли одерживаетъ верхъ надъ народомъ, или народъ надъ деспотизмомъ. Въ Англіи земельные аристократы и капиталисты съ большимъ удовольствіемъ встрѣтили доктрины Мальтуса и Рикардо, убѣждавшія ихъ, что нищета и бѣдность народныхъ классовъ суть слѣдствіе великаго закона, даннаго самимъ Создателемъ. Въ Россіи, при всеобщей бѣдности оригинальныхъ изслѣдованій надъ фактами народной жизни, публицисты либо слѣпо слѣдуютъ доктринамъ англійскихъ школъ, либо впадаютъ въ крайнія утопіи, неприложимыя ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ.

При такихъ обстоятельствахъ нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что собственно политическая экономія, какъ наука о взаимныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ, едва существуетъ и что изслѣдователю, который безъ всякой задней мысли, безъ всякаго предубѣжденія вздумалъ бы дать себѣ отчетъ въ экономическихъ явленіяхъ, безпрестанно приходится сталкиваться съ теоріями различныхъ школъ, болѣе или менѣе пристрастныхъ въ своихъ заключеніяхъ, и что право нужно много настойчивости и доброй воли, чтобы окончательно не потерять вѣры въ общественную науку.

Двѣ школы спорятъ теперь о господствѣ въ экономическомъ мірѣ: экономисты, или школа преданія, и социалисты, или школа утопіи.

«Общество прогрессируетъ какъ въ матерьяльномъ богатствѣ, такъ и въ нравственномъ совершенствѣ, говорятъ экономисты: это очевидно для всякаго самаго поверхностнаго наблюдателя.» Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что общество въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ подчиняется извѣстнымъ законамъ, въ силу которыхъ прогрессъ становится возможенъ. Все дѣло политической экономіи ограничивается открытіемъ и формулированіемъ этихъ законовъ. Методъ для этого нужно употребить самый естественный, самый простой; это тотъ самый методъ, который въ наукахъ положительныхъ, естественныхъ, привелъ ученыхъ къ такимъ великимъ открытіямъ, т. е. методъ наблюдательный. Общество есть

живой организмъ; наблюдайте какимъ образомъ этотъ организмъ проявляется въ матеріальномъ мірѣ, собирайте факты о явленіяхъ въ производствѣ и распредѣленіи богатствъ, т. е. самыхъ общихъ, самыхъ произвольныхъ, а поэтому и самыхъ истинныхъ формахъ труда и мѣны; распределяйте по классамъ ваши наблюденія; опишите явленія, укажите на ихъ взаимныя отношенія: тогда изъ среды собранныхъ вами непосредственнымъ наблюденіемъ фактовъ выдвинется одинъ общій фактъ, который будетъ носить на себѣ всѣ признаки необходимости, и этотъ фактъ будетъ экономическимъ закономъ. Тутъ оканчивается дѣло политической экономіи; она ничему не учитъ новому, ничему такому, что бы находилось внѣ историческаго развитія общества, а только собираетъ и обобщаетъ явленія повседневнаго опыта о матеріальныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ.

Поэтому по самой сущности и методу политическая экономія есть естественная исторія обычаевъ, преданій, практики и рутины, наиболѣе очевидныхъ, наиболѣе пользующихся довѣріемъ въ человѣчествѣ въ томъ, что относится до произведенія и распредѣленія богатства. Въ этомъ смыслѣ политическая экономія считаетъ себя закономъ *по факту* и *по праву*: по факту — потому что явленія, разсматриваемыя ею, постоянны, самопроизвольны и всеобщы; по праву — потому что эти явленія имѣютъ за себя санкцію и авторитетъ рода человѣческаго, самый великій изъ всевозможныхъ авторитетовъ. Такимъ образомъ источники политической экономіи находятся въ прошедшей жизни народовъ, и на основаніи этого прошедшаго она объясняетъ настоящее и предсказываетъ будущее.

Соціализмъ напротивъ указываетъ на аномалію настоящаго общественнаго порядка, а слѣдовательно и всѣхъ общественныхъ учреждений. Онъ утверждаетъ и доказываетъ, что настоящая цивилизація безсильна, ведетъ къ противорѣчіямъ, что она порождаетъ угнетеніе, нищету и преступленіе; онъ обвиняетъ политическую экономію какъ ложную гипотезу, какъ софистику, изобрѣтенную въ пользу эксплуатаціи большинства меньшинствомъ; онъ начертываетъ страшную картину человѣческихъ бѣдствій и дѣлаетъ отвѣтственнымъ за нихъ науку экономистовъ. Переходя отъ отрицанія къ положенію, онъ противопоставляетъ началу собственности, краюгольному камню всей политической экономіи, начало ассоціаціи, переворачиваетъ вверхъ дномъ всю соціальную науку, создаетъ новое право, новую политику, новые нравы и учрежденія, совершенно противоположные старымъ. Такимъ образомъ вепріятельская черта между двумя школами ясно обозначена и примиреніе между ними врядъ ли возможно.

Гдѣ же наконецъ истина? Безъ сомнѣнія ни въ одной изъ этихъ крайнихъ школъ.

Политическая экономія, освящая совершившіеся факты и принимая ихъ за критериумъ всей науки, слѣдовательно истины, пришла по необходимости къ крайнему оптимизму, провозглашая, что «все идетъ къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ». Она закрыла глаза и не хочетъ знать о тѣхъ страшныхъ извахъ, которыя гложутъ настоящее общество, и указывая на видимое процвѣтаніе и богатство, говоритъ съ гордостью: «Смотрите и поучайтесь! Вся эта великолѣпная цивилизація есть слѣдствіе самопроизвольныхъ усилій человѣка; оставьте общество идти естественнымъ путемъ развитія, не стѣсняйте его никакою регламентировкою, не навязывайте никакихъ искусственныхъ реформъ — и вы увидите до чего дойдетъ человѣкъ, руководимый единственно своимъ личнымъ интересомъ, самымъ существеннымъ и самымъ дѣйствительнымъ стимуломъ цивилизаціи. *Laissez faire, laissez passer!*»

Возводя личный интересъ въ принципъ, провозглашая всюду теорію эгоизма, политическая экономія совершенно законно приобрѣла названіе *мрачной* науки, изученіе которой привело Сисмонди къ слѣдующему вопросу: «Неужели богатство — уже все, а человѣкъ рѣшительно ничто?» Въ глазахъ политической экономіи онъ въ самомъ дѣлѣ ничто, потому что она смотритъ на него единственно какъ на орудіе капитала, употребляемаго владѣльцемъ этого капитала для полученія вознагражденія за право пользованія имъ. «Большая часть экономистовъ, сказалъ одинъ замѣчательный французскій экономистъ — выражаются такъ, что можно подумать, что люди созданы для продуктовъ, а не продукты для людей!» (*Droz. «Economie politique».*)

Съ другой стороны, если экономисты принимаютъ настоящий порядокъ въ обществѣ за возможно-разумный, слѣдовательно физиологическій, естественный, то социалисты напротивъ считаютъ его уродливымъ порожденіемъ историческаго развитія и на этомъ основаніи отвергаютъ всю прошедшую и настоящую цивилизацію, указываютъ на бессиліе политической экономіи удовлетворить гармоническимъ стремленіямъ человѣка, упрекаютъ экономическія теоріи, всегда слѣпленные по образцу прошлаго, въ томъ, что онѣ сулятъ человѣчеству одно безвадежное будущее. Короче, они смотрятъ на порядокъ, основанный на собственности, какъ на ужасную гаммаціацію, противъ которой человѣчество борется вотъ уже четыре тысячи лѣтъ. Поэтому, если экономисты являются физиологами настоящаго порядка, социалисты занимаютъ его патологиче-

ской стороны, и въ этомъ заключаются по нашему мнѣнію главная заслуга социализма.

Отыскивая дурныя стороны въ нынѣшней цивилизациі съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ экономисты ищутъ ея хорошихъ сторонъ, социализмъ не дастъ послѣднимъ уснуть на лаврахъ своихъ утѣшительныхъ теорій и подстрекаетъ ихъ къ болѣе серьезному и глубокому изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Но отвергая старыя экономическія порядки, социалисты въ свою очередь предлагаютъ коренныя общественныя реформы, которыя рѣшительно оказываются бессмысленными въ практическомъ своемъ приложеніи и возбуждаютъ только одинъ насмѣшки противниковъ.

Въ настоящихъ статьяхъ мы намѣрены разсмотрѣть нѣкоторыя изъ экономическихъ вопросовъ, выступающихъ особенно рельефно въ наукѣ. Мы не льстимъ себя надеждою разрѣшить эти вопросы совершенно удовлетворительно; цѣль наша будетъ исполнѣ достигнута, если мы сумѣемъ поставить ихъ въ настоящемъ свѣтѣ и освободить отъ софизмовъ и предразсудковъ, въ которые облекали ихъ школьная наука политической экономіи.

Англія безспорно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ назваться классическою страной новаго міра. Этотъ небольшой островъ въ 2750 квадрат. миль съ 20 милліонами жителей, располагаетъ самовластно судьбою 200 милліоновъ въ различныхъ частяхъ свѣта и держитъ довольно твердо въ своихъ рукахъ вѣсы равновѣсія политической Европы. Англія — страна преданія, политической свободы, парламентаризма; на нее съ упованіемъ, доходившимъ до боготворенія, смотрятъ всѣ глубокомысленные доктринеры континента, находятъ въ учрежденіяхъ ея, въ духѣ народа прототипъ, которому слѣпо должны слѣдовать всѣ, кто только хочетъ мирно и разумно достигнуть на землѣ всевозможнаго блага. Но Англія по преимуществу родина политической экономіи. Имена Адама Смита, Мальтуса, Рикардо, Милля составляютъ неоспоримые авторитеты въ наукѣ, прелесть которыхъ рѣдкій изъ новѣйшихъ экономистовъ дерзаетъ возста-
вать.

Неболѣе какъ лѣтъ около двадцати ⁽¹⁾ тому назадъ въ Англій произошло необыкновенное движеніе; образовалось огромное обще-

(1) Лига образовалась въ Манчестерѣ въ 1838 году, но начала дѣйствовать въ метрополи только съ 1843 года.

ство, доселѣ небывалое въ цивилизованномъ мірѣ. Общество это имѣло своихъ агентовъ во всѣхъ частяхъ королевствъ, собирало громадные митинги, на которыхъ присутствовали десятки тысячъ лицъ обоюго пола, имѣло свои типографіи, печатало свои газеты, брошюры, памфлеты, склоняло на свою сторону сельскихъ учителей съ цѣлью дѣйствовать на неразвитую часть публики и юношество, имѣло своихъ присяжныхъ ораторовъ, которые заслужили огромную извѣстность въ политическомъ мірѣ Европы.

Это общество стало называться *лигой* и имѣло цѣлью принудить свое правительство уничтожить пошлины съ хлѣба, привозимаго изъ-за границы. Безъ всякаго сомнѣнія *хлѣбный вопросъ* былъ не болѣе какъ предлогомъ; сущность дѣла заключалась въ болѣе обширномъ размѣрѣ, а именно въ уничтоженіи всѣхъ вообще таможенныхъ пошлинъ и въ провозглашеніи полной свободы торговли.

Такое небывалое движеніе въ странѣ, излывна славившейся своимъ богатствомъ промышленнымъ и торговымъ, въ странѣ, которая имѣла неотъемлемое вліяніе на весь міръ, не могло не отозваться на континентѣ. Въ самомъ дѣлѣ столбцы всѣхъ европейскихъ газетъ начали наполняться рѣчами Кобдена и другихъ знаменитыхъ ораторовъ лиги.

Кобденъ и лига! Робертъ Пиль и свобода торговли! — таковы были возгласы, которые немилосердно начали поражать слухъ всѣхъ непосвященныхъ въ тайны экономическаго міра. Англоманы всѣхъ странъ и народовъ начали болѣе чѣмъ когда-либо указывать съ гордостью на свой завѣтный островъ и ставить его въ образецъ для подражанія. Экономисты, воспитанные на теоріяхъ англійскихъ школъ, съ жаромъ ухватились за новое начало, откинули неожиданно свою консервативность и открыто вступили въ борьбу съ преданіемъ и торговымъ балансомъ. Между тѣмъ какъ всегда и вездѣ они являлись защитниками *statu quo*, находя въ этомъ *statu quo* возможно лучшее осуществленіе экономическаго идеала, тутъ, т. е. въ вопросѣ о свободной торговлѣ, они сами начинаютъ атаку противъ монополіи, словно монополія являлась имъ злѣе въ первый разъ; они неожиданно становятся въ разрѣзъ съ преданіемъ, съ практикой, съ правительственной политикой. Несчастные меркантилисты съ Кольберомъ подвергаются немилосерднымъ насмѣшкамъ; ихъ стали называть людьми непонимающими даже азбуки въ экономической наукѣ, людьми отсталыми, вредными, монополистами. Самыя великолѣпныя обѣщанія, самыя обольстительныя надежды начали сулить человечеству апостолы свободной торговли. Пропаганда сдѣлалась всемірною.

«Вообразите себѣ; — говоритъ одинъ экономистъ (1), — что таковыя не существуютъ: что тогда случится?»

«Прежде всего уменьшаются до нуля кровавыя войны, прекращаются всѣ преступленія въ подлогѣ и контрабандѣ; національныя соперничества, порожаемые столкновениемъ коммерческихъ и промышленныхъ интересовъ, не существуютъ; націи отдѣляются одна отъ другой одними политическими границами; продукты обращаются изъ одной страны въ другую безъ всякихъ преградъ, къ большей выгодѣ производителей; мѣна устанавливается въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; коммерческіе кризисы, востои становятся случаями исключительными; сбытъ и рынокъ существуютъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, и у каждаго производителя рынокъ — весь міръ!»

«Подобная революція (т. е. уничтоженіе запретительной системы) — говоритъ г. Бастіа (2) — не есть происшествіе, случай, слѣдствіе непреодолимаго, но скоропреодолимаго энтузіазма. Это, если можно такъ выразиться, медленный общественный катаклизмъ, вліяющій всѣ условія существованія общества, среду, въ которой оно живетъ и дышетъ.

«Это справедливость, облеченная во власть, здравый смыслъ, ставящійся авторитетомъ. Это всеобщее благо, благо народовъ, массъ, великихъ и малыхъ, слабыхъ и сильныхъ; это уничтоженіе привилегій, злоупотребленія, касты, не уличнымъ возмущениемъ, но прогрессивнымъ и всеобщимъ признаніемъ правъ и обязанностей человѣка. Однимъ словомъ, это торжество человѣческой свободы, смерть монополіи, этого Протея въ тысячи формахъ, то завоевателя, то владѣтеля невольниковъ, промышленника, торговца, банкира и даже филантропа. Въ какомъ бы костюмѣ онъ ни являлся теперь, ему не укрыться отъ провидательнаго взгляда общественнаго мнѣнія, потому что оно научилось узнавать его и подъ краснымъ мундиромъ и подъ чернымъ фракомъ, въ курткѣ плантатора и въ вышитомъ мундирѣ благороднаго лорда. Свобода всѣмъ! Каждому справедливое и естественное вознагражденіе по его дѣламъ; для каждаго справедливое и естественное приближеніе къ равенству, согласно его усиліямъ, его уму, его предусмотрительности и нравственности. Свободная мѣна съ цѣлымъ міромъ! Миръ со всѣми! Нѣтъ болѣе колониальнаго порабощенія, нѣтъ больше армій и флотовъ, кромѣ тѣхъ, которыя нужны для поддержанія національной независимости! Раді-

(1) - *Fix. - Journ. des Econ.* - 1845.

(2) - *Cobden et la Ligue*, Introduction.

кальшее отлічіе между тѣмъ, что принадлежить и что не принадлежить дѣйствию правительства и закона; назначеніе правительственной ассоціаціи ограничивается гарантіею для каждаго члена общества свободы и защиты противъ всякаго несправедливаго насилія извнѣ и изнутри; равнѣрный налогъ для вознагражденія лица, посвятившаго себя этому назначенію, а не для того, чтобы прикрывать наибѣе захватываніе подъ именемъ сбыта и внутреннее грабительство подъ именемъ протекціи, — вотъ что рѣшастся теперь въ Англіи на полѣ битвы, повидимому ограниченномъ однимъ таможеннымъ вопросомъ. Но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ рабство, только въ нѣкой формѣ, потому что, какъ сказалъ въ парламентѣ Джинсонъ, одинъ изъ членовъ лиги: «Овладыть человекомъ, чтобы заставить его работать въ свою пользу или захватывать плоды его труда — все это одно и тоже рабство, и разница только въ степеняхъ!»

Какая обольстительная картина! Нужно поистинѣ имѣть много сердечной холодности, много равнодушія къ человечеству, чтобы не увлечися ею! Конечно тысячекратная борьба человека за свободу! Царство насилія прекращается, наступаетъ царство справедливости, настоящій золотой вѣкъ для всего рода человеческого! И все это достигается свободой торговли, уничтоженіемъ таможенныхъ пошлинъ! Мудрено ли послѣ этого, что проповѣдники этой свободы стали въ глазахъ общества благодѣтелями рода человеческого, что имена Коблена, Роберта Пила и др. произносятся не иначе какъ съ благоговѣніемъ? Мудрено ли наконецъ, что наши русскіе публицисты, всегда надкіе до всякаго рода новизны, почти всѣ сдѣлались поборниками свободной торговли, и наизу не потрудившись вникнуть въ вопросъ посерьознѣе, стали щеголять имъ съ самымъ наивнымъ высокомеріемъ?

Но — странное дѣло! несмотря на такія положительныя обѣщанія всемірнаго благоденствія, несмотря на недавнее волненіе въ экономическомъ мірѣ, произведенное агитаціей англійской лиги, запретительная или протекціонная система продолжаетъ почти повсемѣстно дѣйствовать съ той же силой, какъ въ варварскія времена меркантилистовъ и Кольбера. Въ этомъ случаѣ кажется экономическую школу постигла участь, одинаковая съ участью социалистовъ, коммунистовъ и прочихъ утопистовъ, которыхъ реформы принимаются мелочливо и варлово и правительствомъ.

Вопросъ о свободной торговлѣ важенъ не столько какъ вопросъ теоретическій, научный, сколько какъ вопросъ практический, государственный. Практическая, непосредственная важность его заключается главнымъ образомъ въ томъ, что индустрія по немъ

принадлежит исключительно правительствам, и от того, какую систему они примут, зависит будущее дѣлъхъ націй. Здѣсь дѣло идетъ не о вѣчныхъ перебранкахъ экономистовъ и социалистовъ, не объ отвлеченной теоріи, споръ о которой въ сущности мало вліяетъ на практическія отношенія людей: это огромная реформа, зависящая очень часто отъ одного взмаха пера государя или его министровъ. Вотъ почему англійская лига не удовольствовалась одною нравственною пропагандою, но заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону избирателей и приобрьсть себѣ такимъ образомъ большинство въ парламентѣ.

Чтоже касается до теоретической стороны вопроса, то отъ давно и оковчательно рѣшонъ всѣми экономистами; они такъ убѣждены въ непогрѣшимости своихъ выводовъ, что едва удостоиваютъ отвѣчать насмѣшками на возраженія своихъ противниковъ (*).

Неувлекаясь обѣщаніями и надеждами лигистовъ и ихъ послѣдователей, обѣщаніями, въ которыхъ гораздо больше реторики, чѣмъ дѣла, мы постараемся взглянуть на вопросъ о свободной торговлѣ нѣсколько глубже, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлали наши экономисты. Не будемъ упускать изъ виду, что инициатива по этому вопросу принадлежитъ Англій, первой торговой странѣ въ мірѣ, — странѣ, пожираемой всевозможнаго рода монополіями, освящаемыми политическою экономіею, что лига сдѣлала за послѣднее время огромные успѣхи и что основныя начала ея ученія начинаютъ приводиться на практикѣ. Это дастъ намъ случай поближе взглянуть на экономическій бытъ въ Англій и на историческое развитіе ея экономической системы. Можетъ-быть мы откроемъ, что источникъ агитаціи не такъ благороденъ и чистъ, какъ хотять уверять насъ англичане, а за ними и всѣ политико-экономы. Мы рискуемъ правда при этомъ возбудить къ себѣ презрѣніе и насмѣшки нашихъ почтенныхъ лордовъ и джентльменовъ (а затрогивать ихъ джентльменское достоинство и англійскія убѣжденія не всегда бываетъ безопасно); къ счастью мы имѣемъ за себя авторитетъ фактовъ и цифръ, противъ которыхъ не помогутъ никакія разглагольствованія, никакая реторика.

Здѣсь намъ придется на минуту уклониться отъ нашего главнаго предмета; общія разсужденія, въ которыя намъ необходимо будетъ вѣдаться, до того существенно и близко относятся къ самому вопросу, что читатели вѣроятно извинятъ насъ за это небольшое отступленіе.

Экономисты, смѣшивая по своему обыкновеію всѣ понятія въ

(*) См. Бастіа, «Sophismes économiques».

наукѣ, придаютъ слову *торговля* (commerce) слишкомъ узкое значеніе и почти постоянно смѣшиваютъ его съ другимъ терминомъ *торгъ* (traffic). А между тѣмъ идеи, выражаемыя этими двумя словами, такъ глубоко различны, что ведутъ на практикѣ къ очень серьезнымъ несообразностямъ и потому необходимо яснѣе провести это различіе (1).

Всѣ люди стремятся къ ассоціаціи, къ сношенію съ подобными себѣ, къ взаимному обмѣну идей и услугъ и къ поддержанію такимъ образомъ *общенія, торговли*. Нѣсколько личностей стараются выполнить и облегчить мѣну для другихъ личностей и поддерживаютъ *торгъ*.

Торговля есть *цѣль*, къ которой стремятся во всѣхъ странахъ всѣ народы. Торгъ есть *орудіе*, употребляемое торговлею для достиженія этого результата, и чѣмъ сильнѣе потребность въ этомъ орудіи, тѣмъ слабѣе власть тѣхъ, которые въ немъ нуждаются. Чѣмъ ближе находится производитель и потребитель другъ къ другу и чѣмъ совершеннѣе у нихъ способность къ ассоціаціи, тѣмъ менѣе они чувствуютъ потребности прибѣгать къ услугамъ торговца и въ то же время тѣмъ сильнѣе могущество тѣхъ, которые производятъ и потребляютъ. Чѣмъ напротивъ болѣе удалены производитель отъ потребителя, тѣмъ болѣе они нуждаются въ услугахъ торговца и тѣмъ власть послѣдняго увеличивается въ ущербъ первымъ.

Цѣнность всякаго товара пропорціональна препятствіямъ, которыя нужно преодолѣть для приобрѣтенія его; изъ этого необходимо слѣдуетъ, что первая (т. е. цѣнность) увеличивается по мѣрѣ того какъ послѣднія (т. е. препятствія) тоже увеличиваются. Необходимость прибѣгать къ услугамъ торговца составляетъ препятствіе для общенія людей, и поэтому, увеличивая цѣнность продуктовъ, она настолько же уменьшаетъ цѣнность труда, т. е. человѣка. Люди, которые покупаютъ и продаютъ, торгуютъ и перевозятъ, понеобходимости желаютъ воспрепятствовать ассоціаціи и непосредственнымъ сношеніямъ людей между собой, и чѣмъ болѣе достигаютъ они своей цѣли, тѣмъ болѣе пропорція товаровъ проходитъ черезъ ихъ руки и тѣмъ болѣе выгодъ удерживаютъ они въ ущербъ потребителямъ и производителямъ.

Чтобы доказать это, возьмемъ въ примѣръ хоть администрацію почтъ, удивительную машину, изобрѣтенную для поддержанія общенія словъ и идей, но машину совершенно бесполезную, когда люди живутъ вмѣстѣ. Разрозните людей — и машина становится необходимою, но зато возможность поддерживать общеніе умень-

(1) Carey, «Principes de la science sociale», T. I.

шается. Соедините напротивъ людей — и необходимость машины исчезаетъ, а общеніе значительно увеличивается, такъ какъ вълѣдствіе быстроты обмѣна идей, въ полчаса разговора можно сдѣлать больше чѣмъ посредствомъ корреспонденціи въ цѣлый годъ. Тѣ, которые пишутъ письма, суть люди, поддерживающіе общеніе, торговлю, между тѣмъ какъ тѣ, которые перевозятъ письма, суть торговцы, употребляемые первыми для своей цѣли. Въ первыя времена обществъ препятствія къ общенію очень велики и результаты очень слабы: вотъ почему администрація почтъ стала вездѣ монополіею правительствъ, которыя предписывали условія какія имъ хотѣлось и во всякомъ случаѣ очень тягостныя. Мы взяли въ примѣръ администрацію почтъ, но справедливость вышеприведеннаго закона очевидна во всемъ; такъ по недавно сдѣланнымъ расчетамъ въ Сѣверной Америкѣ, зерновой хлѣбъ, который продается на мѣстѣ по двадцати-четыре доллара за тонну, не имѣетъ уже никакой цѣнности на разстояніи всего ста-шестидесяти миль, когда сообщеніе дѣлается по обыкновеннымъ транспортнымъ дорогамъ, и слѣловательно цѣна провоза равна цѣнѣ товара.

Торговля движенія завязать главнымъ образомъ отъ воли личностей, а потому всегда неправильны. Соединившись въ значительныхъ городахъ, купцамъ ничего не стоитъ соединить свои операціи, когда нужно бываетъ уменьшить цѣну покупаемымъ товарамъ или увеличить цѣну продаваемымъ, и такимъ образомъ они достигаютъ того, что таксируютъ въ одно время и производителя, и потребителя.

Торгъ, равно какъ и война, рассматриваетъ человѣка какъ орудіе, между тѣмъ какъ общество, ассоціація смотритъ на самый торгъ какъ на орудіе, и изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ въ обществѣ опускается по мѣрѣ того какъ власть военного и купца увеличивается, и обратно. Какъ въ исторіи развитія наукъ мы видимъ, что всегда прежде развиваются отвлеченныя, общія идеи, между тѣмъ какъ спеціальныя, положительныя идутъ позади, такъ точно и въ трудахъ человѣка. Земледѣліе напримѣръ каждую минуту должно прибѣгать къ помощи наукъ. Торгъ совсѣмъ не требуетъ большаго развитія умственныхъ способностей. Для почтальона совершенно все равно, какую вѣсть приносить онъ въ письмѣ, хорошую или дурную, печальную или радостную; для купца совершенно все равно, гдѣ растетъ покупаемый имъ хлѣбъ, въ долинахъ ли, или на горахъ, на землѣ удобренной или неудобренной.

Подобно войнѣ торгъ развивается очень рано, между тѣмъ какъ земледѣліе, ассоціація, требуютъ для своего развитія значительнаго прогресса въ народонаселеніи, въ богатствѣ, въ могуществѣ. Дикій

съ Саввичевыхъ острововъ можетъ сдѣлаться такимъ же искуснымъ торговцомъ, какъ и человекъ, воспитывавшійся въ лондонской или ньюйоркской конторѣ.

Въ первые возрасты человѣческихъ обществъ единственныя качества, внушающія уваженіе между людьми, суть либо грубая сила, либо хитрость, — первая олицетворенная у Гомера въ Аяксъ, вторая въ мудромъ Улиссѣ. Нравственность войны и нравственность торга одна и таже. Полководецъ радъ, когда обманетъ своего противника; купецъ приобретаетъ уваженіе своихъ друзей и вѣсь въ обществѣ, благодаря огромнымъ богатствамъ, которыя онъ накопилъ, пролавая быть-можетъ китайцамъ отравляющій опиумъ, или несчастнымъ неграмъ ружья, которыя разрывались при первой попыткѣ выстрѣлить изъ нихъ. Въ обоихъ случаяхъ конецъ освящаетъ средства, и единственный критериумъ справедливости есть удача или неудача. Купецъ, стараясь остановить въ обществѣ всякое движеніе, которое не сосредоточивается въ немъ, употребляетъ для своей цѣли такія же безотвѣтныя машины, какъ и война. Матросъ на купеческомъ кораблѣ считается существомъ грубымъ, съ которымъ позволено обращаться самымъ жестокимъ образомъ; онъ обязанъ подлѣ страхомъ самаго ужаснаго наказанія безрекословно исполнять волю своего начальника.

Для военнаго человѣка выгодна дешевизна труда, потому что ему легко будетъ набирать рекрутъ. Большому поземельному собственнику это тоже выгодно, потому что онъ можетъ присвоить себѣ большее количество продуктовъ почвы; купецъ стремится къ тому же, чтобы имѣть возможность предписывать условія купли и продажи.

Такъ какъ цѣль всѣхъ этихъ людей одна и таже, именно приобрѣтеніе власти надъ другими классами, то неудивительно, что всегда они готовы подавать другъ другу руку помощи.

Римскіе банкиры точно также готовы были помогать деньгами Кесарю, Помпею, Августу, какъ нынѣшніе лондонскіе, амстердамскіе, парижскіе и вѣнскіе банкиры готовы помогать турецкому султану или австрійскому императору, и притомъ всѣмъ имъ, — какъ прежнимъ, такъ и нынѣшнимъ банкирамъ, — совершенно все равно, на что идетъ эта денежная помощь. Поэтому война и торгъ идутъ всегда рука объ руку, какъ это мы можемъ убѣдиться изъ annalesъ всемірной исторіи; единственная разница между войнами, предпринятыми съ цѣлью завоеванія, и тѣми, которыхъ цѣль есть монополія, состоитъ въ томъ, что насиліе вторыхъ гораздо гибельнѣе, чѣмъ насиліе первыхъ. Побѣдитель, создавая себѣ политическое могущество, руководится иногда желаніемъ улучшить состояніе своихъ

подавляющъ. Но купецъ въ преслѣдованіи своей цѣли руководится единственно идеею покупать товаръ на рынкѣ дешевымъ и продавать на рынкѣ дорогимъ, уменьшая въ первомъ случаѣ цѣну товара, хотя бы производители умирали оттого съ голоду, и увеличивая ее во второмъ, хотя бы потребители умирали съ голоду.

Война и торгъ, стремясь монополизировать въ рукахъ власть, стремятся постоянно къ централизаціи. Содержаніе армій и флотовъ требуетъ учрежденія контрибуцій, которые понеобходимости должны искать центральной точки, прежде чѣмъ будутъ распределены; а распределеніе ихъ вынуждаетъ соединеніе въ одномъ мѣстѣ множества людей ничего не дѣлающихъ и рассчитывающихъ единственно на провадѣніе, какъ это мы видимъ въ древнихъ Ассириѣ и Римѣ, какъ мы видимъ теперь въ Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Центральный городъ дѣлается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе мѣстомъ, въ которомъ мѣна товаровъ дѣлается наиболѣе выгодною, и чѣмъ болѣе городъ разрастается, тѣмъ болѣе уменьшается благотворное вліяніе мѣстныхъ центровъ и тѣмъ болѣе увеличивается болѣзненное движеніе въ самомъ центрѣ.

При каждомъ новомъ увеличеніи въ центральномъ движеніи общества все болѣе и болѣе принимаетъ противоположную форму; люди, живущіе не трудомъ, а присвоеніемъ чужого труда, составляютъ его основу, и вотъ почему въ такомъ обществѣ, которое остатываетъ движеніе внутри себя и въ тоже время старается сдѣлать тоже у своихъ сосѣдей, является періодъ кажущагося могущества и силы, но въ сущности это періодъ слабости, за которою неминуемо слѣдуетъ упадокъ и смерть. Обогащая меньшинство, торговая централизація обѣднѣваетъ массу населенія, и позволяя первому строить дворцы и замки, заводить парки, она заставляетъ вторую искать убѣжища въ самыхъ жалкихъ хижинахъ и создаетъ такимъ образомъ населеніе всегда готовое продавать свои услуги тому, кто больше дастъ, какихъ бы жертвъ ни стоило это его совѣсти.

Для людей, живущихъ присвоеніемъ чужого труда, увеличеніе общенія ассоціаціи не желательно, такъ какъ развитіе ея вездѣ сопровождается уменьшеніемъ блеска и великолѣпія тѣхъ, которые хотятъ управлять движеніями общества въ виду личныхъ своихъ выгодъ. Бюрократъ пользуется своимъ усиленнымъ положеніемъ отъ другихъ людей, точно также и маклеръ, купецъ, большой поземельный собственникъ и вообще всѣ принадлежащіе къ классу людей, которые находятъ средства къ существованію, становясь между производителемъ и потребителемъ. Всѣ эти личности, пользуясь временною выгодною, препятствуютъ безпрерывности общественнаго движенія, и чѣмъ сильнѣе власть ихъ, тѣмъ пропорція труда, выша-

дающая на ихъ долю, значительнѣе въ ущербъ работниковъ. Маклеру немалодно, чтобы его довѣрители соединились и въстѣ и устроили свои дѣла безъ его посредства; напротивъ, чѣмъ значительнѣе разстояніе, раздѣляющее ихъ, тѣмъ ему легче будетъ нажать состояніе на ихъ счетъ. Извозчикъ тоже знаетъ, что чѣмъ болѣе препятствій между производителемъ и рынкомъ, гдѣ онъ продаетъ свои продукты, тѣмъ значительнѣе будетъ потребность въ лошадахъ и повозкахъ, и слѣдовательно количество товаровъ, выходящихъ на его долю, будетъ тѣмъ значительнѣе. Тоже самое бываетъ неизбѣжно и относительно купца, который стремится не только поддержать, но и увеличить орудія провоза. Чѣмъ болѣе это достигается, тѣмъ совершеннѣе бываетъ централизація, тѣмъ великолѣпнѣе дѣлаются города, въ которыхъ мѣна по необходимости должна совершаться, и тѣмъ значительнѣе временное богатство вупца.

Но истощая народы, съ которыми они торгуютъ, купцы сами себя создаютъ препятствія къ поддержанію торга, такъ какъ истощеніе почвы имѣетъ слѣдствіемъ частые голоды и эпидеміи, какъ мы это видимъ теперь въ Ирландіи и Индіи. По мѣрѣ того какъ уменьшалось населеніе, уменьшалась въ то же время возможность поддерживать дороги и мосты, ведущіе къ рынку, на которомъ продавались бѣдные продукты почвы и покупались предметы необходимые для потребленія. Такой порядокъ дѣлъ существуетъ теперь въ Ямайкѣ, въ Индіи, въ Ирландіи, въ Мексикѣ и Турціи.

Во всѣхъ этихъ странахъ разнообразіе продуктовъ почвы уменьшается постоянно, и въ то же время уменьшается и самое количество ихъ. Нигдѣ это не является съ такою очевидностью какъ въ Турціи. По поводу этой страны одинъ новѣйшій путешественникъ выражается такъ: (1) «Въ каждомъ каптонѣ большая часть земледѣльцевъ обрабатываетъ одни и тѣ же продукты и слѣдуетъ въ обработкѣ одной рутинѣ. слѣдовательно каждый съ избыткомъ имѣетъ то, что хочетъ продать его сосѣдѣ.» Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ несчастный земледѣлецъ находится совершенно въ подчиненіи у купца, и власть послѣдняго надъ нимъ увеличивается по мѣрѣ того какъ уменьшается у него возможность входить въ непосредственныя сношенія съ своими согражданами.

Исторія всѣхъ народовъ подтверждаетъ справедливость высказаннаго нами закона, и если мы захотимъ дать себѣ отчетъ въ причинахъ упадка и коначнаго разрушенія различныхъ государствъ, то мы должны искать ихъ въ экономической системѣ, которой они

(1) Carey, loc. cit.

слѣдовали по выбору или по необходимости, т. е. той, которая увеличивала количество классовъ, живущихъ присвоеніемъ, или той, которая уменьшала это количество. Во всякомъ случаѣ мы убѣдимся въ томъ многозначительномъ фактѣ, что между тѣмъ какъ первая плечеть за собою разрушеніе и смерть, вторая ведетъ къ увеличенію богатства, счастья, жизни.

Свобода развивается вмѣстѣ съ развитіемъ ассоціаціи; чѣмъ совершеннѣе ассоціація, т. е. чѣмъ возвышеннѣе организація въ обществѣ, тѣмъ болѣе классы общества, живущіе единственно присвоеніемъ, стремятся занять свое естественное мѣсто, т. е. слѣлаться *орудіемъ, которое общество употребляетъ для своихъ цѣлей*. Все же напротивъ, что препятствуетъ ассоціаціи, производитъ обратное слѣдствіе, т. е. дѣлаетъ изъ общества *орудіе для нѣсколькихъ личностей*; торговая централизація, рабство и смерть идутъ всегда обр руку какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ и политическомъ мірѣ.

Совершенно противоположное проповѣдуютъ экономическія доктрины, которыя стараются оправдать непреложными законами аномалии, существующія въ настоящемъ обществѣ, и избавить отъ всякой отвѣтственности классы, живущіе насчетъ труда другихъ классовъ. Таковы доктрины экономистовъ англійской школы и вообще всѣхъ новѣйшихъ экономистовъ, которые ищутъ доказательства благоденствія страны въ картинѣ привозовъ и вывозовъ, въ увеличеніи потребности въ корабляхъ и въ необходимости услугъ купца. Мэкъ-Куллокъ (Mac-Culloch) говоритъ, что человѣкъ, занимающійся перевозомъ и продажей товаровъ — такой же производитель, какъ и земледѣлецъ, и что *обсентеизмъ*, требующій употребленія посредниковъ между собственникомъ почвы и тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, есть скорѣе благо въ обществѣ, чѣмъ зло. Шевалье ⁽¹⁾ ограничиваетъ сферу политической экономіи слѣлками, въ которыхъ есть продажа и купля, а Бастиа ⁽²⁾ говоритъ, что одно изъ заблужденій новѣйшаго социализма состоитъ въ томъ, что онъ причисляетъ къ числу общественныхъ паразитовъ *посредниковъ* или людей, становящихся между производителемъ и потребителемъ. «Такъ какъ маклеръ и купецъ — говоритъ онъ — создаютъ *цѣнности*, то совершенно справедливо помѣстить ихъ на одну доску съ земледѣльцемъ и промышленникомъ, потому что всѣ люди вмѣстѣ и каждый отдѣльно суть посредники, оказывающіе другъ другу услуги, за которыя имъ слѣдуетъ плата.»

(1) -Journal des économistes- 1853.

(2) -Sophismes économiques-.

Совершенно справедливо, что посредник создает цѣнность, но именно потому-то и было бы гораздо лучше, еслибъ можно было обойтись безъ его услуги.

Въ той пропорціи, въ которой купецъ увеличиваетъ цѣнность товаровъ, въ той пропорціи уменьшается прибыль производителя и потребителя. Въ цѣнѣ, платимой всякой націей за потребляемые ею товары, самая большая доля идетъ купцамъ, которые обогащаются такимъ образомъ насчетъ производительныхъ классовъ.

Таковы общія разсужденія, которыя упустили изъ виду поборники свободной торговли, или лучше-сказать о которыхъ они совсѣмъ не хотѣли знать. Мы просимъ читателей обратить на эти выводы особое вниманіе: они значительно помогутъ намъ разъяснить вопросъ о свободной торговлѣ и кромѣ того дадутъ ключъ разгадки всей экономической системы Англіи.

Экономисты и доктринеры, приходя въ удивленіе отъ учрежденій, богатства и свободного духа англійской націи, указываютъ главнымъ образомъ на тѣ организующія начала, которыя внесла англійская цивилизація во всѣ концы земного шара. А между тѣмъ нѣтъ и не было въ мірѣ ни одной націи, которой вліяніе дѣйствовало бы такъ разрушительно на народы, съ которыми она вступала въ сношеніе, какъ англійская. Она не только не внесла новой организаціи въ общества, а напротивъ, разрушала даже тѣ цивилизаціи, которыя устанавливались вѣками экономического развитія. Въ этомъ читатель легко убѣдится изъ слѣдующаго очерка экономической системы, которой слѣдовала до сихъ поръ Англія въ своихъ колоніяхъ и въ странахъ, наиболѣе подвергшихся ея вліянію — въ Португаліи, Турціи, Ирландіи и Индіи (1).

Прошло около двухъ вѣковъ, когда лондонскіе купцы стали умолять свое правительство употребить всѣ усилія, чтобы ослабить шерстяную мануфактурную промышленность въ Ирландіи и тѣмъ воспрепятствовать ирландцамъ потребление шерсти, которая предварительно не прошла черезъ англійскія прядильни. Въмѣсто того чтобы самимъ обращать шерсть въ сукно, ирландцы принуждены были отправлять свою шерсть въ сыромъ видѣ въ Англію и получать ее опять оттуда въ видѣ оконченнаго продукта. Такимъ образомъ устанавливалось господство вѣшняго торговаго въ ущербъ внутренней ассоціаціи.

(1) Carey, loc. cit.

Съ тѣхъ поръ (1) все англійское законодательство стремилось къ слѣдующей важной дѣли: воспрепятствовать вочто бы то ни стало населенію своихъ колоній и вадіамъ, независямымъ отъ его господства, приобретать машины, которыя позволяли бы имъ самимъ обрабатывать у себя желѣзо и тканн. и тѣмъ побудить ихъ привозить въ Англію сырые матерьялы, получая взамѣнъ ихъ обработанные и платя огромныя издержки за провозъ и обработку.

Огромное страданіе англійскихъ владѣній и чрезмѣрное вліяніе на международныя экономическія отношенія, которое оказалъ англійскій народъ, заставляють цонедобности экономистовъ обратить особенное вниманіе на эту систему, столь отличную отъ всѣхъ прочихъ системъ. Но необходимость строгаго разбора увеличивается еще оттого, что въ самой Англіи система эта произвела страшную язву пролетаріата, подтачивающую до корня всю націю, и подала поводъ къ образованію экономическихъ доктринъ, имѣвшихъ совершенно превратное вліяніе на социальную науку. Однѣ изъ этихъ доктринъ (Мальтусъ, Рикардо) силились оправдать явленіе пролетаріата неизбѣжными законами providѣнія, другія (Кобденъ и Лига) искали лекарства отъ него въ уничтоженіи таможенныхъ пошлинъ и полной свободѣ торговли.

Ничего не можетъ быть проще той истины, что чѣмъ болѣе въ обществѣ существуетъ разнообразіа въ трудахъ и занятіяхъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ развитіе человѣческой личности, тѣмъ необходимыѣ дѣлаются сношенія людей между собой и тѣмъ слѣдовательно сумма матерьяльнаго благосостоянія общества увеличивается. Цѣль англійскаго законодательства заключалась именно въ томъ, чтобы какъ можно болѣе воспрепятствовать въ другихъ странахъ развитію этого различія въ трудахъ и тѣмъ заставить все населеніе сдѣлаться исключительно земледѣльческимъ. Думая дать этимъ толчокъ своимъ собственнымъ фабрикамъ и мануфактурамъ, она развила чудовищную торговую централизацию, другого примѣра которой мы не встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ народовъ. Никто такъ постоянно и си-

(1) Въ 1765 году, въ царствованіе Георга III, выѣздъ ремесленниковъ изъ Англии былъ воспрещенъ подъ страхомъ строгаго наказанія. Въ 1781 году былъ воспрещенъ вывозъ станковъ, употребляемыхъ для обработки шерсти и шолка. Въ 1782 году воспрещеніе распространено на бумагопрядильныя, желѣзныя и стальныя машины, равно какъ и на работниковъ, занимающихся этими фабриціями.

Въ 1710 году палата депутатовъ объявила, что образованіе мануфактурной промышленности въ колоніяхъ уменьшаетъ зависимость ихъ отъ метрополии. Въ 1750 году постройка горна или какой-либо машины для плавки иликовки желѣза была воспрещена. Еще недавно лордъ Чатамъ объявилъ, что онъ не позволитъ колонистамъ фабриковать ни одного желѣзнаго гвоздя.

стематично не старался подавлять у другихъ народовъ внутренней торговли, этого важнѣйшаго источника жизни и благосостоянія общества, какъ англичане въ преслѣдованіи своей ложной системы.

Чтобы достигнуть этой цѣли, употреблены были всевозможныя усилія. Сырые продукты, которые по причинѣ своей громозкости должны были оплачивать огромныя издержки за провозъ, были допускаемы въ Англію съ самою легкою пошлиною; напротивъ того хотя нѣсколько обработанные продукты, какъ наримѣръ рафинированный сахаръ, были обложены такою пошлиною, что было гораздо выгоднѣе привозить ихъ въ сыромъ видѣ, и притомъ всѣ продукты допускались вѣнначе какъ черезъ англійскій портъ или на англійскихъ корабляхъ. Такимъ образомъ съ одной стороны уничтожалась промышленность страны, а съ другой поощрялся вывозъ сырыхъ продуктовъ. Единственная важная цѣль такой системы состояла въ томъ, чтобы поддержать въ самомъ громоздкомъ видѣ продукты, которые нужно было перевозить, и обогатить этимъ купца и перевозчика, въ ущербъ производителя и потребителя. Потому что чѣмъ болѣе такія мѣры приводились на практикѣ, тѣмъ меньшее количество тканей получалъ колонистъ за свой сахаръ, а съ другой стороны тѣмъ меньшее количество сахару получалъ работникъ тканей за свой трудъ, и слѣдовательно населеніе обѣихъ странъ бѣдѣло все болѣе и болѣе.

Со времени покоренія разныхъ колоній западной Индіи, всякаго рода мануфактурная промышленность была тамъ строго воспрещена и запрещеніе доведено было до того, что жителямъ не позволено было рафинировать свой собственный сахаръ. Вслѣдствіе этого для всего населенія, неисключая женщинъ и дѣтей, не оставалось другого занятія, кромѣ полевыхъ работъ. Всѣ жители принуждены были оставаться производителями сырыхъ продуктовъ и могли вступать между собою въ сношеніе только при посредствѣ народа, отдаленнаго отъ нихъ разстояніемъ въ нѣсколько тысячъ миль, и этотъ народъ употреблялъ свое могущество не только на то, чтобы запрещать всякаго рода промышленность, но и на то, чтобы препятствовать разнообразію работъ въ самомъ земледѣліи. Такъ въ Ямаикѣ пробовали было заняться обработкою индиго; но случилось, что въ цѣнѣ, платимой за него въ Англіи, такая значительная доля шла корабельщикамъ, купцамъ, комиссіонерамъ и правительству, что обработка индиго была оставлена. Таже участь постигла и разведеніе кофейнаго дерева.

Запрещая такимъ образомъ сношеніе людей между собою, имѣвъ въ тоже время воспрещалось сношеніе съ иностранцами, развѣ только черезъ посредство англійскихъ портовъ, англійскихъ кораблей и

англійскихъ купцовъ. Одинъ только торгъ съ Африкой былъ позволенъ, потомучто Африка доставляла невольниковъ, и этотъ торгъ производился въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; большая часть негровъ въ испанскихъ колоніяхъ была привезена на англійскихъ корабляхъ. Но и участь свободнаго колониста была незавидна; на его долю едва выпадала четвертая часть цѣны, по которой продавались его продукты. Онъ былъ неболѣе какъ зрителемъ невольниковъ, которыхъ заставлялъ работать для правительства Великобританіи, а никакъ не для своей пользы. Поставленный между невольниками, которыхъ онъ обязанъ былъ содержать, и между своими вѣчными кредиторами, купцами и государствомъ, ему оставалось только то, что имъ угодно было оставить, и *когда урожай былъ хорошъ и цѣны падали, онъ былъ совершенно разоренъ*. Слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что въ Ямаикѣ въ промежутокъ неболѣе двадцати лѣтъ было продано съ аукціону неменѣе 147 владѣній: 92 остались въ рукахъ кредиторовъ, а остальные 55 были совершенно оставлены. Послѣ этого не покажется удивительною чрезмѣрная смертность въ англійскихъ колоніяхъ. Колонистъ, небудучи въ состояніи приобретать машины, долженъ былъ по необходимости прибѣгать къ грубой силѣ, и ему гораздо легче было покупать эту силу на берегахъ Африки, чѣмъ созавать ее на своей плантаціи. Поэтому для того, чтобы поддержать уровень населенія, необходимо было постоянно увеличивать ввозъ негровъ, и вотъ почему во время эмансипаціи изъ числа ввезенныхъ негровъ остались въ живыхъ только одинъ на три (1).

Колонистъ самъ былъ такимъ же невольникомъ, какъ и негръ, котораго онъ покупалъ. Вѣчно въ долгахъ, его плантаціи почти всегда находились въ рукахъ агентовъ, посредниковъ, представлявшихъ лицо его кредитора, живущаго въ Англій; эти посредники обогащались насчетъ номинальнаго владѣтеля земли и насчетъ негровъ, обработывавшихъ эту землю. Чѣмъ незавиднѣе было положеніе колониста, тѣмъ богаче становился посредникъ; такое точно положеніе дѣлъ мы находимъ теперь въ Ирландіи, гдѣ владѣнія отсутствующихъ вельможъ находятся въ рукахъ управителей, которымъ нѣтъ никакого дѣла ни до почвы, ни до несчастныхъ бѣлыхъ *рабовъ*, поселенныхъ на землѣ. Въ обоихъ случаяхъ централизація, *абсентеизмъ* и рабство идутъ вмѣстѣ точно также, какъ во времена Сципіоновъ, Катоновъ, Помпеевъ и Кесарей.

Таковы были ожидаемые результаты тѣхъ, которые ставили ко-

(1) Число негровъ, привезенныхъ въ англійскія колоніи, было неменьше 1,700,000. Во время эмансипаціи ихъ осталось всего 600,000.

лониста въ зависимость отъ далекаго рынка, гдѣ онъ долженъ былъ продавать все что производилъ и покупать все что потреблялъ. Чѣмъ больше онъ бралъ у почвы, тѣмъ болѣе она истощалась и тѣмъ менѣе продуктовъ могъ онъ собирать; при избыточныхъ же жатвахъ увеличивались значительно издержки перевоза, найма магазиновъ, куртажа и настолько же уменьшалась цѣна самаго продукта, — такъ что и при урожаѣ, и при неурожаѣ колонистъ страдалъ одинаково. Примѣръ такого положенія мы можемъ видѣть еще теперь на хлопчатыхъ плантаціяхъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Система, имѣвшая цѣлью лишить плантатора выгодъ близкаго рынка и тѣмъ дать ему возможность улучшать свое хозяйство, такая система привела къ слѣдствіямъ, которыхъ слѣдовало ожидать, именно къ увеличенію съ каждымъ годомъ состоянія рабства и варварства; доказательство этому мы найдемъ въ постоянномъ преобладаніи случаевъ смертности надъ случаями рожденія въ англійскихъ колоніяхъ. Фактъ постепеннаго истощенія земли открывается во всей своей силѣ въ исторіи Ямайки. Трудъ и земля постоянно падали въ цѣнности, по мѣрѣ того какъ населенія прочихъ странъ, немогшихъ бороться съ мануфактурами англійскими, должны были обратиться къ земледѣлію. Сахаръ и ромъ дотогу упали въ цѣнѣ, что почти вся жатва шла на уплату комиссій и процентовъ. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ смертность была неизбѣжна, и вотъ почему мы видимъ, что тысячи людей, привезенныхъ на этотъ островъ, не оставляли послѣ себя никакихъ слѣдовъ существованія. На комъ же должна лежать отвѣтственность за такое возмутительное положеніе дѣлъ? Конечно не на колонистѣ. Ему было запрещено употреблять свое свободное время на рафинировку сахара, онъ не могъ привезти на островъ ни одного ткацкаго станка. Онъ не могъ заняться разработкой каменнаго угля, ни плавленіемъ мѣдной руды. Небудучи въ состояніи улучшить свою почву, онъ все меньше и меньше собиралъ съ нея плодовъ, и это небольшое количество поглощалось личностями, являвшимися посредниками въ мѣнѣ, и тѣми, которыя наблюдали за мѣной на правахъ правительственныхъ. Такъ какъ онъ самъ былъ болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ этихъ людей для уничтоженія въ негрѣ нравственности, понятія и самой жизни, то не на немъ, а на этихъ людяхъ должна лежать отвѣтственность за тотъ фактъ, что изъ числа негровъ, привезенныхъ въ Ямайку, едва осталось въ живыхъ двѣ пятыхъ во время эмансипаціи.

А между тѣмъ именно колонистъ былъ провозглашенъ тираномъ и разрушителемъ нравственности и жизни, и общественное мнѣніе — мнѣніе тѣхъ самыхъ людей, которые болѣе всѣхъ погло-

щали плоды труда несчастнаго негра — принудило правительство объявить эмансипацію черпаго населенія. Поистинѣ великолѣпная филантропія!

На каждой страницѣ въ исторіи можно найти доказательство того, что ремесленникъ былъ всегда въ союзѣ съ земледѣльцемъ въ борьбѣ ихъ съ купцомъ и фискомъ. Купецъ старается таксировать его, продавая дорого и покупая дешево; фискъ заставляетъ его платить за *примлеگیю* имѣть сношенія; и чѣмъ отдаленнѣе мѣсто мѣны, тѣмъ значителнѣе таксированіе съ обѣихъ сторонъ. Когда ремесленникъ становится самъ купцомъ, тогда сырые продукты преобразуются на мѣстѣ и имъ ненужно оплачивать никакихъ издержекъ на содержаніе корабельщиковъ, купцовъ, комиссіонеровъ, лавочниковъ, и торговля разовьется съ тѣмъ большею скоростью. «Въ одномъ кускѣ сукна, вѣсящемъ 80 фунтовъ, — говоритъ Адамъ Смитъ, — заключается не только больше 80 фунтовъ шерсти, но еще нѣсколько тысячъ фунтовъ хлѣба, употребленнаго на содержаніе рабочихъ», и это хлѣбъ и шерсть, путешествующіе дешево въ формѣ сукна. Чѣмъ совершеннѣе могущество асоціаціи между людьми, тѣмъ значителнѣе будетъ развитіе человѣческой личности, тѣмъ меньше будетъ власть купца и тѣмъ свобода чело-вѣка возрастаетъ.

Англійская торговая система, стремясь къ совершенно противоположнымъ результатамъ, препятствовала асоціаціи, потому что заставляла все населеніе предаваться однообразнымъ занятіямъ. Она препятствовала переселенію ремесленниковъ, увеличенію колониальныхъ городовъ, учрежденію школъ, и слѣдовательно препятствовала развитію умственныхъ способностей между работниками и ихъ господами. Она препятствовала увеличенію народонаселенія, принуждая женщинъ и дѣтей заниматься обработкою сахарнаго тростника въ мѣстахъ наиболѣе нездоровыхъ. Она истощала такія образомъ и землю, и землевладѣльцевъ, губила невольника и ослабляла общество, которое слѣдалось простымъ орудіемъ въ рукахъ купцовъ и агентовъ правительства, т. е. именно тѣхъ классовъ, которые во все время обогащались насчетъ земледѣльца. Услнняя потребителя отъ производителя, они могли, какъ мы это видѣли, присвоить себѣ три четверти изъ всей суммы продукта, оставляя всего одну четверть на землю и на трудъ. Они слѣдвались отъ этого сильны въ обществѣ, между тѣмъ какъ работникъ все болѣе и болѣе ослабѣвалъ; и чѣмъ болѣе онъ ослабѣвалъ, тѣмъ менѣе нужно было обращать вниманія на права его, какъ свободной личности.

Такова была система, которой слѣдовала Англія въ своихъ за-

атлантических колоніяхъ, такова была цивилизація, которую разносилъ англійскій народъ во всѣ концы міра. Система эта, какъ читатели убѣдятся изъ послѣдующаго, есть ничто иное какъ прологъ другой системы, которая гораздо глубже захватываетъ международныя отношенія и которая стала извѣстна въ экономическомъ мірѣ подъ именемъ системы *свободной торговли*.

Нужно сознаться, что радикальные недостатки въ англійской колоніальной системѣ не укрылись отъ вниманія большей части поборниковъ свободной торговли. Но незамѣчая тѣсной, родственной связи между обѣими системами, они именно находятъ въ своей доктринѣ лекарство отъ зла и обѣщаютъ, что съ прекращеніемъ запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ зло, порожденное колоніальною системою, уничтожится въ самомъ корнѣ. «Англія — говоритъ съ восторгомъ г. Бастіа (1) — отказывается отъ колоніальнаго владычества; *ея колонія теперь — весь міръ!*»

Человѣку не давъ даръ предвидѣнія, но судя по настоящимъ и прошедшимъ фактамъ, онъ можетъ отчасти предугадать будущее. Трудно положительно рѣшить что́ станетъ съ человѣчествомъ, когда англійскія идеи о свободной мѣнѣ проникнутъ всюду и будутъ признаны всѣми, но по нѣкоторымъ фактамъ мы можемъ приблизительно сказать что́ сдѣлается съ міромъ, когда онъ сдѣлается англійскою колоніею. Начала свободной торговли вотъ уже два съ половиною вѣка примѣняются съ полною силою въ Португаліи и Турціи, — двухъ государствахъ, независимыхъ отъ политическаго господства Англій, — въ Ирландіи и Индіи, находящихся въ политической отъ нея зависимости. Посмотримъ какіе результаты добыли эти народы и насколько можно ожидать блага для остальнаго человѣчества отъ примѣненія началъ свободной мѣны.

Блескъ Португаліи въ XVI вѣкѣ, которымъ она была обизана главнымъ образомъ своему торгу и колоніямъ на востокѣ, смѣнился скоро, какъ это всегда случается, постоянно увеличивающеюся слабостью; къ концу этого вѣка она стала простою испанскою провинціей. Сорокъ лѣтъ спустя ей удалось возвратитъ свою независимость, и къ концу XVII вѣка мы замѣчаемъ, что она употребляетъ всѣ усилія, чтобы поддержать свою независимость, развивая между своимъ населеніемъ привычку къ ассоціаціи, къ внутренней торговлѣ. Уже издавна Португалія славилась достоинствомъ шерсти своихъ овецъ, но долго у ней не было средствъ обращать ее въ сукно. Поэтому въ эпоху своего возрожденія правительство выписало иностранныхъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые на-

(1) «Cobden et la Ligue», Introd.

чали снабжать сукномъ внутренніе рынки и уменьшили такимъ образомъ значительно зависимость страны отъ шансовъ и рисковъ заграничнаго торга.

Такъ продолжалось до 1703 года, когда администрація страны перешла въ другія руки и подписанъ былъ метуэнскій трактатъ, въ силу котораго было снято запрещеніе съ ввозимыхъ изъ-за границы товаровъ и объявлена была свобода торговли. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ рынки ея были переолиены иностранными и преимущественно англійскими товарами, мануфактуры были разорены и драгоцѣнные металлы исчезли.

Она преобразилась такимъ образомъ снова въ страну чисто-земледѣльческую и истощеніе почвы сдѣлалось необходимымъ слѣдствіемъ; а истощеніе почвы повлекло въ свою очередь уменьшеніе въ народонаселеніи. Уменьшеніе это продолжалось такъ долго, что теперь все народонаселеніе Португаліи равняется всего 3 миліонамъ и въ одно прошлое столѣтіе уменьшилось на 700,000 душъ. Въмѣстѣ съ уменьшеніемъ народонаселенія уменьшилась возможность заводить и поддерживать пути сообщенія, такъ что въ странѣ, которая еще во времена Кесаря имѣла прекрасныя дороги, теперь перевозятъ письма на спинѣ муловъ по три миля въ часъ, между столицею и провинціальными городами. Такъ какъ рѣшительно нѣтъ никакихъ способовъ сообщенія, исключая дороги между Лисабономъ и Оporto, то путешественнику понеобходимости приходится нанимать муловъ, если онъ хочетъ переѣхать съ одного мѣста на другое. «Нетолько нѣтъ ни одной дороги, достойной назваться этимъ именемъ, — говоритъ одинъ новѣйшій путешественникъ, — но даже самыя улицы и проходы обращены въ склады для навоза, и единственный способъ перевозки товаровъ есть телега, запряженная волами, а для болѣе легкихъ товаровъ мулъ или спина галиційца; цѣнность человѣка такъ незначительна въ этой странѣ, что на него смотрятъ какъ на простой вьючной скотъ.»

Система свободной торговли продолжалась два съ половиною вѣка и привела къ тому результату, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ внутренней торговли возможность производить заграничный торгъ уменьшилась до такой степени, что Португалія потеряла всякое значеніе даже въ глазахъ тѣхъ націй, которыя въ 1703 такъ живо любивались торговли съ нею.

«Финансы страны находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, казна пуста и всѣ общественныя услуги страждутъ. Беззаботность и взаимная апатія царствуютъ во всѣхъ отрасляхъ администраціи, и нужно сказать — въ цѣлой націи. Между тѣмъ какъ во всей Европѣ заботятся объ улучшеніи, Португалія стоитъ на одномъ мѣстѣ.»

Администрація почти представляет очень любопытный примѣръ этого; письмо изъ Лисабона въ Браганцу идетъ отъ девятнадцати до двадцати-одного дня; разстояніе между обоими городами равняется около 410 верстъ. Всѣ средства страны истощены теперь, и весьма вѣроятно, что доходы государства не дадутъ и одной трети суммы, назначенной въ бюджетъ» (1).

Таково было состояніе дѣль нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1849 г.), но пагубные результаты исключительной обработки земли оказываются съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе. Внутренній рынокъ хлѣба преобразовался въ заграничный рынокъ для вина, но въ настоящее время и этотъ послѣдній прекратился по случаю чрезвычайнаго истощенія почвы подъ виноградниками. Цѣлые классы людь въ Португаліи доведены до крайней нищеты, въ тоже время какъ въ Мадерѣ люди гибнутъ отъ недостатка припасовъ, — и тоже самое случается во всякой странѣ, въ которой нѣтъ разнообразія въ занятіяхъ, этого главнаго помощника ассоціаціи и развитія человеческой личности.

Изъ всѣхъ странъ Европы нѣтъ ни одной, которая бы такъ была одарена всѣми выгодами природы, какъ турецкая имперія въ Европѣ и Азіи. При приличной обработкѣ въ ней можно бы было производить почти въ безграничномъ количествѣ шерсть, шолкъ, хлѣбъ, масло и табакъ; Фессалія и Македонія, издавна славившіяся по производству хлопчатой бумаги, покрыты невоздѣланными землями, которыя могли бы доставить хлопокъ на цѣлую Европу; желѣзо и каменный уголь находятся тамъ въ изобиліи, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имперіи «холмы кажутся огромными массами углекислой мѣди». Природа сдѣлала все для этой страны, а между тѣмъ между всѣми населеніями Европы турецкіе райи ближе всего подходятъ къ состоянію невольниковъ, и между всѣми европейскими правительствами Оттоманская Порта больше всѣхъ подчиняется условіямъ, которыя ей предписываютъ невольные иностранныя націи, но и иностранные и туземные купцы. Посмотримъ отчего произошло такое состояніе.

Два вѣка тому назадъ торгъ съ Турціей составлялъ самую важную статью въ торговлѣ западной Европы и турецкіе купцы считались самыми богатыми между всѣми, посѣщавшими западные рынки. Нѣсколько времени спустя правительство турецкое заключило съ англійскимъ и французскимъ правительствами трактаты, въ силу котораго оно обязывалось взимать пошлину съ привозимыхъ товаровъ несвыше 3%; такъ какъ въ тоже время корабли ихъ были

(1) - Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1849-

совершенно афранкированы, то такая система была въ сущности самою безусловною и самою полною свободою торговли.

Съ тѣхъ поръ около вѣка Турція еще въ состояніи была выдерживать конкуренцію съ мануфактурами запада; провинція Амбелакайа, славившаяся своею промышленною дѣятельностью, продолжала снабжать шолковыми и бумагопрядильными тканями Германію и даже Францію.

Но такъ какъ уничтоженіе таможенъ образовало дефицитъ въ государственныхъ доходахъ, то онъ понеобходимости долженъ былъ пополниться прямыми налогами; съ тѣхъ поръ и до самыхъ нашихъ временъ бюджетъ правительства основывается исключительно на подушной подати, на налогъ съ домовъ и съ земли. Вънѣшній торгъ былъ избавленъ отъ всякихъ препятствій, между тѣмъ какъ внутренняя торговля должна была бороться со всевозможными вмѣшательствами.

Такой порядокъ дѣлъ имѣлъ то слѣдствіе, что внутренняя торговля наконецъ совѣмъ уступила мѣсто заграничному торгу; Амбелакайа и другія промышленныя мѣста были совершенно оставлены. Изъ 600 прядильныхъ станковъ, существовавшихъ въ 1812 году въ Скутари, осталось въ 1821 году всего 40, а изъ 2000 прядильныхъ заведеній въ Турново осталось въ 1830 году 600. Съ тѣхъ поръ промышленность совершенно исчезла.

Такъ какъ уменьшеніе народонаселенія и бѣдность была во всѣхъ странахъ слѣдствіемъ увеличенія торговаго дефицита, то неудивительно, что новѣйшіе путешественники почти всѣ говорятъ о томъ, что турецкая нація постепенно идетъ къ разрушенію, а народонаселеніе все болѣе и болѣе приближается къ рабству — результатъ неминуемой системы, которая не даетъ развиваться ремесленнику, принуждаетъ всѣхъ къ однообразнымъ занятіямъ и мѣшаетъ такимъ образомъ развитію человѣческой личности. Между путешественниками въ особенности интересны очерки Макъ-Фарлена (1). Во время его посѣщенія Турціи (1850 г.) не только совершенно исчезли шолковыя мануфактуры, но закрыты были даже прядильни, на которыхъ приготовлялся шолкъ сырецъ; ткачи сдѣлались земледѣльцами, женщины и дѣти лишились всякихъ занятій. Въ тоже время въ Англіи разыгрывался одинъ изъ періодическихъ коммерческихъ кризисовъ и она нашла необходимымъ уменьшить цѣны на земледѣльческіе продукты, съ цѣлю приостановить ихъ ввозъ. Нѣсколько разъ — говоритъ Макъ-Фарленъ во время своего путешествія — распространялся слухъ, что

(1) • La Turquie et sa destinée.

цѣны на шолкъ поднимаются въ Англіи, и это мгновенно произвело необыкновенное движеніе и одушевленіе, которыя, какъ онъ говоритъ, «льстили его національной гордости при мысли, что электрической толчокъ, идущій изъ Лондона, этого могущественнаго коммерческаго центра, въ нѣсколько дней чувствуется въ такомъ далекомъ мѣстѣ, какъ Бильджекъ». Вотъ что значитъ торговая централизація! Она дѣлаетъ изъ земледѣльцевъ, разсѣянныхъ по земному шару, настоящихъ рабовъ, зависящихъ въ своемъ пропитаніи и одеждѣ отъ нѣсколькихъ личностей, владѣющихъ небольшимъ количествомъ машинъ въ могущественномъ торговомъ центрѣ. Въ извѣстные моменты спекуляція овладѣваетъ рынкомъ, цѣны на товары поднимаются и употребляются всевозможныя средства, чтобы увеличить до чрезмѣрности ввозъ сырыхъ продуктовъ. Но такой моментъ проходитъ — всѣ жалуются на безденежье и экспедиторы разоряются.

Вездѣ въ Турціи можно видѣть въ настоящее время развалины деревень, нѣкогда цвѣтущихъ, и результаты такого уменьшенія мѣстныхъ центровъ открываются въ общемъ упадкѣ земледѣлія. Хлопчатобумажныя поля Фессалии остаются безъ всякой обработки. Самые необходимые для жизни припасы идутъ издалека: хлѣбъ — изъ Одессы, рогатый скотъ и бараны — изъ мѣстъ за Адрианополею или изъ малой Азіи; рисъ, который потребляется въ такомъ значительномъ количествѣ — изъ Филипополиса, дичь — изъ Бугаріи, плоды и зелень — изъ Никомедіи и Мовданіи. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что почти вся звонкая монета исчезаетъ изъ Турціи.

Шолкъ турецкій, грубо приготовленный по невозможности достать себѣ хорошихъ машинъ, долженъ идти теперь въ Англію, обработаться тамъ и потомъ уже отправляться въ Персію; такимъ-то образомъ и самая вышняя торговля уменьшается по мѣрѣ того какъ уменьшается внутренняя.

Иностранцы нисколько могутъ свободно провозить въ Турцію свои товары, но заплативши незначительную пошлину въ 2⁰/₀, могутъ провозить ихъ по всей имперіи, пока не продадутъ. Путешествуя вмѣстѣ съ караванами, иностранные купцы вездѣ находятъ даровую квартиру. Размѣнявъ свои товары на звонкую монету или на что имъ вздумается, они такъ же быстро исчезаютъ, какъ пришли. Необходимое слѣдствіе этой полной свободы *торги* есть то, что мѣстная торговля совсѣмъ не существуетъ; туземный купецъ, платившій ренту и налогъ, не могъ бороться съ странствующимъ разносчикомъ, который ничего не платитъ. Бѣдный земледѣлецъ находится въ невозможности обмѣнять гдѣ-нибудь свои

продукты, развѣ придетъ случайно одинъ изъ этихъ каравановъ; да и то караванные купцы гораздо скорѣе обмѣниваютъ свои товары на звонкую монету, чѣмъ на громоздкіе сырые продукты.

Какъ это всегда бываетъ въ странахъ исключительно земледѣльческихъ, вся масса землевладѣльцевъ находится постоянно въ долгахъ и совершенно въ рукахъ заимодавца. Слабость и бѣдность, существующія между земледѣльческими классами, встрѣчается во всѣхъ странахъ, гдѣ земледѣлю не позволили укрѣпиться въ самомъ себѣ, посредствомъ естественнаго союза между плугомъ и станкомъ, между молотомъ и бороною, какъ это прекрасно говоритъ Адамъ Смитъ. Изъ краткаго обзора положенія дѣлъ въ Ямайкѣ, Португаліи и Турціи мы вполне убѣждаемся, что вслѣдствіе этого обстоятельства цѣнность челонѣка тамъ постоянно уменьшается и что онъ болѣе и болѣе порабощается природою и людьми. Правительство, столь же слабое какъ и населеніе, такъ зависитъ отъ воли заграничныхъ и туземныхъ торговцевъ, что этихъ послѣднихъ можно считать за настоящихъ собственниковъ земли, которые произвольно таксируютъ кого имъ вздумается.

Изъ этого же слѣдуетъ, что масса недвижимыхъ имуществъ совершенно не имѣетъ никакой цѣнности. Въ долину Буюкдерѣ, вѣкогда извѣстной подъ именемъ *прекрасной страны*, имѣніе въ двѣнадцать милъ въ окружности продается за 5000 долларовъ (около 5½ тысячъ рублей) (1), между тѣмъ какъ нѣсколько далѣе цѣна еще ниже. Какъ ни незначительны эти цѣны продажи имѣній, во онѣ непременно падутъ еще ниже подъ вліяніемъ системы, которая принуждаетъ несчастнаго земледѣльца истощать свою почву для того, чтобы доставлять свои продукты въ отдаленные рынки.

Въ эпоху англійской революціи 1688 года фабрикація шерстяныхъ матерій сдѣлала быстрые успѣхи въ Ирландіи. Но правительство Вильгельма и Маріи въ отвѣтъ на прошеніе лондонскихъ купцовъ обязалось воспрепятствовать развитію этой фабрикаціи, съ цѣлью принудить силою привозить въ Англію сырые продукты, и въ тоже время запретило всякій вывозъ ихъ въ другія страны. Ирландія могла получать колоніальные товары иначе какъ черезъ англійскіе порты; требовалось, чтобы ввозъ дѣлался на англійскихъ корабляхъ, принадлежавшихъ англійскимъ купцамъ; такимъ образомъ увеличивали насколько возможно издержки перевоза и лишали ирландцевъ всякаго участія въ этой прибыли.

Запрещая имъ въ возможныхъ границахъ всякія работы, кото-

(1) Mac-Farlane.

рья клонились бы къ развитію промышленности, ихъ въ то же время поощряли къ обработкѣ тѣхъ продуктовъ, которые были нужны для англійскихъ мануфактуръ; шерсть, пенька и ленъ были ввозимы въ Англію безъ всякой пошлины. Такимъ образомъ и здѣсь повторилась та же исторія, какъ и въ заатлантическихъ колоніяхъ, т. е. что все населеніе Ирландіи, мужчины, женщины и дѣти, по необходимости должны были посвятить себя полевымъ работамъ.

Тѣмъ неменѣе однакоже во время сѣверо-американской войны ирландскій парламентъ потребовалъ самостоятельности. Въ виду тѣсныхъ обстоятельствъ англійское правительство должно было уступить. Первымъ дѣломъ новаго законодательнаго собранія было обложить высокою пошлиною заграничные товары, съ явною цѣлью поощрить внутреннюю промышленность и торговлю. Съ этого времени страна начала дѣлать быстрые успѣхи какъ въ промышленномъ, такъ и въ умственномъ развитіи, что можно заключить изъ того факта, что несмотря на бѣдность тогдашняго населенія, одинъ книжный издатель въ Дублинѣ печаталъ въ годъ больше книгъ, чѣмъ теперь печатаютъ всѣ издатели въ Ирландіи для цѣлаго королевства, хотя населеніе и значительно увеличилось съ того времени.

Такъ продолжалось до 1801 года, когда торговая централизація Англіи была окончательно установлена и изданъ былъ *соединительный актъ*. Въ силу этого акта пошлины, установленныя ирландскимъ парламентомъ на товары, должны были уничтожены малопомалу, до тѣхъ поръ, пока не установится полная свобода торговли. Это значило другими словами, что Манчестеръ и Бирмингамъ захватывали въ свои руки монополію доставки въ Ирландію желѣза и сукна. Слѣдствіемъ этого было то, что мануфактуры ирландскія прекращали постепенно свое существованіе, по мѣрѣ того какъ соединительный актъ приводился въ исполненіе. Изъ числа 90 фабрикантовъ, бывшихъ въ Дублинѣ въ 1800 году, осталось всего 12 въ 1840; число работниковъ, употребляемыхъ на фабрикахъ, уменьшилось съ того времени отъ 4918 до 600; издѣліе же ковровъ и цвѣтныхъ шерстяныхъ матерій совершенно прекратилось. Тѣ же самые факты повторились во всемъ королевствѣ.

Такъ какъ земледѣліе сдѣлалось единственнымъ занятіемъ для всего населенія, то земля сдѣлалась естественно главною цѣлью стремленія для жителей.

«Земля — это жизнь», сказалъ первый судья Блэкборнъ, а для населенія остался одинъ выборъ: или занять землю на правѣ фермерства, *чего бы это ни стоило*, или умереть голодною смертью. По-

земельный собственникъ налагалъ цѣбы на землю какія ему вздумается; фермы подыались до чрезвычайности, между тѣмъ какъ заземная плата работника падала соответственно; спекуляторы, земельные монополисты, управители-посредники наживали огромныя состоянія среди несчастнаго населенія, умиравшаго съ голода, питавшагося однимъ картофелемъ и кодою. Всѣ эти факты повели за собой частыя возстанія противъ собственниковъ, за которыми слѣдовали страшныя репрессивныя мѣры правительства, законы противъ хранителей оружія, законы принудительные, между тѣмъ какъ корень зла лежалъ въ самыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Англійскіе писатели утверждаютъ, что въ Ирландіи не было капиталовъ необходимыхъ для мануфактурной промышленности; но это всегда должно случиться съ страной чисто-земледѣльческою. Капиталы становятся изобильны только въ той странѣ, гдѣ существуетъ могущество ассоціаціи, гдѣ каждый находитъ покупателя на свой собственный трудъ и можетъ слѣжаться самъ покупателемъ труда другого. Возможность оказывать тѣлесныя или умственныя услуги есть слѣдствіе потребленнаго капитала, и эта возможность составляетъ для работника капиталъ, который онъ предлагаетъ для иныи. Когда существуетъ разнообразіе занятій и трудовъ, тогда движеніе общества становится быстро, и весь этотъ капиталъ является въ формѣ товаровъ, машинъ или звонкой монеты; но когда нѣтъ другого занятія кромѣ земледѣлія, тогда движеніе общества медленно и большая часть трудового капитала теряется. Миліоны ирландцевъ растрачивали каждый день свой капиталъ, и немудрено, что у нихъ не хватало. Такого недостатка въ средствахъ не существовало въ эпоху между 1783 и 1801 годами, потому что тогда было требованіе на всѣ физическія и умственныя силы націи. Съ этого времени торговля все болѣе и болѣе падала, до тѣхъ поръ пока совѣтъ не прекратилась; и такимъ-то образомъ каждый годъ терялось столько капитала, сколько было бы достаточно для приобрѣтенія всѣхъ машинъ, употребляемыхъ въ Англіи для фабрикаціи шерсти и хлопчатки.

Что торговая централизація, рабство, уменьшеніе народонаселенія и смерть идутъ объ руку, въ этомъ насъ убѣждаетъ каждая страница исторіи; но нигдѣ это не является въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ въ исторіи Ирландіи съ того времени какъ она лишилась своего парламента и подпала въ полную зависимость Англіи.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя дальнѣйшимъ развитіемъ этой исторіи. Въ доказательство мы приведемъ статисти-

ческія данныя о народонаселеніи Ирландіи за послѣднее пятидесятилѣтіе.

По вычисленіямъ лондонскаго статистическаго бюро народонаселеніе Ирландіи составляло :

въ 1805 году	5,395,456
— 1815 —	6,142,972
— 1825 —	7,172,748
— 1835 —	7,927,989
— 1845 —	8,334,142
— 1856 —	6,077,283

Итакъ подъ конецъ оказывается огромная, безпримѣрная въ новейшей исторіи убыль народа ⁽¹⁾. Мы уже знаемъ достаточно, чему нужно приписать эту убыль.

Какъ ни жалко было положеніе Ирландіи лѣтъ двадцать тому назадъ, но оно съ каждымъ годомъ становится все хуже и хуже. Бѣдность и нищета заставляетъ несчастныхъ работниковъ тысячами переселяться въ Англію, увозя такимъ образомъ съ собою трудовой капиталъ и почву; улицы и погреба Лондона, Ливерпуля, Глазгоу наполнились мужчинами, женщинами, дѣтьми, немѣвными возможности продавать свой трудъ и гибнувшими отъ недостатка пищи. Въ деревняхъ работники занимались изъ одного прокормленія; между англичанами поднялся всеобщій крикъ, что англійскіе рабочіе теряютъ всякую работу отъ конкуренціи этихъ голодныхъ ирландцевъ. Чтобы помочь бѣдѣ, англійскій парламентъ принудилъ ирландскихъ лэндлордовъ содержать своихъ бѣдныхъ и издалъ законъ о бѣдныхъ, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ англійскіе экономисты, а за ними всѣ газеты и самый парламентъ признали, что всякіе подобные законы о бѣдныхъ противны началамъ здоровой политической экономіи.

Послѣ обнародованія ирландскаго закона о бѣдныхъ явилось естественно большое желаніе между достаточными классами избавиться отъ населенія, которое, небудучи въ состояніи продавать свой трудъ, не могло вслѣдствіе этого платить никакой ренты; и съ тѣхъ поръ до самыхъ нашихъ временъ Ирландія представляетъ для наблюдателя самыя отвратительныя сцены разоренія домовъ и изгнанія ихъ полунагихъ, полуголодныхъ обитателей; — сцены, достойныя болѣе какой-нибудь готентотской страны, а не націи, принадлежащей великобританской монархіи.

До этого времени ирландское земледѣліе пользовалось покрови-

(1) Кольбъ, -Руководство къ сравн. стат.- пер. Корсака.

вительствомъ на англійскомъ рынкѣ и это было нѣкотораго рода вознагражденіе за пожертвованіе національнымъ рынкомъ; теперь же и эта милость, какъ она ни незначительна, отнята у ирландцевъ. Подобно населенію Ямайки ирландское населеніе слѣлалось бѣдно и торгъ съ нимъ потерялъ всякое значеніе для тѣхъ самыхъ англичанъ, для которыхъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ ирландцы были лучшими покупателями.

Такъ какъ англійская торговая система истощила страны, находившіяся подъ ея вліяніемъ, каковы Индія, Португалія, Турція, Антильы, Ирландія, то стало необходимою употребить усилія для приобретенія новыхъ рынковъ въ другихъ странахъ, каковы Соединенные-Штаты, Франція, Бельгія, Германія и Россія, и для этой цѣли имъ предложена таже самая система, которая истощила Ирландію, т. е. система свободной мѣны. Вездѣ земледѣльцамъ предложили присылать свои сырые продукты въ Англію, и уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ имѣло цѣлью поставить эти страны въ конкуренцію съ голодною Ирландією. Чаша бѣдствій, и безъ того полная, переполнилась. Нетолько работники, но и самые землевладельцы разорились; имѣнія были отягощены ипотеками, такъ что правительство должно было прибѣгнуть къ общей продажѣ ихъ съ публичнаго торга и къ распредѣленію по странѣ продуктовъ, добытыхъ этою продажею. Всѣ эти явленія, только еще въ ббльшихъ размѣрахъ, повторились въ Индіи (1).

Читатель имѣетъ теперь передъ глазами картину движенія четырехъ націй, имѣющихъ въ сложности болѣе 200 миліоновъ жителей, т. е. почти одну пятую населенія всего земного шара. Всѣ онѣ были подчинены одной системѣ, которая стремилась къ торговой цивилизаціи, препятствовала внутреннимъ сношеніямъ народовъ, ставила ихъ въ зависимость отъ далекаго рынка и тѣмъ налагала на нихъ самый тяжкій изъ налоговъ — налогъ на перевозку сырыхъ продуктовъ почвы. Могутъ правда сказать (и таково почти общее мнѣніе новѣйшихъ экономистовъ), что населеніе Индіи беззаботно и лѣнливо, что Турки — магометане и слѣловательно фаталисты; что португальцы и ирландцы исповѣдуютъ религію, которая мѣшаетъ свободному умственному развитію; что колонисты Антильскихъ острововъ не очень удалены отъ варварскаго состоянія, и что именно этимъ нравственнымъ причинамъ нужно приписать постоянно возрастающую слабость этихъ обществъ. Однакоже подданные турецкой им-

(1) Для полнаго знакомства съ нынѣшнимъ состояніемъ Индіи см. Campbell: «L'Inde moderne», trad. franç. Мы боимся утомить читателя повтореніемъ, считая, что мы уже достаточно привели фактовъ для поясненія своей мысли.

періи два вѣка тому назадъ имѣли тѣже вѣрованія и отличались даже еще бѣльшимъ фанатизмомъ, а между тѣмъ торговля съ ними составляла самую важную статью для западной Европы. Мавры Испаніи были магометане, а между тѣмъ они не препятствовали развитію цивилизаціи, а напротивъ. Нынѣшніе португальцы такіе же католики, какъ и ихъ предки, заключившіе метуэнскій трактатъ, а тогда торговля съ ними считалась одною изъ самыхъ значительныхъ. Португальцы, равно какъ и ирландцы, исповѣдуютъ католическую вѣру наравнѣ съ французами, у которыхъ земледѣліе и промышленность достигли такой высокой степени совершенства. Негры, привезенные въ Ямайку, не были бѣльшими варварами, чѣмъ тѣ, которые были привезены въ Сѣверо-американскіе штаты, и между тѣмъ какъ черное населеніе въ штатахъ увеличилось въ семь разъ, на Ямаикѣ оно уменьшилось на три пятыхъ.

Какъ ни различны эти націи относительно религіозныхъ вѣрованій, цѣнта, градуса широты и долготы, все онѣ сходны въ томъ отношеніи, что подъ вліяніемъ одной системы онѣ должны были ограничиться однимъ земледѣліемъ и вывозить продукты своей почвы въ самый грубомъ видѣ; за этимъ необходимо слѣдовало истощеніе самой почвы и недостатокъ въ разнообразіи занятій, что составляетъ необходимое условіе для развитія человеческой личности и могущества асоціаціи. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ внутренняя торговля будетъ постоянно падать, между тѣмъ какъ могущество купца и перевозчика будетъ увеличиваться въ ущербъ земледѣльца и ремесленника.

Для того чтобы человекъ могъ побороть природу, необходимо, чтобы рынокъ, назначенный для его труда и для сбыта продуктовъ этого труда, былъ вблизи его. Когда рынокъ удаленъ, то какъ бы совершенны ни были пути сообщенія, почва лишится удобренія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и трудъ и земля упадутъ въ цѣнѣ. Возможность сообщеній была значительно увеличена въ Ирландіи за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, но при каждомъ увеличеніи голодъ и эпидеміи становились все чаще и сильнѣе, такъ что при окончаніи сѣти ирландскихъ дорогъ свирѣпствовалъ голодъ, который своею жестокостью превзошелъ все бывшіе.

Строющіяся теперь желѣзныя дороги въ Индіи поведутъ къ подобнымъ же результатамъ. Дѣло въ томъ, что эти дороги строятся съ тою цѣлью, чтобы больше вывозить сырыхъ продуктовъ почвы и увеличить могущество торга, а это повлечетъ за собою болѣе значительное истощеніе почвы и уничтожитъ всякую асоціацію между жителями. Желѣзныя дороги въ этомъ случаѣ играютъ роль сильныхъ ядовъ, которые въ тоже время служатъ самыми дѣйствитель-

выми лекарственными средствами. Для общества сильно организованного, т. е. такого общества, въ которомъ разнообразіе занятій существуетъ въ высокой степени, всякая новая дорога увеличиваетъ могущество человѣка надъ природой, и слѣдовательно увеличиваетъ его благосостояніе; между тѣмъ какъ въ обществѣ слабомъ эта дорога будетъ только новымъ средствомъ къ истощенію, при помощи котораго самая кровь общества легче будетъ высасываться торговцемъ, какъ мы это видимъ въ Ирландіи.

Приведенные нами выше факты убѣдительно доказываютъ, что доктрины свободной торговли, овладѣвши теперь съ такою силою всѣми умами въ Англіи, въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ той системы, которой слѣдовала постоянно Англія въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ съ цѣлымъ міромъ, что первая суть только логическое слѣдствіе второй. Мы ясно видѣли, что ни одинъ народъ въ мірѣ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ не слѣдовалъ по такому ложному пути, какъ англичане, что они всегда ставятъ на первомъ планѣ интересы купца, что они единственный народъ, провозглашающій своимъ господствующимъ принципомъ девизъ купца: «покупать на рынкѣ, гдѣ продукты дешевле, и продавать гдѣ они дороги», и что ни одинъ народъ не предавался такъ систематично и исключительно торгу. Воспрепятствовавъ ассоціацію между людьми тамъ, гдѣ она не существовала еще, уничтожая ее тамъ, гдѣ она существовала, результатомъ такой системы было сведеніе всего населенія въ уровень простыхъ земледѣльцевъ и разрушеніе самыхъ обществъ, какъ мы это видѣли выше. Во всѣхъ этихъ обществахъ различіе занятій уничтожалось все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣе становилась организація и медленнѣе было развитіе умственныхъ способностей. Чѣмъ выше организація какого-нибудь тѣла, тѣмъ болѣе части, составляющія его, походятъ на цѣлое; въ обществѣ чисто земледѣльческомъ всѣ части совершенно похожи одна на другую и цѣлое есть нечто иное какъ обширная часть. Во всѣхъ подобныхъ обществахъ мізіаніе мѣстныхъ центровъ уничтожается съ каждымъ годомъ и торговая централизація дѣлается совершеннѣе; а эта централизація, рабство и смерть, какъ мы замѣтили выше, идутъ всегда рука объ руку. А между тѣмъ все это есть ничто иное какъ слѣдствія, которыя при нынѣшнемъ состояніи націй должны произойти отъ полной свободы торговыхъ отношеній между націей сильно организованной съ одной стороны, и слабой и несовершенной націей съ другой. Какъ интересы всѣхъ членовъ общества, такъ и интересы націй должны быть солидарны. Основной законъ въ обоихъ случаяхъ долженъ быть: не дѣлай ничего другому, чего ты не хочешь, что-

бы съ тобою сдѣлали. Къ несчастію въ политикѣ нравственность неизвѣстна; изъ этого слѣдуетъ, что очень часто для настоящаго и временнаго блага жертвуется благо важное и постоянное (1). Что Англія въ преслѣдованіи своей ложной и своекорыстной системы далеко не достигла положительныхъ и постоянныхъ результатовъ, въ этомъ мы убѣждаемся во первыхъ развитіемъ ужаснаго пролетаріата, который несмотря на всѣ усилія законодательства и общества, идетъ все болѣе и болѣе усиливаясь; во вторыхъ, что Англія, истощая народы, съ которыми торговала, тѣмъ самымъ лишала себя своихъ лучшихъ покупателей и уменьшала такимъ образомъ сбытъ своихъ собственныхъ произведеній; наконецъ третьихъ, торговая система Англіи произвела въ самой странѣ тѣ безпорядочныя движенія, тѣ постоянныя коммерческія кризисы, которые одни уже указываютъ на болѣзненное состояніе общества.

Экономисты и поборники свободной торговли упускаютъ по большей части факты, о которыхъ мы говорили выше. Увлекаясь софистикой англійскихъ ораторовъ; которые, какъ мы видѣли, имѣютъ при проповѣданіи своихъ идей заднюю; своекорыстную цѣль, они сулятъ человѣчеству блестящую будущность и не видятъ что дѣлается у нихъ передъ глазами; она возстаютъ противъ мелкихъ монополій, неизбежныхъ при протекціонной системѣ, и не замѣчаютъ, что вмѣстѣ съ полной свободой торговли она создаютъ самую страшную изъ всѣхъ монополій — монополию торговаго централизаціи, къ деспотизму торговца, въ тысячу разъ болѣе ужаснымъ, чѣмъ какая-либо административная централизація или правительственный деспотизмъ.

Въ особенности странно видѣть, что наши русскіе экономисты сдѣлались почти всѣ поборниками свободной торговли. Огромное пространство Россіи, плодородіе ея почвы, относительная рѣдкость народонаселенія, недостатокъ промышленной и мануфактурной дѣятельности, вслѣдствіе этого недостатокъ въ разнообразіи занятій — все это факты, ясно указывающіе на слабость общественной организаціи въ Россіи и на то, что свобода мѣны поведетъ только къ большому увеличенію этой слабости, принудивъ все народонаселеніе Россіи сдѣлаться исключительно земледѣльческимъ. «Подъ влія-

(1) Переходя отъ внутреннихъ дѣлъ къ отношеніямъ международнымъ, мы напрасно стали бы искать добродѣтельной нации. Каждое общество, по мѣрѣ того какъ оно само достигаетъ могущества, пренебрегаетъ всѣми законами справедливости и слѣдуетъ только закону насилія. Поэтому-то исторія міра наполнена преступленіями, которыя дѣлаютъ имя человѣка ненавистнымъ. (См. Carey въ примѣч.)

ліеиъ системы свободной торговли плодородная почва съ естественными путями сообщенія, какъ средствами для вывоза, становится самымъ ужаснымъ бичемъ, угнетающимъ страну. Богатство почвы побуждаетъ всѣхъ заниматься земледѣліемъ, дороги и рѣки служатъ для вывоза жатвъ и обмѣна ихъ на промышленные продукты странъ, въ которыхъ помѣщаются центры торга, капитала и промышленности. Черезъ нѣсколько времени вѣншее потребление продуктовъ почвы истощаетъ страну, производившую ихъ. Въ такой странѣ не будетъ ни городовъ, ни мануфактуръ, потомучто въ нихъ нѣтъ никакой потребности. Люди въ ней не будутъ предаваться никакимъ занятіямъ, требующимъ ума или таланта; народонаселеніе по необходимости разсыяно, невѣжественно, необразовано; богатые люди будутъ оставлять свое отечество и искать за границей удовольствій или образованія; люди бѣдные, но предприимчивые будутъ тоже уѣзжать изъ страны, отыскивая себѣ работу. Мы волюй убѣждены, что нельзя придумать болѣе вѣрнаго средства для объединенія страны, какъ принудить всѣхъ жителей ея заниматься исключительно земледѣліемъ. Разоренія, происходящія отъ войвъ, моровой язвы, голода, скоро изглаживаются; но нужны цѣлые вѣка, чтобы возстановить истощенную почву. Чѣмъ быстрѣе важиваются деньги въ странѣ, пользующейся свободой торговли, тѣмъ раньше эта страна бѣднѣетъ, потомучто истощеніе почвы значительнѣе и тѣ, которые собираютъ обильныя жатвы, растрачиваютъ ихъ въ вѣ страны. При другой системѣ эта богатая страна сама занялась бы промышленностью, строила города, учреждала школы и университеты, предавалась всякимъ работамъ и удовлетворяла бы всѣмъ потребностямъ цивилизованнаго человѣка. Такимъ-то образомъ капиталъ, добытый внутри, и тратился бы внутри; жатвы потреблялись бы въ странѣ и каждый городъ, каждая деревня доставляли бы удобреніе на окружающія поля. Безъ этого внутренняго потребленія невозможно достигнуть продолжительнаго богатства. Тогда вслѣдствіе необходимости должно образоваться густое народонаселеніе, богатому незачѣмъ будетъ оставлять своей страны для удовольствій, бѣдному — для отысканія работы.» (1)

Мы бы совѣтовали нашимъ русскимъ экономистамъ обратить особенное вниманіе на эти строки.

Послѣ всего, что сказано было нами о значеніи вѣшняго торга и внутренней торговли, о томъ, къ какимъ результатамъ повелѣнъ английская торговая система въ странахъ, гдѣ она имѣла наибольш

(1) Fitzhugh «Sociologie pour le Sud», цит. Кѣри.

шее вліяніе, наконецъ о томъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести эта система и въ другихъ странахъ, при *мыслимомъ экономическомъ состояніи общества*, мы можемъ непосредственно обратиться къ аргументамъ, представляемымъ сторонниками англійскихъ теорій свободной торговли въ защиту своей доктрины.

Прежде всего всякому разсуждающему человѣку является очень простая и здравая мысль, что согласно съ началомъ гражданского равенства и личной свободы, никто не имѣетъ права требовать отъ закона и правительства, чтобы въ пользу его личнаго интереса были подчинены интересы другихъ. Поэтому каждый членъ общества имѣетъ неограниченное право снабжать себя какъ ему заблагоразсудится предметами для своего потребленія и продавать свои продукты такому покупателю и по такой цѣнѣ, какіе ему покажутся выгоднѣе. Слѣдовательно каждый гражданинъ имѣетъ право сказать своему правительству: «Или продавайте мнѣ табакъ, соль, говядину, сахаръ по цѣнѣ, какую я вамъ предлагаю, или я буду покупать все это въ другомъ мѣстѣ. Почему я обязанъ поддерживать у васъ промышленность, разоряющую меня, эксплуататоровъ, обкрадывающихъ меня? Всякій у себя, всякій для себя, и свобода торговли для всего міра!»

Согласно съ этимъ простымъ разсужденіемъ, которое есть ничто иное какъ логическое слѣдствіе доктрины: «laissez faire, laissez passer» и теоріи эгоизма и личнаго интереса, непризнающей никакой солидарности между производителями, между капиталистами и работниками, экономисты съ особенною силою напирать на всевозможныя злоупотребленія, къ которымъ ведетъ протекціонная система въ государствѣ.

«Искусственная дороговизна каменнаго угля, желѣза, шерсти, скота — говоритъ г. Бланки — есть ничто иное какъ налогъ, взимаемый съ общины въ пользу нѣкоторыхъ личностей. Что бы мы ни говорили, вопросъ всегда будетъ кончатся тѣмъ, что до какихъ норъ нація будетъ переносить эти тягости въ виду улучшеній, которыя всегда обѣщаютъ, но которыя не могутъ явиться этимъ путемъ... Запретительная система только и произвела во всей Европѣ искусственный и опасный толчокъ нѣкоторымъ промышленностямъ, организованнымъ по англійскому методу къ почти исключительной выгодѣ капитала...

«Привилегія, монополія, протекція, сыплящаяся на всѣхъ, кромѣ несчастнаго работника, привели въ распредѣленіи продуктовъ къ чудовищнымъ злоупотребленіямъ. Вездѣ свобода стѣснена; преграды породили подлогъ; мошенничество, обманъ, насиліе стали помощниками труда. Скупость требуетъ безстыдно и не праву

средствъ наживаться насчетъ другихъ; вездѣ борьба, гармонія нигдѣ! А между тѣмъ къ такимъ разорительнымъ результатамъ мы сами отрешимся. Почему въ экономическихъ школахъ имя народа никогда не произносится? Разумъ, говорятъ, долженъ управлять миромъ. Ужъ не во имя ли разума французская нація обречена теперь на діету почти исключительно растительную? Не во имя ли разума она должна оставаться безъ хлѣба, безъ сапогъ, безъ средствъ къ жианью, посреди всѣхъ чудесъ ума человѣческаго? Не разумъ ли отласть монополію рынка то одному, то другому, никогда не забывая о цѣнѣ продуктовъ относительно заденной платы работника?

«Вотъ уже восемнадцать лѣтъ какъ французская нація не можетъ покупать говядины, и при каждомъ ея требованіи намъ холодно отвѣчаютъ, что цѣна 55 франковъ необходима для существованія производителя. Необходима! Лишеніе въ пропитаніи народа необходимо для благосостоянія нѣкоторыхъ!..» (1)

Все это совершенно справедливо съ той точки зрѣнія, съ какой смотрять на вопросъ экономисты. Но принимая даже безусловно справедливость этихъ фактовъ, мы спросимъ въ свою очередь: почему же монополія, если она такая ненавистная вещь, существуетъ, какъ выражается Росси, на каждомъ шагу въ нашемъ обществѣ, то въ формѣ исключительной эксплуатаціи земли и капитала, то въ формѣ исключительнаго подъязованія способами фабрикаціи, и между тѣмъ эта монополія освящается наукой экономистовъ? Почему монополія эта становится ненавистною только тогда, когда какая-нибудь иностранная монополія явится конкурировать съ нею? Почему она менѣе достойна уваженія между гражданами одной и той же страны, нежели между гражданами различныхъ націй? Да и наконецъ всѣ экономисты согласны съ тѣмъ, что повсемѣстное уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ повлечетъ за собой *сначала* большіе кризисы въ обществѣ, что *огромные капиталы останутся непродуцительны, мануфактуры исчезнутъ, сотни тысячъ рабочихъ останутся неожиданно безъ работы и безъ хлѣба...* (2) Но, говорятъ они, эти несчастія будутъ только временны; скоро равновѣсіе возстановится и благосостояніе всѣхъ народовъ удесятерится. Какъ ни мало утѣшительны для настоящихъ поколѣній *эти журавли съ небъ*, которыхъ сулятъ намъ экономисты, но пусть же они скажутъ, когда настанутъ эти благодѣтельные результаты для Португаліи и Турціи, которые вотъ уже два вѣка наслаждаются полной свободой торговли, когда они настанутъ для несчастной Ирландіи,

(1) «Journ des économistes» 1845.

(2) *Fix*, «Journ. des économ.» 1845.

въ которой до сихъ поръ свобода эта произвела только голодъ, эпидеміи и конечное разореніе страны? И неужели не ясно какъ день, что при наступающемъ экономическомъ устройствѣ общества свобода мѣны, уничтоживъ всѣ преграды для мѣны, этимъ самымъ увеличиваетъ господство капитала, а слѣдовательно и финансовой аристократіи, передаетъ все общество, связанное по рукамъ и по ногамъ, въ руки торговца?

Изъ всѣхъ современныхъ экономистовъ никто съ такимъ увлеченіемъ и при этомъ съ такимъ несомнѣннымъ талантомъ не защищалъ теоріи свободной торговли, какъ г. Бастіа.

Г. Бастіа пользуется у насъ въ Россіи особеннымъ авторитетомъ; онъ обладаетъ тою «*соблазнительною ясностью*», которая такъ нравится нашей публикѣ и ученымъ, а потому мы считаемъ нужнымъ заняться нѣсколько подробнѣе его аргументами.

Вся теорія свободной торговли основывается на слѣдующемъ силогизмѣ Ж. Б. Сая, который потомъ сдѣлался краеольнымъ камнемъ всего ученія:

1) продукты оплачиваются только продуктами и товары покупаются только на товары;

2) золото, серебро, платина и другія металлическія цѣнности суть продукты труда, товары, подобно каменному углю, желѣзу, шодку, ниткамъ и пр.;

3) слѣдовательно, такъ какъ всякій ввозъ товаровъ оплачивается равносильнымъ вывозомъ, то нельзя предполагать, чтобы при этомъ была на чьей-нибудь сторонѣ выгода, еслибы часть товара и оплачивалась звонкою монетою. Совершенно напротивъ, если и есть выгода, то это на сторонѣ націи, которая ввозитъ больше товаровъ, чѣмъ вывозитъ, потомучто за этотъ излишекъ она платитъ звонкою монетою, т. е. товаромъ, котораго единственное назначеніе есть способствовать мѣнѣ, быть орудіемъ мѣны.

Первое положеніе этого силогизма совершенно справедливо и можетъ назваться экономической истиною. Чтоже касается до второго положенія, то оно противорѣчитъ самымъ основнымъ понятіямъ экономической науки и монетѣ.

Драгоценные металлы суть въ самомъ дѣлѣ товаръ, но товаръ по преимуществу, товаръ, на который всегда есть больше спроса чѣмъ предложенія, товаръ привилегированный, который вслѣдствіе этого есть представитель всѣхъ цѣнностей, всѣхъ продуктовъ, всѣхъ капиталовъ. У кого есть большіе запасы продуктовъ, тотъ еще не можетъ назваться богатымъ, потомучто ему нужно еще совершить актъ мѣны, всегда невѣрный, всегда подверженный колебаніямъ. Но у кого есть деньги, тотъ богатъ, потомучто онъ обла-

даетъ товаромъ, посредствомъ котораго онъ можетъ когда ему вздумается, при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, приобрести всѣ прочіе товары; посредствомъ этого товара онъ дѣлается господиномъ рынка. «Обладатель звонкой монеты — сказалъ очень вѣрно Прудонъ ⁽¹⁾ — похожъ на человѣка, у котораго во время игры въ рукахъ козырная мастъ».

Можно пожалуй сказать, что всѣ карты въ игрѣ могутъ быть козырями и слѣдовательно цѣнность ихъ всегда относительная; можно прибавить даже, что игра можетъ быть ведена только при обменѣ всѣхъ картъ между собой; тѣмъ менѣе козырная мастъ возьметъ всегда другія масти и игра будетъ на сторонѣ того, у кого будетъ въ рукахъ эта козырная мастъ. Деньги, какъ цѣнность измѣняющаяся, но разъ навсегда *установленная*, можетъ мѣняться въ одномъ мѣстѣ въ *количество*, т. е. что за одинаковую сумму денегъ можно получать одинъ разъ меньше, другой разъ больше товаровъ; но *качество* ихъ остается всегда неизмѣннымъ, т. е. что онѣ тѣмъ менѣе остаются привилегированнымъ товаромъ, единственнымъ, который принимается при всякой уплатѣ. Положимъ напримѣръ, что хлѣбъ внезапно высоко поднимается въ цѣнѣ, а цѣнность денегъ падаетъ: слѣдуетъ ли изъ этого, что хлѣбъ заступитъ мѣсто денегъ, что онъ будетъ мѣриломъ другихъ товаровъ, что имъ можно будетъ уплачивать налогъ, ренты, ликвидировать всѣ дѣла? Конечно нѣтъ. Качество денегъ при повышеніи и при пониженіи курса на нихъ всегда останется неизмѣннымъ ⁽²⁾.

Эти простые, повседневныя понятія о деньгахъ, какъ исключительномъ орудіи мѣны, какъ цѣнности разъ навсегда установленной, показали экономистамъ слишкомъ просты; они употребили всю свою софистику, чтобы доказать, что выводы, которые приписываютъ въ обществѣ обладанію денегъ, основаны единственно на народномъ предрасудкѣ, что звонкая монета есть обыкновенный товаръ, принятый за орудіе мѣны только потому, что она удобнѣе къ переноскѣ, болѣе рѣдка и наименѣе подвержена порчѣ. (См. памфлетъ г. Бастіа: «Проклятыя деньги».)

На этомъ смѣшеніи денегъ съ обыкновеннымъ товаромъ основана вся теорія свободной мѣны, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть рядъ очень ловкихъ, очень остроумныхъ софизмовъ, способныхъ увлечь всякаго, незнакомаго съ тайнами коммерческаго міра.

⁽¹⁾ -Système des contradictions économiques-.

⁽²⁾ Мы ограничиваемся здѣсь изложеніемъ простыхъ предложеній. Въ одной изъ послѣдующихъ статей мы намѣрены подробно заняться вопросомъ о монетѣ, однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ неразрѣшенныхъ доселѣ вопросовъ въ экономической наукѣ.

Предположимъ на время націю, которая безпрестанно покупаетъ всякаго рода товары и взаи́мъ ихъ отдастъ свои деньги. Что случится? Что часть капитала этой націи, заключающаяся въ звонкой монетѣ, перейдетъ за границу, и что для того, чтобы снова вернуть ее, она должна будетъ прибѣгать къ займамъ, т. е. закладывать свои другіе капиталы, землю, трудъ, ренту; другими словами — она будетъ продавать самоё себя, чтобы существовать.

Экономисты на это возражаютъ, что такъ какъ звонкая монета сдѣлается рѣдка въ одной странѣ и изобильна въ другихъ, то послѣдуетъ отплыть ея изъ страны продающей въ страну покупающую, что эта послѣдняя можетъ воспользоваться низкою цѣною денегъ и равновѣсіе такимъ образомъ возстановится.

Но подобное объясненіе просто смѣшно. Неужели деньги перейдутъ изъ одной страны въ другую даромъ? Понятно, что за нихъ должно будетъ платить процентъ, а страна, обремененная займами и ипотеками, непремѣнно стремится къ паденію.

Мы предположили по гипотезѣ, что страна все покупаетъ и ничего не продаетъ; на дѣлѣ такъ не бываетъ. Но сущность нисколько не измѣняется, если въ странѣ только часть привоза уравновѣшивается вывозомъ собственныхъ продуктовъ, а другая уплачивается звонкою монетою.

Если положимъ Россія получаетъ изъ Англіи товаровъ въ годъ на сто миліоновъ и отправляетъ своихъ собственныхъ на девяносто, это значитъ, что девяносто мил. англійскихъ товаровъ покрывается девятьюстами мил. русскихъ, а излишекъ долженъ быть уплаченъ звонкой монетою. Ясно, что Россія каждый годъ будетъ терять десять мил. изъ своего капитала и должна будетъ подъ конецъ прибѣгать къ займамъ, всегда обременительнымъ и разорительнымъ. Но, возражаютъ, такъ какъ звонкая монета сдѣлается въ Россіи рѣдкою, то и лажъ на нее подымется, а слѣдовательно она устремится снова въ Россію изъ Англіи, гдѣ лажъ на нее вслѣдствіе изобилія упадетъ, и равновѣсіе такимъ образомъ снова возстановится. Но во первыхъ, повторимъ еще разъ, звонкая монета не будетъ ввозиться въ Россію даромъ, а во вторыхъ — на дѣлѣ бываетъ совершенно не такъ, какъ предполагаютъ экономисты. Подобно тому какъ сырые продукты изъ странъ, гдѣ они дешевы, стремятся въ страны, гдѣ они сравнительно дороже, но зато гдѣ они, обрабатываясь на фабрикахъ, приносятъ болѣе пользы, — такъ точно бываетъ и съ звонкой монетою. Изъ страны, гдѣ она рѣдка и лажъ на нее высокъ, гдѣ поэтому вслѣдствіе этого высокаго лажа самое обращеніе ея медленно и польза отъ нея незначительна, она стремится въ страны, гдѣ учетъ ниже, но зато обращеніе быстрѣе и

польза гораздо больше. Доказательствомъ этого служить то, что въѣзтъ съ сырыми продуктами званная мекета стремится постоянно изъ Россіи въ Англію, въ центръ фабричной и мануфактурной дѣятельности, хотя учеть дороже въ Англіи въ три раза ниже чѣмъ въ Россіи.

Въ противность всѣмъ этимъ фактамъ г. Бастиа (1) смилется доказать :

что протекціонная система, производя искусственную дороговизну въ первыхъ предметахъ потребленія, ведетъ прямо къ теоріи голода ;

что несправедливо, будто виѣшняя конкуренція можетъ убить трудъ въ странѣ, менѣе благопріятствуемой ;

что напротивъ, при свободѣ торговли выгадываетъ та страна, которая находится относительно другой страны въ менѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ ;

что единственное средство уравнивать условія производства — это предоставить всѣмъ полную свободу ;

что лига и Робертъ Пиль заслуживаютъ благодарность человечества за примѣръ, который они полагаютъ другимъ народамъ.

Разсмотримъ вкратцѣ эти предложенія.

Что значитъ дешевизна сырыхъ продуктовъ, хлѣба, шерсти, льна, желѣза, каменнаго угля, о которой такъ хлопчутъ авглійскіе ораторы? Это значитъ уменьшеніе платы за трудъ земледѣльца, который за четверть хлѣба, за пудъ шерсти или льна получить гораздо меньше сукна, полотна и прочихъ оконченныхъ продуктовъ. Это значитъ уменьшеніе заденной платы фабричнаго работника, который за свой трудъ получить меньшее вознагражденіе. Это значитъ увеличеніе прибыли купца, капиталиста, фабриканта, который экономизируя на жалованьи работниковъ, уменьшаетъ издержки своего производства. Какимъ же образомъ увеличивается благосостояніе рабочаго класса? Оно напротивъ уменьшится, потому что за одну и ту же сумму товаровъ ему нужно будетъ заплатить большимъ количествомъ труда. Гдѣ положеніе рабочаго класса лучше: въ южной ли Россіи, гдѣ при дешевизнѣ сырыхъ продуктовъ заденная плата ничтожна, или въ Петербургѣ, гдѣ поденная плата высока, хотя хлѣбъ, говядина и прочіе продукты гораздо выше въ цѣнѣ? Прогрессъ общества именно въ томъ и состоитъ, чтобы приближать какъ можно болѣе цѣнность сырыхъ продуктовъ къ цѣностямъ продуктовъ оконченныхъ ; тогда земледѣлецъ за четверть хлѣба получитъ больше сукна или полотна, а слѣдовательно какъ трудъ,

(1) «Sophismes économiques», T. I.

такъ и земля его подымутся въ цѣнности; тогда доля прибыли труда увеличится въ той пропорціи, въ какой доля прибыли капитала уменьшится; заденная плата сдѣлается выше, а рента понизится. Все это такъ справедливо, что сами англійскіе экономисты сознаются, что свобода торговли имѣетъ главною цѣлью уменьшить въ Англии заденную плату. «Вопросъ о безплатномъ ввозѣ въ Англию хлѣба сдѣлался совершенно вопросомъ о предложеніи дешеваго и обильнаго труда. Слѣдствіемъ уничтоженія хлѣбныхъ пошлинъ было вопервыхъ уравненіе и приближеніе величины заденной платы нашей страны къ величинѣ платы на континентѣ, а вторыхъ возможное пониженіе ея, когда отношенія между предложениемъ и спросомъ сдѣлають это возможнымъ и справедливымъ. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ на западные берега нашего острова сдѣлано было нашествіе полуудикихъ, полунагихъ, полуголодныхъ орабъ кельтовъ, которые своими прифромъ уменьшили сумму издержекъ между англійскимъ населеніемъ и увеличили число преступленій, къ большому ущербу для доброй репутаціи націи. Но — продолжаетъ авторъ — обильное количество дешеваго труда, доставленнаго ими, имѣло несомнѣннымъ слѣдствіемъ то, что позволило нашей мануфактурной промышленности развиться до такой степени, до какой она безъ нихъ никогда не могла бы достигнуть, и въ этомъ отношеніи они были для насъ полезны (1)». Самъ Робертъ Пиль сознается, что «реформа хлѣбнаго закона имѣетъ ту цѣль, чтобы мы могли производить дешевле». И такъ свобода торговли, уменьшая цѣнность сырыхъ продуктовъ, тѣмъ самымъ уменьшаетъ цѣнность самаго труда, а слѣдовательно и человѣка, а потому она не только не увеличиваетъ благосостоянія рабочаго класса, а напротивъ дѣлаетъ его еще худшимъ.

Далѣе г. Бастія увѣряетъ и доказываетъ, что при свободѣ торговли выигрываетъ непременно та страна, которая находится въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Неразбирая сколько парадоксальнаго заключается въ этомъ положеніи и доказательствахъ, мы отвѣтимъ только слѣдующимъ:

«Виродолженіи полувѣка Ирландія поддериживала совершенно свободный торгъ съ богатѣйшею націею въ мірѣ; чтоже сдѣлалъ этотъ торгъ для Ирландіи? До сихъ поръ для многочисленнаго населенія ея не существуетъ другой работы кромѣ полевой. А между тѣмъ она легко могла имѣть другія разнообразныя и многочисленныя занятія. Будемъ ли мы прибѣгать къ старой клеветѣ, будто ирландцы лѣнивы и не хотятъ работать? Будто природа человѣческая въ Ир-

(1) North, «British Review» 1852.

ландіи иначе устроена, чѣмъ въ другихъ странахъ? Развѣ ирландцы не самый трудолюбивый народъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ? Развѣ они стоятъ по умственнымъ способностямъ ниже другихъ народовъ? Мы, англичане, мы лично видѣли ирландцевъ въ арміи, въ юстиціи, въ церкви, и знаемъ, что не можетъ быть лучшаго и болѣе разумнаго гражданина. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ ихъ насущныя потребности были удовлетворены. Предположите, что англичанинъ проиживаетъ свой хлѣбъ и пиво, свой ростбичъ и биостекъ на картофель и холодное мясо, которыхъ у него будетъ настолько, чтобъ не умереть съ голоду. При такой діетѣ, думаете ли вы, что англичанинъ будетъ лучше ирландца, этого кельта, какъ вы его называете? Навѣрное нѣтъ. Бѣдность ирландцевъ нужно сваливать не на человеческую природу, а на превратное законодательство Англіи въ прошедшемъ и въ настоящемъ». (1)

Что всего больше приводитъ въ умленіе экономистовъ и г. Бастиа со стороны англійскихъ лигистовъ, это то, что они провозглашаютъ у себя свободу торговли и не требуютъ никакой *взаимности*? Какой подумаешь, высокий примѣръ братской любви! «Можно ли себя вообразить—восклицаетъ г. Бастиа—чтобы столько усилій, столько искренняго жару, столько жизни, столько согласія, было употреблено на то, чтобы обмануть сосѣдніе народы и заставить ихъ попасть въ ловушку? Я прочелъ болѣе трехсотъ рѣчей ораторовъ лиги, я прочелъ безчисленное множество газетъ и памфлетовъ, изданныхъ этимъ могущественнымъ обществомъ, — и могу утверждать, что нигдѣ не нашолъ ни одного слова, которое бы подтвердило подобное предположеніе, ни одного слова, которое бы показало, что въ вопросѣ о свободѣ торговли дѣло шло объ эксплуатаціи всего міра англійскимъ народомъ.» (2)

Дѣло въ томъ, что вѣроятно г. Бастиа читалъ всѣ эти рѣчи, газеты и журналы подъ вліяніемъ предубѣжденія: иначе онъ замѣтилъ бы въ этой риторикѣ нѣчто такое, на что указываетъ немецкіе просвѣщенный экономистъ, г. Видалъ (3).

Эти журналы, эти памфлеты напоминаютъ тонкостямъ д. социализма; они нагло противорѣчатъ другъ другу, хотя часто принадлежатъ одному и тому же перу.

Обращаясь къ народу, лигисты говорятъ, опираясь на Адама Смита: свободный ввозъ хлѣба уменьшитъ цѣну на хлѣбъ и въ то-

(1) Bernard Byles, «Sophismes du libre échange».

(2) Cobden et la Ligue, Introd.

(3) Revue Indépendante, 1845.

ше время увеличить заденную плату вследствие значительнаго увеличенія въ сиростѣ мануфактурныхъ продуктовъ.

Говоря съ капиталистами: уменьшеніе въ цѣнѣ на жизненные припасы позволятъ намъ уменьшить заденную плату и увеличить нашу прибыль, увеличивая сбытъ... Если же работники сдѣлаются слишкомъ требовательны, то мы легко обойдемся и безъ нихъ при помощи машинъ и пара.

Обращаются ли они къ поземельнымъ собственникамъ, тутъ они уже опираются на Рикардо и слятся доказать, что торговая свобода, вмѣсто того чтобы уменьшить цѣны на англійскій хлѣбъ сообразно съ цѣнами заграничнаго хлѣба, напротивъ заставитъ подвигаться цѣны заграничнаго хлѣба въ уровень съ англійскимъ...

Чтобы убѣдить фермеровъ, они говорятъ, что льга возстаетъ не на нихъ, а на тѣхъ, которые пользуются монополіей и берутъ налогъ съ голода, что въ тотъ день, когда свобода торговли будетъ провозглашена, парламентъ издастъ декретъ объ уменьшеніи наемной цѣны земли...

Можно привести безчисленное множество такихъ противорѣчій, но факты еще лучше доказываютъ, чѣмъ всевозможныя рѣчи. До сихъ поръ свобода торговли привела только къ конечному разоренію тѣ страны, въ которыхъ она дѣйствовала, и послужила въ самой Англій кѣ чрезмѣрному развитію капитала и пролетаріата.

«Въ прошломъ году (1844) — сказалъ на банкетѣ одинъ работникъ — мы вывели нитокъ и тканей болѣе чѣмъ на 630 миліоновъ франковъ, и вотъ причина нашего благосостоянія. Но когда заграничные рынки закрываются для насъ, тогда наступаетъ пониженіе въ заденной платѣ... Между прядильщиками, пять работаютъ для иностранцевъ и только одинъ для внутренняго рынка, а ткачи фабрикуютъ одинъ кусокъ для внутренняго употребленія противъ шести, назначенныхъ для заграничнаго рынка.»

Въ этомъ примѣрѣ формулируется вся экономія Великобританіи. Если населеніе ея равняется 22 миліонамъ, то ей нужно 132 мил. иностранцевъ, чтобы дать занятіе ткачамъ, и 100 мил., чтобы дать работу прядильщикамъ, и тоже самое бываетъ относительно другихъ англійскихъ промышленностей. Спрашивается послѣ этого, возможно ли подумать о какомъ-нибудь равновѣсіи въ мѣнѣ при такой ужасной непропорціональности?

Не будемъ слишкомъ увлекаться филантропическими проповѣдями англійскихъ ораторовъ; не забудемъ, что во всѣхъ концахъ міра Англія начинала свое дѣло разрушенія и грабительства библіями и миссіонерами.

Намъ остается сдѣлать еще одно и послѣднее замѣчаніе.

Новѣйшіе экономисты (исключая англійскихъ) и преимущественно Бастіа, возставая противъ протекціонной системы, возстаютъ здѣсь главнымъ образомъ противъ всякой правительственной регламентировки, противъ всякаго вмѣшательства правительства въ экономическія отношенія общества. Они руководствуются здѣсь исключительно демократическимъ принципомъ, и потому таможня, учрежденіе, имѣющее свой корень въ регальномъ и феодальномъ правѣ, являются имъ естественно вещью ненавистною, протаворѣчающею. Поэтому неудивительно, что во Франціи, гдѣ правительственная централизація достигла такихъ крайнихъ предѣловъ, почти вся демократическая пресса стала за свободу торговли, забывая даже свою старую ненависть къ своимъ ламанскимъ сосѣдямъ. Но желая избѣжать одного подводнаго камня, они попали на другой, гораздо болѣе опасный. Есть большая и существенная разница между централизаціей правительственной и централизаціей торговой. Правительство, король, желающій сосредоточить власть на своемъ лицѣ, налагаетъ на общество тяжелые валоги, но за исключеніемъ взиманія этихъ налоговъ, и распределенія ихъ по своему благоусмотрѣнію, ему нѣтъ никакой выгоды оставаллвать движеніе въ обществѣ или препятствовать ассоціаціи между своими подданными. Совершенно напротивъ, для него желательно, чтобы трудъ ихъ былъ какъ можно болѣе производительенъ, потому что они тѣмъ легче будутъ нести свои казенныя повинности. Исключая нѣсколькихъ точекъ, гдѣ интересы его протаворѣчаютъ интересамъ націи, во всемъ остальномъ онъ для своихъ личныхъ выгодъ долженъ съ своими подданными составлять одно нераздѣльное цѣлое.

Вотъ почему мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, подчиненныхъ самому крайнему политическому деспотизму, экономическія отношенія несмотря на это принимали все болѣе и болѣе опредѣленныя и раціональныя формы и матеріальное благосостояніе общества постоянно улучшалось.

Совершенно обратное мы видимъ въ централизаціи торговой: ея *главная* цѣль состоитъ въ томъ, чтобы остановить обращеніе въ обществѣ, между тѣмъ какъ въ политической централизаціи замедленіе въ обращеніи есть явленіе случайное. Купецъ старается держать населенія въ удаленіи, одни отъ другихъ; онъ создаетъ препятствія въ ихъ непосредственнымъ отношеніямъ, чтобы имѣть возможность таксировать въ свою пользу всѣ ихъ продукты.

Чѣмъ разнообразнѣе занятія между подданными, тѣмъ увеличивается богатство общества, тѣмъ казна государя дѣлается тоже богаче, а слѣдовательно и его могущество увеличивается.

Могущество же купца основывается на томъ, чтобы какъ можно уменьшить разнообразіе занятій у народа и тѣмъ воспрепятствовать проявленію у него высшихъ способностей и талантовъ; чѣмъ народъ невѣжественнѣе, чѣмъ онъ бѣднѣе, чѣмъ ближе приближается къ состоянію рабства, тѣмъ больше онъ нуждается въ услугахъ торговца. Изъ всѣхъ родовъ рабства самое мучительное, самое унижительное — то, которое налагаетъ на населеніе торговая централизація, разрушающая всюду цѣнность труда и почвы.

Поэтому экономисты демократической школы, желая довести вліяніе правительства до нуля, не замѣчаютъ того, что они подчиняютъ общество деспотизму торгова и капитала, въ тысячу разъ болѣе ужасному, чѣмъ всякій другой деспотизмъ.

Въ одномъ мѣстѣ (1) г. Бастиа выражается слѣдующимъ образомъ о назначеніи правительства: «Вы мнѣ вручили общественную силу. Я употребляю ее только тамъ, гдѣ позволено вмѣшательство силы, а это бываетъ только въ одномъ случаѣ — въ правосудіи. Я заставляю каждого оставаться въ границахъ своихъ правъ. Пусть всякій изъ васъ трудится съ миромъ днемъ и спитъ спокойно ночью. Я беру на себя безопасность лицъ и собственности. Это мое назначеніе и я его исполню; другого же я не возьму на себя. Поэтому да не будетъ между нами больше недоразумѣній. Отнынѣ вы будете платить мнѣ легкую дань, необходимую для поддержанія порядка и справедливости. Но знайте, что отнынѣ же каждый изъ васъ самъ отвѣчаетъ за свое существованіе и совершенствованіе. Не обращайтесь безпрестанно своихъ взоровъ ко мнѣ. Не спрашивайте у меня ни богатства, ни работы, ни кредита, ни образованія, ни нравственности. Не забывайте, что двигатель, въ силу котораго вы развиваетесь, находится въ васъ самихъ; что же касается до меня, то я могу дѣйствовать только нравственнымъ вліяніемъ. У меня нѣтъ ничего, чего бы я не получилъ отъ васъ, и слѣдовательно не могу доставить ни малѣйшихъ выгодъ однимъ насчетъ другихъ. Итакъ обрабатывайте ваши поля, фабрикуйте и перевозите свои произведенія, торгуйте, кредитуйтесь, оказывайте и получайте свободно услуги, воспитывайте своихъ дѣтей, пріискивайте имъ карьеру, занимайтесь искусствами, развивайте свой разумъ, облагораживайте чувства, образуйте промышленныя или филантропическія асоціаціи, соединяйте свои усилія для личнаго или общественнаго блага, повинуйтесь своимъ наклонностямъ, исполняйте свое назначеніе согласно вашимъ способностямъ, вѣшнымъ видамъ, вашей предусмотрительности. Ждите отъ

(1) «Harmonies économiques».

меня только двухъ вещей : свободы и безопасности, и помните, что вы не можете требовать отъ меня третьей, подъ опасеніемъ поппарать первыя двѣ.»

Читая эту краснорѣчивую илилію въ экономическомъ духѣ, кажется, что читаешь отрывокъ изъ мечтаній утопистовъ, икарійцевъ, фаланстерлянъ и прочихъ комунистовъ и социалистовъ, противъ которыхъ такъ ратовалъ самъ г. Бастіа.

Г. Бастіа не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и во всей своей политической жизни является искреннимъ и честнымъ демократомъ. Но пропитанный англійскими экономическими теоріями, онъ всю жизнь искалъ какой-то призрачной свободы, и вмѣсто этой свободы проповѣдывалъ произволъ не политическій, а промышленный и торговый, что, какъ мы уже говорили, въ тысячу разъ хуже. Перечитывая его сочиненія, невозможно не удивляться гибкости и ловкости его діалектическихъ способностей, невозможно не уважать искренности, съ какой онъ искалъ истины и блага для общества. Но попавши разъ на дорогу ложной экономической теоріи, онъ потратилъ много силъ и таланта на софистику и защищалъ доктрину, противную интересамъ его націи и той свободы, которой онъ такъ искренно добивался.

ВЛАДИМИРЪ ФУКСЪ

ВЪ ПОЛѢ

(Ө. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою!
Сѣрая тѣнь переходить за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ —
И широко по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождичкомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вѣдра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!..

Богъ вамъ на помощь, хрестовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косою размахнуться проворною —
Будетъ большой урожай, —
Градъ не побьетъ, саранча не напустится...
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ да распутится!
Знай увози-собирай!

Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихую
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,

Стануть хлѣба что стѣна,
И засквозятся что золото яркое
Стебли сухіе на солвышко жаркое,
И зашумять какъ волна.

Пѣсни по селамъ спюются веселыя,
Стовомъ застонуть телѣги тяжолыя —
Горы сноповъ повезуть.
Все чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится,
Все въ закрома покладуть...

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятiя ликихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось —
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

О. ВЕРГЪ

МЕЛОЧИ ВОЕННОГО БЫТА

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РОТМИСТРА ТУКИНА

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЛКОВОЙ ЛѢТОПИСИ

-Разбери кто правъ, кто виноватъ, да
обойхъ и накажи.-

Пушкинъ (Кап. дочка).

ИДИЛЛИЯ И ВОСПОМНАНІЯ

I

Послѣ знойнаго іюльскаго дня наступалъ свѣжій, прохладный вечеръ, одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ лѣтнихъ вечеровъ, которые такъ хороши бываютъ у насъ на югѣ. Выспавшись послѣ обѣда надлежащимъ, положительнымъ образомъ, поручикъ Мухояровъ, по офицерскому лѣтнему обычаю, усѣлся на завалинкѣ своей деревенской квартиры, приказалъ леньщику своему Кожемякѣ подавать самоваръ, прихватить сюда же бутылку съ ромомъ, и принялся пить жидовскій контрабандный чай съ такимъ же точно наслажденіемъ, какъ-будтобы это былъ настоящій какой-нибудь китайскій лянъ-синь или фу-чу-фу. Нѣсколько крестьянскихъ ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, босыхъ, немыхъ и растрепаныхъ въ одну минуту смѣло окружили Мухоярова. Онъ поласкалъ каждого, слегка ущипнувъ кого за щеку, кого за носъ, каждому далъ по куску сахара, послѣ чего вся ватага съ визгомъ и хохотомъ весело понеслась прочь, на рысяхъ, вдоль улицы. Хозяйскій песь, старый лохматый кундель, въ

свою очередь тоже довърчиво приблизился къ Мухоярову и дружелюбно махая хвостомъ , устремлялъ на него меланхолическіе, потухшіе взоры. Мухояровъ и его поласкалъ , погладилъ вдоль спины, потрепалъ косматую его голову, пригласилъ знакомъ присѣсть около себя и далъ кусокъ бѣлаго хлѣба... Высокая, стройная, опрятная молодлица, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ , быстро прошла мимо него , и вскинувши на него ясный, смѣлый взглядъ , промолвила : «добрѣ вечеръ!» Мухояровъ отвѣтилъ ласковымъ и граціознымъ , достолюдинымъ дамскому полу поклономъ... За нею медленно проплелся старыи ея дѣдъ, обвѣшанный рыболовными сѣтями и вершами за плечами, съ корзиною свѣжихъ раковъ. Онъ тоже поклонился Мухоярову радушно, какъ короткому, доброму знакомому. — «Для папаквѣ налапавъ , кушайте на здоровье!» примолвилъ онъ. Мухояровъ отвѣчалъ : «спасибѣ!» и показалъ на самоваръ. Дѣдъ отрицательно кивнулъ головой.

— Ну такъ горилки?

— Хе! хе! зашамкалъ дѣдъ. — Живыи чоловикъ! сего можно!

— Ну и добре! Эй, Кожемяка! крикнулъ Мухояровъ дешику своему, когорый, присѣвши на порогъ взбы, покуривалъ свою трубочку-носогрѣйку. — Кожемяка! распорядись-ко! сказалъ онъ, подмигнувши глазомъ на дѣда. Кожемяка поинялъ и ухмыльнулся, Мухояровъ тоже самодовольно улыбнулся.

Однимъ словомъ въ эти минуты Мухояровъ былъ именно въ томъ прекрасномъ, безмятежномъ расположеніи духа, которое испытываетъ болѣе или менѣе всякій смертныи, которому удалось порядочно выспаться послѣ обѣда и когорый ктому же не обремененъ никакими особенными заботами, никакими житейскими горестями и печалями. Въ эти минуты Мухояровъ, словами польскаго поэта, могъ сказать себѣ :

Такъ ми легко, такъ ми ничъ teraz, nie trzeba! (1) Да и дѣйствительно на этотъ разъ Мухоярову ничего особеннаго надобно не было... Долговъ у него въ это время было не много, ревматизмами онъ не страдалъ, честолубіемъ не мучился, влюбляться давно уже пересталъ, лошадей верховыхъ имѣлъ двѣ, мундиры и вальтрапы новехоньки, одно сѣдло новое выписано отъ Вальтера — чего

(1) Такъ миъ легко, такъ ничего миъ теперь неужно!

же, спрашивается, смертному, а по крайней мѣрѣ армейскому поручику, остается желать болѣе?

И Мухояровъ безотчетно предавался въ эти минуты отрадѣ бытія своего, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ легкія свои волны свѣжаго животворнаго воздуха, весь отдаваясь созерцанію окружающей его природы. Надъ головой его въ воздушномъ пространствѣ рѣяли стрижи и ласточки, то молніей падая съ высоты внизъ, то снова взвиваясь и пропадая въ поднебесной синевѣ, оглашая окрестность пронзительнымъ пискомъ; гдѣ-то тамъ, почти подъ самыми облаками, кружилось нѣсколько аистовъ, описывая широкіе, правильные вольты, на неподвижныхъ крылахъ; грустный окликъ журавлей, невидимыхъ взгляду, звенѣлъ съ вышины... Мухояровъ закинулъ голову назадъ и долго долго слѣдилъ взоромъ и за быстрымъ, судорожнымъ полетомъ стрижей и ласточекъ, и за воздушной вечерней прогулкой аистовъ, прислушивался къ крику журавлей, смотрѣлъ такъ долго, что у него даже заболѣла шея, зарябило въ глазахъ. Онъ захотѣлъ дать отдохнуть взгляду своему и устремилъ его впередъ — и снова, снова засмотрѣлся надолго... Прямо передъ глазами его далеко впередъ раскидывалась синѣющая равнина, слегка освѣщенная оранжевыми лучами заходящаго солнца; влѣво, взвиваясь исплинскимъ змѣемъ, ярко блестя свѣтлосиними волнами Бугъ, окаймленный то громадными, почернѣвшими скалами вулканическаго происхожденія, то густыми порослями камыша и очерета, дробясь о нагроможденные на днѣ его пороги, донося до слуха Мухоярова неясный шумъ и рокотъ волнъ. Вправо на далекомъ горизонтѣ рисовался гребень горъ...

И Мухоярову вспомнились неволью иные ландшафты, иныя горы, правда родственныя этимъ блѣдно-лиловымъ холмамъ, которые грядю тянулись передъ глазами его въ эти минуты, но горы болѣе величественныя и живописныя, болѣе грандіозныя, покрытыя свѣгами вѣковѣчными, вершинами уходящія въ небо, дикія, прорытыя бурными потоками, нагроможденные одна на другую, перерѣзанныя пропастями, то мрачныя, почернѣвшія и бесплодныя, то блистающія всевозможными цвѣтами радуги, убранныя роскошною растительностью дѣтственныхъ буковыхъ лѣсовъ, то охваченныя грознымъ дыханіемъ бури, то облитыя золотымъ сіяніемъ дня и лучами полуденнаго солнца... Припомнилось Мухоярову, какъ проходилъ онъ нѣкогда горы эти, ведя

строевого коня своего за поводъ по скользкой, каменистой, кремнями усѣянной и висящей надъ пропастью дорогѣ, то взбираясь на крутизны и цѣпляясь за каждый камушекъ, то съ замираніемъ сердца, съ трепетомъ во всемъ тѣлѣ спускаясь внизъ, скользя и падая, увлекаемый конемъ своимъ.

И цѣлая, длинная исторія связана была у Мухоярова съ воспоминаніемъ этимъ. Подвигаясь шагъ за шагомъ въ глубь Венгріи, онъ оставлялъ тогда позади себя, за рубежомъ Карпатовъ, лучшую часть своего сердца; онъ уносилъ въ оны дни въ дуплѣ своей любви, а на груди, какъ слѣдуетъ, локонъ волосъ. Мухояровъ былъ тогда еще очень молодъ и очень влюбленъ, — влюбленъ такъ, какъ только могутъ влюбляться корнеты, и то армейскіе, да развѣ-развѣ молодые поручики, и какъ уже не могутъ влюбляться поручики старые, закоснѣвшіе и засидѣвшіеся въ своихъ неблагодарныхъ чивахъ, поручики, погружающіеся лишь въ соображенія объ уплатѣ долговъ своихъ, посвящающіе себя всецѣло одному лишь ералашу, безжалостно подавляющіе въ себѣ всякіе нѣжные порывы, всякія корнетскія увлеченія. Да чего въ самомъ дѣлѣ и ждать отъ этихъ мрачныхъ впохондрикковъ, у которыхъ одна мечта — вакансія, одно вожделѣніе — чинъ штабсъ-ротмистра, одно наслажденіе — ералашь?..

Прошли годы. Мухояровъ, какъ и всѣ заплатилъ дань времени, какъ и многіе охладѣлъ и почерствѣлъ душою среди тѣхъ условій, изъ которыхъ слагается жизнь армейская, — сталъ старымъ поручикомъ. Такъ-называемый горькій опытъ жизни успѣлъ уже многое изгладить изъ его романтическихъ наклонностей, но какъ человѣкъ никогда не властенъ вполне надъ своимъ прошедшимъ, потому что полного забвенія прошедшаго ему не дано, то и Мухояровъ, подъ вліяніемъ воспоминаній своихъ, порою невольно обращался къ своему далекому прошлому. Такъ и на этотъ разъ оно ожило, повторилось въ его памяти со всѣми мельчайшими, неуловимыми подробностями.

Вспомнилъ онъ уютный, скромный, бѣленькій домикъ, весело улыбавшійся изъ тѣни акацій и густо разросшихся кустовъ бузины и сирени, «чертогъ, гдѣ жила его драгая»; вспомнилъ садъ тѣнистый, пѣсни соловья въ вечерній часъ, «звукъ унылый фортепяна» разлававшійся вдали, и сладкую, сочную, спѣлую малину со сливками; вспомнилъ страстный, нѣжный шопотъ, и пер-

вый сорванный съ усть богини своей невинный поцѣлуй... Образъ нѣкогда драгоценной женщины, спасшей Мухоморова отъ нравственнаго паденія и своимъ вліяніемъ очистившей существо его отъ грязи страстей армейскихъ, заставившей бѣжать его отъ Ваха и Киприды... Образъ этотъ, окруженный ореолою любви, снова какъ живой предсталъ (какъ говорятъ поэты) предъ духовными очами его, и онъ почти вслухъ заговорилъ стихами Пушкина:

..... Мало было
 Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
 Одинъ глава да взгляды. Такого взгляда
 Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
 У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной,
 А мужъ у ней былъ негодяй суровый.
 Бѣдная Инеса!

Такъ декламировалъ Мухоморовъ, хотя съ чувствомъ, но безъ боли сердца, безъ горечи. Онъ давно уже понялъ, что къ прошлому нѣтъ уже возврата. Кому же на долю его выпало завидное счастье, которое судьба посылаетъ не многимъ: его совѣсть была чиста. Достаточная доля романтизма и въ нѣкоторомъ родѣ рыцарскія правила спасли его, не позволили ему дойти до послѣдней катастрофы любви. А однакожъ много было во всей этой исторіи и тревогъ, и страсти, и ревности, былъ другъ-соперникъ, былъ мужъ-разлучникъ, однимъ словомъ было много всякой всячины, всего того, что называется драмою.

Но поручикъ Мухоморовъ побѣдоносно вышелъ изъ всей этой катавасіи, благополучно проплылъ между Сциллою дружбы и Харибдою любви; мало того, онъ благородно вывелъ изъ борьбы и ее, бѣдную Инесу, невинною какъ голубица...

О свѣтлое, небесное воспоминаніе!.. Лучъ зарницы, освѣщающій мрачный и грязный, тиною болотною покрытый жизненный путь!..

И поручикъ Мухоморовъ умилился духомъ при этомъ воспоминаніи... и подлилъ рому въ стаканъ съ чаемъ... и выпилъ... И поднималъ опять высоко голову свою, и снова устремилъ голубые глаза свои на небо...

II

Поручикъ Мухояровъ, отчасти романтикъ и фантазеръ, есть въкоторымъ образомъ герой подлежащей исторіи. Герой онъ калибра небольшого, и исторіика не очень размашистая, небогатая ни фактами, ни глубиною содержания, и только по обязанности своей мы заносимъ ее на страницы скромной лѣтописи нашей, и то въ видѣ возможно сокращенномъ.

До генеалогіи Мухоярова намъ нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Не все-ль равно для насъ откуда онъ — изъ Крыма или Казани? Начто намъ знать кто были его предки? Скажемъ только то что по крайнему разумѣнію нашему необходимо.

Въ то время, когда начинается рассказъ нашъ, ему было тридцать лѣтъ. Въ наружности его не было ничего особеннаго: онъ былъ блондинъ, сангвиникъ, съ тѣмъ характеристическимъ оттѣнкомъ въ фізіономіи, который всегда служитъ признакомъ эвергіи, впечатлительности и подвижности характера и наконецъ вспыльчивости темперамента, — оттѣнкомъ, котораго не изглаживаютъ даже годы. Онъ былъ невеликъ ростомъ, худощавъ, быстръ въ движеніяхъ, ловокъ какъ кошка. Слабый отъ природы организмъ его окрѣпъ, закалился среди всегдашней почти жизни на открытомъ воздухѣ, отъ постоянной физической дѣятельности, требуемой родомъ его службы. Онъ былъ славный товарищъ, любимый въ полку, истинный членъ той среды, въ которую бросила его судьба, усвоившій вполнѣ всѣ ея взгляды, всѣ ея убѣжденія, пропитавшійся до мозга костей ея правилами, ея повятіями, ея предразсудками. Небудучи связанъ отношеніями семейными, потомучто былъ совершенный сирота, покончивши расчетъ съ увлеченіями сердечными, онъ весь запасъ чувствъ, которымъ довольно щедро надѣлила его природа, обратилъ на кружокъ своихъ товарищей, на ту семью, которая приняла его въ свои нѣдра. Полкъ замѣнилъ ему все: родню, семейство, — и за предѣлами полка онъ другого міра не видѣлъ, не хотѣлъ видѣть.

Въ этомъ отношеніи впрочемъ Мухояровъ не есть типъ единственный въ своемъ родѣ, и такого точно сорта романтики въ полкахъ нашихъ встрѣчаются не рѣдко... Долгіе годы жизни

этихъ своего рода аскетовъ проходить вдали ото всего, что называется свѣтомъ; во многомъ жизнь ихъ похожа на жизнь членовъ монашескихъ общинъ, потомучто и въ самомъ дѣлѣ чтоже такое наши военныя корпораціи съ своими исключительными взглядами на вещи, съ своими уставами и обычаями, съ своими преданіями, освященными временемъ, по своему наконецъ изолированному положенію, какъ не монашескія общины, отчужденныя отъ свѣта... А однакожь и въ этой замкнутой, изолированной своеобразной жизни есть своя нравственная, духовная дѣятельность, свои идилліи и свои драмы, совершаются факты, нелишонные общаго смысла, являются характеры, типы, достойныя наблюденія.

Всѣхъ ближе изъ сонма товарищей Мухоярову по душѣ былъ нѣкто Зарудный, другъ—соперникъ нѣкогда по любви къ Инесѣ. Дружба ихъ началась въ самую отдаленную эпоху, въ золотое время самой ранней молодости, еще во времена ихъ юнкерства, такъ—сказать въ медовые мѣсяцы ихъ *служебной дѣятельности*. Они сошлись и сблизились, какъ это часто бываетъ въ военномъ быту, не вслѣдствіе какихъ—нибудь особыхъ расчетовъ и соображеній, а единственно благодаря обстоятельствамъ да судьбѣ, которая никогда почти ихъ не разлучала, и вообще, если только можно такъ сказать, строю жизни армейской. Вмѣстѣ въ одномъ эскадронѣ они служили юнкерами, вмѣстѣ потомъ въ одинъ и тотъ же полкъ были произведены въ офицеры, вмѣстѣ были влюблены въ бѣдную Инесу. Причины самыя пустыя, повидимому самыя ничтожныя, превратили обыкновенныя товарищескія отношенія ихъ, въ дружбу, затаили дружбу эту въ крѣпкій, неразрывный узелъ, хотя съ другой стороны однакожь во взаимной привязанности ихъ не было ничего приторнаго, ничего сантиментальнаго, ничего такъ—сказать бабьяго, какъ бы безъ сомнѣнія выразился незабвенный нашъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, то—есть именно самаго неприятнаго...

Сидя на своей завалинкѣ, Мухояровъ задумался и объ этомъ Зарудномъ, который въ настоящую минуту былъ далеко... Съ голъ какъ опъ уже проживалъ въ Петербургѣ, въ отпуску у своихъ родныхъ. Съ мыслью о Зарудномъ невольно пришло на память Мухоярову одно превздорное, преничтожибѣвшее об-

стоятельство изъ его юнкерской жизни. Онъ вспомнилъ, что въ первый разъ онъ сошелся съ нимъ на болѣе короткую ногу подъ липою, которая росла около манежа, и подъ которую оба они за наказаніе были поставлены на часы.

Но здѣсь мы чувствуемъ сами непреодолимое желаніе перенестись мыслью вмѣстѣ съ Мухояровымъ въ это далекое прошлое, къ этимъ медовымъ мѣсяцамъ служебной юнкерской дѣятельности... Маленькое отступленіе не можетъ много помѣшать вашей исторіи, а между тѣмъ пробуждаетъ въ насъ воспоминанія можетъ-быть несовѣмъ чуждыя и инымъ сынамъ Марса.

Вотъ грезится Мухоярову та далекая пора, когда исполняются самыя горячія, самыя радужныя отроческія мечты его... Онъ бросаетъ скучныя книги и тетради, предаетъ всеожженію всѣхъ этихъ Аннибаловъ, всѣхъ этихъ Цезарей, всѣхъ этихъ Саллюстіевъ, всѣхъ Гомеровъ, всѣ эти тропы и фигуры, всѣ эти синусы и косинусы, всѣ эти логарифмы, всю эту школьную, для наслажденія жизнью непригодную дребедень, поетъ въ послѣдній разъ екорбную, бывшую въ его время въ ходу гимназическую пѣснь:

Ахъ, почтоже я седмь лѣтъ
 Посреди толикихъ бѣдъ
 Обращался?
 И ньютоновъ я биномъ
 Разрѣшать на дскѣ мѣлкомъ
 Изощрялся?
 Хрестоматіи нѣмецки,
 Письмена латински, грецки
 Гм! переводилъ я?
 Солнца свѣтъ дробилъ я въ призмы
 И различны силлогизмы,
 Гм! выводилъ я?

и затѣмъ ноступаетъ на службу юнкеромъ, поступаетъ конечно точно такъ, какъ поступала въ былыя времена большая часть молодыхъ людей, то-есть безъ всякой определенной цѣли, безъ всякаго понятія о значеніи избираемаго поприща, увлекаясь только красотою мундира да звяканьемъ шпоръ и сабли. Ему кажется, что служба состоитъ именно въ томъ только, чтобы вѣчно щеголять въ этомъ красивомъ мундирѣ, задавать имъ шпкъ, покорять его обаяніемъ дамскія сердца; ему кажется, что вся жизнь его должна протекать въ «эмпирияхъ», какъ выра-

жается прапорщикъ въ письмѣ къ пріятелю, которое распечатываетъ любопытный почтмейстеръ въ «Ревизорѣ». Но увы! почти на первыхъ же порахъ эти фантастическія, эти наивныя мечты его разлетаются словно дымъ. Его гонять въ караулъ, гдѣ онъ чуть не задыхается въ сирадной и удушливой, пропитанной наркотическимъ запахомъ махорки атмосферѣ, его сажаютъ подъ арестъ за каждый неловко *отбитый* темпъ, за каждый неискусно сдѣланный поворотъ въ манежѣ, и — о ужасъ! снова заставляютъ зубрить!.. зубрить уставъ, правила аванпостной службы... наконецъ даже заставляютъ... пѣть!

— Извольте-съ, г. Мухояровъ, спѣть сигналъ: *въ галопъ!* говорить ему.

Ну, въ галопъ! въ поводья конь,

И шенкель ему въ бокъ!

Сбирайся, конь, совѣмъ въ клубокъ!

затягиваетъ Мухояровъ, но конфузится, краснѣетъ, фальшитъ ужаснѣйшимъ образомъ и наконецъ совѣмъ обрывается... Боже, что за мотивъ! Любой итальянецъ задохнется...

— Фальшь!

Но, боже правый! чѣмъ же пѣть, когда голосу нѣтъ?

— Позвольте просвистать? заикается Мухояровъ.

И снявши фуражку, вытянувшись въ струнку, какъ требуетъ субординація, онъ свистеть, свистеть, свистеть передъ экзаминаторомъ.

Такъ проходятъ почти два года среди лишеній всякаго рода, безъ всякаго комфорта, потомучто Мухояровъ, какъ и всѣ, скитается по деревнямъ, живетъ по курнымъ избамъ, задыхаясь отъ запаха канусты и бураковъ, среди копоты, грязи и прусаковъ, и только къ концу второго года отправляютъ его въ дивизионную команду, гдѣ въ былыя времена юнкеръ долженствовалъ изучить всѣ тонкости ружейныхъ приемовъ и маршировки, постичь всѣ таинства манежной верховой ѣзды, получить однимъ словомъ окончательную дрессировку, *militärische Dressur*, какъ говорится въ прусскомъ уставѣ о воинской службѣ, чтобы наконецъ быть удостоеннымъ производства въ офицеры. Определенный закономъ срокъ для выслуги въ юнкерскомъ званіи въ тѣ времена не значилъ ничего: вождѣлѣнный для юнкера моментъ представленія къ производству зависѣлъ сколько отъ степени знанія службы имъ, столько же, и даже всего чаще, отъ воли началь-

ства. Муки Тантага испытывалъ бывало бѣдный юнкеръ, *нижній чинъ*, въ оны дни, волнуемый ожиданіями, тревожимый сомнѣніями...

Мухояровъ вспомнилъ это тяжелое время, вспомнилъ жизнь свою въ казармахъ, нѣчто похожее на жизнь въ пансіонѣ гимназіи... Какъ въ пансіонѣ, рядкомъ стоятъ кровати; какъ въ пансіонѣ, въ извѣстное время должны всѣ ложиться спать; какъ въ пансіонѣ, должны вставать очень, очень рано. Правда, здѣсь нѣтъ колокольчика, но точно такъ же на зарѣ утренней, когда спится такъ сладко, и такъ сладко, какъ только можетъ спаться лишь въ молодые, юношескіе годы, раздается грубый, назойливый необразованный голосъ: «Господа, вставать! господа, вставать! Вставать, господа! вставать, господа! Вста-а-вать! Вставать! На ученье пора! на ученье пора! Вста-а-а-вать!»

Господи! что за противный голосъ у этого Голубця! Какъ безцеремонно, какъ начальнически покрикиваетъ этотъ усатый вахмистръ, этотъ професоръ маршировки и пріемовъ ружейныхъ, стражъ и аргусъ нравственности юнкерской!

Но и чай еще не готовъ. Юнкерская прислуга, имѣющая свое *locum stabile* въ другой казармѣ, еще нѣжится въ объятіяхъ сна, утомленная ночными схватками въ трынку, въ фильки и въ подкаретную, а между тѣмъ время бѣжить быстро, очень быстро.

— Господа, господа! выѣзди!.. снова раздается голосъ вахмистра, съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ и натискомъ на *о*.

Успѣвши или и не успѣвши проглотить наскоро стаканъ чаю и судорожно затянуться трубкою, всѣ спѣшатъ на сборный пунктъ, звякая тяжелыми солдатскими саблями, отягченные бременемъ панталеровъ съ карабинами, перевязей съ подсумками, въ тяжелыхъ солдатскихъ киверахъ. Сѣвши на коней, вся команда со страхомъ и трепетомъ ожидаетъ въ мапежѣ главнаго своего наставника.

-- Смиррррно! ровняйся! полковникъ иде! вскрикиваетъ Голубецъ

О какъ невѣроятно обтягиваются у всѣхъ каблуки книзу! Какъ усердно, какъ благонамѣренно вытягиваются физиономіи, какъ напряженно-туго, какъ добросовѣстно подбираются поводы!

.....
 — Смирно-сь! произноситъ наставникъ низкимъ басовымъ органомъ. — Извольте-сь, господа, взять посадку... плечи-сь развернуть... каблуки-сь обтянуть... поводья-сь подобрать.

— Справа-сь по одному, на двѣ лошади дистанціи, шагомъ, первый номеръ, — маршъ!

Начинается ѣзда. Съ математической точностью размѣренъ каждый шагъ лошади, каждый малѣйшій поворотъ, каждая полудержка. Мѣрно, стройно, какъ машина, какъ одно цѣлое движется смѣна.

— Ррысью! Ма-а-аршъ! командуетъ наставникъ своимъ благодушнымъ басомъ.

Подъ усиленнымъ дѣйствіемъ шенкелей, сытые коня, громко фыркая, горячо идутъ рысью, подобравъ крутыя шеи и высоко работая ногами, такъ что земля дрожитъ подъ мѣрнымъ топотомъ копытъ ихъ.

— Разъ-разъ-разъ-разъ, тропъ-тропъ-тропъ-тропъ! (1) приговариваетъ наставникъ, выбивая тактъ рукою по своей ляшкѣ, и легкая улыбка играетъ на устахъ, сквозь черныя лѣсъ усовъ и бакенбардъ его; въ сѣрыхъ орлиныхъ глазахъ его искрится радостное чувство.

— Музыка-сь, своего рода музыка-сь! шепчетъ онъ про себя, внимательно слѣдя за ходомъ смѣны. — Разъ-разъ-разъ-разъ! Вольты направо! вольты налево! Напра-во, на-задъ! раздается звучно уже басъ его, потрясая стѣны манежа.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Вотъ уже одинъ потерялъ дистанцію, а за нимъ и другой. Здѣсь кто-то поспѣшилъ сдѣлать вольтъ, а тамъ опоздалъ. У этого лошадь не подается впередъ, уходитъ отъ повода, а тотъ совсѣмъ выпустилъ поводья изъ рукъ, нагналъ товарищу на хвостъ, и за-сѣкъ ему коня.

— Стоооооо! вскрикиваетъ наставникъ.

«*Ко мнѣ!*» думаетъ съ трепетомъ каждый, потому что ни у одного почти совѣсть не чиста.

— Какой-сь вы губерніи? спрашиваетъ наставникъ, обращаясь къ кому-нибудь изъ виновниковъ преступленія.

— Такой-то, г. полковникъ.

(1) Trot — рысь.

— Страшно-сь! замѣчаетъ наставникъ: — губернія эта какъ извѣстно изобилуетъ многими хорошими предметами, производитъ отличный хлѣбъ, отменный скотъ, и... гм!.. такихъ-сь неспособныхъ людей! (forte) Извольте взять дистанцію-сь!.. Довольно-сь!

— Смѣна, маршъ!.. Больше рысь! больше рысь! разъ-разъ-разъ-разъ! Тропъ-тропъ-тропъ-тропъ, тро-о-опъ!..

— Мухояровъ-сь! вы-сь что опаздываете? Вотъ и дистанцію потеряли!.. О чемъ-сь вы думаете, спрашивается?.. Гм! въ какихъ предѣлахъ блуждаетъ мысль ваша? Разъ-разъ-разъ-ра-а-азъ!.. Какіе государственные вопросы рѣшаете вы въ настоящую минуту? Разъ-разъ-разъ!.. Министрамъ-сь это предоставьте! Разъ-разъ-разъ, тропъ-тропъ-тропъ!.. А сами покажѣсь углубитесь и мыслію вашею, и корпусомъ вашимъ въ сѣдло!..

— Ша-гомъ! Облегчить поводья, взять дистанціи, оправиться!

(Слѣдуетъ пауза.)

— Помните-же, господа, что я вамъ говорилъ о галопѣ. Плавно-сь, спокойно поднять лошадей! Не какъ-нибудь, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой! Сперва повернуть нѣсколько передѣ лошадей къ барьеру, внутренній поводъ взять къ себѣ, толкнуть наружнымъ шенкелемъ въ бокъ лошади, и въ то время когда лошадь поднимается, дать нѣсколько воли: поднялась — опять сейчасъ поводья на себя! Ноги-сь на подборъ, янѣ — каблуки къ низу, плечи развернуть, костей не выворачивать. Кажется-сь понятно?..

— Га-лопъ! Ма-а-аршъ! Ра-азъ! ра-азъ! ра-азъ!..

— Стооооойй!

Наставникъ язвительнѣйшимъ образомъ усмѣхается.

— А что, знаете-ли-сь вы русскую грамоту? спрашиваетъ оцъ, подходя къ какому-нибудь трепещущему субъекту, положимъ хоть къ Зарудному.

Молчаніе.

— Я васъ спрашиваю, знаете-ли вы русскую грамоту?

Что, спрашивается, отвѣчать на подобный вопросъ?

— Знаю, г. полковникъ.

— Сомнительно-сь! грамотѣ выучиться труднѣе, нежели поять, какъ поднимается лошадь въ галопъ. Да извольте-сь взять

правый поводъ къ себѣ! вскрикиваетъ наставникъ, облавая жертву свою взглядомъ горячимъ, какъ кипятокъ. — Вахмистръ! подъ арестъ его!

Мало-помалу crescendo, горячность наставника доходить до крайнихъ предѣловъ. Испуганныя крикомъ его лошади начинаютъ бѣситься, бѣздки конфузятся и теряются, и бѣзда принимаетъ самый возмутительный характеръ, начинаетъ представлять самое безобразное зрѣлище, какую-то толкотню, противную и взгляду и эстетическому чувству истиннаго кавалериста. Художникъ и артистъ на дѣлѣ, на практикѣ, поэтъ верховой бѣзды въ душѣ, наставникъ не въ силахъ долѣе переносить гнусной картины, профанирующей искусство. *Redonъ* зарѣзываетъ его въ конецъ.

— Всѣхъ подъ арестъ! въ манежъ! подъ замокъ! — И наставникъ быстро уходитъ къ себѣ на квартиру, возмущенный, потрясенный до глубины души.

Такъ проходятъ дни за днями года полтора еще. Какъ и прочіе, Мухояровъ отъ времени до времени сажается подъ арестъ, и для разнообразія — то въ казармѣ солдатской, то въ манежѣ, то для вящаго позора и въ назиданіе прочимъ въ лошадиномъ стойлѣ. Иногда сидитъ онъ одинъ, такъ—сказать изолируется, иногда въ избранномъ обществѣ, иногда цѣлая команда юнкеровъ запирается на весь день въ манежъ подъ замокъ. Въ особыхъ случаяхъ Мухояровъ деградируется и переводится въ «звѣринецъ», иносказательно — въ слабѣйшую смѣну по успѣхамъ въ бѣздѣ. Но всѣхъ чаще дѣлится участь эту съ Мухояровымъ Зарудный. Самъ острякъ—наставникъ прозвалъ ихъ «закадыками».

Въ одинъ изъ такихъ плачевныхъ дней, когда вся почти команда en masse сидѣла подъ арестомъ въ манежѣ, задыхаясь отъ страшной жары и духоты, совершилось наконецъ для узниковъ капитальнѣйшее и вождельнѣйшее событіе. Когда подъ вечеръ мѣстное общество собралось на городскомъ плацѣ, послушать игравшихъ тутъ же трубачей, произошло слѣдующее: мимо плаца, на карьерѣ, съ быстротою молніи пронесся сперва во весь духъ извѣстный цѣлому городу портной Мошка Перѣцъ; за нимъ слѣдомъ пролетѣлъ, какъ мечта, какъ сновидѣніе, другой портной, соперникъ Перѣца, жидъ Берко Маламетъ. За этимъ авангардомъ неслась съ развѣвающимися пейсами, помп-

нотно теряя свои шлепанцы, еще топая, издавая на бѣгу какіе-то неясные, неопредѣленные, пронзительные клики.

— Что случилось? Co to jest? Не пожаръ ли?.. Ach Jezus! Вустъ—нѣтъ? раздалось въ свою очередь въ толпѣ гуляющихъ. — Гевальтъ! подхватили жидки за барьеромъ плаца. Самъ городничій, который находился тутъ же, бросился въ погоню за бѣгущими. Въ его пылкомъ, наметанномъ воображеніи мигомъ успѣло уже зародиться и сформироваться нѣсколько идей самаго разнообразнаго, самаго цикантнаго свойства.

Между тѣмъ Мошка Перецъ продолжалъ летѣть какъ стрѣла. Онъ первый достигъ цѣли, и со всего размаха ударился кулаками въ дверь манежа.

— Панове! шановни панове! Веньшуге! Пгозгавямъ! Авансь паномъ вишедъ! вскричалъ онъ судорожно. — Вшыски панове, офицери терась! Допюро цомъ на почцѣ биль! Самъ почтмайстеръ повѣзлялъ! Анвалдъ пршишедъ! Зѣ Петербургу!.. Подъ хейримъ!.. На мое слово! Далибугъ!.. То я! я!.. Кравецъ!.. Мовше Пегрецъ!.. Я цанромъ мундури шить бандэ! Я первый пршилецлялъ!.. Нехъ панове бандон' ласкави!.. Нехъ жиѡн'!

Перецъ кричалъ, стучалъ кулаками въ дверь, задыхался... Потъ лился съ него градомъ, ермолка слѣзла на одно ухо, волосы стояли дыбомъ. Берко Маламетъ вторилъ ему съ такимъ же восторгомъ, съ такимъ же азартомъ, такъ же задыхался.

Спустя четверть часа самъ наставникъ съ сіяющимъ лицомъ, веселый и радостный прискакалъ верхомъ объявить заключеннымъ восхитительную новость. Онъ цѣловалъ и прижималъ къ богатырской груди своей счастливую молодежь.

— Мухояровъ! Зарулный! говорилъ онъ между прочимъ, пожимая имъ обомъ въ одно и тоже время руки. — Я нарочно хлопоталъ, ятобы васъ произвели въ одинъ и тотъ же полкъ. Я вѣдь знаю, что вы закадыки! Я всегда любилъ васъ искренно—съ!.. И вы, веѣ, господа, — продолжалъ онъ, обращаясь къ прочимъ. — забудьте—съ мою тиранію съ вами! Народъ—съ вы безпардонный. Иначе съ вами поступать нельзя было—съ! Строгъ я съ вами былъ для вашей же пользы. Покрайней—мѣрѣ теперь будете полезными, знающими свое дѣло офицерами. Всякій обязанъ любить ремесло свое и знать его въ совершенствѣ. Надѣюсь, что я совѣстливо исполнялъ все что отъ меня требовалось.

.....

Долго ликовала счастливая молодежь... Ликовала кондитерская, ликовалъ трактиръ, ликовалъ и Перэцъ, и Маламетъ, ликовали Рохли, Суры, Абрамки, Фрейды, Шмули, ликовалъ цѣлый городъ...

Съ этой счастливой минуты началась для Мухоморова и Заруднаго жизнь ежели не вполне независимая, то по крайней мѣрѣ все-таки болѣе самостоятельная. Въ новомъ полку ихъ приняли радушно и скоро полюбили. Они зажили вмѣстѣ, завели общее хозяйство, стали вмѣстѣ понтировать, вмѣстѣ закладывать банкъ, однимъ словомъ стали немыслимы одинъ безъ другого. Не споткнулась дружба эта и тогда, когда прихотливой судьбѣ угодно было бросить ихъ въ бездну почти безысходную, поставить лицомъ къ лицу передъ одной и той же женщиной. Невозмутимо, безъ ссоръ, безъ разговорокъ прошло десять лѣтъ. Наконецъ Зарудный уѣхалъ въ Петербургъ.

III

А Мухоморовъ сидѣлъ на своей завалинкѣ и все думалъ, думалъ... Много кой-чего припомнилось ему, много повторилось разныхъ событій — и серьезныхъ, и неважныхъ — въ его памяти, много пронеслось передъ нимъ знакомыхъ образовъ. Вспомнилъ онъ какъ когда-то, очень давно, въ Ливъ, на медвѣжьей охотѣ, самъ незная какъ это случилось, закололъ медвѣдя. Дѣло было такъ: Зарудный промахнулся по звѣрю, и тотъ бросился на него. Черезъ минуту онъ можетъ-быть сорвалъ бы съ него черепъ. Мухоморовъ не увидѣлъ свѣта, вскипѣлъ и ринулся съ кинжаломъ впередъ. Черезъ секунду звѣрь грохнулся мертвый. Мухоморовъ помнилъ только, что онъ ударилъ его подъ лопатку, да кажется раза два повернулъ кинжаломъ...

Пришолъ неволью на память Мухоморову и другой случай. Это было во время венгерской кампаніи. Непріятель, занявши городъ N., упорно отстаивалъ свою позицію. Нѣкоторые изъ жителей бѣжали изъ города проселочными путями въ горы, другіе искали спасенія въ лодкахъ, спускаясь въ нихъ по теченію Дунай

внизъ, большая же часть оставалась въ городѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Эти послѣдніе составляли особыя шайки, вродѣ гверильясовъ, съ цѣлью захватывать пѣвнихъ и раненыхъ и по возможности помогать войскамъ. Городъ во многихъ мѣстахъ уже пылалъ, загорѣвшись отъ выстрѣловъ артилеріи; гулъ канонады стоялъ надъ окрестностью, раздаваясь и повторяясь усиленными раскатами въ ущельяхъ горъ, разстилаясь протяжными звуками по волнамъ Дуная; бѣглый ружейный огонь сливался въ непрерывную дробь; тучи смраднато дыму и бурой пыли, поднятой на воздухъ движеніемъ войскъ, клубились кругомъ. После нѣсколькихъ приступовъ пѣхота наша однакоже ворвалась на штыкахъ въ городъ и потѣснила непріятеля вдоль по главной улицѣ. Въ тоже самое время нѣсколько небольшихъ отрядовъ кавалеріи послано было въ обходъ непріятелю по боковымъ улицамъ.

Построенный во взводныя колонны эскадронъ, въ которомъ было Зарудный съ Мухоморовымъ, смѣло несся на полныхъ рысяхъ по одной изъ такихъ улицъ. Вдругъ впереди зачернѣла густая масса и четыре непріятельскія орудія, прикрытыя двумя взводами венгерскихъ гусаръ, стали выдвигаться изъ переулка, глухо стуча тяжелыми колесами лафетовъ своихъ.

— Орудія! вскрикнулъ Мухоморовъ, обращаясь къ эскадронному командиру своему.

— Орудія! подхватилъ цѣлый эскадронъ, встрепенувшись точно отъ удара электрической машины.

— *Строй полуэскадроны!* гаркнулъ эскадронный командиръ.
— Въ карьеръ! маршъ-маршъ!

Эскадронъ понесся стремглавъ впередъ въ бурной атакѣ, въ тучахъ пыли, поднятой нѣсколькими сотнями конскихъ копытъ, яростно махая сабельными клинками въ воздухъ, привставши каждый на стременахъ, наклонивши корпусъ впередъ. Мухоморовъ выскакалъ впередъ изъ второго полуэскадрона передъ первый и понесся рядомъ съ Заруднымъ.

— Ребята! вскрикнулъ онъ, повернувшись на стременахъ, назадъ къ солдатамъ: — ребята! возьмемъ! — И онъ по-наполеоновски указалъ на орудія.

— Урраааа! похватилъ эскадронъ.

Вдругъ залпъ картечи изъ двухъ непріятельскихъ пушекъ обдалъ атакующихъ, и нѣсколько человекъ слегло съ лоша-

дей на всемъ скаку. Въ тоже самое время сзади орудіи выдвинулось еще цѣлыхъ два непріятельскихъ эскадрона.

— Обходить! обходить насъ! крикнулъ въ тоже мгновение кто-то въ заднемъ полуэскадронѣ. Съ полбатальона гонимовъ, въ своихъ коричневыхъ венгеркахъ съ красными шарфиками, дѣйствительно бѣжали бѣглымъ шагомъ изъ сосѣдней улицы, приходившейся во флангъ эскадрону. Раздался другой ужасный залпъ и тоже вырвалъ нѣсколько жертвъ, но уже оба полуэскадрона, смѣшавшись и разстроившись, быстро повернули коней и еще быстрѣе понеслись на уходъ. Бой былъ бы уже безуміемъ⁽¹⁾. Венгерскіе гусары сами выдвинулись изъ-за орудіи и тронулись рысью впередъ.

Теперь Мухояровъ скакалъ уже сзади всего эскадрона, не покидая однакожъ Заруднаго и только повременамъ оборачивая голову назадъ, въ томъ же вихрѣ бурной пыли, тучами кружившейся надъ несущимся, въ позорномъ безпорядкѣ, эскадрономъ, въ страшномъ хаосѣ среди гула, топота, крика, ругательства.

Вдругъ снова грянулъ сзади пушечный выстрѣлъ, и пронзительный, дьявольскій свистъ ядра раздался въ воздухѣ почти около самого уха Мухоярова. Онъ инстинктивно нагнулся, почти совсѣмъ припалъ на сѣдельную луку и почти безсознательно прищипнулъ сильнѣе копы, и въ ту же секунду послышался ему около него глухой ударъ...

Онъ обернулся. Заруднаго... подлѣ него уже не было!

Въ ужасѣ вскрикнулъ онъ, но никто не слышалъ его голоса эскадронъ мчался словно буря. Мухояровъ обезпамятѣлъ. Съ страшной, невѣроятной силою онъ дернулъ расказакавшагося во весь махъ коня своего, сразу посадилъ назадъ, поднялъ на дыбы, чуть не опрокинулъ его, потомъ круто повернулъ и въ какомъ-то забытій поскакалъ назадъ.

Смертельно раненный ядромъ, конь Заруднаго бился въ предсмертныхъ судорогахъ во прахѣ на землѣ, навалившись всею тяжестью тѣла своего на Заруднаго, который едва-едва, и то послѣ невѣроятныхъ усилій, успѣлъ освободиться изъ-подъ него въ ту самую минуту, когда Мухояровъ подскочилъ къ нему. Уже нѣсколько человекъ венгерскихъ гусаръ, отдѣлившись отъ при-

(1) Nec hercules contra plures! (Примѣчаніе поддѣнное.)

крытія, быстро приближались къ нимъ, съ дымлящимися трубками въ зубахъ, съ саблями наголо, на горячихъ скакунахъ своихъ; нѣсколько пѣхотинцевъ тоже бѣжали сюда, держа ружья на вѣсу, и были уже такъ близко, что можно было кажется разсмотрѣть каждую черту смуглыхъ, загорѣлыхъ лицъ ихъ; появилось нѣсколько гверильясовъ съ звѣрскими фizioноміями, прицѣливаясь на бѣгу въ Мухоярова и Заруднаго карабинами, махая кривыми широкими саблями, съ неистовымъ воплемъ, съ страшнымъ національнымъ ругательствомъ на устахъ. Зловѣщее кровожадное *бассамо* рвалось изъ груди ихъ. Надежды на спасеніе не оставалось почти никакой: они въ плѣнъ не брали, а если брали, то все-таки не всегда щадили жизнь несчастныхъ.

— На стремя! на стремя ко мнѣ! успѣть только крикнуть Мухояровъ оглушонному паденіемъ, почти раздавленному лошадию Зарудному. Двѣ пули взвизгнули надъ головою его и одна изъ нихъ пронизала шею его лошади.

Кровь брызнула изъ равы, и «Бородино» взвился было на дыбы, но Мухояровъ наклонился съ сѣдла и ухватилъ Заруднаго за руку... Послѣдній кое-какъ уцѣпился другою рукою за переднюю луку и всунулъ ногу въ стремя Мухоярова. Мухояровъ помогъ ему подняться, почти перебросилъ его поперегъ сѣдла, в обхвативши его рукою, понесся прочь. Бородино, съ своей двойною ношею, несмотря на рану, летѣлъ во всѣ лопатки. Еще нѣсколько пуль просвистало въ догонку за ними, но они были уже внѣ опасности.

Но здѣсь мы готовимъ для читателя сюрпризъ совершенно неожиданный.

Идиллическое и благодушное настроеніе духа поручика Мухоярова, въ которомъ мы застали его въ началѣ рассказа нашего, мало-помалу начало принимать сперва нѣсколько грустный оттѣнокъ, а потомъ по всему, до сихъ поръ веселому лицу его стало разливаться какое-то особое выраженіе неудовольствія — и причина тому все-таки онъ, Зарудный, онъ самый, закадыка Мухоярова... Зарудный въ Петербургѣ, Зарудный наслаждается жизнью, слушаетъ оперу, производитъ громъ и молнію на Невскомъ проспектѣ и совершенно забылъ даже думать, что гдѣ-то тамъ, на заваленкѣ, далеко-далеко отъ него, груститъ и сокрушается бѣдный Мухояровъ. Правда, онъ писалъ мѣсяца четыре тому назадъ. Но чтоже это за письмо!..

Мухояровъ сталъ приподнимать фразы этого письма и задумался еще болѣе...

IV

ПРАЗДНЫЕ РЪЧИ

Долго бы можетъ-быть Мухояровъ предавался обуювшимъ его мрачнымъ мыслямъ, еслибы вдали не показалась тучная фигура полкового штабъ-лекаря, и только тутъ физиономія его какъ-будто нѣсколько прояснилась. По обычаю, онъ даже слегка заплѣлъ было на голосъ *августина*: «Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» — формула, своего рода *походъ*, которымъ всѣ и всегда обыкновенно привѣтствовали достойнаго медика.

Опираясь на характеристическую, цѣлому полку извѣстную, изъ кизилѣваго дерева, съ внушающимъ уваженіе набалдашиникомъ, клюку, вздергивая ногою, какъ это бываетъ у лошадей со шпатою, почтенный штабъ-лекарь медленно подвигался впередъ вдоль улицы, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Издалека еще Мухояровъ могъ разсмотрѣть знакомую всѣмъ, постоянно веселую улыбку, игравшую на полномъ, добродушномъ лицѣ Александра Матвѣича, обрамленномъ густыми, акуратными, напомаженными розовою помадою бакенбардами. Въ лѣвой рукѣ у него, по неизмѣнному обычаю, была трубочка съ коротенькимъ черешневымъ чубучкомъ, изъ которой онъ курилъ на ходу; на пуговицѣ сертука болтался кисеть съ табакомъ Жукова. Александръ Матвѣичъ былъ между прочимъ что-называется старовѣръ, и курилъ табакъ только жуковскій, и ни турецкаго, ни папирозъ, ни даже сигаръ терпѣть не могъ, хотя былъ отчасти и нѣмецъ; впрочемъ онъ былъ нѣмецъ русскій, воспитанный на русскихъ щахъ, на русскомъ квасѣ да на гречневой кашѣ. Онъ шолъ, какъ говорится, съ трудомъ побѣждая пространство и какъ-будто приступомъ бралъ каждый шагъ земли, пыхтя и отдуваясь, такъ что Мухояровъ, глядя на него, совсѣмъ наконецъ расхохотался.

— Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте, здрав-

стауйте! задръль онъ окончательно, когда тотъ подошелъ совсѣмъ близо.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! отвѣчалъ докторъ скороговоркою и быстро закивалъ головою въ отвѣтъ на привѣтствіе Мухоморова. — Что вы сидите дома? Отчего не гуляете? Грѣшно! Боже, что за воздухъ, что за вечеръ! Роскошь, наслаждение! Просто пѣть хочется... *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus!*

И докторъ задръль въ свою очередь, сдѣлалъ какой-то невѣроятный жестъ своею дубинкою и даже рѣшился было подпрыгнуть, выкинуть кривою ногою своею какое-то легкое, граціозное движеніе.

— Хорошъ *juvenis!* замѣтилъ Мухоморовъ шутя и хватая штабъ-лекаря за руку: — лысь, съ брюхомъ, въ ногахъ шпать, въ бракъ пора...

— *Eheu, fugaces labuntur anni!* снова воскликнулъ было Александръ Матвѣичъ патетическимъ тономъ.

— Да полно-те вамъ съ вашей латынью! Что вы пыль-то въ глаза пускаете? Садитесь-тко лучше. Хотите чаю?

— Съ ромомъ?

— Разумѣется!

— Къ вашимъ услугамъ!

Докторъ сѣлъ, хлебнулъ пуншу и началъ молотъ всякій вздоръ.

— Долженъ я замѣтить вамъ, г. поручикъ, говорилъ онъ шутя, — что вы не уважаете ни моего сана, ни доблестей моихъ, надѣваетесь надо мною... Вы, я вижу, не въ духѣ.

— Ваша правда, докторъ, вы угадали.

— А, не въ духѣ! Соли англійской въ такомъ случаѣ примите! Какъ рукой сниметъ, ручаюсь вамъ. *Verbum nobile!* Какъ честный офицеръ! Да и отчего же вы не въ духѣ? Можно-ль быть не въ духѣ, когда — посмотрите какъ прекрасенъ божій міръ! Какъ цвѣтеть все вокругъ! — И Александръ Матвѣичъ быстро ткнулъ булавою своею перпендикулярно къ небу, описалъ ею въ воздухѣ вольтъ, потомъ такъ же быстро махнулъ ею горизонтально на-отмашъ вправо, махнулъ влѣво. — Оловянными глазами, безъ участія, безъ восторга смѣтрите на природу вы, замѣчаю я! заключилъ онъ, и снова хлебнулъ изъ стакана.

— Все нѣтъ! возразилъ было Мухоморовъ.

— Ну так водки пьете много! Не пейте, кровавые шарики разлагаеть бестія!.. Съ чаемъ крѣпкимъ мѣшайте ее. Для задору капелекъ мятныхъ прибавить можно; самъ я такъ дѣлаю!

— Ахъ, перестаньте! Вы знаете, что я этой дрянн терпѣть не могу.

— Такъ отчего-жъ? Долги чтоли сокрушаютъ васъ? И это вздоръ! Все ничто противъ вѣчности!..

— И не долги!..

— Пособить можно. Хотите дамъ денегъ займы? Хотите? Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Со мной какъ съ воскомъ! Хотите? — настойчиво допрашивалъ штабъ-лекаръ Мухоморовъ, вопросительно глядя ему въ глаза.

— Отвяжитесь! отвѣчалъ Мухоморовъ. — Да и что вы такъ расщедрились? откуда у васъ быть деньгамъ-то?

— Какъ откуда? Больныхъ діетою лечу. Славная, скажу вамъ, метода! Въмѣсто говядины растительной пищей питаю ихъ, благо теперь лѣто. А то гусями кормлю, съ нихъ пухъ щиплю, да жидамъ на бебехи продаю! Просто калифорнія, se qu'on appelle!

— Полноте врать! сказалъ съ укоромъ Мухоморовъ: — ну что у васъ за страсть вѣчно клеветать на себя? Сами себѣ врите!

Александръ Матвѣичъ плутовски улыбался. Онъ дѣйстви-тельно имѣлъ страстишку врать, взводить на себя небывицы, единственно ради краснаго словца, и благодаря веселому характеру своему, способности къ неистощимой болтовнѣ, былъ сокровищемъ въ полковомъ кружку. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые никогда почти не старѣются, всегда всѣмъ довольны, ничего не ищутъ, ничего особеннаго не добиваются.

— Не хотите денегъ? Такъ что же вамъ нужно? «Скажи о чемъ твое мечтанье въ полуночной тиши?» продекламировалъ онъ, проглотивши чуть не полстакана пуншу и пуская изъ черешневаго чубучка своего струю дыму.

— А вѣдь вотъ полковой праздникъ не за горами! продолжалъ онъ: — полковой праздникъ, понимаете ли, всѣмъ праздникамъ праздникъ! Такъ-сказать именины полка, а пожалуй и сердца, какъ говоритъ Гоголь. У меня ужъ и больные на выписку просятся. «Да погодите, говорю, дурии; вамъ еще вы-

здоровѣть нужно!» Куда тебѣ! Ваше благородіе, говорятъ, вѣдь пироги печь будутъ!

И долго еще весельчакъ штабъ-лекаръ болталъ безъ умолку, восхищался природою, укорялъ Мухоярова въ хандрѣ, совѣтовалъ ему или влюбиться, или привяться за какой-нибудь дѣловый трудъ; импровизировалъ нѣсколько анекдотовъ, заявилъ о своемъ непреложномъ (конечно на словахъ только) намѣреніи — завтрашній же день посѣчь какого-то Чебатуру («отечески посѣчь его, каналю!»), сапожника, состоявшаго въ качествѣ профессора при лазаретѣ; объяснилъ тутъ же, со всѣми филологическими приемами, происхождение слова профессоръ (въ просторѣчьи — прохвость) отъ латинскаго pro fossa, высказалъ нѣсколько цитатъ; однимъ словомъ протараторилъ битыхъ два часа — въ заключеніе велѣлъ подать себѣ водки и сталъ прощаться наконецъ съ Мухояровымъ.

— Ахъ да! я и забылъ сказать вамъ: Зарудный возвращается въ полкъ! Слышали вы? сказалъ онъ.

— Какъ! Неужели? Отъ кого вы слышали? Быть не можетъ! воскликнулъ вдругъ Мухояровъ, оживившись — Вѣдь онъ же хотѣлъ переходить въ гвардію? въ отставку хотѣлъ выходить?

— Нѣтъ, возвращается въ полкъ; къ полковому празднику непременно будетъ здѣсь. Писалъ къ квартирмейстеру, самъ и письмо читалъ я.

— Неужели? Не можетъ быть! Ахъ докторъ, разбойникъ! чтоже вы до сихъ поръ молчите? — И Мухояровъ буквально бросился на шею къ Александру Матвѣичу.

Мы непременно обязаны объяснить этотъ сердечный порывъ нашего героя. Хотя Мухояровъ никогда не былъ особенно требователенъ, но все-таки на него какъ-то странно подѣйствовалъ тотъ письма Заруднаго, которое онъ получилъ четыре мѣсяца тому назадъ. Зарудный писалъ въ этомъ письмѣ, что обстоятельства его принимаютъ хорошій оборотъ, именно — что онъ получаетъ славное наслѣдство, что по этому случаю можетъ-быть въ полкъ не воротится, а подастъ тамъ же, въ Петербургѣ, въ отставку, и при первой возможности надѣется поѣхать за границу или можетъ-быть даже для карьеры перейти въ гвардію. О томъ, жаль ли ему расстаться съ нимъ, Мухояровымъ, Зарудный не говорилъ ни слова. Онъ даже не

спрашивалъ совѣта у Мухоморова, не интересовался узнать что онъ, какъ онъ, а писалъ только о себѣ, о своихъ собственныхъ видахъ, о своихъ идеяхъ, тогда какъ прежде все у нихъ было общее. Когда-то, строя воздушныя замки насчетъ своей будущности, они и въ будущемъ всегда видѣли себя вмѣстѣ, неразлучно; существовало даже что-то вродѣ условія, что чья бы судьба ни измѣнилась прежде къ лучшему, друзья разстаться не должны. Зарудный даже не говорилъ объ удовольствіи побѣдки за границу вмѣстѣ съ Мухоморовымъ, тогда какъ въ былыя времена это была самая лучшая, самая завѣтная мечта ихъ, и въ Мухоморѣ мечта эта доходила до маниі. Еслибъ только было возможно, онъ бы кажется пѣшкомъ, съ котомкой за плечами, готовъ былъ пройти не только всю Европу, но даже Азію, Африку, Америку, весь свѣтъ однимъ словомъ. И Зарудный хорошо зналъ объ этомъ.

Подъ дѣйствіемъ именно этихъ-то самыхъ мыслей Мухоморовъ, сидя на завалинкѣ своей, все сильнѣе и сильнѣе затягивался дымомъ сигары своей. Что-то непонятное, тяжелое и скорбное начинало шевелиться въ его немножко капризномъ сердцѣ — и непрощенный скептицизмъ нагло и насильно сталъ вторгаться въ это романтическое сердце... Онъ невольно сперва заподозрилъ Заруднаго въ себялюбіи, потомъ разсердился на себя за это же самое чувство. Одну минуту ему показалось даже, что въ душѣ его загомосилось что-то дотога похожее на зависть къ новой, лучшей судьбѣ Заруднаго, что онъ возмущенъ душою, внутренне вознегодовалъ на себя; гадокъ и отвратителенъ показался ему собственный эгоизмъ свой. Появленіе штабъ-лекаря, какъ мы видѣли, прервало потокъ этихъ идей.

Зато теперь Мухоморовъ чуть не залушилъ штабъ-лекаря.

— Что вы, что вы? Экъ обрадовались! Точно въ штабъ-ротмистры произведены! Точно дядя богатый у васъ умеръ! Что съ вами? говорилъ онъ, съ трудомъ защищая туловище свое отъ натиска Мухоморова: — да тише вы! пощадите! сердукъ разорвете!

— Что сердукъ! Зарудный возвращается въ полкъ, въ отставку не выходитъ, къ полковому празднику будетъ здѣсь! Ээй! Кожемяка!

Мухоморовъ просто задыхался отъ радости.

— Александръ Матвѣичъ! дражайшій, возжеленнѣйшій! говорилъ онъ: — уиѣ теперь в васъ на пунку! Вы должны просидѣть у меня всю ночь! Будеть, шамловство, пьянствовать на радостяхъ! Вѣдь это, я вамъ скажу, событіе! Вы не знаете какой дорогой для меня человекъ Зарудный! Ахъ да! Кожемяка! валяй къ Вульфѹ: шампанскаго сюда, живо! Маршь-маррршь! Докторъ! Эскулацъ!

— Что угодно, г. Марсъ?

— Еще безе!

И Мухоморовъ снова обхватилъ штабъ-лекаря, влѣпилъ ему звучное безе въ румяныя уста его, поцѣловалъ въ одну благоухающую розовою помадою бакенбарду, въ другую...

V

Они просидѣли далеко за полночь. Мухоморовъ сталъ советѣмъ другимъ человекѣмъ. Рѣчь его полилась настоящимъ потркомъ. Всего больше толковалъ онъ разумеется о Зарудномъ, рассказывалъ всѣ мельчайшія подробности общей съ нимъ жизни, которую мы передали лишь въ общихъ чертахъ; казалось онъ помолодѣлъ, посвѣжѣлъ отъ этихъ воспоминаній, сталъ чѣмъ-то вродѣ самаго юнаго корнета. Шампанское и искреннее чувство привязанности къ Зарудному кипятили ему кровь, повергали его въ экзальтацію.

Докторъ покутилъ—таки формальнымъ образомъ. Сначала онъ тоже импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи, рассказывалъ про своихъ товарищей по академіи, повѣствовалъ, какъ, будучи студентомъ, давалъ уроки танцованія въ Петербургѣ, гдѣ-то на островахъ, рассказывалъ о своихъ интрижкахъ, развивалъ разныя теоріи, но подконецъ сталъ уже завираться, вутаться, протаворѣчить и себѣ, и Мухоморову.

— Дружба — легкій пылъ похмѣлья! брякнулъ вдругъ онъ, увлекшись своею наклонностью къ цитатамъ, въ отвѣтъ на разглагольствованія Мухоморова, и невольнѣ уже понимая что тотъ рассказываетъ.

• Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,

• Кто на три года въ даль уѣдетъ! •

продолжалъ онъ коснѣющими языкомъ и брота свою лысину.
— Грибоѣдовъ безсмертный!.. такъ... сказалъ!..

— Чтожъ, вы не вѣрите моей дружбѣ?! Не вѣрите тому, что я вамъ рассказываю? горячо заговорилъ Мухояровъ.

— Нѣтъ!.. вѣрю!.. вѣрю!.. Не про васъ я говорю!.. васъ я знаю!.. бормоталъ штабъ-лекаръ, чувствуя смутно, что сказалъ вздоръ, и желая поправиться — Я такъ только... къ слову... Зарудный малый чудесный... Ессе homo!.. А боюсь... боюсь-таки за него.

— Чего боитесь? спрашивалъ Мухояровъ, заинтересованный этими словами.

— Да мало ли чего? Тамъ, въ Петербургѣ... (и Александръ Матвѣичъ внушительно посмотрѣлъ посоловѣлыми глазами на Мухоярова) въ Петербургѣ, знаете... свѣтъ... относительно-сказать нѣкоторое поле жизни... какъ говорить Гоголь. — Докторъ махнулъ рукой.

— Такъ чтожъ изъ этого?

— Какъ что?.. Наслѣдство получилъ большое, сказываете вы... продолжалъ штабъ-лекаръ, медленно и съ разстановкою: — почему знать?.. Испортился... совратился можетъ-быть... Фанаберин набрался...

— Вздоръ!

— Съ аристократами знакомъ... говорите вы... а вѣдь это, батюшка... Фю-фю-фю!.. — Александръ Матвѣичъ засвисталъ.

— Какъ? Что такое? Что вы плетете, дражайшій? говорилъ Мухояровъ, выпучивши на него глаза. — Что вы путаете? аристократы — фю-фю-фю!..

— Д-да! вскрикнулъ Александръ Матвѣичъ и съ демократическимъ азартомъ стукнулъ кулакомъ по столу. — Да! гордецы!.. эгоисты холодные!.. Plebs... regum novarum... то есть не то... gloriae et... pecuniarum... et cetera... et cetera... avida!.. Да! совратится... падеть... Надымните этимъ тлетворнымъ воздухомъ!.. Этими мизмами!.. se qu'on appelle!..

И штабъ-лекаръ злобно проглотилъ еще дѣлный стаканъ шампанскаго. Онъ не замѣчалъ того, что безсвязныя рѣчи его глубоко достигаютъ до сердца Мухоярова.

— Полноте, говорилъ въ свою очередь послѣдній: — полноте! За кого же вы въ самомъ дѣлѣ принимаете Заруднаго? Что онъ,

ребенокъ чтоли по-вашему?.. Фать, чтоли омъ какой?.. Вѣдь слава-богу не первый годъ его знаетъ!..

— Говорю вообще... примѣры бываютъ, говорю я... Правду говорю... Verbum veritatis... Святий чтоли омъ?.. Гуси... ручаться нельзя... Eggero hyspanum est!.. заключилъ штабъ-лекаръ, утверждая на столѣ кулакъ и поникнувъ на немъ отяжелѣвшею головою.

Мухомровъ горячо отстаивалъ Заруднаго во мнѣнїи своего подгулявшаго собесѣдника, но все-таки скептическія и задорныя рѣчи послѣдняго невольно западали ему въ душу и онять водилималн рой только-что недавно успокоившихся было мыслей, и когда наконецъ достойный медикъ совѣсь уже ушелся во-своелъ, разумѣется подъ прикрытіемъ Кожемяки, Мухомровъ долго еще сидѣлъ на завалинкѣ опустивши голову, думая богъ-знаетъ о чемъ...

VI

ВСТРѢЧА

Наступилъ полковой праздникъ. Еще наканунѣ его собрались въ полковой штабъ не только всѣ офицеры этого полка, но пенаѣхало множество гостей и изъ другихъ полковъ той же дивизїи. Деревня Нечаевка, въ которой происходили всѣ описываемыя нами событія, оживилась. Тамъ и сямъ по улицамъ ея мушкетеры и солдаты проваживали взмыленныхъ лошадей въ хомутахъ, а съ разныхъ концовъ ея, отъ вѣздозъ, то и дѣло проносились съ колокольчиками и бубенчиками пары, тройки и четверки съ новыми врізжими; еновали на рыскахъ лихорадочной побѣжкой взадъ и впередъ по улицамъ равныя личности въ длиннополыхъ кафтанахъ, съ корзинами въ рукахъ, перекидываясь на бѣгу отрывистыми фразами: «Ребе Абрррумъ?» — «Вуеъ-вѣтъ?» — «Вуеъ брингентъ-зи?» — «Ди-бутальмесь!».. На командирской кухнѣ шла усиленная работа... По избамъ же и на волюномъ воздухѣ, подъ стѣною деревьевъ, уже составилось множество партїй въ ералашъ и преферансъ. Кое-гдѣ уже и металн и повтаревали, а въ одной шибѣ, несмотря на страшный моръ и духоту, невашугну уже разцарался дѣлбажонъ.

Мухоморовъ однакожь участія въ игрѣ не принималъ. Съ самаго утра онъ былъ въ какомъ-то безпокойствѣ, ни гдѣ не могъ посидѣть долго на одномъ мѣстѣ и пошинуто выбѣгать на улицу, устремляя взоры вдаль на почтовую дорогу, приглядываясь, не ѣдетъ ли дорогой желанный гость, и всякій разъ, когда на ней показывалось что-нибудь похожее на экипажъ, онъ почти бѣгомъ бѣжалъ навстрѣчу вплоть до самой околицы, задышался отъ усталости и отъ душевныхъ ощущеній. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ: приказалъ засѣдлатъ себѣ лошадь и поѣхалъ изъ деревни.

Черезъ три часа, онъ возвратился, но одинъ... Сильный темногнѣдый жеребецъ его словно выкупался въ рѣкѣ. Ручьи потекли по дрожавшимъ ногамъ его, какъ только Мухоморовъ оставилъ его у квартиры своей, чтобъ сойти съ сѣдла.

Еще черезъ часъ — Мухоморовъ сидѣлъ уже на другомъ конѣ и снова скакалъ усиленнымъ, растяжнымъ галопомъ по большой почтовой дорогѣ, вздымая за собою клубы пыли, въ развѣвающимся бѣломъ кителѣ, накинутомъ на-опашъ, раскраснѣвшись, разгорѣвшись отъ зноя, отъ нетерпѣнія, варварски и безпощадно прищипывая вѣскогда могучаго; а теперь ослабѣвшаго отъ трудовъ и старости, знакомаго намъ «Бородино». Разъ онъ споткнулся, взорвалъ носомъ землю. Мухоморовъ еще всадилъ ему шпоры въ скривленные бека, и — ударилъ хлыстомъ...

А Зарудный все-таки не ѣхалъ... Мухоморовъ вернулся на измученномъ конѣ, когда уже стало садиться солнце. Онъ бросилъ поводья вѣстовому своему и въ шиеможеньи повалился на вѣрохъ соломы, лежавшей подлѣ конюшни... Въ этотъ день онъ позабылъ даже обѣдать.

Передъ самымъ вечеромъ однакожь, запыленный дорожный тарантасъ остановился у воротъ одной офицерской квартиры, на авалиникѣ которой собрался еще прежде довольно большой кружокъ.

— Ахъ боже-мой, Зарудный, Зарудный! наконецъ-то! радѣлось нѣсколько десятковъ радостныхъ восклицаній. — Здравствуй, братъ!.. Здоровъ ли? — И толпа почти на рунахъ вынула его изъ тарантаса. Потомъ, какъ водится, онъ сталъ переходить изъ объятій въ объятія...

Возвращеніе товарища изъ долговременной отлучки всегда въ полкахъ составляетъ важное, капиталное и радостное собы-

тіе. Его обнимали и цѣловали, закидывали вопросы... Маленькій, кудреватый корнетикъ изъ черкесовъ. Сулейманъ-Оглы Кирсановъ, ликовалъ, прыгалъ на одной ножкѣ, разорвалъ себя шпорою сапогъ и въ заключеніе бросился бѣжать, повѣстивъ всѣмъ о пріѣздѣ Заруднаго.

А Мухоморовъ между тѣмъ продолжалъ лежать въ забытій на кучѣ соломы... Кровь его начала обращаться спокойнѣе и онъ погрузился—было въ легкую дремоту.

— Баринъ! а баринъ! окликнулъ его Кожемяка. — Поручикъ Зарудный пріехалъ!

— Какъ? Пріѣхалъ? Гдѣ, гдѣ онъ? воскликнулъ Мухоморовъ, въ минуту очнувшись и быстро вскакивая на ноги. И онъ бросился бѣгомъ къ своей квартирѣ.

— Та-ни! та-ни! Не въ насъ!.. Вои у Курпашевича! кричалъ бѣгучи за нимъ въ догонку Кожемяка.

VII

Рассказывать ли, что происходило въ первыя минуты, когда Мухоморовъ увидѣлъ Заруднаго?.. Мы и такъ чувствуемъ, что эта ваша простая впрочемъ исторія отчасти смахиваетъ на мелодраму. Но конечно виноваты въ этомъ не мы, а онъ, романтикъ и поручикъ Мухоморовъ. Просимъ не забыть, что дѣйствіе происходитъ не въ Петербургѣ, а гдѣ-то тамъ, въ Нечаяскѣ, однимъ словомъ въ глуши, въ степи; что герой нашъ не блестящій, сдержанный столичный *comme il faut*, а наивный и увлекательный, несмотря на рангъ стараго поручика, степной артецъ...

Итакъ не будемъ описывать тѣхъ неудержимыхъ порывовъ радости свиданія, на которые такъ смѣшно всегда бываетъ смотрѣть человѣку постороннему, прямо и лично въ дѣлѣ незаинтересованному; скажемъ только, что Мухоморовъ въ первыя минуты не давалъ сказать никому ни слова. Онъ засыпалъ Заруднаго вопросами, и не ожидая отвѣта предлагалъ ему новыя, и скоро сообщалъ ему обо всемъ что случилось въ полку во время его отсутствія, и некончивши рассказа, принимался обнимать и прижимать къ себѣ Заруднаго, такъ крѣпко, такъ горячо, такъ радостно, какъ только могутъ обниматься послѣ долгой разлуки

добрые друзья армейскіе поручики... Несмотря однакожь на дружескій азартъ, онъ замѣчалъ вскользь, что въ дорогомъ приятелѣ его было что-то новое, что въ немъ была какая-то перемѣна, что въ его отвѣтахъ на ласковыя изліянія сердечной радости Мухоярова проглядывала какая-то сдержанность, что отъ него въяло какою-то особою, такъ-сказать петербургскою атмосферою, что въ самомъ тембрѣ голоса его было тоже что-то особенно внушающее, что въ манерахъ явилось что-то до-недѣля изыщное, гвардейски-утонченное.

Но Мухояровъ никакого особаго значенія этому не придавалъ. Какое ему было дѣло до всего этого? Какое дѣло ему до какихъ-то тамъ манеръ?.. Какъ-будто въ этомъ заключается какое-нибудь особое достоинство, добродѣтель!.. Въ порывѣ сердечной радости онъ тарантилъ безъ умолку, безпрестанно то вскакивалъ съ мѣста, то опять садился на заваленку, и опять вскакивалъ, оттапывалъ то тому, то другому ногу, извинялся...

— Э! да ты, братъ, смотришь настоящимъ гвардейцемъ! болталъ онъ громко, обращаясь къ Зарудному. — Воображаю, каково тебѣ въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ! Что? рисовался?.. рисовался, небось!.. А?.. Признайся!..

Радость отняла у него рассулокъ. Онъ самъ чувствовалъ, что болтаетъ вздоръ, но никакъ не могъ удержать языка своего. Онъ забылъ, что здѣсь были люди пріѣзжіе, яужіе, что еслибы были и свои только, то многіе въ отношеніяхъ несовсѣмъ короткихъ ни съ нимъ, ни съ Заруднымъ; забылъ, что слишкомъ фамильярное обращеніе не всегда бываетъ умѣстно — однимъ словомъ онъ повелъ себя не довольно прилично... Последнія слова его немного покоробили Заруднаго, но вдругъ Мухояровъ снова разразился хохотомъ,...

— Это что у тебя? Покажи-ко! покажи-ко?.. вскрикнувъ онъ, увидѣвши на груди Заруднаго изыщный лорнетъ, болтавшійся на черненькомъ шиурочкѣ. — Это что? Стеклышко? Ха-ха-ха!.. Вотъ это новость! Вотъ это новость! Ахъ ты фатъ!.. Ахъ ты фатъ петербургскій!.. продолжалъ онъ снова заливаясь смѣхомъ и уже окончательно смахивая на Нодрева... — Господа! посмотрите-ко что за штука у Заруднаго!.. Душа моя, брось эту галость!.. Фи!.. брось ее!.. заключилъ онъ какъ-то друшительно.

И только тутъ замѣтилъ Мухояровъ, что зашолъ уже черезчуръ далеко, что ужъ слишкомъ увлекся безцеремонностью обращенія. Онъ увидѣлъ, что Зарудный покраснѣлъ и бросилъ на него нето изумленный, нето сердитый взглядъ, между тѣмъ какъ большая часть молодежи, увлеченная примѣромъ Мухоярова, тоже разразилась хохотомъ, и конечно безъ всякой задней мысли, обидной для самолюбія Заруднаго.

— Душа моя, Зарудный! заговорилъ онъ, хватая его за руку и начиная неловко оправдываться, чѣмъ еще больше увеличилъ его смущеніе. — Извини, братъ! Вѣдь это я такъ... шутя сказалъ... Ты не сердись, братъ! — Мухоярову стало совѣстно, что у него кто его знаетъ какъ сорвалось съ языка, выскочило, по выраженію Гоголя, точно воробей слово, обидное даже и для истиннаго фата. — Не сердись же пожалуста! говорилъ онъ, отставая отъ Заруднаго. Но тотъ какъ-то холодно высвободилъ отъ него свою руку, какъ-то холодно сказалъ: «довольно!», какъ-то холодно отвернулся и началъ съ Курнашевичемъ разговоръ о Петербургѣ. Курнашевичъ въ свою очередь тоже безмолвно смѣрялъ изумленными глазами Мухоярова.

Всѣмъ этимъ герой нашъ былъ сконфуженъ еще болѣе, нежели собственной своей выходкой. Во весь этотъ вечеръ онъ былъ очень целовокъ, какъ нарочно наступалъ всѣмъ на ноги, но уже извиняться позабывалъ... Нѣсколько разъ принимался онъ заговаривать съ Заруднымъ, съ искреннимъ желаніемъ изгладить свой промахъ, но уже въ рѣчахъ его не было и тѣни прежней веселости. Зарудный отвѣчалъ ему какъ-то вяло, неохотно; видно было, что или онъ очень усталъ отъ дороги, или что непріятное впечатлѣніе, произведенное на него грубой выходкой Мухоярова, несовсѣмъ еще изгладилось — и Мухояровъ въ свою очередь замолчалъ окончательно. Подъ шумъ общаго живого разговора онъ во всѣ глаза сталъ смотрѣть на Заруднаго, и кто знаетъ какія мысли засновали опять въ мозгу его...

— Неужели же штабъ-лекаръ правъ? думалъ онъ между прочимъ. — Неужелиже онъ испортился тамъ? совратился? надѣшался *тлетворнымъ* воздухомъ? Какая осанка! Какой видъ! А этотъ Курнашевичъ-то разыщается передъ нимъ... *Шарме!* Вотъ ужъ хвостъ-то лижетъ! Вѣрно денегъ занять хочетъ! Все о княгиняхъ да о графиняхъ рѣчь... Ишь какой кавалергардъ!

Такъ сидѣлъ онъ до поздней ночи, до тѣхъ поръ, пока вся

компанія не стала расходиться по своимъ квартирамъ. Онъ выждалъ пока не разошлись всѣ и пока онъ не остался наединѣ съ Курнашевичемъ и Заруднымъ. Курнашевичъ все время посматривалъ на него угломъ глаза, и слегка казалось насмѣшливо улыбался.

— Ну чтожъ, пойдѣмъ ко мнѣ спать! проговорилъ онъ наконецъ.— Пойдѣмъ, братъ! потолкуемъ во старинному... такъ давно невидѣлись! и помиримся тамъ... ты простишь меня... — И Мухояровъ улыбнулся было заискивающею улыбкою, но голосъ его слегка задрожалъ. Несмотря на свои тридцать лѣтъ, онъ почувствовалъ, что у него какъ-будто поднялось что-то изъ глубины сердца и подступило къ горлу. — Пойдѣмъ, братъ! чтоже ты? прибавилъ онъ.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ! Ни подѣ какимъ видомъ! Онъ останется у меня! перебилъ вдругъ Курнашевичъ, хозяинъ квартиры, около которой до сихъ поръ шла бесѣда. — Неправда ли, М-г Зарудный, вы остаетесь ночевать у меня? Неправда ли? *Faites-moi le plaisir!* Вѣдь вы ко мнѣ прежде заѣхали, за мной право первенства, и кому же всѣ ваши вещи снесены уже ко мнѣ въ комнату.

Зарудный казался былъ въ нерѣшимости. Онъ вопросительно взглянулъ и на Мухоярова, и на Курнашевича.

— А вы, М-г Мухояровъ, ужасно какъ офрапировали его... при всѣхъ, *devant toute la société.*

— А вамъ, М-г Курнашевичъ, рѣзко отвѣтилъ Мухояровъ, — до этого нѣтъ дѣла! Идешь чтоли, Зарудный, со мною?

— Гдѣже теперь перетаскивать вещи! проговорилъ тотъ, не глядя на Мухоярова: — кому же я усталъ... Я ужъ лучше останусь здѣсь. Извини меня.

Мухояровъ пристально посмотрѣлъ на него и бросилъ злобный взглядъ на Курнашевича.

— Ну когда такъ, то прощай! сказалъ онъ. Онъ нахлобучилъ на глаза фуражку, судорожно нѣсколько разъ дернулъ ковырекъ ея внизъ, и быстро пошелъ прочь.

— Мухояровъ, *adieu!* крикнулъ ему въ слѣдъ Курнашевичъ съ насмѣшкою. Но тотъ неслыхалъ ничего...

— Какъ мнѣ жаль, что вы не срѣзали его хорошенько за его дерзость! замѣтилъ Курнашевичъ, обращаясь къ Зарудному.

VIII

Штабсъ-ротмистръ Курнашевичъ не былъ что-называется ветераномъ полка. Года два тому назадъ онъ былъ перевеленъ въ этотъ заброшенный въ глушь полкъ по поводу какой-то исторіи, случившейся въ Петербургѣ и имѣвшей довольно трагическій характеръ. Онъ былъ секундантомъ при какой-то дуэли, устроенной его стараніями, что онъ и ставилъ себѣ въ особенную заслугу. Въ персонѣ своей онъ осуществлялъ тотъ идеалъ военнаго дендизма, до котораго такъ многіе стремятся достигнуть, которому подражаютъ такъ охотно. Это былъ военный левъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. Хитрый и любезный, онъ понравился въ полку многимъ, во съ Мухояровымъ сойтись не могъ и имѣлъ свои причины не любить его, потомучто Мухояровъ никогда не могъ скрыть своего нерасположенія къ этому блестящему пришельцу. Невсегда воздержный на языкъ, герой нашъ очень часто затрогивалъ самыя щекотливыя струны галантнаго ех-гвардейца, не удивлялся ему, не подражалъ ему и очень часто подтрунивалъ надъ его великосвѣтскими замашками, а однажды даже въ присутствіи его прочелъ прегрозную филиппику о безнравственности той роли, которую берутъ на себя иные господа въ такъ называемыхъ дѣлахъ чести, намекая именно на исторію Курнашевича, несомнѣнъ чистую... Впрочемъ мы надѣемся, что впоследствии этотъ господинъ и самъ себя обрисуетъ какъ слѣдуетъ, а теперь покамѣстъ скажемъ нѣсколько словъ о Зарудномъ.

Что онъ былъ славный малый, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: его любилъ цѣлый полкъ, любилъ такъ, какъ обыкновенно любить полкъ хорошаго товарища; онъ былъ другомъ Мухоярова — иначе романтическое сердце послѣдняго не привязалось бы къ предмету недостойному. Службу началъ онъ почти въ одно время съ Мухояровымъ и можно-сказать вслѣдствіе тѣхъ же побужденій, которыя руководятъ нашу молодежь въ выборѣ этого поприща. Будучи принужденъ необходимою, потомучто былъ небогатъ, несмотря на свои связи, служить въ арміи, онъ до сихъ поръ несть это бремя, терпѣливо идучи по разъ избранной дорогѣ, въ надеждѣ, какъ и мно-

гіе, добиться наконецъ болѣе почетнаго положенія, если не въ свѣтѣ, то хоть въ полку. Онъ умѣлъ помириться со скромною долею армейскаго офицера безъ ропота, безъ особыхъ размашистыхъ помысловъ, вполне сдружился и сжился съ идеями того кружка, въ который бросила его судьба въ самые ранніе, почти отроческіе годы. И только смутно понималъ онъ, да по наслышкѣ зналъ, что есть какъ-говорится иныя сферы, иныя условія, иная жизнь... жизнь радужная, блестящая, полная наслажденій.

Поѣздка въ Петербургъ испортила все дѣло. Цѣлый годъ, проведенный имъ въ этомъ новомъ для него мірѣ, не прошолъ безъ того, чтобъ не оставить на немъ своего вліянія. Значительное наслѣдство, которое ему предстояло получить, дало ему возможность составить новыя связи, войти въ лучшіе (относительно разумѣется) кружки петербургскаго общества, ужь конечно не такого, какое ему случилось знать на своихъ деревенскихъ столикахъ. Ктому же довольно красивая наружность его (онъ былъ стройный, краснощекій, чернокудрый молодецъ), наружность, дышащая силою и здоровьемъ, расцвѣтшими въ лучшемъ климатѣ, доставили ему нѣсколько успѣховъ у нѣкоторыхъ петербургскихъ дамъ... Все это ему вскружило голову. Онъ, прежде скромный армейскій поручикъ, нешутя вообразилъ себя чѣмъ-то вродѣ петербургскаго льва, помѣшался на дендизмъ, на какомъ-то *сomme il faut*, и съ точки зрѣнія армейской конечно, иной разъ могъ бы показаться фатомъ и не одному Мухоярову. Новыя свойства эти отразились и въ его сдержанности, и въ его рѣчахъ, и въ тонѣ его голоса. Исчезло доброе, милое, откровенное добродушіе и замѣнилось чопорностію.

Въ сущности, въ сердцѣ (мы увѣрены въ этомъ) онъ остался тѣмъ же добрымъ Заруднымъ, какимъ всѣ знавали его прежде; стоило только пройти небольшому промежутку времени — и все что было въ немъ наноснаго, ему несвойственнаго, сгладилось бы, исчезло бы само собою, подошло бы подъ общій уровень. Казалось сама судьба даже хотѣла этого. Наслѣдство, которое такъ круто повернуло было всю его карьеру, вдругъ подверглось процессу: отыскался болѣе близкій наслѣдникъ, съ болѣе сильными правами, съ болѣе сильною возможностью вести тяжбу, и Зарудный волею-неволею долженъ былъ снова возвратиться въ свой полкъ.

Но онъ уже вкусилъ отъ плода. Глубоко огорченъ онъ былъ, оставляя Петербургъ и различаясь со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ такъ насмѣшливо поманила его судьба, что посулила ему будущность. Мало этого, онъ успѣлъ даже въ этотъ годъ зачерствѣть сердцемъ, охладѣть не только вообще къ прежней средѣ своей, но даже и къ Мухоярову.

Онъ возвращался въ полкъ очень равнодушно. Не забилось радостнымъ трепетомъ въ груди его сердце, когда свѣжій воздухъ степей, окружающихъ деревню Нечаеву, пахнулъ на него благодатной струей, когда изъ зелени садовъ мелькнули передъ глазами его знакомые бѣленькіе домики, когда издавѣка слышалъ онъ трель трубнаго сигнала, приглашающаго на вечерній водопой; не подпрыгнулъ онъ въ своемъ петербургскомъ тарантасѣ, не выскочилъ изъ него, когда передъ околицей еще встрѣтилъ перваго попавшагося ему солдата своего полка, не бросился ему на шею, какъ бы сдѣлалъ это Мухояровъ, какъ бы сдѣлалъ можетъ-быть всякій другой поручикъ...

IX

Мухояровъ быстро шагаль по направленію къ своей квартирѣ. Въ сердцѣ его шевелились странныя чувства. Ему снова пришла на память недавняя бесѣда съ докторомъ, и ему стало казаться, что въ нетрезвой болтовнѣ его была своя доля истины. Мысли его путались въ головѣ самымъ безпорядочнымъ образомъ: то ему было досадно на себя, за свою неделикатную выходку противъ Заруднаго, за свой безобразный, лишопный всякаго житейскаго приличія, поздравскій смѣхъ, то ему было досадно на Заруднаго, зато что тотъ обидѣлся изъ пустяковъ, тогда какъ на кого-на кого, а ужъ на него, Мухоярова, ему обижаться вовсе бы не слѣдовало. И имъ ли, имъ ли, боже-правый, считаться такими мелочами? Чтожъ дѣлать? Ну увлекся, сказалъ вздоръ... самъ языкъ сболтнулъ чортъ-знаетъ что. Умысла впрямь обидѣть вѣдь тутъ не было... просто такъ себѣ... отъ радости же заврался... Вѣдь понять же нужно наконецъ это...

И потомъ опять Мухоярову стало досадно на себя. «Отчего же это, думалъ онъ, никогда я не умѣю держать себя какъ слѣ-

дуетъ? увлекаюсь какъ дитя малое, какъ корнетъ какой-нибудь! Что это за порывы радостиые? На шею-то вѣшаться зачѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ! Печоринымъ нужно быть, задушить въ себѣ все! И рожу безстрастную скорчить, англичаниномъ сдѣлаться!»

Мухояровъ прибавилъ ходу.

«А вѣдь какъ я просилъ простить-то меня! продолжалъ размышлять Мухояровъ: — вѣдь какъ просилъ-то! И хоть бы слово одно въ отвѣтъ, хоть бы слово! А! теперь понимаю я, чего усмѣхнулся Курнашевичъ! Понимаю теперь!..»

И Мухояровъ стиснулъ зубы. Кровь его дотога взволновалась, что тѣло его инстинктивно само понеслось впередъ до нельзя усиленнымъ аллюромъ. Руки его сжались въ кулаки... Онъ началъ говорить уже вслухъ:

«А, щеголь сахарный! Кукла петербургская! Шармѣ!.. Бретѣрь!.. «А Зарудный то, Зарудный-то!.. Вотъ ужъ именно надыхался тлетворнымъ воздухомъ-то! Тоже шармѣ сталъ, не тронь меня! И меня промѣнять! меня!.. не пойти ко мнѣ!.. промѣнять меня на фата, на... боже-мой! на... кошку эту, на этого верципенту!» (1)

Мухояровъ задыхался. Онъ не находилъ словъ для выраженія злобы своей, не находилъ достаточно сильнаго, достаточно ядовитаго эпитета для Курнашевича. Въ крайнемъ, критическомъ случаѣ онъ вдругъ, самъ незная какъ, разрѣшился по польски.

И еслибъ кто-нибудь въ эту минуту подглядѣлъ выраженіе лица его, онъ не узналъ бы Мухоярова, онъ ужаснулся бы этого выраженія.

— Чому-жь то Зарудній не заихалы до насъ? спрашивалъ Кожемяка у Мухоярова, укладывая его спать и посматривая на него искоса.

Но Мухояровъ не отвѣчалъ ничего и сосредоточенно завернулся въ свое одѣяло.

— Чи вони погордѣли, чи що? Отъ бачить ицо у Питембурхъ съиздвлы! продолжалъ между тѣмъ Кожемяка, уже не столько обращаясь къ барину своему, сколько въ видѣ особаго разсужденія съ самимъ собою, но такъ, что тотъ могъ слышать каждое слово.

(1) Verципета — синонимъ *фата*. Собственно «вертающийся на пяткѣ».

Мухояровъ спалъ эту ночь дурно, можетъ—быть даже не спалъ вовсе; утромъ онъ однакожъ всталъ повидимому успокоенный, хотя и задумчивый, недовольный. Кожемяка явился къ нему блистательно выбритый, съ мафабреными усами, въ новомъ казакивѣ и радушно поздравилъ съ праздникомъ. Вяло и неохотно началъ Мухояровъ запрягать себя въ полную парадную форму и потомъ пошелъ на сборное мѣсто, гдѣ собрался уже церковный парадъ.

Въ деревнѣ все ликовало. Вычищенные, подбритые, принафабранные солдатики въ новенькихъ мундирахъ весело охорашивались, готовясь идти въ церковь; краснощекія молодилы, стройныя, чернобровыя дѣвки-хохлушки, съ разноцвѣтными лентами и пучками цвѣтовъ въ волосахъ, собирались тоже около церковной паперти, щебетали какъ сороки и кокетничали по-своему съ солдатами. Маленькій колоколъ полковой церкви звикалъ тоненькимъ голосочкомъ своимъ, но какъ—то особенно радостно, особенно весело. Но это былъ первый полковой праздникъ, который Мухояровъ встрѣчалъ не такъ, какъ привыкъ онъ встрѣчать его всегда, много, много лѣтъ сряду.

Проживите десять лѣтъ съ человѣкомъ вмѣстѣ, полюбите его искренно, разстаньтесь съ нимъ на нѣкоторое время и потомъ встрѣтитесь съ нимъ именно такъ, какъ встрѣтились Зарудный съ Мухояровымъ — и тогда вы поймете положеніе послѣдняго, особенно если ко всему этому вы въ такой же степени, какъ и онъ, надѣлены отъ природы способностью привыкать и привязываться къ людямъ.

X

ПОЛКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Муза! помоги намъ!

Воспой, муза, съ нами праздникъ полковой, этотъ праздникъ праздникъ, свѣтлый, радостный день, имже озаряется жизнь наша армейская!

Обѣдъ у Артамона Сергѣича великолѣпный. Онъ еще вполонивъ, а на *сърмѣ* концѣ, то-есть между молодежью, гдѣ за-сѣдаютъ между прочимъ и нашъ знакомецъ, лысый штабъ-ле-

карь, и никогда не называемый по фамилии штабсъ-ротмистръ Иванъ Антонычъ, и Мухояровъ; уже шумъ, говоръ, шутки, смѣхъ. Не глядите на верхній, почетный конецъ стола, гдѣ предсѣдательствуютъ генераль и такъ-называемая аристократія, *patres conscripti* полка, какъ говорить Александръ Матвѣичъ; отвратите слухъ вашъ отъ этихъ оффиціальныхъ предметовъ, отъ этихъ благонамѣренныхъ рѣчей, отъ этихъ назилательныхъ бесѣдъ, если не хотите умереть со скуки. Посмотримъ лучше на сѣрый конецъ.

Шампанское еще не подавалось, а ужъ на сѣромъ концѣ пьютъ *брудершафтъ*, — пьютъ хересомъ, портеромъ, мадерой, элемъ, чѣмъ попало. Косятся старый генераль, почетный гость праздника, пожимаютъ плечами старые штабъ-офицеры и усатые ротмистры, иѣкогда сами бурные кутилы-мученики, цвѣтъ *бердичевскихъ* временъ, а нынѣ строгіе моралисты, — косятся они, посылая на сѣрый конецъ безпокойные и внушительные взгляды. Конфузится и краснѣетъ самъ добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ, амфитріонъ пиршества, рыцарь добра и снисхожденія, конфузится и краснѣетъ за расходившуюся и шумливую молодежь.

«Прекрасный день, веселый день, счастливый день! чуть-чуть ужъ не поютъ на сѣромъ концѣ.»

— Потихе, потихе господа! нашоптываетъ какой-нибудь врагъ вакхическихъ экстазовъ, случайно замѣшавшійся на сѣрый конецъ.

— Поберегите себя для вечера! слышится другой голосъ, въ которомъ звучитъ уже не укоръ, а искреннее, отеческое участіе: — поберегите себя для вечера. Куда будете годиться послѣ, вечеромъ-то, когда ужъ теперь того?

Но это гласъ въ пустынѣ вопіющихъ!

— Бурцовъ, пью твое здоровье! отвѣчаютъ на все это съ сѣраго конца. А музыка гремитъ, а шумъ и гулъ все больше и больше: Вилки, ножи, ложки поминутно падаютъ на полъ тамъ и сямъ, за каковымъ пассажемъ непосредственно слѣдуетъ громкій хохоть.

— А скоро-ль, чортъ возьми, будутъ подавать шампанское? Пора бы ужъ! раздаются нетерпѣливые голоса на томъ же сѣромъ концѣ.

.....

— Ага, несутъ! Несутъ наконецъ! Ахъ пре-лест-на-я по-дру-га, тра-ла-ла-ла-ла! запѣваетъ кто-то вполголоса, потирая руки. Радостнымъ, веселымъ сіяніемъ освѣщаются лица, чуд-выя, сладострастные улыбки расцвѣтаютъ на устахъ...

«О вдовье Клико, благословенное вино! Если вкусу, по правдѣ сказавши, не много въ тебѣ, зато есть идея!.. О, сколь-шевелишь ты нашъ сонный esprit!..

Настаетъ минута торжественная, водворяется тишина свя-щевная, прекращаются шумныя рѣчи, умолкаетъ музыка, со-средоточенно и вопросительно устремляются взоры всѣхъ на одинъ пунктъ, именно туда, на Олимпъ, гдѣ предсѣдатель-ствуетъ генералъ. Поднимается съ мѣста этотъ старецъ и пред-лагаетъ первый официальный тостъ...

Но... но что сравниться можетъ съ тѣмъ живымъ, не удержи-мымъ какъ потокъ Ніагары, какъ лава Везувія одушевленіемъ, которое овладѣваетъ сердцами копирующихъ, когда тотъ же звѣздоносный воинъ произноситъ наконецъ слѣдующій, давно всѣми желанный и вождѣнный тостъ:

— Господа! начинается онъ: — позвольте имѣть честь пред-ложить тостъ въ честь...

Увы! этотъ заранѣе подготовленный, хотя краткій, но лест-ный для полка спичъ при самомъ началѣ прерывается безвоз-вратно; голосъ оратора исчезаетъ безъ слѣда въ массѣ разра-жающихся залпомъ восторженныхъ всеобщихъ кликовъ:

«Ура! Урра! Уррра! Урра-а-а! Урра-а-а-а! Червопого-родскій полкъ, урра! Червоногородскій полкъ, урра-а-а-а!»

«Урра! раздается подъ сводами пиршественнаго зданія.

«Уррраааа!» повторяетъ потрясенная окрестность, лѣса и долы, горы и поля (¹).

Оглушительно-трескучій ревъ мѣдныхъ трубъ сочувственно вторитъ кликамъ восторга. Начинается хаосъ, лзыковъ смѣ-шеніе...

И подъ симпатическіе, волнующіе нервы звуки орудій муси-кійскихъ начинается долгое, восторженное ликованіе, взаимное,

(¹) Если таковыя близости имѣются. (Позднѣйшее примѣчаніе лѣтописца.)

братское цѣлованіе. Одно слово — «другъ друга обнимемъ! рцемъ, братія, и ненавидящимъ насъ!..»

И долго длится такимъ образомъ веселый обѣдъ, до тѣхъ поръ однимъ словомъ, пока не наступаетъ наконецъ (какъ и слѣдуетъ) такой критическій моментъ, когда всѣ хотятъ говорить и никто не хочетъ слушать. Лицо самого генерала расцвѣтаетъ словно маковъ цвѣтъ, и сквозь хаосъ звуковъ и рѣчей явственно уже слышится его превосходительный и снисходительный ласковый смѣхъ. Посвѣжѣла старческая душа его, разогрѣлась застывшая кровь...

А музыка гремитъ, а шумъ и говоръ больше и больше. Разстегнулись воротники, распахнулись сердца, развязались уста. Здѣсь споръ о службѣ, тамъ патетическій панегирикъ давнымъ-давно павшей лошади, которой подобной не было въ цѣлой дивизіи. Толкуютъ и шумятъ обо всемъ: о философіи и ералашѣ, о женщинахъ и объ австрійской политикѣ. Затрогиваютъ капитальные вопросы, рѣшаютъ ихъ безъ затрудненій въ одну секунду, изрекаютъ полновѣсныя истины, поражаютъ умъ парадоксами.

Но что за звукъ, что за ударъ кулакомъ по столу, что за неестественный, какъ-будто свирѣпый возгласъ поражаетъ слухъ вашъ? Боже, что такое? Не исторія ли? не скандалъ ли, спаси насъ Боже отъ грѣха? думаете съ ужасомъ вы: — что такое? спрашиваете вы, въ недоумѣніи обращая взоры ваши въ ту сторону, откуда послышался шумъ.

— Да вотъ Змѣевъ на литературу бѣсится! отвѣчаютъ вамъ.

— «Да, именно на литературу! на литературу нынѣшнюю! подхватываетъ Змѣевъ, бросая вокругъ себя молніеносные взгляды и чуть не задыхаясь отъ душевнаго волненія: — на литературу! Да, на то враждебное направленіе ея противъ офицерскаго сословія, на эту антипатію, которая болѣе или менѣе выказывается въ произведеніяхъ даже лучшихъ нашихъ писателей!

«До чего вѣдь дѣло-то дошло! Нѣтъ журнала, нѣтъ газеты, гдѣ бы не было сатиры, гдѣ бы не было карикатуры на нашего брата...

«Но, спрашивается, какіе типы выводятъ они на сцену? Вѣдь

хорошо еще, ежели только безвреднаго фата, какого-нибудь безпечнаго кутилу, недозрѣлаго полуграмотнаго недоросля... а то вѣдь чаще всего... грубаго невѣжду... дерзкаго буяна... горькаго пьяницу... иногда чортъ знаетъ какого архаровца! Это ничто не похоже!

Таковъ общій характеръ обѣда.

XI

Мухояровъ, какъ мы сказали, сидѣлъ на сѣромъ концѣ стола. Зная прежнія привычки Заруднаго, онъ былъ вполне увѣренъ, что будетъ за столомъ какъ нельзя болѣе близкимъ сосѣдомъ Заруднаго, и рассчитывалъ, что брудершафтъ поправитъ дѣло. Вышло напротивъ. Зарудный очутился на *верху*, среди сановныхъ лицъ, между Курнашевичемъ и какимъ-то чопорнымъ остзейскимъ барономъ, пріѣзжимъ изъ другого полка. Когда всѣ пили за здоровье, честь и благоденствие полка, Мухояровъ подошелъ было съ бокаломъ къ Зарудному, но послѣдній въ эту минуту, случайно или съ умысломъ, отвернулся въ сторону. Нѣсколько человѣкъ въ тоже время подошли къ нему и стали чокаться и лобызаться; къ Мухоярову тоже адресовался кто-то и попросилъ выпить вмѣстѣ *черезъ руку*, такъ что пока Мухояровъ успѣлъ снова наполнить свой бокалъ, всѣ опять уже ушли по своимъ мѣстамъ. Благопріятный моментъ былъ потерянъ и Мухояровъ при Курнашевичѣ попытки своей возобновлять не хотѣлъ.

Въ жизни полковыхъ обществъ праздникъ имѣетъ важное значеніе. Обыкновенно принято — всѣ мелкія размолвки и непріятности предавать въ этотъ день полному забвенію, и обычай этотъ имѣетъ начало свое въ глубокой древности. Очень понятно поэтому, что Мухоярову не хотѣлось упустить удобнаго случая, невоспользовавшись которымъ онъ легко могъ ожидать, что размолвка его съ Заруднымъ затянется въ странныя и неопредѣленные отношенія. Поэтому-то, когда кончился этотъ достопамятный обѣдъ, онъ хотѣлъ добиться непременно возможности покончить дѣло. Безпокойный, впечатлительный характеръ его не могъ выносить этой неопредѣленности. Но Зарудный послѣ обѣда засѣлъ у Курнашевича съ остзейскимъ барономъ и еще

однимъ господиномъ серьезно-чопорнаго свойства , въ ералашъ. Мухояровъ десять разъ подходилъ было къ квартирѣ Курнашевича — и не могъ рѣшиться войти.

ХII

Програма полкового праздника иногда бываетъ однакоже гораздо сложнѣе, нежели сколько кто-нибудь неполнѣ знакомый съ существующимъ порядкомъ вещей подумать можетъ. Обѣдъ есть только въ нѣкоторомъ родѣ прелюдія , вступленіе, увертюра , или даже положимъ хоть и первая часть праздника; настоящее же пиршество, настоящій содомъ — вечеромъ. Обѣдъ лежитъ на обязанности командующаго полкомъ, — обязанность, долгъ , освященный временемъ и преданіями; пиршество вечернее устраивается на счетъ общественный. Это апотеоза праздника.

Наступилъ вечеръ, прелестный , очаровательный. Само небо казалось хотѣло покровительствовать смертнымъ, благословляло грядущій кутежъ. Гдѣ же быть пиршеству, какъ не на открытомъ воздухѣ, среди животворныхъ , свѣжихъ волнъ его, подъ покровомъ голубого яснаго неба?

Чудно хороша деревня Нечаевка въ благодатную лѣтнюю пору. Умильно и привѣтливо смотрять изъ роскошной зелени садовъ бѣленькія глиняныя хатки ея; манить взоръ къ себѣ, мысль и душу живописная окрестность; свѣтлыя волны Буга рокочуть и прыдаютъ черезъ нагроможденные на днѣ его утесы. дробясь и разсыпаясь миллиономъ брызгъ; бѣднополиковый гребень горъ на далекомъ горизонтѣ тлится безконечною грядою вдаль, и раздольная степь широко раскинулась, сливаясь съ небесами въ отдаленной таинственной мглѣ.

Вечернее празднество устраивалось подъ дирекцію подполковника Бурмашистова.

Подполковникъ Бурмашистовъ! Милѣйшій изъ всѣхъ штабъ-офицеровъ , которые когда либо существовали въ армейской-кавалеріи! О единственнѣйшій человекъ по части устройства завтраковъ, обѣдовъ и всякаго рода веселыхъ собраній! Геній, художникъ-геній! Гдѣ родились вы? Подъ какими благотворными лучами цивилизація развились таланты ваши? Г. подполков-

никъ Бурмашистовъ! (положа руку на сердце:) душевное вамъ русское наше *спасибо!* какъ говорить г. Кокоревъ. Вы заслуживаете монуента!

Простой, дикій садъ, находившіеся при квартирѣ Бурмашистова, онъ какъ-будто силою волшебства въ нѣсколько дней обратилъ въ самый роскошный (да позволена будетъ намъ ради краснаго слова сія маленькая гипербола) цвѣтникъ. Изъ этого родника брызнулъ великолѣпный (гипербола тожъ) фонтанъ, на деревьяхъ замелькало безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонариковъ. На полянкѣ въ углубленіи сада воздвиглась исполивская палатка, разубраная и разукрашенная какъ чертогъ. Безъ шутокъ, все это было очень затѣйливо, очень мило, очень эффектно.

Вполнѣ проникнутый исполненіемъ своей высокой обязанности, предвкушая райскія радости предстоящаго вѣршества, какъ творецъ всего, неумолимо хлопоталъ подполковникъ, зорко слѣдилъ за всѣми едва уловимыми для глаза простого смертнаго мелочами.

Отдохнувши послѣ обѣда, освѣжившись въ струяхъ Буга, принявши содовыхъ порошковъ, заботливо и предусмотрительно въ свое время приготовленныхъ достойнымъ штабъ-лекаремъ, публика въ урочный часъ начала собираться въ новѣйшее Эльдорадо.

— А ну, чтоже господа, всѣ ли собрались? всѣ ли? горячился Бурмашистовъ, окидывая собраніе быстрымъ взглядомъ.

— Всѣ!

— И прекрасно! Трубачи! начинай! гаркнулъ Бурмашистовъ.

Черрадини, бывший нѣкогда на своей прекрасной, далекой родинѣ то странствующимъ пѣвцомъ и актеромъ, то аббруцскимъ *bravo*, то солдатомъ арміи Pio Nono, а нынѣ затянутый въ форменный вицмундиръ російскаго полка капельмейстеръ, страшно, нечеловѣчески, совершенно поитальянски сверкнулъ черными очами и взмахнулъ своей палочкой — и вслѣдъ затѣмъ торжественные, мощные, зовущіе къ побѣдѣ звуки марша № 17 огласили окрестность.

— Чаю, чаю господа! Кому угодно чаю? Кому? Сливковъ кому угодно? горячился Бурмашистовъ. — Рому! рому! слышится

въ отвѣтъ сквозь эти побѣдвые, все существо офицерское под-
мывающие звуки.

Составились группы самых разнообразных, самых живопис-
ных. Усѣлись на скамьяхъ и стульяхъ, разлеглись на муравѣ зе-
леной...

А когда ночь осѣнила своимъ покровомъ землю, заварили
жжонку. Никогда не называемый по фамилии штабсъ-ротмистръ
Иванъ Антонычъ по единодушному приговору облеченъ въ санъ
жреца. Какъ нѣкій магъ стоитъ онъ пады жертвенникомъ, со-
вершая великое таинство; масса фіолетоваго пламени судорожно
вспыхиваетъ надъ исполнскою чашею, озаряя блѣднымъ могиль-
нымъ свѣтомъ и его грандіозный, достойный штабсъ-офицер-
скаго сана образъ, и лица присутствующихъ, густою стѣною об-
ступившихъ жертвенникъ.

— А чтоже, господа, хоръ, хоръ? Приличный случаю хоръ?
суетится Бурмашистовъ.

— Да чтоже пѣть?

— Что-нибудь, лишь бы пѣть!

Кто за бокаломъ не поеть,
Тому не полная отрада!
Богъ иѣсенъ, какъ богъ винограда,
Восторги новые даетъ!
Восторги новые даетъ!
Востор...

затягиваетъ Змѣевъ.

— Да нѣтъ! нѣтъ!, венгерскую, венгерскую! раздаются го-
лоса.

— Ну, такъ венгерскую! Хаджи Эдиковичъ! рзни! только
басомъ! поддерживаютъ другіе.

Три кварты пива, чѣре паленьки —
Кохай мне, дивче, бассам'аленьки!

— Bravo, хаджи! bravo! брау-брау! Ну теперъ хоръ! Труба-
чи! Эй! Подхватывай!

Ай джюпи-джюпи-джюпи,
Коло халюпи!
Ай джюпи-джюпи-джю!

Долго-долго раздаются еще куплеты этой безконечной яко-

бы венгерской пѣсни подъ акомпаниментъ трубъ, то мелодическій и нѣжный, то потрясающій органы слуха. — Что, скоро ли жжонка будетъ готова? прорываются иногда нетерпѣливые вопросы.

— Готово! произносить жрецъ.

О, какъ жадно, какъ страстно прилипаютъ уста къ горячей ароматной влагѣ!

— А ну-ко, Дроздовъ, бери-ко, братъ гитару!.. Споемъ, господа, цыганскую?

— О споемъ! споемъ! «Крамбамбули, отцовъ наслѣдство!» Нѣтъ! «Была жинка мужика!..» «На горѣ крутой!»

А музыка гремѣть... Стонетъ вся окрестность отъ этихъ звуковъ. Поютъ и пьютъ. Пьютъ и поютъ. Послѣ жжонки приносятъ шампанское. «Уррра!» Пьютъ и поютъ, поютъ и пьютъ...

— *Сосѣда!* вскрикиваетъ Бурмашистовъ.

— *Сосѣда! сосѣда! Со-сѣ-да!!!* подхватываютъ голоса. — Садитесь! Садитесь!

— Ну что, усѣлись?

— Усѣлись! усѣлись! Жребій! жребій! кому начинать?.. Змѣву! Silence, messieurs! Смирно! Ну, начинать, господа!.. Стаканъ малъ!.. Тш!

ХОРЪ

• Наливай сосѣдъ сосѣду!
Сосѣдъ любить пить вино!

(Змѣвъъ наливаетъ шампанскаго въ стаканъ сосѣда.)

Подноси сосѣдъ сосѣду!
Сосѣдъ любить пить вино!

(Змѣвъъ подноситъ стаканъ сосѣду.)

Поклонись сосѣдъ сосѣду!
Пусть онъ выпьетъ все вино!

(Змѣвъъ дѣлаетъ поклонъ.)

(Moderato и съ наилюбезнѣйшею улыбкою:)

Выпивай, сосѣдъ любезный,
Ты вѣдь любишь пить вино!

(Слѣдуетъ всеобщій поклонъ. Сосѣдъ встаетъ раскланивается на всѣ стороны и выпиваетъ стоя.)

Wypić! wypić! nic nie zostawić!
 Bo daj go, bo daj go Bóg błogosławić! (')

(Сосѣдъ садится.)

Оботри сосѣдъ сосѣда!
 Онъ вѣдь выпилъ все вино!

(Змѣевъ обтираетъ уста сосѣда.)

Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда!
 Вѣдь онъ славно пьетъ вино!

(Слѣдуютъ взаимныя объятія и поцѣлуи. И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ круговую.)

Уже Артамона Сергѣича подхватываютъ на руки и начинаютъ качать. Громадное туловище его какъ мячикъ взлетаетъ на воздухъ, а физиономія его улыбается какою-то неземною улыбкою. Качаютъ Бурмашистова, качаютъ Ивана Антоныча, качаютъ другъ друга... Всѣ лица красны, губы подняты, мундиры растегнуты. Расходилась, развернулась и вправо и влево, на всѣ стороны широкая, русская наша натура!

Да! по нашему козь пить,
 Такъ выпить цѣлый океанъ!..

Но что это за звуки, мучительные, болѣзненные, словно стопы погибающей жертвы?.. Не вопли ли это души, разлучающейся съ міромъ? А! Лючія! Лю-чія!.. Л-ю-ч-і-я!.. «О Лючія! Лю-чія! Л-ю-ч-і-я!..»

Эдгаръ и Лючія (Прокопенко и Буцъ) замираютъ въ страстномъ, раздирающемъ сердце дуэтѣ... Тоскливо и мучительно поютъ мѣдныя трубы ихъ... и Черрадини, швырнувъ свою палочку куда-то въ кусты крыжовника уже судорожно хватается себя за грудь, поднимаетъ руки къ небу, и поетъ, поетъ... И еще три десятка голосовъ подхватили за нимъ, слились въ одну общую скорбную, безнадежную пѣсню, еще нѣсколько десятковъ рукъ судорожно поднялось къ небу, воздѣлось горь...

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ пиршества вечерняго.

(') Выпилъ! выпилъ! ничего не оставилъ!
 Да благословить его господь!

XIII

Кутежъ достигалъ своего апогея. Наступалъ тотъ можно-сказать критическій моментъ, когда онъ долженъ былъ или прерваться въ оргію, или должно придти пресыщеніе, утомленіе. Поэтическій букетъ онъ уже утратилъ. Артамонъ Сергѣичъ уѣхалъ домой еще прежде. Нѣкоторые изъ гостей тоже начали выражать безпокойное желаніе отыскать свои фуражки. Музыка уже трубила зря, какой-то вздоръ, а самого Черрадини не было уже въ живыхъ: его глаъ-то обливали водой.

— Господа! господа! кому угодно? раздался вдругъ зычный голосъ Бурмашистова. — Господа! Штось! Пожалуйте въ палатку! Начивается штось, штось! Штось, къ вашимъ услугамъ! Въ палатку! штось, штось, штось!

Слова эти, какъ и слѣдовало ожидать, произвели тотчасъ же желаемую реакцію. Въ палаткѣ дѣйствительно кто-то уже распечатывалъ карты и сооружалъ банкъ. Черезъ десять минутъ уже вся толпа, хлынувшая сюда изъ сада, буквально осадила столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Игра началась. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ ощущеній, при помощи соловыхъ порошковъ и зальтерской воды многіе очень скоро отрезвились совершенно.

Мухояровъ однакоже вслѣдъ за другими не пошолъ, а остался въ саду. Въ этотъ вечеръ онъ пилъ очень много, хотя пилъ безъ увлеченія, а больше такъ-сказать съ горя, какъ обыкновенно пьетъ русскій челоуѣкъ, когда душа и сердце его бьются не на мѣстѣ. Судьба видимо потѣшалась надъ нимъ въ этотъ день, ставила его въ какія-то неловкія, странныя положенія. Давши себѣ слово сойтись снова съ Заруднымъ, безъ особаго впрочемъ ущерба своему самолюбію, уже нѣсколько затронутому и раздраженному, онъ нѣсколько разъ обращался къ нему вродолженіи вечера то съ бокаломъ, то съ бутылкой, но все это какъ на грѣхъ вышло поцело, натянуто, и какъ водится у людей въ подобныхъ случаяхъ, Мухояровъ сердился не только на себя, но и на Заруднаго... Зарудный все время не отставалъ отъ Куряшевича, держалъ себя черзачуръ чопорно, до крайности прилично, такъ что подкутившему

Мухоярову было совѣстно за себя: онъ чувствовалъ, что онъ смѣшонъ въ глазахъ Заруднаго. И онъ волновался все больше и больше, напрасно стараясь потушить волненіе это усиленными приемами и жжонки, и шампанскаго. Онъ начиналъ уже пьянѣть, и разгоряченное воображеніе снова стало представлять ему въ дурномъ свѣтѣ Заруднаго, снова вспомнилъ онъ послѣднее письмо его, его обращеніе съ нимъ во время встрѣчи, снова вспомнилъ онъ нетрезвыя рѣчи Александра Матвѣича — и разочарованіе начало запускать когти свои въ романтическое сердце поручика.

Мухояровъ присѣлъ подъ топодемъ на дерновую скамейку и погрузился въ глубокую думу. Характеръ его былъ изъ тѣхъ несчастныхъ характеровъ, которые въ тревожныя минуты не успокаивать стараются себя, а напротивъ, раздражать еще болѣе, мучить себя, создавать небывалые призраки. Въ саду никого уже почти не было, фонари давно погасли, и только подкутившіе въ свою очередь трубачи еще отхватывали какую-то бурную польку, и то единственно для удовольствія доньщиковъ, которые, наливавшись остатками жжонки и шампанскаго, откалывали въ присядку, да неподалеку отъ Мухоярова какіе-то два голоса во мракѣ ночи еще вели между собою горячій, дикій споръ.

— Два мѣсяца шли, тысячу верстъ прошли, и цѣлый-то походъ ты пилъ! укорялъ одинъ другого. — На каждомъ переходѣ пьянъ былъ.

— Анъ нѣтъ!.. не... на... каждомъ! отвѣчалъ другой голосъ, но неровный, коснѣющій.

— На каждомъ!

— Нѣтъ... не... на каждомъ... Еще вѣдомость полъ литерою *Д* составилъ... Вся канцелярія знаетъ.

— Врешь! на каждомъ... Ну, гдѣ ты не пилъ? Гдѣ пьянъ не былъ?

— Гдѣ!.. Гдѣ!.. Въ Дубоссарахъ не былъ!

А Мухояровъ сидѣлъ и не слышалъ ничего. Онъ кипѣлъ уже и отъ досады, и отъ самолюбія... Все то, на что во всякое другое время онъ не обратилъ бы можетъ-быть никакого вниманія, все это начало представляться ему въ увеличенномъ видѣ. Изъ мухи онъ сталъ дѣлать слона. Во всемъ томъ, на что въ спокойныя минуты онъ бы смотрѣлъ гораздо хладнокровнѣе, на что

всякій другой на его мѣстѣ просто бы наплевалъ (какъ и слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ), теперь онъ видѣлъ какой-то умыселъ, какую-то фанаберию со стороны Заруднаго. Богъ-знаетъ какія нелѣпыя идеи началъ подсказывать ему отуманенный неумѣреннымъ употребленіемъ вина разсудокъ... Ему стало казаться, что Зарудный явно пренебрегаетъ имъ, стало казаться, что и всѣ (великое слово *всѣ!*) это знаютъ, это видятъ, и та доля жолчи, которая живетъ въ сердцѣ всякаго человѣка, теперь, благодаря усиленному дѣйствию чертъ и парамъ шампанскаго, поднялась у Мухоморова, закипѣла нецашутку. Самолюбіе, щепетильное самолюбіе разыгралось въ немъ, и въ сердцѣ заговорило что-то похожее на чувство личной и глубокой обиды. Разсудокъ потерялъ власть свою надъ нимъ...

Но, Боже милостивый! за что же Зарудному особенно пренебрегать Мухоморовымъ? Чѣмъ гордиться? За что третировать его? Мстить чѣмъ за вадорное слово вчерашнее? Да!.. Въ Петербургѣ побывалъ!.. Аристократомъ сталъ!.. зазнался... Наслѣдство получилъ? Боишься, чтобъ меня на шею не пришлось дѣять? Заранѣе отстранить хочешь?.. Врешь!.. Не знаешь ты меня значитъ!.. Ты бѣденъ былъ... а я и тогда... а и тогда себя бы замучить позволилъ за тебя!.. Нѣтъ!.. врешь ты... Зарудный!.. врешь!.. — шепталъ Мухоморовъ, чувствуя на сердцѣ невыносимую, жгучую боль и горечь...

Ему бы выпить холодной воды со льдомъ, уйтя домой, лечь спать, успокоиться — а онъ, несчастный, отправился изъ салу въ буфетъ, потребовалъ еще бутылку шампанскаго, выпилъ еще стакама два залпомъ, съ ожесточеніемъ, и уже опьянѣлъ окончательно...

— Мухоморовъ! а Мухоморовъ! что ты тутъ дѣлаешь? раздался надъ самымъ ухомъ его голосъ одного изъ товарищей, когда подъ вліяніемъ послѣдняго приѣма вина онъ погрузился было въ какое-то самозабвеніе. — Что ты сидишь тутъ? продолжалъ тотъ, тряся его за руку: — пойдемъ играть. Банкъ великолѣпный!

— Что-о?.. играть?.. Играть? отозвался Мухоморовъ очнувшись. — Хорошо!.. хорошо!.. Да!.. пойдемъ! пойдемъ. — И Мухоморовъ поднялся съ мѣста. — Пойдемъ! Сорвемъ банкъ! вскрикнулъ онъ наконецъ, и невѣрными, но смѣлыми шагами пошелъ въ палатку. Въ головѣ и на сердцѣ у него былъ страшнѣйшій хаосъ...

XIV

Было уже далеко за полночь. Игра была въ полномъ разгарѣ. Много лопнуло банковъ, много сѣпилось банкометовъ, пока наконецъ счастье не склонилось на сторону одного избраннаго любимца. На этотъ разъ имъ былъ Зарудный. Онъ держалъ банкъ пополамъ съ Курнашевичемъ, который сѣдѣлъ тутъ же, съ нимъ рядомъ, зорко слѣдя за каждой ставкой и дѣлая необходимые расчеты. Зарудный металъ съ достоинствомъ, побѣдоносно, банкъ возрасталъ до огромной (конечно относительно, и сообразно съ офицерскими фондами) суммы. Густая толпа понтеровъ и простыхъ зрителей-аматеровъ, чуть не лежа на плечахъ другъ у друга, окружала столъ. Кто понтировалъ хладнокрѣвно, безстрастно, съ достоинствомъ и привлечемъ, кто напротивъ горячился, рвалъ карты, кидалъ ихъ подъ столъ съ разными энергическими эпитетами. Какой-то фатъ нѣсколько разъ принимался тутъ же жечь на свѣчкѣ сторублевую асигнацію! Восклицанія: *ка пе! По калибрану очко! Труа-де-бокю! Не пустишь ли, шельмовство, брандера? Бей своихъ, чужие будутъ болтаться!* перекрещивались, сыпались со всѣхъ сторонъ въ невѣроятномъ количествѣ.

А Зарудный металъ, и металъ вовсе неподозрѣвая какая буря разыгрывается въ сердцѣ Мухоморова, незамѣчая его отсутствія, позабывши даже кажется объ его существованіи. Попавши съ вчерашняго только вечера снова въ тотъ кругъ, отъ котораго почти уже отвыкъ, и попавши такъ-сказать въ самую бурную минуту, онъ былъ совершенно какъ въ чаду. Курнашевичъ овладѣлъ имъ совершенно! Игра и наконецъ выигривъшъ поглотила все его вниманіе, и ему даже некогда было придти мысли въ голову, что Мухоморовъ по прежнимъ ихъ отношеніямъ имѣлъ бы больше правъ на его вниманіе, чѣмъ этотъ Курнашевичъ, чѣмъ все эти тузы, короли, валеты и прочая карточная дребедень.

— Король, ва-банкъ! раздался вдругъ въ палаткѣ громкій глѣбсъ, дотога громкій, что все невольно повернули головы въ ту сторону, откуда онъ послышался.

— Король, ва-банкъ! повторилъ Мухоморовъ, порываясь къ

столу, перевернуть шапку и раставившая носовымъ въжлицю прочихъ понтеровъ, незамѣчая ихъ ропота. Съ какой-то странной самонадѣянностью хлопнулъ онъ всею пятернею по кучѣ асигнацій и полумисеріамовъ, лежавшихъ на столѣ въ банки, такъ что асигнаціи разлетѣлись въ сторону и задотъ зѣвня покатилося на полъ, задѣвъ и опрокинулъ локтемъ водосвѣчникъ, толкнулъ чей-то стаканъ съ чаемъ прямо на мушкетры одного изъ понтеровъ. Сцена начиналась довольно скандальна! Громкій хохотъ, шопотъ неудовольствія раздались кругомъ его, а Мухояровъ всыхнулъ, разсердился на свою неловкость, разсердился на хохотъ. Однакожь онъ не забылъ навинтиться.

— Кто мечеть? спросилъ онъ, когда нарушенный имъ порядокъ былъ снова восстанавливать, стараясь придать голосу своему возможно-серьезный тѣмбръ и показывая видъ, что въ совершенствѣ можетъ владѣть собою.

— Я мечу! отвѣчалъ Зарудный.

— Зарудный мечеть! подсказало нѣсколько голосовъ.

— вмѣстѣ со мною мечеть! прибавилъ Курнашевичъ какъ-будто нехотя и небрежно.

— А-а! протянулъ Мухояровъ, и протянулъ такимъ голосомъ, что всѣ снова невольно взглянули на него. И Зарудный въ недоумѣніи устремилъ на него взоръ, какъ-будто желалъ угадать что значило, какой смыслъ имѣло это протяжное, многозначительное: «а-а!» И онъ тоже встрѣтилъ устремленный на себя взглядъ Мухоярова, хотя омраченный, полернутый какою-то пеленою, но злобщій, вызывающій.

Въ головѣ Мухоярова дѣйствительно бродило что-то неясное и неопредѣленное, что-то похожее на искушеніе. «Мечеть Зарудный и еще съ Курнашевичемъ!.. Неужели же отступить?.. Неужели спасовать, стусеваться?..» вотъ идея, которая волновала нетрезвый разумъ его въ эти минуты. Зарудный стасовалъ карты.

— Ва-банкъ! произнесъ Мухояровъ, схватывая со стола первую попавшуюся ему карту и становясь гордо въ позицію храбраго понтера, протянувши правую руку съ картою на столъ, а лѣвою упершись въ бокъ, закинувши слегка голову назадъ и принявши самый рѣшительный видъ.

— Аіі да Мухояровъ! раздалось кругомъ: — прорывшеся!

прошерпились! болтулъ откуда-то изъ угла шестиплечный, веровный голосъ.

Курнашеничъ слегка тронулъ колѣномъ Заруднаго и тихо шопнулъ ему: «не мечите!» Зарудный медлять.

— Ну? спросилъ Мухояровъ.

— Не мечу! возразилъ тотъ, сръзавъ талию и открылъ карты. — То-есть тебѣ не мечу, прибавилъ Зарудный.

— Почему же именно *я* не мечешь? спросилъ Мухояровъ перовымъ и дрожащимъ голосомъ. Онъ запустилъ руку въ карманъ свой, чтобы вытащить оттуда бумажникъ, и слегка покачнулся на нетвердо-стоявшихъ ногахъ.

— Кумъ слишкомъ великъ! — И Зарудный началъ метать.

— Я отвѣчаю! сказалъ Мухояровъ и бросилъ бумажникъ на столъ.

— Не бью! отрывисто возразилъ Зарудный.

Мухояровъ отвалился немного корпусомъ назадъ, ядовито-насмѣшливо, пристально посмотрѣлъ на Заруднаго, взглянулъ на Курнашевича и вдругъ брякнулъ:

— Трррррр!..

Въ этомъ словѣ случайно прозвучало столько презрѣнія, тонъ, которымъ произнесено было оно, дотога былъ обиденъ, что многіе совершенно противъ воли вздрогнули и какъ-то инстинктивно взоръ каждаго обратился на Заруднаго. Смѣшная до сихъ поръ сцѣва начинала принимать видъ *исторіи*.

Зарудный на секунду поблѣднѣлъ. Онъ однакожъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ не отвѣтилъ на нелѣпую выходку Мухоярова и продолжалъ метать. Кончивши талию, онъ взглянулъ на Мухоярова, но герой нашъ не отходилъ отъ стола и снова выбиралъ изъ груди карты еще одну, видимо дожидаясь новой талии, сохраняя до крайности гордый и смѣшной видъ. Зарудный снова стасовалъ и сръзавъ

— Атанде! Идетъ ва-банкъ! произнесъ Мухояровъ.

Курнашеничъ снова толкнулъ Заруднаго. Счастье могло въ одну секунду измѣнить банкометамъ, и огромный выигрышъ пропалъ бы нивачто, лишиться его было-бъ жалко.

— Я сказалъ уже, что я вамъ не бью! возразилъ Зарудный серьезно и возвысивши голосъ. На него смотрѣло нѣсколько десятковъ глазъ, онъ это чувствовалъ и ему не хотѣлось уронить себя. Интересъ сцены возрасталъ, всѣ молчали.

— Почему же-съ это такъ? Почему, позвольте спросить васъ? заговорилъ Мухояровъ, упирая на словъ *васъ* и уже какииъ-то высококомѣрнымъ тономъ. Онъ слышалъ, что среди всеобщей почти тишины раздастся однакожъ какъ-будто неясный шопоть, едва сдерживаемый смѣхъ, и въ свою очередь тоже чувствовалъ на себѣ дѣйствіе чужихъ взглядовъ. Онъ впился взглядомъ въ Заруднаго и уже началъ рисоваться.

— Мухояровъ! оставь, оставь пожалуста! заговорило нѣсколько голосовъ. — Послѣ! послѣ! талія уже загнута!.. — Всякій инстинктивно почувствовалъ, что сцена мало-помалу принимаетъ характеръ угрожающій. Нѣкоторые отошли отъ стола, удалились отъ грѣха и сотворили благо. Маленькій, кровожадный, извѣстный въ полку подъ названіемъ «копчикъ», поручикъ Венжикъ, поспѣшно стеръ свою записку, захватилъ изъ банка свой выигрышъ и тоже отскочилъ отъ стола, устремивши издали зеленые глазки свои на дѣйствующихъ лицъ, явительно улыбаясь и ожидая чѣмъ все это кончится.

— Почему не хотите метать? повторилъ Мухояровъ вопросъ свой, настойчиво добиваясь отъ Заруднаго отвѣта.

— Мухояровъ! *Restez donc!* сказалъ Курнашевичъ, складывая на губахъ любезную, но фальшивую улыбку.

— Не ваше дѣло! грубо отрѣзалъ Мухояровъ.

— Потому (и Зарудный отвѣчалъ хотя вѣжливо, но твердымъ и нѣсколько надменнымъ голосомъ) потомучтò впервыхъ я не вижу расчета играть съ вами, а ввторыхъ — послѣ вашей дерзости.

— Господа, что за исторія! Мухояровъ, опомнись! что съ тобою? Къ чему это? Зарудный! что ты такъ горячо принимаешь это? Зачѣмъ отравлять удовольствіе! заговорили опять многіе въ толпѣ, уже ненашутку начиная тревожиться. — Проваливай, братъ! болтнулъ изъ угла прежній веселый, ненатуральный голосъ. — Ха-ха-ха! Проваливай! Нѣтъ тебѣ ни правой, ни лѣвой! Ха-ха-ха-ха!

Но уже Мухояровъ не владѣлъ собою...

— Чтожъ я шулеръ чтоли, что со мной играть нельзя! вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, непонявши настоящаго смысла словъ Заруднаго и только увлекаясь своею раздражительностью. При этомъ онъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что подствѣчники снова кувыркнулись и полетѣли на полъ.

Выходка эта уже оскорбила цѣлое общество.

— Довольно, г. Мухояровъ! вскрикнули всѣ разомъ. — Довольно!

Кто-то схватилъ было его за руку, но онъ съ силою вырвалъ ее.

— Дерзости?.. Что дерзости?.. Какія дерзости?.. продолжалъ Мухояровъ уже окончательнo придираясь и совершенно выходя изъ себя. — Вы считаете себя обиженнымъ?.. И тоже считаю себя обиженнымъ!.. Вамъ угодно стрѣляться со мною, чтоли?.. Бретеромъ въ Петербургѣ сдѣлался?.. Извольте!.. Завтра же!.. сейчасъ, когда угодно!.. къ услугамъ вашимъ! Чѣмъ скорѣй — тѣмъ лучше!.. Пересвѣтовъ! будь моимъ секундантомъ!..

Потомъ онъ сдѣлалъ всѣмъ какой-то общій невѣроятный реверансъ, окинулъ публику блестящимъ взглядомъ и съ театральнымъ эффектомъ, гордо удалился изъ палатки, прежде нежели озадаченный Зарудный и всѣ прочіе могли уразумѣть что все это значить.

Скандалъ вышелъ полный, совершенный... Игра само собою разумѣется прекратилась въ ту же минуту: такая неожиданная развязка сбила всѣхъ съ толку. Многие изъ патриотовъ полка еще такъ недавно рисовались передъ своими прѣзжими гостями общимъ благоприличіемъ полка, пускали пыль въ глаза благородствомъ и вѣжливостью взаимныхъ отношеній своихъ!.. Растерявшійся Зарудный въ волненіи бросилъ карты на столъ и началъ ходить лихорадочными, поспѣшными шагами, неумѣя дать себѣ отчета, не въ снѣгахъ будучи понять что такое именно съ нимъ случилось, воснѣ ли все это онъ видитъ, или наяву.

Въ первыя минуты никто почти изъ присутствующихъ не могъ произнести ни одного слова: такъ поражены были всѣ импровизаціей Мухоярова. Только Курнашевичъ остался еще за столомъ и началъ довольно заботливо сводить счѣты, по временамъ обращаясь по этому случаю то къ тому, то къ другому, да маленькій Венжикъ шепталъ что-то то тамъ, то здѣсь и какъ-то многозначительно хихикалъ.

Странное дѣло однакожь: всѣхъ тѣхъ, кто до сихъ поръ окружалъ Заруднаго, весело съ нимъ шутили и потировали ему, какъ-будто обламо горячимъ кипяткомъ... Никто не обратился къ нему, никто не ободрилъ его ни однимъ словомъ. Всѣ молча-

ли и какъ римскіе авгуры только вопрошительно перекидывались взглядомъ другъ съ другомъ, сторонясь отъ Заруднаго какъ отъ затуманеннаго и какъ-то серьезно-взвѣдно давая ему дорогу, когда тотъ, заложивши руки въ карманы своихъ шароваръ, быстро шагаль по палаткѣ взадъ и впередъ, разволнованный до послѣдней стѣпени. Наконецъ онъ схватилъ свою фуражку и беспокойно сталъ проматываться. Ему подавали руки, но рѣдко уже кто пожималъ его руку.

Мы заносимъ этотъ пустой, но выѣстъ съ тѣмъ и грустный фактъ на страницы нашей лѣтописи, но... и не удивляемся ему. Люди всегда поступаютъ такъ съ тѣмъ, на чью голову обрушится бѣда. «Всякъ отвѣчаетъ самъ за себя» — вотъ основной образъ ихъ мыслей въ подобныхъ случаяхъ. А до того, кто правъ, кто виноватъ, въ смыслѣ юридическомъ, дѣла никому нѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ вызовъ сдѣланъ, дѣло кончено: оба одинаково должны себя очистить...

Неменѣе того однакожь тотчасъ по уходѣ Заруднаго въ палаткѣ началось языковъ смѣшеніе... Курнашевичъ на минуту выбѣжалъ за Заруднымъ вслѣдъ и самъ предложилъ свои услуги быть его секундантомъ.

XV

Въ то время когда рыцарь ванъ, обыкновенно кроткій и добрый, а теперь разъярившійся, забывшійся до неприличія и опозорившій грубымъ поведеніемъ своимъ цѣлое общество, Мухояровъ бушевалъ еще въ палаткѣ; — приземистый; широкоплечій; черномазый, коротко стриженный, съ клочками шерсти выѣсто бакенбардъ, штабсъ-ротмистръ Пересвѣтовъ употреблялъ все усилія не допустить Мухоярова до унижительной сцены. Онъ то дергалъ его за рукавъ, то старался оттащить его отъ стола; между тѣмъ какъ физіономія его изобличала страшное безпокойство, даже можно-сказать страданіе.

Когда Мухояровъ вышелъ изъ палатки, онъ не только онъ одинъ, бросился вслѣдъ за нимъ. Онъ догналъ его въ буфетѣ, гдѣ ужъ тотъ приказалъ подать себѣ портвейну и жареную куропатку. Пересвѣтовъ хотѣлъ утишить бурю, свирѣпствовавшую въ сердцѣ Мухоярова,

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ?.. Какую обиду?.. За что ты придрамса, что за поводъ?.. Десять лѣтъ ждали вмѣстѣ... душа въ душу, — уговаривалъ онъ Мухоморова, еще потерявъ надежды дать другой оборотъ дѣлу. — не видѣлись цѣлый годъ... вчера только опять сошлись... и теперь...

— И теперь!.. Завтра!.. Я подстрѣлю его какъ эту куроцатку! вскричалъ Мухоморовъ, тыкнувши вилкою въ куроцатку и поднимая ее вверхъ.

Мухоморовъ былъ страшенъ въ эту минуту. Злость и дичиство, съ какими были сказаны имъ слова эти, поразили Пересвѣтова. Онъ остолбенѣлъ и выпучилъ на него глаза: первый разъ въ жизни онъ видѣлъ Мухоморова въ подобномъ вступленіи и почти почувствовалъ къ нему отвращеніе. «Неужели же это Мухоморовъ? подумалъ онъ. — Неужели это онъ?.. Нашъ идеализмъ, нашъ романтизмъ?..»

— Опомнись, братъ! приди въ себя! проговорилъ онъ наконецъ. — Что за слова, что за фразы?.. Что за реторика?.. Завтра же пожалѣешь ты самъ о томъ, что случилось... Завтра же раскаешься!..

— Что-о-о? заревѣлъ Мухоморовъ... — Я?!. расскаюсь!.. Дудки!.. Ха-ха-ха-ха!.. Нѣтъ!.. Я докажу, что не играю комедіи. И съ собой играть не позволю!.. Докажу этому Зарудному...

— Что за рѣчи?.. заикнулся было Пересвѣтовъ.

— За рѣчи свои отвѣчаю!.. всегда!.. вездѣ!.. наяву... во снѣ!.. Прощай, Пересвѣтовъ!.. до завтра!.. А теперь... молчи! Оставь меня!..

И Мухоморовъ схватилъ бутылку, плеснулъ изъ нея въ стаканъ, крѣпко стукнулъ ею объ столъ, и залпомъ осушилъ стаканъ. Онъ окончательно рисовался, говоря классическія, стереотипныя фразы.

Пересвѣтовъ пожалъ плечами. Спусти минуту онъ вышелъ изъ бунета, до глубины души взволнованный недавнею сценою подвига Мухоморова, подавленный предчувствіями, обезпокоенный такъ неожиданно, такъ быстро, что называется «съ ошк», возложенной на него обязанностию секунданта.

Какъ порожденіе той среды, съ правилами которой сжился весь существомъ своимъ, однимъ словомъ какъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, о которыхъ мы уже говорили, Пересвѣтовъ конечно не допускалъ даже въ себѣ мысли отвѣчать Мухоморову на пору-

ченіе его отказомъ, но какъ человекъ жнрнаго характера, какъ врагъ всякихъ ссоръ и исторій, онъ не могъ не скорбѣть глубоко душою, не страдать ото всего, что случилось. Ктому же онъ особенно любилъ Мухомрова, любилъ и Заруднаго — можетъ-быть именно любилъ ихъ за ихъ прежнюю, примѣрную дружбу... Вообще это былъ самый истинный, самый горячій патріотъ своего полка; всякое обстоятельство, относившееся до полка, обыкновенно онъ принималъ къ сердцу близко, горячо. Тоже романтикъ отъ природы, какъ и Мухомровъ, но еще въ большей степени, Пересвѣтовъ вѣчно жилъ въ какомъ-то идеальномъ (*à la militaire*) мірѣ и всегда больше для другихъ, нежели для себя самого. И страдалъ и радовался онъ за другихъ всегда всравненно живѣе, несравненно чувствительнѣе, нежели за себя; чья-нибудь размолвка, арестъ товарища, наказаніе солдата, неудача полка на церемональномъ маршѣ, ошибка на смотру — уже служили для него источникомъ тревогъ и мукъ душевныхъ, точно такъ какъ всякое обстоятельство, для полка вообще, или для кого-нибудь въ частности благопріятное, надолго служило для него предметомъ самаго высокаго наслажденія и сердечныхъ ликованій...

Какъ нѣкогда Каятула желалъ, чтобы весь народъ римскій имѣлъ одну голову для того, чтобы однимъ взмахомъ меча можно было отдѣлить ее отъ туловища, такъ Пересвѣтовъ желалъ бы кажется, чтобы весь родной сердцу его полкъ имѣлъ одну грудь, чтобы разомъ заключить ее въ свои объятія... И для него, какъ и для Мухомрова, за предѣлами полка, Другого міра не существовало... Однажды только во всю свою службу онъ попробовалъ взять отпускъ и поѣхалъ домой на четыре мѣсяца, но и тутъ не вытерпѣлъ, и черезъ шесть недѣль воротился назад... Напрасно родные хлопотали о его будущности, заискивали у сильныхъ лицъ для него протекцію, присылали ему во время войны рекомендательныя письма къ разнымъ начальникамъ штабовъ. Пересвѣтовъ могъ бы гдѣ угодно поступить въ адъютанты, къ кому угодно въ ординарцы, безъ хлопотъ перейти въ гвардію, — однимъ словомъ сдѣлать карьеру, но онъ прерравнолушно, немолбелась, рвалъ эти письма и бросалъ въ огонь, и если это было на биванѣ, то преспокойно запыпалъ на кучѣ соломы или престо на голой землѣ, жертвуя всѣми благами военной высшаго міра своей беззаветной привязанностію къ драго-

дѣльному полку... Чистота нравственныхъ свойствъ его заключае-
чада въ себѣ ничто баснословное, несообразное ни съ духомъ
времени, ни даже того общества, въ которомъ онъ вращался и
убѣжденіе и взгляды котораго насчетъ многихъ предметовъ,
какъ извѣстно, не всегда бывають безукоризненны, и кото-
рое наконецъ должно бы было наложить на него печать своего
вліянія...

О доблестный рыцарь добра, о благороднѣйшій типъ ар-
мейскаго штабсъ-ротмистра! Ты жилъ и дѣйствовалъ на своемъ
скромномъ поприщѣ, въ своемъ муравейникѣ, не наполицивши
міра славою имени своего. И можетъ-быть мы, одни мы когда-
нибудь извѣдаемъ свѣту честию сугубую исторію твою!... Если
Гоголь когда-то имѣлъ право сказать, что «надобѣль-де намъ
до крайности добродѣтельный человекъ, пора припрячь и плуто-
ватцаго», то не имѣемъ ли и мы право сказать, что прискучили уже
намъ, до пошлости пошлый человекъ? И настоитъ надобность
несомнѣнная въ типахъ иныхъ... (Зри г. Дружинина разборъ
«Обломова».) А до тѣхъ поръ только развѣ въ сердцахъ тѣхъ,
кто знавалъ тебя, о невзрачный, съ дугообразными, *колесомъ*
ногами штабсъ-ротмистръ, будетъ имя твое жить и поминаться
съ любовью, съ благоговѣніемъ, да вернувшись, цѣлѣ долгихъ,
долгихъ дѣтъ на родное пепелище, какой-нибудь цѣлѣшмѣвщій
и увѣчный Батоженко, или Куць, твой меньшій братъ по ору-
жію, раскажетъ сродникамъ своимъ, съ слезами на глазахъ, что
жилъ-де былъ-де на божьемъ свѣтѣ *дотошно* добрый чело-
вѣкъ! Да, много горемыкъ безответныхъ, несчастныхъ жертвъ
и служебныхъ случайностей спасъ ты на вѣку своемъ отъ ги-
бели конечной, рискуя собою незадумываясь, недорогожа собою,
чуждый эгоизма, полный самопожертвованія!

XVI

АРЕОПАГЪ

Тотчасъ по уходѣ Заруднаго изъ залатки, бывшей ареною
подѣнговъ Мухоморова, началось, какъ мы уже и сказали, смѣте-
ніе. Пріѣзжіе гости изъ приличія саблагоразсудили удалиться —
своего рода земско-житойскій тактъ, достойный уваженія,

потому что присутствие посторонних лиц послѣ совершившагося скандала уже могло женировать и стѣснять хозяевъ. Не выписываемъ подробно, съ буквальною точностью (поелику предѣлы лѣтописи нашей не дозволяютъ) всѣхъ спичей, всѣхъ преній по поводу *исторій*, а передадимъ лишь въ общихъ чертахъ то, что для уразумѣнія дѣла намъ будетъ необходимо.

Вотъ самая суть дѣла: исторія выходила изъ ряда обыкновенныхъ случаевъ. Это была не легкая размолвка, которую можно было потушить, заставивши на другой день извиниться одного, убѣдивши принять извиненіе другого. Здѣсь была сказана публично положительная дерзость: произнесено слово *трусъ* — слово, какъ извѣстно, болѣзненно-электрически дѣйствующее на сыновъ марса. Положимъ, оно сказано въ отношеніи къ картамъ, но это все равно. Во всякомъ случаѣ оно имѣетъ смыслъ обидный, и ктому же въ тонѣ, которымъ оно было произнесено, звучала обида — ergo, нужно опровергнуть это, доказать противное (1). Потомъ былъ сдѣланъ уже вызовъ на поединокъ, вызовъ публичный...

Отступенье невидимо,

Самъ Суворовъ не любилъ его!

гласить древній пѣхотный сигналъ. Ктому же вызовъ сдѣланъ при чужихъ, — исторія значитъ несомнѣнно грозила сдѣлаться гласною, разгнѣстись не только по уѣзду, но что всего важнѣе, стать извѣстною въ цѣлой (въ цѣлой!) дивизіи, такъ какъ здѣсь свидѣтелями ея были представители отъ всѣхъ полковъ. Случись она только при своихъ, ее еще можно бы было покончить какъ-нибудь миролюбивымъ образомъ; но здѣсь были именно чужіе, и въ случаѣ мировой, по общему закону человеческой, а тѣмъ болѣе броненосной, офицерской природы, могли дать дѣлу другое, невыгодное и обидное для цѣлаго полка истолкованіе. Что скажутъ о полкѣ, въ которомъ безнаказанно совершаются скандалы!

Таковъ былъ общій голосъ. Передъ грознымъ призракомъ общественнаго мнѣнія дивизіи аренагъ рѣшился принести очистительную жертву. Рѣшено, что дѣло должно кончиться такимъ образомъ, чтобы на полку совершенно никакого пятна не оставалось, кончиться безъ продолчекъ.

(1) Жена Цезаря не должна быть *подозрѣваема*! (Примѣч. позднѣйшее.)

Такъ бываетъ всегда или почти всегда. Законный, юридическій смыслъ дѣла въ этихъ случаяхъ всегда уходитъ на задній планъ. Общество для поддержанія своего достоинства эгонистически требуетъ крови и произноситъ приговоръ если не совѣсть хладнокровно, то все-таки обдуманно, имѣя въ виду одну цѣль — поддержаніе существующихъ обычаевъ и такъ называемой чести полка... поклоняясь идолу общественнаго мнѣнія и очень часто совершенно уравнивая въ глазахъ своихъ права и вины противниковъ.

И въ тоже время умываетъ оно руки, устраняетъ себя не только отъ всякой отвѣтственности передъ закономъ, но даже и передъ своею совѣстью, за кровь погибшаго на роковой чертѣ; остается равнодушнымъ къ будущей судьбѣ того, кто будетъ пощажонъ смертью только для того, чтобы послѣдующую жизнь свою провести съ именемъ убійцы, среди лишеній и позора, въ мученіяхъ души, въ угрызенияхъ совѣсти и раскаянія.

Было конечно нѣсколько голозовъ, и въ томъ числѣ голосъ Пересвѣтова, которые громко и энергически протестовали противъ общаго приговора, но эти голоса потерялись въ массѣ большинства, умолкали передъ другими, болѣе сильными авторитетами. И военныя общества имѣютъ своихъ боговъ, и кто хорошо знаетъ бытъ этихъ обществъ, тотъ конечно знаетъ и то, какую играютъ роль эти авторитеты. Чѣмъ приобретаются они, на какихъ основаніяхъ созидаются они — рѣшить трудно и вопросъ этотъ довольно сложный. Уваженіе къ нимъ не всегда впрочемъ есть дань достоинствамъ, а какъ и вездѣ, оно очень часто обуславливается причинами внѣшними, практическимъ ужьнемъ этихъ авторитетовъ подчинить вліянію своему все окружающее.

Въ настоящемъ случаѣ громче всѣхъ раздавался въ хорѣ голосъ одного изъ старыхъ офицеровъ, ротмистра Шварца, не того Шварца, о которомъ говорится въ рассказѣ гр. Толстого «Два гусара», а другого, вовсе на него непохожаго. Это именно былъ одинъ изъ тѣхъ практическихъ людей, которые приобретаютъ и вѣсъ въ обществѣ, и состояніе на службѣ безъ ущерба своей репутациі, единственно благодаря житейской опытности, уму и наконецъ строгой безпощадности своихъ приговоровъ. Въ полку его многіе положительно не любили за его холодный эгоизмъ, за его черствое, сухое сердце, за его педантизмъ, и въ

тоже время всё почти дорожили его мнѣніями. Это былъ своего рода кумиръ, оракулъ, предъ которымъ благоговѣли, проповѣдникъ своего рода идей, увлекавшій за собою множество солдатъ. Нѣчто вроде полкового раввина, какъ когда-то, подъ вселенъ частью, окрестилъ его Мухоморовъ.

Будучи хитеръ и остороженъ, онъ умѣлъ одинакомъ всегда такъ вести дѣла, что лично никогда не былъ замѣшанъ ни съ какую исторію, даже тогда, когда былъ моложе. Въ настоящее время по своему положенію стараго офицера онъ былъ, можно сказать, уже ви́дѣтъ столкновѣній, которыя чаще могутъ случаться во взаимныхъ отношеніяхъ молодыхъ людей еще не съ выработанными характерами, съ иппучей еще кровью, съ способностью еще увлекаться какъ хорошими, такъ равно и дурными чувствами. Въ рѣшеніяхъ вопросовъ щекотливаго свойства онъ, пеназывая вещей по имени, всегда умѣлъ дать общественному мнѣнію какое ему самому было угодно направленіе, привести мнѣніе цѣлаго общества къ оцѣнкѣ дѣла такъ, что самъ всегда оставался какъ-будто въ сторонѣ. И въ настоящемъ случаѣ онъ ловко и осторожно устранилъ себя отъ ответственности. Онъ говорилъ *вообще*, но каждое слово его, каждая мысль его приносила достойный плодъ.

А Мухоморова онъ имѣлъ тоже причины не любить, какъ и Курнашевича. Независимый отъ природы характеръ героя нашего, умѣвшій иногда приносить жертвы цѣлому обществу и подчиняться ему, не сносилъ деспотизма личнаго авторитета Шварца, отвергалъ права его въ дѣлахъ общественныхъ, какъ ветерана полка. Всякое проявленіе силы Мухоморовъ обыкновенно встрѣчалъ отпоромъ, а тѣмъ болѣе шолъ всегда наперекоръ Шварцу. Было и еще нѣсколько обстоятельствъ, всегда вставшихъ тайную вражду къ Мухоморову въ душѣ г. Шварца.

По убѣжденіямъ своимъ ротмистръ Шварцъ былъ бретѣръ, хотя положительно было извѣстно, что въ жизни своей онъ ни одной дуэли не имѣлъ. Что касается до наружности своей, то онъ всегда сохранялъ степенно-воинственный видъ, улыбался рѣдко, выражался тономъ диктатора, носилъ длинные усы, однимъ словомъ былъ типомъ своего рода, знакомымъ намъ душемъ, не однимъ намъ.

Но да позволено будетъ намъ маленькое разсужденіе. Во-первыхъ: что такое храбрость, храбрость вообще? Не

есть ли это известная температура крови? Не зависит ли степень ее и свойство (храбрость бываетъ разнаго сорта: одна смотритъ смѣло опасности въ глаза, другая зажимуривается и очертя голову бросается впередъ) отъ известнаго настроенія духа и (да не оскорбятся люди храбрые) отъ физическаго состоянія нашего организма? Въѣдъ упалъ же духомъ и даже проигрывалъ сраженія самъ великій Наполеонъ, когда у него, съ позволенія сказать, побаливалъ желудокъ?

б. Въ вторыхъ: храбрость, въ сраженіи въ виду реляцій и наградъ, это условное мужество, которое требуетъ отъ человѣка на барьерѣ въ десяти шагахъ — двѣ вещи совершенно различныя. Въ самомъ дѣлѣ много нужно имѣть въ запасѣ и энергіи, и дѣйствительнаго мужества (кромя другихъ условій), становясь на ровную черту, съ полнымъ сознаніемъ: съ одной стороны всей преступности факта: противъ законовъ и религіи, и гражданскихъ, и чисто-нравственныхъ, съ положительнѣйшею утѣренностью съ другой стороны, что строгій и неумолимый законъ неощадитъ будущности того, кому суждено будетъ остаться въ живыхъ, неговоря уже о неизбежныхъ мукахъ раскаянія.

в. Былъ и другой голосъ, сильно вторившій голосу Шварца, и голосъ этотъ разумѣлся былъ голосъ Курнашевича. Маленькій Венжикъ тоже поднимался на цыпочкахъ, щебеталъ что-то о чести, о point d'honneur'ѣ, о сатисфакціи, о патнахъ, о дивизиѣ. Нѣкогда въ жизни ему удалось припугнуть какого-то пѣхотнаго водворуника и съ тѣхъ поръ онъ сталъ себя считать тоже лѣтъ-то продѣ дуалиста. Сказать короче, нѣсколько подобныхъ, слегка очерченныхъ нами личностей увлекали за собою другихъ, съ болѣе слабыми характерами, но съ немецке щекалывыми и расфинированными понятіями.

.....
..... XVII

Какъ римскимъ гладіаторамъ, Зарудиному и Мухомрову промѣненъ былъ безошадный приговоръ: стрѣляться, стрѣляться, *para bene — безъ комедій.*

Что думалъ въ эти минуты каждый изъ этихъ наумытныхъ судей этого ареопага, пусть екажетъ ихъ собственная совѣсть. И обвинимъ ли мы съ своей стороны этихъ людей, когда убѣ-

жданія ихъ привились къ нимъ съ раннихъ лѣтъ, перешли къ нимъ по преданію, стали чуть-чуть не святынею, чуть-чуть не закономъ, хотя быть-можетъ и противнымъ ихъ нравственному чувству, но все-таки закономъ, котораго они стали послушными и слѣпыми рабами? Внутренно сожалѣя о случившейся исторіи, каждый изъ нихъ однакожь былъ искренно убѣжденъ, что дѣло много исхода имѣть не должно и не можетъ. Такова ужь видно судьба. *Habent sua fata* офицеры!

Да и наконецъ какъ же иначе (разумѣй офицерскую точку зрѣнія), какъ же иначе могло бы дѣло окончиться? Ужели подвиги Мухоярова должны разрѣшиться комедіей, какою-нибудь смѣшною, водевильною сценою вродѣ «примиренія двухъ друзей»? Ужели Мухояровъ затѣетъ мелодраму и будетъ просить прощенія у обиженнаго имъ друга, а Зарудный отвѣтитъ тоже мелодрамою въ свою очередь, великодушно проститъ его, и запѣвъ нѣжный дуэтъ, упадутъ они въ слезахъ въ объятія другъ другу, грудь на грудь, при стеченіи многочисленной публики, и умилась духомъ воскликнуть: «давай, Вульфъ, шампанскаго»!

Ареопагъ разошелся. Чувствовали ли эти люди, между которыми было много людей однакожь положительно добрыхъ и хорошихъ, эти люди, такъ безопасно, такъ весело прокутившіе предшествующій день, еще такъ недавно, такъ дружелюбно, въ круговую сидѣвшіе и пѣвшіе *состыда*, этотъ священный символъ дружбы и единства, еще такъ недавно увлекавшіеся до самыхъ нѣжныхъ сердечныхъ изліяній, задыхавшіеся отъ страстныхъ мотивовъ «Лючіи» и въ избыткѣ чувствъ чуть не проливаяшіе слезъ радъ судьбою несчастнаго Эдгара, царапавшіе себѣ чуть не до крови грудь, — чувствовали ли они, говоримъ мы, какой вопіющею имѣло характеръ готовящееся совершиться ихъ преніями подготовленное событіе? Понимали ли они какую они на себя берутъ роль, какую отвѣтственность берутъ они на себя передъ судомъ судіи судей?..

Но какое дѣло было имъ до причинъ, до поводовъ случившагося, какое дѣло до прежнихъ отношеній Мухоярова и Заруднаго! Довольно того, что фактъ совершился. Честь полка достойнымъ образомъ должна быть поддержана, а иначе —

Что будетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?

То-есть что скажетъ дивизія?.. По кодексу ихъ обычаевъ они исполнили свою обязанность.

XVIII

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Было уже два часа утра, когда Мухояровъ возвратился на квартиру. Онъ бросился на свою походную желѣзную кровать и забылся сномъ, но какимъ-то сномъ чуткимъ, лихорадочнымъ. Въ головѣ его еще шумѣли пары. Вообще это было то неприятное, то мучительное, горячее состояніе, которое испытываетъ организмъ послѣ жестокой выпивки и когда одурѣніе отъ пьянства начинаетъ однакоже проходить. Сквозь сонъ Мухояровъ чувствовалъ страшные приливы крови къ головѣ, боль въ затылкѣ, въ темени, въ вискахъ; раздражонныя внутренности его трепетали; чудилось ему, что на груди у него лежитъ что-то, словно тяжелый камень, сердце какъ-будто болѣзненно ноетъ. Было ли это прямое послѣдствіе невоздержно проведеннаго дня, или смутная работа хотя слабо, но еще дѣйствующей мѣкли надъ тѣмъ, что случилось такъ недавно? или наковецъ предчувствіе готовящейся катастрофы?

Горячее и прерывающееся дыханіе судорожно волнуешь грудь его, а въ распаленномъ воображеніи неясно и безсвязно повторяются всѣ сцены бурно проведеннаго вечера, слышатся ему звуки музыки, мотивы Лючіи, «наливай братъ, наливай, наливай полнѣе!» весь этотъ шумъ и гулъ, весь этотъ содомъ; мелькаютъ знакомыя фizioноміи, слышатся знакомые голоса и гомерическія рѣчи; отъ времени до времени проносится передъ нимъ образъ Заруднаго; нескончаемая вереница тузовъ, королей, дамъ, валетовъ и прочей карточной сволочи пестритъ передъ его глазами, звонъ разсыпавшагося золота, стукъ подсвѣчника отдается въ ухахъ его.

— Ва-банкъ! вскрикиваетъ Мухояровъ спросонья, но такимъ дикимъ, такимъ громкимъ голосомъ, что самъ просыпается отъ его звуковъ.

А между тѣмъ свѣжій утренній, ласкающій лучъ солнца уже волною льется въ его комнату, и прохладный ранній вѣтерокъ

освѣжающей, живительной струей дышетъ сквозь растворенное окно, играя зелеными кисейными занавѣсками. Золотистый шмель влетѣлъ съ надворья и жужжа толчется подъ потолкомъ. За окномъ въ саду на близьрастущей вишнѣ весело чирикаетъ воробей, охорашивается и любопытно заглядываетъ въ окошко, кивая головкой направо и налево. Изъ сѣней избы слышится шипѣнье самовара, звонкіе голога и смѣхъ хозяйскихъ дѣтей, парашающихся въ дверь къ Мухоярову, и ласковое ворчанье на нихъ Кожемяки.

Черезъ минуту Мухояровъ всю верхнюю часть туловища поднявъ на кровати и судорожно обхватилъ себя голову обѣими руками... Нервическая дрожь пробѣжала у него по всему тѣлу: самосознаніе воззрѣлось воочию. Съ поразительной, неумолимою ясностью вспомнилъ онъ все... все до-чиста, все вчерашніе рыцарскіе подвиги свои. И ему стало стыдно, до боли сердца стало стыдно за свое вчерашнее увлеченіе, стало страшно — страшно за себя, страшно за Заруднаго... Онъ вспомнилъ послѣднюю свою, полную наглара, бретѣрскаго цинизма выходку, когда въ куропатку, въ присутствіи Пересвѣтова — и чувство негодованія, презрѣнія къ самому себѣ охватило все существо его...

На мгновеніе у него промелькнула было въ головѣ мысль броситься тотчасъ же къ Зарудному, прижать его къ груди своей, чистосердечно повиниться, сказать: «Братъ! прости! я виноватъ передъ тобою... Но... прости меня... Отпусти мнѣ вину мою!» Но это быстрое инстинктивное движеніе сердца его черезъ минуту уступило мѣсто другимъ чувствованіямъ. Ему снова пришла на память все малѣйшія подробности вчерашней сцены, ходотъ присутствующихъ, саркастическіе взгляды ихъ, собственный задоръ свой... Обида, вызовъ были сдѣланы публично, следовательно и извиненіе должно быть принесено тоже публично, не только передъ цѣлымъ полкомъ, но и при постороннихъ лицахъ — и стыдъ иного рода, основанія котораго нужно искать въ самолюбіи, заговорилъ въ сердцѣ Мухоярова. Убѣжденія Шварца и жолобныхъ ему, мысль: что скажутъ? съ быстротой молніи представились уму — и грозный призракъ общественнаго мнѣнія, съ своими строгими и непреложными законами началъ выростать передъ нимъ до колоссальныхъ, угрожающихъ размѣровъ. Мухояровъ затрепеталъ передъ этимъ призракомъ. Его

прошедшее до сихъ поръ было такъ чисто, такъ свѣтло... Вчера онъ заварилъ кашу, сдѣлалъ исторію, — долженъ же и отвѣчать за это, долженъ же и очистить себя, какъ слѣдуетъ офицеру честному и благородному, не унижить себя!

— Нѣтъ! сказалъ онъ самъ себѣ: — извиняться значитъ навсегда погубить себя! Я людей знаю! Будь что будетъ! — Онъ не зналъ еще того, что извиненіе было уже по рѣшенію полка и безъ того невозможнымъ.

И онъ всталъ, принявши твердую рѣшимость выдержать роль свою до конца. «Къ дружбѣ все равно возврата быть уже не можетъ, думалъ онъ. — Нечего дѣлать, будемъ стрѣляться!»

Въ простотѣ души своей онъ не допускалъ даже мысли, что можно иногда мѣтить противнику въ лобъ, и все-таки ловко выпустить выстрѣлъ на воздухъ, однимъ словомъ совершить изъ дуэли комедію. Онъ не былъ ни самъ лицемѣромъ, ни предполагалъ лицемѣрія въ другихъ, и былъ увѣренъ, что и это дѣло, какъ и всякое, требуетъ полнѣйшей добросовѣстности.

Два ведра холодной воды, которою окатилъ его съ головы до ногъ Кожемяка, освѣжили утомленные его вчерашнею оргіею члены. придали нѣкоторую бодрость духу. Онъ напился чаю, потомъ вышелъ на дворъ и сѣлъ на свою заваленку, на ту самую заваленку, на которой мы познакомились съ нимъ въ началѣ нашего разказа.

XIX

Еще звонче, чѣмъ тогда, стоялъ теперь стонъ въ утреннемъ воздухѣ, еще быстрѣе рѣяли стрижи и ласточки въ поднебесномъ пространствѣ, еще ярче блестяли подъ лучами солнца волны Буга, съ ревомъ прыдая и дробясь о пороги, разсыпаясь миллионномъ разноцвѣтныхъ брызгъ; еще привѣтливѣ манила взоры къ себѣ таинственная сивѣющая степь, слегка подернутая сизою пеленою утренняго, несовѣмъ разсѣявагося тумана; еще благоуханнѣ дышала она, посылая вмѣстѣ съ струями вѣтерка бальзамическій запахъ своихъ цвѣтовъ и злаковъ.

Но Мухоморовъ ничего не замѣчалъ. Однѣ только сцены, въ роляхъ сцены предшествующей катастрофы упрямо рисовало передъ нимъ его воображеніе. Мысль о слѣдствіи, объ уголо-

вновь судѣ, порою тоже глухо и тяжело отзывалась въ сердцѣ его. Злобы къ Зарудному, которая такъ было разыгралась въ немъ, теперь онъ уже не чувствовалъ, отъ нея не осталось и слѣда, и даже какое-то особое, до чрезвычайности странное чувство начало брать верхъ надъ всѣми другими, чувство такое, что какъ-будто Заруднаго глубоко и кровно оскорбилъ не онъ, Мухояровъ, а кто-нибудь другой, и что обида ихъ какъ-будто общая. Лучшая часть его сердца опять обратилась къ Зарудному. Онъ простилъ уже ему его холодность, его невниманіе, его обращеніе съ собою — и сталъ обвинять уже только одного, себя.

И онъ снова готовъ уже былъ принести жертву... Онъ рѣшился задавить въ себѣ всѣ порывы самолюбія. И онъ сталъ ждать прихода Пересвѣтова, чтобы уполномочить его на это, точно такъ какъ уполномочилъ вчера его на другое дѣло, сталъ ждать съ такимъ нетерпѣніемъ, что у него слѣзались даже горячка. Наконецъ онъ воротился въ избу и опять бросился на кровать, волнуясь отъ ожиданія, трепеща отъ неизвѣстности. Пересвѣтовъ одинъ бы можетъ-быть понялъ его драму, его побужденія, его благородное сознаніе вины своей, одинъ бы не оскорбилъ его укоромъ, подозрѣніемъ въ малодушіи... Но онъ зналъ также и то, что кромѣ Пересвѣтова есть другіе. Онъ догадывался, онъ зналъ, что тамъ можетъ-быть въ эту минуту рѣшается его судьба и грозное судилище изрекаетъ надъ нимъ свой приговоръ...

Вошелъ Пересвѣтовъ, мрачный, задумчивый, серьезный, по обыкновенію посвистывая, но какъ-то особенно безнадежно. Некрасивое лицо его позеленѣло еще болѣе и въ глазахъ его горѣлъ дѣхорадочный огонь. Какъ жадно, какъ пристально взглянулъ въ эти добрые сѣрые глаза Мухояровъ, какъ хотѣлъ онъ угадать скорѣе въ нихъ свой приговоръ! Онъ еще надѣялся, что Пересвѣтовъ войдетъ съ улыбкой, полусмутья, полусерьезно спроситъ его, помнитъ ли что онъ вчера надѣлалъ, слегка, по-товарищески пожуричь его, и опять-таки спроситъ, что думаетъ дѣлать теперь.

— Ну? спросилъ Мухояровъ, глядя пристально въ глаза Пересвѣтова и съ замираніемъ сердца ожидая отвѣта.

Пересвѣтовъ опустилъ глаза и присѣлъ на стулъ около кровати Мухоярова. Онъ присвистнулъ еще безнадежнѣе.

— Ну? повторилъ Мухояровъ настойчиво, несводя глазъ съ него и чуя недобрую вѣсть.

— Да чтожь?.. поговоримъ... объ условіяхъ... тихо отвѣтилъ Пересвѣтовъ.

— А полкъ? полкъ что?

— Извѣстно... — И Пересвѣтовъ еще разъ свистнулъ, еще ниже наклонилъ голову.

Мухояровъ стиснулъ зубы. Трусомъ онъ не былъ, смерти не боялся. Онъ видалъ ее неразъ лицомъ къ лицу, въ обстоятельствахъ самыхъ различныхъ...

Но здѣсь онъ вдругъ упалъ духомъ. Онъ содрогнулся... не передъ призракомъ смерти, а передъ величиною вѣстунства.

— Поправить... нельзя? глухо прошепталъ онъ, обращаясь къ Пересвѣтову. Тотъ отрицательно махнулъ головою и закусь губу.

Спустя минуту Мухояровъ быстро всталъ съ кровати. Онъ поднялъ высоко голову, выпрямилъ станъ и ровными, твердыми шагами началъ ходить по комнатамъ. Подвижной, быстро принимающей и мѣняющей впечатлѣнія характеръ его весь выразился въ этомъ движеніи. Во взглядѣ его вдругъ блеснули искры, густой румянецъ вспыхнулъ на щекахъ его и гордая улыбка озарила лицо его, а на лбу явственно обозначилась крупная жила. Да! онъ понялъ, что уже теперь нѣтъ надежды никакой, что или онъ, или Зарудный должны быть принесены въ жертву страшному чудовищу — одному часто рѣченному общественному мнѣнію...

— Да будетъ! сказалъ онъ самъ въ себѣ, подъ напѣишемъ новой, вдругъ осѣнявшей его мысли: — да будетъ! Исполнишь же свой долгъ! Омоемъ кровію, своею кровію занятанную нами честь полка!.. Искупимъ смертію непотребное увлеченіе свое, свой недостойный порывъ!

— Скажешь ли ты мнѣ по крайней-мѣрѣ причины вашего разрыва? заговорилъ съ участіемъ Пересвѣтовъ. — До сихъ поръ я понять не могу.

Мухояровъ махнулъ рукой. — К чему? сказалъ онъ. — Не все ли для полка равно? Дѣло сдѣлано, и исходъ одинъ. И вѣдь принимаю это.

— Но неужели мнѣ-то... неужели мнѣ-то ты не скажешь?

Мухомровъ горько улыбулся. Онъ подошелъ къ Пересвѣтову, всталъ его за руку, сжалъ ее и горячо поцѣловалъ его въ лобъ.

— Пересвѣтовъ! добрая, честная душа ты! сказалъ онъ. — Я Заруднаго оскорбилъ. Я и отвѣчаю за это, я при чужихъ сдѣлалъ гнусную сцену, опозорилъ полкъ. И тоже отвѣчаю. Но не спрашивай меня! Причины такъ странны, такъ пошлы, виновата во всемъ глупая природа моя, характеръ, да вотъ этотъ (Мухомровъ указалъ на свое сердце) этотъ скверный кусокъ мяса!

Пересвѣтовъ кажется догадывался и самъ, что это были за причины. Онъ самъ подмѣтилъ въ Зарудномъ перемѣну, былъ свидѣтелемъ встрѣчи.

— А насчетъ условій, продолжалъ Мухомровъ, уже болѣе спокойнымъ голосомъ, послѣ небольшой паузы и снова начинающая ходить, — скажу такъ: на все, что угодно будетъ сдѣлать тебя, что предложитъ Зарудный, что прикажетъ полкъ — я исполню и впередъ согласенъ. Меня же, прошу тебя, уволь отъ этого.

Чувство деликатности не позволило Пересвѣтову заикнуться объ извиненіи, о томъ, чтобы Мухомровъ взялъ слово свое назадъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ премій аренага, зналъ его окончательное рѣшеніе, недопускавшее даже мысли объ апелліаціи.

XX

А что же Зарудный?

Но мы думаемъ, что съ помощью воображенія и безъ насъ всякій легко можетъ составить себѣ понятіе о томъ, что должно было происходить въ душѣ его. Что же касается до насъ, то мы и безъ того уже утомлены этою повѣстью о душевныхъ тревогахъ нашего героя.

Впрочемъ кто же виноватъ? «Подѣломъ вору и мука!» гласитъ древнее руссійское рѣченіе наше. Какое дѣло намъ, что онъ романтикъ, что на все онъ смотритъ въ увеличительное стекло, что характеръ его не выработалъ, что не всегда умѣетъ онъ владѣть собою, обуздывать себя въ горячіи часъ?.. Кого наконецъ обвинять въ этомъ? Статуру ли его, этотъ ли скверный, но его

выраженію, кусокъ мяса, его ли самого, тѣхъ ли, на чьей обязанности лежало его воспитаніе?.. Вопросы эти рѣшать не намъ. Наше дѣло факты, факты, факты! А онъ...

Пусть его страдает!

Пораженный неожиданностью вчерашняго приключенія и вызовомъ Мухоярова и отчасти подозрѣвая настоящую причину придрвки послѣдняго, Зарудный тоже не могъ заснуть почти во весь остатокъ ночи. Только признаніе своей правоты (потомучто по убѣжденію своему онъ не считалъ себя особенно противъ него виноватымъ) да мысль, что несмотря на дерзкую выходку Мухоярова, сумѣлъ онъ удержаться въ границахъ приличія, не унизиться до непристойныхъ сценъ, усмиряла волненіе его крови. Ему стало даже обидно, что этотъ злой Мухояровъ такъ легкомысленно, такъ дерзко бросилъ ему вызовъ въ лицо богъ-знаетъ за что. Внутреннее чувство однакожъ подсказывало ему, что онъ правъ несовсѣмъ. Онъ вспомнилъ исторію со стеклышкомъ, свою гримасу, свою холодность въ первыя минуты встрѣчи съ Мухояровымъ, отказъ идти къ нему на квартиру, поведение свое съ нимъ на другой день. И своя доля добрыхъ свойствъ начинала было одерживать верхъ въ душѣ его... Совѣтъ стала упрекать его уже во многомъ. Зачѣмъ наиримѣръ, когда Мухояровъ поставилъ карту, зачѣмъ онъ не металъ ему? Не все ли равно, Мухояровъ ли бы выигралъ, или онъ? Развѣ прежде не все у нихъ было общее? Положимъ, что онъ игралъ пополамъ съ Курнашевичемъ, но развѣ нельзя было бы свести счетовъ? Онъ зналъ характеръ Мухоярова, отчасти вспыльчивый, нетерпящій противорѣчій, и кому же Мухояровъ на этотъ разъ былъ не въ нормальномъ состояніи: такъ почему-жъ бы ему не сдѣлать и уступки? Зачѣмъ наконецъ не обратить было всего въ шутку, а непремѣнно принять какой-то серьезный тонъ, сказать наконецъ это несчастное вы, — вы, которое въ устахъ Заруднаго имѣло на Мухоярова дѣйствіе искры, брошенной въ порохъ? Зачѣмъ было напомнить Мухоярову печально сорвавшееся съ языка его слово, счесть его за дерзость и выказать свое негодованіе? Развѣ не видѣлъ онъ, что Мухояровъ былъ самъ не свой, почти не владѣлъ своимъ разсудкомъ, былъ пьянъ однимъ словомъ?

Пусть же придетъ онъ, — думалъ онъ далѣе, — пусть придетъ

Мухояровъ, пусть соблюдеть необходимый *decorum*, пусть возьметъ свой вызовъ назадъ. Я охотно съ нимъ помирюсь, расцѣлюсь по-старинному... Физическое утомленіе однакожь взяло верхъ и Зарудный къ утру задремалъ, убаюканный мыслію о примиреніи.

Проезнувшись и открывши глаза, онъ былъ однако пораженъ самымъ непріятнымъ образомъ. Онъ увидѣлъ Курнашевича уже за работой: онъ собственноручно разбиралъ и чистилъ писто-леты. Заруднаго точно змѣя ужалила... Онъ вспомнилъ, что Курнашевичъ вчера самъ, насильно навязался къ нему въ секунданты, и прежде нежели онъ сообразилъ что ему дѣлать, — Курнашевичъ поздоровался съ нимъ пофранцузски, сдѣлалъ рукою граціозный жестъ и мило улыбнулся... почти такъ, какъ улыбаются только женщинамъ.

Почти въ тоже время явился и Пересвѣтовъ. Какъ и Мухояровъ, жадно взглянулъ Зарудный въ лицо пришедшаго, но ничего кромѣ сосредоточеннаго унынія не прочелъ на этомъ лицѣ:..

Итакъ Мухояровъ непремѣнно хочетъ стрѣляться со мною?.. Итакъ вчерашняя сцена не простая, мимолетная вспышка? подумалъ онъ. И онъ почувствовалъ, что сердце его похолодѣло.

— Откуда вы? спросилъ Курнашевичъ небрежно-въжливѣмъ тономъ.

— Отъ Мухоярова.

— Чтоже вы скажете намъ хорошаго?

Но Пересвѣтовъ не отвѣчалъ на этотъ вопросъ, а обратился къ Зарудному.

— Ты меня извини, братъ! заговорилъ онъ лихорадочнымъ шопотомъ: — прости меня, что я секундантомъ у Мухоярова, но онъ позвалъ меня, позвалъ неожиданно, отказаться я не могу, самъ ты знаешь порядокъ, самъ разсуди.

Зарудный пожалъ ему руку. — Ну, чтоже дѣлать!.. Это сдѣлалъ бы всякій изъ насъ! сказалъ онъ, стараясь принять равнодушный видъ.

Пересвѣтовъ вызвалъ Курнашевича на дворъ; здѣсь, при Зарудномъ, онъ не хотѣлъ объясняться съ нимъ насчетъ условій дуэли... Курнашевичъ предлагалъ, чтобы противники *сходились на барьеръ* и разстояніе между чертами назначалъ десять шаговъ: ему кажется было бы все равно, еслибы даже они стрѣлялись *черезъ платокъ*. Пересвѣтовъ съ своей стороны наставлялъ, что-

бы Зарудный и Мухомровъ стрѣляли вмѣстѣ по командѣ, и не бляже какъ въ пятнадцать шагахъ. Онъ рассчитывалъ въ этомъ случаѣ на горячность стрѣляющихся, на невѣрность выстрѣловъ, какъ на неизбѣжное слѣдствіе торопливости, и слѣдовательно на раны менѣе опасныя.

— Да вѣдь это будетъ комедія! говорилъ Курнашевичъ язвительно: — какъ же можно допустить это?.. Что скажутъ? Вы вѣдь слышали о чемъ была рѣчь вчера?..

— Чтожъ, развѣ вы непременно хотите убійства? Десять шаговъ — вѣдь это почти въ упоръ. Если одинъ промахнется, то другой подзоветъ его къ барьеру, и убьетъ непременно. Выдержавши противъ себя выстрѣлъ, онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ всѣ шансы... близость разстоянія, и главное дѣло хладнокровіе... будетъ стрѣлять какъ въ мишень... Какъ хотите, а этого допустить нельзя. Согласитесь, что дѣло это совершенно пустое. Я понимаю обиду кровную, а здѣсь, вы сами знаете... просто вспышка... Не требуй полкъ — они бы можетъ-быть просто помирились. И вы... вы много въ этомъ виноваты! — Пересвѣтовъ до того разгорячился, что на щекахъ его сквозь зеленатый цвѣтъ кожи загорѣлся густой румянецъ.

Наконецъ они согласились бросить жребій — и онъ выпалъ въ пользу предположенія Пересвѣтова. Рѣшено быть поединку на слѣдующій день рано утромъ.

— Я почти увѣренъ, замѣтилъ Курнашевичъ, когда Пересвѣтовъ уже уходилъ отъ него, — что дѣло кончится вздромъ... Это значить срамиться секундантамъ.

XXI

Въ полковомъ штабѣ конечно были приняты всѣ мѣры, чтобы исторія о ссорѣ и о назначенномъ поединкѣ не дошла до слуха командующаго полкомъ. Добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ обязанъ бы былъ, какъ лицо официальное, тотчасъ же разстроить дѣло и даже подвергнуть кого слѣдуетъ изысканію. Все равно исторія сдѣлалась бы гласною, а между тѣмъ осталась бы неконченою и оставала бы по себѣ неблаговидную тѣнь...

Между тѣмъ шикантность предмета интересовала всѣхъ. Въ разныхъ концахъ деревни по временамъ собирались группы, съ

приличною таинственностью и осторожностью бесѣдуя о предстоящей катастрофѣ. Любопытные люди то и дѣло шныряли то къ Курнашевичу, то къ Пересвѣтову, чтобы узнать какъ идутъ дѣла, какія избраны условія etc., чтобы въ свою очередь распространять другимъ или повѣрить свѣдѣнія, представить свои соображенія, вложить свою лепту... Никто не увѣждалъ изъ штаба: всѣ ждали чѣмъ разрешится дѣло; даже прїѣзжіе гости оставались здѣсь, имѣя въ виду привезти къ себѣ *домой* (то-есть въ свои полки) интересную новость. Въ карты тоже не играли. Едвали впродолженіи цѣлаго этого дня составила одна или двѣ партіи въ ералашѣ. Маленькій Венжикъ суется больше всѣхъ: для него подобная оказія была настоящимъ праздникомъ. Онъ тоже леталъ то къ одному секунданту, то къ другому, то наконецъ къ Шварцу, которому сообщалъ шопотомъ всѣ подробности. Забѣгалъ онъ даже и къ Зарудному, и къ Мухоярову, будтобы мимоходомъ, такъ-себѣ, *faire une visite*, но на самомъ дѣлѣ посмотрѣть — что? какъ они? въ какомъ духѣ? съ какими физіономіями?..

Курнашевичъ былъ очень авантаженъ въ этомъ день: онъ даже зависся и принапудрился, надѣлъ подъ китель какой-то фантастическій атласный бѣлый жилетъ съ маленькими форсезными номерными пуговочками. Кромѣ того устроилъ человѣка на четыре довольно вкусный обѣдъ, какъ слѣдуетъ съ шампанскимъ... Но обѣдъ былъ вялъ, и послѣ его тотчасъ же гости подъ разными предлогами разошлись домой, недоставивши Курнашевичу удовольствія подольше порисоваться передъ собою.

Зарудный былъ тоже не въ духѣ. «Итакъ Мухояровъ рѣшился—таки непремѣнно стрѣляться со мною! разсуждалъ онъ между прочимъ самъ съ собою. — Что онъ придумалъ ко мнѣ съ умысломъ — ясно какъ день... И до причинъ этого теперь уже дѣлать... время ли разбирать ихъ теперь? Довольно того, что онъ поставилъ меня вчера въ такое положеніе. Вѣдь не отказываться же мнѣ отъ вызова!..»

— Что вы задумались? спросилъ его Курнашевичъ, когда уходъ гостей послѣ обѣда они остались только вдвоемъ. — Courage, m—г Зарудный! Завтра дѣло кончится какъ слѣдуетъ... Вы себя не уроните, я надѣюсь... Но какой этотъ Мухояровъ. . c'est un impertinent! За что, спрашивается, сдѣлалъ онъ вамъ такую

скандалёзную сцену?.. Онъ сдѣлалъ вамъ афронтъ передъ цѣлымъ полкомъ... Вся дивизія теперь объ этомъ будетъ знать...

— Я самъ удивляюсь, возразилъ Зарудный. — Мы всегда жили дружно... Вы знаете, что когда-то даже онъ миѣ два раза спасъ жизнь...

— Я незнаю вашихъ прежнихъ отношеній! быстро перебилъ Курнашевичъ: — я знаю только то, что онъ рѣшился нанести вамъ оскорбленіе, вызвать васъ, и что безъ всякаго сомнѣнія непремѣнно постарается убить васъ... Ахъ да! à propos!.. Я и забылъ сказать вамъ: знаете ли что говорилъ онъ потомъ въ буфетѣ?.. Миѣ сказывалъ этотъ маленькій... какъ его?.. ce petit Венжикъ: онъ слышалъ какъ Мухояровъ говорилъ, что онъ убьетъ васъ какъ куропатку!.. Ха-ха-ха!.. Какъ вамъ это кажется?..

Зарудный покраснѣлъ отъ негодованія при послѣднихъ словахъ Курнашевича.

— Какъ?.. Неужели онъ говорилъ это? Неужели говорилъ? произнесъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, чувствуя, что вся жолчь у него поднимается.

— Да вотъ онъ скажетъ вамъ и самъ. Этотъ маленькій... вотъ онъ идетъ сюда кажется...

Венжикъ дѣйствительно мелкими торопливыми шагами съмошилъ по улицѣ.

— Венжикъ! п-г Венжикъ! заходите! крикнулъ ему Курнашевичъ въ окно.

— Скажите Зарудному, что именно говорилъ Мухояровъ вчера въ буфетѣ?

Зеленые глазки Венжика запрыгали. Онъ весь съежился и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Курнашевича, а потомъ на Заруднаго. Курнашевичъ повторилъ вопросъ свой довольно серьезно:

— Вы говорили миѣ, сказалъ онъ, — такъ скажите теперь Зарудному.

— Да, я слышалъ, точно онъ говорилъ... забормоталъ тотъ.

Подслушать гдѣ что говорится, разнести сплетню по угламъ было его дѣло, но быть призваннымъ въ свидѣтели лицомъ къ лицу было для него очень не понутру.

— Вы даете честное слово? строго и мрачно спросилъ его Зарудный.

— О, конечно!

Венжикъ вышелъ, чтобы сообщить и объ этомъ фактѣ кому слѣдуетъ.

— А неѣшало бы вамъ, Зарудный, приготовиться, сказалъ Курнашевичъ.

— То-есть какъ приготовиться? спросилъ тотъ, смотря ему въ глаза.

— Сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Знаете для того, чтобъ *кабить руку*. Все оно лучше, вѣриѣе. Ничего, я вамъ скажу, не можетъ быть пошлѣе какъ эти выстрѣлы на воздухъ, эти кешеліи! Пойдемте-ка! попробуемте вмѣстѣ. У меня здѣсь въ саду устроены маленькій тиръ.

— Но это подлость! подумалъ было Зарудный.

Курнашевичъ однакожь подхватилъ его подъ руку и повелъ на дворъ. Онъ сдѣлалъ самъ первый выстрѣлъ изъ одного пистолета, попалъ въ цѣль, и подалъ другой пистолетъ Зарудному. Послѣдній выстрѣлялъ, и тоже удачно. Курнашевичъ снова зарядилъ пистолетъ и передалъ его Зарудному. Одинъ за однимъ сдѣлалъ онъ нѣсколько выстрѣловъ, болѣе или менѣе успѣшныхъ; три раза сряду онъ посадилъ пулю на пулю. Удача подстрекала его, онъ уже улыбался...

Судьба, предназначеніе, въ образѣ Курнашевича роковыми образомъ подготавливала катастрофу. Зарудный безотчетно подчинялся какъ-то его вліянію, былъ въ какомъ-то чадѣ, а свѣдѣтельство Венжика расшевелило его жолчь. Можетъ-быть дѣло получило бы совсѣмъ другой оборотъ, еслибы на мѣстѣ Курнашевича былъ кто-нибудь другой, кто-нибудь подобный положимъ Пересвѣтову. Можетъ-быть продолженіи дня мнѣнія самого общества смягчились бы, взглядъ на дѣло сдѣлался бы спокойнѣе, и тогда общее мирное предстательство секундантовъ могло бы значительно облегчить весь ходъ дѣла...

XXII

Вечеромъ того же дня Пересвѣтовъ былъ у штабъ-лекаря. Александръ Матвѣичъ жилъ на самомъ концѣ деревни, въ нѣкоторомъ дикѣ удаленіи отъ нея, на дачѣ, какъ онъ называлъ свою резиденцію. Съ вечера онъ ушелъ довольно рано, заре-

долженіи дня никуда не выходилъ, у него никто тоже не былъ, и потому объ исторіи онъ еще ничего не зналъ. Какъ гражданскаго чиновника, хотя и военнаго вѣдомства, на совѣтъ приглашать его никакой надобности не было.

Веселый сынъ эскулапа и не подозревалъ, что вѣсколько словъ, недавно брошенныхъ имъ очерта голову, безъ всякаго злого умысла, а такъ только, для того чтобъ сказать красное слово, привесли такой горькій плодъ, и едвали онъ даже объ нихъ помнилъ. Возставши отъ послѣобъденнаго сна, онъ принялся приводить въ порядокъ свои частныя и лазаретныя счеты, и съ этой цѣлью разложилъ на своемъ столѣ множество разныхъ красиво-переплетенныхъ тетрадокъ съ самыми затѣйливыми надписями. Тутъ были и «книга живота», и «безгрѣшные доходы», и «угрызения совѣсти», и «священныя тайны», и множество другихъ. Онъ былъ въ духѣ.

Какъ яблочко румяно,
Одѣтъ весьма безопасно

И веселье безконечно.

По лѣтнему домашнему положенію онъ былъ въ одной только горюхѣ и въ однихъ «невыразимыхъ», въ кожаныхъ, на босу ногу надѣтыхъ туфляхъ, сшитыхъ въ свободное отъ служебныхъ занятій (pro fessâ) время сапожникомъ и профессоромъ Чебатуровъ. Докторъ пилъ чай, покуривалъ изъ черешневаго чубучка и наклонивши голову на-бокъ, высунувши конецъ языка, живо строчилъ что-то въ своихъ тетрадахъ.

— Здраствуйте! сказалъ входя Пересвѣтовъ.

— А! здраствуйте, здраствуйте, здраствуйте! — И Александръ Матвѣичъ по обыкновенію закивалъ головою, подаль ему руку, пухнулъ изъ чубучка и тотчасъ же какъ горохомъ, осыпалъ его вопросами. — Что? Comment? Какъ ваше здоровье послѣ вчерашняго бала? Prenez place! Голова не болитъ? На душѣ не мутить, а?

— Нѣтъ, ничего! благодарю васъ, отвѣчалъ Пересвѣтовъ, усаживаясь на какой-то табуретъ, импровизированный изъ походнаго аптечнаго ящика.

— Ну и слава-богу! А то можете-быть водки хотите?.. Камня камнемъ вѣбиваи! Вошь тамъ на полочкѣ, стойте, возьмите-ка,

налейте себѣ сами, будьте хозяиномъ. Рекомендую! медицинская!.. Самъ настаивалъ.

— Нѣтъ, нехочется, перебилъ Пересвѣтовъ печальнымъ тономъ.

— Et pourquoi donc? воскликнулъ штабъ-лекаръ, придавши лицу своему наилучшійшее выраженіе, скорчивши самаго отчаяннаго свѣтскаго француза.

Въ этотъ день онъ по преимуществу чувствовалъ въ себѣ охоту изъясняться (съ грѣхомъ конечно пополамъ) на французскомъ діалектѣ, точно такъ какъ ивогда примѣшивалъ къ рѣчи своей фразы латинскія, вѣмецкія, польскія, смотря по тому, какъ вздумается. — Et pourquoi donc?

— Некогда, признаться, я-таки къ вамъ за дѣломъ.

— Какъ за дѣломъ? за какимъ дѣломъ? что такое?.. Quelle affaire?.. Пялюльки чтоли прописать надо? Извольте!.. Одинъ взмахъ пера — и дѣло въ шляпѣ. Lapidis infernalis? Сейчасъ! Со мной какъ съ воскомъ!

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ! возразилъ Пересвѣтовъ, почти не зная какъ приступить къ дѣлу. — Вы слышали про вчерашнюю исторію? проговорилъ онъ наконецъ съ усиленіемъ.

— Про исторію? про какую исторію? L'histoire? quelle histoire? Dites-moi!

— Мухоморовъ вызвалъ Заруднаго на дуэль. Завтра они будутъ стрѣляться. Я у Мухоморова секундантомъ.

Александра Матвѣича какъ громомъ поразило это извѣстіе. Онъ вскочилъ со стула.

— Помилуйте, что вы рассказываете? Возможно ли! Est-il possible? Такіе друзья!.. закадыки, se qu'on appelle!.. За что же? говорилъ онъ, почти невѣря ушамъ своимъ. — Да нѣтъ! вы шутите! Этого быть не можетъ.

— Къ несчастію все это совершенная правда. Я пришелъ просить васъ завтра ѣхать вмѣстѣ съ нами. Помощь ваша будетъ намъ нужна. Захватите съ собою ваши инструменты.

И затѣмъ Пересвѣтовъ сталъ рассказывать штабъ-лекарю, всѣ подробности несчастной ссоры. Во все продолженіе рассказа его Александръ Матвѣичъ слушалъ его выпучивши глаза.

— Бога не боитесь вы! вскричалъ онъ наконецъ съ неприкрытымъ ужасомъ. — Возможно ли затѣвать такое дѣло? И ужь кто-кто, а вы-то зачѣмъ вилелись сюда? Съ дашимъ ли харак-

теромъ? съ вашимъ ли сердцемъ... идти на разбой, на душегубство, *se qu'on appelle?* Я васъ лишаю за это моеи дружбы! Развѣ не могли вы отказаться отъ участія въ этомъ дѣлѣ? *C'est affreux! C'est horrible!* Грѣшно, грѣшно вамъ, дражайшій! Богу отчетъ дадите! — прибавилъ онъ съ укоризною и быстро зашагалъ по комнатѣ, шлепая своими туфлями.

Пересвѣтовъ слушалъ потокъ рѣчей доктора поникнувъ головою, и какъ обыкновенно, посвистывая сосредоточенно.

— Александръ Матвѣичъ! сказалъ онъ наконецъ, неподвижная на него глазъ. — Александръ Матвѣичъ! вы, титулярный совѣтникъ...

— Колежскій асесоръ—съ!

— Все равно. Вы... судите о дѣлѣ... съ гражданской точки зрѣнія... Ну сами посудите, могу ли я отказываться, когда товарищъ требуетъ моеи помощи? И въ такомъ еще дѣлѣ! Когда онъ дѣлаетъ мнѣ честь? Когда наконецъ принято, что отказываться отъ подобныхъ вещей неблагородно?

— Вотъ она! Вотъ она... логика—то! Вотъ она!.. Вотъ офицерская—то точка зрѣнія! вскричалъ опять Александръ Матвѣичъ, ставши вдругъ въ позицію и дѣлая выразительный жестъ рукою.

— Что дѣлать! Таковъ обычай! Намъ съ вами не измѣнить его... продолжалъ Пересвѣтовъ тѣмъ же тихимъ, сосредоточеннымъ голосомъ. — Прощайте однакожь, до свиданья! сказалъ онъ вставая. — Завтра я заѣду за вами рано утромъ. Могу ли надѣяться я на васъ? Все равно вѣдь вамъ, вы не отвѣчаете ни за что.

Докторъ шаркнулъ туфлею какую—то запятыю.

— Къ вашимъ услугамъ! пробунчалъ онъ.

Пересвѣтовъ вышелъ. Долго еще послѣ ухода его штабъ-лекаръ нашъ не могъ придти въ себя отъ вознемиа... И давно ли еще бесѣдовалъ я съ Мухоморовымъ на заваленкѣ? говорилъ онъ самъ съ собою, лихорадочно затягиваясь изъ черешневаго чубунка своего. — Давно ли?.. — Штабъ-лекаръ порывисто подошелъ къ полочкѣ и наполнилъ себѣ въ рюмку настойки.

— *Quelle... quelle...* стеченіе обстоятельствъ! воскликнулъ онъ громко, осушивши рюмку. И только тутъ вспомнилъ онъ, и что смутно и нелсно, что въ тогъ вечеръ что—то много говорилъ онъ всякой всячины, что болталъ что—то такое про Заруднаго,

про аристократовъ , что спорилъ съ Мухояровымъ , но что именно это такое было — припомнить не могъ. Мало ли что можетъ иную пору напелсти разболтавшійся невмѣру человѣческой языкъ! Что-то подсказывало ему, что во всемъ эгомъ есть и его своя доля грѣха, но онъ хитрилъ съ самимъ собою, старался оправдать себя, однимъ словомъ устранить себя отъ расчетовъ съ собственною совѣстью. И такъ всегда хитритъ человѣкъ! Хотѣлъ онъ пойти къ Мухоярову поговорить... Но спрашивается, о чемъ поговорить? Дѣла не поправишь уже — поздно!

Онъ выпилъ водки еще... и еще... и остался дома.

XXIII

Наступила ночь. Вся Нечаевка погрузилась въ глубокой сонъ. А у Мухоярова долго еще горѣлъ огонь въ комнатѣ. Долго еще онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столикомъ и безсознательно перечитывалъ кой-какія прежнія письма, записки, завалвшіяся въ его портфель, случайно оставшіяся на столѣ его рапортички объ исправности карауловъ, разные денежныя счета... Каждый подобный лоскутокъ, каждая буква, каждая цифра кажется говорила съ нимъ въ эти минуты, какъ-будто живымъ языкомъ, человѣческимъ словомъ. Пришло ему на мысль, что люди, готовящіеся къ неизбежной или крайней-мѣрѣ къ вѣроятной смерти, имѣютъ обыкновеніе писать послѣднія, предсмертныя патетическія письма къ своимъ роднымъ, къ своимъ друзьямъ, къ дорогимъ сердцу особамъ. Но къ кому же было писать ему, Мухоярову? Ему, сиротѣ отъ рожденія! Дѣтство его протекло такъ горько, такъ безотраднo въ чужой семьѣ... Друзья его были близко... были здѣсь... но эти друзья были его неумолимыми судьями, безпощадно изрекли его приговоръ — и чувство скорби, скорби невыразимой, подступило у него къ сердцу при этой мысли... Дорогой образъ Инесы, любовь — лучъ небесный, вѣкогда освѣтившій безцвѣтную вообще жизнь его, жизнь армейскаго поручика, пронесся передъ нимъ... Но к чему, выражаясь романтически, тревожить прахъ прошедшаго!

И к чему рисоваться передъ смертью? Можно быть романтикомъ, глубоко чувствовать, глубоко любить... можно жалѣть,

очень, очень жалѣть о жизни... Но рисоваться, пѣть послѣднія, предсмертныя пѣсни лебедя — и глупо и смѣшно!

Нѣтъ! надобно сумѣть умереть благородно, скромно, безъ шуму, безъ классическихъ фразъ — однимъ словомъ со всевозможнымъ соблюденіемъ приличій; заглаздить покрайней-мѣрѣ то впечатлѣніе, которое произвелъ Мухояровъ скандаломъ своимъ.

И Мухояровъ обратился къ болѣе земнымъ предметамъ. Онъ взялъ листъ бѣлой чистой бумаги, набожно перекрестился, обмакнулъ въ чернила перо, и крупнымъ, четкимъ, твердымъ почеркомъ сталъ выводить заголовокъ духовнаго завѣщанія:

«Во имя святыхъ, живоначальныхъ и нераздѣльныхъ троицы...» началъ онъ. Но рутинная торжественность фразъ и тонъ, которыми пишутся подобныя предсмертныя акты, опять остановили его...

Онъ медленно обвелъ глазами комнатку свою, подумалъ вѣскольکو минутъ, потомъ взялъ другой листъ и началъ писать коротко, ясно:

«Въ случаѣ смерти моей все наличное имущество мое, а также и лошадей (исключая Бородино), завѣщаю продать съ аукціоннаго торгу.

«Вырученныя отъ продажи деньги, а также и слѣдующія мнѣ отъ казны употребить на уплату моихъ долговъ въ полку, которымъ здѣсь прилагается счетъ; къ этимъ же деньгамъ присоединить и тѣ, которыя будутъ возвращены моими должниками и которымъ счета не означаю, въ полной увѣренности, что всякій изъ нихъ окончитъ этотъ расчетъ самъ.

«По соображенію моему изъ этой общей суммы возможно будетъ выдѣлить вѣрному моему Кожемякѣ четвертую часть и вручить около трехсотъ руб. для нижеобъясненной надобности штабсъ-ротмистру Пересвѣтову.

«Бородино, а также боевую саблю мою и подушку, служившую столько лѣтъ мнѣ изголовьемъ, дѣлившую со мною всѣ походы, прошу принять отъ меня на память моего добраго, милаго мнѣ Илью Пересвѣтова... Бородино старъ, разбить уже на ноги — цѣны большой онъ имѣть уже не можетъ. Но... онъ десять лѣтъ носилъ меня на хребтѣ своемъ, я очень любилъ его. Прощу же тебя, добрый мой Илья, успокой его старость! Денегъ триста руб., которыя прошу отдѣлить на его содержаніе, должно стать на нѣсколько лѣтъ. Ежели онъ проживетъ долѣе и

Пересвѣтовъ былъ бы въ затрудненіи съ нимъ , то завѣщаю его ни подъ какимъ видомъ въ чужія руки не перепродавать , а *пристрѣлить*, чтобы избавить его отъ той участи, которая вообще выпадаетъ на долю *бракировъ* въ этомъ жестокосердномъ мѣрѣ.

«Портфель сжечь.»

Мухоморовъ подписалъ эту записку и положилъ на столѣ. Потомъ онъ сталъ на колѣни передъ маленькимъ образкомъ своимъ , которымъ нѣкогда при его рожденіи , и сама отходя въ вѣчность , благословила его мать. Но кто скажетъ о чемъ молился онъ въ эти скорбныя минуты?.. Наконецъ онъ всталъ , погасилъ свѣчу и подошелъ къ раскрытому окну вдохнуть въ себя воздуху:

Тишина кругомъ была невозмутимая. Деревья въ саду стояли нешелохнувшись ни однимъ листочкомъ , и только крошечные кузнечики задавали концертъ свой въ кустахъ крыжовника и смородины , да ночныя бѣлыя бабочки , трепеща и шурша крылышками , мелькали передъ глазами Мухоморова , ударялись ему въ лицо , да издалека доносился до слуха его неясный ропотъ волнъ Буга , разбиравшихся о пороги... Полный мѣсяцъ , окруженный волнующимися клубами серебристыхъ облаковъ , высоко стоялъ на темносинемъ небѣ , обливая землю потокомъ свѣта. Теплыя испаренія пахучихъ травъ вмѣстѣ съ воздухомъ врывались въ комнату , обдавая страстной нѣгою и какъ-то странно и наркотически дѣйствуя на нервы Мухоморова... А глаза его смотрѣли , и смотрѣли безъ конца , все туда... на небо , на темносинее небо , да на полный мѣсяцъ , да на мерцающія , дрожащія звѣзды... И вдругъ одна изъ нихъ , показалось Мухоморову , сорвалась съ тверди небесной , быстро промелькнула передъ его взоромъ — и вдругъ исчезла... исчезла безъ слѣда...

XXIV

КАТАСТРОФА

Было еще раннее утро. Несмотря на это, двѣ нетычанки, выѣхавъ изъ деревни Нечаевки и свернувъ на проселочную дорогу по направленію къ небольшому лѣску, находившемуся верстахъ въ семи отъ селенія , уже быстро катились , то ны-

ря по выбоинамъ, между волнами дозрѣвшей ржи, то выѣзжая на открытое пространство. Въ одной изъ нихъ Зарудный, съ сигарою въ зубахъ, самъ правилъ лошадьми, запряженными въ англійскихъ или лучше—сказать въ польскихъ шорахъ, внимательно, какъ дилетантъ, слѣдилъ за ихъ ходомъ и систематически похлопывалъ длиннымъ бичемъ. Курнашевичъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ на козлахъ и съ самымъ элегантнымъ выраженіемъ въ лицѣ перекидывался съ Заруднымъ французскими фразами. Онъ ѣхалъ какъ—будто на балъ. Сзади, въ другой нетычанкѣ правилъ лошадьми Пересвѣтовъ, сидя на козлахъ одинъ. Докторъ, занявши корпусомъ своимъ почти весь задокъ экипажа, молчаливо покуривалъ свой жуковскій табакъ и держалъ у себя на колѣняхъ ящичекъ съ инструментами; неизмѣнная булава была при немъ тутъ же. Мухояровъ, откинувшись совсѣмъ въ уголъ повозки, разсѣянно поглядывалъ по сторонамъ. Порою жаворонокъ, испуганный топотомъ лошадей и грохотомъ колесъ, выпархивалъ изъ гущины ржи или изъ придорожнаго куста, и взвиваясь все выше и выше, начиналъ звенѣть въ воздухѣ; робкій заяцъ перерѣзывалъ путникамъ дорогу и мелькая неся въ степь; лѣнливо поднимался коршунъ съ ближняго кургана и тяжело махая крыльями, направлялъ полетъ свой въ лѣсъ. Мухояровъ какъ—то безсознательно слѣдилъ взоромъ и за жаворонкомъ, и за быстро—несущимся по глади степной зайцемъ, и за тяжелымъ полетомъ коршуна, смотрѣлъ на шину колеса, которая свѣтлосиней полосой мелькала, быстро кружась, передъ глазами его. Какой—то мужикъ, ѣхавшій пахать въ поле на парѣ воловъ, котораго обогнали наши путники, приподнялъ свою баранью шапку и поклонясь примолвилъ: «помогай Боже!» Мухояровъ по привычкѣ тоже кивнулъ ему головою.

— Вотъ наконецъ и роща! крикнулъ Курнашевичъ, обернувшись назадъ, когда обѣ нетычанки доѣхали до цѣли путешествія. Скоро онѣ совершенно скрылись въ глубинѣ лѣса. Почти въ тоже самое время и по той же дорогѣ показались два всадника: они неслись то на полныхъ рысяхъ, то усиленным галопомъ, понуждая лошадей безъ всякаго состраданія.

— Ну, остановимтесь здѣсь, сказалъ Курнашевичъ: — лучше мѣста и не надобно! — Повозки остановились, и Курнашевичъ, неснимая лайковыхъ бѣлыхъ перчатокъ, привязалъ ло-

шадей возжами къ дереву. Тоже самое сдѣлалъ и Пересвѣтовъ.

— Будемте начинать! обратился Курнашевичъ къ Пересвѣтову.

XXV

Тогда въ чащѣ лѣса, на маленькой полянкѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой густыми кленовыми деревьями и кустами орѣшника, стала разыгрываться слѣдующая сцена. Въ то время когда Пересвѣтовъ съ Курнашевичемъ стали отпѣрывать и повѣрять шаги, противники разошлись въ разныя стороны. Мухояровъ прилегъ подъ развѣсистымъ кленомъ и въ ожиданіи катастрофы закурилъ папиросу. Зарудный стоя присловился спиною къ стволу высокой ели и безсознательно, повидимому спокойно сталъ смотрѣть вверхъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на другомъ деревѣ, смѣлый дятель карабкался по древесному стволу вверхъ, постукивая по корѣ крѣпкимъ клювомъ своимъ. Утренній вѣтерокъ шелестилъ молодыми побѣгами клена и орѣшника и колебалъ вершины сосенъ и елей, позолоченнымъ лучами уже поднимавшагося солнца; двѣ пестрыя бабочки порхали и кружились по полянкѣ, весело гоняясь одна за другою, и сквозь вершины деревъ виднѣлось голубое, ясное небо. И Зарудному какъ-будто стало жаль разстаться съ жизнью, но думать въ эти минуты не могъ онъ ни о чемъ... Онъ чувствовалъ, онъ зналъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то такое съ нимъ будетъ, что-то странное, небывалое... Но ничего похожего на робость въ сердцѣ его не было, на робость, весьма повятную и извинительную, весьма естественную въ человѣкѣ, который преднамѣренно готовится къ уголовному дѣлу, а не совершаетъ его въ минуту раздраженія, въ минуту независимыхъ отъ воли приливовъ крови къ головѣ. Зарудный былъ въ какомъ-то апатическомъ состояніи, и это не было ни особое мужество, ни очерствѣлость сердца, ни безнадежность, ни твердая рѣшимость на дѣло. Это было какое-то странное спокойствіе нервъ, которое приходитъ иногда къ человѣку въ критическія минуты, когда душа и сердце молчатъ, мысль спитъ и только организмъ движется какъ машина, повинуюсь побужденіямъ инстинктивнымъ.

Мухояровъ сидѣлъ подь деревомъ опустивши голову, избѣгая встрѣтиться съ взглядомъ Заруднаго, и въ раздумьи куря папирску, то слѣдилъ взоромъ за волнующимися струйками голубого дыму, то тоненькимъ хлыстикомъ сбивалъ верхушечки травяныхъ стеблей и лѣсныхъ колокольчиковъ. Одна головка цвѣтка упала къ ногамъ его и опрокинулась, стебелькомъ вверхъ; крошечная капелька соку потекла изъ свѣжей ранки и блеснула на солнцѣ. Мухояровъ поднялъ этотъ цвѣтокъ и сталъ на него смотрѣть; хлыстикъ выпалъ изъ рукъ его. Невыпускаемая цвѣтка изъ рукъ, онъ опустилъ глаза въ землю ⁽¹⁾... Маленькій жучокъ копошился въ травѣ у ногъ его, почти подь самымъ каблукомъ сапога. Мухояровъ осторожно отодвинулъ ногу. Тяжолое, неясное предчувствіе гнетомъ налегло на него, и предсмертная тоска сдарила ему легкія...

— Будемте теперь заряжать пистолеты, сказалъ Курнашевичъ, отмѣривши шаги и означивши черты.

Онъ принялся за это дѣло сколько съ спокойствіемъ и хладнокровіемъ англичанина, столько же и съ тщеславіемъ француза. Подь ударами молотка его шомполъ смѣло и ровно входилъ въ дуло пистолета, загоня на дно его обернутую въ лайку пулю. Вообще онъ исполнялъ операцію эту какъ-то особенно отчетливо, какъ-то особенно художественно, съ цинизмомъ и опытностью стараго бретѣра. Пересвѣтовъ тоже исполнялъ свое дѣло если не вполнѣ хладнокровно, то внимательно, заботливо, добросовѣстно; въ рѣшительную минуту, передъ неизбѣжною необходимостью, у него явилось достаточно нравственныхъ силъ для самообладанія. Забывая пулю на дно пистолета, онъ старался разными софизмами себя увѣрить, что онъ исполняетъ свой долгъ, свою обязанность. Къ чести его скажемъ, что объ отвѣтственности въ будущемъ передъ судомъ за участіе въ этомъ дѣлѣ онъ еще не подумалъ ниразу. Но онъ переживалъ трудныя минуты за тѣхъ, кому суждено было черезъ нѣсколько мгновеній сойтись лицомъ къ лицу на роковую черту, и каждый ударъ молотка, повторявшійся подь дрожащею рукою его, болѣзненно отдавался въ кроткомъ и миролюбивомъ сердцѣ его. «Да, думалъ онъ, — легче самому десять разъ стать на барьеръ,

(1) Должно-быть онъ вспомнилъ ученіе Марціуса и Фихтнера. (Примѣчаніе позднѣйшее.)

нежели хоть одинъ разъ въ жизни исполнить подобную обязанность! Эту роль палача... О, Боже милосердый! отпусти мнѣ грѣхъ мой!»

Приготовленія наконецъ были окончены.

— Господа! негодно ли становиться на ваши мѣста! сказала громко Курнашевичъ, пробуя спускъ курка и щолкая имъ.

Всѣ, неисключая доктора, вздрогнули; послѣдній, который до сихъ поръ въ сторонѣ судорожно затягивался изъ черешневаго чубучка, даже поблѣднѣлъ... Много въ своей жизни отпилилъ онъ рукъ и ногъ, много проводилъ народу божьяго на тотъ свѣтъ, но здѣсь, въ виду предстоящей практики, невольно содрогнулся...

Пересвѣтовъ еще разъ хотѣлъ соблюсти требуемый закономъ порядокъ, постараться помирить враговъ въ послѣднюю минуту.

— Помилуйте! чгѣ за миръ на плацу, передъ дуломъ пистолета! громко и рѣзко перебилъ Курнашевичъ и язвительно посмотрѣлъ на Пересвѣтова. — Что за комедія? Что въ полку скажутъ?.. Зарудный! прибавилъ онъ. — Я надѣюсь на васъ! Вы не должны себя уронить...

Пересвѣтовъ было вспыхнулъ, но словомъ *комедіи* онъ былъ обезоруженъ, уничтоженъ.

— Оставь! отрывисто сказалъ Мухоморовъ, и сталъ на черту...

Въ тоже время вѣтви близьрастущаго куста орѣшника раздвинулись и изъ-за нихъ показалось серьезное и зловѣщее лицо Шварца: изъ-за плечъ его выглянула езуитская фizioномійка Венжика. Внезапное появленіе этихъ лицъ окончательно рѣшило дѣло: ему уже нельзя было дать никакого благоприятнаго оборота.

— Становитесь, господа! повторилъ Курнашевичъ.

Зарудный встрепенулся и смѣло, съ выраженіемъ самоувѣренности подошелъ къ чертѣ и сталъ на мѣсто. Мухоморовъ украдкой бросилъ на него взглядъ, и сердце у него сжалось, облилось горечью... Какъ! никакого волненія! Ни малѣйшаго признака!..

— Выбирайте пистолеты! сказала Пересвѣтовъ и подошелъ сперва къ Зарудному, а потомъ уже подалъ оставшіяся пистолеты Мухоморову.

Зарудный стоялъ твердо, прямо, отбросивши лѣвую руку

внизъ, слегка закинувши голову назадъ. Если правду сказать, онъ былъ очень хорошъ въ эту минуту. Черныя кудри его волнами выбивались изъ-подъ фуражки, глаза были ясны и горды, и только цвѣтъ лица какъ-будто немного блѣднѣе обыкновеннаго. Въ виду столько смотрѣвшихъ на него глазъ онъ безсознательно принялъ классически-непринужденную позу... — Я очень доволенъ вами! шепнулъ ему Курнашевичъ. А невидимое для глазъ зрителей сердце такъ билось, такъ билось, такъ замирало въ груди у Заруднаго!.. — Цѣльте же вѣрнѣе! шепнулъ опять Курнашевичъ.

— Господа! я начинаю! произнесъ онъ громко. — Прошу слушать:

— *Разъ!*

Оба врага въ одно мгновеніе подняли свои пистолеты. Бѣшенство закипѣло въ груди у Мухоярова, когда вмѣстѣ съ тѣмъ взглядъ его снова нечаянно упалъ на Шварца и его приспѣшника, которые давно и съ какимъ-то сатанинскимъ и насмѣшливымъ выраженіемъ смотрѣли на Мухоярова. Они замѣчали его волненіе и уже дѣлали свои невыгодныя заключенія.

— *Два!* скомандовалъ Курнашевичъ.

Только для того, чтобы обмануть бдительность устремленныхъ на него взглядовъ, Мухояровъ быстрымъ и небрежнымъ движеніемъ направилъ пистолетъ въ уровень съ грудью Заруднаго и такъ же быстро взглянулъ ему въ лицо...

Боже праведный! Зарудный цѣлилъ ему прямо въ лобъ!

Цѣлилъ не какъ-нибудь, лишь бы только выпустить выстрѣлъ *не на воздухъ* и тѣмъ помирить требованія чести съ совѣстью, а цѣлилъ внимательно, осторожно, прищуривши глазъ и съ точностью математическою!.. Вліяніе Курнашевича, какъ видно, не пропало даромъ...

И вдругъ Мухояровъ вспомнилъ, что онъ вчера слышалъ выстрѣлы, раздававшіеся въ той сторонѣ, гдѣ была квартира Курнашевича. Какъ молнія прорѣзала мысль эта разсудокъ его. Онъ вдругъ понялъ значеніе этихъ выстрѣловъ... И вся кровь у него бросилась въ голову, прилила въ одно мгновеніе къ мозгу... Неразъ мы уже видѣли до какихъ пароксизмовъ доходила горячность героя нашего, до какого градуса вскипала кровь его. «Какъ въ пса цѣлить!» промелькнуло въ умъ его...

— Три! отрывисто крикнулъ Курнашевичъ.

Два выстрѣла грянули въ одно и тоже мгновение, слились почти въ одинъ звукъ.

Съ полсекунды Зарудный постоялъ на одномъ мѣстѣ, потомъ покачнулся, выронилъ изъ руки пистолетъ и вдругъ опрокинулся назадъ. Тѣло его тяжело рухнулось на спину.

Розовое пятнышко заалѣло изъ-подъ растегнутаго кителя на его бѣлой рубашкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должно быть сердце.

Изъ-за кустовъ орѣшника въ ту же минуту выдвинулись фигуры Шварца и Венжика. Гадки и отвратительны были эти лица здѣсь, въ эту минуту, въ виду дымящейся крови и бездыханнаго трупа... Секунданты и Александръ Матвѣичъ бросились къ убитому. Штабъ-лекаръ взглянулъ на рану и сказалъ лаконически: «все кончено!» Преступленіе, убійство совершилось!

Пристально, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, бессмысленно Мухомровъ смотрѣлъ нѣсколько секундъ на упавшаго въ предсмертной мукѣ Заруднаго. Зубы его стиснулись, а на лбу его явственно обозначилась и забилась крупная жила... Потомъ онъ съ остервенѣніемъ отбросилъ далеко отъ себя еще дымившійся пистолетъ и медленно сошелъ съ черты. Колѣна его задрожали, онъ зашатался и въ изнеможеньи опустился подъ тоже самое дерево, подъ которымъ сидѣлъ прежде...

Тихо стали поднимать тѣло Заруднаго. Капли алой, теплой крови окропили свѣжую зелень травы на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ Заруднаго, гдѣ за минуту онъ стоялъ еще полный жизни, молодости...

А между тѣмъ золотистые лучи солнца весело играли на вершинахъ сосенъ и елей, свѣжіи вѣтерокъ попрежнему шелестилъ молодыми побѣгами клена и орѣшника, испуганный сначала выстрѣлами дятель снова гдѣ-то смѣло ковалъ клювомъ по корѣ древесной, и разноцвѣтныя пестрыя бабочки попрежнему кружились по полянѣ, весело гонялся дружка за дружкой, тысячами звуковъ шумѣлъ лѣсъ, жизнью кипѣла вокругъ уже совершенно пробужденная окрестность...

XXVI

Тѣло Заруднаго повезли въ Нечаевку. Шварцъ съ Венжи-комъ поскакали тоже назадъ, но уже окольными дорогами, изъ весьма благоразумнаго опасенія подвергнуться отвѣтственности заодно съ секундантами.

— Покрайней-мѣрѣ то хорошо, что дѣло окончилось благородно! щебеталъ Венжикъ, галопируя бочкомъ и поспѣвая за своимъ патрономъ на своей бѣлоногой кобылѣ.

Штабъ-лекаръ въ нетычанкѣ, которою правилъ Курнашевичъ, везъ на рукахъ своихъ трупъ Заруднаго, завернувши его въ широкую шинель свою. Курнашевичъ молчалъ, былъ серьезенъ. Про Пересвѣтова и Мухоярова нечего и говорить: они во всю дорогу не сказали ни слова между собою, и только по приѣздѣ въ Нечаевку, поровнявшись съ полковою гауптвахтою, Мухояровъ отрывисто сказалъ: «стой!» Пересвѣтовъ сдержалъ лошадей. Мухояровъ вышелъ изъ повозки и пошелъ на гауптвахту.

Черезъ десять минутъ онъ отправилъ къ командиру полкомъ рапортъ, замѣчательный по своему хладнокровію и ясности изложенія.

«Вашему высокоблагородію имѣю честь почтительнѣйше донести, — писалъ онъ въ этомъ рапортѣ, — что вслѣдствіе возникшей у меня съ поручикомъ Заруднымъ непріятности я вызвалъ его на поединокъ и сего числа въ шесть часовъ утра, въ роцѣ, отстоящей отъ деревни Нечаевки въ семи верстахъ, убилъ его насмерть, въ присутствіи секундантовъ.» Слѣдовалъ номеръ, число, мѣсяцъ, годъ — все какъ должно быть по формѣ. Этимъ рапортомъ началось потомъ слѣдственное дѣло...

XXVII

На другой день послѣ описаннаго нами кроваваго приключенія Заруднаго хоронили. Медленно подвигалась погребальная процессія къ кладбищу мимо полковой гауптвахты. День на этотъ разъ былъ сѣрый, пасмурный. Во главѣ процессіи, съ образомъ

въ рукахъ шолъ полковой дьячокъ; за нимъ слѣдовалъ хоръ пѣвчихъ. Гробъ несли на рукахъ товарищи покойнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ самыхъ ретивыхъ поборниковъ офицерскихъ убѣжденій уже глубоко и горько раскаявались въ томъ, что были причиною печальной катастрофы... Процессією распоряжался конечно никто иной какъ подполковникъ Бурмашистовъ. Его глаза немного припухли и покраснѣли отъ невольнаго набѣгавшихъ слезъ, но несмотря на это, несмотря на весь грустный тонъ шествія, онъ былъ все-таки кажется въ своей сферѣ. По обыкновенію караулъ вышелъ въ ружье и слѣмалъ «на погребеніе», отдалъ послѣднюю честь усопшему. Печальные звуки похороннаго марша рѣзко раздавались въ воздухѣ...

А въ углубленіи арестантской комнаты на гауптвахтѣ, сквозь растворенное окно, виднѣлось блѣдное лицо Мухоярова. Процессія уже прошла... Она была на кладбищѣ... Уже оттуда доносились послѣдніе звуки, означавшіе, что тѣло опущено въ землю, а Мухояровъ все еще стоялъ на колѣняхъ на грязномъ полу арестантской комнаты, съ закрытыми глазами, сложивъ руки на груди, съ тихою молитвою на устахъ...

Заруднаго похоронили. Первую горсть земли послѣ священника бросилъ Бурмашистовъ, за нимъ и другіе отдали этотъ послѣдній долгъ покойному — и все было кончено. Пересвѣтовъ съ докторомъ оставили могилу послѣдніе: они не пошли и на обѣдъ, который устроилъ Бурмашистовъ по этому случаю... Въ тотъ же день почти всѣ разъѣхались изъ штаба. Нужно было на свободѣ подумать о слѣдствіи...

XXIX

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Мухояровъ и секунданты, само собою разумѣется, были преданы военному суду. Онъ былъ разжалованъ въ солдаты, а Курнашевичъ и Пересвѣтовъ посажены на годъ въ крѣпость. Пересвѣтовъ перенесъ это заточеніе съ тою покорностью судьбѣ, какой и нужно было ожидать отъ него. Что касается до Курнашевича, то вся эта исторія не только не уронила его, но даже приобрѣла ему еще нѣкоторый, относительный вѣсъ. Съ своей

стороны онъ нешутя ставилъ себѣ въ заслугу, что безъ него дѣло кончилось бы можетъ-быть именно комедіей, что враги помирились бы на *плату*, и тогда это было бы «чортъ знаетъ что такое». Онъ нешутя былъ увѣренъ, что съ этихъ поръ приобрѣлъ неоспоримыя права на признательность цѣлаго общества, хотя быть-можетъ и жалѣлъ, что не Мухояровъ, а Зарудный палъ жертвою.

У Мухоярова ни одна черта не дрогнула въ лицѣ, когда ему читали конфирмацію, хотя служебная карьера его съ этихъ поръ погибала навсегда. Да и чего было жалѣть ему теперь, за что трепетать!..

Онъ вынесъ послѣдній ударъ, послѣднее разочарованіе еще тогда, когда стоялъ на роковой чертѣ, подъ дуломъ пистолета Заруднаго, мѣтившаго ему прямо въ лобъ! Еще тогда онъ проклялъ все, передъ чѣмъ такъ рабски преклонялся нѣкогда, чѣмъ дорожилъ такъ много, передъ чѣмъ благоговѣлъ. Еще тогда онъ разорвалъ всю связь свою съ прошедшимъ, связь съ Заруднымъ, развязалъ узелъ этотъ по-александровски... пистолетнымъ выстрѣломъ!

Въ первое время спокойствіе духа его было даже поразительно. Онъ попрежнему сталъ играть въ ералашь, жить прежнею жизнью и только сдѣлался молчаливѣе, сдержаннѣе. Ему простили скандалъ, произведенный на полковомъ праздникѣ, потому что по общепринятымъ правиламъ, поединкомъ онъ загладилъ все, а что онъ ли палъ бы жертвою, Зарудный ли — это было все равно: жертва очищенія принесена. Само собою разумѣется, что никогда и никто ни однимъ словомъ не вспоминалъ ему о трагическомъ эпизодѣ его жизни. Но нашлись однако и такіе люди, въ отношеніяхъ которыхъ къ Мухоярову вмѣсто прежней откровенности и радушія стали проглядывать неловкость, принужденіе, даже какое-то особое чувство, хотя сглаженное короткостью обращенія, привычною и неизбѣжною въ этомъ быту, но все-таки похожее на отвращеніе. Даже (таковы люди!) самъ милый весельчакъ штабъ-лекаръ, невольный виновникъ можетъ-быть всей этой исторіи, началъ повидимому избѣгать случая сходитьсь съ Мухояровымъ, и всякій разъ вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ громко и радушно, сразмаху хлопнуть по рукѣ его, какъ прежде бывало, своею широкою, пухлою ладонью, сталъ совать

ему теперь только два пальца, да и то всякій разъ наровиль обтереть ихъ объ полы своего сертука.

Все это очень, очень грустно, господа! Мухояровъ замѣчалъ это — и едвали оскорблялся... Съ другой стороны Шварцъ, Курнашевичъ и прочіе подобные имъ стали оказывать ему предпочтительное вниманіе, но Мухоярову оно было противно, тяжело: въ немъ онъ видѣлъ укоръ свой, казнь свою. И онъ сталъ удаляться отъ общества...

А. ФАТЪЕВЪ

ВОСПОМИНАНИЕ

Вотъ этотъ прудъ, вотъ этотъ садъ...
Какъ я тогда былъ жизни радъ!

Разъ ночью мѣсячной съ тобой
Мы шли тропинкою глухой.

Весь синій прудъ, весь въ звѣздахъ прудъ,
Къ нему деревья вѣтви гнутъ,
И тѣнь безшестныхъ вѣтвей
Въ росѣ бѣлѣющихъ полей
Рѣзка, извилиста, черна —
Далеко тянется она
Черезъ синій прудъ, за тихій лугъ,
И видишь — тамъ блѣднѣетъ вдругъ
Передъ зарей. А мы съ тобой
Все не торопимся домой,
Голубка : такъ горячъ нашъ споръ,
Такъ откровененъ разговоръ!
Предъ новой, трудною борьбой
Мы исповѣдались съ тобой,
Но было какъ-то странно намъ
Вдругъ все — назвать по именамъ...

Ну вотъ и съ твердостью бойца
Вели мы дѣло до конца,
Ну вотъ мы рвались изъ тюрьмы...
На то-ль готовилися мы,
Чтобъ все болтать, весь вѣкъ болтать
И только этимъ жить, дышать?..
Чтобы, идя все съ жизнью врозь,
Ее судить и вкривь и вкось?..»

А что за ночь тогда была !
Вся говорила и жила...
Чего-то кажется ждала —
И все бы вынесла душа,
Отвагой радостной дыша...

Ф. ВЕРГЪ

ПЪЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ПО АМУРУ

I

Октябрь 1861 года.

Только одинъ часъ ѣзды — и я уже былъ въ четырехъ верстахъ отъ Благовѣщенска, приближаясь къ горѣ, съ которой могъ любоваться десятками бѣлыхъ и красныхъ крышъ города. Двѣ карія лошаденки, запряженныя въ неистово-поющую одноколку, кое-какъ втянулись на гору, приободрились было, тронули хлынью, но тотчасъ же и одумались, смѣкнувъ, что везуть не курьера какого-нибудь, а просто неважнаго чина чиновника, ѣдущаго по казенной надобности. Но впередъ!.. Городъ теряется изъ виду. «Терпѣнія, больше терпѣнія!» шепчетъ мнѣ предчувствіе; съ нимъ и дорога лучше, и одноколка немзаная беретъ видъ тарантаса, клочки и рытвины — настоящее шоссе и лошади орлы... А дай еще больше воли воображенію — и летишь себѣ на птицѣ-тройкѣ съ русской удалю, въ ухахъ слышится родная, близкая сердцу русская пѣсня... «Чшш!.. шш!..» шикаетъ проводникъ мой, погоняя вмѣсто кнута хворостиной несчастныхъ клячъ. Очарованіе падаетъ. Дѣйствительность снова рисуетъ тѣже кочки и рытвины, ту же горемычную пару карихъ лошадемокъ, съ веревочной изорванной упряжью, ту же одноколку, ежеминутно готовую развалиться — и ѣдешь такъ станцію, другую и третью... И вотъ пошли себѣ писать казацкія станицы томительнымъ однообразіемъ, построенныя по одному рисунку, ровненько, въ ниточку, фронтомъ... Развѣ только кое-гдѣ въ одной пойдетъ правое плечо впередъ или лѣвое назадъ, а потомъ опять все ровно, стройно, отчетливо. Впереди пущена вытянутая цѣль частоккола огородовъ, въ другихъ она оставлена на-

зани. Дистанція между двухъ, трехъ-сажонными домиками, какъ въ правильно идущихъ взводахъ, соблюдена, какъ и слѣдуетъ быть дистанціи. Все въ порядкѣ. Заборы на-лицо ровняютъ линію, на дворахъ видятся загоны скота, дворъ обнесень загородью, у другихъ и такъ обходится — и стоитъ онъ степью чистою, ровною, безпредѣльною, и кипитъ казацкое сердце, радуется казацкая душа... «Да и чево, паря! кто сзяду и глянетъ-то, коли спереду хорошо!»

Вчера, позавчера, въ полдень и въ полночь — усталый съ лошади (¹) идешь въ казацкую избу, вдыхаешь удушливый запахъ на-топленной хаты, и снова томишься однообразіемъ и бѣдностью ея внутренняго устройства и въ полдень, и въ полночь, и вчера, и позавчера.

Ненадо видѣть десятки домовъ амурскихъ станицъ, довольно одного изъ преобладающаго большинства, чтобы составить себѣ понятіе о жилищѣ амурскаго казака. Вотъ вы входите въ избу, заботливо наклоняясь, сберегая свой лобъ отъ ушиба; направо тотчасъ же замѣчаете печь, изъ кирпичей сложенную или изъ глины битую: она занимаетъ чуть ли не треть всей избы; далѣе — два, рѣдко три окна впереди, одно еще непременно съ лѣвой стороны; вдоль стѣны узкая, полуаршинная скамейка, въ лѣвомъ углу столъ бѣлый, досчатый, въ правомъ другой, но рѣдко; въ нѣкоторыхъ избахъ есть перегородки досчатыя, низенькія, въ другихъ замѣняютъ ихъ лоскутъ чего-то, привѣшанный какъ-то; вѣроятно все это для порядка и приличія; у дверей иногда бываетъ кровать, а подъ нею сундукъ — вотъ и все. Кадокъ, бочекъ, ведеръ, рѣшотъ и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей мало видишь: сберегаются ли онѣ гдѣ въ подпольяхъ, непускаемыхъ на свѣтъ божій, или считаются роскошью въ казацкомъ хозяйствѣ?.. Зато чайникъ или чугунокъ найдется въ каждой избѣ. Казакъ въ день два, три раза чауетъ; чай и хлѣбъ, особенно въ первое время заселенія, для большинства служилъ единственной пищей.

Но вотъ стѣбитъ поднять взоръ выше, чтобы почувствовать за-

(¹) Только три ставка отъ города Благовѣщенска, вверхъ по теченію Амура, можно ѣхать на немазаной, покоей одноколѣ; далѣе необходимость заста-вляеть ѣхать верхомъ на крышеподобномъ казацкомъ сѣдлѣ.

нѣтное разнообразіе въ казацкихъ хатахъ. Въ одной кіотъ лучше и прилѣпленныхъ къ нему свѣчей больше, и усердіе молящихся ясно замѣчается на прожженныхъ одеждахъ и ликахъ св. угодниковъ, иконъ собственнаго сибирскаго произведенія; въ другой кіотъ поменьше, зато въ нему прилѣплена подушечка изъ краснаго или синяго ситца съ крестиками, и тутъ же чернилица съ перомъ и еще какія то баночки и пузырьки съ полезительными снадобьями; даѣе тамъ виднѣтся табель съ ножницами, тутъ треухъ хозяина дома, понява или поддевка какая-нибудь; а дальше, глядишь, перешли уже и въ бабье отдѣленіе: чашки, ложки, ножъ да квашня — и все тутъ. Оборачиваетесь — и тутъ только замѣчается висящая надъ дверьми винтовка, страхъ и гроза враговъ амурскаго казачества, до сей поры впрочемъ невинно употребляемая противъ бѣлокъ и то съ небольшими успѣхами. По стѣнамъ въ нѣкоторыхъ висятъ тоже и картины извѣстныхъ художниковъ, извѣстнаго содержанія. Приступаешь къ ихъ разсматриванію, но сонъ смежаетъ глаза; «станокъ большой, почитай въ пятьдесятъ верстъ былъ», говорилъ проводникъ, и дорога-то шла все по камнямъ да по хребтамъ, подушкамъ, еланямъ да разошшинамъ и по другимъ удобнымъ мѣстностямъ... Скорѣе валишься на лавку и засыпаешь полумертвымъ сномъ подъ звучный оркестръ носового свиста и горлового хрипа могучихъ воителей Амура.

Много надо терпѣнія и здоровья переносить осенній путь по Амуру. Вотъ вы только-что проѣхали верстъ десять по скользкому наклону берега, гдѣ ежеминутно скользящая лошадь вынуждала пройти васъ половину пѣшкомъ, кое-какъ спустились на самый берегъ рѣки, сѣли на лошадь, думая отдохнуть, — и снова идете версты двѣ, три, шесть.

— Это однако будетъ третій утесъ, замѣчаетъ казакъ: — его въ большую-то воду горой объѣзжаютъ.

Камни, въ безпорядкѣ разбросанные и нависшіе надъ водой, ласкаютъ взоръ своей естественной дикостью; замѣнь того ноги терпятъ страшное крушеніе. Ведешь лошадь за поводъ, она падаетъ — и самъ падаешь на заледѣвшіе камни.

— Зачѣмъ, въ досадѣ кричишь — у васъ лошади некованы? Видишь кровь течетъ изъ ноги? Совѣмъ разобьется лошадь!

— Приказу не было, ваше благородіе

— Да это казенныя чтоли?

— Дя-ча казенныя! наши. Изъ Забайкалья ланй (¹) привели вонъ эту.

Что возражать? Идешь далѣе... минуешь третій утесъ, тамъ немножко еланью, потомъ еще послѣдній утесъ, еще чрезъ небольшую болотину, да еще еланью и на лугъ: на немъ сѣнокосы и наши ожидаемой станицы.

— Что, какъ хлѣба у васъ? спрашивалъ я казака.

— Хлѣбушка-то?

— Ну да.

— Да есть же.

— Какъ? Ладно родились?

— Чево? Хлѣбушка-то? Ничего, ладно.

— А какъ?

— Да по малости сѣяли.

— Десятины по три, по четыре?

— Есть же у кого и по четыре.

— А то и меньше?

— И поменѣ есть...

— А какъ?

— У конныхъ, что съ линіи-то пришли, у тѣхъ почитай и по десятинѣ нѣтъ. Есть у кого и по четвертухѣ — непривычные значить къ этому дѣлу.

— Они давно на Амурѣ?

— Первые пришли... Четвертый теперича годъ пошолъ.

— Какъ же они тамъ?

— Перва на казенномъ были, а теперича значить на своемъ.

— Однако хлѣба-то мало будетъ?

— Вѣстимо мало...

— Такъ какъ же они?

— Ладятъ въ Забайкаль къ сродственникамъ: подлѣ ихъ можно что и добудуть. Тоже, ваше благородіе, съ голоду умирать здѣсь не приходится.

— А много такихъ казаковъ въ вашей станицѣ?

— Ладно же будетъ.

— А земля-то у васъ какъ? хороша?

(¹) Прошлый годъ.

— Земля-то ладна... Туга больно, однимъ конемъ и не думай поднять.

— Плугомъ бы... Плуги-то есть у васъ?

— Есть-то есть — и въ сотняхъ казенные есть, и у хохловъ тамъ... они значить на быкахъ и пашутъ, а намъ гдѣ ужь, ваше благородіе!

— Отчего же такъ?

— Несродственно. У насъ изстари шарбаномъ; и въ Забайкальи такъ пахивали.

— Тугую землю плугомъ-то лучше.

— Ничего, ваше благородіе, и такъ по малости добываемъ, и хлѣбушки тоже родятся.

Бѣду по Амуру (берегомъ) нельзя назвать очень тихою, нельзя и сказать тоже, что она очень скорая, особенно теперь, въ настоящее осеннее время. Лошади въ тѣлѣ, не загнаны еще почтовою гоньбой, еще не присталыя, а всѣ въ надлежащемъ видѣ, какъ и слѣдуетъ быть казацкимъ лошадямъ амурскаго войска.

— Живѣе, живѣе, старшій, поторапливайся! говорилъ я старшему о снаряженіи лошадей.

— Да вотъ, ямщикъ... чево тамъ... чаюеть надо быть, ваше благородіе.

«Чаюеть!» Это въ глазахъ амурскаго казака вполне уважительная причина. Онъ и на пашню не выѣдетъ, и въ лѣсъ по дрова не поѣдетъ, если часовъ около семи утра не почаетъ надлежащимъ образомъ. А тутъ станокъ почитай пятьдесятъ верстъ будетъ.

— Погоняй, погоняй! кричалъ я проводнику, выѣхавъ изъ станицы, рѣзкимъ голосомъ.

— Понужайте, понужайте, ваше благородіе! мягко отозвался проводникъ, видя, что я уже отстаю на своемъ бѣломъ буцефалѣ отъ его пѣгой кобыленки: — больно лѣнивъ, а то лошадь дородная.

Но дородная лошадь послѣ третьяго удара нагайки только еще подумала: «похлынять, али и такъ оставить, перетерпѣть: не всю же дорогу понуженія будутъ!»

— Какого это чорта мнѣ засѣдали? въ сердцахъ кричалъ я, проѣхавъ часа четыре времени.

— Добрая лошадь, дородная лошадь, ваше благородіе! отозвался проводникъ.

- Эдакъ мы и къ утру на станокъ не выйдемъ.
- Вечеромъ бы надо быть, — развѣ что приключится...
- А сколько отѣхали верстъ?
- Да эвонта на рѣчкѣ половина будетъ.
- Половина?!
- Точно такъ. Да эту, что проѣхали, поболѣ считаютъ.
- Гм! Такъ эта поболѣ будетъ?
- Ну и та ладно... тоже половина матерущая...

Спустились на рѣчку. Чистый, прозрачный ледъ покрывалъ маленькую рѣчушку. Но едва мы на него двинулись, лошади стали и заупрямились.

— «Но-ну, о-о!.. чш-шш!..» Толку не было. Посыпались учащенные удары нагайки — работа напрасная.

— Ничего, наяривайте, наяривайте, ваше благородіе! поощряя меня проводникъ. И самъ за неимвнѣемъ случившейся по близости хворостины, выхватилъ изъ-за пояса топоръ и топоричемъ тоже началъ наяривать свою пѣгую кобыленку. Но все напрасно.

— Чтобъ околѣтъ тебѣ, лѣшая! ворчалъ казакъ, слѣзая съ лошади: — окачуриться бы тебѣ, окаянная! — И давъ три зуботычины въ морду лошади, усиленно потянулъ ее за поводъ.

Но едва некованая лошадь ступила на ледъ, поскользнулась и упала. Тутъ уже всякія наяриванія оказались напрасными. Надо было за хвостъ и гриву тащить ее по льду отъ одного берега до другого. Перебравшись на другую сторону рѣчки, многихъ усилій и работы нагайкой понадобилось, чтобы одолѣть матерущую половину, къ несчастію оказавшуюся чуть ли не вдвое больше прежде проѣханной.

Однако надо сказать, такія лошади рѣдкость у казаковъ и держатся ими больше кажется для того, чтобы время отъ времени удивлять проѣзжающихъ: «вотъ-де мы на какихъ коняхъ, да выѣзжаемъ станки, почитай въ пятьдесятъ верстъ будутъ!» А тоже и у казаковъ амурскихъ есть добрыя лошади, дородные кони!

Зиму встрѣтилъ я у станицы Кольцовой. Казаки станицы Ушаковой меня порадовали: «дорога-то все лугомъ; коли бы снѣгъ, хошь на саняхъ вези». Солнце садилось, но я рѣшилъ ѣхать: дорога-то, баяли казаки, хорошая, извѣстная, одна только и есть тутъ,

да и версть—то всего двадцать—пять, больше не будетъ. Немало удивило меня, когда вышедъ изъ хаты, увидѣлъ я, что одинъ изъ казаконъ, взявъ на руки мальчика, по наружности дѣтъ девяти, садилъ его на лошадь да приговаривалъ: «смотри вправо не ѣзди, какъ рѣчку—то переѣдешь; а тамъ черезъ болотину тоже лѣвъе держи: вправо ѣздили — больно ужъ тонко; да къ станицѣ—то подѣзжать станешь, отъ сѣновъ—то ворота вправо — логотину—то тамъ объѣзжаютъ; да...

— Эй! ужъ это не проводникъ ли мнѣ? спросилъ я.

— Точно такъ, в. б—дѣе.

— А ему сколько лѣтъ?

— Съ лѣтнаго Миколы тринадцатый годочикъ пошелъ. Тоже... ѣзжалъ... не впервые.

— Да развѣ полагаются такіе проводники?

— Да чего, в. б—дѣе, мѣсто—то здѣсь совсѣмъ не опасное — до самой станицы лугомъ... дорога—то только и есть одна.

— Ночью придется ѣхать, возражалъ я.

— Ничего, в. б—дѣе, ѣзжалъ... знаетъ... тоже вотъ и почту возилъ.

— Ну, а дорогой случится что? Онъ и на лошадь самъ сѣсть не можетъ.

— Какое тутъ! и случиться ничего не можетъ, утвердительно говорилъ казакъ.

— Ну бери же, бери! да ловче держи! говорилъ старикъ—отецъ своему сыну, давая въ руки его поводъ. — Тутъ, в. б—дѣе, не безпокойтесь, одна дорога, какъ есть до самой станицы. А онъ ѣзжалъ, знаетъ; чего — ужъ почту возилъ!

Взявъ мальчика проводникомъ, дорогою заплатился я за свою уступчивость. Не прошло двухъ часовъ ѣзды, какъ забѣлѣлись утесы правого берега. Еще полчаса — и вся степь покрылась тонкой пеленой снѣга. Троишки какъ не бывало. Кругомъ мятель. Снѣгъ валилъ крупными хлопьями. Проводникъ мой остановился.

— Поѣзжай, поѣзжай! сзади кричалъ я ему.

— Къ рѣчкѣ пріѣхали, тоскливо отозвался мальчикъ, — да ее на броду переѣзжаютъ.

— Гдѣ же бродъ? Ты знаешь дорогу?

— Не могу знать. Надо быть ниже будетъ.

Посмотрѣлъ я рѣчку. Высокій обрывистый берегъ не позволялъ думать о переправѣ; надо было искать брода и спуска. Потомъ,

переправившись; пришлось еще безъ дороги ѣхать. Долгихъ четыре часа, пока наконецъ, наткнувшись на зародь сѣна, могли мы поздною ночью дойти до станицы Кольцевой. Я засыпалъ, какъ пріѣхалъ изъ сотни нарочный. Между прочими разговорами старшаго казака съ пріѣхавшимъ слышалъ я:

« — ...приказывалъ лошадей ковать.

« — Чего же? однако и время.

« — Какая ѣзда теперь! Некованный конь — бѣда; пропадешь съ нимъ.

« — У меня знаешь каурюю-то кобылу? — всѣ ноги обила, одно слово замаялась; такъ и стоитъ теперь. Тоже вотъ у брата двѣ лошади...

« — Да чего! Третьеводни у насъ свать Демьянъ ѣхалъ черезъ Грязнуху — на бѣломъ-то на своемъ...

« — Знаю.

« — И какъ это только случилось: заledenѣло чтоли тамъ, ну и спускъ-отъ крутой — лошадь-то и скатилась.

« — Э-э-э! замѣтилъ старшій.

« — Ну, и замяла его.

« — Э-э-э! замычалъ старшій.

« — И повредился.

« — Э-э!.. едва слышно потянулъ старшій, удивленный и пораженный такимъ печальнымъ событіемъ.

« — И диво еще... добро бы какой другой тамъ, лядачій чтоли, а то свать Демьянъ!

« — Чего ужъ... извѣстный казакъ.

« — Вотъ поди ты, чего станешь дѣлать!

« — Чего дѣлать! Вѣстимо божія воля... И какъ это она лѣшая покатилась?

« — Не первой и ѣхалъ-то. Только передъ нимъ ямщикъ отъ лютой прошолъ.

« — Поди вотъ, съ почтой!.. и въючныя, да прошли.

« — Вотъ и диво: въючныя, да прошли.

« — А чего онъ, дивно зашибся?

« — Да ногу почитай вотъ съ этого мѣста всю и повредилъ.

« — И-и!.. вотъ поди-жь ты!»

Я засыпалъ, но въ просонкахъ долго мнѣ слышалось, какъ дивно казаки промежъ себя дивовалися: какъ это, да на Грязнухѣ, да ло-

шадь скатилась, да свать Демьянъ повредился, казакъ — и казакъ-те хороший!..

Амурскій казакъ не любитъ выѣзжать въ путь ни рано утромъ, ни поздно вечеромъ. Правда, и дорога непривлекательная. Она — то рядъ утесовъ, омываемыхъ какимъ-нибудь шумливымъ кривуномъ Амура, то послѣдовательная или перемежающаяся цѣпь болотъ, простыхъ, кочковатыхъ, в зкихъ или сухихъ, совсѣмъ подмерзшихъ теперь или еще проваливающихся; а рѣчки замерзшія или замерзающія, при ѣздѣ на некованыхъ лошадяхъ; а объѣзды — падами, хребтомъ, тайгой, съ шумомъ ломающимся валежникомъ или частоколомъ выдающихся корней сосняка и березника.. Право, дорога совсѣмъ не привлекательная, хотя можетъ-быть и очень живописная, особенно при лунномъ свѣтѣ, для человѣка съ пылкимъ воображеніемъ, сознающаго себя впервые на Амурѣ, въ землѣ чуть ли не обѣтованной! Да, опять повторю, дорога совсѣмъ не привлекательная, и амурскій казакъ совсѣмъ не любитъ ночныхъ странствованій по мѣстамъ своего новаго жительства. Тутъ надо и топоръ взять, и подпругамъ сѣдла дать должное назначеніе, а главное — надо вниманіе, не потерять слѣдъ, и вниманіе долгое, на цѣлыхъ невыносимыхъ иногда десять часовъ.

— Нѣтъ ужъ, в. б—діе, однако лучше переночевать, замѣчаетъ старшій.

— Отчего же?

— Какой теперь путь!

— А что?

— Опасно, в. б—діе! пугаетъ старый казакъ.

— Отчего же опасно? Утесы, хребты чтоли? болота вязкія?

— Есть, в. б—діе, все есть. И хребты, и утесы, и болота всякія. Оборони-богъ еще подпруги лопнуть...

Я засмѣялся. Молодой казакъ, смекнувъ надо быть, что казацкимъ подпругамъ, зачастую гнилымъ, веревочнымъ, не положено лопаться, перебилъ стараго свата:

— Ну чего ты!.. И утесовъ-то, и хребтовъ крутыхъ нѣтъ, а вотъ Амазоръ рѣчку значить переѣзжать надо.

— Чтоже, вплавь? спросилъ я.

— Нѣтъ. Топерича по колѣно будетъ.

— Такъ чтожъ?

— Все же опасно. Значить дикуется, в. б—діе.

— Что?

— Нечистая сила дикуется, в. б—діе.

— Ужь это подлинно, перебилъ другой. — Лані потонулъ казакъ, такъ и съ конемъ унюлъ... Мѣсто-то значить тутъ самое что ни есть гиблое.

— И только это двое переплыли, продолжалъ первый: — вода-то большая была вѣпоры, а онъ еще похвалялся! А какъ ухнулъ, такъ одинажды только и показался. Ревѣлъ тоже намъ: «прощайте, говорить, братцы-товарищи! значить нечистая сила меня ведетъ!»

— А двое стояли на берегу и не дали помощи! возразилъ я.

— Кому, в. б—діе, своя жизнь не дорога! замѣтилъ апатическимъ голосомъ молодой казакъ.

— Однако, старшій, скорѣе бы лошадей...

— Чего же, паря, надоть сѣдлатъ! замѣчаютъ очередному казаку.

И паря идетъ повѣся голову, и вмѣсто пріятныхъ ожиданій возлечь на грязное ложе свое, въ такомъ же, если не худшемъ углу казацкой хаты своей, онъ бѣдняга тащится къ богатырю коню своему, налагаетъ на него форменное сѣдло, зачастую сѣдланное на подобіе крыши, ради того, чтобъ казакъ чувствовалъ себя на службѣ, какъ объяснилъ мнѣ одинъ изъ старшихъ; но въ исправности, съ ремешками и пряжками — нельзя же, время ночное! оборони-богъ, еще подпруги лопнуть! И тянетъ онъ, тянетъ ременную подпругу, — во вѣрная казацкой натурѣ, казацкая рука не выдерживаетъ и подпруга, какъ и днемъ, болтается чуть ли не на четверть подъ брюхомъ лошади. По приказанію беретъ топоръ. Недовольный выѣзжаетъ за ворота и предъ его глазами уже рисуется знакомый ему утесъ-великанъ; острые большіе камни внизу его съ навалившимися на нихъ глыбами льда; а тамъ болота, длинныя, полузамерзшія... Онъ оборачивается, а тутъ... Боже! какъ привѣтливо свѣтитъ тусклый огонекъ лучины сквозь десятистекольное окно аршиннаго размѣра! На потникъ бы теперь, въ овчинную шубу скорѣй — тамъ-то тепло, тамъ и запахъ, и чистота, все заманчиво!.. А то свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ лицо... брр! какъ холодно!

— Что это, братецъ, какъ у тебя лошадь засѣдлана? начинаю я. Смотри-ка, подпруги такъ и болтаются.

Но казакъ, проводникъ, разговорчивый днемъ, угрюмъ и молчаливъ вечеромъ: онъ тогда становится становится весь лаконизмъ.

— Ужь это такъ слѣдуетъ, отрывисто отвѣчалъ казакъ

— Да отчего же так олдуетъ? Вотъ ты какъ-нибудь на сѣдлѣ покачнешься, да такъ съ сѣдломъ и покатишься.

— Не впервые!.. Ызжали тожъ... Шш!.. чшш!.. зашпѣлъ казакъ, жестоко дергая лошадь то вправо, то влево, какбы желая мнѣ показать себя «смотри-де! али не молодець я, не казакъ амурскій!»

Вечерѣтъ. Тропинка идетъ кочками. Мѣстами выступаетъ вода. Полузамерзшее болото трещитъ и ломается подъ копытомъ лошади.

— Осторожнѣе! говорю я: — да смотри, не потеряй слѣда.

Молчаніе проводника объясняетъ бесполезность моего безпокойства.

Тяжела и неприятна ѣзда по болоту, особенно когда бѣлый, да лѣтливый конь требуетъ понуженія. Ежеминутно будь на-готовѣ. Нѣтъ-нѣтъ, а чего добраго, и слетишь пожалуй. Стукъ да стукъ, трахъ да трахъ, а все впередъ да впередъ...

— Эй! послушай-ка, казакъ!

— Чего изволите?

— Скажи пожалуста, отчего это ты такъ ѣдишь, — вся нога у тебя въ стремени? Вѣдь если ты свалишься, лошадь можетъ замаять тебя.

— Ужь это, в. б—діе, не извольте безпокоиться. У насъ тоже и бригадный есть, тоже и сотенный есть...

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить? То ли, что я говорю о дѣлѣ совсѣмъ невозможномъ и невѣроятномъ, или же что «ты не мое-де начальство, не тебѣ и учить меня»? Богъ его знаетъ что онъ хотѣлъ этимъ выразить. Только снова сильно зашпѣлъ и отчаянно началъ дергать лошадь, которая не выдержала, бросилась въ сторону, передней ногой провалилась и казакъ, какъ былъ въ своемъ засаленомъ зипунѣ, подпоясанный веревочкой, взятой вѣроятно въ придачу при закупѣ араки, въ трухѣ, съ топоромъ и сѣдломъ, покатился на бокъ, проломилъ ледъ, и поддерживаемый стремени за ноги, вопіялъ ко мнѣ: «в. б—діе, вязну!» Господи! подумалъ я: въ такомъ ли грязномъ болотѣ да сгинетъ казацкая слава амурскаго казака!?

Апатія, глубокая апатія тяжелымъ кошмаромъ давитъ амурскаго казака. Всякій трудъ грознымъ страшищемъ возстаетъ предъ нимъ и заранѣе пугаетъ бѣдновъ воображеніе.

— Для-ча, думаетъ одинъ, лежа на печи, — въ экое мѣсто посадили насъ? На линіи бывало сѣзалилъ туды разъ-другой, — и чаю-

ешь себя годъ, и горюшка мало. А здѣсь, поди ты, гдѣ подынешься! Разѣ что Богъ по душѣ графу шоложить таможеню здѣсь учредить.

— Чаво ужь! говоритъ другой: — какая здѣсь жись! маешься только... Ничаво—то у насъ нѣту... Гдѣ ужь тутъ, какое житье! Да, дно же изъ казны хлѣбушка дають... Оно правда, и въ своемъ лѣтѣ послѣднее продавали, — батальонный больно нарядами загонялъ. А здѣсь тоже робимъ, сотенный крѣпко объ этомъ наказываетъ.

Горе ли, безконечная ли лѣнь родили въ большинствѣ амурскаго казачества неизлечимую болѣзнь, единственно утоляемую только спиртомъ, да аракой, да дряннымъ, никуда негоднымъ американскимъ ромомъ?..

— Одно и есть, ваше б—іе, лекарство—то, говорилъ одинъ изъ болящихъ: — разѣ что спирту малость выпьешь да потрешься, оно какбы и полегчаетъ; а то больно того немочь одолѣла, и руки ломота беретъ и ноги хватаетъ по времени.

И лечится онъ сегодня, лечится завтра и послѣзавтра, покуда можетъ доставать спиртъ, а нѣтъ его — и нищій, оборвавшій казачишка платитъ по два и по три руб. за бутылку дряннаго американскаго рому или манджурской араки, которые везутся торгашомъ-спекулянтномъ на гнилой лодчешкѣ амурскаго произведенія; беретъ бутылку и двѣ... Ему и ѣсть нечего, кирпичный чай и кусокъ хлѣба — единственное его пропитаніе; ему и одѣться не во что, а семья большая... ребятишки плачуть...

Унтовое войско или халатники, какъ называютъ амурскихъ казачковъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ увеселяли себя сегодняшній день вечеркой. Церковнаго или гражданскаго праздника не шло, по пиръ шло горой... и боже! какое разнообразіе одѣжъ и лицъ тѣснилось на двухсажонномъ квадратномъ пространствѣ душной избы! Разноцвѣтные халаты (больше полосатые), нѣмецкія платья бывшихъ новѣйшихъ модъ съ корсетами, — форменные мундиры, фантастическое пальто неопредѣленнаго цвѣта — все это рябило въ глазахъ при тускломъ освѣщеніи нагорѣвшихъ свѣчъ. Скрипка, старый инвалидъ, хрипѣла, какбы воспѣвая дѣла минувшія...

А какое тонкое чинопочитаніе и сознаніе достоинства кармана и должности проникало cadaго — и урядника, и старцаго, и шростаго

казака, и заурядъ офицера, и сотеннаго командира, и матушку по-падью, и проѣзжаго прощальгу-приказчика! Глубже вглядываясь, думалось: да это чтожь? да этотъ тончайшій политесь нехуже пожалуй какого-нибудь тоже еще сладчайшаго на какомъ-нибудь губернаторскомъ вечерѣ... Но вотъ дѣвицы со вьюномъ пошли, ищутъ куда вьюна положить, кого животомъ подарить, а въ углу подъ св. угодниками чиновные и нечиновные люди пропускаютъ и по второй, и по третьей, и по четвертой. Время летитъ. Уже французскую кадрили отплясали .. вотъ и семерку (!) откалываютъ... по седьмой и восьмой проходится въ уголку... А дальше... Разговоры мало бываетъ, да и о чемъ толковать? «Ладно же все идетъ.» Пи-руютъ... Старикъ-отецъ впервые, сказываютъ, запродавъ на время дочь свою проѣзжему приказчику...

Я просыпался. Надъ моей головой слышался разговоръ проѣзжающихъ:

— Но все же, скромно замѣчалъ дискантъ, — есть же тамъ общество и вообще общество цивилизованное?

— Общество? Гдѣ же вы его нашли тамъ? возражалъ басъ.

— Но все же образовалось нѣкоторымъ образомъ?

— Образование его, не въ обиду будь вамъ сказано, можно уподобить мѣшку съ раками. Высыпали ихъ — ну, пока были въ кучкѣ, — и клешнями и хвостиками постукивались, потомъ и поползъ каждый къ своей норѣ.

— Однакоже употребляли средства къ его соединенію?

— Да, вліятельной палочкой ворочали ползуновъ въ кучу.

— Да ужъ тутъ, какъ это? кто виновать? Мало чиновочитанія было... Эхъ, кабы я да могущество-то имѣлъ, я бы ихъ забралъ въ руки! у меня бы и вечера, и балы, и всякая штука была!.. иллюминаціи бы... и шкалики изъ Шилкинскаго завода выписалъ бы!..

— Что вы? Откуда вы? Гдѣ это видано—чиновною властью соединять общество?.. и когда-жъ? въ наше время, когда каждый маломальски развитой и благомыслящій самостоятельность личности ставить выше всего, и допустить ли посягательство на свободу своихъ

(¹) Камчадальскій танецъ.

законныхъ дѣйствій и разумныхъ убѣжденій хотя бы власти высоко чиновной, губернаторской?

— Нѣтъ, позвольте, я не то хотѣлъ... я вообще...

— Такъ-то-съ. Теперь даже и самыя власти генераль-майорскія и тѣ стараются показать, что дѣйствуютъ на общество тонкимъ и политичнымъ образомъ. Вмѣшается она пожалуй вездѣ, сунеть носъ и туда, гдѣ и не спрашиваютъ ея... въ всякихъ официальныхъ отношеній; не мыслить пожалуй различія между сферами служебной, частной и общественной, а все же не скажетъ прямо: «я хочу, я приказываю», а выберетъ достойнѣйшихъ чиновъ, приблизитъ къ себѣ: «вы, говорить, проводники моихъ идей и убѣжденій...!» Вотъ оно что-съ. И все это гуманнѣйшимъ образомъ. Ну, тутъ конечно изъ общества хоть веревки вей. Ха-ха-ха!..

— Точно-съ. Дѣло ясное-съ.

— Если въ-сердцахъ и прорвется, крикнетъ эдакъ на какого-нибудь старика служиваго: «эхъ ты старина!..»

— Чтоже-съ? Если тотъ достоинъ того?

— Гм!.. сердито кашлянулъ бась.

— А вотъ, смѣю спросить опять, какъ же это тамъ въ Благовѣщенскѣ? Любопытно знать: меня туда служить приглашаютъ...

— Гм! что въ Благовѣщенскѣ? Тамъ каждый самъ по себѣ...

— То-есть какъ это-съ?

— Тамъ больше того... разсуждаютъ о гуманности.

— Вотъ какъ-съ!

— Да вы уживетесь, вамъ опасаться нечего.

— А вотъ еще смѣю спросить... Я конечно образованія высшаго не удостоился, а вы вотъ изволите говорить, что тамъ все разсуждаютъ о гуманности. То-есть примѣрно какъ это разсуждаютъ? Весьма любопытно знать.

— Какъ разсуждаютъ? Гм! А вотъ какъ прїѣдете туда, распросите въ подробности объ этомъ у чиновницъ особыхъ порученій... рекомендую!

— Э-э!.. потянулъ въ недоумѣнны дискантъ.

— А я плохой въ этомъ случаѣ расказчикъ. Вотъ если были бы вы знакомы съ однимъ моимъ закадычнымъ прїятеlemъ, онъ бы вамъ этотъ предметъ пояснилъ какъ слѣдуетъ. Да вы его можете и знаете? Ну коротенькой, толстенькой такой, еще борода у него русая, въ видѣ половой щетки... Вотъ ужъ человекъ, такъ человекъ,

могу сказать! Чуть не министерствомъ управляя. Такъ самъ о себѣ и говорить: «я-де, говоритъ, человекъ съ выработаннымъ взглядомъ на вещи.» Ейбогу такъ! «Губернатора, говоритъ, въ кулакѣ держалъ.» А говорить начнеть о гуманности это, да о разумности, объ уваженіи къ личности и о прочемъ — ну просто съ языка медъ такъ и каплетъ... Сидишь, слушаешь, да облизываешься!

— Вотъ ужъ это точно-съ человекъ!

— Ну, тоже имѣеть и слабости... Вотъ хоть бы взять — крестьянъ какъ-то невпомявъ людьми считаетъ. Это какъ-то однажды къ нему голодные хлѣба пришли просить заимообразно изъ казны. Онъ же ихъ и накормил!.. до усовъ накормил! Кулакъ у него здоровый!

— Можетъ-быть не вовремя пришлы... обезпокоили...

— А то, сказываютъ, какую штуку удралъ. Шоль это онъ спиртъ повѣрять, а въ винномъ подвалѣ лужа, и большая. Какъ къ бочкамъ понасть? Думалъ, думалъ и чрезъ минуту уже былъ тамъ. Только не говорить каково было вѣхать на плечахъ губернскаго секретаря. Чудный право человекъ! Одинъ изъ моихъ пріятелей до сихъ поръ все карикатуру на этотъ случай рисуетъ, да борода никакъ не дается: выходитъ нето человекъ, нето собака. А и подпись приличную надумалъ: «негуманный гуманныго везеть». Вотъ разивъ что это только, а то богатый чиновникъ. Палата ума! Да чего ужъ, похвальные адреса писалъ властямъ высокопревосходительнымъ или сіятельнымъ...

— А позвольте еще полюбопытствовать, есть тамъ въ городѣ клубъ?

— Клубъ? А на что вамъ клубъ?

— Странно слышать отъ васъ... Какъ на что? Эдакое пріятное учрежденіе.

— Нѣтъ пока.

— Еще не устроились видно?

— Въ свое время будетъ.

— Конечно-съ. Какъ его превосходительство пожелаютъ.

— Библіотека есть.

— Ну, библіотека что-съ! А вотъ трактирные заведенія есть ли?

— Есть что-то вродѣ того — двѣ биліардныхъ. Тамъ и объѣдъ по-время можно имѣть, и бутылку-другую вина распить. Впрочемъ распивочныхъ тамъ довольно. Сказываютъ, каждая землянка — маленькій набачекъ. Араки, батенька мой, въ изобиліи...

— А вотъ позвольте еще спросить: чѣмъ такъ-сказать замѣчательнѣе этотъ городъ? Я вотъ въ географіи отыскивалъ — не нашолъ-съ.

— Гм! Чѣмъ замѣчательнѣе?.. въ раздумьи заговорилъ басъ: — чѣмъ замѣчательнѣе!..

— Да-съ. Церквей напримѣръ?..

— Ну, церковь одна, и то изъ часовни сдѣлаша.

— Другихъ-съ эдакъ замѣчательныхъ строеній, учрежденій, промышленныхъ, торговыхъ?..

— Пока нѣтъ. Будутъ современемъ.

— Но все же-съ... приставалъ дискантъ.

— Да что вы пристали ко мнѣ — чѣмъ замѣчательнѣе? чѣмъ замѣчательнѣе? жолчно заговорилъ басъ. — Ну, замѣчательнѣе тѣмъ; манджуры по городу ходять, араки продають.

— А это должно быть прелюбопытный народъ манджуры-съ?..

— Кони налажены, ваше б—іе! говорилъ старшій, входя въ избу и прерывая разговоръ двухъ собесѣдниковъ.

Слышанный разговоръ, вызывая во мнѣ воспоминанія минувшихъ странствованій по Амуру, переносить теперь къ 59 году, къ году открытія Амурской области и г. Благовѣщенска.

Въ текучей, плохой лодченкѣ, построенной на живую руку, приближался я къ Амуру съ большими надеждами и ожиданіями, поддерживаемыми рассказами о немъ какъ о странѣ подобной китайской имперіи, то-есть о странѣ всеобщаго благоденствія, о которомъ такъ краснорѣчиво кричали тысячи бывавшихъ и небывавшихъ на этихъ пустынныхъ, безлюдныхъ и печальныхъ берегахъ большой рѣки.

Я доплывалъ Шилку. Съ обѣихъ сторонъ громоздились высокія горы и обрывистые утесы. Мѣстность дикая, нелюдная. Семь станціонныхъ домиковъ стоятъ на протяженіи до трехсотъ верстъ. На берегахъ виднѣются мѣстами разбитые плоты да разбитыя баржи, Дичь, тайга, лѣсъ да камни... А вотъ и Усть-стрѣлочный постъ. На двѣсти верстъ теченія Амура амурская мѣстность мало разнится отъ шилкинской. Тѣже горы, только поменьше, тѣже пади, только пошире, да выдаются чаще и больше мѣста еланистыя. Далѣе гористая мѣстность все болѣе и болѣе смѣняется мѣстностями ровными, лѣсистыми, частію болотистыми, мало годными для земледѣлія. Только отъ г. Благовѣщенска до Малаго-Хингана идетъ малолѣс-

ная (1) большая равнина, лучшее по всему Амуру мѣсто для хлѣбопашества и скотоводства.

Но путь по Амуру одинаково печаленъ своей необитаемостью.

По правому берегу гдѣ-гдѣ увидишь одинокую юрту бѣднаго орочена, выѣзжающаго на своей душегубкѣ съ предложеніемъ купить рыбы, араки, табаку и просящаго хлѣба, да пороху, да свинцу. По лѣвому — въ тридцати, сорока и пятидесяти-верстныхъ разстояніяхъ виднѣются или уже выстроенныя станицы (домиковъ до десятка) (2), или берестовые шатры только-что пересаженныхъ за тысячи верстъ казаковъ забайкальской области. Плачь слышался подъ этимъ сквозящимъ покровомъ, плохо защищающимъ отъ дождя и солнца. Жалобы на бездолье, на гиблое мѣсто амурскихъ мѣстностей громко раздавались въ восхваленныхъ пустыняхъ и буйные вѣтры разносили ихъ.

— Разорились, ваше б—діе, совсѣмъ разорились! говорилъ одинъ. — На родинѣ домъ-то какой былъ, былъ домъ-то какой, ваше б—діе! Все значить сгнуло! И очередь-то неподходящая намъ была, да батальонный былъ мотъ, откупиться денегъ не стало... И скота тоже было, и хлѣбушки... все въ довольствіи.

— «Чего ужъ, ваше б—діе, какая здѣсь жизнь! замѣчаетъ другой. — Ладно еще, кабы дозволили все привезти съ собой, а то теперь спервоначала дали намъ паромъ на четыре семьи: лишняго, говорятъ, неча брать, не въ такое мѣсто ѣдете.

— Лихоманка тожъ, ваше б—діе, одолѣла здѣсь, а и пользовація никакого нѣтъ; есть же и фершалъ, да сказываютъ, лечить нечѣмъ.

Рыданія молодой женщины привлекли мое вниманіе.

— О чемъ ты, голубушка, плачешь? спрашивалъ я.

— Умирать видно здѣсь приходится! говорила она рыдая: — какъ и не плакать по родимой сторонущкѣ!..

— Чтожъ у тебя родители, родственники остались въ Забайкальи-то?

— Никого нѣтути... одна-одинешенька... только и есть съ мужемъ одна...

— Такъ чего-жъ ты горюешь такъ, сокрушаешься?

(1) Строевого лѣсу совсѣмъ нѣтъ и далѣе Хингана, почти до Хабаровки.

(2) Въ настоящее время всѣ станицы значительно обстроились; во многихъ есть до пятидесяти дворовъ.

Мои слова пробудили еще большія рыданія.

— А эвонта, говорила она горько всхлипывая, — не глянется... Сопка-то ..

Я въ недоумѣннн посмoтpѣлъ на указываемый утесъ противоположнаго берега.

— Это, ваше б—діе, заговорилъ ея мужъ, — у насъ значить на родинѣ мѣста все степныя были, еланнстыя.

— А ты чего? внушительно обратился онъ къ женѣ: — вишь это не лѣсина, порѣшить не можно (1).

— Здѣсь, ваше б—діе, отвели намъ экое мѣсто: хребты да лѣсъ... землицы добывать трудно. А тоже въ своемъ мѣстѣ пахивали: десятинъ по тридцати, по сорока было. А тутъ гдѣ ее добудешь? И скота тоже: гдѣ его разведешь? Сѣнокосу почитай со всемъ нѣтъ, и то косимъ на китайской землѣ.

— Оно, ваше б—діе, ладно же здѣсь для промысла, началъ другой, — а намъ оно несродственно, неподходяще будетъ. Вонъ при мѣромъ аргунскіе: они спервоначала значить промысломъ живутъ, имъ бы и мѣсто здѣсь, а то ихъ сплавили на степь... Чего они тамъ? не пахари они! А намъ здѣсь тяжело приходится...

Идешь далѣе. Вотъ и давно ожидаемый городъ показался при началѣ открывшейся большой равнины, идущей отъ р. Зеи до Малаго Хингана. Не въ дальнемъ разстоянн отъ берега потянулся длинный рядъ строеннй, оказавшійся послѣ рядомъ мазанокъ, сдѣланныхъ изъ плетня, съ обвалившеюся глиною и на-половину разнесенными вѣтромъ соломенными крышами. Въ нихъ два года проживали солдаты линейнаго № 2 батальона Восточной Сибири, когда строили сначала Благовѣщенскую станицу (въ двухъ верстахъ отъ города пятьдесятъ домовъ), а потомъ пять казармъ для собственнаго прожитія.

Далѣе потомъ, на самомъ берегу рѣки видѣлись два небольшіе дома: одинъ батальоннаго командира, другой временно занимаемый военнымъ губернаторомъ. Когда мы вышли на берегъ, показались еще два домика, занятые семейными чиновниками гражданскаго и военного

(1) Казаки съ степныхъ мѣстностей, прибывая на Амуръ, вырубаютъ весь лѣсъ вблизи своихъ станицъ.

вѣдомствъ. Черезъ поле, поросшее мелкимъ дубнякомъ, виднѣлась въ полуверстѣ отъ берега маленькая часовня, около которой домъ священника и бригадный лазаретъ. На концахъ города, по теченію рѣки, было два квартала: одинъ амурской компани, и другой, лучшій, съ шестью домиками, тремя казармами, кухнями, сараями и конюшнями — артилерійской батарее. Еще на берегу въ концѣ города былъ сложенъ складъ, привезенный изъ Забайкалья.

Вотъ и весь городъ.

Такая незначительность строеній въ городѣ соотвѣтствовала и немногочисленности жителей, состоящихъ изъ военного губернатора, нѣсколькихъ чиновниковъ да временно стоящихъ тамъ линейнаго батальона и артилерійской батарее.

Лѣтомъ же 59 года Благовѣщенскъ уже имѣлъ городскихъ обывателей, а Амурская область сельскихъ жителей. До сорока семей поселенцевъ и крестьянъ прибыли въ городъ и большею частію помѣстились въ наскоро-выкопанныхъ землянкахъ, сырыхъ, душныхъ, зловонныхъ. Одинадцать семей (малаканы) сѣли въ десяти верстахъ отъ города на правомъ берегу р. Зеи — и образовалась въ области первая крестьянская деревня Ново-Астрахановка. Четыре семьи пошли по лѣвой сторонѣ р. Зеи, да четыре семьи по правой, и въ тридцативерстномъ разстояніи отъ города остановились, выкопали для каждой семьи по землянкѣ, образовали деревни Черемховскую и Бѣлогорскіе-ключи.

Въ городѣ начались капитальныя постройки. Въ одинъ мѣсяць уже выкопалось до тридцати землянокъ. Мазанки, болѣе другихъ допуславшія вліяніе стихій и занимаемыя холостыми чиновниками, мало-мало умазывались. Дубнякъ, наполнявшій городскую мѣстность, началъ рубиться.

Но такой печальный видъ новорожденного города далеко теперь измѣнился. Еще къ зимѣ 1859 года десятокъ домовъ казарменнаго устройства, холодныхъ, сквозящихъ, съ капелью съ потолковъ, построенныхъ на живую руку, украшалъ городъ своими плохо выкрашенными красными крышами. Линейный солдатъ-работникъ рубилъ да рубилъ — и еще два-три десятка подобныхъ казармъ на второй годъ красовались на стогнахъ благословеннаго града. Къ маленькой двухсажонной часовенкѣ пристроилось четырехсажонное квадратное строеніе — весьма помѣстительная для города церковь. Трое купцовъ, да четверо чиновниковъ, да десятковъ около двухъ городскихъ обывателей выстроили себѣ небольшіе домики, и теперь

надъ всѣмъ этимъ царить огромное зданіе губернаторскаго дома, краса города Благовѣщенска.

Въ послѣднее время, къ пріѣзду высшаго начальства, дѣятельность по устройству города замѣтно усилилась. Энергическія мѣры приняты. Мазанки и землянки почти всѣ снесены. Шлетнями и заборами ясно теперь обозначается уже положеніе городскихъ улицъ. Базаръ (маньчжурскій и русскій) въ числѣ до сорока лавочекъ и палатокъ совершаетъ уже третье путешествіе въ центръ города, отыскивая для себя нето красиваго, нето удобнаго мѣста.

По вновь составленному городскому плану (четвертому или пятому) одинъ частный и нѣсколько казенныхъ домовъ вздумали совершить что-то вродѣ французской кадрили. Одинъ пошелъ направо, другой налево, а другіе такъ-себѣ — почти на мѣстѣ, сломались и снова стали строиться въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Для удобства отыскивать сказанные десятки домовъ, по угламъ нѣкоторыхъ красуются бѣлыя доски съ надписью городскихъ улицъ.

— А вотъ Загородная! говорилъ читая одинъ крестьянинъ другому, останавливаясь на углу одного изъ домовъ.

— Загородная? замѣчалъ другой! — Значить улица 'будетъ, какъ и есть въ городахъ?

— Вѣстимо будетъ. Послѣ тутотка построятся, и будетъ...

— А топерича это значить знакъ, — на будущее не забылось бы...

— Чаво?

— Я ничаво... А вотъ-те Христокъ, братецъ ты мой, диковина!..

Большія казарменныя постройки казенныхъ домовъ даютъ видъ маленькимъ частнымъ, а большой неуклюжій губернаторскій домъ, краса города Благовѣщенска, съ своими пристройками, рѣшотками и заборами даетъ видъ всему... Такъ вотъ и думается, смотря на него: «а вотъ надо-быть здѣсь наибольшій живетъ!..»

Д. КРАСЯЛЬНИКОВЪ

(продолженіе впрѣдъ)

* * *

О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ ликуеть,
Когда во тьмѣ гуляютъ колокола
И тихій воздухъ словно Бога чуетъ
И ночь во глубь торжественно ушла,

Когда лобзаньемъ врагъ врага какъ брата
Привѣтствуетъ подъ звукъ завѣтныхъ словъ, —
Я такъ далекъ растлѣнья и разврата,
Я снова жить и вѣровать готовъ!

Моя любовь — иная Магдалина.
Она придетъ, я вѣрую, придетъ!..
Она прижметъ меня къ груди какъ сына
И въ душу мнѣ слей любви пролетъ,

И скажетъ мнѣ подъ звукъ воскресной пѣсни :
«Вставай изъ тьмы, страдалецъ, въ міръ небесъ!
Простимъ другъ другу все! — Христосъ воскресъ!
Я вся твоя — и ты душой воскресни!..»

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ТЕМНЫЕ УГЛЫ

ВЫБОРЪ ВЪ ДИРЕКТРИСЫ

Въ 185. году я получила предложеніе отъ начальника губерніи принять на себя званіе директрисы надъ женскимъ отдѣленіемъ при губернскомъ острогѣ. Тогда только-что вышло постановленіе учредить при тюремныхъ комитетахъ особый отдѣлъ, который положено было составить изъ попечительницы и десяти директрисъ, и выбрать этихъ лицъ изъ дамъ городского общества. Выборъ этотъ конечно былъ почетнымъ знакомъ уваженія къ нимъ самого губернатора, и многія изъ нашихъ губернскихъ барынь были бы очень польщены имъ, какъ доказательствомъ вниманія къ нимъ, но никакъ не его филантропической цѣлью. Однако когда я получила это лестное предложеніе, я вовсе не обрадовалась ему, а скорѣе испугалась его формальности. Я рѣшительно не поняла чего отъ меня хотятъ и въ чемъ будутъ состоять обязанности предлагаемаго мнѣ званія. Но мало-помалу неожиданность потеряла свою волнующую силу, я припомнила недавніе разговоры въ обществѣ о предполагаемомъ новомъ учрежденіи и рѣшилась, прежде чѣмъ отвѣчать на бумагу, узнать основательно въ чемъ дѣло.

Я была довольно коротко знакома съ женою нашего губернскаго прокурора, которая, какъ я узнала, была выбрана попечительницей и предсѣдательницей женскаго комитета. Она была женщиной очень неглупой, практичной, смѣлой, съ рѣзкими и грубыми манерами, но всегда прямая и откровенная, и замѣтно отдѣлялась отъ другихъ женскихъ личностей нашего губернскаго общества, личностей большею частію безцвѣтныхъ, однообразныхъ и вялыхъ. Одинъ только недостатокъ слышался въ ней: это недостатокъ развитія. Въ ея сужденіяхъ было всегда много здраваго смысла, но ни ма-

лѣйшаго оттѣнка такта и нравственныхъ воззрѣній, прививающихся къ человѣку образованіемъ и расширеніемъ его личныхъ понятій до интереса въ общечеловѣческихъ вопросахъ.

Мужъ ея былъ очень сходенъ съ нею и по наружности, и по своему складу ума. Въ обращеніи со всѣми — на службѣ, въ обществѣ или дома — онъ былъ самымъ отчаяннымъ деспотомъ; никогда не сомнѣвался въ непогрѣдимости своего авторитета и чрезвычайно возвышалъ въ своихъ глазахъ званіе прокурора, которымъ часто пользовался и для своихъ выгодъ. Онъ не терпѣлъ никакого противорѣчія и становился часто личнымъ врагомъ того, кто не сходился съ нимъ во взглядѣ и мнѣніи.

Къ нимъ-то отправилась я разузнать о новомъ положеніи, котораго участницей дѣлали и меня. Отъ жены я надѣялась почерпнуть нѣсколько практическихъ, разумныхъ совѣтовъ по дѣлу довольно важному, какъ я предполагала, въ общественномъ значеніи; отъ мужа, какъ отъ записного формалиста, ждала объясненія формы. Меня встрѣтили оба супруга восклицаніемъ, въ видѣ торжественнаго поздравленія: «вы выбраны!»

— Да, отвѣчала я: — но еще незнаю приму ли.

Ихъ удивила моя нерѣшительность, и каждый сталъ стараться доказать мнѣ все мое неблагоразуміе въ отказѣ.

— Помилуйте! толковалъ мнѣ правоучительно-покровительственнымъ тономъ сановникъ губернской бюрократіи: — можно ли вамъ отказываться? Предложеніе, я вамъ говорю, почетное, очень почетное, значить объ васъ его сіятельство очень выгоднаго мнѣнія. Отказъ вашъ можетъ не понравиться ему. Да наконецъ чего же вы испугались? Васъ никто и знать не будетъ; вся отчетность на моихъ рукахъ: попрошу только разъ въ годъ бумаги подписать: такъ неужели вамъ такъ трудно будетъ фамилію-то одну выставить? Полноте, не будьте однѣ выскочкой! Вотъ и моя жена выбрана въ предсѣдательницы, — постъ еще повиднѣй вашего, — да она не струсила, сегодня же сама къ графу благодарить ѣздила. А вотъ у меня списокъ и прочихъ выбираемыхъ директрисъ; все лица почетныя, значительныя; вамъ нечего стыдиться попасть въ число ихъ. Поглядите!

И прокуроръ развернулъ передо мной листъ бумаги, на которомъ выписаны были фамиліи дамъ, которымъ предложено было званіе директрисъ. Это были все женщины очень богатыя; нѣкоторыя изъ значительныхъ городскихъ купчихъ, другія изъ помѣщицъ,

живущихъ въ городѣ; изъ чиновнаго же небогатаго быта стояли только наши двѣ фамиліи: прокурорши да моя.

— Это все женщины богатія; онѣ могутъ дѣлать большіе взносы, пожертвованія, — замѣтила я, отдавая листъ.

— Ну и Богъ съ ними! такихъ-то намъ и надо побольше! перебила прокурорша.

— Такъ какъ же мы-то съ вами за ними потянемся? спросила я.

— А намъ-то зачѣмъ тянуться? Извѣстно, что у насъ въ капиталахъ-то недочетъ, да ктоже насъ повѣрять будетъ? Въдъ всѣ комитетскіе отчеты и книги черезъ мужнины же руки проходятъ; кто будетъ знать что мы жертвуемъ?

— Да разумѣется, вамъ нечего стѣсняться! перебилъ прокуроръ, находя по своему соображенію причину моего отказа въ копѣечномъ расчетѣ. — Какія тамъ еще пожертвованія дѣлать! Дайте когда на всю братію цѣлковый, или булокъ на праздникъ пошлете, вотъ все; да и то развѣ въ началѣ, для виду только, а потомъ дальше пожалуй и ненужно.

— Такъ въ чемъ же польза-то будетъ отъ нашего выбора? спросила я.

Прокуроръ скорчилъ насмѣшливую улыбку и проговорилъ презрительнымъ тономъ: — А вы пользы хотите? Вотъ утверждать васъ, будете директрисой считаться, благодарность отъ начальства получите когда-нибудь; чего-жъ вамъ еще надо?

— Да арестанткамъ-то чѣмъ же легче отъ этого будетъ?

— А вамъ-то до нихъ какое дѣло? Филантропическія все идеи васъ побѣждаютъ, нововведенія мѣтять! Оставьте вы ихъ въ покоѣ, не вами свѣтъ начался, не вами и кончится. Пойдетъ все такъ же, какъ и прежде шло. И ѣхать-то въ острогъ не стоитъ, вонъ тамъ какая! Вотъ я и женѣ говорю: «поѣзжай туда въ церковь къ обѣдни, милостыню черезъ рѣшотку раздай; я и денегъ мѣдныхъ пожалуй цѣлый мѣшокъ намѣню; ну, а оттуда зайди къ смотрительницѣ, распроси ее какъ слѣдуетъ, припугни немножко, чтобъ знала она какую ты надъ ней власть имѣешь, да потомъ хоть до будущаго года и не заглядывай». Ужъ не думаете ли вы, что другія директрисы сами въ острогъ поѣдутъ? Будьте увѣрены, деньги пришлютъ, сами-жъ никогда туда не заглянутъ.

— Должны же быть какія-нибудь печатныя постановленія нашихъ обязанностей? настаивала я.

На этотъ вопросъ губернской сановникъ уже косо посмотрѣлъ на меня и сквозь зубы проговорилъ : «разумѣется есть ; у меня получена выписка», и сталъ медленно перебирать свои бумаги.

— Наша обязанность, заговорила между тѣмъ прокурорша, — будетъ состоять въ присмотрѣ за порядкомъ, въ какомъ содержать женщинъ въ камерахъ, въ сборѣ пожертвованій и въ заботѣ объ улучшеніи ихъ содержанія и нравственности. О послѣдней-то впрочемъ нечего и заботиться : извѣстно какой народъ поступаетъ въ острогъ и что изъ него и надѣяться нельзя что-нибудь путное сдѣлать ; да намъ-то какое въ этомъ горе ? А вотъ надо приучить работать ; онѣ, говорятъ, тамъ рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Я непремѣнно заведу, чтобъ ихъ цѣлый день держали за работой. Вотъ я ужъ дюжину рубахъ заготовила имъ шить отдать ; дешево, положенная цѣна, говорятъ, есть : всего по шести копѣекъ серебромъ въ день ; а смотрительница приглядитъ, чтобъ не лѣнились.

Расчетъ былъ выгоденъ : за работу рубахъ платилось вообще неменѣе 50 к. сер. за штуку, а тутъ она не стоила и 20 ; по онъ-то и отвратилъ меня отъ правъ, даваемыхъ мнѣ какъ директрисѣ, правъ — заставлятъ арестантокъ работать на меня почти даромъ. Я вполне поняла, что изъ добрыхъ началъ можетъ переобразоваться только зло, когда за примѣненіе ихъ къ дѣлу примутся съ однимъ личнымъ расчетомъ. Между тѣмъ прокуроръ нашолъ присланныя постановленія.

— Прочтите, прочтите ! произнесъ онъ насмѣшливо, передавая мнѣ ихъ : — да врядъ ли что поймете ; вѣдь не такъ дѣлается, какъ пишется.

И я прочтала. Они всѣ вели къ благородной, истинно вѣрной пользѣ для общества и давали женщинѣ полный просторъ въ новой части благотворительности. Ими давалось дамамъ участіе въ тюремныхъ комитетахъ, право вмѣшательства во всѣ улучшенія быта и содержанія заключенныхъ и свободнаго посѣщенія ихъ камеръ во всякое время дня ; наконецъ дозволялось даже ходатайство въ ихъ дѣлахъ. Все обѣщало быть истинно благотѣльнымъ, но осталось только гласомъ, вопіющимъ въ пустынь.

Недостатокъ развитія въ самихъ дамахъ и интереса въ нихъ къ общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ, понятія самого общества, въ которомъ онѣ жили и которое стѣсняло ихъ въ своихъ узкихъ законахъ приличій, и наконецъ непріятныя столкновенія, которыя имъ пришлось бы выносить, съ болѣе сильными, закоренѣ-

лыми злоупотребленіями мужской половины тюремнаго управленія ; все это остановило предположенный успѣхъ и сдѣлало новое учрежденіе одной безгласной формой.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ТЕМНЫМИ УГЛАМИ

Я отказалась отъ предложеннаго мнѣ званія , но предметъ заинтересовалъ меня. Мнѣ захотѣлось взглядѣться поближе въ этотъ несчастный быть отверженницъ, въ темный уголь, гдѣ собралось вмѣстѣ столько преступленій, грѣха и навѣрно страданій. Я познакомилась съ смотрительницей женской половины въ острогѣ и воспользовавшись случаемъ заказывать работу, стала посѣщать заключенныхъ и заглянула сама за высокія стѣны тюрьмы, отдѣляющія сотни людей отъ среды, въ которой они жили и съ которой еще много осталось у нихъ живого, общаго.

Когда я въ первый разъ вошла въ коридоры тюрьмы, отдѣляющіе чистенькую комнату смотрительницы отъ камеръ, занимаемыхъ содержащимися, мнѣ почудилось, что я вступила въ подземный ходъ, ведущій къ могиламъ : такъ было сыро, холодно и темно вокругъ меня, и шаги такъ гулко вторились отголоскомъ подъ нависшими сводами. Невольно подумала я при этомъ ощущеніи сырого воздуха, такъ похожаго на воздухъ пещеръ, что и камеры, къ которымъ я шла, могли тоже назваться нравственной могилой.

Во все время этого перехода я слышала какой-то глухой, безпрерывный шумъ, какъ-будто кто камни каталъ по деревянному спуску. По мѣрѣ того какъ мы приближались къ дверямъ камеръ, гулъ этотъ все усиливался ; явственнѣе отдѣлились голоса и размеры ихъ дошли до самыхъ громкихъ нотъ. Но когда смотрительница отворила дверь, меня чисто физически, какъ сильный ударъ, поразилъ шумъ, вырвавшійся изъ нея. И не одинъ шумъ произвелъ на меня это дѣйствіе : спертый, удушливый воздухъ, повалившій изъ камеры, и нестрая масса людей, кричащая, движущаяся, грязная, полунагая, представлявшая собою такую вопіющую дисгармонію съ общимъ, привычнымъ намъ порядкомъ, оттолкнулъ меня съ невольнымъ отвлращеніемъ отъ двери.

Рано еще русской женщинѣ давать такое обширное назначеніе, какое она получила въ благотворительномъ дѣлѣ ; не готова еще она, не развита достаточно, чтобы правильно понять въ чемъ оно

можетъ быть, и принять вѣрное участіе въ видахъ общественной и нравственной пользы. Соціальные вопросы и болѣе обширный взглядъ на предметъ ей еще мало доступны. Такъ долго замкнутая сама въ одной мелочной средѣ домашняго обихода, стѣсненная во всемъ волею другихъ — и потомъ вдругъ пущенная въ круговоротъ пустой, свѣтской жизни... Въ ней еще не могло, въ короткій переходъ начала ея возрожденія, образоваться довольно здраваго смысла и нравственной силы, чтобъ она сумѣла дѣйствовать сознательно-разумно и согласно съ общей пользой, и имѣть вліяніе на другихъ силою своихъ убѣжденій или ясностью своего собственнаго примѣра. Добра въ иной и много, да выразиться-то оно въ болѣе общихъ размѣрахъ не можетъ, а выкажется или въ совершенно безплодной жалости и слезливости, или въ излишней строгости осужденія, вызванной видомъ наружнаго безобразія предмета.

Несмотря на все мон заранѣе подготовленные и ожидаемыя впечатлѣнія, я стояла пораженною передъ картиной, открывшейся въ отворенную дверь камеры. Цѣлая толпа бабъ разнаго возраста, едва прикрытыхъ грязной одеждой, сидѣла на полу и на лавкахъ, расположенныхъ у стѣнъ, и громко кричала. Въ этомъ общемъ говорѣ слышны были разные тоны, но болѣе всего господствовалъ тонъ ожесточенной брани да визгъ дѣтей, цѣлый рой которыхъ вертѣлся и шумѣлъ между женщинами.

Большая часть арестантокъ, вступая въ острогъ, приводятъ за собой иногда по нѣскольку душъ дѣтей, такъ какъ половина изъ нихъ не имѣетъ ни законнаго отца, который бы могъ заботиться о нихъ, ни пристанища, гдѣ пріютиться, и поневолѣ должна слѣдовать за матерями, каковы бы онѣ ни были и гдѣ бы ни находились. Многія изъ этихъ несчастныхъ дѣтей проживаютъ въ стѣнахъ тюрьмы по шести и болѣе лѣтъ, подъ губительнымъ нравственнымъ вліяніемъ ихъ окружающей среды, именно въ томъ впечатлительномъ возрастѣ, когда только-что начинаютъ развертываться ихъ первыя понятія и формироваться наклонности. Понятно, почему ребенокъ, проведеншій первые свои годы въ острогѣ, большею частью оканчиваетъ свои похождения въ жизни имъ же. Первые уроки порока, слышанные имъ сначала почти безсознательно, потомъ такъ же невольно ставятъ его на дорогу, ведущую къ преступленію; зародышъ зла приноситъ свой плодъ: ребенокъ арестантки, выросшій въ изгнаніи изъ общества, дѣлается врагомъ его; ихъ интересы не легко сольются. И можно ли будетъ ожидать много хорошаго отъ

человѣка, который съ начала своего пробужденія къ мысли встрѣтитъ такой нецѣпный, вредный приѣмъ? Будь еще у насъ принята система одиночнаго заключенія и находишь ребенка только при матери, онъ не могъ бы получать со стороны столько вредныхъ впечатлѣній. Не всякая мать, какъ бы дурна она ни была, могла бы рѣшиться передать ребенку свои испорченныя правила; да ктому же мало развитыя матери никогда не говорятъ со своими маденькими дѣтьми, а потому не имѣютъ и средствъ привить къ ребенку свою порчу. Теперь же, въ общей тюрьмѣ, первыя ощущенія ребенка ограничиваются постоянными колотушками отъ всей грубой и преступной толпы, ихъ окружающей, и частыми подтками отъ самой матери, очерствѣлой, озлобленной въ своемъ заточеніи. Сколько мнѣ ни случалось видѣть этихъ женщинъ, въ нихъ всѣхъ проглядывала какая-то жестокость къ бѣднымъ дѣтямъ; онѣ какъ будто только по необходимости терпѣли ихъ подлѣ себя и нисколько не заботились объ нихъ. Я никогда не видала, чтобъ хоть одна изъ нихъ приласкала своего ребенка; напротивъ, неразъ была свидѣтельницей, какъ мать безъ жалости била дитя двухъ-трехъ лѣтъ, когда оно просило у ней ѣсть, а подъ рукою хлѣба не было. Даже и въ этомъ дѣйствовала не крайность, потому что казенный хлѣбъ всегда можно достать въ кухнѣ, но чистая лѣнь сходить за нимъ, упрямство въ своемъ нежеланіи спросить его. Имъ тяжело ходить даже за своими собственными дѣтьми, а между тѣмъ можно ужаснуться той праздности, въ которой онѣ проводятъ все свое время.

Поступая въ острогъ, вновь прибывшая арестантка получаетъ мѣсто на нарахъ, а въ иныхъ тюрьмахъ, по тѣснотѣ содержащихся въ нихъ, и на полу. Здѣсь она кладетъ свой войлокъ, назначенный ей отъ казны и замѣняющій тюфякъ. Толстое рядно, родъ грубого деревенскаго тканья, которое не моется по цѣлымъ годамъ, составляетъ для нея и простыню и одѣяло. Въ головахъ, пока не пропьеть, положить она какую-нибудь подушку; а то замѣнить ее не тугимъ узелкомъ, въ которомъ сохраняетъ все свое имущество, потому что верхнее платье она должна имѣть свое, отъ казны же получается только по двѣ рубахи и одной юпкѣ въ годъ. На этой-то очень неряшливой постели спать арестантка, и часто не съ однимъ, а со многими дѣтьми вмѣстѣ.

Въ первые дни своего поступленія въ острогъ, пока еще не отупѣло нѣкоторое сознаніе своего преступленія и еще чувствуется стыдъ передъ людьми и невольное отвращеніе находится въ тюрьмѣ, аре-

стантка удаляется, молчить; но проходитъ день-другой — она подается всегда любезному на первое время приему товаровъ по заключенію, начнутся распросы, рассказы, безконечное трещанье. Ее введутъ во всѣ тайны зла, расскажутъ со всѣми подробностями и даже прибавками, ради краснаго словца, цѣлый рядъ преступленій — и ей ея собственный поступокъ покажется въ сравненіи съ ними такимъ ничтожнымъ, безгрѣшнымъ, что совѣсть, еще проявляющаяся въ ней, легко умолкаетъ и она скоро совершенно примиряется съ своимъ положеніемъ. Да и трудно ли ей примириться съ нимъ? Оно не составляетъ рѣзкой перемѣны съ ея настоящимъ бытомъ, а еще имѣетъ въ глазахъ ея свои преимущества. Большею частью классъ народа, изъ котораго попадаютъ эти преступницы, стоитъ на самой низкой степени развитія. Онѣ такъ неизбалованы удобствомъ жизни, переносятъ столько лишеній и у себя дома, ѣдятъ такъ дурно, живутъ такъ грязно, что переходъ ихъ на грязную постилку, тюремную пищу и грубую одежду не очень много для нихъ замѣтень. Напротивъ, онѣ здѣсь гарантированы отъ труда и заботы; ихъ праздности, лѣни и болтанью полный просторъ. Имъ есть казенное помѣщеніе, подается все готовымъ, живется беззаботно; одной только свободы недостаетъ, да и то безъ разумнаго пониманія ими на что употребить ее. Все дѣло арестантокъ заключается въ томъ, что между ними наблюдается очередь въ печенье хлѣба и приготовленіи каждодневнаго стола, да еще поочереди же отпращиваются онѣ въ прачешную; но ихъ вообще такъ много содержится, что иной приходится исполнить свое дѣло только въ двѣ недѣли разъ, остальное же время большею частью проводится въ совершенномъ бездѣйствіи, въ руготнѣ между собою и въ слушаньи рассказовъ или въ развиваньи ихъ самой передъ цѣлой толпой внимательныхъ слушательницъ. Женщины вообще общительны, и несмотря на ихъ безпрестанную вражду и ссоры между собою, онѣ легко сходятся сейчасъ послѣ каждой стычки и снова заговариваютъ о своихъ интересахъ. Удовольствіе поговорить стоитъ у нихъ выше всѣхъ личныхъ непріятностей. Но нигдѣ такъ не вредна эта общительность, какъ въ острогахъ. Уже давно толкуютъ о томъ злѣ, которое истекаетъ отъ соединенія въ общихъ камерахъ всѣхъ преступленій вообще, неразбирая ихъ рода. Отъ столкновенія и непремѣнныхъ разговоровъ заключенныхъ между собой зло распространяется, и рассказы преступника, совершившаго одинъ родъ преступленія, знакомятъ съ ходомъ и уловками другого. Передъ нимъ развертывается новый

путь, открываются новыя мошенническія продѣлки и увертки, и часто изъ робкаго, мелкаго негодя образуютъ закоренѣлаго, ловкаго преступника. Между женщинами это общеніе еще вреднѣе. Мужчины вообще менѣе разговорчивы и болѣе самостоятельны; въ нихъ, несмотря на ихъ порчу и вліяніе лицъ окружающихъ ихъ, еще остаются нѣкоторыя свои убѣжденія и взгляды, которыя не легко разрушаются. Но женщины вообще, а тѣмъ болѣе эти загрубѣлыя, неразвитыя натуры, часто испорченныя въ самомъ нравственномъ своемъ началѣ, рѣдко имѣютъ достаточно самобытности и стойкости, чтобъ совершенно освободиться отъ извращенныхъ понятій и правилъ, передаваемыхъ имъ очень бойко и настойчиво, какъ умѣютъ большею частью говорить подобныя имъ. Меня особенно удивляла неумоимость языка этихъ женщинъ и постоянный интересъ ихъ къ разговорамъ. Мнѣ неразъ случалось слышать повтореніе одного и того же по десяти разъ, но несмотря на то, и рассказчица, и слушательницы были такъ же оживлены имъ, какъ-будто слушали самую поразительную новость. И вся эта длинная и послѣдовательная цѣпь паденій, рассказываемая вообще со всѣми подробностями и съ легкимъ, безупречнымъ взглядомъ на совершенное, непременно глубоко западаетъ въ умъ слушательницъ и оставляетъ въ немъ много вредныхъ зародышей, которые въ свое время отражаются на самыхъ ихъ поступкахъ.

Изъ внимательнаго наблюденія за арестантками вообще, почти всѣхъ женщинъ, заключенныхъ въ стѣнахъ острога на время ихъ суда, можно раздѣлить на три разряда, по родамъ ихъ преступленій, а именно: бродягъ, воровокъ и убійцъ. Арестантки, принадлежащія къ первымъ двумъ разрядамъ, большею частью существа того жалькаго, ничтожнаго, испорченнаго безъ собственнаго сознанія, мелкія и неразвитыя натуры, что въ нихъ съ трудомъ сознаешь человеческое начало. Онѣ безпрестанно шумятъ, ссорятся, дерутся, а потомъ трещатъ безъ умолку и вѣчно находятся въ какомъ-то суетливомъ, волнующемся состояніи. Зато рѣзко отдѣляются отъ нихъ преступницы-убійцы. Онѣ вообще не любятъ говорить о своихъ преступленіяхъ, сдержаны, несообщительны и во многихъ проглядываетъ замѣчательная твердость характера и сознательная сила своего превосходства надъ всей остальной пустой и ничтожной массой, ихъ окружающей. Между ними легко отличить тѣ загнанныя и запуганныя личности, которыя совершили свое преступленіе или въ минуты отчаянія, или подъ вліяніемъ другихъ: онѣ

слезливы, шатки и находятся всегда въ загонѣ даже и между арестантками; но зато въ нѣкоторыхъ выказывается столько стойкости и непреклоннаго, хотя ложнаго убѣжденія, что онѣ легко становятся въ главѣ всей массы и нечувствительно властвуютъ надъ ней. Ихъ то влияние и надо считать самымъ вреднымъ и опаснымъ для всѣхъ. Несмотря на ихъ неразговорчивость и сжатость, порча ихъ собственныхъ началъ какъ тонкій ядъ проникаетъ въ среду общей массы и прививается къ ней незамѣтно.

Восприимчивость въ заключенныхъ тѣмъ сильнѣе и больше, что развитію ея способствуетъ ихъ замкнутость отъ общественной жизни, и опять повторяю, совершенная праздность. Имъ позволено брать чужую работу, но этимъ позволеніемъ онѣ рѣдко пользуются. Причины этого заключаются въ нихъ самихъ. Первая и самая главная — это ихъ собственное равнодушіе къ труду и совершенное нестараніе получать какую-нибудь заработку. Получивъ заказы, онѣ такъ неохотно и неакуратно исполняли ихъ, съ порчею и убыткомъ для заказывающихъ, что жители перестали давать имъ работу или стали требовать ответственности за нихъ съ смотрительницъ острога, на что не каждая соглашалась. Вовторыхъ деньги, заработанные арестантками, не отдаются имъ на руки, а остаются у смотрительницы, которая хотя и употребляетъ ихъ на ихъ же нужды, но часто неспрашивая даже ихъ согласія. Неравъ бывали случаи злоупотребленія, что изъ заработанныхъ денегъ арестантки получали только по шести копѣекъ въ день, — крайнюю стоимость назначенную за ихъ трудъ, — а остальными пользовались сами ихъ начальницы. Наконецъ третья причина: большая часть изъ содержащихся не знаютъ никакой отрасли женскаго труда и неумѣютъ ничего дѣлать. Привыкши къ неряшеству и праздности, онѣ еще до прибытія своего въ острогъ вели такую же недѣятельную жизнь и совершенно измѣнились; теперь, когда онѣ упали нравственно, лишились всякаго желанія подняться честнымъ трудомъ, ихъ невозможно даже и заставить за него приняться. Да и что можно заставить ихъ дѣлать? Ремесламъ въ острогѣ ихъ никакимъ не учать, ктому же и ремесло завести трудно, потому что употребленіе острыхъ орудій въ острогахъ запрещается закономъ, — а что можно дѣлать безъ ножа или ножницъ? Потому, при существующемъ порядкѣ постановленій, найти дѣло для арестантокъ и искоренить самую праздность между ними почти невозможно.

Встрѣчаются однакожь иногда и между этими предающими

женщинами личности, сохранившія нѣкоторыя нравственныя достоинства, но это только особняки, а масса остается все тою же, грязною, грубою, съ порочнымъ отгѣнкомъ на лицѣ, выраженіе котораго невольно поразило меня, когда вся толпа арестантокъ выстроилась для переключки.

УВИДѢНІЕ

Послѣ переключки я ушла съ смотрительницей въ ея комнату, куда она велѣла придти работницѣ, рекомендованной ею для моей работы.

Черезъ полчаса къ намъ вошла дѣвушка въ очень чистомъ и опрятномъ видѣ. Она не могла назваться красивою, но въ ея высокой, стройной фигурѣ, въ манерѣ держать голову, обвитую двумя роскошными черными косами, въ густыхъ бровяхъ, немного нависшихъ въ прямой линіи надъ ея выразительными глазами, проглядывало столько достоинства и нравственной силы, что она вездѣ привлекала бы на себя вниманіе.

— Груша, гдѣ ты была? спросила смотрительница: — я тебя другой разъ не нахожу въ камерѣ.

— У Агафы въ лазаретѣ сидѣла, сударыня, отвѣчала тихо арестантка.

— Да вѣдь на переключкѣ надо быть, сама знаешь? продолжала смотрительница.

— Извините пожалуйста, Агафѣ—то ужь больно плохо; кажись и ночи не проживетъ.

— То-то все у васъ дѣла, а обязанностей своихъ и знать не хотите. Вотъ и барыню заставляешь ждать себя. Хочешь юпку взять вышить?

— Съ удовольствіемъ, пожалуйста.

Я стала передавать ей работу, толковать рисунокъ, считать матерьялъ.

— Не беспокойтесь, все будетъ цѣло!—замѣтила она мнѣ, и яркая краска разлилась по ея щекамъ: казалось одной тѣни сомнѣнія было достаточно, чтобы уколотъ ея напряженное обидчивое самолюбіе. Но это проявленіе внутренняго чувства было мгновенно: черезъ минуту она стояла передо мной такъ же спокойно, почти неподвижно,

какъ сначала у порога дверей , и отвѣчала на все односложно и тихо.

Въ тонѣ ея голоса и въ ея движеніяхъ постоянно выказывалась сдержанность и недовѣріе.

Когда я передала ей все , она низко поклонилась и пошла къ двери.

— Какъ кончишь , я еще приготовлю работу , сказала я ей вслѣдъ.

— Пожалуста , сударыня , я ужъ буду стараться , чтобы вы были довольны.

— Вотъ она такъ все работы проситъ , замѣтила смотрительница по ея уходѣ : — видно порядочную ; а другихъ попробуйте-ка засадить , — просто наплачешься съ ними.

— За что содержится эта дѣвушка ? спросила я.

— За убійство , отвѣчала смотрительница : — и преступленіе-то явное , на мѣстѣ пойманы . Она вѣдь не одна , а со старухой ключницей , вотъ этой Агафеей , про которую она сейчасъ говорила , что умираетъ въ лазаретѣ.

— Кто-жъ онѣ такія ? спрашивала я.

— Дворовыя , задушили экономку своихъ господъ . Вотъ ужъ третій годъ судъ идетъ . Сперва въ уѣздномъ острогѣ сидѣли , потомъ сюда перевели ; теперь дѣло въ уголовной палатѣ ; еще съ годъ просидятъ , пока въ сенатъ пойдетъ . Ну , а тамъ накажутъ , да и въ Сибирь на каторгу ; ужъ извѣстно , одинъ конецъ такимъ преступникамъ . А жаль Грушу , такъ , по человѣчеству жаль : молода еще , всего двадцать лѣтъ было , какъ преступленіе сдѣлано ; работающая , скромная дѣвка , я ее лучше всѣхъ люблю изъ этихъ разбойницъ . Никакой грубости отъ нея не услышишь . Ужъ какъ тамъ ее грѣхъ попуталъ , Богъ одинъ знаетъ , а видно что хорошо ведена была , въ добрыхъ рукахъ выдержана .

— А вы спрашивали ее когда-нибудь что побудило ее рѣшиться на преступленіе ?

— Неразъ спрашивала , стыдила ее , такъ ничего путемъ не скажетъ : отвѣтитъ только два-три слова , а то все молчитъ и въ камерѣ-то ни съ кѣмъ не болтаетъ , все что-нибудь копается , — то шьетъ , то моетъ . Голоса ея никогда не слышно . Разъ вотъ , гляжу я , вяжетъ она чулокъ , сидитъ тихо такъ въ уголку на лавкѣ , а у самой слеза за слезой такъ и капаетъ . Жаль мнѣ ее ужъ очень стало , позвала я ее къ себѣ въ комнату и начала спрашивать . Такъ что же ? Махнула рукой , да и говорить : «Что вамъ за охота , барыня ,

душу—то мою выворачивать! Мнѣ и такъ нелегко. Вѣдь всѣмъ извѣстно что я сдѣлала... Задушила, такъ задушила, я и передъ судомъ не запиралась; а что на сердцѣ у меня и тогда было, и теперь есть, кому до этого какое дѣло? Пусть при мнѣ останется. Не сердитесь, барыня дорогая, не могу говорить...» Укрывшись головнымъ платкомъ, повернулась и пошла прочь.

Меня сильно заинтересовала эта дѣвушка. Какъ—то невѣрилось, глядя на ея порядочную наружность и недостатокъ въ ней нравственной порчи, высказывающейся въ словахъ и поступкахъ истинно порочныхъ людей, что преступленіе, совершенное ею, проистекало изъ злого или корыстнаго побужденія. Хотя я и понимала, что преступленіе, съ какою бы цѣлью ни было оно совершено, остается тѣмъ же преступленіемъ въ глазахъ людей и закона, если фактъ его несомнѣненъ, но сознавала также, что въ душѣ нашей невольно таится къ нему какое—то снисхожденіе, когда поводъ къ нему сниметъ съ него грязное пятно порока. Развѣ мы не извиняемъ чувства снисхожденія, развѣ не сознаемъ вліянія на дѣйствія чловѣка такихъ тяжелыхъ и непоколебимыхъ обстоятельствъ, противъ которыхъ силъ недостаетъ бороться, а исхода изъ этого гнетущаго положенія не предвидится? Груша была, какъ я узнала, именно изъ числа такихъ преступницъ. Познакомься съ ходомъ ея дѣла и слыша отъ нея самой и отъ старухи Агафьи, ея соучастницы, много подробнаго, домашняго, что не вошло въ составъ его, легко было понять, что причины, побудившія ее къ преступленію, были не изъ числа обыкновенныхъ. Я передамъ ея исторію.

ГРУША

Къ одному изъ казенныхъ селеній в—скаго уѣзда прилегалъ участокъ помѣщика Колымаги. Онъ состоялъ изъ пятнадцати дворовъ крестьянъ, господскаго дома довольно ветхой наружности и двухъ—трехъ экономическихъ построекъ, гдѣ помѣщались кухня, людскія, контора и другія хозяйственныя назначенія. Лѣтъ за двадцать до случившагося въ немъ убійства, ставшаго предметомъ толковъ всего околodka и эпохой для счету мѣстныхъ жителей, помѣщикъ этого участка Михайло Васильчъ Колымага вышелъ въ отставку съ чиномъ майора, женился и пріѣхалъ въ Сучевку съ своей молоденькой женой. Михайло Васильчъ былъ уже тогда плотнымъ, немного лысымъ, лѣтъ сорока господиномъ, очень лѣни-

вымъ, ворчливымъ и несговорчивымъ. Жена его, только-что выпущенная институтка, худенькая, щедушная, робкая и уступчивая, съ самаго начала своего замужства во всемъ покорилась мужу. Ревнивый, долго засидѣвшійся холостякъ, много видавшій измѣнъ прекраснаго пола — какъ выражался онъ самъ — впродолженіи своей походной, разгульной жизни, счелъ за лучшее и болѣе спокойное для себя положеніе запереть свою молоденькую и больше его развитую жену въ тѣсную рамку одного семейнаго быта. Марья Семеновна прямо изъ стѣнъ института пошла въ сучевскій свой домъ; мужъ не познакомилъ ее съ сосѣдями, не вывезъ нирзду изъ имѣнія, не доставилъ ей ни одного случая посторонняго развлечения — и жизнь молодой женщины вся замкнулась въ домѣ, въ саду и въ огородѣ. Сначала Марья Семеновна скучала, потомъ привыкла, одичала и наконецъ почти отупѣла. Тихая, сонливая ея натура сжилась съ своей невеселой, однообразной долей. Съ мужемъ она ладила, дѣтей нянчила, присматривала иногда за работой, немножко за домовымъ хозяйствомъ, впрочемъ ни во что невдаваясь и мало въ чемъ смысла; въ размышленія никакія она не пускалась и жила такъ, какъ жилось, спустя рукава. Въ людской и въ дѣвичьей ее любили; она всегдѣ говорила «миленькая» и «пожалуста» и на все глядѣла сквозь пальцы. Ее бы и не слушались никогда, да баринъ самъ иногда входилъ, на барыню ворчалъ, на людей покрикивалъ и шло все сносно: не очень порядочно, не очень толково, зато безъ шумныхъ сценъ и сильныхъ переворотовъ. Дворовые люди, особенно женщины, не привыкли слышать надъ собой команды, одного барина только побаивались, но вообще вели свои дѣла хорошо. Простору было много, присмотру мало.

Въ числѣ дворовыхъ женщинъ пользовалась особымъ почетомъ и довѣренностью нянюшка Агафья. Она вынянчила трехъ дѣтей своимъ господамъ, а потомъ на ея руки были переданы все ключи кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, и она возведена была въ почетную должность ключницы. Въ свое время Агафья была очень красивой дѣвкой; вышла замужъ по своему выбору, но съ мужемъ скоро поссорилась, стала тяготиться полевой работой и сама напустилась кормить перваго ребенка, тогда родившагося у господъ. Съ той поры поселилась она въ барскомъ домѣ, переходя постепенно изъ мамокъ въ няньки, изъ нянекъ въ ключницы и оставаясь при послѣдней своей должности до старости. Агафья была смышленная баба; она понимала что выбирала, хотя часто поварчивала въ дѣви-

чьей на свои немощи и излишніе труды и усердно плакалась о своемъ безпомощномъ вдовствѣ и сиротствѣ. Однако на самомъ дѣлѣ ея положеніе нисколько не противорѣчило ея вкусамъ: Агафья любила наряжаться, а нигдѣ не могла она имѣть лучшихъ нарядовъ, какъ въ барскомъ домѣ; любила и сама побарствовать, а въ должности няни у ней всегда была подвластная прислуга; наконецъ ей всегда и вездѣ хотѣлось быть первой, — въ семействѣ же Колымяги, гдѣ барыня была такой тихой и незамѣтной личностью, Агафѣ былъ полный просторъ выказываться. Бойкая, смѣтливая, говорливая баба, она не робѣла даже передъ самимъ бариномъ и легко прибрала къ рукамъ все домашнее хозяйство; барину она прислуживалась, баринѣ не грубила и какбы даже покровительствовала, людьми распоряжалась почти произвольно, и такъ сумѣла выставить свое безкорыстіе и заставить чувствовать необходимость своего вмѣшательства, что все въ домѣ невольно подчинилось ей и она незамѣтно вступила въ полныя права хозяйки. Она не была зла, не любила сплетень и наговоровъ, вела свои дѣла правдиво, и люди хотя и не любили ее за данныя ей преимущества, но слушались ее и боялись больше самихъ господъ. Власти своей и первенства въ домѣ она не уступала никому и требовала отъ всѣхъ полнаго уваженія къ своей особѣ. До самой старости она была избалована счастьемъ и всеобщимъ почетомъ; ничто не шло ей наперекоръ, не раздражало ея самолюбивой, любящей господство натуры, и ей не снилось даже возможной переменѣ въ ея положеніи. А между тѣмъ она обрушилась на нее такъ внезапно и неожиданно, и уже въ томъ возрастѣ, когда страсть къ господству вкоренилась въ ней двадцатилѣтней привычкой и постояннымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ней самихъ господъ.

Заболѣла Марья Семеновна и умерла, — личность сама по себѣ такая незамѣтная, но на которой однако держался весь старый порядокъ дома. Сначала все такъ же тихо и спокойно шло въ домѣ, какъ и при ней; Агафья хозяйничала и заправляла всѣмъ домомъ; старый баринѣ изрѣдка выглядывалъ изъ своего кабинета, поварчивалъ на прислугу, а самъ ни во что не входилъ. Десятилѣтняя барышня, единственная дочка, уцѣлѣвшая у Михайла Васильича, попрежнему ластилась и вертѣлась около своей старой няни, а та жалѣла и любила ее по-своему. Тихая, вялая, чувствительная дѣвочка, она общалась во всемъ походитъ на мать свою, и такъ же робко, трусливо вступала въ жизнь, какъ та провела ее.

По вскорѣ порядокъ жизни въ Сучевкѣ нарушился. Агафѣ явилась достойная соперница въ лицѣ булочницы Софьи, вскорѣ возведенной для всего дома въ Софьи Марковны. Софья Марковна, бойкая и ловкая баба, сумѣла угодить барину и своими печеньями, и своимъ вниманіемъ, и за то сдѣлана эконожкой и изъ булочной была переведена въ домъ. Здѣсь заняла она комнату барыни, сбросила крестьянскую юпку и свитку, и не прошло мѣсяца со времени ея водворенія, какъ она уже надѣла шолковое платье и барынинъ лисій салонъ, оказавшійся ей только до колѣнъ, переважно сѣла въ господскія сани, которыми правилъ ея же собственный супругъ — старый барынинъ кучеръ, и бойко приказала ему, «дураку», везти себя въ приходскую сельскую церковь, желая показаться въ своемъ новомъ видѣ всему собравшемуся люду.

За этимъ началомъ Софья Марковна и въ домѣ завела свои порядки. Смогли въ дѣвичьей смѣхъ и разговоры; слышны стали только звонкая брань Софьи Марковны, да иногда ударъ плетки по чьимъ-нибудь плечамъ, мгновенный визгъ, а потомъ тихій плачь надъ пальцами или надъ чулкомъ. Тоже происходило въ людскихъ и на кухнѣ; все стихло, присмирѣло, протрезвилось отъ долгаго сна; работа закипѣла въ рукахъ всѣхъ. Софья Марковна только ходила да распорядилась. Даже и баринъ засѣлъ тихонько въ своемъ кабинетѣ. Софья Марковна и его припугнула немножко. «Ужь вы, Михайло Васильчъ, пожалуста не суйтесь, а то меня слушаться не будутъ, опять всѣ старые порядки заведутъ, обкрадывать васъ будутъ. Куда ужъ вамъ входить! Вы себя поберегите, я сама управлюсь.» А Михайло Васильчъ и радъ былъ на покой. Между тѣмъ Софья Марковна властвовала безгранично. Ея звѣрская, недовѣрчивая натура развернулась во всей своей силѣ; она сдвинула своихъ равныхъ, какъ тигръ своей могучей ланой сдвинулъ бы кошку, слабѣйшую изъ своей породы, и безъ милости, безъ сожалѣнія гнала ихъ временной своей силой, такъ долго удерживаемой въ своихъ порывахъ рабствомъ и неволей. Теперь она не захотѣла знать границъ своему произволу, не пожалѣла никого и доказывала по своему то, что и она можетъ быть барыней.

Первое лицо, на которое пала ея неумолимая опала, была Агафья. Она завидовала уже долго ея власти и теперь захотѣла выместить на ней всю свою давно накопившуюся злость. Она начала съ того, что отобрала у ней ключи и велѣла ей быть ключницей только изъ ея рукъ. Потомъ сняла съ нея платье, къ которому она

привыкла еще съ молодыхъ лѣтъ, и велѣла ей надѣть такое же грубое, какое носила вся остальная прислуга; за платьемъ была отнята и комната, и чашка чаю, и даже кровать. Такъ мало-помалу она лишила старуху всего, къ чему та издавна привыкла, желая этимъ унижить ее передъ другими. Однако въ этомъ она не успѣла: Агафья только съ этой поры начала возвышаться въ глазахъ всей дворни, и чѣмъ больше ее гнели, чѣмъ больше старались унижить, тѣмъ болѣе приобрѣтала она всеобщаго уваженія и влiянiя. Въ дѣвичьей, въ людской, даже на деревнѣ стали смотрѣть на нее какъ на мученицу. Дворовыя дѣвушки наперерывъ одна передъ другой старались услужить ей, и изъ тетки Агафьи, проведеншей шестьдесятъ лѣтъ съ этимъ короткимъ именемъ, она вдругъ сдѣлалась Агафьей Фоминишной. Въ дѣвичьей, гдѣ она постоянно вязала чулокъ, прежде на спокойномъ креслѣ, а теперь на простой деревенской скамейкѣ возлѣ печки, Агафья Фоминишна приобрѣла полное довѣрiе.

Между дѣвушками, вѣчно сидѣвшими за пальцами, особенно отличалась своей стройной фигурой и какой-то типичной физиономiей одна брюнетка, по имени Груша. Начало жизни Груши ничѣмъ не было замѣчательно. Незаконная дочь бездомной сироты, которую покойная барыня приняла изъ жалости на экономическое содержанiе и опредѣлила въ птичники, чтобы удержать ее на мѣстѣ и помѣшать развивающейся уже въ ней страсти къ бродяжничеству, Груша жила при матери, глухой и неласковой, бѣгала безъ всякаго надзору, росла въ грязи и на свободѣ до самаго десятилѣтняго возраста. Мать обходилась съ ней грубо, никогда не заботилась о ней; сосѣди били и прогоняли, боясь, чтобъ дѣвочка не съѣла у нихъ лишняго куска; ребяташки тоже ее обижали, видя ея совершенную беззащитность. Груша росла въ тяжелой школѣ; она ожесточилась и выучилась рано сдерживаться и скрываться; но въ ней не проявилось ни одного низкаго начала, не поддалась она ни унижительному обращенiю съ собой, ни желанiю воспользоваться чужою собственностью, часто вызываемому крайней нуждой, которую приходилось терпѣть ей. Въ ней не появилось ни тѣни лжи и корысти; она на все смотрѣла какъ-то гордо и независимо, довольно рѣзко для своего возраста, но тѣмъ неменѣе съ какимъ-то невольнымъ сознаниемъ своего превосходства. Обидитъ ли ее кто, она только вспыхнетъ бывало, да прочь пойдетъ; но если кто чувствительно оскорбитъ ее, она вѣкъ не забудетъ; никогда не ругнетъ его, не

увлечется въ порывѣ своего гнѣва, а только всякій разъ какъ слышитъ одно имя оскорбившаго ее, яркій румянецъ залетѣтъ ея смуглыя щечки : кажется такъ бы и раздавила она его, какъ букашку. Зато и привязанность ея была сильна ; ничего не было для нея невозможнымъ, чтобъ доказать ея тому, къ кому она чувствовалась. Когда умерла ея мать и дѣвочку барыня приказала взять въ людскую, Груша была очень довольна переменѣю въ своей жизни. Она такъ охотно и спокойно вошла въ барскіе покои , такъ акуратно и самоувѣренно принялась за новое ей дѣло , такъ скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо говорила съ барыней , что въ самое короткое время сдѣлалась ея любимой прислугой. Ее назначили для услугъ въ дѣтской и она перешла въ распоряженіе нянюшки Агафьи. Тутъ она такъ усердно и порядочно принялась за свое дѣло , что Агафья при всей своей требовательности осталась довольна ею , привыкла къ ней и разъ , въ минуту прилива нѣжности , приласкала бѣдную сиротку. Груша не выказала ей всего удовольствія , какое почувствовало ея маленькое сердечко при этой непривычной, почти первой ласкѣ , но привязалась къ Агафѣй всей силой своей сдержаной, страстной натуры , и съ этой поры няня не могла никогда найти предлога быть недовольной ею. Груша скорѣе бы не доспала , не побѣжала бы погулять на деревню , чѣмъ не сдѣлала бы велѣннаго ей Агафѣй. Впрочемъ и ко всѣмъ жившимъ въ домѣ она была хороша. Она была очень скоро и порядочна къ дѣлу, трудолюбива до-нельзя, никогда не тяготилась помочь другимъ , ни съ кѣмъ не ссорилась, не бранилась, но и не дружилась, а всегда держала себя съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ , помогая другимъ безъ угодливости и сохраняя полную свободу и независимость въ отношеніяхъ съ ними. Зато и ее никто не обижалъ, никто не трогалъ, и Груша выросла въ господскомъ домѣ, никогда не жалуясь на свое зависимое положеніе. Ей было хорошо въ немъ ; она была сыта, одѣта, не обижаема безпрестанно , какъ бывало при жизни у матери ; неволи она не чувствовала, потомучто сама была самостоятельна и спокойна и только уже входя въ лѣта стала иногда чувствовать свое сиротство и одиночество. Но и то не долго тосковало молодое сердце. Скоро одинъ изъ молодыхъ дворовыхъ людей заставилъ ее забыть свое дѣтское горе ; въ сердцѣ Груши появилось другое , болѣе сильное чувство, на которое ей такъ легко, такъ искренно отвѣтили. Въ виду будущаго у Груши стали появляться и добрый любимый мужъ, и своя хата, и своя семья, и свое хозяйство, да еще и родня ка-

кая — нянюшка Агафья! Выбранный Грушей былъ ея единственнымъ племянникъ. Узнала няня объ ихъ любви и благословила; узнали господа и согласились; оставалось сыграть только свадьбу. Но въ это время умерла барыня и все пошло на новый ладъ, подъ желѣзной опекой Софьи Марковны.

Разжаловала новая полубарыня старую Агафью, услала Дмитрія, ея племянника, на гумно, въ черную работу, и Грушу засадила вплотную за пяльцы... О свадьбѣ нечего было и думать. Агафья плачетъ цѣлый день; посядѣли ея волосы, сохранявшіе до сей поры свой натуральный цвѣтъ; опустилось откормленное тучное тѣло; состарѣлась она на двадцать лѣтъ за эти короткіе мѣсяцы. Груша не жалуется, не плачетъ, рта не открываетъ цѣлый день, только все шьетъ да шьетъ непрерывая. Опаза ея высокая, молодая грудь; вытянулась шея отъ постоянной наклонки; она все терпитъ и молчитъ. Терпитъ даже и тогда, когда разъяренная Софья Марковна накинется на нее и за другихъ, чего она за ними не смотритъ, и на ней станетъ вымещать свой ничѣмъ неудовлетворимый гнѣвъ. Утретъ только украдкой слезы, невольно вызванные болью потасовки, или каплю крови, выступившую на рукѣ отъ укола булавкой неукротимой тигрицы, и снова шьетъ какъ ни въ чемъ не бывало, только изрѣдка румянецъ ярко разольется по всему лицу и покроетъ даже шею и грудь подъ толстой рубашкой: видно какая-нибудь непрошеная мысль горячо опалитъ ея мозгъ и внутренняя борьба проглянетъ наружу.

Такъ проходило время; тяжелая жизнь для всей дворни тянулась въ домѣ помѣщика Колымаги, а онъ сидѣлъ себѣ спокойно въ своемъ кабинетѣ, книжки читалъ, да трубочку покуривалъ, невходя ни вочто, незамѣчая даже что дѣлалось у него подлѣ. Его старый, отжившій умъ не переваривалъ и мысли, что тутъ совершаются почти преступленія, что онъ долженъ вмѣшаться въ дѣло. Ему самому было хорошо; Софья Марковна кормила его сытно, постоянно рассказывала ему о воровствѣ и мошенничествѣ его людей, описывая всѣхъ самыми черными красками, а себя выставяла такой усердной, безкорыстной; ктому же и припугнула она немножко старичка, такъ что тотъ и не выглядывалъ изъ своего угла. Пробовали было ходить къ нему сначала жаловаться, просить защиты, но онъ только бранился, прогонялъ къ той же Софьѣ Марковнѣ, и горе было тогда смѣльчаку, осмѣлившемуся бороться съ ея властью! Она его съ лица земли стирала, загоняла не только его, но и всю его семью. Приходилось тер-

пѣть и молчать, а между тѣмъ невыносимо тяжело всѣмъ становилось.

Почти полгода неистовствовала уже Софья Марковна, и не было въ виду исхода изъ—подъ ея гнета. Въ это время въ Сучевкѣ разнеслась вѣсть о наборѣ, дошла и до участка Колымаги, и съ него пала очередь поставки одного рекрута. Заговорили объ этомъ по всѣмъ угламъ поселка. У многихъ жонъ и матерей защемило сердце: кого-то выберутъ?

Въ одно утро Агафья уныло сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ въ дѣвичьей и перебирала спицами петли чулка, по привычкѣ. Груша тутъ же сидѣла за пяльцами съ другими работницами. Все было тихо и занято своимъ дѣломъ, какъ на порогѣ комнаты появился поваренокъ съ чашкой въ рукѣ.

— Крупъ на кашу, тетушка, пожалуйста! заговорилъ онъ обращаясь къ Агафѣ.

— Спать еще, у ней ключи, — отвѣчала она брюзгливо.

— А вы, тетушка, развѣ не знаете, что Дмитрій здѣсь? Сегодня раненько, со свѣткомъ привезли, да въ конторѣ и заперли.

— Ой ли! вскричала старуха и чулокъ повалился изъ ея рукъ.

— Говорятъ, его въ городъ везутъ, въ рекруты сдавать; ужъ Мишкѣ сотскому велѣно и телѣгу снаряжать.

Старуха такъ и повалилась на полъ.

— Ой, батюшки мои свѣтики! Последняго кормильца у меня отнимаютъ, и все это баба постыдная! Хоть бы тебя, змѣю подколенную, задушилъ кто! Кровь ты нашу сосешь... Господи ты милосердый! помилуй, защити насъ грѣшныхъ! рыдала старуха. — Груша, али ты не слышишь, Дмитрія—то въ солдаты сдаютъ?..

Какъ скованая сидѣла Груша на своемъ мѣстѣ. Не заголосила она по крестьянскому обычаю выражать свое горе, не заплакала даже при неожиданной новости, только иголка выпала изъ рукъ да лицо, вспыхнувши какъ полымя, вдругъ поблѣднѣло какъ у мертвой. Не смогла она слова проговорить въ отвѣтъ старухи.

— Ишь какъ ее бѣдную покоробило! замѣтила сосѣдка, подавая ей кружку воды. — Помираешь ты чтоли, Груша?

— Ненадо! проговорила она, отталкивая кружку: — еще не умираю! — И какая-то, нето улыбка, нето судорожная гримаса пробѣжала по ея блѣвшимъ губамъ.

Между тѣмъ Агафья ревѣла, причитала, ругала свою злѣйку, не боясь того, что та можетъ ее услышать. Горе пересилило ее...

ей было уже не до осторожности, у ней отнимали послѣднюю ея надежду на лучшую жизнь, брали племянника, котораго она возрастила, любила какъ сына и на котораго рассчитывала какъ на кормильца въ старости. Она побѣжала было къ нему въ контору, но ее не пустили; бросилась было умолять Софью Марковну, въ ногахъ ея ползала, руки цѣловала, унизилась до послѣдней степени, но она только ее же укоряла да бранила, а не уступила ни одной ея мольбѣ. Агафья вернулась назадъ въ дѣвичью и снова принялась ревѣть. Груша все сидѣла и вышивала, какъ-будто на сердцѣ ея и горя не было.

Въ десятомъ часу зазвенѣлъ колокольчикъ. Къ крыльцу подѣхала телѣга; на облучкѣ сидѣлъ сотскій съ блестящимъ орломъ на рукавѣ. Агафья бросилась къ окну и взвизгнула. Наступала рѣшительная минута; послѣдняя ея надежда разрушалась. Вотъ сейчасъ выведутъ Дмитрія, посадятъ въ телѣгу и ей больше не видать его голубчика. Груша встала. На ея блѣдномъ лицѣ проступили багровыя пятна; она сильно сдавила виски кулаками; ни одной слезы не выступило на глазахъ.

— Агафья Фоминишна! заговорила она глухимъ голосомъ: — бѣгите еще къ барину, можетъ онъ помилуется.

Забывая свою старость, бѣгомъ черезъ всѣ комнаты бросилась Агафья въ кабинетъ къ барину.

— Батюшка, Михайло Васильичъ, помилуйте меня старуху!.. хоть за старые мои услуги вамъ, хоть въ память того, что и барыня покойница на моихъ рукахъ скончалась! Не отнимайте у меня Дмитрія! Вѣдь онъ у меня одинъ... вся-то и радость моя въ немъ только... оставьте мнѣ его! — И Агафья рыдая хватала ноги барина, которая тотъ старался освободить изъ ея рукъ. Она сама не помнила себя отъ горя и не знала что дѣлала и говорила.

— Что ты, дура, привязалась ко мнѣ! непонимая чего хочешь отъ него баба, кричалъ Михайло Васильичъ: — какъ ты смѣешь приходить ко мнѣ съ такимъ ревомъ! Вонъ сейчасъ! Я только-что задремалъ, ты меня просто перепугала.

Агафья ревѣла и настаивала, невыпуская ногъ барина, а тотъ вырывался изъ ея рукъ и выходилъ изъ себя. Въ эту минуту на шумъ ихъ вбѣжала Софья Марковна.

— Какъ ты смѣла войти сюда, старая вѣдьма! вскричала она, бросаясь на Агафью, и разомъ схвативъ ее за плеча, вытолкнула вонъ изъ кабинета и заперла за ней дверь. Агафья слышала какъ щелкнулъ замокъ, но пошевелила еще дверной ручкой, въ надеждѣ

отворить, потолкала дверь плечомъ, и видя что все напрасно, не могла-таки рѣшиться оставить ее. Она остановилась за дверью, въ надеждѣ, что ее отворятъ и она еще попроситъ, но услышала только какъ Софья Марковна толковала барину, что она, Агафья, просто бунтуетъ всѣхъ, зато что ея племянника въ солдаты сдаютъ, а что кого же больше и отдать, какъ не пьяницу и воришку? Агафья дождалась, что дверь отперли, но Михайло Васильичъ вышелъ только для того, чтобъ приказать скорѣй везти рекрута въ городъ.

Бѣдная старуха поняла, что больше нечего ужъ было надѣяться; она опять бросилась къ конторѣ. У крыльца ея еще стояла телѣга, въ дверяхъ ждали двое мужиковъ.

— Пустите, пустите, голубчики, хоть послѣдній разъ повидаться! умоляла ихъ Агафья.

— Не велѣно пускать, тетушка! ужъ извините, не можемъ.

Въ эту минуту за дверями раздался звукъ цѣпей, и Дмитрій въ кандалахъ на ногахъ появился на крыльцѣ; Агафья такъ и ринулась на него и повисла у него на шеѣ. Дмитрій былъ высокій, красивый малый, лѣтъ двадцати-двухъ, съ широкими плечами и высокой грудью; первый пушокъ рыженькой бородки только-что выступалъ на его бородѣ. Не было сомнѣннйя, что онъ будетъ годенъ даже въ любой гвардейскій полкъ. Увидя тетку, паренъ заревѣлъ нехуже ея. Долго бы длилась эта раздирающая сцена прощанья, еслибы старуху не оттащили силою, а молодца не усадили въ телѣгу. Но въ ту минуту, когда поѣздъ былъ готовъ двинуться, къ телѣгѣ подбѣжала запыхавшаяся Груша.

— Постой! сказала она сотскому: — дай съ женихомъ проститься.

И вскочивъ на колесо, она притянула къ себѣ Дмитрія.

— Ну, поцѣлуемся на прощанье: вѣдь на вѣчное, Митя! Ты обо мнѣ и не думай... только сердце крушить понзпрасну станешь: вѣрно намъ не судьба вмѣстѣ жизнь-прожить. Я ужъ не твоя теперь, да и ничья больше; ты меня и забыть постарайся, а коли услышишь что недоброе обо мнѣ, не кляни меня, а помолись за мою грѣшную душу.

— Полно, Груша, что ты за слова говоришь, прости тебя Господи! Ужь ты не загуби себя, не бери грѣха на душу, можетъ когда и увидимся.

— Рукъ-то на себя я не наложу, не бойся; а что увидѣться-то, — ужъ и не жди того... не на радость будетъ... ненадо! — И выр-

жавшись изъ рукъ парня, Груша неоглядываясь побѣжала въ огородъ, за кухню. Сотскій ударилъ по лошадямъ, колокольчикъ зазвенѣлъ и Дмитрій въ тоже утро былъ сданъ въ рекрутское присутствіе.

Послѣ ранняго деревенскаго обѣда Агафья и Груша снова сѣли на своихъ мѣстахъ, первая за чулкомъ, а вторая за пяльцами. Недавнее горе еще болѣе приутишило ихъ. Груша, неподнимая головы, выводила узоръ на своемъ батистѣ; старуха переминала чулокъ въ рукѣ и повременамъ всхлипывала или взывала короткую молитву, въ видѣ возгласа. Подлѣ нея сѣдела маленькая барышня, обвивъ своими тонкими рученками ея толстую фигуру и прижавъ бѣленькое личико къ ея плечу. Дитя жалѣло няню и по-своему лаской старалось ее утѣшить. Въ комнату вошла Софья Марковна. Лицо ея, надутое и злое, еще болѣе стало грознымъ, когда она взглянула на Агафью и вспомнила утрешнюю сцену въ кабинетъ. Она не могла пропустить случая, чтобъ не накинуться на нее.

— А ты чего къ барину-то лѣзла? начала она: — какъ ты смѣла къ нему за порогъ ступить? На меня небось съ жалобами? Вотъ я тебя! Еще ли тебѣ мало я себя показала! Не со мной тебѣ тянуться, старая вѣдьма!

Дѣвочка въ страхѣ еще крѣпче прижалась къ нянѣ, и та обвила ея тоненькую шейку своей морщинистой, когда-то полной рукой.

— А ты здѣсь чего, барышня! Вонъ сейчасъ, иди въ свою комнату! — топнувъ ногой, крикнула Софья Марковна и рванула за ручку бѣднаго ребенка.

— Ребенка не тронь! закричала вышедшая изъ себя Агафья — Ребенка не дамъ, не позволю обижать! Знай свое мѣсто, холопка!

Софья Марковна позеленѣла.

— Кому ты это говоришь? Я... я холопка? Такъ вотъ же знай кто я! — И удары плети посыпались на толстыя плечи Агафьи. Всѣ дѣвки вскрикнули при этомъ никогда невиданномъ и неожиданномъ оскорбленіи старой, всѣми уважаемой няни. Барышня зарыдала и старалась прикрыть своими рученками плечи няни; но никто кромѣ нея не рѣшился пошевелиться съ мѣста. Одна Груша встала. Въ глазахъ ея было какое-то дикое, звѣрское выраженіе; губы и лицо побѣлѣли до-нельзя, густыя брови еще ниже нависли на глаза. Она твердо подошла къ старухѣ и ребенку и схватила за конецъ замхнутую плеть. Софья Марковна открыла было ротъ, чтобъ при-

вѣтствовать по-своему осмѣлившуюся вмѣшаться въ ея волю, но глаза ея встрѣтились съ такимъ страшнымъ, леденящимъ взглядомъ Груши, — навѣрно общимъ съ тѣмъ, которымъ укрощаютъ дикихъ звѣрей, — что гнѣвъ ея остановился въ своемъ порывѣ.

— Довольно! сдержаннымъ, глухимъ голосомъ произнесла Груша. — Пойдемте, Агафья Фоминишна! — И взявъ на руки перепуганную барышню, она понесла ее къ ней въ комнату. Старуха шатаясь пошла за ней. Мѣра ея горя и униженія переполнилась; Агафья даже не плакала. Груша бросила ей на полъ, подлѣ дѣтской постельки, одеяло и подушку, и старуха какъ безумная повалилась на нихъ. Груша, все также молча, раздѣла дѣвочку и посадила ее въ кровать: — Лягте и усните, барышня, — а то вы заболѣете, сказала она ей, и потомъ, наклонясь къ уху старухи, прошептала:

— Лежите здѣсь, Агафья Фоминишна, я приду къ вамъ, какъ кончимъ работать. — Вернувшись въ свою дѣвичью, она молча сѣла за пядьцы и проработала весь вечеръ, какъ-будто ничего ее не тронуло изъ предшествовавшаго и ничего не шевелилось въ ея груди на будущее время.

Послѣ всѣхъ исторій этого дня Софья Марковна нѣсколько усмирилась; ее удовлетворило то униженіе, до какого она довела Агафью. Сколько лѣтъ прослужила старуха въ домѣ и никто пальцемъ ее не тронулъ; а тутъ она, ея ровная, такая же крѣпостная какъ она, ее такъ отдѣлала, и она не посмѣла слова ей пикнуть въ отвѣтъ! Софья Марковна весь вечеръ была весела и довольна, какъ давно не бывала. Между тѣмъ въ дѣвичьей кончилось время работы. Стало смеркаться. Работницы укрыли пядьцы, спрятали нитки и рисунки, принесли изъ кухни деревянную чашку съ горячимъ борщемъ и усѣлись на полу въ кружокъ, ужинать. Груша не присоединилась къ нимъ; она отлила свою порцію борщу въ чистую глиняную тарелку и понесла его Агафѣ.

Въ гомнатѣ барышни, на полу, на подостланомъ Грушей одеялѣ сидѣли старуха и ребенокъ. У обоихъ глаза были опухши отъ слезъ, но въ ту минуту какъ вошла къ нимъ Груша, онѣ уже тихо сидѣли и шопотомъ разговаривали между собой.

— Вотъ вамъ борщъ, тетушка Агафья, а вотъ и вамъ ложечка, барышня, — проговорила она, передавая имъ принесенное.

— А ты чтожь, Груша? спросила старуха.

— Я ужь ѣла, кушайте сами, — отвѣчала она и пошла къ двери, ведшей изъ комнаты ребенка въ комнату, занимаемую те-

перь Софьей Марковной. Она была невелика. У стѣны стояла придвинутая двуспальная кровать; комодъ, шкафъ съ чашками, нѣсколько стульевъ и столъ у окна составляли всю остальную мебель. Софья Марковна спала всегда одна, заперши отъ себя двери задвижками. Въ сосѣдней комнатѣ спали барышня и Агафья, остальная же прислуга располагалась по разнымъ угламъ дома, въ сѣняхъ, въ дѣвичьей или въ людской. Груша знала весь этотъ порядокъ. Вошедши въ комнату Софьи Марковны, она подошла сперва къ постели, осмотрѣла ее, попробовала было пролѣзть въ простѣнокъ между ею и стѣною, но кровать закрипѣла и она остановилась. Вылѣзая оттуда, она уже нарочно толкнула кровать, и та снова закрипѣла. Груша махнула рукой и какбы отвѣчая на свою тайную мысль, проговорила: «ну, будь что будетъ!» и пошла къ окну. Окно выходило въ садъ и было сажени на полторы отъ земли; добраться до него безъ лѣстницы было трудно, но Груша наклонилась изъ него и долго осматривала выдающіеся кирпичи высокаго фундамента; потомъ притворила окно, заложила защелки и стала разглядывать форточку. Ее легко можно было отворить снаружи, нажавши завертку, которой она была приперта изнутри. Ставня давно уже не запиралась. Груша вернулась; няня укладывала въ постель свою барышню. Груша подошла къ окну и стала ждать ее. Долго и молча смотрѣла она вдаль; на блѣдномъ лицѣ ея пробѣгали какія-то тѣни, какъ-будто слезы приливали къ глазамъ и зарыдать ей хотѣлось; но порывы сдерживались. Были ли то порывы горя или злобы? Груша не выразила ихъ вслухъ.

— Агафья Фоминишна! заговорила она вполголоса, когда старуха подошла къ ней: — не пора ли? Долго ли всему нашему бѣдному люду терпѣть отъ этой змѣи? Вѣдь вы-жъ сказали сами сегодня, что хоть бы кто-нибудь задушилъ ее. Ну, такъ я задушу.

— Перекрестись, матушка, что съ тобой! Что ты это говоришь, Груша, слушать страшно!

— Страшно-то оно и мнѣ самой... знаю я, что грѣхъ великій на душу беру, а ужъ задушу!

— Это ты вѣрно за Дмитрія такъ расходилась, Груша? Ну чтожъ дѣлать, ужъ вѣрно такъ вамъ горемышнымъ на роду написано горе одно знать. Мнѣ и самой-то не жаль его чтоли? Вѣдь я одна-одинешенька, сиротой осталась!

— Агафья Фоминишна! отвѣчала Груша. — жаль мнѣ Дмитрія. Кажется сердце разорвалось на куски, какъ его у меня вы-

рвали... Да ему-то еще ничего. И въ полку хорошо бываетъ добрымъ людямъ; онъ еще не пропалъ, только отъ насъ-то его взяли. А вотъ мы-то какъ живемъ? Жизнь ли это? Всѣ на волоскѣ постоянно висимъ. Не влюбить баба, такъ какъ въ пекло насъ втопчетъ. Грызеть, бьетъ цѣлый день, всю душу переверотитъ. Да не про себя я говорю: мнѣ-то что! Я дѣвка молодая, силы будетъ, вынесу; а вотъ какъ вижу, какъ она другихъ-то мучаетъ, такъ вотъ такъ и ноетъ сердце... Хоть давеча, васъ-то плеткой поподчивала: я себя еле помнила. Нѣтъ, задушу я ее!

— Это тебѣ меня-то жаль, голубушкѣ!.. Спасибо тебѣ. Да за меня не вступайся, не стойтъ; снесу, пока въ могилу упрячуть... А ты не губи себя, не грѣши.

— Да вы ли однѣ терпите! Дня не проходитъ, чтобъ чего не патворила Софья. Вонъ на той недѣлѣ, какъ наказали старика Ефремыча, а вѣдь ему ужъ за семьдесятъ лѣтъ есть, въ господскомъ домѣ вѣкъ выжилъ и грубаго слова до сей поры не слыжалъ. Третьяго дня у Марьи поварили послѣднюю корову отняли, зато что у ней изъ амбара куль выѣвокъ украли. А вчера Вѣрку, настасьину дочку, взяла сама да и заперла въ погребѣ: вишь ребенокъ сливки съ господскаго кувшина спилъ, мать не доглядѣла; до самаго вечеру продержала въ затворѣ. Сегодня дѣвочка-то вся въ жару лежитъ, перепугалась бѣдная. Нѣтъ ужъ я покончу ее, Агафья Фоминишна! Сердце мое не терпитъ всѣ ея злодѣйства видѣть. И не отговаривайте меня. Подумайте, вѣдь я сирота, никому ненужная; некому меня ни жалѣть будетъ, ни оплакивать; ужъ пусть я одна пострадаю, зато другихъ добрыхъ людей отъ змѣи избавлю. Я ужъ все придумала. Боюсь только, что одна не справлюсь. Вы покарауйте сегодня, чтобъ кто черезъ вашу дѣтскую мнѣ не помѣшалъ; а какъ порѣшу, то пусть хоть сейчасъ возьмутъ, по мнѣ все равно; знаю вѣдь я что меня ждетъ. Ну прощайте, тетушка Агафья, помолитесь за меня!

Агафья уцѣпилась было за Груню, умоляя и уговаривая, чтобы та задуманнаго не дѣлала, но она безъ словъ вырвалась изъ ея рукъ и убѣжала изъ комнаты. У Агафьи сердце замерло, когда она осталась одна. Выдать Грушу она низачт-объ не согласилась; ждуть тутъ, стѣна обь стѣну, слышать все что за ней будетъ дѣлаться — у ней духу не хватало. «Пойду я потихоньку къ Грушѣ, покараваю ее эту ночь; не пущу, коль идти захочетъ» — рѣшила старуха и стала искать своего платка. Онъ висѣлъ надъ дѣтской кро-

ватью; Агафья потянулась было за нимъ, но боль въ наболѣвшихъ отъ утреннихъ ударовъ плети старыхъ плечахъ не дала ей поднять руки. Память недавнихъ оскорбленій и гнѣвъ на врага явнѣй заговорили въ Агафѣ, и она снова опустилась на свою подушку. Въ эту минуту послышался скрипъ задвижки въ сосѣдней комнатѣ: Софья Марковна пришла ложиться спать и запирала двери.

— Ну, будь что будетъ! проговорила старуха: — дѣвки только жаль, а ей разбойницѣ туда и дорога. Авось-либо Груша пожалеетъ себя, опомнится.

А въ душѣ Агафья почти согласилась уже съ мыслью, что хорошо бы было, еслибъ удалось. Однако она не могла уснуть: ей страшно было ожидаемаго, и не вѣрилось ей, что оно можетъ исполниться. Прошло уже много времени, въ домѣ все стихло, все спало крѣпкимъ сномъ; одна она все сидѣла и прислушивалась. Вдругъ по стѣнѣ послышался шорохъ, потомъ щелкнули задвижки отворяемаго окна и опять все стихло. Агафья притаила дыханіе, ее неволью потянуло къ двери; она плотно прижалась глазами къ замочной скважинѣ и старалась разглядѣть что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ, но было темно и глаза ея ничего не могли различить. Зато она разслышала ясно сперва задушонный крикъ, а потомъ стукъ падающаго тѣла. Прошло нѣсколько минутъ глухой, отчаянной борьбы, потомъ вдругъ щелкнула задвижка, и Агафья почти влетѣла въ неожиданно отворившуюся дверь. «Платокъ, платокъ скорѣй!» шепталъ голосъ Груни, и сорвавъ платокъ съ головы старухи, она бросилась обратно; Агафья, сама не сознавая какъ, очутилась подлѣ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ старуха вбѣжала въ свою комнату, торопливо заперла за собой дверь, повернула ключъ въ замкѣ два раза и забросила его за дѣтскую кровать. Потомъ она упала на свою постель, скорчилась въ величину ребенка и укрылась съ головой своей кацавейкой. Спала ли она или просто лежала, только утромъ, когда шумъ поднявшейся прислуги дошелъ до ея ушей, ее забила такая лихорадка, что никакая кацавейка не могла согрѣть ея старыя кости. Уже когда проснулась барышня и позвала ее, тогда только Агафья рѣшилась открыть свою голову и подняться съ постели.

— Что съ тобой, няня? спрашивала дѣвочка: — ты такая желтая?

— Ничего, душечка! ничего, матушка! наскоро отвѣчала старуха, еще болѣе блѣднѣя.

— Что это вы какъ поздно сегодня встали? спрашивали ее дѣвушки, уже собравшіяся у своихъ пялецъ.

— Нездоровится что-то! отвѣчала она, пересиливая свое волненіе.

— Оно и видно, вы точно изъ гробу встали; это васъ все вчерашнее-то такъ перевернуло.

Старуха наклонилась надъ кувшиномъ молока, съ котораго снимала въ эту минуту сливки.

— Вотъ и Груша больна должно-быть, начала одна изъ работницъ: — звала ее вмѣстѣ идти, такъ лежить, не встаетъ; говорить, не пойду сегодня.

— Она и вчера-то, бѣдная, какъ сонная ходила; сгубилъ ее отъѣздъ Митюхи.

Агафья какъ-будто и не слышитъ ихъ словъ, не пристаётъ къ разговору.

Въ эту минуту вошелъ Михайло Васильичъ. «А что, Софья Марковна не выходила еще?» спросилъ онъ мимоходомъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, пошелъ по коридору въ ея комнату. Агафья, какъ держала кувшинъ въ рукахъ, такъ съ нимъ и бросилась въ сѣни.

Между тѣмъ Михайло Васильичъ постучалъ тихонько въ дверь, никто ему не отвѣтилъ; онъ постучалъ другой разъ — тоже молчаніе. «Софья Марковна! закричалъ уже онъ своимъ густымъ басомъ: — время вамъ съ постели-то подняться, я вѣдь чаю хочу; хоть ключи передайте.» Но дверь не отворилась и неслышно было за ней никакого движенія. Михайло Васильичъ догадался, что съ Софьей Марковной что-нибудь неладно; онъ попробовалъ дверь изъ дѣтской — тоже заперта. Тогда онъ созвалъ людей и съ ними отправился въ садъ. Тамъ, на наружной стѣнѣ дома видны еще были слѣды осыпавшейся глины, а на песокъ и помятой подлѣ травъ чьи-то небольшіе слѣды въ башмакѣ и замѣтно женской ноги. Окно стояло отвореннымъ настежь. Подставили лѣстницу и влѣзли до окна. Преступленіе, совершенное ночью, стало несомнѣннымъ. Софья Марковна лежала на полу, съ почернѣвшимъ лицомъ и перетянутымъ голубымъ бумажнымъ платочкомъ горломъ. Безпорядокъ кровати свидѣтельствовалъ объ упорной борьбѣ; головная подушка, искусанная и порванная, лежала на полу, въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ тѣла. Въ насиліи смерти сомнѣваться было нельзя; преступникъ даже не постарался скрыть его слѣды. Михайло Васильичъ больше перепугался, чѣмъ опечалился; онъ поспѣшилъ дать знать становому о случившемся и распорядился собрать всю дворню въ домъ и окружить ее сторожами.

Первымъ дѣломъ пріѣхавшаго временнаго отдѣленія было осмотрѣть самое мѣсто преступленія. Освидѣтельствовали двери, окна; сняли мѣрки со слѣдовъ, оставшихся въ саду, и черезъ окно вошли въ комнату. Здѣсь они снова осмотрѣли двери и къ всеобщему удивленію нашли, что дверь только наружная была заперта задвижкой, но что та, которая вела въ дѣтскую, была заперта какъ—видно ключемъ, а задвижка оставалась отворенной; ключа же въ дверяхъ не оказалось. Стали искать его и нашли въ дѣтской, за кроватью; онъ какъ нельзя лучше пришелся къ двери и отворилъ замокъ. Ясно стало, что дверь заперта была изъ дѣтской, а не изъ комнаты убитой; но какъ же ея—то задвижка была отворена, когда вся дворня показала, что она каждую ночь запирала ее? Подозрѣніе пало на то, что въ дверь входили и уже потомъ заперли изъ другой комнаты. Оно еще болѣе подтвердилось тѣмъ, что платокъ, найденный на шеѣ удушонной, былъ всею дворнею признанъ за тотъ, который няня Агафья носила на головѣ наканунѣ яочи убійства, а никто кромѣ ея не спалъ въ дѣтской и даже на всей этой половинѣ дома. Кто же кромѣ нея могъ быть обвиненъ въ совершенномъ преступленіи? Улики были довольно ясны, тѣмъ болѣе что Агафья съ самаго утра другого дня скрылась изъ дому, брося даже всѣ свои пожитки. Но видно тоже было, что она не одна дѣйствовала: у ней былъ помощникъ, влѣзавшій по стѣнѣ, черезъ окно, отворившій ей защелку двери и впустившій ее въ комнату. Соучастница эта тоже скоро была открыта. Въ рукахъ трупа остались лоскутки выбойки, оторванные какъ—видно во время борьбы отъ платья убійцы. Лоскутки эти подошли совершенно къ платью, бывшему на Грушѣ въ тотъ день, когда она задумала свое преступленіе.

На допросѣ Груша открыто и до удивленія спокойно показала, что преступленіе совершила именно она, и никто другой, и подробно рассказала всѣ свои дѣйствія. Когда же ее спросили, какъ ей помогала Агафья, то она совершенно отстранила ее, говоря, что платокъ былъ взятъ ею у ней еще съ вечера и находился на ней самой въ эту ночь. Чтоже касается до задвижки, то она отодвинула ее, думая выдти черезъ дѣтскую, но что дверь оказалась запертой

снаружи и что она потому спустилась снова через окно. После допроса и своего признания она была скована без малѣйшаго сопротивленія съ ея стороны и отправлена въ уѣздный острогъ. Агафья была оправдана ею, но когда ее отыскивали и представили въ судъ для показаній, она до того перепугалась, что сначала только врала и путала въ отвѣтахъ и наконецъ была доведена до полнаго сознанія всего, что видѣла и знала. Ее отправили въ тотъ же острогъ, куда была уведена и Груша, и съ тѣхъ поръ онѣ не разлучались.

Старуха сначала выла и голосила на всю камеру, потомъ при-смотрѣлась, сжилась съ своимъ горемъ, и когда я ее видала въ губернскомъ острогѣ, черезъ три года со времени ея заключенія, она очень неохотно умирала: она вовсе не тяготилась своимъ положеніемъ и съ жизнью ей еще не хотѣлось разставаться. Но Груша ни по своему характеру, ни по своему уму не подходила подъ одну мѣрку съ Агафьей. Она молчала, не жаловалась, но видимо только съ трудомъ сносила свою жизнь. Изъ здоровой двадцатилѣтней дѣвки она въ эти три года сдѣлалась сухою, желтою, угрюмой полустарухой; на видъ ей нельзя было дать меньше тридцати-пяти лѣтъ.

На вопросы о ея дѣлѣ она всегда съ замѣтной тоской отвѣчала: «Тянется, сударыня, ужъ хоть бы поскорѣй рѣшили!» а между тѣмъ она хорошо знала чѣмъ оно должно кончиться и къ чему она будетъ приговорена. Судьбу ея облегчить было невозможно: преступленіе было ясный фактъ, подтвержденный собственнымъ сознаніемъ, противъ котораго нечего было и говорить.

А. Ч.

БУРСАЦКІЕ ТИПЫ ⁽¹⁾

ОЦРКЪ ВТОРОЙ

(Н. А. Благовѣщенскому)

Три часа утра. Въ спальнѣ, именуемой *Сапогъ*, все покончѣно. Слышится крапъ и легкій бредъ; нѣкоторые скривятъ носнѣ зубами, чего терпѣть не могли бурсаки и за что нерѣдко набивали ротъ скрипѣвшаго золою, съ цѣлью отучить отъ дурной привычки; иные стонутъ отъ приливной крови къ головѣ и груди, а завтра рассказывать будутъ какъ ихъ домовою душилъ. Только послѣ усиленнаго взглядыванья въ мракъ, наполняющій воздухъ *Сапога*, можно разсмотрѣть множество бурсацкихъ тѣлъ, брошенныхъ на кровати и покрытыхъ поверхъ одѣялъ шубами, халатами, накидками и обносками разнаго рода.

Въ углу кто-то поднялся, и на босую ногу, крадучись осторожно, началъ обходить кровати. Онъ останавливался изрѣдка тамъ и сямъ и потомъ продолжалъ путь далѣе. Это былъ учлищный воръ, знаменитый нѣкогда Аксютка. Одинъ свѣщій юноша былъ покрытъ волчьей шубой. Въ той шубѣ много было паразитовъ, которые наконецъ доняли бурсака. Онъ разбросался, шуба свѣсилась на полъ, одной лишь половиной покрывая спящаго. Аксютка наклонился къ изголовью товарища, отыскалъ воротъ шубы, и сдернувъ ее съ бурсака въ одинъ мигъ, мгновенно скрылся. Искусанное тѣло окраденнаго горѣло

(1) Все описываемое здѣсь — дѣла недавняго прошедшаго. Время и прогрессъ берутъ свое въ самыхъ непроходимыхъ захолустьяхъ, въ самыхъ страшныхъ средахъ. Самъ авторъ въ концѣ своего очерка говоритъ о лучшихъ людяхъ, о лучшей будущности. Ред.

огнемъ, прохладный воздухъ освѣжилъ его, и онъ благодаря Аксюткѣ уснулъ сладко и спокойно. Аксютка между тѣмъ успѣлъ запрянуть шубу, впредь до распоряженія ею, послѣ чего отправился въ свой уголокъ, гдѣ и заснулъ невиннымъ сномъ праведника.

Четыре часа. Вошелъ Захаренко. (На немъ кромѣ обязанности съчь учениковъ лежала еще обязанность будить ихъ и возвѣщать колокольчикомъ начало и конецъ классовъ.) Онъ, проходя по рядамъ между кроватями, звонилъ ярко надъ головами спящихъ направо и налево.

Ученики вскакивали, чесали бока и овчину на головѣ, отплевывались, зѣвали или крестили рты; иные тупо глядѣли, непонимая сразу зачѣмъ ихъ будить въ такую рань, и опять тяжело падали на постели.

— Въ баню! въ баню! — провозглашалъ Захаренко.

— Эй, вы!.. И-го-го-го! загреготалъ кто-то.

Въ баню пускали по утрамъ ранымъ-раненько. Срамъ было днемъ выпустить въ городъ эту массу бурсаковъ, точно сволочь Петра-амьенскаго, грязныхъ, истасканныхъ, въ разнородной одеждѣ, никогда не ходившихъ скромно, но всегда съ нахальствомъ, присвистомъ и грегохотомъ, стремящихся разсыпать скандалы на всю окрестность. Впродолженіи всей исторіи училищной жизни только и былъ одинъ случай, когда днемъ отпустили бурсаковъ въ баню, но послѣ начальство долго раскаявалось въ своемъ распоряженіи. Но объ этомъ послѣ.

— Живо! крикнулъ спальный старшій.

— Подымайся! кто-то заревѣлъ неистовымъ, раздирающимъ уши и душу голосомъ.

— Грѣшныя тѣла мыть! отвѣчали еще неистовѣе.

Спальни *Силога* наполнились шумомъ. Скоро и охотно одѣвались бурсаки, потомучто баня для учениковъ была чѣмъ-то вродѣ праздника. Выдвигаются сундуки; у кого есть чистое бѣлье, связываютъ узлы; у кого есть деньжонки, запасаются грошами; всѣмъ весело, потомучто хоть разъ въ двѣ недѣли бурсаки подышатъ свѣжимъ воздухомъ и увидятъ инныя, не казенныя лица, а главное — день бани для бурсака былъ днемъ разнообразныхъ промысловъ и походовъ.

— Въ пары! командовалъ старшій.

Установились въ пары.

— Маршъ!

Длинной вереницей отправились изъ спальни *Сапога*. На лѣстницѣ они повстрѣчали еще своекоштныхъ, къ хвосту ихъ пристали еще нѣсколько номеровъ; у воротъ ихъ ожидали номера казенныхъ учениковъ. Только городскіе остались въ училищѣ. Они ходили въ баню дома, по субботамъ. Во главѣ ополченія стоялъ *Еловый*, солдатъ изъ училищной прислуги. Ему было поручено отъ начальства наблюдать порядокъ и тишину. По-внятно, что порядку и тишины не могло быть подъ надзоромъ такого педагога, какъ солдатъ *Еловый*. Огромной змѣей извивались по мосткамъ паръ двѣсти слишкомъ, заворачивая изъ училищныхъ воротъ на монастырскій дворъ. Гвалтъ, смѣхъ и неприличныя остроты потрясли воздухъ святыни. Схимникъ въ кельѣ единенной, заслыша гудѣнье и шумъ мірской, усердиѣ и теплѣ сталъ молиться о грѣхахъ людского рода.

Ученикамъ повстрѣчался рыжій монастырскій сторожъ, до безобразія огромнаго роста. Сторожъ рѣдко упускалъ случай, когда бурсаки шли въ баню, либо по праздникамъ въ городъ. Ученики насолнили чѣмъ-то ему.

— А, вотъ и шивая команда! сказалъ онъ проходившимъ мимо него ученикамъ.

— Блиномъ подавился! отвѣчали ему.

Ученикамъ извѣстно было, что сторожъ однажды на масляницѣ, несходя съ мѣста, съѣлъ семьдесятъ-три блина и выпилъ четверть ведра *сиводѣру*, то-есть водки.

— Отчего это лѣса вздорожали? спрашивалъ сторожъ.

— Тебѣ блины пекли.

— Черти! на порку вамъ пошло!

— Рыжій, да ты никакъ на конѣ? Али вправду такой длинный?

-- Златорунный!

— Вѣха!

— Каланча!

На сторожа градомъ сыпались насмѣшки. Гдѣ-жъ одному человѣку переговорить болѣе двухсотъ крѣпко острищихъ бурсаковъ? Онъ едва успѣлъ вставить свое слово:

— Слышь, паршивая команда, не воровать на базарѣ!

Въ него *Сатана* пустилъ комъ грязи. Сторожъ сталъ лаять-ся на чѣмъ свѣтъ стоитъ.

Когда проходили послѣднія парь семьдесятъ ; затѣялась оркестрованная брань.

— Блинъ, блинъ, блинъ ! затѣлъ кто-то.

Сторожъ не зналъ что предпринять ; голосу его не было слышно. Когда мимо его прошли всѣ , когда слово *блинъ* раздавалось далеко, онъ крикнулъ вслѣдъ утекающей бурсы :

— Сволочь отпѣтая ! Всѣхъ васъ перепороть слѣдуетъ !

Издавѣка откуда-то едва слышно доносилось :

— Бли-и-нъ !

Старикъ плюнулъ ; ударили въ колоколъ , онъ перекрестился набожно и пошелъ къ утрени.

Бурса двигалась , большинство правымъ плечомъ впередъ по базару. Городъ спалъ еще. Бурсаки разсыпали цѣлую серію скандаловъ. Собаки , которыхъ такое обиліе въ нашихъ свято-русскихъ городахъ , ищутъ спозаранку чѣмъ бы напитать свое животное чрево ; бурсакъ не упуститъ случая и непременно метнетъ въ собаку камнемъ. Шествіе ихъ знаменуется порчею разныхъ предметовъ , безъ всякаго смысла и пользы для себя , а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить. Вонъ *Мехалка* раскачалъ тумбу , выдернулъ ее изъ земли и бросилъ на средину улицы. Хохоchetъ животное. Идутъ ученики мимо дома съ окнами въ нижнемъ этажѣ и барабанять въ рамы , нарушая мирный сонъ горожанъ. Старушка плетется куда-то , и повстрѣчавшись съ бурсой , крестится , спѣшитъ на другую сторону улицы и шепчетъ :

— Господи ! да это никакъ бурса тронулась !

Хорошо , что она догадалась перейти на другую сторону , а то нашлись бы охотники слѣзать ей *смазь* , и *верховую* , и *боковую* , и *всеобщую* .

Ѣдетъ ломовой извозчикъ. Аксютка прѣсерьозно обратился къ нему :

— Дядя, а дядя !

— Чево тебѣ ? отвѣчалъ тотъ благодушно.

— А зачѣмъ , братецъ , ты гужи-то сѣлъ ?

Крючники , лабазники и ломовой народъ терпѣть не могутъ , когда ихъ обзываютъ гужеѣдами.

— Рукавицей закусилъ ! прибавилъ кто-то.

Мужикъ озлился и загнулъ имъ крутую брань.

Когда шли по берегу рѣки, на которой уже стояли весеннія суда, *Сатана* сдѣлалъ предложеніе:

— Господа, крикнемте «посматривай!»

— Начинай!

Сатана началъ, и вслѣдъ за нимъ, пастей въ сорокъ, раздалось надъ рѣкой: «посматривай!»

На баркахъ мужики съ переполоху повскакали, неопытная чтобы значилъ такой громадный крикъ. Когда они разобрали въ чемъ дѣло, начали ругаться; слышалось даже:

— Эхъ, ребята, въ кольѣ ихъ!

На это имъ отвѣтомъ было:

— Тупорылые! Аншпугъ съѣлъ!

— «Посматривай!» хватили бурсаки что есть силы.

Надъ рѣкой повисла крѣпкая ругань.

Наконецъ подъ предводительствомъ солдата-педагога *Елового* ученики добрались и до торговыхъ бань. Пары остановились. *Еловый* у двери пропускалъ по парѣ, выдавая казеннокоштнымъ по миньютюрному кусочку мыла. Своекосшнымъ не полагалось. Затѣмъ пары отправлялись въ предбанникъ, по дорогѣ покупая вѣшницъ и мочалку, потомучто ни того, ни другого казна не давала ученикамъ. Пары бѣгомъ бѣжали одна за другой, бросаясь въ двери предбанника. Въ дверяхъ была давка: всякій спѣшилъ захватить шайку, которыхъ не хватало по крайней мѣрѣ для третьей части учениковъ, вслѣдствіе чего они должны были сидѣть около часу, дожидаясь, пока кто-нибудь не освободится. При этомъ *Аксютка* съ *Сатаной* разумѣется была съ шайками. Черезъ четверть часа баня наполнилась народомъ, оглаеннымъ воздухъ безшабашнымъ гвалтомъ. Негдѣ было яблоку упасть; всѣ скамейки заняты; иные сидятъ на полу, иные забрались въ ящики, устраиваемые для одежды моющихъ. Старшіе, цензора и прочія власти занимаютъ отдѣльную, довольно чистенькую комнатку, назначаемую содержателемъ для лицъ почетныхъ. Дѣти, потѣшаясь, хлещутъ другъ друга ладонями по голому тѣлу. Большинство отправилось въ паровую баню. Бурсаки страстно любятъ париться. Полокъ брали присутвовать; вѣрѣдка слышались затрещины, которыхъ бурсакъ вкушаетъ при всякомъ случаѣ достаточное количество. Тавля сталъ кричать кого-то за волоса, *со своею*, какъ онъ говорилъ, мѣста.

— Катяка! кричитъ Тавля.

— Что? отвѣчаетъ тотъ подобострастно.

— Поддай еще!

— Ненадо! отвѣчаютъ голоса.

— Я вамъ дамъ не надо!

— А въ рождество (лицо) хочешь?

Это былъ голосъ Бенелявдова. Съ нимъ Тавля не сталъ разговаривать. Онъ опять кричить.

— Катька! встааь предо мной какъ листь передъ травой!

Катька явился:

— Окати меня.

Окатилъ.

— Царь меня!

Катька царитъ его. Тавля отъ удовольствія страшно грегочеть.

На полкѣ продолжалась возня; стонуть, грегочуть, визгъ съ присвистомъ и хлестъ горячаго березняка. Вонь пробирается несчастный *Лява*. Онъ былъ парія бурсы. У *Лявы* какое-то скверное, точно гнилое лицо, въ пятнахъ, рябое; про это лицо бурсаки говорили, что на немъ ножи точить можно. Куда онъ ни приходилъ, воздухъ дѣлался противнымъ и вреднымъ для легкихъ, потому что этотъ запахъ у него былъ и за паухой, и на синиѣ, и въ карманахъ, и въ волосахъ. Это несчастное существо право кажется перестало быть человѣкомъ, было просто живое и ходячее тѣло человѣче. Проклятая бурса сгноила *Ляву*, буквально сгноила *Ляву*. Товарищи него-чтобы ненавидѣли его, а чувствовали къ нему отвращеніе, и даже рѣдко кто находилъ удовольствіе обижать его. Не повѣрятъ, что изъ пятисотъ человѣкъ въ продолженіи восьми лѣтъ не нашлось никого, кто бы рѣшился не только дать ему руку, но и сказать ласковое слово. Не только ученики его презирали, но даже начальство и прислуга. Мы сказали, что бурса сгноила его тѣло: это въ собственномъ смыслѣ надо понимать. Онъ долженъ былъ по приговору начальства и товарищества жить и почевать въ спальнѣ, которая была отведена для такихъ же, какъ онъ, отторженниковъ бурсы, двѣнадцати человѣкъ. Дѣло въ томъ, что были ученики, страдавшіе извѣстною болѣзью, которая въ дѣтскомъ возрастѣ не составляетъ еще болѣзни, а зависитъ отъ неразвитости организма. Никто объ нихъ не заботился, не лечилъ. Бурсацкая казна не купила для нихъ даже клеенки, чтобы предохранить

тюфяка отъ сырости и гниль; вмѣсто этого страдавшихъ этою болѣзнью имѣли обыкновеніе въ училищѣ съѣзъ голенищами. Честное слово, что въ тюфякахъ завелись черви, и несчастные должны были спать чисто на гноищахъ. Спросить, отчего же эти ученики сами себя не жалѣли и не просушивали своихъ тюфяковъ по утрамъ? Попадая въ каторжный номеръ, въ которомъ приходилось дышать положительно зараженнымъ, ядовитымъ воздухомъ, ощущать подъ своимъ тѣломъ ежедневно рои червей, быть въ презрѣніи у всѣхъ, — они дѣлались до цинизма неопратны и вполне равнодушны къ своей личности; они сами себя презирали. Вотъ фактъ: *Лиза* дошелъ до того, что глоталъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, съѣлъ однажды листъ бумаги, вымазанный деревяннымъ масломъ, въ сальные огарки.

Лиза уныло шатался по банѣ, высматривая гдѣ бы добыть вайку. Онъ подошелъ къ *Хорю*, тоскливо и какимъ-то драблымъ голосомъ проговорилъ:

— Дай шаечки, когда вымоешься.

Нищій второуѣзднаго класса, *Хорь* даже по отношенію къ *Лизе* сумѣлъ выдержать роль нищаго. Онъ отвѣчалъ:

— Три копѣйки, такъ дамъ.

— У меня самого только двѣ.

— Давай ихъ.

— Чтоже у меня останется?

— Ну, давай пять паръ костяжекъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

— Убирайся же къ чорту, fraterculus (братецъ)!

Онъ подошелъ къ *Сатанѣ*, которому кромѣ этого было другое прозвище: *Ирсе* (самъ). Его никогда не звали собственнымъ именемъ, и мы не будемъ звать его. Черти, смотря потому, къ какой націи они принадлежатъ, бываютъ разнаго рода. Есть чортъ нѣмецкій, чортъ англійскій, чортъ французскій и проч. Онъ ни на одного изъ нихъ не походитъ. *Ирсе* былъ даже и не русскій чортъ; нашъ національный бѣсъ честенъ, веселъ и отчасти глуповатъ: такъ онъ представляется въ народныхъ сказкахъ и легендахъ. *Ирсе* былъ чортъ-самородокъ, духъ того ада, которому имя бурса. Въ качествѣ чорта онъ и служилъ такому человѣку, наковъ воръ Акютка. Его прозвали *Сатаной* за его характерецъ. Въ училищѣ существовалъ нелѣпный обычай *бразнить* товарищей, особенно новичковъ. Я сейчасъ объясню

что это значит. Соклипались трое или четверо подражать чего-нибудь. Они приставали къ своей жертвѣ. Сначала насмѣвались надъ ней и ругали ее; потомъ начинались пощипывать; наконецъ дѣло кончалось швычками, смазани, влюходѣйствіемъ. Задача такихъ невинныхъ развлеченій состояла въ томъ, чтобы довести свою жертву до бѣшенства и слезъ. Когда цѣль достигалась, мучители съ хохотомъ бросали свою жертву, которую часто доводили до самозабвенія и остервененія; такъ *Азизъ* (осагъ) прошью кочергой голову *Идола*, который вывелъ его изъ себя. Въ такого рода потѣхахъ всегда принималъ дѣятельное участіе *Сатана*; врядъ ли былъ другой мастеръ дразнить, какъ *Ipse*. Онъ рѣшался раздражать даже тѣхъ, кто былъ сильнѣе его. Назойливѣе, неотвязчивѣе *Сатаны* трудно себя представить что-нибудь. Иногда онъ систематически привязывался съ утра до вечера, въ продолженіи трехъ дней и болѣе, не давая ни на минуту покоя. Его часто бивали, и жестоко, но ему все было нипочемъ. Онъ былъ какой-то околоченный, деревянный. Только *Аксютка* могъ укрощать его, но и то потому, что *Сатана* благоговѣлъ предъ бурсацкимъ геніемъ *Аксютки*.

Къ такого-то рода господину обратился съ просьбою о шайкѣ *Лява*.

— А вывернись! отвѣчалъ ему *Сатана*.

— Мнѣ не вывернуться.

— Волоса вѣдь мокрые?

— Я не окачивался.

— Окатись! вотъ и шайку дамъ.

— Нѣтъ, не могу.

Лява всталъ въ раздумьи, не зная, вывернуться или нѣтъ. Когда предлагали вывернуться, то ученикъ подставлялъ свои волосы, которые партнеръ и забиралъ въ пасть. Ученикъ долженъ былъ высвободить свои волосы. Державшій за волосы имѣлъ право запустить свою пятерню только разъ въ голову товарища, и когда мало-помалу освобождались волосы, онъ не имѣлъ права углубляться въ нихъ вторично. Мокрые волосы многіе вывертывали очень ловко. Впрочемъ бывали артисты, которые рѣшались вывертываться и съ сухими волосами: къ числу такихъ принадлежалъ самъ *Сатана*. *Ipse*, видя, что *Лява* не рѣшается, сказалъ:

— Ну ладно, подожди, только вымоюсь.

— Вотъ спасибо-то! отвѣчалъ *Лиза* радостно.

Онъ носилъ воду *Сатань*, качивалъ его, стараясь выслушаться и получить шайку; наконецъ *Сатана* вымылся в *Лягва* съ радостнымъ выраженіемъ лица протянулъ руку къ шайкѣ.

— Эй, ребята! закричалъ *Сатана*. — Чтоже ты, *Ipse*?

Но голосъ *Лягвы* вопіялъ какъ въ пустынь. Человѣкъ пятнадцать налетѣло на призывъ *Сатаны*.

— На-шарапъ!

Сатана покатилъ шайку по скользкому полу. Всѣ бросились на нее самымъ хищнымъ образомъ.

Толкотня, шумъ, ругань и затрещины.

Наконецъ, когда вымылись многіе, шаекъ освободилось достаточное количество. *Лиза* добыла шайку и началъ съ ожесточеніемъ намыливать голову, но лишь только волоса его и лицо покрылись густой пѣной мыла, какъ *Сатана*, вернувшійся зачѣмъ-то въ баню, вырвалъ у него шайку и сдѣлалъ ему смазь всеобщую. *Лягва* въ испугѣ раскрылъ широко глаза, пѣна пробралась за рѣсницы и онъ ощутилъ въ нихъ ѣдкое щипанье, но дѣлать было нечего; прищуриваясь и протирая глаза, онъ добрался кое-какъ до крана и промылъ здѣсь ихъ.

Между тѣмъ многіе уже вымылись; сдѣлалось гораздо тише въ банѣ, хотя и слышны были иногда греготанье, брань и проч., что читатель, ознакомясь нѣсколько съ бытомъ бурсы, самъ уже можетъ вообразить себѣ.

Перейдемте въ предбанникъ. Гардеробщикъ выдавалъ казеннымъ бѣлье. Ученики отправлялись въ училище не парами, а кто успѣлъ вымыться, тотъ и убирался во-свои.

Вотъ тутъ-то и наступалъ праздникъ бурсы. — Теперь, дѣвушка, слѣдуетъ *двинуть отъ всѣхъ скорбей*, говорилъ *Бенедиктовъ* *Гороблагодатскому*.

— То-есть *столбуху* водки, яже паче всякаго глаголемаго бога или чтлища?

— Въ *Зеленецкій* (кабакъ) *дерганемъ*.

— Только вотъ что: первая перемѣна *Долбежина*.

— Такъ чтоже?

— Замѣтитъ, *отчехвоститъ* (высѣчетъ).

— Съ какой стати онъ замѣтитъ?

— Развезетъ послѣ бани-то на гошакъ.

— А мы сначала потрескаемъ, а потомъ разедемъ одну лишь *штафандю*.

— А, была-небыла, идетъ!

— Такъ наяривай (дѣйствуй), живо!

При баняхъ всегда бывають торговцы, которые продають сбитень, молоко, кислыя щи, квасъ, булки, сайки, кренделъ и пряники. Здѣсь идетъ великое столованье. Человѣкъ двадцать ѣдятъ и пьютъ. Второкурсные безстыдно, а напротивъ важно и съ сознаниемъ своего достоинства пожирають и пьютъ чужое. Докрасна распаренныя лица бурсаковъ дышать наслажденіемъ. Нищій второкурснаго класса Хорь шатается между гостыи и по обыкновенію *кальчитъ*. Ему сегодня везетъ: тамъ ему отщипнуть кусочекъ булки, здѣсь онъ проситъ: «дай, голубчикъ, разокъ хлѣбнуть» — и ему дають благосклонно, послѣ чего датель продолжаетъ пить изъ того же стакана. Только аристократы засѣдають въ трактирѣ, виноторговлѣ или кабацкѣ, смотря по вкусу и расположенію духа. Огромное большинство не можетъ полакомиться и двухгрошовымъ стаканомъ сбитня, или полутора-копѣечною булкою. Оно смотритъ съ завистью и жадностью на угощающихся, особенно на второкурсныхъ, и щелкаетъ зубами. Изъ этого большинства выдѣлилась довольно большая масса учениковъ, которые не оставались около лавочки предбанника или *кальчитъ*, а отправлялись на промыселъ, высматривая по улицамъ и базару, нельзя ли гдѣ-нибудь что-либо стянуть. Аксютка однако успѣлъ стащить сайку въ лавочкѣ же.

Шли кучками и въ разбивку ученики. Въ эту минуту вся торговая окрестъ трепетала. Надобно замѣтить характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Было три сферы, которыя по нравственному отношенію къ нимъ бурсака были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера — товарищество, вторая — общество; то-есть все что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести; позволялось красть только съѣдобное: поэтому обокрасть лавочника, разносчика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому подобное считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья

сфера — начальство: ученики гадли ему злобно в сѣ мѣстную. Такъ сложилась бурсацкая этика. Теперь понятно, отчего это, когда Аксютка стапулъ сайку, никто изъ видѣвшихъ его товарищей не остановилъ его: то было бы въ глазахъ бурсы фискальствомъ. Теперь также понятно, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и рѣченій, выражающихъ понятіе кражи: вотъ откуда всѣ эти *сбондили, сляпсили, стерли, стибрили, обьегорили* и тому подобные.

Наши герои и пошли бондить, ляпсить, вереть, тибрить, обьегоривать.

Главными героями были Аксютка и Сатана — *единиы и какбы единственный* (выраженіе изъ одного нелѣпаго, варварскаго языкомъ изложеннаго учебника бурсы).

— Сатана!

— Что тебѣ?

— *Ipse!* крикнулъ Аксютка.

— Да что тебѣ?

— Потирай руки!

— Значить на *львую ногу можно обдлать* (надуть кого-нибудь, украсть)?

— Ужь ты помалчивай.

— *Купимъ на пятакъ, сожремъ на четвертакъ!*

— Вотъ тебѣ гривенникъ, сказалъ Аксютка.

— Что расцедрился вдругъ?

— Поидемъ въ мелочную: видишь, отворена ужь. Ты торгуйся, да смотри по мелочамъ; мучки, скажи, для приболтки въ супъ, на *кипльчку* (копѣчку), цикорьцы на грошъ, перечку на кишѣчку, лучку на грошъ, клею на кишѣчку, махорки на грошъ, леденчиковъ и постнаго маслаца ужь на двѣ.

— Во что же масла-то брать?

— Да ты Сатана ли? Ты ли мой любезный *Ipse*?

Аксютка сдѣлалъ ему смазь всеобщую. Сатана не разсердился на него, предвидя поживу. Онъ только по обыкновенію сдѣлалъ изъ фалдъ нанковаго сертука хвостъ и описалъ имъ три круга въ воздухѣ, приговаривая:

— Я *Ipse*.

Аксютка сталъ объяснять ему:

— По мелочамъ будешь брать, дольше времени *прейдетъ*.

Когда спросишь наслица, скажи, что забылъ дома бутылочку, и не отставай, проси посудинки.

→ *Облопотило!* Аксентъ, ты умнѣ Сатаны!

→ Ты долженъ звать меня Аксентъ Ивановичъ.

Сатанъ была пожалована при этомъ смазь. *Сатана* вытшулся во фронтъ, сдѣлалъ себѣ на головѣ пальцами рожки, сдѣлалъ на своей широкой рожѣ смазь *вселенскую* и въ заключеніе вернулъ хвостомъ трижды. Прозвали его *Сатамой*, и не даромъ: какъ есть сатама съ хвостомъ и рогами.

Планъ ихъ вполнѣ удался. У Аксютки чрезъ четверть часа оказалось краденаго: двѣ булки, банка малиноваго варенья, краюха полубѣлаго хлѣба и десятка два картофеляю. Ноздри Аксютки раздувались какъ маленькіе паруса, — всегдашній признакъ того, что онъ либо хочетъ украсть, либо укралъ уже.

— Теперь, *скакая играше веселыми ногами, въ кабачару!* командовалъ невинный мальчикъ Аксюша.

Другое невинное дитя, мальчикъ *Ipse*, скорчилъ рожу на померъ седьмой, на которой выразились радость и одобреніе.

— Знаешь что я *отмечиль?*

— Что?

— Наплевалъ въ кадлушку съ капустой.

— И-го-го-го! заржало *сатанинское* горло.

Училищный и уличный тать Аксютка былъ человѣкъ необыкновенный, талантливый, человѣкъ сильной воли и крѣпкаго ума, но его сгубила бурса (впрочемъ отчасти и домашнее воспитаніе), какъ она сгубила сотни и сотни несчастныхъ людей. Въ самой системѣ и характерѣ его воровства сказалась сильная натура, — сильная, но погибшая нравственно. Онъ воровалъ артистически. Этотъ каторгорожденный не могъ стянуть безъ того, чтобы зло не подшутить надъ тѣмъ, у кого онъ кралъ. Когда онъ забирался въ сундукъ, *ляпсилъ* булку, *тибриль* бумагу, *бондилъ* книгу и проч., — гдѣ бы другому бѣжать, а онъ не то: онъ сходить за каменьями или грязью и накладеть ихъ въ сундукъ вмѣсто краденаго. Иные, зная его какъ вора и желая задобрить (случается у насъ и не въ бурсѣ задобриваютъ воровъ, чтобъ они не нагадили), приходили къ нему съ приношеніями, но онъ отказывался отъ приношеній, играя роль честнаго человѣка, котораго оскорбляетъ взятка. Вотъ примѣръ. Прислали изъ деревни одному ученику шѣпочекъ телокна. Онъ зналъ, что Аксютка видѣлъ

присылку, и былъ вродѣ убѣжденъ, что Аксютка украдетъ толокно; поэтому ученикъ забѣжалъ къ Аксюткѣ съ акциденціей, предлагая ему около двухъ горстей толокна, Аксютка сказалъ: «Я не могу ѣсть толокна.» А у самого ноздри поднялись и опустились. Аксютка дождался сыграть остроумно-воровскую шутку. Когда успокоенный товарищъ задвинулъ въ парту мѣшокъ съ толокномъ, Аксютка подкрался легче нежели блоха скачетъ по волу, подѣ парту *толоконника* и выкралъ мѣшокъ. Сразу же послѣ этого онъ подошелъ къ *толоконнику* и умоляющимъ голосомъ сказалъ ему: «Братецъ, ты обѣщаль мнѣ толокна, такъ дай.» Тотъ полѣзъ въ парту; толокна не оказалось. Аксютка обругалъ его, сказавъ: «Свинья! обѣщаль, а не даешь; а за это тебѣ заплачу!» — отвернулся; ноздри его раздувались какъ паруса, и на рожѣ отсвѣчивалось сознаніе своей силы въ воровствѣ. Черезъ полчаса онъ подошелъ къ окраденному имъ товарищу и сказалъ: «Не хочешь ли толокнца?» — Аксютка держалъ на ладони толокно. — «Это мое?» — «Нѣтъ, мнѣ самому мамаша прислала.» — «Скотина, вѣдь у тебя и матери-то нѣтъ!» — «Я говорю про крестную мамашу.» Таковъ былъ Аксютка. Особенно онъ былъ искусникъ *мѣняться ножами*. Здѣсь мы опишемъ еще одинъ характеристическій обычай бурсы. Обыкновенно кто-нибудь кричалъ: «съ кѣмъ ножичками мѣняться?» Когда выискивался охотникъ на мѣну, тогда между ними начиналась слѣдующая продѣлка. Оба они выставляли на показъ другъ другу только концы ножей; тогда слѣдовало угадать, стоитъ ли рѣшаться на мѣну, чтобы вмѣсто хорошаго ножа не пришлось получить дурной. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ былъ особенно искусенъ Аксютка.

Мы убѣждены, что его участь — каторга. Но исключеніи изъ училища онъ сначала поселился на постояломъ дворѣ, гдѣ за три копѣйки суточного жалованья, при ночлегѣ и харчахъ хозяйскихъ, онъ рубилъ капусту, таскалъ дрова, топилъ печи, мѣсилъ хлѣбы и тому подобное. Но ему скоро наскучилъ честный трудъ, онъ обокралъ своего хозяина и утекъ отъ него. Послѣ того его встрѣчали одинъ разъ въ подрясникѣ, другой — въ гулупѣ, третій разъ во фракѣ, — словомъ онъ изъ училищнаго вѣра слѣдался всесвѣтнымъ мошенникомъ. Напрактиковавшись въ *девятой школѣ* (такъ древними бурсаками называлась школа жизненнаго опыта, которая слѣдовала за восьмикласснымъ обученіемъ

въ бурѣ), онъ поступилъ на службу въ качествѣ дьячка, но скоро за пьянство и буйство (онъ расшибъ стекла у городничаго) былъ сосланъ на тяжолую работу въ какой-то бѣдный монастырь. Выдержавъ курсъ церковнаго покаянія, Аксютка поступилъ въ соборный хоръ пѣвчимъ, но его протурили оттуда едвали не за разбой. Аксютка при этомъ долженъ былъ переимѣнить духовное званіе на мѣщанское. Самое важное дѣло Аксютки то, что онъ хотѣлъ зарѣзать бывшаго своего благочиннаго. По этому дѣлу онъ былъ оставленъ въ подозрѣніи. Страшенъ этотъ человѣкъ, но напередъ можно сказать, что ему осталась одна торная дорога — владиміровка, по которой идутъ сѣтви нашихъ каторжниковъ, и посреди этихъ сотенъ Аксютка будетъ одинъ изъ самыхъ отпѣтыхъ.

Теперь мы будемъ продолжать о другихъ.

Хищная бурса разсыпалась повсюду.

Старая, оборванная баба, бывшая некогда камеліей низшаго сорта, которыхъ прозвище — ночныя крысы, торгуетъ, для поддержанія своего дряхлаго тѣла, ободраными лимонами, растрескавшимися какъ сухая глина, пряниками, сѣроубными булками и другимъ неудобоваримымъ отребьемъ. Когда она завидѣла возвращавшуюся домой бурсу, то какъ мать, защищающая свое дѣтище отъ волка, она прикрыла гнилое сухое тѣло грязной тряпичей и дырявымъ передникомъ.

Ее однажды обокрали, но теперь бурсанамъ не удалось утащить ни одной черствой булки изъ-подъ вретиска отживающей женщины. Бурсаки на этотъ разъ ограничились одной лишь бранью съ несчастной женщиной.

Въ другомъ мѣстѣ промыслы учениковъ были удачны.

Саенѣки открыли длинное и широкое окно. На доскахъ дышать легкимъ паромъ только-что испеченныя сайки. Хотя зорко воровской глазъ бурсановъ сразу же замѣтилъ, что тутъ трудно было поживиться, но ученики все-таки обнюхиваютъ мѣстность и вотъ съ радостью дѣлаютъ открытіе, что въ другомъ отдѣленіи саечной пекарни на доскахъ разложено сырое тѣсто. Саенѣки не ожидали нападенія съ этого пункта и не защищали его отъ воровъ. Бурсаки, подъ предводительствомъ хищнаго Хорька, прокрались въ пекарню и стали хватать тѣсто, торопливо пряча его въ карманы сертуковъ и брюкъ. Едва они слышали шаги саенѣковъ, мгновенно скрылись и черезъ минуту ихъ не было даже

на баварѣ. Спросить, к чему бы ученикамъ нужно было сырое тѣсто: неужели они съѣдятъ его сырымъ? Нѣтъ, они ухитряются спечь его на вьюшкахъ въ трубахъ поутру топленыхъ печей, и хотя оно выйдетъ съ сажей — ничего! бурсаку и то на руку.

Теперь расскажем еще событіе.

Трое великовозрастныхъ зашли по дорогѣ къ пѣвчому, своему исключенному товарищу. Пѣвчаго нашли они лежащаго на постелѣ и страдающаго похмѣльемъ. Къ нему въ то время долженъ былъ зайти сапожникъ, затѣмъ чтобы получить съ него долгу три рубля. Пѣвчій наканунѣ того дня съ клятвою и божбою обѣщался ему заплатить непременно, но изъ запасныхъ денегъ у пѣвца осталось около половины.

— Чтò братцы, дѣлать? вскричалъ встревоженный пѣвчій.

— Живо сюда! отвѣчалъ ему одинъ изъ великовозрастныхъ.

— А что?

— *Объезоримъ.* Ложись сейчасъ на столъ.

— Зачѣмъ?

— Не разговаривай, а ложись.

Поставили столъ въ переднемъ углу, подъ образами. Пѣвчій улегся на столъ, въ головахъ его зажгли восковую свѣчку, покрыли его бѣлой простыней; одинъ великовозрастный взялъ псалтырь, подошелъ къ пѣвчому и сказалъ ему:

— Умри!

Тотъ притворился мертвымъ. Бурсакъ сталъ читать надъ нимъ псалтырь, какъ надъ покойникомъ, скорчивъ великодушную харю.

Вошелъ сапожникъ, и услышавъ монотонное чтеніе, понялъ, что въ дому есть мертвый. Онъ набожно перекрестился.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Товарищъ, отвѣчали ему печально.

— Который это?

— Барсукъ.

Сапожникъ сначала почесалъ въ затылкѣ, подумавъ про себя: «Эхъ, пропали мои денежки!» но потомъ умилился духомъ и сказалъ бурсакамъ:

— Вѣдь вотъ, господа, за покойникомъ—то долгишка осталась, да ужъ Богъ съ нимъ: грѣхъ на мертвомъ искать.

— Вотъ и видно добраго человѣка! было отвѣтомъ: — его признаться и похоронить неначто. Началъ, братъ, ты доброе дѣ-

ло, такъ и кончилъ бы: дай что-нибудь на поминки бѣдному человеку.

Сапожникъ вынулъ полтину и подалъ имъ. Тѣ благодарили его.

Сапожнику естественно захотѣлось взглянуть на жертваго. Онъ перекрестясь проговорилъ:

— Дай хоть взгляну на него.

Барсукъ до того притворился мертвымъ, что хоть сейчасъ тащи на кладбище. Открыли его лицо: спохмѣля оно было блѣдно и имѣло мертвенный видъ.

Сапожникъ, по православному обычаю, приложился губами ко лбу пѣвчаго, а тотъ, сдѣлавъ подъ простыней фигу, думалъ про-себя:

— Вотъ-те кукишь! а не свѣчка.

Когда сапожникъ удалился, мертвый воскресъ и съ дикимъ хохотомъ вскочилъ на столъ.

— Теперь, ребята, поминки справлять.

— Четвертную!

— Огурцовъ да селедку!

То и другое было мигомъ добыто и ноя разныя духовныя канты, веремѣшивая ихъ смѣхомъ и остротами, справляли поминальную тризну о упокоеніи раба божія Барсука.

Бурсаки съ торжествомъ и гордостью передавали другъ другу рассказъ объ этомъ событіи.

Но дѣло этимъ не кончилось.

Спустя мѣсяць времени, сапожникъ встрѣтилъ подъ вечеръ Барсука.

Барсукъ и тутъ нашолся.

Скрестивъ руки и сверкая глазами, онъ грозно приблизился къ сапожнику и дикимъ голосомъ возопилъ:

— Неправедные да погибнуть!

Сапожникъ растерялся: ему представилось, что онъ видитъ покойника, который воротился съ того свѣта, чтобы наказать его за то, что онъ дерзнулъ придти къ мертвому и требовать отъ него свой долгъ. Онъ перекрестился и съ ужасомъ бросился бѣжать куда глаза глядятъ. Долго онъ потомъ рассказывалъ, какъ являлся къ нему мертвецъ и хотѣлъ утащить его едва ли не въ тартарары.

Этотъ случай еще болѣе утѣшилъ бурсу.

Послѣдній скандалъ изъ банныхъ похождевій бурсаковъ.

Мехалка, воровски пробираясь по базару, увидѣвъ, что въ пряничной лавкѣ отворена дверь, заглянулъ въ нее. Онъ увидѣлъ въ ней торговца, который стоялъ въ дальнемъ углу, къ двери спиною. Мехалка былъ не тактикъ, а стратегикъ, и много неразуждая, стремительно бросился на пряникъ изъ стычныхъ ковригъ, который былъ величиною съ добрую доску, и потому выбѣжалъ вонъ изъ лавки. За нимъ съ крикомъ «грабить!» устремился торговецъ. Мехалка, обремененный ношею, бѣжалъ медленно и былъ въ опасности челоуѣка, котораго сейчасъ треснуть по шеѣ. Онъ употребилъ слѣдующій стратегическій приемъ: выждалъ приближенія къ себѣ торговца, и неожиданно обернувшись къ нему, поднялъ надъ головой ковригу и ударилъ ею въ лицо торговца. Потомъ пустился съ обломкомъ ковриги, оставшимся въ его рукахъ.

Мехалка былъ замѣчательная личность. Это не воръ, а чисто разбойникъ. Извѣстно было, что онъ, выходя изъ церкви, схватилъ попавшуюся ему навстрѣчу собаченку и разшибъ ей голову о тумбу, а потомъ закусилъ свой подвигъ саломою свѣчею. Зато хотѣли его отпороть не на животь, а на смерть. Но по случаю страстной недѣли и пасхальной, экзекуція была отложена до Фоминой. Когда наступилъ день возмездія и подъ предводительствомъ смотрителя вошли въ классъ четыре солдата съ огромнымъ количествомъ розогъ, у Мехалки засверкали глаза какъ у дикаго звѣря, и онъ, энергически сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, бросился къ отворенному окну и вскопчилъ на подоконникъ съ быстротою кошки. (Классъ былъ во второмъ этажѣ).

— Только позетупись, разможжу себѣ голову о камни! вскричалъ онъ. На убѣжденія смотрителя покориться онъ отвѣчалъ, что бросится съ высоты второго этажа и тѣмъ накажетъ начальство. Смотритель плюнулъ и ушелъ. Мехалкѣ за такія дикости вручили волчій паспортъ.

Извѣстно, что впоследствии онъ, Аксютка и еще одинъ артистъ нацѣлились въ кузницу чернорабочими. Мехалка, работая здоровымъ молотомъ по наковальнѣ, добывалъ себѣ грошъ на свой образецъ, вмѣстѣ со своими товарищами. Забрался онъ на сосѣдній дворъ, разломалъ тамъ извозчичьи дрожки и все желѣзо утащилъ къ себѣ въ кузницу. Карьера его кончилась дья-

чествомъ и онъ сдѣлался истиннымъ мучителемъ своего священника.

Вотъ вамъ, господа, веселая картинка бурсацкой бани, въ повѣсти о которой одни лишь голые факты. Къ нимъ нечего прибавлять, они сами за себя говорятъ.

Послѣ бани бурсаки, поѣвъ всего краденаго, были въ добромъ расположеніи духа; меньше раздавалось швычковъ и подзатыльниковъ, рѣже творилось всеобщихъ смазей, и вообще въ классѣ сравнительно было довольно тихо и скромно.

Въ Камчаткѣ собралось нѣсколько человѣкъ и ведутъ бесѣду о старинѣ и древнихъ герояхъ бурсы. Митаха занималъ среди нихъ первое мѣсто.

- Эхъ, господа! то ли дѣло было въ старину!
- Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ.
- Зато братъ и пороли, сказалъ Митаха.
- А что?
- Да вотъ вамъ случай.
- Расскажи, братъ, Митаха, расскажи.
- Только чуръ не перебивать.

Митаха началъ :

— Были у насъ три брата : *Каля, Миля и Жуля*. Это были силачи тогдашняго времени и обыкновенно занимались шитьемъ сапоговъ. Они однажды отправились въ городъ съ товарищами, чтобы кутнуть хорошенько на сторонѣ. Кутнули добре. Когда шли назадъ, то орали пѣсни на пять улицъ и встрѣтились съ казаками. Тѣ пригласили ихъ молчать. Наша братія ругаться. Драка. Бурсаки отдули казаковъ на обѣ корки и утекли въ училище, будучи увѣрены, что ихъ дѣло шито-крыто. Анъ вѣтъ: на другой день начались розыски. Все всплыло наружу. Вотъ была порка-то! Драли тогда подъ колокольчикомъ, среди двора, слѣва и справа, закачивали штукъ по триста.

- Братцы, я вотъ тоже знаю... заговорилъ одинъ.
- Сказано, не перебивать! отвѣтили ему.
- Сволочь!
- Животина!
- *Мазена!*

Замѣчательно, что въ бурсѣ *Мазепа* было ругательное слово, и вѣроятно основаніе тому историческое; но во времена нами описываемой бурсы изъ пятьсотъ человекъ врядъ ли пятеро знали о существованіи *Мазепы*. Здѣсь это имя было слово нарицательное, а не общее. По преимуществу называли *мазепами* толсторожихъ. Въ бурсѣ все своеобразно и оригинально.

Бурсакъ, перебившій рассказъ, замолчалъ.

— Ну такъ чтоже, Митаха?

— А вотъ слушайте. Собрались всѣ ученики на дворъ, пришолъ инспекторъ, явились сторожа, и принесена огромная куча распаренныхъ лозъ. Каля, Миля и Жуля стояли въ толпѣ. Имъ, братцы, успѣли товарищи вкатить передъ свѣченіемъ по полштофу водки. Растянули Калю, потомъ Милю, потомъ Жулю. Но хотя и драли ихъ пьяныхъ, хоть они и закусывали себѣ руку до крови, однако послѣ порки ихъ отливали водой и на рогожкѣ стащили въ больницу замертво. Вотъ такъ *чехвостили!*

— А зачѣмъ они закусывали руку?

— Фаля!

— Бардадымъ!

— Вѣдь закуси руку, такъ оттягиваетъ: укусишь руку, рукѣ больно, а сзади и не слышишь въ то время.

— Тогда же, братцы, вышелъ дивный случай.

— Ну-ка.

— При этой страшной поркѣ былъ одинъ приходскій ученикъ, только-что привезенный изъ дому, котораго мамаша гладила по головкѣ, а здѣсь онъ увидѣлъ, что глядятъ по другому мѣсту. Онъ былъ мальчикъ худенькій, маленькій, блѣдненькій, однимъ словомъ вовсе не бурсакъ, а сволочь. Какъ онъ увидѣлъ такую знатную порку, такъ чуть не умеръ со страху. Онъ сталъ учиться отлично и каждый шагъ слѣдилъ за собою, чтобы не заслужить розгу. Когда сѣкли кого-нибудь, онъ дрожалъ и блѣднѣлъ. Учитель замѣтилъ это и возненавидѣлъ его, потому-что терпѣть не могъ, когда кто-нибудь сильно кричалъ подъ лозами. Учителю захотѣлось попробовать, каковъ новичокъ подъ розгами. Придравшись къ какому-то случаю, онъ отпоролъ новичка такъ, что тотъ долго послѣ того таскалъ изъ тѣла своего прутья. Ученикъ послѣ порки упалъ въ обморокъ. Этимъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя учителя, который сталъ преслѣдовать его и каждый разъ пороть жестоко. Ученику до-

того тяжело было жить, что онъ рѣшился бѣжать изъ училища. Его поймали. Тогда онъ сначала хотѣлъ повѣситься, но потомъ рѣшился на слѣдующую штуку. Докладая онъ ночи, досталъ перочинный ножъ, разрѣзалъ себѣ руку и своей кровью написалъ на бумажкѣ: «дьяволъ, продаю тебѣ свою душу, только избавь меня отъ сѣчешья».

Вниманіе слушателей чрезвычайно было напряжено.

— Съ этой бумажкой, продолжалъ Митаха, — онъ залѣзъ ночью въ двѣнадцать часовъ подъ печь. Что тамъ съ нимъ было, неизвѣстно. Оттуда его вытащили замертво. Онъ говорилъ, что видѣлъ чорта. Начальство, узнавъ его продѣлку, высѣкло его подъ колоколомъ, послѣ чего говорятъ онъ былъ снесенъ въ больницу, гдѣ отдалъ душу Богу.

Такой расказъ подѣйствовалъ даже на крѣпкое воображеніе бурсаковъ. Разговоры смолкли и всѣ ввали въ раздумье. Ученики понимали, а въ эту минуту особенно ясно сознали, что и при ихъ житьѣ-бытьѣ подчасъ хотѣ продавай душу чорту.

Когда впечатлѣніе нѣсколько ослабѣло, кто-то спросилъ:

— А кто изъ васъ, братцы, видѣлъ дьявола?

Никто не отозвался.

— А домового видалъ кто?

Оказалось, что домовыхъ видѣли многіе, а если кто самъ не видѣлъ, то зналъ такихъ, которые видѣли. Въ бурсѣ предрасудки и суевѣрія были такъ же сильны, какъ и въ простомъ народѣ: вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, вѣдьмъ, колдуновъ, заговоры и примѣты. Словомъ, эта сторона бурсацкой личности выражала глубокое невѣжество, которое начальство и не думало искоренять, потомучто и само не всегда было свободно отъ суевѣрія.

Въ бурсѣ была даже доморощенная кабалястика. Такъ почти вся бурса вѣрила, что если вынуть изъ пера сухую перепонку и положить ее въ книгу, то забудешь урокъ изъ той книги; если же такую перепонку положить подъ тюфякъ спящаго, то съ нимъ случится грѣхъ, за который заставятъ поцѣловать Дягву. Считалось дурнымъ — книгу послѣ урока оставить открытою, потомучто урокъ забудешь. Когда кто-нибудь мистицировалъ, говоря, что идетъ учитель, ему кричали: «чего, сволочь, врешь-то? хочется, чтобъ злымъ пришолъ!» Для того же, чтобы не спрессилъ учитель, была примѣта у нѣкоторыхъ учениковъ держаться

за такую-нибудь часть своего тѣла... Въ училищѣ одно время былъ даже свой туземный колдунъ. Это былъ ученикъ, прибывшій въ мѣстную бурсу изъ Кіева, нѣкто *Бѣгунъ*. Его прозвали такъ за то, что онъ, рассказывая сказку, выговаривалъ вмѣсто «бѣжалъ, бѣжали» — «бѣгунъ, бѣгунъ». Онъ брался угадывать, у кого сколько въ деревнѣ коровъ, въ семействѣ сестеръ, въ карманѣ денегъ и т. п. Многие серьезно вѣрили ему.

Кстати, мы расскажем продѣлку Аксютки надъ Гришкецомъ. Аксютка вотъ уже цѣлую недѣлю подговариваетъ товарищей; чтобы они показывали Гришкецу, что серьезно считаютъ его за колдуна. Когда это состоялось, многие стали обращаться къ нему съ просьбою поворожить имъ. Гришкецъ сначала принималъ это за шутку, но товарищи выдерживали свою роль отлично, такъ что Гришкецъ наконецъ принялъ ихъ затѣю за чистую монету. Тогда онъ перепугался и сталъ умолять товарищей, чтобы они не считали его за колдуна. Но они, видя его тревогу, усилили свою назойливость. Гришкецъ едва не потерялъ разсудка. Когда Аксютка, сидя подлѣ него въ столовой, умолялъ Гришкеца научить его колдовать, то Гришкецъ обратился къ инспектору съ такими словами: «Я ейбогу, господинъ инспекторъ, не умѣю колдовать. Возьму ли я такой грѣхъ на душу?» И онъ крестясь увѣрялъ, что Аксютка вретъ все.

Чертовщина для разговоровъ бурсаковъ — предметъ неистощимый.

Но мы однако незамѣтно перешли опять къ воспоминаніямъ давнихъ дней. Мы приведемъ два сказа.

Ученикамъ было запрещено начальствомъ купаться, и по его приказанію молиція преслѣдовала бурсаковъ на рѣкѣ. Надзиратель, видя что ученики не унимаются, рѣшился вочто бы то ни стало изловить ихъ и представить къ начальству. Кали, Миля и Жуля взбѣсались, и взявъ съ собою нѣсколько товарищей, на другой же день нарочно отправились купаться. Нагрянулъ надзиратель и накрылъ ихъ на мѣстѣ преступленія; но они схватили его, зажали ему ротъ, чтобы не кричалъ, и потомъ выкупали его. Послѣ этой операціи они завязали ему брюки у сапогъ, такъ что изъ нихъ образовались два мѣшка, и набили брюки мескомъ до самаго пояса; послѣ этого съ хохотомъ бросили его и уткли во воды. Несчастный долго барахтался, немогиши подняться съ

земли. Когда его освободили, онъ закаялся безпокоють учениковъ.

Одному изъ товарищей надобно справить именны, а денегъ было всего пять рублей. Это было лѣтомъ. Идетъ нашъ бѣдняга со своими друзьями по берегу рѣки да горюегъ. Въ одномъ мѣстѣ они натолкнулись на кучку рабочихъ, которые оставили свою барку и на берегу варили кашу. — Хлѣбъ да соль! говорятъ. — «Хлѣба-соли кушать». — Но безъ водки что за-ѣда? — «Гдѣ же ее взять?» — А вотъ деньги, сказалъ бурсакъ, подавая на полведерную. Мужики обрадовались и тотчасъ добыли водки. Бурсаки наполнили ихъ до-пьяна и когда они удалились спать въ барку, то угнали ее, и вмѣстѣ съ мужиками продали.

Такіе рассказы и воспоминаія о подвигахъ бурсаковъ ученики всегда выслушивали охотно и съ полнымъ одобреніемъ.

Но ударилъ звонокъ и начались классы.

Мы сказали, что пачинаются классы, а начинаются они слѣдующимъ образомъ.

- Поймалъ . . . ! сказалъ одинъ изъ камчатниковъ.
- Будетъ дождь.
- Я двѣ рядомъ.
- Будетъ съ градомъ.
- Вчетверомъ.
- Будетъ громъ.

Какой-то великовозрастный ни къ селу, ни къ городу сталъ подшолкивать словами:

— Разъ-два — голова, три-четыре — прицѣпили, пять-шесть — въ рядъ снести, семь-восемь — сѣно косимъ, девять-десять — сѣно вѣсить, одиннадцать-двѣнадцать — на улицѣ бранятся.

Потомъ другой великовозрастный, вытянувъ изъ сапога бѣрестяную тавлинку, затянулъ благимъ гласомъ какой-то кантъ и зарядилъ носъ съ присвистомъ.

Въ училищѣ нюханье табаку было развито въ высшей степени. Иначе и нельзя: во время занятій, на которыхъ одна лампа о трехъ рожкахъ давала свѣтъ на сто и болѣе человекъ, по неволѣ рябило въ глазахъ, а когда ученикъ заряжалъ понюшку

табаку, то глаза его дѣлались на нѣсколько минутъ свѣтлѣе. Въ время классовъ, изъ которыхъ каждый по два часа, монотонныя отвѣты уроковъ учителю нагоняли непобѣдимый сонъ, — и вотъ когда ученикъ понюхаетъ табакъ, то поневолѣ раскроетъ глаза. Табакъ былъ запрещенъ начальствомъ, но товарищество не хотѣло и знать этого запрещенія. Табакъ покупался у Захаренки, который мололъ его изъ махорки и потому продавалъ довольно дешево. И въ отношеніи нюханья табакъ въ бурсѣ были свои особенности. Такъ нюхали со швычка, брали перстыю, но особенно замѣчательно, когда табакъ раскладывался по указательному пальцу до кисти и вбирался въ носъ слышимымъ вдыханіемъ. Бывали пари, кто больше вынюхаетъ въ одинъ пріемъ, и случалось, что задорный нюхальщикъ, рѣшившись на непосильную повюшку и принявъ ее, падалъ въ обморокъ.

До прихода учителя ученики успѣли сыграть *св краски*. Выбрали изъ среды себя *ангела* и *чорта*, выбрали хозяина; другимъ участникамъ въ игрѣ были розданы названія той или другой краски, которыя не сообщались ни ангелу, ни чорту. Вотъ приходить ангелъ и стучитъ онъ въ двери.

— Кто тутъ? спрашиваетъ хозяинъ.

— Ангелъ.

— Зачѣмъ?

— За краской.

— За какой?

— За зеленой.

— Кто зеленая краска, иди къ ангелу.

Въ свою очередь приходитъ къ хозяину чортъ, выбираетъ себѣ краску и уводитъ ее.

Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не разберутся всѣ краски. Тогда сила ангела становится одесную отъ хозяина, а сила дьявола ошуюю. Каждая изъ партій образуютъ изъ себя цѣпь, хватая другъ друга сзади за животь. Ангелъ и чортъ ещѣ пляются руками, — и вотъ взревѣли и ангелы, и черти — и началась таскотня. Долго шла борьба, но чортъ таки одолѣлъ.

Вдругъ отворилась дверь. Въ классъ вошелъ господинъ огромнаго роста въ коричневой шинели. Все смолкло. Это былъ учитель Ивацъ Михайловичъ Лобовъ. Цензоръ прочиталъ молитву «царю небесный». Ученики стояли, ожидая приказанія съестъ. Свѣи. Великій педагогъ отправился къ столу, за которымъ

и сѣлъ на грязномъ стулѣ. Онъ взялъ нотату. Многіе вздрогнули. Немного помолчавъ, Лобовъ крикнулъ:

— Аксютка!

— Здѣсь, смѣло отвѣчай Аксютка.

— Ты опять?

— Не могу учиться.

— А отчего до сихъ поръ учился?

— Теперь не могу.

— Къ печкѣ!.. *на воздухѣхъ его!*

Аксютка озлялъ учителя. Онъ съ нимъ выдѣлывалъ штуки, на которыя никто не рѣшался. Этотъ отчасти описанный нами воръ имѣлъ отличныя способности, память у него была обширнѣйшая, и вѣроятно онъ былъ умнѣе всѣхъ въ классѣ; ничего не стоило ему прочитать урокъ раза два, и онъ отвѣчалъ его слово въ слово. Учиться значить было легко ему. Но онъ вдругъ прекращалъ заниматься, подразнивая учителя на зло. Его сѣкли, но ничего не могли подѣлать съ нимъ. Тогда его поселяли въ Камчатку. Не лишь только онъ добивался своего, какъ опять начиналъ учиться отлично, его переводили на первую парту, и лишь только переводили, онъ опять зацѣпалъ:

— Ай люи, люи, люи!

А въ нотатѣ все нули!

Послѣ такой пѣсни Аксютка опять ничего не дѣлалъ. Снова повторялось сѣченье. Онъ у Лобова нѣсколько разъ переходилъ изъ Камчатки на первую парту и обратно.

Наконецъ Лобовъ разсвирѣпѣлъ, и раздалось его грозное — *на воздухѣхъ!*

Тотчасъ же выскочили четверо парней, схватили его, раздѣли, взяли за руки и ноги, такъ что онъ повисъ въ горизонтальномъ положеніи, а справа и слѣва начался свистъ лозъ.

Взвылъ Аксютка, а все-таки кричить:

— Не могу учтса! ейбогу не могу!

— Положите ему подъ носъ книгу.

Положили.

— Учи!

— Не могу! хоть образъ со стѣны снять, не могу.

— Сейчасъ же и учи!

На этотъ разъ Аксютка правду кричалъ, что не можетъ

учиться, потому что лежалъ подъ розгами, и учитель это признавалъ, но все-таки продержалъ его висѣющимъ надъ книгой достаточно.

— Бросьте эту тварь.

Аксютка пробрался въ Камчатку.

— Дать ему *сурубое разя!*

Товарищи повскакали съ партъ, бросились на Аксютку и зажали ему въ голову *картечи*, то-есть швытчиковъ.

Взвыль Аксютка:

— Хоть убейте, не могу учиться!

Лобовъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ классъ съ длиннымъ березовымъ хлыстомъ. Онъ поднялся съ мѣста и *вытянулъ* Аксютку вдоль спины, а тотъ взвыль.

— Ейбогу не могу учиться!

Лобовъ мало-помалу успокоился, и классъ продолжался обычнымъ порядкомъ. Спустя нѣсколько времени онъ крикнулъ:

— Цензоръ, кvasу!

Цензоръ отправился за кvasомъ и привезъ его.

Лобовъ, прихлебывая изъ оловянной кружки кvasъ, просматривалъ нотату и назначалъ по фамильямъ, кому къ печкѣ — для сѣченья, кому къ доскѣ на колѣни, кому колѣнами на ребро парты, кому безъ обѣда, кому въ городъ не ходить. Классъ Лобова разукрасился всевозможно разставленными фигурами. Потому онъ сталъ спрашивать знающихъ учениковъ, поправляя отвѣчающаго, когда онъ отвѣчалъ не слово въ слово, и запивая бурсацкую премудрость круто завареннымъ кvasомъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно въ калошахъ, несимая своей красноватого цвѣта шинели. Когда спрошенный имъ ученикъ кончилъ свой отвѣтъ, Лобовъ полѣзъ въ карманъ шинели и вынулъ изъ него довольно большой пирогъ, который сталъ уписывать съ аппетитомъ. Бурсаки съ жадностью посмотрѣли на пожираемый пирогъ. Такъ Лобовъ имѣлъ обычай завтракать во время класса, иѣшая пищу духовную съ пищей тѣлесной.

Послѣ экзаминаціи пяти учениковъ онъ сталъ дремать и наконецъ заснулъ, легонько всхрапывая. Отвѣчавшій ученикъ долженъ былъ дожидаться, пока не проснется великій педагогъ и не примется опять за дѣло. Лобовъ никогда уроковъ не объяснялъ — жирно дескать будетъ а отвѣчалъ ногтями въ книжкѣ съ

взять до взятихъ, предоставляя ученикамъ выучить урокъ къ *следующему*, то-есть классу.

Что этотъ великій педагогъ въ своей юности недосѣченъ или пересѣченъ?

Морфей легонько посвистывалъ себѣ черезъ носъ педагога, а ученики, наказанные на колѣни и столбомъ, воспользовались этимъ. Поднялся легкій шумокъ и начались невинныя игры бурсаковъ, какъ-то въ шашки, *сялцы* (карты), костяшки, швички, швички и т. п.

Ударилъ звонокъ, учитель проснулся, и послѣ обычной молитвы, и по выходѣ учителя классъ наполнился обычнымъ шумомъ.

Второй классъ, латинскій, занималъ нѣкто Долбежинъ. Долбежинъ былъ тоже огромнаго роста господинъ; онъ былъ чловѣкъ чахоточный и раздражительный, и строгъ до крайности. Съ нимъ шутить никто не любилъ, ругался онъ въ классѣ дотого неприлично, что и сказать нельзя. У него было положено за священнѣйшую обязанность въ продолженіи курса непременно пересѣчь всѣхъ — и прилежныхъ, и скромныхъ, такъ чтобы ни одинъ не ушелъ отъ лозы. Его мучилъ бѣсъ какой-то бурсацкой зависти, когда изъ его класса къ концу курса остались все-таки несѣченными ниразу двое, державшихъ себя крайне осторожно. Придаться было не къ чему, но онъ выискалъ-таки случай. Однажды онъ пропустилъ было уже свой классъ, и ученики весело ожидали звонка, но вдругъ минутъ за пять до него Долбежинъ показался на концѣ училищнаго двора; лицо его было какъ-то особенно грозно (онъ былъ сильно выпивши), взоры его были устремлены на окна своего класса. Многіе струхнули. Одинъ изъ несѣченыхъ въ это время взглянулъ въ окно и потомъ быстро скрылся въ классѣ.

— Елеонскій (несѣченый)! крикнулъ входя въ классъ Долбежинъ.

Елеонскій, трясаясь всѣмъ тѣломъ, подошелъ къ нему.

Долбежинъ ударилъ его въ лицо кулакомъ и окровавилъ его; изъ носа и рта потекла кровь.

Елеонскій ни слова не отвѣчалъ. Блѣдный и дрожащій, онъ смотрѣлъ безсмысленно на учителя.

— Отодрать его!

Елеонскаго отодрали.

Остался одинъ только несѣченый. Того напротивъ отодралъ Долбежинъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Душенька, сказалъ онъ ему улыбаясь: — поиди къ порогу.

— Да за чтоже?

— За то, что тебя ниразу не сѣкли.

Тотъ и не думалъ отвѣчать, что это не причина, и отиравился къ порогу.

Не осталось ни одного несѣченаго въ классѣ.

Но несмотря на все это, трудно повѣрить, — его не только уважало товарищество, но и любило. Долбежинъ самъ былъ точно отиѣтый. Онъ, какъ и товарищество, терпѣть не могъ «городскихъ», и одному изъ нихъ далъ самое неприличное прозвище: фискала, пришедшаго къ нему наушничать, онъ отодралъ не на животь, а на смерть; ученики вродѣ Гороблагодатскаго были его любимцами. Однажды Блоха рѣшился взунуть товарищество, и подъ лозами Долбежина молчалъ, какъ-будто и не его дедуть: Долбежинъ при всѣхъ называлъ его молодцомъ, тогда какъ за ту же прелѣлку Лобовъ вознесъ его на воздусяхъ, а потомъ просолилъ пасквозь сѣченное тѣло. Долбежинъ не бралъ съ родителей взятковъ и дотога былъ честенъ, что составленный имъ списокъ учениковъ съ отиѣтками объ ихъ ученіи за треть онъ читалъ ученикамъ и позволялъ устраивать диспуты тѣмъ, которые претендовали на высшее мѣсто. Вотъ за это-то и любили его.

Сегодня были только два случая въ классѣ. Вызванъ былъ *Копыта*. Онъ взялъ книжку латинскую и хотѣлъ было остаться переводить за партою.

— На средину! сказалъ Долбежинъ.

На средину отвѣчать было хуже, чѣмъ за партой, потомучто въ первомъ случаѣ товарищи *подсказывали* ученику. Отвѣчающій способенъ былъ разслыщать самый тонкій звукъ, а если не разслыхивалъ, то глядя искоса, онъ угадывалъ слово по движенію губъ.

Копыта вышелъ на *середку*. Здѣсь онъ *срызался* (тоже что въ гимназіи *провинился*) и не могъ перевести одного пункта.

— Не такъ! сказалъ Долбежинъ.

Тотъ перевелъ иначе.

— Не такъ!

Копыта на новый манеръ.

— Къ пещкѣ!

Копытѣ дали ~~еще~~ десять ударовъ. Онъ обрадовался, что такъ легко отдѣлался и уже направился за парту, но услышалъ голосъ Долбежина:

— Переводи снова.

Тотъ перевелъ ему на новый манеръ.

— Еще разъ къ пещкѣ!

Копытѣ дали еще десять лозъ и снова заставили переводить. На этотъ разъ Копытѣ сказалъ, что онъ не можетъ и придумать еще новой варьяціи, за что и услышалъ:

— Къ пещкѣ!

Десять дали, и снова переводить. Копыта напрягъ всё усилія памяти и разсудка. Ничего не выходило.

— Ну! сказалъ Долбежинъ, и уже палецъ указательный его подвигался по направленію къ пещкѣ.

Способности Копыты были страшно напряжены, мозгъ работалъ въ сто силъ лошадиныхъ и вотъ, — точно озареніе свыше, сложилась въ головѣ новая варьяція. Онъ сказалъ ее.

— Наконецъ-то! одобрилъ его Долбежинъ. — Довольно съ тебя. Пошли за парту. Вались дерево на дерево! Велѣдъ затѣмъ Долбежинъ обратился къ Трезоркѣ:

— Вокабулы приготоуилъ?

— Нѣтъ.

— Что, который это разъ?

— Если угодно, приготоулю, — отвѣчалъ Трезорка бойко.

Трезорка былъ городской и привыкъ къ довольно свободному обращенію. Его развязность взбѣсила Долбежина. Онъ поблѣднѣлъ, на лбу надулись жилы.

— Ахъ ты подлецъ! закричалъ онъ, и сильной рукой поднималъ въ воздухѣ здоровый лексиконъ Кронеберга. Лексиконъ зависъ и пролетѣлъ черезъ классъ; еще немного — такъ и влѣпился бы въ голову бойкаго мальчика. Онъ потомъ началъ ругаться и плевать; въ его чахоточной груди клокотала мокрота; дерзость озадачила его, но онъ почему-то не посмѣлъ отпороть Трезорку, — вѣроятно потому, что отецъ Трезорки былъ довольно значительное лицо въ городѣ. И дѣйствительно завязалось было дѣло, но кончилось все-таки ничѣмъ.

Въ классѣ послѣ этого скандала наступила мертвая тишина. Всѣ дрожали. Одинъ только беззаботный Карась, притомъ еще

сидѣвшій на первой партѣ, на глазахъ разъяреннаго учителя, ухитрился уснуть. Его вдругъ спросилъ учитель, а онъ, неслыша этого, тихо всхрапывалъ. Товарищъ его толкнулъ, но уже было поздно: у учителя сверкали глазки.

— Къ печкѣ!

— Розогъ нѣтъ, сказалъ секундаторъ.

— А давеча чѣмъ сбѣкъ?

— Тѣ изломались.

— Сходи за новыми.

Карась между тѣмъ клялся и божился, что всталъ въ три часа, чтобы приготовить урокъ, что у него голова болитъ, а въ существѣ дѣла на него одурь навала отъ латынщины и онъ смежилъ свои карасивыя очи.

— Я тебѣ!

Явился секундаторъ, но безъ розогъ.

— Розги всѣ вышли, сказалъ онъ.

Учитель опять вспыхнулъ, поднялся со стула и отправился къ той партѣ, гдѣ сидѣлъ секундаторъ. Онъ отыскалъ свѣжій розги. Карась запищалъ:

— Простите!..

Но учитель въ это время позабылъ Карася, а направился къ секундатору. Взявъ пучъ длинныхъ лозъ за жидкій копецъ, онъ началъ бить его комлемъ и по спинѣ, и въ брюхо, и въ плечи, и по ногамъ.

Раздался звонокъ. Пропѣли молитву «достойно есть»... Между тѣмъ Карась спасся. Этотъ же учитель, озаившійся на Трезорку за умѣренный отбѣнокъ дерзости въ его отвѣтъ, прощаль и даже съ удовольствіемъ встрѣчалъ дерзости очень крупныя. Такъ однажды на публичномъ экзаменѣ пришлось держать отвѣтъ нѣкому Ваксѣ. Долбежинъ изъ-подъ стола показалъ ему кулакъ и проговорилъ тихо: «только сръбься, я тебѣ!» — Вакса показалъ ему свой кулакъ и прошепталъ непечатную брань. Это только утѣшило учителя.

Наконецъ Долбежинъ былъ циникъ. Онъ съ тѣмъ же Ваксой разсуждалъ о самыхъ грязныхъ вещахъ. Тотъ ему отвѣчалъ нестысиваясь и откровенно, и оба они импровизировали самымъ грязнымъ образомъ на разные темы.

Заглянула бурса въ столовую, «щей негодныхъ похлебава, и опять въ свой классъ идетъ». Кормили скверно; хлѣбная мука

мѣшалась съ мякиной; шерѣдко порціи говядины летѣли за окно и гнили потомъ на дворѣ; одинъ только Комедо собиралъ порціи по шести и потреблялъ ихъ; въ супѣ попадались маленькіе бѣловатые червячки, въ кашѣ мышинный помѣтъ; только при одномъ экономѣ пища была безукоризненна, во такіе экономы были рѣдкость въ бурстѣ. (Впрочемъ въ своемъ мѣстѣ мы дойдемъ и до этого эконома.)

Лобовъ граничилъ по своему характеру къ Тавлѣ, Долбживъ къ Гороблагодатскому. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ третьяго лица, которое собственно-говоря не составляло цѣльнаго типа, а было помѣсю двухъ названныхъ нами. Этотъ господинъ носилъ имя Дядьки.

Онъ былъ красавецъ собою, съ открытымъ груднымъ и объемистымъ басомъ, лицо — кровь съ молокомъ. Онъ между прочимъ преподавалъ такъ называемый «Уставъ», то-есть науку, какъ править церковныя службы. Эта наука излагалась имъ самымъ страннымъ образомъ. Въмѣсто того, чтобы выдать церковныя книги на руки учениковъ, ознакомить съ тѣми книгами нагляднымъ образомъ, показать по самымъ книгамъ, когда, что и гдѣ читалось и пѣлось, — вмѣсто этого выдавались записочки, въ которыхъ по порядку службы обозначались только первыя слова каждаго чтенія или пѣнія. Такихъ заголовковъ пѣлые листы писчей бумаги. Дотога трудно и тошно было ученье и зубренье, что изо ста слишкомъ учениковъ знало урокъ, случалось, только четверо. Кажется ясно, что тутъ уже не ученики виноваты. Правда, могло случиться, что ученики на зло учителю дѣлали стачку не учить урока, но такія стачки назывались бунтомъ и разрѣшались великимъ сѣченіемъ класса; но тутъ была не стачка, а просто физическая и умственная невозможность вызубрить все это. И это понималъ самъ Дядька. Несмотря на все это, онъ поочередно сѣкъ весь классъ: такъ парта за партой и выдвигалась къ печкѣ. Хотя въ этихъ случаяхъ секундаторы были крайне снисходительны, но снисходительны только къ тѣмъ, кого любили. Секундаторы были очень изобрѣтательны и свою профессію знали специально. Когда Дядька заподозривалъ секундатора въ мирволеньи и шолъ свидѣтельствовать производство сѣкуціи, тогда оказывалось, что тѣло наказываемаго было покрыто синими полосами: секретъ въ томъ, что секундаторъ намазывалъ лозы чернилами, потомъ

стиралъ ихъ слегка; достаточно было легкаго прикосновенія ихъ, чтобы сдѣлать фальшивый рубецъ. Чортъ знаетъ на что расходовался умъ воспитанника! Когда приходилось, что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ Карася, случилось, отодрали четыре раза въ одинъ день (впродолженіи училищной жизни непремѣнно разъ четыреста). Но сегодня не было устава. Занимались другимъ предметомъ. Бѣда, когда Дядька приходилъ пьянъ! Тогда лицо его было блѣдно, а черные, огромные глаза особенно глубоки и блестящи. Сегодня эта бѣда и случилась. Всѣ вздрогнули, какъ только онъ вошелъ. По лицу всѣ узнали, что будетъ классу великое горе. Взялъ онъ нотату. Мучительную и страшную минуту пережилъ классъ. Дядька вызвалъ Элпаху. Элпаху, трясая тѣломъ и содрогаясь душою, вышелъ на средину.

— Я... — голосъ его перестѣлся...

— Что ты? спокойнымъ, но глубоко, сосредоточеннымъ голосомъ спросилъ его Дядька.

— Я... сегодня... именинникъ...

— Такъ съ ангеломъ! — Октава его упала на двѣ ноты ниже, а сердце свирѣпѣло и въ немъ развивались кровожадность и звѣрскіе инстинкты... Страшенъ онъ былъ въ эту минуту.

— Я... заговорилъ страдалецъ: — былъ въ церкви...

— Доброе дѣло!

— Я потому и не успѣлъ выучить урока... погасающимъ голосомъ проложилъ Элпаху, видя, какъ съ мертвенно-блѣднаго лица смотрѣли на него неподвижные, блестящіе сосредоточенной ненавистью глаза...

— Ты думаешь, что радуется твой ангелъ на небесахъ?

Элпаху молчалъ; въ его сердцѣ пробивалась слабая надежда, что его не накажутъ, потому что дядькинъ гнѣвъ иногда истощался въ нравоученіяхъ, которыми увлекался онъ на полчаса и болѣе. Элпаху ждалъ что будетъ.

— Онъ плачетъ о твоей лѣности.

Элпаху ни живъ, ни мертвъ.

— И ты долженъ плакать. Поди сюда.

Элпаху ни съ мѣста.

— Поди же сюда! — тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ повторилъ Дядька.

Кн. IX. — Отд. I.

Эпаха подошелъ къ нему.

— Встань тутъ, около меня; на колѣни.

Дрожащій Эпаха всталъ.

— Твой ангелъ плачетъ, и ты заплачешь. Положи свою голову ко мнѣ на колѣни.

Тотъ медленно исполнилъ это, непонимая что съ нимъ хотятъ дѣлать. Но вотъ онъ сильно вскрикнулъ и поднялъ голову, за которую ухватился руками.

— Лежи, лежи! сказалъ ему Дядька.

Отчего вскрикнулъ Эпаха? А оттого что Дядька взялъ шепоть волосъ его, сильной рукой вздернулъ ихъ кверху, вырвалъ съ корнемъ, и постепенно разводя свои красивые пальцы, сдвигалъ съ нихъ волоса и продолжалъ дуть, пока они легли въ воздухъ.

— Лежи, лежи! повторилъ Батька.

Эпаха съ воемъ опустилъ свою голову на колѣни его, какъ на эшафотъ...

Дядька взялъ вторую шепоть эпахинныхъ волосъ, и опять выдернулъ ихъ съ корнемъ, и опять пустилъ ихъ по воздуху.

— Простите ради-бога! взмолился страдалецъ.

— Лежи, лежи! отвѣчалъ Дядька. Что-то сатанинское было въ его ровныхъ октавахъ...

Еще медленнѣе и хладнокровнѣе онъ повторилъ ту же операцію въ третій разъ.

Эпаха рыдалъ мучительно.

— Теперь поди встань на колѣни посреди класса! сказалъ Дядька, когда улетѣлъ послѣдній волосъ Эпахи и пропалъ въ воздухъ.

Дядька потомъ долго сидѣлъ, понуря голову. Не почувствовалъ ли онъ угрызений совѣсти?

— Стой на колѣняхъ *цѣлый годъ!*

Значить, совѣсть его была спокойна. Дядька имѣлъ обыкновеніе ставить на колѣни на цѣлый годъ, на цѣлую треть, на мѣсяцъ: какъ его классъ, такъ и становись. Безпощадный чловѣкъ!

Впродолженіи всего класса Дядька разбойничалъ. Чего-чего онъ не придумывалъ: заставлялъ *кланяться печкѣ, цѣловать роли, бѣкъ и болить съчѣнаю*, одно слово — артистъ въ своемъ дѣлѣ, да подъ пьяную его руку.

Но все-таки приходится сказать, что большая часть товарищества уважала его по тѣмъ же причинамъ, по какимъ и Долбежина, и только меньшинство ненавидѣло его и боялось. Въ описываемый нами періодъ бурсы нравственный уровень товарищества и начальства былъ почти одинаковъ. Но впоследствии увидимъ, что въ товариществѣ и въ лучшей половинѣ начальства развились инныя начала. Что описываю теперь, — скверно, но что дальше, то лучше становилось товарищество и добрѣе люди изъ начальства. И жаль, и досадно мнѣ, что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ относительно бурсы въ «Зимнемъ вечерѣ бурсы». Уже въ слѣдующемъ очеркѣ вы увидите добрые задатки для будущаго въ жизни бурсаковъ, хотя и тамъ будетъ много гадкаго и гадкаго. Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, какъ и на дѣлѣ было, постепенно улучшаться, — только позвольте описать такъ, какъ было, неприбавляя, неубавляя. Всякое дѣло строится не сразу, а должно пройти многія фазы развитія. Еще очерковъ восемь, и бурса дастъ-богъ выяснится окончательно. Если придется ограничиться только этими двумя очерками — «Зимній вечеръ въ бурсѣ» и «Бурсацкіе типы», — то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полнаго понятія о томъ, что такое бурса, и потому относительно составитъ о ней ложное представленіе.

И. ПОМЯЛОВСКІЙ

ИЗЪ САФО

Блаженствомъ равенъ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидитъ, внимая
Твоимъ чарующимъ рѣчамъ,
И видитъ какъ въ истомѣ тая,
Отъ этихъ устъ къ его устамъ
Летитъ улыбка молодая!

И каждый разъ, какъ только я
Съ тобой сойдуся, — отъ вѣжной встрѣчи
Замлѣветъ вдругъ душа моя
И на устахъ нѣмьютъ рѣчи...
А пламя острое любви
Быстрѣй по жиламъ пробѣгаетъ...
И звонъ въ ушахъ... и бунтъ въ крови...
И потъ холодный проступаетъ...
А тѣло — тѣло все дрожить!..
Цвѣтка поблекшаго блѣднѣе
Мой истомленный страстью видъ...
Я бездыханна... И, нѣмѣя,
Въ глазахъ, я чую, меркнетъ свѣтъ :
Гляжу невидя... Силъ ужъ нѣтъ...
И жду въ безпамятствѣ и знаю :
Вотъ-вотъ умру... вотъ умираю...

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

1862 г.

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ (1)

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ

- 1) Военные рассказы. 2) Дѣтство и отрочество. 3) Юность, первая половина.
4) Записки маркера. 5) Мятель. 6) Два гусара. 7) Встрѣча въ отрядѣ. 8) Люцернъ.
9) Альбертъ. 10) Три смерти. 11) Семейное счастье.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФА Л. ТОЛСТОГО

Въ первой статьѣ своей я, опредѣливши общее значеніе дѣятельности графа Л. Толстого, былъ долженъ поневолѣ пуститься въ разысканіе причинъ того страннаго факта, что эта въ высокой степени своеобразная и замѣчательная дѣятельность прошла незамѣченною передъ нашей критикой. Виною тому, какъ старался доказать я, было то, что критика наша перестала быть критикой литературною, т. е. другими словами говоря, что литература перестала быть для направленій нашей критики полнѣйшимъ выраженіемъ и откровеніемъ жизни.

Я намекнулъ уже, что самая дѣятельность замѣчательно-даровитаго писателя разошлась съ требованіями различныхъ болѣе или менѣе теоретическихъ направленій, что самое появленіе нѣкоторыхъ изъ его вещей, каковыя напримѣръ «Альбертъ» и «Люцернъ» въ журналѣ теоретиковъ — олицъ изъ странно-вопіющихъ фактовъ для мыслящаго наблюдателя.

(1) Время. 1862. № 1.
Кн. IX. — Отд. II.

Но въдъ ни «Альбертъ», ни «Люцернъ», ни «Три смерти», ни наконецъ «Семейное счастье» не составляютъ въ дѣятельности самого писателя какого-либо крутого поворота. Эти произведенія — прямое и притомъ не только логическое, но органическое послѣдствіе того же самаго психическаго процесса, который раскрывается въ предшествовавшихъ его произведеніяхъ, — завершеніе того же анализа, который такъ поразилъ всѣхъ въ этихъ предшествовавшихъ произведеніяхъ...

Дѣятельность Толстого, какъ она до сихъ поръ обозначалась, можно раздѣлить собственно на три категоріи: 1) чисто-аналитическія произведенія, каковы «Дѣтство и отрочество», «Юность», 2) художественные этюды, свидѣтельствующіе о необыкновенной силѣ и особенности таланта, но имѣющие совсѣмъ характеръ этюда, характеръ чисто-внѣшній, каковы «Мятель» и «Два гусара», и 3) на результаты анализа, болѣе или менѣе удачные и полные, въ которыхъ художникъ стремится уже къ созданію самостоятельныхъ типовъ, къ воплощенію въ образы того, что добыто имъ посредствомъ анализа. Это или попытки, хотя и удивительныя, но вѣскольکو голыя, догматическія, каковы «Записки маркера», «Встрѣча въ отрядѣ», «Альбертъ», «Люцернъ», «Три смерти», или совершенно-органическія, живыя созданія: «Военные рассказы» и «Семейное счастье». Разумѣется такое раздѣленіе справедливо только по отношенію къ общему характеру этихъ произведеній. Элементъ органическій, элементъ художественнаго творчества присутствуетъ, и притомъ присутствуетъ въ замѣчательной степени въ произведеніяхъ совершенно аналитическихъ; элементы анализа и притомъ самаго смѣлаго входятъ и въ этюды, ибо вся дѣятельность Толстого, вѣстѣ взятая, есть живая, органическая дѣятельность. Раздѣленіе принято здѣсь только какъ руководная нить для разъясненія правдивно-художественнаго процесса.

Толстой, какъ уже сказано было въ первой статьѣ, кинулся прежде всего всѣмъ въ глаза своимъ безопаднымъ анализомъ. Анализъ поразилъ всѣхъ какъ въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ», такъ и въ самыхъ «Военныхъ рассказахъ», — первомъ полномъ и цѣльнымъ художественномъ выраженіи психическаго процесса.

Какого же свойства этотъ анализъ? съ чего онъ начинается, какъ выражается, куда ведетъ и чѣмъ онъ различенъ отъ анализа другихъ художниковъ-аналитиковъ? Вотъ вопросы, которые должна поставить себѣ для разрѣшенія критика.

У художника, если онъ дѣйствительно художникъ, анализъ не можетъ быть голый: онъ облакается непременно въ поэтическіе образы; онъ приковывается даже иногда къ одному образу, пре-

слѣдующему художника во все продолженіе его дѣятельности и видоизмѣняющемуся сообразно съ ея различными фазисами. Иногда этотъ образъ, этотъ нравственный идеалъ самого художника, раздвояется, какъ напримѣръ у Пушкина — на Онѣгина и Ленскаго, у Лермонтова — на Арбенина и Звѣздича, на Печорина и Грушницкаго. Раздвоеніе образа есть конечно всегда признакъ движенія впередъ самого художника, становящагося въ критическое отношеніе къ преслѣдующему его образу, и результатами своими оно, это раздѣленіе, гораздо богаче мрачно-сосредоточенной односторонности, которая могла исполнѣ узакониться намоетъ-быть только разъ, въ лицѣ Байрона, — да и у того типъ нѣсколько двоятся, по крайней-мѣрѣ по отношенію къ краскамъ — на Гарольда и Донъ-Жуана.

Во всякомъ случаѣ у самыхъ объективныхъ, равно какъ у самыхъ субъективныхъ художниковъ можно доискаться одного главнаго, преслѣдующаго ихъ образа. Чѣмъ художникъ по натурѣ шире, тѣмъ шире и его идеалъ, его любимый образъ, тѣмъ онъ народнѣе; но что нравственная жизнь художника воплощается въ извѣстномъ, видоизмѣняющемся и часто днующемся образѣ, — это не подлежитъ сомнѣнію.

У Толстого точно также есть этотъ преслѣдующій его образъ, къ которому приковался его анализъ, то лицо, отъ имени котораго рассказываетъ онъ «Дѣтство, отрочество и юность» и которое въ «Семейномъ счастьѣ» мѣняетъ только полъ и является женщиной. Образъ этотъ раздвояется — но раздвояется только вѣшне — въ «Запискахъ маркера», въ «Люцернѣ», являясь княземъ Нехлюдовымъ и представляя только крайнія, послѣднія грани того анализа, который отличаетъ героя «Дѣтства, отрочества и юности» отъ другихъ современныхъ героев... Онъ и Нехлюдовъ — вовсе не то, что Онѣгинъ и Ленскій, что съ другой стороны Пушкинъ-лирикъ и Пушкинъ-Бѣлкинъ; не то, что Арбенинъ и Звѣздичъ, изъ сліянія которыхъ является Печоринъ, и не то, что Печоринъ и Грушницкій, т. е. идеалъ и народія. Нехлюдовъ — крайняя грань цѣльнаго психическаго процесса, и мало того, — жизненное послѣдствіе той особенной обстановки такъ-называемаго аристократическаго мірка, въ которой онъ заключенъ какъ въ раковинѣ и изъ которой выбивается очевидно герой «Дѣтства, отрочества и юности»... Во всякомъ случаѣ психическій процессъ не раздвояется, а только доходитъ до своихъ крайнихъ граней.

Предполагая, что всѣ читатели знакомы съ произведеніями Толстого, по крайней-мѣрѣ съ главными изъ нихъ (ибо читатели вовсе незнакомые съ ними по всей вѣроятности не станутъ читать моей

статьи), я не буду приводить выписок и огривичусь, какъ всегда, только указаніями.

Основная черта, поразившая всѣхъ въ психическомъ процессѣ, раскрывавшемся въ произведеніяхъ Толстого, была — повторяю еще разъ — анализъ необыкновенно новый и смѣлый, анализъ такихъ душевныхъ движеній, которыхъ никто еще не анализировалъ. Не «пошлость пошлаго человѣка» обличалъ Толстой подобно Гоголю; не смѣялся онъ болѣзненнымъ смѣхомъ Гамлета щигровскаго уѣзда надъ несостоятельностью такъ-называемаго развитаго человѣка, какъ Тургеневъ; не противопоставлялъ онъ, какъ Писемскій, здоровый, хотя и грубоватый, хотя и нѣсколько низменный взглядъ на жизнь мишурѣ сдѣланныхъ, заказныхъ или подогрѣтыхъ чувствованій; не относился, какъ Гончаровъ, къ идеализму во имя узкой практичности, къ праздной мысли во имя узкаго и условнаго дѣла, — но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣми, что у него есть что-то общее со всѣми исчисленными стремленіями, что онъ — разумѣется полусознательно, полубезсознательно, какъ всякій художественный талантъ — разрабатываетъ одну и ту же съ поименованными художниками задачу эпохи. Близкій къ Тургеневу поэтическою вѣжностью чувства и глубокою симпатіею къ природѣ, но діаметрально противоположный ему своей суровой трезвостью взгляда, безпощадною ко всѣмъ мало-мальски необыденнымъ ощущеніямъ, своей враждою ко всякой фальши, какъ бы она ни была блестяща, — онъ этими послѣдними качествами былъ бы всего ближе къ Писемскому, еслибы этотъ реализмъ былъ ему *прирожденъ*, а не *порожденъ* анализомъ. Своимъ внѣшнимъ, враждебно-недовѣрчивымъ отношеніемъ къ идеализму онъ былъ бы сходенъ съ Гончаровымъ, еслибы заказнымъ образомъ поставилъ себѣ идеальчикъ въ практичности. Съ другой стороны, своей безпощадностью къ пошлости, таящейся не только въ пошломъ, но во всякомъ человѣкѣ, онъ какъ-будто развиваетъ задачи Гоголя, но онъ не плачетъ ни о какомъ разбитомъ кумирѣ, ни о какомъ условно-прекрасномъ человѣкѣ.

Общаго у него со всѣми этими задачами эпохи одно: отрицаніе.

Отрицаніе чего?..

Да всего наноснаго, напускнаго въ нашемъ фальшивомъ развитіи. Отрицаніемъ онъ, по происхожденію и воспитанію разъединенный съ почвою, старается, какъ всѣ, дорыться до почвы, до простыхъ основъ, до первоначальныхъ слоевъ. Особенность его въ томъ, что онъ роется глубже всѣхъ другихъ. Онъ не удовлетворяется, какъ Тургеневъ, тѣмъ, чтобы издали благоговѣнно увидѣть почву и покло-

нятся ей въ восторгѣ Моисея, узрѣвшаго обѣтованную землю. Ему (для ясности позволю себѣ сказать-примѣромъ) мало того чтобы почувствовать только черноземную силу въ Уварѣ Иванычѣ, — онъ хотѣлъ бы разгадать и въ самомъ себѣ поднять эту сиднемъ сидящую силу. Онъ не можетъ также, смахнувши слою фальшиваго идеализма, принять, какъ Гончаровъ, за слою настоящіе — столь же наносные, но гораздо болѣе грязные слою практичности и формализма; онъ не останавливается и на тѣхъ, повидимому прочныхъ, но въ сущности только загрубѣлыхъ слояхъ, на которыхъ твердою ногою стоитъ Писемскій; онъ такъ же мало способенъ симпатизировать положимъ хоть Задоръ-Мановскому или даже Павлу Бешметеву, какъ Ельчанинову и Бахтіарову, такъ же мало тетушкѣ ипохондрика Соломонидѣ, какъ и Дурнопечину... Съ идеалами же на воздухѣ, со всякимъ созиданіемъ сверху, а не снизу, съ тѣмъ что погубило нравственно и даже-физически самаго Гоголя, онъ способенъ помириться всего мевѣ... Онъ только роется въ глубь, добросовѣстно роется, руководимый своимъ необычайнымъ анализомъ, и еще нелорывшись, кончаетъ пантеистическою скорбію «Люцерна», — скорбію за жизнь и ея идеалы, отчаяніемъ за все сколько-нибудь искусственное и сдѣланное въ душѣ человѣческой, отчаяніемъ очевиднымъ въ «Трехъ смертяхъ», изъ которыхъ самою нормальною является смерть дуба, суровою покорностью судьбѣ, вещающей цвѣта человѣческихъ чувствъ въ «Семейномъ счастьѣ», и затѣмъ — апатією, безъ сомнѣнія временною и переходною.

Апатія ждала непременно на серединѣ такого глубоко-искренняго психическаго процесса, но что она не ковецъ его, — въ этомъ вѣроятно никто изъ вѣрующихъ въ силу таланта вообще и появившихъ силу таланта Толстого даже и не сомнѣвается. Недавно еще такое явленіе, какъ «Мертвый домъ», доказало намъ, что силы не умираютъ, не забиваются судьбою, а встаютъ могучѣ послѣ добромольной или принужденной инерціи.

Начала того отрицательнаго процесса, котораго Толстой является вмѣстѣ съ другими представителямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ временною жертвою, лежатъ не въ Гоголѣ, а въ Пушкинѣ. Гоголь вмѣстѣ съ другими, хотя и глубже всѣхъ другихъ доводилъ до извѣстныхъ граней задачи, указанныя Пушкинымъ.

Говоря о Толстомъ какъ объ одномъ изъ самыхъ значительныхъ представителей нашего отрицательнаго процесса, не ищишь нѣко-

того повторенія того, что уже нѣсколько разъ высказывалъ я о началѣ, объ исходной точкѣ этого процесса.

До сихъ поръ еще только въ цѣльной натурѣ Пушкина, въ ея борьбѣ съ различными тревожившими ее и пережитыми ею идеалами, заключается для насъ слово разгадки нашихъ стремленій.

Есть натуры, предназначенныя на то, чтобы намѣтить зарать грани процессовъ, набросать полныя и цѣльныя, хотя только очерками обозначенныя идеалы, и такая-то именно натура была у Пушкина. Пушкинъ все наше перечувствовалъ — отъ любви къ загнанной старинѣ до сочувствій къ реформѣ, отъ нашихъ страстныхъ увлеченій блестящими, эгоистически-обаятельными идеалами до смиреннаго служенія Савелья («Капитанская дочка»), отъ нашего разгула до нашей жажды самоуглубленія, жажды «матери пустыни», и только смерть помѣшала ему воплотить наши высшія стремленія, весь духъ кротости и любви въ просвѣтленномъ образѣ Тазита, смерть, которая почти всегда уноситъ преждевременно набрасывателей многообъемлющаго и многосодержащаго идеала, которая увесла напримѣръ Рафаэля и Моцарта. Ибо есть какой-то тайный законъ, по которому недолговѣчно все разметывающееся въ ширину и коренится какъ дубъ односторонняя глубина.

Я говорилъ уже неразъ, что за исключеніемъ совершенно новыхъ въ литературѣ нашей явленій, имѣющихъ только общенсторическую, преемственную связь съ Пушкинымъ, каковы со всѣми ихъ достоинствами и недостатками Кольцовъ, Островскій, Некрасовъ и Достоевскій, — въ нашей современной литературѣ вѣтъ ничего истинно-замѣчательнаго и правильнаго, что въ своемъ зародышѣ не находилось бы у Пушкина.

Такъ весь отрицательный процессъ нашъ, неисключая даже и самого Гоголя, по прямой линіи ведетъ свое начало отъ взгляда на жизнь Ивана Петровича Бѣлкина.

Многимъ господамъ, преимущественно привыкшимъ благоговѣть передъ пнемами и авторитетами, мысль эта, высказанная въ первый разъ, и высказанная притомъ ex abrupto, безъ надлежащей ясности, показалась чудовищно-парадоксальною. Но ко всякому чудовищу можно привыкнуть, тѣмъ болѣе что ни за славу Гоголя, ни за славу даже новыхъ литературныхъ корифеевъ нашихъ бояться нечего.

Типъ Ивана Петровича Бѣлкина былъ почти любимымъ типомъ поэта въ послѣднюю эпоху его дѣятельности. Какое же — спрошу я опять, но послѣ многихъ толковъ моихъ во «Время» спрошу настоятельнѣе — какое душевное состояніе выразилъ намъ поэтъ въ этомъ типѣ и каково его собственное душевное отношеніе къ

этому типу, влѣзая въ кожу котораго, принимая жизненные воззрѣнія котораго, онъ рассказываетъ намъ множество добродушныхъ исторій, на первый разъ даже неправящихся своимъ добродушіемъ и простотою, но въ сущности таящихъ въ себѣ задачи весьма глубокия?

Пробовали ли читатели въ лѣта своей зрѣлости перечестъ «повѣсти Бѣлкина», эти повѣсти, которыя въ лѣта пылкой молодости привели ихъ въ негодованіе за упадокъ таланта и силъ пѣвца Алеко и Пѣлника, повѣсти, изъ которыхъ нѣкоторыя казались имъ ужасно пустыми, какъ «Матель», а нѣкоторыя даже водевильными, какъ «Барышня-крестьянка». Они только въ первой изъ нихъ, въ «Сильвію», видѣли отраженіе пушкинскаго гевія, именно потому, что здѣсь остался слѣдъ борьбы съ мучительнымъ и тревожнымъ идеаломъ. Въ «Сильвію» дѣйствительно одинъ изъ ключей къ уразумѣнію нравственнаго процесса поэта. Но вѣдь въ другихъ-то простодушныхъ рассказахъ — если вы перечтете ихъ теперь, когда почти тридцать лѣтъ прошло съ перваго появленія ихъ на свѣтъ божій — вы найдете *en germe*, въ зернѣ, и простыя изображенія простой дѣйствительности, непонятно свѣжія до сихъ поръ еще, хотя и слѣданныя очерками (какъ «Гробовщикъ»), и симпатичность отношеній къ загнаннымъ, «униженнымъ и оскорбленнымъ» сантиментальнаго натурализма («Станціонный смотритель»), и... мало ли что вы въ нихъ найдете! Можетъ-быть вы даже съ «Барышней-крестьянкой» и съ «Мателью» помиритеcь?.. Вѣдь читаете же вы напрямѣръ съ удовольствіемъ — хоть въ «Очеркахъ прошлаго» г. А. Чужбинскаго изображеніе моншера Самограева, и признаете законность этого изображенія...

Но вѣдь въ кожѣ Бѣлкина, въ духѣ Бѣлкина, въ тонѣ Бѣлкина рассказаны еще намъ повтомъ такіе рассказы, какъ «Дубровскій», какъ семейная хроника Гриневыхъ, эта нимало нешотерявшая своей красоты и свѣжести родоначальница всѣхъ нашихъ «семейныхъ хроникъ».

Въ типѣ Бѣлкина, который такъ полюбился нашему поэту, выразились начала нашего отрицательнаго (въ отношеніи къ нашему напряженному развитію) процесса.

Чтоже такое этотъ пушкинскій Бѣлкинъ, — тотъ самый Бѣлкинъ, который проглядываетъ потомъ подъ другими формами въ повѣстяхъ Тургенева, — которому въ произведеніяхъ Писемскаго страшно хотѣлось взять верхъ надъ фальшиво-блестящимъ и фальшиво-страстнымъ типомъ, — которому съ излишкомъ, черезъ мѣру дается права Толстой, — котораго нѣсколько проницательно, но съ не-

вольною симпатією позторяетъ даже Лермонтовъ въ Максимъ Максимычъ?

Бѣлкинъ пушкинскій есть простой здравый толкъ и простое здоровое чувство, кроткое и смиренное, — толкъ вопіющій противъ всякой блестящей фальши, чувство возстающее законно на злоупотребленія нами нашей широкой способности понимать и чувствовать. Стало-быть въ сущности это начало только отрицательное, и право оно только какъ отрицательное, ибо предоставьте его самому себѣ — оно способно перейти въ застои, мертвящую лѣнь, хамство Фамусова и добродушное взяточничество Юсова.

Посмотрите на этотъ отрицательный типъ у самаго Пушкина вездѣ, гдѣ онъ у него самолично является, или гдѣ поэтъ повѣствуетъ въ его тонѣ, съ его взглядомъ на жизнь. Запуганный страшнымъ призракомъ Сильвіо, его мрачной сосредоточенностью въ одномъ дѣлѣ, въ одной мстительной мысли, онъ еще не сомнѣвается въ томъ, что Сильвіо *можетъ* существовать. Онъ знаетъ только, что онъ самъ вовсе не Сильвіо, и боится этого типа. «Нѣтъ ужъ — говоритъ онъ — лучше пойду я къ людямъ попроще!» и первый опускается въ простые, такъ-называемые низменные слои жизни...

Читатели помнятъ вѣроятно мѣсто въ отрывкахъ главы, невошедшей въ поэму Онѣгина и нѣкогда предназначавшейся поэтомъ на то, чтобы привести существованіе Онѣгина въ многообразныя столкновенія съ русской жизнью и почвою (какъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшія строфы), и привести эту праздную, тяготящуюся собою жизнь на разныя очныя ставки съ дѣятельною, сурово-хлопотливою, дѣйствительною жизнью. Эти отрывки, хотя они и отрывки, въ высшей степени знаменательны для уразумѣнія нашего отрицательнаго процесса.

Въ этихъ отрывочныхъ строфахъ Онѣгинъ является для насъ съ совершенно новой стороны, какъ личность, которой, несмотря на всю бурно-прожитую, тревожную жизнь, все-таки некуда дѣвать своихъ силъ, своего здоровья, своей жизненности.

Зачѣмъ, какъ тульскій вассалъ,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка...
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

И разумѣется, тоскою о томъ, что много еще силъ, много еще здоровья и крѣпости жизни долженъ былъ кончить Онѣгинъ,

какъ отраженіе извѣстнаго момента нашего нравственнаго процесса; но не тоскою только, а поворотомъ къ почвѣ кончаетъ живая, многообъемлющая натура самого поэта:

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы нестрѣй соръ!
Таковъ ли былъ я расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Взводилъ твой безконечный шумъ?

Эта выходка поэта — не столько негодованіе на прозаизмъ и мелочность окружающей его жизненной обстановки, сколько невольное сознаніе того, что этотъ прозаизмъ имѣетъ неотъемлемыя права надъ душою, что онъ въ душѣ остался какъ отсадокъ послѣ всего кипучаго броженія, послѣ всѣхъ напряженій и тщетныхъ попытокъ окаменѣть въ байроновскихъ формахъ. И тщета этой борьбы съ собственной душою, и негодованіе на то, что послѣ борьбы остался такой отсадокъ, негодованіе, подъ которымъ кроется уже любовь къ почвѣ — одинаково знаменательны:

Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ, — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли или намѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, водъ края жемчужны,
И моря шумъ и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны!..
Смирились вы, моей весвы
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшала...
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ стренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи,
Да прудъ подъ стѣною изъ густыхъ,
*Раздолье утокъ молодыхъ...
Теперь милый мнѣ балабайка,*

*Да пыльный топотъ трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеалъ теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.*

Поразительна эта простодушнѣйшая смѣсь ощущеній самыхъ разнородныхъ, — негодованія и желанія набросить на картину колорить самый сѣрый, съ невольной любовью къ картинѣ, съ чувствомъ ея особенной, самобытной красоты... Это чувство — наше родное, такъ-сказать наше типовое чувство... Оно только-что очнулось отъ тревожно-лихорадочнаго сна, только-что вырвалось изъ кипящаго страшнымъ броженіемъ омута. Оно оглядывается на божій свѣтъ, встряхиваетъ кудрями, чувствуетъ, что все вокругъ его тоже, такое же, какъ было до сна; чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и само оно то-же, такое же, какимъ было до борьбы съ призраками и юношески недовольно тѣмъ, что оно свѣжо и молодо послѣ всѣхъ схватокъ съ подводнымъ чудовищами...

Но кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло такіе сны, и образы сновъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя... Какъ же это оно такъ молодо, здорово, испытавши столько, и какъ же испытавши столько, оно опять видитъ передъ собою прежнюю обстановку? Вѣдь въ борьбѣ, хотя и призрачной, оно узнало само себя, узнало, что не только эту бѣдную и обыденную обстановку можетъ воспринять и усвоить, но и всякую другую, какъ бы эта другая ни была сложна, широка и великолѣпна. Пусть на первый разъ оно разъяснило себя въ чужой обстановкѣ, т. е. пусть на первый разъ мѣра силы познана въ примѣрѣ къ чужому, для нея призрачному — да сила-то ужъ сама себя знаетъ, и знаетъ кромѣ того, что ей мала, бѣдна и узка обыденная обстановка дѣйствительности.

А между тѣмъ и въ самомъ круженіи, въ самой борьбѣ съ призрачнымъ, чуждымъ міромъ, силы чувствовали минутные припадки непонятнаго влеченія къ этой самой, повидимому столь узкой и скудной обстановкѣ, къ своей собственной почвѣ.

Негодованіе силъ, извѣдавшихъ уже «доброе и злое», выразившись у Пушкина въ вышеприведенныхъ строфахъ, еще сильнѣй сказалось въ стихотвореніи, которое самъ онъ назвалъ «Капризомъ»:

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый и проч,
 но не осталось только негодованіемъ, а перешло въ серьезную

думу мужа о своихъ отношеніяхъ къ міру призрачному и къ міру дѣйствительному...

Въ тѣ дни, когда муза, по словамъ его, услаждала ему

пути нѣмой
Волшебствомъ тайнаго расказа,

когда... Но пусть лучше говоритъ онъ самъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой при лунѣ
Со мной скакала на конѣ...
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный попотъ Нериды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ, —

въ эти дни молодого и кипучаго вдохновенія великая натура мѣняла свои силы со всѣмъ великимъ, что уже она встрѣчала дан-нымъ и готовымъ, подвергаясь равномѣрно вліянію и свѣтлыхъ и темныхъ его сторонъ...

Оказалось, что на «вся добрая и злая» у нея есть удивительная воспріимчивость и отзывчивость; что притомъ эта воспріимчивость и эта отзывчивость не могутъ остановиться на среднемъ пути, а ведутъ всякое сочувствіе до крайнихъ его предѣловъ, и что наконецъ натура все-таки не можетъ перестать любить своего типоваго, не можетъ не стремиться къ нему, не можетъ забыть своей почвы. Это стремленіе скажется то радостью «замѣтить разность» между Онѣгинымъ и собою, то мечтою о поэмѣ «пѣсенъ въ двадцать пять», въ которой, какъ говоритъ поэтъ:

Не муки тайныя злодѣйства
Тогда я въ ней изображу,
А просто вамъ перескажу
Преданье русскаго семейства;

въ которой мечтаетъ онъ пересказать

простыя рѣчи
Отца или дяди старика,
Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка...

Мало ли чѣмъ наконецъ скажется это стремленіе къ почвѣ!..

Записываніемъ сказокъ старой няни или анекдотовъ о старинѣ, гордостью родовыхъ преданій — въ противоположность бюрократическому чванству, совѣтомъ учиться русскому языку у московскихъ просвирень...

И вотъ, когда поэтъ въ эпоху зрѣлости самосознанія привелъ для самого себя въ очевидность все это повидимому совершенно противоположныя стремленія собственной своей натуры, то прежде всего и паче всего правдивый и искренній, онъ умалилъ, принизилъ самого себя, когда-то «Шѣвника», у котораго

на челѣ его высокою
Не измѣнилось ничего,

когда-то «Алеко», который говорить про себя:

Я не таковъ... нѣтъ! я неспоря
Отъ правъ своихъ не откажусь и проч.

до смиреннаго образа Ивана Петровича Бѣлкина...

Въ этомъ типѣ узаконилось — но только на время, только отрицательно, какъ критическій отсадокъ — стремленіе къ почвѣ, поворотъ къ ея требованіямъ. Въ этотъ образъ пошла далеко не вся великая личность поэта, ибо Пушкинъ вовсе не думалъ отречься отъ прежнихъ своихъ сочувствій или считать ихъ противозаконными, какъ это иногда готовы дѣлать мы въ порывахъ усердія къ почвѣ. Да и трудно конечно представить себѣ дѣйствительно Ивановъ Петровичемъ Бѣлкинымъ натуру, которая и прежде мѣрялась, да и потомъ не переставала мѣряться своими силами съ самыми могучими типами, ибо въ тоже самое время геній поэта проникалъ въ мрачно-сосредоточенную душу Сальери и въ вѣчно-жаждущую жизни натуру Донъ-Жуана, стало-быть вовсе не замыкался исключительно въ существованіе Бѣлкина.

Бѣлкинъ для Пушкина вовсе не герой его, а больше ничего какъ критическая сторона души. Мы были бы народъ весьма нецедро надѣленный природою, еслибы героями нашими были пушкинскій Бѣлкинъ, лермонтовскій Максимъ Максимычъ и даже честный казакскій капитанъ въ «Рубкѣ лѣса» Толстого. Значеніе всѣхъ этихъ лицъ въ томъ, что они — критическіе контрасты блестящаго и такъ-сказать хищнаго типа, котораго величіе оказалось на нашу душевную мѣрку несостоятельнымъ, а блескъ фальшивымъ. Значеніе ихъ кромѣ того въ протестъ, — протестъ всего смиреннаго, загнаннаго, но между тѣмъ основаннаго на почвѣ въ нашей природѣ — противъ гордыхъ и страстныхъ до необузданности началъ, противъ широкаго размаха силъ, оторвавшихся отъ связи съ почвою.

Придать этой сторонѣ души нашей значеніе исключительное, героическое, значить впасть въ другую крайность, ведущую къ застою и загни. Максимъ Максимычъ и капитанъ Толстого конечно люди очень честные и безъ всякой похвалы храбрые; они висколько не рисуются, висколько не натягиваютъ своей простой природы на сильныя страсти и глубокія страданія, — но вѣдь согласитесь, что съ ними немислима никакая исторія. Изъ нихъ не выйдутъ конечно Стеньки Разины, да зато не выйдутъ и Мяншины. Увы! на однихъ добрыхъ и смирныхъ людяхъ, умѣй они даже и умирать такъ, какъ умираетъ солдатъ Веленчукъ у Толстого, будь они благодушны до пантеистической любви ко всей твари, какъ старикъ Агафонъ у Островскаго, — далеко не уѣдешь. Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна.

Глубоко повималъ это гениальнымъ чутьемъ своимъ Пушкинъ, в потому до сихъ поръ даже, послѣ Максима Максимыча, къ которому самъ Лермонтовъ относится впрочемъ съ иронією, послѣ одноворца Савелья Писемскаго, послѣ капитана Храброва Толстого — его Бѣлкинъ все-таки единственно правильное узаконеніе критической стороны нашей души...

Съ тою жизнью попроще, въ которую спускается онъ, ошеломленный страшнымъ призракъ Сильвію, онъ вѣдь тоже разобщенъ кой-какимъ образованіемъ — ну хоть писемвникомъ Курганова, а главное, онъ уже смотреть на нее съ высоты кой-какого образованія.

Комизмъ положенія человека, который считаетъ себя *обязаннымъ* по своему кой-какому образованію смотреть какъ на что-то ему чужое — на то, съ чѣмъ у него несравненно болѣе общаго, чѣмъ съ приобретенными кой-какъ верхушками образованности — является необыкновенно ярко въ Бѣлкинѣ, какъ авторъ «Лѣтописи села Горохина». Эта лѣтопись — тончайшая и вмѣстѣ добродушнѣйше-поэтическая насмѣшка надъ цѣлою, вѣковой полосю нашего развитія, надъ всею нашею поверхностною образованностью бывалыхъ временъ, сообщавшей намъ взглядъ совершенно неприложимый къ явленіямъ окружающей и доселѣ насъ окружающей дѣйствительности... Въ этомъ наивномъ лѣтописцѣ села Горохина лукаво притаились есѣ наши бывалые взгляды на нашь бытъ и нашу старину, выразившіеся то стихами вродѣ:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе черезъ Донъ отыскивать свободы...

то карамзинскими фразами, какъ на примѣръ: «Ярославъ пріѣхалъ

господствовать надъ трупами» или: «отселѣ исторія наша приѣмлетъ достоинство истинно государственной» и проч. и проч.

Но вѣдь мало того, что въ этомъ легкомъ очеркѣ, въ этихъ немногихъ геніальныхъ страницахъ бездна лукавой и безпощадной ироніи: въ нихъ есть нѣчто высшее ироніи. Откуда въ немъ, въ этомъ Бѣлкинѣ, который считаетъ своею *обязанностью* писать съ важностью классическихкихъ историковъ о странѣ, именуемой Горохинымъ, и *живописуетъ* вычурнымъ слогомъ нравы ея обитателей, — откуда въ немъ такое удивительное знаніе этихъ нравовъ и такое любовное и вмѣстѣ совершенно-правильное къ нимъ отношеніе?

Типъ простого и смирнаго человѣка, впервые художественно выдвинутый на сцену Пушкинымъ въ лицѣ его Бѣлкина, съ тѣхъ поръ подъ различными формами является въ нашей литературѣ: то въ лицѣ простого, тоже смирнаго, но храбраго и честнаго, хотя вѣсколько ограниченнаго по натурѣ человѣка, каковъ Максимъ Максимычъ Лермонтова; то въ лицѣ загнаннаго судьбою человѣка, который постоянно спасуетъ передъ хищнымъ и блестящимъ типомъ — у Тургенева; то въ лицѣ простого же, но страстнаго человѣка, надѣленнаго силой, но неразвитой природою, который тоже пасуетъ въ жизни передъ внѣшне-блестящимъ, но внутренно-пустымъ типомъ — у Писемскаго; то въ лицѣ человѣка наконецъ, котораго глубокий анализъ довелъ до сознанія исключительной законности типа простого человѣка предъ блестящимъ, но постоянно поднимающимся на моральныя ходули типомъ, до невѣрія даже въ возможность реального бытія такого ходульнаго типа — какъ у Толстого. Пушкина Бѣлкинъ еще вѣритъ въ существованіе мрачнаго, сосредоточеннаго Сильвіо; Лермонтовъ еще только иронически сочувствуетъ своему Максиму Максимычу и къ сожалѣнію еще вѣритъ въ своего Нечорина; Тургеневъ, сочувствуя глубоко и болѣзненно своему загнанному человѣку, не только вѣритъ въ блестящіе и страстные типы, но и самъ ими увлекается; Писемскій явно негодуетъ на торжество фальшиво-блестящаго надъ простымъ и безыскусственнымъ. Толстой анализируетъ, и анализомъ доходитъ до положительнаго невѣрія во всякое сколько-нибудь *приподнятое* чувство. Между тѣмъ его невѣріе — не прозаизмъ, нѣскольکو грубоватый, Писемскаго, и съ другой стороны не та искусственная практичность, которая заставляетъ Гончарова предпочесть Штольца романтику Обломову. Невѣріе Толстого — результатъ глубокаго анализа, часто доходящаго до крайностей,

часто разбивающаго свои собственныя основы, но влкогода почта неувлекающагося извѣстными сочувствіями и антипатіями.

Прежде чѣмъ разъяснить значеніе анализа Толстого, я долженъ предупредить вопросъ о томъ, почему, исчисляя различныя отношенія нашихъ писателей къ двумъ типамъ, я не сказалъ ни слова о ярко-замѣчательномъ отношеніи къ нимъ Островскаго и Ф. Достоевскаго? То и другое отношеніе, какъ это будетъ объяснено въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, совершенно оригинально. Въ идеалахъ чуждой намъ жизни искали Пушкинъ и Тургеневъ блестящихъ типовъ; въ глубинѣ народной жизни ищутъ какъ Островскій, такъ и Достоевскій, — и широкихъ типовъ, какъ напримѣръ типъ Петра Ильича и многія изъ лицъ «Мертваго дома», такъ равно и смиренныхъ. Смирные ихъ типы нельзя назвать въ противоположность типамъ широкимъ простыми, потомучто и широкіе ихъ типы взяты изъ народной жизни.

Сдѣлавши эту необходимую оговорку, возвращаюсь къ Толстому и значенію его анализа.

Анализъ Толстого дошелъ до глубочайшаго невѣрія во всѣ «приподнятыя», «необыденныя» чувства души человѣческой. Въ этомъ его высокое значеніе, въ этомъ же и его односторонность. Анализъ разбилъ готовыя, сложившіяся, *отчасти* чужіе намъ идеалы, силы, страсти, энергіи. Въ русской жизни онъ, какъ и всѣ видятъ — только отрицательный типъ простого и смирнаго человѣка — и привязался къ нему всей душою. Вездѣ слѣдитъ онъ идеалъ простоты душевныхъ движеній: въ горести няни (въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ») о смерти матери героя, — горести, противопоставляемой имъ нѣсколько эффектной, хотя и глубокой скорби старой графини; въ смерти солдата Веленчука, въ честной и простой храбрости капитана Храброва, явно превосходящей въ его глазахъ несомнѣнную же, но крайне эффектную храбрость одного изъ кавказскихъ героев à la Мэрлинскій; въ покорной смерти простого человѣка, противопоставленной смерти страдающей, но капризно страдающей барыни... Но впервыхъ, несмотря на всю свою глубокую искренность, можетъ-быть именно вслѣдствіе задачи, поставленной въ искренности анализа, Толстой иногда и пересаливаетъ въ своей строгости къ «приподнятымъ» чувствамъ. Не многіе напримѣръ будутъ съ нимъ согласны насчетъ большей глубины горя няни передъ горемъ старухи-графини. Вторыхъ, этотъ анализъ, дошедшій до любви къ смиренному типу преимущественно по невѣрію въ блестящій и хищный типъ, въ концѣ концовъ, неопираясь на почву, дающую оба типа, ведетъ къ какому-то пантеистическому отчаянію, очевидному въ «Люцернѣ», «Альбертѣ» и выразившемуся еще прежде въ

«Запискахъ маркера». Встрѣтыхъ наконецъ этотъ анализъ обращается въ какой-то безсодержательный, въ анализъ анализа, своею безсодержательностью приводящій къ скептицизму и къ подрыву всякихъ душевныхъ чувствъ. Ключъ къ концамъ этого анализа — это смерть дуба въ «Трехъ смертяхъ», смерть, поставленная сознаниемъ выше смерти нетолько развитой барыни, но и выше смерти простого человѣка. Въдъ отсюда одна шагъ къ нигилизму.

Правъ этотъ анализъ собственно только въ казни, безпощадно совершаемой имъ надъ всѣмъ фальшивымъ, чисто сабланнымъ въ ощущеніяхъ современнаго человѣка, которыя Лермонтовъ суевѣрно обоготворилъ въ своемъ Печоринѣ. А правъ онъ вотъ почему.

Въ стремленіи къ идеалу или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося ожидаютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственного несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямое отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку непріятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; задача здѣсь заключается преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, безпощадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ — уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное, именно — преувеличить свои слабости до той степени, на которой онѣ получаютъ извѣстную значимость и пожалуй даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка, величавость и обаятельность зла. Мысль эта станетъ совершенно понятна, если я напомнимъ обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ — не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура, — но Печорина и Ловласа: психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ какъ

Британской музы небыллицы .

Тревожатъ сонъ отроковицы...

Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою — наше трагическое возрѣаніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ гоголевскимъ Собачкинымъ, скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринымъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужъ если на то пошло, Грушниц-

книжъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потомучто Грушницкій хоть умираетъ эффектно! Сколько лягушекъ падуваются по этому случаю въ волость въ насъ самихъ и вокругъ насъ! сколько людей *желаютъ* показаться себѣ и другимъ *преступными*, когда они сдѣлали только *пошлость*! сколько гаденькихъ чувственныхъ попользовеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху «удалиться подъ сѣнь струй!» Меричъ, въ «Бѣдной невѣстѣ» самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ «возмутилъ міръ ея невинной души!» Тамаринъ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость вмѣсто прямого поворота предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсилую страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуты презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности.

Вотъ въ казии этого-то психическаго изворота и правъ вполне анализъ Толстого, правѣ чѣмъ анализъ Тургенева, иногда и даже верѣдко каждаій нашимъ фальшивымъ сторонамъ, и съ другой стороны — правѣ чѣмъ анализъ Гончарова, ибо казнить во имя глубокой любви къ правдѣ и искренности ощущеній, а не во имя узкой, бюрократической практичности; правѣ и анализа Писемскаго, ибо онъ знаетъ глубоко, знаетъ какъ Лермонтовъ современнаго чело-вѣка, Писемскій же рисуетъ его болѣе по наслышкѣ и по наглядкѣ и потому часто не достигаетъ своей цѣли, утрируя его иногда до карикатурности.

Неправъ же анализъ Толстого не только по вышеизложеннымъ причинамъ и не только потому, что не опирается на народную почву, но еще и потому, что не придаетъ значенія блестящему *дѣйствительно* и страстному *дѣйствительно* и хищному *дѣйствительно* типу, который и въ природѣ и въ исторіи имѣетъ свое оправданіе, т. е. оправданіе своей возможности и реальности.

Не только мы были бы народъ весьма щедро одаренный природою, еслибы мы видѣли свои идеалы въ однихъ смиренныхъ типахъ — будь это Максимъ Максимычъ или капитанъ Храбровъ, даже и смиренные типы Островскаго, — но пережитые нами съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ типы — чужіе намъ только отчасти, только можетъ-быть по своимъ формамъ и по своему такъ-сказать доску. Пережиты они нами потому собственно, что къ воспринятію

ихъ наша природа столь же способна, какъ и всякая европейская. Неговоря уже о томъ, что у насъ въ исторіи были хищные типы и неговоря о томъ, что Стеньку Разина изъ міра эпическихъ сказаній народа не выживешь, — вѣтъ, самые въ чуждой намъ жизни сложившіеся типы не чужды намъ и у нашихъ поэтовъ облакались въ своеобразныя формы. Вѣдь тургеневскій Василій Лачиновъ — XVIII вѣкъ, но русскій XVIII вѣкъ, а ужь его напимѣръ страстный и беззаботно-прожигающій жизнь Веретьевъ — и подавно.

Стремленіе Пушкина къ блестящимъ, хотя повидимому чуждымъ намъ идеаламъ имѣетъ глубокія причины въ свойствахъ самой русской природы. Потому-то, влѣзая въ кожу Бѣлкина, онъ все-таки не переставалъ быть ни Алеко, ни Донъ-Жуаномъ, хотя Толстой едвали повѣритъ напимѣръ жаждѣ ищенія, выражающейся въ извѣстной тирадѣ Алеко:

Я не таковъ... вѣтъ! я неспоря
Отъ правъ моихъ не откажусь и проч.

И Толстой будетъ правъ, какъ правъ и Писемскій, карикатурно-зло, но вѣрно изображая Батманова и Хазарова, «драпирующагося плащемъ Ромео», но правъ только по отношенію къ народнѣмъ типъ страстнаго и сильнаго духомъ человѣка, а не по отношенію къ самому типу. Тѣмъ менѣе правы они будутъ, если русской натурѣ припишутъ только одинъ идеалъ «смирнаго» человѣка.

Въ русской натурѣ вообще заключается едвали не одинаковое, едвали не равномѣрное богатство силъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ.

Нешадно смѣясь надъ всѣмъ, что несообразно съ нашей душевной мѣрой, хотя бы безобразіе несообразности, чудовищное или комическое, явилось даже въ томъ, что мы любимъ и уважаемъ — мы ведемъ всякое отрицаніе жи до его крайнихъ предѣловъ, ни передъ чѣмъ неостанавливаясь и ничѣмъ несмущаясь. Этимъ мы отличаемся отъ другихъ народовъ, въ особенности отъ нѣмцевъ, совершенно неспособныхъ къ комизму и весьма непослѣдовательныхъ въ своемъ хотя и смѣломъ отрицаніи, въ принципахъ. Сомнѣнія вѣтъ, что посмѣявшись надъ филистерствомъ какого-либо знаменитаго ученаго, вы впадаете въ глазахъ нѣмца въ *crimen læsæ majestatis*; и извѣстно вамъ также, что великій учитель, подорвавшій своимъ змѣеобразнымъ положеніемъ всякія формы, остановился въ умилевіи передъ формами прусскаго государства — и это все не изъ политическаго благоразумія, а просто потому, что былъ нѣмецъ.

Съ другой стороны мы столь же мало способны къ строгой, од-

вообразной чинности, кладущей на все уровень внѣшняго порядка и составной цѣльности; съ утопіями формализма, каковы бы онѣ ни были — утопія ли бюрократовъ, или утопія фурьеристовъ, казарма или фаланстера — мы не миримся.

Любя праздники и нерѣдко цѣлую жизнь прожигая въ празднопатательствѣ и круженіи, мы не можемъ мѣшать дѣлу съ бездѣльемъ и дѣлая дѣло, сластоугодно наслаждаться мыслью о приготовленіи себѣ посредствомъ его извѣстной порціи законнаго бездѣлья. Этимъ мы опять-таки въ значительной степени разнимся отъ вѣмцевъ. Мы можемъ ничего не дѣлать, но не можемъ на дѣло смотрѣть какъ на prolegomena къ взору. Одинъ изъ типическихъ героев нашихъ, Чацкій говоритъ правду:

Когда дѣла — я отъ веселій прячусь,

Когда дурачиться — дурачусь...

А смѣшивать два эти ремесла

Есть тѣмъ охотниковъ, — я не пзъ ихъ числа.

Съ другой стороны мы не можемъ помириться съ вѣчной суетней и толкотней общественно-будничной жизни, не можемъ среди ея заглушить въ себѣ тревожнаго голоса своихъ высшихъ духовныхъ интересовъ, но зато, скоро уставая бороться во имя ихъ съ будничною дѣйствительностью, впадаемъ нерѣдко въ хандру.

Таковы нѣкоторыя, довольно неоспоримыя кажется черты нашей — скажемъ безъ ложнаго смиренія — богатой стихійной природы, черты свидѣтельствующія о ея тревожныхъ, порывающихъ въ широкую даль началахъ. О нашихъ качествахъ смиренія, непамятозлобія и проч. я не говорю. Они давно признаны всѣми, хотя безъ всякой мѣры, до пересолу славянофилами, невидящими комической стороны нашего смиренія въ смиреніи Фамусова и таковой же стороны нашего непамятозлобія въ дешовыхъ примиреніяхъ «передъ порогомъ кабака». На этихъ однихъ, хотя и дѣйствительно прекрасныхъ качествахъ мы бы далеко не уѣхали. И такъ они немало намъ повредили своимъ одностороннимъ преобладаніемъ. Доселѣ еще мы можемъ любоваться ихъ одностороннимъ преобладаніемъ въ мірѣ драмъ Островскаго — въ покорности домочадцевъ передъ Китомъ Кытычемъ, въ ёрническомъ раболѣпніи передъ Самсономъ Силычемъ Лазаря Полхакузница, въ дешовомъ непамятозлобіи, основанномъ на сознаніи общественной безправственности, Антипа Антипыча и того, кого онъ «помазалъ» насчетъ товара.

Да будетъ далека отъ читателя мысль, чтобы я смѣялся надъ этими сами по себѣ святыми началами, чтобы напримѣръ весь міръ, изображаемый Островскимъ, этотъ міръ коренной и отчасти

застывшій безъ развитія въ своихъ коренныхъ началахъ, но зато сохранившій упорно свои самостоятельныя начала, — чтобы этотъ міръ, за поклоненіе которому я подвергаюсь постояннымъ укорамъ достопочтенныхъ «Отечественныхъ Записокъ», я считалъ «темнымъ царствомъ» весь, всецѣло — съ его величавыми патріархами, каковы Русаковъ, несмотря на его нѣкоторое резонерство, и отецъ Петра Ильича, несмотря на его раскольническую жестокость; съ его широкими и вмѣстѣ благодушными личностями вроде Бородинки и Кабанова, который душою выше своего положенія; съ его женщинами — отъ Любови Гордѣевны до страстнаго типа Катерины и идеально-религіознаго типа Марфы Борисовны, благодушной и свѣтлой до того, что она готова лгать при всей чистотѣ своей, чтобы только не обидѣть «хорошаго человѣка»; съ его наконецъ мужами энергіи и борьбы — отъ падшей, но великой природы Любима Торцова, незнающей куда дѣвать свою силу, природы Петра Ильича до мужа-борца, доходящаго до религіозныхъ экстазовъ, но практически и вмѣстѣ героически кабалящаго народъ ради земскаго дѣла. Нѣтъ, это слишкомъ многообразный, какъ жизнь вообще, и свѣтлый и темный вмѣстѣ міръ. Но въ немъ не одни же наши смиренныя свойства развиваются, и въ немъ же очевидны печальныя послѣдствія односторонняго развитія этихъ свойствъ.

Въ немъ есть и другія порывающія, тревожныя свойства, — что, какъ уже замѣчено, составляетъ богатство нашей природы.

Пока эта природа съ ея богатыми стихійными началами и съ безопаснымъ здравымъ смысломъ живетъ еще сама въ себѣ, т. е. живетъ безсознательно, безъ столкновенія съ другими живыми организмами, какъ-то было до петровской реформы, — она еще спокойно вѣрится въ свою стихійную жизнь, еще не разлагаетъ своихъ стихійныхъ началъ. Сложившійся типъ еще крѣпокъ. Еще онъ всецѣло поддерживается «Домостроемъ» пона Сильвестра». Вы нисколько не возмутитесь тѣмъ, что наприимѣръ посланникъ Алексѣя Михайловича во Франціи, Потемкинъ, оскорбленный откупщикомъ «маршалка де-Граммона», хотѣвшаго взять пошлину съ окладовъ св. иконъ, ругаетъ его: «врагомъ креста Христова и сомъ несытымъ» и знать не хочетъ, что откупщикъ просто-напросто дѣйствуетъ на основаніи *своихъ* правъ. Вы не возмущаетесь и тѣмъ, что въ другую, еще только вѣшне-породнившуюся съ развитіемъ эпоху, Денпсу Фоввизину въ варшавскомъ театрѣ звуки польскаго языка кажутся *подлыми*, и скорѣе восхищаетесь злой оригинальностью его замѣчавія вроде того, что «разсудка Французъ не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее несчастіе». Все эти черты стараго,

крѣпкаго, еще мало возмущеннаго въ коренныхъ своихъ основахъ типа вамъ нетолько понятны, но даже и любезны...

И вдругъ этотъ вѣками сложенный типъ, эта богатая, но еще нетронутая стихійная природа поставлена — и поставлена уже не случайно, не на время, а навсегда—въ столкновение съ иною, дотошъ чуждою ей жизнью, съ иными, столь же крѣпко, но роскошно и полно сложившимися идеалами. Пусть на первый разъ она какъ Фонвизинъ отнеслась къ этимъ чуждымъ ей типамъ, только критически... Неминуемо долженъ совершиться другой процессъ.

Тронутая съ мѣста стихійная начала встають какъ морскія волны, поднятыя бурей; начинается страшная ломка, выворачивается вся внутренняя, бездонная пропасть.

Оказывается—какъ только разложился старый, исключительный типъ, — что у насъ есть сочувствіе ко всѣмъ идеаламъ, т. е. существуютъ стихіи для созданія многообразныхъ идеаловъ. Сущность наша — типовая мѣра, душевная единица разложилась, и на первый разъ дѣйствуютъ только многообразныя силы страшныя, дикія, необузданныя. Каждая изъ этихъ силъ хочетъ сдѣлаться центромъ души, и пожалуй могла бы, еслибъ не было другой, третьей, многихъ, равно просящихъ работы, равно зидительныхъ и пожалуй равно разрушительныхъ, и еслибы кромѣ того въ ней самой, въ этой силѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не заключалась равномѣрная отрицательная сторона, неумолимо указывающая на всѣ неправильныя, чудовищныя или смѣшныя уклоненія, противныя типовой душевной мѣрѣ, — мѣрѣ, которая все-таки лежитъ на днѣ бурнаго процесса.

Способность силъ доходить до крайнихъ предѣловъ, соединенная съ типовой, болѣзненно-критическою отрыжкою, порождаетъ состояніе страшной борьбы. Въ этой борьбѣ неминуемо закруживаются натуры могущественныя, но не гармоническія. Такая борьба — періодъ нашего русскаго романтизма...

Наши великіе умы, бывшіе доселѣ, рѣшительно представляются съ этой точки могучими заклинателями страшныхъ силъ, пробующими во всѣхъ направленіяхъ служебную дѣятельность стихій, но забывающими порою, что нельзя совершенно выпустить на свободу эти грозныя порожденія бездны. Стоитъ только стихіи вырваться изъ центра на периферію, чтобы по общему закону организмовъ она стала обособляться, сосредоточиваться около собственнаго центра и наконецъ получила цѣльное, реальное бытіе.

И тогда горе заклинателю, который выпустилъ ее изъ центра, и это горе неминуемо ждетъ всякаго заклинателя, поскольку онъ человекъ... Пушкина скосила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко;

Лермонтова — тотъ страшный образъ, который сіялъ предъ нами «какъ царь вѣмой и горлый» и отъ мрачной красоты котораго самому ему «было страшно и душа тоскою сжималась»; Кольцова — та раздражительная и начинавшая во всемъ сомнѣваться стихія, которую тщетно заклиналъ онъ своими «думами». А сколько могучихъ, но не гармоническихъ личностей закруживали стихійныя начала: Милонова, Кострова — въ прошломъ вѣкѣ, Полежаева, Мочалова — на нашей памяти.

Да не скажутъ, чтобы я здѣсь игралъ словами. Стихійное новсе не то, что *личность*. Личность пушкинская не Алеко и вмѣстѣ съ тѣмъ не Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, отъ лица котораго онъ любилъ рассказывать свои повѣсти: личность пушкинская — самъ Пушкинъ, заклинатель и властелинъ многообразныхъ стихій, какъ личность лермонтовская не Арбенинъ и Печоринъ, а самъ онъ,

Еще невѣдомый избранникъ

и можетъ-быть, по словамъ Гоголя, «будущій великій живописецъ русскаго быта». Прасоль Кольцовъ, умѣвшій ловко вести свои торговля дѣла, спасъ бы намъ на долго жизнь великаго лирика Кольцова, еслибъ не пожрала его, вырвавшись за предѣлы, та раздражающаяся дѣйствительностью, невольная, слишкомъ впечатлительная сила, которую не всегда заклиналъ онъ своей возвышенной и трогательной молитвою.

О, гори лампада
Ярче предъ распятымъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!..

Въ Пушкинѣ преимуществу, какъ въ первомъ цѣльномъ очеркѣ русской природы, — очеркѣ, въ которомъ обозначились и объемъ и границы ея сочувствій, — отразилась эта борьба, высказался этотъ моментъ нашей духовной жизни, хотя великій мужъ былъ и не рабомъ, а властелиномъ и заклинателемъ этого страшнаго момента.

Поучительна въ высокой степени исторія душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами, — борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ. Ибо что на примѣръ общаго между Онѣгинимъ и Чайльдъ-Гарольдомъ Байрона? что общаго между пушкинскимъ и байроновскимъ или мольтеровскимъ французскимъ или наконецъ испанскимъ Донъ-Жуаномъ?.. Это типы совершенно различныя, ибо Пушкинъ, по словамъ Бѣлявскаго, былъ *представителемъ міра русскаго, целостства русскаго*. Мрачный сплинъ и язвительный скептицизмъ

Чайльд-Гарольда замѣнился въ лицѣ Онѣгина хандрою отъ праздности, тоскою человѣка, который внутри себя гораздо проще, лучше и добрѣе своихъ идеаловъ, который надѣленъ критическою способностью здороваго русскаго смысла, т. е. прирожденною, а не приобрѣтенною критическою способностью, который — критикъ, потому что даровитъ, а не потому что озлобленъ, хотя самъ и хочетъ искать причинъ своего критическаго настроива въ озлобленіи, в которому таже критическая способность можетъ, того и гляди, указать средство выйти изъ ложнаго и напряженнаго положенія на ровную дорогу.

Съ другой стороны Донъ-Жуанъ южныхъ легендъ — это сладострастное кипѣніе крови, соединенное съ демонски-скептическимъ началомъ, на которое намекаетъ великое созданіе Мольера и которымъ до оцѣненія восторгается нѣмецъ Гофманъ. Эти свойства обращаются въ созданіи Пушкина въ какую-то безпечную, юную, безграничную жажду наслажденія, въ сознательное даровитое чувство красоты, въ способность «по узенькой пяткѣ» дорисовать весь образъ женщины, способность находить «странную пріятность» въ потухшемъ взорѣ и помертвѣлыхъ глазкахъ черноокой Инесы: типъ создается однимъ словомъ изъ южной, даже африканской страстности, но смягченной русскимъ тонко-критическимъ чувствомъ, — изъ чисто русской удачи, безпечности, какой-то дерзкой шутки прожигаемой жизнью, какой-то безусталой гоньбы за впечатлѣніями, такъ что чуть впечатлѣніе принято душою — душа уже далеко, и только «на снѣговой порошѣ» остался слѣдъ «ве зайки, не горностайки», а Чуриль Пleshковича, этого Донъ-Жуана мифическихъ временъ, порожденія нашей народной фантазіи.

Эта поучительная для насъ борьба — и въ геніально-юношескомъ лепетѣ Кавказскаго плѣвника, и въ Алеко, и Гиретъ (недаромъ же печальной памяти «Маякъ» объявлялъ героевъ Пушкина уголовными преступниками!), и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ, лихорадочномъ и виѣстѣ сухомъ тонѣ «Пиковой дамы», и въ отношеніяхъ Ивана Петровича Бѣлкина къ мрачному Сильвіо въ повѣсти «Выстрѣлъ». На каждой изъ этихъ ступеней борьба стоить подробнѣйшаго изученія... Но что вездѣ особенно поразительно, такъ это постоянная неослѣдовательность живой и самобытной души, ея упорная непокорность усвоемому ей типу, при постоянной послѣдовательности умственной, послѣдовательности пониманія и усвоенія типа. Ясно видно, что въ типѣ есть для этой души что-то неотразимо-влекущее и есть виѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, чему она постоянно измѣняетъ, что стало-быть рѣшительно не по ней.

Кружась въ водоворотѣ этого омута, наше сознаніе видѣло та-

кіе сны, и образы этихъ сновъ такъ ясно въ немъ отпечатлѣлись, что въ призрачной борьбѣ съ ними, или лучше-сказать мѣряясь съ ними, оно ощутило въ себѣ силы необъятныя, силы на созданіе самобытныхъ идеаловъ. Какимъ же образомъ, извѣдавши «добрая и злая», можетъ оно остаться при однихъ чисто-отрицательныхъ типахъ?

Вопросъ объ отношеніи нашихъ писателей къ двумъ типамъ — вопросъ очень важный. Толстой представляетъ крайнюю грань односторонняго отношенія, грань замѣчательную не только по своей односторонности, но и потому еще, что любовь къ отрицательному смирному типу родилась у нашего автора не непосредственно, какъ у писателей народной эпохи литература, а вслѣдствіе глубокаго анализа.

Душевный процессъ, который раскрывается намъ въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» и первой половинѣ «Юности» — процессъ необыкновенно оригинальный. Герой этихъ замѣчательныхъ психологическихъ этюдовъ родился и воспитался въ средѣ общества, столь искусственно сложившейся, столь исключительной, что она въ сущности не имѣетъ реального бытія, въ сферѣ такъ-называемой аристократической, въ сферѣ высшаго свѣта. Неудивительно, что эта сфера образовала Печорина — самый крупный свой фактъ — и нѣсколько болѣе мелкихъ явленій, каковы герои разныхъ великосвѣтскихъ повѣстей. Удивительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменательно то, что изъ нея, этой узкой сферы, выходитъ, т. е. отрѣшается отъ нея посредствомъ анализа герой рассказовъ Толстого. Въдѣ не вышелъ же изъ нея, несмотря на весь свой умъ, Печоринъ; не вышли же изъ нея герои графа Соллогуба и г-жи Евгеніи Туръ!.. А съ другой стороны становится понятнымъ, когда читаешь этюды Толстого, какимъ образомъ, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила въ себѣ живую струю народной, широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать и временами даже съ нею отождествляться.

Но натура Пушкина была натура по преимуществу снѣтетическая, оларенная непосредственностью пониманія и цѣлостностью захвата. Ни въ какую крайность, ни въ какую односторонность не впадалъ онъ. Равно удивителенъ онъ и въ тонѣ Бѣлкина, и въ тонѣ своихъ поэмъ, и въ сухомъ свѣтскомъ тонѣ «Пиковой дамы».

Натура же героя «Дѣтства, Отрочества и Юности» по преимуществу аналитическая. Анализъ развивается въ немъ равно и подкапывается глубоко подъ основы всего того условнаго, чѣмъ онъ

окружонъ, того условнаго, что въ немъ самомъ. Доходя до явленій ему неподдающихся, онъ передъ ними останавливается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ высокой степени замѣчательны главы о вѣнѣ, о любви Маши къ Василью и въ особенности глава о юрдовомъ, въ которой сталкивается онъ съ явленіемъ, которое и въ самой народной простой жизни составляетъ нѣчто рѣдкое, исключительное, эксцентрическое. Всѣ эти явленія анализъ противопоставляетъ всему условному, его окружающему, въ которомъ цѣлѣтъ нетронутомъ оліанъ только святой образъ, — образъ матери, вѣжно, любовно и граціозно нарисованный образъ. Ко всему другому анализъ безпощаденъ. И понятно: передъ нимъ уже стоятъ несокрушимою стѣною, о которую онъ разбился, инья, противоположныя, совершенно безъискусственныя явленія иной, не условной, а непосредственной жизни.

Онъ пораженъ простотою, неразложимостью этихъ явленій. И вотъ простоты, неразложимости добивается онъ отъ самого себя, роется терпѣливо и безпощадно-строга въ каждомъ собственномъ чувствѣ, даже въ самомъ томъ, которое по виду кажется совершенно святымъ (глава «Исповѣдь»), уличаетъ каждое свое чувство во всемъ, что въ чувствѣ слѣлано, даже напередъ, — велеть каждую мысль, каждую дѣтскую или отроческую мечту до ея крайнихъ граней. Вспомните напримѣръ мечты героя «Отрочества», когда его заперли въ темную комнату за непослушаніе гувернеру.

Анализъ въ своей безпощадности заставляетъ душу признаваться самой себѣ въ томъ, въ чемъ не всякая душа себѣ признается, въ томъ, въ чемъ стыдно себѣ самому признаться. Мудрено ли, что при огромномъ талантѣ, анализъ изоощился до того, что въ «Мятелі» способенъ влѣзть въ существо воробья, который «притворился, что клюнулъ»; въ «Военныхъ расказахъ» развертываетъ цѣлую ткань пустыхъ представлений, промелькнувшихъ передъ человѣкомъ въ минуту смерти, до поражающей, несомнѣнной правды.

Таже безпощадность анализа руководитъ героя и въ «Юности». Поддаваясь своей условной сферѣ, принимая даже ея предразсудки, онъ постоянно казнить самого себя и изъ этой казни выходить побѣдителемъ. Многіе находили растянutoю первую половинну «Юности». Это неправда. Волоковы, Нехлюдовы, князь должны были быть изображены съ такою мелочною подробностью, чтобы поразительнѣй вышло столкновеніе героя съ слоями иной жизни, съ даровитыми, хотя безумно кутящими личностями, полными силъ и высокими, безусловныхъ стремленій.

Столкновеніемъ съ этимъ живымъ міромъ кончается повидимому процессъ. Но только повидимому. Слѣлать его можно и даже дол-

жно въ «Военныхъ расказахъ» — въ расказѣ: «Встрѣча въ отрядѣ», въ «Двухъ гусарахъ». Анализъ продолжаетъ свое дѣло. Останавливаясь передъ всѣмъ, что ему не поддается, и переходя тутъ — то въ пафосъ передъ всѣмъ громадно-грандіознымъ, какъ севастопольская эпопея, то въ изумленіе передъ всѣмъ простымъ и смиренно-великимъ, какъ смерть Веленчука или капитанъ Храбровъ, онъ безошадно ко всему искусственному и сдѣланному, является ли оно въ буржуазномъ штабс-капитанѣ Михайловѣ, въ канкаскомъ ли героѣ à la Марлинскій, въ совершенно ли ломаной личности юнкера въ расказѣ: «Встрѣча въ отрядѣ». Одинъ только типъ остается нетронутымъ, неподвергнутымъ сомнѣнію — типъ простого и смирнаго человѣка.

Между тѣмъ въ «Двухъ гусарахъ» авторъ видимо увлекается старымъ гусаромъ съ его энергическимъ буйствомъ и размахистой удалью, въ противоположность гусару новыхъ временъ съ его мелочностью и пошлостью; между тѣмъ въ «Альбертѣ» онъ явнымъ образомъ поэтизируетъ силу и страстность, хотя пропадающія въ неизлечимомъ безнудствѣ.

Толстой — поэтъ, поэтъ точно также какъ Тургеневъ. Отрицаніе всѣхъ «приподнятыхъ» чувствъ души не ведетъ его ни къ мѣтчанскому прозаизму Писемскаго, ни къ бюрократической практичности Гончарова. Всего же менѣе ведетъ его анализъ къ утилитаризму. На утилитаризмъ отвѣчаетъ онъ своимъ «Люцерномъ», въ которомъ плачеть о погибающемъ мірѣ искусства, страстей, исторіи, — «Люцерномъ», который неожиданно поразилъ всѣхъ въ эпоху своего появленія, хотя поражаться тутъ было нечѣмъ. Чего же хотѣли отъ Толстого?..

Прежде всего и паче всего — онъ поэтъ. «Приподнятыя» чувства души человѣческой онъ казнилъ только тамъ, гдѣ они напряженно, насильственно приподняты, тамъ однимъ словомъ, гдѣ лягушка раздувается въ вола, — иногда впадая только въ крайности, какъ въ предпочтеніи глубокаго горя старухи-няни горю старухи-графини, какъ въ изображеніи канкаскаго героя, который дѣйствительно герой, и герой нисколько не меньше *смирнаго* капитана Храброва, только герой своей эпохи, эпоха Марлинскаго.

Въ сущности поэтъ нашъ только скорбитъ о томъ, что не находитъ настоящихъ «приподнятыхъ» чувствъ въ той сферѣ, которую онъ знаетъ, но не можетъ отречься отъ ихъ искавія... Въ сферѣ же иной, въ простой народной сферѣ, ему доступны и понятны вполне только смиренные типы... Да иначе и быть нельзя. Только непосредственно сжившись съ народною жизнью, пося ея въ душѣ, какъ Островскій, Колюцовъ и отчасти Некрасовъ, или спустив-

шись въ подземную глубину «Мертваго дома», какъ Ф. Достоевскій, можно узаконить равно два типа — и типъ страстный, и типъ смиренный. Пушкинъ понималъ это синтезомъ — и синтезомъ создалъ «Русалку» и Пугачева въ «Капитанской дочкѣ», и старика Дубровскаго. Тургеневъ глубокимъ сочувствіемъ къ народу доходилъ иногда до того, что страстный типъ иногда являлся ему въ совершенно своеобразныхъ формахъ даже посреди такъ-называемаго цивилизованнаго общества (Веретьевъ, Коротаевъ, Чартахановъ), большею же частью облекалъ его въ условныя формы или въ формы историческія (Василій Лачиновъ). Толстого эти формы не удовлетворяли и онъ постоянно подкапывался подъ нихъ какъ подъ всякія формы.

Доходя въ нѣкыя минуты до отчаянія анализа и оставивши слѣдъ этого отчаянія въ образѣ князя Нехлюдова («Записки маркера» и «Люцернъ»), утомленный работою анализа, Толстой, по натурѣ художникъ, рѣшился хоть разъ успокоиться въ разрѣшеніи психической задачи менѣе широкой — и далъ намъ «Семейное счастье». О достоинствахъ этого тихаго, глубокаго, простаго и высоко-поэтическаго произведенія, съ его отсутствіемъ всякой эффектности, съ его прямымъ и неломанымъ поставленіемъ вопроса о переходѣ чувства страсти въ иное чувство, пришлось бы писать еще цѣлую статью, еслибы статья чисто-эстетическія были возможны, т. е. читаемы въ настоящую, напряженную минуту.

Задача моя была — по возможности опредѣлить смыслъ явленія столь замѣчательнаго какъ Толстой.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

ДВА СЛОВА О ДВУХЪ СТАТЬЯХЪ

«Зимній вечеръ въ бурсѣ» Н. Помяловскаго, «Время», май 1862 г.

«Родныя картины» Е. Стопакевича, «Современникъ», май 1862 г.

«Нѣтъ въ мірѣ картины ужаснѣе!.. Это
вѣчные похороны чувства, разума, жи-
зни!..»

Тяжолое и безотрадное впечатлѣніе ложится на душу при чтеніи этихъ статей. Трудно вѣрить, чтобъ могли быть такіе люди гдѣ-нибудь даже въ самыхъ отдаленныхъ заколустяхъ нашего отечества. Это какой-то отчужденный домъ. И въ этомъ-то домѣ живутъ люди, изъ которыхъ современемъ должны выйти пастыри народа, руководители и наставники его на пути истины и нравственности! Какъ же оны при такой обстановкѣ достигнутъ своего назначенія? Имъ нужно знать свѣтъ и людей, съ которыми будутъ имѣть дѣло, а они, ограниченные *инструкціею*, сидятъ въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ ничего не увидятъ кромѣ грязныхъ и отвратительныхъ шалостей записныхъ бурсаковъ, ошельмованныхъ дикими прозвищами: *Митахи, Тавли, Чабри, Хоря* и т. п. Имъ придется встрѣтиться въ будущемъ своемъ служеніи обществу съ людьми различнаго направленія, различной нравственности, и всѣ эти люди будутъ искать у нихъ, какъ своихъ пастырей, назиданія, разрѣшенія своихъ сомнѣній, ободренія въ несчастіи, защиты отъ неправды. Что имъ скажетъ пастырь, когда и самъ онъ не въ состояніи будетъ осмыслить своего положенія, не въ состояніи понять чужихъ нуждъ и наконецъ не въ состояніи сказать здраваго слова, постоянно будучи занятъ въ школѣ бесплодными диспутами на разныя темы, вроде: что такое сущность? спасется ли Сократъ и т. п.?

При всей очевидности фактовъ, изображенныхъ въ означенныхъ статьяхъ и подтверждаемыхъ очевидцами этой бурсацкой жизни, нашлись люди, которые оспаривали ихъ достовѣрность, доказывали ихъ невозможность и нелѣпость, называли г. Помяловскаго лжецомъ, «Иудю-предателемъ», призывали на его голову проклятіе неба и страшныя кары начальства за его клевету и злонамѣренность. Это дѣло такъ меня заинтересовало, что я постарался познакомиться съ лицами, испытавшими на себѣ всю тяжесть бурсацкой жизни и просилъ ихъ посвятить меня во всѣ ея тайны, и вотъ что я узналъ. Представляю все это на судъ общества, для котораго не можетъ быть неинтересенъ бытъ его будущихъ пастырей. Я буду здѣсь вести рѣчь отъ лица познакомившаго меня со всею этою жизнью.

Бурса — это тотъ же «мертвый домъ», какой изобразилъ намъ г. Достоевскій. Различіе только то, что въ «Мертвомъ домѣ» г. Достоевскаго содержатся преступники, лишонные за свои злодѣйства свободы, чтобы они снова не могли вредить обществу; а здѣсь заключаются невинныя малютки, нерѣдко самими родителями, которые конечно не подозреваютъ, что ихъ дѣтей ожидаютъ безплодныя и безцѣльныя труды и страданія, и заключаются для того, чтобы впоследствии вносить свѣтъ истины и добра въ общество. Живя въ «мертвомъ домѣ», каторжные съ нетерпѣніемъ ждутъ того счастливаго дня, когда съ ихъ ногъ снимутъ кандалы, когда имъ скажутъ: свободенъ! Они считаютъ мѣсяцы, дни и часы, и проживши день, съ радостью замѣчаютъ, что однимъ днемъ ближе къ выходу изъ каторги. Бываютъ личности, которыя не могутъ терпѣливо дожидаться опредѣленнаго срока и уходятъ изъ острога, несмотря на самый зоркій присмотръ команды, несмотря на то, что иногда за этимъ слѣдуетъ еще болѣе безотрадная будущность, но все-таки одинъ день, одинъ часъ прожилъ на волѣ!.. Такъ и въ бурсѣ. И бурсакъ такъ же нетерпѣливо ждетъ окончанія курса; я знаю товарищей, которые рассчитывали сколько оставалось мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и секундъ до окончанія курса, и какую радостью наполнялось ихъ сердце, когда уменьшалось ихъ число! Каждый могъ предвидѣть, что и по окончаніи курса рѣдко ему улыбнется счастье, что ему предстоитъ жизнь полная тяжелыхъ трудовъ; и однако все-таки каждый съ радостью встрѣчаетъ день выхода изъ бурсы. Никакой арестантъ не радуется такъ своей свободѣ, какъ радуется освобожденію изъ бурсы ученикъ, хотя бы ему по выходѣ изъ бурсы не было гдѣ и голову приклонить.

Чтожъ это за жизнь такая, способная до того убить человѣка, что онъ плачетъ, когда его выгоняютъ изъ бурсы, и при всемъ томъ

ненавидят ее, и пятнадцать лѣтъ, а иногда и больше нетерпѣливо ждутъ ея конца?

Впродолженіе пятнадцати лѣтъ мнѣ удалось побывать въ нѣсколькихъ бурсахъ. В—ская бурса хотя въ сущности представляетъ тоже самое что и другія бурсы, однако нельзя не замѣтить въ ней нѣкотораго превосходства предъ бурсою напимѣръ «образцовою». Это происходитъ оттого, что в—скіе бурсаки не всѣ живутъ «въ казенныхъ грязныхъ стѣнахъ»: нѣкоторые изъ нихъ живутъ на вольныхъ квартирахъ, гдѣ мальчику хоть нѣсколько припоминается родной кровъ. Хозяйка квартиры беретъ на себя обязанность заботиться о внѣшней чистотѣ и опрятности учениковъ. Здѣсь рѣдко встрѣтишь паразитовъ, которые цѣлыми стадами ходили на головахъ бурсаковъ, описанныхъ г. Помяловскимъ; здѣсь рѣдко попадается золотуха, чесотка и другія болѣзни. Надо замѣтить, что въ в—ской губ. первые два приготовительные класса (они теперь уничтожены) находились въ селахъ, при монастыряхъ. Въ монастырскомъ зданіи были только классы, а дѣти жили на вольныхъ квартирахъ подъ надзоромъ старшихъ изъ ихъ же среды. Тутъ былъ полный просторъ деспотизму педагоговъ: малютки безконтрольно отдавались въ ихъ руки и бессознательно привыкали къ жестокому обращенію съ ними; тутъ было полное царство розогъ. Что ни сдѣлаешь ученикъ, хотя бы это была не больше какъ дѣтская, невинная шалость, — являются на сцену розги. Услышать ли учитель въ какой-либо квартирѣ пѣнье — розги. Сорветъ ли ученикъ въ монастырскомъ саду яблоко — розги. Не пойметъ ли онъ урока — розги. Не пойдетъ ли въ классъ въ грязную погоду по неимѣнію сапоговъ или даже по болѣзни, — грозный педагогъ, иногда для куражу подкрѣпившійся стаканомъ водки, не обращаетъ на это вниманія и являются розги. Однимъ словомъ розга безконтрольно царствовала въ нашей маленькой бурсѣ. Главное удобство этой бурсы — дешевизна содержанія. За два руб. или двѣнадцать злотыхъ ученикъ имѣлъ квартиру со столомъ на цѣлый мѣсяцъ; иногда же вмѣсто денегъ посылался *виктъ*, т. е. извѣстное, условное количество съѣстныхъ припасовъ. Но нерѣдко бѣднякъ-отецъ или вдова мать не въ состояніи были уплатить и эту небольшую сумму; тогда мальчикъ долженъ былъ отбывать извѣстныя повинности хозяину квартиры за то только, что онъ подождетъ долгъ до поры, до времени. И вотъ ученикъ ѣздитъ съ хозяйскими лошадьми въ ночную въ поле или лѣсъ, привозитъ съ поля сжатую рожь и другія хлѣбныя растенія, молотитъ и т. п. Странное дѣло! отчего это дѣти только въ бурсахъ терпятъ такую горькую долю? У насъ есть въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ свѣтскія школы, и мальчики такъ

же живутъ на квартирахъ: отчего тамъ нѣтъ этой гадости и пошлости, которыя губятъ насъ несчастныхъ?

Еще болѣе безотрадную картину представляетъ въ собственномъ смыслѣ бурса, гдѣ по большей части помѣщаются сироты, неимѣющія ни отца, ни матери, или дѣти бѣдняковъ — дьячковъ, пономарей, которые и сами не въ состояніи прокормить себя въ селѣ. Свѣжаго человѣка, попавшаго въ жилища комнаты маленькихъ бурсаковъ, поразитъ съ перваго разу грязь, попадающаяся на каждомъ шагу, исхудавшія лица, будто дня два невидѣвшія хлѣба, грязная и оборванная одежда, едва покрывающая тѣло бурсака, но ничуть не защищающая его отъ вліянія стихій; деревянныя кровати, иногда даже безъ соломы, покрытыя какою-нибудь убогою простынею или ковромъ, рѣдко гдѣ ватнымъ одѣяломъ. Загляните въ ихъ сундучки и вы найдете въ нихъ нѣсколько кусковъ хлѣба; думаете, что эти куски запасены на будущее время? Ошибаетесь: голодный мальчикъ съ удовольствіемъ съѣлъ бы ихъ теперь, да нужно отлатъ прачкѣ за мытье бѣлья, потомучто казенной прачки не полагается. Онъ самъ ограничивается обѣдомъ безъ хлѣба или данный кусокъ на обѣдъ раздѣляетъ на двѣ части: одну часть съѣдаетъ въ обѣдъ, а другую бережетъ къ ужину, для того чтобы кусокъ, поданный ему къ ужину, оставался цѣлымъ для прачки. Не для одной прачки берегутся эти куски, а и для другихъ потребностей. Нужны ученику перья, бумага, чернила — и вотъ онъ копить *пайки* (такъ назывались у насъ эти куски) и продаетъ ихъ по грошу какой-нибудь мѣщанкѣ и вырученныя гроши употребляетъ на покупку нужныхъ ему вещей. Грустная картина! И подобныя картины встрѣчаются не въ одной какой-нибудь провинціальной бурсѣ, а разсѣяны по всему пространству нашей благодатной Руси. Вотъ что пишетъ г. Слѣпцовъ («Современникъ», май 1862 г.: «Письма объ Осташковѣ»):

• Мой знакомый учитель привезъ насъ въ свой классъ... Боже мой, что это такое?! И еще, говорятъ, въ Осташковѣ духовное училище одно изъ лучшихъ въ этомъ родѣ! Впервыя меня поразилъ особенный запахъ, который такъ и бросается въ носъ, только-что отворишь дверь въ классъ. Что это за запахъ, трудно опредѣлить. Это какая-то смѣсь, букетъ какой-то, составленный изъ запаха капусты, кислыхъ полшубковъ и летярныхъ сапоговъ, смѣшанный съ запахомъ человеческого тѣла, и притомъ такого тѣла, которое богъ-знаетъ съ которыхъ поръ не было въ банѣ и страдаетъ изнурительной испариной; только испарина эта уже остыла и прокисла. Это не тотъ прѣлый запахъ жилого покоя, который всѣмъ извѣстенъ, а другой, уже усиленный сконцентрироваться, прогоркшій, страшный запахъ. Комната не топлена и ученики сидятъ кто въ чемъ приполъ: въ халатахъ, въ тулупахъ, въ шапкахъ, съ бабыми котами на ногахъ, другіе даже

въ лаптяхъ, простуженные, съ распухшими лицами и торчащими вихрями. Уныніе какое-то на лицахъ, точно всё ждутъ наказанія (въ нашей маленькой бурсѣ неразъ всёхъ събли поголовно, правого и виноватаго: одинъ разъ зато, что кто-то рвалъ яблоки въ саду монастырскомъ; виновнаго не отыскали, потому пришлось всёмъ поплатиться. Сначала цѣлые два часа всё простояли на колѣняхъ, а послѣ испробовали и розги!). Въ другомъ классѣ шла арифметика. Учитель выввалъ ученика къ доскѣ и задавъ задачу. Ученикъ вышелъ изъ парты, поклонился учителю, какъ-будто остерегаясь, чтобы тотъ по шеѣ его не ударилъ (и это бывало!), и поправилъ себѣ штаны. Другой ученикъ подошелъ къ учителю, точно также поклонился и подалъ мѣлъ.

Каждый, кто знакомъ съ бурсою не по однимъ только слухамъ, по совѣсти долженъ сознаться, что такъ бываетъ вездѣ, во всёхъ бурсахъ. Человѣку постороннему, какъ г. Слѣпцовъ, незачѣмъ было выдумывать небывальщину. Стоитъ вспомнить, что при осмотрѣ всёхъ учебныхъ заведеній лицами официальными оказывалось, что только одни духовныя училища изъ рукъ вонъ плохи, несмотря на то, что наши педагоги на этотъ случай старались показать свое заведеніе въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ обыкновенное время, и притомъ частнымъ лицамъ, не дозволялось проникать въ эти святилища наукъ (какъ это было года два тому назадъ въ Костромѣ).

При такой непривлекательной внѣшней обстановкѣ ученикъ, съ восьми или девяти лѣтъ заключенный въ четырехъ стѣнахъ или покрайней-мѣрѣ ограниченный извѣстною инструкціею, составленною вовсе не на основаніи нуждъ и потребностей ученика, а единственно на основаніи бурсацкаго, дикаго взгляда на вещи, — отдается на произволъ всей бурсацкой аристократіи.

• Начальство, — говоритъ г. Помяловскій, — чтобы слерживать учениковъ въ границахъ *училищной инструкціи*, избрѣло цѣлую бурсацко-бюрократическую систему. Оно отдало однихъ товарищей подъ власть другимъ, *желая ввести въ среду ихъ междоусобіе*. Такими властями были: *старшіе спальные, старшіе дежурные, цензора, аудитора и секундаторъ*... Всѣ эти власти выбирались изъ *второкурсныхъ*. (Последнее впрочемъ не всегда дѣлалось; теперь авторитетъ второкурсныхъ совершенно палъ, а въ провинціальныхъ бурсахъ онъ никогда и не имѣлъ такого громаднаго значенія, какъ въ бурсѣ, описанной г. Помяловскимъ. При всемъ томъ результаты этой бурсацкой бюрократіи остались тѣже...)

• Изъ всего этого — продолжаетъ г. Помяловскій — вышла одна гадость. Къ второкурснымъ (вообще ко всёмъ облеченнымъ извѣстною властью) было полное довѣріе начальства. (Въ образцовой бурсѣ старшіе ставили своихъ подчиненныхъ на колѣни, позволяли себѣ лишать ихъ ужина; нечего и говорить о выговорахъ и негѣпыхъ замѣчаніяхъ.

Особенно отличался фаворитъ инспектора, доказывавшаго нѣтъ, что я не человѣкъ...) Жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для зрителя (или ректора); и инспектора (въ образцовой бурсѣ за это попадало по шеѣ, да притомъ еще нужно было просить прошенія у старшаго!); деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и *ничто такъ не оподляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ*; и вообще ученика надъ ученикомъ, какого бы класса онъ ни былъ).

Спрашивается: для чего нужно нашимъ педагогамъ вносить въ среду учениковъ междоусобіе? «Я люблю, говорилъ одинъ педагогъ — когда ученики затѣютъ ссору: въ этомъ случаѣ вся грязь наверхъ выплыветъ.» Въ недавнее еще время ссоры между учениками двухъ старшихъ курсовъ «образцовой» бурсы бывали довольно часто. Обыкновенно начинали младшіе, будучи выведены изъ терпѣнія *властями*, которыя всѣ исключительно назначались изъ высшего класса. Тѣ по самолюбію не могли сносить дерзости «бунтовщиковъ», начинали пользоваться своими правами и всевозможные дразня, нерѣдко гадкіе и отвратительные, касающіеся своихъ противниковъ, выводили на чистую воду предъ инспекторомъ. Инспекторъ бывалъ радъ случаю показать свою власть надъ беззащитными учениками. Это дѣло не всегда оканчивалось благополучно; виновные, при повтореніи какой-нибудь шалости, отправлялись за *ворота* (вовъ изъ бурсы) и во всякомъ случаѣ считались до конца курса негодными и обыкновенно оканчивали курсъ въ числѣ послѣднихъ. Нечего и говорить, что въ числѣ пострадавшихъ могли быть и бывали невинные. Но такова ужъ система бурсацкая! Бурсакъ, получившій власть надъ своими товарищами, тотчасъ старается относиться къ нимъ какъ лицо начальственное, становится маленькимъ деспотомъ, требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ почтенія и даже повиновенія и при малѣйшей непокорности послѣднихъ считаетъ своимъ долгомъ прикрикнуть на нихъ и погрозить изгнаніемъ за *ворота*...

Неразъ я думалъ: какое значеніе имѣетъ вся эта бюрократія? Еслибы лица, облеченныя властью надъ товарищами, были по крайней мѣрѣ посредниками между учениками и начальствомъ, то это еще имѣло бы смыслъ. Но тутъ ничего этого нѣтъ; начальство хочетъ, чтобы эти власти пересказывали ему все что на дѣлаютъ дурного ученики (о хорошихъ качествахъ ученика оно не интересуется знать. Напримѣръ, я старшій, подаю мѣсячный отчетъ о поведеніи *свѣрженныхъ моему смотрѣнію* учениковъ. Если въ этомъ отчетѣ всѣ *отмѣчены* хорошо, на него никто вниманія не обратитъ; если же противъ кого-нибудь будетъ плохая отмѣтка, тогда у инспектора и руки зачесутся отъ удовольствія...) — и для чего? Для

того чтобы исправить ихъ? Ничуть не бывало. Что при этомъ случаѣ не имѣлось въ виду исправленія учениковъ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ нашей бурсѣ былъ одинъ мальчикъ Р... мальчикъ способный, рѣзвый, любившій иногда поглѣпиться. Рѣзвость этого мальчика показала инспектору неисправною шалостью и онъ объявилъ, чтобы Р... готовился къ исключенію. Тутъ *старшіе* (кстати замѣчу: это было уже во время ломки бурсацкой дисциплины) вступились за Р..., взяли его на поруки и общались исправити его какими бы то ни было образомъ. Р... съ этого времени значительно измѣнился, сталъ прилежнѣе учиться, даже наставникамъ замѣтнымъ въ немъ эту переиѣну и обратили было на него вниманіе. Чтоже вышло? Инспектору не понравилась рѣзвость этого мальчика, да къ несчастію онъ курилъ еще табакъ; мальчикъ признанъ неисправнымъ и выгнанъ изъ бурсы. Какъ-будто мальчикъ можетъ быть неисправимъ!..

Бывали у насъ еще и не такіе случаи. Начальству не понравился ученикъ, но онъ какимъ-то махеромъ попалъ въ старшіе. Лишить должности старшаго безъ всякаго основанія какъ-то неловко (хотя у насъ и это бывало). На помощь начальству поспѣшила судьба: ученикъ заболѣваетъ и довольно надолго, — его и увольняютъ отъ должности старшаго по болѣзни. Этимъ дѣломъ не оканчивается; въ одно прекрасное утро ему объявляютъ, что онъ не можетъ быть тершимъ въ заведеніи, но такъ какъ исключать въ то время запрещено, было главнымъ начальникомъ, то ему предлагаютъ самому проситься вонъ изъ заведенія, обѣщая дать хорошій аттестатъ: въ противномъ случаѣ дадутъ такую *титлуку*, съ которою и въ солдаты не примутъ. — «Чтоже за причина?» спрашиваетъ удивленный ученикъ. — «Тебѣ какое дѣло до этого? Ты дѣлай что велать, а то плохо будетъ.» Какова логика?.. Впрочемъ это не единственный случай въ этомъ родѣ...

Нелишне будетъ сказать вѣсколько словъ о томъ, какія исправительныя мѣры употребляютъ наши педагоги. Въ малой бурсѣ и до сихъ поръ еще царствуетъ розга, хотя въ послѣднее время она стала употребляться рѣже. Въ бурсѣ высшей розга вовсе не полагается, исключая какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаевъ; но и здѣсь, какъ и въ малой бурсѣ, исправительныя мѣры, или вѣрнѣе *наказанія*, нисколько не сообразны съ проступкомъ ученика; назначаются онѣ совершенно произвольно, смотря по тому, въ какомъ расположеніи духа находится педагогъ и какъ этотъ проступокъ относится къ его личности. По большей части такъ бываетъ. Оскорбилъ ученикъ старшаго — его оставляютъ безъ обѣда или заключаютъ въ карцеръ; не застегнутъ былъ сертукъ у ученика

при встрѣчѣ съ начальствомъ — безъ обѣда, да еще въ столовой на колѣни; не снялъ шапки за полверсты предъ начальникомъ — въ карцеръ; бѣгалъ въ саду безъ шапки — въ карцеръ; назвалъ ректора не ваше в—е, а просто о. или г. ректоръ — въ карцеръ; чай пилъ (пить чай въ нашей бурсѣ разрѣшили только четыре года тому назадъ) — въ карцеръ; пришолъ въ больницу навѣстить больного товарища — безъ обѣда; курилъ табакъ — въ карцеръ или за *ворота*. Изъ этого перечня проступковъ и соотвѣствующихъ имъ наказаній можно судить о соразмѣрности наказаній съ проступками и о существующемъ въ бурсѣ понятіи о проступкахъ.

Въ основаніи всей этой отвратительной бурсацкой системы воспитанія лежитъ ложь. На ученика смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на какое-то безгласное существо, обязанное подчиняться одному слову, одному мановенію руки педагога. Самому способному мальчику скажутъ: *«ты скотина, осель!»* — и онъ долженъ соглашаться съ словами педагога, если не рискуеть, чтобъ ему заѣхали въ *загорбокъ*, или не выдернули клокъ волосъ изъ головы, или не подвергли другому какому-нибудь унижительному для человѣческаго достоинства наказанію. Вслѣдствіе такого превратнаго взгляда на ученика и выходитъ изъ него какой-то автоматъ въ нравственномъ отношеніи. У него добрый поступокъ не есть слѣдствіе сознанный и глубоко-прочувствованной мысли о добрѣ, а слѣдствіе комбинаціи различныхъ внѣшнихъ представленій, имѣющихъ форму добраго поступка; даже самый взглядъ на извѣстный добрый поступокъ у него превратный, нечеловѣческій. Повиновеніе есть альфа и омега бурсацкой педагогической системы, есть безмолвное и непрекословное исполненіе воли каждаго *начальствующаго* лица. Когда говорятъ тебѣ: *«слѣзь въ огонь»*, или *«провались сквозь землю»* (я слышалъ самъ эти слова отъ одного педагога), то и тогда не осумѣвайся *ослушаться*... При такомъ нравственномъ настроеніи бурсы) бываетъ одно изъ двухъ: или мальчикъ оковчательно убивается, или становится въ оппозицію ко всему, стѣсняющему его въ чемъ бы то ни было.

Ужасно, мучительно состояніе человѣка, появившаго, что въ немъ хотять убить нравственное чувство, хотять уничтожить сознаніе человѣческаго достоинства. Помню какъ одинъ педагогъ въ «образцовой бурсѣ» старался доказать мнѣ, что я не человѣкъ. Можетъ-быть это покажется кому страннымъ и невѣроятнымъ, но это такъ было. — «Ты человѣкъ?» спрашиваетъ онъ меня. — «Человѣкъ», отвѣчаю. — «Докажи!» И я началъ строить извѣстный силогизмъ: «Всѣ существа, одаренныя разумною и свободою душою и имѣющія извѣстную тѣлесную форму, суть люди; и имѣю все это —

ergo и человекъ.» Кажется и доказалъ, а на повѣрку вышло совсѣмъ другое. По мнѣнію этого педагога, *долженствовавшему* быть и нашимъ мнѣніемъ, *человекъ* собственно не существуетъ и не можетъ существовать, а существуютъ только Кай, Сократъ, Платонъ и др., т. е. существуютъ единицы, изъ сочетанія которыхъ составляется общее понятіе, и это общее понятіе есть «человекъ». Это быть-можетъ была философская шутка?.. Но шутки въ сторону.

Отъ меня требуютъ, чтобы я вставалъ въ опредѣленномъ часу, чтобъ въ извѣстное время являлся на молитву въ церковь, чтобъ былъ въ классѣ, хотя бы наставника и вовсе не было въ классѣ, или хотя бы онъ пришолъ на десять минутъ, чтобы поругаться съ учениками (это очень часто бывало у насъ); чтобы предъ *старшими* былъ *застѣнутъ*, въ присутствіи его не смѣлъ сказать ни одного слова громко, не смѣлъ пройти по комнатѣ. Если я нарушилъ какое-нибудь изъ этихъ правилъ, — я преступникъ, меня наказываютъ, какъ-будто отъ исполненія ихъ зависитъ мое нравственное и умственное развитіе; «меня огласятъ» бунтовщикомъ и неминуемо отправятъ за *ворота*. Когда помотришь, что за *воротами* вѣтъ никого, кто бы пріютилъ тебя, что придется тамъ умирать съ голоду и холоду — и смиришься, и свыкнешься съ этою жизнью, а въ душѣ растетъ и зрѣетъ ненависть ко всѣмъ, кто стѣсняетъ тебя, и ко всему, что заставляютъ считать священнымъ...

Возникшее въ душѣ бурсака сознаніе ненормальности его положенія вездѣ преслѣдуетъ его, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, и онъ старается заглушить въ себѣ это сознаніе. Но отъ себя не спрячешься; куда ни пойдешь, вслѣдъ за тобою пойдетъ сознаніе, что ты человекъ, а между тѣмъ въ тебѣ безнаказанно стараются уничтожить все что могло бы тебѣ напоминать человеческое достоинство. «Елена Кириловна! говоритъ *Приморожденный*: — я человекъ... ейбогу человекъ... У меня честная душа...» Онъ сознаетъ, что онъ человекъ, и тяжело ему это сознаніе; онъ старается забытья, и какъ Манфредъ, ищетъ забвенія и находитъ его — въ винѣ... «Вина, друзья, вина! кричитъ онъ. — Въ немъ наша радость!..» И его друзья не въ состояніи иначе пособить его горю, кромѣ рюмки. «Петровичъ! другъ сердечный! успокойся! Брось ты печаль! Выпьемъ съ горя!..» И пьютъ всѣ, пьютъ до потери памяти, до потери самосознанія, однако и въ горячечномъ бреду нельзя не различить днухъ явнѣ другихъ произносимыхъ словъ: «я человекъ!»

Многіе укоряютъ, и не безъ причины, лицъ ниспаго духовнаго званія въ пьянствѣ и приписываютъ по большей части причину этого.

порока тому, что они ничего не дѣлаютъ, да ничего и не въ состояніи дѣлать, и потому на досугѣ поклоняются Бахусу. Притомъ ходеніе къ праздникамъ по домамъ прихожанъ, которые стараются подчивать ихъ виномъ, будтобы еще болѣе усиливаетъ пьянство. Это signals справедливо. Что подобными благопріятными обстоятельствами могутъ усилить пьянство въ лицахъ духовнаго званія, спору нѣтъ; но чтобы это было причиною пьянства, это болѣе чѣмъ невѣроятно, это просто несправедливо. Я знаю многихъ молодыхъ священниковъ, которые учились въ періодъ ломки бурсацкой дисциплины; они отличаются высокою, сравнительно съ другими, нравственностью, несмотря на то, что живутъ при тѣхъ же благопріятствующихъ пьянству условіяхъ. Начало этого страшнаго порока нужно искать въ бурсѣ.

«Положимъ, все это справедливо; но къ чему, спрашивается, выводить всю эту грязь наружу?» — неразъ слышалъ я этотъ вопросъ отъ людей, читавшихъ «Зимній вечеръ въ бурсѣ» г. Помяловскаго. По моему мнѣнію, когда въ комнатѣ грязь хранится по уголкамъ, то ее мало замѣчаютъ и она остается въ комнатѣ надолго; а вымести ее на середину — авось кто-нибудь догадается и совершенно очистить отъ нея комнату. Такое побужденіе было по всей вѣроятности и у г. Помяловскаго. Онъ понялъ, что всякій, кто прочтаетъ его статью, ужаснется этой жизни и съ большою осмотрительностью будетъ отдавать своихъ дѣтей въ бурсу. Да и сами педагоги, отъ взора которыхъ по большей части скрывалась вся гадость бурсатства и которые безсознательно и быть-можетъ ненамѣренно поддерживали этотъ порядокъ вещей, постараются уничтожить эту мертвящую, убивающую систему воспитанія и вмѣсто нея устаноятъ новую, на новыхъ, болѣе прочныхъ человѣческихъ началахъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ умственномъ образованіи въ бурсѣ. Въ бурсѣ, говоритъ г. Помяловскій, господствуетъ «долбня, долбня ужасающая и мертвящая», которая «проникаетъ кровь в кости учениковъ», такъ что ученіе здѣсь является «физическимъ страданіемъ»; нужно имѣть крѣпкую природу для «училищныхъ мукъ»; ученикъ, идя въ классъ, «воетъ»; онъ «рабъ», его «терзаютъ». Такова здѣсь наука! Нечего и говорить, что установивши такой взглядъ на ученіе сдѣлаетъ, рѣдкій ученикъ взмѣняетъ этотъ взглядъ въ высшихъ классахъ. Всѣ эти синекдохи, гиперболы, разныхъ сортовъ хрипъ — и прямыхъ, и обратныхъ, и слогозумы на манеръ *barbara, celarent, ferio* etc. заучиваются потому, что велать ихъ заучивать. Ничего нѣтъ неслѣдѣ составлять слогозумы по схоластическимъ формамъ, выраженнымъ

латынскими словами, неизъяснимы никакого значенія. А какъ серьезно все это дѣлалось! «Селарент!» восклицалъ педагогъ — и ученикъ обязанъ былъ по этому образцу строить силлогизмъ, прибравъ различныя предложенія, то обще- или частно-утвердательныя, то обще- или частно-отрицательныя, смотря по гласнымъ буквамъ въ этомъ словѣ. Нерѣдко ученикъ дѣлые листы списывалъ силлогизмами всевозможныхъ родовъ и видовъ, чтобы отличиться предъ профессоромъ. И что изъ всего этого выходило? А выходило то, что ученикъ, изучивши всю эту дребедень, неумѣлъ связать нѣсколькихъ словъ, не въ состоянн былъ складно рассказать самыхъ обыкновенныхъ вещей. А напишетъ — любо читать: за каждой почти точкой *ибо, послыку, потомучто, следовательно*, а иногда для форсу и *ergo*, такъ что думаешь — здѣсь собраны всевозможныя причины, основанія и доказательства, а посмотришь — это *хрїя, размышленіе, умствованіе, чувствованіе* (подъ этими формами изображаются роды сочиненій въ нашихъ реторикахъ); иногда и смысла человѣческаго нѣтъ. Составитель всевозможныхъ силлогизмовъ не объяснитъ самаго обыкновеннаго явленія, не отвѣтитъ на самый обыкновенный вопросъ. Вотъ разговоръ семинаристовъ о козачихъ мертвецахъ.

Краснопѣвецъ. Я однажды ушера встрѣтилъ, сударыня! До смерти былъ испуганъ!

Деночка. И вы вѣрите въ мертвецовъ?

Краснопѣвецъ. Какже, Елена Кириловна! Мы всѣ *обланы* (*обланы!* точно въ классъ ходитъ по звонку) вѣрить.

Деночка. Пустяки какіе! Я никогда не повѣрю, это выдумка! Не правда ли, г. Пригвожденный?

Пригвожденный. Оставьте, сударыня, этимъ мертвымъ разглагольствовать о мертвецахъ...

Псаломскій. Ты, Яковъ Петровичъ, не измышляй неправды! Хожденіе мертвецовъ всегда заслуживаетъ вѣры!

Деночка. Почему же заслуживаетъ?

Псаломскій. Потому... потому... Гм! то-есть потому...

Пригвожденный. Потомучто языкъ твой прильпе къ гортани. Не такъ ли?

Псаломскій. Сударыня! ейбогу сейчасъ скажу (точно говорить предъ учителемъ, который собирается его сѣчь, зато что не выучилъ урока или сдѣлалъ какую-нибудь шалость!). Заслуживаетъ потому...

И вѣрите, никогда не скажетъ почему. Это очень естественно, потомучто его голова набита разными реторическими троиками и фигурами, прямыми и обратными хрїями и подобною дребеденью, которая притупляетъ смыслъ чловѣка. Ему и въ голову никогда

не приходило, что кромѣ его *умственной міра* (составленнаго по бурсацкой логикѣ) есть міръ ви́шній, существующій независимо отъ его бытія, что въ этомъ мірѣ все совершается по извѣстнымъ законамъ и направляется къ извѣстнымъ цѣлямъ. Ему наталкивали, что всѣ явленія въ мірѣ видимомъ *потому* существуютъ, *потому* что они являются въ его головѣ, и что всѣ вещи и явленія міра видимаго не могутъ быть познаны такъ, какъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ (въроютно по слабости ума, а можетъ-быть это зависитъ и отъ свойства вещей) и что мы познаемъ только мнимыя и случайныя признаки вещей, — и онъ не знаетъ какъ и смотрѣть на видимый міръ, и какъ въ немъ ступить и что дѣлать. Нерѣдко онъ приходитъ отъ изученія этой философіи къ сомнѣнію въ своемъ собственномъ бытіи; но тутъ на помощь несчастному является Декартъ со своимъ «*cogito, ergo sum*» — и ученикъ успокоивается. Вотъ семинаристъ оставляетъ бурсацкія стѣны и является въ общество; первая его забота: что тамъ дѣлать?

— Чтожъ? отвѣчаетъ *Мавролевъ*: — дѣло ясное: придемъ, поздравимъ и разговоры заведемъ.

Псаломскій. О чемъ разговоры? Это знать надо. Такъ нельзя.

Краснопѣвецъ. Какъ о чемъ? Извѣстно — о предметахъ *возвышенныхъ* (замѣтимъ, что слова: *возвышенные предметы* — каждый классъ можно было слышать въ нашей бурсѣ, а никто не зналъ что это за возвышенные предметы), чтобы *форсъ* показать!

Псаломскій. Ладно, братцы! Наканувъ всю логику прочитаю, нарочно прочитаю.. Знай нашихъ!

Такъ они разсуждаютъ! И не подозрѣваютъ, бѣдняжки, что никто не будетъ интересоваться ихъ свѣдѣніями въ логикѣ; они забываютъ, что не можетъ интересоваться никого то, къ чему сами они питаютъ огвращеніе. Но вотъ они уже на именинахъ, а еще ни слова не сказали съ именинницей.

— Надо бы съ ней какіе-нибудь разговоры завести, говорить *Псаломскій*: — пора уже!

Краснопѣвецъ. Я начну о чувствахъ..

Псаломскій. Нѣтъ, братъ, о чувствахъ нехорошо. Надо бы что-нибудь другое.

Краснопѣвецъ. Эврика, братцы! Я просто задамъ ей вопросъ: какія страсти опаснѣйшія для юношескихъ лѣтъ?

И видятъ ли ихъ за это? Винаю всему тутъ жертвующая и участвующая система образованія.

Предлагаютъ, и справедливо, что для священника необходимо образованіе всестороннее, потому что онъ живетъ дѣло съ людьми

различныхъ взглядовъ и убѣжденій; на немъ лежитъ обязанность всѣмъ и каждому ясно сообщать истину, бороться съ предрассудками и суевѣрiями. И вотъ въ программу духовнаго образованiя входятъ всѣ почти извѣстныя науки, и ни объ одной изъ нихъ ученику не сообщается сколько-нибудь полнаго и опредѣленнаго понятiя. Многiя науки, наиримѣръ алгебра, геометрiя, анатомiя и подобныя, извѣстны окончившему курсъ ученику только по названiямъ. Потому-то большая часть нашихъ священниковъ, неприготовленные какъ слѣдуетъ къ своему служенiю, не въ силахъ бороться съ противниками проповѣдуемыхъ ими вѣдъ. Въ бурсѣ каждый независимо ни отъ кого изучаетъ что ему угодно и какъ ему угодно. Принимая безотчетно, на вѣру, все что сообщаютъ имъ ихъ заботливые педогоги (а сообщаютъ они то, что по своему усмотрѣнiю находятъ не растлѣвающимъ нравственности ученика и непротиворѣчающимъ разъ навсегда принятымъ и неизмѣннымъ началамъ), принимая все это на вѣру и никогда неосмысливая принятаго и не давая себѣ отчета въ этомъ, они убѣждены, что и всякiй долженъ довольствоваться тѣмъ же, и находятъ смѣшными, дерзкими и даже безбожными притязанiя людей, старающихся понять и осмыслить то что имъ сообщаютъ.

Если такъ ничтожно и бесплодно образованiе, сообщаемое въ бурсѣ, то почему же, спрашивается, такъ много дѣльныхъ, даровитыхъ и трудолюбивѣйшихъ людей выходитъ изъ ея стѣнъ? Справедливо, что много духовныхъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ профессорскiя кафедры въ университетахъ, много и въ гражданской службѣ прославилось честною и неутомимою дѣятельностью на пользу общества. Кому же они обязаны своимъ образованiемъ и воспитанiемъ? Кто сдѣлалъ ихъ неутомимыми и полезными тружениками во всѣхъ родахъ службы общественной? Во всякомъ случаѣ не бурсѣ они обязаны, не бурса ихъ сдѣлала такими. Каждый духовный воспитанникъ очень хорошо понимаетъ, что его будущая карьера зависитъ единственно отъ него самого, отъ его трудовъ. И онъ трудится, трудится безъ устали, чтобы имѣть впоследствии кусокъ хлѣба.

Еще одинъ вопросъ: отчего родители отдають своихъ дѣтей въ бурсу, когда ихъ ожидаетъ тамъ столько мученiй?

Выше мы замѣтили, что изъ бурсы выходятъ по большей части люди забытые, съ незрѣлыми понятiями, съ ошибочными взглядами, безъ всякихъ убѣжденiй. Для такихъ людей вопросъ о воспитанiи и образованiи дѣтей довольно труденъ, и они не трудятся его рѣшать; имъ все равно куда ни отдать своихъ дѣтей, лишь бы дѣтя чему-нибудь научились и куда-нибудь послѣ при-

стронивсь. Но преимущественно это зависить отъ необезпеченности духовенства. Согласился ли бы отецъ, мало-мальски понимающій дѣло, отдать своего сына въ эту «тму кромѣшную», если бы онъ въ состояніи былъ воспитать его по-человѣчески дома, или отдать въ какое-либо свѣтское заведеніе? Каждый отецъ, учившійся въ бурсѣ, вовсе не потому отдаетъ туда своего сына, что сознаетъ пользу бурсацкихъ «мукъ», какъ называютъ бурсаки свое ученье, а единственно по недостатку матеріальныхъ средствъ. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ!..

ЗАМѢТКА НА ОДНУ ГАЗЕТНУЮ СТАТЬЮ

(ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКО-РУСИИСКАГО ВОПРОСА)

Совершающееся освобожденіе крестьянъ и ожидаемая реформа суда и уголовного кодекса, городского устройства, быта государственныхъ крестьянъ, полиція, администрація, паспортной системы и проч. и проч. имѣютъ громадное значеніе въ жизни русскаго народа. Съ правильнымъ осуществленіемъ и развитіемъ ихъ личность русскаго человѣка приобрететъ гарантію закона, и жизнь народа получитъ возможность болѣе свободнаго, а следовательно и болѣе правильнаго развитія. А это окончательно скрѣпитъ и тѣсно соединенныя части русскаго народа. Мало того, эти реформы съ ихъ послѣдствіями будутъ имѣть чрезвычайно благоприятное для Россіи вліяніе на отношенія къ ней заграничныхъ родственныхъ племенъ: устраняя причины, внушавшія имъ доселѣ болѣе или менѣе справедливое недоверіе, онѣ благотворно воздействуютъ на замѣчаемое въ нѣкоторыхъ племенахъ тяготѣніе къ намъ. Немудрено поэтому, что русское общество и пресса главное вниманіе обратила на эти преобразованія и отодвинула на второй планъ нѣкоторые другіе вопросы, имѣющіе тоже очень важное значеніе. Это весьма естественно. Но нѣкоторыя наши періодическія изданія, — заняты ли болѣе важными предметами, или просто не давая себѣ труда заняться основательнымъ изученіемъ этихъ вопросовъ, — относятся къ нимъ свысока, но наперекъ сочиненной теоріи. Вотъ это, хотя тоже весьма естественно въ нашей журналистикѣ, вовсе ужъ неизвѣстно. Зачѣмъ залуговывать дѣло? Зачѣмъ мѣшать раскрытію истины?

Между такими вопросами одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаетъ польско-русиискій.

Еще въ прошедшемъ году въ извѣстной статьѣ «Национальная безтактность» весьма безцеремонно была высказана доволно стран-

ный и слишкомъ поверхностный взглядъ на этотъ вопросъ. Мы не видѣли въ ней ничего другого кромѣ произведенія досуужей фантазіи, и потому считали излишнимъ возражать ей. Но австрійскіе, нѣмецкіе и польскіе журналы приписали ей значеніе, котораго она вовсе не имѣетъ: они вздумали вообразить и увѣрять себя и другихъ, что въ ней выражается общественное мнѣніе покрайней-мѣрѣ всего молодого поколѣнія Россіи. Съ другой стороны въ львовской русинской газетѣ «Слово» появились серьезные протесты, а въ московскомъ «Днѣ» опроверженія. Мы вправѣ были бы считать все это бурей въ стаканѣ воды. Но вотъ не такъ давно другой русскій журналъ тиснулъ статейку по русинско-польскому дѣлу; статейка эта написана съ голоса и въ тонъ «Национальной безтактности». И потому нѣтъ основанія полагать, что не явятся еще статьи съ подобными тенденціями, и австрійско-поляки могутъ окончательно, безапелляціонно рѣшить, что это дѣйствительно голосъ всего русскаго общества. Мы знаемъ, что это неправда. Наше общество, какъ замѣчено выше, слишкомъ занято реформами, касающимися его ближе, и потому мало занимается польско-русинскими дѣлами; но оно знаетъ исторію угнетенія русской народности въ покойной Рѣчи-посполитой, и въ настоящее время всѣ его симпатіи на сторонѣ русиновъ. Во всякомъ случаѣ оставить теперь такой голосъ безъ отвѣта мы считаемъ себя неправѣ, и потому хотимъ высказать свои замѣчанія по поводу его и наше мнѣніе по упомянутому вопросу.

Но предварительно постараемся припомнить нѣкоторыя обстоятельства изъ исторіи русинской (восточной) части Галиціи.

Червенскіе города (нынѣшній русинскій край) приключилъ къ великому княжеству кievскому при Владимірѣ св., и хотя по смерти его были захвачены польскимъ королемъ Болеславомъ-храбрымъ, но уже сынъ Владиміра Ярославъ возвратилъ ихъ. Съ этого времени до половины четырнадцатаго вѣка они составляли часть русской удѣльной федераціи и были наравнѣ съ остальными русскими городами управляемы князьями изъ рюрикова дома.

Жители Червонной Руси были одного происхожденія и языка съ остальными славянскими племенами, составившими русскую землю, и имѣли одинаковые съ ними, особенно съ ближайшими изъ нихъ — кievлянами, вольницами и проч., обычаи. Такое единство закрѣплено введеніемъ при Владимірѣ христіанской вѣры восточнаго исповѣданія и славянской грамоты, а окончательно упрочено господствомъ одного, общаго для всей Руси, княжескаго рода и постоянными сношеніями въ удѣльный періодъ червонорусскаго или галицкаго народонаселенія съ остальными русскими областями.

Во время удѣловъ Галиція, подобно другимъ частямъ Россіи, постоянно то дробилась на нѣсколько мелкихъ княжествъ, то собиралась въ два-три болѣе крупныя. Но главнѣйшимъ образомъ, особенно въ монгольской періодъ, она состояла изъ двухъ княжествъ — галицкаго и владимірскаго. Изъ послѣднихъ князей ея болѣе извѣстны: Романъ Мстиславовичъ, названный великимъ; Мстиславъ-храбрый, сражавшійся съ монголами на рѣкѣ Калкѣ; Данилъ Романовичъ, принявшій титулъ галицкаго короля; Юрій Львовичъ, соединившій подъ своею властью оба княжества. Внукъ Юрія Георгій былъ послѣднимъ княземъ галицкимъ изъ мужскаго колѣна рюриковичей. Онъ умеръ бездѣтнымъ, и Галиція, желая избавиться отъ татарскихъ баскаковъ, поддалась сыну сестры его Болеславу Тройденевичу, князю мазовецкому. Но скоро умеръ и этотъ князь, и польскій король Казиміръ, въ 1340 г., присоединилъ Галицію къ своимъ владѣніямъ. Съ этого времени она потеряла свою самостоятельность. Однако народность въ ней осталась русская: народный языкъ былъ русскій или — частице — южнорусскій и народная вѣра — восточная, «*благодѣтельная*». Это ненарушимо сохранялось при первыхъ польскихъ короляхъ.

Но скоро, именно по вошествіи на польскій престолъ великаго князя литовскаго Ягеллы, правительство польское начинаетъ принимать мѣры къ окатоличенію и половизированію галицкихъ русиновъ. Сначала оно старалось дѣйствовать преимущественно на высшій классъ народа. Средствами были: лишеніе православныхъ дворянъ права занимать государственныя должности, разныя притѣсненія и т. д. Послѣ извѣстнаго брестскаго собора стремленіе къ окатоличенію и половизированію посредствомъ церковной уніи сдѣлалось постояннымъ и настойчивымъ; но особенно тяжкимъ для русиновъ стало оно со времени водворенія въ Рѣчи-посполитой езуитовъ. Эти господа скоро захватили въ свои руки воспитаніе польскаго юношества, овладѣли совѣстью людей и принялись воздѣлывать *pars infidelium*, т. е. русскій народъ. Вышедшія изъ ихъ школы правительственныя лица и шляхта польская усердно содѣйствовали имъ. Русскіе дворяне долго боролись, но потомъ, лишаемые всѣхъ правъ и даже состоянія и воспитываемые въ езуитскихъ коллегіяхъ — по необходимости, такъ какъ русскія училища были постепенно уничтожены — они мало-помалу почти всѣ перешли въ католичество, а съ тѣмъ вмѣстѣ привязи языкъ и народность польскую. Кромѣ такихъ ренегатовъ, въ Галиціи въ разное время поселилось много природныхъ польскихъ пановъ, пожалованныхъ, куплею или чрезъ родственныя связи приобрѣвшихъ тамъ помѣстья. Такимъ образомъ польскіе и ополячившіеся дворяне смѣ-

пались и составили одно цѣлое, совершенно отдѣльное отъ русинскаго народа, состоявшаго затѣмъ изъ духовенства, крестьянъ и горожанъ. Извѣстно, что въ Рѣчи-посполитой только шляхта была сословіемъ полноправнымъ и властительнымъ; всѣ другія сословія были безправны, безгласны и совершенно поглавлены шляхтою. Особенно тяжело было народу въ русскихъ провинціяхъ тридевятого королевства. Но въ придиѣировскомъ краю онъ все-таки могъ обратиться въ казаковъ и страшно отомстить за себя. Въ Галиціи это было невозможно: она находилась въ другихъ территоріяльных условіяхъ. Здѣсь народъ могъ оказывать только пассивное сопротивленіе. И дѣйствительно онъ терпѣлъ, терпѣлъ, терпѣлъ и долго не подавался. Его духовенство ввергнуто было въ нищету, лишено возможности образованія, унижено, съ позоромъ изгоняемо изъ приходовъ, угнетаемо. Его церкви и монастыри были или обращаемы въ униятскіе и католическіе, или отдаваемы евреямъ на откупъ, вмѣстѣ съ обрядами. Мѣщане съ своею «магдебургіею» не имѣли ровно никакого значенія и очень часто какимъ-нибудь вельможнымъ старостою были обращаемы въ крестьяне. Кромѣ того они подвергались страшнымъ религіознымъ преслѣдованіямъ, также точно какъ и крестьяне. А эти послѣдніе не имѣли никакихъ даже человѣческихъ правъ; они всецѣло принадлежали пану. Панъ могъ даже убивать ихъ: только въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-посполитой, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, сеймомъ опредѣлено было наказаніе шляхтичу за убійство крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ возымѣла наконецъ свое дѣйствіе: народъ русинскій сталъ принимать и потомъ совершенно почти перешолъ въ унию. Но онъ не отрекся отъ своей народности и попрежнему сохранилъ русскій языкъ, нравы, обычаи, преланія и твердое сознаніе своего единства съ остальною Русью. Въ такомъ положеніи Галиція, при раздѣлѣ Польши, досталась Австріи.

Подъ австрійскимъ управленіемъ положеніе галицкихъ русиновъ значительно улучшилось. Такъ крестьянамъ, недовольнымъ паномъ, предоставлено право жаловаться въ судъ; бесплатная барщина ограничена сначала тремя днями, потомъ однимъ днемъ; уничтожены такъ-называемыя *даремщизны*; позволено крестьянамъ вступать въ бракъ неиспрашивая панскаго позволенія. Духовенство русинское изъято изъ подчиненія католическому и подчинено своимъ консисторіямъ и митрополиту. Въ львовскомъ университетѣ учреждено особое отдѣленіе, въ которомъ богословскія науки преподавались по-русински. Но все-таки сословное начало было удержано, и польское дворянство въ восточной Галиціи продолжало

на областныхъ сеймахъ представлять собою русинскій народъ, — тотъ народъ, который отличается отъ него върою, языкомъ, нравами, обычаями, общественными и политическими стремленіями, — всѣмъ строемъ своей жизни и вообще не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Эти представители русинскаго народа старались заслонить его собою, увѣрить австрійское правительство, что онъ составляетъ племя польское, что поэтому самостоятельнаго развитія ему, какъ отличному отъ поляковъ племени, неужно. Своимъ вліаніемъ, основаннымъ на общественномъ положеніи, связяхъ и материальномъ благосостояніи, галицкіе поляки устранили русиновъ отъ всякихъ общественныхъ должностей, особенно такихъ, съ которыми сопряжено значеніе и извѣстное вліаніе. Такимъ образомъ они достигли того, что правительство въ своихъ распоряженіяхъ относительно русинскаго края стало высказывать мысль, что въ этомъ краѣ нѣтъ русиновъ, какъ особой національности.

Наконецъ наступилъ 1848 годъ, годъ оживленія славянскихъ народностей въ Австріи. Вынужденное обстоятельствами, правительство объявило конституцію. Ею между прочимъ уничтожено въ восточной Галиціи крѣпостное состояніе, признана народность русиновъ и предоставлено имъ краю самоуправленіе. Русины оживи. Для обсужденія своего положенія и принятія необходимыхъ въ новыхъ обстоятельствахъ мѣръ они составили тридцать четыре рады или сеймика. Главная, львовская рада въ своемъ воззваніи къ народу такъ формулировала его стремленія: а) сохраненіе народной вѣры и сравненіе ея въ правахъ съ другими вѣроисповѣданіями; б) поддержаніе и развитіе народности русинской — обработкою языка, введеніемъ его въ высшія и низшія училища, изданіемъ журналовъ, распространеніемъ книгъ, введеніемъ его въ публичныя учрежденія: въ судъ, администрацію и т. д.; в) сохраненіе конституціи, улучшеніе быта и дѣятельная защита народныхъ правъ. Въ этомъ же воззваніи рада заявила, что русины, защищая свои права, не имѣютъ никакой злобы противъ тѣхъ, которые подобно имъ ратуютъ за свою народность. Затѣмъ началась большая дѣятельность. Возникли народныя школы, въ которыхъ ученіе шло на русинскомъ языкѣ; заведены гимназіи; появились на русинскомъ языкѣ журналы, изъ которыхъ болѣе замѣчательный «Зоря Галицка»; собранъ капиталъ для изданія учебниковъ и пр.; наконецъ созданъ былъ въ Львовѣ съѣздъ ученыхъ галицкихъ и венгерскихъ русиновъ, для обсужденія мѣръ къ составленію постояннаго общества, которое слѣдло бы за ходомъ образованія и т. д. Кромѣ того, депутаты русинскіе подали австрійскому правительству адресъ, въ которомъ высказаны были означенныя нами желанія народа и выражена просьба, чтобы ру-

свѣтамъ были предоставлены нѣтъ гражданскія права, а также доступъ ко всѣмъ должностямъ въ округахъ, гдѣ все населеніе или большинство его состоитъ изъ русиновъ. Правительство исполнило всѣ пять желаній.

Какъ же держали себя въ это время относительно русинскаго народа галицкіе поляки? — Попржежнему, въ духѣ сословной и католическо-національной исключительности. На своемъ львовскомъ сеймѣ они съ самаго начала провозгласили, что въ Галицію «сіепа Дзисі», что русины тѣже поляки, что русинскій языкъ есть провинціализмъ польскаго, а такъ какъ думъ говоритъ только низшій классъ народа, то исключительно польскій языкъ долженъ быть введенъ въ публичныя учрежденія и школы, и что вообще въ русинскомъ краѣ управление должно быть польское. Львовская русинская рада конечно не соглашалась съ этимъ. Но за это русинскіе депутаты подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ. Поляки разгоняли сходки и собранія русиновъ и простерли свои неистовства до того, что правительство принуждено было охранять русинскіе собранія и связи военною силою. Настоящіе польскіе поляки, возрожденіе на своей родной почвѣ, въ нашихъ глазахъ, составляютъ нѣчто весьма отличное отъ живущихъ среди южнорусскаго и бѣлорусскаго народовъ. Они умѣютъ уважать и въ другихъ стремленія къ національной самобытности. Не таковы поляки, водворившіеся въ русскіе провинціяхъ вообще и въ Галиціи въ частности. Эти употребляли всѣ средства къ подавленію русинской народности; наконецъ для приобретенія большинства голосовъ на вѣнскомъ сеймѣ — съ цѣлью провести и осуществить свои стремленія — прибѣгли къ слѣдующимъ мѣрамъ. Передъ выборами на этомъ сеймѣ они разослали агентовъ, которые подъ искусною маскою доброжелательства уговаривали простой народъ не посылать депутатовъ въ Вѣну, потому что они будутъ принуждены тамъ утвердить возвращеніе *панщины*, т. е. крѣпостной зависимости, и потому не возвратятся домой. Это имѣло вліяніе на многія общины и онѣ отказались отъ выборовъ. Въ остальныхъ же общинахъ выборы производились подъ вліяніемъ чиновниковъ поляковъ или польскихъ кліентовъ. Результаты были выгодны для поляковъ: значительное большинство голосовъ на сеймѣ принадлежало имъ.

Съ измѣненіемъ обстоятельствъ австрійское правительство возвратилось къ прежней системѣ. Конституція пала. Намѣстникомъ Галиціи назначенъ графъ Голуховскій. Органъ галицкихъ поляковъ, онъ усердно принялся за подавленіе русинской народности. Всѣ дарованныя ей въ 1848 году права исчезли. Восточная (русинская) часть Галиціи соединена съ западною, населенною почти исключи-

тельно поляками, чрезъ что послѣдніе приобрѣли значительный перевѣсъ. Возстановлено представительство дворянъ. Русинская забука запрещена и замѣнена латинскою, т. е. польскою; русинскій языкъ изгнанъ изъ школъ, русинскія газеты должны были пасть. Изъ всѣхъ учрежденій, особенно съ болѣе вліятельныхъ мѣстъ, русины были вытѣснены; ихъ замѣнили большею частью поляки.

Наконецъ былъ изданъ императорскій манифестъ 1860 года...

Но обратимся теперь къ упомянутому нами въ началѣ настоящей статьи отголоску «Национальной безтактности». Мы прочли его въ «Сѣв. Пчелѣ» въ статьѣ г. Б. Н.: «Современные русинскіе поэты».

Въ ней говорится, что въ настоящее время историческія причины *вражды* между поляками и русинами уже упразднены; что первые «искренно протягиваютъ послѣднимъ братскую руку на забвеніе старыхъ обидъ, на уврачеваніе старыхъ ранъ», что русины, непонимая собственныхъ выгодъ, «съ грубою бранью отталкиваютъ протянутую имъ руку», что русинскіе поэты, «угорьблые отъ чада, искусно вапущеннаго кѣмъ слѣдуетъ» (т. е. австрійскимъ правительствомъ), разжигаютъ эту вражду; что эта вражда съ *виду* (?) племенная, а на дѣлѣ только сословная. Почтенный авторъ немного смягчаетъ впрочемъ свой приговоръ надъ русинами или, какъ онъ выражается, «хлопами» и «мужицкой массою»: онъ желаетъ объяснить существованіе вражды 400-лѣтнимъ господствомъ надъ русинами поляковъ. Тѣмъ менше онъ стоитъ на томъ, что съ стороны послѣднихъ нѣтъ причинъ къ враждѣ.

Прежде всего мы желали бы увѣрить почтенную газету, въ которой напечатана названная нами статья, что русины вовсе не питаютъ *вражды* къ полякамъ. Въ этомъ могутъ убѣдить ее между прочимъ упомянутое выше возваніе львовской русинской рады 1848 г. в прошеніе, поланное русинскими депутатами австрійскому государственному министру въ сентябрѣ 1861 год. Въ послѣднемъ именно говорится: «мы не желаемъ, чтобы мазурамъ (полякамъ) навязывали нашъ языкъ» и категорически выражена просьба, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сплошное населеніе или большинство его состоитъ изъ русиновъ, слѣдовательно гдѣ ученіе въ школахъ должно преподаваться на русинскомъ языкѣ, — чтобы въ этихъ мѣстностяхъ польскимъ ученикамъ доставлена была возможность учиться и польскому языку. Какая же это вражда? Да и вообще кто хорошо знакомъ съ южнорусскимъ племенемъ, къ которому принадлежатъ русины, тотъ не можетъ допустить въ нихъ вражду, о которой говорится въ статьѣ «Сѣв. Пчелѣ»: такая вражда не въ ихъ натурѣ. Въ дѣйствительности русины, убѣжденные вѣковымъ опытомъ, продолжающимся и въ наши дни, что съ поляками каша

не сваримъ, желаютъ одного: чтобы поляки оставили ихъ въ покое. Отъ этого до вражды конечно далеко.

Но допустимъ даже и вражду. Во всякомъ случаѣ она не «сословная только», какъ это проводится въ статьѣ «Современные русинскіе поэты». Впрочемъ такое положеніе подрывается въ этой же самой статьѣ. Такъ въ одномъ мѣстѣ ея рассказывается, что «когда поляки, въ 1848 г., предложили на сеймѣ своемъ въ Львовѣ ввести въ русинскихъ народныхъ школахъ преподаваніе польскаго языка, то русинскій сеймъ въ Львовѣ предложилъ введеніе въ эти школы нѣмецкаго языка, чтобы избѣжать ополченья, — следовательно имѣлъ въ виду цѣль далеко не «сословную только». Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ говорится, что русины сословный интересъ смѣшали съ племеннымъ. Статья очевидно *перепутала поспрошки*, какъ она выразилась объ одномъ русинскомъ стихотвореніи. Дальше она опять твердитъ о сословной враждѣ. Для убѣжденія въ ошибочности такой мысли мы готовы указать на исторію русинскаго края въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Но намъ могутъ замѣтить, что это *старая исторія*. Такъ попробуемъ напомнить общезвѣстные факты послѣдняго времени. Мы надѣемся, что «Свѣд. Пчелѣ» извѣстны статьи польскихъ газетъ и нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, а также извѣстно о множествѣ памфлетовъ и брошюръ, въ которыхъ поляки съ жаромъ, достойнымъ болѣе благодарной цѣли, но совершенно безуспѣшно, силятся доказать, что южнорусскій народъ, часть котораго составляютъ русины, вовсе не особый народъ, а польское племя, вродѣ мазуровъ, малополанъ и т. п.; что южнорусскій языкъ не особый языкъ, отличный отъ польскаго, хотя и родственный ему, а провинциализмъ послѣдняго; что нашъ смиренный Несторъ — польскій писатель, «Русская правда» и «Слово о полку Игоревѣ» написаны попольски и т. д. Не дальше какъ въ нынѣшнемъ году, и не въ Галиціи, гдѣ польскія тенденціи проявляются осязательнѣе и въ формахъ болѣе широкихъ размѣровъ, а въ Кіевѣ издана брошюра, пользующаяся между массою тамошнихъ поляковъ неопровержимымъ авторитетомъ: «Poster i wsteczność» (прогрессъ и регрессъ). Авторъ ея, нѣкій г. Катковскій, самымъ серьезнымъ образомъ убѣждаетъ замѣнить русскую азбуку латинскую — какъ вы думаете, для чего? Для того, чтобы догнать Европу и пользоваться плодами цивилизаціи! Онъ полагаетъ, что стоятъ надѣть на русскаго человѣка иностранные штаны — и науки, искусства и пр. процвѣтутъ на Руси. Напомнимъ еще здѣсь объ ополченіи польскихъ пановъ русскихъ югозападныхъ губерній противъ «Грамматки» г. Кулиша по проектъ ихъ относительно могилы Шевченка. Если нашей почтенной газетѣ извѣстны всѣ эти вещи, то

мы надѣмся, она согласится съ нами, что стремленія поляковъ далеко не «сословныя только». А еслибы она была коротко знакома съ характеромъ и современнымъ состояніемъ племень, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣла въ восточной Галиціи корреспондентовъ или по крайней-мѣрѣ слѣдила бы за мѣстными періодическими изданіями, особенно за русинскимъ «Словомъ», она не рѣшилась бы говорить о «сословной только» враждѣ. Ей было бы извѣстно тогда, что еще въ концѣ прошедшаго года русины подали правительству два предложенія, въ которыхъ стараются разсвѣять предубѣжденіе, будто они польское племя, и просятъ объ отдѣленіи западной Галиціи отъ восточной и объ официальномъ признаніи въ послѣдней народнымъ языкомъ русинскаго, а не польскаго языка, а также о введеніи его во всѣ высшія и низшія училища и въ учрежденія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство населенія русинское. Это обстоятельство очевь ясно и убѣдительно говоритъ въ пользу національнаго, а не «сословнаго только» характера антагонизма между галицкими поляками и русинами.

«Еслибы «Сѣв. Пчела» слѣдила по крайней-мѣрѣ за русинскимъ «Словомъ», ей было бы извѣстно, какъ галиціе поляки и въ настоящее время употребляютъ всѣ, даже неблаговидныя мѣры въ изгнанію и недопущенію русинскаго языка въ народныя школы русинскія и въ мѣстныя городскія и сельскія судебныя и административныя учрежденія, что они сочиняютъ и распространяютъ клеветы и карикатуры на русинское духовенство, честно ратующее въ пользу своего народа, а также на издателей единственной въ Галиціи русинской газеты и писателей, защищающихъ народныя права. Еслибы почтенной редакціи «Сѣв. Пчелы» были хорошо извѣстны всѣ эти обстоятельства, то мы увѣрены, она отказалась бы отъ статьи «Современные русинскіе поэты», свою солидарность съ которой она къ сожалѣнію заявила, помѣстивши ее въ своихъ столбцахъ даже безъ всякой оговорки.

Въ этой статьѣ утверждается еще, какъ замѣчено выше, что въ настоящее время со стороны галицкихъ поляковъ нѣтъ причинъ къ враждѣ, что они искренно желаютъ примиренія съ русинами... Эти фразы не подкрѣплены никакими фактами. Можно было бы подумать пожалуй, что авторъ дошолъ до нихъ способомъ, которымъ г. Ляпкинъ-Тяпкинъ дошолъ до сотворенія міра. Но и въ этомъ грѣхѣ нельзя обличить его. Тутъ просто виновата «Национальная безтактность»: авторъ прочиталъ ее, вспомнилъ, что австрійское правительство не очень-то заслуживаетъ сочувствіе, а въ заграничныхъ газетахъ поляки увѣряютъ, что они большіе либералы, и повѣрилъ послѣднимъ; а тутъ какъ нарочно подвернулись двѣ-три

русинскія книжки, въ которыхъ говорится, что австрійцы дрянн, а поляки еще хуже. Вотъ нашъ авторъ и написалъ статейку: «Вы молъ, господа, сами не понимаете своихъ выгодъ... Поляки протягиваютъ вамъ братскую руку, а вы слурю брыкаетесь. Это нехорошо! Зарубите себѣ на носу, что австрійское правительство... Метернихъ... Вахъ...» и т. д. Притомъ мы должны замѣтить, что въ статьѣ г. В. Н. выходитъ здѣсь маленькая неясность. Сначала онъ, вычитавши въ «Голосѣ» (1) названія *старой* и *новой Руси*, дѣлаетъ *догадки*, что это должно-быть русинскія партіи, и на основаніи такихъ догадокъ строитъ предположеніе, что и между галицкими поляками вѣрно существуютъ подобныя же партіи; затѣмъ говоритъ вообще о галицкихъ полякахъ; а въ самомъ концѣ своей статьи онъ уже положительнo говоритъ о «партіи польской національности, которая подъ вліяніемъ новыхъ началъ, а не преемственнаго преданія, онеостепеннаго за давностью лѣтъ, пытается постановити иные междусословныя и международныя отношенія, нежели тѣ, какія дѣйствовали доселѣ и которыя безъ потеря могутъ быть сланы въ архивъ». Туда имъ и дорога. Изъ такихъ несообразностей мы вправѣ заключить, что авторъ вовсе незнакомъ съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Что же касается насъ, то мы рѣшительно ничего не знаемъ о томъ, чтобы между галицкими поляками существовала какая-нибудь партія, которая бы искренно и громко признала въ русинахъ совершенно равноправный себѣ народъ, способный располагать собою по собственному усмотрѣнію и сообразно своимъ свѣдѣніямъ. Убѣдительно просимъ г. В. Н., если онъ знаетъ что-нибудь *положительное* о такой партіи, подѣлиться съ публикой. Тогда и мы можемъ вѣсколько иначе смотрѣть на все это дѣло.

Говоря о характерѣ *вражды*, мы могли замѣтить какъ поляки относятся къ русинамъ. Гдѣ же это искреннее протягиваніе братской руки? Въ томъ, что мы сообщали выше, этого незамѣтно: напротивъ видно только стремленіе къ подавленію русинской народности и къ полонизированію. Ужь не въ упоминаемомъ ли авторомъ обстоятельстве, что «польскія газеты разжигаютъ и растравляютъ вѣчное несогласіе въ средѣ галицкаго народонаселенія»? Не въ постоянныхъ ли оскорбленіяхъ *святотуреццевъ* (2)? Не въ томъ ли, что поляки предъ австрійскимъ правительствомъ всячески чернятъ русиновъ; обвиняютъ ихъ въ стремленіи предаться Россіи, въ наклонности къ *схизму*, т. е. православію? и т. д. и т. д. Нѣтъ, если-

(1) Русинское стихотвореніе.

(2) Отъ церкви св. Юрія, при которой живетъ русинскій митрополитъ. *Святотуреццами* поляки въ насмѣшку называютъ всѣхъ ратующихъ за народъ.

бы нашъ авторъ былъ знакомъ съ современнымъ положеніемъ восточной Галиціи, онъ не говорилъ бы о томъ, будто поляки искренно ищутъ примиренія съ русскими. Они о немъ не заботятся, хотя позаботиться объ этомъ лежитъ на ихъ обязанности. Они должны сдѣлать первый шагъ къ сближенію; имъ это легче: они составляютъ высшее сословіе и обладаютъ образованіемъ и матеріальными средствами. Но они не сдѣлали этого шага, они хлопочутъ не о примиреніи съ русскими, а о подчиненіи ихъ себѣ, какъ народности. Такъ нечего же вину въ существованіи между этими племенами антагонизма взваливать на прошедшую исторію да на русиковъ. Нечего также обвинять и австрійское правительство. Оно конечно пользуется въ общественномъ мнѣніи незавидною репутаціею; ему полезно поддерживать существующій антагонизмъ; но что оно могло бы успѣть, еслибы поляки дѣйствительно искренно желали примиренія и энергично искали его? Старанія его остались бы тогда безуспѣшными.

Мы видѣли, протягиваютъ ли поляки братскую руку русскимъ. Можно ли послѣ этого обвинять послѣднихъ въ оттапливаніи этой руки, въ непониманіи собственныхъ выгодъ? Да вѣдь это было бы наконецъ вновь открытое *табунное свойство*. Сначала его приписывали русскому народу, теперь навязываютъ русскимъ... не по родству ли? Гдѣ данныя, въ силу которыхъ можно приписать его русскимъ? Неужели только въ силу словъ известнаго публициста, приведенныхъ почтеннымъ авторомъ въ своей статьѣ, — что «въ массахъ чрезвычайно много непосредственнаго, стихійнаго, покорнаго, не логическимъ выводамъ разума, а своимъ непосредственнымъ влеченіемъ, даже прямо наперекоръ выводамъ разума»? Конечно, подъ вліяніемъ страсти масса дѣйствуетъ слѣпо, часто даже наперекоръ логическимъ выводамъ разума, точно также какъ и отдельное лицо. Но известно, что вліяніе страсти, по самому свойству этого ощущенія, не бываетъ продолжительна. Проходитъ первый дылъ — и масса, подобно индивидууму, успокаивается и затѣмъ въ своихъ повседневныхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ хладнокровно, подчиняясь собственнымъ интересамъ. Масса не есть ничто безличное: она не глыба, не мамина, не табушь, а собраніе живыхъ людей съ головою на плечахъ, съ сердцемъ въ груди. Масса, какъ напримеръ русинская, состоитъ изъ людей, соединенныхъ сознаніемъ единства происхожденія и языка, нравами, обычаями, общностью интересовъ и проч. Она очень хорошо понимаетъ свои выгоды и безъ постороннихъ внушеній умѣетъ отличать друга отъ недруга, даже недруга менѣе опаснаго отъ болѣе опаснаго. Поэтому напрасно Г. Б. Н. говоритъ о какой-то *слепой* враждѣ и *тупой* ненависти

и напрасно удивляется и негодуетъ на то, что русинныя вѣщцы предпочитаютъ полякамъ. Вѣщцы народъ ненадежный; они не выискиваютъ нѣтъ виду своей эгоистической цѣли. Это такъ. Ножь видѣли, что они все же что-нибудь существеннаго сдѣлали для русинновъ, тогда какъ въ галицкихъ полякахъ мы видѣли и нынче видимъ только упорное стремленіе къ колонизированію: «*pięnię Wisły*» — вотъ лозунгъ галицкихъ поляковъ.

Напрасно также моченный авторъ внушительно и съясно относится къ русинскимъ поэтамъ за то, что они твердятъ своему народу: «берегись поляка!» Вообще нужно замѣтить, что поэтъ (это очень старая истина), если онъ только дѣйствительно поэтъ, есть непременно продуктъ того общества, къ которому принадлежитъ: онъ носитъ въ себѣ и отчетливо сознаетъ все нужды и желанія своего народа, а какъ человекъ образованный и хорошо знакомый съ современнымъ положеніемъ дѣла, знаетъ средства, могущія задерживать или вѣрнѣе гарантировать удовлетвореніе потребностей его соотечественниковъ, лучше чѣмъ можетъ это внач публицистъ, живущій за тридевять земель и сулящій о дѣлѣ по слуху. Поэтому и русинскіе поэты, предостерегая своихъ земляковъ, думая г. Б. Н. знаютъ что дѣлаютъ, и мы рѣшительно не можемъ предпочесть ихъ совѣтамъ соображеній и внушеній автора «Современныхъ русинскихъ поэтовъ».

Мы должны однакожь упомянуть здѣсь, что въ названной статьѣ высказывается скорбь о существованіи вражды между галицкими поляками и русинами. Этой скорби мы не можемъ не раздѣлять: дѣйствительно, чрезвычайно грустное явленіе этотъ антагонизмъ, парализующій правильное развитіе обоихъ племенъ и предающій ихъ въ руки общаго врага. вмѣстѣ съ г. Б. Н. мы желаемъ скорѣйшаго искренняго примиренія поляковъ и русинновъ, такъ какъ только полъ этимъ условіемъ возможно ихъ само-бытное, здоровое развитіе.

Кстати здѣсь скажемъ нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ опасеній московскаго публициста. Какъ-то «День», говоря о польско-католической пропагандѣ въ нашихъ югозападныхъ и западныхъ губерніяхъ, выразилъ боязнь, что народъ въ этихъ провинціяхъ, безъ поддержки русскаго общества, предоставленный самъ себѣ, пожалуй превратится когда-нибудь, благодаря этой пропагандѣ, въ поляковъ, потеряетъ свою народность. «День» при этомъ вѣроятно имѣлъ въ виду онѣмеченіе нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ въ Германіи. О неправильности различія общества и народа мы можемъ-быть поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ. Теперь же не можемъ не выразить нашего удивленія по поводу означен-

наго выше опасенія. Какъ «День», претендующій на короткое званіе и кровное родство свое съ русскимъ народомъ, такъ мало знаетъ его, покрайней мѣрѣ южную его часть? Пусть уснеетъ почтовая газета. Конечно дружеское содѣйствіе русскаго образованнаго класса вовсе не лишнее для народа южнорусскаго (о бѣлоруссахъ мы не говоримъ, потому что недостаточно знакомы съ ними); но и безъ этого содѣйствія онъ не ополчится. Мы не будемъ указывать на то, какъ безуспѣшны были преслѣдованія его народности во времена Рѣчи-посполитой: эти преслѣдованія, какъ дѣшныя, естественно должны были вызывать сопротивленіе массы и сплачивать ее силами для отпора. Теперь конечно несравненно опаснѣе: теперь пропаганда дѣйствуетъ потаенно, подъ личиною доброжелательства. Но народность южнорусская сильна сама по себѣ, и для народа южнорусскаго недаромъ прошелъ вѣковой опытъ. Пропганда похнетъ только въ панскихъ дворцахъ, да и то немного; народъ же не поддастся и на лесть, такъ точно какъ онъ не поддавался передъ висѣльцею, кнутомъ, четвертованьемъ и проч.

РУССКІЙ

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ НАРОДНАГО ЗДОРОВЬЯ

Дниъ мысля, истину любя.

А. Майновъ.

Переблестывая одну изъ медицинскихъ газетъ, мы случайно напали на статью, которая уже по одному заглавію заинтересовала насъ. Эта статья озаглавлена такъ: «Давнишняя наша потребность». Что это за потребность? Чья эта наша? И отчего не выполняется эта потребность, если она давнишняя? Прочли мы заглавіе, да и подумали: мало ли у насъ потребностей! Кромѣ всеобщихъ, человѣческихъ, такъ-сказать физиологическихъ потребностей, у каждого есть своя, отдѣльная, личная потребность. Ктому же у насъ часто капризъ вводится на степень потребности; одному наобихъ кукулы, лошадки, другому чины и деньги, третьему нужна наука; тамъ нужны наряды, ухаживанья, маскарады, здѣсь... да словомъ у насъ тьма потребностей. Недаромъ сложилась русская поговорка: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Но очевидно потребность, о которой говоритъ авторъ, должна быть серьезная, сознательная: иначе она не помѣщалась бы въ такой серьезной газетѣ. Съ этой мыслью мы начинаемъ читать статью, и чѣмъ дальше читаемъ, тѣмъ болѣе и болѣе интересуемся ею. Прочли мы и вполне согласились съ авторомъ этой статьи, гдѣ онъ, касаясь здоровья большинства населенія Россіи, высказываетъ такія мнѣнія, приводить такія доказательства, противъ которыхъ идти было бы дѣломъ крайняго тупоумія или обскурантизма. Следовательно, помѣщая свою замѣтку, мы вовсе не имѣемъ сказать что-либо противъ мнѣній автора; напротивъ мы вполне согласны съ его взглядами. Следовательно — въ свою очередь прибавить пожалуй читатель (разумѣется неблагоговидный) — статья та, какъ дѣло рѣшное, сдана въ архивъ. Зачѣмъ поминать про старое? Что написано, то вѣроятно и прочитано. Конечно про-

читано, но кѣмъ? Многіе ли читали эту статью? Прочли ее только медики. Прочитали и вѣроятно съ сожалѣніемъ сказали: «да, правда!» Мы, прочитавъ ту же статью, испытали грустное впечатлѣніе, и знаете ли? половину своей грусти хотимъ свалить на васъ, читатель, — «и легче будетъ намъ». Вотъ что говорить авторъ:

«Въ Россіи считается 65 миліоновъ жителей и около 8½ тысячъ врачей; слѣдовательно на 7½ тысячъ приходится по одному медику. Еслибъ они распределены были равномерно по всему государству, то и тогда число ихъ сравнительно съ населеніемъ было бы весьма недостаточно; но когда исключить 5½ тысячъ врачей военныхъ и гражданскихъ, сосредоточенныхъ по службѣ своей на опредѣленныхъ пространствахъ и по прямымъ служебнымъ занятіямъ своимъ находящихся не въ состояніи оказывать врачебное пособіе жителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они размѣщены, то весьма легко можетъ статься, что на 20 тысячъ жителей едвали придется и однакъ медикъ.» Какъ такъ? спроситъ удивленный читатель. У насъ въ Россіи мало врачей? Помилуйте! Напротивъ, ихъ такъ много расплодилось въ настоящее время. Что годъ, то сотни молодыхъ врачей оканчиваютъ курсъ. Да гдѣ же они? куда дѣваются? И напримѣръ, деревенскій житель, успѣю два раза умереть, прежде нежели получу своевременную помощь. Не вѣрите? Послушайте что дальше говоритъ авторъ: «Захворалъ ли кто-нибудь изъ сельскихъ жителей отъ простуды, или отъ другой какой-нибудь причины, куда ему обратиться за врачебнымъ пособіемъ? Городъ далеко, а въ деревнѣ нетолько нѣтъ фельдшера, но и знахарь или какая-нибудь лекарка живетъ за двадцать, за сорокъ верстъ. Что тутъ дѣлать?»

Нечего тутъ дѣлать, отвѣчаемъ мы. Остается предаться силѣ природы, по пословицѣ: вынесетъ — ладно, не вынесетъ — тожъ. Вотъ въ какое безотрадное, безвыходное положеніе поставлены сельскіе жители. А вѣдь ихъ большинство въ сравненіи съ городскимъ населеніемъ, да и причинъ заболѣть у нихъ не меньше чѣмъ у насъ съ вами, читатель. Представьте себѣ крестьянина, который покосилъ въ собственномъ смыслѣ до упаду, да тутъ же и легъ отдохнуть на сырую землю. Кажется не много и уснулъ-те, а глядишь и схватилъ лихорадку, да все лѣто и лежитъ; у другихъ покосъ и живо давно уже конченъ, а онъ все лежитъ, пока силы природы не преодолеютъ болѣзни, а другой разъ похвораетъ-похвораетъ, да и душу Богу отдастъ. А что значить семья безъ хозяина, безъ работника? Или еще: жала женщина рожь да и обрѣзала себѣ палець. Она жала очень усердно и такъ сильнохватила серпомъ, что пальцацѣ какъ и не бывало. Кровь ручьемъ лѣтъ,

а она не знаетъ что тутъ дѣлать; плачетъ; сидя на ономъ. Наплакалась, завязала палець и опять прививается за работу. Палець начинаетъ ломать, она присыпала табаконъ — нѣтъ облегченія; палець распухъ, да и вся ручная кисть сдѣлалась какъ полутка. Она купоросомъ угощаетъ руку — нѣтъ легче. Она къ знахаркѣ; эта пошептала, sprыснула снадобьемъ и внутрь дала, а толку все нѣтъ. Палець червѣеть и виситъ какъ тряпка на ниточкѣ. Не-душая долго, она сама сдѣлала себѣ операцию. Это еще хорошо, если дѣло ограничилось однимъ пальцемъ; намъ случалось видѣть и хуже. При этомъ представьте ея нравственное страданіе: на нее смотреть въ домѣ какъ на бремя, какъ на лишнюю даршотѣдку, потомучто она не работаетъ, а она нужна какъ рабочая сила. Она видитъ все и понимаетъ, и жизнь ей не мила. Или вотъ еще случай: приходитъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ женщина съ опухшею, перевязавной шеекой. Я подумалъ — охотъ, не вишное дѣло. Спрашиваю ее: давно ли, какъ и что? «Да вотъ, говорить, убирала я съ отцомъ сѣно въ сарай; онъ подавалъ вилами, а я сверху принимала; тутъ онъ и хватилъ мнѣ острымъ концомъ въ ротъ.»

Позвольте еще рассказать одинъ случай, но предупреждаю васъ, читатель, что я не сказочникъ и анекдотовъ не люблю, а представляю факты, взятые прямо изъ жизни народной. Случилось мнѣ видѣть слѣпного; слово за слово — и я узналъ, что этотъ бѣднякъ во время молотбы засорилъ себѣ глаза. Болеть потерять зрѣніе, онъ обратился за помощію къ сосѣдкѣ-лекаркѣ, которая приходилась ему ктому же кума. Вотъ она и помогла ему: вприснула ему въ глаза чего-то; ему хуже да хуже и теперь онъ совсѣмъ слѣпой. Что бы далъ этотъ бѣднякъ снова увидѣть божій свѣтъ!

Вы пожалуй скажете: зачѣмъ онъ довѣрился необразованной лекаркѣ, а не воспользовался помощію врача? Да гдѣ онъ? Въ городѣ, а городъ далеко; да и застанетъ ли онъ дома уѣзднаго лекаря, когда у него, кромѣ непосредственной обязанности заботиться о сохраненіи здоровья всего уѣзда, есть еще на рукахъ обязанность: это слѣдствія по случаю внезапной смерти? Да наконецъ можетъ ли уѣздный врачъ слѣдить за здоровьемъ жителей всего уѣзда, гдѣ 50—60 тысячъ жителей? При этомъ вы конечно знаете, что Русь наша широка, что есть губерніи, которыя по пространству больше отдѣльныхъ государствъ. Архангельская губерніи на-примѣръ раскинута на площади въ 775,386 кв. верстъ; астраханская ширетъ 193,310 к. в., — такъ врачъ уѣздный при всей своей добросовѣстности и энергіи не въ состояніи выполнить своей священной обязанности.

Обыкновенно ставитъ въ вину нашему русскому люду, что онъ не любитъ лечиться, предпочитая доктору. Въ этомъ есть доля правды; но эта неохота съ его стороны происходитъ вовсе не оттого, чтобы онъ сомнѣвался въ знаніи лекаря или не вѣрилъ ему по суевѣрію. Нѣтъ, онъ, всегда готовъ вѣрить, но его страшатъ дальность поѣздки, особенно въ рабочую пору; онъ боится вовсе не врача, а потери времени и денегъ: слѣдовательно лечиться ему мѣшаютъ экономическіе расчеты, а отнюдь не суевѣріе или отшель. Въ этомъ легко убѣдиться опытомъ. Пріѣзжайте въ деревню и скажите, что вы докторъ. На другой же день къ вамъ пріѣдутъ большіе съ самыми разнообразными недугами, и просятъ весь вечеръ нить. Они готовы довѣриться всякому, а тѣмъ болѣе «доктору», какъ они говорятъ, сознавая, что они «цароль темный».

Почти слово въ слово мнѣ приходится цитировать слова автора статьи. Онъ говоритъ: «Не оттого ли скупятся на медиковъ, что нашъ арестной люду не любитъ обращаться за совѣтомъ? Но это несправедливо, — продолжаетъ авторъ — и смели онъ, русскій люду, относится потешивать о своемъ недугѣ къ знахарю или бабѣ, заговаривающей всѣ болѣзни, то именно потому, что докторъ для него личность рѣдкостная; а будь онъ къ нему поближе, то конечно онъ не обошелъ бы его и не промѣнялъ бы ни на какого поллуна или ворожейку. Это мы говоримъ по собственному опыту.»

Далѣе авторъ, разсуждая о дурной болѣзни, которая, какъ неизбѣжное зло гнѣздится на фабрикахъ и заводахъ и всюду разносится по деревнямъ фабричными рабочими, говоритъ: «Чтобы помочь своему горю (избавиться отъ заразы), больной, за неимѣніемъ врача, отдастъ себя въ руки знахаря, и обыкновеннымъ результатомъ такого выбора бываетъ ослабленіе заразы и разстройство общаго здоровья въ слѣдствіе непомѣрнаго внесенія въ организмъ ртутиальныхъ средствъ. Кто виноватъ изъ нихъ такому несчастному исходу болѣзни: больной или знахарь?» Самъ же авторъ разрѣшаетъ вопросъ, оправдывая того и другого. «Всякому больному — говоритъ онъ — свойственно желать себѣ выздоровленія, и впрочемъ ли онъ, что за недостаткомъ врача долженъ повѣрять себя знахарю? А слѣдуетъ ли и этого обвинять за то, что онъ изъ состраданія къ больному собрату предлагаетъ въ услугу все свое скудное знаніе въ дѣлѣ леченія? Еслибы первому всегда доступна была помощь врача, то конечно онъ былъ бы неправъ, предпочитая ему неимѣнство деревенскаго самоучки; но медиковъ для крестьянъ у насъ нѣтъ, врачеваніе болѣзней ихъ предоставляется силамъ природы, и что имъ угодно будетъ слѣвать съ недугомъ, на то суда и расправы нѣтъ.»

Вотъ какъ лечится въ деревняхъ одна изъ страшныхъ болѣзней, выходящихъ человѣческой родъ, страшныхъ какъ для заразившагося большого, такъ и для его семьи. Этою же помѣщеніе въ шубѣ, общій столъ, вся обстановка благоприятствуетъ привитію заразы отъ одного къ другому; такимъ образомъ по цѣлымъ годамъ болѣзнь эта держится въ деревнѣ и передается по наследству. Намъ случалось видѣть страшные результаты этой болѣзни на обезобразенныхъ до крайности женщинахъ и ихъ дѣтяхъ. Больные эти различны, какъ говорятъ, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Да наконецъ еслибы они сами лично были виновны въ зараженіи, — медицина не наказываетъ, а лечитъ. Если съ этой точки смотрѣть на болѣзнь и отыскивать ихъ причины, то мы пожалуй будемъ кругомъ виноваты: мы напримѣръ дозволили неосторожно покушать и страдаете расстройствомъ пищеваренія. Развѣ не слѣдуетъ лечить васъ?

Теперь посмотримъ насколько гарантировано здоровье дѣтей бѣдныхъ сельскихъ жителей. Можно безъ преувеличенія сказать что положеніе ихъ самое печальное. Посмотрите статистическія свѣдѣнія о смертности дѣтей. Какой процентъ доживаетъ до двадцатилѣтняго возраста? Конечно это происходитъ отъ недостатка медицинскіхъ пособій. Извѣстно, какъ часто подвергаются дѣти расстройству пищеваренія и какъ часто умираютъ, а матери рѣдко обращаются за помощю, да и къ кому?.. Ребенокъ хрипитъ, какъ онѣ говорятъ, жалѣютъ, но тѣмъ дѣло и оканчивается; по-мочь рѣдко имъ приходится. Представьте теперь такого рода явленіе: въ деревнѣ появилась скарлатина или крупъ. Что тутъ дѣлать? Какъ помочь? Женщины плачутъ, и только; но чѣмъ онѣ помогутъ? Видя страданія дѣтей, онѣ пожалуй сунуть имъ тепленькую лепешку, найдутъ и кусочекъ меду — но ничто не помогаетъ. Ребенокъ не беретъ, отказывается отъ пищи, мечется, плачетъ или споконны лежитъ въ агоніи и умираетъ. Такъ болѣзнь ходитъ, воюетъ по всей деревнѣ, возьметъ съ дому какую ей угодно контрибуцію и уйдетъ. Вся деревня въ уныніи, помощи никакой. Вотъ положеніе деревенскихъ жителей въ случаѣ появленія эпидемической болѣзни. Сколько угодно жертвъ скарлатинѣ, столько она и возьметъ безъ всякаго сопротивленія и борьбы. Легко и привольно гулять ей по святой Руси. Авторъ разбираемой статьи, говоря о скарлатинной эпидеміи, рассуждаетъ такъ: «Родители бѣднаго малютки готовы дать руку помощи своему ребенку, но какъ и чѣмъ они ему пособятъ? Это для нихъ сущія потемки. Деревенскій знахарь и всѣ бабки-повитушки истощили запасъ своихъ врачевныхъ съ примѣсью непонятныхъ для нихъ самыхъ симпатическихъ и магическихъ знаній; —»

не напрасно, дѣло не дошло отъ него до малыхъ подростковъ, врачи—да гдѣ они? Въ городѣ, а до него не близко, да, вѣдь, дома ли его дома? Убѣды общирны, расчѣлды частые по дѣламъ сѣвѣстившимъ. При томъ, сидѣть даже на есебѣ свое, счастья больного медикъ и пошептѣль его и предвѣстель на то время приличное лекарство, то кѣмъ отъ одного леченія докторскаго, скарлатина не спасется, не пройдетъ, мало много, дней врачу пришептѣть за больнымъ; а возможно ли это для убѣднаго лекаря? Физически невозможно, отбѣчаемъ мы, до отъ, а отъ, причуть на легкой сарьской жителямъ. Они впрямую остаются въ ожиданіи. Кому же у насъ медицинскія академіи и факультеты при университетахъ? Неужели всѣ эти утѣшительныя повѣщанья въ пользу горожанъ? Кому же сотни молодыхъ врачей ежегодно заканчиваютъ курсъ, и нѣкоторые изъ нихъ пересылаются за границу для усовершенствованія въ спеціальныхъ познаніяхъ? Для чего такъ много тратится государство? Мы отвѣчаемъ словами автора на эти вопросы. «Мы не думаемъ,—говоритъ онъ—, чтобы всѣ эти хлопоты, заботы и наконецъ денежная трата государства оправдались только исключительно для принесенія пользы столичнымъ городамъ и нѣкоторымъ отаѣльнымъ служебнымъ сословіямъ. Ежели городское населеніе или войско жидеть право ожидать отъ государства средствъ и мѣръ къ сбереженію здоровья и леченію его, когда оно испорчено, то зачѣмъ же думать этого вспомошествованія прочихъ жителей государства? Они такіе же члены его, такъ же необходимы для его существованія, и числомъ своимъ можетъ-быть въ десять разъ превосходить населенія городскія?» Да стоитъ только прокатиться подальше отъ столицъ въ любой уѣздъ, въ захолустье, какъ поворотъ, чтобы убѣдиться въ истинности сказаннаго, а столичному жителю подобное сужденіе покажется безъ сомнѣнія парадоксальнымъ. Въ столицахъ врачей много, даже слишкомъ много. Въ Петербургѣ впрямѣ практикуютъ многіе профессора медицинскои академіи, въ каждомъ учебномъ заведеніи полагается докторъ, чуть ли не въ каждомъ кварталѣ особый врачъ. А сколько частныхъ практиковъ! Просто роскошь! Однихъ зубныхъ врачей кажется не перечесть. Здѣсь есть клиники, больницы, особыя отдѣленія для каждого рода болѣзней: стоитъ побывать на Выборгской-сторонѣ, чтобы убѣдиться, что мы въ настоящее время владемъ прекрасными средствами для излеченія болѣзней человѣческаго рода. Да чего! Мы и скотъ имлуемъ. У насъ есть ветеринарный институтъ и при немъ клиники для лошадей, рогатаго скота. Заболѣла ли собачка у барыни, она тотчасъ отправаляетъ ее на Выборгскую-сторону въ ветеринарную клинику, гдѣ хлопочуть около этой собачки, лечатъ ее. Значитъ

домашнія животныя обезпечены въ этомъ отношеніи. А люди, подобные намъ? Къ сожалѣнію они ничего подобнаго не имѣютъ. Если мы кушаемъ до пресыщенія, слѣдуетъ ли изъ того, чтобы не было голодныхъ? Впрочемъ я извиняюсь, начиная дѣйствовать на слушателя пасторальнымъ тономъ. Если не изъ филантропіи, если не по чувству человѣчности, то изъ экономическихъ расчетовъ слѣдовало бы обратить вниманіе на сочленовъ государства, которое гораздо болѣе выиграало бы, давъ имъ средства для обезпеченія своего здоровья, тѣмъ болѣе что это не потребуетъ большихъ издержекъ со стороны правительства. Да наконецъ общество сельскихъ жителей сложившись дастъ отъ себя достаточный капиталъ на этотъ важный предметъ скорѣе, чѣмъ на поправку дорогъ и на починку мостовъ, которые (между нами будь сказано) всегда находятся въ состояніи, требующемъ починки и поправки. Недаромъ сложилась народная пословица: «кто по дорогамъ нашимъ не ѣзжалъ, тотъ досыта Богу не малывался».

Много можно бы было сказать по поводу вопроса, возбужденнаго авторомъ статьи: «Давнишняя наша потребность», но мы ограничимся перечнемъ фактовъ, представивъ ихъ объективно въ тѣхъ картинахъ, какія намъ случалось видѣть въ деревнѣ, и надѣмся, что читатель не сочтетъ эти факты порожденіемъ фантазіи, какъ мы не считаемъ статью втора проектомъ, выдуманнѣмъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Дай-богъ, чтобы вопросъ этотъ не оставался вопросомъ безъ отвѣта. Вопросъ же этотъ такой важности, что пройти молчаніемъ было-бъ слишкомъ нечеловѣчно.

Ж. Ч.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Благополучно совершающееся преддверіе. — Тишина и всплески, производимые редакторами и сотрудниками. — Воинственный эпизодъ. — Явленія, которыми не слѣдовало бы переходить черезъ границу двухъ тысячелѣтій. — Проектъ г. Федора Орлова. — Каша съ деревяннымъ масломъ. — Взгляды полицейскихъ властей на учрежденіе судебныхъ слѣдователей. — Исковыя дѣла, рѣшоныя безъ вымоганій. — Система сборовъ за проездъ по комоленой желѣзной дорогѣ. — Негодная зрительная труба. — Оправданія новоторовъ. — Новый Мортара. — Живой остатокъ древности. — Нашъ основной капиталъ. — Обзоръ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. — Новыя гимназій: двѣ частныя и три правительственныя. — Повелѣніе объ открытіи морского академическаго курса. — Сельскія школы въ одиннадцати губерніяхъ. — Число уставныхъ грамотъ. — Христіанская благодѣтельность. — Наборъ.

Начинаемъ статью, только-что проснувшись послѣ праздника, отдѣлывшаго насъ отъ минувшаго тысячелѣтія... Тихо вокругъ насъ! Тихо было и вчера! Торжественной поступью, расхаживая въ развалъ по Марсову полю и Невскому проспекту, перешли мы черезъ границу, и какъ-будто неслышно для насъ погрузилось въ вѣчность цѣлое тысячелѣтіе. «Видишь: точно такъ нарисовано, какъ оно тамъ слѣлано», говорили зрители, стоя передъ декорацией у Казанскаго собора, изображавшею памятникъ тысячелѣтію, пока еще было свѣтло и не зажглась иллюминація. Кромѣ этого тонкаго и совершенно вѣрнаго замѣчанія намъ не удалось послушать ничего относящагося къ памятнику и знаменуемой имъ эпохѣ... Какія чувства и воспоминанія пробудили въ мильонахъ прожитыя тысячу лѣтъ, представленныя въ лицахъ на мраморѣ и бронзѣ, — мы незнаемъ; незнаемъ даже, были ли тутъ какія-либо чувства и воспоминанія. Если не были, то это оттого, что мильоны нашей эпохи хотятъ и могутъ жить только настоящимъ и будущимъ, а о прошедшемъ вспомнить послѣ, когда немножко поживутъ.

«Въ литературѣ господствуетъ полная тишина», говоритъ намъ одинъ чуждѣй фольетонистъ. Не хотѣлось бы съ нимъ соглашаться, да нельзя: въ литературѣ точно тишина. Конечно, замѣчаюся по временамъ вслески, подобныя всплескамъ, возникающимъ во время полнѣйшаго безвѣтрія на гладкой поверхности воды метнувшіюся рыбой, — вслескамъ, единственными послѣдствіемъ, которыхъ бываютъ краснорѣчиво-разходящіеся концентрическіе круги, постепенно слабѣющіе и исчезающіе въ продолженіи минуты. Такъ широкъ гладь нашего словеснаго моря возмущалась на днѣхъ оттого, что металась два крупныя редактора, — редакторы «Спб. Вѣд.» — новый или вступающій, и старшій или истекающій. Новый, какъ и слѣдуетъ всегда ожидать отъ свѣжихъ силъ, ударилъ бойче и авалью черной; старшій уклонился отъ удара и сталъ въ оборонительное положеніе. Плещули широкія волны; концентрическіе круги помесамъ во всѣ стороны вѣсть, что истекающая редакція «Спб. Вѣд.» прекратила телеграфическія депеши. «Въ самомъ дѣлѣ! точно вѣтъ депеши, а мы было и не замѣтили! Покорнѣйше благодаримъ, что освободилъ!» воскликнуть конечно подписчики «Спб. Вѣд.», и затѣмъ все стихнетъ, круги улягутся и попрежнему сравняется поверхность словеснаго моря.

Вокругъ акулъ и другихъ чуднѣхъ воднаго міра ходятъ малыя рыбки, суется и рохался за своей мелкой добычкой — мотыльками и крошечками, и рискуя сами слѣзаться добычкой крупнаго собрата; онъ ужасно беспокоится о своихъ крошечкахъ, пашущихся имъ интересомъ нервнѣйшей важности, и недоумѣваютъ, отчего крупный собратъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Вокругъ крупныхъ редакторовъ суется міръ маленькихъ сотрудниковъ, бѣгущихъ за маленькой добычкой и ужасно беспокоящихся о своихъ крошечкахъ: впечатанной въ обѣщанный срокъ статейкѣ, затерянномся въ типографіи листкѣ рукопися, вычеркнутой строчкѣ, изуродованномъ наборщиками словѣ... Все это имъ кажется интересомъ нервнѣйшей важности, и они недоумѣваютъ, отчего редакторы слушаютъ ихъ безпокойства съ такимъ видимо искусственнымъ и исключительно наружнымъ участіемъ и вовсе не хлопчутъ о томъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, составляющее предметъ ихъ безпокойства. Рѣдко, очень рѣдко рѣшаются эти малютки плюнуть во водѣ своимъ крошечнымъ хвостикомъ и прожвостъ на поверхности словеснаго моря мнѣвляторныя концентрическіе круги. Это можетъ случиться напримѣръ въ такомъ случаѣ, когда крупный редакторъ, какъ вѣкій жрецъ, затворяется въ капищѣ и освѣтается незримымъ для суедающихъ малютокъ — профановъ, свѣчаемъ нужнымъ удостоивать ихъ даже искусственнымъ и наружнымъ участіемъ. Тогда они

проникаются негодованіемъ, глубоко оскорбляясь невниманіемъ къ ихъ интересамъ-крошечкамъ, а не думаютъ того, что до крошечекъ ли редактору, когда онъ можетъ-быть самъ подъ гнетомъ мысли о своихъ, болѣе широкихъ интересахъ; можетъ-быть онъ въ своемъ капищѣ цѣлый день провелъ въ глубочайшихъ дипломатическихъ соображеніяхъ о томъ, какіе надлежитъ ему употребить контрфорсы и подпорки, чтобы удержать занятую позицію предъ лицомъ читающей публики, предъ очами общественнаго мнѣнія, могущаго страшно наказати его своей холодною за одну неложную выходку; до крошечекъ ли, до объясненій ли съ профанами, когда можетъ-быть въ то время какъ они взываютъ за дверями капища, онъ, утомленный дипломатическими соображеніями, уснулъ мучительнымъ сномъ и видитъ себя то несомымъ на рукахъ при громкихъ рукоплесканіяхъ, то летящимъ съ высоты, выѣсть съ темами своего журнала, при оглушительномъ и раздражающемъ свистѣ!.. Не догадываются объ этомъ маленькіе сотрудники и шлепаютъ хвостиками по гладкой поверхности словеснаго моря...

Подобныя вслѣски очень недавно произведены господами Якушкинымъ и Мстиславскимъ, и вызваны они были, какъ надо предпологать, незримостью редактора «Русскаго Вѣстника».

Г. Якушкинъ (какъ пишетъ онъ въ письмѣ, напечатанномъ въ 187 № «Моск. Вѣд.») въ началѣ нынѣшняго года отдалъ въ редакцію «Вѣстника» свою статью (подъ заглавіемъ «Бывалое»), съ условіемъ, чтобы по напечатаніи была ему возвращена рукопись. Статья напечатана. Двадцать разъ приходилъ г. Якушкинъ за статьей къ секретарю редакціи г. Васильеву, и двадцать разъ г. Васильевъ обѣщалъ отыскать и возвратити рукопись, а въ двадцать первый разъ объявилъ рѣшительно, что она возвращена не будетъ. Возымѣлъ было г. Якушкинъ дерзновенную мысль проникнуть во внутренность хранилища, обитаемой верховнымъ жрецомъ — г. Катковымъ, но двери капища предъ нимъ затворились, и былъ слышенъ гласъ:

«Оставь надежду навсегда!..»

Или вѣтъ, не такъ!

«Они не могутъ принять васъ; подождите г. Васильева.»

Г. Мстиславскій рассказываетъ (въ тѣхъ же «Моск. Вѣд.») слѣдующій казусъ. Редакція «Русскаго Вѣстника» заказала ему статью; онъ написалъ, редакція приняла. Потомъ явилась въ *Современной Лѣтописи* статья подъ тѣмъ самымъ заглавіемъ и съ подписью имени г. Мстиславскаго (съ подписью Мстиславскаго мы помнимъ въ *Современной Лѣтописи* статью: «Арсеvій Мацѣевичъ»). Но вотъ теперь г. Мстиславскій эту напечатанную статью не признаетъ

своею; говорить, что она съ его рукописью ни по содержанію, ни по изложенію ничего общаго не имѣетъ, что редакція всю ее имѣвила, «исказила», безъ его согласія. Вы можетъ-быть при этомъ подумаете: да чтожь тутъ согласіе? я заказалъ вещь и могу дѣлать съ ней что хочу. Оно конечно, редакція — ея дѣло хозяйское; но если я закажу столяру мебель, положимъ стулъ, потомъ обстругаю его собственноручно по своему, можетъ-быть немножко дикому вкусу, уничтоживъ сущность фасона, да и отдамъ стулъ на выставку мануфактурныхъ издѣлій, привѣсивъ къ нему имя столяра, — полагаю, что столяръ мнѣ за это спасибо не скажетъ, а скажетъ что-нибудь нехорошее. «Имя-то мое зачѣмъ тутъ? спроситъ онъ: — кто вамъ позволилъ вѣшать его на всякую дрянь?» Чтоже я отвѣчу? Стыдно мнѣ будетъ, и больше ничего. А какъ же было бы мнѣ въ подобномъ случаѣ стыдно передъ писателемъ, можетъ-быть въ посильный трудъ частичку души своей положившимъ!..

Поэтъ выразилъ удивленіе, что какъ это отцы наши сумѣли

такъ дивно сочетать

Европы лоскъ и варварство татарства!

Но еще удивительнѣе то, что это воспринятое нами по наследству умѣнье успѣло такъ глубоко войти въ плоть и кровь нашу, что мы всѣ, служители человѣческихъ идей, всюду, неисключая и каплицъ, обитаемыхъ верховными жрецами, провозглашая эти идеи, не чувствуемъ и не видимъ въ себѣ проявленій татарства въ новой, улучшенной формѣ. Мы иногда умѣемъ и даже любимъ мысленно ставить себя въ положеніе ближняго, но только въ такомъ случаѣ, если это положеніе лучше нашего; а если хуже — никакъ, ни за что не хотимъ и не умѣемъ: привычки не слѣзали! «Г. Якушкинъ!» докладываетъ слуга. — «Скажи, что занять, не могу принять; пусть ждетъ Васильева.» — Это говорится такъ легко, съ такимъ внутреннимъ спокойствіемъ, какъ будто что-то должное, совершенно согласное съ законами общжитія. Подумайте же, скоро ли мы можемъ ожидать такого златого вѣка, когда подобный отвѣтъ будетъ каждому казаться грубѣйшимъ нарушеніемъ правилъ здравыхъ человѣческихъ и общественныхъ отношеній! Долго ждать, милостивые государи, очень долго!..

Спокойно и тихо совершилось празднованіе тысячелѣтія. Торжественнымъ гуломъ принеслись отголоски изъ Новгорода. «Счастливыи былъ день: все удалось», говорятъ газеты. Войнственный эпизодъ, рассказанный въ 243 № «Сѣверной Пчелы», заключающій въ себѣ геройскій подвигъ г. Льва Камбека, взявшаго приступомъ пароходъ на Волховской пристани, принявшаго потомъ на себя его

команду и благополучно совершившаго триумфальное шествіе по Волхову, этотъ эпизодъ конечно нисколько не нарушаетъ мирнаго теченія праздничныхъ событій и только прибавилъ свѣжій лавръ въ побѣдннй вѣнокъ г. Льва Камбека.

Итакъ — мы въ новомъ тысячелѣтїи! Заѣдемъ же, вступая въ него, потащили мы за собой вышеупомянутые всплески? Вѣдь они случились тамъ, въ тысячелѣтїи шивувшемъ, тамъ бы ихъ и оставить! Да хорошо, еслибъ можно было это сдѣлать; но нѣтъ, они тлнются за нами неотвязнымъ хвостомъ!.. Еслибы можно-то было, мнѣгос бы мы оставили на томъ берегу, безъ грусти, безъ сожалѣнія...

Вонерныхъ попросили бы мы г. Федора Орлова оставить на томъ берегу свою удивительную мысль о преобразованїи семинарїи и гимназїи, состоящую въ томъ, чтобы въ семинарїи ввести гимназическій курсъ свѣтскихъ наукъ, а въ гимназїи семинарскую програму богословія, и уравнивши такимъ образомъ курсы тѣхъ и другихъ заведенїи, сдѣлать его совершенно неудобовѣрными ни для какой — ни для дѣтской, ни для юношеской головы. Эта мысль принадлежитъ прошлому тысячелѣтїю и должна бы оставаться въ немъ всецѣло, ибо новому она не нужна даже въ качествѣ исторической рѣдкости.

Вовторыхъ убѣдительно попросили бы мы г-жу Бидо, содержательницу пансіона благородныхъ дѣвицъ въ Москвѣ, въ случаѣ если она желаетъ и въ наступившемъ тысячелѣтїи продолжать содержаніе пансіона, оставить на томъ берегу обычай кормить дѣвочекъ деревяннымъ масломъ, а также и усвоенный ею взглядъ на ея обязанности въ отношенїи къ родителямъ этихъ дѣвочекъ. Просьбу нашу мы подкрѣпили бы документомъ, подписаннымъ г. Шапкевичемъ изъ Тобольска и напечатаннымъ въ 184 № «С. Петербургскихъ Вѣдомостей». Тамъ говорится, что онъ, г. Шапкевичъ, въ маѣ нынѣшняго года получилъ отъ своей дочери, воспитывавшейся въ пансіонѣ г-жи Бидо, письмо такого содержанія: «Вы хотите взять меня изъ пансіона послѣ рождества христова, но я прошу васъ оставить меня до того лѣта, когда я совѣмъ кончу курсъ, хотя мнѣ очень надоѣло въ пансіонѣ и я желаю съ вами поскорѣ увидѣться. Пансіонъ нашъ совѣмъ не такъ хорошъ, какъ былъ прежде, и еслибы я могла заниматься дома, то съ удовольствїемъ вышла бы изъ пансіона. М-ше Бидо не занимается такъ, какъ занималась м-ше Севенаръ (прежняя содержательница); м-ше Бидо занимается больше своимъ туалетомъ, нежели нашимъ ученїемъ. Пансіонъ надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣпки; столъ у насъ самый нехорошїй; третьяго дня намъ подали кашу съ деревяннымъ

масломъ и протухлую говядину; я постоянно голодна...» Черезъ мѣсяць или черезъ полтора послѣ этого письма г. Палкевичъ получалъ уже не отъ дочери и не отъ г-жи Бидо, а отъ постороннихъ лицъ, своихъ московскихъ знакомыхъ, извѣстіе, что дочь его послѣ семидневной болѣзни умерла. Въстѣ съ извѣстіемъ присланъ счетъ издержкамъ на леченіе и погребеніе; въ счетѣ, кромѣ лекарствъ, значится между прочимъ: порціи супу, фунтъ стеариновыхъ свѣчъ и фунтъ мыла, — «вѣроятно для вымытія бѣлья», прибавляетъ г. Палкевичъ, и заключаетъ изъ этого счета, что дочь его во время предсмертной болѣзни оставалась у г-жи Бидо въ неосвѣщенной комнатѣ, безъ супу и безъ чистаго бѣлья.

Читая вышеприведенное писмецо дѣвицы Палкевичъ, слушаю этотъ замогильный, осуждающій голосъ, мы чувствуемъ желаніе сдѣлать одинъ общій вопросъ: намъ хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь объяснилъ одно странное явленіе изъ физиологій нашего цивилизованнаго, живущаго на христіанскихъ началахъ общества. Скажите, какихъ сердечныхъ свойствъ должны быть тѣ люди, которые по собственной волѣ, можетъ-быть по призванію, избираютъ себѣ поприщемъ воспитаніе и образованіе дѣтей, посвящаютъ жизнь свою дѣтямъ, безсильнымъ, безоружнымъ, *малымъ симъ*, такъ крѣпко нуждающимся, чтобы пригрѣло ихъ теплое сердце? Неправда ли, что люди, избравшіе это поприще, должны быть по сердцу лучшіе люди, съ самой чистой душой, съ самыми свѣжими чувствами? Отчего же, откуда же берутся эти почти повсюдныя жалобы молоденькихъ пансіонерокъ на затхлую кашу, горькое масло и тухлую говядину? Откуда, какими общественными началами порождаются эти испитыя, золотупныя и худосочныя питомицы воспитательныхъ заведеній? Вѣдь къ жалобамъ ихъ дотогу привыкли, что всякій отдающій дочь свою въ пансіонъ напередъ рассчитываетъ, что она часто будетъ полуголодная, и потому считаетъ необходимымъ снабжать ее кой-какими копѣйками на приобретение булокъ и другихъ прибавокъ къ пансіонской пищѣ. Этого страшнаго явленія не объяснить даже и стихомъ, говорящимъ о свойствахъ общества,

Умѣшаго такъ дивно сочетать

Европы доскъ и варварство татарства, —

потому что напимѣръ г-жа Бидо, судя по имени, иностранка, да еще дщерь de la grande nation!.. Фу! какъ возмутительно!

Продолжаемъ начатое.

Пропресли бы мы еще почтенныхъ иногородныхъ представителей судебной и полицейской власти оставить на той сторонѣ и не

брать въ новое тысячелѣтіе своихъ косыхъ и неблагоклонныхъ взглядовъ на учрежденіе слѣдователей и затѣмъ уже не становится симъ послѣднимъ поперегъ горла, какъ изображено это въ любопытныхъ статьяхъ «Современнаго Слова» (см. № 56, 58 и др.), гдѣ между прочимъ говорится :

«Если учрежденіе судебныхъ слѣдователей было встрѣчено елинодушнымъ сочувствіемъ общества, то совершенно противоположное настроеніе духа возбудило оно въ представителяхъ городскихъ и земскихъ полицій. Мы не говоримъ здѣсь о томъ исключеніи, которое можно встрѣтить всегда и вездѣ, но покрайнеймѣрѣ большинство изъ представителей полицейской власти, взглянувъ на судебныхъ слѣдователей какъ на вѣчто враждебное, принадлежащее къ противоположному лагерю, имѣющему другую цѣль, какъ на вѣчто введенное въ старой нашей жизни только для того, чтобы отбить у порядочныхъ людей кусокъ хлѣба. Повѣстно, что такого рода возрѣніе не могло переработаться въ убѣжденіе, что назначеніе какъ судебныхъ слѣдователей, такъ и полицейской власти одинаково : служеніе обществу, и что представители ихъ, для болѣе успѣшнаго выполненія своего назначенія, должны подать другъ другу руки. Чтобы доказать, что полицейская власть еще не утратила своего значенія и въ дѣлахъ слѣдственныхъ, ея представители избрали два пути : 1) запрудить судебныхъ слѣдователей перепиской и производствомъ слѣдствій, по дѣламъ до нихъ вовсе неотносящимся, и тѣмъ лишить ихъ возможности употребить все вниманіе на дѣла, настоятельно того требующія, и 2) производить дознанія (предписанныя §§ 2 и 3 наказа полиціямъ) такимъ образомъ, что производство дальнѣйшаго, формальнаго слѣдствія и раскрытіе чрезъ него истины дѣлается несравненно труднѣе (а иногда и вовсе невозможно) послѣ полицейскаго дознанія, чѣмъ оно было бы при его отсутствіи.»

Какъ приводится въ исполненіе этотъ планъ полицейскими властями, можно хорошо понять изъ слѣдующаго, безъ сомнѣнія не фантастическаго примѣра :

«Въ городѣ NN проживаетъ всѣмъ извѣстный отставной чиновникъ, доведшій страсть свою писать прошенія и всякаго рода бумаги почти до сумашествія. Сей мужъ, — назовемъ его хоть Д. — положительно неимѣющій ничего кромѣ носильнаго платья и прокармливающейся собираніемъ милостыни, проживалъ у матери своей покойной жены, женщяны тоже очень бѣдной, квартировавшей въ домѣ мѣстнаго мѣщанина. Вслѣдствіе неспокойнаго характера Д. теща сгоняетъ его съ квартиры; чтобы насолить ей и доставать себѣ удовольствіе исписать стратное количество бумаги,

Д. оставляет на квартирѣ свои негодные къ употребленію штанишки и кузовокъ, а на другой день идетъ въ полицію, гдѣ объявляетъ, что его обокрали на сумму ста рублей серебромъ, что въ кражѣ этой онъ подозрѣваетъ тещу свою, г-жу М., и хозяина дома X съ женой; въ доказательство же справедливости обвиненія указываетъ на поличное, которое можно найти въ квартирѣ похитителей. Полиція, непринимая въ расчетъ, что Д. вчера только былъ согнанъ съ квартиры, что еслибы похищеніе и было учинено, то откуда Д. знаетъ о поличномъ? что наконецъ у него и не было никогда, да и быть не могло имущества на сто рублей, — дѣлаетъ обыскъ, находитъ точно штанишки и кузовокъ Д., и недѣлая другого дознанія, сообщаетъ о совершеніи преступленія для изслѣдованія судебному слѣдователю. Напрасно судебный слѣдователь входитъ съ представленіемъ въ уѣздный судъ, напрасно прописываетъ онъ всѣ обстоятельства, положительно доказывающія, что подобное дознаніе полиція не можетъ еще считаться за дознаніе, что оно должно быть произведено гораздо тщательнѣе: ему указываютъ на поличное и *предписываютъ* произвестъ слѣдствіе.»

Это по первому пункту плана, а вотъ по второму примѣръ немнѣе занимательный и поучительный:

«У крестьянина А. уведена съ полнознаго корма лошадь, и онъ объявилъ подозрѣніе на своего односельца Б. Представитель полиціи дѣлаетъ дознаніе, и Б. сознается, что кража лошади — его работа, что онъ учинилъ ее въ слѣдствіе подговора В. за десять рублей... Преступленіе стало-быть есть, характеръ факта выясненъ, и полиція должна была тотчасъ передать дѣло къ судебному слѣдователю; но дѣло въ томъ, что В. связанъ тѣсными узами съ полиціей, а потому его предупреждаютъ о показаніи Б., на случай обыска дають спрятать все подозрительное, находящееся у него на квартирѣ (чего надо полагать было много, потому что специальность Б. — переводъ краденыхъ вещей). Наконецъ, такъ какъ Б. показываетъ, что украденая лошадь передана В., то В. пишетъ въ полицію формальную росписку о покупке ямъ лошади у Б.; заносятъ росписку въ книгу, словомъ ограждаютъ В. формальностями такимъ образомъ, чтобъ слѣдователю никакъ нельзя было запутать В., и потомъ уже передаютъ свое дознаніе. Слѣдователь, получивши такого рода дѣло и понимая очень хорошо истину, пришолъ въ совершенное недоумѣніе, какимъ образомъ слѣлать истину настолько ясной, чтобы судъ могъ произнести свое сужденіе? Онъ вытребовалъ изъ полиціи книгу для занесенія росписокъ; росписка В. значилась тамъ подъ тѣмъ самымъ числомъ, когда уведена у А. лошадь; конечно, книга была не прошнурована и не скрѣплена,

стало-быть въ нѣсколько часовъ такихъ книгъ можно было написать десять; но за несоблюденіе формальностей отвѣтитъ только полиція, а В. остается правымъ; слѣдователь даетъ Б. съ В. очную ставку, но Б. напрасно ушачаетъ В., какъ своего сообщника: наученный полиціею, В. стоялъ на одномъ, что купилъ лошадь у Б. Слѣдователь спрашиваетъ В., при комъ же онъ купилъ ту лошадь? В. сначала говоритъ, что съ глазу на глазъ; но на другой день, будучи заарестованнымъ при полиціи, показываетъ, что тутъ было два свидѣтеля, и называетъ ихъ по именамъ. Слѣдователь вызываетъ свидѣтелей; являются два какихъ-то господина, готовые за цѣлковый и полштофа водки принять присягу въ чемъ угодно... Слѣдователь, видя, что В. выгораживаетъ себя свидѣтелями такъ, что остается предъ судомъ даже и не въ подозрѣніи, догадался употребить тотъ же способъ, которымъ была доказана невинность Сусанны: спрашиваетъ одного свидѣтеля, при немъ ли В. купилъ у Б. лошадь? Тотъ отвѣчаетъ: при немъ. — Гдѣ? — На базарѣ. — Можешь указать мѣсто покупки? — Свидѣтель сначала замѣшался, потомъ отвѣтилъ, что можетъ. Слѣдователь идетъ вмѣстѣ съ свидѣтелемъ на базаръ, и тотъ указываетъ на мѣсто купли лошади. Слѣдователь, не давая ему возможности видѣться съ товарищемъ, вызываетъ другого свидѣтеля, и съ тѣмъ повторяетъ ту же исторію; но мѣсто, указанное этимъ свидѣтелемъ, находится отъ мѣста перваго свидѣтеля въ разстояніи покрайней-мѣрѣ сажень на двѣсти. Послѣ того онъ даетъ имъ очную сводъ; на сводѣ оба свидѣтеля сначала страшно смѣшались, но потомъ одинъ поправился и говоритъ, что забылъ гдѣ видѣлъ, какъ В. покупалъ лошадь у Б., а теперь, припомнивши, онъ согласенъ съ показаніемъ своего товарища; слѣдователь потомъ даетъ имъ по одиночкѣ своды съ В., который показалъ третье мѣсто купли. В., видя, что въ полговорѣ забылъ одну статью, остается на своемъ показаніи, и несмотря на всѣ убѣжденія своихъ свидѣтелей, утверждаетъ, что купилъ лошадь вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ показываютъ свидѣтели, а на томъ, гдѣ онъ показываетъ... Такимъ образомъ безпрерывными очными ставками слѣдователю удалось спутать противорѣчіями В., но тѣмъ неменѣе имѣя за собой въ резервѣ росписку, полученную въ полиціи, В. все-таки не сознался, что подговаривалъ Б. красть лошадь и служилъ пріемщикомъ и переводчикомъ ея.»

Читая такіе чудные приемы, какъ не одушевиться на покорнѣйшую просьбу къ представителямъ полицейской власти, чтобы не становились они поперегъ горла судебнымъ слѣдователямъ? Но что наши молбы! Онѣ не помогутъ, онѣ не могутъ помочь, да и тѣ, къ кому мы обращаемся, не въ силахъ исполнить нашу не-

практичную просьбу. Тутъ уже не въ томъ дѣло... «Главной причиной того (сказано въ цитируемой нами статьѣ), что наказъ судебнымъ слѣдователямъ не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону, — то-есть ни общество, ни тѣхъ, кто долженъ былъ проводить учрежденіе въ общество, была по нашему мнѣнію его *одиночность*. Входя въ жизнь и въ тоже время оставляя за собой и переть собой городскія и земскія полиціи, уѣздныя суды, городовыя магистраты и уголовныя палаты, въ прежнемъ ихъ составѣ и съ прежними принципами, учрежденіе судебныхъ слѣдователей было уже парализовано къ самому зародышѣ и проч. Такъ вотъ какой хвостъ еще тянется за нами въ новое тысячелѣтіе, и скоро ли отрубать его у насъ — мы навѣрное незнаемъ.

Но если оказывается жестокимъ наше общее требованіе отъ всѣхъ представителей полицейской власти; если исполненіе его повлекло бы за собой для нихъ тяжкія жертвы, самоотреченіе и вообще непосильный подвигъ; если наконецъ оно въ настоящее время еще непрактично по существующему общему строю дѣлъ, — то покрайней-мѣрѣ г. рязанскій полицмейстеръ вѣроятно не отказалъ бы намъ въ просьбѣ утѣшить г. Метелькова для начала тысячелѣтія, покончивъ съ нимъ расчетъ на той сторонѣ, т. е. уплативъ ему тамъ долги по документамъ. Посудите сами: г. Метельковъ еще въ 1850 и 1851 г. (вѣдь это очень давно!) представлялъ ко взысканію въ рязанскую полицію долговые акты, и успокоился, надѣясь, что долги его рано ли, поздно ли будутъ взысканы. Но вотъ въ концѣ тысячелѣтія узнаетъ онъ, что дѣла его давнымъ-давно рѣшены и сланы въ архивъ, документы возвращены должникамъ, а деньги... денегъ нѣтъ, и гдѣ онѣ — неизвѣстно. Г. полицмейстеръ объяснилъ очень резонно, что «*о причинахъ зачисленія дѣлъ рѣшоными, безъ дѣйствительнаго по нимъ удовлетворенія, за выбитіемъ производителей самыхъ дѣлъ, объяснить невозможно*». Видите ли какъ это ясно! Но что вы будете дѣлать съ г. Метельковымъ, если онъ и заснѣтъ еще считаетъ себя неудовлетвореннымъ и все ждетъ какого-то отвѣта отъ полиціи, опираясь на то, что самъ-то г. полицмейстеръ *остается изъ полиціи невыбитымъ?* («Моск. Вѣд.» № 169.) Въ виду такого упрямства г. Метелькова можно предполагать, что онъ способенъ втѣченіе всего наступившаго тысячелѣтія не измѣнить своего горькаго убѣжденія, что рязанская полиція *должна* выдать ему деньги по его долговымъ актамъ; а потому и желательно было бы, чтобы г. полицмейстеръ расчитался съ нимъ какъ-нибудь, переноса съ того берега дѣлъ, уже тамъ рѣшоныхъ и въ архивъ сланныхъ.

Да внушить провидѣніе распорядителямъ московско-коломен-

ской желѣзной дороги благую мысль оставить въ достояніе прошлому тысячелѣтію ихъ небрежно-презрительные взгляды на публику вообще и на публику третьяго класса въ особенности в по преимуществу! Воззваніе это мы дѣлаемъ на основаніи извѣстій, сообщаемыхъ гг. А. Мансуровымъ (въ 169 № «Моск. Вѣд.») и нѣкимъ *Философомъ Гороховымъ* (въ 68 № «Совр. Слова»). Первый размышляетъ, что на коломенской дорогѣ мѣста очень дороги: третій классъ стоитъ 1 р. 36 к.; что рабочему челомѣку платить 1 р. 36 к. тяжело, даже очень тяжело. Вотъ какой представляется тутъ расчетъ:

Пѣшкомъ мужикъ дойдетъ до Коломны въ два дня; въ дорогѣ истратитъ на харчи 30 к. Проѣдетъ на облучкѣ у ямщика одинъ день и проѣстъ 15 к. Въ первомъ случаѣ два рабочихъ дня стоятъ лѣтомъ 1 руб., стало-быть дорога обойдется въ 1 р. 30 к.; а заплативъ ямщику полтинникъ и потерявъ одинъ день, рабочий челомѣкъ истратитъ 1 р. 15 к. Теперь на желѣзной дорогѣ: употребить полсутокъ — 25 к., проѣстъ 10 к., заплатить за мѣсто 1 р. 36 к., всего стало-быть потеряетъ 1 р. 71 к. При этомъ является еще слѣдующее соображеніе: пѣшкомъ рабочий безъ крайней нужды не пойдетъ, — онъ измучается дорогой, а за 50 к. *теперь* ямщикъ не повезетъ, такъ какъ прежде онъ возмалъ за эту цѣну мужиковъ, сажая внутрь тарантаса достаточныхъ людей по 3 руб. съ челомѣка. Теперь никто не поѣдетъ въ тарантасѣ за 3 руб., а посадить однихъ мужиковъ по полтиннику — ямщику невыгодно.»

Зачто же, милостивые государи, такая немилость къ бѣдной третьеклассной публикѣ, что нѣтъ ей ни малѣйшей льготы отъ существованія коломенской желѣзной дороги? «Желательно — возглашаемъ мы словами возродившагося «Дня», — чтобы господа учредители частныхъ компаній, которыхъ предприимчивости желѣзныя дороги и пароходы обязаны своимъ существованіемъ, устроили, по примѣру николаевской желѣзной дороги, дешовые, хотя и не столь скорые поѣзды, и вообще обратили бы вниманіе на удобства пассажировъ третьяго класса, съ которыми иногда обращаются слишкомъ нецеремонно и запросто.»

О нецеремонности и о самой крайней степени ея стоить процитировать рассказъ г. Философа Горохова...

«30 іюля въ 12 часовъ дня — говоритъ онъ — я обратился на московской станціи саратовской желѣзной дороги къ кассиру съ просьбою выдать мнѣ два билета до Либерцовъ (первой станціи въ девятнадцати верстахъ отъ Москвы), куда мнѣ нужно было по дѣлу съѣздить. Кассиръ, несоблюдая очереди въ выдачѣ билетовъ, по-

далъ таковыя четыремъ лицамъ, послѣ меня пришедшимъ, а я остался у окна кассы въ ожиданіи, что и моя просьба будетъ удовлетворена; потомъ онъ во второй разъ меня спросилъ, что мнѣ нужно? Я повторилъ мою просьбу о двухъ билетахъ до Либерцовъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что у нихъ въ копторѣ нѣтъ билетовъ напечатанныхъ до Либерцовъ, а подалъ мнѣ билеты на первый поѣздъ до станціи Роменской, пространствомъ на 60 верстъ отъ Москвы, съ поясненіемъ именно такими словами, что я *могу слѣзть въ Либерцахъ, а билеты должны взять до Роменскаго*, ибо у нихъ нѣтъ билетовъ до другихъ станцій. Я ему еще отвѣтилъ, что желаю сойти въ Либерцахъ, и что *будетъ ли справедливо брать съ меня деньги за разстояніе на 60 верстъ, когда я иду только на 19*, и по крайней необходимости взялъ билеты. Когда всѣ другіе ѣдущіе пассажиры уѣхали въ вагоны, то оказалось, что многіе, которымъ слѣдовало ѣхать до станціи Фаустовой, на 75 верстъ, уступая также необходимости поѣздки и пріѣзда на московскую станцію, получили билеты на 106 верстъ, до самаго Коломенскаго, что въ кассѣ будто только и имѣются напечатанные билеты до пунктовъ Ромны и Коломны. При выхогѣ въ Либерцахъ я встрѣтилъ мужичка, уже немолодого, утомившагося, прошедшаго пѣшкомъ изъ Москвы, неуспѣвшаго съ петербургской машины пересѣсть вовремя на коломенскую и послѣ желавшаго уже соблюсти экономію проходить въ Либерцы, гдѣ онъ намѣревался сѣсть на машину до Коломны. И надобно было видѣть его отчаяніе, когда съ него взяли тѣже деньги, что заплачено и ѣдущими изъ Москвы! Онъ горько жаловался всѣмъ на такую несправедливость... Пришолъ поѣздъ и коломенскій, и съ пасѣ, ѣхавшихъ изъ Либерцовъ обратно въ Москву, взяли деньги не за 19, а за 60 верстъ, какъ-будтобы мы мы ѣхали отъ Роменскаго. Билетовъ на поѣздъ здѣсь не выдавали, а деньги собиралъ одинъ кондукторъ прямо себѣ въ мѣшокъ, и весьма любопытно послѣ этого знать, какъ повѣряетъ его въ такомъ сборѣ доходовъ контора?.. Кто не платилъ за разстояніе, на билетахъ напечатаное, того не сажали.»

Такъ какъ же, гг. распорядители: нѣтъ билетовъ до Либерцовъ? и достать ихъ стало-быть вы не имѣете возможности... даже въ текущемъ тысячелѣтїи? Достаньте, хоть ради его и вашего добраго имени, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, а распоряженіе — брать за 60 вмѣсто 19 верстъ, распоряженіе, имѣющее такое разительное сходство съ маклачествомъ, оставьте на той сторонѣ!

Затѣмъ посовѣтовали бы мы г. Зрителю-Колошину бросить на той сторонѣ свою скверную зрительную трубку съ прелательскими стеклами, показывающими ему бѣольшую часть предметовъ навыво-

ротъ и вверхъ ногами, а въкоторыя очень серьезныя и нравственныя вещи — въ такомъ грязномъ и непристойномъ видѣ, что человѣку съ чистыми мыслями и чувствами совсѣмъ смотрѣть нельзя. Можете вообразить напримѣръ: сліяніе сословій представляется въ этой трубкѣ какимъ-то «скрещеніемъ породъ». Г. Колошинъ, доверившись трубкѣ, такъ и понялъ сліяніе сословій, и потому на 277 страницъ «Зрителя» нарисовалъ непримчивѣйшую картинку, изображающую толстую крестьянку на колѣняхъ у Франтовски-одѣтаго господина и элегантную барышню на колѣняхъ у кучера. Незадолго передъ тѣмъ было напечатано въ «Зрителѣ» письмо какого-то наивнаго подписчика, рассказавшаго, что въ Петровскомъ-Разумовскомъ былъ дешовый концертъ любителей, а послѣ концерта танцы, причемъ произошла попытка сближенія сословій, состоявшая въ томъ, что кавалеры вздумали выбрать себѣ дамъ изъ бывшихъ въ концертѣ поселянокъ, а къ дамамъ распорядители праздника подвели поселянъ, и составившіяся такимъ образомъ пары ходили польскій... Наивный авторъ отъ души восхищается этой *увеселительной* попыткой; а г. Зритель-Колошинъ, нагло обманутый тѣми же предательскими стеклами своей трубки, тиснущъ при этомъ слѣдующее полстрочное примѣчаніе:

«Помѣщая письмо нашего почтеннаго подписчика, мы дѣлаемъ это въ полной увѣренности, что онъ шутитъ. Можно ли допустить и въ одномъ благоразумномъ человѣкѣ желаніе сближенія кучеровъ съ *благовоспитанными* женщинами и крестьянскихъ *дѣвокъ* съ *примчивыми* мужчинами?.. Чтобы могли когда-нибудь смѣшаться выросковые сапоги съ брюками и *ситцевые сарафаны* съ *фраками*, объ этомъ дозволено мечтать только дѣтямъ, да и то совсѣмъ хорошо воспитаннымъ.»

Какъ хорошо воспитанъ *Зритель*, это показываетъ вамъ его затхлая мысль о «скрещеніи породъ», дальше которой ужъ онъ не пойдетъ.

Далѣе, совѣтовали бы мы господамъ *Новотору* и новоторжскому градскому головѣ Луковникову оставить на той сторонѣ свои оправданія противъ статьи г. Шишмарева о бывшемъ съ нимъ случаѣ въ Торжкѣ на пожарѣ, потомучто оправданія эти такъ слабы и такъ мало измѣняютъ сущность дѣла, что благородіе было бы со стороны оправдывающихся принять совершившійся фактъ безъ пльнненій, тѣмъ болѣе что онъ на массу новоторжскихъ граждацъ никакаго пятна и безчестья не кладетъ, ибо объясняется существовавшимъ общимъ настроеніемъ умовъ, имѣвшимъ свои источники; понятія же о г. Вавулинѣ, составившагося у читающей публики,

уже ничто не измѣнить, если только онъ не докажетъ положительно, что все рассказанное о немъ г. Шпшмаревымъ — неправда; такъ же и фразу, произнесенную толпой новоторжскихъ гражданъ, выразившихъ въ ней свое мнѣніе о г. мѣстномъ городничемъ, уже ничѣмъ не сотрешь съ газетныхъ столбцовъ. О чемъ же больше хлопотать?..

Но съ чѣмъ весьма надлежало бы разстаться навсегда при вступленіи въ новое тысячелѣтіе, это съ повтореніями *исторіи Мортара*, подобными тому, о которомъ повѣствуетъ г. И. Герцманъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». Вотъ сіе повѣствованіе:

«Нѣкто еврей Кайфманъ, изъ Авнополя, избралъ себѣ супругу изъ извѣстнаго въ Острогѣ семейства — Соскисъ. Послѣ семилѣтней супружеской жизни, во время которой Кайфманъ прижилъ двухъ дѣтей — дочь и сына, онъ влюбился въ какую-то дѣвицу-христіанку, и какъ водится, возненавидѣлъ свою жену. Однажды онъ предложилъ своей супругѣ разводъ. Поражонная неожиданнымъ ударомъ, она не согласилась однако на разводъ, потомучто уважала Кайфмана какъ отца семейства и любила его какъ мужа. Тщетны были всѣ усилія Кайфмана къ расторженію брака. Но какъ ни горько было супругѣ видѣть явную измѣну мужа, она рѣшилась покориться своей участи, и живя одна въ своемъ домѣ, приобрѣтала собственными трудами пропитаніе для себя и своихъ дѣтей. Наконецъ, видя, что нѣтъ никакого средства избавиться отъ жены, Кайфманъ принялъ христіанскую вѣру, въ полной надеждѣ достигнуть своей цѣли. Послѣ того прошло около двухъ лѣтъ, и слѣзъ его простыла. Оставшаяся супруга, послѣ долгихъ страданій, наконецъ утѣшилась, забыла о мужѣ и поселилась съ своими дѣтьми въ Славитѣ.

«Нѣсколько недѣль тому назадъ въ г. Острогѣ неожиданно привели въ оковахъ жену Кайфмана, державшую на рукахъ трехлѣтняго сына. Ихъ отправили въ тюрьму, а потомъ препроводили къ городничему, который съ угрозою потребовалъ отъ нея ребенка, чтобы обратить его въ христіанскую вѣру, согласно желанію родителя. Со слезами на глазахъ бѣдная женщина объявила при этомъ, что два года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея оставилъ семью, неизвестно гдѣ поселился и предоставилъ участь ребенка материнскому ея попеченію. «Почему же, прибавила она, хотите вы отнять у меня мою кровь, мое утѣшеніе?» Она крѣпко обняла своего ребенка, какбы недопуская насильственнаго захвата. Ее вторично отправили съ ребенкомъ въ тюрьму, куда не допустили ни одного изъ ея родственниковъ для подаванія ей пищи. Три дня про-

вела она тамъ, неѣвши, непивши. «Умру, говорила она, но не хочу видѣть моего младенца въ чужихъ рукахъ.» Послѣ того ее опять привели съ ребенкомъ къ городничему. Но такъ какъ и послѣ настоятельныхъ требованій она не согласилась отдать своего сына, то ее возвратили въ тюрьму и посадили на хлѣбъ и на воду. Въ такомъ положеніи она находилась съ сыномъ цѣлый мѣсяць. Однажды для осмотра тюремнаго замка прибылъ начальникъ, которому пришлось навѣстить и камеру, гдѣ находилась эта женщина. На вопросъ его, по какому преступленію она содержится, смотритель объяснилъ всѣ подробности дѣла. «Чтоже вамъ до этой женщины? Возьмите у ней ребенка, а ее освободите.» Рѣшено — сдѣлано. 27 мая текущаго года городничій привелъ въ тюрьму нѣсколько человекъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ и началъ съ узницей самый мягкій и пріятный разговоръ. Онъ увѣрялъ ее, будто мужъ ея желаетъ видѣть ребенка, поцѣловать его и возвратитъ потомъ къ матери. Она вышла на улицу, держа ребенка на рукахъ, но тутъ нѣсколько человекъ взяли у ней насильно младенца и вручили его какой-то служанкѣ, чтобы отвести на мѣсто крещенія. Между тѣмъ въ церкви собралось довольно прихожанъ, которыхъ пригласили избрать изъ среды своей воспріемаго отца. Всѣ въ одинъ голосъ порѣшили: отдать ребенка въ руки какаго-то десятскаго, съ платежомъ ему по девяти рублей въ годъ!»

Странное происшествіе, даже очень странное! Намъ даже незнаю почему кажется, что тутъ должно-быть что-нибудь не такъ; а впрочемъ можетъ-быть это только такъ кажется. Во всякомъ случаѣ разбирать это дѣло, впрелъ до объясненія съ другой стороны, страшно. Мы можемъ только желать, чтобы ни этого, ни другихъ подобныхъ ему происшествій не было на Руси.

Наконецъ, хорошо еслибъ не было впрелъ на Руси Владиміровъ Владиміровичей Трушинскихъ... Это что еще такое? спросите вы. Да вотъ что. Въ пронскомъ уѣздѣ рязанской губерніи есть село Панкино, а въ томъ селѣ Панкинѣ помѣщица Екатерина Павловна Трушинская; у ней супругъ Владиміръ Ивановичъ и сынокъ Владиміръ Владиміровичъ. Однажды временно-обязанная дворовая дѣвица сихъ помѣщиковъ Евфимія Савельева явилась къ мировому посреднику г. Федюкину и жалоблась, что Владиміръ Владиміровичъ избилъ ее безъ всякой причины. Пожаловавшись, она пояснила, что Владиміръ Владиміровичъ постоянно пребываетъ въ нетрезвомъ видѣ, бьетъ всѣхъ, кто попадаетъ ему на глаза, и часто грозитъ съ ножомъ, угрожая зарѣзать. Поэтому — избавьте дескать меня, г. посредникъ, отъ столь мучительной жизни; а сама-де помѣщица Екатерина Павловна имѣетъ доброе сердце, и любя безъ

мѣры сына . всегда ему потворствуетъ и не останавливаетъ его отъ непрличныхъ поступковъ. Надо же было случиться такъ , что при жалобѣ Савельевой лично присутствовалъ самъ помѣщикъ-родитель , Владиміръ Ивановичъ , и вообразите — онъ со всюю искренностью подтверждаетъ справедливость всѣхъ словъ просительницы, прибавляя , что сынокъ его, отъ потворства маменьки, отбилея отъ рукъ ; что самъ онъ, родитель, ничего съ нимъ сдѣлать не можетъ, и что ветолько дворовымъ людемъ , но и ему скоро придется уйти изъ дома. Послѣ такого откровеннаго и нелицепріятнаго заявленія посредникъ написалъ письмо Екатериѣ Павловнѣ, прося ее убѣдить сынка вести себя прилично и не драться. Получивъ и прочитавъ письмо , Екатерина Павловна позвала сотника и приказала ему выгнать Евфимью Савельеву съ двумя ея дочерьми — пяти и двухъ лѣтъ — изъ дома и изъ села. Приходитъ Евфимья опять къ посреднику и говоритъ , что непасть теперь, гдѣ ей съ дѣвочками приклонить голову. Посредникъ выдаетъ ей увольнительный актъ , а съ г-жи Трушинской взыскиваетъ на двухъ малолѣтнихъ . за десять мѣсяцевъ , восемь рублей. Конечно это распоряженіе г. Федюкина утверждено губернскимъ присутвіемъ.

Итакъ Владиміръ Владиміровичъ Трушинскій по всей справедливости долженъ былъ бы подлежать къ слачѣ въ архивъ прошлаго тысячелѣтія, ибо онъ скорѣе можетъ служить любопытнымъ экземпляромъ въ какомъ-либо археологическомъ музеѣ, нежели сноснымъ членомъ въ живомъ, современномъ намъ обществѣ.

Еслибы однако все вышесчисленное въ самомъ дѣлѣ осталось назади и не потянулось за нами, — чтоже бы мы взяли съ собою въ дальнѣйшій путь? Найдется , милостивые государи , найдется кое-что и захватить ; а въ случаѣ чего неостанетъ — наживемъ ! Мы не наслѣдники богачей , праздно пользующіеся накопленными прежде насъ сокровищами ; мы не избалованы никакой нравственной и умственной роскошью ; мы пока еще сыны нужды, живемъ крохами и жаждемъ приобрѣтать собственнымъ трудомъ ; у насъ очень много желаній и надеждъ ; въ воображеніи мы ворочаемъ горами и можемъ—быть будемъ ворочать ими на дѣлѣ , если окажется у насъ столько же силы воли и доброкачественной сердечной закалки, сколько имѣется теплыхъ желаній и надеждъ.

Мы живемъ пока крохами , но это крохи относительныя : для насъ собственно онѣ — сокровища , солидный фондъ , на которомъ мы основываемъ наши будущія приобрѣтенія. Напримѣръ недавно напечатанъ въ газетахъ «Краткій очеркъ главныхъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія за послѣднія семь лѣтъ».

Тутъ почти каждое распоряженіе — сумма, которая, будучи пущена въ оборотъ, принесетъ намъ большіе проценты... Припомнимте же эти главнѣйшія распоряженія :

Въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшено неограниченный приемъ студентовъ въ университеты, въ отнѣну постановленія 1849 г., ограничивавшаго число студентовъ въ каждомъ университетѣ (кромѣ медицинскаго факультета) комплектомъ трехсотъ человекъ.

Возстановлены упраздненныя прежде кафедры : въ 1857 г. государственнаго права европейскихъ державъ, а въ 1860 году — исторіи философіи, съ логикой и психологіей.

Въ 1859 году возвращено университетамъ принадлежавшее имъ по уставу 1835 г. право выписывать изъ-заграницы книги и періодическія сочиненія ученаго содержанія — безъ цензурнаго разсмотрѣнія.

Съ 1856 г. обращено вниманіе на недостатокъ способныхъ профессоровъ. Въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы университеты посылали отличнѣйшихъ изъ окончившихъ курсъ молодыхъ людей за границу для усовершенствованія и приготовленія себя къ профессорскому званію. Съ той поры университеты посылали избранныхъ за границу, но въ небольшомъ числѣ, по недостатку своихъ средствъ. Въ нынѣшнемъ 1862 г. эти мѣры повторились въ большихъ размѣрахъ, потому что министерствомъ испрошено разрѣшеніе отчислять на это *сто тысячъ* рублей изъ суммы, назначенной на усиленіе средствъ министерства. Теперь находятся за границей двадцать три человекъ, готовящихся къ профессорскимъ и учительскимъ должностямъ, да втеченіи наступившей осени предполагается отправить еще двадцать-семь человекъ.

Ришельевскій (одесскій) лицей, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, преобразовывается въ университетъ. Кромѣ того остальные два существующіе у насъ лицея : демиловскій (въ Ярославлѣ) и князя Безбородко (въ Нѣжинѣ) министерство предполагаетъ преобразовать въ высшія реальныя училища.

Мысль о пересмотрѣ университетскаго устава возникла съ 1856 года. Читатели знаютъ настоящее положеніе этого дѣла : новый уставъ окончательнo редактируется въ ученomъ комитетѣ. Въ «Очеркѣ распоряженій» говорится : «Непредрѣшая вопроса о тѣхъ вачалахъ, которыя будутъ руководствовать при окончательной редакціи поваго университетскаго устава, можно однако сказать, что онъ будетъ основанъ на *большемъ развитіи автономіи университетовъ*... Въ полученныхъ на проектъ устава замѣчаніяхъ *большей автономіи университетовъ* придается особенное значеніе, и полное

принятіе этого начала признается всѣми специалистами за единственное условіе, при которомъ представляется въ будущемъ прочное обезпеченіе достоинства науки и спокойной, правильной дѣятельности университетовъ.»

Въ томъ же 1856 году было приступлено къ составленію новаго проекта устава гимназій и училищъ. Этотъ трудъ оконченъ въ 1860 году, напечатанъ подъ названіемъ: «Проектъ устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній» и подвергнутъ общему обсужденію. По полученнымъ на этотъ проектъ замѣчаніямъ онъ передѣланъ, вновь напечатанъ подъ названіемъ «Устава общественныхъ учебныхъ заведеній» и въ началѣ нынѣшняго года препровожденъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Замѣчанія, сдѣланныя на этотъ послѣдній проектъ, составили шесть объемистыхъ томовъ. Разработка этихъ обильныхъ матерьяловъ и затѣмъ окончательная редакція устава возложены также на ученый комитетъ. «Чѣмъ бы ни копчались труды комитета (говорить «Очеркъ»), матерьялы, собранные для работъ его вышеозначеннымъ путемъ, заключаютъ въ себѣ высокій интересъ, какъ живое выраженіе современнаго взгляда нашихъ ученыхъ и педагоговъ на цѣль и устройство разныхъ учебныхъ заведеній и на тѣ воспитательныя начала, которыя по ихъ мнѣнію должны быть положены въ основаніе нашей педагогической дѣятельности. Главными началами при устройствѣ гимназій и училищъ здѣсь служатъ: сообщеніе этимъ учебнымъ заведеніямъ характера общеобразовательнаго, а не спеціальнаго, необходимость готовить для нихъ способныхъ преподавателей, большая самостоятельность самихъ учебныхъ заведеній и стремленіе къ сближенію ихъ съ обществомъ введеніемъ большаго участія его въ дѣлахъ училищъ.»

Для послѣдней цѣли, т. е. для усиленія участія общества в частныхъ лицъ въ дѣлѣ образованія гимназическаго и элементарнаго, употреблялись частныя мѣры, къ которымъ принадлежатъ:

- а) учрежденіе частныхъ гимназій;
- б) отмена ограниченія числа частныхъ пансіоновъ и школъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ;
- в) предоставленіе права учреждать должности почетныхъ блюстителей при всѣхъ приходскихъ училищахъ;
- г) учрежденіе воскресныхъ школъ;
- д) устройство женскихъ училищъ, съ предоставленіемъ управленія ими попечительнымъ совѣтамъ.

По первому пункту, т. е. относительно частныхъ гимназій, недавно послѣдовали два высочайшія разрѣшенія. Вопервыхъ на-

дворному совѣтнику *Келлеру* разрѣшено содержимое имъ учебное заведеніе въ С. Петербургѣ переименовать въ частную гимназію, вслѣдствіе чего заведеніе это, до сихъ поръ закрытое, дѣлается открытымъ. Въ вторыхъ учителю третьяго рода по русскому языку и словесности въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, коллежскому совѣтнику *Цынкаловскому* дозволено учредить въ С. Петербургѣ частную общеобразовательную и реальную гимназію.

Насчетъ отмѣны ограниченія числа частныхъ пансіоновъ въ «Очеркѣ распоряженій» есть слѣдующія замѣчательныя слова :

«Ограниченіе числа частныхъ пансіоновъ въ С. Петербургѣ и Москвѣ сдѣлано было въ 1833 году въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить существующимъ пансіонамъ возможность улучшаться. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло не то: какъ установленіе таксы на съѣстные припасы не содѣйствуетъ нисколько къ удешевленію ихъ, такъ и здѣсь постановленіе опредѣленнаго комплекта пансіоновъ и школъ, уничтоживъ свободную конкуренцію, послужило напротивъ къ ихъ упадку, а потому высочайшимъ повелѣніемъ 17 января 1857 года ограниченіе это было отмѣнено, и такимъ образомъ частнымъ держателямъ пансіоновъ и школъ открыта широкая дорога прилагать свои знанія и умѣнье къ учебному и воспитательному дѣлу.»

Исторію воскресныхъ школъ читатели наши безъ сомнѣнія знаютъ, также какъ и начало открытія разныхъ женскихъ училищъ. Послѣднихъ, по словамъ «Очерка», въ настоящее время считается всего 62, въ томъ числѣ 19 перваго и 43 втораго разряда.

Въ заключеніе «Очерка» упоминаетъ о существующей въ настоящее время особой комиссіи для пересмотра, дополненія и взмѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, и о томъ, что комиссія эта надѣется окончить возложенное на нее порученіе къ концу вывѣшняго года. О предметѣ занятій комиссіи между прочимъ сказано :

«Министерство народнаго просвѣщенія не можетъ не желать возможно большаго простора къ печатному слову, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы каждый случай злоупотребленія свободой слова подвергалъ виновнаго законному взысканію, по суду. Достигнуть этого разомъ, вдругъ — невозможно, и по этому предмету, какъ по другимъ отраслямъ законодательства и администраціи, постепенность составляетъ такое же неизбѣжное условіе, какъ и при развитіи цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. По мѣрѣ развитія образованія въ обществѣ и большаго участія образованныхъ лицъ въ дѣлахъ общественныхъ, предварительная цензура ставится болѣе затруднительною и менѣе соотвѣтствующею цѣли своего первоначальнаго назначенія. Система карательной цензуры, при

которой менѣ стѣсняется свобода каждаго члена общества, но зато каждый случай злоупотребленія этой свободой подвергаетъ виновнаго взысканію, должна неминуемо, при большемъ развитіи общества, замѣнить предупредительную цензуру...

«Комиссіи по дѣламъ книгопечатанія поручено составить постановленія, необходимыя для введенія карательной цензуры, и въ то же время упростить вывѣшній цензурный уставъ, дабы тѣмъ самымъ доставить правительству возможность мало-помалу, безъ потрясеній, перейти отъ одной системы къ другой.»

11-го прошедшаго августа послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи вновь трехъ гимназій, на суммы министерствъ — морского и народнаго просвѣщенія. съ тѣмъ чтобы онѣ состояли въ вѣдѣніи послѣдняго и были помѣщены въ званіяхъ уступаемыхъ ему морскимъ министерствомъ. Изъ этихъ гимназій одна учреждается въ Николаевѣ, другая въ Петербургѣ (седьмая), съ пансіономъ для воспитанниковъ, которые будутъ переданы изъ морского вѣдомства, а третья въ Кронштагтѣ, для приходящихъ.

Это повелѣніе безъ сомнѣнія имѣетъ связь съ другимъ, послѣдовавшимъ 6 августа, именно: въ видѣ временной мѣры, впредь до окончательнаго преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, повелѣно открыть въ С. Петербургѣ академическій курсъ морскихъ наукъ. Курсъ этотъ будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій: гидрографическаго, кораблестроительнаго и механическаго. Съ открытіемъ его упраздняется существующій вынѣ при морскомъ корпусѣ офицерскій классъ. Къ слушанію лекцій этого курса допускаются офицеры всѣхъ корпусовъ морского вѣдомства, если они находились неменѣ двухъ лѣтъ на дѣйствительной службѣ, включая впрочемъ сюда гардемаринскую и кондукторскую. Права окончившихъ академическій курсъ соотвѣтствуютъ общему положенію для академіи военнаго вѣдомства.

Слѣдующія статистическія свѣдѣнія касаются самой прочной части нашего нравственнаго основнаго фонда, на которомъ покоятся наши лучшія надежды. «Сѣверная Почта» сообщаетъ о числѣ сельскихъ школъ для временно-обязанныхъ крестьянъ по одиннадцати губерніямъ: вятской, оренбургской, казанской, пензенской, курской, ярославской, новгородской, псковской, смоленской, ковнской и екатеринославской. Въ этихъ губерніяхъ, до обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г., было сельскихъ школъ 353, а послѣ обнародованія открыто 1095. Во всѣхъ нихъ находится въ настоящее время учащихся: 23,179 мальчиковъ и 1,807 дѣвочекъ. По числу школъ и учащихся первое мѣсто занимаетъ губернія смолен-

ская; затѣмъ слѣдуютъ: пензенская, новгородская, екатеринославская, псковская и пр. Меньше всего въ оренбургской.

Больше всего открыто школъ духовенствомъ (921), потомъ крестьянами (295) и помѣщиками (64); нѣсколько — совокупными силами посредниковъ, духовенства и крестьянъ; три школы — писарями, одна волостнымъ старшиной, одна солдатомъ.

Оставивъ въ прошломъ тысячелѣтїи крѣпостныхъ, мы вступаемъ въ новое съ временно-обязанными, увозя съ собою великое дѣло устройства ихъ новаго быта. По этому дѣлу ограничиваемся цифрами уставныхъ грамотъ, все еще составляющихъ главную часть дѣла. По 1-е августа все число представленныхъ грамотъ было 57,395 (но въ томъ числѣ въ одномъ іюлѣ представлено 10,781); введено въ дѣйствіе всего 27,378 грамотъ. Введенныя въ дѣйствіе грамоты относятся къ имѣніямъ, въ которыхъ водворено 27,97,550 душъ крестьянъ, что составляетъ около 27,5% общаго населенія. Изъ числа введенныхъ грамотъ подписано крестьянами 14,122, не подписано 13,256.

Если уже выбирать все лучшее, что слѣдовало бы захватить намъ съ собою въ дальнѣйшій жизненный путь, то нельзя пропустить слѣдующее проявленіе «христіанской любви», извѣстіе о которомъ «Сѣв. Пчела» нашла въ газетѣ «Гакармель». 23 іюня (говорителя въ извѣстіи) прїѣхалъ въ г. Ошмяны, виленской губерніи, епископъ виленскій Станиславъ Красивскій. Все мѣстное духовенство и много народа пошло ему навстрѣчу. На другой день пришли къ нему съ привѣтствіемъ и хлѣбомъ-солью мѣстный равнинъ и почетнѣйшіе члены еврейскаго общества. Епископъ принялъ ихъ съ сіяющимъ лицомъ, подавъ руку равнину и здоровался со всѣми весьма привѣтливо. «Одинъ Богъ сотворилъ насъ, мы дѣти одного отца», повторилъ онъ нѣсколько разъ съ чувствомъ. Потомъ благословилъ онъ именемъ Бога Авраама, Исаака и Иакова своихъ гостей, ихъ согорожанъ и всего Израиля. При разставаньѣ онъ вручилъ равнину денежное пожертвованіе въ пользу нищихъ евреевъ. Корреспондентъ газеты «Гакармель» заключаетъ свой рассказъ такъ: «Дай-богъ побольше такихъ примѣровъ, которые убѣдили бы насъ, что вѣдалъ на землѣ духъ истиннаго человеколюбія, что уже вѣтъ больше между людьми неприязни за различіе вѣроисповѣданій, что отъ каждаго изъ насъ требуется преданность своей вѣрѣ и теплое сердце, любящее и милующее ближняго, къ какому бы толку онъ ни принадлежалъ.»

Заключаемъ нашу статью новостью весьма важною въ быту нашего народа. Это — послѣдовавшій 1-го сентября высочайшій манифестъ о промѣсловствѣ въ 1863 г. рекрутскаго набора съ обѣихъ

полосъ имперіи, по пяти человекъ съ каждой тысячи душъ. Въ манифестѣ есть между прочимъ двѣ статьи, составляющія непервичное нововведеніе: параграфъ 4-й повелѣваетъ рекрутъ вводить въ рекрутское присутствіе не обнаженными, а въ сорочкѣ; параграфъ 5-й отмѣняетъ прежде существовавшее воспрещеніе дворянамъ и лицамъ, достигшимъ офицерскихъ и классныхъ чиновъ, поступать въ рекруты по найму, оставляя въ своей силѣ это воспрещеніе только въ отношеніи лицъ, приобрѣтшихъ военные офицерскіе чины.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Гарибальди при Аспромонте и въ Специи. — Описаніе аспромонтскаго нападенія пьемонтскаго войска. — Раны Гарибальди. — Газетныя толки по этому поводу. — Недоумѣнія правительства. — Правительственныя мѣры. — Итальянскія революціи съ вѣнскаго конгреса. — Пріѣздъ доктора Партриджа. — Письмо императора французовъ. — Донесеніе Партриджа лондонскому гарибальдійскому комитету.

Прусскія дѣла. — Столкновеніе министерства съ палатою депутатовъ. — Зашита смѣты министерствомъ. — Отказъ палаты.

Последнія извѣстія. — Поучительность французскихъ газетъ. — Сѣвероамериканская рѣзня. — Сербія. — Австрія.

Двадцать осьмого августа тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второго года полторы тысячи человѣкъ подъ начальствомъ генерала Гарибальди стали на бивуакахъ среди дикихъ горъ, неподалеку отъ Реджіо и отъ Мессинскаго пролива. Вслѣдствіе труднаго и продолжительнаго перехода, вслѣдствіе голода и крайняго утомленія, много народу отстало. Всѣ тамошнія горы извѣстны подъ именемъ Аспромонте, т. е. Крутогорье, а то урочище, гдѣ остановился Гарибальди, называется Форестали. Это огромная равнина на вершинахъ Аспромонте. Тамъ стояли двѣ крошечныя мазанки; въ одной изъ нихъ помѣстился генералъ. Онъ постоянно былъ бодръ, здоровъ и веселъ, какъ человѣкъ, глубоко сознающій что онъ дѣлаетъ и прямо идущій къ своей цѣли. Погода была ужасная: ночью съ 28 на 29 число безпрестанно шолъ дождь, съ холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ. Волонтеры съ большимъ трудомъ развели огни и съ величайшими усиліями ихъ поддерживали. Вечеромъ 28 числа, въ четвергъ, они ужинали. Четыре барана изжарено было на полторы тысячи человѣкъ, да сколько-то хлѣба. Ровно столько же ушло провизіи въ пятницу утромъ на завтракъ. Затѣмъ запасовъ никакихъ не осталось. Доставать провіантъ было чрезвычайно трудно: страна бѣдная, отрядъ слишкомъ великъ; вездѣ стоятъ

сардинскія войска, всѣ дороги заняты; пробираться по тропинкамъ и по русламъ горныхъ ручьевъ по многочисленности отряда невозможно. Генераль Гарibaldi за завтракомъ 29 числа говорилъ своимъ соумышленникамъ, что надо раздѣлить колову на двѣ части и идти двумя различными путями къ общей цѣли. Наканунѣ еще сардинскія войска взяли въ плѣнъ нѣсколько волонтеровъ отсталыхъ. Это было въ Акри. Молодые люди изъ отряда генерала Гарibaldi не выдержали усмеленнаго перехода и отдыхали въ этомъ селеніи, не ожидая такъ скоро сардинцевъ. Вдругъ тѣ нагрянули и окружили дома, кѣлти и сѣновалы. Барабаны бьютъ, трубы трубятъ; мальчики лѣтъ пятнадцати-семнадцати просыпаются, берутся за оружіе. Но генераль Гарibaldi строго приказалъ ни въ какомъ случаѣ не нападать на сардинцевъ и никакъ не защищаться, а только идти, идти впередъ какъ можно быстрее. Обезоруженная молодежь отдается въ плѣнъ; но что это за плѣнники? Военнопленныя? Но какая же это война, когда никто не сражался?

Нѣсколько раньше полудня, 29 августа, генераль приказалъ двинуться дальше, чтобы уйти отъ сардинскаго отряда, который былъ уже въ Санто-Стефано, на разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ Форестали. Приказано было спуститься въ лощину, перейти ручей и направиться къ горѣ, вершина которой поросла густымъ еловымъ лѣсомъ. Недоходя до лѣсу, волонтеры остановились, обернувшись лицомъ къ показавшимся вдали солдатамъ сардинскаго отряда. Вся колова помѣстилась вразсыпную, подъ деревьями, на солнечномъ припекѣ; порою проглядывало сквозь облака солнце и просушивало и согрѣвало пережыбшихъ и измокшихъ молодыхъ людей. Кто лежалъ, кто сидѣлъ, кто стоялъ, и всѣ были спокойны, всѣ рассчитывали на своего вождя, который выходилъ благополучно еще не изъ такихъ крутыхъ обстоятельствъ. Генераль стоялъ посрединѣ отряда; онъ послалъ впередъ офицеровъ съ строгимъ подтвержденіемъ не стрѣлять, а самъ сталъ смотрѣть въ свою подзорную трубу во всѣ стороны. Сабля его была въ ножнахъ, и до конца онъ не вынималъ ее. Между тѣмъ войско все приближалось; впереди шли берсальеры бѣглымъ шагомъ, а за ними линейные полки. Изъ центра они развертывались вправо и влѣво, съ тѣмъ чтобы окружить волонтеровъ. Въ то же время видно было, какъ на горѣ другой отрядъ подходилъ къ волонтерамъ съ фланга. Первые ряды берсальеровъ уже начали стрѣлять и установились по мѣстамъ, кто за кустомъ, кто за кочкой. Волонтеры не стрѣляли и молча ожидали развязки. Генераль стоялъ впереди своихъ, одинъ, въ срединѣ всего строя, и порою только повертывался къ волонтерамъ съ командою: «Дѣти! не стрѣлять!» Офицеры повторяли эту

команду. Въ это время позади Гарибальди бьютъ убитъ наповалъ молодой человекъ, котораго третій день была лихорадка; онъ сидѣлъ спиною къ непріятельскому фронту и наслаждался тѣмъ, что солнце сильно прогрѣвало ему измокшую спину. Сардинцы придвинулись такъ близко, что уже легко было узнавать противниковъ въ лицо. Но генерала легко было узнать и по костюму. Онъ стоялъ отдѣльно отъ другихъ, впереди, въ своемъ ситлазѣбромъ плащѣ съ красною подкладкой. Лѣвая рука его заткнута была за поясъ, а въ правой, опущенной, была зрительная труба.

Онъ какъ-будто целоумѣвалъ. Онъ всегда шолъ умирать за Италію, и на этотъ разъ онъ шолъ за Италію, а эти люди шли противъ него. Стало-быть по его мѣнью противъ Италіи?

Сардинцы все продолжаютъ стрѣлять, все подвигаясь впередъ; въ ушахъ гарибальдійцевъ раздается давно знакомый свистъ пули, которыя врѣзываются въ деревья или то же въ нѣкоторыхъ волонтеровъ, которые со стономъ падаютъ. Къ несчастію нѣкоторые молодые люди не могутъ воздержаться, съ непривычки слышать стоны раненыхъ, и то же стрѣляютъ, едва не зажиуравшись. При этомъ нѣсколько сардинцевъ ранено. Остальные, болѣе опытные волонтеры не двигаются съ мѣста; кто стоялъ, тотъ стоитъ, кто сидѣлъ, тотъ сидитъ. Всѣ гарибальдійскія трубы вперерывъ трубятъ команду: «прекратить огонь!» Всѣ офицеры командуютъ то же словами. Въ этомъ заключается весь отвѣтъ на трубную команду сардинцевъ: «впередь!» съ сильнымъ бѣглымъ огнемъ. Генералъ съ своего мѣста, обернувшись назадъ, опять кричитъ: «не стрѣляйте!» Въ эту минуту въ него впадаютъ двѣ пули. Одна, на излетѣ, попадаетъ въ лѣвое бедро, другая, во всей силѣ, во внутреннюю щиколку правой ноги. Рана бедра очень легка, рана щиколки тяжка и до сихъ поръ еще опасна. Гарибальди, раненый, не упалъ. Лѣвой рукой онъ снялъ шляпу, взмахнулъ ею, и два раза крикнулъ: «да здравствуетъ Италія! не стрѣляйте!» Тогда нѣсколько ближайшихъ офицеровъ полхватили его, отнесли подальше и положили подъ дерево. Тамъ онъ съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ продолжалъ приказывать съ величайшею точностью: «пусть они подходить, не стрѣляйте!» Дѣйствительно волонтеры перестали стрѣлять и начали собираться толпою вокругъ своего раненаго генерала. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того привели полковника Менотти Гарибальди, старшаго сына генерала, раненаго то же въ лѣвое бедро. Сына помѣстили подъ одно дерево съ отцомъ. Затѣмъ генералъ закуриваетъ сигару и на всѣ вопросы отвѣчаетъ: «не стрѣляйте! не деритесь!..»

Наконецъ и трубы берсальеровъ начали трубить команду: «стой!

превратить огонь! Берсальеры и линейный отряд подошли уже такъ близко, что пришлось бы стрѣлять въ упоръ. Волонтеры, берсальеры и линейные сѣшались такъ, что нельзя было разобратъ. Отъ перваго выстрѣла до этой сцены общаго замѣшательства прошло не болѣе четверти часа. А сцена эта была крайне любопытна. Тутъ встрѣтились друзья, братья, родственники, знакомые, товарищи по оружію, встрѣтились опять какъ братья; одни въ красныхъ рубашкахъ, другіе въ регулярныхъ мундирахъ. Люди дѣлуются, обнимаются, упрекаютъ другъ друга. Самые суровые упреки слышатся со стороны красныхъ рубашекъ, которыя утверждаютъ, что «хотятъ только Рима». Начинается споръ, уже вовсе не военный, а политическій. Въ это время къ лежащему на землѣ генералу подводитъ сардинскаго поручика генеральнаго штаба. Гарибальди взглянулъ на него и приказалъ взять у него шпагу. Поручикъ отдалъ свое оружіе, но замѣтилъ, что онъ явился парламентаремъ.

— Чтоже вы раньше не пришли? сказалъ съ досадою генералъ, и потомъ прибавилъ: — Я уже тридцать лѣтъ знаю, и лучше нашего знаю что такое война; знайте же, что парламентары такъ не воляются.

Подъ деревомъ, гдѣ лежалъ генералъ, собралось много офицеровъ изъ линейныхъ и изъ берсальеровъ. Гарибальди велѣлъ у всѣхъ отобрать шпаги, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилъ ихъ. Все это произошло въ самое короткое время; а покажѣсть доктора осмотрѣлъ и перевязали раны генерала; онъ самъ потребовалъ, чтобы положили ему компрессы, для чего принесли воды изъ близкаго ручья. Онъ спрашивалъ нѣсколько разъ, не нужно ли отрѣзать ногу, и если нужно, то чтобы немедленно приступили къ операціи. Доктора отвѣчали отрицательно.

Затѣмъ генералъ приказалъ своему начальнику штаба позвать къ нему командира атаковавшаго отряда. Полковникъ Паллавичини явился. Въ толпѣ онъ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, и тутъ же сказалъ, что ему было предписано самымъ положительнымъ образомъ вочто бы то ни стало *намасть* на волонтеровъ. Онъ спросилъ, признаютъ ли гарибальдійцы короля? Ему отвѣчали, что объ этомъ толковать нечего, что программа Гарибальди и его катанское воззрѣніе довольно опредѣлительны. Тогда полковникъ Паллавичини началъ толковать о славѣ. Ему опять отвѣчали, что славаться нечего, такъ какъ не было сраженія, такъ какъ атакованные не отвѣчали выстрѣлами на выстрѣлы нападавшихъ, не защищались, а нѣсколько убитыхъ или раненыхъ въ регулярномъ отрядѣ были слѣдствіемъ пагубнаго, но понятнаго увлеченія.

Полковникъ Паллавичини явился къ Гарибальди съ вѣстивою головою и выражался съ нимъ почтительно. Когда онъ отошелъ, нѣкоторые офицеры отъ имени Гарибальди предложили ему обезоруженіе волонтеровъ, которые потомъ могли отправиться съ регулярнымъ отрядомъ куда слѣдовало. Полковникъ замѣтилъ, что по его мнѣнію всѣ они въ теченіи сутокъ будутъ распущены по домамъ. Условлено было, что генералъ Гарибальди со свитой своихъ офицеровъ, которые удержатъ свои пикаги, отправится въ Сциллу; что во время пути онъ будетъ останавливаться гдѣ вздумаетъ, для отдыха и перевязки своихъ ранъ; что въ Сциллу онъ потребуетъ англійскій корабль и на него съедетъ со своею свитой; что батальонъ берсальеровъ въ этомъ переходѣ будетъ слѣдовать за нимъ издали. Что касается до англійскаго корабля, то полковникъ Паллавичини замѣтилъ, что противъ этого онъ самъ не имѣетъ ничего, но обязанъ спросить особенныхъ инструкцій правительства.

Когда совершилось обезоруженіе, начинало уже смеркаться. Слѣдали на скорую руку носилки, чтобы нести раненаго генерала, и понесли. Берсальеры подъ командой полковника Пинелли слѣдовали поодаль за скорбными носилками. При всей осторожности и любви носильщиковъ не было возможности въ потемкахъ, по узкой горной тропицѣ, избѣжать болѣзненныхъ для раненаго толчковъ. Дошли черезъ часъ до избушки, въ которой собраны были раненыя съ обѣихъ сторонъ, но генералъ не захотѣлъ тутъ остановиться на ночь; онъ хотѣлъ добраться до какой-нибудь мазанки, съ какимъ-нибудь клокомъ соломы, лишь бы лежать одному. Довольно далеко вправо была мазанка пастуха Винченцо, стараго знакомаго тѣхъ волонтеровъ, которые прежде другихъ переплыли въ Калабрию въ августѣ мѣсяцѣ 1860 года. Пастухъ этотъ съ тоскливымъ видомъ приложился къ рукѣ Гарибальди, вышелъ изъ своей мазанки и углубился въ темную, дождливую ночь и пропалъ. За два года передъ тѣмъ онъ видѣлъ героя въ полномъ блескѣ величія и славы, свиццлійскаго диктатора, передъ которымъ таяли неаполитанскія войска какъ снѣгъ передъ солнцемъ; а теперь тотъ же Гарибальди, раненый двумя итальянскими пулями и въ плѣну. Винченцо пастухъ не понималъ всей непроходимой глубины заключающихся въ этомъ фактѣ политическихъ соображеній и ушелъ. Куда ушелъ, зачѣмъ, гдѣ онъ явится и явится ли гдѣ-нибудь — неизвѣстно.

Въ мазанкѣ Винченцо приготовили какъ можно лучше постель изъ соломы и солдатскихъ шинелей. Принесли воды, обмывать раны. Доктора вринялись за свое дѣло. Сварили для раненаго супъ изъ козьяго мяса. Стали къ завтраму готовить носилки поудобнѣе

я попрочѣе. Поставили вокругъ взбушки караулъ. Печально свѣтила луна сквозь туманную атмосферу; печально раздавался издали лай настушныхъ собакъ. Раненый провелъ печальную и бессонную ночь на почвѣ того королевства, котораго нѣкогда онъ былъ пелымъ и неограниченнымъ распорядителемъ.

Въ шесть часовъ утра отправились дальше, по такимъ же неудобнымъ, тѣснымъ горячимъ тропинкамъ, по какимъ шли наканунѣ. Безпрерывно приходилось то спускаться, то подниматься въ гору, и не было ни одной сѣжени ровнаго шѣста. Во всю дорогу, несмотря на ужасныя страданія, раненый ниразу не охнулъ, не проронилъ ни одной жалобы.

Дошли до развалинъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сант-Анджело, — нѣсколько домовъ безъ крышъ и потолковъ, — вѣршили тамъ остановиться, чтобы дать раненому отдохнуть съ полчаса. Доктора перемѣнили перевязки и компрессы. Приготовили чашку бульону; раненый выпилъ ее, улыбнулся и поблагодарилъ. Такъ какъ солнце очень пекло, то устроили небольшой навѣсъ изъ лавровыхъ вѣтвей, а послѣ отправились дальше.

Въ третью часу пополудни дошли до Сциллы. Полковникъ Наллавичини былъ уже тамъ наканунѣ вечеромъ. Онъ и встрѣтилъ печальное шествіе. Тутъ оказалось, что инструкціи правительства весьма строги. По телеграфу дано было знать, что раненаго нельзя пустить на англійскій корабль, что съ нимъ нельзя везти никого изъ назначенныхъ имъ офицеровъ. Когда раненый узналъ все это, то нисколько не удивился, но сказалъ только съ своимъ обычнымъ важно-ласковымъ тономъ: «А, вы меня обманули!»

Приказано было «свести генерала Гарибальди на паровой фрегатъ *Герцогъ Генуэзскій* вмѣстѣ съ сыномъ, и допустить при нихъ неболѣе десяти офицеровъ». Раненый не хотѣлъ отдохнуть въ приготовленномъ для него домѣ и пожелалъ немедленно переѣхать на корабль. А на фрегатѣ уже разведены были пары. Потребовали лодокъ, а раненаго положили между тѣмъ въ какую-то лодку, которая вытянута была на берегъ. Позади выстроились берсалеры. Черезъ двадцать минутъ явились два баркаса. Матросы всѣ были вооружены, какъ между непріятелями. Свѣи и поплыли на корабль. Приходилось плыть мимо парохода *Звѣзда Италіи*. Тамъ на палубѣ стояли генералъ Чіальдини, контръ-адмиралъ Альбини и нѣсколько другихъ генераловъ. Никто не поклонился. Такъ и проѣхали. Но раненый на каждого изъ нихъ взглянулъ довольно милостиво. По глазамъ каждого изъ нихъ прошолъ взглядъ этого челоуѣка. Онъ плылъ въ переднемъ баркасѣ. Задній былъ оставленъ контръ-адмираломъ Альбини, который нагналъ его въ

третьей лодки. Они заметили, что оседеровъ, сопровождавшихъ раненаго, было не десять, а двѣнадцать, и велѣлъ двинуть наперѣсть вѣде въ четвертую лодку и отправиться на берегъ. Баркасъ, на которомъ лежалъ раненный, подошелъ къ фрегату, захваченъ былъ веревками и поднятъ на воздухъ, а потомъ опущенъ на палубу фрегата. Въ это время раненный, сидя на своихъ носилкахъ, держался одною рукою за веревку и отдавалъ нѣкоторые приказанія касательно подъема своего баркаса. Работавшіе при этомъ матросы смотрѣли на него какъ ошеломленные. Черезъ минуту потомъ всѣ спутники были съ нимъ. Это были три доктора — Альбанези, Базиле и Рипари, сынъ его Менотти, потомъ Бассо, Бруцези, Билескини, Корте, Каттабоне, Каироли, Фриджези, Гвастала, Манчи, Малато и Нулло. Якорь подняли и пароходъ поплылъ въ Спецію.

И взоры всей Европы устремлены теперь на раненаго челоуѣка, который лежитъ въ маленькой комнаткѣ въ Спеціи. Смотрятъ Европа и какъ водится, толкуеть вървнъ и вкось о томъ, что изъ всего этого выйдетъ. Газетчики съ жадностью перехватываютъ другъ у друга извѣстія о здоровьи раненаго челоуѣка. Произошло чагравеніе, суставъ обнажился. Будетъ назначенъ судъ надъ диктаторомъ обѣихъ Сицилій. Снять образуетъ изъ себя верховное судилище. Рана идетъ такъ дурно, что придется отнять ногу. Рана идетъ такъ хорошо, что останется по выздоровленіи только небольшая хромота. Судить диктатора будутъ въ ассизномъ судѣ присажные. Судить вовсе не будутъ, а по случаю выхода замужъ дочери короля Гарибальди будетъ помилованъ. Гарибальди не хочетъ никакого помилованія, а требуетъ суда. Войско будетъ весьма недовольно помилованіемъ, и генералъ Чиафardini, бывшій диктаторомъ обѣихъ Сицилій, выйдетъ въ отставку, если Гарибальди не будетъ предавъ суду. У Гарибальди въ Спеціи на полушкахъ вѣтъ наволочекъ, Комисаріатъ распорядился выдать наволочки на полушки раненаго челоуѣка. Тридцать прекраснѣйшихъ дамъ Италіи добиваются какъ величайшей чести разрѣшенія быть сидѣлками у раненаго. Знаменитѣйшіе хирурги Европы добиваются чести слѣзать ему перевязку. Въ ранѣ зашла пуля. Начинаютъ выходить осколки костей. Партриджъ, первый хирургъ Англій, пріѣхалъ въ Спецію, привезъ раненому 125 тысячъ франковъ отъ имени своего правительства и предлагаетъ свои ученые услуги. Въ Лондонѣ собрался митингъ для выраженія сочувствія раненому. Въ Стокгольмѣ такое же собраніе. Въ Бристолѣ, въ Бирмингемѣ, вездѣ подобныя собранія съ адресами правительству. Но рана идетъ худо. Полковникъ Шалла-вичино-ди-Пріола за асиромонтское дѣло получилъ генеральскій чинъ и, получивъ отъ императора Наполеона командорскій крестъ

почетнаго легіона. Оказывается невозможнымъ отрѣзать ногу. Итальянскіе врачи писали вѣскимъ хирургамъ и просили совѣта. Командоръ ордена почетнаго легіона генералъ-майоръ Паллафуччини-ди-Приола ѣдетъ въ отпускъ во Францію, въ Біарицъ, чтобы дѣлаться императору французовъ. Второй сынъ Гарибальди проситъ позволенія видѣть раненаго отца, но ему отказано; при этомъ едва-лиже его увѣрили, что отецъ чувствуетъ себя довольно хорошо и ни въ чемъ не нуждается. Съ Капреры вѣрѣхалъ зять Гарибальди. Обыкновенный судъ присяжныхъ той провинціи, гдѣ сквачень былъ раненый, судить его не можетъ, потомучто это непременно породитъ туземные безпорядки. Неаполитанскій верховный судъ постановилъ, что миланскій верховный судъ назначить гдѣ будутъ судить раненаго, и вѣроятно это будетъ въ Туринѣ, потомучто туринскіе присяжные особенно не благоволятъ къ раненому.

Но оставимъ ежедневныя газеты, которыя перехватываютъ другъ у друга извѣстія, печатаютъ ихъ, а на другой день опровергаютъ. Сущность дѣла заключается покажеть только въ томъ, что вся Европа съ страстнымъ любопытствомъ слѣдитъ за извѣстіями изъ Спеціи и изъ Туриня, принимая тутъ же въ соображеніе извѣстія изъ Франціи, именно изъ Біарица. Дѣло въ томъ, что колоссальная фигура раненаго человѣка въ Спеціи закрываетъ собою и черногорскія событія, и біарицскія прогулки, и пренія прусскаго парламента, и константинопольскія конференціи. Почему же цѣлой Европѣ любопытно, что на другой сторонѣ равеной ноги, у вѣнней шиколки слѣдался нарывъ, котораго образованіе причинило большіе страданія раненому? Отчего же это? Отчего такъ величавая фигура раненаго человѣка въ Спеціи?

Очень просто: оттого, что въ Спеціи лежитъ не человѣкъ; подстрѣлена не нога, не шиколка, отвинуть не стопу. Лежитъ въ Спеціи идея, подстрѣлена идея, искалччена идея; идея единства Италіи. Человѣчество рѣдко бывало свидѣтелемъ такого замѣчательнаго явленія, и никогда безъ глубокихъ слѣдовъ такое явленіе не проходило. Опять-таки повторимъ, какъ говорили мѣсяць тому назадъ, что Осипъ Гарибальди можетъ быть судимъ, можетъ быть разстрѣлянъ, или распятъ, или помилованъ, это все равно, это все не важно. Дѣло въ томъ, что нынѣшнее правительство въ Италіи, бывшее сардинское, нынѣ итальянское, есть плодъ революціоннаго движенія, быстрого, неодолимаго движенія итальянскаго народа къ самостоятельной политической жизни. Едва прошло полтора года, какъ оно само сознало, что оно уже не сардинское, а итальянское правительство, и вотъ оно отказывается отъ своего происхожденія, отрывается отъ породившей его идеи, подстрѣливаетъ то,

чему оно обязано своимъ существованіемъ. Опять-таки тутъ подстрѣленъ не Осипъ Гарibaldi. Онъ во всемъ дѣлѣ соединенія Италіи въ одно цѣлое является только олицетвореніемъ движенія, охватившаго всю Италію; онъ знамя итальянскаго единства. Отъ этого-то знамени отреклось министерство Ратацци. Но такое отреченіе не составляетъ еще преступленія: это только еще ошибка. Но когда люди идутъ войной противъ началъ, которые дали имъ жизнь, то они идутъ противъ самихъ себя, и понятно само собою, что они тутъ отказываются отъ самихъ себя, теряютъ самостоятельность, теряютъ всякую личность. Тутъ уже вѣтъ возможности сдѣлать ни одного шагу правильного, безошибочнаго, ежедневно приходится впадать въ безвыходныя противорѣчія.

Въ такомъ положеніи теперь находится министерство Ратацци. Оно самому себѣ нанесло смертельную рану, и теперь уже находится въ агоніи. Повелитель, для котораго отказалось оно отъ своего происхожденія, самъ уже недоволенъ черезъ мѣру послушными исполнителями.

Благодаря парламентской ловкости Кавура, дѣла Италіи шли безъ малѣйшаго отступленія отъ конституціоннаго порядка. Онъ вовсе не двусмысленно намекалъ на участіе кабинета въ итальянскомъ стремленіи къ единству, и если не прямо помогалъ походу Гарibaldi въ Сицилію и въ Неаполь, то и не мѣшалъ почти баснословнымъ подвигамъ народнаго героя. Ловкость и изворотливость правителя (непринимая пока во вниманіе нравственныхъ началъ) состояла у него въ томъ, чтобы воспользоваться успѣхами Гарibaldi въ пользу единства Италіи, а въ случаѣ неудачи — отказать отъ героя и отъ всякаго участія въ его попыткахъ. Взглядъ Кавура на конституціонныя учрежденія лучше всего видѣнъ изъ слѣдующаго письма его отъ 2 октября 1860 года.

«Любезный другъ, благодарю васъ за письма отъ 30 сентября, но не могу согласиться съ вами касательно изложенныхъ въ немъ совѣтовъ. Говоря откровенно, я считаю весьма пагубнымъ предложеніе, клонящееся къ тому, чтобы парламентъ перелалъ неограниченную власть въ руки короля, до окончательнаго разрѣшенія итальянскаго вопроса. Вы помните конечно какъ англійскія газеты упрекали итальянцевъ за то, что они отказались отъ своихъ конституціонныхъ правъ на время прошлогодней войны. Еслибы мы сдѣлали тоже самое теперь, среди кажущагося мира, то это произвело бы очень невыгодное впечатлѣніе во мнѣніи Англійи и всѣхъ либеральныхъ людей материка. Внутри государства эта мѣра нисколько не будетъ способствовать примиренію взглядовъ великой національной партіи. Лучшее средство доказать, какъ наша страна далека отъ

ученія Малвини, состоитъ въ томъ, чтобы дать парламенту возможно-большую свободу надзора и контроля. Если министерство нелучитъ въ палатѣ значительное большинство, то это составитъ нравственную силу, которая будетъ несравненно выше всякой диктатуры. По нашему совѣту исполнилась бы мысль Гарибальди, который именно стремится къ большой революціонной диктатурѣ отъ имени короля. Я думаю напротивъ, что для Італіи не меньше будетъ славы сумѣть сформироваться въ одинъ народъ, выходя изъ диктаторскія руки какого-нибудь Кромвелля, а избавляясь отъ монархическаго абсолютизма и непадая въ деспотизмъ революціонный. Теперь — одно средство достигнуть этой цѣли: подчерпать въ содѣйствіи парламента ту нравственную силу, которая одна только и можетъ побѣдить партіи и сохранить намъ сочувствіе либеральной Европы. Возвратиться къ комитетамъ общественной безопасности или, что одно и то же, къ революціонной диктатурѣ одного или нѣсколькихъ лицъ — значитъ убить законную свободу, которая должна быть нераздѣльна съ независимостью націи.»

Кавуръ значитъ больше всего рассчитывалъ на парламентское, то есть на народное содѣйствіе. Отъ этого всё его начинаніи были въ высшей степени удачны. Министерство Риказоли сразу не подвергалось серьезному испытанію; но покрайней-мѣрѣ въ тѣхъ важныхъ дѣлахъ, какія встрѣчались ему, оно постоянно выдерживало характеръ рѣшимости, твердости, самостоятельности и главное — вѣрности конституціоннымъ началамъ. Какъ читателя помнятъ очень хорошо, г. Ратацци перель поступленіемъ въ министерство ѣздилъ во Францію и получалъ тамъ нѣкоторые совѣты. Весьма можетъ быть, что по убѣжденіямъ г. Ратацци тотъ порядокъ, который теперь заведенъ во Франціи, гораздо лучше и выгоднѣе строго-конституціоннаго порядка, съ уваженіемъ всѣхъ постановленій государственной уставной грамоты. Можетъ-быть по его убѣжденіямъ военная диктатура гораздо болѣе способствуетъ матерьяльному и умственному развитію страны, чѣмъ свободныя учрежденія. Сообразно съ этимъ онъ и дѣйствуетъ, какъ-будто постаравшись забыть исторію своего отечества. Но видно, что онъ получалъ совѣты несовсѣмъ подробные, наставленія не довольно точныя: какъ править народомъ совершенно по своему усмотрѣнію, но такъ, чтобы это казалось совершенно легко, чтобы «варочно написать на бумагѣ Франція, то и выйдетъ Китай», — какъ говоритъ нашъ общій знакомый Аксентій Ивановъ Попррищинъ. Безъ надлежащаго умѣнья, министерство сначала оскорбляло народъ своими угодливыми отношеніями къ чужому государю, а потомъ явно, открыто возстало противъ желаній и стремленій народныхъ. Произошло столкновеніе крайне ирискорбное.

Италія признаетъ безо всякаго ограниченія, безъ есмь, безъ современемъ, а прямо и безусловно признаетъ, что столица ея Римъ. Въ этой столицѣ стоитъ иностранное войско. Народъ не желаетъ видѣть иностранное владычество въ своей столицѣ, желаетъ удаленія иностранныхъ силъ, въ которыя и смотритъ какъ на своихъ враговъ. Министертво съ своей стороны не видитъ ничего неудобнаго въ томъ, что чужое войско занимаетъ столицу его отечества, и обращается къ этому чужеземному владычеству съ особеннымъ выраженіемъ преданности, и заставляетъ молчать и сдѣлать смирно народы, который такъ и кипитъ желаніемъ воротить себѣ свою столицу, который готовъ весь встать и вооружиться поголовно. Путешественники, видѣвшіе вблизи нынѣшнюю Италію, рассказываютъ, что общее настроеніе умовъ въ Италію такъ напряжено, такъ втянуто, такъ настроено на воинственный ладъ, что безъ сомнѣнія теперь Италія переживаетъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ и непродолжительныхъ эпохъ, когда народы производятъ чудеса и совершаютъ великіе подвиги. Но невидать этого министертву, или не можетъ оно вообразить себѣ никакого чуда, никакого великаго подвига, или наконецъ оно считаетъ величайшимъ подвигомъ неуловно стремиться къ своему идеалу, къ французскимъ порядкамъ; но оно ревниво охраняетъ буржуазную посредственность и покорно исполняетъ внушенія, исходяція изъ шавловскаго лагера или съ біарвицкихъ прогудокъ. Для Италіи серьезное развитіе можетъ начаться только тогда, когда она будетъ владѣть своею столицей. Гарибальди шолъ на эту столицу въ твердой увѣренности, что дорогой соберетъ себѣ сотни тысячъ волонтеровъ. А министертво высадило въ окрестностяхъ Реджіо болѣе тридцати тысячъ войска съ строгимъ наказомъ встрѣтить избѣгающихъ встрѣчи волонтеровъ и напасть на нихъ.

Въ Сициліи, на мѣстѣ генерала Чіальдини, бывшаго неограниченнымъ распорядителемъ на время гарибальдийскаго движенія, теперь генералъ Бриггоне диктаторствуетъ подъ именемъ палермскаго префекта и разными крутыми мѣрами приводитъ Сицилію въ порядокъ. Но едвали онъ что-нибудь сдѣлаетъ. Стоитъ только припомнить исторію итальянскаго народа, чтобы безошибочно предсказать генералу Бриггоне совершенную неудачу. Вспомнимъ только, что происходило въ Италіи со времени наполеоновскаго самовластия.

Въ 1814 году, когда Наполеонъ удалился на островъ Эльбу, Италія была театромъ многихъ военныхъ движеній и дипломатическихъ сдѣлокъ. Вниманіе страны сосредоточивалось на политикѣ неаполитанскаго короля Іоахима (Мюрата); онъ тогда былъ сильнѣйшій изъ итальянскихъ государей, и многіе итальянцы сильно на него надѣялись. Въ началѣ 1814 года Австрія объявила въ Неаполь,

что ежели втеченіе четырехъ сутокъ не будетъ заключенъ договоръ, то австрійскій посланникъ будетъ отознанъ. Іоахимъ отложился отъ Неаполя и соединился съ Австріей. Тайною статьею Австрія обязалась ходатайствовать, чтобы король сицилійскій формально отказался отъ неаполитанскаго престола и чтобы Англія примирилась съ Іоахимомъ. Во время переговоровъ Іоахимъ старался также не прерывать всѣхъ сношеній и съ Наполеономъ. Прежняя Церковная-область почти вся занята была его войсками; въ Болонью онъ вступилъ и былъ принятъ съ восторгомъ, какъ освободитель Италіи. Въ патримоніи св. Петра нѣсколько патриотовъ подняли итальянское знамя. Въ февралѣ неаполитанскія войска заняли Флоренцію и Лукку. Изъ Анконы и изъ прочихъ крѣпостей французы выступили.

Съ другой стороны Беллегардъ особенной прокламаціей (5 февраля) объявилъ итальянцамъ, что союзники намѣрены возстановить Италію сколь возможно въ такомъ положеніи, въ какомъ она была до вторженія Наполеона. Вслѣдствіе этого въ сѣверной Италіи произошли смуты. Въ Миланѣ народъ ворвался въ сенатъ, сорвалъ тамъ со стѣны портретъ Наполеона и выбросилъ въ окошко; потомъ толпа кинулась къ дому министра финансовъ Прина, и всаивая тамъ хозяина, домъ сломала. Потомъ убили самого министра. Разъяренная толпа кричала только: «Долой вице-короля! долой французъ!» Генералъ Пино никакими средствами не могъ унять расхлывшагося народа. Послѣ того уже австрійцы заняли городъ.

Генуя была занята англичанами подъ начальствомъ Бентинка, который согласился на образованіе тамъ республики съ прежнимъ до-наполеоновскимъ округомъ. Но союзники не признали этой республики.

Король Викторъ-Эммануилъ I вступилъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Туринъ и возстановилъ въ Пьемонтѣ старый порядокъ вещей; австрійскія войска сдали ему всѣ крѣпости, кромя Новары и Алессандріи. Саржа, Паченца и Гвастала объявлены удѣломъ бывшей императрицы французовъ, и тамъ французскія учрежденія были до нѣкоторой степени сохранены. Францискъ IV пріѣхалъ въ качествѣ молденскаго герцога и возстановилъ прежніе законы и порядки. Послѣ того Іоахимъ вывелъ свои войска изъ Тосканы, куда вернулся прежній герцогъ съ прежними порядками. Папа Пій VII точно такъ же внесъ съ собою въ папскую область прежнія учрежденія, такъ что въ половинѣ 1814 года король Іоахимъ остался съ однимъ своимъ неаполитанскимъ королевствомъ. Съ паденіемъ Наполеона ему пришлось отказаться ото всѣхъ своихъ блестящихъ плановъ. Къ кому же своими двусмысленными поступками онъ сдѣ-

лался подозревателейъ союзникамъ, а бурбонскій домъ началъ предъявлять свои требованія. Меттернихъ прямо объявлялъ неаполитанскому уполномоченному, что за исключеніемъ вѣнскаго кабинета всѣ остальные кабинеты не держатъ сторону его короля. Сверхъ того внутри государства народъ сталъ требовать конституціоннаго участія въ дѣлахъ правленія, причеиъ сильно дѣйствовало общество карбонаріевъ. Ихъ требованія кончились нѣсколькими казнями и нѣсколькими изгнаніями.

Въ Сициліи король Фердинандъ съ согласія англичанъ вступилъ въ управленіе островомъ и созвалъ парламентъ для обсужденія нуждъ государства и пересмотра уставной грамоты.

Вѣнскій конгрессъ окончательно утвердилъ всѣ эти распоряженія и возвраты. Произошло несогласіе только относительно короля Іоакима. Когда въ Неаполь дошло извѣстіе объ отъѣздѣ Наполеона съ острова Эльбы, Іоакимъ увѣрлялъ Австрію и Англію въ своей глубочайшей преданности, а черезъ два дня послѣ того приказалъ своему войску двинуться въ верхнюю Италію и начать военныя дѣйствія противъ Австріи. 17 марта Наполеонъ получилъ отъ него завѣреніе, что онъ нападетъ на австрійцевъ; въ тоже время Іоакимъ испрашивалъ разрѣшенія папы провести войска черезъ его владѣнія, и тутъ же приказалъ схватить папу и отвезти его подъ арестомъ въ Гаэту. Но Пій VII не согласился пропустить неаполитанцевъ и уѣхалъ изъ Рима. Іоакимъ издалъ манифестъ, въ которомъ сказано было между прочимъ, что «наступило время независимаго существованія Италіи!» Но онъ вездѣ былъ разбитъ австрійцами, которые наконецъ вступили въ Неаполь. Король Фердинандъ вступилъ въ свою столицу вмѣстѣ съ австрійцами. Впослѣдствіи король Іоакимъ, схваченный въ попыткѣ произвести возстаніе, по приказанію короля Фердинанда былъ разстрѣланъ подъ именемъ генерала Мюрата.

Вѣнскій конгрессъ хотѣлъ устроить такой порядокъ вещей, при помощи котораго могли бы возстановиться въ Европѣ прочныя общественныя отношенія и сколько-нибудь устойчивыя привычки быта, нравовъ и обычаевъ. Для Италіи покрайней-мѣрѣ цѣль эта вовсе не была достигнута. Слишкомъ долго и слишкомъ рѣзко по милости революціи и кровавыхъ подвиговъ Наполеона все что люди привыкли считать священнымъ было попрано ногами, все укоренившееся было вырываемо съ корнемъ. Не проходило въ Италіи года безъ болѣе или менѣе значительнаго возстанія то тамъ, то здѣсь. Народъ, привыкшій къ веремѣнамъ, можно-сказать разбуженный перемѣнами, требовалъ себѣ правъ, свободы и участія въ управленіи. Въ 1817 году было возстаніе карбонаріевъ надъ консти-

туціоналистовъ въ Мархіяхъ: тринадцать человекъ приговорено къ смерти.

Невыносимая тяжесть податей и совершенная неподатливость правительства произвела въ 1820 году взрывъ въ Сициліи. Сначала кавалерійскій поручикъ Морелли съ своими солдатами сталъ требовать конституціи. Дѣло началось въ Ноло, быстро распространилось на Авеллино и дальше, такъ что правительство рѣшилось послать войско для усмиренія возстанія. Но всѣ генералы были раздражены тѣмъ, что король поручилъ верховное начальство надъ всѣми своими военными силами австрійскому генералу Нугенту. Поэтому возстаніе въ Сициліи принимало болѣе и болѣе грозные размѣры. Въ самой столицѣ генераль Гульельмо Пепе, во главѣ нѣсколькихъ недовольныхъ, увелъ своихъ драгунъ изъ города и принялъ начальство надъ революціоннымъ войскомъ. Королю остался вѣреть одинъ только полкъ. Онъ-то вмѣстѣ съ гражданской стражей просилъ короля уступить народнымъ желаніямъ. Король въ особой прокламаціи обѣщалъ конституцію. Но возставшимъ нужно было что-нибудь болѣе положительное; они потребовали введенія въ королевствѣ испанской конституціи 1812 года. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ король употребилъ уловку, къ которой часто прибѣгалъ въ Сициліи: онъ назначилъ за себя правителемъ наследнаго принца, герцога калабрійскаго. Но инсургенты успѣли получить отъ него самого обѣщаніе утвердить все что будетъ дано его сыномъ. 13 іюля король присягнулъ конституціи. Парламентъ былъ созванъ на первое октября. Сицилія стала требовать себѣ особеннаго парламента и совершеннаго отдѣленія отъ Неаполя въ административномъ отношеніи, какъ было всегда. Палермскій комендантъ генераль Чёрчъ, англичанинъ, едва спасся отъ негодованія народа. Зато убито было множество другихъ важныхъ лицъ. Неаполитанскія конституціонныя власти не хотѣли и слушать объ отдѣльномъ устройствѣ Сициліи. Послано было войско, которое взяло Палермо, а потомъ было оттуда выгнано. Наконецъ однакоже внутреннія дѣла уладились, все успокоилось и пришло въ порядокъ. Но явилась гроза извнѣ. Конгрессъ въ Троппау и потомъ въ Дайбахѣ измѣнилъ все дѣло.

Конгрессъ государей въ Троппау (отъ 20 октября до 20 декабря 1820 года), по поводу переворотовъ въ Испаніи, въ Португаліи и особенно въ Неаполѣ, постановилъ не допускать никакихъ представительныхъ учреждений, которыя въ чемъ-нибудь отступали бы отъ политическихъ системъ, установленныхъ для Европы вѣнскимъ конгрессомъ. Противъ неаполитанскаго переворота возставала особенно не Австрія, а Франція и Англія. Посланникъ Англіи лордъ

Стюартъ проповѣдовалъ невмѣшательство, а большинство голосовъ постановило систему вооруженнаго вмѣшательства. Англія не соглашалась ни на какія насильственныя мѣры противъ Неаполя; Франція приступила къ союзу противъ Неаполя только при извѣстныхъ условіяхъ, на которыя не согласились Австрія, Россія и Пруссія. Положено было силою возстановить въ Неаполѣ порядокъ опрокинутый и замѣненный другимъ. Всякія сношенія съ Неаполемъ были прерваны; уже посланные того же короля не могли добиться чести быть принятыми въ Троппау. Королевныя особы пригласили только короля Фердинанда на новый конгрессъ въ Лайбахъ. Одна Англія противилась этому конгрессу и его цѣлямъ. Неаполитанцы начинали опасаться войны, и ихъ безпокойство увеличилось чрезмѣрно, когда королевское посланіе увѣдомило, что король Фердинандъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, ѣдетъ на лайбахскій конгрессъ. Въ то же время, чтобы успокоить парламентъ, король далъ ему самыя положительныя увѣренія въ своихъ конституціонныхъ чувствахъ и предлагалъ даже взять съ собою парламентскую комиссію. Король съ согласія парламента отправился только въ половинѣ декабря, и во время своего отсутствія всю королевскую власть предоставилъ наследному принцу. Возобновивъ свои горячія увѣренія и обѣщанія, король уѣхалъ, а накануне наследный принцъ снова присягнулъ конституціи въ качествѣ регента, и парламентъ спокойно продолжалъ свои преобразовательныя работы. Король старался отставить въ Лайбахѣ уставную грамоту своего королевства, и въ январѣ 1821 года изъ Лайбаха провозглашено было закрытіе парламента. Въ февралѣ австрійскій посланникъ объявилъ въ Неаполѣ, что австрійскія войска займутъ Неаполь по доброй волѣ, или силой. Ужасъ овладѣлъ Неаполемъ, и ежели тогда же не произошло взрыва, то оттого только, что королевскій принцъ обязался собственною жизнью защищать права и независимость Неаполя. Посланники Австріи, Россіи и Пруссіи выѣхали изъ Неаполя, а парламентъ опять собрался и принялъ необходимыя мѣры для защиты. Неаполитанскія войска, несмотря на геройское сопротивленіе, были вездѣ разбиты численно превосходящими силами. Послали къ королю просить его защиты. Онъ очень милостиво принялъ депутацію, но уклонился отъ прямого отвѣта и отъ всякихъ положительныхъ обѣщаній. Австрійцы вступили въ Неаполь. Гражданская стража была обезоружена, а неаполитанское войско разбѣшено было по квартирамъ, перешѣшанное съ большимъ количествомъ австрійскихъ солдатъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Мессинѣ вспыхнуло возстаніе: генералъ Россароли провозгласилъ республику. Въ двухъ сраженіяхъ онъ былъ

разбиты австрійцами, и наступила страшная реакція. Невиннѣйшія книги запрещались; учителя за одно слово, отсутствовавшее отъ учебника, ссылались. Когда король вернулся, то нѣсколько смягчились эти врезныя строгости. Между тѣмъ оказалось необходимымъ опять послать австрійскія войска въ Сицилію, потому что спокойствіе тамъ не возстановлялось посредствомъ нѣсколькихъ казней.

Въ сардинскихъ земляхъ общее раздраженіе (по поводу возвращенія къ прежнему порядку, бывшему до французовъ) дошло до послѣдней степени; а тутъ еще подошли извѣстія о возстаніяхъ въ Испаніи и въ Неаполѣ. Въ одинъ прекрасный день, именно десятаго марта 1821 года, графъ Пальма, во главѣ своего полка, въ крѣпости Александріи провозгласилъ испанскую конституцію. Остальной гарнизонъ къ нему присоединился. Изъ Турина было послано войско для усмиренія; но оно черезъ нѣсколько времени возвратилось въ столицу съ криками: «да здравствуетъ король и испанская конституція!» Народъ присоединился къ этому охотно. Король Викторъ-Эммануилъ I не нашолъ въ себѣ никакого иного отклика на желанія народа кромѣ того, чтобы отказаться отъ престола въ пользу младшаго брата Карла-Феликса, который былъ тогда въ Моденѣ, стало быть внѣ непосредственнаго вліянія народа, изъявившаго свои желанія. Отреченіе произошло ночью, и тогда же король уѣхалъ. Регентомъ до пріѣзда новаго короля назначенъ былъ Карлъ-Эммануилъ Альбертъ. Произошли недоразумѣнія. Австрійскій посланникъ бѣжалъ изъ Турина, потому принужденъ былъ бѣжать и регентъ. Карлъ-Феликсъ при помощи австрійцевъ разбилъ сардинское войско и вступилъ торжественно въ свое государство, въ сопровожденіи двѣнадцати тысячъ австрійцевъ, которые въ силу особенной конвенціи остались въ Пьемонтѣ, для охраненія порядка.

1822 годъ ознаменовался новымъ заговоромъ въ Сициліи; но онъ былъ подавленъ и послѣ него казни продолжались нѣсколько дней, по нѣскольку десятковъ чловѣкъ разомъ. Затѣмъ не прошло года безъ кровавыхъ развязокъ какихъ-нибудь политическихъ замысловъ. Въ 1830 году іюльскій переворотъ и перемѣны династій въ Парижѣ не могли не откликнуться въ Италіи, а съ начала 1834 года выступаетъ на сцену Мадзини съ своей савойской экспедиціей и уже не сходитъ болѣе со сцены. Перевороты 1848 и 1849 годовъ довершили воспитаніе народа.

Понятно, что народъ, прошедшій такую школу, не легко успокоится распоряженіями г. Ратацци и никакъ не можетъ быть названъ удобоуправляемымъ. Несмотря на неловкости министерства, мысль о единствѣ Италіи еще могла удержать существующій порядокъ, еслибы народъ сколько-нибудь понималъ эту мысль, сочув-

становалъ ей или находилъ въ ней выгоду. Но этого ничего нѣтъ. Народъ кинулся на единство на томъ основаніи, что его хотѣлъ, его провозгласилъ народный герой. Теперь, когда герой лежитъ равный въ крѣпости, охраняемый четырьмя ливейными кораблями и пятью тысячами солдатъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ подвергнутъ суду, является въ народѣ такого рода мысль: въ чемъ же выгода единства? Къ чему единство? Первый попятно сказавшій народу о единствѣ схваченъ и подъ судомъ. Стало-быть его мысль невѣрна? Или непозволительна? Приходится самостоятельно обсудить дѣло, и вотъ какого рода являются соображенія: «Для меня, старика Клементе Руффо, отличнаго столара и коренного жителя Милана, всего пріятнѣе, что австрійцы выгнаны. Телесковъ давно мы ненавидимъ, и еслибы ненависть эта не перешла ко мнѣ наследственно отъ отца, то я и самъ довольно насмотрѣлся. Чуть только народъ добьется до того, что вздохнетъ свободно, какъ являются телески возобновлять гнетъ и даже его преувеличивать. Городскія власти теперь все изъ нашихъ; нѣтъ нѣмца породничаго, нѣтъ бѣлыхъ мундировъ, отъ которыхъ бывало, какъ увидишь, становится тошно. Ясно, что стало лучше съ этой стороны. Но съ другой стороны платить приходится гораздо больше прежняго, а въ вышнія трудныя времена это много значить, а пьемонтскіе сборщики не ждуть: на что-то имъ тамъ безпрестанно нужны деньги. Да и то сказать, неужели нельзя безъ телесковъ, но также и безъ пьемонтцевъ? Говорятъ, что тогда единства не будетъ. Выходитъ, что единство означаетъ пьемонтскихъ сборщиковъ. Неужели же это такъ необходимо? Могли бы собирать подати свои неужели пьемонтцевъ. Не въ томъ ли дѣло, чтобы намъ называться итальянцами? Да это разумѣется само собою, итальянцами всегда мы были; но мы тоже никогда не перестанемъ быть миланезами. А ужъ какому-нибудь Турину до нашего Милана далеко, какъ землѣ до неба. Если же Гарибальди засадили, стало-быть единства и ненадо. Да здравствуетъ Гарибальди! Долой Ратацци!»

Народъ кричитъ, министерство называетъ это демонстраціей, стрѣляетъ въ толпу; народъ расходится по домамъ попрежнему, съ тою только разницею, что изъ дому онъ выходилъ нелюдящимъ, а домой возвращается ожесточенный. Завтра онъ будетъ уже свирѣпъ, а при итальянской скрытности, осторожности, злоба, ненаходящая исхода или проявленія, уйдетъ внутрь и выступитъ впоследствии ужасающимъ взрывомъ.

Другой, напримѣръ неаполитанецъ Михеле Паццо, лодочникъ, разсуждаетъ нѣсколько иначе. «Галубарда сказалъ, что въ Италиіи долженъ быть одинъ король, тотъ самый, что въ Пьемонтѣ. Стало-

быть такъ тому и быть. Что сказалъ Галубарда, то всегда хорошо. Говорить еще — надо идти въ Римъ. Хорошо, пойдемъ и въ Римъ, и на конецъ свѣта. Чальдина говорить, что въ Римъ ненадо. Хорошо, только посмотримъ еще кто кого: нашъ его, или онъ нашего. А въ случаѣ бѣды притаимся, какъ-було все на порядкахъ; такъ всегда дѣлывали наши отцы и дѣды; а потомъ какъ полойдетъ наше время, такъ и развернемся во всю ширь. Тогда поманетъ Чальдина нашего Галубарду, да поздно будетъ. А единство, «unità», что-же это такое? Галубарда сказалъ unità, а если нѣтъ Галубарда, какая же тутъ unità, что за единство?»

Въ Сициліи отвѣтъ на аспромонтскій полвигъ министерства коротокъ. Читатели помнятъ очень хорошо, что передъ несбѣданнымъ прибытіемъ Гарибальди въ Сицилію весь островъ былъ въ самомъ напряженномъ состояніи. Общее неудовольствіе на преувеличенное администраторство и на тяжесть налоговъ готово было развиться всеобщимъ возстаніемъ. Гарибальди однимъ чарующимъ вліяніемъ своего присутвія удержалъ порядокъ. А теперь, когда министерство отняло у Італіи любимаго народнаго героя, создателя единства, охранителя порядка, единственную на югѣ поддержку имени короля Виктора-Эммануила, — тавшіяся и подавленные пяткою Гарибальди искры разгорѣлись въ пожаръ. Прежде всего вспыхнули Палермо и Мессина. Въ Транани освистали берсальеровъ, возвращавшихся изъ Калабрій. Въ Марсалѣ освистанъ 37 полкъ. Въ Джибеллина провозглашена республика. Въ Гран-Микеле, придравшись ко вновь учрежденному налогу на вино (какъ еслибы у насъ учредили налогъ на квасъ), народъ тоже пошумѣлъ. Въ Рокальмито придравшись къ конскрипціи и подняли бѣлое бурбонское знамя. Слѣдуетъ вспомнить, что въ Сициліи само бурбонско-неаполитанское правительство не могло при помощи всевозможныхъ жестокостей ввести конскрипцію. Въ Джибеллинѣ поднято красное мадзинистское знамя и народъ требуетъ раздѣла имущества. Въ Рагузѣ народъ требуетъ хлѣба и работы. Въ Канжати городничій и городской совѣтъ стали во главѣ возстанія. Вездѣ пылаетъ возстаніе, и офіціальныя газеты, какъ водится въ западной Европѣ, смягчаютъ дѣло, доводи его въ своихъ рассказахъ до микроскопическихъ размѣровъ. Въ одномъ даже мѣстѣ достаточно было выстрѣла изъ пистолета на воздухъ, чтобы заставить народъ разойтись по домамъ.

Министерство, пнѣя на рукахъ аспромонтскаго арестанта, напоминаетъ, по словамъ одной англійской газеты; большого окуна, который вздумалъ проглотить средняго роста щуку, которая осталась повисла у него въ горлѣ. Бѣдный окунь теперь не знаетъ какъ быть; своимъ стараніемъ проглотить щуку онъ выказалъ похваль

ную рѣшимость, большую твердость воли, доказавъ, что онъ дѣйствуетъ самостоятельно и совершенно, произвольно распоряжается въ своемъ прудѣ. Но дальше-то какъ же? Проглотить нѣтъ возможности; горло не довольно широко. Да и выкинуть невозможно: зубы слишкомъ къ нему впились и разжать ихъ нѣтъ возможности. Такъ и плаваетъ окунь въ мѣрѣ неизвѣстности и колебаній, самъ въ нѣдну у своей добычи.

Въ самомъ дѣлѣ министерство находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Засудить Гарибальди никому не придетъ въ голову; заставить его судить обыкновенный судъ — непревѣтно оправдаться; вовсе не судить — обидится войско, которое въ такомъ случаѣ играло роль весьма невыгодную; пенсировать — неудобно, потому что для этого прежде нужно обвинить. Положеніе весьма трудное, такъ что г. Ратацци собственными силами едва ли изъ него вымучается. Несясь слухи, что г. Ратацци на дняхъ отправится для улаженія затрудненій во Францію.

Произошли уже несогласія въ министерствѣ, которое весьма недовольно лицами, занимающими судейскія должности, а министр юстиціи г. Конфорти утверждаетъ, что судьи очень хороши, что перемѣнять ихъ нѣтъ надобности, что въ судьи ничего не значатъ его политическія убѣжденія. Г. Конфорти подалъ уже въ отставку, а г. Ратацци уговариваетъ его остаться въ министерствѣ по крайней мѣрѣ до свадьбы принцессы Маріи-Піи, то-есть дней восемь или десять. Увѣряютъ, будто тогда произойдетъ общее преобразование министерства. Г. Ратацци возьметъ на себя министерство иностранныхъ дѣлъ, г. Селла перейдетъ изъ министерства финансовъ къ управленію публичными работами и т. д. Но эти преобразования весьма искажены, такъ какъ система остается таже, стало-быть перетасовка однихъ вѣтъ же лицъ по разнымъ портфелямъ ничего не перемѣнитъ.

А въ Спеція попрежнему нѣтъ отбою отъ посѣтителей, но большая часть изъ нихъ не можетъ добиться чести видѣть доблестнаго большого, котораго слишкомъ многолюдный приемъ могъ бы утомить. Докторъ Партридж уѣхалъ, осмотрѣвши рану Гарибальди и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ наединѣ. Сначала комендантъ крѣпости не хотѣлъ оставлять своего арестанта наединѣ съ пріѣзжимъ иностранцемъ и долженъ былъ обратиться по этому поводу за приказаніями въ Туринъ. Однако г. Партридж такъ усердно рекомендовалъ былъ доктору Пальмерстоню сардинскому кабинету, что разрѣшеніе тотчасъ было прислано. Теперь становится несомнѣннымъ, что г. Партридж былъ ничѣмъ инымъ, какъ англій-

скимъ чрезвычайнымъ посломъ при Гарибальди. Онъ впрочемъ несколько и не скрывалъ своего назначенія.

Съ другой стороны въ Англіи собирается на г. Ратацци гроза. Мадзини напечаталъ циркуляръ ко всѣмъ своимъ многочисленнымъ приверженцамъ въ Англіи, чтобъ они во всѣхъ великобританскихъ городахъ составили прошенія на имя лорда Росселя и снабдили ихъ возможно большимъ количествомъ подписей о дипломатическомъ требованіи очищенія Рима. Чтобы сдѣлать этотъ шагъ какъ можно болѣе чувствительнымъ для Франціи, онъ проситъ подписать всѣ эти прошенія въ одинъ и тотъ же день по всей Англіи. Г. Ратацци по этому случаю совершенно теряется и будетъ ожидать что скажутъ изъ Парижа.

А въ Парижѣ, въ официальной газетѣ 25 сентября напечатано, чтобы избавиться отъ всякихъ докучныхъ вопросовъ, письмомъ императора Луи-Наполеона къ своему министру иностранныхъ дѣлъ. Это послѣднее слово состоитъ въ томъ, что папа долженъ остаться въ Римѣ, область должна остаться за нимъ, а Италия должна обойтись безъ Рима. Это не очень утѣшительно и не подаетъ особенно блистательныхъ надеждъ на устройство итальянскихъ дѣлъ, negotiorum уже о томъ, что г. Ратацци получаетъ тутъ прекрасный урокъ. Вотъ извлеченіе изъ этого письма :

«Такъ какъ сила обстоятельствъ держитъ насъ по римскому вопросу далеко отъ обѣихъ крайностей, то намъ необходимо особенно четко пояснить наше наравленіе, чтобы избѣгнуть безпрестанныхъ обвиненій, будто мы колеблемся то въ ту, то въ другую сторону. — Съ тѣхъ поръ какъ я стою во главѣ французскаго правительства, я постоянно держусь одной и той же политики относительно Италіи; моя цѣль — способствовать національнымъ стремленіямъ, склонять папу къ поддержанію ихъ, короче сказать — сочетать религію съ свободой. Съ 1849 года, когда рѣшена была римская экспедиція, всѣ мои письма, всѣ мои рѣчи, всѣ денешніе моихъ министровъ неуклонно выражали это стремленіе, и я поддерживалъ его, смотря по обстоятельствамъ, когда имѣлъ власть ограниченную, какъ президентъ республики, и когда былъ во главѣ побѣдоноснаго войска, на берегахъ Минціо. Признаю, мои усилія до сихъ поръ постоянно разбивались о сопротивленія всякаго рода чередъ двумя діаметрально противоположными партіями, которыя непреклонны въ своихъ ненавистяхъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, глухи къ совѣтамъ, внушаемымъ однимъ желаніемъ добра. Но это не отвратитъ меня отъ дѣйствительныхъ усилій и я не оставлю великаго дѣла, благодѣтельнаго для всего человѣчества. — Дѣла теперь такого рода, что римскій вопросъ долженъ необходимо получать окончательное разрѣшеніе, потому-

что онъ смущаетъ умы не въ одной Италіи; вездѣ онъ производитъ нравственное замѣшательство, касаясь ближайшихъ сердцу человѣческому обстоятельствъ, вѣры религіозной и вѣры политической. — Всякая партія ставитъ на мѣсто истинныхъ началъ справедливости свое исключительное чувство. Такъ одни, забывая признавныя права власти, продолжающейся десять вѣковъ, провозглашаютъ, *несмотря на такое древнее право*, отмѣну свѣтской власти папы; другіе, необращая вниманія на законныя требованія правъ народа, безъ зазрѣнія совѣсти приговорили часть Италіи на вѣчную неподвижность и угнетенія. Такъ *одни располагаютъ еще существующею властью, какъ-будто она уже разрушена, а другіе располагаютъ живымъ народомъ, какъ-будто онъ уже умеръ*. — Какъ бы то ни было, обязанность государственныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы изыскать средства примиренія обѣихъ сторонъ, которыхъ примиримость закрывается отъ людей только страстями. Если не удастся, то по крайней-мѣрѣ попытка будетъ не безъ нѣкоторой славы, и во всякомъ случаѣ полезно изложить свою цѣль. — Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дойти до комбинаціи, посредствомъ которой папа принялъ бы участіе въ великомъ стремленіи народа сдѣлаться націей, а съ другой стороны народъ повиалъ бы какъ спасительная власть, которой вліяніе распространяется на всю вселенную. — Сначала, смотря на предразсудки и злобу, одинаково сильныя съ обѣихъ сторонъ, не ждешь благоприятнаго результата. Но если разсмотрѣть сущность дѣла, обратиться къ разуму и къ здравому смыслу, то легко увѣряться, что истина, *сей священный свѣтъ*, проникнетъ наконецъ въ умы и ясно покажетъ верховную и жизненную выгоду, приглашающую приверженцевъ обѣихъ сторонъ къ соглашенію и примиренію. — Въ чемъ состоитъ выгода Италіи? Отвратить, насколько это въ ея силахъ, грозящія ей опасности, укротить возбужденныя ею неудовольствія и *опрокинуть все что мѣшаетъ законному ея желанію устроиться*. Чтобы побѣдить столько препятствій, надо разсмотрѣть ихъ хладнокровно. — Италія, какъ новое государство, имѣетъ противъ себя все что держится старинныхъ преданій; какъ государство, обратившееся къ помощи революціи, оно внушаетъ недовѣріе всѣмъ людямъ порядка. Они сомнѣваются въ ея силѣ къ подавленію безначальныхъ стремленій и не думаютъ, чтобы общество могло укрѣпиться посредствомъ элементовъ, которые уже опрокинули столько другихъ обществъ. Наконецъ у ея дверей стоитъ страшный врагъ, котораго войска и весьма понятное неблагоприятное положеніе долго еще будутъ постоянною угрозой. — Столь важныя противники становятся еще важнѣе, опираясь на интересы католической вѣры. Религіозный вопросъ еще затрудняетъ поло-

женіе и увеличиваетъ число противниковъ новаго порядка вещей, установившагося за Альпами. Не такъ давно еще ей была враждебна только партія приверженцевъ *неограниченно* правленія. Нынче ей враждебна большая часть католическихъ народовъ Европы, и эта вражда не только мѣшаетъ исполненію благопріятныхъ намѣреній правительствъ, связанныхъ вѣрою съ святѣйшимъ престоломъ, но мѣшаетъ и выгодному расположенію правительствъ протестантскихъ и другихъ, которыя должны принимать въ соображеніе большое число своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вездѣ религіозная идея охлаждаетъ общественное сочувствіе къ Италіи. Ея примиреніе съ папою уничтожитъ множество затрудненій и обратитъ въ ея пользу множество нынѣшнихъ противниковъ. — Съ другой стороны святѣйшій престолъ имѣетъ такую же, если не большую выгоду въ примиреніи, ибо если святѣйшій престолъ имѣетъ ревностную поддержку со стороны всѣхъ усердныхъ католиковъ, зато противъ него все что ни есть либеральнаго въ Европѣ. Въ политикѣ онъ считается представителемъ предрассудковъ старыхъ порядковъ, а въ глазахъ Италіи онъ врагъ ея независимости и самый преданный сторонникъ реакціи. Поэтому онъ окруженъ самыми восторженными приверженцами павшихъ династій, что не увеличиваетъ въ его пользу сочувствія народовъ, опрокинувшихъ эти династіи. Впрочемъ это положеніе вещей менѣе вредитъ государю, чѣмъ главѣ религіи. Въ католическихъ земляхъ, гдѣ преобладаютъ новыя идеи, люди наиболее преданные своимъ вѣрованіямъ чувствуютъ, что ихъ совѣсть смущается и сомнѣніе входитъ въ ихъ умы, потому что они не знаютъ какъ помирить свои политическія убѣжденія съ религіозными правилами, которыя какъ-будто противятся новѣйшей цивилизаціи. Если это положеніе, исполненное опасностей, продолжится, то политическія несогласія могутъ даже привести къ прискорбному раздѣленію даже въ вѣрованіяхъ. — Итакъ выгоды святѣйшаго престола, выгоды религіи требуютъ примиренія папы съ Италіей, ибо это будетъ означать примиреніе съ новѣйшими идеями, это удержитъ въ лонѣ церкви двѣсти миллионовъ католиковъ и дастъ религіи новый блескъ, показавъ, что вѣра способствуетъ успѣхамъ челоѣчества. Но на чемъ основать столь желаемое примиреніе? Папа, при здравой оцѣнкѣ вещей, пойметъ необходимость принять все что привлечетъ его къ Италіи, а съ своей стороны Италія, уступивъ совѣтамъ мудрой политики, дастъ необходимыя ручательства въ независимости святого отца и въ *свободномъ исполненіи его власти*. — Можно бы ожидать достиженія этой двойной цѣли посредствомъ комбинаціи, которая удержала бы папу государемъ въ его владѣніяхъ, но опустила бы преграды, отдѣляющія теперь

его государство отъ остальной Италіи. — Чтобы онъ былъ у себя государемъ, ему должна быть обезпечена независимость, а власть его должна быть свободно принята его подданными. Надо надѣяться, что это такъ и случится, когда съ одной стороны итальянское правительство обяжется относительно Франціи *признать Церковную область въ определенныхъ границахъ*, и когда съ другой стороны правительство святѣйшаго престола утвердитъ права городовъ и провинцій такимъ образомъ, чтобы они такъ-сказать управлялись сами собою. Тогда власть папы будетъ парить въ сферѣ гораздо болѣе возвышенной, чѣмъ второстепенные интересы общества, и избавится отъ той тяжелой отвѣтственности, которая можетъ быть возложена только для сильнаго правительства. — Предшествующія общія указанія не суть ультиматумъ, который я налагалъ бы на обѣ несогласныя стороны. Это только основанія политики, которую считаю своею обязанностию поддерживать своимъ законнымъ вліаніемъ и безкорыстными совѣтами.»

Далѣе въ томъ же номерѣ Монитера напечатана нота министра иностранныхъ дѣлъ г. Тувенеля къ французскому посланнику въ Римѣ. Г. Тувенель говоритъ, что императоръ никогда *не давалъ* туринскому кабинету *надежды*, чтобы Римъ могъ сдѣлаться столицей Италіи, и что Франція положительно хочетъ удержать за папой его высшія владѣнія. Повтому соглашеніе было бы возможно только на слѣдующихъ основаніяхъ: *удержаніе нынѣшнихъ владѣній папы; Италія откажется отъ всякой претензіи на Римъ* и обяжется не прикасаться къ папскимъ землямъ. «Передайте этотъ проектъ кардиналу Антонелли, — прибавляетъ г. Тувенель. — Въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего безусловно-окончательнаго; однако дайте ему почувствовать, что если намъ все будутъ противопоставлять теорію недвижимости, то Франція вынуждена будетъ, *охраняя* сколько возможно интересы святѣйшаго престола, выйти наконецъ изъ положенія, которое не можетъ продолжаться далѣе *нѣкотораго* времени, *не давая* французской политикѣ ложнаго направленія.»

Наконецъ помѣщенъ и отвѣтъ г. Лавалетта, извѣщающаго, что кардиналъ Антонелли отказался отъ всякихъ переговоровъ и даже не хотѣлъ взять копій съ ноты.

Во всей этой перепалкѣ, напечатанной въ официальной газетѣ 25 сентября, заключается весьма много поучительнаго для г. Раттади. Воиервыхъ онъ можетъ узнать, что и въ крайнемъ случаѣ окончательной невозможности въ чемъ-нибудь согласиться, Франція будетъ охранять интересы папскаго престола; вовторыхъ, что эта невозможность будетъ признава послѣ нѣкотораго времени; что Италія должна отказаться и думать о Римѣ; что Франція считаетъ

удобнымъ распорядиться вою Италію и Римомъ и помощь дарить Римъ Италіи, или покрайней мѣрѣ давать въ этотъ моментъ. Онъ можетъ еще видѣть, что желаніе Италіи устроиться — весьма законное желаніе, что этого однакоже никогда не случится, потому что право папы на свѣтскую власть есть весьма древнее право, и закономъ что истина есть священнѣйшій свѣтъ.

А въ итогъ оказывается, что своимъ безупрочнымъ усердіемъ къ Франціи итальянскій министръ ничего не одѣлаетъ, но добьется рѣшенія жизненнаго вопроса своего отечества.

Но покинѣтъ важнѣйшее извѣстіе изъ Италіи получено по телеграфу изъ Лондона. Туда вернулся докторъ Партриджъ изъ Швеціи, и донесъ гарибальдийскому комитету, что доблестный болякъ чувствуетъ себя лучше, что воспаление и боль прекратилась и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нога совсѣмъ заживетъ, зѣта и останется затрудненіе въ сгибѣ сустава.

Прусскія дѣла

Точно также какъ въ Италіи, и въ Пруссіи происходитъ борьба; но здѣсь, надо надѣяться, эта борьба кончится безъ убійствъ и рѣзеньихъ.

Читатели помнятъ очень хорошо, какимъ образомъ и по какому поводу распущена была прусская палата депутатовъ, причемъ правительство поступило по точному смыслу конституціи. Теперь идетъ рѣчь объ утвержденіи свѣты расходовъ на 1862 годъ по военному министерству. Правительство хочетъ уменьшить миллицію и увеличить регулярное войско, а палата находитъ, что это лишнее. Министерство было увѣрено, что если оно сдѣлаетъ свои преобразованія и истратитъ на нихъ нѣсколько миліоновъ, то палата разумѣется утвердитъ уже сдѣланный расколъ; но палата не исполнила министерскихъ надеждъ. Представители имѣютъ претензію думать, что страна лучше всѣхъ знаетъ сама свои потребности, а министерство полагаетъ, что оно знаетъ лучше. Произошло развогласіе въ высшей степени замѣчательное. По закону, на свѣту расходовъ необходимо согласіе народныхъ представителей, а между тѣмъ свѣта расходовъ по военному министерству на извѣстнѣйшій 1862 годъ, котораго прошло уже три четверти, еще не утверждено, такъ что до сихъ поръ правительство управляло безъ свѣты. Это противно основному закону. Пренія о свѣтѣ военного министерства нечленились не въ пользу правительства, и министры остаются на своихъ мѣстахъ. Это хотя и вовсе не противно закону, но оказывается совершенно неудобнымъ, потому что безъ всякой надобности

имѣть въ противнѣ ослѣдственной и неиркосновенной власти короля въ дѣлахъ, житейскія дѣла.

Министерство, желющее увеличенія войска, называетъ это увеличеніе преобразованиемъ: слово выбрано весьма удачно, потому что всѣ желающие добра своему отечеству, желаютъ преобразованій и тамъ, и здѣсь, и по одной части, и по другой; но палата безъ большого труда открыла настоящій смыслъ этого слова. По смѣтѣ назначалось на военное министерство 30,605,706 талеровъ. Комиссія, разсматривавшая смѣту, вычеркнула изъ нея по разнымъ спеціальнымъ причинамъ 17,726 талеровъ. На преобразованіе войска назначалось въ общемъ итогѣ 5,911,099 талеровъ. Палата въ этомъ отказала. Въ томъ же итогѣ въ чрезвычайный расходъ, единовременный, позачалось 1,826,663 талера. Изъ этого послѣдняго числа 22,282 талера приходилось на преобразованія, которыя не утверждены. Такимъ образомъ смѣта министерства оказалась выше той, на которую согласны представители, на 6,151,087 талеровъ. Таково было предположеніе смѣтной комиссіи.

Одинадцатаго сентября пренія начались рѣчью министра финансовъ, который по огромной важности предстоявшаго вопроса счелъ нужнымъ изложить предварительно взглядъ правительства. Онъ много распространялся о необходимости коренного преобразованія войска; по опытамъ послѣднихъ мобилизацій, по наблюденіямъ за ходомъ и свойствами нынѣшнихъ войнъ, оказывается полезнымъ увеличить подвижность войска, такъ какъ этого требуетъ безопасность и независимость страны. Кому же необходимо увеличить численность войска въ мирное время и слѣдить за исполненіемъ закона объ общей обязательности военной службы. Еще 4 юня прошлаго года министръ финансовъ, по поводу возникшаго тогда военнаго вопроса, говорилъ: «Каково бы ни было общее мнѣніе касательно военнаго устройства нашего, никто разумѣется не захочетъ вернуться съ начала 1862 года къ старому порядку и разомъ распускать 117 новыхъ батальоновъ. Стало-быть министру финансовъ остается только опять доставить деньги на разръшонные въ качествѣ экстренныхъ расходы для поддержки совершеннаго преобразованія, пока не утвердится новая смѣта.»

Изъ этого очевидно, что министерство намѣревалось совершить преобразованіе и потому потребовать у палаты признанія этого совершеннаго факта и въ тоже время утвержденія слѣдующихъ вѣдѣній. Тутъ г. фонъ-деръ-Гейдтъ, министръ финансовъ, прибавляетъ еще къ нѣкоторой удачѣ: Палата согласилась продолжать собирать до 1-го юля 1862 года дебетовыя на подати 25 процентовъ, а тогда концы его дебетовъ употреблялись на дѣло преобразованія

войска и отиѣсно не было, то министерство и заключило, что палата была согласна на преобразованіе. Правительство дѣйствительно исполня свои обязанности относительно страны и не могло бытъ, что ему откажутъ въ денежныхъ средствахъ. До сихъ поръ еще не было проведено новаго закона о преобразованіи войска; но уже этого еще не слѣдуетъ, что надо отказывать въ деньгахъ. Въ началѣ нынѣшняго года правительство представило палатѣ проектъ закона о рекрутскомъ наборѣ, утвержденный верхнею палатой. Въ нынѣшнее собраніе онъ снова не былъ представленъ потому, что министерство хотѣло во мѣрѣ возможности сократить сроки засѣданій и не дѣлать предложеній, которыя вызвали бы пренія о важныхъ привидіяхъ (такимъ образомъ министерство хотѣло выиграть время для достиженія своихъ цѣлей). Но въ слѣдующее собраніе правительство представитъ проектъ закона о военной службѣ, и теперь вовсе не полагаетъ, чтобы палата вздумала отказать ему въ деньгахъ, тѣмъ болѣе, что смѣта на 1862 годъ несколько не будетъ связывать въ составленіи закона о военной службѣ. Но для успокоенія палаты можно несколько переставить цифры и назначить вмѣсто ординарнаго въ экстренный расходъ всю сумму, употребленную на преобразованіе. Но мнѣнію министра, финансовое положеніе также не можетъ служить предлогомъ къ отказу, потому что въ нынѣшнемъ году передержано противъ смѣты всего только четыре мильона. Эта передержка въ расходѣ тоже ничего не значитъ, потому что и приходъ почти настолько же выше того, который предположенъ въ смѣтѣ. Министръ заключилъ слѣдующими словами: «Правительство знаетъ очень хорошо, что для сокращенія расходовъ по преобразованію оно нуждается въ согласіи палаты, точно также какъ и для другихъ расходовъ, слѣдующихъ до утвержденія смѣты. Оно надѣется на полученіе этого согласія, потому что издержки были сдѣланы съ добрымъ намѣреніемъ, съ той мысли, что новое уменьшеніе было невозможно (вызвать, что расходы увеличены, потому что нельзя было ихъ уменьшить). Если же законъ о рекрутскомъ наборѣ не былъ представленъ въ нынѣшнее засѣданіе, а будетъ представленъ въ слѣдующее, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, то это обстоятельство нисколько бы не извинило отказа, который былъ бы причиненъ сильнаго потребнаго порядка въ дѣлахъ финансовыхъ и оставалъ бы администраціи къ великому ущербу весьма важными общими интересами, а правительство поставилъ бы въ такія затруднительныя отношенія съ другими державами. Правительство совершенно согласно съ смѣтною комиссіей, что конституція неформально требуетъ согласія палаты на смѣту; но, если смѣтная комиссія предлагаетъ отказъ

въ деньги на преобразование, то пусть же она не забудетъ, что издержки уже сдѣланы, а въ послѣдніе три мѣсяца невозможно сдѣлать сбереженій.»

Такимъ образомъ правительство дѣлаетъ издержки, не представляя народныхъ представителей смѣты; неполучивъ утвержденія этой смѣты, старается доказать, что остается въ предѣлахъ конституціи, если представитъ смѣту послѣ того какъ издержка сдѣлана. Народные представители тоже останутся въ предѣлахъ конституціи, если обсудятъ дѣло, найдутъ издержку ненужною или превосходящею вѣкъ средства. Тогда кто же отвѣчаетъ за сдѣланный расходъ?..

Министру Финансовъ отвѣчалъ г. Вальдекъ. Онъ сказалъ, что незаконность требованій правительства совершенно достаточна, чтобы отказать въ ихъ исполненіи. Войско имъ 130.000 человекъ дозволено до 200.000; налицъ остается только вычеркнуть лишніе 70.000 человекъ. Всюду другой взглядъ былъ бы недостойнъ палаты Либеральной партіи вовсе не противится вслѣдствію улучшеній; она готова на всевозможныя уступки, но что же дѣлать, когда гдѣ много выбора, какъ или уничтожить милицію, или отказаться отъ требуемыхъ суммъ? Впрочемъ палата должна имѣть доверіе къ самой себѣ: исторія показываетъ примѣры уступокъ вродѣ той, какую вынуждена была сдѣлать королева Елизавета, встрѣчая твердое сопротивленіе англійскаго парламента.

Извѣстный профессоръ-врачъ-депутатъ Вирховъ сказалъ, что комиссія импэро упрекнула въ томъ, будто она стала исключительно на точку зрѣнія законности и не захотѣла принять въ соображеніе потребностей импѣриальнаго положенія. По его мнѣнію нынѣшнее столкновеніе можетъ быть разрѣшено конституціоннымъ порядкомъ только двумя: или распустить палату, или вынудить въ отставку министровъ. Если министерство не хочетъ ни того, ни другого, то оно должно передѣлать смѣту или выпросить у палаты покрытіе сдѣланныхъ расходовъ въ обмѣнъ на самыя точныя и положительныя обещанія. Затѣмъ ораторъ отрицаетъ, будто бы въ настоящемъ случаѣ нарушаются права короны. Въ уставной грамотѣ нѣтъ ни одной статьи, которая давала бы королю право учреждать новые должности, а новые батальоны дали множество новыхъ должностей. Наконецъ ораторъ доказываетъ, что внутренняя сила государства заключается въ силѣ законовъ, и заключаетъ тѣмъ, что правительству остается только или уступить, или нарушить 99 статью конституціи.

Г. фонъ-Карловицъ признаетъ, что въ самомъ дѣлѣ войско должно быть преобразовано, но что и милиція точно также необхо-

дина для Пруссіи. Нынѣшняя политика Пруссіи доставляетъ большое удовольствіе непріятелямъ ея, и нынѣшнему министерству никакъ не можетъ быть довѣрено удовлетвореніе національныхъ желаній Пруссіи. Не слѣдуетъ также прибѣгать къ обоюднымъ уступкамъ, согласившись на утвержденіе представленной смѣты въ обмѣнъ на либеральныя уступки, на которыя вѣроятно не согласится верхняя палата. «Если мы здѣсь — продолжаетъ онъ — только затѣмъ, чтобы безпрекословно подписывать требованія военнаго министра, то я отказываюсь отъ своего званія представителя; и если правительство имѣетъ право дѣлать издержки безъ утвержденія смѣты, то вся конституція наша не стоитъ той бумаги, на которой она написана.» (Браво! браво!)

Г. фонъ-Роонъ, военный министръ, утверждаетъ, что никто не споритъ противъ необходимости преобразования. (О! о?) Доказано также несомнѣнно, что страна можетъ выдержать новые расходы. (Отрицанія.) Онъ ссылается на указанія статистики и доказываетъ имъ, что общественное богатство Пруссіи увеличилось и что жалобы на тягости смѣты ничѣмъ не оправдываются. Что касается до упора правительства въ томъ, что оно вышло изъ своихъ конституціонныхъ правъ, то «это дерзость, выходящая изъ всякихъ границъ». (О! о? отрицанія; шумъ.) Еслибы дѣло шло только о смѣтѣ на 1863 годъ, то было бы весьма естественно, еслибы палата требовала сначала представленія закона о рекрутскомъ наборѣ; но на 62 годъ смѣта, весьма честно установленная, почти уже израсходована, стало-быть нечего о ней и толковать.

Извѣстно, что военный министръ г. фонъ-Роонъ плохой ораторъ; ему все кажется, что онъ передъ своими солдатскими фронтомъ, когда онъ говоритъ въ палатѣ; онъ забываетъ, что конституціонный министръ говоритъ передъ цѣлою страной въ лицѣ ея представителей и что такая аудиторія имѣетъ повѣйшее право просто не дать ему денегъ.

Въ другомъ засѣданіи одинъ депутатъ, защитникъ министерства, далъ палатѣ хорошій урокъ, напомнивъ ей, что въ 1860 году она знала о намѣреніи организовать новые полки, однакоже согласилась на необходимую тогда издержку; стало-быть она изъявила согласіе на увеличеніе войска.

Еще въ другомъ засѣданіи министръ финансовъ объявилъ, что правительство всячески желаетъ избѣгнуть столкновенія и вовсе не желаетъ нарушить конституцію. Но когда палата отказывается въ утвержденіи одной смѣты за другой, что остается министерству? (Крики: Удалиться!) Мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ согласиться на требуемую уступку. Затѣмъ министръ объявляетъ,

что министерство пожалуй могло бы удалиться, уступило бы свои мѣста лицамъ, пользующимся довѣріемъ палаты депутатовъ; но если палата желаетъ имѣть министровъ съ этимъ довѣріемъ, но безъ довѣрія верхней палаты, то нижняя переступить границу своихъ правъ.

Послѣ цѣлаго ряда засѣданій, посвященныхъ почти исключительно преніямъ о смѣтѣ, палата 23 сентября приступила къ окончательной подачѣ голосовъ. Сначала предложень былъ вопросъ: слѣдуетъ ли, сообразно съ желаніемъ правительства, утвердить всю сумму, требуемую на *ординарные* расходы по военному министерству — 37,779,043 талера? На это предложеніе встало только одиннадцать членовъ. Потомъ единодушно всѣ члены утвердили сумму въ 31,932,940 талеровъ въ качествѣ ординарнаго военнаго расхода, а остальное положено отнести къ расходу экстраординарному. Наконецъ въ суммѣ 5,529,566 талеровъ экстраординарнаго расхода послѣдовалъ отказъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, и немедленно затѣмъ палата занялась рассмотрѣніемъ нѣсколькихъ прошеній.

До послѣдней степени ясности ясно, что министерство потерѣло рѣшительное пораженіе. Послѣ этого въ государствѣ конституціонномъ обыкновенно слѣдуетъ или отставка министерства, или распушеніе палаты. Послѣднее распоряженіе допускается въ томъ смыслѣ, что палата можетъ-быть не составляетъ правильного выраженія мнѣній страны; но передъ отказомъ самой страны министерство никакъ не задумалось бы остаться на своемъ мѣстѣ. Поэтому распушеніе палаты и собраніе новой для рѣшенія возникшаго разногласія весьма справедливо называется обращеніемъ къ странѣ, которая потомъ и рѣшаетъ разногласіе безъ апелляціи посредствомъ вновь избранныхъ представителей. Дѣло ведется обыкновенно на чистоту.

Прусское же министерство рѣшилось остаться при дѣлахъ и управлять страную безъ смѣты. Одинъ только министръ финансовъ фонъ-деръ-Гейдтъ вышелъ въ отставку. Но и тутъ банковская газета объясняетъ выходъ министра въ отставку другою, неконституціонною причиною. Она придумала, будто король не согласился утвердить закона касательно постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ поэтому будтобы министръ и вышелъ.

Между тѣмъ засѣданія были отложены на четыре дня, и 29 сентября г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, вновь назначенный президентъ совѣта министровъ, прочелъ въ палатѣ слѣдующее:

«Такъ какъ палата не утвердила расходовъ на преобразование войска въ 1862 году, то правительство должно считать, что безъ

перемѣны тоже рѣшеніе состоится и на 1863 годъ. Правительство удерживаетъ мѣры, изложенныя министрами по смѣтѣ на 1862 годъ; поэтому результаты немедленнаго разсмотрѣнія могли бы только помѣшать будущему разрѣшенію спорнаго вопроса, значительно увеличивая затрудненія. Изъ преній, происходившихъ до сихъ поръ, оказывается, что соглашеніе невозможно безъ представленія проекта закона о преобразованіи войска. По предложенію министерства его величество король разрѣшилъ мнѣ взять обратно смѣту на 1863 годъ. Такимъ образомъ правительство не думаетъ отказаться отъ принципа своевременнаго представленія смѣты; только теперь оно считаетъ своею обязанностью не увеличивать препятствій, мѣшающихъ соглашенію. Когда въ слѣдующій разъ палата будетъ созвана, — правительство представитъ смѣту на 1863 годъ вмѣстѣ съ проектомъ закона, которымъ не будутъ нарушены основанія военнаго преобразованія, в смѣту на 1864 годъ.»

Потомъ президентъ г. Грабовъ прочелъ королевскій декретъ, утверждающій предложеніе министерства. Постановлено препроводить это дѣло на разсмотрѣніе смѣтной комиссіи, для немедленнаго представленія надлежащаго рапорта. Гг. фонъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ и фонъ-Роонъ присутствовали въ засѣданіи смѣтной комиссіи. На вопросъ, въ нынѣшнемъ ли году вновь будетъ созвана палата, г. фонъ-Бисмаркъ объявилъ, что правительство до сихъ поръ ничего еще въ этомъ отношеніи не рѣшило и считаетъ время между закрытіемъ нынѣшняго собранія и открытіемъ будущаго чѣмъ-то вродѣ перемирія, какъ опытъ придти къ разрѣшенію столкновенія. Можетъ-быть возможно будетъ представить смѣту еще въ нынѣшнемъ году, но разсмотрѣть ее нельзя успѣть. Нѣкоторые члены замѣтили при этомъ, что къ 1 ноября можно бы пересмотрѣть военную смѣту на 1863 годъ, но г. фонъ-Роонъ объявилъ, что отъ 15 октября, когда вѣроятно закрыто будетъ это собраніе, до 1 ноября нельзя успѣть выработать смѣту и составить законъ о преобразованіи войска.

На другой день, 30 сентября, опять собиралась смѣтная комиссія въ присутствіи тѣхъ же министровъ. Постановлено пригласить правительство представить палатѣ депутатовъ смѣту на 1863 годъ своевременно, чтобы можно было разсмотрѣть ее и утвердить до новаго года. Объявлено, что правительство распоряжается противно конституціи, когда палата депутатовъ на нее не согласилась. Г. фонъ-Бисмаркъ утверждалъ, что *своевременное утвержденіе смѣты не обязательно* по точному смыслу конституціи. Онъ сказалъ, что нынѣшняя борьба опредѣляетъ границы между властью короля и властью парламента, а впрочемъ правительство искренно желаетъ

прийти къ соглашенію. Г. фонъ-Роонъ говорилъ въ томъ же смыслѣ, и объявлялъ, что представить смѣту и военный проектъ ранѣе 1863 года невозможно.

Итакъ прошедшее затрудненіе не разрѣшено, а отложено; чѣмъ покрыть израсходованные пять съ половиною миліоновъ — неизвѣстно. Правда, что въ уставной грамотѣ пропущено слово «своевременно». Дѣйствительно, такъ не сказано, что смѣта на будущій годъ должна быть утверждена въ нынѣшнемъ; но конечно это разумѣется само собою. Если смѣту на текущій годъ можно представлять въ концѣ года, то нѣтъ причины не представить ее въ будущемъ году или черезъ два года.

Это извѣстіе отъ 1 октября. Что будетъ дальше — увидимъ.

Последнія извѣстія

Французскія газеты теперь распространяются въ соображеніяхъ и размышленіяхъ по поводу напечатаннаго въ Монитерѣ и приведеннаго нами письма императора французовъ къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, и потомъ ноты г. Тувенеля къ своему посланнику въ Римѣ. Одна газета старается найти цѣль, съ какою эти документы были теперь напечатаны, тогда какъ они писаны были въ маѣ и въ іюнѣ нынѣшняго года. Но затѣмъ ли печатали, чтобы показать заботливость о сохраненіи нынѣшнихъ владѣній папы? Не хотятъ ли приготовить умы къ очищенію Рима? Не хотятъ ли только сложить съ себя отвѣтственность? Или это напечатаніе считается послѣднимъ средствомъ исполненія посредничества?

Другая газета возражаетъ на эти догадки и на нѣкоторыя весьма осторожныя толкованія съ лирическимъ негодованіемъ: «Ужь мы тысячу разъ говорили: слова императора нельзя подвергать толкованіямъ; ихъ можно собирать и обдумывать. Но да позволено намъ будетъ замѣтить, что никогда можетъ-быть государь, котораго умѣренности и мудрости удивляется Франція и міръ, не выражалъ болѣе краснорѣчиво мыслей болѣе сильныхъ и болѣе вѣрныхъ. Въ этомъ письмѣ невозможно не признать сердца великаго государя и умъ великаго политика. Что за уваженіе ко всѣмъ законнымъ правамъ! Что за благородныя усилія примирить требованія преданій съ требованіями новѣйшей цивилизаціи!..» и т. д.

Третья газета говоритъ: «Этотъ документъ есть не только удивительная страница исторіи и политики, — это прежде всего европейское событіе. Всѣ мыслящіе люди въ нашей странѣ, всѣ уважающіе силу разума, почувствуютъ законнѣйшую гордость, находя высоту взглядовъ и выраженій одного изъ принадлежностей высшаго въ

государствѣ положеніи. Но еслибы тутъ великій писатель не былъ поддержанъ волею и мудростью государственнаго мужа, то наше уваженіе къ литературному таланту не уменьшило бы независимости нашего сужденія. Къ счастью, мы можемъ одобрить то, чему удивляемся...» и т. д.

Въ сѣверной Америкѣ рѣзня продолжается съ изумительнымъ звѣрствомъ и съ полнѣйшею бесполезностью. Рабовладѣльческое войско, которое до сихъ поръ все отодвигалось назадъ, перешло въ наступленіе. 15 сентября было сраженіе при Чернеборгѣ; 17 числа рабовладѣльцы возобновили бой: свободные одержали побѣду, взяли въ плѣнъ 15,000 человекъ и отбили шесть батарей; а незадолго передъ тѣмъ перевѣсъ оставался на сторонѣ южныхъ войскъ, которыя забирала въ плѣнъ тоже тысячами. Несмотря на такія кровопролитныя драки, сраженіе 17 числа не имѣло рѣшительнаго результата. Сѣверное войско потеряло отъ шести до десяти тысячъ человекъ; однихъ генераловъ ранено тринадцать и одинъ убитъ. Говорятъ, что рабовладѣльцы потеряли до двадцати тысячъ человекъ.

И вся эта ужасающая бойня людская, гдѣ каждый мѣсяцъ у обѣихъ воюющихъ сторонъ выбываетъ изъ строя по нѣскольку десятковъ тысячъ человекъ убитыхъ и раненыхъ, въ двухъ или трехъ сраженіяхъ, происходитъ изъ-за таможенныхъ сборовъ, изъ-за денегъ, изъ-за барышей. Можно съ большою достовѣрностью сказать, что еще довольно долгое время найдутся тамъ желающіе служить въ военной службѣ, такъ какъ всякій рядовой, поступающій на три года, получаетъ одновременно болѣе 50 рублей награды и потомъ отъ 9 до 12 рублей въ мѣсяцъ жалованья, одежду и прекрасное содержаніе.

Велика сила ваша, о барыши!

24 сентября отправилась изъ Бѣлграда большая турецкая коммисія въ Ушицу, для срытія этой крѣпости, для передачи мѣста, ею занимаемаго, сербскому правительству, и вывода живущихъ тамъ турокъ въ Боснію. Теперь любопытно видѣть, какъ ушицкіе турки подчинятся своей участи.

Въ Австріи рейхсратъ мало-помалу теряетъ способность договориться до чего бы то нибыло: славянскіе депутаты уходятъ изъ него, какъ только доходитъ дѣло до подачи голосовъ по какому-нибудь серьезному вопросу, такъ что засѣданіе закрывается по не-

имѣнію требуемаго конституціею числа членовъ. Поговариваютъ о необходимости пересмотрѣть конституцію, установленную въ февралѣ прошлаго года. Но такъ какъ пересмотръ будетъ происходить съ одной стороны, а заинтересованная сторона спрошена не будетъ, то слѣдуетъ ожидать весьма односторонняго плода предстоящихъ трудовъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

I

Театръ въ нашихъ глазахъ — дѣло великое, потому великое, что по сущности своей онъ долженъ быть дѣломъ народнымъ.

Если мы до сихъ поръ не писали ничего о русскомъ театрѣ, то потому только, что до сихъ поръ писать о немъ серьезно было совершенно невозможно. Кромѣ общихъ условій, полагаемыхъ произволу мысли закономъ положительнымъ, существовали еще условія особенныя, спеціальныя.

Такихъ спеціальныхъ условій нѣтъ болѣе.

Писать о театрѣ, слѣдить за театромъ становится не только возможнымъ, но необходимымъ, становится по нашему мнѣнію даже обязательнымъ для каждого честнаго литературнаго направленія.

Писать разумѣется слѣдуетъ только о русскомъ театрѣ, о нашемъ театрѣ, каковъ онъ нннаестъ, потому что только его состояніе важно для мыслящаго наблюдателя жизни.

Двухъ вещей будемъ равно избѣгать мы въ нашихъ лѣтописяхъ, двухъ подводныхъ камней оберегаться, именно: 1) упадка критическаго мѣривла нашего до уровня сцены въ ея настоящемъ состояніи и 2) фешенебельнаго, великосвѣтскаго презрѣнія къ русской сценѣ, даже въ настоящемъ ея состояніи.

Насчетъ этихъ двухъ пунктовъ мы и считаемъ прежде всего необходимымъ честно и искренно объясниться.

1) Въ сценѣ и въ сценическихъ впечатлѣніяхъ есть извѣстнаго рода обаяніе, которому вполне поддаться довольно опасно. Объяснимъ дѣло проще. Если вы рѣдко ходите въ театръ — все фальшивое, рутинное, сдѣланное въ пьесахъ ли, въ игрѣ ли артистовъ,

васъ поражаетъ въ высшей степени неприятно; вамъ и въ глаза и въ уши кидается все что производится «нарочно», а не «взаправду». Не говоримъ о совершенно пошломъ, говоримъ только о рутинномъ, ибо рѣдко ли, часто ли ходите вы въ театръ, но если вы человекъ съ чутьемъ, — пошломое всегда будетъ внушать вамъ глубокое, непримиримое отвращеніе... Но если вы ходите въ театръ часто, если вы любите его страстно, вы постоянно должны, изъ уваженія къ самому себѣ, пристально смотрѣть за собою, иначе (мы говоримъ вовсе не шути, а по собственнымъ личнымъ опытамъ) вы можете такъ вѣсться въ сценическія впечатлѣнія, что рутинна и фальшь все слабѣе и слабѣе будутъ поражать ваше чутье: вы привыкаете къ нимъ. И знаете ли какъ привыкаете! Не только увлекаясь исполненіемъ роли артистами вы будете смѣшивать драматическое произведеніе съ его сценическимъ исполненіемъ, но въ самомъ исполненіи вы незамѣтно для васъ самихъ будете привыкать къ рутинѣ, механикѣ, фальши...

Чтоже слѣдуетъ изъ этого? спросите вы конечно. Неужели для того чтобы настоящимъ образомъ понимать и цѣнить театръ, надобно ходить въ него какъ можно рѣже?..

Знаете ли, что мы искренно скажемъ почти-что да... при настоящемъ состояніи нашей сцены. Кто въ состояніи съ удовольствіемъ просидѣть, когда даютъ «Житейскую школу», «Водевиль съ переодѣваньемъ», «Смерть Ляпунова», «Парижскихъ нищихъ», пошлыя штуки г. Ролнславскаго вродѣ «Разставанье», омерзительныя клеветы на русскій бытъ вродѣ издѣлій гг. Тарновскаго, Руднева, Григорьева 1 (котораго никакъ не надобно смѣшивать съ покойнымъ Григорьевымъ 2, авторомъ грубыхъ, но безпритязательныхъ и простолюдно-ларовитыхъ картинъ изъ купческаго и народнаго быта), — кто, говоримъ мы, способенъ все это высмживать съ наслажденіемъ, того вкуса ничѣмъ не лучше вкуса мышиныхъ жеребчиковъ, занимающихъ первые ряды креселъ въ балетѣ. Для того театръ не дѣло, а забава, — да и забава-то грубая.

Одинъ изъ величайшихъ и серьезнѣйшихъ драматическихъ критиковъ Лессингъ сказалъ какъ-то въ своей знаменитой «Гамбургской драматургіи», что «многія плохія вещи могутъ и должны быть удержаны на сценѣ, потомучто представляютъ для актеровъ благодарныя роли». Но этихъ словъ Лессинга не могутъ обратить противъ высказаннаго нами положенія поклонники «водевиль съ переодѣваньемъ»... Въ тѣ времена, когда великій критикъ писалъ свою «Гамбургскую драматургію», въ Германіи еще не было ни Шиллера, ни Гёте, и почти только онъ одинъ ратоборствовалъ за Шекспира. Да и не штуки же вродѣ «Водевиль съ переодѣваньемъ»

защищать Лессингъ. Онъ защищалъ, да и то на время, вещи плохія или «сдѣланныя», но въ извѣстныхъ роляхъ представляющія работу для артистовъ. Ему вочто бы то настало надо было пробуждать въ исполнителяхъ сценическихъ произведеній артистичность, а въ зрителяхъ сочувствіе къ сценическимъ зрѣлищамъ вообще. Совершенно въ другихъ условіяхъ находимся мы.

Театръ, какъ дѣло серьезное и народное, начался у насъ тоже недавно, начался настоящимъ образомъ съ Островскаго, ибо Пушкинъ писалъ свои драмы не для сцены; великія же произведенія Грибоѣдова и Гоголя попали на сцену совершенно случайно и долго высились уединенно надъ ея пошлымъ хламомъ, но во всякомъ случаѣ театръ у насъ начался. Представленія драмъ нашего перваго вполне народнаго драматурга показали уже массѣ неизмѣримую беззвучность, отдаляющую то, что представляется на театрѣ «нарочно», отъ того, что происходитъ на немъ «взаправду», что служитъ выраженіемъ жизни и вмѣстѣ разъясненіемъ и оразумленіемъ жизни.

Съ другой стороны, мы прожили уже ту эпоху, когда интересуется только сценическое исполненіе пьесъ, только игра артистовъ. Едвали бы даже великій Мочаловъ могъ увлечь насъ въ настоящую минуту исполненіемъ великаго Ляпунова г. Кукольника, едвали бы даже и такой серьезный пластическій художникъ, какъ В. А. Каратыгинъ, могъ сдѣлать для насъ сносивымъ Ляпунова г. Гелеонова. Едвали бы тоже Рѣпину или Асеикову могли мы теперь вынести въ разныхъ издѣліяхъ нашихъ бывалыхъ водевилистовъ; едвали бы даже и ради граціозной и вмѣстѣ глубокой игры г-жи Вѣры Самойловой высились мы въ настоящее время ерунду вроде «Владимира Заревскаго» или сентиментальную пошлость вроде «Театральнаго музыканта и клягана».

Когда мы говоримъ *мы*, то разумѣемъ конечно не себя, а первыхъ людей мыслящихъ, и воторыхъ народъ, толпу, массу. О серединѣ, о нравственномъ и умственномъ мѣщанствѣ, мы вообще не имѣемъ привычки говорить по отношенію къ серьезнымъ явленіямъ общественной, умственной и нравственной жизни.

Да не серединою этою русскій театръ теперь и держится материально. Середина какъ-нибудь да ужъ абонируется въ оперу или для шикю посѣщаетъ французскіе спектакли. Сходите напримѣръ хоть въ Маринскій театръ, когда въ немъ даютъ не оперы, а русскія драматическія произведенія: вы увидите, что бель-этажъ и бенуаръ пусты. Такая исторія и въ Александринскомъ.

Да и слава-богу! Театръ долженъ держаться массою. Да обратится онъ для нея въ насущную потребность!..

Но много условій нужно для того, чтобы онъ обратился для нея

въ насущную потребность, и условія эти заключаются вовсе не въ ея развитіи. «Дитя тысячеглавое» достаточно развито, т. е. снабжено общимъ чутьемъ добра и правды, чтобы понимать то, что есть «настоящее дѣло», что происходитъ на сценѣ «взаправду», а не «напрасно», а главное — въ немъ чутье къ живью необычайно сильно. Изъ-за «живья», мало-мальски глѣ-нибудь явившагося, оно снисходительно, даже пока бессознательно и безразлично-снисходительно смотритъ на все. Въ немъ, въ «тысячеглавомъ дитяти», даже чувство красоты есть, только смутное. Воспитается, не безпокойтесь!

Условія для того, чтобы насущною потребностью и серьезнымъ дѣломъ сталъ для массы театръ, повторяемъ, заключаются не въ ней, а въ самомъ театрѣ.

Русскій театръ и русская драматургія до сихъ поръ, несмотря на Островскаго, все еще какъ-то не ладятъ между собою. На сценѣ напримѣръ не поставлено нѣсколько вещей, существующихъ въ литературѣ (1). Даже иныхъ вещей Островскаго не поставлено на сценѣ, каковы: «Доходное мѣсто», «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь», и наконецъ не поставленъ еще и его «Мининъ». Многія изъ поставленныхъ уже прежде его вещей даются рѣдко, крайне рѣдко, какъ напримѣръ одно изъ лучшихъ его произведеній: «Бѣдная невѣста», или вовсе не даются, какъ «Не такъ живи, какъ хочется», «Праздничный сонъ до обѣда». Неужели для массы интереснѣе «Парижскіе вичіе», «Демонъ» и другія штуки, чѣмъ драмы Островскаго?

Не думаемъ.

Массѣ явно, очевидно нужно свое, народное, русское. Каково-бы оно ни было, — художественное ли, какъ вещи Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго; порядочное ли, какъ вещи г. Чернышова, которыя покрайней-мѣрѣ умны; даровито ли грубое, какъ вещи г. Потѣхина-сеніор, несмотря на вой его кликушъ и на безсмысленное пьянство его героевъ; наглядя ли сшивки изъ чужихъ лоскутьевъ г. Потѣхина-юніор; бездарныя ли и безъязычныя, какъ произведенія г. Владыкина, — масса народная наполняетъ театръ, масса чувствуетъ чрезвычайно живо, слушаетъ внимательно и серьезно. И понятно. Ея жизнь, ея настоящіе, неподдѣльные интересы затрогиваются; хорошо ли, нѣтъ ли, но затрогиваются. Тутъ она на-

(1) Въ русской литературѣ есть напримѣръ «Псковитянка» Мей, а на сценѣ насъ угощаютъ «Деньщикомъ» г. Куколяника; у насъ есть «Горькая судьбина» Писемскаго, съ типическимъ лицомъ Ананья, а насъ подчуютъ иногда «Разставаньемъ» г. Родиславскаго!

стоящимъ образомъ цѣнить и выполненіе сценическое, способна отличить фальшь и рутину отъ дѣла. Помните представленіе хоть «Грозы» на примѣръ: судорожныя рукоплесканія всему, что было выполнено хорошо, и величайшая холодность къ ломанью г. Бурлина въ роли Дикова. Потому въ драмахъ Островскаго масса понимаетъ какой долженъ быть *тонъ* у извѣстнаго лица, *какъ* должно выразиться извѣстное душевное движеніе. Это ея міръ, это лица ей знакомы, лица «заправскія» или покрайней-мѣрѣ хоть немного походящія на «заправскія». А почему ей знать, какъ объясняются разные герцоги и герцогини? Какъ ни ломайся въ нихъ актеръ или актриса, — масса можетъ подумать, что оно тутъ можетъ-быть такъ и нужно.

Чтоже опять таки слѣдуетъ изъ этого? — вправѣ еще спросить читатель.

Неужели то, что ходить въ театръ надобно только въ русскія, оригинальныя пьесы, и что стало-быть давать надобно на театрѣ только русскія оригинальныя пьесы?

И опять-таки мы обязаны искренно отвѣтить — почти-что *да...* при настоящемъ состояніи сцены, и отвѣтить такъ вовсе не по исключительности націонализма.

Эпоха чисто артистическая — эпоха Мочаловыхъ, Каратыгиныхъ, Щепкиныхъ, Сосницкихъ, примѣривавшихъ на русскую натуру, и великолѣпно примѣривавшихъ, обще-европейскіе типы — прошла. Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Мы были бы очень рады видѣть на нашей сценѣ Шекспира, Шиллера, Кальдерона, Гюго, — да вѣдь играть-то ихъ некому. Масса тоже могла бы понять настоящее дѣло, хотя бы и чужеземное, да вмѣсто настоящаго дѣла передъ нею на сценѣ происходитъ пародія на настоящее дѣло. Ей остается восторгаться криками. Это мы стараемся доказать въ этой же статьѣ.

Переводный же баластъ вродѣ «Парижскихъ нянцихъ», «Дялюшки Мартына» и проч. только притупляетъ и затѣмъ развращаетъ вкусъ и влечетъ къ одному умозаключенію, что въ театрѣ надобно ходить какъ можно рѣже. А то вѣдь вонъ Москва, по своей страсти къ театру, развратилась эстетически до того, что восторгается г. Самаринымъ и г-жою Медвѣдовой въ непрестанно-прибывающемъ хламѣ переводной дребедени!

2) Но мы сказали, что столько же, какъ пониженія критическаго мѣрила до уровня сцены въ ея настоящемъ состояніи, должно бояться противоположнаго подводнаго камня — фешенебельнаго презрѣнія къ сценѣ даже въ ея настоящемъ состояніи.

Жалко, дѣйствительно жалко это настоящее состояніе. Весь

дѣльный репертуаръ русской сцены упишется на одной страничкѣ... Къ этому дѣльному репертуару можно еще пожалуй, скрѣпя сердце, прибавить еще страничку лессинговыхъ «плохихъ вещей, которыя могутъ и должны быть удержаны, потомучто представляютъ благодарныя роли для артистовъ». Все остальное — хламъ, баластъ, въ который толпа ходитъ только въ первый, во второй разъ, заманиваемая афишами, и затѣмъ уже вовсе не ходитъ; но презирать русскую сцену, какъ напримѣръ презиралъ ее явно, въ своихъ фельетонахъ, покойный Панаевъ — нельзя было и въ былыя времена, нельзя и теперь. Ужаснѣйшій вздоръ играли по большей части Мочаловъ, Щепкивъ, Каратыгинъ, Рѣпина, Самойлова, даже Мартыновъ, даже иногда Садовскій, даже — и большею частію Васильевъ, Шумскій, В. Самойловъ, — но большія русскія сценическія дарованія сказывались въ этомъ вздорѣ. Вотъ напримѣръ хотя въ какомъ-нибудь «Владиміръ Заревскомъ» въ былую эпоху весь второй актъ, введенный Каратыгинымъ съ энергическою простотою, а В. Самойловой со всѣмъ обаяніемъ граціи, доставлялъ настоящее эстетическое наслажденіе, доступное намъ гораздо болѣе празднаго наслажденія, доставляемаго гастрономамъ Михайловскою Французскою сценою: вѣдь Мартыновъ былъ великъ иногда въ ужасномъ вздорѣ, вѣдь Самойловъ показывалъ, что богато, хотя и внѣшнее дарованіе можетъ сдѣлать изъ какой-нибудь штуки вродѣ «Театральнаго музыканта и княгини», вѣдь Садовскій начиналъ не съ Русакова и не съ Любима Торцова.

Но это дарованія большія. А честные, посильные подвиги дарованій меньшаго размѣра были ли оцѣняемы по достоинству, были ли вообще оцѣняемы? Помните ли вы величаво-презрительный тонъ покойнаго Панаева (а вѣдь это былъ литераторъ честный, кромѣ того что литераторъ высоко даровитый), который постоянно являлся у него, какъ только онъ заговаривалъ въ своихъ фельетонахъ о русскомъ театрѣ? Вотъ то-то и бѣда, что у насъ кто говорилъ о театрѣ не презрительно, — падалъ до уровня возрѣній гг. Руднева, Родиславскаго и К^о, а настоящіе литераторы говорили о русскомъ театрѣ съ пренебреженіемъ. Позвольте васъ спросить, кто оцѣнилъ честную игру покойнаго Максимова 1 въ Гамлетѣ, помимо невыгодныхъ условій его органа? Кто наконецъ серьезно указывалъ нашимъ артистамъ на ихъ недостатки и промахи? Совершалась напримѣръ въ Москвѣ безобразнѣйшая профанція: поэтическій ликъ Гамлета обращаемъ былъ въ какого-то противнаго нюню г. Самаринымъ — хоть бы слово русская критика! Искажалъ недавно Макбета — тоже хоть бы одно слово! Да и зачѣмъ? Не стоитъ!..

Незвѣдомо удастся ли намъ плыть безопасно между Сциллою и Харибдою, но мы на это плаваніе рѣшились — не по увѣренности въ нашихъ силахъ, а по крѣпости вѣры нашей въ серьезное значеніе театра, какъ дѣла народнаго... Не дадутъ намъ плыть далеко обстоятельства, отъ насъ независящія, мы вернемся назадъ, т. е. оставимъ это дѣло, — но плыть по волѣ всякаго вѣтра не станемъ...

II

Что даютъ на русской сценѣ?

Несмотря на видимое разнообразіе нашихъ афишъ, насущный репертуаръ русскаго театра весьма легко перечислить. Не все то, что разнообразить наши афиши, или лучше—сказать разнообразило ихъ, удерживается на сценѣ.

Вопросъ о томъ, что даютъ на нашей сценѣ, можетъ быть обращенъ въ другой вопросъ: что такое наша драматургія?

Прежде всего разумѣется надобно отличить драматургію печатную отъ сценической. Мы уже коснулись нѣсколько этого отличія, но коснулись вскользь, неисчисляя фактовъ и не углубляясь въ вопросъ.

Въ литературѣ есть драматическіе очерки Пушкина, очерки положимъ и безъ красокъ, но гениальные. Ихъ вообще не даютъ. Мы не станемъ говорить о причинахъ, по которымъ не дается «Борисъ Годуновъ», хотя признаемся откровенно, что недоумѣваемъ, почему онъ не дается, разумѣется съ выпускомъ или измѣненіемъ двухъ—трехъ сценъ, въ которыхъ участвуютъ духовныя лица. Но почему не даются другія его драматическія произведенія? Скажутъ вамъ, что пытались ставить нѣкоторыя, какъ на примѣръ «Моцартъ и Сальери», «Русалка» — и онѣ не имѣли успѣха. Но вѣдь надобно спросить, почему они не имѣли успѣха? Еще бы ставились онѣ такъ, какъ разъ ставились *сцены* изъ «Каменнаго гостя» (почему же не всего «Каменнаго гостя»? Вѣдь это произведеніе законченное!), въ которыхъ роль Донъ-Жуана возложили чуть ли не на г. Степанова, должно—быть на основаніи его красивой наружности. А другіе—то великіе очерки? Развѣ лицо стараго барона въ «Скуномъ рыцарѣ» не одна изъ благодарнѣйшихъ ролей для большаго артиста? Развѣ «Пиръ во время чумы», поставленный со смысломъ и обставленный даровитыми артистами, не способенъ произвести глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, хоть это и отрывокъ? Нравственность публики, смотрящей на «вдевили съ перео-

дѣваньемъ», постраждетъ отъ этого? Вѣроятно!.. Ну, а сцены изъ рыцарскихъ временъ, въ которыхъ тоже, несмотря на ихъ отрывочность, вырисованъ вполне великимъ художникомъ типъ Франца, тоже дорогой для хорошаго артиста? Нѣтъ, мы рѣшительно убѣждены, что не Пушкинъ виноватъ въ томъ, что его очерки или вовсе не ставились на нашемъ театрѣ, или поставленные не имѣли успѣха, а нравственность, особеннымъ образомъ понимаемая нашимъ театромъ, да такая обстановка и мало-осмысленная игра.

Въ литературѣ есть юношеская попытка Лермонтова: «Маскарадъ». Дика она, нескладна своею постройкою, пожалуй раздражительна, но вѣдь если она подражаніе «Отелло», то вѣдь подражаніе сто-первое, у *compris* «Коварство и любовь» Шиллера. Но вѣдь тутъ есть громадное, лермонтовское лицо — Арбенинъ, здѣсь есть геніальные намеки на типы, изъ которыхъ хорошіе артисты могутъ досоздать типы: здѣсь есть игрокъ Казаринъ, князь Звѣдичъ, баронеса Шприхъ. Драма не сценична? Чтожъ за дѣло? Ее можно посократить, но съ толкомъ. Опять должно-быть нравственность мѣшаетъ. Виноваты однако: лѣтъ десять тому назадъ давали сцены изъ «Маскарада». Бѣдный, общипавый лермонтовскій «Маскарадъ», въ которомъ Арбенинъ закалывается послѣ отравленія Нины, съ словами: «умри-жъ и ты, злодѣй!» (сколь это чувствительно!) тоже должно-быть ради спеціальной нравственности, недопускающей совершиться надъ нимъ лютой казни сознанія. А какія это сцены для настоящаго трагика — сцены Арбенина у гроба Нины, и Арбенина, узнающаго отъ своего врага свою ужасную ошибку! Педаромъ покойнику Мочалову такъ хотѣлось играть Арбенина — и увы! не удалось его сыграть ниразу.

Въ литературѣ есть теперь полная комедія Грибоѣдова. Было время, когда она была познѣе на сценѣ, чѣмъ въ литературѣ. Теперь увы! дѣло выходитъ наоборотъ.

Въ литературѣ кромѣ «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроковъ» Гоголя, существуютъ еще его геніальные отрывки. На сценѣ кромѣ заграничныхъ «Ревизора», «Женитьбы» и «Тяжбы», — буквально заграничныхъ чуть не до противности на сценахъ столичныхъ, провинціальныхъ и любительскихъ — ничего не существуетъ. Изрѣдка развѣ даются «Игроки». А какіе типы для артистовъ — лица Собачкина, Марьи Александровны и ея сына, два чиновника въ «Утрѣ дѣловаго человѣка», дворецкій въ «Лакейской»!.. Да развѣ «Развѣздъ», поставленный такъ, чтобы каждое лицо знало что оно говорить, отъ свѣтской дамы до господина, который весь вылился въ словахъ: «подлецъ портной» и проч., — не былъ бы внимательно и серьезно слушаемъ публикою, не доставилъ бы ей высо-

каго наслажденія? Въдъ тутъ, за немногими исключеніями, «знакомыя все лица», тутъ живья-то, живья-то сколько!

Островскаго олю вещь, именно «Санш», заиграли до невозможности, заиграли какъ «Ревизора», «Женитьбу» и «Горе отъ ума». Изъ другихъ его вещей постоянный успѣхъ имѣють (да еще бы не имѣли!) «Свои люди, сочтемся», «Бѣдность не порокъ», «Гроза», отчасти «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и... и только. Еще-бы, повторимъ мы, не имѣли успѣха и не давались эти вещи! Въдъ въ нихъ и русская публика серьезнѣе, и русскіе артисты, вполне серьезные, каковы Саловскій, Васильевъ 1 (московскій, — увы! теперь ослѣпшій), покойный Мартыновъ, Васильевъ 2 (петербургскій), Дмитревскій — отводили и отводятъ душу; въдъ въ нихъ яркимъ блескомъ сверкало порою высокое, но порченное дарованіе г-жи Косицкой (въ роляхъ Дуни, Груши и въ особенности Анны Ивановны, которую выполняла она высоко-художественно); въ нихъ г-жа Васильева въ роли Марьи Андревны являлась перво-степенною артисткою и выказывала всю глубину своего прекраснаго таланта, осужденнаго на мелодрамы и пошлые водевили; въ нихъ, какъ въ «Грозѣ» наиримѣръ, г. Горбуновъ и г-жа Левкѣва являлись съ самыхъ блестящихъ своихъ сторонъ. Но опять-таки — нѣкоторыя пьесы Островскаго даются крайне рѣдко, можно-сказать даже вовсе не даются, уже поставленныя на сцену; другія на сцену не ставились.

Разберемъ дѣло въ подробности. Оно стоитъ этого. Островскій пока наше все по части драматургін, наше самое насущное.

Рѣдко даются уже поставленныя разъ на сцену пьесы:

- 1) «Бѣдная невѣста».
- 2) «Не такъ живи, какъ хочется».
- 3) «Праздничный сонъ до обѣда» — первая часть трилогіи о безцѣнномъ Бальзаминовѣ.
- 4) «Свои собаки грызутся» — вторая ея часть.
- 5) «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».
- 6) «Утро молодого человѣка».
- 7) «Картина семейнаго счастья».
- 8) «Не сошлись характеромъ».
- 9) «Въ чужомъ пиру похмѣлье».

Девять пьесъ — и чѣмъ же пьесъ? Островскаго! — рѣдко даются на русской сценѣ. Да чѣмъ же такъ богата она, русская сцена, что можетъ забрасывать въ дальній ящикъ пьесы Островскаго?

Но прежде чѣмъ разсуждать о томъ, чѣмъ такъ богата русская сцена, позвольте намъ попытаться поискать причинъ, почему де-

вать исчисленныхъ пьесъ Островскаго даются рѣдко, и изъ нихъ семь первыхъ почти-что никогда не даются.

1) Почему не дается «Бѣдная невѣста». Успѣха чтоли она не имѣетъ? Да вопервыхъ, что вы назовете успѣхомъ? Количество ходящаго въ театрѣ народа? Положимъ, что и такъ; но вѣдь мы не повѣримъ, да и читатели согласятся, что нельзя этому повѣрить, чтобъ на «Бѣдную невѣсту» пошло и ходило меньше народа, чѣмъ на «Демона», переведеннаго (кромѣ его безобразія) ломавымъ русскимъ языкомъ, чѣмъ на умную, но скучную передѣлку «Айвенго» князя Шаховскаго; на «Парижскихъ вишихъ», «Дядю Мартына» и другую подобную, фальшивую, да и влобавокъ еще чуждую намъ ерунду... Артистовъ чтоли нѣтъ для «Бѣдной невѣсты»? Да вѣдь г-жа Сибткова 3 тратитъ же свое весьма маленькое, но довольно мизерное дарованіе на мелодраматическій вздоръ, и вѣдь была же она больше чѣмъ сносна въ роли Катерины въ «Грозѣ». А въ Москвѣ, гдѣ тоже рѣдко даютъ «Бѣдную невѣсту», предпочитаютъ ей по всей вѣроятности переводы французскихъ штукъ гг. Тарновскаго, Руднева и Радиславскаго, въ которыхъ г. Самаринъ и г-жа Медвѣдева «ломаютъ комедію» для удовольствія средней великосвѣтскости, — въ Москвѣ, говоримъ мы, г-жа Васильева отъ начала до конца играетъ Марью Андревну нервами!.. Да вѣдь г. Леонидовъ наиримѣръ, артистъ съ умомъ и чувствомъ, несмотря на свой неблагодарный органъ — не лучше ли бы былъ въ «Хорьковѣ», чѣмъ въ неудавшемся ему «Макбетѣ»? Вѣдь въ «Хорьковѣ» даже г. Полтавцевъ отрывается отъ рутины и дикихъ криковъ. А лицо Мерича — развѣ не стоитъ того, чтобы надъ нимъ поработалъ какой-нибудь даровитый молодой артистъ, хоть бы наиримѣръ г. Нильскій: право бы это было и для него полезнѣе, и для публики пріятнѣе, чѣмъ его шествіе по стопамъ г. Самарина въ Сюлливанахъ и другихъ продуктахъ. А Милашинъ, глубоко, почти гениально созданный Васильевымъ-московскимъ, развѣ не по силамъ Васильева-петербургскаго, артиста, для котораго возможно художественное осуществленіе Лазаря Подхалюзина и Любима Торцова? А г. Самойловъ пренебрегаетъ развѣ удивительною ролью Добротворскаго? Вѣдь можно сказать, что поработавши надъ нею, онъ будетъ въ ней выше Шумскаго, какъ и вообще выше овъ этого, впрочемъ замѣчательнаго, артиста московской сцены вѣшными средствами и разнообразіемъ таланта? А мать, а Хорькова, и каждое входящее съ двумя-тремя словами лицо въ великолѣпномъ пятомъ актѣ и «до точки» обрисованное этими двумя-тремя словами?

А Дуня?

Мы уж и не говоримъ о Беневоленскомъ.

А Дуня наконецъ — эта Дуня, которую такъ долго не пускала на сцену и наконецъ-таки пустила специальная нравственность, — эта Дуня, которой вся жизнь захвачена поэтомъ въ одной сценѣ, — и какъ могущественно, гениально захвачена! Въдъ это роль для первостепенной артистки!

Почему же рѣдко дается, или правильнѣе сказать никогда не дается «Бѣдная Невѣста»? Да развѣ есть другая драма, которая бы (кромя «Грозы») захватывала глубже судьбу русской женщины и (кромя «Доходнаго мѣста») болѣе широкими чертами изображала бытъ средняго класса нашего общества?.. Укажите намъ богатства, изъ-за которыхъ русская сцена пренебрегаетъ однимъ изъ самихъ высокихъ созданій русскаго художника!

2) Почему не дается «Не такъ живи, какъ хочется»? Не имѣла успѣха на обѣихъ сценахъ, скажутъ намъ. Но въдъ опять-таки мы вправѣ спросить *почему* не имѣла успѣха? Мы знаемъ очень хорошо, что она Островскимъ вовсе не долѣлана, что ея концепція — одна изъ высшихъ концепцій нашего поэта, а отдѣлка крайне бѣдна; но въдъ бѣдна отдѣлка только по мѣстамъ: скудно очерчены только древній отецъ Петра Ильича да его искуситель, котораго у Островскаго не достало смѣлости прямо назвать и прямо создать русскимъ чортомъ, юмористически-страшнымъ, какъ онъ является въ нашихъ фантастическихъ рассказахъ: но въдъ обрванъ только поэтомъ по недостатку смѣлости конецъ. А типъ-то Петра Ильича захваченъ все-таки страшно широко. Вольно же было погубить его ходульностью и рутинной г. Полтавцеву (въ Петербургѣ, ужъ мы право и не помнимъ, какимъ бездарностямъ отдавали эту великолѣпную роль), который все хотѣлъ играть какого-то кукольниковскаго героя, дико бѣснующагося, испортилъ заголкинскою сентиментальностью сцены съ Грушей и отсутствіемъ комической правды погубилъ удивительную сцену опьяненія до чортиковъ. А въдъ драма-то виситъ на Петрѣ Ильичѣ! Чтобы напримѣръ г. Васильеву не взяться за это лицо? Право въдъ тутъ вовсе ненужно грандіознаго роста!.. Да кромѣ Петра Ильича тутъ есть Груша, которую почти художественно создавала г-жа Косицкая; есть жена Петра Ильича, испорченная въ Москвѣ французской мелодраматичностью г-жи Медвѣдовой а въ Петербургѣ не помнимъ кѣмъ; тутъ есть Агафонъ, виля въ которомъ Садовскаго, какъ-то даже не жалѣлось, что не онъ играетъ Петра Ильича, хотя онъ одинъ только и могъ исполнить эту роль настоящимъ образомъ... Почему же, ради какихъ невидимыхъ намъ и публикѣ сокровищъ брошена драма,

которая, какъ она ни мало отдѣлана поэтомъ, представляетъ такъ много гениально-человѣчныхъ типовъ?

3) Мы не станемъ съ такою же подробностью доискиваться причинъ, почему рѣдко или даже совсѣмъ не даются другія, поставленныя уже разъ на сцену произведенія Островскаго. Очевидное дѣло, что причины эти заключаются не въ нихъ самихъ, ибо всѣ они представляютъ для артистовъ типы самые благодарныя, а для публики интересъ несомнѣнный, ибо всѣ они полны живья и настоящаго дѣла. Причины заключаются въ чемъ-либо совершенно постороннемъ, даже не въ недостаткахъ исполненія, которые могутъ быть устранены и о которыхъ, равно какъ и о достоинствахъ исполненія, мы поговоримъ подробно въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ статей.

Почему не поставлены вовсе на сцену «Доходное мѣсто» и «Мининъ», изъ большихъ произведеній нашего драматурга, и послѣдняя часть трилогіи о Бальзаминовѣ: «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» — дѣло рѣшительно необъяснимое. Строгий вкусъ чтоли театральныхъ цѣнителей отвергаетъ наиримѣръ послѣднюю изъ этихъ пьесъ... или нравственность чтоли ихъ оскорблена тѣмъ, что Бальзаминовъ добился наконецъ своей цѣли — женитьбы на богатой купчихѣ? Право незнаемъ. Въдъ специальная нравственность и специальный вкусъ — вещи очень мудренныя: имъ можетъ грезиться то, чего

Нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ!

А какъ много теряетъ театръ оттого, что не поставленъ «Мининъ» и не поставлено «Доходное мѣсто», — говорить кажется нечего.

Мы кончили толкъ о первостепенностяхъ нашей драматургіи. Но въдъ кромѣ первостепенностей у насъ есть въ литературѣ произведенія дарованій болѣе или менѣе яркихъ...

Мы не станемъ говорить много о драматическихъ попыткахъ одного изъ первокласныхъ нашихъ писателей, Тургенева. Въ его вѣникѣ онѣ конечно не пятна, но зато и не большое украшеніе: всѣ онѣ, безъ исключенія даже прелестной и тонко-граціозной, но все же нѣсколько празднои вещицы: «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», — ниже его высокаго таланта. Какъ натура вполне и даже слишкомъ отзывчивая, Тургеневъ приносилъ въ нихъ жертвы различнымъ вѣніямъ, увлекаясь всѣми... Мы не говоримъ о произведеніяхъ вроде «Холостяка» и «Нахлѣбника», ибо здѣсь жертва принесена была серьезному вѣнію, сантиментальному натурализму, — и они же, эти произведенія, довели сантиментальный натурализмъ до край-

нихъ границъ комическаго. Но талантъ Тургенева такъ гибокъ и мягокъ, что не только выносилъ на себя всѣ впечатлѣнія разныхъ эпохъ литературы, отзывался на серьезныя вѣянія, а подчинялся даже модамъ, чисто случайнымъ повѣтріямъ.

Въ промежутокъ напимѣръ между самыми сильными эксцентричностями сентиментальнаго натурализма и появленіемъ на арену чистаго, простаго натурализма, въ литературу нашу вторглось баловство, большею частью дамское (иногда впрочемъ и кавалерское) ввиль драматическихъ пословицъ и поговорокъ изъ жизни великосвѣтской или покрайней-мѣрѣ изъ жизни тонко-развитыхъ слоевъ общества. Форма занята была конечно на-прокатъ у Альфреда Мюссе, который, какъ поэтъ истинный, умѣлъ вкладывать въ эту сухую форму поэзію и содержаніе, и то впрочемъ тамъ только, гдѣ онъ бралъ предметы не изъ условной свѣтской жизни. У насъ отъ застоя, скуки и празности, роль этотъ принялся очень скоро и въ немъ нашли для себя выходъ различныя, черезъ мѣру тонко разившіяся претензіи. Роль этотъ, какъ очень легкій, скоро обрисовался такъ, что получилъ общіе, такъ-сказать физиологическіе призыванія, а именно:

1) Сфера жизни въ таковыхъ драматическихъ пословицахъ и поговоркахъ бралась обыкновенно великосвѣтская, т. е. въ нихъ разсуждали и дѣйствовали (очень много разсуждали и очень мало дѣйствовали) люди свѣтскіе и занимались въ нихъ различными, людямъ «*нехитраго ума*» непонятными дѣлами, какъ-то: держали пари на честь женщинъ, вызывали другъ друга на эффектные дуэли съ дешовой расплатой, или правильнѣе сказать — «поколоться», но наивному выраженію пушкинской капитанши.

2) Или были это люди, хотя и небольшого свѣта, то зато «разочарованные», такіе разочарованные, что «и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять», какъ выражается гоголевская сваха, а такихъ разочарованныхъ и не было, и не будетъ.

3) Женскія лица были тоже барыни или барышни, свѣтскія или вообще *развитыя* весьма тонко барыни и барышни, и занимались онѣ преимущественно тѣмъ, что технически называется «игрою въ чувство», — дѣломъ хотя конечно и празднымъ, но зато дававшимъ имъ всегда полную возможность высказывать различныя прирожденныя, благоприобрѣтенныя и даже противоестественныя свойства *прекрасной и излочно-развитой личности*.

4) Обычно, главный герой и главная героиня (чаще всего ихъ только и есть что два на сценѣ, съ присовокупленіемъ полубезмолвной пары *лизики* и *неразвитыхъ* природъ лакея и горничной. увѣ-
Кн. IX. — Отд. II.

рыли себя взаимно въ невозможности любви вообще и своей собственной къ *оной* неспособности.

5) Преимущественно же всѣ подобныя произведенія стремились къ *тонкости*, били на *тонкость*. Тонкость была повсюду, тонкость никому непонятныхъ чувствъ, въ выраженіяхъ мало-понятнымъ языкомъ, тонкость голандскаго бѣлья или батиста, тонкость стана герцога и притомъ такая, что станъ того и глади напомнить жордочку въ народной шѣсѣ, и вся эта тонкость, съ тонкостью голландскаго бѣлья включительно, чуть что не ставилось главнымъ признакомъ человѣческаго достоинства.

6) Кончались *дѣла* обыкновенно или *мирно*, сознаниемъ героя и героини, что *позволить себѣ любить*, или *трагически*: герой и героиня разставались «въ безмолвномъ и гордомъ страданіи», пародировавъ трагическую тему Лермонтова.

И этой—то жалкой молѣ, этому повѣтрію апатія и праздности поддался высокій талантъ Тургенева... Да! скажемъ мы безъ заннйки и укажемъ прямо и на «Провинціалку» и даже на упомянутую уже нами вещицу: — «Гдѣ тонко, тамъ и рвется». Пусть эта прелестная *вещица*, по истинной тонкости анализа, до прелести разговора, по множеству наконецъ поэтическихъ чертъ стоитъ надо всѣмъ дамскимъ и кавалерскимъ баловствомъ такъ же высоко, какъ пословица Мюссе; пусть въ «Провинціалкѣ» женское лицо очерчено, хотя и слегка, но съ мастерствомъ истиннаго артиста, почти такъ же хорошо, какъ Жакелина въ «Le chandelier» Мюссе, хотя и съ меньшею энергіею; пусть въ «Провинціалкѣ» была очаровательна В. Самойлова и художественно хороши, каждый по своему гг. Самойловъ и Шумскій, — все же эти произведенія жертва модѣ, какаютъ женская прихоть Тургенева. Изъ глубокаго уваженія и симпатіи къ его таланту, мы не жалѣемъ, что на нашей сценѣ рѣдко или почти никогда не даютъ какъ ихъ, такъ и «Холостяка» и «Нахлѣбники».

Писемскій написалъ двѣ драматическія пьесы: «Ипохондрика» и «Горькую судьбину». Мы думаемъ, что онъ не рожденъ быть драматургомъ. «Ипохондрикъ» его весь построенъ на патологической, а не на психической темѣ; въ «Горькой судьбинѣ» дорогъ только титъ Аванья да замѣчательны эпизодическія сцены, но во всякомъ случаѣ живыя лица, окружающія патологическую тему въ «Ипохондрикѣ», комическія въ высшей степени сцены, рельефность языка, — все это достоинства, которыя могли бы удержать пьесу на русской сценѣ, — а между тѣмъ она тоже «ве шѣла усѣха» — и конечно тоже по причинамъ, отъ нея самой независящимъ. Чтоже касается до удивительнаго лица Аванья въ «Горькой судьбинѣ», то оно одно,

исполненное даровитымъ артистомъ, вынесло бы на плечахъ всю пьесу. Но вѣроятно спеціальная «нравственность» не допускаетъ представленія это драмы.

Шокойный Л. А. Мей написалъ «Царскую невѣсту» и «Псковитянку». Та и другая, несмотря на свои недостатки, все-таки послѣ пушкинскихъ «Бориса» и «Русалки», да Островскаго «Минина», единственныя и по языку и по подробностямъ драмы, гдѣ наша былая жизнь не искалѣчена. «Царскую невѣсту», на сценѣ поставленную, больше не даютъ. «Псковитянка» вовсе не поставлена, — и какъ та, такъ и другая драма имѣютъ несомнѣнные и первоклассныя достоинства.

Ради какихъ же богатствъ—еще въ послѣдній разъ спросимъ мы — не поставлены, или поставлены не даются на сценѣ, произведенія замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, и зѣвнѣвъ въ слѣдующей статьѣ рассмотримъ эти драгоценныя богатства, эти замѣчательныя капиталы русской сцены и русской драматургич.

Мы не говоримъ о томъ, что не дается старое. Даже сонинскія комедіи имѣютъ теперь для насъ только историческое значеніе; что умъ говорить о другихъ? Заправская русская литература, по нашему разумѣнію, прерывается Погоинымъ и возобновляется съ Пушкинымъ. Мы говорили о томъ только, что имѣетъ настоящее, бытовое, жизненное значеніе.

СЛАВЯНОФИЛЫ, ЧЕРНОГОРЦЫ И ЗАПАДНИКИ, САМАЯ ПОСЛѢДНЯЯ ПЕРЕПАЛКА

Да, опять перепалка. Случился такой пунктъ, на который вдругъ наткнулись вмѣстѣ наши славянофилы и западники, взятые въ самомъ чистомъ ихъ состояніи (увы! она еще существуютъ въ чистомъ состояніи, даже въ самомъ чистѣйшемъ, съ порывами самой фанатической исключительности), наткнулись — и поневолѣ должны были обоюдно высказаться, выложить все свое, — ну, тутъ ужъ разумѣется случилась и перепалка. Это новое столкновение мы счѣтаемъ завести съ нашей хроникой: оно не безъ интереса.

Пунктъ, на которомъ столкнулись враги, называется черногорцы. Известно, что въ этомъ году, и еще очень недавно, славяне, въ томъ числѣ и черногорцы, вели большой бой съ султаномъ. Даже и теперь дѣло не кончено. Черногорцы дѣйствовали изо всѣхъ силъ: дрались какъ отчаянные, били султаново войско; ну и ихъ били. Мало того: ихъ жгли, грабили, безчестили, насилывали, — однимъ словомъ поступали съ ними потурецки. Тутъ, какъ и всегда бываетъ у славянъ, въ самую рѣшительную минуту случился у черногорцевъ раздоръ. Конецъ концовъ — имъ теперь очень худо. Все разбито, пожжено и разорено. Конечно имъ надо было помочь. Дѣломъ нельзя, такъ хоть деньгами; иногда деньги почти тоже что дѣло. А такъ какъ денегъ у насъ никогда нѣ на что не соберешь, то разумѣется пришлось помогать хоть крохами. Ну вотъ въ этомъ-то честь и слава тѣмъ, которые первые открыли подписку, неспугавшись этихъ крохъ и непогнушавшись крохами. Крохи все-таки лучше, чѣмъ ничего. А если мы все будемъ бѣлоручничать, ждаты прямо мильоновъ съ неба, чтобъ не стыдно было дескать намъ, такимъ важнымъ людямъ, копѣечнымъ дѣломъ заниматься, — то вѣдь мы при этомъ расчетъ никогда и рубля не увидимъ. Небрезгая же начнемъ съ крохъ, а дойдемъ и до мильоновъ, хоть не теперь, такъ впоследствии. Первый шагъ есть всегда самое первое и самое

главное дѣло. Только бы познакомить съ этимъ обществомъ, приучить, въ обычай ввѣсти, интересъ возбудить...

Но вотъ тутъ-то и случилась бѣда. Честь перваго начекина принадлежитъ газетѣ «Современное Слово», и тѣмъ большая честь, что «Современное Слово», судя по всему, есть органъ частѣйшаго западничества, а если ужъ придраться къ некоторымъ фактамъ, такъ даже фанатическаго западничества. Даже вдругъ появившійся послѣ трехмѣсячнаго перерыва «День» удивился подвигу «Современнаго Слова»: онъ и не ожидалъ, что тѣ въ состояніи объявить подписку на черногорцевъ! Известно, что «День» вдругъ прервался лѣтомъ на своемъ 34 номерѣ. Мы всѣ, т. е. мы думаемъ вся литература, искренно сожалѣли объ этомъ, вопервыхъ по принципу, а вовторыхъ и «Дня» было жалко: хорошее было изданіе, издавалось людьми преданными дѣлу, безкорыстными и прямо, откровенно, ясно излагающими свои убѣжденія. А ясно излагать — значитъ въ высшей степени не сомнѣваться въ своихъ убѣжденіяхъ. Намъ хотъ и случалось задѣвать «День» въ нашемъ журналѣ, но мы всегда вѣрили и въ искренность и въ добросовѣтность издателей «Дня» и въ этомъ расходимся съ «Современнымъ Словомъ», которое печатно создалось, что до извѣстнаго факта несомнѣно вѣрило искренности и добросовѣтности редакціи «Дня» въ ея убѣжденіяхъ. Такую редакцію, какъ редакція «Дня», нельзя заподозрить въ неискренности. Мы уважаемъ ее, хотя и до сихъ поръ не можемъ, напримѣръ, безъ смѣху припомнить хотъ бы о предположеніи «Дня» о возможности оберъ-прокурора св. синода изъ евреевъ. (Мы думаемъ, читатели помнятъ объ этомъ фантастическомъ оберъ-прокурорѣ изъ евреевъ. Вопросъ шоль о уравненіи правъ евреевъ и русскихъ въ Россіи. «Если будетъ равенство правъ, то тогда пожалуй иной еврей дослужится до оберъ-прокурора синода. Ну что тогда съ нами будетъ!» воскликнулъ «День» и вывелъ изъ возможности этого оберъ-прокурора, что невозможно давать извѣстныхъ правъ евреямъ!) Но вѣдь такіа встрѣча нашего журнала съ «Днемъ» вовсе не могутъ помешать нашего личнаго къ нему уваженія. Итакъ къ дѣлу. Только что вышелъ обновленный «День», въ первомъ же 35 номерѣ его раздался жестокой залвъ въ «Современное Слово», по поводу подписки на черногорцевъ. Правда, «Современное Слово» залвало славянофиловъ еще прежде того, при первомъ объявленіи подписки. Но намъ кажется, что тутъ со стороны «Дня», кромѣ обиды, случилась маленькая ревность къ «Современному Слову»: «зачѣмъ дескать ты началъ первый подписку, а не мы, славянофилы, настоящіе друзья славянъ? Мы ихъ открыли, мы ихъ изобрѣли, мы даже всѣмъ наделамъ славянами, слѣдственно честь намъ и слава!» Кромѣ этой личной рев-

ности непримѣнно бѣма и другая, болѣе благородная ревность, т. е. ревность убѣжденій: «какъ! неомовенъшии, нечистъшии западными руками, да еще прикасаться къ такому дѣлу!» и т. д. и т. д. Не похвалить-то поступка «День» не могу: дѣло все-таки было очень хорошее, да и черногорцы что-нибудь получатъ; но вѣдь что досадно, — дѣло не такъ на дѣло-то смотритъ «Современное Слово»! Безъ благоговѣнія, безъ уваженія къ высокимъ предметамъ, да туда же советъ съ палашный рядъ! Помогаютъ черногорцамъ, а между тѣмъ вовсе не потому, что они черногорцы, православные славяне, родные наши братья, плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей, которымъ предстаетъ современемъ слиться съ землей русской, а потому только помогаютъ, что они народъ угнетенный, независимость свою поддерживаютъ, за свободу сражаются, за принципъ национальности. И вышло наконецъ то, что оба противника селились во чувству на одномъ и томъ же хорошемъ дѣлѣ, и сойдясь, оба тотчасъ же разсердились другъ на друга за это же хорошее дѣло, чуть не застыдывались даже его. По крайней-мѣрѣ извѣстныхъ оговорокъ и оправданій въ иныхъ случаяхъ и въ иныхъ поступкахъ значать не-вашему почти-что стыдаться этихъ поступковъ. И вышла прекомическая картина. Мы не можемъ не представить ее въ лицахъ: стоять съ одной стороны «День», съ другой «Современное Слово», а посрединѣ стоять черногорцы; «День» и «Современное Слово» очень сердитые, такъ что черногорцы даже побаиваются.

— Вотъ вамъ, черногорцы! говорить «День». — Примите Христа-ради на бѣдность, побратски. Ужъ очень васъ любимъ. Вы впрочемъ помните, за что мы васъ любимъ, отнюдь не забывайте: именно за то, что вы черногорцы, а не просто какой-нибудь другой народъ, который защищаетъ свою независимость. Мы вовсе не такъ, какъ «Современное Слово», которое за это только и любитъ васъ. Значитъ оно васъ вовсе не любитъ, потому что любить одну только отвлеченность, любить въ васъ только народъ, который защищаетъ принципъ независимости. (Это невѣдаль!) Конечно защищать независимость хорошее дѣло. Мы съ этимъ согласны, и очень потому же за васъ радуемся, что у васъ такой духъ. Но вѣдь представьте, допустите, что вы были бы не черногорцы, т. е. не братья-славяне, съ которыми мы должны слиться современемъ во-едино (ужъ что вы говорите «Современное Слово», продолжаетъ «День», а это будетъ!). Ну что бы вы тогда для насъ значили? Просто были бы какой-то тамъ народъ, который отстаиваетъ свою независимость, и больше ничего. Пожалуй мы бы вѣ тогда похвалили васъ (впрочемъ только въ такомъ случаѣ, еслибы вы были не вѣмцы), но ужъ впрочемъ, такъ какъ мы теперь для васъ впрочемъ, изъ кожи дѣлать —

морганъ-фрш! не стали бызнаачто. Что вамъ другой народъ! Отвлеченность! Это мы уже «Современному Слову» предоставляемъ. Певърте, черногорцы, что «Современное Слово» — это такая газета, такая газета, что уми...

— Черногорцы! перебиваетъ «Современное Слово»: — не слушайте «Дня»: онъ фанатикъ онъ васъ развращаетъ. Вотъ возьмите! Это все, что мы могли собрать по подпискѣ. Пожалуйте безъ благодарности. Намъ вѣдь въ сущности собственно до васъ мало дѣла! Намъ принципъ, принципъ дороги, принципъ, который вы защищаете; помните же: мы вамъ помогаемъ какъ народу, защищающему принципъ національности, и главное — независимости, а отнюдь не какъ черногорцамъ. Даже въ настоящемъ случаѣ (теперь какъ мы затѣвали съ этимъ сумашедшимъ «Днемъ» эту стычку) даже жаль, что вы черногорцы. Даже досадно немного. Будь хоть негры, такъ кажется было бы лучше. Намъ вѣдь все равно, что вы, что негры; помните это. Намъ принципъ, принципъ дороги, принципъ! Ну конечно, раса... Ну тамъ и то, что вы такъ сказать посредники между нами и Европой... (1) Однимъ словомъ: мы это еще несомнѣнно хорошо себѣ уяснили, что вы посредники, то, и какъ это вы тамъ будете нашими посредниками... Все это конечно издорь... Но вѣдь надо же было что-нибудь наговорить этому... багрянородному византійцу... т. е. «Дню»... Ахъ, еслибъ вы (хоть на этотъ случай только!) были не черногорцы, а каніе-нибудь швейцарцы, тирольцы, баденъ-баденцы, англичане! Впрочемъ намъ все равно: принципъ главное! Да чего медлить? Цѣпляйтесь-на скорѣй! Посылайте скорѣе въ Европу вашихъ дѣтей учиться. Мы конечно очень стоимъ за принципъ національности. Но вѣдь неужели-жъ думать, что національность заключается въ перодѣ, въ вѣрѣ, въ языкѣ, въ народныхъ обычаяхъ, въ исторіи, и пр. Такъ «День» только можетъ судить. Национальность по-нашему — это... это Европа; это — быть также какъ и всѣ, чтобъ никакой те-есть особенности не было ни въ чемъ, ну и разумѣется европейскія свобода, европейскій прогрессъ, т. е. не вродстой, естественный прогрессъ, а европейскій. Слышите, европейскій! И свобода, чтобъ была европейская! Э-эхъ! дѣлались бы вы поскорѣе хоть милордами, славно бы было! Бросьте ваши горы... Да что, право: сравнять бы ихъ, да и дѣла съ концомъ; ну на что вамъ они? Проще, въ Швейцаріи есть горы, въ Тиролѣ пожалуй тоже... Но вѣдь это особенность, это каеимо; это мѣшаетъ обще-европейскому развитію. Принципъ, принципъ, принципъ первое дѣло! Были бы!

(*) «Современное Слово» № 80, статья «Возрожденіе «Дня»».

милордами, — и Катковъ бы васъ похвалить. А вѣдь лестно, когда Катковъ похвалить, неправда ли? Тоже вѣдь евронеець... Ну-ну, не хмуритесь, не принимайте за насмѣлку, про Каткова-то; мы только такъ... Право, право, право жаль, что вы черногорцы! Досадно даже! Даже для того, чтобъ только въ чину этому «Дню»... чтобъ его!

Стоять черногорцы въ раздумьи, раскрывши ротъ и разставивъ руки и даже совѣстно имъ. Передъ «Днемъ»-то еще не такъ совѣстно. «Это хоть и правда, — думаютъ они, — что мы народъ, отстаивающій свою независимость; этого скрыть нельзя, но зато вѣдь мы и черногорцы: а это все выкупаетъ. Ну, а относительно «Современнаго Слова», такъ дѣйствительно совѣстно. Тутъ «черногорцы» ничего не выкупаютъ. Правда, что мы дѣйствительно народъ, отстаивающій принципъ независимости, да вѣдь съ народностью-то что будешь дѣлать! Не спрячешь, не зароешь: какъ ни обернешь, — все черногорець. Э-эхъ! передрались бы лучше у себя дома да припмы бы къ намъ ужь совсѣмъ готовые! Лучше бы было! А еще братьями называются! Теребать только въ разныя стороны. Ну васъ совсѣмъ!»

Конечно черногорцы можетъ-быть и поделкатнѣе бы выразились и не сказали бы: «ну васъ совсѣмъ!» съ перваго разу. Они еще народъ кражевой, неотесанный и не привыкли къ европейскимъ развязностямъ нашей с. петербургской литературы и цивилизованныхъ нашихъ изданій. У нихъ еще поимѣсть не перелаются, съ означеніемъ собственныхъ именъ, такіе напримѣръ совѣты, что дескать г. Разину совѣтуемъ не такъ высоко расти, г. Бестужеву-Рюмину совѣтуемъ мазаться колесной мазью послѣ бани, или такіа напримѣръ остроты, что г. Водовозову надобно возить воду. У нихъ еще вѣрно не употребляютъ въ печата такіа печатныя возраженія, какъ напримѣръ приведенное въ «Экономистѣ» и слѣланное одному изъ его сотрудниковъ: «Если безобразіе отвѣта отнести къ ненормальности мозговыхъ отправленияхъ автора, то патологическое составленіе его близко къ идиотизму, еслибы башкирець нашъ учился не у муллы на вѣдныя гроша; обладатели такой логики посылаются въ домъ умалшоновныхъ; башкирець изъ Белебея можетъ; для вразумленія его надобно обратиться не къ печатному слову, а къ другимъ... болѣе чувствительнымъ средствамъ» и проч.

Все это только останется памятникомъ эпохи наиваго с. петербургскаго европеизма, эпохи, въ которую «Современное Слово» укоряло «День» за то, что онъ ругается съ нимъ *по-народному*, и указывало при этомъ на «Journal des Débats» какъ на примѣръ благовоспитанности. «Что дескать скажутъ про насъ евронеецы? И ругаются ли

напримѣръ такъ въ де-Деба?» Изъ нашихъ европейскихъ и цивилизованныхъ газетъ «Современное Слово» конечно могло бы узнать, что и не по-народному можно такъ выругаться, какъ и народу иной разъ не снилось. А въ Парижѣ хоть и не ругаются теперь по-нашински, зато ругаются по-своему, даже лучше нашего, и кромѣ того, кромѣ ругательства, тамъ въ газетахъ и безъ ругательства напишутъ иной разъ такъ, что стошнить всякаго порядочнаго человѣка. Но впрочемъ что до того какъ скажутъ черногорцы? что намъ и до парижскихъ корреспонденцій? У насъ вѣдь свои дѣла...

Свои дѣла, да и много дѣла! К чему же, к чему, скажите пожалуйста, добровольно себѣ связывать руки теоретизмомъ и исключительностью? Что за отиѣтое старовѣрство съ обѣихъ сторонъ! Оба изданія почтенныя, достойныя уваженія, и что лучше всего — дѣльныя; и вотъ идетъ между ними такая чехарда, — ужъ простите за выраженіе, а вѣдь это умственная чехарда и больше ничего. «Я люблю человѣка безъ кожи, а я люблю кожу безъ человѣка» и т. д. и т. д. А обществу-то какая нужда во всемъ этомъ, подумаешь! Конечно западничеству не растолкуешь его исключительности ни за что; только обругаютъ за это и больше ничего. Съ славянофидами тоже въ этомъ смыслѣ спорить нельзя, все одно что воду толочь. Не за смыслъ собственно этихъ старинныхъ теорій мы теперь и упрекаемъ ихъ. Мы вѣримъ, что эти двѣ навнѣйшія и невнѣйшія теперь въ мірѣ теоріи умрутъ наконецъ сами собою, какъ двѣ дряхлыя ворчливныя бабушки въ виду молодого племени, въ виду свѣжей, національной силы, которой онѣ до свѣхъ поръ не вѣрятъ и съ которой до свѣхъ поръ, по привычкѣ всѣхъ бабушекъ, обходятся какъ съ несовершеннолѣтней малюткой. Нѣтъ, не этихъ теорій боимся мы теперь, въ настоящемъ случаѣ, а примѣръ худой намъ былъ непріятенъ. Случилось дѣло, ну хотя бы эта подписка (маленькое, большое ли дѣло — вѣдь все равно) — и тотчасъ въ разладъ, тотчасъ надо тянуть въ разныя стороны общество, тотчасъ теорія тамъ, гдѣ бы надо еще крѣпче соединиться...

ВО ДОВОДУ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ВЫШЛО

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ НАРОДОВЪ РОССІИ

Г. фонъ-Пауль, действ. члена имп. рус. геогр. общества. Сочиненіе это посвящено е. и. в. государю императору Александру II. Спб. 1862 г.

Это замѣчательное произведеніе, предпринятое авторомъ съ сотрудничествомъ нѣсколькихъ извѣстныхъ ученыхъ, основано на многочисленныхъ матерьялахъ императорскаго русскаго географическаго общества и документахъ министерствъ и административныхъ мѣстъ государства. Текстъ написанъ на французскомъ языкѣ и составляетъ великолѣпный томъ *gr. in-folio* въ 304 страницы (въ два столбца), напечатанныхъ на отличной веленовой бумагѣ. При томъ помѣщены 62 снятыхъ съ природы хромофотографированныхъ рисунковъ, изображающихъ типы и костюмы всѣхъ племенъ Россійской имперіи. Кромѣ того приданы: листъ съ краниологическими рисунками, статистическія и этнографическія таблицы, равно какъ и подробная этнографическая карта.

По изяществу и роскоши изданія книга эта составляетъ рѣдкое появленіе и потому отпечатана въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. **Цѣна 200 руб. сер.** Обратитесь къ издателю, г. фонъ-Паули, въ Петербургѣ, на Офицерской ул. № 19.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕНТЯБРЬ. № 9

Нашъ губернской день. Введеніе. — I. У пустынища. — II. Обѣдъ. — III. На балѣ. — Заключеніе. Н. Щкарина	5
Соборъ парижской богородицы. Романъ В. Гюго	44
Онъ и она. Поэма. А. Плещеева.	119
По поводу нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ. Свобода тор- говли. Владимира Фукса.	130
Въ полѣ. Стих. Э. Берга.	178
Воспоминаніе. Стих. Э. Берга.	270
Мелочи военного быта. Сцены и очерки изъ записокъ ротмистра Тукина А. Фатѣева	180
Изъ путевыхъ записокъ по Амуру. Д. Красильникова.	272
<i>О, въ этотъ мигъ, когда весь міръ лжуетъ.</i> Стих. Всеволода Кре- стовскаго	292
Изъ Сафо. Стих. Всеволода Крестовскаго.	356
Темные углы. I. Выборъ въ деректрисы. — II. Первое знакомство съ темными углами. — III. Убийца. — IV. Груша. А. Ч.	293
Бурсацкіе типы. (Очеркъ второй). Н. Помяловскаго.	323

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ

Явленія современной литературы пропущенныя нашей критикой. Графъ Л. Толстой и его сочиненія. 1) Военные рассказы. 2) Дѣт- ство и отрочество. 3) Юность, первая половина. 4) Записки маркера. 5) Митья 6) Два гусара. 7) Встрѣча въ отрядѣ. 8) Люцернъ. 9) Альбертъ. 10) Три смерти. 11) Семейное счастье. Статья вторая. Аполлона Григорьева	1
Два слова о двухъ статьяхъ. Зимній вечеръ въ бурѣ. Н. Помялов- скаго, «Время», май 1862 г. — Родныя картины. Е. Стопаке- вича. «Современникъ», май 1862 г.	28
Замѣтка на одну газетную статью (по поводу польско-русинскаго вопроса). Русина.	42
Замѣтка. (По поводу народнаго здоровья). И. Ч.	55

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Благополучно совершившееся празднество. — Тишина и всплески, производимые редакторами и сотрудниками — Воинственный эпизодъ. — Явленія, которыхъ не слѣдовало бы переходить черезъ границу двухъ тысячелѣтій — Проектъ г. Федора Орлова. — Каша съ деревяннымъ масломъ. — Вѣзды полицейскихъ властей на учрежденіе судебныхъ слѣдователей. — Исковыя дѣла, рѣшоныя безъ взысканій. — Система сборовъ за проездъ по коломенской желѣзной дорогѣ. — Неголая зрительная трубка. — Оправданія новоторовъ. — Новый Мортара — Живой остатокъ древности. — Нашъ основной капиталъ. — Обзоръ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. — Новыя гимназіи: двѣ частныя и три правительственныя. — Повелѣніе объ открытіи морского академическаго курса. — Сельскія школы въ одиннадцати губерніяхъ. — Число уставныхъ грамотъ — Христіанская благодѣтельность. — Наборъ 62

ПОЛИТИКА. Гарибальди при Аспромонте и въ Спеціи. — Описаніе аспромонтскаго нападенія пьемонтскаго войска. — Раны Гарибальди. — Газетные толки по этому поводу. — Нелюбимыя правительствъ. — Правительственныя мѣры. — Итальянскія революціи съ вѣнскаго конгресса. — Пріѣздъ доктора Партриджа. — Письмо императора французовъ. — Донесеніе Партриджа лондонскому гарибальдійскому комитету. — Прусскія дѣла. — Столкновеніе министерства съ палатою депутатовъ. — Защита смѣты министерствомъ. — Отказъ папаты. — Послѣднія извѣстія. — Поучительность французскихъ газетъ. — Сѣвероамериканская рѣзня. — Сербія. — Австрія 84

Русскій театръ 117

Славофилы, черногорцы и западники, самая послѣдняя переписка. 132

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

№ 10. ^{Осн.} ОКТЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВЪДУАРА ДРАЦА

1862

252958

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ, 11 октября 1863 года.

СВОЕ И НАНОСНОЕ

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(посвящается Ивану Захарьевичу Давареву)

I

Впечатлѣнія дѣтства съ удивительной ясностью сохранила моя память. Какъ часто теперь, когда я просиживаю долгіе, зимніе вечера передъ одиноко-мерцающей свѣчей, мнѣ стѣбитъ только закрыть глаза, и всѣ эти давно отжившіе, сошедшіе въ могилу образы возстанутъ передо мной, какъ живые... И пойдутъ у меня съ ними нескончаемо-долгіе разговоры о прошломъ житьѣ-бытьѣ, и съизнова переживаетъ сердце и старыя боли и старыя радости.

.....

Какъ теперь видится мнѣ старинный дѣловскій домъ въ деревнѣ на крутомъ берегу Дона. Здѣсь, въ небольшой комнаткѣ, съ окнами въ фруктовой садъ, я впервые увидѣлъ божій свѣтъ. А этотъ огромный залъ, длинный, мрачный, съ узкими готическими окнами; съ высокими, тяжелыми хорами, затянутыми паутиной, какъ флеромъ; съ огромными изразцовыми печами, украшенными эмалированными рисунками — какъ теперь передо мною. Какимъ холодомъ и сыростью вѣяло отъ него. Позже, много позже, когда я хоронилъ бабуку и входилъ въ могильный склепъ, въ памяти моей моментально воскресъ страшный залъ. Я ска-

залъ: страшный. Ребенкомъ я никогда не могъ побѣдять въ себѣ невольное чувство страха, которое болѣзненно заставляло меня вздрагивать и пугливо оглядываться, когда заигравшись въ большой гостиной съ Амишкой, и забывшись переступалъ высокій порогъ. Эмалевые рисунки изразцовой печи развили это чувство до ужаса. По нимъ я учился исторіи вѣтхаго завѣта. Каждое утро послѣ чаю, иногда меня такъ сильно тянуло въ садъ, двое рослыхъ, оборванныхъ слугъ, на босую ногу, вносили тяжелое волтеровское кресло и ставили его передъ печью. Являлся дѣдъ, суровый старикъ, высокій, худощавый, съ сѣдыми, повисшими на глаза бровями и острымъ какъ у ястреба носомъ. Холоднымъ, безстрастнымъ голосомъ читалъ онъ мнѣ исторію каждаго рисунка. Я тихо повторялъ за нимъ, пугливо оглядываясь и вздрагивая при случайномъ повышеіи собственного голоса. Исторія Каина и Авеля наводила на меня ужась. Повторяя за дѣдомъ, я чувствовалъ, какъ холодная дрожь струей пробѣгаетъ по моей спинѣ. Каинъ съ занесенной рукой надъ братомъ такъ страшно смотрѣлъ со стѣны, что проходя залъ, я отворачивалъ отъ него голову и жмурилъ глаза, боясь взглянуть на него. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ сойдетъ со стѣны и занесенная надъ Авелемъ рука упадетъ на меня. Внутренне ободряя себя и желая побѣдять невольный страхъ, я месмло взглядывалъ на нечъ, стараясь успокоить встревоженное чувство на погибелн алого фараона, но глаза невольно переходили къ Каину и съ учащеннымъ бѣніемъ сердца я ускоренными шагами шолъ на терасу. Выбѣжать изъ залы я никогда не рѣшался. Мнѣ казалось, рискни я бѣжать, — и всѣ эти страшные старики, съ ихъ бѣлыми, длинными по поясъ бородами и исхудалыми, суровыми лицами, бросятся со стѣны за мною. На терасѣ я скоро успокоивался. Съ нея былъ такой чудный видъ на Домъ. Мнѣ было какъ-то особенно весело бѣгать по аспиднымъ плитамъ, перекидываться на узенькія, чугунныя перильца, и прищуривъ глаза, долго, долго смотрѣть, какъ Захаръ съ Васиіемъ купаютъ лошадей, понукивая, покрикивая, перебрасываясь шуточками, переключиваясь пѣсенками. Операція купанья тянулась съ бѣлой зори до ночи: у дѣда былъ заводъ. Вдоволь налюбовавшись лошадами, я чувствовалъ сильное желаніе посѣтить дворъ и садъ. Тоскливо оглядываясь, не подайдегъ ли няня, чтобъ вмѣстѣ совершить неприягный шучъ че-

роть ненавистный залъ. Но няня была ай-ай какъ тяжела на подымъ. Весь день она сидѣла на маленькой скамеечкѣ въ дѣтской, лѣтомъ у окна на солнышкѣ, зимой у печки и работала, то-есть держала въ рукахъ кусокъ ситцу съ веткнутой иглой и дремла, пенлевывала его носомъ. Понуря голову я растворялъ двери терасы, быстро проходилъ залъ и переступивъ роковой порогъ въ гостиную, во всё лопатки летѣлъ на дворъ. Тамъ тлѣлось длинныя веревки, съ наивзанию, вяленой таранью, которая на солнышкѣ глядѣла такъ янтарно-сочно, такъ аппетитно, что отбѣгнуть соблазна было трудно. Зорко высматривалъ я, нѣтъ ли посторонняго глаза, подкрадывался къ гнущейся подъ тяжестью веревкѣ, и съ помощью палки, добыча была въ моихъ рукахъ. Сирятавъ ее подъ рубашонку, я въ попыткахъ бѣжалъ въ садъ подъ любимое вѣтвистое деревцо шелковницы и наскоро принимался за завтракъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ. Услѣди меня дѣдъ — и тогда прощай послѣ обѣда и дули и вишни. Странное дѣло, зима въ деревнѣ для меня, ребенка, имѣла болѣе привлекательности. Днемъ правда мнѣ было скучно. Къ дѣду почти никто не ѣздилъ изъ сосѣдей-помѣщиковъ. Овъ цѣлые дни просиживалъ у себя въ кабинетѣ за какими-то счетами съ приказчикомъ. Отець читалъ вслухъ для матери, которая, постоянно грустная, серьезно занималась вязаньемъ. Я, притжавшись въ уголокъ, дразнилъ хорошенькую аглицкую собачку. Бабушка цѣлый день или молчалась Богу въ своей крохотвой спаленкѣ, или стряпала въ кухнѣ и варила кофе, до котораго была страшная охотница. Цѣлые дни, съ утра до вечерняго чаю, ея не было слышно, какъ-будто ея и нѣтъ дома. Я горячо любилъ бабушку. Такой безпредѣльной добротою, такою ангельской кротостью дышало ея морщинистое, желтоватое лицо. Съ такою любовной вѣжностью ласкала она меня, когда я украдкой забѣгалъ въ ея спаленку. Съ лихорадочной торопливостью выдвигала она ящикъ большого комода, приговаривая: «бери голубчикъ, кушай на здоровье». А взять было что. Чего-чего только не было въ этомъ ящикѣ: и фиги, и сливы, и орѣхи грецкіе и володскіе, и винныя ягоды, и много, много всякихъ сластей. Съ жадностью бросался я къ завѣтному ящику, хватался за то и другое, нѣсколько разъ оставляя сочную фигу для крупнаго грецкаго орѣха, орѣхъ для привлекательно выглядывающаго яблочка съ зарумяненными щечками. А бабушка то-

репливо приговаривала: «бери, голубчикъ, не мѣшкай, моего дѣдушка увидитъ», и въ голосъ ея, и въ складнатыя лица выражался искренній страхъ. Въ эти минуты мнѣ безотчетно жакко было смотрѣть на бабушку. Я чувствовалъ даже позывъ заплакать, но всегда ограничивался тѣмъ, что стрелять нислую ружью. Мнѣ всегда казалось, что дѣдушка не любитъ бабушку. Онъ часто бранилъ ее при мнѣ. Она кротко выслушивала его жесткую брань, и уйдя въ свою комнату, горько плакала. Я неразъ подглядывалъ эти слезы. А бабушка очень любила его. И за что она его любитъ? думалъ я, — когда она таной злой. Но четвергамъ къ дѣду прѣзжали какіе-то страшные люди въ длиннополыхъ кафтанахъ, цѣлый день о чемъ-то долго и горячо разговаривали съ дѣдомъ, потомъ обѣдали за общимъ столомъ, и низко раскланявшись, уѣзжали. Отталкивающую ассоціацію одного изъ нихъ до сихъ поръ сохранила моя память. Это былъ маленькій старичокъ съ рысьими глазками, смѣшной улыбкой, никогда не сбѣгающей съ его губъ, и большими передними зубами, которые онъ выставлялъ какъ-будто на показъ, когда начиналъ смѣяться. Отецъ замѣтно нерадъ былъ этихъ гостямъ. Онъ быстро шагалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и хиуркаетъ громко барабанилъ пальцами по стеклу. Нерѣдко случалось, что въ эти дни онъ сеорился съ дѣдомъ ненашутку.

Одинъ тяжелый четвергъ особенно памятенъ мнѣ. Погода была ненастная. На дворѣ стояла оттепель; свинцовыя тучи заволокли все небо. Крупный дождь порывисто хлесталъ въ оконныя рамы, быстро сбѣгая струйками по стеклу. Всѣ домашніе были какъ-то особенно суровы. Дѣдъ былъ замѣтно озабоченъ чѣмъ-то. Въ этотъ день его лицо показалось мнѣ старѣе обыкновеннаго; блѣдныя, сухія губы повременамъ конвульсивно искривлялись, а густыя, нависшія брови поднимались каждымъ волоскомъ. Онъ обнаруживалъ замѣтное нетерпѣніе. То подходилъ къ окну, протиралъ его платкомъ, и приложивъ глаза, пристально всматривался на выющую къ крыльцу дорожку; то быстро уходилъ въ переднюю, и я слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказаніе посматривать на дорогу, не ѣдетъ ли кто. Мать была особенно грустна, отецъ нахмуренъ; а у бабушки отъ страху лица не было. Она поминутно забѣгала въ свою комнату, бросалась на колѣни передъ лампадкой божіей матери, клала земные поклоны, съ лихорадочной дрожью намоптывая

слова молчать, и при малѣйшемъ шорохѣ пугливо озираетъ. Все утро между ними не было промолвлено слова. Когда забѣжали босоногій Васютка и донесъ, что къ дому подвѣзжаютъ сани, дѣдъ бросился въ переднюю. Мать съ отцомъ молча переглянулись и потупились. Минуты двѣ спустя дѣдъ, сильно взволнованный, торопливо прошолъ съ знакомыми мнѣ старичками въ кабинетъ, и я слышалъ, какъ щелкнулъ ключъ замка. Старички противъ обыкновенія уѣхали рано. Дѣдъ, поговоривъ о чемъ-то съ отцомъ, ушелъ снова въ кабинетъ и не выходилъ къ обѣду. За обѣдомъ всѣ сидѣли, какъ въ воду опущенные, не дотрогиваясь ни до чего. Отецъ хмурился, мать не временною вслѣзываетъ. Бабушка была совершенно растеряна. Черезъ недѣлю мы уѣхали въ уѣздный городъ. Дѣдъ, какъ и usualъ веселъ, обертывался на подрядахъ и спекуляціяхъ. Главнымъ виновникомъ былъ старичокъ съ рысьими глазками; подаркомъ я его такъ не любилъ.

Но я забѣгаю впередъ.

Зимній вечеръ былъ мое все. Съ какими нетерпѣніемъ дожидаясь я, когда подадутъ свѣчи. Опрямлетью бросался въ дѣтскую, крѣпко обнималъ и цѣловалъ няню, просилъ ее рассказать какую-нибудь сказку. У няни была дурная привычка долго отпѣкиваться и сердить меня до слезъ; но все-таки безъ сказки вечеръ обойтись не могъ. Боже! съ какими сладкимъ замраченіемъ сердца слушалъ я ея рассказы о разбойникахъ и людоедахъ. Холодная дрожь пробѣгала по моему тѣлу, когда неожиданно хлопала неплотно-притворенная ставня. Мнѣ уже чудилось, что злой колдунъ лезетъ въ окно, чтобъ зарѣзать меня и напиться моей крови. Я плотнѣе прижимался къ нянѣ и начиналъ плакать.

— Ну, чего разревѣлся! ишь балованный, не стану я тебѣ сказывать.

Не слушая няню, я продолжалъ плакать, крѣпко обхвативъ ручешками ея шею. Но только-что успокоивались мои нервы, я снова приставалъ къ нянѣ съ мольбами и просьбами, цѣлуя ея сухія, морщинистыя руки.

— Я не боюсь больше няни! говорилъ я, стараюсь придать спокойствіе моему голосу, хотя чувствовалъ, что сердце бьется учащеннѣе обыкновеннаго, а глаза невольно устремляются къ двери. Въ сосѣдней комнатѣ огня нѣтъ... тьма страшная... и въ

этот тёмный мое разстроеное воображеніе уже видѣла чудовищно-фантастическій міръ.

— Озарилъ ты этакой, опять на грѣхъ наведешь! борзочетъ старушка.

Одно напоминаніе навести няню на грѣхъ, шло на мою магическое дѣйствіе. Я робко притихалъ. И какъ бы страшнѣе былъ разказъ няни, какъ бы сильно билось мое сердце, я едва переводя духъ отъ обхватывающаго меня ужаса, крѣпился. И зналъ что значить навести на грѣхъ.

Дѣды были злой и нервный старикъ. Онъ не могъ равнодушно слышать дѣтскаго плача, и бѣдной нянѣ часто доставалось за меня. Онъ бранилъ ее такъ громко, что мнѣ становилось страшно и я еще пуще начиналъ реветь. Въ эти минуты я чувствовалъ, что няня совершенно безвильно терпитъ за меня. За что онъ бранить ее, когда виноваты я, думалось мнѣ, и я не солгу, если скажу, что такая несправедливость меня возмущала. Мое дѣтское сердце такъ было зло на дѣда, что когда однажды онъ, сильно раздосадованный, ударилъ няню, мной овладѣло бѣшенство, я хотѣлъ закричать и не могъ: голосъ пересохъ въ гортани. Чувствуя свое бессилие, я схватился ручейкамъ за его руку и укушалъ его. Дѣдъ ударилъ меня и называлъ дьяволенкомъ. Съ той поры я болѣе иѣжнаго имени не слышалъ отъ него. Съ этого часа моя нелюбовь къ дѣду росла по часамъ. Мало симпатичнаго было въ его личности: его высокая, сутуловатая фигура, строгое до суровости выраженіе лица, холодный какъ сталь взглядъ, тонкія, блѣдныя губы, никогда не улыбающіяся, дѣв пряди въ желто-зеленоватыхъ волосъ на вискахъ невольно отталкивали меня. Мнѣ чудилось, что именно такимъ долженъ быть злой волшебникъ, ворующій себѣ дѣтей на сватракъ, о которомъ такъ часто разказывала мнѣ няня, и который нерѣдко мнѣ снился въ образѣ дѣда. Вскорѣ моя нелюбовь къ дѣду обратилась въ живую ненависть, насколько она доступна незлобивому дѣтскому сердцу. Одно обстоятельство играло тутъ важную роль. Дѣдъ былъ типъ деспота-помѣщика прошлыхъ временъ: крестьяне ненавидѣли его и дрожали передъ нимъ. Конечно все это уяснилось для меня гораздо позже. Дворня у насъ, съ которой я вообще былъ друженъ, была огромная. Помню, что за обѣдомъ, кромѣ трехъ слугъ въ затрапезныхъ, дырявыхъ сюртукахъ, прислуживало еще четверо

малышечки въ оборванныхъ рубашонкахъ, на босую ногу! Я не могъ замѣтить, какъ были блѣдны ихъ лица, какъ ходились ходили ихъ руки, когда они являлись изъ кухни съ тарелками и блюдами. Рѣдкій обѣдъ обходился безъ того, чтобы кто-нибудь изъ прислуги не прогнѣвалъ дѣда своею наглостью. Посылалъ за Макарычемъ дворецкинь, насильно-навоманенный и сладко-улыбающаго старичкомъ. «Ваську послѣ обѣда въ каретникъ», объявлялъ дѣдъ и затѣмъ обѣдъ шло въ свои чередъ. Только Васяна блѣднѣлъ какъ полотно и весь обѣдъ переступала съ ноги на ногу, какъ-будто стояла на раскаленной плитѣ. Счастья я смутно понимала, зачѣмъ ихъ водить въ каретникъ, хотя сердце мое подсказывало мнѣ, что тутъ кроется что-то недоброе. И какъ ни подстрекало меня мое дѣтское любопытство, я не имѣла случая вырваться изъ дому. Послѣ обѣда мать съ отцомъ уводили меня съ собою въ гостиную, заставляли играть съ Анешкой, а сами разговаривали. Не одинъ случай объяснилъ все. За обѣдомъ мой любимецъ Костя, подавая тарелку дѣду, громко чихнулъ. Дѣдъ послалъ за Макарычемъ и приказалъ ему отвести Костю въ каретникъ. Мое сердце безъисменно ёкнуло, чуя что-то недоброе; притомъ отъ меня не могъ ускользнуть умоляющій взглядъ матери, устремленный на дѣда, и особенно хмурое лицо отца, до того времени веселого. Онъ не дотронулся ни до одного блюда и весь обѣдъ барабанилъ пальцами по тарелкѣ. Бабушка, замѣтно растерянная, только хлепала глазами. Все это случалось и прежде, но не бросалось такъ рѣзко мнѣ въ глаза. На этотъ разъ странное душевное безпокойство и тревога говорили мнѣ, что съ Костей хотятъ сдѣлать что-то злое.

Только-что мы встали изъ-за стола и ушли въ гостиную, я не могъ преодолѣть своего тревожнаго любопытства и замѣтно взволнованный, присталъ къ матери съ вопросомъ, зачѣмъ отвали Костю въ каретникъ.

Мой вопросъ смутилъ ее, она вспыхнула, но скоро оправилась. «Дѣдушка хочетъ его побранить немножко», отвѣтила она спокойнымъ голосомъ, быстро отвернулась и подошла къ разстворенному окну, облокотилась на подоконникъ.

— Ступай играть на терасу! сказалъ отецъ съ замѣтной горечью въ голосѣ.

Я почувствовалъ, что отъ меня что-то скрываютъ, и иной

ошладше непреодолимое, вѣрнѣе сказать, болѣзненное любов-
ничество думать что дѣлается въ каретникѣ. Я бросилъ се-
бѣ ногу на балконъ. Пробѣгая незамѣтнѣй мнѣ залъ, я не-
вольно вскрикнулъ на противную печь и мнѣ показалось, что надъ
Авдеемъ съ занесенной рукой стоитъ уже не Каянъ, а дѣдушка.
Струсила я и опрометью выскочилъ на терасу. Нижняя синева
неба, яркая зелень дубовой рощи по ту сторону Дона, легкій,
гармоническій плескъ волнъ въ моментъ прогнали мой страхъ.
Я подбѣжалъ къ вериламъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ спу-
ститься на землю и махнуть черезъ дворъ въ каретникъ. Но
горе! — балконъ чуть не на сажень надъ землею. Прогнать я не
умѣлъ. Вообще я былъ нервный, терпчій, но хилый и незлой
ребенокъ. Моей озабоченности мало, и впоследствии я по-
чувалъ, какъ мой духъ изо дня въ день разрушалъ ее. Въ это
самое время, какъ я съ восклиной безнадѣжностью несмотрѣ-
валъ внизъ, мимо балкона проходилъ Михѣй кучеръ. У дѣда
еще были Михѣй поваръ и Михѣй столяръ. Гаврилы у насъ
было десять и всѣ должны были помнить свои номера. Самъ
дѣдъ называлъ ихъ по номерамъ и никогда не сбивался. Михѣй
кучеръ, съ виду суровый, былъ предобрѣйшее созданіе. Всѣ
дворовые любили и уважали его. Подшутить надъ старикомъ
Михѣемъ, значило рискнуть и своей репутаціей и своими бо-
ками.

Михѣй любилъ меня, часто украдкой отъ дѣдушки сажалъ
на лешаку, ведя ее полъ узды одной рукой, а другой придер-
живая меня.

— Михѣй, голубчикъ, золотой мой, спусти меня! кричалъ я.

Михѣй подошелъ.

— Что ты пашьтъ! На што тебѣ, али мало мѣста у дому.

— Михѣй, душенька! Хочется посмотрѣть что дѣдушка дѣ-
лаетъ въ каретникѣ.

— Нечего тебѣ тамъ смотрѣть! сказалъ Михѣй, сильно на-
хмуривъ брови и пошелъ было отъ крыльца.

— Голубчикъ, Михѣй! просилъ я, чуть не плача: — спусти!
туда Костю отвели... Михѣй, золотой мой!

Михѣй остановился, сосредоточенно почесалъ въ затылкѣ,
нахмурился лучше прежняго, и протянувъ ко мнѣ руки, сказалъ:

— Полѣзай черезъ перило, да держись покрѣчай.

Черезъ минуту я стоялъ уже на землѣ. Стрѣлой облетѣлъ

домъ и очутился на дворѣ. Что-то шелкнуло подъ моею ногой, я съ ужасомъ отпрыгнулъ. То была жаба (*). Трудно выскazać смѣлу того бессознательнаго отвращенія, которое я чувствовала въ дѣтствѣ, чувствую я теперь ко всѣмъ ползающимъ и шастающимъ. Бить ихъ издали камнями было истиннымъ наслажденіемъ менимъ. Подойти близко не хватало воли. Я схватилъ камень и уже размахнулся было, какъ страшный вонь изъ каретника заставилъ меня оцепенѣть на минуту. Я узналъ голосъ Кости. Дрожь всѣмъ тѣломъ отъ новаго, незнакомаго мнѣ чувства, которое мгновенно обхватило все мое существо, я безвольно подошелъ къ каретнику и остановился въ нерѣшимости, но какая-то внутренняя сила ткнула меня, и я бочкомъ проскользнулъ въ неплотно притворенныя ворота. Глазамъ моимъ представилась возмутительная сцена: два столбра, Михѣй старшій и Михѣй младшій наказывали Костю, а дѣдъ съ невозмутительнымъ спокойствіемъ, покуривая изъ маленькой трубочки, питалъ правоученіе. Злость и скорбь схватили меня за горло. Я вскрикнулъ какъ укушенный и бросился къ дѣду.

— Дѣдушка, простите! Едва могъ я выговорить задыхаясь отъ слезъ и волненія.

— Ты какъ сюда попалъ, дьяволенокъ, закричалъ дѣдъ, зашапавъ ногами: — я вотъ тебя вмѣстѣ съ Костыкой.

Я не переставалъ рыдать и просить дѣда.

— Отвести его домой! вотъ я ему дамъ ужю на орѣхи, обратился дѣдъ къ Михѣю старшему. Меня хотѣли взять, но я вырвался. Злость закипѣла во мнѣ.

— Костя, Костя! бѣги отъ нихъ! кричалъ я неистовымъ голосомъ, силась заглушить собственнымъ крикомъ то, что творилось у меня на душѣ. — Злой! злой! людоѣдъ! кричалъ я задыхаясь, указывая пальцемъ на дѣда.

— А, такъ ты такъ! Дѣдъ всмыкнулъ и съ свернувшимъ отъ гнѣва глазами пошелъ на меня.

Что со мною случилось — сказать не умѣю. Бѣшенство овладѣло мной. Я-бъ желалъ убить дѣда, — такъ гадокъ и противенъ онъ былъ мнѣ въ настоящую минуту. Не знаю какъ случилось, что камень приготовленный для жабы, полетѣлъ въ дѣда и попалъ ему въ плечо...

(*) Порода лягушекъ екатеринославской губерніи.

Я очутился въ своей кроваткѣ — больной, Возлѣ меня стояли бабушка и мать, обѣ съ заплаканными глазами. Бабушка безпрестанно склонялась надо мной, причитывала что-то въ полголоса; повременашъ сырсыливала мнѣ лицо іорданской водой, мыла лобъ, глаза, щеки, сосала мнѣ въ руки слобую булочку, приговаривая: «Кушай, роденькій, серебряный, бриллантовый, кушай, не объедай вѣдь, — шны какъ желудочекъ отошаль.» И она ошупывала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ мой желудокъ. Я пролежалъ мѣсяць. Бабушка и мать поочередно не отходили отъ моей постели. Отець тоже навѣщаль часто. Я не узнавалъ его: такъ онъ перемѣнился въ короткое время. Его доброе, всегда улыбающееся лицо было сурово противъ обыкновенія, а ласковые голубые глаза приняли снѣгій отблескъ и смотрѣли некорешо. Замѣтно что-то тревожило его. Няня не покидала меня ни на часъ. Въ первое время болѣши съ мной дѣлались страннѣе припадки. При малѣйшемъ забавѣ мнѣ живо представлялась сцена съ Костей; странный испугъ схватывалъ меня, и сосканивалъ съ постели я звалъ на помощь и мать и отца, умоляя спрятать меня отъ дѣда. Малѣйшій стукъ двери заставлялъ меня всдрагивать. Въ земной пещи: теплотно притворенной ставни мнѣ видѣлся дѣдъ. Даже днемъ, когда я былъ окружонъ своими, и до меня случайно долеталъ изъ вала грѣшій голосъ дѣда, онъ дѣлалось дурно и я падалъ въ обморокъ. Болѣши возымѣла свое дѣйствіе: я сталъ быстро развиваться. Всѣ окружающія меня лица предстали теперь передо мной съ шовомъ, дотолѣ незнакомомъ мнѣ сѣтѣ. Не по днямъ, а по часамъ уяснялась мнѣ сфера, въ которой я жилъ. И моя комнатка, и няня, и дѣдъ, и отецъ, и мать, и бабушка, и этотъ длинный, мрачній залъ, и вѣчно плещущій Дождь, и кучеръ Микѣй, и все, и все, и все, все получило для меня новый смыслъ, все вдругъ взглянуло мнѣ въ глаза въ новыхъ, еще неведомыхъ мнѣ образахъ. Все вокругъ меня и во мнѣ зажило новою жизнью. Я сталъ сильно задумываться по цѣлымъ часамъ. Это испугало родныхъ. Но могъ ли я не задумываться, когда изнутри меня подылались нагдо-то вопросы, сарговорили какіе-то голоса, какихъ я прежде и не слышалъ и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Отець сегодня вошелъ въ комнату грустный, у меня на сердцѣ нехорошо стало. Въ головѣ неугомонно кричитъ вопросъ,

отчего она грустна, дѣдушка не обидѣлъ ли, не болѣвъ ли онъ? И откуда родился этотъ вопросъ, и отчего онъ такъ мучительно рвется въ сердцѣ. Не приходилъ же онъ въ прежнее время. Увидишь бывало папу невеселымъ, только и меланхолически въ головѣ: папа сердитъ сегодня, не буду шалить, а то бранить будетъ. И не спрашивалось отчего папа сердитъ. Бабушка придетъ съ заплаканными глазами, — опять вопросъ, — о чемъ она плачетъ. Дѣдушка обидѣлъ, инстинктивно, но вѣрно подкажетъ сердце. Да она смиренная такая, за что ему сердиться на нее. Опять спрашиваетъ головка. Сердце молчитъ, не даетъ отвѣта, — и задумалась головка. Встанешь съ постели, подойдешь къ окну посмотрѣть какъ солнышко поднялось, какъ оно замраетъ въ рѣкѣ и рыба зашевелится, а Михѣй ужъ лошадокъ купаетъ. Что это Михѣй пѣлые дни лошадокъ купаетъ и праздника нѣтъ у него. Вонъ дѣдушка и спать послѣ обѣда, и на охоту ѣздитъ, и въ гости такъ же, а Михѣй все лошадей купаетъ. Скучно я думаю ему, хочется и погулять, а нѣкогда, а дѣдушка еще третьяго дня бранилъ его, лѣнливымъ называлъ. Странно это, и заработала голова. Марью скотницу дѣдушка наказалъ за то, что голось у нея грубый. Да чѣмъ она виновата, вѣдь Богъ ее такой создалъ. И много-много еще кое-чего уяснилось мнѣ изъ прежняго туманнаго. Постоянная грусть матушки, озабоченное лицо отца ужъ не проходили для меня безъ тревожнаго отзвука въ сердцѣ на эту грусть. Дѣдъ во все время моей болѣзни ниразу не заглянулъ въ мою комнату. Самолюбивый старикъ не могъ простить своимъ омерзительнымъ сердцемъ вродерзость мальчика, какъ онъ называлъ мой поступокъ въ каретникѣ, притомъ онъ весь былъ погруженъ въ свои аферы, которыя разразились уже знакомой катастрофой.

Мы переѣхали въ сосѣдній городъ, гдѣ отецъ получалъ мѣсто. Проводы носили тяжелый характеръ. Отецъ и мать какъ будто избѣгали встрѣчи съ дѣдомъ до послѣдней минуты. Отецъ хмурѣ обыкновеннаго, крупными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ зала. Матушка безъ всякой видимой надобности разъ десять забѣгала въ кухню, изъ кухни въ дѣвичью и опять въ кухню. Ничего не приказывала, а такъ, зайдетъ, постоитъ на одномъ мѣстѣ какъ-будто что-то припоминая и уйдетъ. Дѣдъ съ ранняго утра скрылся изъ дому. Когда я выбѣжалъ на дворъ, меня недавно удивила какая-то пугливая, странная, светли-

вѣсть дворянъ. Попадавшіеся навстрѣчу люди были на себя непохожи. Они какъ-то боязливо озирались по сторонамъ, шептались между собою, быстро скрываясь въ людскую и такъ же быстро снова показываясь.

— Дядя Елизаръ, а дядя Елизаръ!.. кричала въ полголоса высунувшаяся изъ кухни ключница, завидѣвъ выходящаго изъ каретника кучера.

— Ну что, былъ?

— Былъ!

— Зачѣмъ приходилъ?

— Извѣстно зачѣмъ, — сердце сорвать... Митрія въ сарай отвели.

— Охъ—ти господи, мать пресвятая богородица, со вздохомъ произнесла на—распѣвъ ключница и перекрестилась.

— Поди и въ погребъ—то ко мнѣ заглянеть.

— На всѣхъ достанеть. Мы съ Михѣемъ три вороха въ сарай оттащили.

— Больно ужъ лютъ сегодня.

— Охъ! укроти его милосердая заступница, и ключница снова перекрестилась.

Въ эту минуту въ сарай раздался пронзительный вопль.

Я вздрогнулъ. Все стало ясно. Опрометью бросился я въ комнатку бабушки: она сидѣла въ уголку, на коврикѣ, очень встревоженная, съ заплаканными глазами. Передъ ней на колѣняхъ стоялъ Васютка, грошко всхлипывая и съ трудомъ прожевывая кусокъ сдобной булки, половина которой крѣпко была стиснута въ его рукѣ.

— Кушай, Васюточка, кушай на здоровье... Вотъ тебѣ еще шанечка сдобненькая, сама пекла: кушай, не плачь... Ты не сердись на Ивана Григорича... грѣшно тебѣ сердиться на него. Онъ и побьетъ, онъ и помилуетъ... не сердись... Васюточка... смирись... Господь грѣхъ на томъ свѣтѣ съ души сниметь... На тебѣ еще булочку, кушай на здоровье... И бабушка совала ему въ руки сдобную булку.

— А больно онъ тебя поѣкъ; спросила она со слезами въ голосъ.

— Больно! всхлипывая отвѣтилъ Васютка, едва пережевывая хлѣбъ.

— Охъ ты голубчикъ мой. Знаю я его, лютъ онъ въ гнѣвѣ.

Охъ господи, господи! прости и помилуй мя грѣшающую... На тебѣ яблочко... Ступай съ богомъ, да не сердись на Ивана Григорьяча... Добрый онъ баринъ... Охъ, добрый—то какой... Это онъ въ сердцахъ только... Охъ господи, господи...» До самаго завтрака я просидѣлъ у бабушки на колѣняхъ. Сколько она мнѣ гостинцевъ понасыпала въ карманы. Какъ долго горѣли ея щеки на моихъ щекахъ. А сама горько заливается, да приговариваетъ что-то въ полголоса. Въ этотъ день она и кофе не пила. За завтракомъ никто почти не дотрогивался до кушанья. Дѣдъ противъ обыкновенія говорилъ много и говорилъ одинъ. Тонъ его рѣчи былъ новъ для меня. Началь онъ тихо да протяжно, такъ что мнѣ сейчасъ вспомнился отецъ Селифанъ, когда онъ говорить проповѣдь великимъ постомъ; но вскорѣ голосъ его сталъ громче и громче, жесты отрывочнѣе, а кончилъ такимъ страшнымъ голосомъ, что я поблѣднѣлъ. Позже, когда я юношей плакалъ, слушая проклетія театральнаго отца, заѣжей труппы, мнѣ вдругъ вспомнился прощальный завтракъ и рѣчь дѣда. Онъ говорилъ, что гордость и непочтеніе къ родителямъ — грѣхъ смертный, что Богъ наказываетъ ослушниковъ и въ сей и въ будущей жизни, и началъ рисовать картину страшнаго суда такими яркими красками и въ такой подробности, что она съ той минуты всецѣло засѣла въ моей головѣ, и часто, когда на меня налѣтала безсонница и жаръ обхватывалъ голову, — эти раскаленные плиты, огненные рѣки, трехглазые эфюпы съ щучьими зубами, такъ живо возставали въ моемъ воображеніи. Не первый разъ я слышалъ исторію страшнаго суда; но никогда она не производила на меня такого впечатлѣнія. Дѣдушка, когда былъ сердитъ и хотѣлъ напугать кого, всегда грозилъ страшнымъ судомъ. Для большаго впечатлѣнія онъ иногда на подовиивъ рѣчи останавливался, уходилъ въ кабинетъ и приносилъ оттуда большую картину страшнаго суда. — Вотъ, смотри! Не я выдумалъ, говорилъ онъ виновному и въ голосъ его звучала такая обаятельная сила, что бабушка блѣднѣла и крестилась, я пугливо оглядывался по сторонамъ какъ-будто прося заступиться, и боясь, что вотъ-вотъ потянутъ меня лизать раскаленные плиты, за то что солгалъ, сказалъ, что не обрывалъ тарани. Только отецъ невозмутимо спокойно смотрѣлъ на дѣда, и на губахъ его мелькала странная, грустно-шутливая улыбка. Стали прощаться. Мать поцѣловала у дѣда руку и заплакала. Онъ перекрестилъ ее, поцѣ-

ловалъ въ лобъ, и лице его судорожно искривилось. Мнѣ показалось, что ему хочется заплакать, но онъ преодолеваетъ себя. Бабушку чуть не полумертвую сняли съ шеи матери. Тарантасъ тронулся. Мать всхлипывая высунулась изъ тарантаса и махала платкомъ, пока дѣдовскій домъ не исчезъ изъ виду. Но мнѣ вдругъ стало какъ-то особенно весело.

— Мамаша, мамаша: жолтинькая птичка! мамаша, смотри какая лошадка маленькая!.. Что это... а? вонъ блеснить; какіе камушки, кричалъ я въ восторгѣ, подпрыгивая въ тарантасѣ и указывая на встрѣчающіеся предметы. Свѣжимъ благодатнымъ воздухомъ повѣяло на меня. Всѣ предметы заиграли въ розовомъ свѣтѣ, хоть день былъ блѣдно сѣренькій. Мнѣ бы хотѣлось выпрыгнуть изъ тарантаса, прокатиться колесомъ по зеленому дугу, поймать кузнечика, бабочку, птичку и посадить ихъ въ тарантасъ. Но случайно встрѣтившись съ заплаканными глазами матери я вдругъ присмирѣлъ. Тяжелое чувство шевельнулось въ сердцѣ.

Въ городѣ настала новая жизнь. Всѣ какъ-будто ожили. Я не узнавалъ отца и мать. Онъ пересталъ хмуриться и лицо его развѣло такой широкой, добродушной улыбкой, что на душѣ становилось сладко и хорошо, когда онъ поглядывалъ мягкимъ взглядомъ своихъ кроткихъ, голубыхъ глазъ. Матушка тоже встрепенулась и защебетала какъ птичка, у которой разрѣзали нуты свивывающія ея крылья и ножки. Ея звонкій голосокъ весело зазвучалъ въ нашемъ маленькомъ домикѣ. Съ ранняго утра она на ногахъ. Обѣгаетъ весь домъ, погребѣ, кухню и все напѣвая какія-то пѣсенки. Няня, няня! вшь какая мама стала! у дѣдушки она другая была! сообщалъ я нянѣ, удивленный живостью и рѣзвостью матушки, постоянно молчаливой въ домѣ дѣда. О себѣ и говорить нечего! Правда немножко жаль мнѣ было деревенскій домъ, гдѣ протекли первыя, свѣтлыя лѣта дѣтства; но меня утѣшало, что городъ отстоялъ недалеко. Тамъ бѣжалъ тотъ же тихій, синій Донъ; въ нашемъ небольшомъ домикѣ не было этой страшной печи съ Кавномъ. Суровое лицо дѣда не смущало моихъ дѣтскихъ ягръ. Съ городскаго вала, усѣяннаго чугунными заржавленными пушками, растлалась такая необозримая безконечная даль, заманчивающаяся темнос-

ней волосой... то виднѣлись кавказскія горы. А пушечный дворъ! О мой милый пушечный дворъ, никогда я тебя не забуду! Удивительная вещь дѣтство: сколько грандіозныхъ образовъ, поразившихъ насъ въ дѣтствѣ, сгладится съ лѣтами, какая бездна ядовитыхъ огорченій и свѣтлыхъ радостей забудется надолго, навсегда быть-можетъ, не оставая и блѣднаго слѣда, а какой-нибудь предметъ, повидимому дотога безъинтересный, что и недѣлю помнитъ-то его не стоитъ, всецѣло живетъ въ воспоминаніи. Засядетъ въ душу такъ крѣпко, что не выживутъ его ни бури, ни грозы, ни ясные дни послѣдующихъ лѣтъ. Что было привлекательнаго въ этомъ пушечномъ дворѣ, а зажмурь я глаза, — и вижу себя снова ребенкомъ въ холстинковой рубашечкѣ и козловыхъ башмачкахъ. Со мной Барбоска, мой неразлучный спутникъ. Вижу огромную площадь, обнесенную казармами изъ сѣра-желтаго цвѣта. Площадь усыпана мелкимъ разноцвѣтнымъ щебнемъ изъ сосѣдней рѣчки. Тамъ и сямъ бриліантами блестятъ на солнышкѣ кусочки разбитыхъ стеколъ. Тяжелыя бомбарды петровскихъ временъ съ затѣйливыми цапфами, въ видѣ пичекъ, дельфиновъ, львовъ, какъ-то сердито смотрятъ съ своихъ бревенчатыхъ полусгнившихъ стоекъ; только ярко зеленый мохъ, пробивающійся между бревнами, смягчаетъ мрачный колоритъ. Кучи ядеръ, симметрично сложенныхъ въ пирамиды, привѣтливо лоснятся на солнцѣ. Стая воробушковъ весело чирикаютъ перепрыгивая съ ядра на ядрышко. Вспошонныя галчата кричатъ, широко раскрывъ свои желтнѣющіе роты и высунувшись голенькими шейками изъ гнѣздъ, которыхъ было много между стоекъ. А солнце такъ привѣтливо обливаешь своимъ задорно-веселымъ свѣтомъ и черепичныя крыши казармъ, и чугуныя пушки, и ядра, и меня, что чудо какъ хорошо чувствуется на сердцѣ. Въ какомъ-то сумашедшемъ экстазѣ вскачашь верхомъ на Барбоску и въ приливѣ задорной веселости понесешь страшную личь. Барбосинька, балобосинька, бабосинька, молосинька, холосенька. И развѣ ужъ на какомъ-нибудь крайне величѣмъ ласкательномъ вдругъ разразишься здоровымъ смѣхомъ, самому станетъ смѣшно и стыдно, а Барбосъ повернетъ свою косматую голову, жмуритъ глаза и точно смѣется, кажется вотъ-вотъ скажетъ: экую братъ чушь-то ты несешь, и нестыдно тебѣ! Я братъ собака, а такой штуки не скажу.

— Не сердитесь балбосинька, мы впередъ будемъ умнѣ-

кими. Не станемъ глупостей говорить. Пойдемка искать картечекъ... Маршъ!.. и взапуски мы летимъ по двору къ ядрамъ. Перероемъ всю землю вокругъ и боже-мой сколько радости, когда отыщется заржавленная картечка. Выпросишь у мамаша коробочку, у няни изъ салопа вытащишь кусокъ хлопчатой бумаги, уложишь картечку какъ мама укладываетъ свои бриллиантовые серьги, и носишься съ коробочкой цѣлый день. А какое роскошное дерево шелковица стояло въ углу пушечнаго двора. Сюда подъ его зеленыя пушистыя вѣтви я прибѣгалъ съѣдать свои лакомства, которыя мнѣ казались несравненно вкуснѣе и слаще, чѣмъ дома. Какъ теперь вижу: сижу я съ Машенькой подъ его широкою, прохладною тѣнью. А... Б... произносить она своимъ серебристымъ голоскомъ, а тоненькій, бѣленькій пальчикъ, съ яркоглубыми жилками, указываетъ въ книгу. А... Б... повторяю я за ней, а самъ думаю: какая хорошенькая эта Машенька, когда улыбается и у ней на щечкахъ заиграютъ ямки. Вотъ у другихъ нѣтъ такихъ ямокъ. Ну чтоже? Б! говорить Машенька полусердито, замѣтивъ, что мои мысли далеко. Б! повторяю я, смотрю на В, и мнѣ становится ужасно смѣшно, что оно такое пузатое.

Милая Машенька! тебѣ я обязанъ, что казенное выраженіе «корень науки горекъ», не имѣло и не имѣетъ для меня никакого смысла. Легко мнѣ далась книжная мудрость. Помню какъ сильно вдругъ захотѣлось мнѣ учиться. Помню то лихорадочное нетерпѣніе, то сладкое замираніе сердца, когда я впервые переворачивалъ купленную азбуку и впивался въ эти темныя, загадочныя для меня строчки черныхъ фигуръ, называемыхъ грамотой. А какой чудный свѣтлый былъ день, когда мнѣ купили азбуку. На бирюзовомъ небѣ ни облачка, солнышко такъ ярко играетъ, что только потянешь къ нему голову и чихнешь! и весело становится. Мы съ Машенькой чинно рядомъ выступаемъ впереди. За нами папа съ мамой и Петръ Герасимычъ (отецъ Машеньки). Что за чудесный, что за веселый человекъ этотъ Петръ Герасимычъ. Вѣчно у него шуточки да прибауточки. Какъ начнетъ бывало что рассказывать, — лицо хмурое, глазомъ не моргнетъ, а всѣ такъ и заливаются со смѣху. Чуть не каждый вечеръ бывалъ онъ у насъ — его считали за родного. Но вотъ и ярмарка показалась. Народу-то, народу — ужасъ! Шумъ, говоръ... Бабы все такія нарядныя, свитки бѣлыя какъ снѣгъ се-

ребромъ отливаются на солнцѣ ; на головахъ красные платочки, огнемъ горять... Чудо какъ весело !

— Папа мнѣ книжку купить, говорить Машенька.

— А мнѣ лошадку, говорю я , подпрыгивая отъ удовольствія.

— Ахъ Володя , какой ты смѣшной ! говорить Машенька и амочки заиграли на щечкахъ. — Право смѣшной. Такой большой и въ куклы играешь. Ты лучше попроси папу книжку купить... Вотъ Петя меньше тебя , а какъ онъ попрыгунью—стрекозу рассказываетъ.

Я вспыхнулъ отъ досады.

— Я вотъ... я... вотъ... сдѣлаю съ Петей штуку.

— Что ты съ нимъ сдѣлаешь Володя ?

— Я... я... прибую его ! Сказалъ я взволнованный и приободрился. Вотъ дескать какой я молодецъ, — любуйся Машенька !

— За чтожъ ты его прибуешь, Володя ?

— За то , чтобъ онъ не рассказывалъ тебѣ стрекозу. Я знаю зачѣмъ онъ рассказываетъ, я все знаю, проговорилъ я уже болѣе печальнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ же, Володя ?

— Чтобъ ты его больше меня любила, не сказалъ, а прошептала я чувствуя какъ краска стыда бросилась въ лицо.

— Какой ты смѣшной Володя !.. Ай—ай ! смѣшной ты какой.

— Я захочу, я лучше его расскажу... я... я... возьму да и выучусь читать. Я Мартышку, я все выучу, я скоро, — въ одинъ день ; расхвастался я.

Отецъ удивился и видимо обрадовался , когда я на ярмаркѣ рѣшительно объявилъ , что лошадки не хочу, а хочу азбуку. — Азбука куплена. Славная была азбука, съ картинками надъ каждой буквой. Самая забавная представляла какого-то господина съ растопыренными руками и шапкой на затылкѣ, что меня очень смѣшило. Подпись гласила : Р. разсѣянный. Самая внушительная гласила : Г. генераль... нарисованъ былъ какой-то господинъ съ плечами поднятыми до ушей и въ шляпѣ съ султаномъ. Такъ вотъ они какіе генералы ! я задумывался надъ картинкой... Ишь какіе, славно быть генераломъ. Что я тутъ находилъ славнаго, незнаю. На другой же день я присталъ къ отцу : хочу да хочу учиться ; а въ головѣ одна мысль — постой братъ Петя , погодимъ еще ! Матушка показала мнѣ азбуку и я занялся горячо.

Бда нейдетъ на умъ, пушечный дворъ забыть; одно въ головѣ: какъ бы выучиться поскорѣй читать.

— И смѣшная эта Машенька какая!.. думалъ я. Петю хвалить, и за что? Второй годъ учить стрекозу, выучивъ, велика важность. Я вотъ, я... Весь вечеръ просидѣлъ я въ своей спальнѣ, распѣвая А... Б...

— Умница золотой мой! Умница! поощряла няня, штопая чулокъ и поклевывая носомъ подъ мое монотонное чтеніе.

— Няня, я теперь знаю, да боюсь какъ бы къ завтраму не забыть.

— Зачѣмъ забывать, золотой мой, не надо забывать. — Охъ мати пресвятая богородица! Няня зѣвала и крестила ротъ. А ты золотой мой, перекрести книжечку на ночь да подъ головку и положи. Ангель—то хранитель и сохранить въ памяти.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Всю ночь мнѣ лезли въ глаза буквы. Проснулся и первая мысль не забылъ я, — за книгу — все помню. Ахъ какая няня, все она знаетъ. Съ торжественнымъ лицомъ явился я къ матери и прочелъ азбуку. Восторгамъ конца небыло. Умница ты у меня будешь, сказалъ отецъ и погладилъ по головѣ. Ухъ, какъ хорошо на сердцѣ стало.

— Я мамаша къ Машенькѣ схожу, говорилъ я матери быстро глотая чай и чуть не давясь булкой.

— Сходи, сегодня ты умница, и мать улыбнулась.

Никогда еще я не бѣгалъ такъ быстро, какъ теперь бѣжалъ къ Машенькѣ. Книжка торчала изъ кармана.

Машенька была въ садикѣ. Какъ сумасшедшій подлетѣлъ я къ ней и вдругъ срѣзался. Она возилась у грядки выѣсть съ Петей. Мое полное блаженство было нарушено. Неприятное чувство отозвалось въ душѣ.

— А, Володя!.. иди копать грядку.

— Машенька, пойдемте къ калиткѣ, мнѣ вамъ нужно сказать что-то.

— Что такое? а?

Мы очутились у калитки.

— Я азбуку выучилъ, сказалъ я и вспыхнулъ.

— Ты обманываешь Володя.. Всю азбуку нельзя такъ скоро выучить.

— Всю! ейбогу, хоть спросите. Вотъ и книжка, и я полезъ въ карманъ.

— Ну прочитай Володя.

— Я при Петѣ не стану. Пойдите на пушечный.

— Пойдемъ! Ахъ какой ты умный Володя! Въ одинъ день всю азбуку выучилъ!

Мы бѣгомъ пустились черезъ площадь. А. Б. В. произносить я на память едва поспѣвая за Машенькой. Она вакинувъ ко мнѣ головку лукаво улыбалась и летѣла какъ вѣтеръ.

Шли не долго, а жаръ мой не остывалъ. Я такъ затянулся въ чтеніи по складамъ, что все остальное было забыто. Отца кажется начинало тревожить мое неестественное прилежаніе.

— Будеть тебѣ съ книгой сидѣть... Побѣгай, скажеть оцъ два на дню.

— Не хочется папенька, отвѣтишь, а самъ за склады, а въ головѣ одна мысль: поскорѣй бы до стишковъ добраться, что въ концѣ книгъ, тогда посмотримъ, что скажеть Петя. И начнешь считать сколько листочковъ осталось. Наконецъ настала давно желанная минута. Наканунѣ съ особеннымъ рвеніемъ выучилъ послѣднюю страничку до стиховъ. Ложась спать не разъ, а десять перекрестилъ книжечку, укладывая ее подъ подушку, и сладко заснулъ съ веселою мыслию, что завтра мама стихи дастъ учить. Просыпаюсь: въ комнатѣ какъ-то особенно свѣтло, на душѣ весело, а по всему тѣлу особенно пріятная бодрость разлила. Соскочилъ съ постели къ окну. Господи! снѣгъ, снѣгъ! запрыгалъ я какъ сумасшедшій въ восторгѣ, глядя на обширный дворъ, застланный толстой пеленой снѣга, который отливалъ серебромъ на солнцѣ.

— Кукуреку! закричалъ я, прыгая козлякомъ по комнатѣ, соскочилъ на кровать и перекувырнулся черезъ голову.

— Что съ тобой? и за этимъ вопросомъ смѣхъ.

Въ комнатѣ стояла мать.

— Снѣжка Богъ послалъ мамаша, и стихи сегодня будемъ учить, проговорилъ я не много сконфуженный, оправдываясь въ своей излишней рѣзвости.

— Пора вставать, — умывайся!

— И мамаша снѣгомъ умоюетъ. Няня сказывала, кто первымъ снѣжкомъ умоется, бѣленькимъ и хорошенькимъ станеть. А самъ подумалъ: а Петя вѣрно незнаеть этого. Няня ему неказывала. И въ глазахъ мелькнулъ образъ Машеньки.

Наконецъ, о радость, стихи выучены. Сама мамаша выбра-

ла, говорить умные стишки. А Петя-то умных стиховъ не знаетъ. Я внѣ себя отъ восторга. Такъ вотъ и поднимаетъ меня побѣждать къ Машенькѣ и проговорить ей. А мамаша останавливаетъ, говоритъ лучше сказать ей стишки въ день рожденія, всего три дня подождать. Ахъ какіе скучные да долгіе эти три дня. Когда они пройдутъ. Господи! Наканунѣ Машенька пришла, просить у мамаша отпустить меня завтра на цѣлый день. Ухъ! какъ весело-то! Какъ бѣсъ передъ заутреней верчусь я передъ Машенькой. Такъ бы вотъ и проговорилъ ей сейчасъ же стишки, просто терпѣнія нѣтъ. Хорошо, что она скоро ушла, а то бы не выдержать мнѣ характера. Я и заикнулся было... я, говорю, Машенька... да мамаша перебила. Но вотъ настало и утро. Я былъ въ сильномъ волненіи. Умываясь съ особымъ стараніемъ, натиралъ себѣ щеки мыломъ, такъ что няня сердито замѣтила... Да будетъ тебѣ... эдакъ и кожу сотрешь. Умолилъ няню напомнить меня до-нельзя. Нарядился въ новую шолковую рубашечку, и съ четверть часа разсматривалъ свою рожицу въ зеркало. Притворилъ дверь, разъ десять проговорилъ на память *умные стихи* и отправился съ няней, не забывъ взять азбуку въ карманъ. Стали всходить на крыльцо, а у меня сердце такъ и стучить.

— Ты няня меня подольше раздѣвай, — мнѣ надо въ умѣ стишки припомнить.

Наконецъ я въ залѣ. Машенька разряженная бѣжитъ навстрѣчу. Саша, Петя, Гриша всѣ на лицо.

— Машенька, я вамъ для рожденія стишки приготовилъ и ожидаю отвѣта я началъ: «Науки юношей питаютъ...» и проговорилъ всѣ.

— Ахъ Володя, какой ты умный. Какіе хорошенькіе стишки. Скажи еще Володя! И Машенька запрыгала.

Внѣ себя отъ восторга, я проговорилъ.

— Папаша, папаша! зашебетала Машенька, схвативъ меня за руку и увлекая въ гостиную. Какіе умные стишки Володя знаетъ, прелесть!

— А! гусарь-то нашъ! Молодецъ! Ну скажи, братъ, скажи! Послушаемъ, отличайся! И Петръ Герасимычъ вялъ меня за руку.

— «Науки юношей питаютъ!» Протрещалъ я съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Поэтъ ты братъ у меня! Молодецъ!

— Спасибо тебѣ Володя, и Машенька обняла и поцѣловала меня.

Какъ я не умеръ въ этотъ день отъ восторга!

На другой день я и не заглянулъ въ книгу. Я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Петя пристыженъ, Машенька меня поцѣловала... Счастье полное. Цѣлые дни я на дворѣ катаюсь съ горы на салазкахъ съ Машенькой, или летаю съ Барбоской впуски по пушечному двору. Отецъ и мать ни слова. Такъ прошла недѣля, другая и третья.

— Что братъ, Володя, вѣрно наскучило учиться, спросилъ однажды отецъ.

Мнѣ стало стыдно, и я снова съ жаромъ взялся за книжку. Учился прилежно; надоѣло снова, бросилъ и по прежнему за свѣжки и игры. Недѣли три книгу въ глаза цевидалъ. Отъ отца ни слова упрека. Наконецъ являюсь самъ къ нему.

— Хочу учиться папа.

— Нагулялся значить, сказалъ отецъ улыбаясь. Хорошо! давай учиться.

Такимъ образомъ шли мои занятія. По утрамъ я сидѣлъ съ матерью за книгой и письмомъ, а вечеромъ за чаемъ папа рассказывалъ какіе люди на свѣтѣ живутъ, какіе звѣри и птицы, какія моря большія да глубокія. Какое большое это маленькое солнце, что мнѣ казалось не болѣе таза изъ котораго я умывался, и который такъ блестѣлъ на солнышкѣ когда няня натретъ его пескомъ. И много-много о чемъ рассказывалъ папа и такъ рассказывалъ, что заслушаешься бывало.

Помню какое сильное впечатлѣніе произвелъ его рассказъ, что земля похожа на лимонъ. Тогда къ чаю лимонъ подали, онъ и началъ рассказывать.

— Какъ же папа! значить и надъ нами люди живутъ? спросилъ я.

Да, душенька, живутъ.

— Какъ же они держатся?

Отецъ объяснилъ насколько мнѣ могло быть понятно.

Но у меня быстро мелькнула и крѣпко засѣла мысль добратся до тѣхъ людей. Всю ночь я продумалъ, а на другой день въ

головѣ моей уже созрѣлъ планъ. Рано утромъ я обѣгалъ всѣхъ моихъ товарищей; собравъ ихъ на пушечный, я сильно-взволнованный объяснилъ имъ, что слышалъ отъ отца и предложилъ обратиться до тѣхъ людей, рыть яму въ углу пушечнаго, но никому ни слова. Книга снова заброшена и я цѣлые дни рою съ товарищами яму. Впрочемъ они скоро поохладѣли, я работалъ больше одинъ и въ мѣсяцъ вырылъ аршина на четыре. Отецъ узналъ какъ-то, улыбнулся и объяснилъ мнѣ всю нелѣпость задуманнаго плана.

Мнѣ стало грустно и стыдно. Когда я улегся въ свою кроватку, я горько заплакалъ.

А время шло... шло.

Проидеть много лѣтъ, — но одинъ день изъ моего дѣтства я никогда не забуду. Это было за недѣлю до моего вступленія въ N корпусъ, о чемъ отецъ много хлопоталъ. Вечерѣло. На дворѣ разыгралась вьюга, и порывистый вѣтеръ сильно билъ ставнями въ окна; но въ нашей уютной гостиной было тепло и весело. Я, мама, Машенька и Петя сидѣли за круглымъ чайнымъ столомъ. Самоваръ тонкимъ дискантомъ нащѣвалъ свою монотонно-грустную пѣсенку. Мать разливала чай. Отецъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ читалъ газету. Я съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ подносъ для чашекъ, на голубомъ фонѣ котораго затѣйливымъ вкусомъ художника были набросаны букеты такихъ яркихъ и странныхъ цвѣтовъ, какихъ мнѣ въ природѣ не случилось встрѣчать; Петя плакалъ, чтобъ ему налили чай въ стаканъ, а не въ чашку. Въ передней раздался звонокъ и въ комнату вошелъ Петръ Гераспычъ.

— Ну, Николай Александрычъ! сказалъ онъ печальнымъ голосомъ, обращаясь къ отцу, — вашего гусара (такъ онъ называлъ всегда меня) не принимаютъ въ корпусъ.

— Отъ кого вы слышали? вскричалъ отецъ встревоженно.

— Да у меня бумага есть. И подавая отцу распечатанный конвертъ, онъ началъ какъ-то забавно хмуриться и вдругъ расхохотался.

— Надулъ же я васъ! Надулъ... Какъ это вы Николай Александрычъ забыли, что сегодня первое апрѣля! Вѣдь первое апрѣля сегодня.

— Поздравляю, поздравляю, продолжалъ онъ дружески пожимая руку отца — онъ принять! Неутерпѣлъ. Вижу къ вамъ

казенный конвертикъ. Выпросилъ у Анатоля Марковича, да и вскрытъ-съ! да-съ.

Отецъ замѣтно обрадовался. Мать понуривъ голову тихо вышла изъ комнаты, и я замѣтилъ какъ на глазахъ у ней блеснули слезы. Петя соскочилъ со стула крича: и я буду кадетъ!

Но Машенька стала надъ нимъ подтрунивать и онъ расплакался. Я торопился въ дѣтскую объявить нянѣ, что я кадетъ, и старушка со слезами на глазахъ, слушая меня, крестилась дряхлою рукою.

Въ этотъ вечеръ мы поздно разошлись спать. Я улегся въ комнату смежной со спальней матери, но мнѣ не спалось. Дѣтское воображеніе было настроено къ мечтамъ.

Я кадетъ, я надѣваю мундиръ такой же какъ Саша (мой знакомый), а то право мнѣ стыдно въ глаза ему смотрѣть. Такой большой, а въ рубашкѣ и башмачкахъ хожу, а тамъ буду сапога носить. Саша сапога носить, и все кадеты сапога носить. И въ банѣ самъ буду мыться. Саша сказывалъ, что они сами моются. Онъ все смѣется, что меня няня моетъ, барышней дразнить. Развѣ я самъ, вѣдь это мамаша велитъ. Меня и называть-то будутъ не просто Володей, а Моховымъ, по фамиліи, ухъ какъ весело-то! Вотъ только незнаю какимъ офицеромъ сдѣлаться. Саша тоже не знаетъ про себя. Въ артилеріи весело, все изъ пушекъ палятъ. Саша, тотъ, въ кирасиры хочетъ. Мундиръ говорить у нихъ славный, на груди доска золотая. Только, говорить, росту надо большого быть, а папа сказываетъ, что я такъ карапузикомъ и останусь. А что если я вырасту. Ахъ еслибы вырости. Вотъ отецъ Афонасій сказывалъ, что онъ по семнадцатому году роста началъ. Какой онъ высокій, этотъ отецъ Афонасій, ужасъ. Что это онъ въ кирасиры не пошелъ. Развѣ попомъ лучше. А не вырасту — въ гусары пойду; у нихъ тоже славный мундиръ, такъ и блеститъ. Видѣлъ я какъ на ярмарку они прѣзжали. Славные такіе. Только надо научиться колечки изъ трубки пускать. А шпоры-то у нихъ какъ колокольчики бренчать, особенно когда съ барышнями разговариваютъ. И ходить-то весело когда шпоры. На лошади верхомъ буду ѣздить! На поди! А какъ мама-то обрадуется, когда я въ гусары выйду. Я никому не скажу. Ни одному человѣку въ мірѣ не скажу. Потихоньку подѣду къ крыльцу, да на пыпочкахъ и войду въ переднюю. А у насъ въ это время гости. Машенька сидитъ. Она

выросла красавица, въ розовомъ платьицѣ, которое ей шли къ нынѣшней пастѣ. Вдругъ отворяю дверь и говорю громко: честь имѣю рекомендоваться — Владиміръ Николаичъ Моховъ, и шпорами забренчу. Ухъ! какъ обрадуется папа съ мамой. А Машенька? узнаетъ ли она меня? И мое дѣтское сердце забилося сильнѣе и на щекахъ разыгрался румянецъ.

Вдругъ мнѣ послышались рыданія, тяжолыя, удушливыя, которыя нерѣдко и теперь полнимаются со два души и будять ея прошлое. Сердце сильно забилося, какъ-будто отозвалось на этотъ вопль. На цыпочкахъ я подкрался къ дверямъ и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Передъ образомъ божіей матери теплилась лампадка; на колѣнахъ передъ нею стояла мать, и я слышалъ съ какой безпредѣльной свѣтлой любовью повторяла она мое имя. Я готовъ былъ броситься къ ней на шею и зарыдать. Но она быстро встала и въ минуту я былъ уже въ постелѣ закутанный одѣяломъ. Дверь тихо скрипнула. Я притворился спящимъ и закрылъ глаза, боясь перевести дыханіе. Матушка тихо подошла къ постели, наклонилась, поцѣловала меня въ лобъ, перекрестила и также тихо вышла. Странное, необъяснимое чувство овладѣло мной. Мнѣ было и легко и трудно, и грустно и весело въ то же время. На глазахъ чувствовались слезы, но грудь дышала легко.

Все время до отъѣзда изъ роднаго дома прошло незамѣтно. Я былъ веселъ и счастливъ, будущее рисовалась въ розовомъ свѣтѣ, но когда настала кануны и начались сборы, странная лихорадочная тревога овладѣла мной. Сила привязанности къ родному очагу, къ дорогимъ друзьямъ дѣтства, громко заговорила во мнѣ. Я съ торопливой жадностью спѣшилъ насмотрѣться на все что было дорого моему сердцу, и какъ много было привязанностей. Каждый холмикъ, каждый кустикъ смотрѣли роднымъ братомъ. Какъ сумашедшій бросался я на шею матери, вѣрѣнно обнималъ и цѣловалъ ее, бѣжалъ на кухню къ нянѣ: старушка готовила мнѣ на дорогу злобныя булочки и крендельки. Повертѣвшись передъ нею, летѣлъ на пушечный дворъ къ моимъ старымъ друзьямъ чугуннымъ пушкамъ и вѣжно обнималъ ихъ; мнѣ казалось, что онѣ какъ будто сочувствуютъ моему грусти, понимаютъ меня. Такъ мрачно, насущившись смотрѣли оцѣ на своихъ неуклюжихъ, тяжолыхъ лафетахъ; ржавчина рѣзко бросалась въ глаза. Прежде я не замѣчалъ ее. Все какъ-то

невесело смотрѣло на меня. Даже Барбоска, всегда летѣвшій ко мнѣ навстрѣчу съ поднятымъ какъ султанъ хвостомъ, тихо подошелъ, понутивъ свою косматую голову. Я крѣпко обнялъ его.

— Прощай Барбосинька, проговорилъ я сквозь слезы, и глаза мои уставились съ любовью въ добрые слезистые глаза Барбоса.

— Пойдемъ купаться на рѣку, закричалъ мнѣ бѣжавшій навстрѣчу Вася. Пойдемъ, — мы бѣгомъ пустились къ Дону. Прощай Донъ! — закричалъ я со слезами въ голосъ, схватилъ камень, бросилъ неловко и сконфузился.

— Домой пора! сказалъ я, чувствуя, что слезы подступаютъ къ горлу, и побѣжалъ во дворъ. Мимоходомъ обхватилъ грушу, встряхнулъ ее... нѣсколько плодовъ уало на землю. Я машинально положилъ ихъ въ карманъ и бросился къ отцу въ кабинетъ.

— Завтра меня не будетъ! Кричали мнѣ стѣны, двери, окна. Кричалъ какой-то голосъ въ моемъ сердцѣ. Кричалъ воздухъ. Кричало все во мнѣ, и вокругъ меня, заставляя сердце болѣзненно ёкать.

Вечеромъ пришла Машенька. Безотчетная веселость снова овладѣла мной. Мы бѣгали, шалили, болтали безъ умолку. Я забылъ о моемъ горѣ. Наконецъ утомленные усѣлись мы на коврикъ въ дѣтской и замолчали. Такъ прошло минуты двѣ.

— Ты завтра ѣдешь, Володя! сказала Машенька и вздохнула.

Какъ ножомъ кольнуло меня въ сердце. Мнѣ вспомнились и завтрашній день, и разлука съ Машенькой, съ папой и мамой.

— Да! хотѣлъ я проговорить, силясь удержать слезы, которыя подступали къ горлу, — не превозмогъ себя и зарыдалъ.

— Печаль, Володя! стала меня успокаивать встревоженная Машенька и обвила своей ручкой мою шею. Но горе еще сильнѣй заговорило во мнѣ. Я зарыдалъ какъ безумный, долго рыдалъ, до того, что утомленный и измученный заснулъ, вздрагивая и плача во снѣ.

Настали проводы. Мной овладѣло лихорадочное безпокойство. Въ головѣ я чувствовалъ жаръ, слезы такъ и душили. Стали служить молебень; я смутно понималъ, что происходитъ во-

кругъ меня. Отецъ Мериновъ, рыжій дьяконъ съ паникадиломъ въ рукахъ, няня кладущая земные поклоны у порога : все это мелькало въ моихъ засланныхъ слезами глазахъ какими-то сѣрыми безжизненными пятнами. Монотонное чтеніе дьячка, тихія всхлипыванія матери, повремениамъ позвякивающей на дворѣ колокольчикъ, все это сливалось въ одинъ странный смутный голосъ, падающій прямо на душу.

Кончили и молебень. По русскому обычаю всѣ разсѣлись по стульямъ. Матушка, держа меня за руку, неспускала съ меня заплаканныхъ глазъ. Настала та тихая, сдержанная тишина, про которую говорить : тихій ангелъ пролетѣлъ.

Ну боже благослови, прозвучалъ дрожащій голосъ отца.

Всѣ встали, и стали молиться.

II

Сильно забилося мое сердце, какъ я съ дядькою Сидорычемъ сталъ подходить къ огромному двух-этажному дому. Непривѣтливо выглядывали его изжелта-грязныя стѣны, массивное неуклюжее крыльцо и черная доска съ крупною надписью желтыми, порыжѣлыми отъ времени литерами. Холодная дрожь пробѣжала по спинѣ, когда тяжелая дверь съ шумомъ захлопнулась за нами и мы очутились въ мрачномъ длинномъ коридорѣ. Холодомъ и сыростью обдало насъ. Вокругъ мертвая тишина, только огромныя стѣнные часы мѣрно выстукиваютъ секунды. И столько тоски въ этомъ однообразномъ монотонномъ ту-тукъ-ту-тукъ, что каждый звукъ стрѣлой бьетъ въ сердце. Миѣ стало жутко. Я пугливо понурилъ голову, подвинулся поближе къ Сидорычу и даже слегка схватился за полу его кафтана.

Вдвугъ на противоположномъ концѣ коридора, какъ изъ земли выросла высокая худощавая фигура и стала медленно приближаться къ намъ.

— Поклонитесь батинька Володинька. Должно быть набольшій, шепнулъ Сидорычъ.

Я неловко поклонился не поднимая глазъ.

— Барченка привезъ. Николая Александрыча сыночекъ, сказалъ Сидорычъ и отвѣсилъ поклонъ въ поясъ.

— Какъ васъ зовутъ? прозвенѣлъ въ моихъ ушахъ визгливый дискантъ, пронзительный какъ колокольчикъ.

— Володя, отвѣчалъ я, еще не смѣя поднять глазъ, а самъ подумалъ, какой у него смѣшной голосъ, точно у дядька Вавилыча, и худой такой же, и вдругъ въ моихъ глазахъ мелькнула городская площадь, облитая яркою, молодою зеленою, передъ домами насажены березки, въ окнахъ цвѣты. Солнышко такое ясное и все переливается, точно жмурится. Въ воздухѣ чудно пахнетъ. Сейчасъ видно, что троицынъ день. Отецъ Мериновъ идетъ по площади, въ новомъ облаченіи, кресты такъ и горятъ на солнцѣ. За нимъ пѣвчіе и дядекъ Вавила съ паникадиломъ, а по бокамъ Вавилы, скачутъ на одной ножкѣ мальчишки съ зелеными вѣтками березы въ рукахъ и показываютъ Вавилѣ языкъ... Вавило сердится, грозитъ паникадиломъ.

Вдругъ визгливый голосъ ударилъ меня въ самое ухо. Я вздрогнулъ и опомнился.

— У насъ по именамъ не зовутъ, — какъ ваша фамилія?

— Владимір Николаичъ Моховъ, барина Николая Александрыча сыночекъ, проговорилъ низко кланяясь Сидорычъ.

— Моховъ! Хм! — Ступайте за мной.

Я бросилъ умоляющій взглядъ на Сидорыча, вызывая его не покидать меня, и не трогаясь съ мѣста.

— Идите же! а ты ступай, звонко крикнулъ худощавый и зашагалъ по коридору. Я едва успѣвалъ за нимъ, а сердце такъ и стучить

На концѣ коридора онъ отворилъ дверь направо, и мы очутились въ большой свѣтлой комнатѣ. Я повеселѣлъ въ мгновенье. Сквозь огромныя окна солнце обливало яркимъ свѣтомъ комнату и всѣ предметы, которые въ солнечныхъ лучахъ высматривали отчетливо, весело. Игрушекъ—то сколько! чуть не вскричалъ я, взглянувъ на огромные шкафы краснаго дерева, за бѣлыми стеклами которыхъ красовались на полкахъ чистенькія модели, свѣтлыя какъ зеркальное стеклышко, физическіе и химическіе аппараты. Ни одного пятнышка, ни одной вылики. Въ другихъ шкапахъ стройно, рядкомъ стояли книги въ безукоризненно свѣжихъ переплетахъ. Ишь какъ хорошо у нихъ! подумалъ я. Книжечки—то какъ солдаты выровнены. И мысль мгновенно перенеслась на пушечный дворъ, и стоять на томъ дворѣ солда-

тики и въ ухахъ звучитъ голосъ: маршь! и маршируютъ солдатики, барабанъ, трахъ-тарарахъ-тахъ.

— Иди же ко мнѣ, чего заглядѣлся, разбудилъ меня хриплый неприятный голосъ. Я вытаращилъ глаза и тутъ только замѣтилъ по срединѣ комнаты огромный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, а за столомъ въ креслахъ сѣденькій старичокъ.

Я трусливо подошелъ къ нему не подымая глазъ. Впрочемъ рискнулъ искоса взглянуть на столъ: хорошенькая чернилица съ песочницей, ножичекъ, перья и все это разложено въ такомъ порядкѣ, что весело смотрѣть.

— Ишь какъ хорошо все у нихъ, опять подумалъ я.

Старичокъ завертѣлся на креслѣ.

— Читать умѣешь? спросилъ онъ сердито.

— Умѣю.

— Азъ-буки да и сѣлъ. Много васъ тутъ болвановъ присылаютъ, аза въ глаза не знаете, послѣ и возись. А который годъ тебѣ?

Я вспыхнулъ.

— Господи, господи! произнесъ я мысленно съ отчаяніемъ, что я скажу ему, вѣдь я незнаю который мнѣ годъ.

— Ну чтожъ молчишь. Старичка начало подергивать.

— Я незнаю! Едва выговорилъ я, и почувствовалъ какъ кровь бросилась въ голову.

— Экой осель! и старичекъ подпрыгнулъ на стулѣ.

Слезы навернулись у меня на глазахъ, во рту стало горько.

— Мало сѣкли тебя дома. Ну, говори же! мало сѣкли? А? мало? и онъ поднялся съ кресла.

— Меня никогда не сѣкли, проговорилъ я дрожащимъ голосомъ, чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ.

— О! да ты и разговаривать умѣешь. Ну такъ мы тебя будемъ сѣчь. Смотри у меня! Смотри! Отведите его въ пригготовительный.

Ишь какой сердитый. И за что онъ ругается, горько раздумывалъ я поспѣвая за худощавымъ. Мы очутились у стеклянныхъ дверей, надъ которыми на огромной доскѣ, красовалась курсивомъ надпись: «Пригготовительный.»

Съ трепетнымъ біеніемъ сердца, переступилъ я порогъ класса, на половину заставленного скамейками, за которыми торчали бѣлыя, черныя, рыжія головы учениковъ. При входѣ моещъ

всѣ они, какъ бы по магическому знаку перевернулись въ мою сторону и стали разсматривать съ любопытствомъ. Робко усѣлся на скамейку и неподвижно уставилъ глаза на кафедру съ учителемъ, несмѣя не только пошевелиться, но и свободно вздохнуть грудью, которую душили слезы. Я чувствовалъ какъ они подступали къ горлу и готовы были разразиться горькими рыданіями, но я крѣпился. Въ головѣ чувствовалъ жаръ, въ рукахъ и ногахъ дрожь, и какую-то не то неловкость, не то робость во всемъ существѣ. Не прошло и десяти минутъ какъ раздался визгливый колокольчикъ. Я вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и совершенно одурѣлъ. Свистъ, крикъ, гамъ наполнили всю комнату. Я пугливо поднялъ глаза и увидѣлъ себя окруженнымъ цѣлой толпой одноклассниковъ. Минута — и сильный щелчокъ въ голову заставилъ меня вскрикнуть отъ боли. Совершенно растерянный, обезкураженный я заревѣлъ.

— Плакса! Плакса! Раздалось со всѣхъ сторонъ и частые толчки посыпались на меня.

— Что братъ, вкусно? кричалъ какой-то карапузикъ, прыгая передо мной съ высунутымъ языкомъ, кривляясь и дразня.

— Постой, братъ, мы еще не поздравили тебя. Давай я поздравлю, провозгласилъ рыженькій мальчикъ, засучивъ рукава и подходя ко мнѣ.

— Поздравь, поздравь! Раздались со всѣхъ сторонъ.

У меня сердце замерло отъ страху; колѣни дрожали.

Разъ-два-три, торжественно произнесъ рыженькій, и неожиданно вплепилъ большимъ пальцемъ натяжной щелчокъ въ лобъ.

— Я заревѣлъ какъ рѣзанный.

— Реви, братъ! жалуйся! не боимся. Сегодня Карпъ Карпычъ дежурнымъ. Онъ не любитъ плаксъ, да вотъ онъ идетъ!

Дѣйствительно въ комнату вошелъ Карпъ Карпычъ, плотный мужчина, съ безцвѣтно добродушной физиономіей.

— Что, братишки, новичка уму-разуму учите, хе-хе-хе! а? И онъ залился добродушно глупѣйшимъ хохотомъ.

— Учимвъ! бойко отвѣчалъ одинъ голосъ, и отвѣтъ сопровождался общимъ, нѣсколько сдержаннымъ смѣхомъ.

— Молодцы! Хе-хе-хе... А ты ужъ и разревѣлся, обратился онъ ко мнѣ. Какой же ты кадегъ послѣ того. Это, братище, мужиченки на улицѣ плачутъ, когда имъ тетка калача не даетъ, хе-хе-хе, али козны всѣ оберуть. Эхъ ты, баба плаксивая!..

И тихо посмѣиваясь онъ вышелъ изъ класса.

— Баба, баба! закричали мальчишки, прыгая вокругъ меня и высовывая языкъ.

— Господа! Коркицъ идетъ! закричалъ карапузикъ, вбѣгая въ классъ, и отъ усталости едва переводя дыханіе.

Всѣ отхлынули отъ меня. Въ классъ вошелъ рослый коренастый воспитаникъ, съ сильно развитой грудью, широкоплечій, здоровый. Онъ брелъ нога за ногу, переваливаясь изъ стороны въ сторону и поминутно взбивая рукой густые черные волосы.

— Кто ревѣлъ?.. спросилъ онъ такимъ голосомъ, что я оторопѣлъ.

— Новенькій! запищалъ карапузикъ и указалъ на меня пальцемъ.

Коркицъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за кисть руки и произнесъ отрывисто: «лупку задали?»

Я заплакалъ.

— Есть у тебя гостинцы?

— Есть, проговорилъ я всхлипывая.

— Давай, заступлюсь.

Рыдая полѣзъ я въ карманъ, вытащилъ горсть конфетъ и подаль Коркину.

— Кто его билъ? а? рявкнулъ Коркицъ обращаясь къ классу.

— Батурицъ билъ! подсказалъ карапузикъ, подбѣгая къ Коркину.

— За наущничество вотъ тебѣ! и Коркицъ отвѣсилъ карапузику тумакъ.

— Выходи, Батурицъ!

Батурицъ, рыженькій мальчикъ, жался за послѣдней скамейкой къ стѣнѣ.

— Ейбогу, Коркицъ, я пальцемъ не трогалъ.

— Выходи! Хуже будетъ коли самъ подойду.

Состроивъ плаксивую физиономію и ёжась Батурицъ медленно подошелъ. Коркицъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ взялъ его за руку и какъ-то ловко повернувъ его, заставилъ Батурина противъ воли подставить свою спину. Три полновѣсныхъ удара раздался по классу, — у Батурина навернулись слезы, но онъ перенесъ казнь стойчески; даже не крикнулъ.

— Это на первый разъ кротко обхожусь съ тобой! Смотри у меня, обратился онъ къ классу; только пальцемъ троньте его,

— руки и ноги повыволомаю. И Коркинъ съ полнымъ сознаниемъ своей силы вышелъ ровными шагами изъ класса.

Я былъ какъ въ чаду, смутно понимая что творится вокругъ меня. Въ головѣ ни одной мысли, — на сердцѣ безотчетная тоска, — въ ушахъ шумъ и звонъ. Какъ прикованный къ скамьѣ сидѣлъ я, нешевелясь и безцѣльно смотрѣлъ на уголь печи. Смотрѣлъ часъ, другой, третій... все смотрѣлъ, и ничего не видѣлъ. Прозвонилъ колокольчикъ къ обѣду. Кто-то толкнулъ меня и указалъ мѣсто; машинально поднялся я со скамьи, машинально усѣлся за столъ, машинально ѣлъ все что мнѣ подавали, нечувствуя ни вкуса, ни запаха. Кончился обѣдъ, пошли по классамъ, и я пошелъ. Поднялся шумъ, говоръ, смѣхъ... а я опять на своей скамьѣ, уставился глазами въ уголь печи — и въ головѣ все такъ же пусто, безотчетно пусто; а на сердце точно камень. Пришелъ учитель; началъ что-то рассказывать. Говорилъ долго, очень долго, я ни слова не понялъ. Долетали до уха какіе-то звуки, лишонные всякого человѣческаго смысла. Кончилъ рассказъ, спросилъ что-то меня, незнаю что я отвѣчалъ, но всё засмѣялись; учитель тоже засмѣялся. Надъ чѣмъ они смѣются? мелькнула у меня мысль, но на половинѣ вопроса она вдругъ улетучилась, разлетѣлась какъ дымъ. А въ головѣ все тотъ же звонъ и шумъ. Кончился классъ; всё бросились въ коридоръ. Я тоже всталъ, подошелъ къ печкѣ и сталъ отколупывать штукатурку. Зачѣмъ я это дѣлалъ, самъ незнаю. Стою, колупаю, а голова, руки, ноги какъ не мои. Одна только мысль смутно бродить въ омраченной головѣ — «ишь какъ штукатурка отстаетъ.»

— Моховъ! раздался сзади меня голосъ. Я вздрогнулъ и опомнился. Передо мной стоялъ высокій воспитаникъ, бѣлокурый со свѣтлоглубыми глазами.

— Къ вамъ пришли! Ступайте въ буфетную.

— Гдѣ? гдѣ?.. Проговорилъ я въ сильномъ волненіи.

Онъ ласково посмотрѣлъ на меня и взялъ за руку.

— Пойдемте, я провожу... да что вы дрожите такъ... говорилъ онъ ведя меня по коридору.

— Кто къ Мохову? спросилъ онъ, когда мы вошли въ большую комнату, биткомъ набитую кадетами. Кто пилъ чай, кто ѣлъ булку... Шумъ, говоръ страшный.

— Владиміръ Николаичъ, батюшка! раздался знакомый мнѣ голосъ Сидорыча.

Черезъ минуту я уже висѣлъ у него на шеѣ и плакалъ. Тутъ-то полилась моя горькая жалоба на новую жизнь. Какъ ребенокъ рыдалъ я умоляя Сидорыча взять меня изъ противнаго корпуса. Крѣпко обнималъ я его шею, и цѣловалъ сѣдые зеленоватые усы. Странная вещь: до этого часа я нечувствовалъ къ Сидорычу особой привязанности, но въ эту минуту онъ сталъ дорогъ мнѣ; на него перелились всѣ мои горячія симпатіи, оставленные въ родимомъ городѣ. Въ лицѣ его, я обнималъ все близкое моему сердцу, которое вдругъ ярко озарилось въ моей душѣ, при взглядѣ на Сидорыча, и еще сильнѣй заставило оцѣнить всю великую важность утраты. Не мало нужно было Сидорычу истратить времени и умныхъ, добродушныхъ рѣчей, чтобъ успокоить мое волненіе. Я дѣйствительно стихъ, повеселѣлъ; даже не безъ удовольствія сталъ запрятывать въ карманъ сладкіе пирожки и пряники, которые еще за часъ казались мнѣ противными. Сидорычъ далъ слово побывать завтра въ этотъ же часъ, и мы дружески весело расстались.

Неуспѣла еще затвориться за нимъ дверь, какъ передо мной какъ изъ земли выросъ Коркинъ.

— Что тебѣ принесли? покажи! Съ этимъ вопросомъ онъ безцеремонно полѣзъ въ мой карманъ, вытащилъ оттуда лакомства, отдѣлилъ себѣ порядочную часть, остальные снова положилъ въ мой карманъ и прибавилъ въ видѣ нравоученія: «Смотри, братъ, клянчить стануть, не давай! себѣ побереги!» Такая безцеремонность не удивила и неогорчила меня. Свиданіе съ Сидорычемъ такъ умиротворило мою встревоженную душу, я чувствовалъ такой приливъ нѣжности въ сердцѣ, что поступокъ Коркина мнѣ показался не лишоннымъ даже своего рода прелести... Въ его безцеремонности мнѣ показалось даже что-то дружески-родственное. Ишь какъ онъ распоряжается. Славный какой! подумалъ я. Что мнѣ тутъ показалось славнаго, право не понимаю. Бодро шолъ я въ классъ въ подпрыжку и встрѣтился съ блондиномъ. Онъ стоялъ заложивъ руки за спину и прислонясь плечомъ къ двери. Какое-то сладкое ощущеніе почувствовалъ я въ моей груди, когда мои глаза встрѣтились съ добрымъ симпатичнымъ взглядомъ его темноглубыхъ глазъ. Какая-то сила толкала меня къ нему. Мнѣ хотѣлось бы прила-

скался, сказать ему какъ онъ мнѣ нравится... хотя и самъ незнаю за что. Я подошолъ къ нему и протянулъ горсть конфетъ.

— Хотите конфетокъ?

Блондинъ улыбнулся какъ-то особенно хорошо.

— Нѣтъ, душенька; кушайте сами. Я не ѣмъ конфетъ.

Мнѣ стало грустно.

— Возьмите! сказалъ я просящимъ голосомъ, — у меня вѣдь еще есть, и я ударилъ по карману.

Онъ взялъ одну конфетку, хотѣлъ что-то сказать, уже и ротъ открылъ, но вдругъ отвернулся и быстро зашагалъ отъ меня.

Я отправился въ классъ, усѣлся на скамейку и развернулъ книгу. «Поучу—ка немножко, задумалъ я; но воображеніе, настроенное недавнимъ свиданіемъ съ Сидорычемъ, оторвало меня отъ книги и унесло далеко, къ покинутому родному дому. Передъ глазами беспорядочно, безсвязно замелькали знакомыя лица, тысячу вопросовъ закопошились въ головѣ. Что теперь наши дѣлаютъ? Папа съ мамой чай теперь пьютъ, а няня вѣрно на кухнѣ сказку рассказываетъ. Какую она сказку рассказываетъ? вѣрно о «Жарь-птицѣ»; это самая хорошая сказка... Вотъ еще о «мертвой царевнѣ» — тоже хорошо. Можетъ у насъ Машенька въ гостяхъ? нѣтъ, я думаю она дома... вѣрно у нихъ Петя и она съ нимъ играетъ. Радъ я думаю онъ, что меня нѣтъ. Злость кольнула меня въ сердце. Скоро изъ пушекъ стануть стрѣлять. Ахъ, какъ весело—то тамъ будетъ. Замечтавшись я не замѣтилъ какъ миновалъ вечеръ, и насъ повели наверхъ въ дортуары... Всѣ разбились на группы; пошли толки, рассказы, споры. Я потихоньку пробрался на свою койку, усѣлся на нее, свѣсилъ ноги, и побалтывая ими, снова замечталъ... Улеглись спать. Закутался я въ одѣяло, закрылъ глаза, а милые, дорогіе образы какъ живые передо мной: неотвязно смотрятъ мнѣ въ глаза, немолчно ведутъ со мной тихую бесѣду; слышитъ ухо и тихій старушечій шопотъ няни, и легкій всплескъ волнъ свяго Дона, и пушечный выстрѣлъ, а передъ глазами мелькаетъ: то страшная печь дѣдовскаго дома, то пушечный дворъ съ его чугунными тяжелыми орудіями и соблазнительными гнѣздами галчатъ, то большой зеленый лугъ съ ярко-пестрѣющими цвѣтами и кустами черемухи и мелькаетъ между кустами розовое платьице Машеньки.

Непомню какъ, убаюканный свѣтлыми грезами, заснулъ я; но не на долго... Страшный ревъ зазвучалъ надъ моей головой. Я вскочилъ какъ сумашедшій; мнѣ казалось, что стѣны падаютъ. Пронзительные, страшные звуки не затихали. Встрепожанный, испуганный я задрожалъ какъ въ лихорадкѣ и заплакалъ.

Раздался хохотъ.

— Ишь какъ тебя, братъ, шарахнуло... Хе-хе-хе... Ну, братъ, Капустенко, сыграйка полечку, — развесели молодца.

Я увидѣлъ на срединѣ комнаты Карпъ Карпыча. Онъ стоялъ подбоченясь и заливался самымъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ. Передъ нимъ трубачъ Капустенко издавалъ неистовые звуки на сигнальной трубѣ. Въ окна смотрѣла темная ночь, и только на востокѣ блѣблалась блѣдная полоса. Лампы горѣли блѣднымъ неприятнымъ свѣтомъ, то вспыхивая, то потухая, какъ будто бы имъ тоже недали выспаться и разбудили. У дверей дотлѣвалъ въ почникѣ фитиль догорѣвшей свѣчи, и легкій чадъ наполнялъ комнату. У печи истопникъ сваливалъ съ плечъ вязанку дровъ, и они съ шумомъ катились по полу. Всѣ сидѣли на койкахъ какъ полоумные, громко позевывая и протирая глаза. Мнѣ стало невыносимо тяжело и грустно.

— Ну, братишки! Нечего нѣжиться, подымайся, а то холодной водой окачу.

И Карпъ Карпычъ залился смѣхомъ; на какой-то койкѣ кто-то вторилъ ему, но такъ неловко, искусственно, сонно, что скверно было слушать. Всѣ стали подниматься... Я чуть не плакалъ отъ тоски и досады, что невыспался. Сонный, одурѣлый сошелъ я внизъ, сонный просидѣлъ весь день до прихода Сидорыча.

Такъ, или почти такъ потянулись для меня безконечно долги, томительные дни. Тоска по роднымъ сосала мое сердце. Я до того ушелъ въ свое горе, до того зажилъ имъ, что все вокругъ меня ступедалось въ одно сѣрое безжизненное пятно, на которое я смотрѣлъ мутными, заплаканными глазами. Уроки, товарищи, наставники безразлично мелькали передъ моими глазами, неоставляя и тѣни впечатлѣнйя. Надъ книгой я иногда просиживалъ по цѣлымъ часамъ неотрывая глазъ отъ строкъ; но мысли неслись далеко, и буква оставалась мертвой буквой. Въ рассказѣ учителя мнѣ слышались только рѣзкіе звуки, неприятно дѣйствующіе на нервы; но звуки оставались звуками, лишон-

ными всякаго человѣческаго смысла. Кромѣ немногихъ вечернихъ минутъ, когда воображеніе уносило меня къ милому прошлому, я остальное время жилъ жизнью автомата. Прикажутъ встать — встану; сѣсть — сяду; взять книгу — возьму; но въ головѣ ни капли сознанія что я дѣлаю. Какъ-будто я самъ и все окружающее меня принадлежало другому міру, очень далекому, гдѣ-то за тридевять земель, а не передъ моимъ носомъ.

Такое болѣзненное состояніе мальчика естественно немогло остаться незамѣченнымъ. И его замѣтили; но какъ? Надо было сказать, что воспитатели почти всѣ принадлежали къ непосредственнымъ, цѣлѣвымъ натурамъ, какъ прозвала ихъ литература. Къ каждому жизненному явленію они относятся прямо и смѣло, безъ особой подготовки, безъ предварительнаго анализа. Для такихъ людей дорогъ фактъ, дорогъ субъектъ въ моментъ его разсматриванія, а что подготовило фактъ, что лежитъ въ основаніи явленія — имъ и дѣла нѣтъ, это посторонній вопросъ, это философія, это пожалуй еще что-нибудь хуже. Я цѣлые дни сидѣлъ хныча на своей скамьѣ, ни слова не отвѣчая на милыя замѣчанія вродѣ: «болванъ, чего хнычешь? учишь плакса!» И воспитатели не долго думая рѣшили, что я лѣнтяй и идиотъ. Все это естественно уяснилось мнѣ послѣ. Тогда я смутно понималъ ихъ казенную брань и угрозы. Я чувствовалъ одно: что я заброшенъ, я чужой всѣмъ, и мнѣ всѣ чужіе... Ни слова утѣшенія, ни одного ласковаго взгляда. На меня смотрѣли какъ на казенную вещь, смотрѣли казенными сердцами, какъ-будто я и вправду чужой имъ. Какъ-будто ни у кого изъ нихъ не было дѣтства. Память ли ихъ, сердечная ли пѣва загрубѣла... Богъ имъ судья! Одинъ человѣкъ пыталъ-было утѣшить меня: то былъ блондинъ. Но голосъ его при этомъ такъ грустно дрожалъ, и большіе голубые глаза послѣднее время смотрѣли такъ печально, что мнѣ становилось еще тяжелѣй. Незнаю, что случилось бы со мной, еслибы не одно обстоятельство, которое разбудило меня изъ самозаключеннаго гореванія, заставило сознательно оглянуться на себя и другихъ, и сначала хоть не смѣло приподнять доселѣ повуренную голову. Случилось это такъ:

Въ одинъ изъ утреннихъ класовъ, когда я по обыкновенію безсмысленно глядѣлъ на учителя, смутно понимая о чемъ идетъ рѣчь, по классу пробѣжалъ легкій, веселый шопотъ: «Патрикѣвъ выздоровѣлъ», и всѣ головы быстро повернулись къ дверямъ.

За стеклянной дверью стоялъ какой-то господинъ. Разсмотрѣть было трудно. Онъ постоялъ съ минуту и отошолъ. Я оглянулся на клась и мнѣ невольно бросилось въ глаза, что у всѣхъ лица сіяли такимъ полнымъ удовольствіемъ, какимъ только могутъ сіять дѣтскія лица, у которыхъ зеркало души еще не позакоптилось, чисто, свѣтло и вѣрно отражаетъ всё ея впечатлѣнія. Класъ кончился по обыкновенію шумно. Вдругъ входитъ бѣлокурый и говоритъ: «господа, Александръ Васильичъ просить потише, онъ не совсѣмъ здоровъ». Всѣ стихли, и шумъ не возобновлялся даже по уходѣ бѣлокураго. Это меня удивило. Каждый день я слышалъ по сту напоминаній не шумѣть, и всѣ они имѣли дѣйствіе на двѣ-три минуты. Теперь же всѣ тихо разбрелись въ кружки и скромно разговаривали. Только одинъ рыженькій карапузикъ видимо не могъ одолѣть своей козлиной рѣзвости, запрыгалъ на одной ногѣ, и вдругъ прокатясь колесомъ, громко прокричалъ «кукарику»! Всегда эта штука возбуждала всеобщее удовольствіе и смѣхъ, — на этотъ разъ случилось не такъ. Къ нему подошло нѣсколько человѣкъ.

— Безстыжая твоя рожа, сказалъ одинъ изъ нихъ. Ты не слышалъ, что Александръ Васильичъ болѣнъ... безсовѣстный ты человѣкъ...

— Ейбогу не зналъ... я не буду... проговорилъ совершенно сконфуженный карапузикъ и стихъ.

Все это удивило меня, удивило и то, когда прозвенѣлъ колокольчикъ. Всѣ разбрелись по мѣстамъ тихо, безъ крику, шума и прыганья черезъ скамейки. Въ это время въ дверяхъ показался высокаго роста черноволосый мужчина. Онъ былъ очень блѣденъ. Въ выраженіяхъ лица, движеніяхъ, походкѣ, проглядывало сильное утомленіе до болѣзненности; только большіе каріе глаза смотрѣли свѣтло и спокойно. Взглядъ ихъ былъ тихъ, глубокъ, съ легкимъ оттѣнкомъ нето грусти, нето болѣзненной истомы. Какъ теперъ я вижу передъ собой эти чудные глаза.

— Здравствуйте господа, сказалъ онъ тихо, входя въ клась. И такъ сказалъ, такимъ добрымъ, мягкимъ голосомъ, что у меня какъ-будто просвѣтлѣло на сердцѣ.

— Здравствуйте, Александръ Васильичъ, прозвучало въ отвѣтъ. Какъ ваше здоровье, — спросили нѣкоторые. — какъ мы соскучились безъ васъ. Много искренности звучало въ этихъ словахъ. Совсѣмъ не такъ, какъ съ другими здороваются, подумалъ

я. Такъ—то лучше, а то такъ и оборвутъ: здравія желаемъ, — точно барабанъ, по которому насъ объѣдаютъ водятъ.

Рядомъ съ Патрикѣевымъ шолъ блондинъ, онъ былъ веселъ и все улыбался.

— Вотъ новички, Александръ Васильичъ, сказалъ онъ указывая на наши скамьи.

Патрикѣевъ поочередно сталъ подходить къ каждому, долго и внимательно спрашивалъ о родныхъ, чему кто учился и т. п., не сводя съ новичка своего тихаго, глубокаго взгляда. Лошла очередь до меня. Я почувствовалъ робость и невольно опустилъ глаза подъ его испытующимъ, долгимъ взглядомъ.

— Вы все скучаете, Моховъ, и неучитесь. — И легкая тѣнь пробѣжала по его лицу.

Онъ замолчалъ на минуту, я тоже молчалъ. Пойдемте со мной, мнѣ надобно съ вами поговорить. Я струсилъ и не трогался съ мѣста. — Пойдемте мой другъ, и онъ взялъ меня за руку. Мы прошли въ коридоръ и вошли въ небольшую комнату. Патрикѣевъ притворилъ дверь и опустился на диванъ. Я стоялъ передъ нимъ какъ на угольяхъ, опустивъ голову и переминаясь съ ноги на ногу.

— Послушайте Моховъ! Вы совсѣмъ не учитесь. Я видѣлъ ваши отмѣтки. Говорятъ, вы все плачете... о чемъ вы плачете, а? Есть у васъ папенька и маменька?

— Есть! глухо отвѣчалъ я.

— Такъ о чемъ же вы плачете? Вѣдь вы ихъ не любите! папеньку и маменьку... Вы вѣрно объ игрушкахъ плачете?.. За что вы не любите маменьки? Вѣрно она ведобрая, часто наказывала васъ, а? За это вы ее не любите?

Я невольно поднялъ голову и вытаращилъ на него удивленные глаза.

— Я люблю ихъ, проговорилъ я смущеннымъ голосомъ.

— А я думалъ, что вы не любите ихъ. Да нѣтъ, вы нарочно говорите, что любите. Вы не любите; нѣтъ не любите, проговорилъ онъ такимъ грустнымъ, кроткимъ голосомъ, что сердце у меня замерло. Еслибъ вы любили, вы не захотѣли бы огорчать ее. Вамъ вѣдь не жалко маменьки, когда она плачетъ. Вамъ все равно. Ну, скажите, жалко вамъ ее?

— Я люблю, едва выговорилъ я, и слезы градомъ хлынули изъ глазъ.

— Ну простите, сказалъ Патрикѣвъ: — теперь я вижу, что вы ее любите!.. Вы такъ говорите, что я не смѣю вамъ невѣрить. Но зачѣмъ же вы огорчаете ее. Любите, а огорчаете; странный вы мальчикъ. Вы совсѣмъ не учитесь! Если ваша мамаша узнаетъ объ этомъ, она будетъ печалиться, плакать станетъ. А развѣ вамъ не тяжело огорчать ее. Я по себѣ знаю. Я люблю свою мать и дѣлаю все, чтобъ веселить, радовать ее, а не огорчать. А вы-то что дѣлаете!.. Совсѣмъ не хотите учиться. Вы хотите учиться?

— Я хочу; но я не могу, не умѣю.

— Это, мой другъ, оттого вамъ такъ кажется, что вы все тоскуете да плачете. Тосковать грѣшно... Вы молитесь Богу?

При этомъ вопросѣ я совершенно смѣшался и покраснѣлъ.

— Вы покраснѣли! Видите, вы такъ печалитесь, что и Богу забыли молиться, а вѣрно дома молились каждое утро и каждый вечеръ. Оттого-то вы такъ и грустите. А вы молитесь каждый вечеръ, усердно молитесь, — и на душѣ станетъ легче, и уроки будутъ легко учиться. Вы думаете, учиться трудно. Ахъ, какъ легко-то; особенно умному мальчику. А вы умный мальчикъ, я по глазамъ вижу. Станете учиться, — каждый день будете узнавать что-нибудь новое, вѣдь это чудо какъ весело. Ну скажите! не хорошо ли знать все, что дѣлается на свѣтѣ?

И рѣчь Патрикѣва полилась потокомъ. Онъ говорилъ съ такой искренностью, ясностью и простотой, съ такимъ задушевнымъ тепломъ о томъ, какъ легко учиться, какъ хорошо и пріятно знать много, много, знать все, что творится на божьемъ свѣтѣ, что чудо какъ весело было его слушать. Въ словахъ его жила какая-то обаятельная сила, она какъ-будто поднимала меня. Я чувствовалъ, что со мной совершается нравственный переворотъ, я расту, выпрямляюсь и дѣлаюсь другимъ. А между тѣмъ слезы сами лились изъ глазъ, я не могъ ихъ остановить и чувствовалъ, что на душѣ становится легче, а въ головѣ свѣжѣе. Это не была схоластическая проповѣдь холоднаго педагога, какихъ немало выпало на мою долю выслушать впоследствии. Это не было и отеческое увѣщаніе по обязанности, гдѣ сквозь навязальтированное поддѣльное чувство звучитъ фраза. И то, и другое слабо дѣйствуетъ на мальчика. Первое отталкиваетъ, а второе вселяетъ недоувѣріе. Говорить съ дѣтми трудно, уже потому, что дѣти умнѣе взрослыхъ умниковъ. Чтобъ подѣйстви-

вать на мальчика, надо взять его сердце, а этого съ однимъ разумомъ, даже очень большимъ не успѣешь. Только высокой, честной, теплою душѣ дается это право. Отъ Патрикѣева я вышелъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ; хотя слезы застилали еще глаза, но всѣ предметы яснѣе смотрѣли на меня, какъ будто съ нихъ спала туманная полоса. И грязная стѣна класа съ червивыми пятнами у печи, и гладкіе лакированные столы, испорченные ножичками шалуновъ, и огромныя оконныя рамы, на половину выкрашенныя зелено-голубой краской, и черная доска, и много другихъ предметовъ, цѣлый мѣсяцъ глядѣвшихъ на меня съ казенно-зловѣщимъ равнодушіемъ, какъ-будто окрасились въ другой цвѣтъ, освѣтились другимъ свѣтомъ. Лица учениковъ, до того безразлично мелькавшія передо мной, такъ что и различалъ я ихъ только по цвѣту волосъ, — осмыслились. Я почти никого не зналъ по фамиліи, да они рѣдко и употреблялись. Я слышалъ не разъ возгласы: іуда, бульдожка, сычъ, фараонова мышь; но большой своимъ горемъ, ни разу не обратилъ вниманія кто тутъ іуда, кто бульдожка и фараонова мышь. Теперь же, когда я окинулъ класъ, всѣ эти прозвища, слышанныя когда-то въ просонкахъ, предстали передо мной въ плоти и крови. Вотъ это вѣрно іуда, подумалъ я, взглянувъ на мальчика съ несообразно длиннымъ лицомъ, тонкими, сухими, непріятно улыбающимися губами и карими какъ-то странно-смѣющимися глазками, которые и секунды не оставались спокойны на одномъ предметѣ. А вотъ и бульдожка, — и я невольно улыбнулся, взглянувъ на толстую мордочку, очень некрасивую и удивительно-напоминающую собаку. Онъ училъ урокъ въ слухъ, и при этомъ губы его принимали такое выраженіе, какъ-будто онъ грызся. А вотъ и фараонова мышь съ волчкомъ сидитъ. Словомъ я узналъ всѣхъ; такъ мѣтки были клейма.

Въ послѣдніе часы я совершенно успокоился. У меня явилась даже маленькая общительность. Мнѣ ужасно хотѣлось заговорить съ своимъ сосѣдомъ, волчкомъ. Нѣсколько разъ порывался я, уже и ротъ раскрывалъ, но не зналъ о чемъ бы заговорить, робѣлъ и не рѣшался. Прозвонилъ колокольчикъ, всѣ съ шумомъ высыпали на средину класа.

— Ну, господа, сегодня вѣрно поиграемъ въ волюшку, прокричала мышь.

— Надо спросить Александра Васильича, отозвался кто-то.

— Чего спрашивать, онъ любить это, самъ заставляетъ.

— Не дѣло, господа, надо спросить, провозгласилъ волчокъ. — Слышали, Амосовъ сказалъ, что у него голова болить.

— Спросить, такъ спросить, ступай ты старшій.

Старшій ушолъ и черезъ минуту вбѣжалъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Позволилъ!

Поднялась страшная возня. Играли въ какую-то странную игру, и чехарду и жгутъ вмѣстѣ. Мнѣ очень хотѣлось принять участіе, я уже и подошолъ было, но вдругъ оробѣлъ и отправился на заднюю скамейку.

Въ комнату вошолъ Патрикѣвъ и остановился, прислонясь у двери. Онъ тихо разговаривалъ съ блондиномъ и по временамъ улыбался.

— Чтожъ я Мохова не вижу, гдѣ онъ?

— Онъ не хочетъ, Александръ Васильичъ. Вонъ онъ на заднюю скамейку забился.

— Моховъ, что вы не играете? вѣдь скучно одному сидѣть. Господа примите къ себѣ Мохова, да поберегите его.

— Иди, Моховъ! иди! небойся! раздалось весело нѣсколько голосовъ.

Я робко подошолъ къ нимъ, робко началъ прыгать, конфузись и краснѣя; но скоро разыгрался и сталъ выкидывать такіа штуки, что самъ себѣ удивлялся.

— Ай-да Моховъ, молодецъ! сказалъ ласково Патрикѣвъ. — Вотъ такъ-то лучше, чѣмъ одному сидѣть.

Похвала его пріятно польстила моему самолюбію и я еще болѣе развернулся. Даже фараонова мышъ не могла убѣжать отъ меня, я влѣпилъ ему въ спину горячій жгутъ, да тутъ же кстати, подъ вліяніемъ какого-то азарта, ни-съ-того, ни-съ-сего хватилъ и бульдожку. Бульдожка огрызся и далъ мнѣ тумака, я — слава! За бульдожку вступился волчокъ, налетѣлъ на меня, жгутъ ужъ висѣлъ надъ моей головой, но я увернулся схвативъ іуду, и подставилъ его вмѣсто себя. Іуда получилъ слѣдуемый мнѣ жгутъ. Выходка моя была встрѣчена всеобщимъ восторгомъ. Іуду видимо всѣ не любили. Онъ посмотрѣлъ на меня, такъ что проглотилъ бы кажется еслибы могъ, оставилъ игру и сталъ жаловаться Патрикѣву.

— Вѣдь это игра. Не нравится — не играйте, сказалъ Патрикѣвъ и нахмурился.

Иуда, бормоча что-то подъ носъ, отпирившись на заднюю скамейку.

— Ай-да Моховъ! ай-да мокрая курица, каково словчилъ! прокричалъ кто-то.

— Господа! дать ему другое имя, мокрая курица нейдетъ!

— Въ тихомъ омутѣ черти водятся, нараспѣвъ провзнесъ Волчокъ.

— Длинно, господа.

— Омуть! вотъ вамъ и коротко, отвѣчалъ волчокъ серьезно.

— Омуть! омуть! Такъ будь же ты отнынѣ и вовѣки омуть, пропищалъ воробей.

— Будеть, господа! поиграли и довольно; пора и за книгу, — сказалъ Патрикѣвъ, и вышелъ изъ класа.

Всѣ тихо разбрелись по мѣстамъ. Я усѣлся возлѣ своего сосѣда, волчка, и съ удовольствіемъ развернулъ книгу. На сердце чувствовалась какая-то легкость, веселость, и прежняя усталость разлилась по всему тѣлу.

— Волчокъ, скажите какіе у насъ завтра утренніе класы.

— А! за умъ взялся, пора! Исторія завтра. Карфагеняне заданы, — и онъ показалъ мнѣ нѣсколько страницъ.

— Охъ, какія длинныя! а еще какой класъ?

— Только изъ исторіи.

— Да вѣдь у насъ два класа утромъ?

— Изъ другаго никто не готовитъ, — собачій языкъ... тройку станутъ объѣзжать, и сказавъ это, волчокъ уткнулъ носъ въ книгу.

— Вы какъ готовитесь... на зубокъ или на расказъ? вдругъ спросилъ онъ меня неожиданно.

— Я на расказъ, отвѣчалъ я, хотя самъ не понималъ, что такое на зубокъ, и что на расказъ.

— Ну такъ давайте учить вмѣстѣ, я зубришекъ терпѣть не могу, а мы вотъ какъ... прочтемъ: я раскажу, потомъ вы, да такъ и будемъ.

Это меня заинтересовало, и мы весь вечеръ съ волчкомъ рассказывали о карфагенянахъ. Незадолго до ужина вошелъ Патрикѣвъ, подошелъ къ намъ, выслушалъ наши расказы и похвалилъ. Весь класъ окружилъ его, кто просилъ объяснить не-

понятное слово, кто — указать мѣстность на картѣ. Онъ необыкновенно скоро удовлетворялъ желанія всѣхъ.

— Вотъ кабы всѣ такіе какъ этотъ, сказалъ волчокъ, кивнувъ на Патрикѣва, когда тотъ уходилъ: — такъ хорошо бы было.

— А что, развѣ другіе не хорошіе? спросилъ я.

Волчокъ вытаращилъ на меня глаза.

— Да что у васъ глаза варомъ что-ли залѣплены. Онъ от-вернулся отъ меня и сталъ перелистывать книгу.

— Послушайте, волчокъ! Какія тройки завтра! Вы говорили, что тройки будутъ.

— Самъ увидишь! и онъ уткнулъ носъ въ книгу.

Послѣ ужина отвели насъ въ дортуаръ, и всѣ разбрелись по своимъ номерамъ. Кто не раздѣваясь прямо ложился на койку и дремалъ, въ ожиданіи звонка. Кто доучивалъ урокъ, усѣвшись на корточкахъ возлѣ камина, другіе составили кучки, спорили и шумѣли. Постилали свою постельку, я тоже подошелъ къ одной группѣ. Ее составляли все мои однокласники, только почетное мѣсто въ срединѣ занималъ незнакомый мнѣ мальчикъ. Онъ страшно гримасничалъ, размахивалъ руками, божился и спорилъ.

-- Врешь ты все, сплетница! обратился къ нему волчокъ.

— Ейбогу, забожился крестясь незнакомецъ. — Всѣмъ классомъ отдули!.. хотѣлъ жаловаться Григорью Григоричу, да пообѣщали еще побить.

— Ты наговорщикъ извѣстный. У насъ на своихъ плетешь, а къ своимъ придешь — на насъ наговаривать станешь. Что? неправду я говорю.

— Ейбогу, я никогда!

— Божись! Кто тебѣ повѣритъ... Ты что на прошлой недѣли про Щѣтухова рассказывалъ, а?

— Я не самъ, мнѣ передали.

— Передали! гм... а кто Карпу Карпычу перенесъ, что Мельковъ съ Сливиннымъ курили въ кухнѣ?.. Баба, сплетница... смотри Моховъ, не связывайся съ нимъ. Онъ станетъ навязываться къ тебѣ. Это лиса! Такъ ты плюнь ему въ глаза.

— Ты что ругаешься, заговорилъ мальчикъ: — я пойду пожалуюсь на тебя.

— Ступай, жалуюсь. Пойдемъ, братъ Моховъ, ходить.

— Пойдемте!..

И мы вышли въ коридоръ.

Онъ былъ запруженъ гуляющими. Всѣ ходили группами въ четыре, пять и болѣе человѣкъ, обнявшись.

— У тебя есть родители, Моховъ?

— Есть, папенька и маменька.

— Гм... а богатые?

— Нѣтъ, — вотъ дѣдушка у меня богатый... и я началъ рассказывать о дѣдушкѣ, деревнѣ, конномъ заводѣ; но Баробинъ остановилъ меня:

— Твои ничего не прислали инспектору?

— Ничего, отвѣчалъ я, плохо понимая, что такое можно прислать инспектору и зачѣмъ.

— То-то! У насъ племяшей не любятъ. Вотъ они... и всегда вмѣстѣ, сказалъ онъ, указывая на группу въ пять человѣкъ. — Фискалы! громко крикнулъ онъ имъ, когда мы поровнялись.

Въ это время раздался звонокъ.

— Ну, прощай, братъ Моховъ. Да говори мнѣ впередъ ты, а то ты какъ красная дѣвушка, все вы, да вы.

— Славный какой этотъ волчокъ, размышлялъ я, укладываясь въ постель. — А какія это тройки завтра будутъ, самъ говорить увидишь... гм... зачѣмъ это инспектору присылаютъ. И назвали-то какъ ихъ, племяши, гм... нехорошее должно-быть слово... Изъ нѣмецкаго учиться... стыдно: волчокъ рассказывалъ. Отчего это стыдно? Вотъ изъ другихъ же не стыдно. Я заснулъ какъ убитый. Всталъ я съ свѣжей головой и въ пріятномъ расположеніи духа. Даже блѣдный свѣтъ лампы, сливавшійся со свѣтомъ загорающей зори, мнѣ показался только страшнымъ и не дѣйствовалъ уже такъ непріятно на нервы, какъ прежде. Началъ класы. Вошелъ учитель исторіи; я съ любопытствомъ сталъ разсматривать его личность. Это былъ неуклюжій господинъ, небольшого роста, сгорбленный и заика. На немъ былъ надѣтъ уродливый фракъ съ длиннѣйшими фалдами, сильно потертый на локтяхъ и швахъ, и смазные сапоги, которые скрипѣть не скрипѣли, а какъ-то тяжело вздыхали, когда онъ начиналъ ходить по класу. По его видимо всѣ любили, сидѣли смиренно, не шумѣли и только изъ-за балловъ постоянно выходили споры. Спросивъ двухъ-трехъ учениковъ, онъ вызвалъ меня.

Зная урокъ твердо, я началъ расказъ съ увѣренностью, даже увлекся и расказалъ очень хорошо.

— Молодецъ! молодецъ! Вотъ тебѣ двѣнадцать, сказалъ учитель выставляя балъ.

Волчокъ поднялся со своей скамейки.

— Двѣнадцать въ квадратѣ слѣдуетъ, Афанасій Петровичъ!

— Нельзя, нельзя, заговорилъ онъ скороговоркой, запинаясь на каждомъ словѣ: — нельзя, новичекъ еще.

— Коркину вы поставили въ кубѣ, такъ Мохову слѣдуетъ въ квадратѣ, заступался волчокъ, подходя къ кафедрѣ.

— Ты учить хочешь! А! учить хочешь... яйца курицу учатъ. Вотъ ему съ плюсомъ... будетъ съ него.

— Поставьте въ квадратѣ... онъ стоитъ... это несправедливости. Вы сами учите насъ по справедливости поступать, пристаивая волчокъ.

— У, у! банный листъ присталъ. Ну, ну, такъ и быть для тебя. Ты у меня ораторъ, Демосѣенъ. Ну, доволенъ.

— Благодарю васъ покорно.

— Ну, убирайся къ чорту.

Я земли не чувствовалъ подъ собой отъ восторга... двѣнадцать въ квадратѣ. Весь класъ я просидѣлъ въ какомъ-то лихорадочномъ жару, отъ пріятнаго душевнаго волненія.

Прозвонили перемену. Всѣ окружили Фараонову-мышь, которая на задней скамейкѣ была занята чѣмъ-то серьезнымъ, что было замѣтно по ея озабоченному лицу.

— Ну что, готово у тебя? спрашивали его.

— Погодите, правая пристыжная не дается.

— А урокъ кто готовилъ, господа?

— Я, отвѣчалъ бульдожка.

— Разборчиво ли?

— Небось, разборчиво, и бульдожка поднималъ надъ головой листъ бумага, написанный нѣмецкими словами, буквами чуть ли не въ вершокъ.

— А кто будетъ держать?

— Калугинъ возлѣ него сидитъ, онъ и будетъ.

Неуспѣлъ учитель-нѣмецъ переступить порогъ класа, какъ поднялся страшный шумъ и крикъ. Оливъ пѣлъ пѣтухомъ, другой, приставивъ кулакъ ко рту, игралъ на трубѣ, третій мяукалъ по кошечь, четвертый лаялъ по собачьи, кто декламировалъ нѣ-

вещную басню, кто пѣлъ во все горло по методѣ Эртеля: *Das ist eine Rose*, — крикъ, шумъ, свистъ — суціей содомъ.

— *Stille!* закричалъ нѣмецъ неистовымъ голосомъ, краснѣя отъ досады. — Чтой этой есть?

Всѣ стихли.

— Васъ давно не видали, Карлъ Карлычъ, такъ обрадовались.

— Я буду дѣлать радость... я буду вамъ много дѣлать радости... свиней, каналь...

— Не ругайся, нѣмецъ!.. закричалъ волчокъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Ви что сказала... а?

— Ничего.

— Подавать мнѣ стулъ.

— Стулъ, стулъ Карлу Карлычу, закричала фараонова мышь.

И человекъ пять бросились къ кафедрѣ, схватили стулъ, подняли его надъ головой, и въ торжественной тишинѣ поставили у скамьи. Учитель сѣлъ и сталъ вызывать. Онъ видимо привыкъ къ этой церемоніи. Урокъ отвѣчали отлично. Только-что являлся ученикъ передъ Карлъ Карлычемъ, какъ Калугинъ поднималъ за спиной его листъ, и вызванный бойко отвѣчалъ по писанному; нѣмецъ не замѣчалъ этой продѣлки. Когда вышелъ бульдожка, фараонова мышь засуетилась на задней скамейкѣ. Не успѣлъ онъ сказать трехъ словъ, раздался хохотъ, и на средину класа вылетѣла тройка мышей, запряженныхъ въ маленькую деревянную телѣжку. Нѣмецъ какъ сумашедшій вскочилъ со стула, поблѣднѣлъ и бросился къ двери. Бульдожка ухватилъ его за фалды фрака и не пускалъ.

— Нѣтъ, Карлъ Карлычъ, вы прежде меня урокъ доспросите.

— Пускай меня, негодный твари! кричалъ нѣмецъ, ба-рахтаясь.

— Да вы урокъ доспросите, а то послѣ пожалуетесь, что я не приготовилъ: знаемъ мы васъ.

Между тѣмъ испуганныя мыши, пробѣжавъ раза два по класу, прижались въ углу.

— Вся класа на ногу становится! закричалъ нѣмецъ, оправившись отъ перваго страха: — а ти... ти... на печка, и онъ указалъ пальцемъ на бульдожку.

Въ одно мгновеніе онъ очутился на скамьѣ и собирався лѣзть на печь.

— Нѣтъ! нѣтъ! горячился нѣмецъ: — подь печка!

Бульдожка соскочилъ со скамьи, растянулся на полу и сталъ представлять, что онъ лѣзетъ подь печь. Весь класъ смѣялся.

Нѣмецъ позеленѣлъ отъ злости; видимо онъ не могъ справиться съ предлогомъ.

— Стой, стой... за печка.

— Это не порусски, Карлъ Карлычъ! закричалъ кто-то: — надо сказать сверху печку.

— Это, это въ печка!.. передь печка, кричалъ вышедшій изъ себя нѣмецъ.

Гомерическій хохоть оглашалъ класъ. Въ одинъ прыжокъ Карлъ Карлычъ выскочилъ изъ класа.

— Чуръ не выдавать господу, провозгласила фараонова мышь.

— А ты лошадокъ-то убери, сказалъ бульдожка, взявъ тройку и передалъ ее фараоновой мыши. Послѣдній живо влѣзъ на печь при помощи плечь рослаго товарища.

— Пичугинъ, брось кусочекъ сальца, надо покормить соловенькихъ.

На печь полѣтѣлъ сальный огарокъ.

Дверь открылась и въ дверь вошелъ взволнованный нѣмецъ въ сопровожденіи Карпа Карпыча.

— Такъ они тебя мышками пугать вздумали, ха-ха-ха, и онъ залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ. — Вотъ я ихъ шельмецовъ. На ноги, школяры!

Мы всѣ поднялись.

— А ты ужъ и испугался нѣмчура, эхъ ты, воинъ, воинъ!..

— Я васъ просить наказывать ихъ.

— Ишь чего нѣмчурѣ захотѣлось, хе-хе... наказывать, переразнилъ Карпъ Карпычъ нѣмца. — Будь по твоему, выдержу я ихъ сегодня на хлѣбцѣ да водицѣ. Утѣшу нѣмца... Мышки испугался... твари божьей испугался... ахъ ты итальянецъ.

— Карпъ Карпычъ, мы не пускали мышей, заговорилъ волчокъ. — Это Калугинъ бумажку бросилъ, а Карлу Карлычу показалось, что мышь. Они боятся мышей.

— Моцать! неистово закричалъ Карлъ Карлычъ, топнувъ

погой. — Вошь онъ гдѣ сидитъ, проговорилъ онъ ужь болѣе робкимъ голосомъ, указывая на уголъ и боясь подойти.

— Что ты нѣмчура, здѣсь ничего нѣтъ... и вправду бумажка лежитъ. Ахъ ты италянецъ! бумажку замышь принялъ. Какой же ты воинъ послѣ того. Ну что, кабы тебя въ кампанію послать, въ походъ, что бы съ тобой сдѣлалось, ха-ха-ха.

— Ви Карпъ Карпичъ смѣваетесь, заговорилъ горячась учитель.

— Я, братъ, ужь сорокъ-одинъ годъ какъ Карпъ Карпычъ, ха-ха-ха... ахти.

— Я жалоба... инспекторъ...

— Ч-т-о? Ахъ ты нѣмчура проклятая... пугать вздумалъ... петрусливаго, братъ, десятка... хе-хе... ахъ колбасникъ... жаловаться...

И Карпъ Карпычъ, принужденно посмѣиваясь, но замѣтно обиженный, тихо вышелъ изъ класа.

Мы разразились смѣхомъ. Мнѣ чрезвычайно понравилось, что Карпъ Карпычъ называлъ нѣмца колбасникомъ.

— Карлъ Карлычъ, какъ понѣмецки колбасникъ! спросилъ я, подстрекаемый новымъ для меня чувствомъ пустить шпильку въ большое мѣсто ближняго.

Мой вопросъ вызвалъ общій смѣхъ; щеки у меня запылали отъ удовольствія. Отличился, — рѣшилъ я мысленно.

Весь класъ прошелъ весело. Вотъ это хорошо, подумалъ я; кабы всѣ класы такіе, славно бы... не скучно бы было, пожалуй, въ корпусѣ.

По окончаніи класа по всему корпусу поднялась бѣготня и суматоха. Всѣ спѣшили въ отпускъ на воскресенье. Въ дортуарахъ одѣвались, умывались, чистились, помадились, причесывались и охорашивались передъ зеркалами. У большей части лица были одушевленнѣе обыкновеннаго. На самыхъ серьезныхъ, сонныхъ личикахъ скользила улыбка: лѣнивые и непопоротливые обнаруживали своего рода энергію. Только штрафованные, лишенные отпуска какъ тѣни бродили изъ камеры въ камеру, съ повѣшенными носами и мутными, блуждающими взглядами. Маленькіе даже плакали.

— Моховъ, ты нейдешъ? спросилъ меня мой отдѣленный старшій (уатерь-офицеръ).

— Нейду, не къ кому!

-- Ну такъ на тебѣ шашку. Вычисти хорошенько!

— Я не умѣю-съ...

— Учись... Смотри, сухой банкой чисти; да кистью, а не суконой... чтобъ горѣло у меня.

Совершенно сконфуженный, я взялъ шашку и началъ возиться съ нею изъ камеры въ камеру, не зная что мнѣ дѣлать. Выручилъ Барабинъ.

— Ты кому это? спросилъ онъ.

— Старшему.

— Какому?

— Сидоренкѣ.

— Ну, этому можно; давай, я почищу за тебя; а ты смотри да учись.

Я съ ужасомъ увидѣлъ, какъ Барабинъ натеръ помадной банки въ порошокъ, насыпалъ его на шашку, засучилъ рукава рубахи выше локтя и началъ кистью руки такъ натирать шашку, какъ-будто вмѣсто руки у него была придѣлана деревянная палка. Мѣдь дѣйствительно скоро заблѣстала, но вся кожа его руки стала темно-бураго цвѣта и въ какихъ-то пупырышкахъ. «Ай, ай, ай... вонъ какъ вы... больно я думаю».

— Ничего, привыкнешь; на отнеси.

— Молодецъ! сказалъ старшій, когда я подаль ему шашку: — отлично, за это братъ, я тебѣ позволяю всегда мнѣ чистить.

Меня окружила толпа.

— Вычисти мнѣ за пирожокъ! кричалъ одинъ.

— Пить мнѣ, — пирожокъ и варенья порція! кричалъ другой.

— Бери двѣ порціи масла! слышался голосъ третьяго.

Я вырвался и убѣжалъ въ коридоръ. Толпа слугъ, бабъ, мальчишекъ окружила меня.

— Скажите батюшка Мумину, что пришла за нимъ Авдотья-съ! говорила какая-то старушка въ коцевейкѣ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ.

— Да ужъ и Мирошкину потрудитесь... лошади молъ забнутъ... цѣлый день съ барыней ѣздили! басилъ здоровенный кучерь.

— Муминъ, Мирошкинъ, за вами есть! крикнулъ я, забѣжавъ въ ихъ камеру, и мнѣ вдругъ стало очень грустно. Я чуть

не заплакалъ, слушая, какъ раздавались голоса : « Коркинъ, за тобой! Власевъ, къ тебѣ пришли ».

За мной никто не придетъ! печально подумалъ я : — что-то ваши дѣлаютъ! Теперь, я думаю, всеобщая идетъ, а послѣ чай пить станутъ. Отецъ Селифанъ станетъ рассказывать какъ онъ сталъ расти съ шестнадцатаго года ; онъ всякій разъ послѣ всеобщей это рассказываетъ , а потомъ про мощи кievскія станетъ говорить. Какая большая борода у этого Селифана , да бѣлая. А Николай Гаврилычъ про турокъ и про войну. Ахъ , какъ славно бы дома теперь быть. Мамаша дала бы намъ съ Машенькой по кусочку сахара , стали бы мы жечь леденцы на огнѣ , и сами бы скушали. А тамъ бы няня сказку сказала , а тамъ бы завтра къ обѣднѣ пошли ; мнѣ бы просфиру дали , и я бы съ Машенькой пополамъ раздѣлилъ. А здѣсь и поиграть-то не съ кѣмъ , всѣ разошлись. »

Я сополъ внизъ въ класъ , усѣлся на заднюю скамейку и расплакался.

Утромъ только что мы разбрелись послѣ чаю , какъ ко мнѣ подошелъ Карпъ Карпычъ и объявилъ , что за мной прислалъ Патрикѣевъ , велѣлъ одѣться и далъ билетъ. Въ веселомъ расположеніи духа шолъ я по улицѣ въ подпрыжку , съ гордостью осматривалъ на билетъ , выглядывающій изъ-за борта мундирчика. Меня только немножко сконфузило , что я иду не одинъ , а съ провожатымъ , но я старался помочь этому горю , ускоряя шагъ , такъ что мальчишка , посланный за мной , чуть не бѣгомъ слѣдовалъ за мной.

Первое , что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ домъ Патрикѣева , — необыкновенный порядокъ и чистота. Множество горшковъ съ цвѣтами занимало всѣ окна и углы залы , на многихъ были бутончики.

Какъ хорошо все здѣсь ! была моя первая мысль.

На встрѣчу мнѣ вышелъ самъ Патрикѣевъ и съ нимъ какая-то дама.

— А, Моховъ ! прошу пожаловать , сказалъ онъ весело : — я нарочно послалъ за вами. Скучно, думаю, въ корпусѣ , а ?

— Скучно ! сказалъ я , невольно кланяясь дамѣ и покраснѣвъ.

— Ну , можетъ у меня повеселѣе будетъ. Жоржъ , гдѣ ты ?

Въ комнату вбѣжалъ мальчикъ , почти ровесникъ мнѣ по лѣтамъ. Онъ держалъ въ рукахъ книгу.

— Это мой братъ! сказалъ Патрикѣвъ. — Господинъ Моховъ, сказалъ онъ мальчику : — прошу любить да жаловать.

— Очень пріятно! заговорилъ мальчикъ, пожимая мнѣ руку : — а я картинки смотрѣлъ. Мнѣ братецъ книжечку подарилъ съ картинками. Вчера было мое рожденіе. Сестрица мнѣ красокъ купила, я покажу вамъ ихъ. Пойдемте къ братцу въ кабинетъ, онъ сегодня не занимается.

Мы вошли въ небольшую комнату съ письменнымъ столомъ у стѣны, которая вся была обвѣшана портретами. На столѣ лежала куча исписанной бумаги, портфель, незатѣйливая чернильница бѣлаго стекла и нѣсколько статуэтокъ. Угольная этажерка вся была занята книгами, въ переплетахъ и безъ переплетовъ.

— Давайте смотрѣть картинны. Вотъ видите : «Островитяне тихаго океана», прочелъ онъ медленно. — Посмотрите, какіе желтые. И онъ указалъ на картинку.

— Вотъ они какіе, подумалъ я. Картинки мнѣ чрезвычайно понравились : я еще такихъ не видывалъ.

— Какіе между ними злые, еслибъ вы знали ; людей ѣдятъ.

— Ай, ай! Зачѣмъ же они ихъ ѣдятъ? и я вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Такъ, ѣдятъ. Необразованные... оттого. Тутъ объ нихъ много описано. А вотъ Кукъ, капитанъ, я жъ пре него прочелъ. И онъ показалъ мнѣ портретъ.

— Пойдите, я вамъ теперь краски покажу! онъ оставилъ книгу и досталъ краски : — смотрите, какія славныя.

Я сталъ разсматривать краски съ любопытствомъ и удовольствіемъ.

— Вотъ желтая, а вотъ красная ; а ошья—то какая славная, посмотрите.

Онъ взялъ краску, помочилъ языкомъ и попробовалъ ее на пальцѣ.

— Да, хорошая очень.

— Возьмите себѣ ее.

Я сконфузился. Мнѣ и краска очень нравилась, да и братъ ее было какъ-то стыдно.

— Возьмите пожалуста. У меня вѣдь еще старыя остались. Пойдите, я вамъ отберу и другія. Онъ досталъ ящикъ, отобралъ нѣсколько кусковъ, завернулъ въ бумажку и положилъ мнѣ въ карманъ. — Тутъ всякія есть. Вотъ только зеленой нѣтъ у меня

другой, произнесъ онъ печально, въ раздумьи. — А знаете ли что, я научу васъ! и глаза его заблестали. — Вы возьмите желтую и синюю и смѣшайте: и выйдетъ зеленая. Я вѣдь не парочно говорю, посмотрите! и онъ показалъ мнѣ этотъ опытъ.

— Нѣтъ, право, я не возьму! проговорилъ я, доставая изъ кармана краски. Мнѣ вдругъ стало ужасно стыдно, что я взялъ ихъ.

— Если вы любите меня, такъ возьмете, а не любите... Васъ братецъ очень хвалить! заключилъ онъ неожиданно.

— А теперь давайте волчокъ пускать.

— Будемте лучше картинки смотреть.

— Хорошо, только знаете, лучше мы теперь поиграемъ въ волчокъ, а послѣ обѣда, какъ братецъ пойдетъ отдыхать, мы заберемъ сюда и всѣ картинки у него пересмотримъ, у него ихъ много; а теперь волчокъ. Братецъ, можно въ волчокъ!

— Сдѣлай милость! слышался голосъ Патрикѣва. Мы принялись за волчокъ.

До обѣда мы съ Жоржемъ рѣзвились до-нельзя, а послѣ отправились въ кабинетъ и принялись за картинки. Съ жадностью всматривался я въ другія гравюры, сисясь разгадать смыслъ ихъ. Книжки были все иностранныя.

— Жалко, водписи не разберешь, что это такое. Сестрица только что начала меня учить понѣмецки. А вы знаете понѣмецки? спросилъ Жоржъ.

— Нѣтъ, у васъ никто не учится понѣмецки; это собачій языкъ! отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

— Какъ собачій? и Жоржъ вытаращилъ на меня глаза.

— Такъ! нѣмцы всѣ собаки, брякнулъ я со словъ Барабина, которыя почему-то мнѣ показались умными и острыми. Они тогда произвели всеобщій восторгъ въ классъ.

— Ахъ, это неправда. Братецъ говоритъ, что нѣмцы очень умные, а братецъ все знаетъ и никогда не обманываетъ. Вотъ это у него все нѣмецкія книжки.

— Русскому стыдно учиться понѣмецки. Русскій никого не боятся, русскій покажетъ нѣмцу кулакъ, такъ онъ и умретъ со страху. Нѣмцы колбасники. Это и Карпъ Карпычъ говорилъ, а еще офицеръ, впрочемъ не станеть говорить, горячился я.

— Ахъ да, русскіе очень храбрые; русскіе храбрѣе нѣмцовъ, это и братецъ говорилъ. Зато нѣмцы очень умные. Бра-

тецъ говорилъ, что у русскихъ нѣтъ такихъ ученыхъ книжекъ, какъ у нѣмцевъ. Вотъ я и хочу учиться понѣмецки. Тогда всѣ, всѣ эти книги прочту.

— Нѣмцы смѣшныя всѣ такіе, длинноносые. И въ церковь нашу не ходять.

Жоржъ захохоталъ. Миѣ стало обидно, я надулся, подошолъ къ окну и сталъ смотрѣть на подоконникъ, опустивъ голову. Въ это самое время вошелъ Патрикѣвъ. Жоржъ сообщилъ ему нашъ споръ. Онъ закурилъ сигару, усѣлся въ кресло и сталъ рассказывать намъ о томъ, что и нѣмецъ можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ, и русскій дурнымъ и наоборотъ; а что Богъ для всѣхъ одинъ. Онъ объяснилъ это все такъ просто, ясно, что я съ наслажденіемъ слушалъ его, и многое, дотога непонятное миѣ, стало уясняться. Вечеромъ насъ позвали пить чай въ гостиную, и мы всѣ усѣлись за небольшой, круглый столикъ, на которомъ громко шумѣлъ самоваръ. Миѣ сдѣлалось очень весело. Мысль быстро перелетѣла въ родимый домъ. Я нечаянно взглянулъ на Патрикѣву, и невольно нѣсколько минутъ не могъ отъ нея отвести глазъ. Ахъ, какая она хорошенькая! думалъ я, всматриваясь въ нѣжныя, тонкія, привлекательныя черты ея матоваго, симпатичнаго личика, и въ большіе, мягкіе, сѣрые глаза. Я смотрѣлъ на нее, и передъ глазами моими совершалась странная метаморфоза. Черты ея какъ-будто стали по немногу измѣняться, улыбка на губахъ раздвинулась шире, тонкія брови сблизились надъ переносьемъ, большіе глаза прищурились, передъ моими глазами сидѣла мать.

— Ольга! ты не замѣчаешь, какъ на тебя пристально смотрять? спросилъ громко Патрикѣвъ.

Она взглянула на меня, я вспыхнулъ, покраснѣлъ до ушей и уставилъ глаза въ печку.

Патрикѣва улыбнулась такъ хорошо, что вся моя неловкость вдругъ исчезла.

— Сладко ли я вамъ налила? спросила она.

Сладко! отвѣчалъ я, и самъ не знаю почему, весь вспыхнулъ.

Въ это время въ передней послышался шорохъ и въ комнату вошелъ бѣлокурый и съ нимъ еще двое старшихъ кадетъ верхняго класса.

— Здравствуйте, здравствуйте, господа! очень радъ, сна-

собою вамъ! говорилъ Патрикѣевъ, пожимая имъ руки. Всѣ потѣснились и усѣлись вокругъ стола. Блондинъ сѣлъ наискось Патрикѣевой. Зашолъ общій разговоръ; одинъ блондинъ молча мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ пристально смотритъ на Патрикѣеву съ выраженіемъ святаго благоговѣнія. Миѣ вспомнилась одна старушка, которая, молясь, всегда такъ смотрѣла на образъ. На лицѣ его было написано полное, глубокое счастье. Патрикѣева кажется не видѣла его взгляда. Она о чемъ-то разговаривала, оборотись къ мужу.

— А теперь ты не чувствуешь на себѣ взгляда? вдругъ спросилъ Патрикѣевъ улыбувшись.

Блондинъ страшно сконфузился и покраснѣлъ какъ ракъ.

— Вотъ и другой покраснѣлъ! сказалъ шутя Патрикѣевъ. — Передъ вами только что Моховъ отличился. Что за причина? Вы отчего покраснѣли, а? сказалъ онъ, обращаясь ко миѣ.

Я вдругъ почувствовалъ какой-то приливъ развязности.

— Оттого что онѣ... хорошенькія! сказалъ я и покраснѣлъ, чувствуя, что сказалъ несовсѣмъ то, что хотѣлось сказать, а хотѣлось незнаю почему сказать что-то очень хорошее, такое хорошее, чтобъ понравилось всѣмъ.

— Эге! вотъ какъ! Такъ вы ужъ и хорошенькихъ замѣчаете; рано немножко. Ну, а вы Амосовъ? оборотился онъ къ блондину: — таже причина?

— Полно, Александръ! и она взглянула на мужа съ упрямкомъ.

— Знаемъ, знаемъ, что ты вѣчная заступница! Да зачѣмъ же самой красишь?

Ольга Петровна дѣйствительно вспыхнула.

Послѣ чая мы съ Жоржемъ снова принялись за волчокъ, а Патрикѣевъ съ женой и гостями ушли въ кабинетъ.

— Знаете что, Моховъ! сказалъ Жоржъ, когда мы вдоволь наигрались: — пойдите послушать ихъ, что они тамъ говорятъ.

— Хорошо, пойдите!

Мы вошли въ кабинетъ. Я робко выступалъ за Жоржемъ.

— Что тебѣ? спросилъ Патрикѣевъ Жоржа.

— Мы, братецъ, посидимъ здѣсь и послушаемъ. И мы пробрались въ уголокъ.

Я слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ, хотя рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ неменѣе я былъ доволенъ. Умъ и сердце говорили мнѣ, что между этими людьми толкуется о хорошихъ и очень умныхъ вещахъ. Я чувствовалъ особенное удовольствіе смотрѣть на Патрикѣва, когда онъ спорилъ. Всегда тихій, скромный, онъ говорилъ много, говорилъ горячо, съ увлеченіемъ. Глаза его горѣли, лицо дышало какой-то обаятельной силой, а на щекахъ пятнами игралъ румянецъ. Блондинъ больше молчалъ и поминутно украдкой взглядывалъ на Патрикѣву, которая сидѣла на диванѣ и также принимала участіе въ спорѣ. Въ первый разъ я слышалъ, какъ люди спорятъ, и понималъ только одно, что Мамаевъ и Шаловъ, долго не уступавшіе Патрикѣву, каждый разъ оканчивали тѣмъ, что соглашались и признавали, что онъ правъ.

— Ай, ай, какой умный у васъ братецъ! шепнулъ я Жоржу. Глаза его заблестали удовольствіемъ.

— А какой онъ добрый, какъ любитъ меня и сестрицу! отвѣчалъ онъ со вздохомъ. Въ этомъ вздохѣ слышался какъ-будто избытокъ счастья.

Вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошелъ нашъ офицеръ Еропъ Савичъ, впрочемъ болѣе извѣстный между нами подъ именемъ «образцоваго» и лизуна. Трудно представить себѣ болѣе антипатичную личность. Онъ былъ кособокъ, голова склонена на сторону, а въ выраженіи лица всегда столько меду, что невозможно было на него смотрѣть безъ отвращенія. Небольшой, хриплый, вкрадчивый голосокъ, и масляные заискивающіе глазки, цвѣтъ которыхъ напоминалъ весеннюю, мутную воду, довершали очарованіе. Онъ не былъ ни особенно строгъ, ни особенно несправедливъ, но его всѣ не терпѣли. Всѣхъ отталкивали отъ него его вѣчныя, до наглости явныя заискиванія у начальства, его уморительно-важная манера строго держать себя передъ мальчиками, которая вдругъ измѣнялась въ рабскую, презрѣнную, когда къ нему обращался старшій. Онъ наклонялся всѣмъ корпусомъ впередъ, хотя природа тянула его всѣмъ корпусомъ какъ-то на бокъ, на сторону. Глазки принимали возмутительное, гадкое выраженіе преданности по гробъ, шурлились и слезились какъ у морской свинки, а руки спокойно замирали на лампасахъ шароваръ. Послѣдній лѣнтяй и шалунъ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, насмѣшкой, и иначе не отзы-

вадся какъ о лгунишкѣ, хвастунѣ и фискалѣ. Начальство благоволило къ нему какъ къ офицеру, переведенному изъ столицы, и ставило въ образецъ другимъ. Это-то и подало поводъ къ насмѣщивому прозвищу образцоваго. Хитрый, вкрадчивый, онъ успѣлъ развратить трехъ-четырехъ мальчиковъ, сдѣлалъ ихъ своими наущниками и оцѣпилъ ими весь корпусъ. И не было той драгги, той сплетни, которой бы не зналъ Еропъ Савичъ, и не доносилъ преданно, по секрету, начальству. Появленіе его видимо произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ какъ-то значительно переглянулись. Патрикѣевъ даже не нашолъ нужнымъ скрыть этого. Онъ холодно поклонился гостю, и когда тотъ съ сладкой улыбкой протянулъ ему руку, Патрикѣевъ заѣтнго нехотя подалъ свою и молча указалъ на стулъ. Еропъ Савичъ не сконфузился, только по лицу его пробѣжала гадкая улыбка. Разговоръ не клеился. Блондинъ и его товарищи подвядились и стали прощаться.

— Господа, вы въ корпусъ, такъ возьмите съ собой и Мохова! сказалъ Патрикѣевъ: — а вы, Моховъ, если нескучно вамъ у меня, приходите въ воскресенье, я буду радъ. Да вотъ что, — я хотѣлъ спросить васъ: писали вы къ своимъ письмо.

— Нѣтъ-съ, не писалъ-съ!

— Это нехорошо. Приготовьте, я отправлю.

Когда мы вышли на улицу, Шаловъ разлился потокомъ ругательствавъ.

Это вѣрно они Еропъ Савича ругаютъ, подумалъ я.

Когда мы пришли, кадеты были уже въ спальняхъ, и изъ отпуска явились почти всѣ. На лицахъ замѣтно было особенное одушевленіе. Шумъ, смѣхъ, говоръ. Каждый повѣрялъ свои праздничныя впечатлѣнія, которыя выслушивались съ жадностью и завистью тѣми, кому судьба въ образѣ инспектора или ротнаго командира, помѣщада побывать дома. Занесенныя городскія новости, какъ молція, быстро обѣгали всѣ камеры. Какъ и вездѣ исторія, рассказанная въ первой камерѣ, во второй уже теряла свою первоначальную простоту, а въ шестой уже дотога измѣнялась, дополненная загадками и предположеніями, что и узнать-то ее было трудно.

Войдя въ свою камеру, я увидѣлъ бульдожку, окруженнаго толпой. Онъ что-то ораторствовалъ.

— Моховъ, Моховъ, поди сюда! слыпалъ ты объ огненномъ шарѣ?

— О какомъ шарѣ?

— Вотъ Капустинъ (онъ же и бульдожка) рассказываетъ, что огненный шаръ ночью по базару прокатился.

— Ты самъ это видѣлъ, Капустинъ? спросилъ его кто-то.

— Не самъ, а наша прачка сказывала. Она шла въ это время по базару, какъ онъ прокатился.

— Вретъ она!

— Ну вотъ вретъ; зачѣмъ ей врать... не вретъ, а прокатился.

И исторія объ огненномъ шарѣ быстро разнеслась по корпусу. Своей чрезвычайностью она естественно затмила всѣ другія новости. Капустина таскали изъ камеры въ камеру и заставляли повторять рассказъ. Онъ былъ замѣтно доволенъ и смотрѣлъ героемъ дня. Я впрочемъ мимо ушей пропустилъ интересную исторію. Меня занимала мысль, что напишу къ мамашѣ. Она засѣла въ голову, немолчно тревожила и не давала спать. Утромъ я долго кряхтѣлъ, пыхтѣлъ и грызъ перо, пока не написалъ первую строку. Начало сдѣлано, остальное пошло какъ по маслу. Довольный успѣхомъ я рѣшилъ, что недурно бы написать и къ Машенькѣ. Послѣ недолгихъ колебаній я началъ.

«Милая Машенька, я васъ не забылъ и очень помню. Учитель нѣмецкій у насъ очень смѣшной. Его Карпъ Карнычъ колбасникомъ...»

Вдругъ сзади меня раздалось хлопанье въ ладоши и крикъ: «Машенька!» Вотъ тебѣ въ награду! закричалъ я неистовымъ голосомъ и пощечина огласила классъ.

Онъ позеленѣлъ отъ злости, ухватился рукой за щеку, вырвалъ начатое письмо у меня изъ рукъ и, желая показаться молодцомъ, все еще кричалъ сквозь слезы: «Машенька, Машенька!» и показывалъ классу письмо.

— Машенька! закричалъ весь классъ.

И съ этой минуты это прозвище осталось за мной до выпуска.

III

И потекла моя жизнь тихо, ровно, однообразно: чай, классы, ученье, обѣдъ, опять классы, гимнастика, ужинъ. Каждый день

одно и тоже, — сегодня что вчера, завтра что сегодня, и такъ изо дня въ день, — шесть лѣтъ. И все это безъ перерывовъ, безъ скачковъ какъ однажды навсегда заведенные часы, въ опредѣленной рамкѣ, въ опредѣленной формѣ, безконечно казенно. Но подъ этимъ наружнымъ обманчивымъ порядкомъ, безостановочно кипѣла жизнь, роились мысли, гнѣздились мелкія и крупныя страстишки и въ этомъ маленькомъ водоворотѣ развивался, росъ, вырабатывался будущій человекъ. Умъ, сердце, воображеніе впечатлительнаго и перваго ребенка работали безъ устали. Работало и въ темномъ уголкѣ длиннаго врачнаго коридора подъ однообразный, монотонный звукъ стѣнныхъ часовъ, и подъ легонькимъ одѣяломъ казенной постельки, когда сонъ убѣгалъ куда-то далеко, и тихо какъ въ могилѣ становилось въ камерѣ. И вдругъ чуднымъ и страннымъ свѣтомъ освѣщалась комната. Койки исчезали; много, много людей входятъ въ нее, и знакомы будто они и не знакомы. И начинаются у нихъ споры, горячіе, страшные споры, и понимаешь и не понимаешь. Какъ будто и слышалъ что-то такое, да и новы эти рѣчи. И слушаешь со страшнымъ, болѣзненнымъ напряженіемъ, съ неодолимой силой желанія уяснить себѣ эти загадочныя рѣчи, слушаешь, и понимаешь и не понимаешь, а въ головѣ и ушахъ звонъ. Работало воображеніе и во фронтѣ, когда руки машинально творили съ ружьемъ разныя штуки, когда грозный голосъ обучающаго неразъ уже напоминалъ, что невниманіе губить полководцевъ и арміи. Работало въ класѣ подъ монотонныя, безконечно-скучныя рассказы учителя. Работало безъ устали, да и могло ли оно оставаться спокойно, когда цѣлый міръ вдругъ распахнулся передо мною, засмотрѣлъ мнѣ въ глаза своими учителями, воспитателями, товарищами по волѣ и помимо ея смѣло выставляя на показъ всѣ свои особенности, все свое общее. Тысячу разнородныхъ ощущеній мгновенно возбуждала во мнѣ такая широкая разнообразная картина. Съ жадностью и любопытствомъ бросался я, какъ голодный ребенокъ, на новое незнакомое мнѣ доселѣ блюдо, жадно отыскивалъ и глоталъ лакомые сладкіе кусочки, отбрасывая въ сторону горькіе. Были ли эти сладкіе кусочки лучшими и здоровыми, умъ еще не могъ дать совѣта, а жадность была велика и аппетитъ изумительный.

А разнообразенъ былъ этотъ мірокъ, разнообразенъ какъ цѣлый міръ, котораго онъ былъ вѣрнымъ, хотя и своеобразнымъ

отраженіемъ въ миниатюрѣ. Какія страсти и страстишки не живы въ немъ. Сколько свѣтлыхъ и темныхъ помысловъ зарождалось въ этихъ дѣтскихъ головкахъ. Сколько розовыхъ надеждъ яркой звѣздой горѣли гдѣ-то далеко въ туманѣ, влекли и манили къ себѣ, а сколько ихъ уже успѣло разлетѣться мыльными пузырями. Сколько безумно-гордыхъ стремленій, сколько горько-оскорбленныхъ самолюбіи.

Дѣтское сердце такое нѣжное, хрупкое существо, что легкое вліяніе заразы уже трогаеть его; а гдѣ эти консервы отъ разныхъ вѣяній? Правда, вся эта мелкая жизнь маленькаго міра представилась бы неопытному глазу въ формахъ наивно-своеобразныхъ, невинно-дѣтскихъ. Ему показалось бы простодушномыло тихое нашоптываніе іуды, что такой-то то, а этотъ вотъ что? Онъ искренно улыбнулся бы слушая горькій споръ побагровѣвшаго бульдожки, что одна Россія велика и могущественна и одни русскіе люди, а остальное все дрянь и нѣмцы собаки. Еще искреннѣе улыбнулся бы онъ, видя какъ Карелинъ болѣе часа любитъ собой въ зеркало и не можетъ отойти: а отойдетъ, такъ о томъ только и рѣчи, что въ воскресенье онъ будетъ танцевать, и какъ лучше руку держать полькируя, повыше фертомъ въ бокъ или на отмахъ. Ай, ай, какой практикъ! благосклонно пробормочеть неопытный наблюдатель, слушая какъ Моравинъ спорить и горячится, что лучше всего выйти въ казачье войско, получить есаула, да и перейти въ армию капитаномъ; получить майора, да и опять въ казачье войско, полкъ дадутъ, — и рассказываетъ по пальцамъ черезъ сколько лѣтъ можно дослужиться до генерала. Да, простодушному наблюдателю покажется все это наивно-дѣтски, но дѣйствительно ли такъ много въ этомъ наивно-дѣтскаго. Не выглядываетъ ли въ этомъ сѣмячкѣ будущее дерево, въ этомъ мальчикѣ не сквозитъ ли будущій человекъ. Сквозитъ, да еще какъ сквозитъ! Какъ нетрудно зоркому опычному глазу естествоиспытателя отгадать по зародышу будущаго червя. Нравственная физиономія мальчика вся наружи. Она до дерзости смѣло проявляетъ все что глубоко таится въ самыхъ темныхъ завитыхъ ея закоулкахъ. Она еще не знакома ни съ масками, ни съ полумасками. И ни время, ни люди, ни обстоятельства не сотрутъ этотъ зарождающійся образъ. Онъ можетъ потуснѣть, поблекнуть, одніе краски выступятъ яснѣе, другія полуготами, но типичныя черты, — черты его я переживутъ людей, время и

обстоятельства. И если вы, встрѣчая взрослого, не узнаете въ немъ когда-то близко-знакомаго мальчика и готовы уже вскрикнуть : « о, какъ ты измѣнился ! » — погодите. Вы легко ошибаетесь. Вы невсмотрѣлись еще въ суть, въ зерно его. Вы дали слишкомъ большое значеніе случайнымъ, искусственнымъ и естественнымъ наростамъ, которые на первый взглядъ много измѣнили знакомую вамъ нѣкогда физиономію. Но обойдите эти наросты и она всецѣло предстанетъ предъ вами во всей своей первоначальной красотѣ, только форма ея поразитъ васъ своею законченностью и опредѣленностью, но вѣдь на то и время !

Но гдѣ же тѣ краски, тѣ матерьялы, изъ которыхъ слагается нравственный образъ будущаго человѣка. Часть его прирожденная лежитъ въ немъ самомъ, остальное собирается въ этомъ маленькомъ мірѣ. Оно лежитъ въ доктринахъ и догматахъ, которые громко и безостановочно бьютъ въ уши, въ нравственныхъ личностяхъ воспитателей, во всѣхъ мелочахъ и обстановкѣ этой замкнутой среды. Не широко ея нравственный кодексъ. Учись, будь прилеженъ, не шали, почитай старшихъ, исполняй безпрекословно волю начальства, — вотъ весь онъ, во всей его полнотѣ. И трубаются эти правила съ утра до поздней ночи, трубаются каждадневно, ежеминутно, и вѣрятъ воспитатели въ наивности и виновности души своей, что свѣтла ихъ мораль и безконечно-плодотворна, что добрымъ зерномъ падаетъ она на сердце и даетъ плодъ изобильный. Что не откуда занести вѣтру заразы на мягкія юныя сердца. Высоки стѣны, крѣпки замки. А не чувствуютъ они, что сами на каждомъ шагу идутъ противъ себя; что помимо этой морали, видятъ зоркое дѣтское око другую въ ихъ воступкахъ, въ ихъ словахъ, взглядахъ, дѣйствіяхъ; видятъ и слышатъ во многомъ томъ, что давно уже отказалось видѣть и слышать и нравственное ухо и нравственный глазъ воспитателя. Чуютъ дѣтскія сердца, что тѣсна, узка преслѣдующая насъ мораль, что съ этой моралью дальше крыльца заведенія не уйдешь, что впечатлѣніе ея близко къ впечатлѣнію холодной души, только безъ ея оживляющаго, освѣжающаго свойства. А сердце молодо, кровь быстро течетъ въ жилахъ, мозгъ дѣятельно работаетъ; во всемъ организмѣ чувствуется какая-то болѣзненная жажда чего-то такого что бы утолило и жаръ крови и дѣятельность мозга, а подносятъ безжизненное, неудобоваримое блюдо — сухую, казенную азбучную мораль, отъ которой болѣз-

ненно сжимается сердце, и умъ, какъ испуганная улитка, боязливо свертывается и уходитъ въ свою раковину. А жажда между тѣмъ неудовлетворена, и замечется бѣдная пчелка по нивѣ, ища душистаго меду; бросается она и на чертополохъ, и на бѣленутраву, и на блѣдную лилію и жадно съ болѣзненной истомой всасываетъ ея соки, забывъ, что они ядовиты... Жажда велика! И счастлива пчела, если въ густой чащѣ бѣлены и чертополоха, завидитъ она полевой горошекъ, душицу; о, какъ жадно прильнетъ она, съ какимъ сладостнымъ упоеніемъ пить она сочную медвяную воду. Какъ радостно, звонко шумитъ она свѣтлыми, прозрачными, блестящими крылышками. Какъ музыкально—сладостно ея жужжанье. Да, жажда пчелъ удивительна, а душистыми, сочными цвѣтами такъ бѣдна наша флора. Бѣдная пчелка! И еще жалуются на тебя, что горекъ и неизобилентъ медъ твоихъ сотовъ. Бѣдная пчелка, твоя ли вина!

И потекла моя жизнь тихо, ровно, однообразно. Когда я вспомню распредѣленіе нашего времени для занятій, мнѣ приходитъ въ голову странная догадка. Мнѣ начинаетъ казаться, что механикъ—строитель былъ руководимъ оригинальной мыслью подчинить каждую минуту времени своей волѣ и вліянію, чтобы поммо этого вліянія не могли, не имѣли мѣста и времени зародиться своеобразная мысль, своеобразное чувство. Онъ видѣмъ дрожалъ и боялся, что вотъ—вотъ совершится страшное дѣло, выскочить человѣкъ изъ опредѣленной формы, — формы съ казеннымъ гербомъ и печатью, въ которую должны быть отлиты и мысль, и чувство, и благородство, и много—чего другого, и все это отлито по заранѣе утвержденному рецепту. Столько—то гранъ безпрекословнаго повиновенія начальству, столько—то уваженія къ старшимъ, столько—то и etc. и проч. и проч. И дѣйствительно, казалось бы такъ и быть должно. Какое тутъ самобытное развитіе. Только знай успѣвай готовить уроки да отвѣчать ихъ, а подумать, поразмыслить, отчего вотъ этотъ герой поступилъ такъ, а не иначе, а подѣлиться своими загадками съ товарищами, — такихъ минутъ и часовъ не полагается. Позабылъ механикъ—строитель одну истину, что человѣческая природа, хотя бы и дѣтская, не такая вещь, которую можно бы было закупорить въ ящикъ,

хотя бы и съ желѣзными обручами. Такъ или иначе найдеть вы-ходъ, и благо если не разорветъ ящика, и не поравитъ оскол-ками изобрѣтателя хитрой выдумки.

Зажмурю глаза и вижу я себя двѣнадцатилѣтнимъ мальчи-комъ. Вечеръ подъ свѣтлый празникъ. Всѣ, у кого есть родные или знакомые, въ отпуску. Пастъ всего-на-всего изъ всѣхъ кла-совъ осталось девять человекъ. На лицахъ у всѣхъ написана смертельная скука. Угловая комната огромнаго дортуара слабо освѣщена моргающимъ ночникомъ и небольшой лампадкой пер-елъ большимъ ротнымъ образомъ, а тамъ даѣе темнѣе и тем-нѣе, и наконецъ непроницаемая мгла, въ которую изрѣдка не-вольво впиваешься пристальнымъ взглядомъ и вдругъ быстро от-вернешься не безъ чувства безотчетной боязни. Бѣлыя наволочки подушекъ выдаются бѣлыми пятнами на черномъ фонѣ. Метал-лическія дощечки на койкахъ какъ-то тоскливо позвякивають при неосторожномъ шагѣ на отставшую паркетину. Подъ влія-ніемъ мучительной скуки, какъ полуумные, кочуемъ мы съ койки на койку. Полежишь на одной, скучно, пойдешь на другую, все скучно, все мѣста не найдешь, гдѣ бы было веселѣе. Слова ней-дуть съ языка; у всѣхъ носы повѣшены. Подойдешь къ кому, спросишь что-нибудь и не нужное, такъ только чтобы заговорить, да такъ недождавшись отвѣта и уйдешь. Какъ-будто самъ чув-ствуешь, что сказалъ что-то ужъ очень неловкое. Изъ коридора слабо доносится монотонное всхлипываніе Мурашкина, да мѣр-ные тяжелые шаги Еропа Савича. Ему тоже не весело. Думалъ дома разговѣться, въ семействѣ, анъ нѣтъ, никто изъ холостыхъ смѣнить не захотѣлъ: не стоитъ, говорятъ, а тутъ еще Мураш-кинъ разсердилъ.

Собралъ насъ Еропъ Савичъ въ кучку (вѣрно очень ужъ ску-ка одолѣла), да и началъ рассказывать: какая онъ важная птица былъ въ столичномъ корпусѣ, какъ кадеты одного взгляда его боялись, а начальство уважало и въ примѣръ товарищамъ ста-вило. Потомъ сталъ поучать какъ слѣдуетъ кадету вести себя, чтобъ заслужить вниманіе начальства: — въ глаза смотрѣть весе-ло, всякое приказаніе исполнять быстро, безпрекословно, нераз-суждая и съ веселымъ духомъ. Вольнымъ духомъ отнюдь неза-ражаться, потому что черезъ вольный духъ все что есть дур-наго въ мірѣ произошло. Много, много чему доброму училъ Еропъ Савичъ, а глупенькій Мурашкинъ, пренаивное существо,

слушалъ, слушалъ да и брякнулъ съ вѣтру: «а намъ говорили, что вы, Еропъ Савичъ, тамъ швіономъ были.» И спохватился тотчасъ же, покраснѣлъ какъ ракъ, потомъ поблѣднѣлъ, да ужъ поздно было. Разсвирѣпѣлъ Еропъ Савичъ, поставилъ Мурашкина въ коридоръ къ дверямъ, пообѣщалъ розги, разругалъ его на чужъ свѣтъ стоять, да ужъ за одну я насъ всѣхъ обозвалъ негодяями и заходилъ по коридору темнѣе ночи. Мучительная тоска! Надо бы мѣдь почистить, къ заутрени поведутъ, да суконка и щетка изъ рукъ валятся. Никто ничего не дѣлаетъ, никто слова не промолвить, какъ будто всѣ заранѣе согласились промолчать этотъ вечеръ. Одинъ Кореневъ дѣятеленъ, да и то молчаливо. Онъ уснѣлъ уже пришить къ шароварамъ огромныя карманы до сапогъ и теперь устраняетъ въ киверѣ перегородку изъ картона, и все плачетъ себѣ подъ носъ, какъ бы смятана сквозь бумагу не прошла. Кореневъ лакомка и надѣется при разговѣньи запасться завтракомъ на всю недѣлю.

Часы медленнымъ, хриплымъ басомъ пробили девять. Кто-то началъ считать вслухъ; съ послѣднимъ ударомъ и этотъ голосъ стихъ и опять настала мертвая, скучная тишина.

Вдругъ на койкѣ поднялся Барабинъ.

— Ухъ! долго еще не поведутъ. Экая тоска! Господа, идите ко мнѣ на койку разговаривать.

— И въ самомъ дѣлѣ пойдемте, господа, проговорилъ я, повеселѣвъ отъ одной мысли, что говорить стануть. Нѣкоторые поднялись со своихъ коекъ, перешли на сосѣднія къ Барабину, но никто ни слова. Только Кореневъ страшно сапѣлъ за работой. Ну, приладилъ! сказалъ онъ весело, вздохнувъ всей грудью. Моховъ, ты къ Александру Васильичу разговляться?

— Да, отъ заутрени къ нимъ пойду, — просили.

— Смотри, братъ, у меня: безъ яицъ и кулича не ворочайся, и носу лучше непоказывай, — всѣ вихры намну.

— Я принесу, сказалъ я.

— То-то, ты я знаю молодецъ! Захочешь, такъ спроворишь. Эхъ, кабы яйца-то въ крутую, а то въ запрошлый годъ въ смятку подали, всѣ штаны перепортилъ. Хорошо кабы въ крутую! Кореневъ вздохнулъ и наступила тишина.

— Господа! давайте объ офицерахъ говорить, раздался чей-то голосъ.

— Ну-ихъ! проворчалъ Барабинъ... Молчаніе...

— Господа! мнѣ кажется Еропъ Савичъ не умный, сказалъ я, желая завязать разговоръ.

Барабинъ разразился хохотомъ.

— У, голова, братъ ты Моховъ! Шутка какую штуку смѣлулъ. Никто и не зналъ безъ него, голова!..

Я сконфузился и замолчалъ.

— Одина Александръ Васильичъ изъ нихъ умный, а то все пустыя головы, докторальнымъ тономъ произнесъ Барабинъ. Никто ничего изъ предметовъ не знаетъ. Имъ только бы наказывать. Это небось ихъ дѣло—умѣютъ. А вѣдь посмотри какъ накинется на тебя, зачѣмъ неучишься, урокъ не приготовилъ. Подумашь, что самъ—то весь предметъ на зубокъ вызудилъ, а ничего незнаетъ, ни попорядку, ни въ разбивку. Я наедни нарочно Еропъ Савича выслушалъ, при всемъ классѣ, ейбогу. Позвольте, говорю, Еропъ Савичъ, спросить васъ: кто былъ Демосфенъ? — я не знаю.

— Ну чтожъ?.. слышались голоса.

— Разсердился и безъ двухъ блюдъ оставилъ, — не смѣй, говорить, приставать съ пустяками, а посмотри въ книжку: тамъ все прописано; вотъ они какіе. Ну, Александръ Васильичъ, — это другой человѣкъ.

— Это, господа, правду Барабинъ говоритъ, что Александръ Васильичъ умный, ужъ такой умный.

— Они его за то и не любятъ, что онъ умный, отозвался кто-то. Стыдно имъ передъ нимъ, такъ вотъ они и бѣсятся.

— Ахъ, какъ хорошо слушать, когда онъ съ верхнимъ классомъ спорить на дому у себя. Просто—вотъ какъ въ книгахъ печатаютъ, — чудо какъ хорошо.

— О чемъ это?

— Больше все о правдѣ. Что надо все по правдѣ дѣлать, что это первое на свѣтѣ, что... да я не умѣю такъ какъ онъ говорить, сказалъ я немного сконфузившись.

— Это, братъ, и безъ него знаемъ, что надо по правдѣ. А сами—то они по правдѣ чтоли дѣлаютъ. Веселый придетъ, такъ ничего еще, а сердитый такъ ни за что ни прочто накажетъ, только бы сердце сорвать по фантазіи своей.

— Нѣтъ, Александръ Васильичъ такъ не дѣлаетъ, — вступился я.

— Онъ не дѣлаетъ, такъ другіе дѣлаютъ. Вонъ Мурашкинъ

развѣ не правду сказалъ лизуну (всѣ засмѣялись), а смотри, пожалуется — худо будетъ. Вотъ она правда-то!

— Это ничего! заговорилъ я горячась. Значить онъ пострадалъ за правду. Это хорошо! это герой значить. Еслибъ ты послушалъ какъ Александръ Васильичъ говорилъ, какъ надо страдать за правду. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ пострадать за правду.

— Ступай, скажи Еропу Савичу дурака, сказалъ Барабинъ, и пострадаешь.

Я опѣшилъ. Странное чувство овладѣло мной. Много подстрекательнаго было въ предложеніи Барабина. Я чувствовалъ, что меня тянетъ какая-то неодолимая сила пойти и сказать дурака. Мнѣ казалось, что я такъ много выросту въ своихъ собственныхъ глазахъ, и глазахъ товарищей, и цѣлаго міра, когда поступлю такъ: скажу правду и пострадаю за правду. Мнѣ чувствовалось, что это такъ хорошо, такъ красиво пострадать за правду, что я отвѣчалъ съ какой-то пріятной лихорадочной раздражительностью:

— И скажу дурака! думаешь не скажу, скажу! и я рѣшительно пошолъ изъ камеры. Чувства мои были въ какомъ-то полувосторженномъ настроеніи.

— Стой, стой! Куда ты, закричалъ Кореньевъ, ухвативъ меня за руку. Ты съ дуру и вправду брякнешь. Этого я братъ не хочу. Тебѣ географію впишутъ, а я безъ кулича останусь. Раздался общій хохотъ. Я былъ скопфуженъ и оскорбленъ вмѣстѣ.

— Даю вамъ честное слово господа, заговорилъ я горячо, что послѣ праздниковъ я стану все дѣлать по правдѣ, и говорить одну правду. Если я не исполню: отдуйте меня всѣмъ класомъ. Слова эти были сказаны мною съ тѣмъ юношескимъ, горячимъ жаромъ и немножко торжественнымъ полутеатральнымъ голосомъ, какимъ вѣроятно клялись во время оно рыцари въ вѣчной, неизмѣнной любви своей любезной, преклонивъ передъ ней одно колѣно, отпрапляясь на войну съ невѣрными. Моя клятва не произвела особеннаго впечатлѣнія. Всѣ молчали, кто-то тихо засмѣялся, пробормотавъ: «храбрецъ!» И затѣмъ наступило молчаніе. Я нѣсколько разъ въ волненіи прошолся по камерѣ и легъ на койку. Всѣ мои мысли, чувства, помыслы сосредоточились въ одно болѣзненно-сильное желаніе, что поскорѣй бы миновали эти праздники, а тамъ я покажу имъ, что я не солгалъ. Я буду всегда стоять за правду! всегда! всегда!.. шепталъ я въ полуво-

сторженномъ забытьѣ... За это всѣ меня любить не станутъ, наказывать станутъ, пророчилъ я мысленно. За то Александръ Васильичъ любить станетъ, папаша и мамаша станутъ любить, товарища тоже. Машенька узнаетъ, что я пострадалъ за правду. Да, я покажу себя! Аександръ Васильичъ говорилъ: кто любить Бога, тотъ больше всего долженъ правду любить. Я люблю Бога, и правду буду любить. За правду Иисусъ Христосъ пострадалъ, за то онъ и воскресъ; а тѣ, что мучили его, — невоскресли. Онъ и сегодня воскреснетъ. Господи, я всегда буду любить правду, всегда! — и слезы, вдругъ неожиданно брызнули изъ глазъ.

— Вставай озорникъ, будетъ нѣжится и такъ христову заутреню проспалъ, бестыдникъ, — ворчитъ няня, тормоша меня за руки.

Я вскочилъ съ постельки и стою передъ нею, съ заспанными, выпученными глазами.

— Няня! я къ заутрени хочу! шепчу я слезливо.

— Хотѣлъ бы, такъ послушалъ меня. Залегъ бы послѣ чая, какъ говорила, и прочухался бы до заутрени. Нѣтъ вишь, безъ насъ неизготовятся. Просили насъ бабы обнюхивать, да яйца считать. Имъ счетчикъ нашолся, не сочтутъ безъ него. Какъ можно, мы и безъ сна досидимъ, — таковскій досидѣлъ! А изъ-за тебя—то, нехристь ты этакій, и меня господь не сподобилъ встрѣтить святой праздникъ похристіански, молитвамъ да поклонамъ земнымъ. Валандайся тутъ съ тобой. Ну вставай скорѣй, — отъ заутрени скоро будутъ.

Мнѣ стало ужасно жаль, что няня черезъ меня не пошла къ заутрени, — я заплакалъ.

— Это еще что? Подъ этакій праздникъ нюю-то распустилъ. У! балованный! Умывайся скорѣй. Праздникъ—то заспалъ, да и рюмишь.

Я умываюсь свѣжей водой, и мнѣ вдругъ становится весело.

— Скоро, няня, вернется, а? скоро?.. А что, куличи понесли святить, — мой понесли, няня? а что какова ночь?.. темная вѣрно; а солдаты придутъ съ барабанами? Болтаю я безъ умолку, нежидая отвѣта, потомучто совершенно увѣренъ, что я изъ церкви скоро вернется, и маленькій куличъ, нарочно испеченный для меня, унесли святить и ночь непременно темная да тихая, какую я всегда видалъ подъ этотъ день, и солдаты придутъ разговляться. Наскоро одѣвшись, я выскочилъ на крыльцо. Сыро-

ватый, влажный холод обхватилъ меня, я почувствовалъ бодрую свѣжесть на воспаленныхъ отъ сна щекахъ, и легкая дрожь пробѣжала по тѣлу. Приливъ сладкаго чувства заговорилъ у сердца. Синяя мгла наполняла весь воздухъ; густой свинцовой пеленой висѣла она въ верхнихъ слояхъ. Долго смотрѣть въ верхъ становилось жутко; оттуда какъ-будто глядѣлъ кто мильономъ невидимыхъ очей. Ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, покой необъятный.

— Уфъ, какъ хорошо да тихо, — подумалъ я, какъ вдругъ ударъ колокола потрясъ воздухъ, и дрожа и замирая, растаялъ въ пространствѣ. Раздался другой, третій, — и начался благовѣсть. Я невольно перекрестился. Сквозь непроницаемую мглу, по направленію къ площади, мелькнулъ огонекъ, другой, и послышался веселый говоръ. Изъ церкви идутъ! И я подпрыгнулъ въ восторгъ. Дѣйствительно огненные точки приближались и я сталъ уже различать разноцвѣтные фонарики и освѣщенные полосы лицъ и яркіе цвѣта праздничной парадной одежды, на которые падали случайно лучи отъ зажженныхъ въ рукахъ свѣчь. Рѣчи становились слышнѣе, порой до уха долетала отрывистая фраза.

— Няня, няня! изъ церкви идутъ, закричалъ я, влетая въ залъ и остановился какъ вкопанный. По срединѣ комнаты стоялъ огромный столъ, покрытый бѣлою какъ снѣгъ скатертью. Старинныя хрустальные канделябры ярко освѣщали его, и чего-чего только не было на этомъ столѣ. Огромныя бабы, разряженныя въ яркія сахарныя краски, какъ боярыни важно занимали почетное мѣсто. Хорошенькій масляный барашекъ, съ коринковыми глазками и вѣточкой винограда во рту, умильно посматривалъ съ большой зеленой горки; медвѣжій окорокъ съ бантомъ изъ яркихъ, красныхъ лентъ, разливалъ такой задорный, аппетитный запахъ, что у меня слюнки потекли. Откормленный каплунокъ занималъ почетное мѣсто посрединѣ огромнаго блюда; вокругъ него смиренно лежали рябчики, куропатки, тетерева. Только одинъ поросенокъ смотрѣлъ нѣсколько грустно. Его нѣжная, бѣлая кожица была блѣдымъ пятномъ на свѣтлояркой картинѣ. Мокрые глазки испуганно закрылись, какъ будто надъ головой висѣлъ ударъ, и выраженіе мордочки исполнено безпредѣльно-грустной ироніи. Ишь какой невеселый, не радъ празднику! И я далъ ему щелчокъ въ самый пятакъ.

— А вѣдь всего этого не съѣмъ одинъ, размышлялъ я. Въ

день съѣшь, а вдругъ не съѣшь, — цѣтъ и въ день не съѣшь! Вонъ ихъ, яичъ—то однихъ сколько, гдѣ тутъ съѣсть! — а вотъ Герасимъ съѣлъ бы, онъ по цѣлому караваю хлѣба съѣдаетъ; и я потянулся къ золоченому яичку.

— Ступайте маменьку встрѣчать! послышался гудокъ няни.

Я бросился на крыльцо.

— Христось воскресъ! Мамаша.

— Воистину воскресъ! И она горячо обняла меня; — а зачѣмъ ты проспалъ, а Машенька не проспала, была въ церкви.

Мнѣ стало досадно и стыдно.

— Мамашенька, я побѣгу похристосоваться къ Машенькѣ, можно? Мнѣ ужасно хотѣлось похристосоваться; всю послѣднюю недѣлю я только и думалъ о томъ.

— Она сама сейчасъ придетъ къ намъ. — Я свѣта не взвидѣлъ отъ радости. Началось христосованье съ отцомъ, няней, дворовыми, которые вдругъ наполнили всю комнату. Всѣ они были такіе нарядные. Лица у всѣхъ такія довольныя, свѣтлыя, веселыя, даже лоснятся. Чудо какъ хорошо.

— Папаша, теперь можно яичко? говорю я заискивающимъ, сладкимъ голосомъ, вертясь у стола.

— Подожди, пасху изъ церкви не принесли.

Это меня обезпокоило. Я сталъ безпрестанно выбѣгать на крыльцо и смотрѣть въ даль.

— Не несуть! ахъ, какъ долго! Вдругъ раздался барабанный бой и къ дому стала приближаться толпа солдатъ. Я забылъ и розговѣнье.

— Папаша, папаша! Солдаты съ барабаномъ!

Отецъ вышелъ, сталъ христосоваться съ каждымъ и я за нимъ, потомъ вынесли свѣчъ изъ комнаты, и я увидѣлъ большіе, длинныя столы съ куличами, пирогами, яичами и мясомъ. Няня стала одѣлывать солдатъ водкой, поднялся веселый говоръ и смѣхъ. Небольшая отцовская команда каждый годъ угощалась на пасху. Я смѣло какъ свой разгуливалъ между солдатами, почти всѣ они были мнѣ знакомы и любили меня, и я уже успѣлъ заставить одного побожиться, что принесетъ завтра карточку. Мнѣ было чудо какъ весело. Я прыгалъ какъ козель, вбѣгалъ въ залъ, вертѣлся около стола, понюхивая то бабу, то сыръ, то окорокъ, снова летѣлъ на улицу, расхаживалъ между солдатами и снова бѣжалъ сломя голову, въ залъ.

Въ комнату вошелъ Петръ Герасимычъ съ Машенькой, и моя козлиная рѣзвость исчезла. Машенька была въ розовомъ платьицѣ; ея свѣжее личико оживлено веселой улыбочкой, которая ясно обозначалась двумя хорошенькими ямками на щочкахъ. Я стыдливо подошелъ къ ней.

— Машенька, давайте похристосуемся.

— Давай, Володя.

— Христось воскресъ!

— Воистину воскресъ! Она протянула ко мнѣ свои хорошенькія, свѣжія губки. Я громко чмокнулъ ихъ.

— Ухъ, хорошо! сказалъ я весело и засмѣялся.

— Будеть тебѣ дрыхнуть! вставай, сейчасъ поведутъ. Я вскочилъ съ постели и тарашу заспаные глаза. Передо мной стоитъ Барабинъ въ парадномъ платьѣ. Всѣ молча одѣваются. Догорающій ночникъ еле-еле моргаетъ, изъ коридора доносится громкій плачь Мурашкина.

— Ахъ, это сонъ былъ, произношу я съ грустью и начинаю торопливо одѣваться. Ведутъ насъ въ церковь. Таже странная, смущающая душу мгла разлита въ воздухъ, такъ же плавно текутъ и замираютъ звуки колокола, на щекахъ чувствуется таже сыроватая, прохладная свѣжесть, все, какъ во снѣ привидѣлось, только нѣтъ въ сердцѣ той свѣжей, бодрой радости. Какое-то темное, грустно-неуловимое чувство закралось въ душу. Плакать хочется, жаль чего-то, а чего—и сказать себѣ неумѣешь. И заплакалъ бы, да товарищей стыдно. Церковь полна народомъ, у всѣхъ въ рукахъ зажжонныя свѣчи и мы зажгли свои. Фараонова мышъ и тутъ остается вѣрна себѣ: безъ шпильки нельзя ни на шагъ. Помѣстился сзади какой-то барыни съ огромнымъ чепцомъ, дѣлаетъ видъ, что молится, а самъ чепчикъ ей поджигаетъ. Кореневъ ничего не видитъ, кромѣ куличей и пасохъ, принесенныхъ для освященія и поставленныхъ у клироса. Онъ такъ на нихъ посматриваетъ, какъ будто бы рассчитываетъ мысленно, на сколько бы ему хватило того, другого, третьяго.

— Моховъ! Моховъ! посмотри-ка Кореневъ какъ юлить, спроворить онъ яйцо! шепчетъ мышъ.

Дѣйствительно куличи видимо занимають Коренева. Онъ не сводить съ нихъ глазъ. Разъ даже наклонился къ одному и по-внюхалъ. Барабинъ молится молча и усердно, и все кладетъ земные поклоны. Я молюсь не молюсь. Чувства мои смутны и голова не свѣжа. Беспорядочныя, безсвязныя мысли быстро смѣняють одна другую. Что наши-то теперь? спрашиваю я себя. У заутрени вѣрно. Пріѣхалъ ли дѣдушка съ бабушкой? Еслибы дома былъ, червонецъ бы мнѣ подарилъ. Прошлый годъ онъ вмѣсто яичка червонецъ подарилъ. А все-таки онъ злой: бабушку не любитъ. Послѣ заутрени солдаты съ барабаномъ придутъ. Игнатчикъ лучше всѣхъ выбиваетъ на барабанѣ. Какой это сонъ мнѣ сегодня приснился. Однако какъ скучно было вчера вечеромъ. Отчего это? Мурашкина и отъ заутрени оставили. Плачеть я думаю бѣдный. Одинъ онъ теперь во всемъ корпусѣ, дневальный спитъ, страшно ему. А вѣдъ и вправду Кореневъ спроворить что-нибудь. Ишь какъ поглядываетъ. Ейбогу спроворить. Что это, какія мысли все мнѣ въ голову лѣзутъ! это грѣшно. Надо молиться. Молиться стану, — и я начинаю усердно креститься, но мысли неотстають и на сердцѣ тяжело.

«Христось воскресе!» торжественно огласилась церковь, и всѣ встrepенулись. Въ церкви какъ-будто стало свѣтлѣе, ярче горять свѣчи у образовъ и кресты на бѣлыхъ ризахъ священника, лица молящихся разцвѣли радостной улыбкой. Моя сосѣдка старушка, доселѣ клевавшая носомъ свѣчу, которая уже давно потухла въ ея рукахъ — приободрилась, подняла голову, перекрестилась, и алыя ленты зашумѣли на ея бѣломъ огромномъ чепцѣ. Какое-то отрадное чувство шевельнулось въ моемъ сердцѣ. Мнѣ вдругъ захотѣлось хорошенько помолиться и я сталъ усердно класть земные поклоны. На душѣ отлегло и докучныя мысли понемногу отстали.

Только что стали мы выходить изъ церкви, какъ я услышалъ громкое чвананье. Оглянулся. Кореневъ жадно ѣстъ яйцо чуть не со скорлупою. Экой обжора, подумалъ я и отправился къ Патриѣву. Они уже вернулись изъ церкви и приготовились разгавливаться. Ольга Петровна была чудо какая хорошенькая. Ея бѣлое, легкое, пышное платье смотрѣло на ней не просто платьемъ, а какимъ-то легкимъ воздушнымъ облакомъ, изъ котораго выглядывала обворожительная головка съ матовыми блѣдо-розовыми щечками, тонкими алыми губками, сложившимися

въ тихую, мягкую, удивительно-симпатичную улыбку и большими кроткими голубыми глазами.

Она пошла ко мнѣ на встрѣчу такъ свободно, легко, какъ-будто шла не по полу, а по воздуху.

— Господи! что ато за прелесть такая! подумалось мнѣ невольно. И ходить—то она не какъ всѣ... и не слышно, что идетъ. И мнѣ вдругъ вспомнились барыни, которыхъ я видѣлъ у заутрени и которая страшно шумѣли своими юбками.

— Совсѣмъ на другихъ не похожа! рѣшилъ я.

— Ну, христось воскресъ! сказала она такимъ радостнымъ, свѣтлымъ голоскомъ, что мнѣ стало чудо какъ хорошо. Я краснѣя похристосовался съ нею и совершенно повеселѣлъ. За небольшимъ нарядно-убраннымъ столомъ сидѣли: Патрикѣевъ, блондинъ и Жоржъ. Всѣ были особенно одушевлены и веселы. Патрикѣевъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, часто наливая вина въ рюмку себѣ и другимъ. Онъ даже заставилъ меня выпить полрюмки. Блондинъ почти не ѣлъ, но все улыбался своей доброй улыбкой и посматривалъ украдкой на Ольгу Петровну. Жоржъ болталъ безъ умолку и тутъ же составилъ програму удовольствій на будущіе праздники. Всѣмъ было весело, хорошо очень хорошо! Вино ли подѣйствовало на меня, на душѣ ли было такъ свѣтло, но я почувствовалъ сильную потребность сердечныхъ изліяній и тутъ же шопотомъ, сообщилъ по секрету Жоржу, что послѣ праздника хочу пострадать за правду и съ поведѣльника всѣмъ стану говорить правду въ глаза. Жоржъ не церемонился сообщить мое рѣшеніе всему обществу, что меня очень сконфузило. Къ счастью прошло оно совершенно незамѣченнымъ. Только Патрикѣевъ нѣсколько разъ впродолженіе завтрака пристально всматривался въ меня, и это меня смущало. Я улегся въ спальнѣ Жоржа и сладко заснулъ.

Стою я одинъ среди безконечно-необозримаго поля. Меня кто-то жестоко огорчилъ, я убѣжалъ отъ него, бѣжалъ, бѣжалъ и очутился въ полѣ. Невысокая трава вызжена солнцемъ, ни деревца, ни кустика, глазъ теряется въ необъятной дали. Воздухъ тяжелъ и удушливъ. Небо совершенно чисто, ни облачка, но цвѣтъ его неестествененъ, въ первый разъ я вижу такой: онъ изсѣра-зеленоватъ. Солнце смотритъ тусклымъ пятномъ кроваво-багроваго цвѣта, — ни лучей, ни тепла отъ него. Морозъ пробѣгаетъ у меня по кожѣ. Мнѣ стало жутко. Хочу подать го-

лось и боюсь. Но вот на горизонтѣ мелькнула черная точка, ближе, ближе... большая черная собака. Она бѣжитъ прямо на меня, визжитъ и виляетъ хвостомъ. Обрадованный бѣгу я къ ней навстрѣчу и вдругъ останавливаюсь. Глаза ея смотрятъ на хорошо. Что-то злое, предательское свѣтится въ этомъ заискивающемъ ласкающемъ взглядѣ. Боже, эти глаза знакомы мнѣ, я ихъ видѣлъ... такъ точно... это его глаза, его, и лицо его. Я задрожалъ, кровь похолодѣла, мнѣ стало страшно. Собачка! собачка! говорю я дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ, стараюсь его сдѣлать мягкимъ и ласковымъ. А! собачка! отвѣчаетъ собака груднымъ, надорваннымъ смѣхомъ и захохотала. Передо мной стоятъ Еропъ Савичъ, уставилъ на меня свои скверные глаза и смѣется. Что? ты за правду пострадать хочешь... Пойдемъ, вотъ я тебя пострадаю. Неси ребята розги за мной. Оглядываюсь: стоятъ позади меня служители наши Сидоренко и Карповъ, у одного подъ мышкой розги, у другаго скамейка. Пойдемъ братъ пойдемъ, и Еропъ Савичъ беретъ меня за руку. За что, за что? спрашиваю я замирающимъ голосомъ, слѣдуя за нимъ. За что! раздается сзади меня, и страшный хохотъ оглашаетъ воздухъ. Гляжу: въ кучкѣ стоятъ наши офицеры и инспекторъ, смѣются и пальцемъ на меня показываютъ, а кругомъ все тоже поле, та же мертвая гнетущая тишина, только въ самомъ центрѣ багроваго солнца выступило черное пятно, и я вижу какъ оно медленно растетъ. Ужасъ обхватилъ мнѣ душу. Я не дамъ ни за что, кричу я задыхаясь и вдругъ пускаюсь по полю. Лови! лови его! кричатъ. Свистъ, гамъ несется сзади меня; но я бѣгу, бѣгу... какая-то сверхъестественная сила и быстрота чувствуется въ ногахъ. Я бѣгу, бѣгу, чувствую что почва шатается подъ ногой и лечу стремглавъ въ пропасть. Сердце ёкнуло. Очнулся. Лежу я на берегу широкаго пруда; поверхность его гладка какъ зеркало, а вода такъ чиста и прозрачна, что разноцвѣтные камешки дна его горятъ и искрятся отъ солнечныхъ лучей. Высокія отвѣсныя скалы обхватываютъ прудъ со всѣхъ сторонъ. Яркая зелень покрываетъ ихъ бархатнымъ ковромъ. Она такъ сочна, что кажется вотъ-вотъ лопнуть стволы и брызнуть соки. Огромные кусты махровыхъ розъ свѣсились къ самой водѣ, вѣтки ихъ только-что незадѣваютъ поверхность воды. Въ воздухѣ удивительная музыка. Хорошенькія птички съ розовыми крылышками и желтыми золотистыми головками такъ и рѣютъ. Господи, господи!

какъ хорошо-то, шепчу я и поднимаю глаза къ небу. Ключокъ ярко-голубого неба виситъ надъ прудомъ. Но вотъ точно сорвалось съ него легкое облако и быстро несется къ пруду. Я слышу даже легкій шумъ отъ полета. Боже, что это оно летитъ прямо на меня. Въ глазахъ мелькаетъ нѣжный женскій обликъ. Огромныя крылья, легкія, прозрачныя, точно сотканныя изъ розоваго воздуха, съ золотистымъ отливомъ, какъ-то сладко шумятъ въ воздухѣ. Спустились, я передо мной Ольга Петровна. Она вся какая-то прозрачная, точно не тѣло у нея; но это она, ея святая, ангельская улыбка и добрый свѣтъ голубыхъ глазъ. Она обнимаетъ меня однимъ крыломъ и шепчетъ, сладостно шепчетъ. Ея лепетъ напоминаетъ мнѣ шумъ воды родного ключа на зорѣ, когда онъ бѣжитъ по розовымъ камешкамъ. Она шепчетъ: «Я за то къ тебѣ прилетѣла, что ты за правду страдать хочешь, обними меня, — обними!» Жадно протягиваю я руки для объятій и остаюсь какъ окаменѣлый. Она исчезла, и озеро и кусты розъ и звонкій голосъ птичекъ — все исчезло. И стою я опять одинъ по срединѣ мертваго поля и горько плачу.

— Охъ, какой ты соня, Моховъ! вставай! будить меня Жоржъ и я поднимаюсь на ноги.

Весело, незамѣтно пробѣжали первые три праздника; но по мѣрѣ того, какъ близился срокъ отпуска, мысль о корпусѣ, учителяхъ, классахъ, чаще и чаще отравляла беззаботную веселость. Зашалишься бывало, себя не помнишь отъ рѣзвости, да какъ мелькнетъ мысль, что вотъ всего-то два дня осталось, — и носъ повѣсишь, и куда веселость дѣнется. Послѣдній день и на праздникъ не походилъ, — хуже всякихъ буденъ. Такъ и грызетъ душу дума, что вотъ вечеромъ въ корпусъ, и пойдутъ съ завтрашняго дня классы, фронтъ, ученья; по утрамъ вода настоянная вѣниками и называемая чаемъ, за обѣдомъ прогорклое масло, тухлая говядина, а тутъ еще учительскія распеканья, начальническія внушенія, скучныя, однообразныя, безконечно-казенныя. А въ отпуску-то какъ хорошо; и поѣшь въ волю и выспишься въ волю; никто до зори не разбудитъ; а какіе разговоры велись съ Жоржемъ! Я чувствовалъ, что я какъ-будто поумнѣлъ за время отпуска. Я только что не плакалъ отъ тоски и горя, входя въ давно знакомые дортуары. Настало и утро понедѣльника. Сонные, скучные, сами не свои сошли мы внизъ и размѣстились по классамъ. Каждый какъ-будто мысленно прощаясь съ празд-

викомъ, съ тяжолымъ чувствомъ въ груди, приступалъ къ обыкновеннымъ скучнымъ занятіямъ. Ни одного веселаго лица. Всѣ какъ въ воду опущенные. Памятенъ мнѣ этотъ поведѣльникъ. Пришлось мнѣ *пострадать за правду*, да такъ, какъ и не воображалось. Только-что развели насъ по класамъ, — начались справки, что задаво.

— Изъ географіи господа много, всю Америку, цѣлыхъ пять билетовъ.

— Не готовить! рѣшилъ кто-то, прочимъ его, а то избаловался рябчикъ!

— Сказать, что два билета задано. Билеты маленькіе, можно приготовить, подсказала фараонова мышь.

Мысль его пришла съ всѣмъ по душѣ.

— Ну, господа! не выдавать! Кто и приготовилъ, не отвѣчать больше двухъ билетовъ! Идетъ!

— Идетъ! рѣшили всѣ.

Вошолъ учитель географіи (по кличкѣ — рябчикъ), маленькая фигурка, всегда надушонная пачулью, чопорная, съ жеманными, противными манерами и кисленькимъ голоскомъ, съ крохотной завитой головкой, неподвижно лежащей между высокими туговакрахмаленными воротничками, которые онъ пестовалъ и лелѣялъ какъ вѣжнолюбящая мать своего первенца. Мы, школьники, скоро подмѣтили слабость его къ воротничкамъ и отравляли его жизнь безпрестанно напоминая, что правый или лѣвый воротничекъ помять. Рябчикъ начиналъ суетиться; лицо его принимало пугливо-озабоченное-выраженіе, а правая рука съ легкимъ дрожаніемъ начинала осторожно расправлять мнимо-помятый воротничекъ. Шестъ лѣтъ мы, дѣти, пристально слѣдили за нимъ, повернетъ ли онъ куда голову, отзываясь на чей-либо зовъ или крикъ, и недождались... Разъ было посягнулъ онъ въ страхъ (ему закричали, когда онъ грѣлся у печки, что у него фалда фрака горить), помять свои воротнички... но и тутъ... остался себѣ вѣренъ... и по обыкновенію быстро поворачиваясь всѣмъ корпусомъ направо и налево — тоскливо воцѣлъ: «потушите, господа, потушите!»

— Ну-съ господа, о чемъ у насъ сегодня рѣчь?.. спросилъ рябчикъ, входя.

— Два билета: семнадцатый и восемнадцатый, — отозвался Барабинъ.

— Что это значить, господа! Вы шутить изволите со мной... не совѣтую... я задалъ пять билетовъ.

— Нѣтъ-съ... два задали, отозвался весь класъ.

Рябчикъ вспыхнулъ.

— Это что... заговоръ, бунтъ! вы осмѣливаетесь лгать... и кому же, мнѣ?..

Лгать? лгать! мелькнуло у меня въ головѣ. А я хотѣлъ съ поведѣльника по правдѣ идти... Вѣдь онъ въ самомъ дѣлѣ задалъ шять; я самъ слышалъ, — значить я солгу, когда скажу, что два билета... значить я не по правдѣ сдѣлаю.. А еще при всѣхъ вобожился, что я съ поведѣльника буду по правдѣ дѣлать, и Жоржу при прощаніи вобожился. Эти мысли съ быстротою молніи быстро слѣдовали одна за другою. Тревога наполнила грудь. Господи, какъ дѣлать... что мнѣ дѣлать! нѣтъ, я скажу что пять задано, по правдѣ поступлю; а класъ? весь класъ возстанетъ... а?

Между тѣмъ рябчикъ бѣгалъ по скамьямъ отъ одного къ другому съ вопросомъ «сколько задано?», получалъ въ отвѣтъ «два», подходилъ къ слѣдующему, — тотъ же вопросъ и отвѣтъ, и такъ далѣе.

— Сколько? спросилъ онъ меня.

Странное чувство овладѣло мной, я былъ какъ въ лихорадкѣ. Смутное сознаніе говорило мнѣ, что сказать правду когда всѣ согласились солгать, какъ-то ужь очень не ловко, но въ тоже время во всемъ организмѣ чувствовалось какое-то непреодолимое желаніе сказать правду, какая-то непонятная сила толкала меня на это. Чѣмъ кончилась бы борьба, не знаю, еслибы губы какъ-то невольно сами не произнесли глухо: — «пять!»

Эффектъ былъ чрезвычайный. Рябчикъ подпрыгнулъ отъ восторга. По класу раздался громкій ропотъ, до слуха моего долетѣло энергическое «подлецъ».

Я вспыхнулъ. Мнѣ стало такъ горько, такъ стыдно, что всѣ предметы помутились въ глазахъ. Въ головѣ зашумѣло... Подлецъ! звучало у меня въ ухахъ... Да, я подлецъ, я выдалъ класъ, шепталъ я... Но вѣдь я по правдѣ... Что жъ это такое правда? Я совершенно смутился, мысли перепутались, и я хотѣлъ уже отказаться отъ своихъ словъ...

— Отвѣчайте мнѣ пятый билетъ! сказалъ рябчикъ.

Отвѣчать мелькнуло у меня въ головѣ, я знаю, я на праздни-

какъ приготовилъ; но вѣдь мы сговорились только два отвѣчать, значитъ я буду обманщикъ, подлецъ; — при этомъ словѣ ознобъ пробѣжалъ по спиѣ, — вѣтъ, я не стану, я не обману класа... я только по правдѣ сказалъ, что пять задано, а отвѣчать не стану, рѣшилъ я мысленно. И этотъ странный силогизмъ какъ-будто приободрилъ меня.

— Я знаю только два! и оглянулся на класъ... Я ждалъ одобренія, но встрѣтилъ одни насмѣшливые, презрительные взгляды.

— Какъ! вы знаете, что задано пять, а приготовили два? Прекрасно. Вижу-съ, все вижу-съ. Вы всему коноводъ... вы первый бунтовщикъ. Прекрасно-съ, это вамъ не пройдетъ даромъ! я рябчикъ выбѣжалъ изъ класа. Пришолъ инспекторъ. Сталъ кричать на меня. Кричалъ долго, громко; но что онъ кричалъ, я не понималъ. Мысли мои были перепутаны, чувства смутны, я сознавалъ только, что выкинулъ какую-то очень нелѣзную и дикую штуку. Меня отвели въ карцеръ и заперли.

— А! ты еще не пробовалъ этой клѣточки, а вотъ попробуй, такъ перестанешь бунтовать! весело проговорилъ, какимъ-то гадкимъ, злораднымъ голоскомъ, Еропъ Савичъ, повертывая ключъ въ замкѣ. Вошелъ я въ карцеръ, въ страшномъ, ступѣломъ состояніи. Ни одной свѣжей, успокоительной мысли не выжму изъ головы, — тяжело, скверно! Съ отчаяньемъ въ сердцѣ опустился я на голую деревянную скамью и попурилъ голову. Чтожь такое я сдѣлалъ? за что меня посадили! Чѣмъ же я больше другихъ виноватъ, а наказали одного, быстро задавались вопросы. Я пытался проникнуть въ смыслъ моего поступка. Я уже чувствовалъ смутно въ немъ какую-то неопредѣленную двойственность. Вѣдь я по правдѣ поступилъ, значитъ хорошо сдѣлалъ... Ну, а товарищи!.. вѣдь я имъ измѣнилъ, вѣдь согласился не выдавать, а я выдалъ... значитъ не по правдѣ... значитъ я обманщикъ, подлецъ!.. Я самъ испугался своего вывода. Мнѣ вспомнились тѣ насмѣшливые, полные презрѣнія взгляды, съ которыми встрѣтился я неожиданно, когда обратился къ класу, и на сердцѣ стало еще тяжелѣй... Но вѣдь рябчикъ на самомъ дѣлѣ пять задалъ... значитъ еслибы я сказалъ два... значитъ я солгалъ бы... значитъ я тогда тоже былъ бы подлецъ... Мысли мои путались, никакого утѣшительнаго выхода. Я легъ на скамью, подложилъ подъ голову руку и предался самымъ без-

отраднѣмъ чувствамъ. Не знаю какъ случилось, я заснулъ, и когда открылъ глаза, въ комнатѣ уже было темно. Неприятная дрожь пробѣжала по тѣлу; мнѣ стало жутко. Оставаться въ темной комнатѣ одному всегда было для меня страшной нравственной пыткой. Помню, какъ отецъ, желая побѣдить во мнѣ это странное, безотчетное чувство, вводилъ меня за руку въ пустой залъ. Какъ ни былъ я дотога веселъ, а страхъ вдругъ охватывалъ меня. Я начиналъ дрожать. Въ темныхъ углахъ залы мнѣ видѣлись какія-то грозныя очи съ стальнымъ, холоднымъ взглядомъ, и бѣлыя длинныя волнистыя бороды. Пробѣжи въ то время мышка, я кажется упалъ бы въ обморокъ. Но вотъ мы повернулись, чтобъ выйти изъ зала, и страхъ еще сильнѣе охватывалъ разстроенное воображеніе. Я только-что не слышалъ шума, но чувствовалъ, какъ всѣ эти невидимыя жильцы угловъ и запечниковъ бросились за мной въ догонку. Сердце замирало отъ ужаса. Стыдясь своего страха, я сталъ пытливо всматриваться въ темные углы карцера, стараюсь увѣрить себя, что ничего и никого тутъ быть не можетъ; но страхъ бралъ свое помимо моей воли. Я уже начиналъ чувствовать легкое трепетаніе сердца. Я нарочно запѣлъ, чтобъ развеселить себя, прогнать тѣ странныя, неопредѣленные образы моего разстроеннаго воображенія, которые уже начали выглядывать изъ угловъ сѣрыми неопредѣленными пятнами. Я чувствовалъ, что скоро, скоро они примутъ болѣе опредѣленную форму, засмотрятъ на меня холодныя стальные взоры, замелькаютъ бѣлыя, какъ лунь, бороды. Я запѣлъ; но голосъ оборвался на первой нотѣ. Онъ такъ болѣзненно-глухо прозвучалъ въ моихъ ушахъ, въ немъ слышалось столько сдержаннаго страха, что я еще болѣе оробѣлъ.

— Стану думать о нашихъ, — о маменькѣ стану думать, рѣшилъ я, настроивая себя всѣми силами души къ воспоминаніямъ; но онѣ не шли, а глаза еще съ большимъ беспокойствомъ смотрѣли въ темные углы карцера. Вдругъ въ залѣ раздался звукъ мѣрныхъ шаговъ, я вздрогнулъ. Дверь скрипнула и Еропъ Савичъ со свѣчей въ рукахъ сталъ передо мною.

— Что весело, бунтовщикъ! Хе-хе-хе...

— Выпустите меня, проговорилъ я глухо: — я боюсь, мнѣ страшно.

— Хе-хе-хе! Такъ тебѣ и надо, уважай старшихъ... не гру-

біявъ. Вотъ ужю ночью къ тебѣ черти придуть, — еще страшнѣе будетъ.

Я вздрогнулъ.

— Что, трусишь?.. хе-хе... блудливъ какъ заяцъ, а трусливъ какъ кошка. Я велѣлъ тебѣ принести хлѣбца и водицы.

— Я не хочу ѣсть... Позвольте, я завтра не буду весь день ѣсть... Цѣлую недѣлю не буду ѣсть, только выпустите; — мнѣ страшно.

— Да ты что, братецъ, учить чтоли меня вздумалъ, какъ тебя наказывать. Смотри, я не изъ шутиwychъ... Я и на цѣлую недѣлю законопачу. И онъ сталъ затворять дверь. Злость, досада обхватили меня.

— Вы меня не выпустите? спросилъ я съ какой-то угрозой и озлобленіемъ.

Онъ опять отворилъ дверь.

— Что, вѣрно трусишь чертей, а? Здѣсь, братецъ, и мертвецы ходятъ.

Я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Ключъ щелкнулъ въ замкъ и снова звуки мѣрныхъ шаговъ раздались въ воздухѣ. Я всталъ со скамейки и началъ ходить по карцеру.

— Нажалуется онъ опять на меня... Пускай жалуется... Я поправдѣ поступилъ... Я небоюсь... Теперь и страху у меня вѣтъ, вдругъ пришло мнѣ въ голову и я повеселѣлъ. Чертями стращать вздумалъ, дуракъ... Эй, вы, черти! выходите! я не боюсь, я васъ всѣхъ побью, закричалъ я въ веселомъ азартѣ.

Вчера я пострадалъ за правду! была моя первая мысль, когда я открылъ глаза, — и мнѣ стало весело. Какое-то отрадное чувство самодовольства наполнило мнѣ грудь, когда сторожъ открылъ дверь карцера. Мнѣ вспомнилась еще недавно заученная исторія «Юсифа прекраснаго». Карцеръ взглянулъ египетской темницей. Какъ и онъ я безвинно былъ заключенъ, мелькнуло въ головѣ. Я чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо, какъ-то особенно былъ доволенъ собой

— Молодецъ! какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ. Съ понедѣльника же началъ за правду страдать. Страданіе за правду ле-

жало передъ моими глазами какимъ-то душистымъ лучемъ въ розовомъ сіяніи загорающейся зори. Причесываясь передъ зеркаломъ, послѣ умыванія, я невольно замѣтилъ, что на моемъ лицѣ какъ-будто прибавились новыя черты, какъ-будто выраженія его сдѣлались полнѣе, осмысленнѣе .. Въ глазахъ свѣтилось довольство и чувство собственнаго достоинства. О горе! я уже начиналъ цѣнить себя... рисоваться собою передъ самимъ же собою. Съ небывалой дотошъ увѣренностью, что я не просто такъ-себѣ, какъ и всѣ, вошелъ я въ класъ, и подошелъ къ Барабину съ вопросомъ что задано изъ исторіи. Барабинъ замѣтно сконфузился и молчалъ. Я повторилъ вопросъ, онъ покраснѣлъ, молча уткнувъ носъ въ книгу и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Озадаченный я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Волчокъ, сидѣвшій съ Барабинымъ рядомъ, торопливо убиралъ со стола тетради, съ видимой цѣлью покинуть свое мѣсто; онъ тоже былъ какъ-будто не въ своей тарелкѣ. Все это не ускользнуло отъ меня.

— Волчокъ! что задано?

Волчокъ не отвѣчая, подошелъ къ кому-то на задней скамейкѣ. Я, совершенно потерянный, обвелъ изумленными глазами класъ.

— Съ подлѣцами не разговариваютъ, отозвался Иуда, противоположно улыбаясь.

Мнѣ стало все ясно. Кровь застучала въ вискахъ.

— Такъ я подлѣцъ по вашему? Я — подлѣцъ, громко закричалъ я класу, задыхаясь отъ сильнаго волненія. Вы подлѣцы, а не я! Вы, вы!.. Я сказалъ правду... а вы — солгали... значить вы подлѣцы... Вы сговорились не говорить со мной! Я самъ съ вами говорить не стану... Вы не стойте, чтобъ съ вами разговаривать. Я знать васъ не хочу... Я ненуждаюсь въ васъ... меня не испугаете. А ты Иуда!.. ты такъ на всю жизнь останешься Иудой. Ты первый подлѣцъ въ класѣ.

Злость перехватила мнѣ горло, я замолчалъ и заплакалъ отъ злобы, горя, оскорбленія. Ни одного слова, ни одного возраженія на мои ругательства. Всѣ, какъ бы сконфуженные, молчали. Одинъ Иуда позеленѣлъ отъ злости, бросилъ вокругъ вызывающіе взгляды, но все молчало...

.....

Обыкновенный порядокъ будничной жизни былъ для меня нарушенъ. Вызовъ былъ принять и для меня началась та тяжелая нравственная пытка, которую естественно испытываетъ членъ семьи, отъ котораго вся семья его отвернулась. Первое время мнѣ было тяжело, больно и досадно. Тяжело тѣмъ болѣе, что я не чувствовалъ себя виноватымъ. За что, за что? спрашивалъ я часто себя, и терялся. Нѣтъ! тутъ что-нибудь да не такъ, чьи-нибудь шутки.

Въ одинъ изъ первыхъ дней ссоры, когда я печально, повѣся носъ, одиноко разгуливалъ по коридору, ко мнѣ подошелъ Лизалинъ, воспитанникъ старшаго класа, извѣстный болтунъ и сплетникъ.

— Что, братъ, Моховъ! Видно Иуда подпустилъ тебѣ жучка на славу... носъ-то повѣсилъ.

— Какого жучка?

— А съ класомъ-то разсорилъ. Это его, братъ, шутки. Ужь ты повѣрь мнѣ; я никогда не лгу. Ужь и старался онъ въ ту ночь, какъ тебя въ карцеръ заперли.

— Можетъ и не онъ, а всѣ. Зачѣмъ ему, отвѣчалъ я.

— Онъ! Ейбогу онъ! Вотъ тебѣ Христось! Я никогда не лгу. Онъ! Ему досадно, что ты по вѣдомостямъ его догналъ; боялся, что на экзаменахъ пожалуй перескочишь. Мнѣ онъ самъ говорилъ. Онъ божился, что ножку тебѣ подставитъ. Съѣдетъ, говорить, Моховъ подъ гору. Только бы класъ не сталъ съ нимъ говорить, а то срѣжется.

— Не вѣрю я тебѣ Лизалинъ, ты на всѣхъ наговариваешь, отвѣчалъ я, и быстро отъ него отвернулся. Тѣмъ не менѣе слова его заставили меня призадуматься, а нѣкоторыя обстоятельства убѣдили меня, что Лизалинъ на этотъ разъ не лгалъ. Большая часть класа вела себя относительно меня, очень странно. Исключая Иуды, я незамѣтилъ ни малѣйшей злобы, даже недоброжелательства со стороны кого-нибудь. Напротивъ всѣ какъ-будто были сконфужены, ежились и старательно избѣгали моей встрѣчи, даже взгляда. Видимо имъ было совѣстно передо мной. Они какъ-будто сознавали, что были неправы, поступивъ такъ жестоко. Заговорить со мной однако никто не рѣшался. Замѣтно надъ ними висѣло чье-то вліяніе. Мнѣ было не трудно угадать, что это дѣло хитраго, вкрадчиваго, льстиваго Иуды... Но когда глаза мои отыскивали нужное мнѣ руководство или атласъ, они

съ замѣтной предупредительностью, конфузясь и опуская глаза, подавали его мнѣ, какъ—будто желая тѣмъ искупить передо мною свою несправедливость. Претендовать на нихъ зато Иуда не могъ по нашимъ корпуснымъ понятіямъ. Они слово держали, не говорили со мной. Прошла недѣля такихъ отношеній и я поуспокоился, сталъ равнодушнѣе. Во мнѣ даже явилась довольно твердая увѣренность, что это такъ и быть должно. Кто идетъ за правду, тотъ ото всѣхъ будетъ страдать. Самъ Патрикѣвъ говорилъ такъ верхнему класу Я уже начиналъ на себя поглядывать какъ на мученика, на что-то исключительное, непохожее на другихъ, а на класъ, какъ на толпу. Хотя эти представленія смутно ходили въ головѣ и сердцѣ, но самолюбіе уже пустило ростки. Я уже начиналъ учиться владѣть собою. Какъ иногда ни становилось мнѣ тяжело мое отношеніе къ класу, у меня хватало воли казаться равнодушнымъ. Вскорѣ маска равнодушія получила даже отгѣнокъ пренебреженія, презрѣнія. Корпусный терминъ: «я въ васъ ненуждаюсь, я безъ васъ обойдусь», намѣренно сквозилъ въ каждомъ моемъ взглядѣ, словѣ, движеніи. Съ одной стороны размолвка съ класомъ припесла мнѣ значительную пользу. Оставленный одинъ-на-одинъ съ самимъ собою, я сначала отъ скуки, и потомъ войдя во вкусъ, сталъ серьезно заниматься уроками, много думать, еще больше читать. Жоржъ снабжалъ меня книгами. Большею частью это были путешествія, къ которымъ я пристрастился до маниі. Въ этихъ книгахъ описывалось все такое чудное, странное и страшное, совсѣмъ непохожее на все чтó я зналъ и видѣлъ прежде. Въ нихъ такъ хорошо говорилось о далекихъ странахъ, гдѣ зимы не бываетъ, гдѣ небо всегда голубое—разголубое, гдѣ и птицы, и звѣри, и травы роскошнѣе и наряднѣе нашихъ. Часто всласть начитавшись на ночь такой книги, я всю ночь на пролетъ гонялся по этимъ роскошнымъ, тропическимъ полямъ, за райской птичкой, за хорошенькой колибри забирался въ густую чащу гигантскаго камыша, но вдругъ собачій лай алигатора обхватывалъ меня ужасомъ... Тяжелая голова его, страшно пощелкивала зубами, а зеленые глаза смотрять также скверно какъ у Еропъ Савича, какъ—будто бы заранѣе лакомясь моимъ мясомъ... Я неистово вскрикивалъ и просыпался. Книжки Жоржа дразнили и развивали мое воображеніе, и безъ того всегда неспокойное и пугливое. Отъ Патрикѣва и Жоржа я скрылъ мои отношенія къ класу

су. Сказать о нихъ походило бы на жалобу, а жаловаться на кого бы то нибыло и зачто бы нибыло, мнѣ всегда казалось самымъ дурнымъ дѣломъ. Ктому же и самолюбіе мѣшало. Жалуются, значить сознаеть, что безсиленъ, а покаяться въ своемъ безсиліи мнѣ было всегда горько и обидно. Пятилѣтнимъ мальчикомъ я выплакивалъ на единѣ оскорбленія, толчки и щипки спльнѣйшихъ товарищей, когда не хватало средствъ потягаться съ ними; но жаловаться никогда не жаловался. Даже перелъ самимъ собой сознаться въ безсиліи мнѣ было тяжело и я всегда старался обойти этотъ вопросъ. Къ счастью обстоятельства помогли скрыть дѣло. Патрикѣевъ заболѣлъ и пролежалъ въ постели почти все время моеи ссоры, иначе отъ него бы она не скрылась. Кончилась же она такъ же странно какъ и началась. Страданіе за правду покорило меня, страданіе за правду и помирило.

Наступили экзамены. Даже привычній глазъ съ трудомъ узнаеть нашъ класъ. Мы ли это? всегда шалуны, школьники, всегда неистовые лѣнтяи. Дѣятельность изумительная; не класъ, а фабрика. Весь день на-пролетъ въ ухахъ стучить ти, ти, та, та, та. Это такъ-называемые зубрилки (они составляютъ значительное большинство) готовятся къ экзаменамъ. Передъ каждымъ изъ нихъ тетрадка, глаза зажмурены (чтобъ не соблазняться тетрадкой) шея вытянута, языкъ безъ остановки, какъ мельничной жорновъ — трещить на память. До свѣжаго уха иногда долетаетъ фраза, лишонная всякаго смысла, но зубряшкѣ не дотого: онъ за смысломъ не гонится. Его задача выучить до тла (вызудить, по техническому выраженію), чтобъ безъ запинки протрещать урокъ. Тпру! тпру!.. остановить его какой-нибудь школьникъ изъ солидныхъ, дернувъ за рукавъ въ самомъ разгарѣ *выкусыванья*. Зубряшка вскакиваетъ, бѣсится, бранится, жалуется, что ему не даютъ дѣломъ заняться, и усаживаясь снова, пачинаеть та-та-та-та-та, только непремѣнно сначала вопроса. Продолжать отвѣтъ онъ уже не можетъ, — его *смъшали, сбили*, апломбъ потерялъ. Онъ непремѣнно спутается, если не начнетъ сначала. Другіе (весьма немногіе) приготовляются къ экзамену болѣе солиднымъ образомъ. Сидятъ они человекъ четыре въ кружкѣ: одинъ читаетъ, остальные слушаютъ, потомъ поочередно рассказываютъ другъ другу прочитанное, иногда спорять, даже горячатся, и въ азартѣ далеко за-

бѣгаютъ назадъ или впередъ. Это большею частью воспитанники съ хорошими балами, но ужь никакъ не изъ отличныхъ. Методъ ихъ не нравится учителямъ и инспектору. Они имѣютъ непростительную смѣлость заглянуть иногда въ такъ-называемыя приватныя книги (т. е. руководства не утвержденныя для ихъ классовъ), отвѣчаютъ всегда *своими словами*, а иногда, вычитывая кое-что изъ *приватныхъ*, нерѣдко срѣзываютъ учителя. На нихъ смотрятъ подозрительно, какъ на бунтовщиковъ, желающихъ подорвать авторитетъ учителя и *конспекта*. Унивѣ записокъ учителя, мальчикъ ничего не выдумаетъ, рѣшаетъ ученый синклитъ съ инспекторомъ, такъ зачѣмъ въ *постороннія*—то книги заглядывать, да *посвоему разсуждать*. *Разсуждай какъ указано о предметъ. А это все фанаберил, вольнодумство всему причина!* И сообщается воспитателямъ, чтобъ построже слѣдили за ихъ нравственностью. На задней скамьѣ фабрикують билеты подъ руководствомъ фараоновой мыши. Мышь обладаетъ удивительно красивымъ и разборчивымъ почеркомъ. Всѣ учителя обращаются къ нему передъ экзаменомъ написать билеты изъ своего предмета (Расчетъ: дешевле — не платить писарю, да писарь и перевертеть можетъ). А фараонова мышь рада услужить. Это даетъ ему возможность ограничиться къ экзамену приготовленіемъ восьми, девяти вопросовъ, которые тутъ же чрезвычайно тонко подмѣчаются, такъ что надо очень и очень зоркій глазъ, чтобъ узнать помѣченные билеты въ разбросанной кучкѣ. Три-четыре дѣтя окружаютъ мышъ. Они дѣлають видъ, что ихъ очень интересуютъ подмѣченные билеты, и даже божатся что приготовить ихъ. Но они лгутъ, готовиться къ экзамену для нихъ вещь немислимая.

— Господа! семнадцатый билетъ двѣ точки на правомъ уголкѣ. Господа, двадцать-шестой — точка и тире, изрѣдка раздается голосъ фараоновой мыши. Нѣкоторые смѣльчаки заготовляютъ для себя два-три билета, на два-три вопроса единственно знакомыхъ имъ изо всего курса. Они смѣло выходятъ съ ними въ карманъ передъ экзаменатора; съ ловкостью профессора натуральной магіи и египетской кабастики, подмѣниваютъ своимъ билетомъ жеребьевый, и возвращаются съ сіяющимъ лицомъ и порядочной отмѣткой, благодаря своей находчивости, смѣлости и ловкости. Случается и попадаютъ, — влопываются, по кадетскому выраженію, но это бываетъ рѣдко. На

экзаменахъ сами учителя помогаютъ плутовать изъ расчета поставить свой предметъ высоко. Тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души и воспитатели и воспитанники видятъ въ экзаменѣ неболѣе, неменѣе какъ кукольную комедію.

Наступилъ день перваго экзамена, изъ математики. Въ класѣ прокурено уксусомъ, вокругъ кафедры поставлены кресла и стулья; мы въ новыхъ курточкахъ, крѣпкихъ сапогахъ и тщательно приглажены по формѣ. Экзаменаторъ будетъ самъ директоръ, страстный любитель математики. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ посматриваемъ мы на дверь, когда-то онъ войдетъ, поскорѣй бы начался, а то душой вымучаешься пока вызовутъ. Но вотъ вошелъ и директоръ съ инспекторомъ и ассистентами, и начался экзаменъ. Я оглянулся на класъ, — какая разнообразная игра чувствъ на этихъ физиономіяхъ. Зубряшки всѣ сильно трусятъ, нѣкоторые даже измѣнились въ лицѣ и какъ-будто похудѣли. Они боятся перепутать буквы въ формулахъ заученныхъ на память. Изъ солидныхъ нѣкоторые тоже потрушиваютъ, но это люди болѣе развитые. Они понимаютъ, что испуганная физиономія ихъ можетъ дурно откомендовать ихъ знанія передъ экзаменаторомъ и потому стараются казаться равнодушными, даже веселыми и бросаютъ на экзаменатора смѣлые, вызывающіе взгляды, — я дескать все приготовилъ, хоть сейчасъ спрашивай; но вспыхивающій повременамъ на щекахъ яркій румянецъ, при мысли, что вотъ-вотъ достанется семнадцатый или двадцать-третій билетъ, нетвердо приготовленный, выдаетъ ихъ передъ своими. Два-три закоренѣлые лѣнтя, и тѣ испытываютъ какое-то душевное безпокойство, хотя кажется имъ нечего мучиться вопросомъ какой билетъ достанется: они ни одного не готовили. Но тѣмъ не менѣе они замѣтно безпокойны. Ихъ долго не вызываютъ, а имъ хочется скорѣй отлѣяться. Они знаютъ, что имъ придется стоять столбнякомъ, что ихъ выбрывать и прогонять изъ класа. Они въ этомъ хорошо увѣрены и это ихъ особенно не тревожитъ, но тревожитъ то, что долго ждать всей этой процедуры... и вотъ они нетерпѣливо рѣжутъ ножичкомъ уголки стола, изрѣдка поглядывая другъ на друга. Иуда блѣднѣе смерти. Я увѣренъ, что у него стоитъ хорошій балъ, хотя математикъ онъ весьма плохой. Но онъ беретъ приватные уроки и учитель poradѣлъ своему племяншу. Иуда не ожидалъ, что экзаменаторомъ будетъ директоръ; онъ всегда предо-

ставляя это дѣло инспектору, а инспекторъ съ учителемъ свои и къ Іудѣ благоволятъ. Все это разстроило Іуду, онъ точно на иголкахъ, все вертится.

— Моховъ и Коничевскій, раздается голосъ экзаменатора, заставляющій насъ вздрогнуть. Мы выходимъ и отвѣчиваемъ поклоны по всѣмъ правиламъ танцкласа; передъ самымъ экзаменомъ, за часъ, намъ дѣлали репитичку. Іуда отвѣчаетъ плохо, путается, несмотря на всѣ маневры учителя. На посторонние вопросы экзаменатора рѣшительно стоитъ столбнякъ—столбнякомъ.

Директоръ посматриваетъ въ списокъ отмѣтокъ и морщится. Учитель замѣтно конфузится. Инспекторъ тоже.

— Отвѣчайте вы, Моховъ! говоритъ директоръ.

Я начинаю робко; но поощрительное киваніе головой директора ободряетъ меня; маленькій жаръ обхватываетъ голову — я увлекаюсь и продолжаю бойко, смѣло, съ увѣренностью.

Меня хвалятъ, начинаютъ дѣлать боковые вопросы, — я всѣ разрѣшаю ловко и свободно.

— Прекрасно! неподобно! говоритъ директоръ, потомъ обращается къ учителю: — Отчего у Мохова десять балловъ, а Коничевскій помѣченъ двѣнадцатью? помилуйте, да онъ въ ученики къ Мохову не годится. Что за причина? И лицо директора принимаетъ насмѣшливое выраженіе. Я вспышкаю. Я горько оскорбленъ тѣмъ, что Коничевскій поставленъ выше меня. Этого я никакъ не ожидалъ; — самолюбіе уязвленное, злость шевельнулись въ душѣ. Насмѣшливые взгляды директора такъ подстрекательны!

— Коничевскій у нихъ уроки беретъ, зато и поставлено, а я не беру, говорю я, прерывистымъ голосомъ, въ волненіи.

Слова мои производятъ необыкновенный эффектъ. Лицо директора вдругъ принимаетъ суровое выраженіе, впрочемъ нѣсколько потерянное. Учитель мѣняется, у инспектора губы передернуло. Іуда стоитъ блѣднѣе смерти.

— Ступайте въ карцеръ! глухо произноситъ директоръ, все еще не прійдя въ себя. Между инспекторомъ и учителемъ начинается разговоръ знаками и подмигиваньями.

Вошелъ я въ карцеръ уже не въ томъ смутномъ состояніи духа, какъ входилъ въ первый разъ. Я теперь сознательно чувствовалъ, что пострадалъ какъ слѣдуетъ за правду. Весь день

я былъ такъ веселъ и доволенъ собой, что мнѣ въ голову и мысль не приходила, что за мой поступокъ можно поплатиться кое-чѣмъ и посерьознѣе карцера. Зачто меня накажутъ болѣе? разсуждалъ я, — развѣ я неправду сказалъ? — незачто! Въ карцеръ посадили, и будетъ. Въ карцеръ нельзя не посадить, потому что *разсуждать* запрещено, не слѣдуетъ; а больше я ничего не сдѣлалъ. Только правду сказалъ. Вотъ еслибы я дерзости говорилъ, ну тогда такъ; а дерзости я себѣ никогда не позволю. Только правду сказалъ. Зачѣмъ дерзости говорить, это скверно, — а правду надо всегда говорить. Прошли сутки, другія, а плѣнь мой не оканчивался: я началъ беспокоиться. Напрасно пристававалъ я къ дневальному солдату, приносившему мнѣ хлѣбъ и воду, когда меня выпустятъ? — онъ естественно не могъ дать отвѣта. Наконецъ меня потребовали въ конференцъ-залу (комитетскую, какъ мы ее называли). Меня встрѣтилъ инспекторъ, кусая свои тонкія, сухія губы. Онъ объявилъ мнѣ, что директоръ поручилъ ему сдѣлать мнѣ отеческое внушеніе и то только на первый разъ въ уваженіе моихъ успѣховъ въ наукахъ, ограничился такимъ слабымъ наказаніемъ; но что если подобное повторится, то и т. д. Началъ инспекторъ внушеніе тихо, скромно, только немножко шипящимъ голосомъ, кончилъ крикомъ и бранью. — Смотри у меня, смотри! кричалъ онъ топя обѣими ногами, — въ грязь втопчу! Ты меня узнаешь! Все я прощу, все... лѣнность прощу, шалость прощу, а за разсужденіе — бѣда! Несчастливымъ на всю жизнь сдѣлаю! Кто разсуждаетъ съ начальствомъ, въ томъ не жди проку; на всю жизнь негодяемъ останется. Смотри, заруба это на носу, заруби! Убирайся!

— Ишь какъ ругается, размышляя я, слушая отеческое внушеніе, а еще на директора ссылается... Врешь, братъ, мы знаемъ, что директоръ не любитъ когда ругаются. Это ты все отъ себя, *своими словами!* Сострилъ я мысленно и отправился въ классъ. При входѣ моемъ пробѣжалъ легкій веселый говоръ. Я усѣлся на скамью и открылъ ящикъ, чтобы достать тетради. Гляжу, поверхъ книгъ лежитъ листъ бумаги; читаю: «Моховъ! мы на тебя не сердимся и миримся съ тобою, только заговори первый съ классомъ!»

Я вспыхнулъ.

— Это съ чего вы взяли? заговорилъ я горячо, обращаясь къ классу. Вы первые не стали говорить со мной, а я стану

закривать у васъ, ухаживать за вами... Слышите: я унижаться передъ вами не стану; ни за что въ мірѣ первый не заговорю съ вами! и не воображайте себѣ!

— А вотъ самъ же заговорилъ первый, закричала фараонова мышь, смѣясь... Ну, Моховъ, не сердись! миръ! Господа, миръ съ Моховымъ! Онъ молодецъ! Какъ онъ математика отдѣлалъ.

Многіе подошли ко мнѣ. Всѣмъ имъ замѣтно было неловко.

— Я никогда и не сердился на васъ, заговорилъ я... я не знаю, что это вы...

— Да мы сами не сердились... а такъ...

— Иуда предалъ тебя, Моховъ!

Я взглянулъ на Иуду: онъ сидѣлъ на задней скамьѣ, будто занятый книгою, а самъ изподлбья поглядывалъ на происходящую сцену. Лицо его выражало злость и досаду.

— Я знаю, что все это Иуда сдѣлалъ... я съ нимъ всю жизнь говорить не стану...

— Ахъ какъ вы меня огорчили, скажите пожалуйста; — онъ насильственно засмѣялся и отвѣсилъ мнѣ поклонъ въ поясъ.

Миръ былъ заключенъ. Началась веселая болтовня. Всѣ наперерывъ заявляли мнѣ свое удовольствіе и удивленіе къ смѣлости моего поступка.

— А вѣдь мы думали, что тебѣ не миновать бани. Тутъ, братъ, безъ тебя комитетъ три раза собирался. У инспектора, сказываютъ, со злости ногтей на пальцахъ не осталось, всѣ изгрызъ. Все просилъ, чтобъ тебя передъ класомъ вспрыснуть... Всѣ на тебя поднялись... Лизунъ по всѣмъ класамъ благовѣстилъ, что будетъ лушровка; да спасибо, директоръ отстоялъ. Что у нихъ крику-то, говорить, въ комитетѣ было! Инспекторъ больше всѣхъ на тебя озлился. Александръ Васильичъ тоже за тебя просилъ, больной сюда припелся.

Я сіялъ отъ восторга, что надѣлалъ такого шума.

— Смотри, Моховъ, изъ математики братъ получше готовься; сказывали, въ комитетѣ похвасталъ, что доѣдетъ тебя.

— Не доѣдетъ! проговорилъ я съ гордостью!

— Будетъ готовиться, такъ какъ онъ его доѣдетъ!

— Задачками доѣдетъ! проговорилъ со вздохомъ волчокъ, очень неглупый мальчикъ, и всегда пасующій передъ задачками.

— Ну, развѣ задачками! подтвердилъ кто-то.

— И задачками не доѣсть! сказалъ я... не боюсь я его... а начнешь придирааться, — директору пожалуюсь: онъ несправедливостей не любить.

— Да, молодецъ директоръ! а вѣдь какой тихій на видъ, и не узнаешь. Досталось, говорятъ, отъ него всѣмъ. Обѣщаль по всѣмъ предметамъ самъ экзаменовать.

Племяши приуныли.

— Моховъ! къ тебѣ пришли! закричалъ кто-то.

Я какъ сумашедшій бросился въ столовую... Кто бы это? кто ко мнѣ?.. спрашивалъ я себя громко. Сердце забилося ускореннѣе.

— Моховъ! поди сюда! закричалъ Кореневъ, схвативъ меня за руку и насильно таща въ класъ.

— Пусти! ко мнѣ пришли.

— Успѣешь! — Я очутился въ среднемъ класѣ, куда никто и никогда изъ мальчиковъ нисшихъ классовъ войти не могъ, подъ опасеніемъ быть тотчасъ же изгнаннымъ съ порядочной встрѣчкой.

— Господа, Моховъ цѣль и невредимъ, провозгласилъ Кореневъ, обращаясь къ класу.

Всѣ обступили меня съ распросами, не былъ ли я высѣченъ келейно, — я побожился.

— Очень рады, очень рады! Ну молодецъ, братъ, Моховъ! лихую штуку удралъ. За это всегда можешь въ нашъ класъ безъ спросу входить.

Я не помнилъ себя отъ восторга. Оказанная честь была выше всякихъ ожиданій.

— Только чуръ не передавать что увидишь, отозвался кто-то.

— Я не наушникъ! отвѣчалъ я вспыхнувши.

— Молодецъ! Ходи къ намъ — не бойся!

Съ разгорѣвшимся отъ удовольствія лицомъ я вбѣжалъ въ столовую и невольно вскрикнулъ отъ радости, увидавъ Петра Герасимыча.

— Здравствуй, здравствуй, гусаръ! Фу, молодецъ какой! Наполеонъ да и только! и онъ сталъ меня нѣжно обнимать.

— Твои тебѣ кланяются. Живы и здоровы, гостинца тебѣ шлютъ.

— Вы одни приѣхали, Петръ Герасимычъ? спросилъ я краснѣя.

Петръ Герасимычъ засмѣялся.

— Оливъ! Машуркѣ вѣкогда, къ свадьбѣ готовится, — замужь идетъ!

Я выпучилъ глаза.

— Имъ рано еще...

— Невѣришь! Думаешь, тебя станеть дожидаться, ха-ха-ха.

Ну какъ ты учишься?

И пошли распросы. Уходя Петръ Герасимычъ звалъ къ себѣ. Онъ приѣхалъ по дѣлу на недѣлю.

— Смотри же приходи! Не придешь, будешь каяться, да поздно. А теперь возьми эти гостинцы. Онъ подаль миѣ огромный свертокъ разныхъ сластей, которыми черезъ вѣсколько минутъ я уже обдѣлялъ свой класъ. Весь день я провелъ въ какомъ-то сладостномъ, умственномъ чаду. Я чувствовалъ, что сталъ предметомъ общаго любопытства, что на меня смотрять, миѣ удивляются, ищутъ моей дружбы и расположенія; словомъ я былъ героемъ дня. Честь, оказанная миѣ среднимъ класомъ, сладостно щекотала мое самолюбіе, и высоко поставила меня въ глазахъ товарищей и кадетъ нисшихъ класовъ. Даже высшій класъ, всегда державшій себя на недосыгаемомъ пьедесталѣ, заявилъ свое сочувствіе.

— Который здѣсь Моховъ? спросилъ входя въ класъ Бирюковъ, господинъ извѣстный самостоятельностью своихъ убѣжденій, которая заявлялась тѣмъ, что онъ акуратно сидѣлъ каждую недѣлю въ карцерѣ за комплименты учителямъ.

— Я-съ! отвѣчалъ я робко.

Онъ посмотрѣлъ на меня очень внимательно, даже голову на сторону склонилъ и прищурилъ лѣвый глазъ. Словомъ посмотрѣлъ такъ, какъ покупатель смотритъ на аукціонѣ продаваемую вещь, соображая, стоитъ ли она объявленной цѣны.

— Гм! ты Моховъ! хорошо... и впередъ веди себя хорошо! А я тебѣ за обѣдомъ пирожокъ пришлю.

Дѣйствительно за обѣдомъ я получилъ отъ него пирожокъ. Но каково было мое удивленіе, когда вслѣдъ за нимъ служителя принесли миѣ съ разныхъ концовъ стола еще пирожковъ до десяти.

Я былъ сконфуженъ. За что это они, за что?

Стали подавать кашу; служитель принесъ мнѣ тарелку и въ ней порціи шесть или семь масла.

— Приказали сказать, что отъ средняго класа! сказалъ онъ, подавая тарелку.

Слезы у меня выступили на глазахъ. Господи, благодарю тебя! шепталъ я въ сладостномъ упоеніи. Меня всѣ полюбили. Да, хорошо за правду страдать. О! я всегда буду страдать за правду, всегда!

Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что главная причина всеобщаго сочувствія моему протесту лежала не въ принципѣ факта, а во всеобщей ненависти къ учителю математики, чловѣку крайне несправедливому, страшно жадному до денегъ, у котораго за извѣстную плату всегда можно было купить хорошій балъ, даже отъявленному лѣнтяю. Четверть корпуса была его племяшами. На каждаго *несвоего* онъ смотрѣлъ всегда подозрительно и прижималъ по силѣ—возможности (вспоминаю его любимое выраженіе). Что инспектору все это было извѣстно, мы хорошо знали, но директоръ явно не зналъ, да навѣрное никогда бы не узналъ, еслибы не случай со мной. Вотъ причина манифестаціи, на которыя Еропъ Савичъ смотрѣлъ, кусая отъ злости губы, и которыя такъ высоко поставили меня и въ моихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ товарищей, и заставили Іуду блѣднѣть и злиться. Онъ видѣлъ, что его авторитетъ падаетъ, что я вдругъ получилъ громкую и почетную популярность, что класъ какъ-то инстинктивно отвернулся отъ него и перешолъ на мою сторону, а отличныя отиѣтки по предметамъ на экзаменахъ довершили его погибель. Червякъ самолюбія заиѣтно грызъ его сердце; онъ видѣлъ, какъ его нравственное вліяніе на класъ ускользаетъ изъ его рукъ и переходитъ ко мнѣ вмѣстѣ съ первенствомъ по наукамъ, но по возможности онъ сохранилъ наружное спокойствіе. Онъ кажется еще надѣялся, что я не сумѣю воспользоваться удобной минутой, пропушу ее, и дѣло можетъ принять другой оборотъ. Еще болѣе кажется надѣялся, что упоенный успѣхомъ, я заиграюсь въ эту увлекательную, азартную игру *страданія за правду* и серьезно зарвусь. Онъ выдалъ себя, когда громко заговорилъ въ класѣ, что въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего ни особенно смѣлаго, ни отчаяннаго; что вотъ еслибы я сказалъ въ глаза инспектору, что онъ то-то, да то-то, ну это было бы дѣло другаго рода. Никто бы

не смѣлъ спорить, что я не молодецъ. Онъ говорилъ это такъ хорошо, громко, увлекательно, что я уже загорѣлся желаніемъ еще отличиться, да болѣе благоразумный Барабинъ удержалъ меня, раскрывъ глаза, для чего все это говорилось.

Вечеромъ я отправился къ Петру Герасимычу. Одѣлся наскоро въ старое платье и не напомадился даже, не причесался и побѣжалъ. Для него чтоли стану я помадиться, рассуждалъ я. Машеньки не привезъ, такъ нечего и новое платье надѣвать и помадиться нечего. Когда я пришолъ въ его квартиру, онъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями и повелъ въ залъ. На небольшомъ столикѣ стоялъ чайный приборъ и кипѣлъ самоваръ.

— Ктожъ, братъ Володя, разливать-то будетъ, я не мастеръ. Развѣ ты удружишь старику.

— Я никогда не разливалъ, не умѣю.

— Экое горе! досадно, что Машурку не взялъ, досадно! и тебѣ поли тоже досадно!

— Не привезли, такъ зачѣмъ говорить объ этомъ! сказалъ я съ досадой.

— Ну а что, еслибы по щучьему прошенью, да по моему велѣнью, она стала передъ тобой, какъ листъ передъ травой? а, ха, ха, ха! и онъ залился смѣхомъ.

Сердце мое учащенно забилося. Мной овладѣло то смутное, странное, сладко-тревожное волненіе, которое мы называемъ близкимъ предчувствіемъ чего-то давножданнаго, хорошимъ предчувствіемъ.

— Онъ здѣсь? спросилъ я прерывистымъ голосомъ.

— Здѣсь, Володя! сладко прозвучалъ звонкій, знакомый голосокъ, и изъ сосѣдней комнаты выпорхнула Машенька. Не сумѣю высказать мою радость. Первые минуты прошли для меня въ какомъ-то сладостномъ чадѣ. Не помню что такое говорилъ я, какъ съ ней поздоровался. Знаю только, что Петръ Герасимычъ приказалъ намъ поцѣловаться, и этотъ поцѣлуй цѣлую недѣлю загорался на моихъ губахъ при воспоминаніи. Машенька стала разливать чай, а я немножко пришолъ въ себя и сталъ ее разсматривать. Я замѣтилъ, что на ней новенькое левое платьице, и прическа другая, и сама она какъ-будто другая. Какъ-будто и веселѣе прежняго, да и солиднѣе въ тоже время, большую барышню очень напоминаетъ. Разговариваетъ

со мной, а сама глазами такъ дѣлаетъ, что вдругъ они у ней станутъ такіе ясные, да свѣтлые, да прозрачные, точно въ душу вашу она ими глядитъ; а то вдругъ какъ-будто масломъ подернутся, спать ей захотѣлось чтоли. А то подъ лобъ ихъ нежножко пустить, и все это такъ быстро, что не успѣешь слѣдить за ихъ игрой. Ишь какимъ она штукамъ научилась, совсѣмъ какъ большая; это вѣрно у поповскихъ дочерей переняла. Они тоже все такъ глазами дѣлаютъ. А мамаша говорила, что вѣдь это нехорошо глазами такъ дѣлать. И что это она все обдергивается и пелеринку поправляетъ. Вѣдь ловко она на ней надѣта! размышлялъ я, глотая чай и посматривая на Машеньку.

— Какой ты сталъ молодецъ, Володя! и большой какой, и интересный въ этомъ платьѣ! говоритъ Машенька съ улыбкой.

Я самодовольно улыбаюсь и тутъ же съ горечью вспоминаю, что на мнѣ старое платье и я не припомаженъ.

— Это у меня старое платье; я не зналъ, что вы пріѣхали. Я и не помадился! говорю я и вдругъ краснѣю; мнѣ становится стыдно и досадно на себя, что я это сказалъ.

А Машенька все улыбается.

Нѣтъ, прежде она лучше улыбалась, думалъ я, — и зачѣмъ это она все такъ глазами дѣлаетъ?

Кончили чай. Петръ Герасимычъ ушелъ заниматься дѣлами.

— Ну, Володя, расскажи мнѣ какъ ты живешь! хорошо ли у васъ?

— Хорошо, Машенька; я теперь все за правду страдаю.

— Какъ это страдаешь?

— Такъ, за правду. Изъ всего корпуса я одинъ страдаю за правду. Ахъ какъ хорошо это Машенька. За это всѣ наши любить меня и почитаютъ. Меня средній класъ къ себѣ безъ спросу пускаетъ, а сегодня мнѣ девять пирожковъ прислали. И я начинаю по своему развивать Машенькѣ идею *страданіа за правду*. Она сначала слушаетъ меня внимательно, хотя безпрестанно посматриваетъ въ зеркало, которое виситъ напротивъ нея. Руку ли положить на столъ, пелеринку ли поправить, голову ли вытянуть впередъ какъ гусь, или откинетъ на спинку кресла, — все *взглянетъ въ зеркало*. Вскорѣ она стала обнаруживать замѣтное *нетерпѣніе*, все вертится. Пстой, Володя! закричала она, вскакивая съ кресла: — я тебѣ покажу, какія мнѣ папа обновки

купилъ. Бѣжить въ другую комнату и возвращается оттуда въ шляпкѣ и съ узломъ въ рукѣ.

— Что, хорошенькая я въ этой шляпкѣ, а? спрашиваетъ она меня, вертясь передъ зеркаломъ.

— Очень хорошенькая! бормочу я, любуюсь ея милою головкой. — А вы любите меня? вдругъ срывается у меня съ языка помимо моей воли.

Машенька какъ-будто конфузится.

— Вотъ видишь, Володя! говорить она такимъ тономъ, какимъ оправдывается пойманный въ школьной продѣлкѣ шагуль : — ты скоро будешь офицеромъ?

— Нѣтъ, не скоро еще.

— Ахъ, какъ жалко! Вотъ будешь офицеромъ, я тебя любить стану, а теперъ нельзя, Володя. Ты кадетъ; развѣ кадета можно любить барышнѣ?

— Отчего же кадета нельзя любить? говорю я, горячась: — кадетъ также, что...

Дальше словъ не находится.

— Такъ ты говоришь, что я хорошенькая! И она стала гримасничать передъ зеркаломъ.

— А Катя Пиголицина хвастаетъ, что она лучше всѣхъ въ городѣ. Какая она завистливая, Володя, еслибъ ты зналъ. Она все завидовала, что меня большіе на танцы приглашали. Папа на мое рожденіе балъ сдѣлалъ. Ахъ, какъ весело было, и мороженое подавали. У насъ очень много было, и я все съ большими танцевала. Больше все съ гусаромъ однимъ; какой хорошенькій, Володя, а мундиръ такъ и горитъ. Ты Володя въ гусары поступай.

— Не выйду я въ гусары! отвѣчалъ я грубо. Злость, досада, ревность обхватываютъ меня.

— Навѣрно дуракъ какой-нибудь, бормочу я сквозь зубы.

— Это почему дуракъ?

— А потому что пѣсня такая есть.... Я въ артилерію пойду.

Пѣсня, какъ замѣтно, озадачила Машеньку; она сконфузилась и притихла.

— А какже у насъ всѣ говорятъ, что онъ умный?

— Чего нельзя говорить, говорить все можно. Вонъ и я вамъ сказалъ, что вы хорошенькая, а вы по правдѣ не хорошенькая, совсѣмъ не хорошенькая, я это такъ сказалъ! говорю я со

злостью. Образъ хорошенькаго гусара въ блестящемъ мундирѣ, какъ кошмаръ дразнить и душить меня, и подстрекаетъ говорить Машенькѣ неприятности.

— Ну, ужъ это ты врешь, Володя! говоритъ Машенька, наклонивъ на бокъ головку и лукаво улыбаясь. Я хорошенькая! это всё говорить, да я и сама знаю; а это ты позлить меня хочешь. Я вижу, ты ревнуешь меня, Володя! прознаосить она важно, нараспѣвъ.

— Очень нужно мнѣ ревновать, невидаль какая! Захотѣлъ бы ревновать, такъ я бы такую штуку сдѣлалъ...

— Чтоже бы ты сдѣлалъ?

— Да я бы, я бы... Нѣкогда мнѣ съ вами разговаривать, въ верпуть вѣра! говорю я сердито.

— Посиди еще Володя! Давай припомнимъ, какъ ты у насъ жилъ, а? Пойдемъ въ гостиную и сядемъ тамъ на ковръ. Помнишь какъ дома бывало!

— Ну, давайте! говорю я, нѣсколько смягчаясь, и сажусь на коверъ напротивъ Машеньки.

— Помнишь, Володя, какъ мы на пушечномъ играли, а? а армарку помнишь?

— А помните, какъ я вамъ стихи читалъ на рожденіе? перебиваю я: — Еще помните что вы тогда сдѣлали?

— А что такое, Володя? спрашиваетъ Машенька, широко раскрывъ свои глазки.

— А вы тогда поцѣловали меня.

— Ишь, какой ты, не забылъ! А помнишь, какъ ты Петрушѣ уко укусилъ за меня?

И смѣюсь.

И стали мы снова дѣтьми. Зажили еще недавно, свѣтлою, чистою жизнью. Подъ обаяніемъ дорогихъ воспоминаній, долго, долго болтали мы, не сводя другъ съ друга глазъ. Передо мной опять была Машенька въ бѣломъ платьицѣ, розовенькая, хохотушка съ веселыми ямочками на щечкахъ, съ большими, свѣтлыми глазками, въ которые такъ весело, хорошо было смотрѣть. Смотрю я въ эти глазки, такъ пристально смотрю и чудное дѣло творится со мною. Какъ въ фантасмогорической плеорамѣ вижу я въ этихъ глазкахъ знакомыя лица, знакомыя мѣста, быстро несутся они передо мной, смѣняясь одни другими. То видится мнѣ широкій лугъ. Зелень его такъ сочна и прозрачна, что сол-

вечный луч сквозить сивозъ стебли, окращивал золотомъ сокъ растенія. Кусты душистой черемухи, какъ невѣсты передъ вѣнцомъ, всё въ бѣломъ пѣту, тихія, пышныя, скромныя, облитыя золотыми лучами солнца. А тамъ вдали, между кустами мелькаетъ розовое платье Машеньки. Барбоска съ поднятымъ хвостомъ несется во всё лопатки, визжа и лая; я не отстаю отъ него, мнѣ ужасно хочется поймать его за хвостъ, а запыхавшаяся няня хриплымъ, надорваннымъ голосомъ уже давно кричить: «господа за столъ сѣли и насъ ждутъ кушать.» И все это я вижу въ большихъ, прозрачныхъ глазахъ Машеньки. Еще пристальнѣе всматриваюсь я, — и несутся передо мной: старый мушечный дворъ, и свній Донъ въ золотомъ сіяніи зори, и одинокая груша въ уголкѣ нашего большого двора, и она промелькнула грустная, одинокая, и вспомнилась мнѣ нищенка-сиротка, что у церковной ограды всегда просила подавнїя всторонѣ отъ прочихъ нищихъ. Я всегда берегъ для нея грошьякъ. Мелькнулъ изразцовой печью страшный дѣдовскій залъ, отецъ Василій, дядечкѣ Вавило, Барбосъ, и много, много ярке-запечатлѣнныхъ въ сердцѣ образовъ неслось передо мною.

Машенька сидитъ смирно и также пристально смотритъ на меня, и тоже кажется что-то видитъ. Глаза ея широко раскрылись и задумчивый взглядъ исполненъ какой-то серьезной важности. Она уже не играетъ ими, какъ полчаса тому назадъ.

— Машурка! покажи-ка Володѣ сережки, что я тебѣ купилъ! раздастся изъ сосѣдней комнаты голосъ Петра Герасимыча. Очарованіе исчезаетъ, Машенька вокакиваетъ какъ серна, приноситъ серьги, вертится передъ зеркаломъ и играетъ глазами.

Мнѣ становится что-то грустно и досадно.

Поздно возвращаюсь я въ корпусъ. Передъ глазами все мелькаетъ ея головка. Пришолъ, раздѣлся, закутался въ одѣяло, а она все не отстаетъ отъ меня. Раза два даже поднялся съ койки, ноказалось, что возлѣ меня зашумѣло платье. Не могу прогнать ея образа изъ головы. Что это я все о ней думаю, зачѣмъ? Она обо мнѣ вѣрно не думаетъ. Она вонъ съ гусаромъ танцевала. И какая она странная стала, совсѣмъ другая; глазами-то какъ она дѣлаетъ, даже нехорошо смотрѣтъ. Такъ лучше, когда она просто ими глядитъ, а вѣрно это поповскія дочери научили. И что это она объ нарядахъ только и говорить, о книжкахъ

чего не говорить. Она даже зѣвнула, когда я ей рассказывалъ, что пострадала за правду. Не хочу и о ней думать, не стоитъ она. Она мнѣ кажется и не умная вовсе. Лучше засну! И я крѣпко сжимаю рѣшницы, чтобъ поскорѣй уснуть, а сонъ нейдетъ. Слышится ухо легкой шелестъ воздушнаго платья, видитъ сомкнутый глазъ свѣжее, улыбающееся личико. Не пойду я къ нимъ завтра! рѣшаю я мысленно. Только сна отъ нея нѣтъ, да уроки не приготовишь, все объ ней станешь думать; и зачѣмъ это я думаю объ ней, и не хочу думать, а все думаю! Давно не видались, оттого вѣрно думаю. Ну, и опять — она хорошенькая!

Проснулся я съ твердою рѣшимостью не наѣзжать Петра Герасимыча до отъѣзда, и въ продолженіе цѣлаго дня эта рѣшимость не покидала меня; но только-что повѣстилъ колокольчикъ конецъ класамъ, странное безпокойство овладѣло мной, замелькало въ глазахъ палевое платьице, зазвучалъ въ ухахъ звонкій, знакомый голосъ. Не пойду я къ ней, низачто не пойду! бормоталъ я, быстро шагая по коридору. Лучше у Барбина книгу взъму про разбойника Фрадьяволо, говорятъ хорошая книга. Только читать что-то не хочется, все объ ней думается. Развѣ сегодня еще сходить разъ, да больше ужъ и не стану, а? Попроситься развѣ? попрошусь! Ахъ, еславбы не отпустили, отлично бы; тогда значить и хотѣлъ бы, да нельзя, не пускаютъ. Ахъ, ужъ половина восьмага! вскрикнулъ я съ испугомъ, взглянувъ на большіе, стѣнные часы. Проситься, такъ теперь, а то и поговорить нѣкогда будетъ. Ахъ, ей-богу, ужъ и не знаю какъ... погадать развѣ? Я зажмуриваю глаза и начинаю сводить указательные пальцы, но на половинѣ гадающа бросаясь изъ коридора проситься и бѣгу къ Машенькѣ. А время летитъ, уѣхала и Машенька. Смутно было наше прощанье. Она все вертѣлась передъ зеркаломъ въ своемъ новомъ, дорожномъ капотикѣ. Разъ пять снимала съ головы пуховый платочекъ и снова повязывала его; все ей казалось, что онъ неловко сидитъ. Даже задумала было надѣть шляпку, да Петръ Герасимычъ возсталъ. Я былъ разстроены, сердитъ и должно-быть смѣшонъ, потому что Машенька, взглядывая на меня, все какъ-то странно улыбалась.

— Прощай, Володя, прощай! Ты не скучай очень обо мнѣ. Можеть я скоро опять приѣду! сказала она съ улыбкой, обнимая меня. Невриятное чувство кольнуло въ сердцѣ. Мнѣ вспом-

вилось, что вотъ такимъ же голосомъ уговаривала и успокоивала меня мамаша, подавая мнѣ конфетку, когда я бывала очень огорченъ. Столько оскорбленія, столько снисхожденія къ слабости дитяти слышалось въ голосѣ Машеньки. Я вспыхнулъ: чувство досады и оскорбленнаго самолюбія заговорило во мнѣ.

— Нечего мнѣ скучать объ васъ. Не бойтесь, и безъ васъ все село будетъ. Ужъ очень много воображаете о себѣ! говорю я съ раздражительностію, напрягая всѣ силы души сохранить наружное равнодушіе, но голосъ противъ воли дрожить, а на глазахъ я чувствую какъ выступаютъ слезы.

— Ты не сердись на меня, Володя! ласково говоритъ она, склоняясь мнѣ на плечо и смотрясь своими прозрачными глазами прямо въ мои глаза.

— Очень нужно сердиться! говорю я, а слезы такъ и катятся изъ глазъ.

— Ну, поцѣлуемся! И она, крѣпко обнявъ, неожиданно цѣлуетъ меня.

— Оставь! и я выхожу на крыльцо. У подъѣзда стоятъ дорожные сани; лошадки, наскучивъ дожидаться, нетерпѣливо помахиваютъ головами; ямщикъ слезъ съ облучка и грѣтся, похлопывая рукавицей объ рукавицу; колокольчикъ шурьдя позвякиваетъ какъ-то мучительно-жалобно. Я совершенно разстроены и чувствую во рту горечь, а въ головѣ боль.

А время летить. Пробѣжала и зима съ мятелями, бурянами и морозами, о степени которыхъ могли всего вѣрнѣе судить мы, кадеты, кутаясь въ форменную шинельку, подбитую на синій холстомъ, а на полахъ — воздухомъ; прошла и масляница съ казенными блинами, весьма вкусными по наружности, но отъ которыхъ тѣмъ неменѣе мы цѣлую недѣлю ходили со спазмами въ животѣ. Наступилъ и постъ, съ протухлой рыбой, экономно закупленной еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, гнилыми зеленоватыми грибами, фигурирующими въ росписаніи обѣда подъ псевдонимомъ бѣлыхъ, и съ гороховой шелухой съ гренками, подъ громкимъ именемъ гороховаго соуса. Мы говѣемъ, — сегодня исповѣдь... Всѣ собраны въ залъ и размѣстились на скамейкахъ. Тишина такая, что легкій кашель звонко раздастся въ воздухъ и вызываетъ всеобщее вниманіе, заставляя кашляющаго краснѣть. На срединѣ зала высокая, худощавая, строгая фигура батюшки, въ черной рясѣ. Онъ говоритъ тихимъ, ровнымъ, вѣсколько глухимъ голо-

сомъ о великомъ значеніи исповѣди и св. причастія. Всѣ слушаютъ вивмательно и какъ-будто встревожены; даже у отъявленныхъ школьничковъ физиономіи вытянулись и глаза опущены долу. Перечисляетъ батюшка наши великіе грѣхи, и каждому изъ насъ чувствуется неловко, даже страшно: да, все это наши грѣшки, наши... Какъ онъ узналъ ихъ? наивно спрашиваешь себя. Точно онъ видитъ душу нашу насквозь, точно каждый день, каждый часъ былъ съ нами и подсматривалъ, а мы его только въ классѣ да въ церкви видали. Еропъ Савичъ вѣрно все ему пересказалъ, онъ фискальничаетъ всегда; да нѣтъ... можетъ ему Богъ далъ, что онъ все видитъ, и при этой мысли страшно становится, что заподозрилъ въ этомъ дѣлѣ Еропъ Савича, — и видитъ онъ, батюшка, что такъ грѣшно подумалъ, и причастія не дастъ... Господи! а грѣховъ-то сколько! и лѣность, и непочтеніе къ старшимъ, и смѣялись надъ отцомъ духовнымъ, все это... все дѣлалъ... во всемъ грѣшенъ... жутко становится на сердцѣ и тоска обхватываетъ душу. Но вотъ, сказалъ батюшка, что Богъ безконеченъ въ милосердіи своемъ, и все проститъ если покаяться ему отъ всего сердца, и свѣтлѣй становится на душѣ отъ этихъ словъ, и мысленно даешь горячую клятву во всемъ покаяться. Но Богъ только тѣхъ прощаетъ, кто самъ прощаетъ, говоритъ батюшка и приказываетъ помириться со всѣми кто въ ссорѣ, просить другъ у друга прощенія, а то грозить не дать причастія, и тихо уходитъ изъ зала. Всѣ съ шумомъ и гикомъ вырываются изъ зала, одинъ я стою какъ окаменѣлый.

— Просить прощенія у Іуды! при этой мысли краска бросилась мнѣ въ лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я низачто не подожду къ нему первый, низачто! а то онъ вообразить, что я нуждаюсь въ немъ, поддѣлываюсь къ нему. Начнетъ хвастать всѣмъ, что я просилъ у него прощенія. Чтѣ тогда весь классъ скажетъ. Нѣтъ, низачто!.. Вѣдъ батюшка сказалъ, что надо другъ у друга просить прощенія: ну, пусть онъ и подойдетъ ко мнѣ первый, а я его прощу, успокоиваю я себя. А если онъ не подойдетъ, тогда что? Не попрошу прощенія — батюшка причастія не дастъ. Ахъ, еслибы онъ самъ повпросилъ прощенія. И вотъ я начинаю вертѣться около Іуды, жду не дожжду, что вотъ скажетъ онъ мнѣ: «прости Моховъ!» Но Іуда видимо и не думаетъ объ этомъ. Онъ даже подсматриваетъ на меня нѣсколько двусмысленно: онъ кажется ви-

дять, что творится во мнѣ, осмѣивается и только-что не говорить глазами: «а что, братъ, придется видно проишенья просить у меня!» Это подозрѣніе еще болѣе усиливаетъ мою правдивую пытку, я какъ на иголкахъ. До исповѣди еще долго, еще успѣю, еще часовъ пять осталось, стараюсь я себя успокоить и прогнать докучно-мучительную мысль, но она крѣпко заѣла и не выходитъ изъ головы. Вотъ и за обѣдъ уже сѣли, — кусокъ въ ротъ нейдетъ. Господи, какъ мнѣ сдѣлать-то, спрашиваю я себя съ отчаяніемъ. Вотъ уже и построиться велѣли, чтобъ вести къ исповѣди въ домовую церковь, которая стояла на углу корпуснаго двора... Какъ же я пойду не испросивъ проишенья, что я скажу на исповѣди батюшкѣ... ахъ, Господи, Боже мой!.. А Иуда, какъ нарочно остается со второй половиной, которую поведутъ послѣ, а то бы, при входѣ въ церковь, я мимоходомъ пробормоталъ бы ему что-нибудь, какъ-будто проишенья прошу; а самъ бы и не просилъ, а такъ что-нибудь пробормоталъ бы. Вотъ ужъ и направо скомандовали, и маршъ скомандовали, и съ крыльца стали мы сходить. Нѣтъ, пойду попрошу проишенья, такъ грѣшно на исповѣдь идти, рѣшилъ я; — скажу ему, что батюшка приказалъ просить проишенья, оттого и прошу, а такъ бы не просилъ, — пусть не знается, я въ сильномъ волненіи вбѣгаю въ коридоръ и сталкиваюсь носъ къ носу съ Иудой.

Мнѣ показалось, что онъ догадался зачѣмъ я приближалъ; онъ насмѣшливо смотритъ на меня и прескверно улыбается.

— Я пришолъ... сказать... тебѣ... говорю я дрожа отъ волненія.

— Прощенья пришолъ просить! произноситъ Иуда съ своей отвратительной улыбкой и посматриваетъ на меня съ чувствомъ затаеннаго торжества. — Ну проси, а я еще подумаю простить ли тебя, и онъ начинаетъ ломаться передо мной.

— Подлецъ! провизношу я, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ негодованія, и бросаюсь догонять своихъ. Они уже въ церкви и смиренно стоятъ въ предверіи. Тишина страшная. Никто ни слова, у всѣхъ лица серьезные и озабочены. Въ церкви почти темно. Нѣсколько свѣчъ у мѣстнаго образа слабо освѣщаютъ правый уголъ, а тамъ въ лѣвомъ — непроницаемый мракъ. Предъ амвономъ въ полумракѣ стоятъ небольшія ширмочки, обтянутыя нето синей; нето зеленой матеріей; глазъ не можетъ опредѣлить: вѣрно свѣтъ такъ слабо проходитъ сквозь плотную ткань; надъ самой шир-

шой на потолокъ играет тѣнь отъ огня, кругленькая, величиной съ небольшое яблоко, я все смотрю на нее. За ширмами слышится легкій, монотонный шопоть, — то батюшка исповѣдуетъ Коркина... Вдругъ въ полголоса раздаются слова: «нынѣ отпускаешь...»; слышатся земные поклоны, и Коркинъ, красный какъ ракъ, серьезно-грустный, быстро идетъ къ намъ.

— Ну что? спрашиваетъ его кто-то.

Онъ ни на кого не обращаетъ вниманія и не отвѣчая на вопросъ, задумчиво выходитъ изъ церкви и бѣжитъ въ корпусъ. Очередной трусливымъ шагомъ пробирается къ ширмамъ и исчезаетъ за ними... опять неясный шопоть, земные поклоны и т. д. Скоро моя очередь... всего двое осталось... мнѣ становится страшно. Что я скажу батюшкѣ! я не помирился, я еще обругалъ его... развѣ не сказать... смущаетъ меня лукавая мысль. Въ эту минуту кто-то выходя изъ-за ширмъ задѣваетъ ихъ такъ, что одна половинка распахнулась, и передъ моими глазами мелькнули: налож, евангеліе, большая зазжонная свѣча и сгорбленная фигура батюшки съ блѣднымъ, суровымъ лицомъ. Мнѣ сдѣлалось вдругъ очень, очень страшно, сердце учащенно забилось, ноги задрожали. Подъ влияніемъ какого-то смутнаго побужденія, выбѣгаю изъ церкви какъ сумашедшій, бѣгу въ корпусъ, подбѣгаю къ Іудѣ, произношу скороговоркой: «прости Іуда!» и снова бѣгу въ церковь. Грудь дышетъ легче, страхъ почти прошолъ, хотя тревога снова овладѣла мной, и холодный потъ выступилъ на лбу, когда я сталъ подходить къ ширмамъ.

А время летитъ. Прошолъ годъ, другой, третій, и я начинаю чувствовать, какъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, болѣе и болѣе становлюсь *своимъ* миниатюрнаго мірка. Я уже чувствую, что погорло всосанъ этой милой трясиной. Еще одно, два благопріятныхъ обстоятельства, еще немножко старанія съ моей стороны, и я окунусь съ головой. Но это меня нисколько не огорчаетъ; я даже радуюсь, сознавая, что начинаю понемногу кристаллизоваться, что сквозь эту кристаллизацію мелькаетъ уже образъ формы, въ которую я отольюсь. Ну, а какая будетъ форма, — объ этомъ еще не думается.

IV

Тихій весенній вечеръ. Запахъ душистой черемухи борется съ запахомъ талой земли. Во всѣхъ членахъ чувствуется приближеніе заката; легкая дрожь изрѣдка пробѣгаетъ по спинѣ. Воздухъ становится сырѣе и холоднѣе въ тоже время. Солнце уже не грѣетъ какъ часъ тому назадъ. Его наклонные лучи, съ трудомъ пробиваясь сквозь густые кусты желтой акации и сирени, дробятся между листьями въ мелкія золотыя точки. Точно солнышко забралось въ средину куста, барахтается и никакъ не можетъ оттуда выкарабкаться. Покрайней-мѣрѣ такъ кажется мнѣ со скамьи, что стоить у забора нашего казеннаго садика, гдѣ мы съ Волчкомъ уже болѣе часа сидимъ надъ послѣдней страницей «Дневника лишняго человѣка.» Давно прочли мы эту страничку и оба какъ-то невольно задумались. Покрайней-мѣрѣ за послѣднимъ словомъ повѣсти ни одинъ изъ насъ не сказалъ своего слова. Глаза мои случайно уставились на кустъ сирени, въ которомъ казалось мнѣ такъ забавно-весело барахталось солнышко, а мысли неслись далеко. Волчокъ, понутивъ голову, чертилъ тросточкой по щебню дорожки, и тоже о чемъ-то напряженно думалъ, что можно было замѣтить по сморщенному абу и сдвинутымъ бровямъ. Не о повѣсти думалось. Думалось о томъ, что вотъ завтра распахнется передо мной міръ божій, и какъ вольная птичка весело я порхну въ него изъ душной, ненавистной темницы. Начнется вольная жизнь. При этой мысли къ сердцу прилило сладкое чувство. Будущее замелькало передо мной въ такомъ золотистомъ, свѣтло-розовомъ свѣтѣ, что всѣ окружающіе меня предметы, я самъ, и все во мнѣ вдругъ окрасилось въ этотъ свѣтъ и заиграло въ немъ. На сердцѣ стало чудо какъ весело! Все что нѣкогда въ безсонныя ночи поднималось со дна души смутными, неопредѣленными, но ювешески-горячими порывами, смотрѣло въ глаза неясными, но близкими сердцу образами, — теперь какъ живое стояло передо мной во плоти и крови, и такъ близко, такъ близко, что кажется протяни руку — и они мои. «Да, теперь я вольный казакъ!» прошепталъ я восторженно. Не посадятъ въ карцеръ за то, что стану говорить правду, дѣйствовать по правдѣ. Не скажутъ: «думай такъ какъ

тебѣ указано, поступай какъ приказано, а своего мнѣнія, своей воли не смѣй имѣть. Нѣтъ, basta! Теперь она моя, эта воля. Покончилъ я съ вами. Теперь я самъ хозяинъ своихъ поступковъ, вольный человекъ. О, я теперь знаю, что мнѣ дѣлать съ моей дорогой волей! И разгоряченное воображеніе зарисовало передо мной тотъ странный фантастическій міръ, къ дикой прелести котораго всегда было чутко сердце мое, который часто, очень часто и во снѣ, и наяву тревожилъ мою душу и распаллялъ мозгъ. Это міръ, созданный воображеніемъ нервнаго, впечатлительнаго ума, уже давно получилъ и краски, и тѣни, и формы: — краски небрежно-набросанныя, какъ у живописца вытѣсокъ лежали полосами, пятнами, но яркими, огненными; формы были чудовищны, но тѣмъ не менѣе я былъ своимъ въ этомъ мірѣ, я чувствовалъ себя и гражданиномъ и творцомъ его. И теперь въ настоящую минуту я переживаю уже не въ первый разъ жизнь этого міра. Воображеніе и чувства были дотогу наэкзальтированы, впечатлѣнія такъ ясны, цѣльны, такъ свѣтла призрачная радость, такъ горька призрачная печаль, что чувствую какъ кровь моя то сильнѣе приливаетъ къ сердцу, то стынеть въ жилахъ. То святой восторгъ вдругъ обхватываетъ все мое существо, сладостная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и на глазахъ невольно навертываются слезы; то мучительная скорбь отзовется въ сердцѣ, мускулы лица судорожно искривятся, а стиснутые зубы цѣпенѣютъ отъ душевной муки. Страшныя, дикія, но имѣть съ тѣмъ мучительно-сладкія грезы неслись передо мной. Вижу и чувствую я себя въ эту минуту высоко-честнымъ, полнымъ самоотверженія, глубокой и горячей любви къ Россіи, которой посвятилъ всю свою жизнь. На меня возложена великая, святая миссія преслѣдовать злодѣевъ-враговъ правды, взяточниковъ, низкопоклонниковъ, все гнилое, поддѣлающее, стоять за правду, за угнетенныхъ, за оскорбленнаго. И я благородно мещу эту миссію. . . .

— Сыро! Пойдемъ отсюда, говоритъ Волчокъ, трогая меня за плечо.

Мы встаемъ и отправляемся изъ сада.

— Что ты такой невеселый, Волчокъ? спрашиваю я.

— Ночѣму особенно радоваться!

— Какъ ночѣму? — А завтра вольную дадутъ!

— Вольную, грустно прашепталъ Волчокъ. Чтѣ братъ, тол-

ку въ волной безъ земли! Знаешь, Моховъ, о чемъ я сейчасъ думаю. Впрочемъ это не въ первый и не въ десятый разъ: часто мнѣ объ этомъ думается. Вотъ мы съ тобой кончили курсъ, экзамены сдали блистательно. По двадцати-четыремъ предметамъ полныя балы получили. Чего, чего только мы съ тобой не знаемъ: и математику, и механику, и физику, и политическія, и военныя науки, пробѣхались и по естественнымъ, да не разъ и архитектуру съ собой захватили. Словомъ кладезь премудрости. Молодцы да и только. Казалось бы куда хочешь, туда и толкай насъ, въ грязь лицомъ неударимъ. Ну а скажи, положи руку на сердце действительно ли мы знаемъ такъ много, а? продолжалъ волчокъ болѣе и болѣе горячася. По билетикамъ пожалуй мы хоть сейчасъ протрещимъ по всѣмъ двадцати-четыремъ предметамъ, — сдѣлайте одоженіе. Недаромъ съ красной доски шесть лѣтъ не сходили; а дай намъ дѣло, настоящее дѣло, мы и носъ повѣсимъ, и подойти къ нему несъумѣемъ. Насъ, архитекторовъ, послѣдній каменщикъ за поясъ заткнетъ. Насъ, законовѣдовъ, послѣдній чиновникъ земскаго суда на смѣхъ подниметъ, въ глаза насмѣется, и полное право имѣетъ. Вотъ завтра мнѣ рапорты надо подать, по болѣзни матушки въ отпускъ проситься, а вѣдь право не знаю какъ за дѣло взяться... надо будетъ шею просить, а вѣдь блистательно кончилъ курсъ по двадцати-четыремъ предметамъ. Да вѣдь въ какомъ объемѣ всѣ предметы проходились, что вашъ университетъ за поясъ заткнетъ.

Я глядѣлъ на Волчка съ удивленіемъ. Въ первый разъ слышалъ я отъ него такія горячія рѣчи. Это было для меня ново и неожиданно. Онъ всегда былъ молчаливъ, сосредоточенъ, и цѣлый день бывало сидитъ надъ развернутой книгой, уткнувъ въ нее носъ. Въ игры онъ вѣшивался неохотно, замѣтно избѣгалъ ихъ, и даже, когда самые серьезные изъ насъ подъ вліяніемъ свѣтлаго весенняго дня устраивали чехарду, или ласту, онъ мѣрлетъ бывало вдоль забора назадъ и впередъ, повѣся носъ и о чемъ-то раздумывая. Мы называли его философомъ. Онъ не отшучивался и не сердился. Ни на одной класной сходитъ я не слышалъ, чтобы онъ хоть разъ подалъ свой голосъ. Онъ какъ-будто заранѣе соглашался съ тѣмъ какъ рѣшать другіе. Мы знали, что способности у него удивительныя: онъ обыкновенно передъ самымъ классомъ доставалъ тетрадь, наскоро пробѣгалъ урокъ и отвѣчалъ отлично. Онъ шолъ однимъ изъ первыхъ.

Свободное время онъ сидѣлъ на задней скамейкѣ; упершись спиной въ стѣну, колѣнами въ снѣжку, повѣся голову, и все о чемъ-то размышлялъ. Читалъ онъ мало, но не такъ какъ мы всѣ залпомъ; — онъ читалъ медленно, часто задумавшись надъ страницей; просиживалъ понуря голову, цѣлые часы. Наружность его была неуклюжая, сутуловатая; онъ смотрѣлъ медвѣжонкомъ, хоть и носилъ названіе Волчка. Широкое, открытое лицо было всегда серьезно, да улыбка какъ-то и не шла къ нему; изъ подъ густыхъ нависшихъ бровей смотрѣли маленькіе пронзительные глаза. Разговаривая, онъ опускалъ ихъ, и только при возраженіяхъ, скидывалъ иногда на васъ взглядомъ, отъ котораго становилось какъ-то неловко. Говорилъ онъ всегда вяло, лѣниво и всегда такимъ тономъ, какъ-будто сердится на васъ зато, что обезпекчили его вопросомъ. Словомъ это была довольно странная личность, на которую впрочемъ никто изъ насъ не обращалъ особеннаго вниманія, чему онъ кажется былъ очень радъ. Я сошолся съ нимъ уже въ послѣднее время по поводу Бѣлинскаго. Патрикѣевъ познакомилъ меня съ его талантомъ, и я съ жаромъ принялся за его статьи. Однажды вызванный изъ класса, возвратясь, я увидѣлъ, что Волчокъ съ жадностью впился въ оставленную мною книгу «Отечественныхъ Записокъ». Замѣтивъ меня, онъ оставилъ ее и отошелъ. На другой и третій день, онъ безпрестанно слонялся около меня: видимо его что-то тревожило и ему хотѣлось заговорить со мной о чемъ-то. Я молчалъ и ждалъ что будетъ. На четвертый день онъ подошелъ ко мнѣ и по обыкновенію опустя глаза проговорилъ: «будемъ вмѣстѣ читать Бѣлинскаго.» Я съ радостью принялъ его предложеніе. Нашелся человекъ, которому я могъ повѣрять свои мысли, которыя быстро накали у меня при чтеніи Бѣлинскаго, и также быстро разлетались, потому что подѣлиться было не съ кѣмъ. Кому я ни начиналъ читать Бѣлинскаго, всѣмъ онъ непригляделся, не пришолся по вкусу и показался скученъ. Да и вообще у насъ охотнѣе читали романы Булгарина, Загоскина, Кукольника, рекомендуемые самимъ учителемъ словесности, чѣмъ серьезные статьи. Исключеніе было въ пользу критическихъ статей барона Врамбеуса въ Библиотекѣ. Отъ него всѣ были безъ уха. Мы съ Волчкомъ горячо принялись за Бѣлинскаго. Читалъ я вслухъ, часто останавливался и начиналъ высказываться. Волчокъ никогда не спорилъ: онъ слушалъ меня молча и терпѣливо; иногда

говорилъ: да! иногда говорилъ — нѣтъ! Но въ большія подробности не пускался. Съ этого времени мы очень подружились.

— Чтожъ дѣлать, Волчокъ! умыть стыдно, будемъ учиться. Начнемъ поревоспитывать себя. Помнишь что вчера говорилъ Александръ Васильичъ.

— А что я дѣлалъ въ эти шесть лѣтъ? Отдай мнѣ мои шесть лѣтъ! закричалъ Волчокъ. Вѣдь не можетъ же быть, нехочу я вѣрить, чтобъ во мнѣ ровно ничего не было, чтобъ я ни на что годенъ небылъ. А теперь я знаю, что я дѣйствительно ни на что негоденъ, ни на что неспособенъ. Успѣлъ таки приготовить изъ себя этукую прелесть.

— Да ктожъ виновать? Не наше ли собственное равнодушіе?

— Равнодушіе! ха-ха-ха. Какъ это мило сказано! одолжилъ Моховъ! нечего сказать, одолжилъ. Не ожидалъ я этого отъ тебя. Да откуда взялось это равнодушіе, вотъ въ чемъ вопросъ. Ну естественно ли дѣло, чтобъ у мальчика не было желанія узнать что-нибудь, поучиться чему-нибудь. Ну можно ль допустить такую мысль. Вѣдь это было бы противоприродное чувство. Вѣдь это ужъ нравственное уродство, извини меня. А между тѣмъ оно дѣйствительно есть, существуетъ это равнодушіе. Да еще какое, точно какая болѣзнь. Да отчего же это, а? А оттого что тѣ кому слѣдовало бы подогрѣвать, поддразнивать нашу любовзательность, сами равнодушны, спятъ голубчики, позевываютъ во всю ивановскую, ну а зѣвота заразительна. Ну, скажи мнѣ ради-бога во всѣхъ ли учителяхъ ты замѣтилъ желаніе научить насъ чему-нибудь болѣе того, что полагается по программѣ. — А вѣдь всѣ они преисправны. Въ классы ходятъ акуратво, во время; рекомендуются отличными учителями, а много ли пользы. Еще бы не существовало равнодушіе къ наукѣ, когда она изъ силъ бьется, чтобъ поселить отвращеніе къ ней. Что двигаетъ многими учителями? Какой рычагъ? Желаніе передать свои знанія, чтоли? Нѣтъ! тысячу, сто тысячъ разъ нѣтъ! Всѣ его помыслы устремлены на одно, чтобъ у него твердо знали тетрадку, по которой положено пройти предметъ, и только тетрадку, хоть будь она бессмысленна, чѣмъ насъ тоже не удивили. Вотъ на нее-то мапираетъ учитель и бьется изъ всѣхъ силъ, чтобъ улеглась она въ нашей памяти отъ іоты до іоты. Добьется своего, у насъ будутъ стоять высокіе балы, отличный успѣхъ, а за успѣхъ, извѣстно, учителю награду дадутъ, да и на душѣ

своейно. Не могу я без смѣха вспомнить это «на душѣ спокойное». Помнишь Козлякина. «Вы господа второнитесь пожалуста демончить тетрадочку, — на душѣ будетъ спокойнѣе.» А какими средствами достигается это *душевное спокойствіе*. Волчокъ захоталъ, но вдругъ нахмурился. Придетъ въ класъ и ну переспрашивать всѣхъ заданный урокъ отселева доселева. Крѣпкая память у мальчяка : выдолбить безъ записки , трещить звонко, что вебу жарко, — отличный балъ ему. Не богата память, да и голова такъ устроена, что не переварить пищу не принимаетъ ея, ну и влететь и путается, — нуль въ видѣ поощренія и острастки. Дескать врешь! заставлю учиться, подгоню единичками да нулями къ экзамену, а главное экзаменъ сошолъ бы. А сколько разъ бываетъ оскорблено самолюбіе такою несправедливостью. Бьешься бѣдный какъ рыба объ ледъ , а тебѣ все единички, да единички ; ну, и бросишь книгу въ сторону. Наука ставеть отъ вратительна, а объ такимъ учителѣ и говорить нечего. Ну, что неправду я говорю? спросилъ Волчокъ взмахнувъ опущенными до толѣ глазами и вопросительно посморѣвъ на меня.

— Правда!

— То-то! сказалъ онъ самодовольно улыбувшись. — Я много братъ Моховъ думалъ объ этомъ. «Равнодушны, лѣнны, на деле розги въ дѣло.» Вотъ вѣдь что кричить иной педагогъ. Спасибо директору : не изъ такихъ, а то бы такое ауто-дафе устроили, что Филипу II въ пору. Розгами хотять возбудить любовь къ наукѣ. Ну возможно ли имѣя хоть каплю мозга въ головѣ, говорить такія безобразныя вещи. Положимъ, что страхъ наказанія заставитъ вызубрить урокъ. Ну скажи на милость, какой пользы можно ожидать отъ ученья, источникъ котораго не желаніе научиться чему-нибудь, а побочный двигатель. Да чортъ съ нимъ съ такимъ успѣхомъ. Нѣтъ, заставъ учителей смотрѣть на насъ не какъ на пѣшокъ, которыя надо переспросить заданный урокъ, и только ; заставъ ихъ поблагороднѣе, посямпатичнѣе смотрѣть на свое дѣло : тогда стануть учиться. А-то, поставитъ балъ по справедливости, да и думаетъ, что дѣло свято, руки умыты. Не великъ подвигъ неподличать. Не въ одной рутинной честности сила. А розги тутъ непомогуть. Хорошо учење изъ подъ палки. О такихъ вещахъ и говорить-то совѣстно.

Волчокъ помолчалъ съ минуту, вдругъ глаза его загорѣлись, онъ схватилъ меня за руку, и заговорилъ съ жаромъ.

— Знаешь что, Мохомъ! третьего дня да... такъ, дѣйствитель-
но третьяго дня Александръ Васильичъ былъ особенно въ духѣ...
Я много съ нимъ говорилъ, все о воспитаніи больше. Онъ ска-
залъ вещь, которая меня сначала удивила. Онъ сказалъ, что на-
грады, эти красныя доски, похвальные листы и проч. и проч.
вредны во первыхъ потому, что источникъ ученія остается все-
таки не чистъ: награда а не наука; а во вторыхъ они развиваютъ
непомѣрное самолюбіе. Я долго думалъ объ этомъ, и мнѣ ка-
жется, что это истина! Заставь мальчика учиться изъ-за того,
чтобы научиться, — вотъ это отлично! А то учиться изъ-за на-
грады, велика честь, нечего сказать.

— А какъ справедливо раздаются эти награды, никакой
правды! сказалъ я.

— Ужь не удивляешься ли ты этому, Мохомъ? — Знаешь что
я скажу тебѣ. Такъ ужъ какая-то отировенная да разговорчи-
вая минута на меня напала. Ты этакій умный, милый, ейбогу...
а все-таки какъ-то смѣшно смотришь на вещи! Праве! Ты
не сердись на меня, я тебя очень люблю. Вотъ наврѣмѣрь, ты
за правду страдалъ...

— Незнаю отчего, при этихъ словахъ я вспыхнулъ, а мнѣ стало
совестно.

— А принесъ ли ты этимъ пользу какую-нибудь. Тебя вотъ за
эти и почестями мірскими обошли, сказалъ онъ съ иронической
улыбкой, — несмотря на то, что ты шолъ первымъ. Значитъ себѣ
не хорошо сдѣлалъ, а другимъ вѣдь никакой пользы.

— Кровь быстро забѣгала въ мои жилахъ.

— Волчокъ! отвѣчай мнѣ коротко: когда ты видишь неспра-
ведливость, съ тобой ничего не дѣлается, ты можешь быть клас-
сикомъ?

— Я ногти тогда грызу, оттого они у меня все искусавы.

— А! то-то! Хорошо, что ты можешь стерпѣть и не сказать
подлецу — подлеца! а я не могу. Когда я вижу подлеца, — мнѣ
хочется броситься на него, ударить его... дерзостей наговорить.

— Я догадываюсь, что это должно быть пріятно, но вѣдь
это бесполезно. Да и кромѣ «подлеца» пожалуй другого слова
непріятное бы произнести, разговоривать бы разучился.

— Ну, братъ, ты острить пустился.

— Плохая острота! Однако пойдемъ къ нашимъ! И мы стали
всходить на крыльцо.

— Волчокъ! тебѣ нисколько не жаль корпуса?

— Теперь не жаль. Можетъ-быть послѣ и пожалѣю.

— А жиѣ жаль. Немного радостей я въ немъ видѣлъ, а все-таки жаль. Вѣдь что ни говори, шесть лѣтъ провели мы въ этихъ стѣнахъ. Шестъ лѣтъ, вѣдь это много... все-таки привычка. И глупо можетъ-быть, а все-таки жаль. Вѣдь богъ-знаетъ еще что тамъ впереди, сказать я невольно настроиваясь на элегическій тонъ. Можетъ-быть какъ еще вспомнится-то нашъ корпусъ, какъ пожалѣемъ о немъ. Вѣдь были же и здѣсь свѣтлыя минуты, хорошія минуты были. Хоть и немного ихъ, а все же были. Знаешь что Волчокъ: пройдемся по корпусу, простимся со всѣми уголками! Право миѣ этого очень хочется. Завтра не удастся, а теперь всѣ въ класахъ. Пойдемъ!

— Странная фантазія, — пойдемъ. И мы вошли въ нижній коридоръ.

— Вотъ здѣсь, здѣсь, заговорилъ я восторженно, — сколько передумалось въ этомъ коридорѣ, когда бывало по цѣлымъ часамъ мѣряешь его изъ угла въ уголъ. А что, Волчокъ, я думаю каждый изъ насъ не одну сотню тысячъ разъ прошолъ по немъ! А вотъ этотъ ларь у часовъ; какъ бывало на немъ хорошо мечталось, особенно по праздникамъ. Тишина страшная; въ коридорѣ ни души. Наши кто на дворѣ, кто въ класахъ, дежурный дрыхнетъ себѣ наверху; только ту-тукъ, ту-тукъ!.. а ты усядешься съ ногами на ларь, да и начнешь себѣ думать о томъ, о другомъ; такъ занесешься, что забудешь что и въ коридорѣ, на ларѣ. Чудная это минуты. Люблю я ихъ!..

Волчокъ молчалъ, но все какъ-то странно улыбался.

Мы вошли въ столовую, которая отдѣлялась отъ пріемной зады двумя широкими колоннами.

— Вотъ здѣсь, продолжалъ волчокъ, намѣренно поддѣлываясь подъ мой элегическій тонъ: — кормили насъ тухлой говядиной, кашей съ прогорклымъ масломъ, въ которомъ случайно попадались свѣчныя свѣтильни. Въ торжественныхъ случаяхъ пирожками съ изюмомъ, между которыми иногда по странной игрѣ природная изюмина оказывалась съ длинными тоненькими усиками. А впрочемъ сказать по правдѣ, гдѣ насъ воспитывали и воспитали, такъ это именно въ этой комнатѣ. Намъ дали также желудки, что хотъ уткѣ такъ въ пору — все переварять. Не даромъ въ ходу

выраженіе «кадетскій желудокъ». А вѣдь это, говорятъ, тоже не послѣднее благо!

— Ну, ты вообще сегодня такой, сказалъ я съ неудовольствіемъ. А помнишь публичный экзаменъ... вотъ здѣсь стоялъ красный столъ...

— Кукольная комедія!..

— Ахъ, боже-мой, кто-жъ этого не понимаетъ! а все-таки пріятное воспоминаніе. Не знаю какъ ты, а я никогда не забуду того лихорадочнаго ожиданія, съ которымъ я смотрѣлъ на этотъ залъ, пока меня не вызвали. Когда экзаменаторъ произнесъ мою фамилію, у меня такъ и екнуло сердце; какъ я вышелъ, ейбогу не помню... Знаю только, что когда я брался за билетъ, все прыгало тогда въ глазахъ. Миѣ показалось, что всѣ эти шитые воротники забѣгали съ одной шеи на другую, точно какъ въ игрѣ когда барыня спрашиваетъ весь туалетъ. У одного даже миѣ показалось три воротника на шеѣ, одинъ на другомъ, а главный экзаменаторъ показался сидящимъ на столѣ... Какъ начать я отвѣчать, — смутно помню, но когда я догадался, что меня хвалить, весь страхъ вдругъ прошолъ, миѣ стало совсѣмъ легко. Я даже вдругъ почувствовалъ себя очень смѣлымъ, какъ никогда... Миѣ даже захотѣлось, чтобъ кто-нибудь изъ экзаменаторовъ придрался ко миѣ — и я бы его отдѣлалъ... Вотъ какъ и тогда расходился!.. и какое страшное, сладкое состояніе я тогда испытывалъ; точно и лихорадка тебя бьетъ, да и кровь какъ-то хорошо и скоро бѣжитъ по жиламъ — славно! Только послѣ экзамена у меня весь день жаръ въ головѣ былъ.

— А вотъ эта комнатка, продолжалъ я, входя въ офицерскую: — неужели и она не оставитъ тебѣ пріятныхъ воспоминаній. Помнишь, какъ бывало усядемся мы около Александра Васильича. Онъ, вотъ тутъ — на диванѣ ляжетъ, и начнутся у насъ споры да разговоры. Какое славное было это время. Такъ бы и проговорилъ всю ночь, а онъ гонить спать, говорить вредно. И вѣдь какъ кротко, какъ снисходительно, безъ всякаго задора и жолчи. Онъ спорилъ съ нами, выводилъ на нуть истинный, раскрывалъ передъ нами наши заблужденія. Вѣдь вѣтъ сомнѣнія, что иногда ему скучно бывало спорить съ нами, а никогда онъ и намека не дѣлалъ. Онъ какъ-то особенно умѣлъ учить насъ и виду непоказывая, что учить; оттого-то такъ и вѣрилось ему... Когда я выходилъ изъ этой комнаты я

всегда чувствовалъ себя бодрѣе, свѣжѣе, умнѣе... Сознайся Волчокъ, что если у насъ и есть что хорошее, такъ это мы ему обязаны; онъ первый заставилъ насъ благородно взглянуть на жизнь.

— Это намъ съ тобою такъ кажется, а другіе не то скажутъ; спроси ихъ... Они скажутъ что у Еропъ Савича лучше было сидѣть. Тотъ, иногда въ добрую минуту и папироской угостить, и разныя городскія сплетни сообщить. У него бывало всегда хохотъ, онъ это любилъ, только смѣйся прилично, въ себя смѣйся, животомъ, а горло не распускай. А ужъ если читать что заставить, такъ ужъ больно занятное... Зотовщину какую-нибудь, гдѣ отъ пожаровъ, да сраженій, да разбойниковъ не оберешься. Даже у Козивкина, скажутъ, веселѣе было: тотъ рассказывалъ какая у нихъ въ образцовомъ служба трудная была, и т. д., и все это пересыпано такими забавными солдатскими шуточками... а иной разъ, подъ веселую руку, и амуры свои царскосельскіе расскажетъ... въ назиданіе юношеству. А мы съ тобой, — мы научились благородно смотрѣть на жизнь, сказалъ Волчокъ, и лицо его приняло грустно-серьезное выраженіе... Но поведетъ ли это къ хорошему... Много подвѣлъ онъ у насъ со двѣ души такого, что преспокойно бы лежало въ ней, отъ времени до времени заносилось бы тиной, завязло бы въ ней, и совѣтъ не приходило бы намъ въ голову до гроба, что было у насъ что-то хорошее... и незнали даже бы мы о немъ, а жили бы себѣ припѣваячи — легонько да здоровенько. Впрочемъ, будь что будетъ, а великое спасибо ему, — всегда первая молитва за него. Послушай, Моховъ! и лицо Волчка приняло нѣсколько тревожное выраженіе. Замѣтилъ ли ты, что Александръ Васильичъ въ послѣднее время что-то не хорошъ: часто задумывается, жолченъ, даже несправедливъ подчасъ. Куда его терпѣніе дѣлось? Всегда бывало, каждую ссору, каждое дѣло разбереть до ниточки, а теперъ накажетъ—таки безъ разбору. У него что-нибудь на душѣ нехорошее.

— Да такъ, нездоровъ можетъ-быть, отвѣчалъ я, желая увѣрить самого себя, что это дѣйствительно такъ, хотя внутреннее чувство говорило мнѣ, что это не просто нездоровье, а что-то другое; оно даже смутно подсказывало что это такое именно, но еще не назвало по имени.

— Дай-богъ, чтобъ такъ! Послушай, Моховъ, продолжалъ

Волчокъ, замѣтно смущенный, запинаясь на каждомъ словѣ: — говорить, что Амосовъ цѣлые дни у него сидитъ.

— О, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! заговорилъ я съ жаромъ. Миѣ стала ясна мысль Волчка, и я ея испугался. Правда, это подозрѣнiе не разъ уже тревожило меня, но я гвалъ отъ себя страшную мысль. Я годоцъ былъ увѣрять себя и весь мiръ, что это не правда... Божусь тебѣ, Волчокъ — это сплетня, это Игнатiй Игнатъичъ выдумалъ по злобѣ на Александра Васильича... Ей-богу! Амосовъ никогда не бываетъ у нихъ, лгалъ я, чувствуя, что краснѣю. Право, онъ рѣдко бываетъ... Его Александръ Васильичъ какъ брата принимаетъ. Да нѣтъ, Ольга Петровна это такая женщина... Она такъ любитъ Александра Васильича, говорилъ я краснѣя и совершенно смущенный.

Въ эту минуту мы вошли въ дортуаръ, отведенный для насъ, выпускныхъ; шумъ, говоръ, смѣхъ оглашали всю комнату. Вся она была уставлена койками и при нихъ небольшими столиками. Тѣ и другiя были завалены разною разностью. Первое мѣсто занимали мундирныя и сертучныя пары, которыя смотря по степени любви къ порядку и акуратности своихъ хозяевъ, то чинно лежали на койкахъ, тщательно завернутыя въ чистыя простыни, такъ чтобъ и пылинка не сѣла; то скомканныя и растрепанныя небрежно валялись на табуреткахъ или торчали изъ-подъ угловъ подушекъ. Гораздо болѣе вниманiя даже со стороны самыхъ беспорядочныхъ было оказываемо тѣмъ бездѣлушкамъ, которыя во множествѣ украшали столикъ каждаго, указывая на себя, какъ на предметъ первой необходимости въ хозяйствѣ молодыхъ хозяевъ. Столъ Жигалева былъ весь заставленъ складными зеркальцами, помадными банками, флаконами духовъ, одеколона; одного *vin aigre de toilette* красовалось три стеклянки; щотками и щоточками всевозможныхъ величинъ и назначенiй: и для головы, и для усовъ (существующихъ только въ проектѣ), и для ногтей; даже платяная щотка и двѣ для смазки сапогъ — не были забыты. Самъ онъ уже съ часъ какъ сидѣлъ передъ зеркальцемъ и все причесывался, усердно намаживая свою голову уже не въ первый разъ и не изъ первой банки. Помада только-что не текла съ головы; но ему все казалось мало и онъ замѣтно былъ недоволенъ собой. Пристально поинѣскольку минутъ всматривался онъ въ зеркало, то поднося его къ самому носу, то относя отъ себя на вытянутую руку, и издавалъ лю-

буясь собой... Слова помядлись, и снова жѣняль прическу. На столѣкъ Филькина навалена была гряда трубокъ, чубуковъ, пачекъ папирозъ, и картузовъ табаку всевозможныхъ фабрикъ.

— Моховъ! Волчокъ! Посмотряте! возьмъ ихъ сколько, закричалъ онъ намъ весело, симметрично раскладывая на столѣ покупки. Ты, братъ, Волчокъ, какія куришь? можетъ Спитлазова или Миллера, а то Дюбека или Достоевскаго можетъ... Такъ ты братъ не стѣсняйся, говори; у меня всякія есть... Нѣтъ такой фабрики, какой бы у меня не было, ейбогу.

— Зачѣмъ это ты столько накупилъ? спросилъ я.

— Нельзя же, станутъ товарищи приходять. Одинъ курить одной фабрики, Спитлазова наприимѣръ — а другой, другія любить, ну и надо имѣть всякія. Зато, братъ, нѣтъ такой фабрики на свѣтѣ, которой бы у меня не было, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ самодевольствомъ.

— А Адилія есть? спросилъ кто-то.

— А развѣ есть такія?

— Ещебы. Конечно есть!..

— Нѣтъ у меня нѣтъ адиліи; да ты врешь, такихъ вѣрно и не бываетъ, выдумалъ.

— Ну вотъ, зачѣмъ я стану врать.

— Эйбогу врешь! и нарочно у всѣхъ лавочниковъ спрашивалъ, какія еще папирозы бываютъ, чтобъ всякими завастился... Ну, и они божились, что другихъ нѣтъ. Ты врешь, просто хотѣлъ срѣзвать меня, да не удалось.

— Нечего мнѣ тебя срѣзывать, а ты ступай въ кондитерскую, да и спроси папирозъ, тебѣ и подадутъ адилію.

— Да, я небылъ въ кондитерской, проговорилъ Филькинъ, доставая изъ кармана доскутокъ бумаги и написалъ адилію... Гм... Надо сходить. Сейчас же пойду, а то какъ же, вдругъ мѣня есть, а этихъ нѣтъ. Лицо его вришило озабоченное выраженіе, куда вся веселость дѣлась. Онъ принялся торопливо одѣваться, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

Передъ большимъ стѣннымъ зеркаломъ Ковыркинъ примѣрнулъ новый мундиръ, только-что принесенный портнымъ изъ переправки, въ которой онъ успѣлъ побывать разъ шесть. Какъ ни удитрился бѣдный портной, все не могъ угодить на прихотливый вкусъ молодого франта.

— Моховъ, Волчокъ, голубчики! закричалъ Ковыркинъ за-

видѣвъ насъ. Ну скажите мнѣ поправдѣ, скажите потоварищески. Вѣдь нехорошо шито, мало груди, говорилъ онъ вертясь передъ нами, въ новомъ щегольскомъ платьѣ.

Платье сидѣло отлично, только грудь была что-то неестественно выпукла, да талья какъ у муровья въ перехватъ. Мы сказали ему это.

— Это ничего что талья узенькая, это хорошо, я самъ приказалъ. Бадягинъ тоже такую носить, а онъ первый кавалеръ здѣсь въ городѣ; всѣхъ дамъ интересуеъ, заговорилъ скороговоркой Ковыркинъ. А вотъ груди такъ мало... что это за грудь, развѣ это грудь?.. отнесся онъ къ портному.

— Помилуйте, сударь, да я и такъ никакъ фунтовъ пять ваты подложилъ.

— И еще подложи, жаль тебѣ чтоли ваты; а такъ негодится, что это за грудь, такая грудь у всякаго штафирки есть... прибавь груди, чтобъ колесомъ была.

— Помилуйте, сударь... началъ было портной.

— Нечего тутъ миловать... не хочу я, негодится мундиръ... прибавь груди, чтобы колесомъ была. И онъ сталъ снимать платье, которое портной тотчасъ же принялъ отъ него съ тяжелымъ подавленнымъ вздохомъ.

На сосѣдней Ковыркину койкѣ собрался кружочекъ, и въ немъ кипѣлъ горячій споръ.

— Ну, Моховъ, ты всегда говоришь правду, горячился карапузикъ Горецкій, съ которымъ мы оба назначены были въ одну батарею: — скажи намъ по совѣсти какая служба благороднѣе: въ артилеріи или кавалеріи?..

— Стой, стой Горецкій! Моховъ въ этомъ спорѣ не можетъ быть судьей — онъ самъ въ артилерію выходитъ, кричалъ Пименовъ, новоиспеченный корнетъ NN гусарскаго полка.

— Пусть Волчокъ рѣшитъ, онъ въ пѣхоту идетъ, сказалъ кто-то.

— Да о чемъ же тутъ спорить, сказалъ Волчокъ улыбаясь: — каждая служба благородна.

— Ну, хорошо! А все-таки, какая благороднѣе, почетнѣе, а?.. кричалъ Горецкій. Ты забудь то, что въ артилерію первые выходятъ и у нихъ ученый кантъ на воротникѣ, а у кавалериста нѣтъ ученаго канта... Вотъ еще у саперовъ да у инженеровъ есть ученый кантъ.

— Да Волчокъ самъ въ пѣхоту идетъ, а не въ артилерію, а онъ изъ первыхъ; вотъ вамъ и рѣшеніе задачи, сказалъ я.

— Отчего въ самомъ дѣлѣ ты не въ артилерію Волчокъ, отозвался кто-то.

— Семья у меня большая... И Волчокъ отвернулся.

— Ну чтоже рѣши, какая служба благороднѣе? приставалъ Горецкій. Вѣдь артилерія? это ученая служба, а кавалерія что... на лошади ѣздить, тутъ не нужно головы.

— Я вамъ скажу одно, каждая служба требуетъ честныхъ людей, а слѣдовательно честный человѣкъ каждую службу сумеетъ сдѣлать благородной, а подлеца хоть къ чорту сунь — подлецомъ останется.

— Ну это ты изъ книги... это философія, сказалъ Горецкій. Всѣ засмѣялись.

Мы съ Волчкомъ отошли нѣсколько шаговъ и остановились у моей койки. На моемъ столикѣ красовалась хорошенькая хрустальная чернилица, полъ-стопы бумаги, четыре коробки стальныхъ перьевъ и въ хорошихъ переплетахъ сочиненія Лермонтова, Гоголя и Бѣлинскаго.

— Это на что ты столько перьевъ да бумаги накупилъ? спросилъ Волчокъ.

— Это я дневникъ стану писать, отвѣчалъ я покраснѣвъ. Мнѣ только теперь стало ясно, что бумаги и перьевъ накуплено дѣйствительно что-то ужъ слишкомъ много, и стало совѣстно.

— Ну, а ты Волчокъ, что себѣ купилъ?

— Чаю да сахару, люблю я этотъ напитокъ, а больше ничего — да и вначто; мнѣ, братъ, неизчего раскошеляваться... Я сестрѣ на два платья подарилъ... невѣста она, а женихъ у ней бѣдный, неизчего дарить ее... да и мать-старушка все большая... И въ голосъ Волчка зазвучала болѣзненная нота и по лицу пробѣжала грустная тѣнь; но онъ вдругъ поднялъ свою понуренную голову, встряхнулъ ею какъ-будто отгоняя невеселыя мысли, и засмѣялся не совсѣмъ естественнымъ голосомъ, кивнувъ на Лулу.

— Полюбуйся Иудой, все деньги считаетъ.

Дѣйствительно Иуда сидѣлъ за своимъ столикомъ и считалъ и пересчитывалъ серебро, которое было разложено передъ нимъ красивыми столбиками; пересчитавъ столбикъ онъ акуратно завертывалъ его въ бумажку, дѣлалъ надпись, принимался за слѣ-

дующій, и по окончаніи этой процедуры снова принимался считать. Видимо это занятіе доставляло ему удовольствіе. На столѣ кромѣ серебра лежали двѣ небольшія тетрадки въ переплетахъ, на коркахъ которыхъ были наклеены бѣлые бумажные ярлыки въ видѣ сердца, съ крупной надписью — на одномъ приходная, на другомъ расходная книга; поношенный шортмоне, стальная копилка, шелковый кошелекъ и нѣсколько дѣтскихъ игрушекъ дешаваго достоинства.

— Это онъ инспекторскимъ дѣтямъ купилъ, сказалъ Волчокъ, и потомъ обратился къ Іудѣ съ насмѣшливой улыбкой.

— Ну что, Іуда, не отыскался ли еще какой дядюшка или тетушка?

— А тебѣ завидно, что у самого нѣтъ, отвѣчалъ злобно смѣясь Іуда, неоставляя своего занятія.

— Вотъ братъ, Моковъ, чуть-то отыскивать дядюшекъ да тетушекъ. И вѣдь безъ большого труда, по адресъ-календарю. Отыщеть однофамильца, и шлеть къ нему родственное письмо, клянчить на обзаведеніе. Ну и плюють подачку... Какое гусь... Вотъ ужъ головой ручаюсь, что не пропадетъ человѣкъ.

Въ эту минуту дверь въ концѣ дортуара отворилась, и въ комнату вошелъ Амосовъ. А я-то вась нищу, кричалъ онъ, идя къ намъ ускореннымъ шагомъ.

Я взглянулъ на Амосова и подоврѣніе недавно высказанное Волчкомъ вдругъ проснулось во мнѣ. Его свѣжія, блѣднорозовыя щеки горѣли болѣе нежели здоровьемъ; сквозь нихъ какъ-будто невольнo сквозилъ избытокъ великаго душевнаго счастья. Такъ много играле одушевленія въ этомъ румянцѣ, въ блескѣ его голубыхъ глазъ, которые безпрестанно принимали смыватый отливъ, въ складѣ губъ, юношески-свѣжихъ, въ движеніи, походкѣ, голосѣ, — во всемъ чувствовалось столько сознательнаго довольства, такая полнота счастья, и вообще онъ смотрѣлъ такимъ интереснымъ, такимъ обаятельно-симпатичнымъ, что глядя на него у меня невольнo мелькнула мысль. Да, онъ лучше Александра Васильича, и сердце болѣзненно сжалось за Патрикѣва... Даже платье Амосова, уже далеко не новое, сидѣло на немъ какъ-то особенно хорошо, свободно, какъ-будто онъ родился въ немъ, а бархатный воротникъ съ тоненькимъ краснымъ кантомъ, правда немножко засаленнымъ, удивительно шелъ къ нему, еще болѣе отгѣняя матовую бѣлизму лица.

— Насилу васъ отыскалъ , говорилъ онъ , пожимая намъ руки : — я отъ Александра Васильича. Онъ просить васъ завтра въ ложу къ себѣ въ театръ.

— Какой театръ ? и у меня глаза загорѣлись отъ такого неожиданнаго сюрприза.

— Труппа прѣехала , завтра первое представленіе въ театрѣ , гдѣ слонъ зимовалъ ; тамъ говорятъ играли когда-то , и ложи сдѣланы... теперь порасчистили.

— Такъ значитъ завтра театръ ! Театръ , Волчокъ , театръ завтра , забормоталъ я , прыгая какъ козель отъ удовольствія.

— Ишь какъ обрадовался ! вотъ вамъ и афиша... а теперь прощайте , мнѣ надо еще кое куда... и Амосовъ пожавъ намъ руки вышелъ.

— Театръ , театръ ! все еще бормоталъ я , стоя какъ вкопанный , и перебирая въ рукахъ афишу. Чтожъ это я обезумѣлъ отъ радости... надо афишу прочесть что-то играютъ , и я развернулъ было ее , но вдругъ сложилъ и спряталъ въ карманъ ; мнѣ хотѣлось отдалить то удовольствіе , которое было въ моихъ рукахъ. Лучше послѣ обѣда прочту , мелькнула у меня мысль ; лягу на койку и прочту... съ разстановкой , съ толкомъ , и я даже чмокнулъ губами , заранѣ предвкушая то удовольствіе , которое мнѣ непременно должно было доставить чтеніе афиши.

Надо сказать , что одно слово «театръ» имѣло на меня какое-то магическое дѣйствіе... Я до безумія любилъ его , хотя до сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть настоящаго театра ; но мнѣ чувствовалось смутно , что это должно быть неисчерпаемое удовольствіе. Еще мальчикомъ двѣнадцати-тринадцати лѣтъ , я всѣ свободные часы просиживалъ за растрепанными книжками Пантеона. Жадно перечитывалъ все что я называлъ театромъ ; будь это драма Кукольника или Полевого , водевиль Кони или Писарева , переводная ли комедія Скриба , мнѣ было все равно , лишь бы то былъ театръ. Помню я приступалъ къ чтенію еще незнакомой мнѣ пьесы съ чувствомъ совершенно отличнымъ тѣмъ къ другой какой книгѣ , хотя вообще книги были моею первою и горячею страстью. Я въ какомъ-то благоговѣйномъ настроеніи развертывалъ книгу , пробѣгая про себя описаніе сцены , и она уже стояла передо мною какъ живая ; я забывалъ , что я въ классѣ... эти скамьи , доска , кафедра , все исчезало... я видѣлъ себя въ какой-то огромной , блестящей , розовой залѣ , ярко

освѣщенной, наполненной разряженнымъ народомъ — зала такъ походила на одну изъ тѣхъ, описанія которыхъ жадно читывались мною... Вотъ колеблется огромный занавѣсъ съ золотыми кистями и бархатными бахромами... оркестръ гремитъ... вдругъ зазвенѣлъ колокольчикъ... и театръ начался. Я становился актеромъ, читалъ пьесу въ полголоса, отгѣняя одно лицо отъ другого. Окончивъ первое дѣйствіе я закрывалъ книгу, мурлыкалъ какую-то цѣлѣную импровизацію, причемъ басылъ непомѣрно и билъ кулакомъ по столу; подъ вліяніемъ настроенія я вѣрилъ въ эту минуту, что распѣваю не я, а музыка играетъ въ оркестрѣ... Потомъ произносилъ: день-день-день... и еще съ большимъ аппетитомъ продолжалъ чтеніе на разные голоса съ жестами и завываніями — если то была драма. Чѣмъ болѣе разыгрывался драматическій интересъ, тѣмъ болѣе и болѣе я входилъ въ пафосъ. Въ антрактахъ я уже просто неистовствовалъ, колотя обѣими руками по столу. Мнѣ казалось, что оркестръ непременно долженъ былъ играть въ этомъ антрактѣ громкую и бурную пьесу, потому что дѣло въ драмѣ больно уже далеко зашло. Помню мой восторгъ, когда однажды на паску кадетъ верхняго класа торжественно объявилъ передъ завтракомъ, что сегодня у нихъ въ класѣ будетъ представленіе; кто желаетъ смотрѣть, долженъ заплатить шесть яиць т. е. три завтрака первыхъ трехъ дней праздника и шесть листовъ бумаги. Я конечно и минуты не задумался поголодать за право насладиться театромъ. Помню съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я скоро ли наступитъ вечеръ и насъ пустать въ верхній класъ. Помню то тревожное любопытство, съ какимъ я старался подсмотрѣть въ замочную скважину запертой двери приготовленія къ спектаклю. А приготовленія должно-быть шли огромныя. Шумъ, крикъ не утихалъ все утро, и все это окружено было глубокой таинственностью. Безпрестанно кто-нибудь выходилъ изъ класа и разгонялъ насъ, кочующихъ цѣлый день у дверей. Наконецъ наступила давножданная минута. Съ пяти часовъ безотходно дежурящіе у дверей, мы были въ восемь часовъ впущены въ класъ. Съ гикомъ и гамомъ ворвались мы обрадованные сквозь растворенныя двери, зачто тотчасъ же и получили по нѣскольку щелчковъ и подзатыльниковъ. Это служило намъ внушеніемъ, что въ храмѣ Мельпомены надо держать себя скромно и прилично. Помню какъ весело забилось мое

сердце, когда я взглянул на занавѣсъ наскоро сшитый изъ нѣсколькихъ казенныхъ простынь. Опъ былъ укрѣпленъ между двухъ класныхъ досокъ, для большого эффекта занавѣшенныхъ какими-то ситцевыми юпками, выпрошенными напрокатъ за пятналтынный у жены каптенармуса. Все это казалось мнѣ тогда такъ хорошо, что лучше и быть не нужно. Съ замираніемъ сердца, сдерживая дыханіе, молча смотрѣли мы на бѣлый занавѣсъ, сквозь который слабо сквозилъ свѣтъ отъ сальной свѣчки на сценѣ и нетерпѣливо ждали что-то будетъ. Кто-то постучалъ палочкой и раздалась музыка... Ламповщикъ игралъ на скрипкѣ... сюрпризъ былъ выше ожиданій: на музыку никто изъ насъ не рассчитывалъ. Кончился вальсъ, отдернули простыню и началось представленіе Архипа Осипова... Я испытывалъ глубокое наслажденіе; и всю ночь и весь послѣдующій день мнѣ все грезился театръ. И теперь... вдругъ, завтра же я увижу настоящій театръ... что-то играютъ они... бормоталъ я перебирая въ карманѣ акуратно сложеную афишу, невыдержавъ характера и принялся читать. Объявлено было: «Коварство и любовь» трагедія г. Шиллера и какой-то водевиль. Шиллеръ! Шиллеръ! «Коварство и любовь! знакомое мнѣ только по названію... я былъ въ восторгѣ... Ахъ хоть бы поскорѣ наступила ночь, застулъ бы, а тамъ просыпаюсь, присяга... а вечеромъ театръ; и незамѣтилъ бы какъ время до него пролетѣло; вотъ только бы нынѣшній день поскорѣ прошелъ... и я безпрестанно сталъ поглядывать на часы, нетерпѣливо дожидаясь вечера, чтобы поскорѣ завалиться спать.

На другой день меня разбудилъ сильный шумъ. Многіе уже встали, хотя было довольно рано. Ковыркинъ въ мундирѣ вѣртѣлся передъ зеркаломъ, бравъ на чемъ свѣтъ стоитъ портного, который понутивъ голову только вздыхалъ, безнадежно разводя руками.

— Сказывалъ я тебѣ, скотина, чтобы колесомъ грудь пустить... А? сказывалъ вѣдь, сказывалъ? человѣческимъ языкомъ сказывалъ... а это что... это что?.. Развѣ это колесомъ, колесомъ развѣ это? и онъ колотилъ себя въ грудь рукою. Какъ я теперь къ присягѣ пойду... а?.. ты развѣ за меня пойдешь? я тебя спрашиваю: ты развѣ за меня пойдешь? отвѣчай!

Портной отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ.

— Того, теперь вздыхаешь, а тогда не слушалъ, носомъ слу-

шалъ... Счастливъ ты, что сегодня такой торжественный день, а то бы я тебѣ твою физиономію колесомъ пустилъ...

Жигалевъ тоже былъ вставши... Лакей его едва успѣвалъ бѣгать съ рукомыльникомъ за водой для барина, который усердно натиралъ себѣ лицо разными мылами, умывался и опять натиралъ... Нѣсколько хорошенькихъ коробочекъ съ мыломъ, порошкомъ для зубовъ, пудрой, красовались на его табуретѣ.

— Что это вы такъ рано поднялись господа? спросилъ я.

— Надо же приготовиться, отвѣчалъ кто-то.

— Господа, кто хочетъ курить, можете ко мнѣ обратиться... Какой угодно фабрики есть, и адиллія есть... вчера купилъ... раздался голосъ Филькина. Я повернулся на другой бокъ и закрылъ глаза, но сонъ прошолъ; я повертѣлся, повертѣлся и соскочилъ съ койки. Почти всѣ поднялись, — дѣятельность страшная. У всѣхъ лица замѣтно сіяютъ торжественною веселостію, даже Бубенчиковъ, которому не выгорѣло офицерство и приходилось шесть мѣсяцевъ прослужить юнкеромъ, — до сегодня постоянно озлобленный и нѣсколько сконфуженный, поширился кажется съ своей судьбою. Онъ стоитъ передъ зеркаломъ самодовольно любуясь своей тальей съ перехватцемъ и ярко горѣвшими утеръ-офицерскими галунами на воротникѣ, которые были такъ искусно нашиты, что издали его можно было принять за штаб-офицера, что кажется его немало утѣшало. Впрочемъ его счастье скоро было нарушено. И снова лицо приняло сердитое выраженіе и снова краска пятнами повыступила на щекахъ.

— А ужъ заставлю же я тебя шапку мнѣ ломать, подгрунивала Фараонова мышь.

— Недождешься, братъ, прерывающимся голосомъ отвѣчалъ Бубенчиковъ, краснѣя отъ злости.

— Такъ гауптвахты попробуешь.

— Жирно будетъ! невелика птица, задыхаясь произнесъ Бубенчиковъ.

— Птица не птица, а офицеръ, хладнокровно отвѣчала мышь. — А васъ господинъ юнкеръ, прошу не забывать. Помните, что вы говорите съ офицеромъ, рѣзкія выраженія нижнему чину неприличны. Вы вѣдь нижній чинъ!

Бубенчиковъ поблѣднѣлъ.

— Зазнался, прошепталъ онъ злобно, отходя отъ мыши.

— Бубенчиковъ! душка ты моя, неужели ты шутку не умѣешь отличить, ахъ, ты... несъ эдакїи!.. и онъ бросился его обнимать.

— Скверная шутка, неделикатная шутка, бормоталъ Волчокъ, поднимался съ койки и отыскивая сапоги.

Пришѣръ всѣхъ подѣйствовалъ и на меня. Я торопливо умылся и сталъ наряжаться въ свой повенскїи артилерійскїи мундиръ, хотя до присяги оставалось добрыхъ два часа. Нѣкоторые, уже давно одѣтые, важно расхаживали по коридору, безпрестанно останавливались у зеркала, любясь собой и своимъ мундиромъ. Мнѣ показалось это очень смѣшнымъ; — точно женщины а не мужчины, подумалъ я; но когда уже совсѣмъ одѣтый, подошолъ къ зеркалу, взглянулъ все ли по формѣ сидитъ на мнѣ, со мной случилось тоже что и съ другими. Я вдругъ ужъ что-то очень понравился себѣ и минутъ съ пять внимательно разсматривалъ свою физиономїю и остался ею очень доволенъ. Потомъ отправился къ койкѣ, пришѣрилъ киверъ и въ киверѣ снова подошолъ къ зеркалу... Въ киверѣ я... ничего... еще лучше... (разсуждалъ я про себя) только надо его немножко на бокъ... вотъ такъ... чтобъ было что-то такое... небрежное... а лѣвый високъ растрепать, какъ-будто незанимаюсь собой... эдакъ я на разочарованнаго похожъ. А что Машенька... я думаю совсѣмъ большая... а вѣдь я кажется влюбленъ въ нее былъ... ребячество... любовь дѣтское чувство... (Эта фраза гдѣ-то вычитанная сильно засѣла у меня въ головѣ и я любилъ ея пустить пыль въ глаза). Мужу прилична другая любовь... гражданская... къ обществу любовь... Бросила ли она свою привычку глазки дѣлать... Она думаетъ, что это удивительно какой магнить для мужчины... Барышня! прошепталъ я уже вслухъ, и напустилъ на себя гримасу, которую всегда дѣлывалъ Волчокъ, произнося это слово. Только у него всегда это выходило какъ-то очень хорошо, а у меня вышло дурно, я замѣтилъ и покраснѣлъ. Надо будетъ послѣ присяги прогуляться; вѣрно много гуляющихъ будетъ, — погода чудная... и дамы вѣрно будутъ... Ловко ли въ этомъ киверѣ подъ козырекъ дѣлать. (Я былъ увѣренъ что ловко, но мнѣ хотѣлось еще разъ полюбоваться собой какъ я подкозырекъ дѣлаю) — и я началъ раскланиваться себѣ въ зеркало... Я такъ вошелъ въ роль, что мнѣ показалось что я раскланиваюсь съ знакомыми дамами а не съ собой... Послѣ присяги на катанье

пойду; Ольга Петровна не видела еще меня въ мундирѣ... а вечеромъ театръ: «Коварство и любовь»... и я забывшись, что я въ полномъ мундирѣ и даже въ киверѣ на головѣ, подпрыгнуть отъ удовольствія.

Кончилась присяга и всѣ мы съ шумомъ и веселымъ говоромъ высыпали на улицу. Сходя съ крыльца я чувствовалъ себя какъ-то ужъ очень развязнымъ, веселымъ, довольнымъ, но только что повернулъ на главную улицу... и завидѣлъ дамскія шляпки... куда вся храбрость дѣлась... я почувствовалъ во всемъ организмѣ большую неловкость, точно и руки и ноги мои стали не моими, а когда какія-то гуляющія дамы взглянули на меня, мнѣ стало ужасно совѣстно, чего, — я самъ не зналъ. Какъ нарочно въ это самое время идущій на встрѣчу солдатъ сдѣлалъ мнѣ фронтъ... Я неловко поклонился ему и покраснѣлъ какъ ракъ... Мнѣ стало досадно на себя. Ну, чего совѣститься... въ офицеры произведенъ, чтоже тутъ совѣстнаго... Вѣдь это глупо, — старался я себя образумить и успокоить, но неловкость не проходила... Вонъ другіе же не совѣстятся... Вонъ какимъ фертомъ чиновникъ идетъ, даже подъ шляпки дамамъ заглядываетъ, а раскланивается какъ ловко, — а я какъ дуракъ какой все краснѣю... и я съ завистью посмотрѣлъ на чиновника. Нѣтъ, я ужъ лучше перулками дойду къ Патрикѣевымъ; тамъ вѣрно нѣтъ гуляющихъ... а по большой улицѣ мнѣ дураку еще рано ходить, и я уже повернулъ было налѣво, какъ услышалъ громкій крикъ, и оглянулся.

Чиновникъ кричалъ на какого-то юнкера, который снялъ ему фуражку, но не сдѣлалъ фронта. Долго и громко кричалъ онъ, такъ что гуляющіе обратили вниманіе, что кажется ему очень понравилось: онъ еще громче сталъ кричать размахивая руками, а молоденькій юнкеръ сконфуженный со слезами на глазахъ неловко переступалъ съ ноги на ногу.

Мнѣ стало совѣстно... Нѣтъ это тоже... очень ужъ развязно, подумалъ я, и отправился къ Патрикѣевымъ. На крыльцо я всходилъ еще довольно смѣло; но когда я вошелъ въ залъ, странная совѣстливость совершенно овладѣла мной, — я растерялся. Я чувствовалъ, что краска все болѣе и болѣе приливаетъ къ лицу. «Дуракъ, оселъ, дуракъ!» ободрялъ я себя, но напрасно.

Ольга Петровна встрѣтила меня какъ всегда симпатичная, милая, граціозная, какъ всегда свѣтло и счастливо смотрѣли ея

свѣтліе глаза, какъ всегда влекущая къ себѣ улыбка оживляла ея блѣдно-матовое личико. Черезъ нѣсколько минутъ я уже забылъ свою неловкость и чувствовалъ себя свободно какъ дома. Вскорѣ пришли : Патрикѣевъ, Амосовъ и Волчокъ. Патрикѣевъ крѣпко сжалъ мнѣ руку и поздравилъ. Но вообще взглядъ его былъ разсѣянъ: разговаривая онъ часто умолкалъ и задумывался; видимо что-то серьезное тревожило его, хотя онъ замѣтно старался казаться безопасно-веселымъ. За обѣдомъ онъ какъ-будто ожилъ вѣсело.

— Ну-съ, за новоиспеченныхъ офицеровъ, провозгласилъ онъ шуточно, раскупоривая бутылку шампанскаго.

Въ это время вошелъ слуга и подалъ конвертъ съ почты. Патрикѣевъ оставилъ бутылку, торопливо сорвалъ печать, и началъ быстро пробѣгать письмо. По мѣрѣ чтенія лицо его болѣе и болѣе свѣтлѣло, на щекахъ заиграла краска и довольная улыбка раздвинула губы.

— Добрыя вѣсти, крестьянское дѣло на мази, сказалъ онъ складывая письмо и пряча его въ боковой карманъ сюртука. Теперь значить мы выйдемъ какъ слѣдуетъ. Сережа всѣмъ кланяется, прибавилъ онъ.

— Александръ Васильчъ! началъ я запинаясь: — позвольте по такому случаю и мнѣ поставить бутылочку. Ольга Петровна, можно?

— А что? вѣрно соскучились денежки въ кошелькѣ лежать.

— Нѣтъ-съ, а я хотѣлъ бы... Ольга Петровна...

— Пожалуй, случай такой... и я кутну съ вами.

Начались веселые тосты и болтовня.

Въ первый разъ мнѣ случилось выпить нѣсколько бокаловъ шампанскаго, въ головѣ пріятно зашумѣло, а кровь быстро и горячо забѣгала въ жилахъ.

— Ну-съ, Моховъ, сказалъ Патрикѣевъ, уже совсѣмъ повесѣвшій: — повѣдайте вамъ какіе теперь планы васъ занимаютъ... Вѣдь въ эти годы у кого ихъ нѣтъ!

И грустно-шутливая улыбка скользнула на его губахъ.

— У меня одинъ планъ, Александръ Васильчъ, служить обществу, произнесъ я горячо съ нѣкоторою торжественностью. Всѣ улыбнулись.

— Вотъ вамъ смѣшно. Я это зналъ, зналъ, что вы будете смѣяться. Какъ же не смѣяться. Прапорщикъ хочетъ служить

обществу. А мнѣ не смѣшно нисколько, и я не стыжусь вашего смѣха! Божусь вамъ, не стыжусь! Я напередъ зналъ, что вы засмѣетесь.

Всѣ посмотрѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Да, я буду служить обществу, буду до послѣдней капли крови, и найду чѣмъ служить. Кто хочетъ дѣло дѣлать, — дѣло найдется, дѣла много. Я вѣдь не о фельдмаршалствѣ мечтаю, не въ законодатели мечу. Скажу не краснѣя, — было и это... хотѣлось очень... вотъ думаю себѣ, такъ бы всю Русь и передѣлалъ по своему; ну, а теперь я иначе смотрю, другой взглядъ выработался. Я того убѣжденія, что каждому изъ насъ пора забыть самого себя, свою личность, свое я, и помнить одну родину, и отдать всего себя, свои способности, умъ, средства народу и обществу. Только не надо стыдиться, если принесешь на жертву копѣчку. Чтожъ дѣлать, если больше не имѣешь; кто богаче, рубль принесетъ. Только принести—то надо все, все свое достояніе, забыть себя. Вошъ Волчокъ говорить, что у насъ нѣтъ дѣятельности для гражданина, — вздоръ. Она есть всегда и вездѣ; не красива она у насъ, не блестяща, размѣнена на мелкую монету, правда, чтожъ дѣлать, но она есть. А если мы станемъ отвергать ее зато только, что мало она сулитъ хорошаго лично намъ, что намъ, изволите видѣть, нельзя вдругъ блистательно и красиво проявить себя, такъ съ такими разсужденіями мы никогда впередъ не двинемся. А ты дѣлай дѣло насколько силъ твоихъ душевныхъ станеть; я буду дѣлать, третій, четвертый, и пойдетъ машина въ ходъ, пойдетъ, вѣрь мнѣ. Вѣдь душевныя силы — это такой рычагъ, всякія пары за поясъ заткнуть, только душу—то свою всю отдай, всего себя положи на дѣло, не скупись, ничего для себя не откладывай. Смѣло иди впередъ напроломъ. Станутъ надъ тобой смѣяться, подставлятъ ножки, бить, — иди! дѣлай свое дѣло и забудь все остальное. Волчокъ говорить: общество не приготовлено. Да когдажъ оно приготовится—то, да ктожъ готовить—то его будетъ. Не отъ духа же святаго ждать его просвѣтлѣнія. Ну, и сѣй, сѣй... вѣрь: настанетъ время и жатвы. Не посѣешь — не дождешься никогда всходовъ. Знаю, что посѣется надъ тобой общество. Не одинъ, много разъ посмѣется, а кончатся все—таки тѣмъ, что послѣ само устыдится своего смѣха. Да какъ горько—то еще устыдится. Только не трусь; можетъ и не совладаешь,

несворю, сломишься, такъ чтожъ, тѣмъ лучше. Безъ жертвы ничего не дѣлается. То-то и есть, дѣло-то старуха на двое сказала. Намъ бы соломки прежде постлать, чтобъ не ушибиться; это подло вомоему. Взмахнувавший, дрожащій я едва перевелъ духъ.

— Горяченькій! обратился Волчокъ къ Патрикѣву, кивнувъ на меня головой.

— Горяченькій, горяченькій! повторилъ я съ азартомъ. — Смѣйся Волчокъ, смѣйся! знаю что у тебя на умѣ. Ты думаешь молодость, кровь бурлитъ, говорить хочется, а поприжметъ жизнь, — орелъ мокрой курицей станетъ. Такъ вѣдь? Старая, братъ, пѣсня колотъ глаза молодостью; слышали мы ее. Да развѣ одной молодости дано право быть честной и любить свою родню. Ну отвѣчай! почти закричалъ я въ азартѣ.

— Отвѣчу: тебѣ не слѣдуетъ пить шампанское!

Я подпрыгнулъ на стулѣ какъ укушенный. Миѣ стало горько и обидно.

— Такъ, такъ, я этого ожидалъ; это, изволите видѣть, не я говорю, а шампанское. Когда мы честны, благородны, негодуемъ, возмущаемся, — мы пьяны, мы шампанскаго выпили. Когда мы подлы, низки, мы въ нормальномъ, наитрезвѣйшемъ состояннн духа. Такъ вѣдь? Ты вѣдь это хотѣлъ сказать?

— Да, это! и онъ утвердительно кивнулъ головой.

— И ты не красишь? Для тебя значитъ не существуетъ ни благородныхъ стремленій, ни высокихъ цѣлей. Ты отвергаешь ихъ существованіе... они возможны только въ пьяномъ видѣ?

— Да, безкорыстно все это только въ пьяномъ видѣ; отъ вина ли, отъ чего ли другого, только при сильномъ возбужденнн нравственнаго организма; а въ трезвомъ состояннн всѣ эти благородныя порывы и жертвы не безъ задней мысли. Какъ маешься доканываться до источника, ай, ай, всегда до какихъ не красавицъ вещей доберешься.

— Вы, дразните Мохова! остановилъ Патрикѣвъ Волчка.

— Нѣтъ, Александръ Васильичъ, говорю по совѣству, въ рыцарей добродѣтели, да и въ самую добродѣтель плохо вѣрю. Патрикѣвъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Олече же? Разочароваться въ людяхъ кажется было бы немножко рано! Патрикѣвъ улыбнулся.

— Да и смѣшно, Александръ Васильичъ, и старо и неприлично. Печеринскій армейскій сюртучекъ врядъ ли кому къ рожѣ, ктому же поистасканъ такъ, что надѣтъ совѣстно. А все же не вѣрится, самъ не знаю отчего, инстинкту. Впрочемъ, прибавилъ онъ серьезно: — не одинъ инстинктъ; все что я слышалъ и видѣлъ, все убѣждаетъ меня, что я правъ такъ думая. Всѣ люди ужасные эгоисты, а больше всего эгоисты герои добродѣтели, да и вообще герои.

— Вотъ какъ! и легкій оттѣнокъ ироніи послышался въ голосѣ Патрикѣева: — это ужъ и не теорія, а опытъ! Гм! и широкая улыбка расцвѣла на его губахъ.

— Опытъ, Александръ Васильичъ, опытъ! — проговорилъ Волчокъ усиленно съ замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Небольшой, маленькій опытъ, шестилѣтній опытъ изо дня въ день надъ двумя-стами мальчиками и пятьюдесятью или шестьюдесятью взрослыми дѣтьми. Опытъ! Да! продолжалъ онъ съ рѣзкимъ жестомъ, да! ошибаюсь я — нѣтъ ли, а въ безкорыстную, безупречную добродѣтель не вѣрю. Меня опыты убѣдили. Онъ какъ-то рѣзко, тоскливо засмѣялся, упирая на словѣ «опыты.» Много благородныхъ порывовъ видѣлъ я на моихъ глазахъ, въ моихъ товарищахъ, и удивлялся имъ, и въ пафосъ приходилъ, а какъ всмотрѣлся да обдумалъ, у всѣхъ была задняя мыслишка. Напускная, своя ли, — а была. Вотъ вамъ! (Волчокъ указалъ на меня пальцемъ). Самая благороднѣйшая личность изъ нашего курса. (Я покраснѣлъ). Не краснѣй, братъ, не торопись, не больно я тебя похваляю, быстро добавилъ Волчокъ. За правду вѣдь страдалъ безкорыстно, мальчикъ нерасчетливый, и съ карцеромъ знакомъ, и лозь отвѣдалъ. А вѣдь согласись, душа моя, въ строгомъ смыслѣ ты не за правду страдалъ, а для собственнаго удовольствія. Послѣ каждаго твоего пасажа, ты чувствовалъ себя хорошо, у тебя мурашки по спинѣ бѣгали, тебѣ казалось, что ты растешь. А, такъ вѣдь! Великъ ты былъ въ нашихъ глазахъ, кушалъ карцеръ и розги, а вѣдь для тебя они были ничемъ. Карцеръ для тебя смотрѣлъ австрійской тюрьмой, а лозы неязвили тѣло; ты не зналъ боли, а почему? потому что тебя въ это время щекотала русалка, и какая могущественная русалка: она заставляла тебя нечувствовать физической боли; эта русалка ты знаешь какъ ее зовутъ, а? Самолюбіе, эгоизмъ! Волчокъ такъ

ударилъ кулакомъ по столу, что посуда задрожала, но онъ какъ-то этого не замѣтилъ, хотя мы всѣ переглянулись.

— Началь ты изъ упрямства, продолжалъ онъ, а тамъ и заигрался, во вкусъ вошелъ, зарисовался, залюбовался собой, тебѣ казалось это удивительно какъ красиво.

Я сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Постои, твоя рѣчь впереди. Я все-таки скажу тебѣ, что ты честный малый. Ты не нашей хвалы искалъ, ты самъ себя и хвалилъ и бранилъ. Да умѣренъ ли ты былъ на хвалу себѣ, — головой ручаюсь, нѣтъ! А что это такое какъ не самый ужасный эгоизмъ, ледяной эгоизмъ несмотря на всю твою пылкость натуры. Это я говорилъ о товарищахъ, продолжалъ Волчокъ, увѣсисто отчеканивая слова: — а объ отцахъ-командирахъ я молчалъ. Много видѣлъ я съ ихъ стороны благородныхъ порывовъ, да все глядишь оканчивалось или поворотомъ на пошлую обычную колею, или горькимъ раскаяніемъ и надолго скованной эгоизмомъ. Вы одинъ, Александръ Васильчъ, сказалъ Волчокъ возвышая голосъ и быстро приподнимаясь со стула. Вы одинъ, въ честность котораго я безусловно вѣрю. Но позвольте мнѣ быть откровеннымъ. Вы честны потому, потому... что (Волчокъ засмѣялся и покраснѣлъ), что съ вашей точки зрѣнія и убѣжденій вы не находите пользы быть нечестнымъ. Къ отличіямъ у васъ поползновенія не имѣется. На карьеру вы давно рукой махнули. Следовательно не-изъ-чего хлопотать, не-изъ-чего ломать свою природу: игра смѣчь не стоитъ, а натура ваша по природѣ своей честная. Извините, я незнаю вашего чередка, а зналъ бы, я назвалъ бы чѣмъ можно купить и вашу честность. Впрочемъ простите. Вы прежде-всего, если не равнодушны ко великимъ соблазнамъ, то лѣнны къ нимъ.

Патрикѣевъ слушалъ, наклоня на бокъ голову, и оставилъ на Волчка пристальный, но мягкій и добрый взглядъ. Я вспыхнулъ. Мнѣ стало обидно за Патрикѣева.

— Волчокъ! Мнѣ вредно, а тебѣ грѣшно пить шампанское! И я почувствовалъ, что въ выраженіи моего голоса ясно сказались моя мысль.

Волчокъ смутился.

— Александръ Васильчъ, клянусь вамъ!.. началъ онъ горячо.

— И, полноте, будто я васъ не знаю. Развѣ я васъ призвалъ

молвятся на себя. Всѣ улыбнулись. Наступило небольшое молчаніе. Такое молчаніе, въ которое всѣмъ какъ-будто становится неловко. Даже Ольга Петровна, все время тихо разговаривавшая съ Амосовымъ, смолкла и опустила глаза въ тарелки.

Патрикѣвъ первый прервалъ его.

— Скоро вы ѣдете, Моховъ?

— Дня черезъ два. Я на четыре мѣсяца отпросился въ деревню къ дѣдушкѣ, а оттуда проѣду въ батарею, близко отъ насъ: версть сто-двадцать. Хочу заставить опустить дѣда иррегулярно на волю. Все равно, онъ обѣщаетъ мнѣ ихъ завѣщать.

— И вы надѣетесь, что вашъ дѣдъ исполнитъ ваше желаніе, спросилъ Патрикѣвъ съ улыбкой.

— Я постараюсь его убѣдить. Я внушу ему, что владѣть людьми — безнравственно.

— Богъ вамъ въ помощь! Ну, а ваши намѣренія? — обратилась Патрикѣвъ къ Волчку.

— Я, Александръ Васильичъ, за столярное ремесло хочу приняться.

— Какъ?

Всѣ взглянули на Волчка съ удивленіемъ.

— Да такъ. Жалованья моего не хватитъ на нашу семью. Насъ у матушки шестеро. На отцѣмъ надежда плоха. Онъ не те чтобъ въ домъ, а наровить какъ бы въ дому... Дурной человекъ, да и пьетъ. Ну-съ, я и хочу въ свободное отъ службы время мастерить. Я вѣдь немножко знакомъ съ дѣломъ. Коляевъ, столярный мастеръ, еще выгѣска большая на Никольской, онъ родственникъ мнѣ... Такъ я около него кое-чему помаучуся.

Когда сталъ подниматься изъ-за стола, всѣмъ бросилась въ глаза рѣзкая блѣдность Ольги Петровны. Патрикѣвъ встревожился было, но она успокоила его, премило каясь, что она подумала, что это пройдетъ... Надобно только баньки сдѣлать.

— А въ театрѣ? ты не ѣдешь развѣ?..

— Не думаю, устала что-то... а ты, въ театрѣ?..

— Нѣтъ, сегодня провожаю Ховскаго... онъ прощенъ и завтра катитъ въ Питеръ.

— Такъ мнѣ скучно будетъ вечеромъ. Приходите господа въ театр, не поздно будетъ... театръ рано кончится; а жму васъ, обратилась она ко мнѣ, Волчку и Амосову.

... Я почувствовала легкое, сладостное волнение, когда вместе съ Волчкомъ и Амосовымъ сталъ подходить къ театральному подъезду, изъ которому непрерывно подкатывались дрожки, кареты, лифчики, и грузами влезли привеходы. Два рослых казачка вертланы, съ поднятыми вверхъ нагайками въ рукахъ, какъ статуя стояли по бокамъ подъезда театра. Тутъ же какъ-то по-доверительно мигали два фонарика съ несовсѣмъ чистыми стеклами, и что-то очень суетился частный приставъ. Волнение мое еще болѣе усилилось, когда встрѣтившій насъ капелдиверъ повелъ нашимъ-то мрачнымъ темнымъ коридоромъ вверхъ по дѣстницамъ и доски зашажали, закрипѣли и завздыхали подъ нашими ногами. Блѣдный свѣтъ небольшой лампы въ углу коридора освѣщаль намъ путь.

— Точно у Ратклифъ въ подземельяхъ, бормоталъ Волчокъ.

Но вотъ передъ самымъ нашимъ носомъ скрипнула небольшая дверца, и мы очутились въ ложѣ. Передъ нами сиялъ освѣщенный залъ. На сценѣ колыхался огромный голубой занавѣсъ съ нарисованной на немъ желтой лирой. На боковыхъ кулисахъ красовались гиганты-рыцари. Въ партерѣ было шумно, свѣтло, весело. Блестѣли эполеты, очки, *rinse-nez*, звучали сабли, гремѣли отодвигаемые стулья и кресла. Въ ложахъ сидѣли разряженныя барыни. Подъ влияніемъ настроенія мнѣ чудилось, что я перенесенъ въ волшебный міръ. Колыхающійся занавѣсъ манилъ и дразнилъ меня, какъ-будто говоря: вотъ поднимусь, и ты увидишь дива-дивныя, чуда-чудныя, — трагедію г. Шиллера; закипятъ передъ тобой страсти, зазвучитъ горячее слово геніальнаго писателя... Барыни въ ложахъ казались всѣ такими хорошенькими, а ихъ открытыя плечи бѣлыми какъ молоко, пышными какъ тюлевая баба, которую мастерски приготовляла бабушка.

— Ахъ, какъ хорошо и свѣтло здѣсь, Волчокъ! невольно высказался я.

— Изъ темнаго коридора вошли, — неоглядѣлись еще. А ты посмотри какъ лампы-то чадаютъ, какъ-разъ угоришь. Омъ указалъ на лампы и я дѣйствительно увидѣлъ, что копотъ тоненькими струями играла, и колыхаясь разстиралась по потолку.

— А на ложи взгляни, точь-точь стойла. Я уже начинаю чувствовать себя лошадкой, а на сосѣдокъ нашихъ боюсь и гля-

дѣтъ... того и смотри варжать захочется... совсѣмъ раздѣты голубушки.

Я взглянулъ и дѣйствительно ложи походили очень на стойла узкія и глубокія. Они были сбиты изъ досокъ, плохо отесанныхъ и безъ всякой драпировки. Миѣ стало досадно на Волчка, что онъ разрушаетъ мою иллюзію.

— Чтожъ это не начинаютъ, — шесть часовъ прошло! Забылъ Волчокъ.

— Вѣрно губернатора ждутъ, спокойно отвѣчалъ Амосовъ.

Въ это время по партеру пробѣжалъ легкій говоръ; какой-то господинъ опрометью бросился къ выходу, безцеремонно толкая встрѣчныхъ и неизвиняясь. Лицо его было очень озабочено.

— Это что за сумашедшій?

— Полицмейстеръ! вѣрно губернаторша пріѣхала, такъ встрѣчать побѣжалъ! пояснилъ Амосовъ.

— Не дурно! пробормоталъ подъ носъ Волчокъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ въ ложѣ губернатора, отличающейся отъ другихъ тѣмъ, что она была просторнѣе прочихъ, обклеена шпалерами и драпирована полубархатомъ, показались барыни. Въ партерѣ обнаружилось маленькое волненіе. Очень многіе торопливо устремились къ ложѣ, отвѣщивали глубоко-почтительные поклоны, и помявшись съ ноги на ногу, какъ-то нерѣшительно отходили. Нѣкоторые послѣ замѣтной душевной борьбы рѣшались заговорить, и тогда лица ихъ расцвѣтали такимъ самоуслажденіемъ, какъ у кота, когда его голоднаго кормятъ манной кашой.

— Посмотри, посмотри на этого господина, сказалъ Волчокъ, какъ ему хочется подойти и заявить свою преданность, да дорогу загородили. Лицо-то, лицо какъ дергаетъ, а ножками-то, ножками какъ семенить. У, бѣднячкѣй! Смотри, по выраженію губъ вижу, молится про себя, чтобъ кто-нибудь отошолъ и уступилъ ему мѣстечко погрѣться у солнышка. И вѣдь знаетъ, что не пополнѣетъ отъ этого, и росту не прибавится, а вотъ поди! А вѣдь молоденькѣй еще, а ужъ какъ.

И Волчокъ закрѣпилъ свою рѣчь мѣткимъ, сильнымъ, но неудобнымъ для печати словомъ.

— Но не всѣ же, братъ Волчокъ, такіе; посмотри вотъ на этого господина: какое благородное, симпатичное лицо! И я указалъ на какого-то высокаго, стройнаго господина во фракѣ.

Онъ разговаривалъ съ дамами, сидѣвшими рядомъ съ губернаторской ложей. О чемъ шла рѣчь, трудно было разслышать, но въ его жестахъ, выраженіи лица и глазъ чувствовались сила и благородство. Повременамъ онъ вскоса взглядывалъ на губернаторскую ложу.

— Да за этого пожалуй что и поручиться можно. Славная рожа!

Только-что Волчокъ проговорилъ эти слова, какъ господинъ во фракъ быстро подошелъ къ губернаторшѣ и отвѣсилъ глубокой поклонъ.

— Э-э-э! Да и ты голубчикъ какъ всѣ. Совершилась метаморфоза. Ну посмотри, Моховъ, на него, попристальнѣе посмотри, да и скажи по правдѣ, та ли это благородная рожа что съ дамами разговаривала. Я взглянулъ, и мнѣ стало совѣстно и за свою довѣрчивость, и за господина во фракъ. Сладенькое искательство свѣтилось въ этомъ дотога смѣломъ взглядѣ, стройный станъ какъ-то некрасиво наклонился впередъ. Губы сложились въ какую-то неестественную, нелѣпую улыбку и вообще господинъ не походилъ на самого себя.

Волчокъ нахнулъ головой, и нахмурился.

Зазвенѣлъ колокольчикъ и занавѣсъ тихо поднялся. У меня сердце екнуло. Я впился глазами на сцену. Больше половины акта прошло въ глубокомъ молчаніи. Вдругъ въ губернаторской ложѣ раздалось легкое хлопанье и театръ задрожалъ отъ рукоплесканій.

— Ишь какъ обрадовались! Ради стараться, приказано! проборноталъ Волчокъ съ неудовольствіемъ.

— Это случай, Волчокъ!

— Замѣчай и увидишь, что не разъ повторится этотъ случай.

Слова Волчка сбылись. Впродолженіе всей пьесы ни одинъ человѣкъ ни разу не хлопнулъ прежде чѣмъ не похлопаютъ въ губернаторской ложѣ. Впрочемъ захопалъ было какой-то господинъ въ креслахъ, но всѣ головы въ партерѣ обернулись быстро къ нему съ такимъ выраженіемъ удивленія, какъ-будто видѣли передъ собою смѣльчака, рискующаго жизнью.

Весь спектакль я весь былъ душой въ Фердинандѣ. Пьеса произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я такъ поддавался обаянію игры, дотога наэкзальтировались чувства, распалилось воображеніе, что мнѣ вдругъ показалось, что это что-то близ-

кое мнѣ, что все это случилось или случится со мной, да вришь ли и не теперъ происходитъ. Фердинандъ — это страстная, это благородная натура; это я; в сомнѣнія нѣтъ. Президентъ — это дѣдушка, который не позволяетъ мнѣ жениться на Машенькѣ-Луизѣ; Миллеръ — это Петръ Герасимычъ, ея отецъ, такой же добродушный, честный старикъ, а Вурмъ... Вурмъ — это Иуда, такой же коварный и злой.

— Какова пьеса! сказалъ я восторженно, когда ушелъ за-навѣсъ.

— Хорошая пьеса! пробормоталъ Волчокъ.

— А Фердинандъ, а?

— Да, изъ горяченькихъ.

— Изъ горяченькихъ! какъ это глупо такъ говорить... какая свѣтлая, благородная личность.

— Да, ничего.

— Ты все шутишь; это святая личность!

— Кватилъ братъ черезъ край! Такъ себѣ, изъ горяченькихъ, в больше ничего. И горячка-то началась, какъ любушку отнять захотѣли, а до тѣхъ поръ жилъ себѣ припѣваючи. Можетъ быть и папеньку бы въ чинахъ превзошелъ. Вѣдь до майора же дослужился. Что ему мѣшало бѣжать изъ этой помойной ямы что ли. Если онъ благородный человекъ и не могъ видѣть равнодушно всѣхъ гадостей, что ему мѣшало бѣжать куда глаза глядятъ; а то ничего, жилось до времени, по пословицѣ: наша хата съ краю, ничего не знаю, а загорѣлась хата и пошла горячка. Всѣ благородныя чувства всплыли наверхъ. Ничего, хорошая драма, съ жизнью вѣрна. Всегда такъ водится на свѣтѣ.

— Ну, а президентъ? Неужели могутъ существовать подобныя личности?

— Нашолъ чему удивляться! сплошь да рядомъ. Чай и здѣсь ихъ не оберешься, продолжалъ онъ, обводя глазами театр. Вѣдь это они на сценѣ только такіе страшные, а въ жизни это все чадолюбивые отцы, вѣрные супруги, примѣрные граждане, право такъ. Загляни въ кондуитъ любого изъ этихъ господъ. Не вѣришь кондуиту, обратись къ общественному мнѣнію, и оно теже скажетъ.

— Тебѣ, Волчокъ, точно сто-двадцать лѣтъ! сказалъ я съ досадою.

— Сиди до того, а старше тебя. Ты душенька, как ни учи, а я братъ всего натерялся, даромъ что молодъ. Я еще до корпуса, мальчишкой, такихъ вещей насмотрялся, что и теперь во рту горько становится, какъ вспомнишь. Когда мать съехала адефой, съ нами семерыми. Э, да что толковать, въ другой разъ! Онъ отчаянно махнулъ рукой и задумался, понурилъ голову.

Я молчалъ. Нѣсколько минутъ онъ пробылъ какъ-бы въ забытьи, потомъ вдругъ тряхнулъ головой, и поднимая ее, сириньвилъ весело.

— Ну, съ къ Ольгѣ Петровнѣ, али до дому?

— А еще «Кошка и любовь»?

— Мало тебѣ «Коварства и любви», еще кошки захотѣлось, спасибо братъ, оставайся если хочешь, а я и этимъ сытъ по горло.

— Ну, пойдемъ къ Ольгѣ Петровнѣ, а гдѣ Амосовъ?

— Онъ послѣ второго акта исчезъ. Сердце не камень.

Мы вышли изъ театра. На небѣ яи тучи. Воздухъ тихъ и прозраченъ. Мягкій молорить луннаго свѣта ложится на все: на стѣнахъ зданій, на желтоватомъ пескѣ улицъ, на лицахъ проходящихъ, которыя кажутся блѣднѣе обыкновеннаго.

— Славная ночь! сказалъ Волчокъ, вздохнувъ всей грудью: — а луна-то, луна! во всё лопатки смотреть! Люблю я такіа воня, тихо, свѣтло! хорошо думается о еуетѣ мірской.

— Ты философъ.

— Номера третьяго батальона! замѣтилъ онъ шутивымъ тономъ.

Когда мы стали подходить къ дому Патрикѣева, онъ схватилъ меня за шинель.

— Ну, а если она спить?

— Обратимся вспять, а теперь войдемъ потихоньку! На цыпочкахъ вошли мы въ переднюю и невольно остановились. Въ залѣ было темно, изъ гостиной долетало сдержанное рыданіе. Я взглянулъ на Волчка. Лицо его выражало долное недоумѣніе.

— Деля, Деля! что ты слѣлалъ со мной, несчастною! раздался голосъ Ольги Петровны. Сколько горя, скорби, отчаянія, слышалось въ этомъ голосѣ. Это не были жалобы, плачь, упрекъ. Безумнымъ восторгомъ отчаянія звучали ея слова, такимъ восторгомъ, который рѣдко вырывается изъ человѣческой груди.

не разрушилъ ея. Самое черствое, колючее, заострилось въ житейскихъ буряхъ сердце вздрогнуло бы отъ этого зова.

Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса.

— Это ужасно! Господи! господи! продолжала она съ отчаяніемъ ломая себѣ руки, и вдругъ громко и прерывисто зарыдала.

Я взглянулъ на Волчка, онъ былъ хмуръ и блѣденъ.

— И зачѣмъ это Александръ ушелъ къ этому Ховскому. Зачѣмъ я дома осталась; думала ли я, что все это случится. И отчего ты Мохова съ собой не привела. Ахъ, боже мой, боже мой, что мы сдѣлали, пронесла она глумимъ, убитымъ голосомъ и тихо заплакала.

— Любить одного, обманывать другого — какая низость! продолжала она измученнымъ голосомъ едва слышно, точно разсуждая про себя, и какого человѣка обманула. О, господи! накажи меня. Смерть пошли, разумъ отними.

Волчекъ дернулъ меня за рукавъ.

— Уйдемъ! не наше дѣло, — и онъ тихо вышелъ.

— Оля, ангелъ мой, успокойся, прости меня, чтожь дѣлать. Я самъ не знаю какъ это... Успокойся, никто не узнаетъ, послышался голосъ Амосова, полный слезъ.

Кровь быстрее забѣгала въ моихъ жилахъ.

А! коварный оболъститель. Ты надѣнешся тайной прикрыть свое коварство. Нѣтъ, я явлюсь передъ тобою ангеломъ мстителя. Я заставлю тебя дать отвѣтъ за оболъщенную женщину. Такъ-то ты отблагодарилъ благороднаго воспитателя, шенталь я дрожа отъ волненія, въ какомъ-то лирическомъ жару, невольно впадая въ театральнo драматическій тонъ. Я не шута въ эту минуту чувствовалъ себя чѣмъ-то вродѣ Фердинанда, а тамъ въ этой гостиной гнѣздилося коварство, и судьба посылала меня разорвать коварныя сѣти, стать передъ лицомъ оболъстителя, сорвать съ него маску, и совершить казнь.

Взволнованный, дрожа какъ въ лихорадкѣ, я быстро вошелъ въ гостиную. Я смутно понималъ что дѣлаю, чувствовалъ, что на губахъ уже шевелился громочесный монологъ, исполненный горечи и упрековъ. Легкій крикъ испуга вырвался изъ груди Ольги Петровны. Она прижалась въ уголокъ дивана и закрыла лицо руками тихо плакала. Амосовъ блѣдный, разстроенный; съ глазами полными слезъ непоходилъ на себя. Взглянувъ на нихъ

я совершенно растерялся и стою дурак-дуракомъ. Куда дѣлась моя горьчка. Мнѣ стало вдругъ жалко ихъ обидѣть, очень жалко, а самъ чуть не заплакалъ глядя на нихъ. Потому мнѣ стало обидно, стыдно за себя, что я ворвался въ постановку безъ всякаго права, что подслушалъ ихъ разговоръ, хотя и невольно подслушалъ. Мнѣ хотѣлось бы сказать, что я ничего не знаю, ничего не слышалъ, но слова не шли съ языка и я совершенно разстроенный, потерянный, переминался съ ноги на ногу, потувивъ глаза.

— Охъ! вздохнула Ольга Петровна всей грудью, какъ-будто освобождаясь отъ давящаго ее гнета, отняла отъ глазъ руку и протянула ее мнѣ.

— Вы изъ театра?.. Плакали?.. спросила она стараясь улыбнуться, но блѣдныя губы судорожно дрожали, а воспаленныя отъ слезъ глаза глядѣли грустно.

— Да-съ... нѣтъ-съ... боримоталъ я, все еще не придя въ себя.

— А я дома театръ устроила, а все ваше шампанское. Такъ нервы разстроились, что и принялась за «Фауста» и расплакалась какъ дура, а на меня глядя и онъ! Она указала на Амосова.

— Да, я недумалъ чтобъ Ольга Петровна, началъ Амосовъ, умолкъ, всталъ и взялся за фуражку. Руки его дрожали.

— Вамъ надо успокоиться, нашолся я раскланиваясь.

— Нѣтъ, куда же вы? чуть не вскрикнула она съ испугомъ. Потому медленно провела по лицу рукою и тихо произнесла: «а впрочемъ поздно я думаю», и она протянула мнѣ холодную какъ ледъ руку. Вслѣдъ за мной вышелъ въ переднюю Амосовъ. Онъ что-то шопотомъ сказалъ Ольгѣ Петровнѣ. До моего уха долетѣло только отрывочно «вы погубите себя!»

— Да, странная Ольга Петровна, нервная какая, заговорилъ неловко Амосовъ, какъ-будто оправдываясь передо мною. Я взглянулъ на него. Лицо его при лунномъ свѣтѣ показалось мнѣ страшнымъ. Глаза дико, торопливо блуждали по сторонамъ, во всѣхъ чертахъ сквозило не то отчаяніе, не то испугъ; нервная походка была не тверда. Мнѣ стало жаль его.

— Однако прощайте, глухо произнесъ онъ и повернулъ въ коридоръ.

Разстроенный, съ перепутанными мыслями побрелъ я домой.

Не забыли ли въ Волгу? мелькнула у меня мысль когда я

стать переходить въ его квартиру; не только-что он вероршился съ веротами, какъ на завалинкѣ увидѣть самого Волчка гонимъ сѣдѣиъ, понуривъ голову, и чертилъ что-то палочкой по окну. На вѣтъ былъ накинута какой-то длиннополая матерчатый ка- лить.

— Волчокъ, ты не спишь?

Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— А, Моховъ, садись! онъ подвинулся и очистилъ мнѣ мѣсто на завалинкѣ.

— Что ты такой усталый? спросилъ я, замѣтивъ что Волчокъ дышетъ прерывисто и трудно.

Волчокъ нахмурился.

— Съ отчимомъ возился, — пришолъ домой пьяный, буянить, чуть мать не прибилъ. Связалъ я его молодца и положилъ подъ давку. Здоровенный такой, насилу управился. Ну, а ты, отъ Патрикѣва, отличился, а! Вѣрно отличился! По глазамъ вижу, покарадъ злодѣевъ?..

— Нѣтъ, я ничего...

— Слава-богу что ничего! не наше дѣло!..

— Но объясни мнѣ Волчокъ, что это значить? Можно ли было думать,

Волчокъ пожалъ плечами.

— Тутъ объяснять нечего, моментъ!

— Но вѣдь еслибы ты видѣлъ какъ ода страдать, пораженъ, удивлена...

— Понятная вещь. Моментъ миновался, и у обонхъ глаза открылись. Оттого-то и моментъ, что преднамѣреннаго тутъ ничего не было. Моментъ!.. Бѣсъ подуталъ!..

— Это удивительно!.. я рѣшительно не дождаю. Я знаю, что онъ боготворилъ ее какъ Бога, молился на нее. Онъ самъ разъ высказался мнѣ, что смотреть на нее какъ на что-то не земнъ, какъ на существо безъ плоти и крови.

— Вотъ это-то и скверше. Еслибъ онъ понималъ, что тутъ есть и плоть и кровь — этого бы не случилось. Онъ былъ бы на сторожѣ у себя. А то они мидалыпичали безгрѣшно и на вѣрили въ возможность грѣха, а плоть и кровь и дали знать себя, — моментъ.

— Но какой же тутъ моментъ, заговорить я перелесъ. Зла-

даль одно: моментъ, моментъ. — Тутъ логики никакой. Человѣкъ полюбилъ на женщину... обожаетъ ее мужа и вдругъ...

— А тебѣ отъ момента логики захотѣлось. Нѣтъ, братъ, гдѣ логика, тамъ нѣтъ момента. Впрочемъ это что-то вроде пренія о предметахъ вызывающихъ на размышленія, а мнѣ спать пора:

Волчокъ поднялся съ завалинки.

— Прощай. Но скажи ради-бога, что имъ теперь дѣлать... какъ поступать...

— Какъ найдутъ лучшимъ; насъ съ тобой не спросятъ.

— Ты все шутишь. А мнѣ кажется ей всего лучше пойти къ мужу, броситься ему въ ноги и сказать все, а?.. А ему, знаешь, чтобы я сдѣлалъ на его мѣстѣ. Я бы уѣхалъ на Кавказъ.

— Фю, фю, фю, фю, засвисталъ Волчокъ, вмѣсто отвѣта протягивая мнѣ руку.

— Придешь домой, — стаканъ холодной воды выпей, и Волчокъ скрылся въ калиткѣ.

— Холодное созданіе, рѣшилъ я мысленно о Волчкѣ.

Для черезъ два тройка поджарыхъ ямщицкихъ лошадокъ легонькой рысцей тащила меня по пути къ родному дому. Время было къ полудню. Передо мной широкой лентой вилась черная полоса дороги. По сторонамъ ея и впереди стлалась степь ровная, гладкая, необозримая. Какъ ни напрягалъ я зрѣнія, ничего невидно за этой степью, только синѣется на горизонтѣ узенькая полоска да нѣсколько рыхловатыхъ облачковъ лѣниво плывутъ и плывутъ по блѣдно-зеленоватому небу. По сторонамъ на деревца, ни кустика. Только поперекъ столбы, какъ линейные унтеръ-офицеры на парадахъ, также неподвижно вытянувшись стоять и бьютъ вамъ въ глаза своими пестрыми мундирами, да иногда поделывоватая галка, усѣвшись на верху столба и важно переступая съ ноги на ногу — каркнетъ, но дотога лѣниво, не хотя, что при видимой даже охотѣ повторить свою пѣсню; откроешь ротъ, да такъ и останется съ открытымъ ртомъ, безъ звука. Лѣнь дотога обуяла. Ямщикъ покачиваясь дремлетъ на облучкѣ. Изрѣдки какъ будто съ просонья вдругъ просанится; схватится за кнутъ, съ замѣтнымъ намѣреніемъ стегнуть лошадакъ; но стегнуть не стегнетъ, а побалууетъ только кнутомъ, и

оставить. Потомъ быстро оглянется на меня, какъ-будто спросить что хочеть, али справится тутъ ли молъ, не выскочилъ ли на какомъ бугрѣ изъ телѣжки, еще отвѣчать придется, казенный вѣдь на службу ѣдетъ. Да такъ ничего не спросить, а замурылетъ себѣ что-то подъ носъ. Апатія, лѣнь, тоска, сонъ глубокий, непробудный сонъ разлить въ воздухъ, лежить на этихъ мертвыхъ поляхъ, на этомъ зеленоватомъ небѣ, на которомъ и солнцу видимо нестерпимо скучно: только-что непозевываетъ сердешное; на этомъ перекачѣ-поле, которое набѣжитъ быстро, быстро, да и остановится вдругъ, и долго, долго стоитъ неподвижно, точно его раздумье какое взяло, али больно лѣнь обуяла. Ёдемъ часъ, другой, все таже однообразная сонная картина. Попался на-встрѣчу ямщикъ со станціа, лошади едва передвигаютъ ноги, лѣнливо помахивая головами, а онъ свернулся кренделемъ, и спитъ во всю ивановскую, — взрѣдка долетаетъ до насъ его богатырскій всхрапъ; здоровъ спать русскій человѣкъ. Но вотъ замелькала на дорогѣ черная полоска, ближе, ближе и потянулся длинный обозъ. Это руда съ заводовъ. Возчиковъ почти невидать: они всѣ дрыхнуть растянувшись плашмя на телѣгахъ. Только двое рослыхъ мужиковъ идутъ у передней подводы молча, съ повѣшенными носами, похлестывая длиннымъ кнутовищемъ по землѣ.

Я высунулся изъ телѣжки.

— Куда везете, православные?.. спросилъ я, чувствуя сильное желаніе перекинуться словомъ.

Мужикъ съ кнутовищемъ остановился, медленно повернулъ голову, потянулся было правой рукой къ головѣ за шляпой, да на половинѣ пути снова опустилъ ее, потомъ слегка ткнулъ въ воздухъ кнутовищемъ, по направленію дороги, и не сказавъ ни слова, снова зашагалъ мѣрнымъ, медленнымъ шагомъ; да на какой-то телѣгѣ возчикъ, вѣроятно разбуженный моимъ громкимъ вопросомъ, повернулся на другой бокъ, промычалъ: у, господи! и снова захрапѣлъ.

— Эхъ, матушка родимая земелька, заспалась голубушка до обмороку. Хоть бы пригрѣзилось тебѣ что-нибудь эдакое: авось вскочишь да начнешь креститься, да оплевываться, все лучше чѣмъ спать непробуднымъ сномъ; али труба второго пришествія разбудитъ тебя, родимая... Эхъ!..

Но вотъ скоро и уѣздный городокъ, гдѣ переѣдемъ лоша-

докъ. Мы въѣхали въ улицу подгородной деревеньки. Тамъ сонливая тишина какъ въ полѣ, только колорить сѣрѣе, болѣзненнѣе. Избы очень плохоньки, пошатнувшіяся на бокъ съ плетеными заборами, соломенными, полустгнившими крышами; не весело выглядываютъ онѣ, громко говоря о горькомъ житьѣ-бытьѣ простолюдина. На завалинкѣ у крайняго къ полю дома собралась цѣлая семья. Все такія блѣдныя, истомленные лица. Рѣчь ведетъ худощавый, русый мужикъ высокаго роста. Онъ говоритъ тихо, отрывочно, видно что не веселую басню рассказываетъ. Каждая его фраза заглушается тяжелыми вздохами слушающихъ.

Болѣзненное чувство шевельнулось у меня въ сердцѣ; я отвернулся, и глазъ остановился на другой картинѣ.

На срединѣ улицы у бревенчатого колодца стоятъ высокій, красивый парень. Онъ видимо привелъ наповѣть лошадку, которую держитъ въ длинномъ поводу. Опущенная бадья давно уже наполнилась водой; сѣрый меринъ нетерпѣливо гребетъ землю правымъ копытомъ, но хозяинъ стоитъ неподвижно съ тоскливо-устремленнымъ взглядомъ вдоль улицы, точно видитъ что тамъ. Красивое лицо его сильно озабочено, тяжолоя дума виситъ на сморщенномъ лбу. Видимо переживается нелегкая минута, и позабылъ онъ, зачѣмъ и пришелъ. Двое босоногихъ мальчишекъ тяжело кряхтя карабкаются на бревенчатый срубъ: имъ хочется посмотреть, какъ это опустится бадья, и вода забулькаетъ въ нее. Изъ окошечка сосѣдней избы доносятся громкія рыданія молодойцы и ворчливый, сердитый, старушечій голосъ.

— Господи, чтожъ это такое? То спать, то хмурятся, то плачутъ, ни одного веселаго лица.

Въ эту минуту изъ проулка полилась звонкая пѣсня: «Ужъ я ли не добрый молодецъ, добрый молодецъ сынъ купеческій!» Изъ питейнаго заведенія шолъ пошатываясь парень съ гармоніей въ рукѣ.

«Добрый молодецъ», затаивъ было онъ, да вдругъ остановился, точно кость вскочила ему въ горло, тряхнулъ кудрями и началъ что-то озабоченно разсуждать самъ съ собою, разводя въ воздухѣ руками.

— И эта-то веселость напущенная! Чай горе заливалъ. Господи, или народныя силы остались только въ сказкахъ о добрыхъ богатыряхъ «Солнышка Владиміра». Проснись же Русь,

взгляни веселій... Дѣятельности, жизни, жизни больше... не гдѣ она, эта дѣятельность?..

И я предался самымъ безотраднѣйшимъ мыслямъ. Дѣхъ, вы, соколицы, неожиданно гаркнулъ ящикъ и лошади помчались вскачь. Колеса тележки застучали тяжело дребезжа по городской мостовой. Замелькала освѣщенная окна домовъ, зашныряли мимо насъ линейки, пролетни; какая-то неуклюжая громоздкая карета съ трескомъ и грохотомъ обогнала насъ, поднимая огромное облако пыли. Въ каретѣ сидѣла разряженная барыня, На углу улицы, рядомъ со станціей, большой одноэтажный домъ горѣлъ огнями. У оконъ толпился народъ; къ подъѣзду то и дѣло подкатывались экипажи. Вотъ она, наша дѣятельность! наша жизнь: карточки, плясы, сплетни и все тутъ. Господи! и неужели никто не разбудить тебя, русскій человекъ, отъ апативъ. Неужели не настанетъ другая пора дѣятельности, другіе интересы не увлекутъ общества. Неужели всю жизнь мы будемъ играть только бубновыми да червонными валетами, сплетничать, отлынивать трамблявъ, а остальное время свать, бовпробудно свать, спать до обѣда, за обѣдомъ, послѣ обѣда, свать въ нащеларіяхъ; въ обществѣ освѣжаться отъ сна за картами, свать сплетничать, чтобъ послѣ свать на боковую. И не лопнешь ты отъ этого сна, матушка!.. Размышлялъ я входя въ домъ для профзакающихъ.

— Что это у васъ, у сосѣда?.. спросилъ я станціоннаго смотрителя, старичка съ добродушнѣйшей фізіономіей и маленькими подслѣповатыми глазами.

— Петръ Миронъчъ (исправникъ) банкеть дають: знакомыхъ у себя угощаютъ.

— Что, онъ иманинникъ, чтоли?

— Нѣтъ-съ, такъ-съ... — и онъ засмѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

Утомленная голова моя склонилась на спинку дивана и страшныя грезы, туманныя, какъ осеннее предзоріе, чудовищныя какъ очертаніе облаковъ, быстро разсѣянныхъ бурей и быстро тесущихся по небу, закружились вокругъ него.

Страшный кошмаръ душилъ меня.

Разные разоранченныя господа и дамы рвать и прыгаютъ въ глазахъ, и выглядываютъ изъ богатыхъ платьевъ то длинная волчья морды, блестя своими огненными глазами и це-

шелкивая бѣлыми какъ слоновая кость зубами; то уставится глупая, баранья рожа, — мутные глаза неподвижно устремлены на меня, большіе, бессмысленные; страшны мнѣ эти глаза: точно смотришь въ пустую, бездонную пропасть. Замелькали бычачьи, свиные, лошадиныя головы; сколько тупоуміа, чванства, самоувѣренности въ ихъ животномъ взглядѣ, и все это блестятъ, и все это прыгаетъ, скачетъ передо мной, дразнить азыкомъ, грозить кулаками, кричить, пищать, визжить, а въ ухахъ рѣзко стучитъ барабанъ. Что онъ стучитъ, — не разберешь, но грудь надрывается отъ этого боя и голова влетъ кругомъ, а въ воздухъ рѣютъ какія-то зловѣщія птицы, длинныя какъ пѣвки, съ такими же головками, изъ которыхъ выглядываютъ тонкія какъ игла жала и прозительно смотрятъ ихъ маленькіе, желтоватые глаза; перепончатыя крылья, какъ у летучей мыши, трещать и звенять въ воздухъ. Вдругъ пронзительный, нечеловѣческій крикъ заставляетъ меня вздрогнуть, вскрикнуть, и чудовищные образы разсѣялись; я ѣду по необозримой свѣжной равнинѣ въ почтовой кабинкѣ. Тяжелыя облака хмуро смотрятъ съ слезливаго неба. Порывистый вѣтеръ свищетъ въ дыры рогожной обшивки. На дальнемъ горизонтѣ синѣются причудливыя очертанія длинной цѣпи горъ; заморенныя лошади еле передвигаютъ ноги, скользя нешодкованными копытами по оледенѣвшимъ колеямъ дороги; колокольчикъ то замолчить, то звякнетъ такъ тоскливо, что тоска возьметъ за сердце.

— Пожалуйте, ваше благородіе, лошади готовы; въ путь-дорожку! раздался надъ моимъ ухомъ знакомый голосъ станціоннаго смотрителя. (1)

С. ФЕДОРОВЪ

(1) Авторъ прислалъ вамъ для печати одну первую часть своего романа. Такъ-какъ она составляетъ совершенно отдѣльный эпизодъ и имѣетъ свой, вполне-законченный интересъ, то мы печатаемъ ее, не дожидаясь продолженія, тѣмъ-болѣе, что намъ неизвѣстно положительно, когда мы будемъ имѣть его въ рукахъ. Когда получимъ его, то новымъ подписчикамъ нашимъ мы представимъ эту первую часть въ приложеніи, если окажется въ этомъ надобность, т. е. если продолженіе не будетъ само по себѣ составлять совершенно цѣльнаго эпизода.

Ред.

ЖИТЕЙСКІЯ СЦЕНЫ

КОМАНДИРША

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ СУРКОВЪ, майоръ, командиръ линейнаго батальона. Лѣтъ подъ-пятьдесятъ, человекъ добрый, недалековидный, къ женѣ питаетъ почтительное чувство, на томъ основаніи, что она образованная, т.-е. хорошо говоритъ по-французски.

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА, жена его, лѣтъ подъ-тридцать, belle-femelle, съ темнымъ взглядомъ и вообще нѣкоторой наклонностью къ сентиментальности.

СЕМЕНЪ ИЛЬИЧЪ НЕВЗОРОВЪ, поручикъ, батальонный адъютантъ. Имѣетъ претензію на свѣтскость.

ПОДПОРУЧИКЪ КОНОПЛИНЪ, субалтернъ-офицеръ. Пустой, но добрый малый; кутяка.

ПРАПОРЩИКЪ ВАСИЛЬКОВЪ, скромный, застѣнчивый юноша, хорошенкій, влюбчивъ, не пьетъ и не куритъ. Впрочемъ себѣ-на-умѣ.

ВАРВАРА, горничная майорши. Красивая, развязная дѣвка.

Деньщикъ Василькова.

Вѣстовой майорскій.

Дѣйствіе въ уѣздномъ городѣ.

I

(У Коноплина и Василькова. Холостая квартира въ нижнемъ этажѣ. По одну сторону кровать Василькова, около нея маленькій столикъ, на столикѣ карманные часы въ какой-то готической башенкѣ, подсвѣчникъ съ стеариновой свѣчкой, и раскрытый номеръ русскаго журнала. По другую сторону диванъ обитый клеенкой, съ валиками по бокамъ. Подлѣ дивана, вмѣсто столика стулъ, къ которому прислоненъ длинный чубукъ въ бисерномъ чехлѣ. На стулѣ ящикъ изъ подъ сардинокъ, служащій для трубочной золы. Въ простѣнкѣ между окнами столъ покрытый толстымъ сукномъ. На немъ бутылка лисабонскаго, полштофъ съ водкой, рюмка и тарелки съ нарѣзанными кусочками колбасы. Васильковъ лежитъ на кровати, на спинѣ, заложивъ себѣ руки подъ голову. Коноплинъ въ томъ же положеніи на диванѣ. Въ растворенную дверь видѣнъ деньщикъ, который сидитъ на залавкѣ и чинитъ свои доспѣхи. Онъ въ синей ситцевой рубашкѣ и въ панталонахъ на одной подтяжкѣ. Коноплинъ въ халатѣ, въ ермолкѣ и туфляхъ. Васильковъ въ растегнутомъ сюртукѣ, безъ заполей и безъ галстука; на немъ очень бѣлая и очень тонкая рубашка).

Коноплинъ (*выводитъ баритономъ: Вдѣь пляннмъ море по кольна!*) Хватить развѣ еще рюмочку. Никакъ опохмѣлиться не могу. Такъ ломаетъ всего со вчерашняго дня, что просто ужасъ. И въ головѣ шумъ какой-то. Скверно-скверно-скверно. (*Подымается, зѣваетъ и потягивается, потомъ идетъ къ столу и наливаетъ рюмку водки.*) Счастливецъ ты Володька, что не употребляешь крѣпкихъ напитковъ. А славную про тебя пѣсенку вчера Кривonosовъ сложилъ: (*поѣтъ*)

Есть офицеръ молоденькой,
Зовутъ его Володенькой,
Не курить и не пить!..

Володька! а Володька? Ты что, спишь или мечтаніямъ предаешься?

Васильковъ (*недовольный*). Что тебѣ нужно?

Кн. X. — Отд. I.

10

Коноплянѣ. Нужно чтобъ ты разговоромъ меня занималъ. Мнѣ скучно. Понимаешь ты это?

Васильковъ. А ты займись чѣмъ-нибудь. Это лучше будетъ. Я не обязанъ болтать когда тебѣ захочется.

Коноплянѣ. У! Да я вижу ты нынче злющій. Что съ тобой приключилось? Въ карты ты не играешь, — значить проигратъся не могъ. Или опять любвишка какая застѣла? а? Ахъ ты Сердечкинѣ. Ты съ меня примѣръ бери. Я никогда о бабахъ не сокрушаюсь... потому — не стоятъ они этого. На счетъ клубнички — это другое дѣло. Это можно. Одинъ мудрецъ, не помню только какой, нѣмецкій ли, или персидскій, сказалъ: срывай цвѣты наслажденья! Вотъ это былъ умный мудрецъ. Понималъ, значить, всю суть, въ чемъ она состоитъ. Срывай, да и баста. А ты ничего не срываешь, только все стопнешь. Ну говори — кайся. Въ кого втюрился?

Васильковъ. Ахъ, отвяжись!

Коноплянѣ. Нечего — отвяжись. Кайся говорю, не-то защечочу. *(Садится къ нему на кровать.)*

Васильковъ. Если ты будешь ко мнѣ приставать, я ейбогу отъ тебя съѣду.

Коноплянѣ. Не съѣдешь, потому что подло будетъ. Я твой другъ. Ну рассказывай Володька — кто тебѣ сердце пронзилъ. Я можетъ помогу какъ-нибудь.

Васильковъ. Да никто не пронзилъ! Съ чего ты взялъ, ейбогу.

Коноплянѣ. Такъ отчего же ты цѣлые дни на спинѣ лежишь и вздыхаешь. Вонъ и книжка у тебя все на одной страницѣ открыта. Я нарочно замѣтилъ. Денегъ нѣтъ чтоли? Я могу тебѣ одолжить до новой трети. Я вчера Невзорова таки облупилъ порядкомъ. Значить кутимъ!

Васильковъ. Спасибо Ваня. Денегъ не надо. Не то совсѣмъ.

Коноплянѣ. Ну такъ чтоже.

Васильковъ. А то, что мнѣ вчера въ канцелярїи сказали, что меня въ деревню усылаютъ... Рубцовъ оттуда просится, захворалъ. Да его и такъ смѣнить пора. Онъ ужъ сколько времени при слабой командѣ. Не весело брать.

Коноплянѣ *(шолкнувъ языкомъ.)* Тцц! Э! Это дѣйствительно не того... Да зачѣмъ же «тебя» непременно. Сидоренко самъ туда просится. Онъ радъ-радещенекъ, хоть на край свѣта уйги, только бы его отъ ученья да отъ карауловъ избавили.

Васильковъ. Ну вотъ поди жь ты! Все Невзоровъ. Онъ меня терпѣть не можетъ. И майору на меня кляузничаетъ. Намедни, какъ прѣхалъ майоръ на ученье, такъ прямо на меня и накинулся. А за что? Все его штуки. Я знаю.

Конопляинъ. Надо его съ адъютантства и казначейства долой спихнуть. Не понимаю какъ это наши офицеры его терпятъ. Всѣ жалуются, а начнутъ выбирать, — глядишь опять Невзоровъ остался.

Васильковъ. Выбирать! Да какой же это выборъ? Майоръ скажетъ: я думаю господа, что поручикъ Невзоровъ вполне благонадежный офицеръ; и пришлетъ выборный листъ подписать. Вотъ тебѣ и дѣлу конецъ.

Конопляинъ. Это такъ, это такъ. Да знаешь что Володька — суну ему подлецу въ зубы четвертную.

Васильковъ. Какже возьметъ онъ съ меня. Съ другихъ я знаю беретъ безъ зазрѣнія. А на меня еще чего-добраго жаловаться къ майору пойдетъ... Подкупаетъ скажутъ; оскорбленіе чести наносить.

Конопляинъ. За что онъ тебя прижимаетъ скажи ты мнѣ?

Васильковъ. На это причины есть... Ужь я знаю.

Конопляинъ. Видно одну тропиночку съ нимъ куда-нибудь проторили? (*хохочетъ.*) Надо полагать ты у него клубничку отбилъ? а? Ишь смиренница!..

Васильковъ (*краснѣетъ.*) Отбить не отбилъ... а...

Конопляинъ. А — что? Поползновеніе имѣешь? Ну скажи Володенька: кто эта особа?..

Васильковъ. Да зачѣмъ тебѣ. Ну, что за любопытство бабье...

Конопляинъ. И вовсе не любопытство... а изъ участія къ тебѣ. Я тебѣ совѣтъ подать могу, — вѣдь я, братъ, по этой части дока! Ты еще не знаешь меня хорошенько каковъ я есть.

Васильковъ. Тутъ братъ ты ровно ничего не поможешь.

Конопляинъ. Ой-ли? Развѣ добродѣтельная? Чтожъ я и на счетъ добродѣтельныхъ тоже.. Могу наставить... Право могу... Ты думаешь у меня никогда благородныхъ интрижекъ не было?... Были, душенька, ейбогу были. Всякія были.

Васильковъ. Да нѣтъ, это все не то... Вотъ ты лучше придумамай какъ отъ деревни отдѣлаться.

Конопляинъ. Чтожъ, и объ этомъ подумаемъ.. Дай сперва вы-

пить (наливаетъ лисабонскаго, взглянувъ въ окно видитъ на улицѣ Варвару, оставляетъ рюмку и стучитъ въ оконное стекло.) Варвара! Варюха! Не слышитъ бестія (стучитъ сильнѣе.) Услыхала! Идетъ! Славная эта Варька: люблю ее! Весельчакъ дѣвка... Ну, и собой тоже мое почтенье, есть на что поглазѣть.

Тѣже и ВАРВАРА.

(Варвара въ бурнусѣ, большой платокъ на головѣ.)

Коноплинъ (идетъ къ ней на встрѣчу и заключаетъ ее въ объятія.) Варюха! здорово! протягивай свой мордафонъ (цѣлуетъ ее) Гдѣ была шельма?

Варвара (смѣясь.) Гдѣ была тамъ ужъ нѣтъ. И какъ это они меня увидали, ейбогу. Нарочно по той сторонѣ пошла, думаю авось не примѣтятъ. Проказники!

Коноплинъ. Зачѣмъ же ты хотѣла мимо продрать? а? Развѣ такъ съ хорошими пріятелями поступаютъ? Видно ужъ завела кого-нибудь на сторонкѣ? Винись змѣенышъ!

Варвара. Ну да, какже! Завела!.. Ужъ кабы завела такъ не оглянулась бы, стучи не стучи въ окошко-то... А слѣшное дѣло было, такъ и торопилась. Барыня къ портнихѣ посылала, за платьемъ за новымъ.

Коноплинъ. Ну ее, барыню! подождетъ. Вѣдь не нынче ей платье-то надѣвать.

Варвара. Такъ чтожъ что не нынче. А ну какъ не хорошо сидитъ, значить перешивать его надобно будетъ; къ завтрашнему-то вечеру пожалуй и не поспѣетъ, коли съ вами тутъ проволандаться.

Васильковъ. А куда же это барыня завтра вечеромъ ѣдетъ, Варенька?

Варвара. А вамъ на что? Много будете знать, — скоро состаритесь...

Васильковъ. Душечка Варя, скажи пожалуста.

Варвара. «Душечка!» Скажите пожалуста какія нѣжности вдругъ припаи! а то такъ сидитъ себѣ волкомъ, словечка отъ него не добьешься...

Коноплинъ. Онъ въ огорченіи находится, Варя, ты не обижай у меня его.

Варвара. Въ какомъ такомъ огорченіи... Али Наталья Михайловна не тѣмъ глазкомъ взглянуть изволила...

Васильковъ (*вспыхнувъ*.) Что ты врешь глупости...

Варвара (*хохочетъ*.) Посмотрите-ка, посмотрите, ишь зардѣлся! точно вишенка володимерская... Вѣдь какой хорошенькій постреленокъ!

Коноплинъ. Э-э братъ! Такъ вотъ ты куда махнулъ! На счетъ командирши проаживаешься!

Варвара. А вы и не знали?.. Мы ужь давно этимъ дѣломъ-то занимаемся...

Васильковъ (*Коноплину*.) А ты и вѣришь, мало ли она тутъ чего наскажеть...

Варвара. Тю, тю, тю! Сдѣлайте ваше одолженіе! Ужь кого другого морочьте, а не меня... Сама, своими глазами видѣла какъ вы въ саду-то ручку у ней цѣловали...

Коноплинъ. Вонъ какъ ужь и до ручекъ дошло! Ахъ ты скрытная душа... хоть бы заикнулся...

Варвара. Да больно ужь робокъ, какъ я на него посмотрю. Она съ нимъ и такъ и сякъ, а онъ все только вздыхаетъ сердешный. И румяный, румяный сдѣлается, какъ поговорить съ ней, словно изъ бани вышелъ.

Васильковъ (*сквозь слезы*.) Полно тебѣ врать Варвара! Это просто чортъ знаетъ что такое...

Варвара. Матушки! Да никакъ онъ плакать собирается... Дайка я его потормошу, — авось разсмѣется, (*подходитъ къ нему и щекотитъ его*) что, ревнивъ видно?

Васильковъ (*смѣется*.) Отстань!..

Варвара. Ревнивъ, ревнивъ!.. И къ кому ревнуеть-то — знаю.

Коноплинъ. Ну? неужто соперникъ есть?

Варвара. Есть, да его бояться нечего. Вы только посмѣлѣй дѣйствуйте Володиміръ Андреичъ. Ужь я вамъ говорю, что васъ на него не смѣняютъ.

Васильковъ (*вскакивая*.) Въ самомъ дѣлѣ — Варя? Ты какъ знаешь?

Варвара. Ишь, ишь... глазенки-то такъ и горять... Видно ужь больно Наталья-то Михайловна намъ понравилась.

Васильковъ. Такъ ты говоришь Варя, что она имъ не интересуется? Да тебѣ вѣрить-то можно ли?

Варвара. Хотите вѣрите — хотите нѣтъ. Мнѣ что.

Васильковъ. Ну; ну, вѣрю, ты не сердись только...

Варвара. Ну, а коли вѣрите, такъ я вамъ вотъ-что скажу: она просто по васъ съума сходитъ!.. Вторилась, одно слово. Вы только маху не дайте...

Васильковъ (*обнимаетъ Варвару*). Варя... милочка... какая ты славная!.. Вотъ такъ спасибо.

Варвара. Охъ! вѣдь какъ жалъ-то; батюшки!.. Ужь онъ думаетъ, что Наталья Михайловна ему попалась. Да пустите! Ну васъ тутъ! Растрепалъ всю.

Коноплянъ. Давай помѣняемся Володька! Я тебѣ мою, а ты мнѣ свою... Варюшка, вѣдь ты не прочь?

Варвара. Ещебы!.. вишь онъ какой милашка!

Коноплянъ (*замахиваясь на нее*). Убью!

Варвара. Не убьешь, — пожалѣешь!

Васильковъ. Ахъ! Варя... Сослужи службу... вѣкъ благодарень буду...

Варвара. Какую? Поговорить чтоли барынь? Извольте; — это все въ нашихъ рукахъ. Наталья Михайловна барыня не сибирская. Мы съ ней часто объ молодыхъ кавалерахъ разговариваемъ. Да и то сказать, кому ей голубушкѣ и объяснить свои чувства? Все одна да одна. Только со мной и отведетъ душеньку.

Васильковъ (*шепчетъ ей на ухо*). Вотъ что Варенька... Передай ты ей письмецо...

Варвара. Можно.

Коноплянъ. Что вы тамъ шепчетесь?..

Варвара. Ужь про-то мы знаемъ! У насъ свои секреты. А вамъ до насъ дѣла нѣтъ.

Коноплянъ. Ты смотри Володька... За двумя зайцами не вздумай гоняться... (*Подходитъ къ нимъ, Варвара отстраняетъ его рукой*).

Варвара. Же-ву-при; нельзя ли подалее... (*Василькову*). Готова чтоли цидулка-то?

Васильковъ (*вынимая изъ бокового кармана*). Ужь я цѣлую недѣлю въ карманѣ ношу... Только ты смотри — майору не попадись...

Варвара. Ужь пожалуста! Кого другого учите не насъ. Знаемъ мы всѣ эти фигуры-то.

Васильковъ. И отвѣтъ принесешь?

Варвара. Отчего не принести, коли будетъ. Только сумнѣ-

лаюсь я на этотъ счетъ... Писать-то она не любитъ. Осторожна. Не ровенъ часъ..

Коноплянѣ. Ну скоро ли вы тамъ кончите?

Васильковъ. Кончили.

Варвара. Ну — пора мнѣ домой.

Коноплянѣ. Сиди знай; не пуццу.

Варвара. Нѣтъ голубчикъ, Иванъ Петровичъ, нельзя, ей же богу нельзя. Въ другой разъ — пожалуй; отчего не провести время. А теперь я и то замѣшкалась.

Коноплянѣ. Ну когда же ты придешь?..

Варвара. Да не знаю право. Вотъ развѣ завтра, барыня на вечеръ поѣдетъ... я и отпрошусь.

Васильковъ. А ты такъ и не сказала куда она ѣдетъ?

Варвара. Ну ужъ такъ и быть скажу: къ помѣщицѣ къ этой вотъ, что по дѣламъ хлопотать прѣѣхали.

Васильковъ. Къ Утловой?.. Экъ досадно! не знакомъ я съ ней!.. Вотъ Невзоровъ, такъ тотъ ужъ чай непремѣнно познакомился. Ужъ какже... ему нельзя... адъютантъ!

Варвара (*смѣется*). А вы попросите его: онъ васъ съ собой возьметъ!

Коноплянѣ. Такъ вотъ, братъ, онъ тебя за что въ деревню-то выпроваживаетъ! Онъ тоже къ майоршѣ подлѣзаетъ.

Варвара. Неужели и взаправду васъ въ деревню угнать хотятъ?

Васильковъ. Хотятъ, Варенька... Ужъ и бумага написана. Только майору подписать осталось.

Варвара. Ну нѣтъ; ужъ мы эдакого красавчика не выпустимъ. Да Наталья Михайловна безъ васъ просто съ тоски пропадетъ.

Коноплянѣ. Ты ей это скажи Варя; вотъ-молъ какія пакости адъютантъ дѣлаетъ.

Варвара. Безпремѣнно скажу... И что только этотъ майоръ въ него ввѣрился! Вотъ подумаешь, кого господь покарать захочетъ, такъ сперва разумъ отыметъ. Майоръ его замѣсто родного считаетъ, передъ всѣми офицерами отличаетъ, а того не видитъ, что онъ у него жену отбить хочетъ.

Коноплянѣ. Вчера мнѣ сто рублей проигралъ, Кривonosову пятьдесятъ. А откуда взялъ? Я знаю что у него ни копѣйки не было. Еще я говорю Кривonosову: не отдастъ, братъ, онъ намъ до новой трети. Глядь-анъ сегодня вѣстовой летитъ съ конвертомъ.

Что, спрашиваю его, адъютантъ въ ящикъ ходилъ? ходилъ ваше благородіе. Ужь когда-нибудь и майоръ и всё за него поплатятся. Это вѣрно.

Васильковъ. Изъ-за него у Колотверникова роту отняли : тотъ майора при немъ говядиной красной назваля...

Варвара (*смѣясь*). А что, развѣ не правда?.. говядица — какъ есть говядина. Теперь хоть бы Наталью Михайловну взять, — ну за что она любить его будетъ?.. Ничего въ немъ нѣтъ благо-роднаго... Ахъ, ты господи! Опять я зарапортовалась съ вами... Прощайте.

Конопляинъ. Да, ты поцѣлуй на прощаньѣ-то... (*Цѣлуетъ ее*).

Васильковъ. Ужь и меня Варя...

Варвара. Ну вотъ выдумали... А какъ Наталья Михайловна узнаеть?..

Васильковъ. Ничего!.. мы съ тобой по пріятельски...

Варвара. Ну ужъ такъ и быть... (*Поцѣловавъ его, про себя*): Вѣдь эдакая картинка писаная!.. Такъ бы вотъ до смерти и зацѣло-вала. (*Уходитъ*).

Васильковъ (*про себя*). Ну что-то будетъ!.. А какъ разсер-дится?.. Чтожъ : тогда въ деревню уйду... вотъ и все...

Конопляинъ. Какъ же ты, братъ, Володька, слабую-то команду примешь, чтоли? А вѣдь непріятно, чортъ побери; съ одной сто-роны цвѣты наслажденія, такъ-сказать... а съ другой, эта коман-да... деревушка грязная съ свиньями да телятами! Скверно, сквер-но, скверно. Большимъ рапортуйся.

Васильковъ. Чтò проку?.. Доктора пришлютъ свидѣтельство-вать.

Конопляинъ. Ну чтожъ... Сигизмундъ Казимировичъ хорошій человекъ... Съ нимъ сладишь...

Васильковъ. Это такъ... да вѣдь не вѣкъ же хворать...

Конопляинъ. Ну хоть мѣсяцъ выиграешь... а тамъ что еще бу-детъ; можетъ-быть Невзоровъ всё деньги изъ ящика въ банчикъ спустить. Вотъ ему и капутъ.

ТѢЖЕ и НЕВЗОРОВЪ.

(Невзоровъ, рыжеватый господинъ. Одѣтъ щеголемъ. Чистыя перчатки; воротничъ у сюртука узенькій; изъ-подъ галстука выпущены узенькіе воротнички; волосы припомажены и завиты; между третьей и четвертой пуговицей болтается золотая цѣпочка. Безпрестанно оправляется и взглядываетъ въ зеркало).

Коноплинъ (*про себя*). Вотъ нелегкая принесла.

Невзоровъ (*пристукивая шпорами*). Bonjour! Что подѣливаете хорошаго, господа! (*протягиваетъ два пальца сперва Коноплину потомъ Василькову*).

Коноплинъ. Ничего, такъ-себѣ... кой о чемъ болтали.

Невзоровъ. Да у васъ тутъ я вижу и жидкости разныя на столѣ.

Коноплинъ. Не хотите ли?

Невзоровъ. Нѣтъ, grand merci. Я водки не пью.

Коноплинъ. Ну, лисабону хватите.

Невзоровъ. Нѣтъ. Я нынче кромѣ лафита ничего не пью; вредно. Докторъ запретилъ.

Коноплинъ. Что это вы куда-нибудь на вечеръ собрались?

Невзоровъ. Майорша просила пріѣхать чай пить... Майоръ нынче въ клубъ играетъ; такъ ей одной скучно. Хочу прочесть ей вслухъ «Корнета Отлетаева», князя Кугушева. Вы читали?

Коноплинъ. Нѣтъ.

Невзоровъ. Напрасно... Charmant... А propos... Вы знаете мсьё Васильковъ, что васъ майоръ приказалъ назначить въ деревню, на смѣну Рубцову; тамъ ужасно скучно. Вы запаситесь книгами. Я могу вамъ служить если хотите...

Васильковъ. У меня есть, покорно васъ благодарю...

Невзоровъ. Pas de quoi. Теперь есть, но можетъ-быть потомъ понадобятся, — вы вѣроятно останетесь тамъ довольно долго. Сдѣлайте милость обращайтесь ко мнѣ всегда sans cérémonie. Я буду очень счастливъ... Признаюсь вамъ, мнѣ чрезвычайно досадно, что выборъ майора палъ именно на васъ... Я всѣ усилія употреблялъ чтобы отговорить его.. Но вы знаете его характеръ... упрямъ какъ, какъ я не знаю что! Впрочемъ, soyez sûr, что при первой возможности мы пришлемъ вамъ смѣну. Но правдѣ сказать — теперь почти некого и назначить...

Васильковъ. Сидоренко кажется желалъ...

Невзоровъ. Ну да... c'est vrai; онъ желалъ... Я и говорилъ это майору... Но я не знаю онъ почему—то считаетъ Сидоренку неблагонадежнымъ офицеромъ, которому нельзя довѣрить команды... Онъ даже выразился на этотъ счетъ довольно рѣзко... Я съ этимъ конечно не согласенъ... Сидоренко хотя и любитъ иногда покутить, но онъ исправный офицеръ... Ну, а на васъ ужъ вполне можно положиться. Вы у насъ во всѣхъ отношеніяхъ служите примѣромъ... несмотря на ваши лѣта... Однако я заболтался... (*Вынимаетъ часы и смотритъ.*) Семь часовъ. Какъ разъ пора... Au revoir!.. Получили вы деньги, мсьё Коноплинъ?

Коноплинъ. Получилъ—съ. Очень благодаренъ.

Невзоровъ. Прощайте... Ахъ да! Завтра утромъ застрѣльщичье ученье, господа... Майоръ будетъ. (*Уходитъ.*)

КОНОПЛИНЪ и ВАСИЛЬКОВЪ

Васильковъ. И все вреть, все вреть... Вонервыхъ майорша его совсѣмъ не звала, я увѣренъ... Вовторыхъ онъ самъ напѣлъ въ уши майору чтобы меня отправить... и еще разсыпается въ похвалахъ. Терпѣть не могу такихъ двуличныхъ господъ!

Коноплинъ. И какіе тоны задаетъ! Кромѣ лафиту ничего не пьетъ! Тогда какъ я знаю навѣрное, что дома сивуху тянетъ. А французскій—то діалектъ какъ подпускаетъ? Мерси, банжуръ — только вѣдь и знаетъ... ейбогу... Намедни у коробейника французскіе разговоры купилъ. Ну скажи намилость, зачѣмъ французскіе разговоры человѣку, который умѣетъ пофранцузски объясняться? Это онъ все нашему брату линейному пылъ въ глаза пускаетъ. Нельзя! Изъ арміи перешолъ. А майоръ чай не налюбуется на эдакое сокровище. Вотъ дескать у насъ какіе служить... Нигдѣ показать не стыдно.

(Набиваетъ трубку и ложится на диванъ. Васильковъ тоже ложится на кровать и сначала берется за книгу, но потомъ оставляетъ ее и погружается въ задумчивость.)

II

(Гостиная, майорши. Въ глубинѣ стеклянная дверь на терасу. Мягкая мебель, зеркала, фортепьяно. НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА сидитъ въ большихъ креслахъ, закинувъ голову назадъ. Передъ ней столикъ, на которомъ разбросана женская работа и лежитъ какой-то французскій романъ).

Суркова (*вздыхая*). Ахъ, ахъ, ахъ! что это за скука въ этой глуши!.. Вотъ, подумаешь, участь женщины! Ее воспитываютъ, образуютъ, нѣжатъ... и потомъ чтоже? Выйдетъ замужъ и должна слѣдовать за мужемъ богъ-знаетъ куда, на край свѣта! Мужчины намъ ничего... У нихъ есть цѣль, занятія, служба. А мы бѣдныя, мы живемъ только сердцемъ, и если судьба заброситъ насъ въ такое мѣсто, къ такимъ людямъ, гдѣ насъ никто не можетъ понять... что намъ остается дѣлать? Томиться и ждать — какъ сказалъ кто-то... (*Молчаніе.*) Какое здѣсь ужасное общество!.. сидятъ у себя съ свѣчками, и только при гостяхъ зажигаютъ стеариновые. Одѣваются уродами... что за куафюры допотопныя! И хоть бы кто-нибудь умѣлъ пофранцузски... Странно даже, такое невѣжество въ наше время! Правду говорила мнѣ княжна Тарарыкина, когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы пріѣхала съ ней проститься. *Vous mourez d'ennui cher ange!* Ваша деликатная натура не вынесетъ провинціи!.. (*Молчаніе.*) Въдъ счастье же людямъ! Вотъ Marie Колакова вышла замужъ за полкового командира; пишетъ мнѣ, что ихъ полкъ стоитъ въ Харьковѣ, — городъ прекрасный, общество образованное, балы, пикники... и между офицерами есть даже нѣсколько человекъ изъ гвардіи. А эти линейные! *c'est une honte!* Одинъ Васильковъ... конечно онъ еще мальчикъ, но зато премиленькій... Мнѣ кажется его бы можно сформировать... сдѣлать изъ него: *un jeune homme tout à fait comme il faut...* Надо за него хорошенько приняться. Это будетъ даже доброе дѣло... а то эти товарищи пожалуй соблютъ его съ толку; научатъ пьянствовать... кутить. (*Помолчанъ.*) Какъ онъ всегда нѣжно на меня смотритъ... а наемдни, въ саду, какъ я ему протянула руку — даже осмѣлился поцѣловать ее... И самъ весь вспыхнулъ! Мнѣ нравится въ немъ эта стыдливость... А рыжій Невзоровъ кажется тоже равнодушенъ ко мнѣ?.. Онъ не глухъ... но фать и болтунъ и притомъ физиономія его мнѣ не нравится. Въ

ней есть что-то кошачье. Я бы не рѣшилась ему довѣриться... (*Съ усмѣшкой.*) *Faute de mieux*, конечно и съ нимъ иногда кокетничаетъ!.. нельзя же... а то совсѣмъ разучишься быть любезной. Я помню, князь Тарарыкинъ всегда говорилъ: женщина безъ кокетства — это китайскій розанъ: красивъ но безъ аромату!.. (*Молчаніе.*) Что этотъ Васильковъ такъ рѣдко ходитъ?.. боится вѣрно... *Il faut l'apprivoiser*... Но странно... куда бы я ни поѣхала, — непременно встрѣчу его на дорогѣ. И въ церкви... онъ всегда становится такъ, чтобы можно было смотрѣть на меня... (*Встаетъ и подходитъ къ зеркалу.*) Мнѣ кажется я ужасно подурнѣла съ тѣхъ поръ какъ живу здѣсь. (*Поправляетъ волосы и вздыхаетъ.*) Красота! красота! Тебя нужно беречь, лелѣять!.. а для кого? когда нѣтъ существа, которое бы ты могла сдѣлать счастливымъ?.. (*Отходитъ отъ зеркала.*) Чтобы этому гадкому мальчишкѣ догадаться, придти сегодня... Alexandre въ клубъ... Скука!..

(Входитъ Варвара.)

Суркова. Ахъ, Варя! Ну что, принесла платье?

Варвара. Принесла-съ... угодно примѣрить!

Суркова. Не хочется что-то!.. завтра утромъ примѣрю. Теперь, при свѣчкахъ и не увидишь хорошенько какъ сидитъ.

Варвара. Какъ вамъ угодно-съ! Чай прикажете готовить?

Суркова (*думая о другомъ*). Чай? Не рано ли? Впрочемъ пожалуй готовъ.

(Варвара стоитъ на мѣстѣ и видимо хочетъ сказать что-то, но не рѣшается.)

Суркова. Тебѣ вѣрно со двора уйти хочется?

Варвара. Никакъ нѣтъ-съ (*мнетъ на мѣстѣ*).

Суркова (*смотря на нее пристально*). Ужъ что-нибудь да нужно... Я вижу?

Варвара (*улыбаясь*). Нужно-съ.

Суркова. Говори.

Варвара. Есть къ вамъ порученьеце, Настасья Михайловна, только вы не извольте сердиться.

Суркова. Что такое? какое порученьеце?

Варвара. Отъ Василькова, отъ Владиміра Андрѣича.

Суркова (*краснѣя и стараясь казаться серьезной*). Какое же можетъ-быть порученье отъ Василькова ко мнѣ?

Варвара (*молча подаетъ ей письмо*).

Суркова (*еще больше смущенная*). Письмо?

Варвара. Письмо-съ.

Суркова. Вѣрно просить о чемъ-нибудь.

Варвара (*равнодушно*). Должно-быть просить-съ. Его въ деревню угнать хотятъ.

Суркова (*быстро*). Въ деревню? зачѣмъ, кто?

Варвара. Адъютантъ-съ. Съ слабой командой. Ему бѣдненькому отъ адъютанта житья нѣтъ-съ.

Суркова. Но вѣдь онъ долженъ знать, что я въ служебныя дѣла не мѣшаюсь. Хорошо, я прочту... поди (*Варвара идетъ; Суркова кличетъ ее.*) Варвара!

Варвара. Чего изволите-съ

Суркова. Гдѣ же ты его видѣла?

Варвара (*покраснѣвъ*). Онъ мнѣ на улицѣ попался-съ, у самой почтовой конторы... я иду мимо съ платьемъ-съ, а онъ оттуда выходитъ.

Суркова (*пристально посмотрѣвъ на нее, сомнительно качаетъ головой*). Не врешь ли ты?

Варвара. Ей-богу, сударыня; хоть сейчасъ провалиться на этомъ мѣстѣ!.. Ужъ какъ онъ меня просилъ-то...

Суркова. Ну... ну... хорошо, ступай.

(Варвара уходитъ).

Суркова (*одна*). Каково же это?.. Закабалить бѣднаго мальчика въ деревню! Да онъ тамъ пропадетъ совсѣмъ... Я почти увѣрена, что г. Невзоровъ преслѣдуетъ его изъ ревности, потому что на послѣднемъ вечерѣ у судьи я говорила съ нимъ больше, чѣмъ съ другими. Надо непременно упросить Alexandre! Посмотримъ-ка что онъ пишетъ (*смотритъ на адресъ*.) Какая рука, точно женская (*распечатываетъ и читаетъ; къ концу письма лицо ея оживаетъ, на губахъ появляется улыбка, въ глазахъ видна радость*.) Да это объясненіе! Никакой просьбы, никакого дѣла! Это онъ все только наговорилъ Варварѣ, чтобъ не навлечь подозрѣнія. Каковъ же? Откуда взялась смѣлость (*перечитываетъ нѣкоторыя мѣста*.) «Одно ваше слово можетъ сдѣлать меня безконечно счастливымъ или погубить навѣкъ. Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, больше самой жизни, люблю давно, но скорѣе умеръ бы, чѣмъ рѣшился высказать на словахъ мое чувство. Незнаю какъ и теперь достало у меня духу писать къ вамъ». Онъ очень мило пишетъ! и главное

видно, что искренно, *qu'il a mis toute son âme là dedans*. Ахъ боже мой! Но что, если его ушлютъ въ самомъ дѣлѣ? (*Ходить въ волненіи по комнатѣ. Варвара выглядываетъ въ дверь.*) Alexandre такъ упрямя; ну ужъ нѣтъ! на этотъ разъ я не уступлю. Ужъ какъ они тамъ себѣ хотятъ (*слышенъ стукъ экипажа, подъѣзжающаго къ крыльцу.*) Кого еще принесло! какая тоска, изволь занимать здѣшнихъ уродовъ, когда въ головѣ совѣтъ другое. Варвара! Варя! (*Варвара вбѣгаетъ.*) Кто-то подѣхалъ. Вели сказать, что я нездорова, не принимаю. (*Варвара бѣжитъ въ переднюю.*) Отвѣчать или не отвѣчать на его письмо? (*Подумавъ.*) Конечно нѣтъ. Впервыхъ отвѣчать неблагоприятно... Ввторыхъ, не худо его помучить: когда ихъ помучаешь, этихъ мушницъ, они больше цѣнятъ насъ. А какъ онъ да съ отчаянія вздумаетъ самъ проситься отсюда куда-нибудь.

(Входитъ Варвара съ книгой).

Варвара. Адъютантъ былъ-съ. Вотъ книжку вамъ велѣлъ передать. Очень жалѣетъ.

Суркова. Хорошо, положи. (*Варвара уходитъ.*) Не послать ли за нимъ теперь? Нѣтъ... это ужъ слишкомъ скоро. Подумаетъ, обрадовалась. А впрочемъ онъ вѣроятно будетъ такъ счастливъ, такъ счастливъ, что ему и въ голову не можетъ придти подобная мысль. Онъ не то, что другіе, онъ еще такъ наивенъ, такъ чистъ сердцемъ! Однакожъ все-таки его надо будетъ сначала распечь... надо показать видъ, что я разсердилась. Воображаю, какъ онъ сконфузится, покраснѣетъ... Милочка! Варвара, Варвара!

(Варвара входитъ).

Суркова. Варя, мнѣ бы нужно съ нимъ самимъ поговорить хорошенько о томъ, насчетъ чего онъ проситъ въ своемъ письмѣ... посоветоваться, какъ бы это лучше устроить, чтобъ его не усылали.

Варвара. Чтожъ, сударыня. Прикажете только, онъ духомъ прибѣжить.

Суркова. Но какже это... посылать за нимъ? Барина дома нѣтъ. Могутъ богъ-знаетъ что сказать.

Варвара. Да ктоже скажетъ-то, сударыня? Никто этого и не узнаетъ.

Суркова. Вѣстовые эти... это все такой грубый, необтесанный народъ.

Варвара. Да зачѣмъ же посылатъ вѣстоваго. Я могу сходить.

Суркова. Развѣ ты сходишь... но вѣдь онъ живетъ не одинъ... его товарищъ пожалуй подумаетъ, что я ему какое-нибудь свиданіе назначаю.

Варвара. Ужъ я сударыня сдѣлаю такъ, что меня никто не увидитъ, вызову черезъ денщика, да и все тутъ... коли подумаютъ что, такъ про меня... а развѣ на васъ можетъ кто думать. Васъ кажется довольно понимаютъ, какія вы есть. Да товарища чай теперь и дома-то нѣтъ; гдѣ-нибудь въ карты дуется. Я мигомъ следаю...

Суркова. Ну хорошо... только пожалуста...

Варвара. Ужъ будьте спокойны-съ, не сумѣвайте. *(Про себя.)* Ахъ какъ обрадуется соколикъ-то ясный. Ужъ на платье стяну съ него за такую посылку. *(Уходитъ.)*

Суркова *(сидитъ въ кресло).* Зачѣмъ это я сдѣлала. Ну какъ узнаютъ? Въ этомъ проклятомъ городишкѣ ступить нельзя, чтобы за тобой не слѣдили. Здѣсь принимать кого-нибудь безъ мужа — преступленіе. Они не понимаютъ, эти дикари, какъ люди живутъ въ порядочномъ обществѣ. Боже мой, какъ бьется сердце!.. Не знаю почему мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно; это даже смѣшно право, что я трушу мальчика, который никогда не смѣетъ самъ заговорить со мной *(молчаніе.)* А я чувствую, однакожъ, что могу привязаться къ этому мальчику всѣми силами души. О Alexandre! Зачѣмъ ты такой, зачѣмъ ты не можешь понять меня... *(Молчаніе.)* Загадаю въ книгѣ: будетъ ли онъ любить меня такъ, какъ я бы желала, чтобы меня любили. *(Раскрываетъ книгу, привезенную адъютантомъ: изъ нея выпадаетъ записка.)* Что это? Еще записка... Невзоровъ! прошу покорно! И какъ отъ нее несетъ патчули. Вотъ, mauvais genre, душиться патчули. *(Развертываетъ записку.)* Скажите! тоже открывать свои чувства вздумалъ. Самонадѣянность-то какая! Воображаетъ, что можетъ плѣнить, и кого же — меня? Ну еще положимъ для здѣшнихъ дамъ онъ годится; онъ ничего лучше не видѣли, такъ имъ и Невзоровъ въ диковину. А ужъ я-то кажется живя въ Москвѣ могла насмотрѣться на порядочныхъ молодыхъ людей. *(Читаетъ.)* И какъ это тяжело. Я думаю, это онъ просто изъ книги какой-нибудь выписалъ. Какое сравненіе съ тѣмъ!.. Можетъ-быть онъ тамъ бумаги дѣловыя хорошо сочинять умѣетъ, а ужъ о чувствахъ писать не мастеръ, нечего сказать. Надо показать ему, что я не только къ нему равнодушна, но даже

презираю его. (*Подумавъ.*) А вотъ мысль! Нельзя ли воспользо-ваться этой запиской и принудить его, чтобы онъ уговорилъ Alexandr'a не усылать Василькова въ деревню. Въ самомъ дѣлѣ, это было бы превосходно. Но я боюсь только, что онъ изъ ревности начнетъ что-нибудь нашоптывать Alexandr'у... Отъ него все ста-нется. Надо обо всемъ этомъ подумать, взвѣсить все это.

(*Вбѣгаетъ Варвара.*)

Варвара (*въ поныхахъ*). Наталья Михайловна, пришолъ! Прикажете его сюда привести.

Суркова (*волнуясь*). Ахъ боже мой, Варя... хорошо ли это... я право не знаю. Ужъ я раскаялась, что тебя посылала.

Варвара. Да полноте, сударыня. Никто какъ есть не видалъ. Ни одна душа, на дворѣ темно. Да онъ и шолъ-то отъ меня поодаль, по другой сторонѣ. Ужъ примите его, обнадежьте... онъ со-всѣмъ измаялся, бѣдненькій.

Суркова. Ну введи его.

(Варвара исчезаетъ. Суркова подходитъ къ зеркалу и поправляетъ во-лосы; въ движеніяхъ ея замѣтно что-то лихорадочное. Она опускается въ кресло, потомъ вскакиваетъ и переставляетъ свѣчи со стола на роуль; наконецъ опять садится. Лицо ея въ полумракѣ. Васильковъ вхо-дитъ и останавливается въ почтительномъ отдаленіи).

Суркова (*кивая ему головой*). Bonjour, prenez place!

(Васильковъ подходитъ и робко садится около Сур-ковой. Молчаніе).

Суркова. Я на васъ сердита.

Васильковъ. Наталья Михайловна...

Суркова. Это нехорошо, писать такія письма къ замужней жен-щинѣ...

Васильковъ (*застѣнчиво*). Простите меня, Наталья Михай-ловна... я право незнаю, какъ это случилось.

Суркова. Ну что, еслибы это письмо попало въ руки Ale- xandr'у...

(Васильковъ молчитъ).

Суркова. Онъ могъ бы подумать, что я подала вамъ поводъ... вы могли навлечь на меня неприятности; это очень, очень опрометчиво съ вашей стороны.

Васильковъ. Я чувствую, Наталья Михайловна, что я поступилъ дурно .. простите меня.

Суркова. И вѣдъ все это, что вы пишете... такъ... однѣ фразы, вздоръ ..

Васильковъ (*горячася*). Клянусь вамъ, Наталья Михайловна, вѣсѣмъ для меня священнымъ, что я писалъ искренно... Я готовъ на все, чтобъ доказать вамъ, что я за васъ умереть готовъ!.. Вы можете презирать меня, отвергнуть, но не оскорбляйте меня вашимъ сомнѣніемъ.

Суркова. Ну положимъ даже, что вы чувствуете ко мнѣ нѣкоторую привязанность. Но не забудьте, что у меня есть обязанности.

Васильковъ. Наталья Михайловна, мнѣ довольно взгляда, одного ласковаго слова вашего, одной улыбки... только бы вы мнѣ позволили чаще васъ видѣть, быть подлѣ васъ... я ужъ и тѣмъ буду счастливъ, вѣрьте мнѣ, Наталья Михайловна.

Суркова. Но если вы будете часто бывать у меня, начнутся толки, пересуды... вы знаете, какъ здѣсь любятъ сплетничать.

Васильковъ. Я умѣю владѣть собой, Наталья Михайловна; при другихъ я буду отъ васъ дальше, чѣмъ кто-нибудь... ни однимъ взглядомъ я не выкажу своихъ чувствъ. Наталья Михайловна! еслибъ вы только знали, какъ я давно... какъ я... (*слезы мѣшаютъ ему говорить*).

Суркова (*тронутая*). Ну вотъ! какой вы ребенокъ!

Васильковъ (*вдругъ схватываетъ ея руку и крѣпко цѣлуетъ; она старается высвободить ее*). Не отнимайте у меня вашей руки, умоляю васъ... (*Опускается передъ ней на колѣни и плачетъ, прижавъ ея руку къ своему лицу*).

Суркова. Ну полно же, полно!.. Могутъ услышать люди (*оттираетъ ему слезы своимъ платкомъ*.) Пойдемте лучше въ садъ, вечеръ кажется очень хорошъ; воздухъ васъ освѣжитъ... (*Встаетъ и открываетъ дверь на терасу*.) Посмотрите какъ тихо; ни одинъ листъ не шелохнется... пройдемтесь немножко по этой аллеѣ; дайте мнѣ вашу руку... (*Васильковъ подаетъ ей руку; они уходятъ*).

Варвара (*входя съ чаемъ, оглядывается*.) Ну, упорхнули! и чай забыли! До чая ли тутъ, разумѣется. Эхъ любовь! Видно ужъ мнѣ за нихъ вышить. Все равно остынетъ, пока они прохладятся тамъ будутъ, придется новаго наливать. Посидѣть на мягкихъ-то креслицахъ (*садится*.) Фу, какъ знатно! Чтѣ кабы да на мнѣ те-

перича офицеръ женился? А нешто не можетъ этого взаправду случиться? Какъ посмотрю я на этихъ на жонъ офицерскихъ, какія промежъ ихъ есть! просто и непохожи на барынь; ни одѣться онѣ не умѣютъ, ни разговору у нихъ никакого нѣту; такъ какія-то! А есть, что даже и бѣлье на себя самі стираютъ, ей-богу. Ну ужъ я бы кажется на ихъ мѣстѣ ни въ жисть бѣлья стирать не согласилась. Женись-ка на мнѣ офицеръ, да я всякой барыни носъ утру. Такого форсу задамъ! Шляпку бы это на себя надѣла, по бульвару бы пошла подъ ручку съ супругомъ; бонжуръ, кома ву портеву? Небось, наша сестра лицомъ въ грязь нигдѣ не ударить. А славно чай въ накладку пить, совсѣмъ не то, что въ прикуску (*выпивъ одну чашку, принимается за другую.*) Надо полагать, что нашъ соколикъ свои дѣлишки обдѣлаетъ. Не угонять его въ деревню; что-то больно долго гуляютъ. Ужъ коли барыня захочетъ, разумѣется не угонять. Супротивъ женской хитрости ни одинъ мужчина какъ-есть не устоитъ. Это вѣрно. И почище майора бывали, да оставались съ носомъ. Никакъ идуть! (*вскакиваетъ, быстро допиваетъ чай и беретъ подносъ съ чашками.*) Убираться поскорѣй. У нихъ небось и аппетитъ къ чаю прошолъ, я такъ думаю (*уходитъ поспѣшно*).

(Входитъ Суркова и Васильковъ).

Суркова (*продолжая разговоръ*). Ужъ у меня есть средство заставить его, а какое, я пока не скажу... Ахъ, Вольдемаръ! еслибы васъ сдѣлали на мѣсто его, это было бы чудо какъ хорошо! Мы видѣлись бы каждый день, такъ вѣдь?

Васильковъ. По нѣскольку разъ въ день. Но этого не можетъ быть! Я не смѣю и вѣрить такому счастью.

Суркова. Вотъ увидите! Но только предупреждаю васъ, мужъ мой вспыльчивъ, взыскателенъ, съ нимъ надо умѣть ладить.

Васильковъ. Я вамъ ручаюсь, Наталья Михайловна, что онъ будетъ доволенъ мной. Я готовъ все снести, лишь бы только быть постоянно около васъ.

Суркова. Надо снискать его довѣріе, это первое. Отъ этого все зависитъ.

Васильковъ. Конечно-съ, я понимаю это очень хорошо.

Суркова (*улыбаясь*). Помните тоже, что и я взыскательна, и даже еще взыскательнѣе мужа, еще капризнѣе! Я требую безусловной преданности и скромности.

Васильковъ. Я скорѣ умру, Наталья Михайловна, чѣмъ...

Суркова. Вѣрю, вѣрю. Въ вашей скромности я никогда не сомнѣвалась; но знаете? мнѣ кажется... вы должны быть очень непостоянны.

Васильковъ. Я непостояненъ? Испытайте меня, Наталья Михайловна. Сколько бы времени ни тянулось это испытаніе, я...

Суркова. Вы такъ молоды, васъ такъ легко увлечь! Въ ваши лѣта скоро влюбляются. Довольно, чтобъ какая-нибудь хорошенькая дѣвочка сдѣлала вамъ глазки.

Васильковъ (*печально*). Вы напрасно такъ думаете, Наталья Михайловна. Вы еще не знаете меня. Я видѣлъ много, очень много хорошихъ, но еще влюбленъ до сихъ поръ никогда не былъ.

Суркова. Будто?

Васильковъ. Клянусь вамъ.

Суркова (*задумчиво*). Незнаю и сама отчето это такъ, но всему что вы говорите, какъ-то невольно вѣрится.

Васильковъ (*тихо беретъ ее за руку*). Это значить, что мои слова искренны.

Суркова. Вы опасный человѣкъ, Вольдемаръ!

Васильковъ. Нѣтъ, кто истинно любитъ, тотъ неопасенъ. Опасны тѣ, у кого любовь только на языкѣ.

Суркова. Напримѣръ Невзоровъ?

Васильковъ. Пожалуй хоть и онъ.

Суркова. А вотъ я его не боюсь, а васъ боюсь.

Васильковъ. Зачѣмъ бояться? не бойтесь, — любите лучше (*цѣлуетъ ея руку*).

Суркова (*съ улыбкой глядитъ ему въ лицо, не отнимая руки*). Въ самомъ дѣлѣ?

Васильковъ. Развѣ Александръ Ивановичъ въ состояніи оцѣнить ваше сердце, вашъ умъ, понять васъ? онъ весь погруженъ въ службу да въ карты. Еслибъ онъ понималъ какое сокровище послалъ ему Богъ, такъ не сидѣлъ бы по цѣлымъ вечерамъ въ клубѣ. Ну скажите, развѣ я говорю неправду? развѣ онъ любитъ васъ такъ, какъ должны бы васъ любить, какъ вы заслуживаете того.

Суркова (*вздыхая, опускаетъ глаза книзу*). Да, это такъ, Вольдемаръ, и вы правы къ несчастью... Онъ не умѣлъ поддержать моей любви къ нему, онъ самъ виноватъ, что я больше не чувствую къ нему прежней привязанности.

Варвара (*вбѣгая*). Баринъ ѣдутъ-съ...

(Васильковъ и Суркова быстро вскакиваютъ съ мѣста.)

Суркова. Ступайте мосье Васильковъ, я поговорю о вашемъ дѣлѣ съ мужемъ и дамъ вамъ отвѣтъ. Варя, проводи ихъ.

(Васильковъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, уходитъ въ ту же дверь, откуда привела его Варвара.)

Варвара (*тихо Василькову въ дверяхъ*). Ну чтоже... на платье будетъ?..

(Толкаетъ его въ дверь смѣясь и закрывая ротъ рукой. Суркова садится за рояль и наигрываетъ: «скажите ей!»)

Сурковъ (*входитъ*). Здравствуй Наташа-матушка. (*Цѣлуетъ ее въ руку, потомъ въ губы*).

Суркова. Ты что-то сегодня рано?

Сурковъ. Да чего рано; всего двѣ пульки сыграли. Пыхтѣевъ не былъ, захворалъ. Ужь мы съ болваномъ играли. А я не люблю такъ. Вели-ка чайку сдѣлать, что-то захотѣлось.

(Суркова влечетъ Варвару.)

Варвара. Чего изволите-съ?

Суркова. Чаю барину.

Варвара. А вамъ не прикажете-съ?

Суркова. Пожалуй и я выпью. Я не пила еще.

(Варвара уходитъ.)

Сурковъ. Что такъ?

Суркова. Да такъ зачиталась, а потомъ играть сѣла.

Сурковъ. Видно книжка занимательная попалась?

Суркова (*слегка краснѣя*). Да, романъ одинъ французскій.

Сурковъ. А я вотъ, Наташа, романовъ этихъ не люблю совсѣмъ. Потому я знаю, что этого ничего не было. Выдумка одна. А вѣдь говорятъ этимъ сочинителямъ хорошія деньги платятъ. Вотъ у меня офицеръ одинъ былъ, какъ я еще третьимъ батальономъ командовалъ, Подстинъ, такъ онъ я помню, балъ въ дворянскомъ собраніи описалъ, и послалъ въ газету какую-то — чтожъ ты думаешь, — пятьдесятъ рублей ему послали. Ейбогу! А говоритъ, въ одинъ вечеръ написалъ. Пріѣхалъ, говоритъ, съ балу, да и написалъ. Да еще всю публику, отшлифовалъ. Какъ его потомъ ругали всѣ въ губерніи... просто мое почтеніе.

Суркова (*улыбаясь*). Чтожъ онъ и тебя описалъ?

Сурковъ. Ну вотъ еще выдумала! Меня! Я ему начальникъ былъ. Развѣ онъ смѣетъ. Да онъ позначительнѣе—то никого не тронулъ. А такъ знаешь, мелюзгу разную... чиновниковъ тамъ этихъ, барынь, учителей. Помѣщика тоже одного выставилъ; больно ужъ тотъ мазурку усердно отплясывалъ, такъ что штрипки у панталонъ лопнули. Онъ все это расписалъ, такъ что сейчасъ узнали. Это говорятъ Колотверниковъ! Нѣтъ! я лучше путешествія люблю. Или вотъ про походы тоже...

(Варвара приноситъ чай и уходитъ.)

Сурковъ (*мѣшая ложечкой въ стаканъ*). Ты какъ-будто не въ духѣ что-то? а?

Суркова. Нѣтъ, ничего.

Сурковъ. То-то. (*Помолчавъ*). Бригадный на той недѣлѣ будетъ.

Суркова. Опять эти смотры!.. Никого цѣлый день не увидишь! Ты приходишь домой сердитый, измученный.

Сурковъ. Что дѣлать, на то служба. Надо къ тому времени стерлядь хорошую припасти. Его превосходительство покушать любить. Боюсь, чтобы нашъ Степка чего не изнакостилъ. Пьянствуетъ крѣпко, шельма. Я ужъ ему сказалъ вчера: сдѣлаешь хорошій обѣдъ — цѣлковый на водку; не сдѣлаешь — трепку, триста влѣплю.

Суркова. Фи, Alexandre!.. какъ тебѣ не стыдно.

Сурковъ. Это вѣдь я такъ только, душа моя, пострацать его. Знаешь сама какой это народъ, безъ угрозы ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Необразованный. Вотъ теперь грамотѣ ихъ обучать приказаніе вышло, такъ авось умнѣ будутъ. А впрочемъ, вотъ въ заграничныхъ земляхъ, всѣ до одного грамотные, говорятъ; а тоже безъ палки не обходится. Значитъ простой народъ ужъ вездѣ таковъ. Лѣность, нерадѣніе, въ крови у него полагать нужно. Вотъ тоже про негровъ я читалъ.

Суркова (*зѣваетъ*). Ты еще чаю хочешь?

Сурковъ. Нѣтъ, будетъ.

(Стучитъ ложечкой о стаканъ, опять входитъ Варвара и уноситъ подносъ.)

Сурковъ. Что ты мнѣ ни говори, Наташенька, а ты того... не

вдухъ что-то. Не изгадила ли портниха платье, что я тебѣ къ имянинамъ выписалъ, а?

Суркова. Нѣтъ, я его еще и не примѣряла. Ты думаешь, Alexandre, что у меня другихъ заботъ, кромѣ какого-нибудь платья, и быть не можетъ.

Сурковъ. Нѣтъ, зачѣмъ же, душенька... Я совсѣмъ не думаю. Я знаю ты у меня образованная, чувствительная.

Суркова. Вотъ видишь, Alexandre, есть точно одна причина. Я не хотѣла тебѣ говорить ее, но ужь если ты замѣтилъ мое разстройство...

Сурковъ. Скажи, скажи Наташенька, что такое?

Суркова. Только ты долженъ дать мнѣ честное слово, что ты не будешь горячиться, не выйдешь изъ себя по обыкновенію.

Сурковъ. Гм! честное слово!.. какже это однако, Наташенька. Ну, а если это что-нибудь такое... ужь очень важное, я не могу поручиться за себя.

Суркова. Долженъ, иначе я тебѣ ничего не скажу.

Сурковъ. Ну, ну, хорошо. Только ты говори скорѣй.

Суркова. Даешь слово не подымать исторію.

Сурковъ. Ну, ну, даю.

Суркова. Слушай же, Alexandre! мнѣ грустно за тебя самага.

Сурковъ. За меня? какъ же это? что-то я въ толкъ не возьму.

Суркова. Да за тебя! Ты такъ довѣрчивъ, добръ съ людьми, которые этого не стоятъ, которые тебя обманываютъ.

Сурковъ. Обманываютъ? Кто же это такой меня обманываетъ?

Суркова. Твой Невзоровъ.

Сурковъ. Адъютантъ! Какъ? чѣмъ?

Суркова. Вопервыхъ, онъ проигрываетъ въ карты деньги, которые беретъ изъ ящика, когда ему угодно, а потомъ передъ повѣркой суммы вкидываетъ ихъ опять.

Сурковъ. Ктоже это тебѣ сказалъ?.. это я думаю вздоръ. Онъ человѣкъ солидный.

Суркова (*иронически*). Удивительно солидный!.. Но это еще не все... съ офицеровъ онъ беретъ взятки.

Сурковъ. Ну полно, какія взятки.

Суркова. А вотъ какія. Помнишь, когда ты хотѣлъ дать командировку въ Казань Дерюгину, — онъ тебѣ отсовѣтовалъ и уговорилъ послать Прутикова.

Сурковъ. Ну, помню, чтожъ?

Суркова. Онъ взялъ за это съ Прутикова лошадь, а тебѣ ска- залъ, что купилъ ее Прутикову хотѣлось повидаться въ Казани съ родными.

Сурковъ (*крутитъ усы*). Гм... скверно! только это все не смѣтнѣ ли?..

Суркова. И когда составляетъ наградные списки, тоже беретъ съ офицеровъ.

Сурковъ. Но развѣ я, душенька, самъ не знаю, кто какой на- грады достоинъ.

Суркова. Ужъ пожалуста ты меня не увѣрай. Ты очень часто подписываешь бумаги такъ, не читая... Иначе и нельзя, у тебя столько дѣла! Наконецъ если ты хочешь, чтобы я тебѣ вполне от- крыла глаза на твоего возлюбленнаго Невзорова, такъ вотъ читай... онъ же имѣлъ смѣлость писать ко мнѣ любовное объясненіе! (*по- даетъ ему записку Невзорова*).

Сурковъ (*опышавъ*). Что-о?

Суркова. Читай, читай.

Сурковъ (*прочитавъ записку, вскакиваетъ какъ ужасенный*). Да я его туда ушлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ! Уничтожу! Съ лица земли сотру.

Суркова. Ты далъ мнѣ слово Alexandre.

Сурковъ (*ходитъ въ волненіи по комнату*). Что тутъ слово!.. Какъ онъ осмѣлился только! къ начальницѣ къ своей... а! какво... Вѣдь это афронтъ, просто афронтъ...

Суркова (*возвышая голосъ*). Alexandre! опомнись пожалуста; ты не одинъ.

Сурковъ (*цѣлуетъ у ней руку*). Винавать, Наташенька. Ты на меня не сердись. Ты знаешь мой нравъ... особливо коли дѣло до тебя коснется... Да я скорѣй себя оскорбить позволю...

Суркова. Полно же, успокойся Alexandre, поговоримъ хладно- кровно, садись сюда, и обсуди все какъ слѣдуетъ.

(Сурковъ садится).

Суркова. Скажи, что ты намѣренъ сдѣлать?..

Сурковъ. Да что дѣлать! обругаю его прежде всего...

Суркова. Опять! послушай лучше моего совѣта.

Сурковъ. Говори, душенька, говори.

Суркова. Впервыхъ, надо смѣнить его съ адъютантства, найти

какой-нибудь предлогъ... всего лучше, сдѣлай повѣрку денегъ, и если тамъ окажется меньше чѣмъ нужно...

Сурковъ. Очень мнѣ нуженъ предлогъ. Да я его и такъ сейчасъ...

Суркова. Вспомни свое честное слово!.. я не хочу чтобъ онъ зналъ, что я тебѣ показала его записку, слышишь ли, Alexandre, я этого никакъ не хочу, иначе мы поссоримся, и ты отъ меня никогда ничего не узнаешь.

Сурковъ. Ну, ну, пожалуй.

Суркова. Предлогъ ты можешь легко найти... ты начальникъ... какая-нибудь неисправность, ошибка въ бумагахъ, мало ли къ чему можно придраться.

Сурковъ. Ужь объ этомъ не безпокойся, это все въ нашихъ рукахъ, найдемъ за что спровадить.

Суркова. Ну, а потомъ, потомъ Alexandre, я бы, признаюсь тебѣ, не желала видѣть его здѣсь. Послѣ этой записки онъ сдѣлался мнѣ противенъ. Нельзя ли его перевести въ другой батальонъ.

Сурковъ. Нынче же напишу объ этомъ въ дивизионный штабъ. Дудаковъ, старшій адъютантъ, мигомъ мнѣ это обдѣлаетъ... мы съ нимъ свои люди. Я недавно ему коверъ послалъ, у бухарцевъ на мѣновомъ дворѣ купилъ. Славный коверъ; онъ до нихъ охотникъ. А пока мы этого господина къ слабой командѣ въ Верзилку отправимъ.

Суркова. Но туда ужъ вѣдь кто-то назначенъ... Сидоренко, кажется? или Сидоренко только просился?

Сурковъ. Васильковъ, да мы это отмѣнимъ... Я еще не давалъ предписанія.

Суркова. А кого же ты назначишь на мѣсто Невзорова?

Сурковъ. Объ этомъ надо подумать. Впрочемъ пускай офицеры сами выберутъ зимой... а до тѣхъ поръ кого-нибудь заставимъ исправлять должность.

Суркова. Мнѣ кажется Васильковъ хорошій мальчикъ. Онъ не играетъ въ карты, не пьетъ. Мнѣ бы очень жаль было, еслибъ его послали въ деревню. Со скуки онъ могъ бы избаловаться. Онъ еще такой молоденькій.

Сурковъ. Да это правда... Ну чтожъ, его такъ его. Только неопытенъ онъ еще. Иной разъ недосмотришь чего-нибудь — глядь а изъ штаба выговоръ... Вотъ ужъ Невзоровъ на это хорошъ былъ.

Суркова. Какъ-будто это такъ трудно привыкнуть. Васильковъ

такой старательный, усердный. И я увѣрена, что если ты его приласкаешь, онъ будетъ тебѣ вполнѣ преданъ. У такого молоденькаго, не испорченнаго мальчика, должно быть благодарное сердце.

Сурковъ. Это такъ, такъ... какая ты у меня умница, Наташенька, все это разсудишь, просто тебя бы батальоннымъ командиромъ сдѣлать.

Суркова (*встаетъ и подоидя къ Суркову, треплетъ его по щекѣ*). А ужъ ты у меня такая горячка! совершенный порошокъ!

Сурковъ (*цѣлуетъ ея руку*). Однакожъ мнѣ пора и на боковую?.. утро вечера мудренѣе... завтра чѣмъ-свѣтъ повѣрку суммы произведу; и ужъ если только хоть одной копѣйки не досчитаюсь, я съ нимъ такъ объяснюсь въ любви, что чудо!.. Вѣстовой!

(Входитъ вѣстовой).

Бѣги въ канцелярію, скажи чтобы повѣстили гг. офицеровъ, что я завтра требую ихъ къ себѣ, въ семь часовъ утра. Проворнѣй, марши.

(Вѣстовой повернувшись налѣво-кругомъ, уходитъ. Суркова беретъ свѣчку).

Ну прощай, Наташенька. Ты еще не скоро?.. читать будешь?

Суркова. Нѣтъ, мой другъ, я тоже сейчасъ иду. Варвара! дай мнѣ раздѣться.

Варвара (*входя съ ночной блузой на руки*). Ну что, Наталья Михайловна, не изволили просить барина?

Суркова (*раздѣваясь*). О чемъ?

Варвара. Да насчетъ того, чтобы Василькова-то не угоняли въ деревню.

Суркова. Ахъ да! Говорила, онъ обѣщалъ, а тебя это очень интересуетъ?

Варвара. Да вѣдь ужъ больно сокрушается онъ, сударыня. Деньщикъ его сказывалъ, что не ѣстъ, не пьетъ ничего. Должно-быть какую-нибудь зазнобушку сердечную жаль оставить.

Суркова (*бросивъ на нее испытующій взглядъ*). Ты думаешь?

Варвара. Люди молодые-съ!.. Только ужъ скрытный такой-съ, что бѣда. И товарищи-то всѣ такъ его понимаютъ. Ничего, говорить, какъ отъ каменной стѣны, отъ него не выведешь.

Суркова. Удивляюсь я, какъ это ты все знаешь?

Варвара. Какъ не знать, сударыня, слухами земля полнится.

Суркова (*смѣясь*). А сознайся, Варвара, у тебя вѣрно есть тоже какой-нибудь предметъ?

Варвара (*покраснѣвъ*). Что это вы, сударыня, какъ можно...

Суркова. Ты вѣдь хорошенькая, Варя, посмотришься въ зеркало.

Варвара. Ну ужь есть чего смотрѣть.

Суркова (*вздохнувши и смотрясь въ зеркало*). Ты лучше меня, Варя.

Варвара. Полноте, барыня, что, это, Богъ съ вами! какъ это вамъ говорить—то не грѣшно. Да я вамъ и въ подметки не гожусь.

Суркова (*грозя ей пальцемъ*). Хитрая ты! (*Зѣваетъ*). Прощай, Варя, спать хочу. (*Уходитъ*).

Варвара. Спокойной ночи, пріятнаго сна—съ.

Варвара (*одна, смѣясь*). Хитрая! Ну ужь не знаю, кто изъ насъ изъ двухъ хитрѣе будетъ? Вѣдь какъ она ловко къ майору—то подѣхала! И записку адъютантскую показала... А небось не показала другую! Ну ужь только господа эти! Можно ихъ чести приписать! Всякихъ фигуръ у нихъ наглядисься. Теперь я думаю, нашъ соколикъ—то ясный на одной ножкѣ скачетъ. Осчастливили мы его, голубчика! ха-ха-ха. (*Уходитъ*.)

(У Коноплина и Василькова; деньщикъ убираетъ комнату. Мимо оной проходитъ майорскій вѣстовой.)

Деньщикъ (*высовывается въ окно и зоветъ его*). Архиповъ! Архиповъ! куда идешь?

Вѣстовой. Майорша за столаремъ посылала.

Деньщикъ. Зайди, братишка. Люльку покуришь.

Вѣстовой. Не время; наказывали скорѣй вернуться.

Деньщикъ. Ну вотъ не время! Заходи. Говорю тебѣ, люльку выкуришь — и съ Богомъ.

Вѣстовой. Ну ужь такъ и быть.

(Входитъ; деньщикъ подаетъ ему коротенькую трубочку, садятся на стульяхъ).

Вѣстовой. Майоръ—то ужь нынче лють больно.

Деньщикъ. Ой—ли? что такъ?

Вѣстовой. На казначея осерчалъ. Деньги повѣрять сталъ, да, слышь, рублевъ сто не досчитался. Ужь онъ его, братецъ ты мой, пырять, пырять. Должно что смѣнить.

Деньщикъ. Ну?

Вѣстовой. Ейбогу такъ. Потому ужь больно золь.

Деньщикъ. Ишь, видно въ карты денежки-то продулъ.

Вѣстовой. Нешто картежникъ?

Деньщикъ. И-и! упаси Богъ! То-есть хлѣбомъ его теперича не корми, а только карты ему подай. Вотъ какъ.

Вѣстовой. Ишь ты! А небось наемни Скворцова съ Кузьменкой въ оврагѣ поймалъ, въ орлянку играли, такъ какую имъ баню задалъ.

Деньщикъ. Выпоролъ?

Вѣстовой. Розогъ двѣсти поди накидалъ.

Деньщикъ. Ктоже теперь, братецъ ты мой, казначейство приметъ.

Вѣстовой. Господа промежъ себя толковали, что твой...

Деньщикъ. Володимеръ Иванычъ?

Вѣстовой. Онъ самый.

Деньщикъ (*самодовольно*). Важно! Значить и въ деревню насъ теперича не погонять.

Вѣстовой. Должно, что такъ... Ну братецъ ты мой, идти надо. Нѣтъ ли табачку съ горсточку, одолжи. Больно ужь у тебя табакъ-то хорошъ?

Деньщикъ. Извѣстно господскій, возьми пожалуй (*даетъ табакъ изъ офицерскаго кисета.*)

Вѣстовой. Спасибо. — Счастливо оставаться.

Деньщикъ. Съ богомъ. Никакъ господа идутъ.

(Входятъ Коноплянъ и Васильковъ.)

Коноплянъ (*бросая фуражку на столъ и растегивая сюртукъ.*) Уфъ, жарко! Ну братъ Володька, надо съ тебя бутылку шампанскаго на радостяхъ.

Васильковъ. Можно! (*скидаетъ сюртукъ и закуриваетъ папироску.*)

Коноплянъ. Вотъ братецъ неожиданный-то конфузъ! И кто это только майору шепнулъ? Досталось нашему молодцу на орѣхи, нечего сказать... Шуруповъ! (*Деньщикъ входитъ.*) Поздравляй барина, адъютантскую должность принимаетъ.

Деньщикъ. Честь имѣю проздравить ваше благородіе. Значить въ деревню не поѣдемъ.

Коноплянъ. Значить!

Деньщикъ. А я ужъ и прачкѣ наказывалъ , чтобы бѣлье поскорѣй несла, барину молъ вѣхать нужно.

Коноплинъ. Теперь скажи, чтобъ Невзорову поскорѣй выстирала.

Деньщикъ. Неужели ему ваше благородіе въ деревню выпало ?

Коноплинъ. Ему!

(Входятъ Варвара.)

Варвара. Наше вамъ почтеніе. Съ радостью!

Коноплинъ (*бросаясь къ ней навстрѣчу.*) Ее ли не доставало! Ну, Володька разкошеливайся, посылай за шампанскимъ!

Васильковъ (*вынимая деньги.*) Бѣги Шуруповъ , да живѣй. Варя поди-ка сюда, поближе.

Коноплинъ. Опять секретничать. Ужъ вы до чего-нибудь до-секретничаетесь.

(Варвара подходитъ къ Василькову. Онъ суетъ ей что-то въ руку.)

Васильковъ. Это тебѣ Варя, за послугу.

Варвара. Благодарю покорно, Владиміръ Ивановичъ. А вѣдь лихо мы съ Натальей Михайловной дѣлишки-то обдѣляли. Теперь только не плошайте сами (*вслухъ.*) Эхъ чай , адъютантъ нашъ теперь бѣсится!.. Не хочется ему сердешному въ деревню-то...

Деньщикъ (*приноситъ вино.*) Раскупорить прикажете — ваше благородіе.

Коноплинъ. Давай, — я самъ. Это мое дѣло. (*Раскупориваетъ, потомъ наливаетъ въ стаканы.*) За твое здоровье Володька!

Васильковъ. Спасибо. А ты чтожъ Варя.

Варвара. Нѣтъ. Я не стану, какъ можно.

Коноплинъ. Это что? Пей! Не то въ глотку вылью.

Варвара. Нѣтъ ейбогу, не буду.

Коноплинъ. Пей говорю.

Варвара. Да что это, право же... какъ вамъ не стыдно! Сохрани-богъ барыня услышитъ, что отъ меня виномъ пахнетъ.

Коноплинъ. Ну такъ чтожъ , пусть услышитъ. Пей говорю , не то я съ тобой не хочю и знаться, убирайся!

Васильковъ. Да что ты присталъ къ ней. Ну что тебѣ отъ того, что она выпьетъ.

Коноплянъ. Какъ она смѣетъ супротивничать! Дисциплины не знаетъ.

Васильковъ. Ну отпей хоть немножко Варя.

Варвара (*беретъ стаканъ и отпиваетъ.*)

Коноплянъ. Урра! Теперь знаешь Володька за кого надо выпить.

Васильковъ. За кого?

Коноплянъ. За командиршу? Что? я думаю и ты не откажешься, даромъ что не пьющій?

Васильковъ. Не откажусь. Такъ ужъ и быть. Разъ куда не шло. (*Коноплянъ наливаетъ, потомъ всъ пьютъ и кричатъ ура!*) Да здравствуетъ командирша!

Коноплянъ (*поетъ хриплымъ басомъ*)

Будь командирша намъ вѣчно!

Мы тебя любимъ сердечно,

Наши зажгла ты сердца. Ура!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ В. ГЮГО

КНИГА ТРЕТЬЯ (1)

I

СОБОРЪ

Конечно и теперь парижскій соборъ величественное и удивительное зданіе, но какъ бы хорошо оно ни сохранилось въ старости, нельзя удержаться отъ вздоха и негодованія при видѣ разрушеній, сдѣланныхъ постепенно людьми и временемъ безъ всякаго уваженія къ памяти Карла Великаго, заложившаго первый камень, и Филипа-Августа окончившаго дѣло.

На ликъ этого маститаго царя нашихъ соборовъ, — рядомъ съ каждой морщиной можно замѣтить рану. *Tempus edax, homo edacior*, что я охотно перевелъ бы такъ: время слѣпо, а человекъ глухъ.

Еслибы слѣдить за каждымъ шагомъ разрушенія, на долю времени пришлось бы немного; всего болѣе повинны люди, и притомъ люди искусства. Необходимо употребить здѣсь слово «люди искусства», потомучто въ послѣдніе два вѣка слишкомъ ужъ многіе считали себя архитекторами.

Конечно немного найдется такихъ прелестныхъ архитектурныхъ

(1) Время № 9.

памятниковъ, какъ напримѣръ этотъ фасадъ, являющій взгляду три стрѣльчатыхъ портала, цѣлую кружевную цѣпь изъ двадцати-восьми нишъ, огромную центральную звѣзду съ двумя окнами по сторонамъ, какъ священникъ съ двумя дьяконами, высокую и легкую галерею сводовъ, поддерживающую на своихъ тонкихъ колонкахъ тяжелую платформу; наконецъ двѣ массивныя и черныя башни съ череничными кровлями, гармоничныя части стройнаго цѣлаго, вытянутыя въ пять гигантскихъ этажей и бросающіяся въ глаза прямо, смѣло, со всѣми безчисленными деталями скульптуры, статуи и рѣзьбы, могущественно сливающимися съ спокойнымъ величіемъ общей массы. Это громадная каменная симфонія; колоссальное твореніе челоуѣка и цѣлаго народа, единое и сложное, какъ илліада или романцero, съ которыми оно имѣетъ кровную связь; могучее произведеніе совокупныхъ силъ эпохи, гдѣ въ каждомъ камнѣ является фантазія работника, усовершенствованная геніемъ артиста; твореніе такое разнообразное и могучее, что напоминаетъ созданія самаго божества и носить ихъ двойной характеръ: разнообразіе и вѣчность.

То, что сказано о фасадѣ, можно сказать и о цѣломъ храмѣ; а то что говорится о соборѣ парижской богоматери, можетъ быть примѣнимо ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ среднихъ вѣковъ. Въ этомъ искусствѣ, истекающемъ изъ самаго себя, все логично и пропорціонально. Измѣривши мизинецъ, можно имѣть понятіе о цѣломъ великанѣ.

Возвратимся къ фасаду собора, какимъ онъ является еще и теперь, когда любуешься серьезнымъ и величественнымъ храмомъ, уничтожающимъ зрителя, по словамъ его хроникеровъ: *quae mole sua terrorem incutit spectantibus*.

Теперь фасаду недостааетъ трехъ важныхъ вещей: вопервыхъ, одиннадцати ступеней, которыя возвышали его надъ землею; потомъ нижняго ряда статуй, занимавшихъ ниши трехъ порталовъ и верхняго ряда двадцати-восьми древнихъ французскихъ королей, украшавшихъ галерею перваго этажа отъ Гильдберта до Филипа-Августа, державшихъ въ рукахъ «королевское яблоко».

Ступени уничтожило время, медленно возвышая уровень земли; но отнимая одну за другою одиннадцать ступеней, придававшихъ высоту церкви, время взамѣнъ дало фасаду ея тотъ темный, вѣковой колоритъ, который придаетъ красоту старымъ зданіямъ.

Но кто уничтожилъ два ряда статуй? Кто опустошилъ ниши?

Кто придѣлалъ по самой срединѣ фасада эту новую, незаконную стрѣлку? Кто осмѣлился помѣстить рядомъ съ арабесками Бискарнета эту пошлую, тяжолую дверь, съ деревянной скульптурой во вкусѣ Людовика XV? — Люди, архитектора, художники нашего времени.

А если войдемъ во внутренность храма, кто извергнулъ колоссальнаго св. Христофора, столько же извѣстнаго между статуями, какъ зала палаты юстиціи между торговцами, и страсбургская колокольня между всѣми колокольнями? А эти мириады статуй, населявшихъ церковь между алтаремъ и хорами, колѣнопреклоненныя, во весь ростъ, женщины, мужчины, дѣти, короли, архіепископы, — каменные, мраморные, золотые, даже восковые, кто вынесъ ихъ всѣхъ? Это ужь не время.

А кто замѣнилъ старый готическій ковчегъ, наполненный мощами и святынями, этимъ тяжолымъ мраморнымъ саркофагомъ съ облаками и головами ангеловъ, напоминающими Валь-де-Грасъ или Инвалидовъ? Кто вѣшилъ этотъ тяжолый каменный анахронизмъ на карловингскія плиты Геркандуса? Не Людовикъ ли XIV, исполнявшій обѣтъ Людовика XIII.

А кто вставилъ простыя бѣлыя стекла вмѣсто цвѣтныхъ, на которыя такъ разбѣгались глаза нашихъ предковъ? А что сказали бы дьячки XVI вѣка, еслибъ увидѣли какой жолтой краской выпачкали наши вандалы-епископы свой прежній соборъ? Они припомнили бы, что жолтымъ цвѣтомъ красились отверженныя зданія въ ихъ время; вспомнили бы отель Petit Bourgoin выпачканный жолтой краской за измѣну констабля, «такой прочной краской — говорить Соваль — что вѣка не могли заставить ее вылинять». Пожалуй имъ пришло бы въ голову, что храмъ опозоренъ, и они бы разбѣжались.

А если мы взойдемъ на самую крышу, не останавливаясь на тысячѣ мелкихъ варварствъ, что сдѣлали съ этой прелестной маленькой колокольней, которая такъ же смѣло какъ и ея сосѣдъ шпиль святой часовни (тоже уничтоженный) устремлялась въ небо выше башенъ, стройная, острая, вся изъ рѣзбы? Одинъ бойкій архитекторъ (1787) отпилалъ ее и думалъ, что для покрытія раны достаточно будетъ этого широкаго свинцоваго пластыря, похожаго на крышку кострюли. Такъ поступали съ великолѣпнымъ средневѣковымъ искусствомъ во всѣхъ странахъ, особенно во Франціи. Соборъ подвергался тройному нападению: со стороны времени, которое мѣстами кое-что опрокинуло и наложило печать на всю его наруж-

ность; потомъ отъ революцій политическихъ и религіозныхъ, которыя въ своемъ слѣпомъ ожесточеніи кинулись на него, изодрали его богатую одежду изъ рѣзбы и скульптуры, перервали его ожерелья изъ арабесокъ, уничтожили его статуи: то за ихъ митры, то за ихъ короны; наконецъ отъ моды, становящейся все безсмысленнѣе и клонящейся къ упадку послѣ своеобразныхъ и роскошныхъ модуляцій возрожденія. Моды навредили еще болѣе революцій. Онѣ пошали въ живое мѣсто, задѣли самый остовъ искусства; онѣ урѣзали, обезобразили, убили зданіе въ его формѣ и въ символѣ, въ его логикѣ и красотѣ. У нихъ была сверхъ-того претензія передѣлывать по своему, которой нѣтъ ни у времени, ни у революцій. Онѣ нагло воздвигли во имя современнаго вкуса на свѣжихъ ранахъ готическаго искусства свои эфемерныя созданія, свои мраморныя ленты, свои металлическихкіе уборы: цѣлую ватагу драпировокъ, гирляндъ, каменнаго пламени, бронзовыхъ облаковъ, толстыхъ амуровъ, пухлыхъ херувимовъ, начавшихъ душить искусство въ молебнѣ Катерины Медичи и доконавшихъ его въ будуарѣ Дюбарри.

Итакъ, теперь готическая архитектура терпитъ тройкую напасть: морщины и бородавки снаружи—это дѣло времени; насиліе, ломка — это дѣло революцій отъ Лютера до Мирабо; уничтоженіе, урѣзываніе, разрозненіе членовъ, *реставрація* — это работа профессоровъ греческо-римско-варварская. Это чудное искусство, порожденное вандалами, убито академіями. Къ вѣкамъ и революціямъ, которыя опустошаютъ по-крайней-мѣрѣ съ величіемъ и безпристрастно, присоединилась толпа патентованныхъ архитекторовъ, разрушающихъ безъ вкуса, замѣняющихъ готическія кружева нелѣпыми оборками Людовика XV, во славу Партефона. Это ослиный толчокъ копытомъ умирающему льву. Это старый, склоняющійся дубъ, который точатъ черви.

Какъ далеко теперь отъ того времени, когда Робертъ Сеналисъ, сравнивая соборъ богоматери съ знаменитымъ храмомъ Діаны Ефесской, такъ почитаемымъ прежними язычниками, храмомъ обезсмертившимъ Эрострата, находилъ соборъ галловъ *превосходщимъ его длиною, шириною, высотой и постройкой*.

Соборъ богоматери не можетъ впрочемъ считаться памятникомъ совершеннымъ, законченнымъ. Это уже не романская церковь, но еще и не вполне готическая. Это зданіе не есть типъ. Соборъ богоматери не имѣетъ, какъ аббатство Турну, серьезнаго и массивнаго склада, круглаго и широкаго свода, холоднаго отрицанія украшеній,

величественной простоты зданій, признающихъ господство полукруга. Онъ не есть, какъ соборъ въ Буржъ, роскошное произведение, легкое, разнообразное, густо-силетенное изъ стрѣлокъ. Невозможно причислить его къ этой семьѣ церквей темныхъ, таинственныхъ, низкихъ и будто подавленныхъ полукругомъ, почти египетскихъ, за исключеніемъ плафона; іероглифическихъ, символическихъ, изобилующихъ въ украшеніяхъ зигзагами болѣе, чѣмъ цвѣтами; цвѣтами болѣе, чѣмъ животными; животными болѣе, чѣмъ людьми; скорѣе произведенія архитектора, чѣмъ архіерея; первое преобразование искусства, носящее слѣды теократической и военной дисциплины, начинающейся отъ восточной имперіи, и оканчивающейся Вильгельмомъ-завоевателемъ. Невозможно помѣстить нашъ соборъ и въ другую семью церквей высокихъ, воздушныхъ, богатыхъ стеклами и скульптурой, церковью острой формы, смѣлой осанки; общинныхъ и буржуазныхъ, выражающихъ тогдашній политическій символъ; свободныхъ, причудливыхъ, какъ произведение искусства, второе видоизмѣненіе архитектуры, ужъ не іероглифическое, напоминающее жрецовъ, а артистическое, прогрессивное, популярное, начинающееся съ окончанія крестовыхъ походовъ до Людовика XI. Соборъ богородицы не чисто-романскаго происхожденія, какъ нервья церкви, и не чисто-арабскаго, какъ вторыя.

Это переходное зданіе. Саксонскій архитекторъ оканчивалъ постановку первыхъ столбовъ алтаря, когда стрѣльчатый сводъ, прішедшій изъ крестовыхъ походовъ, предъявилъ свое право и возвысился надъ романскими капителями, заставляя ихъ признать полукругъ. Съ этой минуты стрѣльчатый сводъ преобладаетъ въ храмѣ. Робкій вначалѣ, онъ постепенно расширяется, суживается, сдерживается и еще не смѣетъ взбираться вверхъ стрѣлками и ланцетами, какъ сдѣлалъ это позднѣе въ столькихъ чудесныхъ соборахъ.

Впрочемъ эти переходныя зданія изъ романскаго стиля въ готическій также драгоценны для изученія, какъ и чистые типы. Они выражаютъ оттѣнокъ искусства, который безъ нихъ былъ бы потерянъ. Это прививка стрѣльчатого свода на полукругъ.

Парижскій соборъ есть въ особенности рѣдкій образчикъ этого вида. Каждая сторона, каждый камень маститаго памятника представляетъ страницу не только исторіи страны, но и исторіи науки и искусства.

Упомянемъ только о главныхъ деталяхъ: маленькая красная

дверь достигаетъ почти высшихъ предѣловъ готическаго изящества XV вѣка, между тѣмъ какъ колоны алтаря своимъ объемомъ и важною подходятъ къ карловингскому аббатству *Saint Germain des Prés*. Можно подумать, что шесть вѣковъ лежатъ между этими колонами и этой дверью. Даже герметики находятъ въ символахъ главнаго портала удовлетворительное сокращеніе своей науки, полнѣйшимъ іероглифомъ которой была церковь *Saint Jacques de la Boucherie*. Итакъ, романское аббатство, философская церковь, искусство готическое, саксонское, тяжелый круглый сводъ, напоминающій Григорія VII, символизмъ герметиковъ, которымъ Николай Фламель предназначалъ Лютера, панское единство, расколъ, *Saint Germain des Prés*, *Jacques de la Boucherie*, все сплавлено, комбинировано въ соборѣ богоматери. Эта центральная, первоначальная церковь имѣетъ такъ сказать химерическій составъ: у ней голова одной церкви, члены другой, туловище третьей, по частицѣ отъ всего встрѣчающагося въ прочихъ старыхъ церквяхъ Парижа.

Повторяемъ, эти помѣсныя постройки имѣютъ большой интересъ для художника, антикварія и историка. Онѣ даютъ почувствовать до какой степени архитектура — вещь примитивная, доказывая (что доказываютъ и циклонскіе остатки, египетскія пирамиды и гигантскія нагоды индусовъ), что самыя высокія произведенія архитектуры принадлежатъ не столько отдѣльнымъ личностямъ, сколько цѣлому обществу, что они скорѣе пороженіе труда цѣлаго народа, нежели проблескъ генія одного человѣка; это залогъ, оставляемый цѣлой націей; наносы, дѣлаемые вѣками; накопленіе постепенныхъ испареній людской мысли; однимъ словомъ, родъ формациі. Каждая волна времени кладетъ свой слой, каждая раса оставляетъ свою печать на зданіи, каждая личность закладываетъ камень. Такъ дѣлаютъ бобры, пчелы и люди. Великій символъ архитектуры Вавилонъ представляетъ обширный улей.

Большія зданія какъ и большія горы, — работа вѣковъ. Часто искусство измѣняется, а онѣ еще держатся: *pendent opera interrupta*, они мирно продолжаютъ, сообразуясь съ измѣненнымъ искусствомъ. Новое искусство беретъ зданіе въ томъ видѣ, въ какомъ его застало, кладетъ на него свою печать, подчиняетъ его себѣ, развиваетъ по своей фантази и заканчиваетъ, если можетъ. Дѣло совершается безъ шума, безъ усилій, безъ реакціи, по естественному и спокойному закону. Это принимающаяся прививка, разлитіе растительнаго сока, вновь оживающее растеніе.

•

Конечно много книгъ, иногда даже исторію всего человѣчества, можно написать объ этомъ постепенномъ водвореніи разныхъ искусствъ на разныхъ высотахъ одного и того же зданія. Человѣкъ, художникъ, личность стирается на этихъ большихъ массахъ безъ авторской подписи: въ нихъ резюмируется духъ человѣчества. Время архитекторъ, а народъ каменщикъ.

Когда разсматриваешь европейско-христіанскую архитектуру, эту меньшую сестру большихъ каменныхъ зданій востока, она представляется глазу, какъ огромная формація, раздѣленная на три рѣзко отличающіяся полосы, лежащія одна надъ другою: полоса романская, полоса готическая, полоса возрожденія, которую бы мы охотно назвали греческо-римской.

Романскій слой, древнѣйшій и глубочайшій, весь занятъ полукругомъ, который возвращается, поддерживаемый греческой колоной въ новѣйшемъ, верхнемъ слоѣ возрожденія. Между обоими стоитъ стрѣлка. Зданія, исключительно принадлежащія одному изъ этихъ трехъ слоевъ, легко отличить по единству и полнотѣ. Таково аббатство Жюмьежъ, реймскій соборъ, церковь святаго креста въ Орлеанѣ. Но эти три слоя перемѣшиваются и соединяются по краямъ, какъ радужныя цвѣта въ свѣтовомъ лучѣ. Отсюда сложны памятники, зданія переходны и съ разными оттѣнками. Одно и то же романское снизу, готическое въ срединѣ, греко-римское сверху. Это потому, что его строили въ продолженіи шести-сотъ лѣтъ. Впрочемъ этотъ видъ рѣзко встрѣчается; образецъ его: башня въ замкѣ d'Etampes. Но памятники двухъ формацій встрѣчаются чаще. Таковъ соборъ парижской богородицы, стрѣльчатое зданіе, нисходящее первыми сводами въ тотъ романскій поясъ, куда погружены порталъ Saint-Denis и первая часть храма Saint-Germain des Près. Такова прелестная капитульная зала въ Рошвилѣ, у которой романскій слой покрываетъ цѣлую половину. Таковъ руанскій соборъ, который былъ бы совѣтъ готическій, еслибъ не погрузилъ конецъ своей центральной стрѣлки въ поясъ возрожденія.

Впрочемъ, всѣ эти оттѣнки и различія касаются только поверхности зданій. Это искусство подъ новой оболочкой. Самая суть христіанской церкви незатронута. Всюду то же устройство нижняго сруба, то же логичное распределеніе частей. Какова бы ни была скульптурная и разукрашенная оболочка собора, подъ нею всегда найдешь, хоть въ состояніи зародыша, римскую базилику. Она

вѣчно развивается на почвѣ по одному и тому же закону. Всегда два главныхъ отдѣла, пересѣкающихся крестообразно и которыхъ главная оконечность, округленная въ видѣ апсиды, составляетъ хоры для внутреннихъ процессій; всюду нижнія галереи, для часовень боковые проходы, въ которые главная часть впадаетъ колонами. Сверхъ этого число часовень, порталовъ, колоколенъ, стрѣлокъ, измѣняется до безконечности, по народной фантазіи. Когда исполнены главныя требованія богослуженія, архитекторъ можетъ дѣлать что хочетъ. Статуи, стекла, розетки, арабески, капители, барельефы, — она комбинируетъ все это по произвольному логарифму. Отсюда большое внѣшнее разнообразіе зданій, внутри которыхъ царствуетъ единство и порядокъ. Стволъ дерева неизмѣненъ, только вѣтви его капризны.

II

ПАРИЖЪ СЪ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Мы старались, по возможности, возстановить для читателя удивительный храмъ парижской богоматери. Мы въ суммѣ означили красоты, которыми онъ обладалъ въ XV вѣкѣ и которыхъ ему недостаетъ теперь; но мы пропустили самую главную, — это видъ на Парижъ съ его тогдашнихъ башень.

Когда удавалось миновать темную спираль, перпендикулярно прорѣзывающую толстую стѣну колоколенъ и выбраться на одну изъ двухъ высокихъ площадокъ, облитыхъ свѣтомъ и воздухомъ, — глазамъ представлялась со всѣхъ сторонъ чудная картина; видъ *sui generis*, о которомъ могутъ составить себѣ понятіе тѣ изъ читателей, которымъ посчастливилось увидѣть цѣлый готическій городъ, а такихъ городовъ осталось еще небольшое число: Нюрнбергъ въ Баваріи, Витторія въ Испаніи; или изъ меньшихъ образцовъ, но также хорошо сохранившихся: Витре въ Бретаніи, Нордгаузенъ въ Пруссіи.

Парижъ, триста-пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Парижъ XV вѣка былъ уже гигантскимъ городомъ. Мы, парижане, ошибаемся, когда говоримъ о приобретеніяхъ, сдѣланныхъ послѣ. Парижъ со времени Людовика XI увеличился не болѣе, какъ на одну треть, и конечно болѣе утратилъ красоты, чѣмъ приобрѣлъ протяженія.

Парижъ родился, какъ извѣстно, на старомъ островкѣ въ Cité, который имѣетъ видъ колыбели. Берега этого островка были его пер-

выми укрѣпленіями, Сена — его первымъ ровомъ. Парижъ простоялъ нѣсколько вѣковъ въ видѣ острова съ двумя мостами: одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ, и двумя предмостными прикрытіями, служившими воротами и крѣпостями: *Grand Châtelet* на правомъ берегу и *Petit Châtelet* на лѣвомъ. Потомъ, при первыхъ короляхъ, чувствуя себя слишкомъ стѣсненнымъ, Парижъ перешолъ рѣку. Тогда за обоими *Châtelet* начался первый рядъ стѣнъ и башень по обѣимъ сторонамъ Сены. Отъ этой первой ограды оставались еще нѣкоторые слѣды въ прошедшемъ вѣкѣ; теперь уцѣлѣли только воспоминаніе и нѣкоторыя мѣстные преданія. Мало-по-малу волны домовъ, выталкиваемыя изъ центра города, смяли эту ограду. Филиппъ-Августъ поставилъ новый предѣлъ. Онъ заключилъ Парижъ въ цѣпь высокихъ и крѣпкихъ башень. Впродолженіи цѣлаго столѣтія дома жались, возвышали свой уровень, какъ вода въ резервуарѣ. Они громоздили этажъ на этажъ, лѣзли другъ на друга, старались стать выше сосѣда, чтобъ дохнуть чистымъ воздухомъ. Улицы становились все уже и уже, площади исчезали. Дома рѣшились наконецъ перескочить ограду, и весело разсѣялись въ долину, безъ всякаго порядка, какъ и слѣдуетъ бѣглецамъ. Тамъ было приволье; разводились даже сады. Съ 1367 года городъ такъ выселился въ предмѣстье, что понадобилась другая ограда, особенно на правомъ берегу; Карлъ V ее построилъ. Но ростъ такого города какъ Парижъ не останавливается: изъ такихъ именно городовъ образуются столицы. Это воронки, въ которыя вливаются всѣ теченія географическія, политическія, нравственныя, умственные цѣлой страны, всѣ естественные склоны народа; это колодцы цивилизаціи, иногда даже сорныя ямы, въ которыхъ стекаетъ и скопляется капля по каплѣ впродолженіе вѣковъ все, въ чемъ есть жизнь, все что дышетъ и дѣйствуетъ. Ограда Карла V подверглась той же участи какъ и ограда Филиппа-Августа. Съ конца XV столѣтія за нее перешагнули — и предмѣстье распространилось далѣе. Въ XVI вѣкѣ оно, казалось, воротилось назадъ, и все тѣснѣе и тѣснѣе жалось къ старому городу: такъ велико уже было населеніе въ новомъ. Итакъ въ XV столѣтіи Парижъ перешолъ уже три концентрическихъ круга стѣнъ, которыя во времена Юліана Отступника были еще такъ-сказать въ зачаткѣ въ обоихъ Шателе. Могучій городъ заставилъ лопнуть эти четыре пояса, какъ вырастающее дитя, которому узко прошлогоднее платье. При Людовикѣ XI мѣстами виднѣлось нѣсколько развалившихся башень отъ старой ограды, какъ виднѣются нѣкоторые высокіе холмы

во время наводненія, или какъ архипелагъ стараго Парижа затопленнаго новымъ.

Съ тѣхъ поръ Парижъ еще разъ измѣнился въ ущербъ для нашего глаза; но онъ перепахнулъ за одну только ограду Людовика XV, ограду грязи, достойную поэта ее воспѣваго :

Le mur murant Paris rend Paris mugissant!

Въ XV вѣкѣ Парижъ ясно представлялъ три различныхъ рода, имѣющихъ каждый свою физиономію, свою специальность, свои нравы, обычаи, привилегіи и исторію: старый городъ, университетъ, городъ. Старый городъ, занимавшій островокъ, былъ меньше всѣхъ частей, и помѣщался между ними какъ маленькая старушка между двумя прекрасными дѣвушками. Университетъ занималъ лѣвый берегъ Сены отъ Турнельскаго замка до башни Нейль, — точки, соотвѣтствующія въ теперешнемъ Парижѣ: одна винному рынку, другая монетной площади. Его ограда заключала въ себѣ гору св. Женевьевы. Высшую точку составляли паискія ворота, т. е. почти теперешнее мѣсто Пантеона. Городъ, самый обширный клочекъ Парижа, занималъ правый берегъ. Его набережная мѣстами прерывающаяся шла вдоль Сены отъ башни Библи до деревянной башни т. е. отъ мѣста, гдѣ теперь запасный дворъ до тюльерійскаго дворца. Эти четыре точки, у которыхъ Сена прорывала ограду, назывались *четырьмя парижскими башнями*. Городъ раскинулся еще шире университета. Высшая его точка была у воротъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ, которыхъ мѣсто не измѣнилось.

Какъ мы уже сказали, каждое изъ этихъ подраздѣленій составляло городъ, но городъ слишкомъ специальный чтобы быть полнымъ, городъ не могшій обходиться безъ двухъ остальныхъ частей. Отсюда три совершенно различные вида. Въ старомъ городѣ было изобиліе церквей, въ новомъ — дворцовъ, въ университетѣ — учебныхъ заведеній. Чтобы не останавливаться на вещахъ второстепенныхъ, мы скажемъ только съ общей точки зрѣнія, что островъ принадлежалъ епископу, правый берегъ градскому головѣ, лѣвый ректору. Градской глава Парижа, — чиновникъ королевской службы, а не муниципальный, — былъ поставленъ надъ всѣми. Въ старомъ городѣ былъ соборъ богоматери; въ новомъ Лувръ и Hôtel de Ville; въ университетѣ Сорбона. Въ новомъ городѣ былъ рынокъ, въ старомъ Hôtel-Dieu, въ университетѣ Pré-aux-Clercs. Просту-

покъ школьниковъ на лѣвомъ берегу судился на островѣ въ палатѣ юстиціи, наказывался на правомъ берегу въ Мондюконѣ, если ректоръ не вступался въ дѣло, чувствуя себя сильнѣйшимъ; потому что у школьниковъ считалось привилегіей быть повѣшенными дома.

Въ XV вѣкѣ Сена омывала пять острововъ въ стѣнахъ Парижа: островъ Волчій, гдѣ тогда былъ строевой лѣсъ, а теперь только дрова; Коровій островъ и островъ Богородицы, — оба пустыя, за исключеніемъ одной землянки, и оба составлявшіе владѣнія епископа. Въ старомъ городѣ островъ Пастуха.

Въ старомъ городѣ было тогда пять мостовъ; три съ правой стороны: мостъ Богоматери и мостъ Мѣнялъ каменные, мостъ Мельничій деревянный; два съ лѣвой стороны: Маленькій мостъ каменный, св. Михаила деревянный; всѣ они были застроены домами.

Университетъ имѣлъ шестеро воротъ, выстроенныхъ Филипомъ-Августомъ; это были начиная съ турнельскаго замка: ворота св. Виктора, ворота Борделезскія, ворота Папскія, ворота св. Іакова, ворота св. Михаила, ворота Сен-Жерменскія. Городъ имѣлъ шестеро воротъ, построенныхъ Карломъ V; это были начиная отъ башни Билли: ворота Сен-Антуанъ, ворота Тампля, ворота Сен-Мартенскія, ворота Сен-Дени, ворота Монтмартрскія, ворота Сент-Оноре. Всѣ эти ворота были крѣпки и красивы, что не мѣшаетъ крѣпости. Широкій и глубокій ровъ съ проточною водою омывалъ ограду Парижа; вода проведена была изъ Сены. Ночью запирали ворота, загораживали рѣку съ двухъ концовъ города большими желѣзными цѣпами, и Парижъ спалъ спокойно.

Виднныя съ верху, эти три части являли глазу перепутанную массу улицъ. Впрочемъ съ перваго взгляда можно было замѣтить, что эти три отрывка составляютъ одно тѣло. Тотчасъ бросались въ глаза двѣ паралельныя, длинныя улицы, почти безъ изгибовъ, проходящія черезъ всѣ три части отъ юга къ сѣверу перпендикулярно Сенѣ, соединяя, перемѣшивая населеніе одной съ населеніемъ двухъ другихъ частей. Первая изъ этихъ улицъ шла отъ воротъ св. Іакова до воротъ Сен-Мартенскихъ; она называлась улицей св. Іакова въ университетской части, жидовской улицей въ старомъ городѣ, улицей св. Мартена въ новомъ; она два раза переходила рѣку подъ именами Маленькаго моста и моста Богоматери. Вторая, называющаяся улицей Лагарпъ на лѣвомъ берегу, улицей Барил-

лери на островѣ, улицѣ Сен-Дени на правомъ берегу, мостомъ св. Михаила на одномъ рукавѣ Сены, мостомъ Мѣняль на другомъ, шла отъ воротъ Сен-Мишель въ университетъ, до воротъ Сен-Дени въ городъ. Впрочемъ, подъ всѣми этими именами скрывались двѣ улицы-праматери, двѣ артеріи Парижа. Всѣ другія вены тройного города или вливались въ нихъ, или брали изъ нихъ начало.

Независимо отъ этихъ двухъ главныхъ, діаметральныхъ улицъ, пересѣкавшихъ Парижъ въ ширину, и общихъ всей столицѣ, новый городъ и университетъ имѣли каждый свою главную улицу, идущую вдоль параллельно Сенѣ, и пересѣкавшую подъ прямымъ угломъ обѣ *артеріальныя улицы*. Такъ въ городѣ шла прямая улица отъ Сен-Антуанскихъ воротъ къ воротамъ Сен-Оноре; въ университетѣ отъ воротъ св. Виктора до воротъ Сен-Жерменскихъ. Эти два большихъ сообщенія, перекрещиваясь съ двумя первыми, составляли канву, на которой основывался весь спутанный мотокъ парижскихъ улицъ. Въ этой путаницѣ можно еще было различить два главныхъ направленія большихъ улицъ, которыя шли расширяясь отъ мостовъ къ воротамъ.

Еще и теперь существуетъ нѣчто изъ этого плана. Какъ представлялось все это съ башенъ парижскаго собора въ 1482 году? Мы постараемся рассказать это.

Зрителя, взобравшагося на эту высоту, прежде всего поражало изобиліе крышъ, трубъ, улицъ, мостовъ, площадей, колоколенъ. Все разомъ бросалось въ глаза: заостренныя крыши, каменная пирамида XI вѣка, обелискъ пятнадцатаго, круглая сторожевая башня, четырехугольная башня церкви, большое, малое, массивное, воздушное. Взглядъ долго терялся въ этомъ лабиринтѣ, гдѣ все имѣло свою оригинальную красоту, отъ обыкновеннаго домика до пышнаго Лувра, украшеннаго тогда цѣлой колонадой башенъ. Но вотъ начинаютъ выясняться главные массы; глазъ привыкъ ко множеству предметовъ.

Во первыхъ старый городъ, который несмотря на свою тѣсноту имѣетъ нѣкоторыя красоты стіля. Мы уже говорили, что въ XV вѣкѣ это судно было прикрѣплено къ обоимъ берегамъ пятью мостами. Эта форма корабля поразила герольдиковъ, потомучто Фавень и Пакье говорятъ, что судно въ старомъ гербѣ Парижа происходитъ именно отъ этого сходства, а не отъ осады нормановъ. Для умѣющихъ разбирать его, гербъ есть алгебра и языкъ. Вся исторія второй половины среднихъ вѣковъ написана въ гербахъ.

как исторія ихъ первой половины въ символизмѣ романскихъ церквей. Это іероглифы феодализма послѣ іероглифовъ теократіи.

Старый городъ прежде всего представлялся глазу съ своей корной ва востокъ и носомъ на западъ. Обратясь къ носу, зритель имѣлъ передъ глазами безчисленное множество старыхъ крышъ, надъ которыми широко округлялся куполь часовни, напоминающій вооруженнаго слона съ башней. Только здѣсь эту башню представляла стрѣлка самая изящная, самая кружевная, какую только можно себя представить. Передъ соборомъ три улицы выходили на площадь съ старыми домами. На южной сторонѣ этой площади рисовался сморщенный фасадъ *Hôtel-Dieu* съ крышей какъ-бы покрытой бородавками. Потомъ направо, налѣво, на востокъ, на западъ, несмотря на небольшое пространство города, возвышались колокольни двадцати-одной церкви всѣхъ возможныхъ формъ, временъ и величинъ: отъ низкаго романскаго колокола въ *Saint-Denis du Pas*, до изящныхъ стрѣлокъ св. Ландра. За соборомъ развертывался на сѣверъ монастырь съ готическими галереями; на югъ полу-романскій дворецъ епископа. Въ этомъ множествѣ домовъ глазъ еще различалъ по высокимъ, каменнымъ митрамъ съ сквозными верхушками, украшавшимъ тогда самыя высокія окна дворцовъ, замокъ данный городомъ при Карлѣ VI Ювеналу Урсинскому; немного далѣе дегтярныя бараки рынка *Palus*; еще дальше абсидія св. Жермена; потомъ мѣстами перекрестокъ со множествомъ народа; позорный столбъ на углу улицы; остатокъ мостовой Филиппа-Августа, избитой лошадиными копытами, и такъ дурно замѣненной въ XVI вѣкѣ, такъ называемой *ravé de la ligue*; большой пустырь съ прозрачной башенкой, какія дѣлались только въ XV вѣкѣ. Наконецъ вправо отъ часовни, къ западу, располагалась надъ водою группа башенъ палаты юстиціи. Деревья королевскаго сада скрывали островокъ пастуха. Чтоже касается воды, ея не было видно съ башенъ собора: Сена исчезала подъ мостами, а мосты между домами.

Когда взглядъ переходилъ за эти мосты съ кровлями, позеленѣвшими отъ водяныхъ испареній, онъ направлялся влѣво, къ университету; первое зданіе, поражавшее его, былъ большой, низкій снопъ изъ башенъ *Petit Chatélet*, котораго открытый портикъ поглощалъ конецъ малаго мостика; потомъ тянулся длинный рядъ домовъ съ скульптурными украшеніями, съ цвѣтными стеклами, и многоэтажныхъ; вереница мѣщанскихъ жилищъ, вдругъ пересѣ-

каемая улицей или большимъ каменнымъ отелемъ, широко распространившимъ свои сады и службы между этой мелкой челядью. Было пять или шесть такихъ домовъ по набережной, отъ дома герцоговъ Лорренскихъ до Нейльской башни, заканчивающей Парижъ, котораго острья башни впродолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году, вырѣзывались черной массой на красномъ фонѣ заходящаго солнца.

Этотъ берегъ Сены былъ всего менѣе торговый; тутъ было вдвое болѣе школьникоу чѣмъ ремесленниковъ, и собственно набережная продолжалась только отъ моста св. Михаила до Нейльской башни, — остальное было или пустой берегъ, или дома, нижняя часть которыхъ погружалась въ воду.

Тутъ прачки производили страшный содомъ; онѣ кричали, пѣли съ утра до вечера и звонко колотили бѣлье, что и въ наше время составляетъ не послѣднее развлеченіе парижанъ.

Университетъ представлялся глазу сверху компактной массой. Улицы не раздѣляли слишкомъ замѣтно этой кучи угловатыхъ крышъ. Сорокъ два училища занимали равныя части. Красивыя верхушки этихъ зданій были произведеніемъ того же искусства, какъ и простыя крыши, — это была только умноженная квадратура и кубатура одной геометрической фигуры. Выдавалось нѣсколько большихъ зданій чрезвычайно живописныхъ: отель Кюни, существующій и теперь къ счастью художниковъ. Возлѣ него римскій дворецъ Юліана. Было много аббатствъ, въ томъ числѣ бернардинское съ своими тремя колокольнями; св. Женевьевы, которой четырехугольная башня еще существуетъ и заставляетъ жалѣть объ остальномъ; Сорбонна, полу-училище и полу-монастырь. Церкви возвышались надъ всѣмъ, какъ высшая гармонія въ этомъ цѣломъ гармоническомъ акордѣ и смѣло упирали въ небо свои ажурныя стрѣлки

Почва здѣсь была холмистая. Красиво было смотрѣть съ высоты, какъ эта масса кривыхъ улицъ и домовъ казалась скатывавшаяся въ безпорядкѣ къ водѣ, держась за своихъ сосѣдей. Въ глазахъ рябило отъ постоянно-движущихся черныхъ точекъ: это былъ народъ, видѣнный издали

Наконецъ въ интервалахъ между домами и колокольнями видѣлся остатокъ позелѣвшей стѣны и большая, круглая башня. Это была ограда Филипа-Августа. Далѣе зеленѣли луга и шли дороги, да кое-гдѣ рѣдѣли домики. Но что въ особенности приковывало взоръ, это было аббатство.

Когда осматрѣвъ эту часть города зритель обращался къ правому берегу, картина совершенно измѣнялась. Новый городъ не представлялъ такого единства: онъ раздѣлялся на нѣсколько группъ. На востокъ было изобиліе дворцовъ. Четыре почти смежные смотрѣлись въ Сену: Jouy, Sens, Barbeau и домъ королевы. Нѣсколько позеленѣвшихъ мазанокъ, лѣпившихся невдалекѣ, не мѣшали видѣть прекрасныхъ угловъ ихъ фасада. За этими дворцами разстилалась во всѣхъ направленіяхъ огромная и разнообразная ограда чудеснаго дворца St.-Pol, въ которомъ французскій король могъ дать роскошное помѣщеніе двадцати-двумъ дофинамъ съ прислугой и свитой, не считая вельможъ и императора, когда тотъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и львовъ, у которыхъ былъ свой дворецъ въ королевскомъ дворцѣ. Тогда помѣщеніе принца состояло неменѣе какъ изъ двѣнадцати комнатъ отъ парадной пріемной до молебни, не считая галерей, бань и другихъ «сверхкомплектныхъ» мѣстъ; у каждаго королевскаго гостя былъ также особенный садъ, а сколько было погребовъ, кладовыхъ, службъ, скотныхъ дворовъ, кузницъ, игръ всѣхъ родовъ, птичниковъ, садковъ, звѣринцевъ, конюшенъ, библиотекъ, арсеналовъ. Вотъ каковъ былъ тогда дворецъ короля! цѣлый городъ въ городѣ.

Что это за масса огромныхъ башенъ, обведенныхъ ровомъ и въ которыхъ бойницъ больше чѣмъ оконъ? Это Бастилія.

Эти черныя точки, которыя издали кажутся столбами, — пушки.

Далѣе съ богатой растительностью растиается королевскій паркъ, посрединѣ котораго замѣтенъ лабиринтъ, подаренный Людовикомъ XI Куатье. Обсерваторія доктора возвышается уединенной колоной. Страшныя астрологическія наблюденія были совершаемы здѣсь.

На этомъ мѣстѣ теперь королевская площадь.

Центръ города занимала масса частныхъ домовъ, нелиционныхъ своей красоты. Крыши въ столичномъ городѣ, какъ волны морскія, производятъ впечатлѣніе великаго. Сначала идутъ перепутанныя улицы, изображая интересныя фигуры; вокругъ рынка образуется звѣзда. Улицы Сен-Дени и Сен-Мартенъ идутъ одна подлѣ другой съ своими развѣтвленіями, какъ два огромныхъ дерева, перепутавшіяся вѣтвями. Были также красивыя зданія, напр.: Шателе, феодальная башня тринадцатаго вѣка, богатая, четырехугольная колокольня Jacques de la Boucherie; наконецъ домъ съ колонами, о

которомъ мы дали читателю приблизительное понятіе въ описаніи Гревской площади.

Кромъ дворцовъ и домовъ ясно различаея въ новомъ городѣ цѣлый поясъ аббатствъ, охватывавшій его внутренней оградой. Такъ рядомъ съ турнельскимъ паркомъ былъ монастырь св. Екатерины. Между старой и новой Тампльской улицей былъ Тампль, мрачное собраніе башень, высокій и уединенный посреди зубчатой ограды. Потомъ аббатство св. Мартена, великолѣпная укрѣпленная церковь, наконецъ Filles-Dieu, возлѣ котораго видѣлись сгнившія крыши и немощеная площадь двора чудесъ. Это было одно недостойное звѣно въ духовной цѣпи монастырей.

Наконецъ четвертый отдѣлъ новаго города составляли дворцы и дома, собравшіеся у подножія Лувра. Старый Лувръ Филиппа-Августа, это неизбѣримое зданіе съ огромной башней, окруженной двадцатью-тремя меньшими, не считая самыхъ маленькихъ, представляя издали оправленнымъ въ готическую рамку дворца герцоговъ Алансонскихъ и Petit Bourbon. Эта гидра изъ башень, гигантскій стражъ Парижа съ двадцатью-четырьмя головами, съ блестящей металлической чешуею заканчивала городъ на западѣ.

За стѣнами встрѣчались предмѣстья, но въ меньшемъ количествѣ и на дальнѣйшихъ растояніяхъ, нежели въ университетской части.

Вотъ Парижъ, который въ 1482 году могли видѣть вѣроны съ башень собора богоматери.

Однакожъ Вольтеръ говорилъ *«что до Людовика XIV городъ тотъ имѣлъ только четыре замѣчательныхъ зданія»*: Сорбонну, Val-de-Grâce, Лувръ и не знаю еще что, можетъ-быть Люксамбургъ. Къ счастью Вольтеръ все-таки написалъ Кандида и былъ изъ числа многихъ людей единственный, обладавшій демонскимъ смѣхомъ. Это доказываетъ, что можно быть гениемъ и не понимать некоторыхъ искусствъ. Мольеръ вѣдь думалъ же, что дѣлаетъ большую честь Рафаэлю и Микель-Анджело, называя ихъ: *ces Mignards de leur âge*.

Возвратимся къ Парижу XV вѣка.

Онъ былъ тогда не только красивымъ городомъ: онъ былъ городомъ однороднымъ, архитектурнымъ и историческимъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ, каменной хроникой. Это былъ городъ, составленный изъ двухъ только слоевъ: слоя романскаго и готическаго, потому что римскій давно исчезъ, за исключеніемъ зданія

Юлиана Отступника. Что же касается цельтического слоя, его не находили и слѣдовъ даже вырывая колодцы.

Пятьдесятъ лѣтъ позже, когда возрожденіе примѣшало къ этому строгому, но тѣмъ неменѣе разнообразному единству ослѣпительную роскошь своей фантазіи и своихъ системъ, свои полукруги романскіе, греческія колонны и готическія пониженія сводовъ, свою идеальную скульптуру и арабески, свой архитектурный паганизмъ, современный Лютеру, Парижъ сдѣлался еще красивѣе, хотя утратилъ гармонію для глаза и мысли. Это роскошное время было непродолжительно: возрожденіе не удовольствовалося тѣмъ, что само творило, — оно вздумало разрушать; правда, что ему было тѣсно. Готическій Парижъ существовалъ во всей полнотѣ только одно мгновеніе. Едва окончили церковь Jacques de la Boucherie, какъ приступили къ разрушенію стараго Лувра.

Съ тѣхъ поръ городъ все приходилъ въ упадокъ. Готическій Парижъ, задавившій Парижъ романскій, уничтожался въ свою очередь, но какъ назвать Парижъ его замѣнившій?

Въ Тюльери есть Парижъ Екатерины Медичи, въ Hôtel de Ville Парижъ Генриха II, два зданія съ большимъ вкусомъ; Парижъ Генриха IV на королевской площади, — кирпичные фасады съ каменными углами и трехцвѣтные дома; Парижъ Людовика XIII въ Val de Grâce, — сжатая архитектура, своды на подобіе ручекъ у корзинокъ, что-то пузатое въ колонѣ и горбатое въ куполѣ; Парижъ Людовика XIV въ Инвалидахъ, — велико, богато, золочено и холодно; Парижъ Людовика XV въ Saint-Sulpice: банты, облака, макаронны, салатъ и все изъ камня; Парижъ Людовика XVI въ Пантеонѣ, — плохая копія съ римскаго св. Петра; Парижъ республиканскій въ медицинской академіи: бѣдная смѣсь римско-греческаго стила, столько же напоминающая коллизей и партенонъ, какъ конституція третьяго года законы Миноса; Парижъ Наполеона на Вандомской площади: это нѣчто величественное, бронзовая колонна, составленная изъ пушекъ; Парижъ реставраціи на биржѣ, очень бѣлая колонада съ очень гладкими фризами; вся масса четырехугольная и стоила двадцать миліоновъ.

Каждое изъ этихъ характеристическихъ зданій было родоначальникомъ нѣсколькихъ частныхъ домовъ, происхожденіе которыхъ сразу отличить глазъ знатока. Тотъ кто умѣетъ смотрѣть, можетъ возстановить характеръ вѣка и личность короля по одному дверному замку.

Нынѣшній Парижъ не имѣетъ цѣльнаго характера. Это собраніе образцовъ архитектуры каждаго вѣка, и притомъ самыя лучшія уничтожены. Столица богатѣетъ теперь домами, но какими домами! Если Парижъ будетъ продолжать такимъ образомъ, то ему придется совершенно обновляться каждыя пятьдесятъ лѣтъ. Потому-то историческое значеніе его архитектуры съ каждымъ днемъ уменьшается. Памятники искусства становятся очень рѣдки, исчезая отъ наплыва домовъ. Парижъ нашихъ отцовъ былъ каменный, а Парижъ нашихъ внуковъ будетъ уже извѣстковый.

Чтоже касается до новыхъ памятниковъ современнаго Парижа, мы лучше умолчимъ о нихъ, не потому чтобъ мы не были въ состояніи оцѣнить ихъ по достоинству. Святая Женевьева г. Суффо конечно самыя лучшія пироги, который когда-либо былъ испеченъ изъ камня. Дворецъ почетнаго легіона тоже хорошая кондитерская штука. Куполь на хлѣбномъ рынкѣ вѣрно изображаетъ фуражку англійскаго жокея на высокой лѣстницѣ. Башни Saint-Sulpice, — два большіе кларнета, а чѣмъ же это хуже чего другого; изогнутый телеграфъ очень кстати пришлось на ихъ крышахъ. Порталъ въ Saint-Roch равняется великолѣпнѣе только съ Thomas d'Aquin. Въ немъ также есть Голгофа, на подобіе горба и солнце изъ золоченаго дерева, вещи дѣйствительно достойныя вниманія. Фонарь въ лабиринтѣ ботаническаго сада тоже хитрая штука. Чтоже касается до зданія биржи, греческаго по колонадѣ, римскаго по полукруглымъ окнамъ и дверямъ, временъ возрожденія по своду, — это въ полномъ смыслѣ, правильный и безукоризненный памятникъ архитектуры: доказательствомъ можетъ служить то, что оно увѣнчано фронтономъ, какого не бывало въ Афинахъ; это прелестная прямая линия, граціозно пересѣкаемая печными трубами. Прибавимъ еще, что если наружность зданія должна вполне выражать его назначеніе, то какже не удивляться строенію, которое можетъ-быть обращено и въ дворецъ, и въ парламентъ, и въ богадѣльню, и въ школу, и въ манежъ, и въ судебное мѣсто, и въ музей, и въ казарму, и въ гробницу, и въ храмъ, и въ театръ. Пока, это биржа. Зданіе, сверхъ того, должно соответствовать климату. Это построено какъ-разъ для нашего холоднаго и дождливаго неба. Крыша на немъ почти плоская, какъ на востокѣ, такъ что зимой ее метутъ метлами. Зданіе это одинаково могло бы служить биржей во Франціи и храмомъ въ Греціи. Правда, архитектору стоило много труда скрыть циферблатъ, нарушающій чистоту линий фасада, но зато онъ воспроизвелъ колонаду, окружающую

все зданіе , подѣ которой въ торжественные дни можетъ граціозно тянуться цѣль торговыхъ агентовъ и другихъ представителей коммерціи.

Это, конечно, великолѣпныя зданія; прибавимъ къ нимъ множество разнообразныхъ улицъ, какъ напримѣръ улица Риволи, и я надѣюсь, что Парижъ, видѣнный съ воздушнаго шара, представитъ богатство линий, роскошь деталей, нѣчто грандіозное въ своей простотѣ, напоминающее шашечницу.

Однакожъ, какъ ни хорошъ теперешній Парижъ, попробуйте возстановить въ воображеніи Парижъ XV вѣка; взгляните на свѣтъ божій сквозь этотъ рядъ башенокъ и колоколенъ, разлейте по громадному городу Сену, съ ея зеленовато-желтымъ отблескомъ, переливающуюся, какъ змѣиная чешуя; представьте на голубомъ горизонтѣ готическій профиль стараго Парижа, потопите его въ совершенной тѣмѣ и наблюдайте оригинальную игру свѣта и тѣни въ этомъ лабиринтѣ зданій; пустите теперь лунный лучъ, который неясно вывелъ бы изъ тумана огромныя головы башенъ; или сгустите опять темноту и посмотрите на эти углы и стрѣлки подобные челюсти акулы, рисующіеся на мѣдно-красномъ вечернемъ небѣ.

— Теперь сравните.

Если вамъ хочется получить отъ стараго города впечатлѣніе, котораго никогда не произведетъ новый, взойдите поутру, въ праздничный день на пасхѣ или въ троицу, на какое-нибудь очень возвышенное мѣсто, съ котораго открывалась бы цѣлая столица и ждите когда проснутся колокола. Смотрите, какъ по знаку данному съ неба, потому что его подаетъ самое солнце, содрогаются разомъ эти тысячи храмовъ. Сначала являются отдѣльные звуки, переходящіе отъ одной церкви къ другой, какъ между съигрывающимися музыкантами. Потомъ, вдругъ, видите, потому что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно видѣть ушами, видите, какъ изъ каждой колокольни, въ одно и тоже время, подымается облако гармоніи. Сначала, звукъ каждаго колокола слышится чисто, отдѣльно отъ прочихъ, потомъ, усиливаясь, всѣ звуки сливаются, растворяются одинъ въ другомъ и составляютъ великолѣпный концертъ. Это уже цѣлая масса звучныхъ вибрацій, отдѣляющаяся отъ каждой колокольни, которая носится, плаваетъ надъ цѣлымъ городомъ и продолжаетъ далеко за горизонтомъ оглушающіе звуковые круги. Между тѣмъ это море гармоніи далеко не хаосъ. Несмотря на глубину, оно не потеряло прозрачности: вы ясно видите каждую группу звуковъ, производимыхъ звономъ. Вы можете

слѣдить за разговоромъ, то важнымъ, то крикливымъ, вы слышите густыя октавы, посылаемая одною колокольною другою; вы видите какъ онѣ вылетаютъ легкія и свистящія изъ серебрянаго колокола или падаютъ хромые и убогіе изъ деревянаго; вы любуетесь, посреди ихъ, богатой гаммой семи колоколовъ св. Евстафія; вы слышите, какъ между ними быстро пробѣгаютъ рѣзкія нотки, сдѣлаютъ два-три блестящихъ поворота и исчезнутъ какъ молнія. Вонъ аббатство св. Мартена, рѣзкій пѣвецъ съ разбитымъ голосомъ; вотъ мрачный голосъ Бастиліи; на томъ концѣ баситъ огромная луврская башня. Царственный звонъ Palais de justice непрерывно бросаетъ свои звучныя трели, которымъ аккомпанируютъ въ тактъ погребальныя ноты собора богородицы, какъ удары молота по наковальнѣ. Повременамъ, вы слышите разнообразныя звуки отъ тройнаго звона въ Saint Germain des Prés. Отъ времени до времени, эта масса чудныхъ звуковъ разстунается и пропускаетъ волну звуковъ Ave-Maria, игривую и сверкающую, какъ огненный снопокъ. Внизу, въ самой глубинѣ концерта, вы смутно различаете церковное пѣніе, вылетающее въ скважины запертыхъ дверей и въ поры сводовъ. Вотъ опера, которую стоитъ послушать. Обыкновенно, звуки, раздающіеся въ Парижѣ днемъ, — звуки говорящаго города: ночью слышится его дыханіе и рано поутру его пѣніе. Вслушайтесь же въ это tutti колоколовъ; примѣшайте къ нему милліоны человѣческихъ звуковъ, вѣчную жалобу рѣки, безконечное дыханіе вѣтра, серьезный, отдаленный квартетъ лѣсовъ; умѣрьте этими звуками слишкомъ рѣзкое пѣніе центральныхъ колоколовъ и скажите есть ли на свѣтѣ что-либо полнѣе, радостнѣе, роскошнѣе этой музыки, этихъ десяти тысячъ металлическихъ голосовъ, этого города, превратившагося въ оркестръ, этой симфоніи, равняющейя реву бури.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

ДОБРЫЯ ДУШИ

За шестнадцать лѣтъ до начала нашей исторіи, въ воскресенье, въ день св. Квасимодо, живое существо было положено послѣ обѣди въ соборъ парижской богородицы на кровать, придѣланную съ

лѣвой стороны паперти, противъ огромнаго изображенія св. Христофора, на которое колѣнопреклоненная фигура рыцаря Антуана Д'Ессаръ смотрѣла съ 1413 года и котораго уничтожили, не принявъ въ соображеніе его святость. На этой кровати обыкновенно клали подкинутыхъ дѣтей, призывая на нихъ милосердіе молящихся. Ихъ бралъ кто хотѣлъ. Передъ кроватью была мѣдная кружка для подаенія.

Подобіе человѣческаго образа, лежавшее въ это утро на упомянутой кровати, въ высшей степени возбуждало любопытство кружка собравшагося вокругъ нея. Кружокъ состоялъ большею частію изъ прекраснаго пола. Впрочемъ были почти однѣ старухи.

Въ первомъ ряду, ниже всѣхъ наклонившись къ постели, стояли четыре женщины, которыхъ, по сѣрому платью особеннаго покроя, можно было причислить къ какой-нибудь благотворительной общинѣ.

— Что это такое, сестра? говорила одна изъ нихъ, разсматривая маленькое созданіе, которое кричало и ёжилось на кровати, испуганное столькими зрителями.

— Что это съ нами будетъ, царь небесный! Вотъ какія теперь родятся дѣти!

— Ну, я не знаю толка въ ребятахъ, а на этого просто смотрѣть грѣшно.

— Это не ребенокъ.

— Это обезьяна.

— Это какое-то чудище.

— Ну такъ это ужъ третье въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ; недавно еще божія мать покарала одного насмѣшника.

— Ну ужъ чудовище этотъ подкидышъ.

— Онъ оретъ, какъ звѣрь какой.

— Говорятъ что это его преподобіе реймскій епископъ прислалъ нашему.

— Я думаю, что это отродье свиньи и жида, не христіанская душа; его бы утопить надо.

— Или сжечь; ужъ вѣрно никто не возьметъ такого приемыша.

— Ахъ бѣдныя кормилицы, которымъ принесутъ этого урода; я бы скорѣе согласилась дать грудь вампиру.

— Больно невиѣна ты Анна; развѣ ты не видишь, что чучелъ года четыре и что оно гораздо охотнѣе съѣстъ фунтъ говядины, чѣмъ возьметъ твою грудь.

Въ самомъ дѣлѣ, это не былъ новорожденный. Это была очень угловатая движущаяся масса, заключенная въ мѣшокъ, изъ котораго высывалась одна голова. Голова эта была верхъ безобразія; на ней былъ цѣлый лѣсъ рыжихъ волосъ, одинъ только глазъ, огромный ротъ и зубы клыками. Глазъ плакалъ, ротъ кричалъ, а зубы готовы были укусить кто подойдетъ близко. Вся масса двигалась въ мѣшкѣ, къ большому удивленію возраставшей толпы.

Алонза де Гонделорье, благородная и богатая дама, держащая за руку дѣвочку лѣтъ шести и важно тащившая за собою длинный вуаль своей золотой остроконечной шапочки, остановилась передъ кроватью, а ея малепькая дочка, одѣтая въ шолкъ и бархатъ, прочла по складамъ надписи: *подкинута дѣти*.

— Я думала, что сюда приносятъ въ самомъ дѣлѣ дѣтей, сказала дама, отворачиваясь съ видомъ отвращенія. Она пошла дальше, бросивъ въ кружку серебряную монету, на которую взглянули разомъ всѣ четыре старухи.

Минуту спустя, ученый Робертъ Мистрикаль королевскій протонотарій прошолъ съ большимъ тревникомъ въ рукѣ и съ женою, имѣя такимъ образомъ при себѣ своего духовнаго и свѣтскаго регулятора.

— Вотъ ребенокъ, найденный вѣроятно на берегахъ рѣки Флетона, замѣтилъ онъ.

— У него одинъ только глазъ, замѣтила его жена: — другой закрытъ бородавкой.

— Это не бородавка, отвѣчалъ Мистрикаль, — это яйцо, изъ котораго выйдетъ другой такой же демонъ, у котораго изъ глаза выйдетъ третій и т. д.

— Почему ты это знаешь?

— По наукѣ, отвѣчалъ протонотарій.

— Что же будетъ съ нами по милости этого уroda?

— Самыя большія несчастія.

— Господи! вскричала одна старуха: — еще въ прошломъ году была чума и, говорятъ, англичане хотятъ высадиться въ Гаролѣ.

— Вотъ королева и не пріѣдетъ въ сентябрѣ; и такъ уже торговля идетъ худо!

— Лучше бы было разложить это чучело на костеръ!

— Да и поджечь его хорошенько.

— Да, это было бы благоразумно, сказалъ Мистрикаль.

Молодой священникъ прислушивался уже нѣсколько минутъ къ

этимъ рѣчамъ. У него было строгое лицо, широкій лобъ, пронизательный взглядъ. Онъ молча пробрался въ толпу, оглядѣвъ «маленькаго колдуна» и протянулъ руку надъ его головой. Пора было, потому что святоши приготовлялись уже принести его въ жертву.

— Я беру этого ребенка.

Онъ закрылъ его рясой и унесъ. Присутствующіе съ удивленіемъ проводили его глазами. Онъ исчезъ въ красныхъ воротахъ, вѣдущихъ изъ церкви въ монастырь.

— Я говорила тебѣ, сестра, сказала одна старуха на ухо другой, что Клодъ Фролло колдунъ.

II

КЛОДЪ ФРОЛЛО

Въ самомъ дѣлѣ Клодъ Фролло былъ далеко не дюжинная личность. Онъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ семействъ, которыя назывались въ послѣднемъ вѣкѣ *haute bourgeoisie* или *petite noblesse* (высшей буржуазіей или маленькимъ дворянствомъ). Это семейство наследовало отъ братьевъ Пакле владѣніе Торшакъ, котораго двадцать-два дома были предметомъ горячихъ споровъ въ тринадцатомъ вѣкѣ.

Клодъ Фролло, еще съ дѣтства, назначенъ былъ родителями въ духовное званіе. Его читать учили по латинскимъ книгамъ и говорилъ онъ только шопотомъ, опуская глаза. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ, отецъ заперъ его въ школу Туршо въ университетѣ. Тамъ-то онъ и выросъ на требникѣ и лексиконѣ.

Это былъ ребенокъ серьезный, печальный, съ удивительнымъ прилежаніемъ и быстрымъ соображеніемъ; онъ не шумѣлъ въ рекреационное время, не раздѣлялъ дебошей товарищей, не зналъ что такое *dare alapas et capillos lanigare* и не участвовалъ въ продѣлкѣ 1463 года, которую величали «шестымъ университетскимъ возстаніемъ.» Онъ почти не насмѣхался надъ школьниками изъ Монтею или бурсаками изъ Дорманской школы за ихъ плотно остриженные головы и трехцвѣтное платье *azurini coloris et bruni*, какъ сказано въ кардинальской хартіи.

На шестнадцатомъ году, Клодъ Фролло могъ поспорить въ мистическомъ и каноническомъ богословіи съ любимымъ знатокомъ, а въ схоластикѣ съ любимымъ докторомъ Сорбонны.

Пройдя богословіе, онъ перешолъ къ постановленіямъ; отъ *Maitre des Sentences* къ *Capitulaires de Charlemagne*; и въ ненасытной жадѣ знанія, онъ поглощалъ все что попадало подъ руку: постановленія епископа гиспальскаго, Бушара, епископа вормскаго, епископа шартрскаго, Граціена, сборникъ Григорія IX; потомъ посланіе *Super specula* Гонорія III. Онъ усвоилъ себѣ этотъ смутный періодъ борьбы свѣтскихъ и духовныхъ правъ, періодъ открытый епископомъ Теодоромъ въ 618 и заключенный папой Григоріемъ въ 1227 году.

Потомъ, онъ принялся за медицину и естественныя науки. Онъ изучалъ растенія, яды, онъ умѣлъ лечить лихорадки, ушибы, раны. Жакъ д'Еспаръ призналъ бы его докторомъ и физикомъ; Ричардъ Гелленъ медикомъ и хирургомъ. Онъ изучалъ языки: латинскій, греческій, еврейскій: всѣ три тогда были очень мало извѣстны. У него была лихорадка знанія. Въ восемнадцать лѣтъ, ему уже не оставалось ничего изучать на четырехъ факультетахъ; для этого молодого человѣка въ жизни была одна цѣль: знаніе.

Около этого-то времени, страшно жаркое лѣто 1466 года породило ужасную чуму, жертвой которой пало сорокъ-тысячъ людей и между ними сразила, говоритъ *Jean de Troyes*, «г. Арну, королевскаго астролога, очень добраго и ученаго человѣка». Разнесся слухъ, что улица Тиршапъ преимущественно подвергается опустошеніямъ чумы. Въ ней жили родные Клода. Молодой человѣкъ съ испугомъ побѣжалъ домой и нашолъ отца и мать умершими еще наканунѣ. Грудной ребенокъ, его младшій братъ, кричалъ одинъ въ колыбели. Вотъ все что оставалось Клоду отъ его семейства; онъ взялъ мальчика на руки и вышелъ съ нимъ изъ дома. До сихъ поръ онъ жилъ только наукой, теперь приходилось ему столкнуться съ жизнью.

Катастрофа эта была кризисомъ въ жизни Клода. Сирота, старшій въ родѣ, глава семейства въ девятнадцать лѣтъ отроду, онъ быстро почувствовалъ переходъ отъ школьныхъ мечтаній къ дѣйствительности и страстно привязался къ меньшому брату; ему было сладко любить живое существо, первую привязанность послѣ своихъ учебныхъ книгъ.

Привязанность эта приняла громадныя размѣры; въ этой дѣвственной душѣ она равнялась первой любви. Разлученный съ родителями въ самомъ раннемъ возрастѣ, сосредоточившій весь умъ и все воображеніе на книгахъ, бѣдный школьникъ не имѣлъ времени почувствовать, что и у него есть сердце. Маленькій братъ, этотъ

круглый сирота доставшійся въ его руки, сдѣлалъ изъ него новаго человѣка. Онъ увидѣлъ, что на свѣтѣ есть многое кромѣ сорбонскихъ умозрѣній и стиховъ Гомера, что человѣку необходима привязанность, что жизнь безъ нѣжности и любви суха и бесплодна. Только онъ вообразилъ себѣ, потомучто время иллюзій еще не прошло, что могутъ существовать однѣ только родственныя привязанности и что любовь къ меньшому брату можетъ наполнить существованіе.

Онъ предался любви къ маленькому Жану съ глубокой, сосредоточенной страстью. Это слабое существо, красивое, розовое и кудрявое, этотъ сирота, имѣющій опорю другого такого же сироту, заставляя трепетать его сердце и, по привычкѣ философствовать, онъ серьезно задумался надъ судьбою Жана съ безконечнымъ милосердіемъ. Онъ заботился о немъ, какъ о чемъ-то очень хрупкомъ и драгоценномъ: онъ почти замѣнялъ мать для ребенка.

Ребенокъ былъ еще очень малъ: Клодъ отдалъ его кормилицѣ. Кромѣ Тиршапа, ему досталось послѣ отца помѣстье Муленъ. Это была мельница на холмѣ, возлѣ замка Винчестеръ (Бисетръ). Тамъ была мельничиха съ груднымъ ребенкомъ; это было недалеко отъ университета и Клодъ самъ отнесъ къ ней своего брата.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ очень серьезно смотрѣть на жизнь. Мысль о братѣ сдѣлалась не только отдыхомъ, но и цѣлью его занятій. Онъ рѣшился посвятить всего себя будущности существа, за которое долженъ отвѣчать передъ Богомъ и не имѣть другой цѣли, другого желанія, кромѣ счастья брата. Больше чѣмъ когда-либо, онъ предался своему духовному назначенію. Его достоинства, познанія и качество непосредственнаго вассала парижскаго архіепископа, по торшанскому владѣнію, раскрывала передъ нимъ церковное поприще. Въ двадцать лѣтъ, съ разрѣшенія папы, онъ былъ священникомъ и служилъ въ качествѣ младшаго капелана въ томъ предѣлѣ собора богородицы, который, по причинѣ позднихъ обденъ, называется *altare pigoium*.

Его серьезность и постоянныя занятія, отъ которыхъ онъ отрывался только чтобъ навѣстить малютку, приобрѣли ему уваженіе цѣлаго монастыря. Изъ монастыря молва о его учености разошлась въ народѣ и превратилась, какъ это часто случается, въ подозрѣніе въ колдовствѣ.

Въ то время, какъ онъ совершивши свою позднюю службу воз-

вращался домой въ день св. Квазимодо, вниманіе его было привлечено крикливымъ голосомъ старухъ у постели подкидышей.

Тогда-то онъ подошелъ къ бѣдному существу, возбудившему уже такую ненависть и презрѣніе. Безвыходность положенія, безобразіе, мысль о братѣ, мысль, что умри онъ — и его маленького Жана также выставятъ здѣсь на общественное состраданіе, все это разомъ запало ему въ душу. Сильная жалость заговорила въ немъ и онъ унесъ ребенка.

Вытащивъ мальчика изъ мѣшка, онъ нашолъ его очень безобразнымъ. У бѣдняка была на одномъ глазу бородавка, почти не было шеи, горбъ спереди и сзади, ноги кривыя, но онъ казался здоровымъ и сильнымъ и лепеталъ что-то на непонятномъ языкѣ. Сострадательность Клода усилилась при видѣ этого безобразія, и онъ далъ себѣ слово воспитать маленькое существо ради своего брата для того, чтобы проступки, которые впоследствии могъ сдѣлать Жанъ, были ему прощены въ память этого добраго дѣла. Это былъ запасъ добрыхъ дѣлъ, который онъ началъ для маленького Жана, въ случаѣ еслибы у послѣдняго оказался недостатокъ въ этой моментѣ, которая одна имѣетъ цѣну при вратахъ рая.

Онъ окрестилъ своего приемыша и назвалъ его Квазимодо, можетъ быть въ память дня, въ который нашолъ его, или чтобъ означить какое это было несовершенное существо. Въ самомъ дѣлѣ, Квазимодо, кривой, горбатый, кривоногий, былъ только *нѣкое подобіе*.

III

IMMANIS PESORIS CUSTOS, IMMANIUM IPSÆ

Въ 1482 году Квазимодо уже выросъ. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ звонаремъ въ соборѣ, благодаря своему покровителю Клоду Фролло, который сдѣлался архидиакономъ, въ свою очередь благодаря своему сюзерену Луи де Бомону, принявшему санъ парижскаго епископа въ 1472 году по смерти Гильома Шартье, по протекціи Оливье Олена (le Daim), цирюльника королевствовавшего тогда короля Людовика XI.

И такъ Квазимодо былъ соборнымъ звонаремъ.

Съ теченіемъ времени, образовалась какая-то родственная связь между звонаремъ и храмомъ. Отдѣленный отъ свѣта своимъ неиз-

вѣстнымъ происхожденіемъ и рѣдкимъ безобразіемъ, бѣднякъ при-
выкъ знать въ мірѣ однѣ эти священныя стѣны, приютившія его
своею стѣною. Соборъ былъ для него, въ эпоху его тѣлеснаго разви-
тія, яйцомъ, гнѣздомъ, домомъ, отечествомъ, цѣлымъ міромъ.

Была какая-то гармонія между зданіемъ и этимъ существомъ.
Когда онъ маленькимъ ребенкомъ ходилъ между его колонами, съ
человѣческимъ лицомъ и туловищемъ животнаго, онъ казался осо-
беннымъ твореніемъ, созданнымъ для этого храма, домашнимъ пре-
смывающимъ на этихъ плитахъ, отражающихъ странныя тѣни ро-
манскихъ капителей.

Позднѣе, когда онъ въ первый разъ уцѣпился за колокольную
веревку, повисъ на ней и извлекъ первый колокольный звукъ, его
пріемный отецъ Клодъ испыталъ ощущение, которое бываетъ при
первомъ лепетѣ ребенка.

Мало-помалу, безвыходно живя день и ночь въ соборѣ, Квази-
модо такъ-сказать сросся съ нимъ, сдѣлался его неотъемлемой ча-
стью. Онъ казался нетолько обитателемъ, но принялъ форму своего
жилища, какъ улитка принимаетъ форму своей раковины; это было
его жилище, его оболочка. Между древней церковью и имъ суще-
ствовала таинственная симпатія, какой-то магнетическій токъ, ма-
терьяльное сродство.

Нужно ли упоминать, что нельзя принимать въ буквальномъ
смыслѣ всѣхъ фигуръ, которыя мы употребили для выраженія этого
непосредственнаго, симметрическаго, почти существеннаго сродства
человѣка со зданіемъ. Понятно также, что во время долгаго житія,
Квазимодо изучилъ всѣ тайники собора. Ему часто случалось ла-
зить по фасаду, цѣпляясь за скульптурныя украшенія. Высокія ба-
шни, по которымъ онъ ползалъ какъ ящерица, не производили у
него головокруженія. Видя какъ онъ легко на нихъ взбирается,
можно было подумать, что онъ ихъ сдѣлалъ ручными. Безпрерыв-
ное лазанье по всѣмъ высотамъ собора сдѣлало его ловкимъ, какъ
обезьяна. Онъ напоминалъ калабрійскихъ дѣтей, которыя, еще не
выучившись ходить, плаваютъ и играютъ въ морскихъ волнахъ.

Нетолько его угловатое тѣло соответствовало готической по-
стройкѣ собора, но также и умъ его. Въ какомъ состояніи находи-
лась эта душа, какую форму приняла она въ этой замкнутой жи-
зни, — опредѣлить трудно. Квазимодо родился кривымъ, хромымъ,
горбатымъ. Фролло съ страшными усиліями удалось выучить его
говорить. Но судьба преслѣдовала несчастнаго. На четырнадцатомъ

году его постигло новое несчастье; отъ звона колоколовъ лопнула перепонка въ его ушахъ: онъ оглохъ. Единственное сообщеніе съ міромъ посредствомъ слуха для него прекратилось.

Съ нимъ прекратилась и та небольшая доля свѣта о радости, которой пользовался еще Квазимодо. Душа его погрузилась въ безразсвѣтную тьму. Меланхолія бѣдняка сдѣлалась также неизлѣчима, какъ его безобразіе. Глухота сдѣлала его почти нѣмымъ. Чтобы избѣжать насмѣшекъ, онъ добровольно отказался отъ дара слова, который Фролло развилъ съ такимъ трудомъ и говорилъ только когда былъ совершенно одинъ. Поэтому, когда необходимость заставляла его говорить съ другими людьми, языкъ плохо ему повиновался и двигался какъ дверь на заржавѣвшихъ петляхъ.

Еслибъ и удалось намъ проникнуть въ душу Квазимодо сквозь эту грубую оболочку, еслибъ можно было заглянуть въ самую глубь этой несовершенной организаціи, еслибъ дано намъ было вдругъ освѣтить яркимъ лучомъ Психею, привязанную въ глубинѣ этой темной пещеры, мы вѣроятно нашли бы ее сгорбленную, въ жалкомъ положеніи, подобно заключеннымъ въ венеціанскихъ тюрьмахъ, которые старились, согнувшись вдвое, въ узкомъ и низкомъ каменномъ ящикѣ.

Извѣстно, что духъ хилѣетъ въ несовершенномъ тѣлѣ. Квазимодо только смутно чувствовалъ въ себѣ присутствіе души, такой же немощной, какъ онъ самъ. Впечатлѣнія теряли большую степень своей силы, пока доходили до его мысли. Мозгъ его былъ особаго устройства; мысли выходили изъ него, принявъ изуродованную форму. Размышленіе тоже неминуемо носило отпечатокъ этого уродства.

Отсюда тысяча оптическихъ обмановъ, тысяча искаженій и уклоненій мысли, то сумасбродной, то тупой.

Первымъ послѣдствіемъ его несчастной организаціи, было неясное представленіе вещественныхъ предметовъ. Онъ не получалъ о нихъ точнаго понятія посредствомъ зрѣнія. Видимый міръ былъ отъ него дальше, чѣмъ отъ другихъ людей.

Второе несчастье было его озлобленіе.

Онъ былъ золь, потомучто былъ дикъ, а дикость происходила отъ безобразія. Въ его натурѣ была такая же логика, какъ и въ нашей.

Сила, необыкновенно развившаяся въ немъ, еще усиливала его злость. *Malus puer robustus*, говоритъ Гоббесъ.

Надо впрочемъ сказать, что злость можетъ быть не была его врожденнымъ чувствомъ. Съ перваго шага въ жизни, онъ встрѣтилъ презрѣніе, былъ отвергнутъ. Слова, съ которыми къ нему обращались, всегда выражали насмѣшку или брань. Выростая, онъ видѣлъ вокругъ себя одну ненависть: она-то и возбудила въ немъ злость. Онъ поднималъ оружіе, которое всѣ обращали противъ него.

Впрочемъ онъ вообще избѣгалъ людского общества; соборъ удовлетворялъ его вполне. Его населяли мраморныя фигуры королей, святыхъ, епископовъ, которыя покрайней-мѣрѣ не хотали ему въ лицо, но смотрѣли спокойно и благосклонно. Даже и статуи чудовищъ и демоновъ не выказывали ему ненависти; онъ былъ слишкомъ похожъ на нихъ. Онъ скорѣе смѣялся надъ другими людьми. Святые были его друзья и благословляли его; чудовища также были его друзья и стерегли его. Цѣлые часы проводилъ онъ иногда въ разговорахъ съ какой-нибудь статуей, а если входилъ кто-нибудь, онъ скрывался, какъ застигнутый врасплохъ вздыхатель.

Соборъ былъ для него всей вселенной: онъ замѣнялъ ему природу. Онъ не зналъ другихъ лучей, кромѣ тѣхъ, которые падали изъ его цвѣтныхъ стеколъ; не желалъ другой тѣни, какъ отъ этой каменной листвы, которая разрасталась, населенная птицами, въ саксонскихъ капителяхъ, — другихъ горъ, какъ колосальныя башни, другого океана какъ Парижъ, ревущій подъ его ногами.

Но болѣе всего любилъ онъ въ соборѣ колокола; отъ ихъ звука просыпалась его подавленная душа и онъ бывалъ счастливъ. Онъ любилъ, ласкалъ свои колокола, понималъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними. Колокольная и башни были для него большими клѣтками, въ которыхъ воспитывались птицы, поюція только для него. А между тѣмъ, эти же самые колокола и оглушили его; но матери часто чувствуютъ наибольшую нѣжность къ тѣмъ изъ дѣтей, которыя были причиной ихъ сильнѣйшихъ мученій.

Голосъ колоколовъ былъ единственный, который онъ могъ теперь слышать. Потому-то самый большой изъ нихъ былъ его любимцемъ. Его звали *Марьей* и онъ помѣщался въ одной изъ башенъ съ своей сестрой *Жакелиной*, занимавшей меньшую клѣтку. Во второй башнѣ было шесть другихъ колоколовъ, и наконецъ шесть самыхъ маленькихъ помѣщалось у окна, вмѣстѣ съ деревяннымъ колоколомъ, въ которые звонили только съ вечера страстного четверга до свѣтлой заутрени. И такъ сераль Квазимода состоялъ

изъ пятнадцати колоколовъ; но огромная Марія занимала первое мѣсто.

Трудно вообразить себѣ его радость въ дни торжественнаго звона. Когда архидіаконъ дѣлалъ ему знакъ, что онъ можетъ идти, онъ лѣзъ по винтовой лѣстницѣ, входилъ запыхавшись въ воздушное жилище большого колокола, съ любовью глядѣлъ на него нѣсколько секундъ, начиналъ тихо заговаривать съ нимъ, гладилъ его рукою какъ лошадь, которой предстоитъ долгій путь, жалѣлъ что ему будетъ много работы. Послѣ этихъ вступительныхъ ласкъ, онъ кричалъ своимъ помощникамъ, стоявшимъ на нижней площадкѣ, что можно начинать. Тѣ вѣшались на канатъ, вѣротъ начиналъ скрипеть и огромная масса приходила въ движеніе. Квазимодо въ восторгѣ слѣдилъ за нею. Отъ перваго удара вздрагивала доска, на которой онъ стоялъ. Квазимодо вскрикивалъ вслѣдъ за колоколомъ и заливался безумнымъ смѣхомъ. Между тѣмъ движеніе колокола дѣлалось быстрѣе; глазъ Квазимодо все болѣе расширялся и металъ искры. Наконецъ раздавался полный звонъ, вся башня тряслась, съ Квазимодо катился потъ градомъ; онъ ходилъ взадъ и впередъ, дрожалъ вмѣстѣ съ башней. Раскачавшійся колоколъ обращалъ свою разверстую пасть то къ одной, то къ другой сторонѣ башни и издавалъ ревъ, слышимый за четыре лье. Квазимодо становился передъ этой пастью, наклонялся и выпрямлялся вслѣдъ за колоколомъ, вдыхалъ колеблющійся воздухъ, смотрѣлъ то въ пропасть подъ ногами, то на огромный языкъ колокола, гудящій надъ его ухомъ. Это былъ единственный звукъ, прерывающій для него вѣчную тишину. Онъ радовался ему, какъ птица солнечному лучу. Вдругъ имъ овладѣвала лихорадка; взглядъ его дѣлался необыкновенный: онъ дожидался когда колоколъ долетитъ до него, какъ паукъ поджидаетъ муху, и вдругъ бросался на колоколъ со всего размаха. Тогда, вися надъ бездной, онъ схватывалъ чудовище за уши, упирался въ его бока колѣнами, и удваивалъ скорость его раскачиванія всею тяжестью своего тѣла. Башня качалась; онъ кричалъ и скрежеталъ зубами; его рыжіе волосы становились дыбомъ, грудь издавала звукъ кузнечнаго мѣха, глазъ металъ искры, огромный колоколъ гудѣлъ подъ нимъ, и тогда это не былъ колоколъ и Квазимодо, — это было видѣніе, вихрь, буря, странный центавръ, получеловѣкъ и полуколоколъ; ужасный Астольфъ, несущійся на живомъ бронзовомъ гиппогрифѣ.

Присутствіе этого страннаго существа разливало какую-то осо-

бую жизнь въ соборѣ. Изъ него, по словамъ суевѣрныхъ, истекала какая-то таинственная сила, оживлявшая всѣ каменные изваянія старой церкви. И въ самомъ дѣлѣ, соборъ какбы подчинился ему; онъ ожидалъ его воли, чтобъ возвысить свой сильный голосъ; Квазимодо наполнялъ его, какъ домашній духъ; казалось зданіе дышало имъ. Онъ бывалъ всюду, на всѣхъ точкахъ собора. То замѣчали, со страхомъ, на самой вершинѣ башни, страннаго карлу, лазающаго, ползущаго, перепрыгивающаго съ выпуклости на выпуклость, — это былъ Квазимодо, ищущій гнѣздъ. То натыкались въ одномъ изъ темныхъ угловъ церкви на живую химеру — это былъ Квазимодо въ задумчивости. То видѣли на колокольнѣ безобразную голову и массу уродливыхъ членовъ повисшихъ на веревкѣ — это былъ Квазимодо, звонящій къ вечернѣ. Нерѣдко ночью видали странную фигуру, бродящую по тонкой кружевной балюстрадѣ, окаймляющей верхушки башень — это опять былъ соборный горбунъ. Тогда — говорили сосѣднія кумушки — вся церковь принимала страшный, фантастическій видъ: повсюду раскрывались глаза и рты, слышенъ былъ лай собакъ, шипѣнье змѣй. А если это случалось въ рождественскую ночь, то пока большой колоколъ призывалъ людей къ молитвѣ, церковный фасадъ принималъ такой видъ, какъ-будто порталъ его хочетъ проглотить толпу, а розетка смотритъ на нее съ высоты. Все это происходитъ будто бы отъ присутствія Квазимодо. Египтяне признали бы его богомъ этого храма; средніе вѣка признали его демономъ, а былъ онъ на самомъ дѣлѣ его душою.

Для тѣхъ, кто зналъ о существованіи Квазимодо, соборъ богоматери кажется теперь пустымъ, осиротѣлымъ, безжизненнымъ. Чувствуется, что чего-то недостаетъ. Это громадное тѣло пусто; это скелетъ; духъ покинулъ его, осталось только его вмѣстилище. Это черепъ, въ которомъ видно мѣсто для глазъ, но нѣтъ самаго глаза.

IV

СОБАКА И ХОЗЯИНЪ

Былъ однакожъ человекъ, котораго Квазимодо исключилъ изъ своей ненависти и любилъ едвали не болѣе самого собора: это былъ Клодъ Фролло.

Исключительность эта объясняется очень просто. Клодь Фролло прирѣлъ его, усыновилъ, вскормилъ. Ребенкомъ, онъ у Клода искалъ защиты отъ собакъ и мальчишекъ. Фролло научилъ его говорить, читать, писать. Наконецъ онъ же сдѣлалъ его звонаремъ, а обручить Квазимодо съ большимъ колоколомъ значило дать Жюльету Ромео.

Благодарность Квазимодо была безграничная, глубокая, страстная, несмотря на постоянно угрюмый видъ и отрывистую рѣчь благодѣтеля. Архидіаконъ имѣлъ въ горбунѣ самаго преданнаго невольника, самаго покорнаго слугу, самую вѣрную собаку. Когда бѣдный звонарь оглохъ, между имъ и Клодомъ установился разговоръ знаками, понятный только имъ двоимъ. Такимъ образомъ архидіаконъ былъ единственное живое существо, съ которымъ Квазимодо не прервалъ сношенія. Въ цѣломъ свѣтѣ у него были только двѣ привязанности: соборъ и Клодь Фролло.

Ничто не могло бы сравниться съ вліяніемъ архидіакона на горбуна и съ привязанностью послѣдняго. Достаточно бы было одного знака, одной мысли сдѣлать пріятное Клоду, чтобы Квазимодо бросился съ вершины собора. Странно было видѣть, какъ эта громадная физическая сила, развившаяся съ лѣтами у горбуна, слѣпо подчинялась другому. Въ этомъ была и сыновняя привязанность и преданность слуги, но также и подчиненіе одного разума другому. Бѣдная, неудавшаяся организація смиренно склонялась передъ сильнымъ и глубокимъ умомъ. Наконецъ сильнѣе всего этого была благодарность. Благодарность, доведенная до такой степени, что мы не знаемъ съ чѣмъ бы сравнить ее. Примѣры этой добродѣтели не часто встрѣчаются между существами человѣческой породы. Скажемъ лучше, что Квазимодо любилъ архидіакона, какъ никогда собака, лошадь или слонъ не любили своего хозяина.

V

ОПЯТЬ КЛОДЪ ФРОЛЛО

Въ 1482 году Квазимодо было около двадцати лѣтъ, Клоду Фролло около тридцати шести. Одинъ выросъ, другой постарѣлъ.

Клодь Фролло былъ уже не простой школьникъ, нѣжный покровитель маленькаго ребенка, молодой философъ-мечтатель, который

зналъ много, но многого и неподозрѣвалъ. Это былъ строгій, важный, угрюмый священникъ, напутствователь душъ, архидіаконъ, правая рука епископа, имѣющій на рукахъ два деканства: Монтлери и Шатофоръ, и сто-семдесятъ-четыре сельскихъ прихода. Это была важная и суровая личность, передъ которой дрожали пѣвчіе, когда онъ медленно проходилъ по хорамъ величественный, задумчивый, съ сложенными руками и головой, такъ низко опущенной на грудь, что видѣнъ былъ одинъ его плѣшивый лобъ.

Домъ Клодъ Фролло не оставилъ однакожь ни науки, ни воспитанія младшаго брата, этихъ двухъ цѣлей его жизни. Время принимало только нѣсколько горечи въ эти прежде столь сладкія занятія. Маленькій Жанъ Фролло, прозванный мельницей, по мѣсту гдѣ выросъ, пошолъ не по тому направленію, которое хотѣлось дать ему Клоду. Онъ рассчитывалъ на ученика набожнаго, послушнаго, исполнительнаго, а маленький братъ, подобно растеніямъ, обманывающимъ старанія садовника, склоняясь въ ту сторону, откуда свѣтитъ солнце, маленький братъ росъ и пускалъ широкіе отпрыски въ сторону лѣни, невѣжества и кутежа. Это былъ настоящій бѣсенокъ, вполне безпорядочный, что заставляло морщиться домъ-Клода, но такой забавный и ловкій бѣсенокъ, что вызывалъ улыбку на губахъ старшаго брата.

Клодъ помѣстилъ его въ ту же школу, въ которой самъ провелъ свою трудолюбивую юность, и тяжело было ему слышать, что это святилище, гордившееся прежде именемъ Фролло, теперь стыдилось его. Онъ часто дѣлалъ брату строгія внушенія по этому поводу, на которыя тотъ обращалъ мало вниманія. Впрочемъ у шалуна было доброе сердце, что видимъ мы въ каждомъ героѣ комедіи, которое однакожь не мѣшало ему продолжать свои похождения тотчасъ послѣ проповѣди старшаго братца. То онъ колотилъ новичковъ (трогательное преданіе, сохранившееся до нашихъ дней), то становился во главѣ школьничковъ, отправлявшихся классически разбивать кабакъ и выпивать вино до послѣдней капли. За этимъ слѣдовалъ великолѣпный латинскій рапортъ, который субъ-инспекторъ, съ плачевной миной, подносилъ Клоду: *Rida, prima causa vinum optimum rotatum*. Наконецъ носился ужасный слухъ для шестнадцатилѣтняго мальчика, будто онъ часто посѣщалъ улицу Глатиньи.

Разочарованный въ своихъ свѣтскихъ привязанностяхъ, Клодъ еще съ большимъ рвеніемъ отдался наукѣ, этой сестрѣ, которая не захохочетъ вамъ въ глаза и всегда платитъ за попеченія, хоть ино-

гда пустой монетой. Онъ дѣлался все ученѣе, слѣдственно все строже какъ священникъ и все печальнѣе какъ человѣкъ. У каждаго изъ насъ есть паралель между нашимъ умомъ, нравами и характеромъ, которые безостановочно развиваются и разрозниваются только при какомъ-нибудь жизненномъ кризисѣ.

Такъ какъ Клодъ, съ ранняго возраста, прошелъ почти весь кругъ человѣческихъ знаній положительныхъ и законныхъ, а жажда дѣятельности была далеко не насыщена, то онъ неминуемо долженъ былъ пойти дальше. Древній символъ змѣи, укусившей себя за хвостъ, всего болѣе можетъ быть примѣненъ къ наукѣ. Клодъ Фролло испыталъ это. Многіе утверждали, что исчерпавъ дозволенные пути науки онъ обратился къ недозволеннымъ. Онъ перепробовалъ всѣ плоды древа познанія, и отъ голода или пресыщенія дошелъ наконецъ до запрещеннаго плода. Онъ принималъ участіе, какъ извѣстно читателю, въ конференціяхъ сорбонскихъ теологовъ, испробовалъ всю кухню, разрѣшаемую четырьмя факультетами и все-таки ощущалъ голодъ. Тогда онъ сталъ подкапываться глубже, дальше всей этой науки матерьяльной и ограниченной, онъ рискнулъ можетъ-быть своею душою и сѣлъ за темную трапезу алхимиковъ, астрологовъ, герметиковъ, которыхъ Аверроесъ, Вильгельмъ парижскій и Николай Фламель были представителями въ средніе вѣка и который восходитъ на востокъ, при свѣтѣ семисвѣчника, до Соломона, Пифагора и Зороастра.

Таковы были покрайней-мѣрѣ людскія предположенія. Положительно вѣрно, что архидіаконъ часто посѣщалъ кладбище *des Saints Innocents*, гдѣ были схоронены его отецъ и мать съ другими жертвами чумы 1466 года, но правда и то что онъ гораздо меньше останавливался надъ ихъ могилами, чѣмъ надъ странными знаками, украшавшими памятники Николая Фламеля и Клода Пернела, схороненныхъ неподалеку.

Часто видѣли какъ онъ проходилъ по ломбардской улицѣ и украдкой пробирался въ маленькій домикъ, который Николай Фламель выстроилъ и въ которомъ умеръ около 1417 года. Съ тѣхъ поръ онъ стоялъ пустой и началъ уже разрушаться: такъ герметики всѣхъ странъ исколупали его стѣны однимъ записываніемъ своихъ именъ. Нѣкоторые изъ сосѣдей утверждали даже, что видѣли будто архидіаконъ рылъ землю въ подвалѣ, столбы котораго были испещрены іероглифами самимъ Фламельемъ. Предполагали, что Фламель зарылъ въ этомъ подвалѣ философскій камень, и алхимики, впродол-

женіи двухъ вѣковъ, перерывали его до тѣхъ поръ, пока домъ не разрушился окончательно.

У архидіакона явилась также особая страсть къ символическому порталу собора богоматери, этой странной страницѣ, написанной каменными буквами епископомъ Вильгельмомъ парижскимъ, который вѣроятно былъ проклятъ за прибавку этого адскаго фронтисписа къ святой поэмѣ, которую выражаетъ все остальное зданіе. Говорятъ, что Клодъ Фролло изучилъ также колоссальную статую св. Христофора, которую народъ прозвалъ *monsieur Legris*. Но что каждому бросалось въ глаза, это его иродолжительное сидѣнье на паперти и разсматриваніе скульптурныхъ украшеній портала. Онъ по цѣлымъ часамъ не сводилъ глазъ съ мудрыхъ дѣвъ, прямо державшихъ свѣтильникъ и съ юродивыхъ, опрокинувшихъ его, или выискивалъ глазами мѣсто, гдѣ можетъ лежать философскій камень, если онъ не скрытъ въ подвалѣ Фламея. Соборъ богоматери былъ въ равной степени дорогъ двумъ существамъ, но совершенно различнымъ побужденіямъ: Клоду Фролло и Квазимодо. Одинъ, неполное подобіе человѣка, любилъ его за красоту и гармонию частей; другой, страстный ученый, за значеніе, за мифъ, за смыслъ, который въ немъ заключается, за символы разбросанные по его фасаду, за загадочность, съ которой онъ представлялся уму человѣческому.

Положительно знали также, что архидіаконъ устроилъ себѣ на одной изъ башенъ, выходящей на гревскую площадь, неподалеку отъ помѣщенія колоколовъ, маленькую келью, въ которую даже самъ епископъ не входилъ безъ его разрѣшенія. Эта комнатка была сдѣлана на самомъ верху башни епископомъ Гюго безансонскимъ, и въ ней-то онъ производилъ свои колдовства. Никто не зналъ что заключалось въ этой кельѣ, но видѣли ночью красноватый свѣтъ, загоравшійся и исчезающій всегда въ извѣстное время. Пламя это казалось раздували мѣхами. Старухи говорили, что это архидіаконъ раздуваетъ адское пламя.

Все это еще не положительное доказательство колдовства, но достаточное, чтобы предположить его возможность, такъ что архидіаконъ пользовался страшной извѣстностью. Надо однакожь замѣтить, что не было болѣе ревностнаго преслѣдователя и доносчика всякой самонаглѣйшей египетской магіи, будь она самая невинная. Дѣлалось ли это по убѣжденію или изъ желанія укрыть самого себя, но Клодъ Фролло тѣмъ неменѣе считался въ монастырѣ душой блуждающей въ преддверіи ада. Народъ также не давался въ обманъ. Всякій

здравомыслящій человекъ зналъ, что Квазимодо дьяволъ, а Клодь Фролло колдунъ. Звонарь приставленъ къ архидіакону, чтобы служить ему на землѣ и унести потомъ его душу въ адъ. Итакъ, несмотря на свою строгую жизнь, Клодь Фролло пользовался дурной славой и святоши открещивались отъ него втихомолку.

Очевидно, что въ душѣ архидіакона произошли съ лѣтами многія потрясенія. Это замѣтно было по его лицу, сквозь которое душа проглядывала какъ сквозь темное облако. Откуда этотъ обнаженный лобъ; отчего голова всегда такъ низко опущена на грудь? Какая тайная мысль вызываетъ на губы эту горькую усмѣшку, между тѣмъ какъ брови сходятся какъ два быка, готовящіеся къ дракѣ? Почему его рѣдкіе волосы посѣдѣли? Откуда этотъ огонь взгляда, дѣлающій глаза похожими на отверстіе раскаленной нечи?

Эти симптомы душевной тревоги особенно усилились въ то время когда происходитъ нашъ рассказъ. Нѣсколько разъ церковный прислужникъ убѣгалъ въ страхѣ, встрѣтивъ его одного въ церкви, — такъ странны были его глаза. Часто, во время службы, сосѣди его слышали какъ онъ къ обыкновеннымъ молитвамъ, примѣшивалъ какія-то невнятные фразы. Не одинъ разъ, женщина, которой поручено было мыть церковныя вещи, съ ужасомъ замѣчала слѣды ногтей на стихарѣ архидіакона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ строгость его жизни еще усилилась. По сану и по характеру, онъ всегда удалялся отъ женщинъ; теперь онъ возненавидѣлъ ихъ еще болѣе. Одинъ шелестъ шолковаго платья заставлялъ его опускать капюшонъ на глаза. Строгость его по этому поводу дошла до того, что когда г-жа де Божё, дочь короля, желала посѣтить монастырь въ декабрѣ 1481 г., онъ горячо противился этому, напомнивъ епископу, что въ статутѣ св. Варфоломея 1334 г. запрещенъ входъ въ монастырь всякой женщинѣ «молодой или старой, госпожѣ или служанкѣ». На что епископъ вынужденъ былъ отвѣчать ему, что легатъ Одо выдалъ постановленіе, исключющее изъ общаго правила нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ: *aliquae magnates mulieres, quae sine scandalo evitari non possunt*. Архидіаконъ протестовалъ и противъ этого, утверждая, что постановленіе легата сто двадцатью семью годами моложе Черной книги, стало-быть было опровергнуто ею. И онъ отказался явиться къ принцессѣ.

Замѣтили также, что его ненависть къ египтянкамъ и цыганкамъ усилилась съ нѣкотораго времени. Онъ выхлопоталъ у епископа указъ, запрещавшій имъ плясать въ виду соборной паперти и на-

чалъ очень старательно рыться въ судебныхъ архивахъ , отыскивая осужденіе на сожженіе или на висѣлицу за колдовство при помощи козъ , свиней или козловъ .

VI

НЕПОПУЛЯРНОСТЬ

Мы уже говорили , что архидіаконъ и звонарь мало пользовались расположеніемъ людей , живущихъ въ окрестностяхъ собора . Когда они шли вмѣстѣ , что случалось нерѣдко , слуга сзади своего господина , много насмѣшекъ и бранныхъ словъ посылалось имъ вслѣдъ , если только (но это былъ уже совсѣмъ рѣдкій случай) Клодъ Фролло не поднималъ головы и не окидывалъ толпы своимъ пронизательнымъ , внушающимъ уваженіе и трепетъ взглядомъ .

То мальчишка рисковалъ своими боками изъ удовольствія всунуть булавку въ горбъ Квазимодо . То молодая дѣвушка , съ большей развязностью чѣмъ слѣдуетъ въ ея лѣта , задѣвала платьемъ архидіакона и пѣла ему подъ носъ : *Niche , niche , le diable est pris* . Иногда куча старухъ , разсѣвшихся на паперти , подымала ворчанье при приближеніи Клода и звонаря , напутствуя ихъ привѣтствіемъ : «вотъ у этого душа такая же безобразная , какъ у того тѣло!» То толпа школьниковъ посылала имъ латинское привѣтствіе : *Eia ! eia ! Claudius cum claudio !*

Чаще всего ни архидіаконъ , ни звонарь не замѣчали оскорбленій . Чтобъ слышать всѣ эти привѣтствія , Квазимодо былъ слишкомъ глухъ , а Клодъ слишкомъ задумчивъ .

КНИГА ПЯТАЯ

I

ABBAS BEATI MARTINI

Слава домъ-Клода разнеслась далеко . Ей обязанъ онъ былъ , около того времени какъ отказался явиться къ г-жѣ де Божѣ , однимъ посѣщеніемъ , о которомъ онъ долго помнилъ .

Это было вечеромъ . Онъ удалился послѣ службы въ свою уеди-

венную келью. Въ ней, кромѣ нѣсколькихъ банокъ съ порошкомъ подозрительнаго свойства, ничто не наводило на мысль о таинственности. Были надписи на стѣнахъ, но только извлеченныя изъ научныхъ книгъ или отцовъ церкви. Архидіаконъ усѣлся при свѣтѣ трехрожковой лампы за кучу манускриптовъ, облокотился на большую книгу *de Proedestinatione et libero Arbitrio* и передистывалъ, въ сильной задумчивости, только-что принесенный имъ печатный *in folio*, единственное произведение типографскаго станка во всей его кельѣ. Въ это время стукнули въ дверь.

— Кто тамъ? крикнулъ ученый тономъ привѣтствія голодной собаки, которой помѣшали глотать кость.

Голосъ отвѣчалъ :

— Другъ, Жакъ Куатье.

Онъ отперъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это былъ королевскій врачъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, котораго суровая фізіономія смягчалась хитрымъ взглядомъ. За нимъ слѣдовала другая личность. Оба окутаны были въ стѣрыхъ плащахъ съ головою, руки ихъ были скрыты подъ рукавами, ноги подъ длиннымъ платьемъ, глаза подъ капюшономъ.

— Помоги мнѣ господи, не ожидалъ я такихъ почетныхъ гостей въ этотъ часъ, сказалъ Фролло, бросая безпокойные взгляды на спутника доктора.

— Никогда не поздно посѣтить такого знаменитаго ученаго, какъ домъ-Клодъ Фролло тиршапскій, отвѣчалъ Куатье, растягивая каждое слово какъ шлейфъ знатной дамы.

Тогда начался между гостемъ и архидіакономъ обмѣнъ предварительныхъ учтивостей, безъ котораго нельзя было въ то время двумъ ученымъ приступить къ серьезному разговору, что впрочемъ не шло имъ отъ души ненавидѣть другъ друга. Впрочемъ и въ наше время похвалы одного ученаго другому заключаютъ на днѣ огромный запасъ жолчи.

Комплименты Фролло намекали всего болѣе на существенныя выгоды, которыя Куатье умѣлъ извлечь, во время своей славной карьеры, изъ болѣзней короля, — алхимическая операція, приносящая гораздо болѣе пользы, чѣмъ отыскиваніе философскаго камня.

— По истинѣ, г. докторъ, я былъ душевно радъ назначенію въ епископы вашего племянника. Онъ кажется епископомъ амиенскій?

— Да, г. архидіаконъ, это подлинно милость божія.

— Знаете, что вы были величественны на рождествѣ во главѣ вашихъ подчиненныхъ по счетной палатѣ, г. президентъ.

— Еще только вице-президентъ, не болѣе, домъ-Клодь.

— Какъ идетъ постройка вашего великолѣпнаго дома? Это про-сто лувръ. Мнѣ очень нравится абрикосовое дерево, вырѣзанное на двери, съ замысловатой подписью: A l'abri-cotier.

— Увы, домъ-Клодь, эта каменная постройка стоитъ огромныхъ денегъ. По мѣрѣ окончанія работъ, я раззоряюсь.

— О, у васъ есть еще доходы съ тюрьмы, съ откуповъ со всѣхъ домовъ, лавокъ, прилавковъ, сорныхъ трубъ, харчевенъ, а это порядочный кусочекъ.

— Мое имѣніе въ Пуасси не принесло мнѣ нынѣшній годъ, никакого дохода.

— А ваши дорожныя пошлины въ Триелъ, въ Сень-Жамъ, въ Сень-Жерменъ всегда неизмѣнны.

— Всего только сто-восемьдесятъ ливровъ, ни копѣйки больше.

— А ваша должность королевскаго совѣтника; на нее-то нельзя пожаловаться.

— Да, но это проклятое помѣстье Полиньи, о которомъ такъ много толковали, приносить менѣе шестидесяти экю золотомъ, и то не каждый годъ.

Въ словахъ домъ-Клода былъ тотъ сардоническій, скрытно-насмѣшливый тонъ, на губахъ блуждала та грустно-злая улыбка, съ которой человѣкъ, сознающій себя несчастнымъ и нравственно-высшимъ, разговариваетъ съ натурой вульгарной. Куатье не замѣчалъ этого.

— Право, сказалъ наконецъ Клодь, пожимая ему руку, я радъ что вижу васъ въ такомъ добромъ здоровьѣ.

— Много благодаренъ, домъ-Клодь.

— Кстати, какъ здоровье вашего царственнаго пациента?

— Онъ плохо платитъ своему доктору, отвѣчалъ Куатье, бросая взглядъ на пришедшаго съ нимъ незнакомца.

— Ты находишь, кумъ Куатье? отвѣчалъ незнакомецъ.

Эти слова, произнесенныя тономъ удивленія и упрека обратили на говорящаго вниманіе архидіакона, который до этой минуты и не взглянулъ на него хорошенько. Нужно было содѣйствіе такого вліятельнаго и опаснаго лица, какъ всемогущій докторъ Людовика XI, для того чтобы Фролло допустилъ въ свою келью неизвѣстную лич-

ность. Лицо его и теперь не выразило удовольствія при слѣдующихъ словахъ Куатье.

— Кстати, домъ-Клодь, я привелъ къ вамъ собрата, который непремѣнно хотѣлъ васъ видѣть, наслышавшись о вашей славѣ.

— Онъ также занимается наукой? спросилъ архидіаконъ, устремивъ на спутника Куатье свои пронизательные глаза. Изъ-подъ бровей незнакомца блеснулъ такой же, еще болѣе недовѣрчивый взглядъ. Это былъ, насколько позволялъ разсмотрѣть слабый свѣтъ лампы, старикъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, съ болѣзненнымъ видомъ. Его профиль, хотя съ мѣщанскими линіями, имѣла что-то могучее и строгое; глаза его блистали изъ-подъ круглыхъ бровей, какъ свѣча изъ глубины пещеры, а подъ капюшономъ, закрывавшимъ верхнюю половину лица, можно было угадать широкій, геніальный лобъ.

Онъ самъ отвѣтилъ архидіакону :

— Достопочтенный отецъ, началъ онъ серьезнымъ тономъ : — ваша слава дошла до меня и я рѣшился спросить у васъ совѣта. Я бѣдный провинціальный дворянинъ, снимающій башмаки у дверей великихъ ученыхъ. Мое имя Туранжо.

— Странное имя для дворянина, подумалъ архидіаконъ. Впрочемъ онъ чувствовалъ, что видитъ передъ собою кого-то сильнаго и серьезнаго. Инстинктомъ своего ума онъ угадалъ другой сильный умъ подъ мѣховою шапкой Туранжо, и выраженіе насмѣшливости при разговорѣ съ Куатье исчезло мало-помалу, какъ сумерки съ наступленіемъ ночи. Онъ серьезно усѣлся на свое обычное мѣсто и подперъ голову рукою. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ знакомъ попросилъ гостей сѣсть и обратился къ Туранжо.

— Вы хотите совѣтоваться со мною, а по какой наукѣ?

— Я болѣнъ, очень болѣнъ; вы, говорятъ, великій эскулапъ и я пришолъ просить у васъ медицинскаго совѣта.

— Медицинскаго! сказалъ архидіаконъ, покачивая головою. Онъ подумалъ нѣсколько минутъ и сказалъ : — Ну, Туранжо, если это на самомъ дѣлѣ ваше имя, обернитесь назадъ и прочтите мой отвѣтъ на стѣнѣ.

Туранжо нашолъ надъ своей головою надпись : *медицина есть зимера.*

Между тѣмъ, Куатье, съ замѣтной досадою выслушавшій вопросъ своего сотоварища, пришолъ еще въ большее негодованіе отъ отвѣта. Онъ склонился къ уху Туранжо и сказалъ ему :

— Я говорилъ вамъ, что онъ сумашедшій. Убѣдились ли вы?

— А пожалуй этотъ безумный и правъ, докторъ, отвѣчалъ тотъ съ горькой усмѣшкой.

— Думайте что угодно, сухо отвѣчалъ Куатъе и обратился къ архидіакону: — Вы скоры на рѣшенія, домъ-Клодь, и Гипократъ даетъ вамъ не болѣе труда, чѣмъ орѣхъ обезьянѣ. Медицина хи-мера! Будь здѣсь фармацевты, они растерзали бы васъ. Стало быть вы отвергаете вліяніе лекарствъ на кровь, мазей на тѣло? Вы отвергаете цѣлебную силу растений и металовъ, эту вѣчную міровую антеку, созданную для вѣчно больного человѣка!

— Я не отвергаю ни больныхъ, ни аптеки, холодно отвѣчалъ Клодь, я отвергаю доктора.

— Стало не правда, продолжалъ Куатъе съ жаромъ, что подагра есть внутренній лишай, что рану, сдѣланную огнестрѣльнымъ оружіемъ, можно вылечить, приложивъ къ ней жаренную мышъ, что вливаніе молодой крови въ старыя жилы возвращаетъ молодость; не правда развѣ, что дважды два четыре?

Архидіаконъ отвѣчалъ равнодушно: — Есть вещи, о которыхъ я думаю по своему.

Куатъе покраснѣлъ отъ злобы.

— Тише, не сердись Куатъе, вмѣшался Туранжо, г. архидіаконъ нашъ другъ.

Куатъе успокоился, бормоча про себя: впрочемъ, онъ сумашедшій!

— Вы смутили меня, мѣтръ Клодь, началъ Туранжо, послѣ нѣкотораго молчанія, а я хотѣлъ было предложить вамъ еще вопросъ, касающійся моей звѣзды.

— Напрасно вы трудились подниматься по моей лѣстницѣ, милостивый государь, я не вѣрю ни въ медицину, ни въ астрологію.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ удивленный собесѣдникъ.

Куатъе смѣялся насильственнымъ смѣхомъ. Видите ли наконецъ, что онъ безумный, шепталъ онъ Туранжо: — онъ не вѣритъ въ астрологію!

— Есть ли возможность допустить, продолжалъ Клодь, что каждый звѣздный лучъ — нитка, прикрѣпленная къ головѣ человѣка!

— Чему-жъ вы вѣрите! вскричалъ Туранжо.

Архидіаконъ съ минуту остался въ нерѣшимости, потомъ отвѣчалъ съ мрачной улыбкой: — *Credo in Deum.*

— *Dominum vestrum*, прибавилъ Туранжо съ крестнымъ знаменіемъ.

— Amen, сказалъ Куатье.

— Почтенный отецъ, продолжалъ Туранжо, я душевно радъ найти въ васъ такія твердыя религіозныя убѣжденія; но неужели такой ученый какъ вы можете невѣрить въ науку?

— Нѣтъ, отвѣчалъ архидіаконъ, схвативъ Туранжо за руку, и лучъ энтузіазма блеснулъ въ его отуманенномъ взорѣ: — нѣтъ, я не отвергаю науки. Не даромъ я преосмыкался въ пыли, недаромъ блуждалъ въ непроходимыхъ изгибахъ пещеры; передо мной мерцалъ слабый свѣтъ, легкое пламя, что-то такое, вѣроятно отблескъ центральной лабораторіи, въ которой люди подстерегли божество.

— Чтоже считаете вы истиннымъ и вѣрнымъ?

— Алхимію.

Куатье вступился. — Конечно, домъ-Клодь, алхимія имѣетъ свои научныя стороны, но за чтоже оскорблять астрологію и медицину?

— Ничтожество ваше познаніе человѣка! Ничтожество ваше изученіе тѣлъ небесныхъ, съ силою произнесъ архидіаконъ.

— Поспѣшно сказано! усмѣхаясь промолвилъ Куатье.

— Слушайте, мессиръ Жакъ. Я говорю по совѣсти. Я не королевскій докторъ и мнѣ никто не дарилъ лабиринта для обсерваторіи. Не сердитесь и слушайте. Какую истину извлекли вы, не говорю изъ медицины, это ужъ слишкомъ безумная наука, а изъ астрологіи? Всѣ ваши формулы — заблужденія, между-тѣмъ какъ въ алхиміи есть настоящія открытія. Можете вы развѣ опровергнуть такой результатъ: Ледъ находящійся подъ землею тысячу лѣтъ обращается въ горный хрусталь. Свинецъ родоначальникъ всѣхъ металловъ, потому что золото не металл: это свѣтъ. Свинцу нужно четыре періода, каждый по двѣсти лѣтъ, чтобъ перейти въ состояніе ртути, изъ ртути въ олово, изъ олова въ серебро. Вѣдь это факты, между тѣмъ какъ вѣрить въ магнетическое вліяніе, въ полный лучъ и въ звѣзды также смѣшно какъ вѣрить что иволга можетъ обратиться въ крота, а хлѣбные колосья въ рыбу особой породы!

— Я изучалъ герметіку, вскричалъ Куатье, и утверждаю.

Воспламенившійся архидіаконъ не далъ ему докончить.

— А я изучалъ медицину, астрологію и герметіку. Здѣсь только заключается истина (говоря это, онъ снялъ съ полки банку съ порошкомъ, о которомъ мы говорили выше). Здѣсь только свѣтъ!

Гипократъ, все это мечта; Уранія мечта, Гермесь мысль Золото, это солнце; сдѣлать золото значить быть Богомъ. Вотъ единственная наука. Я до послѣднихъ предметовъ исчерпалъ медицину и астрологію, — ничтожество! ничтожество! Человѣческое тѣло — хаосъ! небесныя тѣла — ничто!

И онъ опустился въ кресло съ вдохновеннымъ лицомъ. Туранжо молча слѣдилъ за нимъ. Куатье сѣлился презрительно улыбнуться и повторялъ, пожимая плечами: безумный!

— А достигли ль вы цѣли, спросилъ вдругъ Туранжо, получили ли вы золото?

— Еслибы я этого достигъ, медленно отвѣчалъ архидіаконъ, короля Франціи звали бы Клодомъ, а не Людовикомъ.

Незнакомецъ нахмурилъ брови.

— Что я говорю, продолжалъ Клодъ съ презрительной улыбкой, что мнѣ корона Франціи, когда я могъ бы возстановить Восточную имперію!

— Вотъ это дѣло! сказалъ Туранжо.

— О, бѣдный безумецъ! сказалъ Куатье.

Архидіаконъ продолжалъ, отвѣчая на свои собственные мысли: — Но нѣтъ, я еще пресмыкаюсь; я царапаю лицо и колѣна о подземные камни. Я только предчувствую, но не вижу! Я не читаю, а только складываю!

— А когда выучитесь читать, станете дѣлать золото?

— Кто сомнѣвается въ этомъ?

— Въ такомъ случаѣ Богу извѣстно какъ мнѣ нужны деньги и я хотѣлъ бы также научиться читать по вашимъ книрамъ. Скажите, достопочтенный отецъ, ваша наука не противна Богу?

На этотъ вопросъ домъ-Клодъ отвѣчалъ съ высокомернымъ спокойствіемъ: Какже бы могъ я быть архидіакономъ?

— Правда, правда. Ну такъ поучите меня складамъ.

Клодъ принялъ торжественную осанку Самуила.

— Старикъ, нужно много лѣтъ, чтобъ пройти эту таинственную стезю. Твоя голова постѣбла! Къ цѣли приходятъ, правда, съ сѣдой головою, но въ путь отправляются съ черными волосами. Наука и сама умѣетъ засушить и провести морщины по лицу человѣка, ей не нужно содѣйствія старости. Если впрочемъ васъ томить жажда познанія, если въ ваши годы вы рѣшаетесь приступить къ азбукѣ мудрыхъ, приходите ко мнѣ, я попробую. Я не пошлю васъ, бѣднаго старика, смотрѣть внутренность пирамидъ, о

которыхъ говорить Геродотъ , на кирпичную вавилонскую башню, на индійскій храмъ изъ бѣлаго мрамора. Я самъ не видалъ халдейскихъ построекъ по образу Сихры , ни разрушеннаго храма Соломона, ни каменныхъ вратъ гробницы царей израильскихъ. Мы ограничимся отрывками изъ книги Гермеса , которая здѣсь. Я объясню вамъ статую св. Христофора, символъ сѣятеля и двухъ ангеловъ на порталѣ св. часовни , у одного изъ которыхъ одна рука въ чашѣ , а другая въ облакѣ.

Здѣсь Жакъ Куатье , котораго сбили съ толку горячія реплики Фролло , собрался съ силами и прервалъ его , съ торжествующимъ видомъ ученаго , осаживающаго своего собрата : — *Ergas, amici Claudi*. Символъ не есть число. Вы принимаете Орфеуса за Гермеса.

— Вы сами ошибаетесь. Дедалусъ это фундаментъ; Орфеусъ стѣна; Гермесъ это знаніе, это цѣлое. Вы придете , когда вамъ будетъ угодно, продолжалъ онъ, обращаясь къ Туранжо, и я покажу вамъ песчинки золота, оставшіяся на днѣ плавильника Николая Фламеля; вы сравните ихъ съ золотомъ Вильгельма парижскаго. Я объясню вамъ таинственный смыслъ греческаго слова *peristera*. Но прежде всего, я заставляю васъ прочесть мраморныя буквы, гранитныя страницы книги. Мы пойдемъ отъ портала Гильома къ св. часовнѣ, потомъ къ дому Фламеля, къ его могилѣ. Мы будемъ вмѣстѣ складывать фасады *Sainte Côme, Sainte Geneviève des Ardents*.

Уже давно Туранжо , какъ ни былъ разуменъ его взглядъ , казалось пересталъ понимать Клода Онъ прервалъ его : — Чтоже это у васъ за книги?

— Вотъ одна изъ нихъ, сказалъ архидіаконъ.

Отворивъ окно кельи , онъ указалъ на громадный фасадъ собора богоматери , казавшійся огромнымъ сфинксомъ съ двумя головами, сидящимъ посреди города.

Архидіаконъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ молча на гигантское зданіе , потомъ положилъ одну руку на печатную книгу, а другою указывая въ окно, сказалъ со вздохомъ. *Увы! одно убьетъ другое!*

Куатье , поспѣшно заглянувшій въ книгу , вскричалъ : — Да чтожъ такого опаснаго видите вы въ *Glossa in epistolas D. Pauli. Norimbergæ, Antonius Koburger, 1474*? Это даже не ново. Это книга Пьера Ломбара толкователя притчей. Опасность можетъ быть въ томъ, что она напечатана?

— Именно , сказалъ Клодъ , продолжая стоять въ задумчивости,

положивъ руку на изданіе, вышедшее изъ знаменитой типографіи Нюренберга. Увы! маленькія вещи всегда порабощаютъ большія; одинъ зубъ можетъ осилить цѣлую массу. Нильская крыса убиваетъ крокодила, книга убьетъ зданіе!

Колоколъ о потушеніи огня раздался въ монастырской оградѣ въ то время какъ Куатье шепталъ своему спутнику: Онъ сумасшедшій! — на что и спутникъ отвѣчалъ въ этотъ разъ: — Кажется что такъ!

Это былъ часъ, въ который никто изъ постороннихъ не могъ болѣе оставаться въ монастырѣ. Посѣтители вышли. Туранжо сказалъ, прощаясь съ архидіакономъ: — Я люблю великихъ ученыхъ, а васъ уважаю въ особенности. Приходите завтра въ Турнельскій замокъ и спросите аббата Сен-Мартена турскаго.

Архидіаконъ былъ пораженъ. Онъ понялъ, наконецъ кто былъ Туранжо, припомнивъ мѣсто въ собраніи монастырскихъ грамотъ Сен-Мартена турскаго: *Abbas beati Martini, Scilicet rex Franciæ, est canonicus de consvetudine et habet parvam præbendam quam habet sanctus Venantius et debet sedere in sede thesaurarii.*

Утверждаютъ, что съ этихъ поръ, архидіаконъ имѣлъ частыя совѣщанія съ Людовикомъ XI, когда онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и что вліянію дома-Клода завидовали придворный цирюльникъ и Куатье, позволявшій себѣ даже журить за это короля.

II

ОДНО УБЬЕТЪ ДРУГОЕ

Наши читательницы извиняютъ, если мы остановимся и поищемъ, какая мысль скрывалась подъ словами архидіакона: *Одно убьетъ другое.* Книга убьетъ зданіе.

По нашему мнѣнію, эту мысль нужно понимать двояко. Это была мысль священника, испугъ духовной власти передъ новымъ учителемъ — типографіей. Это кафедра и манускрипты, рѣчь изустная, и рѣчь письменная, возстающіе противъ печатнаго слова. Это восклицаніе пророка предъ будущей эмансипаціей человѣчества, который видитъ въ будущемъ торжество разума надъ предрассудками, общественнаго мнѣнія надъ вѣковымъ преданіемъ, видитъ свѣтскую власть, свергающую иго Рима. Это предчувствіе философа, который

видить, что мысль, улетучившись въ печати, отдѣлится отъ теократическаго начала. Это боязнь солдата, осматривающаго чугунный шарикъ и думающаго: башня падеть. Это значило, что одна сила замѣнить другую, что книгопечатаніе ослабитъ власть папъ.

Но подъ этой простой мыслью скрывалась еще другая, болѣе новая, которую не такъ легко схватить, какъ первую, — такой же философскій взглядъ, только не священника, а ученаго и художника. Это было предчувствіе, что человѣческая мысль, измѣнивъ форму, измѣнитъ и способъ выраженія, что капитальная мысль каждаго поколѣнія не будетъ выражена одинаково; что каменная книга, такая прочная и долговѣчная, уступитъ мѣсто книгѣ бумажной, еще болѣе прочной и долговѣчной. Съ этой стороны, неясная формула архидіакона имѣла еще другой смыслъ; она значила, что одно искусство уничтожить другое, что книгопечатаніе убьетъ архитектуру. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала вѣка до XV столѣтія христіанской эры, архитектура была главнымъ выраженіемъ человѣческаго развитія въ материальномъ и нравственномъ отношеніи.

Когда память первыхъ поколѣній была уже слишкомъ переполнена воспоминаніями и живого слова сдѣлалось недостаточно для ихъ передачи, ихъ тотчасъ записали самымъ естественнымъ способомъ: каждое преданіе выражали памятникомъ.

Первые памятники были просто обломки скалъ, *до которыхъ не касалось желѣзо*, говорить Моисей. Архитектура началась какъ всякая письменность. Сначала она была азбукой. Ставили камень вмѣсто буквы и каждый камень былъ іероглифомъ, каждый іероглифъ заключалъ въ себѣ группу идей, какъ капитель на колонѣ. Такъ поступали первыя поколѣнія на всѣхъ концахъ міра. Цельтичeskіе камни, поставленные ребромъ, находятъ въ азіатской Сибири, въ пампахъ Америки.

Позднѣе изобрѣли слова. Стали класть камень на камень, соединять гранитные слогги. Дольманъ и Кромлехъ цельтовъ, этрусскій курганъ, — уже слова. Нѣкоторыя, въ особенности курганъ, суть имена собственные. Иногда, если было много камней и мѣста, писали цѣлую фразу. Огромное количество камней Карнака есть уже цѣлая формула.

Наконецъ составили книги. Преданія породили символы, подъ которыми они скрывались, какъ стволъ дерева подъ листьями; всѣ эти символы, въ которые человѣчество вѣрило, росли, размножались, дѣлались сложнѣе, первые памятники были уже слишкомъ тѣсны

для нихъ ; эти памятники уже едва выражали первое преданіе, простое, голое и пресмыкающееся по землѣ какъ они сами. Символь долженъ былъ выразиться въ зданіи. Архитектура развивалась наравнѣ съ человѣческой мыслью; она возросла до гиганта съ тысячу головъ и рукъ, и заключила въ вѣчную форму видимую, осязаемую весь разбросанный символизмъ. Между тѣмъ какъ Дедалъ, который есть сила, — мѣрилъ, Орфей, выразившій понятіе, пѣлъ; столбъ, выражающій букву, сводъ слогъ, а пирамида слово, приведенныя въ движеніе геометрическимъ и поэтическимъ закономъ, группировались, сливались, возвышались этажами до неба, пока не написали, подъ диктантъ общей идеи вѣка, тѣхъ дивныхъ книгъ, которыя въ тоже время были и дивными зданіями, какъ напримѣръ храмъ Соломона.

Общая идея была не только въ основаніи, но и въ формѣ этихъ зданій. Храмъ Соломона былъ не только переплетомъ священной книги, но и самою книгою. Въ каждомъ его отдѣлѣ священники могли ясно читать живое слово, и переходя отъ одного священнаго предмета къ другому, все больше и больше уразумѣвать главный смыслъ, въ самой конкретной формѣ выраженный въ ковчегѣ, тоже архитектурномъ произведеніи. Итакъ смыслъ заключался во внутренности зданія, а выраженіе его въ наружной сторонѣ, какъ человѣческое лицо на гробѣ муміи.

И не только форма, но и мѣста, гдѣ помѣщалось зданіе, выражали ихъ назначеніе. Граціозные греческіе символы красовались на высокихъ горахъ, между тѣмъ, какъ безобразныя пагоды индійцевъ скрывались подъ землю, поддерживаемыя рядомъ гранитныхъ слоновъ.

Итакъ въ первыя шесть тысячъ лѣтъ архитектура замѣняла письмо у всѣхъ народовъ, начиная отъ древнѣйшей пагоды Индустана, до кельнскаго собора. Не только каждый религіозный символъ, но и каждая человѣческая мысль имѣетъ свой памятникъ и свою страницу въ этой громадной книгѣ.

Не надо думать, что каменная работа можетъ служить только къ постройкѣ храма, къ выраженію мифа, священнаго символизма, къ изображенію закона на этихъ таинственныхъ іероглифическихъ скрижаляхъ. Еслибы было такъ, архитектура не въ состояніи была бы воспроизвести новѣйшаго состоянія человѣческой мысли: ея листы не имѣли бы обратной стороны, ея книга не была бы полна. Она выражаетъ также и вліяніе философскихъ системъ

Возьмемъ для примѣра хоть средніе вѣка, какъ самыя близкіе къ намъ. Въ ихъ первый періодъ, когда теократія преобладаетъ въ Европѣ, когда Ватиканъ собираетъ вокругъ себя и возстановляетъ элементы новаго Рима изъ остатковъ Рима лежащаго въ развалинахъ у Капитолія, между тѣмъ какъ христіанство создаетъ новый іерархическій міръ, котораго центръ есть духовная власть, — изъ хаоса, подъ рукой христіанъ и варваровъ, возстаютъ остатки умершихъ архитектуръ греческой и римской, и создается таинственная романская архитектура, сестра теократическихъ намятниковъ Египта и Индіи, эмблема чистаго католицизма, нетлѣнный іероглифъ единства папской власти. Вся тогдашняя мысль выражается въ этомъ мрачномъ романскомъ стилѣ. Всюду чувствуется власть, единство, непроницаемое, неограниченное, Григорій VII; всюду видѣнъ священникъ, а не человѣкъ, повсюду каста, а не народъ. Но наступили крестовые походы. Это сильное народное движеніе. Нововведеніямъ открыта дорога. Начинается періодъ разныхъ *Jacqueries*, *Pragueries*, лиги. Власть колеблется, единство нарушается. Феодализмъ согласенъ раздѣлить владычество съ теократіей, въ ожиданіи народа, который непременно выдѣлитъ себѣ львиную долю, *quia posuitor leo*. Сюзерены просвѣчиваютъ сквозь духовную власть, община сквозь феодальныхъ владѣльцевъ. Видъ Европы измѣнился, архитектура тоже измѣнилась. Она перевернула страницу, какъ и цивилизація, и готова писать подъ диктантъ духа новаго времени. Она принесла изъ крестовыхъ походовъ стрѣльчатый сводъ. По мѣрѣ того какъ ослабѣваетъ Римъ, умираетъ и романская архитектура. Іероглифъ покидаетъ соборы и идетъ украшать феодальныя замки. Самый соборъ, это догматическое зданіе, подвергшись вторженію буржуа и общинъ, ускользнетъ изъ рукъ священника, чтобъ подпасть власти художника. Художникъ строитъ его по своему. Прощай таинственность, мифъ, законъ. Здѣсь все дѣло фантазіи и каприза. Былъ бы алтарь, а до остального священнику нѣтъ дѣла: стѣны принадлежатъ художнику. Архитектурная книга не принадлежитъ болѣе Риму, но поэзіи и народу. Отсюда быстрыя и безчисленныя архитектурныя измѣненія въ трехъ вѣкахъ, столь поразительныя послѣ шести или семи-вѣкового застоя романскаго стиля. Искусство шло гигантскими шагами. Геній и народная оригинальность взялись за дѣло епископовъ. Каждое поколѣніе оставляетъ свою строку въ книгѣ; оно вымарываетъ романскіе іероглифы на фасадахъ соборовъ и только кое-гдѣ догматизмъ просвѣчиваетъ изъ

подъ новаго символа. Народная драпировка почти скрываетъ прежній остова. Архитектура допускала тогда ужасныя вольности. Цѣлыя капители слетались изъ монаховъ и монахинь, какъ надъ каминами парижскихъ гостиныхъ. Приключеніе Ноя выставлено было *всѣми буквами*, какъ надъ порталомъ въ Буржѣ. Монахъ съ ослиными ушами, со стаканомъ въ рукахъ, смѣющийся въ глаза цѣлой общинѣ, красовался надъ умывальникомъ въ рошвильскомъ аббатствѣ. Тогда для мысли, выраженной на камнѣ, была эпоха свободы печати.

Свобода эта заходила очень далеко. Иногда порталъ, фасадъ, цѣлая церковь представляла символическій смыслъ, совершенно чуждый догмату. Съ XIII вѣка Вильгельмъ парижскій, Николай Фламель въ XV, написали нѣсколько возмутительныхъ страницъ въ этомъ родѣ. *Saint-Jaques de la Boucherie* была цѣлая оппозиція.

Мысль тогда не имѣла другой свободы, потому и выражалась только въ зданіяхъ. Будь она выражена въ другой формѣ, ее бы сожгли на площади рукою палача. И такъ имѣя одинъ только исходъ, мысль стремилась къ нему со всѣхъ сторонъ. Потому-то и возникло такое множество соборовъ въ Европѣ, что едва вѣришь, хотя несомнѣнные доказательства передъ глазами. Всѣ матерьяльныя и нравственныя силы общества сосредоточились на одномъ пунктѣ — архитектурѣ. Искусство являлось во всей своей силѣ при постройкѣ церквей.

Всякій, родившійся съ поэтическимъ даромъ, дѣлался архитекторомъ. Общество, славенное со всѣхъ сторонъ феодализмомъ, находило исходъ только въ архитектурѣ, и его илліады принимали форму соборовъ. Всѣ другія искусства подчинялись архитектурѣ: это были труженики для одной цѣли. Архитекторъ, поэтъ, маэстро выражали себя въ скульптурныхъ украшеніяхъ фасада, въ живописи на стеклахъ, въ музыкѣ колоколовъ и органовъ. Даже та бѣдная поэзія въ собственномъ смыслѣ слова, которая помѣщалась на страницахъ манускриптовъ, должна была, чтобы выйти на свѣтъ, какъ-нибудь войти въ составъ зданія, въ формѣ гимна или *прозы*: таже самая роль, какую играли трагедіи Эсхила въ священныя празднествахъ Греціи.

Итакъ до Гуттенберга архитектура была всеобщимъ, главнымъ письмомъ. Въ этой гранитной книгѣ, начатой востокомъ, продолжаемой греческой и римской древностью, средніе вѣка написали

послѣднюю страницу. Впрочемъ это явленіе народной архитектуры вслѣдъ за архитектурой касты произошло тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ другія историческія эпохи. Такъ на востокъ, въ этой колыбели первыхъ временъ, послѣ архитектуры индусовъ архитектура египетская, праматерь архитектуры арабской; въ древности послѣ египетской архитектуры, видоизмѣненія которой составляли этрусскій стиль и памятники циклопскіе, является греческая архитектура, продолженіе которой составляетъ романскій стиль; въ новѣйшіе вѣка романская архитектура замѣнилась готической. Раздѣливъ на двѣ стороны эти отдѣлы, въ трехъ старшихъ, индійской, египетской и романской архитектурѣ найдемъ одинъ и тотъ же символъ: теократію, касту, единство, догматъ, мифъ, Бога; а въ трехъ послѣднихъ: египетской, греческой и готической архитектурѣ, какъ бы ни была различна ихъ форма, одно общее значеніе: свобода, народъ, человѣкъ.

Называясь онъ браминомъ, жрецомъ или папой, присутствіе священника, и только священника, чувствуется въ постройкахъ индійскихъ, египетскихъ и романскихъ. Совѣтъ другое въ архитектурѣ народной: въ ней менѣе святости, но больше богатства. Въ египетской чувствуется купецъ; въ греческой — республиканецъ; въ готической — буржуа.

Общій характеръ теократическихъ построекъ, — неприкосновенность первоначальныхъ линий, страхъ прогресса, сохраненіе первыхъ типовъ, постоянное подчиненіе природныхъ формъ непонятнымъ капризамъ символизма. Это таинственныя книги, которыя могутъ разобрать только посвященные. Впрочемъ всякая форма, и даже безобразіе, имѣетъ въ ней свой непреложный смыслъ. Не требуйте отъ индійскихъ, египетскихъ или романскихъ построекъ улучшенія рисунка или лѣпной работы: всякое измѣненіе считается безбожнымъ. Догматъ разлитъ какъ второй каменный слой на всемъ зданіи. Характеръ народныхъ построекъ напротивъ есть разнообразіе, прогрессъ, оригинальность, богатство, постоянное движеніе. Онѣ уже не признаютъ незаконнымъ исправлять свои статуи и украшения. Онѣ сообразуются съ вѣкомъ. Въ нихъ что-то человѣческое примѣшивается къ божественному символу. Оттого-то эти постройки понятны каждой душѣ, каждому уму, каждому воображенію; онѣ еще символическія, но уже настолько доступны пониманію, какъ сама природа. Между теократической архитектурой и этой есть таже разница, какъ между языкомъ священнымъ и обык-

новеннымъ, между іероглифомъ и искусствомъ, между Соломономъ и Фидіемъ.

Если собрать все, что мы сказали поверхностно, выпуская тысячи доказательствъ и противорѣчій, получится слѣдующее: что архитектура была до XV вѣка главной записной книгой человечества: что въ это время не было ни одной сколько-нибудь сложной мысли, которая не выразилась бы въ зданіи; что всякая народная идея, какъ и всякій религіозный законъ, имѣла свои памятники; что наконецъ все важное, что думали люди, они записывали въ каменной книгѣ. А почему? Потому что всякая мысль религіозная или философская ищетъ распространенія; мысль возбуждавшая одно поколѣніе, хочетъ возбудить и другое и оставить слѣды. А манускриптъ — плохой залогъ безсмертія. Зданіе — книга болѣе прочная. Чтобъ уничтожить писанное слово достаточно свѣчи и турка; — чтобы разрушить слово построенное, нужна революція социальная или революція земного шара. Варвары прошли надъ Колизеемъ, потопъ можетъ-быть надъ пирамидами.

Въ XV вѣкѣ все измѣнилось.

Мысль нашла способъ размножаться, способъ не только болѣе прочный нежели архитектура, но и болѣе простой и легкой. Архитектура сошла съ пьедестала. Мѣсто каменныхъ буквъ Орфея заняли свинцовыя Гуттенберга.

Книга убила зданіе.

Изобрѣтеніе книгопечатанія одно изъ важнѣйшихъ событій исторіи. Это зародышъ революцій. Это способъ выраженія человеческой мысли, совершенно возобновившейся, это мысль сбрасывающая одну форму, чтобы принять другую, это полная и рѣшительная перемѣна кожи той символической змѣи, которая со временъ Адама изображала умъ.

Подъ печатной формой мысль больше чѣмъ когда-либо безсмертна; она недоступна уничтоженію. Она смѣшивается съ воздухомъ. Во времена архитектуры, она дѣлалась горою и овладѣвала мѣстомъ и вѣкомъ. Теперь она дѣлается стаей птицъ, разлетается во всѣ стороны и занимаетъ разомъ всѣ пункты воздуха и пространства.

Такимъ образомъ она въ бѣльшей безопасности. Изъ прочной она дѣлается живой, переходитъ отъ долговѣчности къ безсмертію. Массу можно разрушить, но какъ истребить вездѣсущее? Во время потопа гора уже будетъ давно покрыта водою, а птицы все еще бу-

дутъ носиться въ воздухѣ, и если завидяť хотѣ одинъ ковчегъ, то сядутъ на него, дождутся убавленія водъ, и новый мѣръ, вышедшій изъ этого хаоса, увидитъ надъ собою живую и крылатую мысль погребеннаго мѣра.

Кромѣ того, этотъ способъ выраженія мысли нетолько самый долговѣчный, но и самый простой, самый удобный, потомучто ему ненужно большихъ и громозкихъ атрибутовъ. Тогда какъ мысль, выраженная каменнымъ зданіемъ, требуетъ содѣйствія четырехъ или пяти другихъ искусствъ, бочекъ золота, груды камней, цѣлую массу лѣсовъ и работниковъ, — мысль выражаемая книгой требуетъ только чернилъ и бумаги. Какъ же было человечеству не предпочесть книгопечатанія архитектурѣ? Проройте каналъ ниже уровня рѣки и она измѣнитъ свое теченіе.

Потому—то съ открытіемъ книгопечатанія архитектура обдѣнѣетъ, чахнетъ. Чувствуется, что вода спадаетъ, живительная влага высыхаетъ, мысль времени и народовъ отклоняется отъ нея. Охлажденіе это почти еще незамѣтно въ пятнадцатомъ вѣкѣ, книгопечатаніе еще слишкомъ слабо и отнимаетъ у архитектуры только избытокъ жизни; но съ начала XVI болѣзнь архитектуры уже очевидна; она уже не вполне выражаетъ общество, она переходитъ въ искусство классическое; изъ галлійской, европейской, туземной, она дѣлается греческой и римской; изъ истинной и новѣйшей — псевдо-классической. Этотъ—то упадокъ назвали возрожденіемъ. Упадокъ впрочемъ блестящій потомучто древній готическій геній, это солнце, заходящее за гигантскую майнцкую типографію, освѣщаетъ еще своими послѣдними лучами эту смѣшанную массу латинскихъ сводовъ и коринфскихъ колонадъ.

Это—то заходящее солнце мы принимали за новую зорю.

Съ той минуты, какъ архитектура сошла на степень обыкновеннаго искусства, а не всеобъемлющаго, она перестала пользоваться содѣйствіемъ другихъ искусствъ. Они эмансипировались, свергнули его архитектора и пошли своею дорогою. Самостоятельность придаетъ силу. Лѣшная работа дѣлается скульптурой, расписыванье — живописью, церковные мотивы — музыкой. Будто большая имперія распадается по смерти своего Александра и обращается въ отдѣльныя королевства.

Тогда появились Рафаэль, Микель-Анджело, Жанъ-Гужу, Палестрина, эти свѣтила блистательнаго шестнадцатаго вѣка.

Въ одно время съ искусствомъ, эмансипируется и мысль. Сред-

невѣковыя ереси сдѣлали большой подрывъ католицизму. Шестнадцатый вѣкъ разрушаетъ религиозное единство. Безъ книгопечатанія реформа коснулась бы однихъ догматовъ, — книгопечатаніе сдѣлало изъ нея революцію. Отнимите печать, ересь теряетъ силу. Въ силу ли судьбы или самаго провидѣнія, но Гуттенбергъ былъ предвозвѣстникомъ Лютера.

Когда солнце среднихъ вѣковъ совсѣмъ закатилось, когда готическій геній навсегда потухъ на горизонтѣ искусства, архитектура все болѣе блекнетъ, стирается. Печатная книга, этотъ червь зданія, сосетъ и пожираетъ его. Оно склоняется, худѣетъ видимо; оно становится бѣдно, ничтожно. Оно не выражаетъ болѣе ничего, даже воспоминанія объ искусствѣ другихъ временъ. Предоставленная самой себѣ, покинутая другими искусствами, потомучто ее покинула чело-вѣческая мысль, архитектура вербуетъ ремесленниковъ вмѣсто художниковъ. Цвѣтныя стекла замѣняются простыми. Каменьщикъ заступаетъ мѣсто скульптора. Прощай оригинальность, жизнь, разумъ. Она переходитъ изъ копій въ копію. Микель-Аджело, вѣроятно предчувствовавшій ея смерть еще съ XVI вѣка, провелъ послѣднюю идею, идею отчаянія. Этотъ титанъ искусства взгромоздилъ Пантеонъ на Пантеонъ и создалъ Святого-Петра. Это великое произведеніе должно бы было остаться единственной, послѣдней оригинальностью архитектуры, подписью гиганта-художника подъ колоссальнымъ каменнымъ реестромъ, который имъ оканчивался. Послѣ смерти Микель-Аджело что дѣлаетъ эта несчастная архитектура, пережившая самое себя? Она пародируетъ Святого-Петра; это ея жалкая манія. Въ каждомъ вѣкѣ былъ свой соборъ Петра; въ XVII — это *Val de grâces*; въ XVIII — св. Женевьева. Св. Петръ есть въ каждой странѣ. Въ Лондонѣ свой, въ Петербургѣ свой, въ Парижѣ даже два или три. Бѣдное наследство! послѣднее усиліе ослабѣвающей искусства передъ окончательнымъ паденіемъ!

Если мы бросимъ взглядъ на архитектуру вообще, отъ XVI до XVIII столѣтія, то замѣтимъ ту же степень упадка. Съ Франциска II, архитектурная форма зданія все болѣе переходитъ въ геометрическую, какъ похудѣвшее тѣло больного. Красивыя линіи искусства замѣняются безукоризненными геометрическими. Зданіе уже больше не зданіе, а многогранникъ. Архитектура между тѣмъ выбивается изъ силъ, чтобы скрыть свою немощность. Вотъ греческій фронтонъ, втирающійся во владѣнія римскаго и обратно. Это все еще пантеонъ на парфенонъ, римскій соборъ Петра. Вотъ кирпич-

ные дома Генриха IV съ каменными углами; королевская площадь, площадь Дофина. Вотъ церкви Людовика XIII, тяжолыя, коренастыя, низкія, съ куполомъ, напоминающимъ горбъ. Вотъ мазаринская архитектура, плохое подражаніе итальянской. Вотъ дворцы Людовика XIV, длинныя казармы для придворныхъ, сухія, холодныя, скучныя. Вотъ наконецъ стиль Людовика XV съ салатомъ, макаронами и всѣми наростами, безобразящими старую и беззубую кокетку. Отъ Франциска II до Людовика XV болѣзнь росла въ геометрической прогресіи. У искусства остались кожа да кости. Оно жалко гибнетъ.

Между тѣмъ что дѣлается съ книгопечатаніемъ? Вся жизнь архитектуры переселилась въ него. По мѣрѣ паденія архитектуры, книгопечатаніе возвышается. Весь запасъ силы, который человѣческая мысль тратила на архитектуру, тратится теперь на книги. Съ XVI столѣтія книгопечатаніе доросло до архитектуры и начало борьбу съ нею. Въ XVII оно уже царило и было въ состояніи создать литературный вѣкъ. Въ XVIII, послѣ долгаго отдыха при дворѣ Людовика XIV, оно воскресило старое оружіе Лютера въ Вольтеръ, и двинулось въ атаку противъ старой Европы, которой архитектурное выраженіе оно уже убило. Къ концу XVIII вѣка все было разрушено. Въ XIX оно будетъ созидать.

Какое же изъ двухъ искусствъ воспроизводило, вырожденіе трехъ вѣковъ, мысль человѣческую? Которое выражало не только ея литературныя и схоластическія маніи, но и ея глубокое, всеобщее движеніе? Что сливалось и двигалось впередъ вмѣстѣ съ жизнью: архитектура или книгопечатаніе?

Книгопечатаніе. Архитектура умерла безвозвратно, убитая печатной книгой, убитая, потому что не можетъ быть такъ долговѣчна, потому что стоить дороже. Каждый соборъ стоитъ мильярда. Представьте себѣ какой капиталъ нуженъ для вторичной переписки книгъ подобнаго рода, для того чтобы земля вновь покрылась столькими памятниками, что, по словамъ очевидца: «можно бы было сказать, что міръ сбросилъ съ себя покрывало, чтобы облечься въ бѣлую одежду церквей.» (Glaber Radulphus.)

Книга требуетъ такъ мало времени, стоитъ такъ мало и можетъ идти такъ далеко! Чему же удивляться, что вся человѣческая мысль приняла это направленіе. Не говоримъ, что у архитектуры не будетъ повременамъ прекрасныхъ памятниковъ. И подъ владычествомъ книгопечатанія можетъ воздвигнуться колонна, составленная

цѣлой арміей изъ пушекъ, какъ и подъ владычествомъ архитектуры создавались илліады и романцеры, магабараты и нибелунги, труды цѣлаго народа изъ собранныхъ и слитыхъ въ одно рапсодій. Трудъ великаго архитектора можетъ явиться въ XX столѣтіи, какъ Данте въ XIII. Но архитектура не будетъ болѣе искусствомъ общимъ, собирательнымъ, владычествующимъ. Великая поэма, великое созданіе человѣчества выйдетъ уже въ печати, а не въ постройкѣ.

Еслибы архитектурѣ случилось снова возвыситься, она не была бы законодательницей; ей пришлось бы подчиниться законамъ литературы, которая прежде была въ зависимости отъ нея. Взаимныя отношенія этихъ двухъ искусствъ измѣнились. Въ архитектурное время поэмы, хотя рѣдкія, походили на памятники. Въ Индіи Віаза странна и непроницаема, какъ погода. Въ Египтѣ поэзія, какъ и зданія, отличается величіемъ и спокойствіемъ линий; въ древней Греціи — красотою, гармоніей и спокойствіемъ; въ христіанской Европѣ, католическое величіе, народная наивность, богатая и роскошная жатва эпохи возрожденія. Илліада походитъ на партернонь, Гомеръ — на Фидіа. Данте въ XIII вѣкѣ это послѣдняя романская церковь; Шекспиръ въ XVI, — послѣдній готическій соборъ.

Итакъ человѣческій родъ имѣетъ два реестра, два завѣщанія: каменные постройки и книгопечатаніе, біблію каменную и біблію бумажную. Конечно когда смотришь на объѣмы эти бібліи, позволительно сожалѣть о видимомъ величіи гранитныхъ буквъ, этой гигантской азбукѣ изъ колонъ, пилястръ и обелисковъ, этомъ родѣ горъ, воздвигнутыхъ человѣческими руками, которыя населяютъ весь міръ отъ пирамиды до стразбургской колокольни. Надо прочитывать прошедшее на этихъ мраморныхъ страницахъ. Надо цѣнить и часто нерелистывать эту архитектурную книгу; но не надо отвергать и великаго памятника, который воздвигнуло въ свою очередь книгопечатаніе.

Это зданіе колосально. Не знаю кто-то вычислилъ, что еслибы накладывать книга на книгу всѣ изданія вышедшія изъ-подъ станка со времени Гуттенберга, можно бы заполнить разстояніе между землей и луною; но мы говоримъ не объ этомъ объемѣ. Между тѣмъ когда захочешь мысленно воспроизвести общую сложность типографскихъ произведеній, не представляется ли она нашему воображенію громадной постройкой, опирающейся на всю вселенную, надъ которой человѣчество работаетъ безъ усталы и чудовищная голова

которой теряется въ туманъ будущаго? Это умственный муравейникъ. Это улей, въ который всѣ воображенія, эти золотыя пчелы, сносятъ свой медъ. У зданія тысяча этажей. Кое-гдѣ въ его нѣдрахъ виднѣются темныя подземелья науки. На фасадѣ его искусство расположило свои кружева и арабески. Въ немъ каждое твореніе отдѣльной личности, какъ бы своебытно и капризно оно ни было, имѣетъ свое мѣсто. Гармонія вытекаетъ изъ цѣлаго. Отъ собора Шекспира до мечети Байрона тысячи колоколенъ толкутся въ этой метрополіи мысли. Въ основаніи ея записаны нѣкоторыя заслуги человѣчества, пропущенныя архитектурой. Гидра романцero возвышается дальше со многими другими произведеніями, Ведой и нибелунгами. Впрочемъ великое зданіе все еще неокончено. Печать, эта гигантская машина, высасывающая постоянно всѣ умственные соки общества, безпрестанно извергаетъ новые матерьялы для его продолженія. Все человѣчество за работой; каждый умъ — каменьщикъ; самый слабый все-таки замазываетъ какую-нибудь щель или кладетъ свой камень. Всякій день возвышается новый слой. Независимо отъ оригинальныхъ приношеній каждаго писателя, есть сборные матерьялы. XVIII столѣтіе даетъ энциклопедію, революція Монитера. Это зданіе идетъ безконечными изгибами; тутъ полное смѣшеніе языковъ, постоянная дѣятельность, неутомимый трудъ, ревностный конкурсъ всего человѣчества, ковчегъ для будущихъ поколѣній отъ новаго потопа или нашествія варваровъ. Это новая вавилонская башня; воздвигаемая всѣмъ человѣчествомъ.

КНИГА ШЕСТАЯ

I

БЕЗПРИСТРАСТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ДРЕВНЮЮ МАГИСТРАТУРУ

Счастливая личность, въ блаженномъ 1482 году, былъ благородный Робертъ д'Естувиль, шевадье, сиръ де Бейнъ, баронъ д'Иври, совѣтникъ и шамбеланъ короля и прево города Парижа. Прошло уже семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ отъ короля эту должность, считавшуюся скорѣе средствомъ получать доходы, нежели службою. Въ тотъ самый день, какъ Робертъ д'Естувиль замѣнилъ Жака де Вилье въ должности прево, Жакъ Дове смѣнялъ

мессира Эли де Торетъ на мѣстѣ перваго президента двора и парламента, Жувенель Урсинскій Пьера де Морвилье въ должности канцлера Франціи, Реньо де Дорманъ Пьера Пюи въ должности королевскаго сборщика податей. Черезъ сколько головъ прошли почести съ тѣхъ поръ, какъ Робертъ д'Естувиль пользовался званіемъ старшины! Оно отдано было ему на сохраненіе *baillie en garde*, какъ говорилось въ патентахъ. Онъ такъ сроднился, проникнулся и сросся съ нимъ, что устоялъ противъ маніи къ переменамъ Людовика XI, короля недобѣрчиваго, придирчиваго и хлопотливаго, который думалъ расширить свою власть посредствомъ частой перемены лицъ, занимающихъ важныя должности. Д'Естувиль сдѣлалъ больше: онъ сдѣлалъ свое званіе наследственнымъ и уже около двухъ лѣтъ имя его сына красовалось на ряду съ его собственнымъ въ спискахъ превотства. Рѣдкая и неслышанная милость! Правда, что Робертъ д'Естувиль былъ храбрый воинъ: онъ рѣшительно поднималъ знамя противъ лиги общественнаго блага и поднесъ прекраснаго сахарнаго оленя королевѣ въ день ея вѣзда въ Парижъ въ 14 .. Онъ сверхъ того пользовался расположеніемъ Тристана Пустынника, старшины королевскихъ маршаловъ. Слѣдственно, существованіе мессира Роберта было самое сладостное. Вопервыхъ, очень хорошее жалованье, къ которому присовокуплялись разные доходы и пошлины. Прибавьте къ этому наслажденіе красоваться въ военномъ мундирѣ одному между своими сослуживцами. Развѣ мало имѣть въ своемъ распоряженіи сержантовъ, привратниковъ въ Шателе, двухъ аудиторовъ, шестнадцать комиссаровъ, всю стражу? Развѣ малая вещь имѣть право суда и расправы, колесовать и вѣшать, не считая судопроизводства по первой инстанціи, какъ сказано въ хартіяхъ, надъ виконтствомъ парижскимъ, имѣющимъ семь судебныхъ мѣстъ? Что можно придумать выше наслажденія отдавать приказанія и подписывать приговоры, что ежедневно дѣлалъ мессиръ Робертъ въ Большомъ-Шателе, подъ широкими сводами временъ Филипа-Августа.

Между-тѣмъ несмотря на всѣ счастливыя условія жизни, мессиръ Робертъ проснулся утромъ 7 января 1482 года въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Отчего происходило это дурное расположеніе онъ и самъ не зналъ. Потому ли, что день былъ пасмурный или что проходившіе мимо молодые парни подсмѣялись надъ нимъ? Можетъ быть это было предчувствіе, что будущій король Карлъ VIII убавитъ на будущій годъ триста-семдесятъ ливровъ, ше-

стнадцатъ су изъ доходовъ прево? пусть читатель самъ выбираетъ причину; что до насъ, то мы думаемъ просто, что онъ былъ не въ духѣ потому... что былъ не въ духѣ.

Ктому же это было на другой день праздника, когда всѣ скучаютъ, въ особенности же блюстители порядка, которымъ приходится подчищать грязь въ собственномъ и переносномъ смыслѣ, оставшуюся послѣ праздника въ Парижѣ. Въ этотъ день ему приходилось засѣдать въ Большомъ-Шателе, а судьи всегда стараются быть не въ духѣ въ свой присутственный день, потому что тутъ подвернется какой-нибудь обвиненный, на которомъ законнымъ образомъ можно сорвать досаду и жолчь успокоить.

Между тѣмъ аудіенція началась безъ него. Его подчиненные дѣлали свое дѣло, и съ восьмого часа утра парижскіе граждане мужскаго и женскаго пола, тѣснившіеся въ темномъ углу аудіенцъ-залы, между дубовой загородкой и стѣною, наслаждались зрѣлищемъ, какъ мессиръ Флоріанъ Барбендъенъ, аудиторъ въ Шателе, помощникъ г. прево, чинилъ судъ и расправу, руководясь большею частію своей фантазіей.

Зала была маленькая, темная, низкая. Въ глубинѣ стоялъ столъ и кресло съ лѣтними украшеніями, еще пустое въ ожиданіи прево, а налѣво скамья для аудитора Флоріана. Внизу стоялъ грёфе и записывалъ отвѣты, а передъ ними народъ. У двери и стола было много сержантовъ въ платьяхъ изъ фіолетоваго камлота съ бѣлымъ крестомъ. Два сержанта стояли еще у низенькой двери за кресломъ. Одно стрѣлчатое окно освѣщало блѣднымъ январскимъ лучемъ двѣ смѣшныя фигуры: безобразнаго демона, вытѣпленнаго на окраинѣ свода и судью, сидящаго въ глубинѣ залы на лиліяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ за столомъ, между двумя кипами бумагъ, Флоріана Барбендъена сидящаго опершись на локти, уткнувъ лицо въ бѣлый мѣхъ своей мантіи, такъ-что виднѣлись одни его брови, краснаго, толстаго, моргающаго глазами, съ жирными щеками и исполненнаго собственнаго достоинства.

Аудиторъ былъ глухъ, — маленькій недостатокъ для аудитора, не мѣшавшій ему чинить расправу. Давно ужъ извѣстно, что судѣ нужно только представиться слушающимъ, а нашъ почтенный аудиторъ могъ исполнять это со всею добросовѣстностью, потому что никакіе посторонніе звуки не могли имѣть доступа къ его слуху.

Впрочемъ, въ аудиторіи было лицо ослѣдившее за каждымъ его

поступкомъ и жестомъ; это былъ Жанъ Фролло, котораго можно было встрѣтить вездѣ, кромѣ школьной скамейки.

— Посмотри, говорилъ онъ Пуспену, стоявшему подлѣ него: — у этого старика вѣрно и глаза отказались: вотъ онъ присудилъ къ денежной пенѣ эту хорошенькую дѣвушку. — А кто эти два дворянина между всей этой сволочью? А, они играли въ кости! Когда же призовутъ сюда нашего ректора? Какой большой штрафъ! Не будь я архидьякономъ, если я перестану играть до послѣдней рубашки! Вотъ Тибодъ ла Тибо, эта платится за любовь, а вотъ этотъ старый жандармъ за крѣпкое словцо. Посмотри, что нашъ глухарь перемѣшаетъ и возьметъ штрафъ за любовь съ жандарма. Постой, кого это вводятъ? Сколько сержантовъ! Клянусь Юпитеромъ, это должна быть крупная дичь! Можетъ даже кабанъ? Такъ и есть. Робень, это нашъ вчерашній папа, нашъ звонарь, наша гримаса! Это Квазимодо!

Въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ.

Это былъ Квазимодо, связанный, спутанный, подъ прикрытіемъ сильной стражи. Самъ начальникъ стражи былъ на лицо съ гербомъ Франціи на груди и съ гербомъ Парижа на спинѣ. Ничто, кромѣ безобразія подсудимаго не оправдывало такихъ сильныхъ предосторожностей. Квазимодо былъ мраченъ, молчаливъ и спокоенъ. По временамъ только его единственный глазъ бросалъ на веревки сердитые взгляды.

Этимъ же глазомъ обвелъ онъ присутствующихъ, но взглядъ былъ такой тусклый и равнодушный, что даже женщины не испугались, а продолжали смѣясь указывать на него пальцами.

Между-тѣмъ аудиторъ внимательно просмотрѣлъ обвиненіе Квазимодо и на минуту задумался. Благодаря этому обыкновенію, онъ всегда зналъ напередъ имя, званіе, преступленіе подсудимаго, дѣлалъ обычныя реплики на обычные вопросы и успѣвалъ кое-какъ скрывать свою глухоту. Обвинительный актъ былъ для него тѣмъ, чѣмъ собака для слѣпаго. Если недостатокъ его обнаруживался какимъ-нибудь неумѣстнымъ вопросомъ или восклицаніемъ, нѣкоторые приписывали это его глубокимъ соображеніямъ, а другіе его глупости. Въ обоихъ случаяхъ честь магистратуры оставалась неприкосновенной, потому что судѣ приличнѣе быть тупымъ или глупымъ, нежели глухимъ. Ему такъ ловко удавалось скрывать отъ другихъ свою глухоту, что онъ и самъ началъ въ ней сомнѣваться. Нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь всѣ горбатые поднимаютъ вверхъ

голову, всѣ заики любятъ ораторствовать, всѣ глухіе говорятъ тихо. Онъ допускалъ, что немного тугъ на ухо, и то ради уступки общественному мнѣнію и въ минуты особенной откровенности.

Сообразивъ порядкомъ дѣло Квазимодо, онъ закинулъ назадъ голову, прищурилъ глаза для большей важности и безпристрастія, такъ-что въ эту минуту сдѣлался глухъ и слѣпъ вмѣстѣ. Двойное условіе для всякаго порядочнаго судьи. Въ этомъ-то положеніи онъ приступилъ къ допросу.

— Ваше имя?

Одинъ изъ случаевъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, есть допросъ глухого глухому, а онъ-то теперь и представился.

Квазимодо, которому ничто не доказывало, что судья обращается къ нему, продолжалъ молча смотрѣть на него. Судья, котораго ни что непредупредило, что обвиняемый глухъ, думалъ, что тотъ уже отвѣтилъ, какъ это обыкновенно случается, и продолжалъ съ своимъ тупымъ, механическимъ апломбомъ:

— Хорошо. Сколько вамъ лѣтъ?

Квазимодо не отвѣчалъ и на это. Судья продолжалъ:

— Теперь, ваше званіе?

Одинаковое молчаніе. Слушатели начали переглядываться.

— Довольно, продолжалъ невозмутимый аудиторъ, рассчитавъ, что обвиненный имѣлъ время отвѣтить и на послѣдній вопросъ. — Васъ обвиняютъ: 1) въ нарушеніи ночнаго спокойствія города; 2) въ насиліи надъ сумашедшей женщиной; 3) въ возмущеніи противъ королевской стражи. Отвѣчайте на эти три пункта.. Грефье, записали ли вы что говорилъ подсудимый.

Этотъ неловкій вопросъ встрѣченъ былъ хохотомъ такимъ всеобщимъ и сильнымъ, что даже глухой не могъ не замѣтить. Квазимодо оглянулся и презрительно поднялъ горбъ вверхъ, между тѣмъ какъ Флоріанъ, удивленный не менѣе его и предположившій, что смѣхъ вызванъ какой-нибудь дерзкой выходкой горбуна, строго прикрикнулъ:

— Такой отвѣтъ заслуживаетъ плети, слышишь ты? Помни, съ кѣмъ говоришь!

Конечно, общая веселость удвоилась при этой выходкѣ. Улыбнулись даже сержанты, несмотря на броню тупости, защищавшую ихъ мыслительныя способности. Одинъ Квазимодо остался серьезенъ по той причинѣ, что не понялъ происходящаго. Судья, пришедшій

въ еще большую ярость, рѣшился продолжать въ томъ же тонѣ, чтобъ задать страху и обвиненному и публикѣ.

— Какъ, негодяй! ты смѣешь грубить аудитору, человѣку, которому поручено наблюдать за нравственностью города, контролировать всѣ ремесла и недопускать монополии; содержать въ чистотѣ улицы, мѣрить дрова, очищать воздухъ отъ вредныхъ испареній, постоянно радѣть о благѣ города, безъ всякой надежды на вознагражденіе! Знаешь ли ты, что меня зовутъ Флоріаномъ Барбедень, что я первый помощникъ г. прево, притомъ комисаръ, допросчикъ, контролеръ, облеченный такою же властью!

Когда глухой разговариваетъ съ другимъ глухимъ, одному Богу извѣстно, когда прервется потокъ его рѣчи. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилось краснорѣчіе Флоріана, еслибы маленькая внутренняя дверь не растворилась передъ особой самого прево.

Барбедень не смутился, но перенесъ рѣчь на входящаго, сдѣлавъ оборотъ въ его сторону:

— Монсенъеръ, сказалъ онъ: — предоставляю вамъ избрать наказаніе этому подсудимому, обвиняемому въ важномъ и неслыханномъ попраніи законовъ.

Онъ съѣлъ, отирая платкомъ потъ, капающій какъ слезы на лежащія передъ нимъ бумаги. Мессиръ Робертъ д'Естувиль нахмурилъ брови и сдѣлалъ такой грозный знакъ Квазимодо, что тотъ его понялъ.

— Чтѣ ты надѣлалъ, негодяй! за чтѣ ты здѣсь?

Бѣднякъ, думая, что прево хочетъ знать его имя, отвѣчалъ глухимъ и рѣзкимъ голосомъ:

— Квазимодо.

Отвѣтъ такъ мало согласовался съ вопросомъ, что присутствующіе вновь разразились хохотомъ.

— Такъ ты и надо мной смѣешься! вскричалъ д'Естувиль, багровѣя отъ гнѣва.

— Звонарь въ соборѣ Богоматери, отвѣчалъ Квазимодо, думая, что отъ него требуютъ опредѣленія его званія.

— Звонарь! повторилъ прево, проснувшійся уже въ такомъ расположеніи духа, которое не требовало расшевеливанія жолчи подобными отвѣтами. — Звонарь! Я велю задать на твоей спинѣ такой трезвонъ! Слышишь!

— Если вы хотите знать мои лѣта, мнѣ пойдетъ двадцать-первый въ день св. Мартена.

Это было ужь слишкомъ.

— А, ты смѣешься надъ властями, негодяй! Господа сержанты, вы сведете этого негодяя къ позорному столбу на Гревской площади и провертите его на колесѣ подъ ударами плети цѣлый часъ. Онъ мнѣ заплатитъ за это! Пусть обвиненіе это прокричатъ по всѣмъ улицамъ съ четырьмя трубачами.

Грефѣ началъ составлять актъ.

— Чортъ побери! Вотъ правосудіе! закричалъ изъ своего угла Фролло.

Преве обернулся и посмотрѣлъ на Квазимодо сверкающими глазами.

— Кажется негодяй сказалъ *чортъ побери!* Грефѣ, прибавьте двѣнадцать денье штрафа за бранное слово въ пользу фабрики св. Евстафія. Я имѣлъ особенную вѣру въ этого святого.

Актъ былъ составленъ въ нѣсколько минутъ. Содержание его было коротко и ясно. Судебная власть еще не бывала въ рукахъ Тибо Балъе и Роже Бармна, украсившихъ ея отправленія разными кляузами и процедурами вначалѣ XVI вѣка. Въ то время она еще прямо шла къ цѣли и, въ концѣ каждой тропинки, безъ малѣйшихъ препятствій, видѣлось колесо, висѣлица или позорный столбъ. Тогда покрайней-мѣрѣ всякій зналъ, куда идти.

Грефѣ представилъ актъ преве, который приложилъ къ нему печать и обратился къ другимъ дѣламъ, въ расположеніи духа споспобствующаго къ населенію парижскихъ тюремъ. Фролло и Пуспень смѣялись втихомолку. Квазимодо смотрѣлъ на все съ видомъ удивленія.

Между тѣмъ грефѣ, сжалившись надъ осужденнымъ и въ надеждѣ сколько-нибудь смягчить обвиненіе, наклонился какъ можно ближе къ уху аудитора и сказалъ, указывая на Квазимодо:

— Онъ глухъ. Онъ надѣялся, что встрѣтивъ у обвиненнаго одинаковый съ собой недостатокъ, Флоріанъ смягчится. Но, во первыхъ, мы уже говорили, что аудиторъ не любилъ, чтобы замѣчали его глухоту; вовторыхъ, онъ не слышалъ, что говорилъ грефѣ, и чтобы доказать противное сказалъ:

— А, а! я этого не зналъ. Въ такомъ случаѣ прибавить еще часть выставки на позорномъ столбу.

И онъ подписалъ приговоръ, измѣненный такимъ образомъ.

— Подъломъ! сказалъ Пуспень, непростившій толчекъ Квазимодо. — Это научить его обращаться съ людьми.

II

КРЫСЬЯ НОРА

Съ позволенія читателя, мы опять поведемъ его на Гревскую площадь, которую покинули съ Гренгуаромъ, чтобы слѣдовать за Эсмеральдой.

Десять часовъ утра; повсюду видны слѣды праздника. Площадь покрыта лентами, доскутками, перьями, остатками народнаго торжества. Нѣсколько личностей ходятъ взадъ и впередъ, подиравая ногами головни изъ костровъ или останавливаясь въ раздумьи передъ домомъ съ колонами, являющимъ глазу одни гвозди, на которыхъ держались вчерашнія драпировки. Продавцы лимоннаго квасу проталкиваются между группами. Купцы переговариваются, стоя на порогахъ лавокъ. Праздникъ, посольство, Коппеноль, папа шутовъ переходятъ изъ устъ въ уста. Между тѣмъ четыре конныхъ сержанта, занявшіе мѣста по угламъ позорнаго столба, привлекли къ себѣ часть любопытныхъ.

Если читатель обратитъ свои взоры на полуготическую и полуроманскую башню Роланда, составляющую уголъ набережной на западной сторонѣ, онъ замѣтитъ на одномъ изъ угловъ фасада большой молитвенникъ съ богатыми рисунками, защищенный отъ дождя небольшимъ навѣсомъ, а отъ воровъ рѣшеткой, не мѣшающей однако переворачивать листки. Рядомъ съ молитвенникомъ есть маленькое, овальное отверстие, загороженное крестообразно двумя желѣзными прутьями, единственное отверстие, пропускающее струю свѣта и воздуха въ маленькую келью, безъ двери, сдѣланную въ подвальномъ этажѣ дома въ углубленіи толстой стѣны. Тишина и мракъ этой кельи удваиваются близостью шумной, населенной площади.

Эта келья пользуется общей извѣстностью въ продолженіи трехъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ владѣтельница башни Роланда, послѣ смерти отца, убитаго въ крестовомъ походѣ, первая заключилась въ ней на всю жизнь, оставивъ бѣднымъ и Богу все прочее имущество. Такъ прожила она двадцать лѣтъ, молясь день и ночь о душѣ отца, неимѣя даже камня, чтобъ положить голову, одѣтая въ черное рубище, существуя подаяніемъ, которое прохожіе опускали

въ отверстіе кельи. Передъ смертью, переходя въ другой гробъ, она завѣщала этотъ всѣмъ вдовамъ, сиротамъ или женщинамъ, желающимъ день и ночь плакать и молить о своемъ горѣ.

Бѣдники, облагодѣтельствованные ею, почтили ея похороны слезами и благословеніями. Либералы рѣшили, что на томъ свѣтѣ справедливость возьметъ свое и стали молиться за умершую Богу, помимо папской власти. Большая часть вознамѣрилась своевольно чтить память благодѣтельницы и обратить въ святыню оставшее послѣ нея платье. Городъ въ свою очередь пожертвовалъ въ память покойной общій молитвенникъ, который и приколотили рядомъ съ окномъ кельи для того, чтобы прохожіе, останавливаясь для молитвы, вспоминали о милостынѣ и не допускали такимъ образомъ умереть съ голода послѣдовательницъ г-жи Роландъ.

Подобное погребеніе заживо было не рѣдкостью въ среднихъ вѣкахъ. Можно было встрѣтить въ самыхъ шумныхъ улицахъ, на самыхъ населенныхъ рынкахъ, почти подъ ногами лошадей и людей, какой-нибудь погребъ, колодезь или хижинку, въ глубинѣ которой молилось день и ночь живое существо, посвятившее себя вѣчному оплакиванію своего горя или проступка. Толпа не обращала на этихъ затворниковъ большого вниманія, ни у кого не шевелились размышленія, способныя возникнуть въ головѣ настоящаго поколѣнія, при видѣ этого страшнаго заточенія, этой переходной точки отъ жизни къ смерти, отъ жилища къ гробу, при видѣ человѣка, заживо ушедшаго къ мертвымъ; этой лампы, догорающей въ темнотѣ, этого дыханія, этого голоса, этой вѣчной молитвы въ каменномъ ящикѣ; этого лица, навсегда обращеннаго къ другому міру, этого глаза, въ которомъ уже отражается другое соднце, этого уха, приложеннаго къ отверстию могилы, этой души, заключенной въ тѣлѣ, этого тѣла, заключеннаго въ тюрьму и изъ-подъ этой двойной оболочки, вѣчнаго ропота больной души.

Набожность того времени, не вдававшаяся въ тонкости и разсужденія, смотрѣла на нихъ просто. Она уважала, чтила жертву, но не анализировала страданій и не жалѣла о нихъ. Заключенному приносили подаяніе, смотрѣли въ окна живъ ли онъ, не знали его имени и съ которыхъ поръ началась его добровольная смерть и отвѣчали постороннему, спрашивающему кто гніетъ въ этомъ погребѣ: «затворникъ» если дѣло шло о мушницѣ, и «затворница» если то была женщина.

Тогда на все смотрѣли безъ метафизики, безъ увеличительнаго

стекла, простымъ глазомъ. Микроскопъ еще не былъ изобрѣтенъ ни для матерьяльныхъ, ни для нравственныхъ явленій.

Несмотря на общее равнодушіе, примѣры заключенія были часты. Въ Парижѣ было множество келій и почти всѣ были заняты. Правда и то, что духовенство заботилось о ихъ населеніи, и энеимѣніемъ кающихся поселяло въ нихъ прокаженныхъ. На горѣ св. Женеьевы подобіе Іова среднихъ вѣковъ пѣло въ продолженіе тридцати лѣтъ семь покаянныхъ псалмовъ, возвышая голосъ сильнѣе къ ночи; теперь антикварію чудится еще его голосъ при входѣ въ улицу *du Puits qui parle*.

Келья въ башнѣ Роланда никогда не оставалась пустою. Со смерти дѣвицы Роландъ, она сиротѣла не болѣе двухъ лѣтъ. Парижское злоязычіе утверждаетъ, что всего менѣе было вдовъ въ ея стѣнахъ.

По обычаю того времени латинская легенда, написанная на стѣнѣ, указывала грамотнымъ прохожимъ на назначеніе кельи. Обычай объяснять назначеніе зданія посредствомъ краткой надписи сохранился до половины XVI вѣка. Такъ надъ тюрьмой замка Турвиль во Франціи есть еще надпись: *Sileto et spera*; въ Англии, надъ главной дверью гостепріимнаго замка графовъ Кунеръ: *Tuum est*. Тогда вѣдь каждое зданіе было цѣлая мысль.

Такъ какъ у кельи башни Роланда не было двери, то большими романскими буквами написано было надъ окномъ:

TU, ORA.

Народъ, не останавливающийся надъ тонкостями и переводящій слова: *Ludovico Magno* — ворота св. Людовика, далъ этому темному и сырому углубленію названіе Крысей норы (*trou-aux-Rats*). Объясненіе если не столько грандіозное, то очень краснорѣчивое.

III

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕПЕШКИ

Во время нашего разказа келья была обитаема. Если читатель хочетъ узнать къмъ, пусть послушаетъ разговоръ трехъ кумушекъ, идущихъ именно къ Гревской площади.

Двѣ изъ нихъ носили костюмъ парижскихъ гражданокъ. Ихъ тонкая рубашка и голубая съ красными клѣтками юбка, ихъ бѣлые

вязанные чулки, ловко натянутые, ихъ четверугольные башмаки изъ краснаго сафьяна съ черными подошвами, въ особенности головной уборъ, родъ воронки, украшенной лентами и кружевами, доказывали, что онѣ принадлежатъ къ тому класу богатыхъ купчихъ, который составляетъ средину между тѣмъ, что лакеи называютъ *женщиной* и *дамой*. На нихъ не было ни колецъ, ни золотыхъ ожерелей, но видно было, что не бѣдность, а боязнь штрафа заставляетъ ихъ убѣгать роскоши. Третья была одѣта почти также, но въ ея костюмѣ и манерахъ чувствовалось нѣчто, напоминающее жену провинціального нотариуса. Видно было по ея поясу, что она недавно въ Парижѣ. Прибавьте къ этому, что башмаки ея украшены были бантами, полосы юбки шли поперекъ, а не вдоль, и множество другихъ мелочей, оскорбляющихъ вкусъ.

Двѣ первыя шли шагомъ, свойственнымъ парижанкамъ, показывающимъ городъ провинціалкѣ. Провинціалка вела за руку толстаго мальчика, державшаго огромную лепешку.

Къ сожалѣнію мы должны прибавить, что по случаю холодной погоды онъ вмѣсто носового платка употреблялъ свой языкъ.

Ребенка тащили *non possibus sequis*, какъ говоритъ *Виргилій*; онъ каждую минуту спотыкался къ великому ужасу своей матери. Правда, что онъ гораздо чаще смотрѣлъ на лепешку, чѣмъ подъ ноги. Вѣроятно что-нибудь очень важное заставляло его ограничиваться нѣжными взглядами на нее. Матери слѣдовало бы самой нести лепешку и не обращать мальчика въ *Тантала*.

Три женщины говорили разомъ.

— Пойдемте скорѣе, *демуазель Майета*! говорила самая младшая, она же и самая толстая. Я боюсь, что мы опоздаемъ; намъ сказывали въ *Шателе*, что его сейчасъ повезутъ.

— Что вы, *демуазель Ударда Мюнье*, подхватила другая парижанка: — онъ будетъ два часа на столбѣ, — поспѣемъ. Видали вы, *Майета*, какъ вертять на столбѣ?

— Да! отвѣчала провинціалка: — въ *Реймсѣ*.

— Подите вы съ вашимъ *реймскимъ столбомъ*, на которомъ вертять однихъ мужиковъ! Важное дѣло!

— Мужиковъ? возразила *Майета*: — нѣтъ, мы видали важныхъ преступниковъ, такихъ, которые отцовъ и матерей убивали! Мужиковъ? За кого вы насъ принимаете?

Провинціалка готова была разсердиться за нарушеніе чести позорнаго столба, но г-жа *Мюнье* вовремя перемѣнила разговоръ.

— Кстати, демуазель Майета, каковы наши фламандскіе посланники? видали вы такихъ въ Реймсѣ?

— Признаюсь, только въ Парижѣ и увидишь такихъ! отвѣчала Майета.

— Замѣтили вы того высокаго; онъ говорятъ торгуетъ платьемъ.

— Да, онъ похожъ на Сатурна.

— А этого толстяка, у котораго лицо похоже на животъ? А маленькаго, съ красными глазами, хохлатаго какъ репейникъ?

— А на лошадей ихъ стоитъ взглянуть: всѣ одѣты по своей модѣ.

— Ну, моя милая! начала Майета, принявъ въ свою очередь важный видъ: — чтоже бы вы сказали, еслибъ увидѣли, во время коронаціи, лошадей принцевъ и королевскаго отряда. Какіе чепраки и попоны! одни изъ дамасскаго сукна, золотые, на горностаевомъ подбоѣ; другіе бархатные, на куньемъ мѣху; другіе еще всѣ въ золотѣ. Какихъ-то это денегъ стоило! А какіе прекрасные пажы на нихъ сѣдѣли!

— Все это не мѣшаетъ фламандцамъ имѣть хорошихъ лошадей! сухо отвѣчала Ударда. Они вчера ужинали у городского головы.

— Что вы, сосѣдка. Фламандцы ужинали у кардинала.

— Нѣтъ, у головы.

— Нѣтъ, у кардинала.

— Доказательство, что у головы, въ Отель-де-Валь, когда докторъ Скурабль держалъ имъ латинскую рѣчь, которой они остались очень довольны. Мнѣ говорилъ это мой мужъ.

— У кардинала въ Petit Bourbon, говорятъ вамъ; еще вечеромъ освѣтили волшебными огнями слово «надежда» на его фасадѣ.

— Я вамъ говорю, что нѣтъ.

— Я вамъ говорю, что да.

Дѣло зашло бы можетъ-быть очень далеко, еслибъ Майета не вскричала:

— Посмотрите, сколько народу на мосту, тамъ вѣрно что-нибудь любопытное!

— Да, я слышу барабанъ. Вѣрно это Эсмемальда съ козой. Ну, поскорѣй, Майета, тащите своего мальчугана. Вы вѣдь хотѣли видѣть рѣдкости. Вчера вы видѣли фламандцевъ, сегодня надо смотрѣть цыганку.

— Цыганку! вскричала Майета, бросаясь назадъ и крѣпко сжавъ

руку сыну. — Сохрани меня Богъ! она украдетъ у меня ребенка! Пойдемъ мой голубчикъ!

И она бросилась по набережной подальше отъ моста. Ребенокъ упалъ, она остановилась. Ударда и Жервеза подошли къ ней.

— Она украдетъ вашего ребенка? вотъ фантазія!

Майета покачала головой.

— Странно, что у затворницы такое же понятіе о цыганкахъ! сказала Ударда.

— Кто эта затворница?

— Сестра Гудула въ башнѣ Роланда.

— Та самая, которой мы несемъ лешку.

Ударда сдѣлала утвердительный знакъ.

— Именно. Вы ее сейчасъ увидите въ окошечко. Она одинаковаго мнѣнія съ вами о цыганахъ, предсказывающихъ на улицѣ. Но вы, Майета, почему вы даже смотрѣть на нихъ не хотите?

— О! вскричала Майета, схвативъ руками голову сына: — я не хочу, чтобы со мной случилось тоже, что съ Пакетой Шамфлери.

— Раскажите намъ, милая Майета.

— Видно что вы изъ Парижа, когда не знаете этого. Пакета была хорошенькая восемнадцатилѣтняя дѣвушка, моя ровесница; этому прошло тоже восемнадцать лѣтъ и она сама виною, что не сдѣлалась такой же видной женщиной, какъ я, съ ребенкомъ и мужемъ. Впрочемъ съ четырнадцати лѣтъ ей уже нельзя было думать объ этомъ. Это была дочь Гюнберта, нашего менестреля, который игралъ передъ королемъ Карломъ VII во время его коронаванія. Старикъ умеръ, когда Пакета была еще ребенкомъ. Мать ея была добрая женщина, но къ несчастію ничему не научила дочку. Онѣ жили въ Реймсѣ. Во время коронаціи нашего короля Людовика XI, Пакета была уже такая большая, веселая и хорошенькая, что на нее всѣ заглядывались. Бѣдная дѣвочка! у ней были прекрасные зубы и она любила смѣяться и показывать ихъ, а ужъ извѣстно, что когда дѣвушка много смѣется, придется ей потомъ плакать. Работа шла плохо. Онѣ съ матерью получали за шитье не болѣе шести денье въ недѣлю. Прошли тѣ времена, когда покойный Гюнбертъ получалъ по шести паризи за одну иѣсню. Въ одну зиму, когда у нихъ не было дровъ, щеки Пакеты такъ раскраснѣлись отъ холода, что муцины стали называть ее маргариткой, и она пропала. Есташъ, смѣй только закусить лепешку! Мы тотчасъ поняли въ чемъ дѣло, когда она разъ пришла въ церковь съ золотымъ кре-

стомъ на шеѣ. Въ четырнадцать—то лѣтъ! Сперва у ней былъ молодой виконтъ де Кормонтрель, потомъ, переходя изъ рукъ въ руки, она попала къ Тьери де Меръ, фонарщику, и ужъ пошла по всѣмъ. Повѣрите ли, въ томъ же самомъ году она стлала своими руками постель королю мошенниковъ. Такъ упасть въ одинъ годъ!

Майета вздохнула и отерла слезу.

— Ну, это обыкновенная исторія и я не вижу ни цыганъ, ни дѣтей! сказала одна изъ слушательницъ.

— Не торопитесь. Дитя сейчасъ явится. Въ 66 году, теперь будетъ этому уже шестнадцать лѣтъ, Пакета родила дочь. Бѣдная, какъ она была рада! Ей давно хотѣлось имѣть ребенка. Мать ея уже умерла. У Пакеты не было никого на свѣтѣ, кто бы любилъ ее. Черезъ пять лѣтъ послѣ своей вины, она была очень несчастна. Она была одна на свѣтѣ, на нее указывали пальцами на улицахъ, сержанты ее били, мальчишки поднимали на смѣхъ. Ей было уже двадцать лѣтъ, а это уже старость для женщинъ ея ремесла. Съ каждой морщинкой плата становилась меньше. Зимой ей опять стало холодно и не стало доставать хлѣба. Работать она уже отвыкла, а избаловаться успѣла. Вотъ почему этимъ женщинамъ больше нужно, чѣмъ намъ, когда приходитъ старость.

— Хорошо, а гдѣ же цыгане?

— Погодите, Жервеза, сказала другая парижанка. — Что же бы осталось къ концу, еслибы рассказать все вначалѣ. Продолжайте, Майета. Бѣдная дѣвушка!

Она сдѣлалась очень печальна и похудѣла отъ слезъ. Но ей казалось, что привяжись она къ кому—нибудь или будь кто—нибудь привязанъ къ ней, ей было бы не такъ грустно и стыдно. Полюбить ее могъ одинъ только ребенокъ по своей невинности. Она убѣдилась въ этомъ, отдавшись вору, единственному существу не отказавшемуся отъ нея; черезъ нѣсколько времени она замѣтила, что и воръ ее презираетъ. Такимъ женщинамъ нуженъ любовникъ или дитя, чтобъ наполнить сердце: иначе онѣ очень несчастны. Не имѣя любовника, она вся сосредоточилась на желаніи имѣть ребенка и, такъ какъ въ ней еще оставалась набожность, она день и ночь молила объ этомъ Бога. Богъ умилосердился надъ нею и далъ ей дочку. Нельзя передать ея радости. Это были безконечныя слезы, ласки и поцѣлуи. Она стала кормить ребенка, сдѣлала ему пеленки изъ своего единственного одѣяла и съ тѣхъ поръ не чувствовала ни холода, ни голода. Она даже похорошѣла. Изъ старой дѣвы вышла молодая

мать. Поклонники опять явились и на всѣ выручаемыя деньги Пакета покупала атласныя чепчики, кружевныя рубашечки, не забывая завести себѣ одѣяла. «Есташъ, я уже запретила тебѣ ѣсть лепешку.» Маленькая Агнеса, такъ звали ребенка, была разряжена какъ принцеса. У ней была между прочимъ пара такихъ башмачковъ, какіе врядъ ли были у короля Людовика XI! Мать сама вышивала ихъ и положила на это все свое искусство. Это были прелестныя розовыя башмачки, величиною съ мой большой палець. Надо было видѣть ихъ на хорошенькихъ розовыхъ ножкахъ ребенка! Впрочемъ не одни только ножки были хороши у Агнесы. Я видѣла ее, когда ей было только четыре мѣсяца: это былъ настоящій херувимъ! Глаза у ней были больше, нежели ротъ, и тончайшіе черныя вьющіеся волосы. Какая бы брюнетка вышла изъ нея въ шестнадцать лѣтъ! Мать влюблялась въ нее съ каждымъ днемъ болѣе. Она ласкала, цѣловала, мыла, наряжала ее, просто готова была съѣсть! Какъ она благодарила Бога! Маленькія розовыя ножки сводили ее съ ума: она вѣчно цѣловала ихъ и не могла надивиться, какъ онѣ малы. Она снимала и надѣвала ей башмачки, разсматривала ножки къ свѣту, пробовала, какъ онѣ будутъ ходить по постелѣ и охотно проведла бы всю жизнь у этихъ ногъ.

— Все это хорошо, но о цыганахъ и помина нѣтъ.

— Сейчасъ. Однажды въ Реймсѣ появились странные люди. Это были нищіе подъ предводительствомъ своего герцога и графовъ. Они были смуглы, съ курчавыми волосами и серебряными кольцами въ ушахъ. Женщины были хуже мужчинъ. Лицо ихъ было черно и всегда открыто; на тѣлѣ дрянное рубище: кусокъ грубаго холста черезъ плечо, и волосы какъ конская грива. Дѣти, валявшіяся подъ ихъ ногами, могли бы напугать обезьянъ. Они шли прямо изъ Нижняго Египта въ Реймсѣ черезъ Польшу. Говорятъ, папа ихъ исповѣдывалъ и назначилъ имъ, за грѣхи, странствовать семь лѣтъ, не останавливаясь подъ кровдеи. Они пришли гадать въ Реймсѣ, отъ имени алжирскаго короля и нѣмецкаго императора. Этого разумѣется было довольно, чтобъ не впустить ихъ въ городъ. Тогда вся ватага расположилась у городскихъ воротъ, на холмикѣ, гдѣ теперь мельница. Всѣ жители наперерывъ ходили смотрѣть на нихъ. Они глядѣли на руку и предсказывали чудеса. Про нихъ носился слухъ, что они воруютъ дѣтей, отрѣзываютъ кошельки и ѣдятъ человѣческое мясо. Умные совѣтовали глупымъ не ходить, а сами отъправлялись тайкомъ. Египтяне рассказывали вещи, способныя уди-

вить кардинала. Матери очень гордились дѣтьми, которымъ цыгане вычитали по рукѣ разныя чудеса, написанныя поязычески и потурецки. У одной сынъ будетъ королемъ, у другой паной, у третьей капитаномъ. Бѣдная Пакета не устояла: ей захотѣлось узнать, не будетъ ли ея хорошенькая Агнеса королевой армянской или другой какой-нибудь. Она понесла ее къ цыганамъ, которые принялись ее хвалить, цѣловать своими черными губами, восхищаться ея ручкой, увы! къ великой радости матери. Въ особенности расхвалили ножки и башмачки. Ребенку не было еще года. Она уже улыбалась матери, лепетала, была такая кругленькая и ловкая какъ ангельчикъ. Египтянѣ она очень испугалась и заплакала, но мать поцѣловала ее еще крѣпче и ушла, довольная предсказаніями. Малютка будетъ красавица, умница, королева. Мать съ гордостью принесла королеву домой. На другой день, пока дитя еще не просыпалось, она тихонько встала съ постели, приотворила дверь и вышла рассказать сосѣдкѣ, что придетъ время, когда ея Агнесѣ будутъ служить за столомъ король англійскій и эрцгерцогъ ефіопскій. Возвращаясь домой и не слыша крика, она подумала: ребенокъ спитъ. Дверь была однакожь отворена болѣе, чѣмъ она ее оставила; бѣдная мать бросилась прямо къ постелѣ... Ребенка не было, остался одинъ только башмачокъ. Она бросилась съ лѣстницы, билась головой объ стѣны и кричала: «Кто взялъ мое дитя!» Улица была пустая, домъ уединенный, никто ничего не видалъ. Она пробѣгала весь день какъ сумашедшая, съ растрепанными волосами, страшная; въ глазахъ былъ какой-то огонь, иссушившій слезы. Она останавливала прохожихъ и кричала: «Дочь моя, моя хорошенькая дочка! Кто отдастъ мнѣ ее, я буду служить тому какъ собака, вырву ему сердце свое изъ груди!» Ей встрѣтился кюре изъ Сен-Реми, она говорила ему: «Батюшка, я буду пахать землю ногтями, только отдайте мнѣ мою дочку!» Это было ужасно, даже нашъ прокуроръ плакалъ.

— Бѣдная мать! Вечеромъ, она возвратилась домой. Во время ея отсутствія, сосѣдка видѣла, какъ двѣ цыганки прокрались къ ней съ какимъ-то сверткомъ, потомъ затворили дверь и поспѣшно убѣжали. Съ тѣхъ поръ изъ комнаты Пакеты сталъ раздаваться дѣтскій крикъ. Пакета судорожно захохотала, взлетѣла на лѣстницу, вышла дверь и вошла... Чтожъ бы вы думали! вмѣсто хорошенькой Агнесы, свѣженькой и розовенькой, по полу ползало и кричало какое-то чудовище, хромое, кривое, изуродованное. Она съ ужасомъ закрыла глаза. Неужели колдуньи превратили мое дитя въ это чу-

довище! Чудовище поскорѣй унесли, нето она сошла бы съума. Это вѣрно было дитя какой-нибудь цыганки, проданное нечистому. Ему было года четыре и онъ говорилъ какимъ-то нечеловѣческимъ языкомъ, слова были какія-то невѣроятныя. Пакета бросилась на маленькій башмачекъ, единственную вещь въ мірѣ, остававшуюся отъ всего что она любила. Она такъ долго оставалась надъ нимъ безъ движенія, безъ словъ, безъ дыханія, что ее сочли было мертвой. Вдругъ она дрогнула всѣмъ тѣломъ, покрыла башмачекъ неистовыми поцѣлуями и такъ зарыдала, какъ-будто сердце рвалось у ней на части. Мы всѣ съ ней плакали. Она говорила: О моя дочка, хорошенькая моя дочка, гдѣ ты теперь? У всѣхъ душа содрогалась. Я и теперь не могу безъ слезъ вспомнить. Дѣти, вѣдь это часть насъ самихъ. Бѣдный мой Есташъ, ты тоже хорошенькій. Еслибъ вы знали, какъ онъ милъ! Вчера онъ вдругъ говоритъ мнѣ: я хочу быть жандармомъ! О, еслибъ я его лишилась!.. Пакета вдругъ встала и бросилась по городу съ крикомъ: За мной, въ египетскій лагерь, надо сжечь кодуновъ! Цыганъ уже не было. Ночь была темная, такъ что и погоню посылать было бесполезно. На другой день, въ двухъ лье отъ Реймса, нашли остатки костра, нѣсколько ленточекъ, принадлежавшихъ ребенку Пакеты, слѣды крови и землю изрытую козлиными рогами. Прошедшая ночь была суботняя; никто не сомнѣвался, что цыгане справляли свой шабашъ и съѣли ребенка пополамъ съ Вельзевуломъ, какъ это всегда дѣлаютъ магометане. Когда все рассказали Пакетѣ, она не заплакала, только пошевелила губами, но словъ не вышло. На другой день у ней волосы посѣдѣли, а на третій она пропала.

— Вотъ, въ самомъ дѣлѣ исторія, отъ которой камень заплачетъ.

— Я не удивляюсь теперь, что вы такъ боитесь цыганъ.

— Особенно, вы хорошо сдѣлали, что увели сына отъ нихъ, потомучто они тоже пришли изъ Польши.

— Не правда, говорятъ, что они изъ Испаніи и Каталоніи.

— Каталоніи? можетъ-быть, я все смѣшиваю эти названія. Но главное то, что они все-таки египтяне.

— И у нихъ зубы длиннѣе, съѣдятъ ребенка. Я не прочь отъ мысли, что и Эсмеральда готова съѣсть кусочекъ, несмотря на свою деликатность. Ея бѣлая козочка выдѣлываетъ уже черезчуръ мудренныя штуки. Тутъ что-то не просто!

Майета шла молча. Она погружена была въ задумчивость, ко-

торая такъ-сказать составляет продолженіе грустнаго расказа и останавливается только, когда уже его вибраціи дойдуть до самыхъ сокровенныхъ фибръ сердца. Жервеза обратилась къ ней: — И никто не узналъ что случилось съ Пакетой? Майета не отвѣчала. Жервеза повторила вопросъ, потрясши ее за руку и назвавши по имени. Майета точно проснулась.

— Что сдѣлалось съ Пакетой? повторила она машинально, какъ бы стараясь проникнуть въ смыслъ этихъ словъ. А! объ ней не было больше и слуха.

Она прибавила, по нѣкоторомъ размышленіи :

— Одни говорили, что она вышла рано поутру изъ Реймса въ ворота Флешанбо; другіе указываютъ на другое направленіе. Одинъ бѣднякъ нашолъ ее золотой крестъ, — онъ былъ повѣшенъ на каменномъ крестѣ, на ярморочной площади. Этотъ-то подарокъ и сгубилъ ее въ 61 году. Его подарилъ ей красивый виконтъ де Кормонтрель, первый ея любовникъ, и Пакета не хотѣла разстаться съ крестикомъ, несмотря ни на какую крайность: имъ дорожила она какъ жизнью. Когда мы увидали крестикъ, то всѣ подумали, что она умерла. Послѣ говорили нѣкоторые, что видѣли ее босикомъ на парижской дорогѣ. Тогда впрочемъ ей слѣдовало бы выйти изъ Весльскихъ воротъ, а это несогласно съ первыми показаніями. Да она вѣрно такъ и сдѣлала, перешла черезъ Веслу, только отправилась-то дальше Парижа.

— Я васъ не понимаю.

— Весла рѣка, отвѣчала съ грустной улыбкой Майета.

— Бѣдная Пакета, утопилась!

— Утопилась! повторила Майета. Думалъ ли старикъ Гюнберто, переплывая съ пѣніемъ рѣку, что его маленькая Пакета также со временемъ переплыветъ ее, только безъ лодки и безъ пѣсенъ.

— А куда дѣвался башмачекъ? спросила Жервеза.

— Пропалъ вмѣстѣ съ матерью.

— Бѣдный маленькій башмачекъ! сказала Ударда.

Ударда, толстая и чувствительная женщина, готова была молча вздыхать вслѣдъ за Майетой, но любопытство Жервезы все еще не было удовлетворено.

— А чудовище? вдругъ спросила она у Майеты.

— Какое чудовище?

— Маленькое цыганское чудовище, которое колдуньи оставили

Пакетъ вмѣсто дочери. Что вы съ нимъ сдѣлали? Надѣюсь, также утопили его?

— Вовсе нѣтъ, отвѣчала Майета.

— Какъ! стало-быть сожгли? Впрочемъ такъ и слѣдовало поступить съ ребенкомъ колдуньи.

— Ни того, ни другого, Жервеза. Архіепископъ принявъ участіе въ ребенкѣ, произнесъ надъ нимъ заклинаніе, благословилъ его, и выгнавъ злого духа, отправилъ его въ Парижъ, чтобъ выставить его въ придворѣ собора Богоматери, на мѣстѣ найденышей.

— Ужъ эти епископы! бормотала Жервеза, потому что они учены, такъ ужъ и дѣлаютъ все не такъ какъ другіе люди. Скажите пожалуйста! положить чертенка съ подкидышами! не говорите, это навѣрное былъ чертенокъ. Ну, Майета, что же съ нимъ сдѣлали въ Парижъ? Вѣроятно никто не взялъ его.

— Не знаю; въ это самое время мой мужъ купилъ должность сельскаго нотаріуса, въ двухъ лье отъ города, и мы потеряли изъ вида эту исторію; тѣмъ болѣе, что передъ нашимъ селеніемъ двѣ высокія горы, которыя заслоняютъ даже реймскія колокольни.

Разговаривая такимъ образомъ, три собесѣдницы дошли до гревской площади. Въ разговорѣ, онѣ не замѣтно миновали келью въ башнѣ Роланда и машинально направлялись къ позорному столбу, который уже окружала густая толпа. По всей вѣроятности, зрѣлище предстоящее имъ изгладило бы вовсе изъ памяти ихъ Крысью нору, еслибы шестилѣтній Есташъ не напомнилъ о ней.

— Мама, сказалъ онъ, какъ бы чувствуя по инстинкту, что цѣль путешествія осталась позади: — можно теперь съѣсть лепешку?

Будь Есташъ половчѣе, то-есть не столько жаденъ, онъ сдѣлалъ бы этотъ вопросъ на возвратномъ пути, когда между Крысьей норой и ихъ домомъ лежало бы два рукава Сены и пять мостовъ Стараго города.

Теперь же, неосторожное напоминаніе пробудило память Майеты.

— Кстати, мы и позабыли затворницу! вскричала она. Покажите же мнѣ вашу Крысью нору: я снесу туда лепешку.

— Сейчасъ, отвѣчала Ударда, это доброе дѣло.

Есташу это вовсе не нравилось.

— Моя лепешка! закричалъ онъ, поднимая плечи, — знакъ величайшаго неудовольствія.

Женщины воротились назадъ и подошли къ кельѣ. Ударда сказала другимъ :

— Не надо всѣмъ разомъ глядѣть въ окошечко , затворница испугается. Сдѣлайте видъ , что читаете молитву , а я посмотрю : она меня немножко знаетъ. Когда будетъ можно , я скажу вамъ.

Она пошла одна къ окошечку. Въ ту минуту , какъ она заглянула въ темную келью , глубокая жалость выразилась во всѣхъ ея чертахъ ; ея веселая , откровенная физиономія быстро измѣнила свое выраженіе , какъ-будто перейдя отъ солнечнаго луча къ лунному ; глаза ея налились слезами , губы подернулись , какъ у чловѣка готоваго заплакать. Она сдѣлала знакъ Майетѣ.

Майета подошла на цыпочкахъ , тоже взволнованная , какъ подходятъ къ постелѣ умирающаго.

Въ самомъ дѣлѣ , грустное зрѣлище представилось глазамъ женщинъ , неподвижно и притаивъ дыханіе смотрѣвшихъ въ рѣшотку.

Келья была узенькая , высокая , со сводами. Издали , она походила на митру епископа. Въ углу , на голомъ полу , скорчилась женщина. Подбородокъ ея упирался въ колѣна , которыя она крѣпко прижала къ груди руками. Черная одежда покрывала ее всю широкими складками ; пряди длинныхъ сѣдыхъ волосъ падали на лицо , и спускались до самыхъ ногъ. Въ этой позѣ она казалась , на темномъ фонѣ кельи , какимъ-то страннымъ треугольникомъ , который лучъ свѣта , падающій изъ окна , рѣзко раздѣлялъ на двѣ половины : темную и свѣтлую. Это было одно изъ тѣхъ привидѣній , состоящихъ изъ свѣта и тѣни , которыхъ можно увидѣть во снѣ или въ необыкновенномъ твореніи Гойа , блѣдныхъ , неподвижныхъ , страшныхъ , стоящихъ у рѣшотки тюрьмы или сидящихъ на надгробномъ памятникѣ. Это не было ни мужчина , ни женщина , ни живое существо , ни опредѣленная форма , — это былъ образъ , родъ видѣнія , въ которомъ дѣйствительное и фантастическое пересѣкались какъ свѣтъ тѣнью. Изъ подъ волосъ едва можно было рассмотретьъ профиль похудѣвшаго лица ; изъ подъ платья едва высывалась босая нога на замерзшемъ полу. Абрисъ чловѣческой формы , который можно было различить подъ этой траурной оболочкой , приводилъ въ трепеть.

Она казалась изсѣченной изъ камня , безъ движенія , безъ мысли , безъ дыханія. Одѣтая однимъ холстомъ въ январѣ мѣсяцѣ , на холодномъ гранитномъ полу , въ темной тюрьмѣ , окно которой пропускало только свѣтъ , а не солнце , она казалось и не замѣчала всѣхъ этихъ страданій. Можно было подумать , что она окаменѣла вмѣстѣ

съ домою, превратились въ ледъ съ зимою. Руки ея были сложены, глаза устремлены на одну точку. Съ перваго взгляда ее можно было принять за привидѣнiе, со втораго за статую.

Между-тѣмъ ея синiя губы раскрывались для дыханiя и дрожали, также мертвенно и машинально, какъ листья шевелящiеся отъ вѣтра.

Изъ ея глазъ выходилъ взглядъ невыразимый, глубокий, мрачный, постоянно устремленный въ уголь кельи, котораго нельзя было видѣть въ окошко; взглядъ, который казалось сосредоточивалъ все мрачныя мысли этой души на какомъ-то таинственномъ предметѣ.

Три женщины смотрѣли въ окошко. Онѣ заслоняли свѣтъ, но несчастная и не замѣчала этого. Не будемъ ей мѣшать, сказала Ударда — она молится.

Между тѣмъ Майета, съ возрастающимъ любопытствомъ, вглядывалась въ эту исхудалую голову и глаза ея наполнялись слезами. Вотъ было бы странно, прошептала она.

Она просунула голову между желѣзныхъ прутьевъ и увидѣла предметъ, на который устремлены были глаза затворницы.

Когда она подняла голову, лицо ея было все въ слезахъ.

— Какъ зовутъ у васъ эту женщину? спросила она у Ударды.

— Сестрой Гудулой.

— А я назову ее Пакетой Шанфлери.

Тогда, приложивъ палецъ къ губамъ, она сдѣлала знакъ Удардѣ, чтобъ та посмотрѣла.

Ударда взглянула и увидѣла въ углу, куда устремлены были глаза несчастной, розовый башмачекъ, вышитый серебромъ и золотомъ.

Жервеза тоже взглянула и все трое заплакали.

Ни взгляды ихъ, ни слезы не въ состоянiи были разсѣять затворницу. Руки ея оставались сложенными, губы сжатыми, глаза устремленными на одну точку. Для того кто зналъ ея исторiю, зрѣлище было поразительно.

Три женщины не произнесли еще ни одного слова: онѣ не смѣли говорить даже шопотомъ. Это вѣчное молчанiе, великое горе, въ которомъ исчезло все кромѣ одной вещи, производило на нихъ благоговѣйный страхъ. Онѣ молчали и готовы были стать на колѣни. Имъ казалось, что онѣ въ церкви во время страстной недѣли.

Наконецъ Жервеза, самая любопытная и потому менѣе другихъ чувствительная, рѣшилась заставить говорить затворницу.

— Сестра! сестра Гудула!

Она повторила свой зовъ три раза, каждый разъ возвышая голосъ. Затворница не шевельнулась; ни слова, ни взгляда, ни вздоха, ни одного признака жизни.

Ударда, въ свою очередь, произнесла болѣе мягкимъ и ласковымъ голосомъ: Сестра, святая сестра Гудула!

Тоже молчаніе и таже неподвижность.

— Странная женщина! вскричала Жервеза: — ее не разшевелишь пушечнымъ выстрѣломъ.

— Она можетъ-быть глуха, сказала вздохнувъ Ударда.

— Можетъ ослѣпла, прибавила Жервеза.

— Можетъ-быть умерла, сказала Майета.

Если душа и не покинула это недвижимое тѣло, то удалилась въ такую глубину, куда не проникають внѣшнія впечатлѣнія.

— Придется оставить лепешку на окнѣ, сказала Ударда: — пожалуй еще кто-нибудь возьметъ ее; какъ бы разбудить ее?

Есташъ, развлеченный до этой минуты зрѣлищемъ собаки, впряжонной въ маленькій экипажъ, вдругъ замѣтилъ, что спутницы его смотрять въ окно и, взобравшись на столбъ, всталъ на ципочки, приложилъ свое круглое личико къ отверстію, крича: мама, и я также хочю смотрѣть!

При этомъ дѣтскомъ голосѣ, свѣжемъ и звучномъ, затворница вздрогнула. Она повернула голову быстрымъ движеніемъ, ея худыя руки раздвинули волосы на лицѣ и она взглянула на ребенка грустностью отчаяніемъ. Взглядъ этотъ былъ какъ молнія. «Господи! вскрикнула она, пряча голову въ колѣни, и казалось ея рѣзкій голосъ разрывалъ ей грудь, — покрайней-мѣрѣ не показывай мнѣ чужихъ дѣтей!

— Здравствуйте, важно произнесъ ребенокъ.

Это потрясеніе разбудило затворницу. Долгая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу; зубы ея застучали, она вполонину подняла голову и сказала, взявъ руками свои голыя ноги: «Охъ, холодно!

— Бѣдняжка, сказала съ участіемъ Ударда, хотите немного огня?

Она отрицательно покачала головою.

— Такъ вотъ немного вина, сказала Ударда, передавая ей бутылку: — выпейте, это васъ согрѣетъ.

Она опять покачала головой, пристально посмотрѣла на Ударду и сказала: воды!

Ударда настаивала. — Нѣтъ сестра, въ январѣ надо пить вино и скушать вотъ эту лепешку, которую мы испекли для васъ.

Она оттолкнула лепешку, и сказала : чернаго хлѣба!

— Жервеза, проникнутая въ свою очередь челоѡѡколюбіемъ, сняла свой шерстяной платокъ и сказала : надѣньте, вамъ будетъ теплѣе.

Она попрежнему отказалась, указывая на свою одежду.

— Вспомните же, что вчера былъ праздникъ, сказала Ударда.

— Я замѣчаю это, отвѣчала затворница, вотъ уже другой день нѣтъ воды въ мой кружкѣ.

И она прибавила помолчавъ : « Праздникъ, — меня забываютъ... и хорошо дѣлаютъ. Зачѣмъ людямъ думать обо мнѣ, когда я объ нихъ недумаю. Холоднымъ углямъ холодная зола. »

И какъ бы уставши отъ этихъ словъ, она опустила голову на колѣни. Простая и добрая Ударда, думая, что она опять жалуется на холодъ, наивно сказала ей :

— Такъ хотите огня?

— Огня? произнесла затворница какимъ-то страннымъ тономъ. Вы сожжете дочку мою, которая уже пятнадцать лѣтъ подъ землею!

Все тѣло ея дрожало, и протянувъ свою сухую, бѣлую руку къ рѣшеткѣ, она закричала :

— Унесите ребенка! цыганка придетъ!

Она упала лицомъ на землю и голова ея издала глухой звукъ, ударясь о камень. Женщины подумали, что она умерла. Минуту спустя, она пошевелилась и поползла на колѣняхъ къ углу, гдѣ висѣлъ башмачекъ. Онѣ не смѣли заглянуть въ окно, но слышали тысячи поцѣлуевъ и вздоховъ, сопровождаемыхъ страшными криками и звукомъ головы, бьющейся объ стѣну; наконецъ раздался такой сильный ударъ, что онѣ содрогнулись и не слышали ничего болѣе.

— Она убилась? сказала Жервеза, заглядывая въ окно: — сестра Гудула!

— Сестра Гудула! повторила Ударда.

— Господи! она не шевелится! продолжала Жервеза, она умерла! Гудула! Гудула!

Майета, которой рыданія мѣшали говорить, сбѣжала имъ знакъ и подойдя къ окну, произнесла : Пакета! Пакета Шантолеры!

Ребенокъ неосторожно дунувшій на фитиль ракеты, которая вспыхиваетъ ему въ лицо, не могъ бы быть испуганъ сильнѣе Майеты въ эту минуту.

Затворница вздрогнула всѣмъ тѣломъ, встала на ноги и бросилась къ окну съ сверкающими глазами. Майета и ея спутницы отскочили къ оградѣ набережной.

Между тѣмъ страшное лицо затворницы показалось у рѣшотки. О, сказала она, это цыганка зоветъ меня! и страшно захохотала.

Сцена, происходившая въ эту минуту у позорнаго столба, привлекла ея вниманіе. Лицо ея выразило ужасъ; она протянула изъ окна свои сухія руки и закричала страшнымъ голосомъ: — Опять ты, дочь Египта! Это ты зовешь меня, воровка дѣтей! Будь ты проклята! проклята! проклята!

IV

СЛЕЗА ЗА КАПЛЮ ВОДЫ

Эти слова послужили связью между двумя сценами, разыгравшимися параллельно на двухъ различныхъ пунктахъ, въ одно и тѣже время. Одну изъ нихъ мы видѣли въ Крысей норѣ, другую читатель сейчасъ прочтетъ. Свидѣтельницами первой были три уже знакомыя намъ женщины; свидѣтелемъ же второй былъ весь народъ, собравшійся у столба Гревской площади.

Толпа эта, которой сержанты пообѣщали наказаніе кнутомъ, такъ увеличилась и окружила столбъ, что нужно было расталкивать ее съ помощью лошадей и нагаекъ.

Народъ, привыкшій къ ожиданіямъ публичныхъ наказаній, не выражалъ сильнаго нетерпѣнія. Онъ забавлялся разсматриваніемъ столба очень простой постройки, состоящей изъ каменнаго куба, футовъ въ десять вышиною, пустого внутри. Одна крутая каменная ступень, которую называли лѣстницей, вела на верхнюю площадку, на которой виднѣлось горизонтальное дубовое колесо. Наказываемаго привязывали къ этому колесу на колѣняхъ, руки назадъ. Деревянный стержень, приводящій въ движеніе вѣртокъ, спрятанный внутри зданія, сообщалъ движеніе колесу, такъ что лицо виновнаго обращалось на всѣ стороны площади. Это называлось вертѣть на колесѣ.

Столбъ Гревской площади не представлялъ, какъ видите, тѣхъ развлеченій какъ столбъ на рынкѣ. Въ немъ не было никакой архитектурной идеи, ничего монументальнаго. Ни крыши съ желѣзнымъ

крестомъ, ни осмиграннаго фонаря, ни колонокъ на краю крыши, ни рѣзныхъ украшеній, ни скульптуры.

Зрѣлище было незавидное для любителей готической архитектуры, но народъ не обращалъ на это большого вниманія и не требуетъ красоты отъ позорныхъ столбовъ.

Наконецъ привезли осужденнаго и когда ввели его на платформу и привязали къ колесу, въ толпѣ раздался смѣхъ и рукоплесканія. Народъ узналъ Квазимодо.

Переходъ былъ разительный. Наканунѣ, на той же самой площади, его носили съ триумфомъ, въ сопровожденіи герцога Египта, короля Ефіопіи и разныхъ другихъ чиновъ. Замѣчательно, что никому, даже самому Квазимодо, не пришла въ голову мысль объ этомъ контрастѣ. На площади не доставало Гренгуара съ его философіей.

Скоро Мишель Ногаре, присяжный трубачъ его величества, потребовалъ молчанія и прочелъ *черни* (*manants*) приговоръ скрѣпленный г. прево, потомъ удалился съ своими людьми за телѣгу.

Квазимодо оставался недвижимъ. Всякое сопротивленіе съ его стороны было невозможно, потомучто веревки вѣзывались ему въ тѣло. Это обыкновеніе сохранилось и между нами, цивилизованнымъ народомъ, въ отношеніи къ ручнымъ цѣпямъ. Его втащили, привязали, толкали, но на лицѣ его не выразилось ничего, кромѣ идиотическаго удивленія. Всѣ знали, что онъ глухъ, но тутъ можно было подумать что онъ и ослѣпъ.

Его поставили на колѣни; онъ сталъ. Его раздѣли до пояса, онъ непошевелился. Его опять притянули веревками, онъ не далъ признака жизни. Только отъ времени до времени онъ тяжело дышалъ, какъ теленокъ, котораго голова свѣсилась и бьется о край телѣги мясника.

— Животное, сказалъ Фролло Пуспену (оба школьника, конечно, послѣдовали за осужденнымъ), онъ столько же понимаетъ, какъ жукъ запертый въ коробку.

Въ толпѣ раздался громкій смѣхъ, когда увидѣли обнаженный горбъ Квазимодо, его верблюжью грудь и волосатыя плечи. Въ это время, человекъ въ городскомъ мундирѣ, приземистый и здоровый, сталъ подлѣ осужденнаго. Имя его тотчасъ разнеслось въ толпѣ. Это былъ Пьера Тортрю, палачъ Шателе.

Онъ поставилъ на уголъ столба черныя песочныя часы, верхняя часть которыхъ была полна краснымъ пескомъ, медленно пересыпавшимся въ нижнюю, потомъ снялъ съ одного рукава сюртукъ и всѣ

увидѣли на его рукѣ тонкіи кнутъ, съ острыми бѣлыми ремнями, лоснящимися, въ узелкахъ и съ металлическими оконечностями. Лѣвой рукою онъ небрежно заворачивалъ рукавъ правой.

Между тѣмъ, Фролло, возвысивъ свою кудрявую голову надъ толпою, кричалъ :

— Пожалуйте, почтенные господа и прекрасныя барыни! сейчасъ будутъ стегать Квазимодо, звонаря моего брата, архидіакона собора богоматери, полюбуйте его восточной архитектурой: сии на у него куполомъ, а ноги витыми колонами!

Толпа хохотала, въ особенности дѣвушки и дѣти.

Наконецъ палачъ топнулъ ногой. Колесо завертѣлось. Квазимодо покачнулся. Удивленіе, выразившееся на его безобразномъ лицѣ, удвоило всеобщую веселость. Вдругъ, когда колесо при поворотѣ поставило горбъ Квазимодо палачу Пьера, тотъ поднялъ руку, ремешки свиснули въ воздухъ какъ стая змѣй, и съ силой упали на плечи несчастнаго.

Квазимодо подпрыгнулъ, будто пробужденный отъ сна. Онъ началъ понимать. Онъ силился разорвать веревки. Выраженіе изумленія и боли подернуло его лицо, но онъ не испустилъ ни одного вздоха. Только голова его, покачиваясь, обращалась во всѣ стороны, какъ голова буйвола, укушеннаго змѣей.

Второй ударъ послѣдовалъ за первымъ, потомъ третій, четвертый и такъ далѣе. Колесо не переставало вертѣться, и удары сыпаться на спину. Скоро брызнула кровь и стала скатываться тысячью ручьевъ на черныя плечи горбуна; тонкіе ремешки, взвиваясь на воздухъ, окропляли ею толпу.

Квазимодо повидимому пришелъ въ прежнее оцѣпненіе. Онъ попробовалъ было тихонько разорвать веревки. Глазъ его заблесталъ, черты исказились, члены напряглись и веревки подались нѣсколько. Усиліе было могучее, отчаянное, но путы устояли. Онъ потрещалъ и ничего болѣе. Квазимодо выбился изъ силъ. Онъ закрылъ свой единственный глазъ, опустилъ голову на грудь и остался недвижимъ.

Съ той минуты ничто не заставило его пошевелиться. Ни кровь, текущая ручьями, ни усиливающіеся удары, ни гнѣвъ палача, входящаго въ экстазъ по мѣрѣ продолжительности наказанія, ни свистъ ужасныхъ ремней.

Наконецъ экзекуторъ Шателе, одѣтый въ черное и сидѣвшій на черной лошади все время около лѣстницы, протянулъ свой костья-

ной жезлъ къ песочницѣ. Палачъ остановился ; колесо перестало вертѣться. Глазъ Квазимодо медленно раскрылся.

Два прислужника палача омыли окровавленные плечи , натерли ихъ какимъ-то снадобьемъ , тотчасъ закрывшимъ всѣ раны и накинули на нихъ родъ желтаго кафтана. Тортрю , между тѣмъ , каналъ кровью съ своихъ ремешковъ на площадь.

Для Квазимодо еще не все кончилось. Оставалось выстоять на столбѣ часъ , прибавленный Флоріаномъ Барбедьенъ , къ величайшей славѣ стараго физиологическаго и психологическаго каламбура Жана де Кюменъ : *Surdus absurdus*.

Песочные часы перевернули и оставили страдалца на столбѣ , чтобъ въ точности исполнить правосудіе.

Народъ , въ особенности средневѣковый , въ обществѣ тоже что ребенокъ въ семействѣ. Пока онъ остается въ первобытномъ невѣденіи , про него можно сказать , какъ про ребенка :

Этотъ возрастъ безжалостенъ.

Мы уже видѣли , что Квазимодо былъ предметомъ всеобщей ненависти , впрочемъ и не совершенно напрасно. Не было почти ни одного изъ зрителей его наказанія , который не имѣлъ бы причины пожаловаться на злого соборнаго горбуна. Всѣ были рады что увидѣли его на позорномъ столбѣ ; жестокость наказанія и жалкое положеніе , въ которомъ его оставили , не только не смягчило толпы , но еще усилило ея веселость.

Когда общественный судъ кончился , началась частная месть. Здѣсь , какъ и въ большой залъ , всего болѣе отличались женщины. У всѣхъ былъ зубъ противъ него : у однихъ — за злость , у другихъ — за безобразіе. Последнія всего болѣе свирѣпствовали :

— У , маска антихриста ! говорила одна.

— Вѣдьмачъ ! кричала другая.

— За эту гримасу его бы сдѣлали папой , еслибъ сегодня было вчера !

— Теперь онъ дѣлаетъ гримасу на столбѣ , когда-то сдѣлаетъ ее на висѣлицѣ ?

— Когда провалишься подъ землю съ твоимъ большимъ колоколомъ , проклятый звонарь ?

— И этотъ-то дьяволъ звонитъ къ божественной службѣ !

— Глухарь , кривой , горбунъ , чучело !

— Средство для выкидыша , безъ всякихъ медицинскихъ пособій !

А два школьника пѣли во все горло старый народный припѣвъ :

Une hart
Pour le pendard,
Un fagot
Pour le magot.

Тысячи другихъ оскорбленій лились дождемъ, сопровождаемыя иногда камнями.

Квазимодо былъ глухъ, но хорошо видѣлъ, а злоба выражалась и на лицахъ и въ жостахъ. Ктому-же камни служили поясненіемъ.

Сначала онъ сносилъ терпѣливо. Но мало-помалу это терпѣніе, не измѣнявшее ему подъ ударами палача, истощилось отъ всѣхъ этихъ мелкихъ жалъ. Астурійскій быкъ, хладнокровный къ нападеніямъ сильнаго, раздражается лаемъ собакъ.

Онъ навелъ грозный взглядъ на толпу, но взглядъ этотъ былъ безсиленъ, чтобы разогнать этихъ мухъ, кусающихъ его раны. Тогда онъ зашевелился и его яростныя потуги заставили затрещать колесо. Насмѣшки только усилились.

Тогда убѣдившись, что не можетъ порвать своихъ путь, Квазимодо успокоился; только грудь его колыхалась отъ ускореннаго дыханія. На лицѣ его не выражалось чувства стыда: онъ былъ слишкомъ далекъ отъ общества и слишкомъ близокъ къ природѣ, чтобъ понимать это чувство. Да и есть ли возможность еще унижить такое безобразное существо? Но гнѣвъ, ненависть, отчаяніе навели на него мрачное облако, электричество котораго вырывалось молніями изъ единственнаго глаза циклопа.

Это облако разъяснилось однакожь при появленіи ослицы, на которой сидѣлъ священникъ. Лишь только завидѣлъ онъ эту ослицу и этого священника, лицо его прояснилось. Выраженіе злобы смѣнилось странной улыбкой, исполненной кротости и нѣжности. По мѣрѣ приближенія священника, улыбка дѣлалась яснѣе и радостнѣе. Несчастный привѣтствовалъ избавителя. Однакожь когда ослица настолько приблизилась къ столбу, что можно было разсмотрѣть страдальца, священникъ опустилъ глаза, свернулъ съ дороги и поскокалъ, какъ человѣкъ, вовсе не желавшій услышать привѣтствіе отъ несчастной жертвы.

Священникъ этотъ былъ архидіаконъ Фролло.

Облако еще больше сгустилось на лицѣ Квазимодо. Улыбка не исчезла еще, но сдѣлалась невыразимо горькая.

Время шло. Уже полтора часа терзали бѣдняка ударами, на-смѣшками и чуть не измозжили камнями.

Вдругъ онъ снова зашевелился съ удвоившимся отчаяніемъ, и прервавъ свое упорное молчаніе, закричалъ рѣзкимъ и гнѣвнымъ голосомъ, скорѣе похожимъ на лай, чѣмъ на человѣчскій голосъ: «Пить!» — Воскличаніе это сдѣлалось новымъ поводомъ къ развлеченію добраго парижскаго народа, окружавшаго лѣстницу, народа, который, взятый въ массѣ, былъ неменѣе жестокъ чѣмъ племя бродягъ, къ которымъ мы водили читателя. Сами бродяги составляли только низшій слой народа. Ни одинъ голосъ не возвысился безъ на-смѣшки при крикѣ несчастнаго. Правда, звонарь былъ болѣе страшенъ и гадокъ нежели жалокъ, съ своимъ краснымъ лицомъ, съ котораго катился потъ, съ блуждающимъ глазомъ, иѣною у рта и на-половину-высунутымъ языкомъ. Еслибы даже въ толпѣ и нашлась добрая душа, пожелавшая удовлетворить страдальца, то войти на ступени позорнаго столба считалось такимъ униженіемъ, что одно это остановило бы благодѣтельнаго самарянина.

Помолчавъ съ минуту, Квазимодо простоналъ еще болѣе раздражающимъ голосомъ: «пить!»

Всѣ снова захохотали.

— Вотъ пей! кричалъ Пуспенъ, бросая въ него губку, выпачканую грязью. — Вотъ тебѣ, гадкій глухарь, я твой должникъ.

Женщина кинула ему камень.

— Вотъ это научить тебя будить насъ по утрамъ своимъ чертовскимъ трезвономъ.

— Что, братъ, гнусилъ какой-то калѣка, сисясь достать его своей клюкой: — будешь колдовать и нашоptyвать на своей башнѣ?

— Вотъ тебѣ кружка! кричалъ мужчина, бросая разбитый кувшинъ ему въ грудь. — Моя жена родила двухголоваго ребенка, потомучто ты въ это время проходилъ мимо.

— А у меня кошка родила котенка съ шестью лапками, проищала старуха, кинувъ кирпичемъ.

— Пить! повторилъ въ третій разъ изнемогавшій Квазимодо.

Въ эту минуту толпа разступилась. Появилась молодая, странно-одѣтая дѣвушка. За ней слѣдовала бѣлая козочка съ золотыми рогами; въ рукахъ у ней былъ тамбуринъ.

Глазъ Квазимодо засверкалъ. Это была цыганка, которую онъ старался похитить ночью, и за которую былъ наказанъ въ эту минуту, что впрочемъ было не совсѣмъ справедливо: его наказывали

за то, что онъ глухъ и попалъ на глухого судью. Квазимодо не сомнѣвался, что дѣвушка тоже хочетъ отмстить за себя.

Въ самомъ дѣлѣ, она быстро всходила на лѣстницу. Гнѣвъ и досада душили горбуна. Онъ желалъ бы сокрушить зданіе столба, и будь молніей его глаза, будь они способны поразить египтянку, она обратилась бы въ пенель, не дойдя до платформы.

Она молча подошла къ страдалцу, дѣлавшему невѣроятныя усилія, чтобъ скрыться отъ нея, и отвязавъ отъ пояса бутылку, тихо поднесла ее къ запекшимся губамъ Квазимодо.

Тогда въ этомъ сухомъ и воспламененномъ глазу заблестала слеза и тихо покатила по лицу, искаженному мукой.

Это была быть-можетъ его первая слеза.

Между тѣмъ онъ почти не пилъ. Цыганка слѣлала свою обычную гримаску, и съ улыбкой прижала къ его губамъ горлышко бутылки. Онъ началъ пить съ жадностью.

Напившись, несчастный протянулъ свои черныя губы, вѣроятно чтобы поцѣловать благодѣтельную руку, но молодая дѣвушка, вѣроятно не потерявшая всѣхъ опасеній, возбужденныхъ вчерашней попыткой горбуна, отдернула руку со страхомъ ребенка, боящагося укушенія вреднаго животнаго.

Бѣдный глухарь устремилъ на нее взглядъ, полный тоски и упрека.

Повсюду зрѣлище прекрасной, чистой и слабой дѣвушки, пришедшей на помощь безобразію, злобѣ и несчастію, было бы трогательно, — на позорномъ столбѣ оно было удивительно.

Даже народъ былъ пораженъ и кричалъ, хлопая въ ладоши: «браво! браво!»

Въ это-то время затворница увидала изъ своего окна цыганку на эшафотѣ и послала ей свое проклятіе.

V

КОНЕЦЪ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЛЕПЕШКИ

Эсмеральда поблѣднѣла, и шатаясь сошла съ лѣстницы.

Голосъ преслѣдовалъ ее:

— Сходи! сходи, негодная тварь! придетъ и твой чередъ!

— Затворница расходилась! шепталъ народъ, потому что этихъ

женщинъ боялись и уважали. Тогда не рѣшались нападать на того, кто молился цѣлые дни и ночи.

Наступилъ часъ освобожденія Квазимодо. Его отвязали и толпа разошлась.

Возлѣ Большого моста, Майета, шедшая домой съ подругами, вдругъ остановилась.

— Кстати, Есташъ, гдѣ же лепешка?

— Мама, пока ты говорила съ женщиной въ погребу, пришла большая собака и лизнула лепешку, тогда я взяла да и съѣла ее.

— Какъ, ты съѣла ее всю?

— Мама, это собака. Я ей говорилъ, а она не послушалась, тогда и я сталъ ѣсть.

— Ужасный ребенокъ! сказала мать, сердясь и улыбаясь: — Знаете, Ударда, онъ одинъ съѣдаетъ всѣ вишни съ нашего дерева въ саду. Дѣдушка говоритъ про него, что онъ будетъ капитаномъ. Смотри ты у меня, бутузъ ты эдакой!

Мать въ сердцахъ меня журила:
«Я-ль тебя не зарекала,
Чтобъ любви ты океанной
Пуще польмя бѣжала, —
 Да родительскій зарокъ
 Видно былъ тебѣ невпрокъ!»

— Мама! мама! чтожъ мнѣ дѣлать!
Я сама ея боялась,
Да она-то во свѣтлицу,
Не спросясь ко мнѣ врывалась
 Сквозь окошко, майскимъ днемъ
 Съ каждымъ солнечнымъ лучемъ.

Я бѣжала изъ свѣтлицы,
Въ темный садъ отъ ней бѣжала,
А она мнѣ тихимъ вѣтромъ
Все лицо исцаловала,
 И отъ мамы въ туже ночь
 Увела тихонько дочь.

• **ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ**

1862 г.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛЕКАРЯ

(посвящается В. А. Юшковой)

По окончаніи курса въ университетѣ, гдѣ я пробылъ пять лѣтъ стипендіатомъ, за что долженъ былъ десять лѣтъ прослужить казнѣ, т. е. служить тамъ, куда пошлютъ,—я поступилъ на службу сначала въ Петербургѣ, а потомъ послали меня служить городовымъ врачомъ въ провинцію, за тысячу триста шестьдесятъ и три версты. При этомъ было мнѣ немедленно выдано шестьдесятъ девять рублей и пятьдесятъ девять съ четвертью копѣекъ прогонныхъ денегъ на пару, да подорожная за двумя печатами и надписью: «по казенной надобности».

I

ДОРОГА

Рано утромъ 4 октября всталъ я и тотчасъ же принялся укладываться. Солнышко такъ радушно и весело свѣтило, что меня даже досада взяла: отчего именно сегодня, въ день моего отъѣзда, оно такъ весело свѣтитъ, а вчера, третьяго-дня, за недѣлю до этого все пряталось? Цѣлое утро незамѣтно прошло въ сборѣхъ, наконецъ часамъ къ двѣнадцати все уже было готово къ отъѣзду.

Ровно въ часъ пополудни я вышелъ на улицу въ мѣховомъ пальто, съ дорожной сумкой черезъ плечо, подошелъ къ первому встрѣчному извозчику, который съ примѣрнымъ усердіемъ

уписывалъ пирогъ съ капустой. «На московскую желѣзную дорогу!» кричу я ему. Онъ сунулъ пирогъ за пазуху и вскочилъ на козлы. «Садитесь.» Я сѣлъ; поѣхали. На Невскомъ противъ публичной библіотеки я взглянулъ на часы: было ужъ двадцать пять минутъ второго. «Поѣзжай скорѣе! торопилъ я извозчика: — а то опоздаемъ.» Онъ ударилъ по лошади, та бросилась со всѣхъ ногъ, поскользнулась и грохнулась на мостовую. Вотъ оно: тише бы ѣхали, дальше бы были! подумалъ я.

Билетъ на желѣзной дорогѣ былъ взятъ, вещи сланы. Кто-кто изъ короткихъ моихъ знакомыхъ пришли проводить меня. Мы расцѣловались на прощанье, и я скрылся въ вагонѣ третьяго класса за номеромъ 135. Ударили второй звонокъ, за нимъ раздался третій, свистокъ завылъ, вагоны тронулись....

Прощай, Питеръ!

«Желалъ бы я знать что думаютъ лошади въ гололедицу?» Такими словами начинается у Гребенки «Дневникъ студента». А у меня въ первыя минуты отъѣзда явилось желаніе знать: что думаютъ мои пріатели послѣ моего отъѣзда? Иной можетъ-быть не успѣлъ еще выйти изъ вокзала и ужъ забылъ про меня:

Aus den Augen, aus dem Sinn!..

Передъ отъѣздомъ одна дама увѣряла меня, что на пятнадцатой верстѣ я непременно заплачу, потомучто Гоголь сказалъ, будтобы всѣ уѣзжающіе плачутъ на пятнадцатой верстѣ — разумѣется если только они ѣдутъ не за пять, не за десять верстъ. Плакать мнѣ однакожь не привелось, потомучто ѣхать вообще было нескучно. Меня развлекали мои желѣзно-дорожные попутчики.

Вдали отъ меня сидѣлъ не очень молодой человѣкъ; рядомъ съ нимъ заняла мѣсто не очень тоже молодая женщина. Она минутно обращалась къ своему сосѣду съ разными вопросами и любезностями, и должно-быть крѣпко ему надоѣла, потомучто всякій разъ какъ только она что-нибудь скажетъ, онъ или отворачивался въ уголь, или просто молчалъ, показывая видъ, будто не слышитъ ея любезностей.

Отъ этой странной четы я перешолъ къ одному господину, который былъ худъ какъ спичка, безпреставно каплялъ съ какимъ-то свистомъ; на щекахъ выше обыкновеннаго рѣзко ограничивался румянецъ; и когда онъ заговорилъ шопотомъ, я поду-

малъ: хорошъ голубчикъ, нечего сказать! врядъ-ли дотянешь и до зимы! Этотъ субъектъ хоть и напомнилъ миѣ кой-кого изъ моихъ пациентовъ, но особеннаго вниманія я на него не обратилъ: встрѣтить чахоточнаго для нашего брата врача вѣдь не богъ-знаетъ какая рѣдкость.

Послѣ чахоточнаго я занялся третьей личностью, по всей вѣроятности сѣдой, потому что изъ-подъ теплой шапки проглядывали на вискахъ бѣлые волосы. Старичекъ повременамъ плакалъ и старался скрыть свои слезы, украдкой прикладывая платокъ къ глазамъ. Но иной разъ онъ не таилъ своего горя, плакалъ открыто, и въ это время лицо его принимало мизантропическое, пожалуй злое выраженіе. Послѣ я узналъ, что старичку было отчего плакать: онъ только-что схоронилъ сына, состоявшаго на службѣ въ Петербургѣ, прямо съ кладбища сѣлъ на московскую желѣзную дорогу и ѣхалъ теперь во Владимірѣ — хоронить другого сына....

Тутъ же въ нашемъ отдѣленіи находилась одна молодая дама, а можетъ-быть и дѣвица; подлѣ нея сидѣлъ очень еще молоденькій офцеръ, повидимому только-что выпущенный изъ корпуса. Между ними шолъ жаркій разговоръ, кончившійся тѣмъ, что дама или дѣвица заплакала и при остановкѣ на первой же станціи просила кондуктора дать ей мѣсто въ другомъ вагонѣ. Какого рода былъ между ними разговоръ, незнаю; я слышалъ только нѣсколько фразъ. Офцеръ говорилъ, наклонясь чуть не къ самому лицу сосѣдки:

— Такъ вы не любите жидовъ за то, что Иуда продалъ Христа?... Ну, а меня вы не продали бы за тридцать золотыхъ?

Лица дамы миѣ было не видно, но судя по тону, которымъ она проговорила: «Что такое? что вы сказали?» она должно-быть сильно была смущена и обижена словами офицера, который не остановился на этомъ и продолжалъ:

— Такъ за сколько же вы бы продали меня? Больше бы взяли или меньше? за двадцать пять или за тридцать пять?

Что было говорено потомъ, миѣ неизвѣстно, потому что я сидѣлъ въ углу у самой двери, которая именно въ это время отворилась и шумъ колесъ не позволилъ слышать что говорилося черезъ двѣ скамейки отъ меня.

Возлѣ меня сидѣлъ какой-то юноша-полякъ, напротивъ его

товарищи, тоже молодые и тоже поляки. Между нами вскорѣ завязался разговоръ, и я узналъ, что юноши-поляки были студенты московскаго университета, медики, и всѣ трое изъ виленской губерніи. Одного изъ нихъ звали Бальчини, другого — разумѣется въ шутку — виконтъ де-Бражелонъ, третьяго не помню какъ. Виконтъ де-Бражелонъ былъ превеселый малый и всю дорогу вплоть до Москвы постоянно смѣшилъ своими рассказами и разными выходками не только меня и своихъ товарищей, но нерѣдко и всѣхъ пассажировъ нашего отдѣленія. Такимъ образомъ у насъ составилъ въ дорогѣ свой отдѣльный кружокъ. Мы говорили объ университетѣ и разныхъ пустякахъ того времени, близкихъ каждому изъ насъ. Жаловаться на скуку мы не могли, да и вообще въ нашемъ отдѣленіи вагона скучѣ не было мѣста. Проѣхавъ пять станцій, мы, то-есть я и студенты поляки, обращались другъ съ другомъ уже безъ лишнихъ церемоній, по-студенчески, какъ-будто уже нѣсколько лѣтъ были знакомы. Ночью мнѣ страшно захотѣлось спать; заснуть сидя не было возможности, и я легъ на полъ между скамейками. Виконту рѣшительно негдѣ было лечь, и онъ помѣстился или старался помѣститься рядомъ со мной; но спать двоимъ между скамейками было очень тѣсно, и намъ просто приходилось лежать другъ на дружку; мы нестѣсняясь душили и давили другъ друга, и когда право сильнаго брало верхъ, одинъ изъ насъ совсѣмъ уползаль подъ скамейку. Мы однакожъ нисколько не были въ претензіи другъ на друга за такое несовсѣмъ деликатное обращеніе и утромъ много издъ этимъ смѣялись.

Я уже сказалъ, что виконтъ былъ человѣкъ очень веселаго нрава, и потому онъ былъ душой нашего небольшого кружка. Но душой всего нашего общества, состоявшаго изъ двадцати слишкомъ человѣкъ, т. е. всего нашего отдѣленія, былъ офицеръ-грузинъ, по фамиліи Сацерелидзе. Прослуживъ положенные годы, онъ возвращался на родину. Огъ того ли, что онъ покончилъ свою службу и собирался жить безъ дальнихъ хлопотъ да получать пенсію, или отъ того, что возвращался домой, къ родному очагу, или ужъ просто у него былъ такой счастливый характеръ, только онъ всю дорогу до Москвы былъ веселъ до-нельзя. Это была удивительно симпатичная натура. Его доброта и готовность услужить каждому, насколько разумѣется позволяли обстоятельства, невольно располагали всѣхъ въ его пользу. Около чудовской

станціи въ наше отлѣненіе вошолъ какой-то старичекъ и сѣлъ на мѣсто офицера. Тотъ и не подумалъ заявлять свои права и почти всю ночь простоялъ на ногахъ.

— Чтоже вы стоите? говорили офицеру пассажиры: — вѣдь у васъ есть мѣсто?

— Миѣ все равно что стоять, что сидѣть, отвѣчалъ офицеръ, — лишь бы ѣхать.

Потомъ дама какаля-то, старушка уже весьма почтенныхъ лѣтъ, ужасно безпокоилась о томъ, какъ это, когда поѣздъ придетъ въ Москву, она одна поѣдетъ ночью на Арбатъ? и переспросила всѣхъ пассажировъ, не поѣдетъ ли кто въ ту же сторону. Попутчиковъ однакожь никого не оказалось, и офицеръ звался въ провожатые старушки. Старушка успокоилась.

Потомъ два какихъ-то пассажира затѣяли ссору изъ-за того, что одному хотѣлось открыть окно, а другой не желалъ этого. Одинъ говорилъ, что въ вагонѣ сидѣть нѣтъ возможности — до того жарко и душно, и что открыть окно необходимо, съ чѣмъ безъ сомнѣнія согласится все общество. Другой возражалъ, что если открыть окно, то будетъ сквозной вѣтеръ и можно простудиться, съ чѣмъ также безъ сомнѣнія согласится все общество. Преніе начинало принимать широкіе размѣры.

— Вы ужь что-то очень опасаетесь сквозного вѣтру, иронически замѣтилъ одинъ изъ спорящихъ другому: — вы должно-быть боитесь, что онъ заходитъ у васъ въ головѣ?

— Не боитесь ли вы, что у васъ въ карманѣ загуляетъ сквозной вѣтеръ? злобно возразилъ другой.

Послѣ такихъ плохихъ острогъ дѣло чуть не дошло до крупныхъ, безцеремонныхъ ругательствъ, и почему знать, можетъ вспыхнула бы междуусобная война, въ которой волей-неволей должно было принять участіе и все наше общество, такъ какъ обѣ враждующія стороны ссылались на его мнѣніе. Принявъ участіе, общество разумѣется само раздѣлилось бы на партіи: одна напримѣръ партія стала бы за, а другая противъ открытаго окна — и богъ вѣсть каковъ былъ бы исходъ нашего общаго возстанія. *Concordia res parvæ crescunt, discordia res magnæ dilabuntur*, дѣло извѣстное. Къ счастью революціонное настроеніе умовъ было успокоено все тѣмъ же Сацерелидзе: онъ очень деликатно предложилъ одному изъ мятежниковъ переимѣниться съ

нимъ мѣстомъ — и миръ и спокойствіе въ нашемъ обществѣ были возстановлены.

Когда поѣздъ отправился изъ Твери, офицера между нами не оказалось: всякій изъ насъ рѣшилъ, что онъ въ Твери и остался. Отсутствіе офицера было для насъ слишкомъ замѣтно: въ продолженіи вѣсколькихъ часовъ къ нему всѣ такъ привыкли, для каждаго изъ насъ онъ былъ точно свой, говорилъ онъ почти неумолкая, шутилъ, острилъ, но острилъ самымъ невиннымъ образомъ. Тихо и скучно стало въ вагонѣ безъ офицера. Намъ всѣмъ было жаль съ нимъ разстаться, точно съ роднымъ. Иные подумали даже, не случилось ли съ нимъ какого несчастья, кто знаетъ? И вдругъ на слѣдующей станціи онъ опять къ намъ является. Общество опять развеселилось. Чтоже оказывается? Особеннаго ничего съ офицеромъ не случилось, а просто онъ второпяхъ попалъ не въ свой вагонъ.

Ночью около валдайской станціи нашъ поѣздъ былъ раздѣленъ на двѣ половины; сначала отправилась одна половина, и когда дали знать по телеграфу о ея прибытіи, тогда тронулась и другая половина нашего поѣзда. Дѣленіе насъ надвое произведено было подъ тѣмъ предлогомъ, что поѣздъ очень великъ и одной машинѣ въ этомъ гористомъ мѣстѣ всѣхъ насъ разомъ не свезти. Нелюбимая вѣсколькихъ верстъ до тверской станціи, мы сбились съ дороги (а солнце какъ на зло свѣтило предобросовѣстно), то-есть поѣздъ нашъ попалъ не на тѣ рельсы, по которымъ бы ему слѣдовало идти, и пока выводили вагоны на другіе рельсы, времени ушло больше получаса. Да и вообще — оттого ли, что вагоновъ было много, или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, отъ редакціи російскихъ желѣзныхъ дорогъ независящихъ, — нашъ поѣздъ тащился медленно, флегматически, неувлекаясь, хотя на всѣхъ станціяхъ остановки были непродолжительны: такъ напр. на тверской станціи вмѣсто положеннаго часу поѣздъ не простоялъ и получаса, а между тѣмъ вмѣсто восьми часовъ вечера прибылъ въ Москву въ десять. Впрочемъ никто изъ насъ и не думалъ сокрушаться о томъ, что поѣздъ опоздалъ двумя часами; напротивъ, всѣ были чрезвычайно довольны, что вотъ и до Москвы добрались слава-богу всѣ живы-здоровы; иные крестились, приговаривая вполголоса: «слава тебѣ господи, приѣхали!»

Пока я получалъ свои вещи, прошелъ еще часъ, такъ что

былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда я вмѣстѣ съ Бальчини отправился на Большую Лубянку въ номера Ермакова. Завяли номеръ. Спросили прежде всего самоваръ; намъ его подали часа черезъ полтора. Потомъ бѣлаго хлѣба спросили, но бѣлаго хлѣба намъ ужъ вовсе не дали: теперь ужъ дескать поздно, да и достать нигдѣ нельзя. А ѣсть—то намъ крѣпко хотѣлось, потому что на тверской станціи мы не успѣли пообѣдать и угѣшались тѣмъ, что вотъ вечеромъ будемъ въ Москвѣ, такъ и заморимъ червячка. Расчетъ оказался весьма невѣренъ и мы стойчески рѣшились потерпѣть до завтра. Спросили другую свѣчу; намъ отвѣчали лаконически: «не полагается». Номера оказались прескверные и дорогіе. Тотъ, который мы занимали, былъ еще дешевле сравнительно съ другими, но и за него съ насъ взяли за сутки полтора рубля, приговаривая: «для васъ только дѣлаемъ уваженіе, а то съ другихъ мы беремъ по два рубля». Въ нашемъ номерѣ дотого было сыро и холодно, что ложась спать, мы не скинули платья, но еще надѣли шубы и калоши: зубы стучали у насъ отъ дрожи...

Занесъ же вражіи духъ меня
На распроклятую фатеру!

приговаривалъ каждый изъ насъ, закутываясь въ шубу.

Утромъ на другой день послѣ чаю Бальчини отправился разыскивать своихъ знакомыхъ, а я въ почтамтѣ, узнать какой дорогой лучше ѣхать: на Рязань или на Владиміръ? Въ почтамтѣ мнѣ сказали, что если я имѣю подорожную по казенной надобности, то лучше будетъ ѣхать по владимірской желѣзной дорогѣ, а потомъ изъ Владиміра по почтовому тракту. Возвратившись въ номеръ, я уложилъ свои вещи. Бальчини еще не приходилъ, мнѣ такъ и не удалось проститься съ нимъ, и я отправился на владимірскую желѣзную дорогу.

Москвы я собственно не видалъ почти совсѣмъ, или если и видѣлъ, то какъ-будто во снѣ. Помню только, что проѣзжалъ съ вещами на ломовомъ мимо какой-то церкви, которая поразила меня не древностью и не оригинальной красотой архитектуры, а яркимъ краснымъ цвѣтомъ, въ который она была окрашена сверху до визу. Я и спрашиваю извозчика:

— Что это за церковь такая?

— Эта церква хорошая, отвѣчалъ онъ.

— Да ты скажи мнѣ какъ она называется? Во имя какого святого она?

— Всѣхъ святыхъ! сказалъ онъ и рукой махнулъ.

Изъ нумеровъ съ Большой Лубянки до станціи владимірской желѣзной дороги ломовой везъ меня битый часъ. Я радъ былъ поскорѣе выбратъся изъ Москвы. Послѣ скверныхъ нумеровъ Ермакова во мнѣ родилось даже какое-то отвращеніе къ Москвѣ. Послѣ Петербурга она показалась мнѣ неряхой большой руки, неотесаной, непривѣтливой. Я душевно радовался, что не прожилъ въ ней и однихъ сутокъ.

Итакъ я поѣхалъ не на Рязань, какъ было предполагалъ еще въ Петербургѣ, а на Владиміръ. Беру билетъ въ третьемъ классѣ, вхожу въ вагонъ и слышу кто-то ораторствуетъ на другомъ концѣ вагона. Я осмотрѣлся кругомъ. Общее молчаніе меня озадачило. Какой-то старичокъ пастырскимъ тономъ читалъ одному мужику длинную нотацію по поводу срамословія. Всѣ слушали со вниманіемъ.

— Да ты подумай только, что ты сказалъ! убѣждалъ ораторъ. — Вѣдь ты посѣялъ то, чего уже никоими силами не вырвешь. Здѣсь вѣдь есть цѣломудренныя дѣвушки, а ты при нихъ такой срамъ говоришь! Ну какъ тебѣ не стыдно! Вѣдь грѣшно такъ ругаться, трижды грѣшно. Неподобаешь христіанину такія богомерзкія словеса произносить, да еще обзывать ими ту, которая въ утробѣ своей тебя носила, родила и молокомъ отъ своего сосца питала....

Мужикъ просто чуть не плакалъ, слушая благочестивое наставленіе. Общее вниманіе къ гласу добраго пастыря продолжалось до тѣхъ поръ пока проповѣдникъ не занесся за облака и не ударился въ риторику. Тутъ поднялся смѣхъ и ораторъ замолчалъ. Справедливость требуетъ однакожь сказать, что послѣ этого пастырскаго увѣщанія и послѣ отсутствія самого пастыря, который черезъ двѣ станціи уже оставилъ вагонъ, не слышать было въ нашемъ вагонѣ до самаго Владиміра ни одного неприличнаго, крѣпкаго словца. Дѣло обходилось безъ обычныхъ русскихъ присловіи.

Нашъ поѣздъ отправился изъ Москвы въ двѣнадцать часовъ дня и въ шесть часовъ вечера пришолъ во Владиміръ. Дорогой я завелъ разговоръ съ сидѣвшимъ подлѣ меня мужичкомъ о различныхъ предметахъ, но болѣе всего о желѣзной дорогѣ и о

Французахъ. Мужичекъ сначала былъ очень словоохотливъ, но когда мы пробѣжали по какому-то мосту и при этомъ случаѣ мнѣ вздумалось похвалить французовъ, строившихъ этотъ мостъ, мужикъ какъ-будто обидѣлся, разсердился на меня и сталъ неразговорчивъ, давъ мнѣ предварительно почувствовать, что моя похвала французамъ была ему непонутру.

— Ты вѣдь ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслишь, говорилъ онъ мнѣ: — а вотъ дай-ка намъ волю, да обучи насъ, такъ и мы умудрится и не такіе еще хитрые мосты наведемъ, а почище французскихъ.

Потомъ, помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Чтѣ-что французы-то ученые! Да ихъ-то кто обучалъ всему этому? Небось у агличанъ переняли?

Признаюсь откровенно, я сталъ втупикъ отъ этого вопроса; но нежелая перечить мужичку, чтобъ не раздражить его еще болѣе, я согласился съ нимъ:

— Да, говорю, у агличанъ.

— Такъ чтѣ-что у агличанъ? А агличане-то у кого переняли? Небось у нѣмцевъ?

— Да должно-быть у нѣмцевъ, отвѣчалъ я: — недаромъ говорятъ, что нѣмецъ хитрый, обезьяну выдумалъ.

— Такъ по-твоему и выходитъ, что нѣмцы-то значить сами до всего дошли. Оно и выходитъ, что не боги-же горшки-то обжигаютъ. Небось и мы бы сами домыслились, только вотъ ходу-то намъ еще нѣтъ. Ну какъ по-твоему, такъ ли я говорю?

— Такъ, такъ! отвѣчалъ я.

Послѣ этого онъ заговорилъ со своими сосѣдами, которые по всей вѣроятности были плотники, потомучто у однихъ изъ нихъ висѣли за плечами, а у другихъ лежали въ ногахъ подъ лавкой мѣшки и сумки съ разными плотничьими инструментами. Плотники вели рѣчь о заговорахъ. Одинъ изъ нихъ жаловался на боль въ горлѣ, а другой ему на это отвѣчалъ:

— Эхъ братъ! что ты раньше-то не сказалъ, когда былъ въ нашей деревнѣ? Тебя бы вымечили. Вотъ у меня передъ зимнимъ Миколой горло во-какъ распухло, инда духъ совсѣмъ перехватило. Самсоновна мнѣ и говоритъ: «Ты, говоритъ, сердешной, выдь въ сѣни да стань лицомъ къ восходу, перекрестись три раза и скажи: «Изва, изба! я тебя съѣмъ — съ углами, совсѣмъ!»

Потомъ опять перекрестись и выплюнуть.» Такъ какъ бы ты думалъ? Вѣдь на другой же день полегчало, а тамъ и совсѣмъ прошло.

Прежній мой собесѣдникъ мужичекъ вступилъ было опять со мной въ разговоръ, только ужъ не про желѣзную дорогу и не про французовъ, а о заговорахъ. Я старался его убѣдить, что всѣ заговоры — вздоръ, и потомъ жалѣлъ объ этомъ: моему собесѣднику видимо хотѣлось сообщить мнѣ заговоръ чутъ-ли не отъ всѣхъ болязней. Я попытался было поправить свой промахъ и сказалъ, что вѣрую въ заговоры, но все это вышло какъ-то ужасно неловко, натянуто; мужичекъ смекнулъ въ чемъ дѣло и наотрѣзъ объявилъ мнѣ, что послѣ этого лучше и не толковать со мной.

— Ты тамъ что ни говори, выговаривалъ онъ мнѣ, — а я вѣдь вижу, даромъ что ты съ бородой и хотъ толкуешь про французовъ, что они лучше нашихъ, а вѣдь на умѣ-то у тебя совсѣмъ другое. Да и про заговоры-то разсуждать съ тобой непригоже: вѣдь ученаго учить — что мертваго лечить. Вотъ оно что, я тебѣ скажу!

Отъ Москвы до Владиміра тринадцать станцій; всѣ онѣ довольно коротенькія. На одной только станціи нашъ поѣздъ остановился на четверть часа, на остальныхъ же онъ остановился всего на какихъ-нибудь на три минуты, много на пять; не успеешь и папиросы выкурить — и опять въ дорогу.

Въ артели плотниковъ былъ между прочимъ одинъ очень молодой парень, лѣтъ восемнадцати-девятнадцати, такой коренастый съ виду. Онъ былъ какъ-то особенно восторженъ. Вдругъ напимѣръ ни съ того, ни съ сего, ни къ кому необращаясь, онъ восклицалъ:

— А вѣдь мы славно ѣдемъ!

Иногда онъ пускался въ разсужденія, точно также необращая ни малѣйшаго вниманія на то, слушаютъ ли его, иѣтъ ли. Я запомнилъ одинъ изъ такихъ монологовъ:

— Перѣжь бывало поднимаешься на-утрѣ ни свѣтъ ни заря, да и отправишься пѣшкомъ; идешь-идешь, насилу къ поздней ночи притащишься, да и то понатужишься развѣ. Версть-то шестьдесятъ какъ отсчитаешь, придешь въ избу-то, приляжешь — и ногъ подъ-собой не слышишь, такъ и пролежишь цѣлый день послѣ эдакой ходьбы. Вотъ какъ умаешься! А то зацатишь бы-

вало какому-нибудь дядѣ двугривенный, чтобъ на обозъ посадилъ, вотъ и плетешься два дня восемьдесятъ—то верстъ. А теперь поди-кась ужъ сотню отмахали, а видно солнышко не сѣло!

Во время остановокъ, когда въ паровые котлы на машинѣ подливали воду, онъ приговаривалъ :

— Ишь ты, словно лошадь, пить захотѣла; выбѣжала верстъ двадцать, ну и давай ей корму. Дали — и опять поѣзжай.

Раздавался свистокъ, и парень замѣчалъ при этомъ :

— Заржала! Напилась—наѣлась значитъ, сыта стала, больше не хочетъ!

Съ владимірской желѣзной дороги, какъ только пришло нашъ поѣздъ, я отправился прямо на почтовую станцію и предъявилъ тамъ свою подорожную по казенной надобности. Тутъ я совершенно случайно встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, который ѣхалъ въ Муромъ, и такъ какъ и мнѣ надо было ѣхать тоже на Муромъ, то мы и уговорились ѣхать вмѣстѣ, то-есть платить прогоны пополамъ. Лошади были готовы, чемоданы наши уложены, и мы усѣлись въ тряскую почтовую телѣгу. Везли насъ прескверно. Отъ Владиміра до Мурома нѣтъ и ста тридцати верстъ, а мы ѣхали ровно двадцать часовъ, значитъ по шести верстъ въ часъ. Да петербургскіе пѣшеходы уйдутъ дальше. Въ Муромѣ мы переночевали и разстались. Помѣщикъ поѣхалъ въ свое имѣніе, верстахъ въ девяноста за Муромомъ, составлять уставную грамоту. Моя дорога шла въ совершенно противоположную сторону.

Когда я ѣхалъ первую станцію отъ Мурома, мой ямщикъ между разными поощряющими лошадей фразами, вродѣ напри- мѣръ «эхъ вы, родимыя» или «ну-ну соколики», вставлялъ иногда и такую : «эй вы, студенты!»

На этой же станціи повстрѣчались съ нами на дорогѣ медвѣдчики съ двумя медвѣдами. Я и спрашиваю ямщика :

— Что ты не свернешь въ сторону куда-нибудь, пока проведутъ медвѣдей? Развѣ твои лошади не испугаются ихъ?

— Пошто пугаться! ненадо бы! отвѣчалъ ямщикъ, и изъ его словъ я заключилъ, что ему хотѣлось испытать своихъ лошадей : а что въ самомъ-то дѣлѣ, испугаются онѣ или нѣтъ?

Противъ моего ожиданія, лошади, повстрѣчавшись съ медвѣдами на разстояніи какихъ-нибудь двухъ сажень, стало-быть

довольно близкомъ , не обнаружили особеннаго испугу и только искоса озирались на косолапыхъ , да уши стояли у нихъ топорьякомъ , и больше ничего.

Отъ Мурома вплоть до самаго мѣста моей новой службы я ѣхалъ одинъ , потомучто мнѣ не удалось найти ни одного попутчика. Сначала это одиночество было еще сносно : дремучіе муромскіе лѣса , прославленные въ нашихъ пѣсняхъ и легендахъ , вѣсколько развлекали меня ; но потомъ , начиная отъ Арзамаса , когда мнѣ пришлось видѣть только поля да небо , небо да поля , и притомъ поля уже убранныя , съ поблекшей или пожелтѣлой травой , — на меня напала страшная хандра и скука. Никакого развлечения по дорогѣ ! Это унылое , какое-то мертвое однообразіе наводило на меня убійственную тоску.

А тутъ опять на станціяхъ новыя удовольствія : клопы и блохи , да вѣчныя придирки смотрителей , да постоянныя просьбы старость и ямщиковъ на волку... Все это раздражало и сердило меня чертовски. Въ дорогѣ не съ кѣмъ было и слова перемолвить ; ямщики попадались большею частію все какіе-то неразговорчивые. И сидишь себѣ одинъ въ телѣгѣ , перебрасываетъ тебя со стороны на сторону и поминутно получаешь въ боки толчки , отъ толчковъ дѣлается колюще въ боку ; чѣмъ дальше ѣдешь , тѣмъ боль становится нестерпимѣе. Въ головѣ чувствуется какая-то тяжесть , сердце ноетъ... Рѣдко-рѣдко когда попадется по дорогѣ вѣтряная мельница , или скирды сѣна , или сада и деревеньки съ избами крытыми соломой , но всѣ эти отрывки изъ идилліи плохо разгоняли мою тоску. Мнѣ было невыразимо досадно на что-то и самъ незнаю , и я весь свѣтъ посылалъ къ чорту.

Въ такомъ миломъ настроеніи духа пріѣзжаю на станцію Прудки. Какъ на зло , смотритель оказался тутъ прекраснорѣчивѣйшимъ изо всѣхъ смотрителей. Богъ его знаетъ , спалъ ли онъ долго , или долго не говорилъ ни съ кѣмъ , только когда я вошелъ въ комнату , языкъ у него точно съ цѣпи сорвался. Мой смотритель пустился въ такія разсужденія касательно бренности и скоротечности человѣческой жизни вообще , и понесъ такую дичь , что я слушалъ , слушалъ и подошелъ къ оратору и спрашиваю : « а что , лошади скоро будутъ готовы ? » Цицеронъ на минутку опѣшалъ , но только на минуту. Онъ сообразилъ должно-

быть, что надоѣлъ мнѣ своими умствованіями, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Куда ѣхать изволите? спросилъ онъ меня съ особеннымъ участіемъ.

— Да вѣдь вы видѣли, читали и даже прописывали мою подорожную! отвѣчалъ я скрѣпя сердце. А жолчь такъ и подступала подъ самое горло.

— Такъ-съ.

Смотрителю стало какъ-будто неловко.

— А позвольте спросить, вы надолго изволите ѣхать въ этотъ городъ?

— И самъ незнаю. Это не отъ меня зависитъ. Послали меня, вотъ я и ѣду. Почему знать, можетъ не успѣю я доѣхать до города, какъ дадутъ знать по телеграфу, чтобъ я не туда ѣхалъ, а въ Сибирь куда-нибудь.

— Такъ, такъ-съ; конечно туда и надо отправиться.

Нѣсколько минутъ молчанія. Смотритель перемѣняетъ предметъ разговора.

— Служить вѣдь должно; что такъ-то задаромъ-то проживаться? Потому вѣдь разныя потребности случаются въ жизни. А гдѣ взять? Ну, а служишь, значить и доходы какіе-нибудь получаешь. Вѣдь человѣкъ тогда только и счастливъ, когда имѣетъ полное свое продовольствіе.

Послѣдняя фраза заняла меня. Смысла ея я не понялъ и просилъ смотрителя растолковать мнѣ, въ чемъ по его мнѣнію заключается счастье и что это такое — полное продовольствіе.

— Да какъ въ чемъ? началъ свое объясненіе смотритель. — Извѣстное дѣло, когда человѣкъ сытъ, значить чего же еще больше этого нужно? Безъ этого вѣдь и жить нельзя. Вотъ почта придетъ, я ее отправлю; вотъ вы пріѣхали, и вамъ лошадей дамъ; ну, а почта не придетъ, да вы бы тоже не пріѣхали — оно вѣдь какъ-будто и ничего, а ѣсть-то все-таки требуется. Ужь такъ созданъ человѣкъ.

Я сталъ разсматривать какъ созданъ смотритель. Свою теорію какъ-видно онъ весьма успѣшно примѣнялъ къ своей натурѣ. Это былъ человѣкъ немного выше средняго роста, толстенькій, жирненькій, съ маленькими глазами и таки порядочнымъ брюшкомъ. Его фигура гораздо яснѣе его словъ разъяснила

миѣ, въ чемъ именно заключается «полное продовольствіе». Этимъ объясненіемъ дѣло однакожь не кончилось. Смотритель повелъ атаку съ новой стороны, еще нетронутой.

— Грибковъ въ укусуѣ вамъ неугодно ли, или рыжичковъ? А то не любите ли вы грузди моченые? Можно тетерьку или рябчика зажарить. И супъ изъ потроховъ сдѣлаю: свиной вѣдь здѣсь у насъ много. Яичекъ не пожелаете ли?

Я отъ всего отказался. Непрiятель не отступалъ.

— А то самоварчикъ поставить не прикажете ли? У меня есть сливки безподобныя—съ, потому значить свои коровушки. Вотъ бы чайку съ такими сливочками. И къ чаю есть у меня сладыня лепешечки. А то творожку со сметанкой да съ корицей: легкое кушавье—съ.

Я опять отказался.

— Ну, а водочки—съ? Ужь рюмочку разрѣшите пропустить.

— Благодарю, я водки не пью.

— Неужели и въ лорогѣ—то этого снадобья не употребляете? А я вотъ хоть по край деревни пѣшкомъ ли дойду, доѣду ли, — ну ужъ и хочется выпить. Нельзя же безъ этого—съ! Потому потрясешься.

Все это словоизверженіе кончилось тѣмъ, что смотритель спросилъ съ меня прогоны за лишнюю лошадь.

— Да вѣдь въ моей подорожной сказано, говорю я ему, — давать двѣ лошади; я и плачу на пару. А что миѣ вездѣ припрягаютъ третью, такъ это ужъ дѣло ямщика; я и не прошу везти меня на тройкѣ.

— Такъ—съ, это я понимаю; да время—то теперь видите ли осеннее.

— Чѣмъ же я виновать, что теперь осеннее время?

— Тяжело возить по—осени: грязь, дороги худыя...

— Да вѣдь до этой станціи везли же меня и не требовали прогоновъ за третью лошадь?

— Тамъ дѣло другое: тамъ были легкія станціи, а наша ужасъ какая тяжолая.

Нежелая вступать въ дальнѣйшія объясненія со смотрителемъ, я закурилъ папирску и легъ на диванъ, показывая видъ, что для меня рѣшительно все равно, ѣхать или сидѣть на станціи. Словами тутъ ничего не подѣлаешь, разсуждалъ я самъ про себя: — надо попробовать, нельзя ли взять хоть терпѣнѣемъ;

вѣдь только поддайся этимъ алтыничкамъ на одной станціи, а тамъ ужъ и поидетъ. И какъ это у нихъ дѣлается? Ямщики ли чтоли передаютъ со станціи на станцію, или ужъ какое-то особенное чутье у этихъ станціонныхъ смотрителей... не понимаю!

Смотритель скрылся, но ненадолго. Не прошло двухъ минутъ, какъ онъ былъ опять передо мной. Ему какъ-видно хотѣлось вкратцѣ, en résumé провѣрить выводы, къ которымъ привели его мои прелыдущіе отвѣты.

- Такъ закусить вы не хотите?
- Нѣтъ, отвѣчаю я нехотя.
- И самоварчика тоже ненужно?
- И самоварчика тоже ненужно.
- А за третью-то лошадку заплатите?
- Нѣтъ.

Коротенькая пауза.

— Вотъ бы вы подвели мою родственницу къ Заплаткамъ, началъ онъ ублаждающимъ голоскомъ: — отсюда недалеко-съ, всего четыре станціи.

- На это я пожалуй согласенъ.
- Такъ какъ же-съ, заплатите за третью-то лошадку?
- И еще везти вашу родственницу!..
- Это какъ вамъ будетъ угодно.
- Въ такомъ случаѣ я за третью лошадь не плачу, а пусть платитъ за нее ваша родственница.
- Ну хоть за пол-лошадки-то заплатите!
- И за четверть-лошадки платитъ не буду! сказалъ я наконецъ свирѣпо, выведенный окончательно изъ терпѣнья неотвязчивостью смотрителя.

— Ну ужъ Богъ съ вами, коли неудобно вамъ за третью-то лошадку приплатить. Только позвольте моей-то родственницѣ ѣсть вмѣстѣ съ вами въ телѣжку.

— Извольте, мѣста для нея въ телѣгѣ будетъ.

И поѣхалъ я съ какой-то бабеночкой. На слѣдующихъ трехъ станціяхъ опять таже исторія, то-есть съ меня требовали проговы за третью лошадь. Я отвѣчалъ, что плачу столько, сколько прописано въ подорожной.

— Но вѣдь васъ ѣдетъ двое? замѣчали мнѣ станціонные смотрители.

— Ну такъ вы и требуйте за третью лошадь съ того, кто со

мною ѣдетъ. Если платитъ не будутъ, такъ я одинъ поѣду и платитъ буду все-таки за двѣ лошади.

Мучители обращались къ моей спутницѣ, а та начинала свой отвѣтъ затверженной формулой: «Со станціи Прудковъ стационный смотритель такой-то приказалъ вамъ кланяться и просилъ, чтобъ ужъ вы при случаѣ переслали бы меня съ вашей станціи» и т. д. Дѣло улаживалось: денегъ съ нея не брали, и она прелюбополучно, то-есть безпрогонно доѣхала со мною до Заплатокъ.

— Какъ отправить-то васъ, право незнаю? сказалъ мнѣ задумчиво смотритель на послѣдней станціи.

— А что спросилъ я: — развѣ лошадей нѣтъ?

— Лошади-то есть, да ямщики-то плачутъ.

— О чемъ же они плачутъ?

— Да никому изъ нихъ нехочется везти васъ.

— Почему же нехочется везти? Вѣдь я прогоны плачу и на водку даю.

— Видите ли, до городу-то отсюда почитай-что ровно тридцать верстъ, а городъ-то, куда вы ѣдете, стоитъ не на тракту, а въ сторонѣ, и верстъ двадцать приходится ѣхать проселкомъ, а теперъ въ дожди-то по проселку такая дорога — просто кисель. Ужъ я вашему благородію вотъ что скажу: не согласитесь ли вы ѣхать на вольныхъ? Оно вѣдь все равно, что почтовый ящикъ, что вольный. Я сей минуточки представлю вамъ такого молодца, что скорѣе чѣмъ на нашихъ доѣдете.

И согласился ѣхать на вольныхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы платитъ прогоны такіе какъ и почтовому ящику.

По выходѣ со станціи я попробовалъ освѣдомиться у ящика: каковъ городъ Корсаръ? Отвѣты были впрочемъ мало удовлетворительные.

— Кто его знаетъ! говорилъ ящикъ: — онъ вѣдь далеко отъ большой дороги, такъ туда почти-что никто и не ѣздитъ, и ничего про него неслыхать, какъ тамъ люди-то живутъ.

— А кого больше, татаръ или русскихъ въ этомъ городѣ?

— Нѣтъ, тамъ все народъ благочесливый, татаръ-то нѣтъ въ городѣ, а верстахъ въ пятнадцати али маленько побольше живутъ эти поганые нехристи.

Отѣхавъ версты три отъ станціи, я замѣтилъ, что ноги мои исчезли изъ телѣги; произвожу слѣдствіе, куда дѣвались мои но-

ги? Оказалось по слѣдствію, что телѣга, въ которой я ѣхалъ, тоже была не почтовая, а вольная, некрытая внутри ничѣмъ, а только были одни жордочки, такъ что пространство въ телѣгѣ было безграничное. Когда я сѣлся въ телѣгу на станціи, всего этого и не примѣтилъ, все было замаскировано соломой, которая по мѣрѣ того какъ мы ѣхали, сѣялась изъ телѣги какъ изъ рѣшета и наконецъ вся исчезла; тогда пошли въ ходъ мои ноги. Со стороны ямщика я ждалъ извиненій въ несправности его телѣги, а онъ, разбойникъ эдакой, давай подсмѣиваться надо мной, приговаривая:

— Баринъ, держи свои ноги покрѣпче, а то потеряешь!

Съ версту недоѣзжая до города, я былъ встрѣченъ какимъ-то господиномъ въ шпавели, съ тростью въ рукѣ и съ кокардой на фуражкѣ. Повидимому онъ вышелъ за городъ ради прогулки. Ямщикъ снялъ шапку и сказалъ:

— Здравствуйте, Лѣксѣй Лександрычъ!

— Кто это такой! спрашиваю я потомъ у ямщика.

— Непремѣнный. Онъ теперь за городничаго: настоящей-то въ отпуску, такъ онъ и справляетъ за него должность-ту.

А! такъ вотъ оно, главное-то дѣйствующее лицо! подумалъ я. Кто-то другія дѣйствующія лица! Какова-то будетъ постановка на этой новѣй для меня сценѣ? Какую-то роль придется играть и въ какихъ-то пьесахъ суждено мнѣ быть простымъ зрителемъ? А мало ли какихъ пьесъ разыгрывается вездѣ, на каждомъ шагу — и въ столицѣ, и въ тиши и глуши провинціальной жизни.

Для перваго разу обстановка была недурна: передо мной на возвышеніи красовался городокъ съ домами и церквями; справа горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, слѣва необозримыя поля. Ландшафтикъ хоть куда! Точно такой же ландшафтикъ, я помню, былъ на блюдечкѣ, съ котораго меня еще маленькаго пята повла чаемъ.

II

ПЕРВЫЕ ВИЗНТЫ

Было сѣренькое утро въ петербургскомъ вкусѣ; напрыскивалъ мелкій дождь,

Туманы по полю, какъ жолтый дымъ,
Носилися и медленно рѣдѣли.

— Куда-жъ васъ везти-то? спрашивалъ меня ямщикъ на мосту передъ самымъ городомъ.

— Да куда-побудь. Я всего еще въ первый разъ въ этотъ городъ ѣду, никого не знаю. Не знаю гдѣ и остановиться.

— Такъ не у Бѣлоножки ли? али на постоялый?

— Вези на постоялый.

Прѣѣжаемъ. Грязь, сырость, смрадъ, холодъ, грубость сразу осадили меня, когда я вошелъ въ комнату постоялаго двора. Тутъ я вспомнилъ одного моего знакомаго, который говорилъ мнѣ въ Петербургѣ, что проѣзжая чрезъ Корсаръ, опъ остановился на постояломъ дворѣ и спалъ на столахъ. Мнѣ же пришлось быть въ этомъ благословенномъ городкѣ не проѣздомъ и не на короткое время, а остаться въ немъ жить и состоять на службѣ. Вотъ я скорѣе опять въ телѣгу и сказалъ ямщику, чтобъ онъ везъ меня къ Бѣлоножкѣ. Тамъ новая неудача: квартира занята судебнымъ слѣдователемъ. Дѣлать нечего, поѣхали въ третье мѣсто искать квартиру, но и тамъ не было еще конца нашему теченью.

— Ну вези хоть на почтовую станцію, если ужъ негдѣ на первый разъ остановиться, сказалъ я ямщику, проѣхавъ городъ съ одного конца до другого, отыскивая квартиру.

— На пошту значить, къ пошместеру?

— Зачѣмъ къ почмейстеру! я его не знаю, а ты вези меня на почтовую станцію.

— Да на какую же это поштовую станцію? рассуждалъ ямщикъ. — Здѣсь нѣту такой. Развѣ что новѣ dospѣли?.. Перѣжь не было.

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь есть же ямщики, которые возятъ почту: вѣдь у нихъ лошади-то чай на почтовой станціи стоятъ?

— Не знаю я про это дѣло! отвѣчалъ ямщикъ, отрицательно покачавъ головой: — ничего я про это не знаю. А вотъ постоялка я сбѣгаю, спрошаю у кого-нибудь.

И онъ отправился въ первый же попавшійся ему на глаза ворота, рассуждая вслухъ самъ съ собою: «Не знаю, не знаю... Развѣ что у Чернышова?... Да нѣтъ, все статья неподходящая... Развѣ вотъ гдѣ!» Онъ какъ-будто вспомнилъ о чемъ-то и торопливо шмыгнулъ за ворота. Минуты черезъ три онъ снова по-

казался въ воротахъ , но на этотъ разъ шоль уже какъ-то особенно лѣнливо.

— Нечего было и толковать и выспрашивать , говорилъ онъ мнѣ : — моя правда-то выходитъ. Здѣсь говорятъ , и всего-то навсего два ямщика съ половиной , да и тѣ во своихъ избахъ живутъ. А вотъ мнѣ сказали , что тамо , на площади — онъ указалъ рукой — есть фатера отличная : самъ городничій на ней жилъ. Одно слово господская фатера.

— Ну ладно вези куда знаешь.

Въ сущности для меня было рѣшительно все равно , городничій ли жилъ на той квартирѣ , куда повезъ меня ямщикъ , или писецъ при полиціи. Мнѣ бы только уголокъ какой найти , гдѣ бы я хоть на одинъ день могъ приютиться послѣ такой утомительной долгой дороги — и тому бы я радъ былъ душевно.

Вотъ ямщикъ привозитъ меня на какую-то площадь , дотога сирую и убогую , что она даже вся травой поросла. Среди площади возвышается нѣчто кирпичное , четырехугольное ; въ этомъ возвышеніи съ двухъ противоположныхъ сторонъ сдѣланы углубленія ; въ углубленія вставлены весьма древнія иконы ; содержаніе иконъ темно , такъ что краска на нихъ почти вся полиняла и остались однѣ досечки. Впоследствии я узналъ , что на этомъ мѣстѣ въ древнія времена стояла церковь , каменная или деревянная , и по какому поводу она превратилась въ кирпичный столбъ — этого никто мнѣ не могъ разъяснить. На этой-то площади я и поселился въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ , ее окружавшихъ.

Маленькой домишко , или вѣрнѣе флигелекъ , гдѣ я нанялъ квартиру , гордился древностью своего происхожденія ; стоялъ какъ-то на бокъ и чуть ли не съ каждымъ годомъ все глубже и глубже садился въ землю : среда видимо заѣдала его ; онъ грустно , исподлобья поглядывалъ на площадь своими тремя окошечками съ позеленѣвшими стеклами и какъ-будто спрашивалъ : кто изъ насъ кого больше красить — я ли площадь или площадь меня? По самыя окна онъ былъ обсыпанъ землей , какъ это бываетъ въ деревняхъ , то-есть сдѣлана завалина , на которой я мечталъ усѣсться въ ясный лѣтній день вмѣстѣ съ какой-нибудь дворняшкой Жучкой и общими силами грѣться на солнышкѣ.

Внутри двѣ комнаты , сырыя , съ угаромъ , нештукатуреныя , но зато оклеенныя грязными , засаленными и несовсѣмъ при-

личнаго цвѣта обоями. Ужь лучше бы было оставить голыя бревенчатыя стѣны. Въ одной изъ двухъ комнатъ, въ переднемъ углу, въ деревянной тяжелой рамѣ въ видѣ кіота, висѣлъ большой образъ въ серебряномъ окладѣ. За стекломъ по обѣимъ сторонамъ образа стояли, какъ гласить мѣстное преданіе — болѣе двадцати лѣтъ, вѣнчалныя свѣчи, перевязанныя ленточками сомнительнаго цвѣта. Въ самомъ углу за образомъ торчалъ пучекъ вербы. По срединѣ потолка и по бокамъ красовалась дождевая протекція.

Вотъ какого содержанія были «парадныя» комнаты. Кромѣ нихъ была еще прихожая, цвѣтъ и украшеніе моей квартиры. Климатъ въ этой странѣ весьма тяжелый и нездоровый. Съ одной стороны великолѣпно красуется безобразная, полуразвалившаяся большая печь, точно въ банѣ; съ другой стороны маленькое, едва пропускающее свѣтъ, окошечко; кругомъ по стѣнамъ лавки, полъ безъ всякаго ладу и складу, а всякая доска сама по себѣ; въ углахъ плесень. Въ прихожей я даже не снималъ калошъ, всячески избѣгалъ этой арестантской комнаты и появлялся въ ней только для совершенія процесса мыванія.

Самоваръ подавался весь въ морщинахъ, видно что бѣдняга много пожилъ на свѣтѣ; чайникъ курносый, чашка безъ ручки, стакановъ вовсе не водилось, у блюдечка отбить кажись было нечего: ни носка нѣтъ, ни ручки, а все-таки и у него кусочекъ былъ выломленъ, точно какъ у драчливой собаки — хоть гдѣ-нибудь да выхваченъ хлопокъ шерсти. Объ остальной домашней утвари нечего распространяться: она не нарушала общей гармоніи и не производила безпорядка въ хронологическомъ отношеніи лѣтъ хозяйки и всего ея дома. Напримѣръ столы, стулья, комодъ, диванъ и проч., все это было построено чуть ли не изъ остатковъ ноева ковчега и доставлено моей хозяйкѣ прямехонько съ араатскихъ вершинъ.

И сама хозяйка принадлежала къ числу рѣдкостей. Это была старушка-вдова мѣщанка, пренеопрятная, безъ кринолина, охающая и поминутно вопіющая: «охъ господи помилуй!» Что бы ни спросилъ ее, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, она сначала болѣзненно жалобно простонетъ «охъ господи помилуй», и только потомъ отвѣчаетъ на вопросъ. Спросишь ее напримѣръ: «Ну что Федосья Сысоевна, поставили самоваръ?» или «принесли мнѣ воды?» Она отвѣчаетъ: «охъ господи по-

милуй! поставила; охъ господи помилуй! принесла.» Какъ-будто она согрѣшила и раскаявалась въ томъ, что самоваръ поставила или воды принесла. Эта божья старушка была первая личность, съ которой по прїѣздѣ волей-неволей пришлось мнѣ покороче познакомиться.

Такая квартира съ такой хозяйкой, съ дровами и водой стоила въ мѣсяцъ пять рублей.

Имщикъ внесъ въ комнату мои вещи. Прежде всего я спросилъ себя умыться, такъ какъ во всю дорогу, то есть въ продолженіе цѣлой недѣли я не умывался ниразу; все какъ-то не доводилось. Мнѣ подали вмѣсто таза большую деревянную чашку, а умывальникъ или кувшинъ замѣнялся кострулей, покрытой со дна и съ боковъ сажей, жаль только что не голандской, а все-россійской, а то бы я непременно нафабрился. По окончаніи обряда умыванія коструля командировалась въ печь и возвратилась оттуда къ обѣду съ кашей.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда мой туалетъ былъ совершенно оконченъ. Я имѣлъ намѣреніе сдѣлать набѣгъ на сосѣдственныя племена, познакомиться съ нравами и обычаями туземныхъ обитателей.

— А кто у насъ здѣсь по сосѣдству живетъ? спрашиваю я у хозяйки.

— Охъ господи помилуй! престонала хозяйка: — да сосѣдъ-то у насъ исправникъ.

Ну исправникъ такъ исправникъ. Иду къ исправнику.

Домъ исправника былъ извѣстенъ всякому: это былъ единственный во всемъ городѣ двухъ-этажный, деревянный, новый домъ. Крыльцо со двора, звонка нѣтъ разумѣется, лѣстница кверху. Иду наверхъ, ни души живой не вижу. Но что въ домѣ была хоть одна живая душа, въ этомъ убѣждали меня звуки органа. Это были не тѣ нѣжные, захватывающіе за душу звуки, которые

Лились, лились,

Какъ слезы, мѣрно другъ за другомъ,

нѣтъ, эти звуки были иного разбора. Это были тѣ звуки, которые заставляютъ собаку выть безчеловѣчно. Непріятное собачье чувство стало мнѣ понятно. Я поднялся по лѣстницѣ ступенекъ десять и остановился; вижу — наверху, въ прихожей, возлѣ лѣстницы стоитъ органъ, на которомъ играетъ горничная. По-

стоявъ минуты двѣ, я поднялся на самый верхъ лѣстницы; горничная все вертеть да вертеть ручкой органа, а на меня ~~чи~~ не взглянетъ; ужъ такъ была упоена она музыкой, что не слышала моего шороху и кашлю, которыми я хотѣлъ вывести ее изъ упоенія. Тактъ былъ быстръ до невѣроятности, многихъ потъ не хватало. Музыка была удивительная, органъ гудѣлъ изо всей силы какую-то плясовую русскую пѣсню.

Наконецъ горничная оглянулась, увидала мою фигуру и подбѣжала ко мнѣ.

— Александра Юрьевича нѣтъ дома-съ! проговорила она.

— А скоро онъ будетъ дома?

— Они уѣхали-съ. И неизвѣстно скоро ли будутъ-съ.

Дѣлать нечего, пойду теперь къ судѣ. Судья жилъ на Главной улицѣ, въ собственномъ домѣ. Иду въ Главную улицу. Домъ судьи заключалъ въ себѣ нѣчто манежное: длинное зданіе въ одинъ этажъ, казенной архитектуры. Здѣсь крыльцо было парадное, съ улицы; возлѣ двери былъ устроенъ звонокъ (единственный во всемъ городѣ, какъ оказалось впоследствии), попетербургски. Но не знаю почему, мнѣ захотѣлось попробовать, не отворится ли дверь безъ звонка. Я потянулъ за ручку и дверь отворилась тотчасъ же. Мнѣ представилась такого содержанія сцена: молоденькая, хорошенькая горничная, нагнувшись къ полу, держитъ лѣвой рукой кошку, филейными частями впередъ, и поретъ ее сырымъ вѣшникомъ. Подсудимая вѣроятно была поймана съ поличнымъ, au flagrant delit, и сѣкли ее конечно по судейскому приговору. Но что меня всего больше поразило, — подсудимая не издавала никакого крика: хотѣла ли она показать твердость своего характера, или ужъ такъ, просто по сознанию всей тяжести своего преступленія, но только она не ревѣла. Когда горничная меня замѣтила, то сейчасъ же и встала.

— Вамъ кого угодно? спрашиваетъ она меня, между тѣмъ какъ жертва ея пустилась бѣжать безъ оглядки, опустивши хвостъ.

Я назвалъ ей судью.

— Ихъ дома нѣтъ-съ, они теперь въ судѣ. А объ васъ какъ доложить?

— Скажите, что былъ здѣшній лекаръ такой-то.

— Какъ здѣшній лекарь? спрашиваетъ меня горничная съ удивленіемъ.

Я объяснилъ ей, что я «новый» лекарь, только-что пріѣхалъ.

Мнѣ однакожъ начинало становиться досадно. Того дома нѣтъ, другого дома нѣтъ. Неужели, думалъ я, возвращаясь отъ судьи — мнѣ придется розыскивать каждаго изъ обитателей Корсара точно также, какъ пришлось розыскивать квартиру? Хоть кого-нибудь да застану же дома. Дай найду къ уѣздному врачу, авось онъ не въ уѣздѣ.

Дѣйствительно онъ былъ дома. Вхожу къ нему и рекомендую :

— Такой-то, здѣшній городской врачъ.

— Наконецъ-то вы пріѣхали! вскричалъ мой собратъ по профессіи : — мы васъ просто заждались. Объ васъ ужъ давнымъ-давно дано знать, что вы опредѣлены въ нашъ городъ. Еще въ сентябрѣ врачебная управа писала мнѣ о вашемъ назначеніи сюда и чтобы я сдалъ вамъ больницу и всѣ дѣла.

Собратъ мой, уѣздный врачъ Николай Федорычъ Исаковъ жилъ въ собственномъ домѣ, со своими, каѣ онъ самъ выражался, «стариками», то есть съ отцомъ и матерью. Такъ какъ городского врача не было, то завѣдываніе городской больницей на время поручено было ему.

Между нами завязался скорѣ оживленный разговоръ, чему помогло то обстоятельство, что Николай Федорычъ и я были медики и притомъ одного поля ягоды, то есть оба мы такъ-сказать цвѣли и зрѣли въ одномъ университетѣ, только разница между нами была та, что онъ раньше меня кончилъ курсъ : такъ-что когда я поступилъ въ университетъ, онъ ужъ былъ на службѣ. Мы говорили о томъ, что и какъ было въ его время и какъ потомъ послѣ него всѣ порядки измѣнились въ университетѣ и въ какомъ видѣ они были уже въ мое время. Говорили о профессорахъ, которыхъ онъ слушалъ и которые сохранялись въ университетѣ и въ мое время. Договорились до того, что на подносѣ внесли въ залу весьма скромную закусочку : водочки, хлѣбца да грибковъ. Приступая къ закусочкѣ, я спросилъ его :

— Какова здѣсь больница?

— Плоха! отвѣчалъ онъ.

— И ужь будто не найдется въ ней хоть чего-нибудь порядочнаго?

— Ровно ничего, а что и есть, такъ никуда не годится. Всего хуже смотритель, ничего не дѣлаетъ, ни за чѣмъ не смотритъ; дѣлъ вести вовсе не умѣетъ, сколько я ни старался, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Да мнѣ и возможности не было что-нибудь сдѣлать; то меня вѣтъ въ городѣ, въ уѣздѣ уѣдешь и не знаешь, что дѣлается въ больницѣ; то онъ принесетъ бумаги подписать передъ самымъ отходомъ почты и когда у меня другого дѣла много; ну гдѣ-жъ тутъ сообразишь да повѣришь!

Мы выпили и закусили, онъ продолжалъ.

— Много вы хлопотъ наживете съ смотрителемъ, приходо-расходныхъ книгъ онъ въ свое время не представляетъ къ подписи, и если вы хотите что-нибудь сдѣлать, такъ требуйте, чтобъ по окончаніи каждаго мѣсяца онъ непременно представлялъ вамъ отчетъ; а то вѣдь мѣсяца по три, по четыре ничего неизвѣстно, какъ онъ ведетъ дѣла, какіе сдѣланы расходы и на что истрачены больничныя деньги. Прежде всего надо приняться именно за смотрителя; въ случаѣ неправильныхъ расходовъ, которые онъ сдѣлаетъ, по закону онъ не отвѣчаетъ, а вся отвѣтственность падетъ на членовъ совѣта больницы, а вы кромѣ того какъ членъ, еще и предсѣдатель конторы въ больницѣ, такъ вамъ всѣхъ хуже и придется. Хорошо еще, если напутаетъ въ счетахъ и чего не достанетъ, съ васъ только взыщутъ деньги, а то вѣдь и хуже можетъ быть, подъ судъ упекутъ.

— А есть хоть какіе-нибудь хирургическіе инструменты?

— Нѣтъ.

— А лекарства есть?

— Ну это-то хоть немного да есть, впрочемъ хоть оно и есть, но никуда не годится; что годилось, такъ то ужь давно все издержали, ждите новаго году, тогда вышлютъ изъ Москвы по положенію годовой запасъ лекарствъ, половины-то изъ нихъ и на полгода не хватитъ, тогда опять и сидите безъ лекарствъ. Да вотъ завтра я вамъ передамъ больницу, такъ все сами увидите.

Это было сказано такимъ тономъ, что дескать на словахъ передать невозможно, лучше и не спрашивайте, а завтра все на дѣлѣ лучше поймете, потому я прекратилъ разговоръ о больницѣ.

— А какова практика? спросилъ я.

— Въ городѣ-то отъ практики вы ничего не получите; много что рублей десять во весь годъ.

— Неужели только?

— И это еще много. Пожалуй, если хотите такъ практиковать у васъ будетъ и даже большая, только платить вамъ никто ничего не будетъ, даромъ лечи! Много и бѣдныхъ есть, которыми нечѣмъ заплатить врачу; еще есть такіе, сами себя лечащіе и даже практикующіе: это гомеопаты и гомеопатки; напримеръ есть одна барыня Ельцина, у ней говорятъ въ базарный день (у насъ базарный день пятница) много бываетъ народу, который прѣзжаетъ въ городъ изъ деревень, и всѣхъ она лечитъ своими капельками да крупинками. А то вотъ еще и окружный докторъ тоже въ гомеопата претворился, и есть помѣщики, которыхъ онъ гомеопатически лечитъ.

— Ну, а въ уѣздѣ у помѣщиковъ какова практика?

— У кого какъ, случается что иной разъ просятъ, а лошадей—то непришлютъ, вотъ и наймешь самъ, и ѣдешь верстъ за пятнадцать, за двадцать, да назадъ такимъ же манеромъ, а за визитъ получишь синенькую: воротишься домой, этими же деньгами и расплатишься съ ямщикомъ. И за это еще слава-богу надо сказать, а то изъ своего кармана добавлять приходится.

И просидѣлъ у Николая Федорыча часа два. Потомъ онъ повелъ меня знакомить съ другими обывателями города и проходя мимо дома казначея, сказалъ:

— Не зайти ли къ казначею Семену Яковличу Бѣлянину? Онъ теперь навѣрно ужъ пообѣдалъ, но спать еще не легъ.

Зашли къ Семену Яковличу. Это была организація худая, топчая, вытянувшаяся далеко вверхъ, прозѣвавшая почему—то въ положенный срокъ пожениться, но еще колебавшаяся, тоже почему—то превратиться въ стараго холостяка, въ сущности же дѣйствительно таковымъ состоящая: съ нѣскольکو потраченными и отъ времени полинявшими волосами на головѣ, съ фязіономіей сильно подержаной, старающейся пріятно улыбаться. Въ университетѣ Семень Яковличъ никогда неучился; онъ даже во снѣ не могъ представить себя студентомъ. Онъ былъ чиновникомъ отъ рожденія и именно казначеемъ; его длинныя, тонкіе, костлявые пальцы были удивительно приспособлены къ бысртѣйшимъ выкладкамъ на счетахъ.

Безъ закуски разумѣется и здѣсь не обошлось. Я вынулъ рябиновой наливки одну, другую рюмочку и т. д. до шести кажется. Я любовался каждыи разъ, когда Семень Яковличъ наливалъ себѣ рюмку: онъ брался за нее своими пауковыми пальчиками съ такой отчетливостью, какъ—будто скидывалъ косточку на счетахъ.

Разговаривать съ этимъ субъектомъ было рѣшительно не о чемъ. «Ну какъ вы находите нашъ городъ? да «вамъ онъ вѣроятно послѣ Петербурга показался деревней?» да «Не скучаете ли вы здѣсь?» это были неизбѣжные вопросы во всякомъ домѣ, куда только я ни заходилъ. Скучно было ихъ слушать, а отвѣчать на нихъ даже не хотѣлось, даже досадно было. Всѣ смотрѣли на меня какъ на столичнаго гуся, какъ—то дико; но признаться откровенно, послѣ подобныхъ вопросовъ я на каждого своего новаго знакомаго посматривалъ какъ на провинціальную утку. Съ Семеномъ Яковличемъ только и можно было разсуждать, что о пятачкахъ да о четвертачкахъ, да пожалуй для разнообразія о фальшивыхъ бумажкахъ. Къ сожалѣнію я зналъ всего только одинъ анекдотъ о пятачкахъ, да и тотъ не казначейскій, а нашъ медицинскій, изъ лекарской практики. «Вообрази какая странная исторія сегодня у меня вышла, говоритъ одинъ изъ оканчивающихъ курсъ студентовъ своему товарищу: — Прихожу къ Темникову — ты вѣдь его знаешь? Отчаянно боленъ. Что такое? Да вотъ, говорятъ его родные, цѣлковый серебряный проглотилъ, теперьдохнуть не можетъ. Ну я посмотрѣлъ на больного и вижу — дѣйствительно малого—то вспучило. Я разумѣется сейчасъ же слабительнаго. Сильнѣйшаго. Принялъ, и чтобы ты думалъ: цѣлковый—то вѣдь вышелъ!» — «Чтоже тутъ страннаго—то, я все—таки не вижу?» — «Да ты слушай. Цѣлковый—то вышелъ, да непросто, а все знаешь пятачками, пятачками...»

Слушатели хохотали и острили, казначей всѣхъ больше. Онъ даже спросилъ: «только нефальшивыми ли?»

Послѣ этого анекдота я вспомнилъ, что я связанъ съ Семеномъ Яковличемъ узами денежныхъ счетовъ, такъ какъ жалованье, какъ я полагалъ, мнѣ слѣдовало получать отъ него. Вопросъ о жалованьи былъ слишкомъ близокъ моему сердцу, чтобы я оставилъ его безъ вниманія.

— А когда вы мнѣ жалованье дадите? спрашиваю я у казначея.

— Да вы не отъ меня будете получать жалованье, отвѣчалъ онъ, припавъ вдругъ пресерьозную, истинно-казначейскую мину, — а вамъ будетъ высылать приказъ изъ губернскаго города.

— Акуратно будутъ высылать каждый мѣсяць?

— Вотъ ужъ этого я не знаю; вамъ причитается получать всего въ мѣсяць шестнадцать рублей съ копѣйками, — сумма небольшая, — такъ можетъ-быть будутъ высылать по прошествіи двухъ мѣсяцевъ.

— Какъ же это слѣдуетъ, чтобъ приказъ въ губернскомъ городѣ узналъ о моемъ пріѣздѣ? спрашивалъ я, такъ какъ юридическія формальности были мнѣ совершенно неизвѣстны.

— Да очень просто: напишите рапортъ въ вашу врачебную управу, что вы прибыли такого-то числа сюда въ городъ къ мѣсту вашей службы, да кромѣ того напишите еще рапортъ о томъ, что вы просите врачебную управу о высылкѣ денегъ слѣдующихъ вамъ въ уплату жаловаанья, не забудьте, другая-то бумага тоже рапортъ, потомучто къ начальству подчиненные пишутъ только рапорты, о чемъ бы ни писали по службѣ; управа ужъ отвесится куда слѣдуетъ, вотъ и все.

«Да все!» думалъ я: знаю я это «все»!

Николай Федорычъ вскорѣ ушелъ домой, а я получилъ отъ казначея приглашеніе сѣсть на дрожки и покататься съ нимъ по городу. Вотъ мы и усѣлись вдвоемъ на дрожкахъ древнѣйшей архитектуры; въ четверть часа объѣхали всѣ улицы города, потомъ зашли въ лавку. Семенъ Яковличъ купилъ разливательную ложку, подсвѣчникъ и мивдальныхъ пряниковъ, потому, какъ онъ самъ объяснялъ, что чувствуетъ къ нимъ сильную слабость. Съ своей стороны я купилъ сахару и мыла. Хотѣлъ было еще купить гребенку и щетки для платья и сапогъ, но такого товару неказалось.

Накатавшись досыта, накупивъ обновъ и откушавъ чаю со сливками у казначея, часу въ девятомъ вечера я возвращался домой пѣшкомъ. Осенняя ночь дотога была темна, — хоть глазъ выколи; незная еще мѣстности города, я какъ слѣпой возлѣ огорода, пробирался около стѣнъ домовъ. Во всемъ городѣ не свѣтилось ни одного фонарика; всюду была тишина ненарушаемая не только людскимъ говоромъ, но даже и собачинымъ

лаемъ; на улицѣ я не встрѣтилъ ни одного живого существа, окна почти во всѣхъ домахъ, мимо которыхъ привелось идти, были закрыты ставнями, отчего мнѣ казалось, что я иду не по городу, а въ какомъ-то подземномъ царствѣ и когда я дошелъ до площади, мнѣ стало страшно: вѣрно оттого, что непривыкши ходить въ потемкахъ, я испугался провинціального мраку, ускорилъ шаги и чуть не бѣгомъ пустился по площади къ своимъ пенатамъ...

III

ВОЛЬНИЦА

Какъ только я очутился дома, сейчасъ же бросился на кровать нераздѣваясь, но странная вещь — никакъ не могъ заснуть: цѣлую ночь я вертѣлся съ боку на бокъ и заснулъ только лишь передъ утромъ. Не успѣлъ я подняться съ постели, какъ является ко мнѣ Николай Федорычъ — вѣроятно съ цѣлью отомстить мнѣ за вчерашній мой визитъ къ нему. «Пойдемте, говорить, въ больницу.» — «Пожалуй, пойдемте.»

Отправились въ больницу. Дорогой Николай Федорычъ сообщил мнѣ, что начало больницѣ положено лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ: въ то время, говорить, былъ у насъ въ городѣ лекарь такой-то, выстроилъ себѣ домъ, а потомъ и уѣхалъ, на прощанье онъ подарилъ городу свой домъ подъ больницу.

На такъ-называемой Главной улицѣ стоялъ пятиконный домъ съ черной доской надъ среднимъ окномъ; на доскѣ надпись: «Корсарская больница.» Въ наружности больницы изящнаго ничего не было. Да и вообще въ Корсарѣ не любили щеголять внѣшностью: дома всѣ были некрашенные; исключеніе составляла одна лишь городская больница. Такого цвѣта, въ какой она была окрашена, я еще нигдѣ не встрѣчалъ: это былъ какой-то болѣзненный цвѣтъ, грязновато-желтовато-мутновато-сѣровато-скверный цвѣтъ. При больницѣ имѣлся дворъ обширныхъ размѣровъ — вродѣ той площади, на которой я поселился. Около больницы стоялъ погребъ, а въ концѣ двора баня. И погребъ, и баня были крошечныхъ, можно сказать даже игрушечныхъ размѣровъ. Только игрушки эти были сильно подержанныя.

Ну, садъ тоже былъ. Садъ былъ на дворѣ же, и дворъ ничѣмъ не отдѣлялся отъ сада, напротивъ — даже щедро, по-пріятельски дѣлился съ нимъ соромъ и разными нечистотами. Въ саду кромѣ сору и нечистоты было еще нѣсколько деревьевъ; подъ однимъ изъ нихъ была устроена скамеечка, возлѣ скамеечки трепеталъ столикъ на колышкахъ, возлѣ столика былъ колодець.

Николай Федорычъ сказалъ правду: больница дѣйствительно была плоха. Комнаты маленькія, невысокія, съ необыкновенно сухимъ воздухомъ, несмотря на то даже, что крыша сгнила до того, что на потолокъ въ двухъ комнатахъ, гдѣ лежали больные, было счетомъ ровно одиннадцать узоровъ, образовавшихся отъ течи во время дождя, — а воздухъ все-таки былъ сухъ. Несмотря и на то даже, что всѣ печи растрескались такъ, что опасно было ихъ и топить, въ комнатахъ однакожь было тепло, даже жарко иногда. Это еще больше увеличивало сухость воздуха, отчего, должно полагать, немало потреблялось больными воды. Воду брали обыкновенно изъ колодца. Вода была прескверная: она была жестка на вкусъ — отъ содержащейся въ ней въ большомъ количествѣ извести, и на видъ весьма мутна, вѣроятно оттого, что колодца никогда не чистили. Рядомъ съ двумя комнатами, гдѣ лежали больные, была третья, маленькая комната, въ которой помѣщалась аптека, то-есть нѣсколько полокъ съ банками и пузырьками разной породы, крупной и мелкой, и столъ съ двумя столбиками и съ перекладиной наверху, за которую уцѣпились вѣски. По причинѣ близкаго сосѣдства съ аптекой, въ комнатахъ больныхъ кромѣ больничнаго запаха былъ еще аптекарскій, а въ аптекѣ наоборотъ — кромѣ аптекарскаго больничнѣй.

Въ той же комнатѣ, гдѣ помѣщалась аптека, была и контора больницы. Контору составляли: столъ съ чернильницей, возлѣ стола сидящій съ перомъ и счетами смотритель, да шкафъ съ бумагами: вотъ почему всѣ дѣла и бумаги, хотя нисколько неотносящіяся до аптеки, ужь непременно отзывались аптекой. Въ этой же комнатѣ повременамъ собирался «совѣтъ больницы», состоящій изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ. Предсѣдателемъ былъ уѣздный предводитель дворянства, а члены — голова, городничій, начальникъ инвалидной команды и докторъ.

Больница была устроена всего на шесть кроватей.

— Вотъ вамъ и наши больные, теперь ихъ всего трое, — ска-

залъ мнѣ Николай Федорычъ, указывая на троихъ больныхъ, лежавшихъ въ первой комнатѣ. (Вторая комната пустая.)

Всѣ трое были солдаты изъ мѣстной инвалидной команды.

Послѣ этого приступлено было къ «сдачѣ» больницы. Николай Федорычъ сказалъ фельдшеру, чтобъ онъ показалъ мнѣ анатомическіе инструменты, аптеку и при ней посуду — мензурка, вѣсы, ступочки, пестики и другія больнично-аптекарскія принадлежности по описи. Все что мнѣ показалъ фельдшеръ никуда негодилось; а если что и годилось, то было въ слишкомъ маломъ количествѣ, напримѣръ нѣкоторыя лекарства. Только одни клопы, которые не значились въ описи, имѣлись при больницѣ въ достаточномъ числѣ для шести кроватей вообще и для троихъ больныхъ въ особенности. Этихъ *красныхъ* такъ было много, что они изъ кроватей эмигрировали въ щели косяковъ около дверей и оконъ и въ трещины штукатурки и завели по стѣнамъ обширныя, цвѣтуція колоніи, служа украшеніемъ стѣнамъ и оживляя больничныи бытъ своей бѣготней по подушкамъ и по больнымъ. Бѣгали же они безъ зазрѣнія всякой совѣсти: бѣгали ночью, бѣгали днемъ. Эта безсовѣстность клоповъ можетъ сравниться развѣ только съ безсовѣстностью того мазурика, который утромъ встрѣчаетъ — чуть ли не на Тучковомъ мосту — одну благочестивую старушку (а та брела отъ заутрени), атакуеть ее и тащить съ нея салопа. А ужь свѣтло было. Старушка сначала опѣшѣла, потомъ поняла въ чемъ дѣло и закричала: «что ты, батюшка! въ седьмомъ-то часу!» Кромѣ клопныхъ колоній украшали одну изъ комнатъ, гдѣ лежали больные, старинные стѣнные часы и своимъ стукомъ съ шипѣніемъ краснорѣчиво выговаривали каждую секунду: *memento mori!* Аптечную комнату украшало висѣвшее между окнами на стѣнѣ разбитое зеркальце, а изъ-за него выглядывала беззубая, престарѣлая гребенка да грязное полотенце. Аптечныя украшенія были неотъемлемой собственностью фершала Луки Михалыча и должно быть очень ему нравились, потому что впоследствии, сколько я ни просилъ его припрятать куда-нибудь свою пиркульню, — онъ вѣроятно находилъ мой эстетическій вкусъ недостаточно развитымъ и еще болѣе украшалъ аптеку: то положить обгрызенное и ощипанное гусиное крыло на самое видное мѣсто, то бутылку съ масломъ поставить.

Все богатство больницы состояло въ библіотекѣ, которая помещалась въ аптекѣ, въ шкапу, за стеклами: всего-навсего книгъ

было до шестидесяти, и все библиографическія рѣдкости, вродѣ такихъ напримѣръ: «О пользѣ бадяги, замѣчанія санктпетербургской адмиралтейской госпитали главнаго лекаря коллежскаго ассесора Юсифа Статковскаго, 1809 года», или «Руководятельная врачебная наука», или «Критико-философическое разсмотрѣніе гомеопатической системы. Соч. Ф. Юг. Неймана. Посвящено для употребленія всѣхъ образованныхъ сословій. Москва 1838». или «Необходимыя средства къ приобрѣтенію полезной и пріятной жизни» и проч. «Москва, 1838». Последняя книжка меня особенно заинтересовала. Безъ сомнѣнія она заинтересовала бы всякаго, кто только стремится къ приобрѣтенію пріятной и полезной жизни. Навѣрно думаю себѣ, прескучнѣйшая вещь: трактуеть о необходимости трудиться (трудивыйся да ясть), проповѣдуетъ скромную, цѣломудренную жизнь и проч. Раскрываю первую попавшуюся страницу — о радость! книжечка оказалась пресвеселая. «*Чтобъ свиньи не рыли земли.* Поросятку, когда ему недѣль пять, продѣть въ рыло, гдѣ хрящикъ мѣдную проволоку и загнуть съ обоихъ концовъ; она заростеть и не причинитъ ему никакого вреда, а рыть никогда не будетъ землю.» Отсюда я заключилъ, что одно изъ средствъ къ приобрѣтенію полезной и пріятной жизни состоитъ въ томъ, чтобъ свиньи не рыли земли. И такихъ средствъ оказалось въ книжечкѣ, шутка сказать! — четыреста восемьдесятъ! Подавленный бременемъ такой массы средствъ, я спѣшилъ добратъ поскорѣе до послѣдней страницы: извѣстно — конецъ дѣло вѣнчаетъ. На этой страницѣ я прочелъ: «*Учить легавыхъ собакъ.* Для обученія легавыхъ собакъ употребляютъ французскіе слова. Когда должно собакѣ встать на заднія ноги, то ей говорить: *adrette...* Стой или остановись: *tu beau*, или *тубо*» и т. д. Вообще очень пріятная и очень полезная книжечка, только не для нашего брата медика.

Изъ журналовъ только и былъ одинъ «Военно-медицинскій», да и тотъ высылался не за текущей годъ, а все были прошлогодніе нумера, въ числѣ не болѣе двухъ-трехъ.

Генеральный смотръ больницы былъ конченъ. Больше на первый разъ въ ней дѣлать мнѣ было нечего. Ближайшее, болѣе подробное знакомство съ ней предстояло конечно впереди.

Въ этотъ же день я побывалъ съ визитомъ и у другого врача, окружного, Андрона Андроныча Простодрека. Онъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ. Первый мой визитъ къ нему былъ слишкомъ натянута, даже тяжолъ. Разговоръ у насъ какъ-то не клеился; притомъ же Андронъ Андронычъ держалъ себя почему-то такъ, что хотѣлъ казаться чиномъ выше настоящаго; глаза его постоянно бѣгали по сторонамъ, и сколько я ни старался заглянуть въ зеркало души его, однакожь это мнѣ не удалось не только при первомъ, но и при послѣдующихъ свиданіяхъ: при разговорѣ не только со мной, но и со всѣми онъ никогда не смотрѣлъ человѣку въ глаза. Вообще онъ былъ тучный, дородный, полный, словомъ господинъ съ вѣсомъ. Въмѣсто всякой закуской намъ подали у Простодрека кофею. Я больше трехъ ведѣлъ не пилъ кофею и признаюсь, радостно взыграло у меня сердце при видѣ крошечныхъ чашечекъ съ кофеемъ, которыя подали намъ у окружного лекаря. Я уже обонялъ аромать аравійскаго нектара, уже чашечка была у меня въ рукахъ — и счастье

Такъ было близко, такъ возможно!

вдругъ чашечка поскользнулась на блюдечкѣ, слезла на боковую — и нектаръ полился на столъ, со стола на полъ. Я до сихъ поръ не могу безъ трепета сердечнаго вспомнить про эту упавшую чашку, и все мнѣ хочется воротить ее! И теперь, когда я пью кофе, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, но все онъ не замѣнить мнѣ той чашки кофею, которую мнѣ подали въ Корсарѣ у окружнаго врача и которую я пролилъ...

— Это ничего, не безпокойтесь! успокоивалъ меня Андронъ Андронычъ, въ то время какъ я чуть не со слезами на глазахъ стиралъ носовымъ платкомъ и со стола и на полу пролитый кофею. Наконецъ пришелъ лакей, и вмѣсто моего платка заступила грязная тряпка, а за тряпкой послѣдовала щетка. Слѣды преступления были тщательно стерты и замечены.

— Скажите, докторъ, спрашиваю я Андрона Андроныча: — вы вѣрите въ гомеопатію?

— Н-нѣтъ, проговорилъ онъ съ растановкой, тихо, какъ бы боясь, чтобъ кто не подслушалъ.

— Такъ чтоже васъ заставляетъ заниматься гомеопатіей?

— Знаете, много есть помѣщиковъ, которые вѣрятъ въ гомеопатію и хотятъ лечиться непременно гомеопатически, никакъ

иначе. Помолчавъ нѣсколько онъ въ свою очередь спросилъ меня :

— А вы гомеопатіей не занимаетесь?

— Нѣтъ.

— Напрасно; а то была бы и у васъ въ уѣздѣ у помѣщиковъ практика.

Мнѣ оставалось только поблагодарить его за добрый совѣтъ.

— Скажите, какъ мы вамъ кажемся? должно-быть дякарями повѣждами? спросилъ меня Андровъ Андронычъ послѣ разговора о гомеопатіи.

Я не понялъ про кого именно онъ спрашиваетъ и съ какою цѣлью, и не зналъ что сказать ему :

— Я вѣдь еще недавно пріѣхалъ въ вашъ городъ и никого еще не знаю; дѣйствительно городъ—то скверный, ну а люди—то кажется еще ничего и т. д. въ этомъ родѣ.

Скоро послѣ этого объясненія я ушелъ.

Визиты мнѣ окончательно надобли — и тѣ, которые я дѣлалъ, и тѣ — которые мнѣ дѣлались. Послѣдніе были особенно невыносимы: скука, китайскія церемоніи, переливанье изъ пустого въ порожнее... Тьфу! даже вспомнить тошно. Одинъ только визитъ приходился мнѣ по душѣ: это былъ визитъ лѣсничаго Гаврилы Гаврилыча Гобоева. Мы съ нимъ были старые знакомые: когда еще я былъ студентомъ, онъ уже кончилъ курсъ и служилъ въ палатѣ; потомъ когда я кончилъ курсъ и уѣхалъ въ Петербургъ, онъ поступилъ въ лѣсничіе въ ту-же губернію и уѣздъ, куда и меня запрятала судьба по распоряженію начальства.

Гаврило Гаврилычъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ. Меня не было дома. Онъ уже, не дождавшись меня, выходитъ съ моей квартиры, и въ сѣняхъ ему свѣтила моя хозяйка. Въ это самое время я вернулся домой.

— Охъ господи помилуй! Да вотъ и докторъ пришолъ! вскрикнула моя хозяйка.

— Вы ли это, Инсаровъ? вслѣдъ за крикомъ хозяйки раздался голосъ Гобоева, который сначала не узналъ меня: моя борода привела его въ смущеніе и совершенно сбила съ толку.

Мы обнялись.

— Да за что васъ сюда къ намъ сослали? спросилъ меня Гобоевъ.

— Не послали, отвѣчалъ я: — а послали служить, какъ стипендіата.

Изъ сѣней мы перешли въ комнату, и я спросилъ Гаврила Гаврилыча:

— Какъ это вы узнали, что я пріѣхалъ? И отчего не остались до моего прихода? Хорошо что я скоро вернулся, а то вѣдь бы мы разошлись.

— Я вѣдь живу не въ городѣ, а въ лѣсу, какъ истый лѣсничій, верстъ за тридцать отсюда; сегодня проѣздомъ попалъ сюда въ городъ, миѣ и говорятъ, что пріѣхалъ новый докторъ. Кто бы такой, думаю? Фамилію разумѣется ужъ переврали, только все-таки была похожа на вашу; я и спросилъ, изъ какого университета? Какъ назвали нашъ-то родной университетъ, такъ по нему я сейчасъ и догадался, что новый докторъ — тотъ именно Инсаровъ, котораго я зналъ еще студентомъ. Спрашиваю гдѣ онъ живетъ? сказали на площади возлѣ исправника; я и полетѣлъ. Прихожу, а васъ дома нѣтъ. Дождаться скука, и кому-же я не зналъ, скоро ли вы вернетесь.

Потомъ мы пустились въ разговоры о новомъ нашемъ житьѣ-бытьѣ, пересыпая его старыми воспоминаніями. Гаврило Гаврилычъ сообщилъ миѣ, что ужъ въ городѣ говорятъ про меня, будто я сильно придерживаюсь чарочки, и что даже въ самый первый же день пріѣзда не могъ скрыть своей слабости и хватилъ у казначея черезъ край. Во время разговору Гаврило Гаврилычъ рылся у меня въ чемодаиѣ, гдѣ лежали книги, платье и шкатулка. Вытащивъ шкатулку, онъ потряхнулъ ее и сказалъ:

— У, да какъ тяжело! вѣрно вся деньгами набита?

— Нѣтъ, тутъ у меня микроскопъ.

— Вотъ и отлично! Пріѣзжайте ко миѣ въ лѣсъ съ микроскопомъ, станемъ заниматься ботаникой, зоологіей: словомъ всѣми царствами займемся. Звѣринца устраивать ненужно, зайцы, волки подъ окнами бѣгаютъ, акваріумъ тоже подъ окномъ — цѣлое болото, поставимъ прямо въ болото микроскопъ, да изъ окна и будемъ разсматривать, что дѣлается въ болотѣ.

Не дожидаясь отвѣта на свои слова онъ спросилъ меня:

— А вотъ что, гдѣ у васъ деньги-то? Отъ дороги можетъ и гроша не осталось? Злѣсь въ городѣ я бываю проѣздомъ, никого тоже какъ и вы не знаю, такъ мы похожи одинъ на другого: я живу въ лѣсу съ волками, да вы теперь хоть и въ городѣ, а

тоже все равно что въ лѣсу; такъ не надо ли вамъ денегъ на первый разъ? Много я вамъ не дамъ, ну а немного-то могу.

И онъ вытащилъ свой бумажникъ.

Мы просидѣли далеко за полночь. Гаврило Гаврилычъ остался у меня ночевать. Рано поутру онъ сталъ собираться домой; при растаньи я подарилъ ему поношенную гарibaldi, пепельницу и муштучекъ. Сѣвъ въ свою тѣлегу онъ закрычалъ мнѣ:

— Скучно будетъ такъ прїѣзжайте ко мнѣ въ лѣсъ!

IV

Г О Р О Д Ъ

Два-три слова о городѣ, въ которомъ я поселился.

Я былъ еще въ Петербургѣ. Меня «назначили» городовымъ врачомъ въ Корсарь. Очень естественно, что меня взяло любопытство узнать что это за городъ за такой. Отыскиваю въ самомъ новѣйшемъ календарѣ: Корсарь, уѣздный городъ такой-то губерніи, число жителей — семь тысячъ съ чѣмъ-то. Гм! думаю себѣ: значить жить еще можно. Даже весело стало. Но потомъ вдругъ я вспомнилъ про одного моего прїятеля, тоже городского лекаря. Онъ служилъ въ одномъ богатомъ и многолюдномъ уѣздномъ городѣ, но его увлекала «охота къ перемѣнѣ мѣсть», и онъ перепросился служить въ другой, совершенно незнакомый ему городъ, въ которомъ по календарю считалось чуть-ли не десять тысячъ жителей. Прїѣзжаетъ — ой вей миръ! даже трехъ тысячъ нѣтъ. Онъ ужасно загрустилъ и въ своихъ письмахъ ко мнѣ постоянно жаловался на отчаяннѣйшую скуку. Чтобы не попасть по милости календаря въ подобный просакъ, я рѣшился заглянуть въ прежніе календари: можетъ-быть въ нихъ, чѣмъ старше календарь, тѣмъ больше показно въ Корсарѣ число жителей; покрайней мѣрѣ я могу опредѣлить въ какой прогрессіи прибываетъ или убываетъ тамъ народонаселеніе. Достала календарей съ десятокъ. Въ иныхъ или вовсе не было отдѣльной графы для числа жителей въ нашихъ городахъ, или же вездѣ стояло: «Корсарь — 7000.» И успокоился.

Прїѣзжаю въ Корсарь, и первое, что меня поразило въ самое

сердце, такъ это именно безлюдство, даже безсобачество. Сначала меня это сильно обезпокоило, но потомъ и подумалъ: «ну, должно быть всѣ по домамъ сидять, всякій своимъ дѣломъ за-нять. Вотъ гдѣ праздность-то изгнана!»

Въ первые же дни по моемъ прїѣздѣ въ Корсарь, когда я знакомился съ его обывателями, я нѣсколькимъ лицамъ выразилъ свое удивленіе насчетъ безлюдья и безсобачія. Оказалось, что въ городѣ собакъ дѣйствительно нѣтъ, а жителей..

— По календарю значится семь тысячъ, говорю я.

— Помилуйте! какія семь тысячъ! Двухъ не наберется.

Но куда-жъ, куда-жъ это безслѣдно исчезло пять тысячъ народу? Отъ холеры что-ли всѣ перемерли? Отъ моровой язвы? «Нѣтъ, говорятъ, ничего такого у насъ не было. Даже землетрясенія не было. Вотъ пожары у насъ были, особенно въ послѣдніе три года, и сильные пожары, около половины города выгорѣло, а чтобъ хоть одинъ человѣкъ сгорѣлъ — этого не было!»

Такъ я ничего и не добился ни отъ городничаго, ни отъ исправника, ни отъ казначея. Я хоть и раньше зналъ, что «всѣ врутъ календари», но по простотѣ душевной полагалъ, что иной разъ они и правду говорятъ. И вдругъ — пятью тысячами человѣкъ меньше.. Господи! практики-то на-сколько убыло, практики-то!

Дѣло впрочемъ объяснилось. Его объяснилъ мнѣ лѣсничій Гобоевъ. Изъ его словъ я узналъ, что когда собирались статистическія свѣдѣнія для календаря (это было давно ужъ, лѣтъ десять тому назадъ), тогда дѣйствительно въ Корсарѣ, говорятъ, было тысячъ семь жителей, если только меньше. Календарь такъ и записалъ: «Корсарь, 7000,» а потомъ и пошелъ печатать изъ году въ годъ: «7000,» «7000». А между тѣмъ въ Корсарѣ съ году на годъ все убывало да убывало число жителей: они оставляли повемногу городъ и селились верстахъ въ пяти, семи отъ него, дѣлались крестьянами и образовали цѣлыя деревни: вотъ напримѣръ Морковка, Арбузовка, Адашевка — ну и другія.

Этнографическія свѣдѣнія о Корсарѣ, какъ видите, довольно сумрачны, а про историческія такъ и говорить нечего: тѣ ужъ просто темны. Мѣстное преданіе гласитъ, что онъ во времена Петра I служилъ мѣстомъ ссылки, а до Петра находился во власти татаръ и былъ значительнымъ пограничнымъ городомъ;

даже укрѣпленія въ немъ были : до сихъ поръ еще неподалеку отъ города видны остатки этихъ укрѣпленій — въ образѣ вала, впрочемъ сильно утоптанаго. Кромѣ этого вала татары оставили по себѣ на память еще подземный гулъ. Дѣло въ томъ, что татары (все по тому же преданію), безъ сомнѣнія съ хорошей цѣлью, устроили подъ землей секретные ходы; ходы эти шли по направленію нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ улицъ, такъ что теперь, когда ѣдешь по этимъ улицамъ — подразумевается лѣтомъ, — то чувствуешь подъ собой какую-то гулящую пустоту. Къ сожалѣнію этого гула я не слыхалъ, такъ какъ мнѣ привелось быть въ Корсарѣ не лѣтомъ, а зимой. Далѣе; извѣстно также по преданію, что Корсаръ сильно бушевалъ во время пугачевщины. Наконецъ, какъ на историческій памятникъ, жители Корсара указываютъ на каменный столбъ, вышиной аршина въ два, который торчитъ на площади около присутственныхъ мѣстъ : по единодушнымъ показаніямъ жителей столбъ этотъ воздвигнуть въ честь храбрыхъ ратниковъ, на самомъ этомъ мѣстѣ избіенныхъ и тутъ же погребенныхъ. Но что это были за ратники — татары ли, русскіе ли, — когда и за что они пали — граждане корсарскіе не знаютъ. Просто храбрые ратники, да и дѣло съ концомъ.

Этимъ я и закончу взгляды на прошедшее Корсара. Посмотрите на его настоящее.

Его настоящее нагоняетъ страшную тоску. Изъ любопытства въ него разумѣется никто не заглянетъ : до такой степени онъ не любопытенъ. Если кто и заглядываетъ въ него и поселится въ немъ, такъ развѣ по необходимости, хоть бы на примѣръ нашъ братъ, временно-обязанный служивый людъ. Корсаръ такъ скромно ведетъ себя, что на него никто и вниманія не обращаетъ. Онъ какъ-будто и не живетъ совсѣмъ, а только такъ, существуетъ. Если когда городъ и оживляется нѣсколько, такъ это только въ базарные дни, по пятницамъ. Въ эти дни съѣстные припасы закупались на цѣлую недѣлю, какъ это вообще дѣлается въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Мяса на примѣръ или лровъ вы ужъ ни въ какой другой день не найдете. Зато водокъ всѣхъ сортовъ, винъ, даже шампанскаго — хоть дюжинами можно было найти во всякую пору дня и ночи. Только эта одна отрасль торговли и процвѣтала въ Корсарѣ. Другія отрасли были ему совершенно неизвѣстны. Не было въ городѣ ни бу-

лочной, ни портного, ни сапожника, ни часовыхъ дѣлъ мастера, ни одной вывѣски. Только на дверяхъ одного дома изображены были графинъ и рюмки и подъ ними надпись свидѣтельствовала, что тутъ «въ хотъ взаведеніе.» Да еще на крышѣ другого дома сидѣлъ золоченый орелъ, и всякій зналъ, что въ этомъ домѣ помѣщается вольная аптека. Ни одинъ почти домъ въ городѣ не былъ обшитъ тесомъ, а всѣ были бревенчатые; многіе крыты просто соломой, а иные въ зимнее время обкладывались соломой даже съ боковъ. Почти при всякомъ домѣ имѣлся огородъ, обнесенный скромно плетнемъ. Улицы разумѣется немощенныя, и въ ненастную погоду, особенно осенью грязь была непроходимая. Ни канавъ для стока воды, ни тротуаровъ нигдѣ не было. Короче, городъ былъ деревня деревней. Все великолѣпіе города заключалось въ двухъ каменныхъ, одно-этажныхъ домахъ, нештукатуренныхъ, похожихъ на амбары, выстроенные близъ базарной площади. Въ этихъ домахъ, въ каждомъ было по лавкѣ, что и составляло корсарскій гостинный дворъ; тутъ-то мы съ казначеемъ и закупали — онъ миндальныхъ пряниковъ, а мыла и сахару. Кромѣ того по Главной улицѣ высились руины каменнаго дома въ два этажа; крыши не было, потолокъ и половъ тоже. Домъ этотъ сгорѣлъ въ послѣдній пожаръ, а хозяйка его умерла. Въ городѣ было четыре церкви, и всѣ четыре каменные. До какой степени были бѣдны и малочисленны ихъ приходы, можно судить по тому, что у отца протопопа сверхъ городского прихода былъ еще приходъ въ деревнѣ, верстахъ въ пяти отъ Корсара.

На одномъ концѣ города бѣлѣли каменные стѣны острога. Рядомъ съ нимъ красовались другія каменные палаты, въ два этажа, съ окнами и дверьми. Подъ крышей этихъ палатъ съ лицевой стороны парилъ орелъ съ длинными до безобразія крыльями. Это были присутственныя мѣста. Другой конецъ Корсара тоже не былъ особенно привлекателенъ: двѣ вѣтренныя мельницы, каменный винный подвалъ, подлѣ него стоятъ и лежатъ сороковыя бочки, да часовой съ ружьемъ ходить. Невдалекѣ отъ подвала домъ управляющаго откупомъ. Этой части города дано жителями почему-то названіе Вифаніи.

Вообще Корсаръ поражалъ своей крайней бѣдностью. Ею только и можно объяснить себѣ эмиграцію пяти тысячъ его жителей. Они разсудили, что лучше жить въ деревнѣ да пахать

землю, но быть сытыми, чѣмъ въ горелѣ бить баклуши и каждый день сидѣть впрѣголодь. И дѣйствительно, жители сосѣднихъ съ Корсаромъ селъ и деревень были далеко зажиточнѣе горожанъ.

.....

На первой своей квартирѣ я не прожилъ и недѣли: дотога она мнѣ опротивѣла. Одинъ угаръ чего стоилъ... каждый день угаръ, каждый день! Нѣтъ, ужъ это вовсе не по моей головѣ было. Три комнатки нагрѣвались одной печью, въ прихожей, но эта одна стоила трехъ. Жутко мнѣ отъ нея приходилось. Иной разъ дѣло доходило до обмороковъ, а однажды я чуть было и совсѣмъ неотправился на тотъ свѣтъ. Послѣ этого я поспѣшилъ принять самыя рѣшительныя мѣры, именно прискать другую квартиру. Вскорѣ она была отыскана у казначея. У меня уже все было приготовлено къ переѣздкѣ, оставалось только расчитаться съ хозяйкой.

— Сколько вамъ слѣдуетъ получить съ меня за пять дней? или какъ вы считаете — за шесть? спрашиваю я ее.

— Охъ господи—помилуй! Да ужъ положите пять—то рубльковъ гладко, такъ я и довольна останусь.

— Что вы, говорю, пять рублей! Да за что? И всего—то прожилъ я у васъ какихъ—нибудь пять дней; это выходитъ по рублю за сутки: вѣдь такую цѣну только въ гостиницахъ ломятъ. Вѣдь это безсовѣстно съ вашей стороны!

— Охъ господи—помилуй! Да ужъ вы—то поступите по совѣсти, не обидьте бѣдную старуху. За что вы поносите меня, что ужъ будто и безъ совѣсти съ васъ спрашиваю? Охъ господи—помилуй! Одинъ богъ видитъ, кто кого обидитъ! Говорила хозяйка тономъ разбитаго чайника, уставивъ взоры свои на кюотъ, висѣвшую въ переднемъ углу.

— Ну ужъ какъ вы тамъ хотите, отвѣчалъ я, а пяти рублей я вамъ не дамъ, — не-зачто: вѣдь пилъ и ѣлъ я свое. Вотъ у казначея я теперь нанялъ получше вашей квартиру, а она мнѣ съ дровами въ мѣсяцъ стоитъ будетъ пять рублей; а вы за пять дней хотите пять рублей!

— Тамъ я у васъ не знаю, — охъ господи—помилуй! какъ вы сладились съ казначеемъ. Можетъ Семенъ Яковличъ по особой какой милости къ вамъ взялъ съ васъ такъ дешево. И я вѣдь не дорого съ васъ теперь прошу: какъ есть въ акуратъ по моему счету выходитъ пять рубльковъ.

— Хороши ваши счеты! говорилъ я, начиная уже терять хладнокровіе: — вамъ бы только содрать! Вотъ у васъ какіе счеты. Да я больше съ вами и говорить не хочу: переѣду да и только, а денегъ вамъ не отдамъ теперь, а послѣ получите мѣсяца черезъ два, теперь у меня и нѣтъ денегъ.

— Рази меня царица небесная, коли я въ чемъ согрѣшила! возопила хозяйка, кинулась къ окошку и гнѣвно заговорила:

— Я васъ отъ себя не выпущу! И ворота запру! Пока денегъ не выложите, не дамъ вамъ съѣхать. Не посмотрю на то, что вы изъ Питера: вѣдь и у насъ тоже свое начальство есть! Сейчасъ пойду къ Андрею Александрычу!

Моя хозяйка расхолилась ненашутку. Въ это время по двору проходила какая-то женщина. Хозяйка увидала ее изъ окна, высунула въ форточку голову и закричала, что было мочи:

— Эй, сестрица! А сестрица! Запри-ко ворота! Ворота-то запри! погоди маменько, не уходи отъ меня!

Ну, думаю себѣ, безъ великаго скандала дѣло какъ видно не обойдется. Нельзя ли будетъ отдѣлаться отъ него, какъ въ нѣмецкомъ клубѣ, тремя рубликами? Вынимаю трехрублевую бумажку и отдаю хозяйкѣ:

— Вотъ вамъ три рубли; больше отъ меня не получите ни копѣйки.

Хозяйка ушла. Все успокоилось. Ворота отперлись и препятствій къ моему выѣзду съ квартиры никакихъ неимѣлось. Я уже совсѣмъ было собрался выѣзжать, какъ входитъ ко мнѣ сестра хозяйки и сладенькимъ голосомъ говоритъ:

— Здравствуйте, батюшка! Что это моя-то сестра дура какая, и сосчитаться-то съ вами безъ шума не могла! Дай, я ей, говорю, ужъ я теперь за тебя пойду, ты опять накричишь тамъ безъ толку. Вотъ, батюшка, вамъ всего слѣдуетъ сдачи пять рублей...

— Какъ пять рублей? Какой сдачи пять рублей? Да возьмите вы три рубля, которые я отдалъ вашей сестрѣ, ну этимъ нашъ расчетъ и покончимъ.

— Нѣтъ, батюшка, такъ нельзя. Такъ мы недѣлаемъ. Хоть и бѣдные люди, хоть и заступиться за насъ некому, а мы такъ не дѣлаемъ. Вотъ вамъ пять съ полтиной сдачи съ бумажки, извольте получить. Коли не такъ давеча сестра сосчитала, вѣдь ужъ она дура старая. Вы ужъ, батюшка, съ нея незвыщайте.

Куда ужъ ей деньги считать! Изъ ума вѣдь совсѣмъ выжила: своихъ лѣтъ счесть не можетъ. Все, говорить, что ей шестьдесятъ девять лѣтъ, и вѣдь все вретъ: ей ужъ теперь семьдесятъ-три. За квартиру съ васъ приходится получить значить пять рублей, значить пять рублей съ половиной вамъ сдачи. Такъ ли что-ли? Извольте, батюшка, сосчитайте деньги-то.

Я взялъ и началъ считать: сдачи оказалось полтора рубля серебромъ. Тутъ только я понялъ изъ-за чего у меня съ хозяйской баталиа поднялась: она считала на асигнаци, а я на серебро!

— Такъ, вѣрно, я съ вами согласенъ, сказалъ я.

— Коли вѣрно, такъ ужъ на чаекъ-то пожалуйте.

Я далъ ей на чаекъ.

— Не во гнѣвъ вашей милости, батюшка, я спросить васъ хочу: у казначея-то гдѣ вы жить будете — въ домѣ, или во флигирѣ?

— Во флигелѣ, отвѣчалъ я.

— Какой Семень-то Яковличъ добрый для васъ: самъ вѣдь онъ жилъ во флигирѣ, а какъ вы пріѣхали, такъ онъ и уступилъ его вамъ, а вѣдь прежде до васъ никого не пускалъ. У казначея вамъ славное будетъ житье, то-есть просто любо живете!

— Да чѣмъ же любо-то?

— Какъ чѣмъ? Да вамъ, молодымъ, и женской-то полъ помоложе надо, а у насъ у старухъ какое вамъ веселье! Тамъ сестра у казначея есть. Она вѣдь ужъ давно невѣста. Вотъ скоро четыре года какъ я вдовѣю, да съ мужемъ жила почти-что четыре же года; когда я замужъ выходила, такъ она ужъ втѣпоры была невѣстой. Да вотъ, поди, что станешь дѣлать-то! Видно еще счастье-то у ней впереди. Вотъ сидитъ-сидитъ въ дѣвкахъ-то, ну можетъ и дождется муженька себѣ. Не намъ чета будетъ.

Меня начиналъ интересовать этотъ разговоръ и я старался поддержать его.

— Чѣмъ же она вамъ не чета? спрашиваю я.

— Ну какъ вамъ сказать чѣмъ? Да тѣмъ, что онъ казначей, она ему сестра, и выходитъ люди-то съ достаткомъ, нето-что мы, мѣщане.

— Да вѣдь бываютъ же и мѣщане съ достаткомъ?

— Какъ не бывать, бываютъ! Да все-таки супротивъ ихъ не

бывать, потому тѣ ужь будутъ благородныя, а мы что? Одно слово мѣщане. Поживете сначала во Флигирѣ, потомъ можетъ барыня-то пондравится, и дѣло у васъ сладится — тогда и въ домикъ благословясь переберетесь. Чѣмъ вамъ не любо будетъ житье у казначея!

— Вотъ какъ! ужь вы мнѣ и невѣсту прискакали, и женить хотите! Почему же вы знаете, что я женюсь на казначейской сестрѣ?

— Да ужь у меня на это есть вѣрныя примѣты. Вотъ когда мужъ-то у меня захворалъ, приходитъ ко мнѣ въ тотъ день кума да и говоритъ: «Нѣтъ ли у васъ, говоритъ; картофелю? Дайте, говоритъ, займы. Въ пятницу на базарѣ сами купимъ, тогда и отладимъ. Теперь, говоритъ, у насъ нѣту его вовсе.» Вотъ я и пошла за картофелемъ въ амбаръ и кума вмѣстѣ со мной, и наступила мнѣ она на ногу. «Ну, говорю, кума! знать-то мнѣ овдовѣть.» Такъ вѣдь и случилось: мужъ похворалъ-похворалъ эдакъ съ мѣсяць, да и умеръ. А вы жѣнитесь! — положительно увѣряла меня хозяйкина сестра: — какъ свить Богъ васъ женять. Ужь у меня на все есть вѣрнѣющія примѣты.

Этимъ разговоромъ и закончилось мое житье на первой квартирѣ въ Корсарѣ. Хозяйка и сестра ея провожали меня за ворота своего дома и на прощанье говорили мнѣ:

— Коли будемъ живы-здоровы, такъ ужь непременно придемъ въ церковь посмотришь какъ вѣнчать-то васъ будутъ!

И затѣмъ пожелали мнѣ, моей будущей женѣ и даже будущимъ дѣтямъ всякихъ благъ земныхъ и небесныхъ.

У

ОСТРОГЪ

Кромѣ городской больницы въ моемъ вѣдѣніи находилась еще больница при острогѣ.

Бѣлый и чистый снаружи, острогъ внутри былъ всего меньше бѣлъ и чистъ: стѣны, потолокъ и полъ были черны и грязны какъ въ кузницѣ. Стекла во всѣхъ окнахъ должно-быть съ самого построения острога ниразу немылись и оттого пропускали сквозь себя весьма мало свѣту, такъ-что въ нѣкоторыхъ комна-

тахъ или каморахъ и особенно въ коридорѣ, который шолъ посреди острога и раздѣлялъ его на двѣ половины, въ пасмурный день не узнаешь и человѣка въ лицо. Разъ мнѣ вужно было у одного больного арестанта посмотреть во рту; къ какому окну я ни подходилъ, все-таки ничего не могъ разглядѣть; просилъ ужъ осторожнаго смотрителя прислать этого арестанта подъ конвоемъ въ городскую больницу, чтобъ тамъ его осмотрѣть; но смотритель почему-то не прислалъ — и пришлось лечить больного на авось, не разсмотрѣвъ и не распознавъ его болѣзни. О камнахъ и говорить нечего: ихъ разумѣется не было, и для провѣтриванія только были однѣ форточки, притомъ дурно-устроенныя, отчего воздухъ въ острогѣ всегда былъ сырой, спертый, пропитанный какимъ-то особеннымъ специфическимъ запахомъ, словомъ воздухъ самый скверный, какой только можно себѣ представить. Человѣкъ пришедшій съ улицы тотчасъ же чувствовалъ какое-то отравляющее дѣйствіе этого воздуха и вмѣстѣ съ тѣмъ появлялось у него чувство какого-то непреодолимаго отвращенія, заставлявшее его поскорѣе уйти изъ этого вертена. Стѣны внутри острога около оконъ и дверей были постоянно мокрыя, покрыты точно краской толстымъ слоемъ гризи, который составлялся изъ пыли, сору, сырости и испареній людей. На рамахъ оконъ, на подоконникахъ, по стѣнамъ въ углахъ, особенно въ нижней ихъ части, сильно цвѣла плесень, а подъ нары лучше и не заглядывать: тамъ была своего рода *Cavea canina* (собачья пещера), что близъ Неаполя, къ которую, какъ извѣстно, если забѣжитъ собака, то тамъ и околѣетъ.

Таковъ былъ острогъ во время моего пребыванія въ городѣ Корсарѣ и такимъ остался при моемъ отъѣздѣ изъ этого города.

Всякій разъ когда извѣщали меня о какомъ-нибудь заболѣвшемъ арестантѣ, признаюсь откровенно, я шолъ въ острогъ нехотя; а ужъ по доброй волѣ, такъ чтобы самъ вздумалъ, безъ повѣстки зайти къ заключеннымъ и освѣдомиться, вѣтъ ли между ними заболѣвшихъ, я никогда не ходилъ.

Разъ я спрашиваю осторожнаго смотрителя:

— Отчего это у васъ въ острогѣ такъ темно, грязно и сыро? Вѣдь можно бы держать получше, почище, побѣлѣе, освѣтлѣе?

— Оно бы конечно можно, отвѣчалъ смотритель: — отчего же нельзя? Да чего это будетъ стоить!

— Ну да просто, говорю: — хоть стекла чтоли помыть, стѣ-

вы подбѣлить, полъ выскоблить, двери почистить — оно бы все-таки лучше было; а то вѣдь ни къ чему прислониться нельзя: вездѣ сырость, плѣсень, грязь.

— Ну стоять ли хлопотать для такого народу, какой здѣсь сидить! отвѣчалъ равнодушно смотритель, съ виду и самъ мало чѣмъ отличавшійся отъ острога. Это былъ дряхлый, сморщенный старецъ, плюгавый, обносившійся и духомъ и плотью: на правой щекѣ былъ у него мокрый, расплывшійся лишай, какъ плесень на стѣнахъ острога, а щетинистая борода придавала ему видъ дикобраза. Изъ-за веревко-образнаго галстука высывался кусокъ грязной рубахи; теплая на ватѣ шапка такъ искусно была засалена, что будто сейчасъ только ее вынули изъ горячихъ щей: такъ казалось и плавалъ по ней жиръ. Овчинная шуба, которую онъ носилъ въ-накидку, отъ вылѣзшей шерсти вся была въ лысинкахъ, какъ-будто лишай съ лица распространился и на шубу. Вицмундиръ тоже заодно съ шубой, шапкой и съ самымъ лицомъ смотрителя былъ изорванъ, замаранъ, весь въ заплаткахъ; только если что и было здороваго, цѣлаго во всемъ острожномъ смотрителѣ, — такъ это одиѣ форменныя желтыя пуговицы на его вицмундирѣ. Все и снаружи и внутри смотрителя истлѣло, умирало: глаза оловянные, голосъ дребезжить, только одиѣ пуговицы блестятъ и геройски переживаютъ свой вѣкъ.

Нельзя сказать, чтобъ въ острогѣ было просторно. Разъ я встрѣчаюсь въ острогѣ съ смотрителемъ и спрашиваю его:

— Сколько всѣхъ арестантовъ содержится въ острогѣ?

— Въ прежніе годы бывало не больше сорока арестантовъ: настолько человекъ и выстроены острогъ; а вотъ нынче часто доходить до семидесяти...

— Отчего же нынче стало больше?

— Да оттого, что комиссаръ съ исправникомъ не тѣ люди, что прежде бывало; особенно вотъ какъ другой-то комиссаръ всталъ, такъ и много теперь сидитъ у насъ въ острогѣ.

— Чтоже дѣлаетъ этотъ комиссаръ, что при немъ больше сидитъ въ острогѣ арестантовъ?

— Этотъ не спускаетъ, не отдѣлаешься отъ него; все-то онъ конокрадство хочетъ вывести. Пользы-то впрочемъ немного: много засадятъ только по подозрѣнію, а прямыхъ-то уликъ нѣтъ; стануть допрашивать такого молодца, онъ ни въ чемъ не

сознается — ну и выпустятъ; а какъ онъ на волю-то выйдетъ, такъ и пойдетъ опять свое дѣло дѣлать почище прежняго: извѣстная вещь — посидѣлъ въ острогѣ, уму-разуму понабрался.

— По какимъ же преступленіямъ больше всего содержатся въ вашемъ острогѣ?

— Да вотъ всего больше по конокрадству.

И при этомъ смотритель сообщилъ еще нѣкоторыя подробности относительно конокрадства. Говорилъ, что когда опредѣлились новые исправникъ и комиссаръ, такъ въ корсарскомъ уѣздѣ конокрадство стало меньше, но зато въ сосѣднемъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ оно приняло широкіе размѣры: «значить — говорилъ онъ — изъ нашего-то уѣзда молодцы перебрались въ другой, гдѣ исправникъ съ комиссаромъ послабѣе.» Говорилъ о томъ, какъ крадутъ лошадей: иной разъ какъ удастся увести лошадь, такъ и гонять на ней какъ можно дальше, даже ускачутъ въ другую губернію, эдакъ верстъ за-сто. Выбѣжить лошадь — такъ и барышъ хорошій получаютъ; ну а не выбѣжить, падеть на дорогѣ, такъ что? вѣдь не своя, не купленная, значить и жалѣть о ней нечего! Давай тогда другую доставать.

Тѣснота помѣщенія арестантовъ въ острогѣ вмѣстѣ съ другими неудобствами, грязью, сыростью, испорченнымъ воздухомъ и т. п., служила причиною многихъ болѣзней. Однажды пріѣзжаетъ ко мнѣ городничій (это было въ январѣ) и приглашаетъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ острогъ, гдѣ разомъ заболѣло больше половины всѣхъ арестантовъ, какъ говорилъ мнѣ городній. Мы отправились. Кромѣ необходимыхъ гигиеническихъ средствъ, то-есть чистоты комнатъ, хорошей пищи и т. п. я предложилъ еще, чтобы всѣхъ арестантовъ сводили въ баню и послѣ бани дали бы имъ хоть по полрюмкѣ вина. Смотритель и слышать ничего не хотѣлъ.

— Баню топить не къ чему, говорилъ онъ: — потому что арестанты и безъ того недавно были въ банѣ, а вина дать нельзя, потому что арестантамъ вино пить не позволяется.

Мнѣ оставалось дѣйствовать убѣжденіями.

— Знаете что, говорю я смотрителю: — есть много лекарствъ, которыя наставляются на спиртъ или на винъ, напримѣръ тинктуры, эссенціи и т. п., и все-таки ихъ позволяютъ давать арестантамъ; ну не все-ли равно будетъ, что больной арестантъ

выпить полрюмки аптекарскаго вина или откупнаго? И потому баня: баня тоже, какъ лекарство, можетъ быть назначена больному нѣсколько дней сряду, слѣдовательно нечего обращать вниманія на то, что арестанты недавно были въ банѣ.

Разумѣется дѣло кончилось тѣмъ, что больные арестанты обошлись безъ бани и безъ водки.

Вообще, насколько мнѣ удалось замѣтить, смотритель острога былъ очень хорошій экономъ, судя потому, что въ зимнее время отапливались не всѣ комнаты или каморы острога, отчего когда много было арестантовъ, то въ иной комнатѣ ихъ сидѣло по десяти, по пятнадцати человѣкъ и даже больше. Разумѣется при такой скученности воздухъ сильно портился отъ дыханія, а сырость зимой увеличивалась отъ неотапливаемыхъ сосѣднихъ комнатъ и тоже сильно портила воздухъ. Потому я нѣсколько разъ замѣчалъ смотрителю, что топить необходимо во всѣхъ комнатахъ, а въ нѣкоторыхъ даже раза два въ день, или же постоянно поддерживать хоть небольшой огонь, чтобы черезъ это если несовсѣмъ уничтожить, то хоть сколько-нибудь освѣжить воздухъ. Совѣтовалъ кромѣ того отпирать каждый день на нѣкоторое время форточки. Но всѣ мои убѣжденія и доводы были напрасны. Смотритель каждый разъ флегматически выслушивалъ меня и каждый разъ я слышалъ отъ него одну и ту же пѣсню:

— Сырость въ острогѣ не оттого, что не во всѣхъ комнатахъ топятъ печи, а оттого, что внутри стѣнъ вмѣсто кирпича навалень мусоръ да щепы: тутъ сколько ни топи, только дрова даромъ будешь переводить, а сырости-то не выживешь. А форточки отпирай сколько хошь, воздухъ все тотъ же будетъ, только холоду напустишь.

Однимъ словомъ смотритель никогда и ни въ чемъ со мною не соглашался и что замѣчательно, онъ всякій разъ кругомъ былъ правъ. Вотъ примѣръ одинъ изъ сотни: всѣ лекарства для большихъ арестантовъ отпускались обыкновенно изъ аптеки при городской больницы. Разъ заболѣлъ одинъ арестантъ. Прописываю ему лекарство, котораго въ городской больничной аптекѣ не оказалось. Я и говорю острожному смотрителю, чтобъ онъ послалъ за лекарствомъ въ вольную аптеку, и всего-то, говорю, оно будетъ стоить какихъ-нибудь пятнадцать копѣекъ ужъ никакъ не дороже.

— Въ положеніи не сказано, отвѣчалъ онъ мнѣ: — чтобы брать лекарства изъ вольной аптеки, когда ихъ нѣтъ при городской больницѣ, и по мнѣ будь что будетъ, такъ я ни копѣйки не истрочу, чего не положено.

Больница острога состояла изъ одной небольшой комнаты и находилась рядомъ съ прочими комнатами. Она почти ничѣмъ не отличалась отъ всѣхъ другихъ комнатъ острога: такая же сырая, воздухъ въ ней такой же тяжелый, спертый, какъ и во всемъ острогѣ, только въ ней было какъ-будто немного почище, освѣтлѣе, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. вмѣсто нарѣ стояли въ ней двѣ деревянныя кровати съ грубымъ грязнымъ бѣльемъ, имѣвшимся всего въ одномъ экземплярѣ, такъ что когда приходилось его отдавать въ стирку, то кровати вовсе оставались безъ бѣлья. Посреди комнаты у потолка висѣлъ фонарь, чего не было ни въ одной изъ прочихъ комнатъ.

До семидесяти арестантовъ — и всего только одна комната для больныхъ! Хорошо, если изъ этихъ семидесяти человѣкъ заболѣетъ одинъ, двое; ну а какъ больше? На какія кровати прикажете ихъ класть? да притомъ заболѣютъ такими болѣзнями, которыя требуютъ непременно отдѣлить не только больныхъ отъ здоровыхъ, но даже и больныхъ другъ отъ друга? Даже когда только двое заболѣютъ, но одинъ изъ этихъ большихъ мужчина, а другой женщина? неужели ихъ запереть въ одну комнату?

Къ счастью мнѣ не пришлось рѣшать этихъ вопросовъ на практикѣ. Въ Корсарѣ я прослужилъ всего три съ половиной мѣсяца; во все это время серьезно больныхъ арестантовъ было немного: одинъ, много два въ мѣсяцъ.

Женщинъ въ острогѣ содержалось мало; все почти одни мужчины, народъ крѣпкій, здоровый. Разумѣется попавъ въ острогъ, они болѣе или менѣе скоро утрачивали свое крѣпкое здоровье, хотя и несовсѣмъ. Большая часть ихъ страдала или скорбутомъ, или поносомъ. Но эти болѣзни не развивались въ сильной степени и никогда отъ нихъ никто не расхварывался до того, чтобы слечь въ постель.

Разъ меня позвали къ больному въ острогъ. Проходя по коридору мимо дверей больницы, я услыхалъ умоляющій голосъ:

— Ваше высокопревосходительство! выслушайте мою просьбу!

Это возваніе повторялось нѣсколько разъ, и непонимая къ ко-

му ово относится, я обратился къ солдату, который всякій разъ сопровождалъ меня съ ружьемъ въ рукѣ.

— Что это за крикъ въ больницѣ?

— Да это больной, ваше благородіе, васъ зоветъ въ больницу, — отвѣчалъ конвойный.

— Скажите больному, что я нарочно для него пришолъ въ острогъ и сейчасъ буду въ больницу, только сначала зайду къ другимъ арестантамъ, узнать, нѣтъ ли тамъ больныхъ.

Побывалъ у здоровыхъ арестантовъ и пошелъ въ больницу. Тамъ былъ одинъ больной. Только-что я вошелъ въ больницу, онъ упалъ передо мной на колѣни и умолялъ, чтобъ избавилъ его отъ невыносимаго для него одиночнаго заключенія, въ которомъ онъ находился уже болѣе недѣли, и чтобы позволили ему сидѣть вмѣстѣ съ другими арестантами. Я, говоритъ, просилъ объ этомъ и смотрителя, и начальника инвалидной команды, но они сказали, чтобъ я обратился къ вашему высокопревосходительству, что не по ихъ, а по вашему приказанію меня посадили одного въ больницу.

Болѣзнь у арестанта была заразительна, но она уже начала проходить и притомъ боясь, чтобъ онъ не сталъ скрывать свою болѣзнь, я позволилъ его перевести въ общую комнату къ прочимъ арестантамъ, предупредивъ больного, чтобъ онъ пилъ и ѣлъ отдѣльно отъ своихъ товарищей.

— Ужь будьте благонадежны! все такъ и буду дѣлать, какъ прикажете, — отвѣчалъ больной арестантъ: — вотъ у меня чашечка своя здѣсь съ водицей.

Онъ подбѣжалъ къ окну, гдѣ у него стояла чашка съ водой, потомъ отъ окна кинулся въ передній уголъ, гдѣ изъ-за трещины штукатурки вытащилъ какую-то бумагу и ложку, приговаривая: — Вотъ у меня и ложечка своя будетъ!

Бумага меня заинтересовала. Для арестанта, сколько я замѣтилъ, она была особенно дорога. Спросить о ней у самого арестанта мнѣ показалось неловко, я и обратился съ вопросомъ къ солдату:

— Что это у больного за бумага?

— Видъ его, ваше благородіе, отвѣчалъ мнѣ конвойный. — Здѣсь каждому арестанту выдается такой видъ: прописывается имя, фамилія, за что посаженъ въ острогъ, и всякій арестантъ этотъ видъ долженъ имѣть завсегда при себѣ, на случай когда

кто спросить.. Ну примѣрно вы бы захотѣли узнать кто такой арестантъ и за что сидитъ? Вотъ вы только погребуйте, — онъ сейчасъ вамъ и подастъ этотъ самый видъ.

Забравъ все свое имущество — чашку, ложку и видъ, арестантъ съ радостью вышелъ за мной изъ больничнаго, одиночнаго заключенія.

Этотъ больной былъ крестьянинъ. Да и вообще всѣ арестанты были изъ простаго класа; исключеніе составлялъ только одинъ арестантъ, выдававшій себя за дворянина. По костюму онъ однакожь сильно смахивалъ на дьячка: узкій, длиннополый, чуть не до пяткокъ кафтанъ, подпоясанный кушакомъ и шапка вродѣ ермолки, плохо говорили въ пользу дворянской породы ихъ владѣльца.

Въ острогъ этотъ quasi-дворянинъ попалъ за бродяжничество. Разгуливая по городамъ и деревнямъ, онъ забрелъ въ Корсарь; корсарской полиціи онъ почему-то показался весьма подозрительнымъ человѣкомъ; она «забрала» его и посадила въ острогъ. Предварительно разумѣется были отъ него отобраны показанія о мѣстѣ жительства, о родствѣ его и т. д. Подозрительный человѣкъ показалъ, что онъ дворянинъ изъ сосѣдняго уѣзнаго города и т. д. Пошли справки. Пока шли справки, бродяга-дворянинъ сидѣлъ въ острогѣ.

Для дворянъ въ острогѣ, какъ извѣстно, бываетъ отдѣльная комната. Такъ какъ бродяга выдавалъ себя за дворянина, то его и посадили въ эту комнату, одного. Два-три дня одиночнаго заключенія до такой степени сильно на него подѣйствовали, что онъ призналъ за лучшее отрѣчься отъ дворянства.

— Нѣтъ ужъ лучше назваться не дворяниномъ, — говорилъ онъ мнѣ, когда я увидалъ что онъ сидитъ вмѣстѣ съ прочими арестантами-простолюдинами и спросилъ его: почему онъ не сидитъ въ дворянской каморѣ? — Ужъ лучше сказаться недворяниномъ, — покрайней-мѣрѣ вмѣстѣ съ другими посадить, а то одному сидѣть въ каморѣ куда какъ тяжело!

Онъ просидѣлъ въ острогѣ недѣли двѣ. Въ эти двѣ недѣли переписка о немъ кончилась. Полиція сосѣдняго города подтвердила показанія бродяги. Тотчасъ по полученіи этого подтвержденія бродягу выпустили изъ острога.

Этотъ арестантъ памятенъ для меня особенно тѣмъ, что по выходѣ изъ острога онъ хотѣлъ меня «пристукнуть.» Дѣло было

такого рода. Встрѣчаюсь я съ нимъ на улицѣ, поздно вечеромъ. Онъ былъ ужасно пьянъ, однакожъ узналъ меня. Подходить ко мнѣ и просить денегъ — на штофчикъ, ну всего только на одинъ штофчикъ! Денегъ я ему не далъ. Начинаются моленія: «я пренесчастнѣйшій человекъ въ мірѣ — вотъ вамъ доказательство — я совершенно безвинно былъ посаженъ въ острогъ, гдѣ вы сами изволили меня видѣть — значитъ я не лгу» и т. д. «я знаю, что вы московскій, вѣдь и я тоже московскій» и т. д.

Онъ былъ горохомъ, я былъ стѣной. Его моленіе меня не тронуло, не далъ я ему ни копѣйки. Тутъ онъ мнѣ объявлялъ, что такъ-таки не отстанетъ отъ меня, куда бы я ни пошолъ, онъ отъ меня не отстанетъ. Иду къ себѣ на квартиру. Онъ за мной. Вхожу въ комнату и онъ за мной. Во флигелѣ живъ я одинъ, прислуги при мнѣ никого не было. Выпроводить этого господина долженъ былъ я самъ, мнѣ этого не хотѣлось. Я сталъ уговаривать его: «вы сперва проспите, это будетъ лучше; хмѣль у васъ пройдетъ, тогда вы ко мнѣ придите и я вамъ дамъ денегъ». Дворянинъ разобидѣлся:

— Развѣ я пьяный какой? Что вы думаете, что я пьянъ что ли? кричалъ онъ. Потомъ показалъ свой кулакъ, довольно приличный и пробормоталъ: — пристукну такъ, что и душа вонъ пойдетъ!

Незная какъ отдѣлаться отъ такого любезнаго гостя, я опять поскорѣе вышелъ изъ моей квартиры, предполагая, что и гость тоже за мной послѣдуетъ, а тамъ ужъ какъ-нибудь мы разстанемся, лишь бы только вышелъ онъ отъ меня съ квартиры.

Такъ и случилось; вслѣдъ за мной и онъ пошолъ.

— Куда же вы? спрашиваетъ онъ меня за воротами.

— Къ больному! отвѣчаю я.

— А денегъ-то мнѣ когда же дадите?

— Да вотъ ужъ когда вернусь отъ больного, тогда и дамъ.

— Ну нѣтъ, вы на обманъ пошли! Да меня не проведете, я вѣдь отъ васъ не отстану!

Цѣлую улицу онъ шолъ за мной. Дошли до дому городничаго.

— Ужъ не къ городничему ли вы идете? спрашиваетъ онъ меня.

— Да, къ городничему! говорю я.

— Зачѣмъ это?

— Попросить, чтобъ васъ опять посадили въ острогъ, а то вы мнѣ покою не дадите.

— Ну вернитесь! Ну ради-бога не ходите къ городничему! Я къ вамъ больше не пойду! Сейчасъ же отъ васъ отстану, ей-богу отстану!

Я вернулся и онъ пошелъ отъ меня прочь, сказавъ: «прощайте! добраго здоровья вамъ желаю!» Потомъ принялся меня ругать. Вскорѣ я совершенно отъ него скрылся и больше онъ меня не преслѣдовалъ.

На другой день прихожу въ городскую больницу. Сторожъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ночесъ ваше благородіе изволили прислать больного къ вамъ?

— Какого больного? Я никого не посылалъ въ больницу.

— Значить мы хорошо сдѣлали, что послушали Спиридона (онъ указалъ на больного солдата), что вытолкали его почесъ изъ больницы. Спиридонъ-то когда еще здоровъ былъ и въ караулъ ходилъ, такъ видѣлъ его въ острогѣ и слышалъ тамъ, что этотъ больной просто бѣглый какой-то, никуда его не пускали на фатеру, такъ онъ нарочно и подвелъ себя, чтобы посадили въ острогъ, благо тамъ поятъ и кормятъ.

Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что это былъ не кто иной, какъ острожный дворянинъ. Разставшись со мной у дому городничаго, онъ прямо и отправился въ больницу. Пришелъ и говорить сторожу: я дескать боленъ и былъ у доктора, онъ и послалъ меня въ больницу. Сторожъ больничный сначала было и повѣрилъ, уложилъ его на кровать, принесъ бѣлье, но когда больной потребовалъ обѣдъ (было часовъ одиннадцать ночи) сторожъ ему и говорить: «какой тебѣ обѣдъ ночью! Вотъ ночью захотѣлъ обѣда! подожди до завтра, будетъ тебѣ обѣдъ!» Больной расшумѣлся и полѣзъ драться со сторожемъ, почему ему онъ обѣдъ не даетъ? Тутъ подошли къ нему всѣ больные, бывшіе въ то время въ больницѣ, въ числѣ ихъ и солдатъ Спиридонъ. Спиридонъ узналъ его и говорить:

— Вонъ его, вонъ изъ больницы, чтобъ духу его не было! онъ вретъ все, что боленъ, онъ вовсе не былъ у доктора, а просто ѣсть захотѣлъ!

Больной не унимался и продолжалъ шумѣть; его просто-

напросто вытолкали изъ больницы. Онъ сталъ ломиться; ему сказали, что сейчасъ его представятъ прямо въ полицію. Убѣжалъ. Убѣгая онъ говорилъ :

— Ужъ лучше не ловите! самъ бы пошелъ въ полицію, а нето въ острогъ, да скверно тамъ : пища плоха да и черно все таково, а то бы отчего еще не посидѣть, народъ все тамъ хорошій, не такіе каналы, какъ вы тутъ въ больницу — больного выгнали! Да убудетъ васъ что ли, когда бы я пообѣдалъ у васъ да переночевалъ? Эхъ вы! Ужъ казеннаго-то жалъ!

АНАТОЛІЙ ИКСАРОВЪ

С М Е Р Т Ь

(М. Н. Коптевой)

Мнѣ кажется, что я умру въ дорогѣ,
На станціи. Глухая будетъ ночь,
Я не смогу усталость перемочь
И задремлю тихонько на порогѣ.
Тамъ въ темнотѣ мѣniają лошадей,
Среди тѣней и тусклыхъ фонарей
Бубенчиковъ раздались переливы
И фыркаетъ протяжно конь лѣнивый...

А ночь темна, — безъ звѣздъ и безъ лучей,

И свится мнѣ, что я приѣду скоро,
Что вотъ теперь ужъ конченъ скучный путь,
Что будетъ мнѣ такъ сладко отдохнуть
Среди тихихъ словъ простого разговора,
Подъ жаркій трескъ растопленныхъ печей...

А ночь темна, — безъ звѣздъ и безъ лучей.

Вотъ огоньки блеснули мнѣ привѣтно,
И сердце имъ забилося отвѣтно
И хочется туда летѣть, бѣжать
И новаго такъ много рассказать,
И хочется такъ многихъ мнѣ увидѣть,
По старому любить и ненавидѣть,
И страстно жить опять среди людей...

А ночь темна — безъ звѣздъ и безъ лучей.

Темна, темна! И сердце вдруг упало...
 Ну, стоит ли стремиться и желать
 И новое все что-то узнавать?
 И эта мысль мнѣ мозгъ застыившій сжала:
 Такъ тяжела, упорна и одна
 Какъ ночь кругомъ черна и холодна...
 Ну стоитъ ли? Вѣдь все одно и тоже!

Когда-то былъ я лучше и моложе,
 Мнѣ правила вся эта трескотня,
 Весь этотъ блескъ такъ радовалъ меня!
 Ну, а теперь... теперь съ меня довольно!
 Но отчего жъ вдругъ сердцу стало больно?

И отчего — все будто холоднѣй
 Сырой туманъ ползетъ съ сырыхъ полей?

Ну пусть ужъ такъ! Пусть тише сердце бьется!
 Холодный мракъ все шире раздается...
 Но хорошо! Вотъ такъ бы все лежать!
 Ни мучиться, ни думать, ни желать
 И мирно спать безъ сновъ — покойно, вѣчно...

И дальше не поѣду я конечно.

О. ВЕРГЪ

* * *

И плескъ, и блескъ рѣчной волны,
Туманы, тѣни ночи синей,
Благоуханія весны
Надъ зеленѣющей пустыней,
Луговъ и свѣжихъ озимей,
Весь этотъ трепеть, щебетанье,
Вся эта яркость и блистанье
Сквозистыхъ рощъ, небесъ, полей, —
Что свѣтлой, волной жизнью дышать —
И голосовъ несмѣтныхъ хоръ...

Привычный слухъ, спокойный взоръ
Ихъ мало видитъ, мало слышитъ.

Но если въ душныхъ городахъ
Все это вспомнишь, въ день туманный,
На людныхъ, сирадныхъ площадяхъ,
Подъ гулъ тревоги неустанной —
Широко, полно дышетъ грудь,
Вольнѣе хочется вздохнуть...
И вотъ сверкнула даль нѣмая
Звенить, щебечеть впереди —

Весна цвѣтетъ, благоухая,
Въ твоей взволнованной груди...

О. ВЕРГЪ

ЛѢТНІЯ ПѢСНИ

I

Солнце горы золотило,
Золотило облака.
Воды свѣтлыя катила
Въ яркой зелени рѣка.

И казалось эти воды
Унесли съ собою въ даль,
И недавнія невзгоды
И недавнюю печаль.

И какъ-будто воротилась
Снова дней моихъ весна;
Сердце весело такъ билось,
Такъ душа была ясна.

Все чего душа просила
Такъ напрасно, съ давнихъ поръ,
Все природа ей дарила :
И свободу и вѣстерь!

II

Ночь пролетала надъ міромъ,
Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
Сыпались звѣзды сверкая.

Старые мощные дубы,
 Вѣчно-зеленые ели,
 Грустные ивы — листвою,
 Ночи навстрѣчу шумѣли.

Радостно волны журчали,
 Образъ ея отражая,
 Рожь наклонялась, сильнѣе
 Пахла трава луговая.

Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
 И соловьиныя трели,
 Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
 Въ воздухѣ тихомъ звенѣли.

И улыбалася кротко
 Ночь надъ землей пролетая...
 Съ темно-лазуревой ризы
 Сыпались звѣзды сверкая...

III

Блѣдный лучъ луны пробился
 Сквозь таинственной листвы,
 И приносить вѣтеръ теплый
 Запахъ скошенной травы.

Все бы только здѣсь лежалъ я
 Подъ навѣсомъ этихъ ивъ,
 Въ даль нѣмую, въ куполъ звѣздный,
 Взоръ безцѣльно устремивъ ;

Все бы слушалъ какъ вершина
 Ивы дремлющей шумить,
 Какъ на темномъ днѣ оврага
 По камнямъ родникъ журчить.

Это тихое журчанье,
 Шелестъ листьевъ, свѣтъ луны, —
 На меня все навѣваетъ
 Примиряющіе сны...

Ночь! съ твоимъ сіяньемъ кроткимъ,
Для усталого меня
Ты дороже и милѣе
Ярко-блещущаго дня...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ

Іюль 1862 г.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЬ

БЪГУНЫ

Формы имперіи, какія далъ народному и государственному складу Россіи Петръ великій, радикально измѣняли на все послѣдующее время внутренній, историческій, созданный свободнымъ бытомъ народнымъ составъ и строй русскаго земства. При Петрѣ возвелось до апотеозы московское еливодержавіе. «Росписаніе Россіи на губерніи и провинціи изъ ближней канцеляріи, изъ кабинета Петра великаго», разрушило естественную, колонизаціонную, историко-этнографическую основу федеральнаго областного земскаго строенія и дѣленія. Учрежденіе высшихъ центральнымъ правительственнымъ вѣдомствъ окончательно уничтожило гражданскую и духовную юридическую самобытность областей, слабые признаки которой еще сохранялись отчасти и въ XVII вѣкѣ. Изданіе регламентовъ, инструкцій и уставовъ сглаживало все разнообразіе и стѣсняло, исключало всякую свободу естественнаго, юридическаго, экономическаго, умственнаго и нравственнаго саморазвитія областного земства, устанавливая для него, безъ всякаго отношенія къ разнообразію мѣстныхъ условій, однѣ общія нормы или регулы. Ревизія душъ была завершительнымъ актомъ разложенія исторической организаціи земскаго міра и сословнаго, бюрократическаго, централизаціоннаго строя государства, въ формѣ имперіи всероссійской. Она, во первыхъ, каждую личность прикрѣпляла къ имперіи, записывая каждую душу въ государственную «переписную книгу»; во вторыхъ, раскалывала такъ-сказать цѣльный общинный составъ, организмъ земства на сословныя касты, крѣпостныя, служилыя и податныя, военно-духовно-гражданскія. Вотъ главныя начала, которыя по волѣ Петра великаго, въ самыхъ основахъ преобразовывали земство на разныя сословія имперіи, и которыя, потому во многихъ отношеніяхъ болѣзненно отозвались

въ земствѣ на все послѣдующее время. И вотъ причины, почему общинно-демократическія согласія раскола, поднявши народную оппозицію противъ реформъ Петра великаго, оппозицію недовольнаго земства противъ шведско-нѣмецкихъ формъ тогдашней имперіи, съ самаго начала возстали и доселѣ возстаютъ главнымъ-образомъ противъ всѣхъ указанныхъ началъ государственности. И съ тѣхъ поръ и донинѣ свою историко-догматическую полемику они ведутъ обыкновенно со времени Петра I, такъ что каждое историко-обличительное сочиненіе флосѳефцевъ, бѣгуновъ начинается или все наполняется обыкновенно бранью «антихриста, ежесть Петра I» и отрицаніемъ всѣхъ его государственныхъ учрежденій: сената, синода, регламентовъ, ревизій душъ, подушной подати, раздѣленія человѣкъ на чины или табели о рангахъ и т. д. Изъ этихъ основныхъ началъ народно-бытовой оппозиціи демократическія общины раскола развивали все свое историко-оппозиціонное ученіе.

Ревизія душъ была камнемъ преткновенія или главнымъ раздѣляющимъ началомъ для земства, и потому сопровождалась особеннымъ развитіемъ раскола въ земствѣ. Эпоха первыхъ двухъ ревизій, 1718 и 1742 года, характеризующаяся тяжелой для народа постройкой имперіи, была временемъ самаго болѣзненнаго и напряженнаго хаотическаго движенія полатныхъ, служилыхъ и крѣпостныхъ массъ народа. Въ это время въ нихъ сильно развивался духъ отрицанья, и выражался хаотическимъ, безпокойнымъ броженіемъ и бѣгствомъ отъ службы, отъ податей, отъ крѣпостного рабства, бѣгствомъ изъ самой имперіи, за границу. Эпоха слѣдующихъ двухъ ревизій, 1762 и 1782 годовъ, когда начался поворотъ къ установкѣ, къ образованію русскаго сословно-раздѣленнаго общества, ознаменовалась въ исторіи массъ народныхъ сильными, энергическими агитаціями крѣпостного, служилаго и податного земства. Въ этихъ агитаціяхъ преимущественно выразился тотъ духъ недовольства, который наболѣлъ въ сердцахъ податныхъ и крѣпостныхъ массъ народа въ первой половинѣ XVIII столѣтія, и который тогда выражался бѣгствомъ и разбойничествомъ. Основной мотивъ всѣхъ этихъ движеній и физическихъ и нравственныхъ силъ полатного, крѣпостного и служилаго народа составляла — месть за угнетеніе и жажда воли. Въ это время, подъ знаменемъ раскола, грянула пугачевщина. Въ это время пророкъ людей божіихъ, освободитель и искупитель душъ крестьянскихъ, съ мистическимъ предчувствіемъ, въ мифическихъ образахъ, возвѣщалъ идею свободы, освобожденія, искупленія душъ народныхъ, возвѣщалъ «отъ странъ иркутскихъ до сѣверной страны пите-

ской.» Въ это же время, подъ знаменемъ безпововщинскаго раскола, явились бѣгуны. Въ бѣгунахъ преимущественно выразилось отрицанье ревизской, военно-служилой и податной прикрѣпленности душъ, личностей къ имперіи и великороссійской церкви и работности ихъ властямъ и учрежденіямъ той и другой.

Въ настоящемъ очеркѣ мы хотимъ сказать главнымъ образомъ о происхожденіи и значеніи въ народной исторіи согласья бѣгуновъ, касаясь впрочемъ отчасти и прочихъ согласій раскола.

I

Съ тридцатыхъ годовъ XVIII столѣтія до пугаченщины, почти не слышно, невидно на сценѣ исторіи огромныхъ массъ провинціального народа. А горемычные, — онѣ тогда страшно стонали. Но отдаленный стонъ народный, по словамъ Щербатова, небылъ внушаемъ и слышенъ среди роскошей столичныхъ. Тогдашнее правительство не знало народа, надъ которымъ держало строгую, деспотическую опеку. Народъ не зналъ правительства, и только испытывалъ кругомъ воиющіи злоупотребленія администраціи и судопроизводства, крѣпостнаго права и проч. «Россія, говоритъ тотъ же историкъ и публицистъ екатерининскаго времени, — Россія не какъ другія страны, гдѣ правительство тѣится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ ихъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ; самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и неудовольствіи, иногда и понапрасну. Желающіе научиться способу неимѣютъ. Размышленія оставлены. Ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибка ошибкою и зло зломъ, якобы для исправленія, умножаютъ.» Въ половинѣ XVIII столѣтія правительство было въ самомъ печальномъ невѣдѣніи народа, а народъ передъ нимъ былъ самый жалкій, *peuple des esclaves*, по выраженію англійскаго посланника того времени, Сирлея. Императрица Екатерина II такъ описывала, въ какомъ положеніи нашла имперію, когда вступила на престолъ: «Я нашла сухопутную армію въ Пруссіи, за двѣ трети жалованья неполучившую. Въ статскъ-канторѣ именныя указы на выдачу 17,000,000 рублей не выполненныя. Монетный дворъ со времени царя Алексѣя Михайловича считалъ денегъ въ обращеніи

100 миллионовъ, изъ которыхъ 40,000,000 почитала вышешимъ изъ имперіи вонъ и патурою отправленными, понеже тогда вексельнаго оборота либо вовсе не знали, либо мало употребляли. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ лицамъ въ монополию. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два миллиона. 60,000,000 кои остались въ имперіи, были 12 разныхъ вѣсовъ серебряныя дѣвги отъ 82 пробы по 63, мѣдныя отъ 40 до 32 рублей въ пудъ. Внутри имперіи, заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣшничьи. Правительствующій сенатъ тогда составлялъ одинъ департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обстоятельствами, и чтеніе дѣла о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли приказаніе сената, что въ пословицу вошло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и второму не исполняли. Каждая губернія была раздѣлена на провинціи, а къ каждой провинціи были приписаны окружные города, въ коихъ находились воеводы и воеводскія канцеляріи. Оныя не получали жалованья, и дозволено ниъ было корчиться отъ дѣла, хотя взятки строго запрещены были. Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестры городамъ, то признались въ невѣдѣніи оныхъ, даже карты всей имперіи сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я бывъ въ сенатѣ, послала пять рублей въ академію наукъ, чрезъ рѣку отъ сената, и купленный тамъ кириловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила правительствующему сенату. По восшествіи моемъ на престолъ, сенатъ подавъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали 16,000,000. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Виземскаго и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника Мельгунова считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переносывались разъ по семи съ каждымъ воеводой, наконецъ сочли 28 миллионовъ. При коронаціи моеи было у меня три секретаря, у каждаго изъ нихъ было по 300 прошеній, итого 900... Въ юнѣ мѣсяцѣ 1763 года поѣхала я въ сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ насталъ, и требовали отъ меня повелѣніе нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ, о побѣгахъ въ Польшу и за границу ревизскихъ душъ, объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизи-

зія, почитая однакожь всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили господа сенатъ, наконецъ уставъ говорить замолчали. Тогда я спросила на что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны. Нельзя ли иначе? Миѣ сказали: такъ дѣлывалось прежде. Я на сіе отвѣтствовала: а миѣ кажется вотъ такъ, — публикуйте по всей имперіи, чтобы каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію, чтобы канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи въ сенатъ. Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляли миѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: поставьте пштрафъ на прописныхъ. Паки представляли, что за всѣми уже положенными жестокими наказаніями многое-множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: — простите всѣхъ доверху прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донинѣ ввести въ вынѣшнія ревизіонныя сказки. (Далѣе рассказываетъ Екатерина о томъ, какъ сенаторы стали было горячиться, и едва конченъ бытъ разговоръ о ревизіи, по мысли императрицы). Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генераль-майоры князь Александръ Алексѣвичъ Вяземскій, и Александръ Ильичъ Бибииковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводсодержателей, но не единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже гороблагоулацкіе заводы за двумиллионный казнѣ долгъ графа Петра Шувалова возвращены въ коронное управление, также воронцовскіе, чернышовскіе, ягутинскіе и нѣкоторые иныя заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошолъ отъ самовластной раздачи сенатомъ заводовъ сихъ со приписными къ онымъ крестьянами. Щелрость сената тогда доходила до того, что мѣднаго банка трехмиллионный капиталъ почти весь розданъ заводчикамъ, кои умножиа заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятыя отъ казны деньги въ столицѣ.»

При такомъ правительствѣ каково было жить горемычнымъ податнымъ, крѣпостнымъ, рабочимъ, служивымъ массамъ народа?.. Въ глуши провинцій, невѣдомо для правительства, стонали они подъ игомъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, подъ игомъ начальниковъ губерній, въ родѣ Тутолминыхъ, Гуловичей, Трескивыхъ, подъ игомъ ландратовъ, лаярихтеровъ, ландкомиссаровъ, комендантовъ, оберъ-комендантовъ, оберъ-ландрихтеровъ, исправниковъ, засѣдателей, становыхъ. И вѣковыми путемъ тяжело-прожитыхъ опытовъ стали они невольно доходить мало-помалу до того фактическаго, болѣзненно-прочувствованнаго отрицанія, ка-

кое несдержимо и однажды навсегда выразилось въ демократическн-отрицательной опозиціи всѣхъ фелосѣевскихъ согласій раскола и въ особенности въ согласіи бѣгуновъ. Всѣ массы земства тяжело испытывали горько-жизненное недовольство, и вотъ, во всѣхъ слояхъ его, недовольные доходили до такого отрицанья... Взглянемъ хоть бѣгло, въ частности, на бытъ податного, крѣпостного и служилого народа, на бытъ купечества, мѣщанства, крестьянства и солдатства, въ эпоху появленія и распространенія согласія бѣгуновъ и передъ ней.

Быливинный эпосъ и пѣсни народныя воспѣваютъ богатство и веселій, широкій разгулъ гостей новгородскихъ и купцовъ богатыхъ. Не то совѣмъ представляетъ историческая, грустная дѣйствительность. Рабская забитость, крайній недостатокъ духа инициативы, предприимчивости, недостатокъ просвѣщенной рациональности при здоровомъ, практическомъ русскомъ смыслѣ, вотъ печальные результаты историческаго воспитанія нашего купечества и вообще торгово-промышленнаго класа. По происхожденію сродное крестьянству, неохотно и медленно отрываясь отъ коренныхъ историческихъ обычаевъ сель, наше купечество туго поддается и европейскимъ понятіямъ и формамъ быта, указаннымъ Петромъ великимъ. Оно образуетъ какую-то соціально-опозиціонную реакцію, могучую, плотную, сдерживающую силу, посредствующую между сельскимъ крестьянствомъ и городскимъ дворянствомъ, крѣпко, свято, самоупорно охраняющую коренныя начала самобытнаго, народно-крестьянскаго историческаго творчества. Тутъ, въ этой бытовой, тяжело-прожитой самовыдержанности не все самодурная рутинна, а нельзя не обратить вниманія на эту вѣковую, исторически-развившуюся и окрѣпшую силу воли, самостоятельность быта. Большая часть купечества и посадства или мѣщанства, вмѣстѣ съ крестьянами, со временъ царя Алексѣя Михайловича и императора Петра I, пошла въ старообрядство, въ расколъ, и доселѣ упорствуетъ въ немъ. Тутъ, въ этомъ расколѣ не все застой, а есть жизнь, движеніе, поддерживается и воспитывается духъ народнаго саморазвитія, свободной самодѣятельности, самораспорядительности, самостоятельности, самоустройства, самоуправленія. Доказательство на это представляютъ между-прочимъ московскія и петербургскія старообрядскія царольныя собранія XIX вѣка. Не говоримъ покуда о политической письменности старообрядческой. Со временъ Петра великаго большая часть купечества и посадства признала лучшимъ устроить, на основѣ старообрядства, свое, хоть и крѣпко замкнутое, но самобытное, безсословное, братское, богатое общество, съ соборно-

общиннымъ и выборнымъ самоуправленіемъ, чѣмъ соединиться, слиться съ православнымъ обществомъ, разьединеннымъ кастально-сословнымъ антагонизмомъ, управляемымъ какъ машина не своими общественными силами. Къ тому невольно вела купцовъ и посадскихъ историческая обстановка, политическій, общественный бытъ и положеніе ихъ.

На земскомъ соборѣ 1642 года посадскіе, торговые и промышленные люди, во имя стариннаго обычая, излюбленнаго общиннаго самоуправления, выразили протестъ противъ воеводскаго самоуправства и желаніе собственнаго суда посредствомъ своихъ выборныхъ. Голосъ ихъ не былъ уваженъ. Недовольство торгово-промышленныхъ городскихъ классовъ, также какъ и крестьянское, излилось бунтами по всѣмъ городамъ. Но приказно-государственная сила воспреобладала надъ земскими стремленіями. И въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка, гости, купецкіе и промышленные люди были уже безгласными жертвами приказнаго произвола. Самъ Петръ великій сожалѣя объ *оскуднѣніи и разореніи торговыхъ и посадскихъ людей*, и о томъ, что «его великаго государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ недоимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе нелоборы»; самъ Петръ писалъ: «что имъ гостямъ и гостивой и суковной сотни и всѣмъ посадскимъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ, и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». Ни комерцъ-колегіи и мануфактуръ-колегіи, ни учрежденіе бурмистрской палаты, московской ратуши и городовыхъ земскихъ избъ, съ ихъ приказно-купеческихъ чиновничествомъ, съ президентами ратушей, оберъ-инспекторами и инспекторами крѣпостныхъ дѣлъ, польщиками, надсмотрщиками, сборщиками и расходчиками, купецкими фискалами, — ни одно изъ этихъ учрежденій не улучшило торговли и промышленности купцовъ и посадскихъ, не замѣнило для нихъ самоуправляемой, самоудной свободы торговаго и промысла. Напротивъ, инструкціями всѣхъ этихъ учрежденій, торговыми и ремесленными уставами до крайности стѣснено было свободное торгово-промышленное развитіе. Купцы и ремесленники попрежнему были рабы и жертвы казны, бурмистровъ ратушныхъ, бурмистровъ таможенныхъ, кабацкихъ и проч., да воеводъ, дьяковъ и подьячихъ. Не охранялъ ихъ отъ безправія, грабежа и обидъ и верховный контроль надъ правосудіемъ юстицъ-колегіи. Въ уставѣ главнаго магистрата такъ показано ихъ положеніе: «хотя судныя дѣла во всѣхъ губерніяхъ и

провинціяхъ въ смотрѣніи и въ вѣдѣніи подлежатъ въ юстицъ-коллегіи, однакожь, понеже купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются ветокмо въ какомъ презрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападокъ и отягощеній неслыханныхъ едва не всѣ разорены, отчего ихъ весьма умалилось, и уже то есть не безъ вящаго государственнаго вреда.» Точно также мало благоустроивали бытъ купцовъ и ремесленниковъ главный магистратъ съ его регламентомъ и городовые магистраты, учрежденные съ цѣлью предоставить купцамъ нѣкоторые права самосуда и самоуправления, чтобъ обезпечить ихъ доходы для обезпеченія доходовъ казны. Въмѣсто предоставленія купечеству и ремесленнымъ классамъ свободнаго торгово-промышленнаго саморазвитія, тогдашнее правительство по нѣмецкому образцу дѣлило да подраздѣляло ихъ на гильдіи и цунфты или цехи, подчиняло опеку альдерменовъ, старостъ. Какъ матерьяльно и нравственно вредны гильдіи объ этомъ будетъ рѣчь дальше. Въмѣсто свободнаго выбора промысла, правительство подробно опредѣляло самые стѣснительные, кастально-корпоративные способы приобрѣтенія регулярнаго гражданства, торговаго и ремесленнаго состоянія. Напримѣръ вродѣ такихъ правилъ: «тотъ изъ мастеровыхъ людей, кто не запишется въ цехъ, лишается права на свободное отправленіе ремесла; безъ предъявленія цеховому альдермену и безъ клейма, ремесленникъ не имѣетъ права пролавать свое издѣліе, и т. п. Такой приказно-магистратскій, корпоративно-крѣпостной или замкнуто-сословный видъ самоуправления былъ нисколько не легче и не лучше приказно-административнаго управления. Да и тотъ былъ уничтоженъ при пресмникахъ Петра. Въмѣстѣ съ уничтоженіемъ главнаго магистрата въ Петербургѣ, городовые ратуши и магистраты подчинены были губернаторамъ и воеводамъ. И послѣ, когда были возстановлены, не выходили изъ-подъ контроля губернаторовъ и секретарей. Какъ деспотствовали надъ купечествомъ начальники губерній и разныя присутственныя мѣста, желающихъ знать это отсылаемъ къ «Запискамъ Державина» и къ «Запискѣ о Сибири», напечатанной въ «Чтеніи общества исторіи и древностей россійскихъ» за 1859 г. Вслѣдствіе этого и самыя выборныя общественныя учрежденія — магистраты, а послѣ и думы не имѣли почти никакой самостоятельности, самораспорядительности, по причинѣ преобладанія губернскихъ бюрократическихъ канцелярій и властей. Равнымъ образомъ и выборныя должностныя лица президенты магистратовъ, головы думъ и проч., вслѣдствіе преобладанія приказнаго элемента надъ земскими интересами, становились истыми чиновниками-деспотами. Ужасно читать, какіе были во

второй половинѣ XVIII столѣтія президенты городовыхъ магистратовъ, избиравшіеся иногда изъ военныхъ. Напримѣръ московскій генераль-губернаторъ графъ Салтыковъ доносилъ отъ 17 ноября 1763 года: «Орловскаго магистрата президентъ Дмитрій Дубровина купечеству дѣлалъ великія притѣсненія, грабежи и смертоубійства, также и казнѣ похищенія, зачто главнымъ магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія; но несмотря на то правилъ ту должность своеволью. Во время сего нахальнаго правленія фабрика купца Кузнецова товарищами его разграблена и разорена, а бывшіе на оной работники отчасти разогнаны, избиты и перувѣчены, и просилъ онъ, Кузнецовъ, въ сенатской конторѣ, отъ которой и посланъ указъ къ находящемуся тамъ кирасирскаго полка полковнику Давыдову, коимъ велѣно ему, обще съ орловскимъ воеводой и съ опредѣленнымъ отъ главнаго магистрата депутатомъ, все по самой справедливости изслѣдовать, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ, для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взять подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ такъ, какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряжонными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними несогласны» (я такъ далѣе идетъ рассказъ о дѣяніяхъ президента магистрата и его сына). И не только провинціальныя, городовые магистраты, но и петербургскій главный магистратъ во второй половинѣ XVIII столѣтія былъ страшно неустроенъ. Онъ больше притѣснялъ торговыхъ людей, особенно торгующихъ крестьянъ, чѣмъ заботился о безпрепятственномъ развитіи торговли; больше грабилъ купцовъ, чѣмъ поощрялъ и облегчалъ народную торгово-промышленную производительность. Щербатовъ въ «Статистикѣ въ разсужденіи Россіи» писалъ о главномъ магистратѣ: «Сіе мѣсто, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мѣщанства, учинилося вертепъ разбойниковъ, гдѣ ихъ грабятъ и утѣсняютъ другихъ подданныхъ. Сему я нѣкоторые примѣры предложу. Повелѣно, чтобъ всѣ мастеровые были записавы въ цехи; а состояніе російскаго государства требуетъ, чтобъ благородные имѣли въ домахъ своихъ мастеровыхъ (при существованіи крѣпостнаго права) изъ собственныхъ своихъ людей, которыхъ нельзя удержать, да и нельзя имъ запретить, дабы они и на другихъ не работали, а нужнаго и сходственнаго съ симъ обстоятельствомъ учрежденія вѣтъ. Запрещено крестьянамъ торговать, а великая часть купцовъ ихъ дельгами торгуютъ, или прибыль отъ нихъ получаютъ; исключить ихъ изъ торговли, тѣмъ поте-

ряется великое число денег, которыя нынѣ въ обращеніи и въ торгу, а не исключить, то купечество разорется; законы старые пребываютъ, новые печатаются, другіе невѣдомые указы именныя магистрату о семъ даются. Не лучше ли бы порядочно сіе рассмотреть, и чего неможно запретить, то съ нѣкоторыми выгодами для купцовъ позволить (и крестьянамъ торговать). Въ магистратѣ судятся вексельныя дѣла и дѣла о банкротахъ, а полнаго вексельнаго уставу нѣтъ, а банкротскаго и не бывало; два или три были сочинены, всѣми мѣстами апробованы, на конфирмацію поданы, но безъ конфирмаціи остались. Послѣдній былъ сочиненъ комиссіей о комерціи, по долгомъ лежаніи пересматриванъ сенатомъ, то-есть мѣстомъ, ненавидящимъ комиссію о комерціи; ибо князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, сіе мѣсто ненавидитъ за то, что оно часто сопротивляется его несходственнымъ съ правилами торговли предпріятіямъ, какъ поелику онъ имѣетъ наблюденіе и о доходахъ государственныхъ. Самъ сенатъ учиня токмо малыя переправки, сей уставъ о банкротахъ апробовалъ за подписаніемъ своимъ и комиссіи о комерціи императрицѣ въ 1774 году подалъ. Но какъ она въ кабинетѣ своемъ хочетъ на всѣ случаи сдѣлать новое пространнѣйшее уложеніе, то сего уставу не апробовала, а между тѣмъ временемъ государство и торговля терпятъ.»

Въ нравственно-юридическомъ отношеніи, купцы и мѣщане много терпѣли обидъ въ судахъ отъ присутственныхъ мѣстъ.

Она много зла терпѣли отъ бюрократическаго канцеляризма, несмотря на ослабленіе его во второй половинѣ XVIII вѣка. «И нынѣ — жаловались купцы во второй половинѣ прошлаго столѣтія — и нынѣ тоже всѣми тѣми монархами (Петромъ, также Анною и Елисаветою, возстановившими учрежденія петровы) купечество отъ канцеляріевъ почти несовсѣмъ отрѣшено, однакоже великое претерпѣваетъ отъ оныхъ притѣсненіе и обиды, которыхъ избѣгнуть никакъ не можно, кольми же паче когда совсѣмъ канцеляріамъ отдано подъ власть будетъ; тогда купцамъ останется дѣлать только то, чтобъ никуда отъ домовъ не отлучаясь, оберегать дома и домашнихъ своихъ, всѣхъ торговъ лишиться и придти въ отчаяніе.» По чрезмѣрной алчно-придирчивой, корыстолюбивой истязательности, чиновники чрезвычайно медленно вели купеческія дѣла, пока не получали взятки, или запутывали в рѣшали неправильно. На судъ таскали купцовъ и мѣщанъ насильно, безъ всякихъ предварительныхъ повѣстокъ. Лукавые судьи формальными допросами запутывали ихъ на судѣ. Военнослужащіе купечеству причиняли обиды и побой; за забранные товары не отдавали денегъ. Дворянство съ презрѣніемъ смотрѣло на купеческихъ дѣ-

тей, какъ «въ грубости рожденныхъ», за то что они попадали въ дворянство. «Черезъ это — по словамъ князя Щербатова — чины уподлились, а служащій кортусъ дворянскій озорчался.» Словомъ, купечество, по словамъ его депутатовъ комиссiи 1767 года, находилось «въ крайнемъ презрѣнiи»; такъ же какъ и мѣщанство. Недаромъ поэтому представители купечества и мѣщанства въ этой комиссiи, созванной для сочиненiя проекта новаго уложенiя, представляли между прочимъ: 1) о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволенiи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; 2) о вчиненiи военно-служащимъ людямъ купечеству никакихъ обидъ и побоевъ и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; 3) о правосудiи и скорѣйшемъ рѣшенiи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; 4) объ уменьшенiи судовъ и о штрафѣ судей; 5) о незабранiи насильно изъ суда въ присутственныя мѣста градскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; 6) объ избавленiи купечества отъ службы при сборѣ казенномъ, отъ ежегодныхъ выборовъ къ откупщикамъ для прiема и отдачи вина, такъ-какъ это купечество считало самую большую «конфузiей для себя», в т. п.

Въ комерческомъ отношенiи купечество и вообще торгово-промышленный классъ страдалъ отъ монополiи казны. Уже въ XVII вѣкѣ, особенно въ царствованiе Алексѣя Михайловича, стало государственно-экономическимъ принципомъ: «какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.» Петръ великiй, перестроивавшiй московское государство въ имперiю, неуспѣшно хлопоталъ о доходахъ и прибыляхъ казны, и потому «о денежныхъ сборахъ» старался особенно «присматриваться», такъ что все, даже и самыя губернiи учреждалъ главнымъ образомъ съ финансовою цѣлью. При всемъ впрочемъ казенная монополiя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ, напримѣръ въ отношенiи къ фабричной и заводской промышленности и производительности, была поучительнымъ для народа примѣромъ или образцомъ. Но правительство и послѣ Петра великаго не только не ослабляло, а еще голѣ отъ году усиливало систему казеннаго монополизма, такъ что къ концу XVIII и къ началу XIX столѣтiя монополiя возрасла до крайности и стала однимъ тяжелымъ стѣсненiемъ для торговли и промышленности. Мордвиновъ признавалъ въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ разстройства финансовъ въ Россiи и обвиненiя торговаго класса. «Казна присвоила себѣ единоторжiе, писалъ онъ: а) Черезъ отстраненiе торговаго класса людей отъ казенныхъ поставокъ. Симъ отстраненiемъ и посылкою, въ замѣнъ того, во всѣ мѣста казенныхъ чиновниковъ для закупки вещей изъ первыхъ рукъ, ослабле-

на необходимая для общественнаго благосостоянія взаимная связь между производителями, торгующими и потребителями; б) чрезъ ослабленіе въ торговцахъ охоты вступать въ подряды и поставки казенныя. При маломъ числѣ подрядовъ и поставокъ, предоставляемыхъ казною торговому классу людей, самое даже производство на оныя торговъ до безмѣрности затруднено, какъ обрядами самаго производства ихъ, такъ и мѣрами обезпечивающими исправность поставокъ: ибо требуются залогъ (не беззатруднительные обыкновенно для торгующихъ) не только по такимъ обязательствамъ, кои для выполненія своего требуютъ довольно времени, но даже и на работу, которая съ перваго дня начатія ея, сама по себѣ составляетъ уже залогъ. Къ сему присовокупить должно и ослабленіе самой охоты въ торговыхъ людяхъ вступать въ обязательства съ казною, во первыхъ чрезъ разнообразныя имъ чинимыя притѣсненія, и именно: чрезъ неточное соблюденіе казною контрактовъ, съ ними заключенныхъ, чрезъ медленный платежъ денегъ, чрезъ тягостное продолженіе расчетовъ съ ними и т. п.; и во вторыхъ чрезъ притѣсы появленія многихъ казенныхъ поставщиковъ въ разоренномъ и самомъ нищенскомъ состояніи.» Таковъ былъ экономическій гнетъ казны надъ торговымъ сословіемъ.

Въ экономическомъ отношеніи особенно жалко было положеніе безземельныхъ мѣщанъ. Указомъ отъ 14 марта 1746 года окончательно нарушено всенародное, сословное значеніе земли, или земельладѣніе. Купцамъ и цеховымъ ремесленникамъ — посадскимъ, мѣщанамъ запрещено, наравнѣ съ дворянами, покупать земли не только съ деревнями, но и безъ деревень. Такимъ образомъ привилегировано было на крѣпостное земельладѣніе одно дворянство, а купечество и мѣщанство, такъ же какъ и крестьянство, лишено свободнаго права на землю. Отсюда послѣдовало не только юридическое, но и поземельное разъединеніе земства, нарушена поземельная общность, связь, и свободная, взаимная, обоюдная переходность изъ купческаго и мѣщанскаго состоянія въ сельское, земледѣльческое, и обратно. Лишеніе земли особенно вредно стало для мѣщанства. Неся всѣ крестьянскія повинности и подушныя подати, не имѣя правъ свободнаго промысла, мѣщане лишены были и главнаго источника обезпеченія и дохода — земли. Оттого большая часть изъ нихъ стала представлять самыхъ несчастныхъ труженниковъ, бобылей, нищихъ, чернорабочихъ, прислужниковъ и т. п. Недаромъ въ XVIII вѣкѣ села, по указамъ, весьма неохотно обращались въ города, и крестьяне, не желая быть безземельными мѣщанами, недаромъ упорно отстаивали свои старинныя земли.

Такимъ образомъ и торговый, и ремесленный классъ, и купцы и

мѣщане терпѣли несносныя стѣсненія и лишенія въ самыхъ насущныхъ источникахъ жизни. «Всѣ знаменитѣйшіе народы древнихъ и настоящихъ временъ, — скажемъ словами Мордвинова, — содѣлались богаты отъ торговли и промысловъ. Одна Россія, занимающая половину Европы, сковывала доселѣ свою торговлю и свою промышленность, и правительство ея, ожидая отъ народа великихъ доходовъ, само поражало то, отъ чего и народъ и казначейство могли бы стяжать великія богатства.» Оттого и города въ Россіи не процвѣтали. Щербатовъ въ свое время замѣтилъ: «города востокно въ лучшее состояніе приходятъ, но паче ослабѣвають за недостаткомъ купечества, а которое остается, то вѣдущую тягость должно нести.» И удивительно ли послѣ этого, если какой-нибудь безземельный мѣщанинъ, труженикъ горемычный, не находя въ городѣ ни работы хорошей, обезпечивающей житье-бытье, ни покою, а только одно горько-слезное горе-злосчастье, оставлялъ городъ и шолъ куда-нибудь въ бѣгуны, грустно утѣшаясь словами ихъ ученья: «града настоящаго не имамы, но грядущаго взыскуемъ...» У бѣгуновъ же была покрайней-мѣрѣ надежда, было стремленье, основать гдѣ-нибудь на русской же землѣ свой городъ, свою область.

Изъ города пойдѣмъ по селамъ. Вотъ средневожскія села. Въ XI и XII вѣкахъ, когда была вольнымъ воля на великорусской землѣ, они большею частью только еще устроились, заселялись вновь, путемъ добровольнаго свободнаго перехода вольныхъ охочихъ людей, крестьянъ, путемъ мирной земледѣльческой культуры, куда ходили топоръ, коса и соха, по слѣдамъ мирныхъ хозяйственныхъ путей, *ухожавъ и становъ*. Тутъ отовсюду перезывались и сами приходили добровольные *приходцы*. Тутъ жили мирные *жмилецкіе люди* — крестьяне. До половины или до конца XVI вѣка тутъ не было бѣгства, бродяжничества: только *калики переходжіе* ходили по монастырямъ, да по православному міру съ духовными стихами. До конца XVI или до начала XVII столѣтій, тутъ, какъ и по всей сельской Руси, былъ въ обычаѣ добровольный, свободный переходъ... Но вотъ уничтоженъ мало-помалу, съ тяжкимъ вѣковымъ трудомъ, свободный переходъ крестьянскій. Вслѣдствіе вѣкового систематическаго прикрѣпленія крестьянъ къ сельской, земледѣльческой и казенной землѣ, а посадскихъ людей — къ городамъ, къ посадамъ, — началось повсюду, по всей землѣ великорусской, вмѣсто свободнаго перехода, неустойчивое, непрерывное, вѣковое бѣгство и бродяжничество крестьянъ и посадскихъ. Стало и здѣсь, въ этихъ средневожскихъ селахъ такое же бѣгство, бродяжничество. Втеченіе полутора ста лѣтъ, правительство энергически преслѣдо-

вало бѣглыхъ и бродягъ: во второй половинѣ XVIII столѣтія бѣгство стало униматься, но не останавливалось. И вотъ въ этихъ средневожскихъ селахъ ярославской, владимірской и костромской губерніи, вмѣсто свободнаго перехода и вмѣсто бѣгства и бродяжничества, являются *бѣгуны, странники*, особое общинно-демократическое оппозиціонное согласіе, которое принципъ бѣгства возводитъ въ догматъ, бѣгству придаетъ религіозную санкцію, въ бѣгствѣ указываетъ *путь спасенный*. Исходный пунктъ его — село Сопѣлки, хотя основатель его былъ солдатъ изъ мѣщанъ. Такимъ образомъ, вмѣсто старинныхъ хозяйственныхъ путей и ухажаевъ средневожскихъ областей, здѣсь бѣгуны указываютъ народу путь бѣгства, и составляютъ свои маршруты, путевые указатели, куда нужно бѣжать. Эти маршруты будутъ дальше приведены. Вмѣсто старинныхъ осѣдлыхъ *старожиловъ* и *жилицкихъ* или *мірскихъ людей*, являются такъ-называемые *жиловые* или *мірскіе бѣгуны*, т. е. осѣдлые и пристаиодержатели, укрыватели странствующихъ бѣгуновъ. Вмѣсто старинныхъ *становъ* и *мѣсть дворовыхъ* являются и у бѣгуновъ свои пристанища, которыя также называются *станомъ* и *мѣстами*. Такой историческій переворотъ произошелъ въ одной области сель! И изъ этой средневожской области, бѣгуны быстро распространились по селамъ почти во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ и въ Сибири. Основанное бѣглымъ солдатомъ изъ мѣщанъ, согласіе бѣгуновъ скоро охватило большую часть крестьянства. Что же за причины, отчего крестьяне стали обращаться не только въ согласіе филиповцевъ, фелосѣевцевъ, поморцевъ, но и въ согласіе бѣгуновъ? Вѣрно, что-нибудь да тяготило ихъ и побуждало, вмѣсто бѣгства, къ бѣгунству и странничеству...

Или: тамъ, въ понизомъ заволжьи, пролегла въ первой половинѣ XVIII столѣтія, черезъ степь саратовскую, къ Уралу путь — тропа, которую преданіе называетъ *сиротскою дорогою*. Черезъ все XVIII столѣтіе по ней шли, пробирались въ саратовскія степи, въ юговосточное приуралье и за Уралъ гонимые старовѣры. Между ними большая часть была бѣглые солдаты и крестьяне, преимущественно крѣпостные. На пути этомъ, многіе изъ нихъ селились на хлѣбородныхъ земляхъ саратовской губерніи, и въ концѣ XVIII столѣтія основали вновь нѣсколько селъ, каковы между прочимъ, Березовую-луку, Острую-луку, Красный-яръ, Ивантѣевку, Хворостянку и многія другія, а также весьма значительно заселили города: Хвалынскъ, Волгскъ, Кузнецкъ, Балашенъ, Аткарь, Сердобъ и самый Саратовъ, и пробирались далѣе за Яикъ и за Уралъ... Куда шли эти бѣглые крестьяне? Что гнало ихъ съ родного мѣста-жительства? Чего искали они — воли или земли?

Не доходимъ до Урала. Тамъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, задвигались, забунтовали заводскіе крестьяне. Что-то и ихъ тяготило!.. Да куда бы путникъ XVIII столѣтія ни пошолъ по Велико-россіи, по селамъ, вездѣ что-то было неладно въ крестьянскомъ міру. Съ 1729 года по 1772 или вплоть до пугачевщины почти не утихали бунты: то здѣсь, то тамъ вспыхивали взрывами, предвѣщавшими страшное вулканическое движеніе — пугачевщину. Прошла гроза пугачевская. Въ 1797 г. опять начались крестьянскія движенія... Что же возмущало крестьянъ? чѣмъ они были недовольны? Чего хотѣли? Посмотримъ хоть бѣгло, изъ тогдашнее положеніе крестьянъ.

Страшное, тяжелое было время для крестьянъ въ 1718—1725 г., когда происходила первая формальная поголовная перепись или ревизія душъ. По указу 1719 года января 22, повсюду разъѣзжали по Россіи разсыльщики и офицеры съ командами для отобранія сказокъ. О крестьянахъ дворцовыхъ, патріаршихъ, монастырскихъ, однимъ словомъ, не помѣщичьихъ, они отбирали сказки отъ того, кто ихъ нѣдаетъ: отъ приказчиковъ, старостъ, выборныхъ, за ихъ руками; о помѣщичьихъ крестьянахъ сказки отбирались отъ владѣльцевъ и старостъ, также за руками. Послѣ того происходила повѣрка сказокъ, и гдѣ оказывался излишекъ въ душахъ противъ сказокъ, тамъ этотъ излишекъ въ душахъ, съ причитающагося на нихъ земель, обращался въ пользу открывателя, или доносчика. И помѣщики и крестьянскія общины, въ лицѣ представителей, строго наказывались за утайку душъ. «Смертныя казни, безъ всякой пощалы», конфискаціи, цѣпи, «розыски» или слѣдствія съ пытками — вотъ что принесла съ собою первая ревизія. Сколько земли отошло къ росписчикамъ, офицерамъ, доносчикамъ, за открытіе утайки душъ! Сколько тысячь крестьянъ должны были перемѣнить владѣльцевъ, и вышедши изъ-подъ власти законныхъ, изстаринныхъ, природныхъ, попасть въ руки новыхъ, неожиданныхъ владѣтелей! И несмотря на такую строгость, крестьяне упорно утанавливались отъ ревизіи, и ревизія втеченіи восьми лѣтъ не была кончена. Такъ страшно-не-люба, противна была народу поголовная перепись! Многіе переходили въ расколъ изъ-за ревизіи, говоря: «творите съ нами что хотите, но въ книги законопреступныя писаться не будемъ, и другимъ не совѣтуемъ, ибо мы записаны въ книги животныя небеснаго царя» и т. п. Многіе бѣжали, и скрывались въ лѣсахъ.

Крестьяне привыкли къ прежнимъ общиннымъ, мірскимъ подворнымъ переписямъ, въ которыхъ они и посадскіе разсматривались какъ люди свободные, съ перваго разу увидѣли, что новая ревизія совершалась помимо крестьянъ, помимо міровъ, помимо ихъ

выборныхъ. Они хорошо поняли, что ревизіей ихъ хотѣли прикрѣпить къ волѣ помѣщика, безъ собственнаго полноправнаго владѣнія землею. Крестьяне почувствовали, что правительство посредствомъ ревизіи передаетъ ихъ во власть помѣщиковъ, отъ лица государства, и на томъ же правѣ безграничнаго господства, на которомъ государство владѣло крестьянами, какъ своими подданными. Изъ помѣстья, въ которомъ записаны крестьяне, они также не могутъ выходить свободно, какъ подданные изъ предѣловъ государства; отъ власти помѣщика такъ же не могутъ освободиться своею волей, какъ жители страны отъ правительства. На основаніи ревизіи, помѣщикъ получилъ право, обезпеченное силой закона, воспрещать крестьянамъ и выходъ изъ его помѣстья, и свободный выборъ промысла, и вступленіе въ бракъ, или избраніе холостой жизни. Въ этомъ—то смыслѣ, первая ревизія составляетъ истинное начало крѣпостного права, и явившись разъ, это право не могло не отразить своего вліянія на всѣхъ сторонахъ народнаго быта. Какую власть получили помѣщики относительно своихъ крестьянъ, такую же власть должны были приобрести крестьянскія общины относительно своихъ сочленовъ. Отвѣчая за ихъ состоятельность въ исполненіи повинностей, стали и онѣ воспрещать какъ свободный выходъ изъ общины, такъ и выборъ занятія: то и другое стало завѣщать отъ паспортовъ, отъ разныхъ обезпеченій на случай рекрутства и т. д. (1). Эта слержанность, прикрѣпленность крестьянъ и къ имперіи въ качествѣ подданныхъ, и къ помѣщикамъ въ качествѣ крѣпостныхъ, и къ общинамъ по паспортамъ и т. п., страшно тяготило крестьянъ, и многихъ выводило изъ терпѣнія. И вотъ, бѣгуны возвѣстили свободу отъ ревизіи, и бѣгство изъ имперіи, или отъ правительства, бѣгство изъ крѣпостного состоянія, бѣгство изъ общины, даже бѣгство изъ семьи и т. д.

Прикрѣпивши крестьянъ къ власти помѣщиковъ, ревизія предала ихъ всѣмъ злоупотребленіямъ крѣпостного права. Помѣщики стали насильно прикрѣплять себѣ и свободныхъ людей, какъ свидѣтельствуешь находящаяся у насъ подъ руками рукописная челобитная одного заслужоннаго служиваго человѣка времени Петра. Уже при Петрѣ во всей силѣ обнаружился произволъ помѣщиковъ. Въ одномъ указѣ самъ онъ писалъ: «Есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства, или иного какого непостояннаго житья, потчаны свои ветокмо не снабдѣвають и не защищаютъ ни въ чемъ, но

(1) Имуществ. и личн. права, по указамъ Петра В., г. Лешкова. «Русск. Вѣстн.» Дек. 1861 г.

разоряють, налагая на крестьянъ всякія неслосныя тягости, и въ томъ ихъ бьютъ и мучать; и оттого крестьяне, покниувъ тягла свои, бѣгають, и чинится отъ того пустота, а въ государевыхъ по-
дателяхъ умножается доимка.» Силошья рядомъ были такіе помѣщики, которые не давали крестьянамъ на себя работать, и просто грабили ихъ. Крестьянинъ Посошковъ видѣлъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ свое время, и между прочимъ вотъ что писалъ: «есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ одного дня, чтобы имъ на себя что сработать. Такъ нахатную и сѣнокосную пору всю и потеряють у нихъ; или что наложено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, то положенное заберутъ, да и еще требуютъ съ нихъ излишняго нобору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету повергаютъ; и который крестьянинъ начинаетъ мало-помалу посылѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ, крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И такъ крестьянъ пустошатъ, что у иного и козы не оставляють. Отъ такой нужды крестьяне дома свои оставляють и бѣгутъ иные въ низовыя мѣста, иные же и въ украинныя, а иные и въ зарубежныя: такъ чужія страны населяють, а свою пусту оставляють.» Такимъ образомъ и крѣпостное право вынуждало къ бѣгству, воспитывало въ народѣ склонность къ бѣгству, и слѣдовательно за-долго приготавливало къ бѣгству.

Въ эпоху второй ревизіи, 1742 года, еще болѣе усилилось бѣгство крестьянъ. Въ это время, по словамъ бѣгуновъ, погибла церковь, и сохранялась только въ бѣжавшихъ отъ ревизіи. Послѣ второй ревизіи увеличилась и тяжесть крѣпостного права. Теперь и свободный бѣднякъ-крестьянинъ, *по закону*, долженъ былъ ужь самъ искать себѣ господина, долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы кто-либо изъ привилегированныхъ удостоилъ его принять въ число крѣпостныхъ, съ обязанностью платить за него подушную подать. Помѣщики уполномочены были закономъ — по своему произволу ссылатъ крестьянъ въ Сибирь, или куда угодно, отдавать въ солдаты, торговать ими, какъ товаромъ, продавать въ рекруты, если находили выгодныхъ покупателей, отбѣлая дѣтей отъ родителей. Крѣпостные крестьяне постепенно теряли право собственности. Указомъ 14 февраля 1761 года, крестьянамъ запрещено обзыватья векселями и вступать въ поручительство, да и подѣ заемныя письма имъ дозволялось брать не иначе, какъ съ удостовѣрительнымъ дозволеніемъ отъ помѣщиковъ. Крестьянамъ запрещалось прежнее свободное право торго въ селѣ ли, или на посадѣ. Уже въ указѣ Петра отъ 27 сент. 1723 г. было постановленіе: «ко-

торые крестьяне не похотят въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, ни промысловъ никакихъ держать, и въ лавкахъ не сидѣть.» Помѣщичьи крестьяне вѣнчае могли отправиться для своихъ нуждъ въ ближніе торги, какъ съ дозволеніи приказчика и подъ надзоромъ десятскаго или выборнаго. Крестьяне не могли, по прежнему свободному праву, вступить въ кунечество безъ увольнительнаго письма помѣщика. Указомъ 3 января 1762 г. повелѣно главному магистрату и его конторѣ «накрѣпко подтвердить, чтобы оныя мѣста дворцовыхъ, синодалныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ безъ указныхъ отпусковыхъ и увольнительныхъ отъ властей и помѣщиковъ писемъ въ кунечество отнюдь не записывали.» Понятно, какъ все это было стѣснительно для торгующихъ крестьянъ. Помѣщикъ, вродѣ даже Татищева, при своемъ несносно-отеческомъ опекуствѣ, лишалъ крестьянъ всякой воли и домашней самораспорядительности, морилъ крестьянина трехдневнымъ голодомъ за то, что онъ осмѣлился продать лишніе или вѣнужные ему курицу или поросенка; помѣщикъ требовалъ, чтобы у крестьянина на дворѣ было столько-то коровъ, лошадей, овецъ, оловяныхъ ложекъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ отдавалъ его въ батраки, безъ платежа денегъ за работу. Не говоримъ уже о тѣхъ варварскихъ ужасахъ крѣпостнаго права въ XVIII столѣтіи, про которые едва вѣрится въ эпоху освобожденія крестьянъ. Подобное крѣпостное состояніе крестьянъ хуже было военной, солдатской службы. Почему крѣпостные дворовые люди и крестьяне, въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, уходили отъ помѣщиковъ и сами добровольно просились въ солдатскую службу, «согласясь немалымъ собраніемъ и порознь», подавали самой императрицѣ челобитныя о запискѣ ихъ въ военную службу. И зато бѣднягамъ, по словамъ указа 2 іюня 1742 г., «учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ иущіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно», и проч.

Говорить ли о жалкомъ, угнетенномъ положеніи заводскихъ крестьянъ? Этотъ особый классъ несчастныхъ, безхозяйственныхъ работниковъ, работъ фабричныхъ и заводскихъ, создалъ Петръ I, указомъ 18 января 1721 года, прикрѣпивъ крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ. А потомъ ужъ сами управители заводовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ оренбургской, по своему произволу приписывали крестьянъ къ заводамъ. «Изъ чего произошло, — замѣчаетъ кн. Щербатовъ, — что когда большая часть волостей была приписана къ заводамъ, работники часто должны были хо-

дѣть работать отъ близкаго завода къ другому по 700 верстѣ, и крестьяне были разными пронырствами заводчиковъ разоряемы, такъ что при началѣ царствованія императрицы Екатерины повсюду бунты и неудовольствія отъ крестьянъ оказались.» Потомъ сенатъ, какъ мы видѣли изъ словъ Екатерины, самовластно и щедро раздавалъ крестьянъ заводчикамъ, «кои, умножая заводскихъ крестьянъ работы, платили имъ либо безпорядочно, либо вовсе ничего, проматывая взятые изъ казны деньги въ столицѣ.» Вслѣдствіе такого злоупотребленія, крестьяне въ половинѣ XVIII столѣтія стали бунтовать на заводахъ гороблагодатскихъ графа Шувалова, на воронцовскихъ, чернышевскихъ, ягужинскихъ и многихъ другихъ. Крестьянъ унимали оружіемъ и даже пушками.

При такомъ безправіи крестьяне естественно должны были выходить изъ терпѣнія и не на заводахъ только. Съ 1719 по 1773 г. въ разныхъ мѣстахъ они начинали уже волноваться. Таковы напримѣръ были крестьянскія движенія: въ февралѣ 1729 года по поволу распущенаго въ народѣ небывалаго указа о волѣ отъ 19 февраля 1728 г., движенія 1741 и 1742 г., когда обнаружилось стремленіе крестьянъ *записываться въ вольницу*, движенія въ 1758 г. въ тамбовскомъ и козловскомъ уѣздахъ, въ Царицынѣ и по Волгѣ, когда обнаружилось стремленіе крестьянъ къ вольному самоустройству на новыхъ, ими самими выбранныхъ мѣстахъ; движеніе въ 1760 г. въ арзамаскомъ уѣздѣ и въ галицкой провинціи и т. п. Отрицаніе крѣпостнаго права крестьяне попрежнему выражали бѣгствомъ, исканіемъ вольнаго поселенія. Въ указѣ отъ 13 января 1758 г. читаемъ: «Сенату отъ 13 ноября 1757 года донесено по жалобамъ помещиковъ изъ тамбовскаго и козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забравъ свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оныя бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь чрезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимаютъ будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгъ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынѣ и Камышенку къ шолковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ майоръ Паруберъ.» Военныя команды, отправлявшіяся для усмиренія крестьянъ, дѣйствовали съ непростительною неосторожною, безчеловѣчно. Отправлялась военная команда съ офицеромъ и съ пушками, сама путемъ везная куда, въ которую деревню, начинала экзекуцію, не смотря ни на какія представленія отъ крестьянъ, что они вовсе не того помещика, что они послушны своему владѣльцу и онъ на нихъ никогда не жаловался; стрѣляла и рубила несчастныхъ крестьянъ и не слушала никакихъ убѣжденій; а послѣ оказывалось, что крестьяне

дѣйствительно правы, что команда должна была идти въ другую деревню, а вовсе не въ ту, которую разорила и опустошила. Манифестъ императора Петра III о вольности дворянства, изданный 18 февраля 1762 года, окончательно обратилъ крестьянъ въ полную собственность помѣщиковъ. Услышавъ о дворянской грамотѣ, крѣпостные люди и особенно крестьяне ждали и себѣ воли отъ службы помѣщикамъ. Они убѣждены были, что помѣщики ихъ временные владѣльцы. Еще крестьянинъ Посошковъ говорилъ: «Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, они владѣютъ ими временно.» Такъ думали и всѣ крестьяне. И вотъ, услышавъ о дворянской грамотѣ, крестьяне думали, что и они тогда же получаютъ свободу. Носились слухи, будто новый государь, даровавшій свободу отъ службы дворянамъ, и повелѣвшій на фабрикахъ и заводахъ производить работу вольнонаемными людьми, готовилъ указъ о свободѣ крестьянъ и вообще всѣхъ крѣпостныхъ людей. Слухи эти тотчасъ повели ужъ и къ тому, что въ вѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне явно отказались повиноваться помѣщикамъ, ссылаясь на эти слухи. (Манифестъ 19 іюня 1762 г. П. С. З., № 11,577).

Такъ словно тучи передъ грозой скопились элементы крестьянскаго недовольства и повременамъ глухо ужъ взрывались движеніями, предвозвѣщая страшный громовой грохотъ пугачевщины. И ложные указы о волѣ ужъ пророчили про манифестъ Пугачева, обѣщавшій надѣлать народъ «и волей, и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и провіантомъ, и порохомъ и свинцомъ...»

Между-тѣмъ и крѣпостное право самой черной, градобойной тучей проходило по землѣ русской, по сердцамъ народнымъ чрезъ все XVIII столѣтіе и глубоко отмѣтился слѣдъ его, даже на новыхъ генераціяхъ. Оно много побило, подавило умственныхъ силъ въ народѣ, много причинило деморализаціи энергическому, твердому, богатырскому характеру, широкой, кипучей, богатой натурѣ русскаго народа, буйной, размахистой, сбійчатой волѣ его, много испортило крови въ немъ. Оно выразилось вредно не только материально, въ хозяйственномъ и общественномъ быту народномъ, но и нравственно. Оно отмѣтилось не только въ исторіи народной, не только въ житейскихъ общественныхъ и домашнихъ обычаяхъ, понятіяхъ, фамильныхъ преданіяхъ и народныхъ легендахъ, но и въ языкѣ русскомъ, въ пѣснѣ народной. . . .

Не лучше было положеніе и вольныхъ казенныхъ крестьянъ. Впервыхъ, правительство въ XVIII вѣкѣ, щедро раздавая земли вельможамъ и иноземцамъ, своихъ государственныхъ крестьянъ обдѣляло землей. Въ южныхъ напримѣръ областяхъ удобныя земли оставались во власти у короны, многія лежали впустѣ, а дру-

гія отдавались въ насмѣ для паствы, тогда какъ тысячи государственныхъ крестьянъ не имѣли и по осьмиинѣ на работника высьять. Казенные крестьяне были тѣже крѣпостные рабы казны и сельскихъ управъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ими управляли больше десяти разныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Начальство это было тогда не въ-мочь тягостно для крестьянъ, какъ докладывали императрицѣ Екатеринѣ I Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ: «Нынѣ надъ крестьянами — писали они въ своемъ общемъ мнѣніи — развѣ десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно изъ воинскихъ, начиная отъ солдата до штапа и до генералитета, а изъ гражданскихъ отъ фискаловъ, комиссаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися назваться могутъ... мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, комиссаровъ и однихъ командировъ, колыми же паче страшны правезъ и экзекуціи, о которыхъ уже ш такъ доносятъ, что крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ тѣхъ податей недостаетъ, и что крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей своихъ закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ.» Самые выборные крестьянскіе головы, старосты, сотскіе и т. п. невольно усвоивъ подъ вліяніемъ приказнаго, капральскаго значенія всякой службы, стали больше міроѣлами, придиричвыми приказными притѣснителями крестьянъ, чѣмъ ихъ излюбленными общинными попечителями. Новое раздѣленіе сельскихъ общинъ при Екатеринѣ II на волости, почти съ одинаковымъ для всѣхъ волостей, арифметически опредѣленнымъ числомъ жителей, введеніе въ сельское управленіе исправниковъ, заѣдателей, становыхъ, писарей — все это были новые, не столько благоустроительныя, сколько стѣснительныя и даже вредныя для крестьянства мѣры администраціи. Скоро волостныя начальства — исправники, заѣдатели, становые, секретари сильно наоубли крестьянамъ и возбуждали между ними ропотъ. Негодованіе, раздраженіе противъ сельскаго чиновничества и судовъ дотога накопило въ сердцахъ крестьянъ со второй половины прошлаго столѣтія, что стало изливаться въ письменности простонародной вопіющими, раздражительными сатирами. Особенно раскольники любили составлять такія сатиры. Вотъ на примѣръ отрывокъ изъ крестьянской сатирической «письбы на исправника», находящейся въ старообрядческихъ сборникахъ:

Всепресвѣтлѣйшій и милостивый творецъ,
Создатель небесныхъ и словесныхъ овецъ!

Просимъ мы слезно, нижайшія твари,
Одводворцы и экономическіе крѣстьяне,

О чемъ, тому слѣдуютъ пункты :

- 1) Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда нераздѣлены были мы на волости,
И всякому крестьянину была свобода;
Когда управлялъ нами воевода,
Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души выходило,
- 2) А какъ извѣстно всему свѣту,
Что отъ исправника и секретаря житья нѣту.
По наукѣ ихъ головы и сотскіе воры
Поминутно дѣлаютъ поборы,
Поступаютъ съ нами безчеловѣчно,
Чего не слышать было вѣчно..
Прежде тиранили, ненавидя христовой вѣры,
А сіи мучать, какъ не дашь денегъ или овса мѣры.
Всѣ наши прибитки и доходы
Потребляютъ земскому суду на расходы.
- 3) Суди насъ, владыко, по челоуѣчеству;
Какія же слуги будемъ мы отечеству?
До крайности дошли, что нечѣмъ и одѣться,
Въ большіе праздники и разговѣться.
Работаемъ, трудимся до поту лица,
А не съѣдимъ въ христовъ-день куриного яйца;
Ядимъ мякину, обще съ лошадыми..
А какъ придетъ весна,
То жены наши начнутъ ткать кросна
Исправнику, секретарю и приказнымъ,
Чтобъ не быть бабамъ нашимъ празнымъ,
Съ каждаго домишку
Берутъ по полупуду льнишку,
И сверхъ того для своей чести
Сбираютъ по полуфунту овечьей шерсти;
Даже со двора по мотку и нитокъ,
Каковъ бы ни былъ нашъ пожитокъ.
И какъ они взѣзжаютъ,
То плуть-десятской съ сотскимъ изъ дому всѣхъ выгоняютъ,
А тѣхъ только оставляютъ, которые помоложе,
Да ужъ и говорить о томъ не пригоже!
Пріѣзды ихъ весьма для насъ обидны,
Тебѣ, владыко нашъ, самому очень видны.
Просимъ мы тебя слезно, простирая руки —
Какъ нынѣ страждутъ адамовы внуки

Отъ властителей такихъ велика намъ бѣда;
Избавь насъ, господи, отъ земскаго суда

Въ исходѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, казенное крестьянство находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. Мордвиновъ такъ изобразилъ «крайнее обиженіе земледѣльческаго сословія» въ это время: «Въ Россіи 18 миліоновъ мужскаго пола душъ сѣютъ хлѣбъ чтобъ прокормить 2 или 3 миліона остальныхъ затѣмъ жителей... Дабы при такихъ мрачныхъ обстоятельствахъ, земледѣльческое наше сословіе (каково почти и во всѣхъ государствахъ есть самое бѣднѣйшее) могло какъ ни есть разживаться, то долженствовали бы покрайней-мѣрѣ облегчать оное всячески въ казенныхъ поборахъ; напротивъ того, сословіе сіе обремененное у насъ болѣе другихъ, и казенными налогами, и личными повинностями, и рекрутскими наборами, и дальне-срочнымъ служеніемъ въ полкахъ. Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселянъ, то великая площадь, занимаемая въ російскомъ государствѣ 12 миліонами сихъ мужскаго и женскаго пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться надолго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребутъ землю не глубже, какъ на 4 палца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятинѣ накашиваютъ 30 или много 50 нулъ сѣна, гдѣ коровы питаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 миліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать не можно. Нѣтъ на семъ великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго російскаго государства и могущемъ вмѣстить вѣскольکو европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на нивахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни рукодѣльныхъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія иного, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, могущихъ просвѣщать, нѣтъ и начальныхъ даже учреждений къ возрожденію впрѣдъ благоустройства. Какое нелюпообразное великой части имперіи состояніе. Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 миліоновъ пахарей и пастуховъ, живя среди мховъ и дѣбрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, *оставлены будутъ* безъ всякаго урядства и просвѣщенія ихъ во всемъ, что потребно къ благоленствію народному». Таково было положеніе крестьянства въ теченіи всего XVIII столѣтія. Въ началѣ XVIII столѣтія, именно въ 1713 году, самъ Петръ великій сознавался: «что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются

для лукавыхъ приобретешій и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, а тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а *наипаче крестьяне приходятъ въ разоренье и бѣдность.*» Въ началѣ XIX столѣтія, Мордвиновъ изображалъ въ такомъ же видѣ «крайнее обѣдненіе земледѣльческаго сословія». Въ статьѣ о *налогахъ*, онъ тоже замѣчалъ: «въ Россіи земледѣльческое и мѣщанское, сіи два величайшія сословія, на коихъ лежать подати, составляющія главныя статьи государственнаго дохода, наиболѣе прочихъ сословіи стѣснены и лишены способовъ къ обогащенію». При такомъ уровнѣ бѣдности, при этой равной изобиженности, безправности крестьянъ и мѣщанъ, очень естественно равенство ихъ и въ понятіяхъ и въ стремленіяхъ. Крестьянинъ и солдатъ изъ мѣщанъ, мѣщанинъ и солдатъ изъ крестьянъ — это братья — близнецы, которые сразу поймутъ другъ друга, и равно способны на одну и ту же инициативу. Удивительно ли послѣ этого если какой-нибудь солдатъ изъ мѣщанъ перелазавскихъ и крестьянинъ пошеховскій идутъ вмѣстѣ по костромскимъ лѣсамъ, думаютъ одну думу, живутъ въ одной кельѣ, и вмѣстѣ основываютъ и распространяютъ одно согласье бѣгуновъ, и въ ихъ согласье бѣгутъ толпы братій ихъ, и крестьянъ, и мѣщанъ, и солдатъ, и всѣ равно увлекаются новымъ ученіемъ! Стало, у всѣхъ на сердцахъ что-то одно...

Плоть отъ плоти, кровь отъ крови крестьянства, — солдатство, неменѣе крѣпостного народа, тяготилось своимъ крѣпостнымъ положеніемъ въ службѣ царской! (1) Теперь народъ уже попривыкъ къ рекрутчинѣ. Да и то, надобно только быть въ отдаленной деревнѣ, въ наборѣ, чтобъ слышать не въ домахъ только, а по всѣмъ улицамъ раздающійся плачь и рыданье надъ живымъ погребаемымъ молодцомъ... Чтоже было въ ту пору, когда въ первый разъ вышелъ страшный указъ о рекрутскомъ наборѣ, указъ 20 февраля 1705 года о наборѣ съ двадцати дворовъ по рекруту, когда народная семейная жизнь была еще замкнутѣе, самоуглубленнѣе, патриархальнѣе, чѣмъ теперь? Легко представить этотъ стонъ, вопли, рыданія и даже проклятія, какія изливались въ слезныхъ причитаніяхъ надъ рекрутами на учредителя рекрутчины. И тѣмъ болѣе народъ раздражался тогда рекрутскими наборами, что они были слишкомъ часты и разорительны для семействъ крестьянскихъ и посадскихъ, и поглощали самое лучшее, молодое, здоровое, могучее рабочее поколѣніе земства, продерживая его въ солдатствѣ подъ на-

(1) По выраженію Меншикова, Остермана, Макарова и Волкова, «солдатъ съ крестьяниномъ связанъ какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата».

лочной дисциплиной, въ казарменной удушливой средѣ, лѣтъ двадцать-пять и болѣе. Если не ошибаемся, при Петрѣ ужь было всѣхъ наборовъ, мѣстныхъ и общихъ, до сорока, въ томъ числѣ однихъ повсемѣстныхъ — до пяти. Тутъ поглощено было народу по крайней мѣрѣ до 180,000 человекъ на одно регулярное войско что очень немаловажно по тогдашнему числу всего народонаселенія. Только съ 1719 г. по 1725, втеченіи шести лѣтъ, взято въ рекруты болѣе 70,000 человекъ. А съ 1718 года, втеченіи слѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, рекрутчина поглотила въ одной великой-Россіи до 1,132,000 рекрутъ, т. е. шесть человекъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ. Потомъ, въ какія-нибудь первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II, въ семь наборовъ, рекрутчина забрала до 327,044 человекъ, кромѣ церковныхъ причетниковъ. А какъ набирали рекрутовъ и везли въ полки! «А именно, читаемъ въ указѣ, данномъ изъ военной коллегіи 20 октября 1719 года: первое, когда въ губерніяхъ рекрутъ сберуть, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, а приведчи въ городъ, держать въ великой тѣснотѣ и по тюрьмамъ и острогамъ не по малу времени, и такимъ образомъ еще на мѣстѣ изнуривъ, и потомъ отправять, не разсуждая по числу людей и по далекости пути, съ однимъ офицеромъ или дворяниномъ, хотя бы тысяча человекъ была, и съ нужнымъ пропитаніемъ, къ тому-жъ поведуть, упуская удобное время, жестокою распутицею, отчего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни, и помирають безвременно, а всего злѣе, что многія безъ покаянія; другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ, и боясь явиться въ домахъ, пристають къ воровскимъ компаніямъ... Отчего такія великія въ государствѣ умножились воровскія вооруженныя компаніи, что не отъ такихъ бѣглецовъ. Другіе, хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу ити, но видя сначала такой налъ своею братією непорядокъ, въ великой страхъ приходятъ.» Послѣ Петра, и даже во второй половинѣ прошедшаго столѣтія такъ же дурно обращались съ рекрутами. Въместо того, чтобы этихъ бѣднягъ, и безъ того безутѣшно изобиженныхъ разлукой съ роднымъ семействомъ и проч., утѣшать человѣколюбивымъ обхожденіемъ съ ними, ихъ еще обирали «тягостными корыстными приметками и употребляли въ партикулярныя работы». Во время набора, до подготовки квартиръ, забранные рекруты въ большомъ множествѣ стояли зимой, въ стужу, на дворѣ, а ночь проводили въ торговыхъ баняхъ въ жару, и т. п. Отраднo ли было родителямъ видѣть въ такомъ положеніи своихъ дѣтей, братьямъ — братьевъ? Пріятно ли, сносно ли было несчастнымъ рекрутамъ, еще до службы царской, претерпѣвать такое мученье? Да, не даромъ вѣрно, въ народномъ эпосѣ сложились особыя моло-

децкія рекрутскія пѣсни, какъ сложились они и про все, что только тяжело прорадовалъ народъ нашъ на своемъ историческомъ вѣку. Вотъ наприимѣръ одна изъ старыхъ рекрутскихъ пѣсень :

• Попила, головушка, пила, погуляла,
 За батюшкины, за матушкины, буйны-головы,
 За братьяны и за невѣстины легкія работы
 Со радости, со весельяца кудерюшки выются,
 Со печали русыя сѣкуются,
 Послышали кудерюшки надъ собой невзгоды :
 Невзгоды, мои кудерюшки, большое солдатство,
 Вечоръ-то меня, молодца, вечоръ поймали,
 Рѣзвы ноженъки во желѣзы сковали,
 Бѣлы рученьки назадъ завязали,
 Посадили добраго молодца въ легкія сани,
 Повезли-то меня, добраго молодца, по большой дорогѣ,
 По большой дорогѣ въ симбирскую губернію,
 Поставили добраго молодца на мірску фатеру,
 Поутру добраго молодца рано поднимали,
 Повели-то добраго молодца меня ко приему,
 Поставили подъ казенную мѣру.
 Я подъ мѣрушку добрый молодецъ не вышелъ.
 И только вышелъ русыми кудрями, черными бровями. •

Служба солдатская нелегче была въ прошломъ столѣтіи рекрутскаго набора. Но при Петрѣ великомъ солдаты ясно понимали свои подвиги и заслуги въ походахъ Петра, и въ тоже время такъ смотрѣли на многія его учрежденія, какъ только сама горькая жизнь, практика народная взвѣшивала ихъ, какъ почувствовали, прорадали, перенесли реформы Петра на плечахъ своихъ податныхъ, крѣпостныхъ, рабочія и служилыя массы народа, и какъ должна объ нихъ сказать правдивая, чисто-народная исторія, оцѣнивая ихъ неотвлеченно, не по предзанятымъ идеямъ, а по чувствамъ, по страданіямъ перенесшаго ихъ на себѣ народа, современнаго Петру. Приводимъ здѣсь цѣликомъ замѣчательное «полмет-все письмо» солдатъ петровскаго времени, напечатанное въ «Чтеніяхъ общ. востор. и древн. росс.» за 1860 г. во II книгѣ :

«Уже тому пятнадцать лѣтъ, какъ началась война съ шведомъ, нигдѣ мы худо не сдѣлали и кровь свою не желѣючи проливали, а и повинѣ себѣ невидимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ или другой, жонъ и дѣтей не видимъ, насъ какъ нарочно мучать, кругомъ обводять Москву, что чрезъ Москву ближе было итѣтить въ Питербурхъ, нежели чрезъ Псковъ. Сравняли насъ съ посохою; уже приполъ изъ коняпани, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимаютъ, и впредь

намъ добра ждать нечего ; хоть кого и отъ службы отсгавятъ, одна-кожь не покой , тажь служба. И въ Петербурхъ : уже мы вѣдаемъ, то неоднова говорено , что дамъ отдохнуть , а именно послѣ турецкой акція и полтавской батали, а правды нѣтъ. Вить, мы не ангели, что пятнадцать лѣтъ служи безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши дома иные уже замужъ вышли. Будеть то, какъ настъ, гдѣ ни есть, въ мори потопить , или гдѣ взойдетъ чрезъ волны и всѣхъ поберутъ. Уже вить двѣ причины было въ перьво нарвенскомъ походѣ, въ другой — въ турецкую акцію , смотри и третей причины , либо полонъ дворъ , либо корень вонъ ; уже чрезъ мѣру лѣто и осень ходилъ по морю, чево неслыхано въ свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и съ холоду помирають. А государство свое все разорилъ , что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика овцы. Чево больши отъ Бога хотѣлъ , что въ Помераніи и славу велию показали, тако-жь и въ другихъ мѣстахъ завоевали ; потомъ было отдохнуть и Богу благодареніе воздать , и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить сырыхъ нашихъ , въ томъ бы уголно Богу и слава во всѣ страны произошла ; а то, хотя и была фортуна на пятнадцать лѣтъ , а иногда сдѣлается въ пятнадцать минутъ худо и слава вся пройдетъ : въ одной Fortunѣ человекъ не можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть : сдѣлаемъ мы такъ : смолвнмся человекъ 1000 или 2000 ; хотя и непохотитъ которые дворянчики , а иные есть на нашу руку, а въ другихъ полкахъ мы съ многими говаривали, всѣ готовы, такожь и чернѣй народъ, и они такожь говорятъ ; отъ такова распорятку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости : по такихъ-де, щастливыхъ побѣдахъ, не далъ отдохнуть ; танерь пошло, и невѣдамо докуль, оно воевать только и вытвержено. А хотя, де надъ нами несчастье будетъ, то мы и пошлп прямо въ швецкія войска : коли де, онъ не ушѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ служатъ и муку терпятъ, а надъ нами уже такъ дѣлають, что не можно человекъ вытерпитъ. Вить мы не какъ стрѣльцы, не придемъ съ повинною, примутъ насъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что пятнадцать лѣтъ, и уже отдыху нѣтъ ! Вить мы не постриглись въ монастырь ! Что говорятъ : «умная голова, умная голова !» Коли-бы умная голова, могъ бы такую человекъскую нужду разсудить : какъ такъ долго служить, и безъ грѣха прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малаго христіанства. Только полюбился Петербурхъ, разнѣ тово ждать, какъ въ тюрьму посадить ? Уже въ Петербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей, напрасною смертію, че-

ловѣкъ больше мильону. Вотъ смотри, такъ сдѣлаеть надъ нами: какъ шведъ зашолъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ-нибудь заведеть, либо въ морѣ потопить, или заведчи гдѣ въ камняхъ съ голоду поморить; а ужъ намъ Котлинъ адъ злой? Во гдѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшали-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ, въ кампаніе ты-бъ ихъ небралъ,» и проч.

И послѣ Петра великаго втеченіи всей первой половины XVIII столѣтія, да нѣсколько и позднѣе, все горька, тяжела была для рекрутъ и солдатъ служба. Да съ чего-нибудь да сложились же эти горемычныя солдатскія пѣсни, которыя пѣлись особенно бѣглыми солдатами. . . .

Бѣглые солдаты и въ наше время есть у насъ какъ и вездѣ. Намъ доваилось читать одно въ высшей степени любопытное современное дѣло о бѣгломъ солдатѣ-раскольникѣ. Довоилось и слышать многое о бѣглыхъ солдатахъ. Но никогда бѣглыхъ солдатъ не было столько, сколько ихъ было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, особенно при Петрѣ великомъ, какъ увидимъ дальше. Главной причиной ихъ бѣгства очевидно было дурное положеніе солдатства.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народа, со времени реформъ Петра великаго и въ эпоху развитія, происхожденія и распространенія согласія бѣгуновъ. Все мучило ихъ, возбуждало недовольство и располагало къ бѣгству — единственному спасенію въ безвыходнотажоломѣ, стѣсненномъ, крѣпостномъ положеніи. И бѣгство въ XVIII вѣкѣ было непрерывное, неустойчивое, повсемѣстное, особенно на юговостокѣ и на западной границѣ. Бѣжать тогда было какою-то роковой необходимостью для податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ сословій. Бѣгство составляло путь спасенія, единственный способъ совершеннаго и рѣшительнаго отрицанія всего, что не нравилось, что тяготило въ мирѣ. Только и оставалось явиться учителю-бѣгуну, чтобъ возвести бѣгство въ доктрину, въ догматъ, назвать спасеннымъ путемъ. Бѣгство вдохновляло пѣсню народную и выразилось особымъ цикломъ пѣсней, въ молодецкомъ, разбойничьемъ и солдатскомъ народномъ эпосѣ. И какой-то широкій, необъятный, неустойчивый, богатырскій разгулъ, просторъ воли выразился въ этихъ пѣсняхъ. Жажда гулльная, несдержимое стремленіе куда-нибудь въ степь саратовскую, въ степь моздокскую, жажда летать соколомъ, жажда все съ кѣмъ-то сразиться въ чистомъ полѣ — вотъ что выливается въ молодецкой, разгульной

пѣснѣ. Изъ Сибири добрый молодець рвется въ великую Россію,
поеть :

Не пора-то ли мнѣ доброму молодцу
Бхать во Росѣюшку гулять...

И заѣсъ попадается въ тюрьму. Въ тюрьмѣ онъ поеть пѣсню
«про сокола во поимани».

Съ молодцу закалялась въ крови молодецкая жажда гулянья,
склонность къ бѣгству. Про мальчугу пѣсня поеть :

Вотъ отколь, отколь мальчуга!
Онъ изъ родины бѣжалъ,
Онъ оставилъ мать-старуху
И отца-старика.

Давно рвались, бѣжали удалые буйные молодцы, вольные, гулящіе люди всякаго чина, внизъ по Волгѣ, на тихій Донъ казачій, въ степь саратовскую, на Яикъ и въ Приуралье. Горькое, злобное вдовольство Москвой, государствомъ гнало ихъ туда въ XVII вѣкѣ. Пронеслась кровавая борьба съ Москвой буйнаго Стеньки Разина и утихла; только тихій Донъ оглашался съ тѣхъ поръ богатырскимъ, вѣковѣчнымъ народнымъ эпосомъ про Степана-свѣта Тимофѣевича, и пѣсни эти вторились на тысячи голосовъ, на разнообразныя варіаціи и мотивы черезъ все XVIII столѣтіе: и въ тяжолую петровщину, и въ страшно-кровавую бирюковщину, и въ буйную, могучую, страшно-грозную пугачевщину. Только вмѣсто сподвижниковъ Стеньки Разина — казаконъ, эти разгульныя пѣсни прилагались къ бѣглымъ солдатамъ, къ бѣглымъ рекрутамъ, буйнымъ молодцамъ, да къ разбойникамъ. Затихъ казачій тихій Донъ послѣ Стеньки Разина. Но сквозь всѣ слержки, положенныя Петромъ, молодецкая, разгульная, буйная удалъ все прорывалась и на тихій Донъ, и въ степь саратовскую, и въ оренбургское Приуралье. Какъ ви преслѣдовали Петръ великій и его преемники стародавнихъ *вольныхъ гулящихъ людей*, а они все-таки разгуливали по чисту полю южно-волжскому. И пѣсня веларомъ слагалась про бѣглыхъ молодцовъ, зашагавшихся, загулявшихся и съ грудью прострѣленную.

Не бывиушки въ чистомъ полѣ зашаталися,
Зашатася, загуляся доброй молодець
На своемъ ли на добромъ конѣ богатырскимъ.
Его бѣла грудь прострѣлена,
Миткалиная рубашечка вся кровью забрызгана.
Прикачиулся добрый молодець, привольнулся,
Привольнулся къ тиху Дону и проч.

Рекруты, по словамъ Петра великаго, бѣжали изъ полковъ, и боясь явиться домой, шли въ «воровскія компаніи». А другіе буйные, удалые молодцы бѣжали въ южныя степи, куда въ XVIII вѣкѣ обыкновенно сбѣгались всякаго рода бѣглецы люди. И не рекрутчина только могла гнать въ XVIII вѣкѣ въ дикую степь. Мало ли могло быть горечи житейской, семейной, когда быть народа вообще былъ жалокъ, бѣдственъ, печаленъ. И Ломоносовъ въ то время оставилъ свою родную избушку, отца, мать, и бросился въ путь-дорогу далекую, невѣдомую, — и еслибы не обозъ, тоже могъ бы гдѣ-нибудь замерзнуть зимой, или погибнуть какъ-нибудь. И стало-быть много погибало молодцовъ въ дикой степи, когда про нихъ сложились особыя, народныя пѣсни. Напримѣръ вотъ пѣсня «про смерть молодца въ степи».

Не пыль-то въ полѣ запылилася,
 Не туманъ-то съ моря подымается:
 Подымались гуси, лебеди,
 Гуси лебеди, утки сѣрыя.
 Не сами собою они подымались,
 Яснаго сокола они испужались,
 За ѣмъ летить старъ сизой орелъ,
 Закричалъ онъ, возгаркнулъ
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 Ужь ты стой, постой младъ ясенъ соколъ!
 Я не бить лечу, я спросить хочу:
 Ужь и гдѣ ты былъ, гдѣ погуливалъ?
 Я гулялъ погулялъ во дикой степѣ,
 Во дикой степѣ во саратовской;
 Налетали мы на диковинку,
 Тамъ диковинка не малая:
 Лежить тѣло бѣлое,
 Тѣло бѣлое, молодецкое.
 Не убить лежитъ онъ, неизрѣзанный,
 Вострымъ копьемъ онъ весь исколотый.
 Кругъ его вьются три ласточки:
 Первая ластушка — родной батюшка,
 А вторая ластушка — родная матушка,
 А третья ластушка — молода жена.
 Гдѣ отецъ плачетъ, тутъ ключи текутъ.
 А гдѣ мать плачетъ — Волга матушка прошла,
 А гдѣ жена плачетъ — роса утренняя;
 Солнышко взойдетъ, вся роса спадетъ.

Послѣ къ бѣгунамъ бѣжали и такіе молодцы, бѣжали сыновья и дочери отъ отцовъ и матерей. Пристано-держатели бѣгуновъ скры-

вали ихъ у себя также гостепріимно, какъ и разбойниковъ. Разбойники — это особый, многозначительный въ народной исторіи типъ бѣглыхъ. Отъ мифическихъ богатырей, не чуждыхъ тѣни разбойничества, отъ новгородскихъ ушкуйниковъ, соединявшихъ въ себѣ съ разбойничьимъ характеромъ типическое новгородское отличіе, пролагателей путей колонизаціи, торговли и промышленности, отъ Стеьки Разина и его сподвижниковъ казаковъ, которые называли себя не ворами, не разбойниками, а Стеьки Разина помощниками — до разбойничества XVIII столѣтія и до пугачевщины много перемѣнъ совершилось въ духъ народномъ, также какъ много перемѣнъ произошло въ бытѣ народномъ, отъ вѣченой воли до государственной слержанности, до ревизской, паспортной и т. п. крѣпостности. Разбойничество XVIII столѣтія было уже новымъ, своеобразнымъ характеристическимъ явленіемъ въ народной исторіи. Оно истекало изъ историческаго положенія крѣпостныхъ, служилыхъ и черно-рабочихъ массъ народныхъ въ XVIII вѣкѣ. Особенно порождали его солдатчина, крѣпостное право и деспотизмъ областного начальства. Разбойничество XVIII столѣтія было какимъ-то злобнымъ, свирѣпымъ мщеніемъ, большею частью направленнымъ на богачей, на дворянъ-помѣщиковъ, на начальниковъ. Часто оно было и какимъ-то дикимъ, безразборнымъ разгуломъ могучей физической силы, жаждавшей простора, кипѣвшей какимъ-то неопредѣленнымъ, несознаннымъ злобнымъ чувствомъ мщенія. Но и оно заключало въ себѣ тѣ элементы, которые послѣ вызвали согласье бѣгуновъ и пугачевщину. Въ разбойничествѣ первой половины XVIII столѣтія выражалась какая-то свирѣпомстительная народная реакція, такимъ звѣрскимъ явленіемъ, какъ напримѣръ бироновщина. И разбойничество отчасти тоже было грубымъ, дикимъ отрицаніемъ противно-свободныхъ, противонародныхъ элементовъ въ государствѣ. Оно было, такъ сказать, дикимъ, лѣснымъ бѣгувствомъ. «Воровскія разбойничьи компанія» первой половины XVIII столѣтія, — это лѣсныя согласія бѣгуновъ, основанныя не на ученіи, не на доктринахъ, а просто проникнутые разгуломъ, разбойническимъ мщеніемъ и грабежомъ. Оттого послѣ и приставо-держатели бѣгуновъ были въ согласіи съ разбойниками, держали ихъ въ своихъ «пристанахъ» или «мѣстахъ».

Вообще въ XVIII столѣтіи, во внутреннемъ состояніи земства, много было мотивовъ къ бѣгству всякаго рода. Ревизія душъ, раздѣливъ земство поголовною переписью на военно и гражданско служилыхъ дворянъ, на духовно-служилыхъ церковниковъ, обязанныхъ учиться «въ надежду священства», на гильдейско-цеховыхъ торговоремесленныхъ людей, на помѣщичьихъ крѣпостныхъ и на

казенно и дворцово-крѣпостныхъ людей и крестьянъ, виѣсть съ табелью о рангахъ, съ казеннымъ чинвно-служебнымъ раздѣленіемъ школъ, окончательно произвело сословное раздѣленіе земства. Откуда уже неизбежно развивался сословный антагонизмъ, дошедшій въ половинѣ XVIII столѣтія до полного развитія, до открытой неприязненности сословій. Вслѣдствіе кастально-сословнаго раздѣленія земства, вслѣдствіе отнятія молодыхъ, здоровыхъ, мощныхъ, лучшихъ рабочихъ силъ земства, крестьянства и мѣщанства, отъ мирнаго производительнаго труда, отъ своей земли и общины, для службы отвлеченнымъ, общимъ, непонятнымъ для массы народной интересамъ имперіи, казны, — естественно пришли въ хаотическое смущеніе и броженіе земскія общины. Вѣковыми сочиненіемъ и постояннымъ измѣненіемъ табелей губерній, вѣковой перестановкой, перепиской областныхъ общинъ изъ одной провинціи въ другую, изъ уѣзда въ уѣздъ, черезполосно, нарушена была самая федеративно-територіальная областная стройность, цѣльность, естественно-историческая привычная расположенность земства, данная всѣмъ вѣковымъ бытомъ, свободнымъ колонизаціонно-хозяйственнымъ земскимъ самоустройствомъ и самораспредѣленіемъ народа, опредѣленная физико-географическими, мѣстнобытовыми и этнографическими условіями. Вѣковымъ *оземствованіемъ*, ссылками, переселеніями, гоненіями перемѣшанъ сложившійся на исторической почвѣ строй и составъ общинъ, міровъ, произведена насильственная хаотическая смѣсь въ составѣ ихъ населенія. Однимъ словомъ, въ земствѣ происходилъ *расколъ*, и кастально-сословный, и политико-географическій или земско-областной, и даже этнографическій. Вслѣдствіе этого раскола, разобщенія разрозненія въ земствѣ, и расколъ старообрядства, расколъ церковно и земско-демократическій развивался еще сильнѣе, и возсталъ противъ раздѣленія челоуѣкъ на чины или на сословія, противъ ревизіи душъ, противъ самой перепутаницы земли русской, и сталъ питать пуризмъ этнографическій, антагонизмъ къ иновѣрцамъ и къ православнымъ мірянамъ, убѣгалъ *изъ міра*, боялся *оміръщенія*. Вслѣдствіе того же раскола, разобщенія, разрозненія въ земствѣ неизбежно происходила эта расплывчивость, расходчивость въ земствѣ. Такимъ образомъ произошло въ земствѣ бродяжничество и бѣгство. Бѣжали земскіе люди отъ міра, изъ земской общины, потомучто по выраженію раскольниковъ, духъ антихристовъ возвѣялъ на міръ, помутилъ міръ, согласье, разрознилъ членовъ общинъ, сдѣлалъ общины съ ихъ выборными представителями служебными орудіями имперіи. Бѣжали земскіе люди отъ рекрутчины, потомучто она убивала лучшія производительныя рабочія силы, въ самой свѣжей

ихъ мощи и жизненности, отрывала отъ труда, матерьяльно, существенно полезнаго и для дома и для другихъ, отрывала отъ семьи родной, для войнъ, пользы которыхъ на себѣ вовсе неспытывалъ народъ, а только несъ одинъ ущербъ. Бѣжали земскіе люди отъ налоговъ, отъ податей и повинностей, потомучто они въ первой половинѣ XVIII вѣка были особенно несносны, притомъ подрывала частное благосостояніе земства, земское экономическое самоустройство и самораспоряженіе. Бѣжали далѣе земскіе люди отъ крѣпостного ига, потомучто не было мочи жить подъ помѣщичьимъ деспотизмомъ. Бѣжали отовсюду, изъ городовъ, изъ селъ, изъ казармъ, даже изъ школъ. Бѣжали горемычныя церковническія дѣти изъ бурсъ семинарскихъ потомучто больно-тяжело было ихъ, по выраженію духовнаго регламента «жестокостное, инокамъ подобное житіе.» Бѣжали и потому еще, что безвыходно было положеніе ихъ и по окончаніи курса; напримѣръ горемычные студенты александровской семинаріи, въ 1747 году, такъ вопіяли о своемъ безвыходномъ положеніи по выходѣ изъ бурсы, по случаю вышедшаго въ то время указа о поставленіи въ священники никакъ не ранѣе тридцати лѣтъ: «Гдѣ намъ, нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сродниковъ? Но тѣхъ большое насъ число не имѣеть. Рукодѣіемъ кормиться? Но того не обучались. Куплями ли промыслять? Но и на двѣ лепты почти у всѣхъ насъ не наберется. А хотя у одного и другого изъ насъ и родители сыщется, но и самъ онъ на силу пропитаніе имѣеть: какъ же кормить толь возрастнаго сына, отъ котораго и самъ себѣ въ такія лѣта надѣется помощія, станеть. При семинаріи уже ни сакъ ни такъ оставаться и тридцати лѣтъ дожидаться вовсе немочно. Ибо и такъ уже бѣдственное школьническое житіе паче мѣры наскучило, въ котораго можетъ быть давно уже иные честное себѣ заслужили прокормленіе. Итакъ мы, нижайшіе, вмѣсто чаямаго за труды дванадцатилѣтніе награжденія, богъ-вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ мовахъ постриженія нѣтъ; въ священники безъ всякаго изъятія, по тридцати лѣтъ требуется; въ дьяковы желаемаго прихожаны голоду недостаетъ; въ дьячки же и пономари стыдно и весьма обидно, и кромѣ посмѣянія отъ всѣхъ, и наипаче отъ тѣхъ, которые за туностію къ ученію или другимъ конимъ недостаткамъ отставлены отъ семинаріи, и давно по мѣстамъ такимъ опредѣлены, и живутъ себѣ благополучно, въ совершенномъ житія станѣ, больше нѣтъ чего надѣяться. Отчего и тѣмъ, которые въ класахъ обучаются, уповательно, что охота къ ученію крайне ослабѣеть.» При такомъ положеніи духовныхъ бурсаковъ, удивительно ли что въ XVIII столѣтіи множество изъ нихъ предавалось бѣгству изъ бурсъ. Въ

учительскихъ каталогахъ первой половины прошлаго столѣтія часто отиѣчалось: *semper fugitiosus*. Если и въ наше время еще сильно было въ обычаѣ такъ называемое въ классическихъ журналахъ «нахожденіе въ бѣгахъ», то можно себѣ представить, что было въ прошломъ столѣтіи. Неудивительно также и то, что во второй четверти XVIII столѣтія церковники, вмѣстѣ съ крѣпостными людьми, поднимали бунты, за то что и ихъ прикрѣпляли къ помѣщикамъ или отдавали въ солдаты.

Короче скажемъ, бѣжали и бѣгали по бѣлу свѣту всякихъ чиновъ люди, но всѣхъ болѣе податные, крѣпостные и служилые. И собирались эти бѣглые въ разныя компаніи, согласья, скннща. Одни, могучіе физическими силами, собирались въ «воровскія и разбойничьи компаніи большія», и чинились по словамъ Петра великаго, вмѣсто его царскаго величества подданныхъ, злодѣи всему государству, собирались больше полустолѣтія, чтобъ произвести наконецъ *пугачевщину*. Другіе, обладая нравственными силами, движимые религіозно-политическими ученіями, бѣжали въ лѣса, въ горы, въ степи, тайно отъ правительства, основывали свои вольно-народныя колоніи, общины, въ противоположность приказно-государственной, преимущественно военной колонизаціи XVIII столѣтія, собирались въ свои мирныя общины, въ *согласья*, стремились къ особно-областному самоустройству и самоуправленію. Первые, во имя Степекъ Разныхъ, во имя Пугачевыхъ, собираясь въ *воровскія и разбойничьи компаніи*, или въ *многочлюдныя и вооруженныя станицы бывлыхъ драгунъ, солдатъ, рекрутъ* и казаковъ, и соединяясь съ бѣглыми крѣпостными и разночинцами, помогали въ пугачевщину, поколебать существующій порядокъ. Вторые во имя стараго вольнонароднаго земскаго устроенія, подъ знаменемъ религіозно обрядовой старины, стремились наибольше путемъ мирной пропаганды основать вездѣ по областямъ свои общины, согласья, привести ихъ всѣ, по выраженію Федосѣевского собора 1751 года, въ *любовь и соединенье*, и образовать изъ всѣхъ согласій общій совѣтъ или соборъ. Во второй половинѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, зачатки федераціи старообрядческихъ общинъ, зачатки мѣстныхъ и общихъ совѣтовъ или собраній уже обнаруживали значительное развитіе.

Въ первой же половинѣ XVIII столѣтія, расколъ только охранялся, спасался и пропагандировался путемъ бѣгства. Жестокое преслѣдованіе бѣглыхъ и разбойниковъ, жестокое гоненіе раскола, бирюковщина усиливали бѣгство и разбойничество, ускорили появленіе пугачевщины, озлобляли и усиливали расколъ. Крѣпкія тюрьмы, желѣзныя оковы несправляли разбойниковъ, не выры-

вали изъ сердець ихъ накинѣвшей закоснѣлой злобы. Они и въ тюрьмѣ пѣли о лѣсахъ и ставахъ своихъ, какъ гласитъ старинная пѣсня :

Вы лѣса ли наши, лѣсочки, лѣса наши темныя,
 Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великіе,
 Вы станы ли наши, станочки, ставы наши теплыя,
 Вы друзья ли наши, братцы, товарищи!
 Лѣса наши всѣ порублены,
 А кусты наши всѣ поломаны,
 Всѣ станы наши разорены,
 Всѣ друзья наши товарищи переловлены.
 Во крѣпкія тюрьмы наши товарищи посажены,
 Рѣзвы ихъ ноженьки въ кандалахъ заклепаны.
 У воротъ-то стоятъ грозныя сторожи,
 Грозныя сторожи, бравыя солдатушки,
 Никуды-то намъ, добрымъ молодцамъ, ни ходу, ни выпуску,
 Ни ходу, ни выпуску изъ крѣпкой тюрьмы.
 Ты возмой, возмой туча грозная,
 Ты разбей-ко, разбей земляныя тюрьмы
 Чтобы разбойнички-друзья разбѣжались.

Точно также не искоренялся, а только закалялся и крѣпнѣ расколъ отъ гоненій. Лѣтописи старообрядческія ужасными чертами изображаютъ страшное время бироновщины. Въ раскольничьей книгѣ, недавно вышедшей за границей, подъ заглавіемъ «церковная исторія», читаемъ на примѣръ такое сказаніе «о мучительствѣ въ ставищахъ донскихъ казаковъ».

«Въ царствованіе россійской императрицы Анны Іоанновны, посланный полномочный чиновникъ, прибывъ въ станицы донскихъ казаковъ для приведенія ихъ всѣхъ безъ изыатія къ ново-преданнымъ церковнымъ догматамъ, и когда отнюдь не находилъ въ нихъ склонности, принялъ самыя жестокия мѣры, начиналъ отъ верхнихъ станицъ, перебирая поединому каждое семейство разными мучительными пытками, и ничтоже успѣвъ, наконецъ каждому семейству повелѣлъ выходить на брегъ Дона и избирать изъ двухъ едино — или присягать къ принятію новопечатныхъ книгъ въ соединеніе съ великороссійскою церковію, или на висѣлицѣ умирать, и всѣ согласились умереть. Непонятнымъ ужасомъ преисполнено было зрѣлище, когда изъ cadaго дома отецъ съ матерью и дѣтьми, съ непонятнымъ воплемъ и рыданьемъ на брегъ Дона торжественно шли за вѣру умирать, и другъ друга объемяюще, отецъ сына, а мать дочь, утопали въ слезахъ. Мучитель подавалъ лишь знакъ, — и вдругъ вздергивались на висѣлицу и умирали, а по умертвіи мучитель повелѣвалъ тѣла бросать въ рѣку, да тѣмъ

плывущими мертвецами возвѣстить и прочимъ нижнимъ станицамъ, какова постигнетъ и тѣхъ година. Сіе дѣялось первѣе ближе съ прїѣзда объ одной сторонѣ Дона, а между тѣмъ прочія станицы, подъ командою мудраго и къ преданіямъ святоотеческимъ всеревностнаго атамана Игнатія Некрасова съ сляко-возмжною поспѣшностью и легкостью, въ одну ночь свелись и *поднялись въ быство всего 40,000* самыхъ домохозяевъ съ женами и дѣтьми, остави на мѣстѣ все свое домовое заведеніе и прочее тяжелое имущество, хотя у многихъ отняты были и самые конскіе табуны; но и изъ нихъ многія семейства только съ тѣломъ и душой присовокупались. Тако сей благочестивый народъ, подъ предводительствомъ своего богомудраго атамана Некрасова единственно направлялись промысломъ божіимъ съ немалымъ пренятствіемъ, однако наконецъ благополучно перешолъ Дунай въ турецкіе предѣлы. О такомъ жалостномъ послѣдствіи, сверхъ рукописныхъ исторій, между рукъ старовѣрцевъ находящихся, свидѣлствуютъ со стороны даже самихъ гонителей полминныя слова изъ печатнаго изданія, подъ названіемъ историческій, политической и литературный журналъ Сынъ Отечества».

Вслѣдствіе такихъ гоненій, отъ мучительства биренова, по словамъ Болтина, бѣжало за границу немецѣ 250,000 д. муж. пола. Въ той же старообрядческой «церковной исторіи» сказано:

«Здѣсь покрайней-мѣрѣ возведемъ окрестъ мысленныя очи свои и пробѣжимъ общимъ взглядомъ неточно по російскимъ предѣламъ, но и по всей Европѣ, а частью и Азии для чувствительнаго понятія, како изъ той божественной ограды столь разгнаны были словесныя овцы, что наполнились ими горы и холмы и непроходимыя лебри. Населились отъ вѣковъ ненаселяемыя отдаленныя сибирскія и кавказскія горы. Умножились російскимъ народомъ области: малоросійская, бѣлорусская, польская и бессарабская. Надѣлились тѣмъ же удѣломъ въ значительномъ числѣ цѣлыхъ обществъ многія державы: Турція, европейская и азіятская, Валахія, Молдавія, Австрія и Пруссія. И все такое безчисленное множество російскаго народа, единственно по причинѣ невозможности внутри Россіи содержать древне-церковныхъ чиновъ и уставовъ подъ жестокимъ притѣсненіемъ и казнью, вынуждено было оставить всю приверженность свою къ отечественной природѣ и искать прибѣжища и свободы вѣрн въ чужихъ предѣлахъ.»

И въ началѣ второй половины XVIII вѣка бѣглыхъ было множество. И причинъ къ бѣгству было также много. Въ первые годы царствованія Екатерины II, графъ Петръ Ив. Панинъ исчислялъ слѣдующія причины побѣговъ въ Польшу: «Обстоятельства, дѣ-

заявляющія донинѣ поползновение къ побѣгамъ изъ Россіи въ Польшу, примѣчаются быть слѣдующія: 1) строгость духовенства и разные какъ отъ оныхъ, такъ и отъ свѣтскихъ корыстныя градоначальническія приметы къ затвердѣвшимъ людемъ въ раскольникчьемъ суевѣрїи; 2) поборы въ рекруты изъ ближнихъ къ границамъ имѣній, причемъ и заведшее поползновение въ нѣкоторыхъ помѣщикахъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни, и безъ всякаго въ томъ уваженія, какъ огорченія, такъ и разоренія остающимся ихъ семьямъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ жоны мужей, а отцы дѣтей своихъ за взятыя на убойство и на всегдашнее отъ нихъ отлученіе. 3) Весьма худое и не только незначительное содержаніе рекрутъ до отпавленія въ полкъ, но и случающіяся къ нимъ, какъ по многимъ слѣдствіямъ извѣстно, тягостныя корыстныя приметка, такъ что вмѣсто чтобъ имъ, огорченнымъ людемъ чрезъ отлучку отъ семейства своего, дѣлать всякое къ службѣ приласканіе, нестрашились приметками ихъ обирать и употреблять въ партикулярныя работы, да и въ самыхъ резиденціяхъ зимою прежде рекрутъ набирывали, нежели имъ квартиры приуготовляли, слѣдуя обыкновенному порядку полиціи, чтобъ напередъ именной списокъ при доношеніи въ нее вступилъ, а потомъ опредѣленіе и билеты на асигнаціи квартиръ послѣдовали, между тѣмъ же ежедневно въ множествѣ набираемые рекруты принуждены были зимою на дворѣ въ стужѣ, а ночью въ торговыхъ баняхъ въ жару къ новой службѣ приласканіе получать; остающемуся же ихъ семейству было горестнѣйшимъ то зрѣлищемъ и примѣромъ на будущіе для дѣтей ихъ поборы. 4) Ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ въ роскоши изъ всей умѣренности, къ сборамъ съ поданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходятъ примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сноспости человѣческой. 5) Возвышеніе цѣнъ безъ уваженія ближняго заграившаго примѣру соли, безъ коей никто питаться не можетъ, и вину, къ которому полный русскій народъ неотвращенную уже привычку имѣеть; а при пролажѣ первой большія для поселянъ трудности, распространяющіяся до взятковъ; а строгость во взысканія вольной винной продажи, употребляемая безъ уваженія же близости границъ, гдѣ въ томъ всякой свободную волю имѣеть. 6) Донинѣ по великому несчастію распространившееся, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, отъ зловреднаго вкоренившася лихоимства неправосудіе и нерадѣіе безъ корысти никакимъ общимъ дѣламъ и попеченіямъ. 7) Бывшее употребленіе въ выборѣ городскихъ на-

чальниковъ для пользы посылаемыхъ туда персонъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ градоначальствъ и дѣлъ.»

По такимъ причинамъ много народу бѣжало въ Польшу, въ Австрію и даже въ Турцію. Въ Польшу старообрядцы малороссійскихъ стародубскихъ слободъ часто переводили бѣглыхъ крестьянъ, солдатъ, казаковъ. Въслѣдствіе указа 14 декабря 1762 года, дозволяшаго всѣмъ бѣглымъ за границу безпрепятственно возвращаться на мѣста, отведенныя въ Сибири и на юго-востокъ Великороссіи, — многіе изъ бѣглыхъ, и въ томъ числѣ старообрядцы, вышли изъ Польши и снова пускались въ странствованіе, въ южное заволжье.

Въ августѣ 1772 года, пробирался между толпой бѣглыхъ, изъ за польской границы бѣглый казакъ, раскольникъ, средняго росту, долголицый, сухощавый; волосы на головѣ русые, борода черная съ просѣдью, глаза каріе, выразительные; на лѣвомъ вискѣ отъ золотухи шрамъ. На вопросъ: кто? онъ назывался раскольниковъ и бывшимъ прежде пензенскимъ купцомъ Емельяномъ Ивановымъ. На пограничномъ форпостѣ онъ заявилъ желаніе идти на Иргизъ: ему дали паспортъ, и велѣли явиться въ сибирской провинціальной канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой находился Иргизъ. Казакъ прошелъ прямо. Тамъ, — гласить старообрядческая пѣсня:

Монастырь верхней издавна стоитъ на крутой горѣ
 Во прекрасной ли во пустынюшкѣ; во зеленой во дубровушкѣ,
 Какъ прекрасенъ садъ, при рѣкѣ древа,
 При древахъ этихъ мелки пташечки.
 Они райскія поютъ пѣсенки,
 Утѣшаютъ же они иноковъ монастырскихъ и всѣхъ трудниковъ.
 Что возговорить имъ игумень рѣчь,
 Наставляя всѣхъ ко спасенію:
 Вы отцы святыи соборныи
 Вы послушайте моего гласу,
 Что и надо намъ признаватися,
 Какъ мы жизнь истеряли
 Всю и во многомъ во смятеніи.
 Возведемъ очи свои къ вышнему,
 Подіемъ слезы, какъ источники.
 Мы просить будемъ самого творца,
 Чтобъ наставилъ насъ ко спасенію,
 Онъ управилъ бы жизнь полезную.
 Вы пѣвцы мои златострунные,
 Воспѣвайте пѣсни пресладкія какъ архангелы.
 Воспѣвайте, аки громъ гремитъ въ удареніяхъ...
 Мы игумену покоряемся,
 Какъ древа вси преклоняемся

А мы вышли вси во долинушку,
 Во зеленую во дубравушку.
 А мы смотримъ вси во зеленой садъ,
 Какъ при той ли, да при пустынушкѣ, при долинушкѣ,
 Протекла рѣка пребогатая;
 Отъ нея же мы, всѣ питаемся,
 Рыболовствомъ всѣ занимаемся.
 Какъ при той же, да при рѣчушкѣ,
 Молодые всѣ вышли иноки,
 И при правныхъ всѣ при лодочкахъ,
 Рыболовнички всѣ держать неводы.

Это былъ монастырь иргизскій. Бѣдный путникъ въ немъ остановился, и былъ принятъ ласково игуменомъ Филаретомъ, который непреминулъ дать ему наставленіе въ духъ старообрядства.

Гостя въ монастырѣ иргизскомъ, странникъ ходилъ по окрестнымъ селамъ; особенно часто ходилъ въ мечетную слободу малыковской волости, гдѣ крестьяне были раскольники, и знакомился съ крестьянами. Игумень иргизскій и не зналъ, какъ и куда потомъ дѣвался незнакомый пришелецъ.

Любопытно вообще какъ тогда, въ эпоху появленія бѣгуновъ, бѣглые расхаживали по бѣлу-свѣту. Но этотъ бѣглець былъ особенно загадоченъ.

Въ ноябрѣ 1772 года, его видѣли съ раскольникомъ мечетной слободы Семеномъ Филиповымъ, въ яицкомъ городкѣ, въ домѣ отставного казака Дениса Пьянкова. Тутъ разъ хозяйинъ спросилъ его, по поводу ходившаго на Яикѣ слуха:

— Что будто бы въ Царицынѣ явился государь Петръ Федоровичъ!

Бѣглый незнакомецъ съ особенно-утвердительною тономъ отвѣчалъ:

— Это правда, и онъ подлинный царь Петръ Федоровичъ, и хотя его въ Царицынѣ поймали, да онъ ушелъ, а вмѣсто его замутили другого.

— Какъ этому можно стать! Вѣдь Петръ Федоровичъ умеръ! съ сомнѣніемъ возразилъ Пьянковъ.

— Неправда, отвѣчалъ бѣглець: — онъ также спасся и въ Петербургѣ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьянковъ, опасаясь бѣды, не захотѣлъ дальше любопытствовать, и замолчалъ. Но бѣглець былъ очень заинтересованъ разговоромъ, и послѣ непродолжительнаго молчанія, самъ завелъ такой разговоръ:

— Какъ вамъ, яицкимъ казакамъ, не стыдно, что вы терните такое притѣсненіе въ вашихъ привилегіяхъ!

— Чтожь дѣлать-то? отвѣчалъ Пьянковъ: — такъ видно тому и быть.

— Да не лучше ли вамъ выйти съ Яику, заговорилъ бѣглець: — выйти съ Яику въ турецкую область, на Лобу рѣку, а на выходъ я вамъ даю денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей.

При этомъ бѣглець прихвастнулъ, что будто у него на границѣ оставлено до 200 тысячъ рублей, да на 70 тысячъ товару.

— Если же, прибавилъ онъ: — яицкое войско согласится бѣжать, то изъ своихъ денегъ буду оное коштовать.

Пьянковъ съ сомнѣніемъ возразилъ на это:

— Да гдѣ ты таки деньги возьмешь, и что ты подлинно за человекъ?

— Я, отвѣчалъ бѣглець: — я заграничный торговый! и сталъ дальше говорить на ту же тему:

— Когда вы выйдете за границу, то всѣхъ васъ съ радостью встрѣтитъ турецкій паша: онъ, ежели будетъ нужда въ деньгахъ войску на проходъ, то дастъ еще хоть и до пяти миліоновъ рублей.

Пьянковъ не сталъ дальше слушать, и велѣлъ ему больше не говорить такихъ рѣчей. Отъ Пьянкова бѣглець каждый день ходилъ на базаръ, и все толковалъ что-то съ народомъ.

Потомъ, въ іюнь мѣсяцѣ 1773 года, видѣли этого таинственнаго бѣглеца, какъ пробирался онъ ужъ изъ тюрьмы казанской на Узени, въ Камышь-Самору. Мѣсто это тогда было непроходимое: кругомъ лѣсъ, а въ лѣсу трясина и болота. Тутъ скрывались бѣглецы. Тутъ и вокругъ незнакомаго бѣглеца собралось человекъ семь бѣглыхъ казаковъ, да семь же человекъ раскольничихъ старцевъ. Тутъ они держали совѣтъ, склонить на свою сторону яицкихъ казаковъ, вовремя плавки рыбы, и съ помощью ихъ взять яицкій городокъ, побить всѣхъ старшинъ и потомъ идти на Оренбургъ...

Затѣмъ видѣли незнакомаго бѣглеца въ половинѣ іюля: онъ ѣхалъ въ Жаловицкій уметъ, отстоящій отъ яицкаго городка въ 50-ти или 60-ти верстахъ, ѣхалъ одинъ въ кибиткѣ, запряженной парой лошадей, въ мужичьемъ платьѣ; при немъ было ружье, котелъ мѣдный и мѣшечекъ съ слобными лепешками. По приѣздѣ въ уметъ, содѣржателью его, пахатному солдату симбирскаго уѣзда, Степану Максиму Оболяеву, по народному прозванью — Еремной-курицѣ, онъ сказался пензенскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ: «былъ де онъ въ яицкомъ городкѣ за покупкой рыбы, и тамъ оставя свой обозъ, велѣлъ оному за собой ѣхать, а самъ напередъ поѣхалъ было въ Пензу, но на дорогѣ лошадь взбѣслась,

разбили телѣгу»; а потому и просилъ уметчика пробыть у него, пока дождется свой обозъ, обѣщая ему за то заплатить. Уметчикъ пустилъ пожить. Бѣглый незнакомецъ принялся за промыселъ: сталъ стрѣлять по степи сайгановъ, и ими самъ питался и кормилъ уметчика. Уметчикъ былъ ралъ жильцу промышленному, особенно когда увидалъ, что жилецъ старообрядецъ, — крестится двуперстнымъ знаменіемъ. Такъ недѣлю пробылъ бѣглый незнакомецъ у уметчика, высматривалъ, да выпытывалъ его, не переметчикъ ли. Черезъ недѣлю онъ наконецъ рѣшился откровеннѣе заговорить съ нимъ:

— Что ты, Степанъ Максимычъ, знаешь: вѣдь я тебя обманулъ, что сказалея пензенскимъ купцомъ, а я вѣдь не купецъ, но дубовскій казакъ, и не Иваномъ меня зовутъ, а Петромъ Ивановымъ.

Уметчикъ Еремина-курица почти и не обратилъ вниманія на эти слова жильца, а заботился главнымъ образомъ объ обозѣ, считывая вѣроятно поживиться отъ него.

— Такъ поэтому ты и объ обозѣ-то солгалъ? только и спросилъ онъ.

Ловкій бѣглець, смекнувъ тотчасъ корыстолюбіе уметчика, и не желая вдругъ оказаться обманщикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это я не солгалъ, а правда: я на сихъ дняхъ его сюда ожидаю.

Уметчикъ Еремина-курица этому и повѣрилъ, и обходился съ жильцомъ дружно. А этотъ, узнавши простоту его и снисходительность къ бѣглецамъ, рѣшился наконецъ открыть ему свой замыселъ. Черезъ двѣ недѣли, по пріѣздѣ, былъ онъ въ банѣ съ хозяиномъ, и послѣ бани, заведя разговоръ стороной, спросилъ уметчика:

— Что, Степанъ Максимычъ, лавича ты былъ со мной въ банѣ, примѣтилъ ли ты на мнѣ царскіе знаки?

А уметчикъ съ усмѣшкой и равнодушно отвѣчалъ:

— Какіе знаки? я ихъ отроду нетолько невидывалъ, да и не слыхивалъ.

Бѣглець теперь совсѣмъ убѣдился, что простотѣ-уметчику можно все говорить.

— Этакая ты простая курица, сказала онъ: — ужь царскихъ знаковъ неслыхивалъ! я тебѣ ихъ когда-нибудь приляцкихъ казакахъ покажу.

— Чтоже это, Петръ Ивановичъ, спросилъ тутъ уметчикъ, затронутый нѣсколько любопытствомъ: — к чему ты это говоришь? какими на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Эдакой ты безумный, отвѣчалъ бѣглець: — ужь того-то не

догадался, к чему я это говорю! Въдь я не купецъ и не казакъ, такъ какъ тебѣ сказалося, а государь вашъ Петръ Федоровичъ!

Тутъ уметчикъ Еремина-курица испугался, что онъ принималъ жильца за проетого человѣка, однакожь осмѣлился еще спросить:

— Да какъ же это я слышалъ, что государь померъ?

— Врешь, сказалъ бѣглець: — Петръ Федоровичъ живъ, а не умеръ: ты смотри на меня такъ, какъ на него. Я былъ за моремъ и пріѣхалъ въ Россію прошедшаго года. И услыша, что яцкіе казакъи приведены всѣ въ разоренье, такъ нарочво для нихъ я сюда на выручку пріѣхалъ, и хочу, если Богъ допуститъ, опять вступитъ на царство.

Уметчикъ тутъ сталъ кланяться и просить прощенья, что обращался съ нимъ попросту. Спустия нѣскольво дней, къ уметчику пріѣхалъ знакомый казакъ, Закладновъ, попросить лошади. Когда Закладновъ сѣдлалъ за плетнемъ лошадъ, уметчикъ подошолъ къ нему, и указывая на бѣглеца, который виднѣлся изъ сарая, спросилъ полупопотомъ:

— Что, Гриша, какъ ты думаешь объ этомъ человѣкѣ? какой онъ человѣкъ?

— Почему я могу знать что онъ за человѣкъ, отвѣчалъ Закладновъ.

— Вишь, объяснялъ дальше уметчикъ съ какою-то таинственною торжественностью: — вишь это государь Петръ Федоровичъ. Онъ говоритъ, что имѣеть на себѣ царскіе знаки и нарочво сюда на выручку къ вамъ пріѣхалъ. Онъ приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты открывалъ о немъ войсковой руки надежнымъ казакамъ.

Закладновъ содрогнулся. Тутъ бѣглець-самозванецъ вышелъ изъ сарая и сказалъ самъ уже Закладнову:

— Что, Гриша, слышалъ ты отъ Ереминой-курицы обо мнѣ?

— Слышалъ, государь! поклонясь отвѣчалъ Закладновъ.

— Ну смотри же, Гриша, говорилъ бѣглый самозванецъ: — рассказывай обо мнѣ дома надежнымъ людямъ войсковой руки, да смотри объясняй по тайности, такъ чтобы и жены ваши не знали, и берегитесь старшинской руки, чтобы какъ не провѣдали обо мнѣ. Пришли ко мнѣ сюда отъ войска человѣкъ двухъ нарочитыхъ людей: я съ ними поговорю и скажу имъ, что надо сдѣлать.

Накорми Закладного на дорогу завтракомъ, самозванецъ еще разъ провожая его сказалъ:

— Смотри же, Гриша, не забудь, пришли ко мнѣ казаковъ, и самъ съ ними пріѣзжай. Да проворъ скорѣе!

— Хорошо, сударь, слышу! отвѣчалъ Закладновъ, и взялся за пропаганду пугачевщины.

Такие между прочим бѣглецы скрывались въ прошломъ вѣкѣ въ массѣ бѣглыхъ, и потомъ мало-помалу выдвигались на отчаянные подвиги или самозванства, или разбойничества, или религиозно-политической пропаганды. И вотъ какъ выдвинулся изъ толпы такихъ бѣглецовъ, прошолъ черезъ скиты старообрядческіе знаменитый бѣглый казакъ зимовейской станицы, раскольникъ вѣтковской и иргизской, *Емельянъ Ивановъ Пугачевъ*. И съ какимъ демократическимъ тактомъ началъ онъ свое отчаянное дѣло! Изъ Польши, откуда вышелъ и первый самозванецъ, идетъ онъ прямо въ приуральское заволжье, въ этотъ необъятный, вѣковой притонъ, омутъ сброднаго народа, куда стекались въ XVIII вѣкѣ самые отчаянные бѣглые, послѣдніе вольные, гулящіе и голутвенные люди цикла и закалу Стеньки Разина, гдѣ скоплялись всѣ элементы, вся накипь, наболь народнаго недовольства, и раскольникъ, и крѣпостного, и заводскаго и проч. Бѣглець съ могучей натурой идетъ къ своимъ же сброднымъ бѣглецамъ, къ лицкимъ казакамъ, въ которыхъ тоже еще не охладѣлъ закалъ Стеньки Разина, закалъ, поддерживаемый теперь еще расколомъ. Давно эти сбродные, удалые, буйные молодцы старой повольничьей, ушкуйничьей породы сбѣжались на Яикъ. Сначала они тоже, подобно вольницамъ, дружинамъ Ярмака Тимофѣича или Стенана Разина, удалствомъ и разбоями промышляли по Каспійскому морю и по Волгѣ. Потомъ, натѣшвшись вдоволь удалыми разбоями, въ волю нагулявшись по широкому раздолью степи саратовской, по Волгѣ и морю, рѣшились наконецъ основать вольную осѣдлую общину: «собрался учинили со вѣтъ» и предались подъ власть Россіи при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ. Имъ дана была «жалованная грамота на рѣку Яикъ съ сушими при ней рѣки и притоки и со всякими угоди отъ вершинъ той рѣки до устья». Они набрались бѣглыми всякаго рода, вольными, гулящими людьми и образовали военно-демократическую общину. Демократическая воля въ нихъ до того была сильна, необуздана, что съ 1721 года, когда они подчинены были вѣдѣнію военной коллегіи, до 1770 года, они непрерывно вели открытую, неуступную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства. Борьба эта достигла высшей степени разгара, когда въ яицкій городокъ пришолъ Пугачевъ. Казаки раздѣлились тогда на двѣ партіи: на *несогласныхъ* или казаковъ *войсковой руки*, и на *согласныхъ* т. е. сторонниковъ старшинъ и правительства или *старшинной руки*. Пугачевъ сразу повялъ силу и значеніе первой чисто-демократической партіи, и съ нею-то пошолъ въ походъ. И зашевелился, задвигался весь юговосточный край имперіи, зашевелились русскіе и инородцы, затряслось все южное приволжье и заволжье, затряслись уральскіе

заводы и зауральская Сибирь. Полетѣли возмутительные листы, манифесты, не многоглаголиво-краснорѣчивые, а затрогивающіе самое сердце и всѣ вѣковые помыслы, желанія и ожиданія народа : «дарю волей и землей, и рѣкой, и травами, и морями, и хлѣбнымъ провіантомъ, и крестомъ, и бороδοю, и свинцовъ и порохоми». И слова эти, какъ самая горячая, пламенная искра, просто произвошли пожаръ въ сердцахъ народныхъ. И пламя пугачевщины пылало. Крѣпостныя, тяжело-податныя, рабски-служебныя, тяжело-чернорабочія основы имперіи заколебались. А буйные, лавшіе волю физической силѣ казаки говорили : «то ли еще будетъ, такъ ли еще тряхнешь Москвой» т. е. государствомъ. И ужаснулось правительство. «Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится!» говорила Екатерина. «Зло превелико, ужасно», писалъ ей Бибиковъ : «ухъ дурно!.. Не Пугачевъ важенъ и не воры казаки, а *важно общее негодование.*»

Въ самый разгаръ пугачевщины разъ стоялъ въ Москвѣ на часахъ молодой солдатъ, и пѣлъ такую пѣсню :

Охъ ты, батюшка, Ленбурхъ городъ!
 Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
 Слава добрая, нарѣчье хорошее,
 Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, на жолтымъ пескѣ,
 На жолтымъ пескѣ, разсыпчатый,
 На трехъ рѣчущкахъ, да на устьицахъ.
 Да первая рѣчущка течетъ Самарушка.
 Другая рѣчущка — Яикъ рѣка,
 Третья рѣчущка — Уралъ рѣка.
 По Уралѣ рѣкѣ живутъ казаченьки,
 По Самарушкѣ живутъ татарушки,
По Уралу гулялъ генералъ-Пугачъ.
 Какъ во матушкѣ было во каменной-Москвѣ,
 Молодой-то солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говорить :
 «Не дають-то мнѣ, доброму молодцу,
 Волюшку во Ленбурхъ сходить,
 Во Ленбурхъ сходить, *Пугача убить.*»

Но въ то время, какъ этотъ солдатъ, вѣрный царю и отечеству до капли крови, или просто жаждавшій только дать волюшку, разгуль молодецкой силѣ, удали, съ такимъ порывомъ зарился Пугача убить, въ то самое время толпы солдатъ убѣгали съ часовой службы, изъ полковъ, даже изъ крѣпкихъ тюремъ. Издавна, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась въ Россіи рекрутчина, скиты и слободы старообрядческія, глухія провинціальныя захоластья, даже помѣщичьи имѣнья наполнены были бѣглыми солдатами и рекру-

тамъ. Полное собраніе законовъ первой половины и особенно первой четверти XVIII вѣка наполнено указами о бѣглыхъ солдатахъ и рекрутахъ. Въ первой четверти прошлаго столѣтія изъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и рекрутъ образовались многочисленныя «вооруженныя компаніи», къ которымъ приставали бѣглые и крѣпостные люди. Солдатъ по сто, по двѣсти и больше, верхама, съ ружьями, въ регулярномъ порядкѣ разъѣзжали по многимъ уѣздамъ и грабли помѣщичьи имѣнья. Лѣса наполнены были большими скопищами бѣглыхъ солдатъ, гдѣ они приставали иногда и къ «разбойничьимъ компаніямъ». Тамъ, въ темной чащѣ лѣсовъ, свѣтились по ночамъ огни: вокругъ нихъ сидѣли солдаты бѣглые, безпашпортные. Или собирались они, «сходились на полянушку, на широкую». И старая, гремучая, завѣщанная бойцами Стеньки Разина пѣсня раздавалась по лѣсамъ :

• Ты взойди-ко, взойди солнце красное,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
Солдатъ бѣглыхъ, безпашпортныхъ •.

А. ЩАПОВЪ

ИЗЪ ГОРАЦІА

Отрокъ вѣжнѣй, мнѣ не надо
Чаръ полунощныхъ пировъ —
Не носи-жь ты мнѣ изъ сада
Шышныхъ розовыхъ вѣнковъ.

Лучше миртовую вѣтку
Свей вѣнкомъ надъ головой
И пойдемъ скорѣй въ бесѣдку
Подъ навѣсъ лозы густой.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЗГЛЯДА (¹)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕРМОНТОВА

I

ВВЕДЕНІЕ

Опозиція застою не даромъ накинута съ ожесточеніемъ на Лермонтова при самомъ первомъ его появленіи на литературную арену.

То была великая художественная сила, которая шла такъ-сказать на помощь къ отрицательному взгляду, узаконивала его неясныя предчувствія, раскрывала ему новые обширные горизонты.

Ни оппозиція застою, ни самъ отрицательный взглядъ не знали еще тогда, да конечно и не могли знать, что эти обширные горизонты, въ сущности только миражъ, что за ними, за этими туманными картинками, поворотъ къ почвѣ, поворотъ къ народности, что

(¹) Начиная снова прерванный мною на время рядъ статей о -развитіи идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина и до настоящей минуты- я считаю необходимымъ напомнить номера -Времени- за 1861 годъ: II, III, IV и V, въ которыхъ помѣщены статьи: 1) Вступленіе. Народность и литература. 2) Западничество въ русской литературѣ, причины происхожденія его и силы. 3) Бѣляевскій и отрицательно-централизаціонный взглядъ. 4) Опозиція застою, нѣкоторыя черты изъ исторіи мракобѣсія.

Глава о Лермонтовѣ составляетъ непосредственное продолженіе начатаго мною изслѣдованія.

въ самомъ Лермонтовѣ готовился по справедливой догадкѣ Гоголя одинъ изъ великихъ живописцевъ нашего быта.

Инстинктивно-пророческое предвиденіе великихъ поэтовъ — фактъ несомнѣнный, хотя вовсе не мистическій, а объясняемый стихійными началами ихъ природы, ея самостоятельными данными, которые, даже и подчиняясь могущественнымъ вѣяніямъ эпохъ, упорно, хотя сначала и смутно заявляютъ свою самостоятельность.

Нѣтъ! я не Байронъ — я другой
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ же чуждый міру странникъ,
Но только съ русскою душой,

говорить о себѣ самъ Лермонтовъ въ одномъ изъ своихъ такъ-сказать кабинетныхъ, домашнихъ стихотвореній, — и лучшую характеристику едва ли можетъ придумать критика.

Благодаря послѣднему, довольно полному и толковому изданію всего того, что оставилъ намъ въ наслѣдство этотъ великій во всякомъ случаѣ, хотя невысказавшійся даже въ половину духъ, характеристика эта ясна до очевидности.

Въ ней, въ этой характеристикѣ, двѣ стороны. Поэтъ хочетъ заявить свою самостоятельность — но между тѣмъ, фактъ отъ котораго онъ ее отстаиваетъ, т. е. Байронъ и его вліяніе, явнымъ образомъ его еще беспокоитъ. Съ этимъ громаднымъ фактомъ онъ еще мучительно, болѣзненно борется.

Борьба была прервана рокомъ въ тотъ самый мигъ, какъ она только переходила въ новый фазисъ. Едва только еще отдѣлился поэтъ отъ мучившаго его призрака, едва свелъ его изъ туманно-неопредѣленныхъ областей, гдѣ онъ являлся ему «царемъ нѣмымъ и гордымъ» въ общежитійскія сферы, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ маскированный гвардеецъ Печоринъ, еще онъ не успѣлъ хорошенько приглядѣться къ пойманному имъ образу, увидать въ немъ комическую сторону, съ которой неминуемо долженъ былъ начаться поворотъ... какъ смерть сразила его.

Великій поэтъ является передъ нами еще весь въ элементахъ, съ проблесками великой правды, но еще неуслышавшейся нисколько самостоятельности, не властелиномъ тѣхъ стихій, которыя заключались въ его эпохѣ и въ немъ самомъ какъ высшемъ представителѣ этой эпохи, а еще слѣпою, хотя и могущественною силою, несущуюся впередъ стремительно и почти безсознательно.

Стремленія этой силы для насъ теперь уже прошедшее, и какъ всякое прошедшее могутъ быть разъяснены: въ нихъ можемъ мы теперь уловить залоги и проблески самостоятельности, можемъ раз-

гадать даже смыслъ ихъ движенія, при пособіи послѣдовавшихъ за Лермонтовымъ литературныхъ явленій, вызванныхъ толчкомъ, который дала его поэтическая сила, но во всякомъ случаѣ самъ онъ для насъ представляется не завершеною, а стихійною силою.

Вотъ почему прежде чѣмъ говорить о немъ самомъ безотносительно, необходимо говорить о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ началась его поэтическая дѣятельность.

Въ Лермонтовѣ, на самый первый, поверхностный взглядъ представляются двѣ стороны. Это: *Арбенинъ* или *Арбеневъ*, какъ онъ названъ въ прозаическомъ отрывкѣ, «Воспитаніе Арбенцева» (я беру нарочно самое первое, юношески-откровенное и рѣзкое выраженіе типа) и «*Печоринъ*». Внимательное изслѣдованіе поможетъ вѣроятно найти еще и третью сторону, но на первый разъ очевидны только двѣ.

Арбенинъ (или все-равно: Арсеній въ «бояринѣ Оршѣ», «Мцыри», и проч.) это необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти-что безумная и слѣпая сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ, вопіющая противъ всякихъ общественныхъ условій, исполненная къ нимъ ожесточенной ненависти. сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятья» и гордо носитъ на себѣ эту печать; сила отчасти звѣрская, которая сама въ лицѣ Мцыри говорить:

Какъ-будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ.

Пояснить возможность такого настроенія души поэта однимъ влияніемъ музы Байрона, однимъ вліяніемъ байронизма, нельзя, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и отвергнуть того, что Лара коснулся обаяніемъ своей поэзіи, подкрѣпилъ, оправдалъ и толкнулъ впередъ тревожныя требованія души поэта.

Байронъ и его вліяніе однимъ словомъ, несомнѣнны, отражаются въ поэтической физиономіи Лермонтова чертами гораздо болѣе рѣзкими, чѣмъ на болѣе гармонической и раньше достигшей самостоятельности натурѣ Пушкина; но самые элементы такого настроения «русской души» поэта могли зародиться только или подъ гнетомъ жизненной обстановки, славявшающей страстные порывы *Мцыри* и *Арсенія*, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія Арбенина.

Вѣдь приглядитесь къ нимъ поближе, къ этимъ туманнымъ, но могучимъ образамъ: — за Ларою и Корсаромъ, проглянетъ въ нихъ можетъ-быть Стенька Разинъ, хотя съ другой стороны несомнѣнно, что Лара и Корсаръ давили воображеніе поэта.

Не всматриваясь еще заранѣе въ другую сторону лермонтовскаго типа, въ «Печоринѣ», я останавливаюсь на этой сторонѣ и немножко долженъ говорить 1) сперва :

О Байронѣ и о матеряхъ важныхъ,

а 2) потомъ о романтическомъ броженіи эпохи, котораго полнѣйшимъ и самымъ яркимъ представителемъ, даже завершителемъ является Лермонтовъ.

Байронъ и байронизмъ какъ общее, и нашъ русскій романтизмъ какъ особенное — вотъ элементы того Лермонтова, какой намъ остался въ его произведеніяхъ. Чтобы добраться до оригинальности этой физиономіи нужно прежде рассмотретьъ ихъ, эти элементы, слѣдя разумѣется повсюду отношеніе самой натуры поэта къ этимъ элементамъ его эпохи, его обстановки.

II

О БАЙРОНѢ И О МАТЕРЬЯХЪ ВАЖНЫХЪ

Есть большая разница между понятіемъ о Байронѣ его эпохи и нашей, между понятіемъ о немъ его собственнаго отечества и понятіями французовъ, вѣмцевъ и нашими, равно какъ и въ самую эпоху его дѣятельности было различіе между взглядомъ толпы и взглядомъ людей, стоявшихъ съ нимъ въ уровень. Гёте смотрѣлъ на Байрона нѣсколько свысока; онъ изобразилъ его въ «Эйфоріотъ» своего Фауста.

Icarus, Icarus.
Leiden genug!

Молодую, необузданно-порывистую и отчасти неразумную, но ничѣмъ не удержимую силу видѣлъ онъ въ немъ, блестящій метеоръ, разсыпавшійся прахомъ. Замѣчательнѣе же всего, что въ Прометеемъ, а юношей, только-что вышедшимъ изъ отрочества, представлялъ себѣ многодумный веймарскій старецъ этого, въ глазахъ толпы, мужа борьбы съ людьми и съ судьбою, этого мрачнаго скитальца, проклинавшаго свою туманную родину, этого таинственнаго Лару, душа котораго бездонна, какъ бездна, и темна, какъ бездна. Для него, умѣвшаго однако понимать борьбу прометеевскую, создавшаго сатаничeskій образъ Фауста, для него, возложившаго въ уста своего Прометея все эпергическое что человѣческая гордость можетъ сказать о себѣ.

Ich — dich ehren? Wofür?

.....

Da sitz ich,
Forme Menschen
Nach meinem Bilde.

Демоническій духъ Байрона былъ ясень, и ясень былъ самъ поэтъ, яснѣе можетъ быть чѣмъ былъ онъ, или просто сказать, чѣмъ хотѣлъ быть для самаго себя; хотѣлъ быть — потомучто слѣшкомъ хотѣлъ казаться таковымъ толпѣ.

Нашъ Пушкинъ, которому дано было расти, т. е. быть и отрокомъ, и юношей, и мужемъ, который былъ бы безъ сомнѣнія и мудрымъ старцемъ, еслибы трагическое начало, тяготѣющее надъ судьбою нашихъ поэтовъ, не пересѣкло нити его теченія въ самую пору мужества, представлялъ себѣ этого «властителя духа» своего поколѣнія въ видѣ моря, обращаясь къ сему послѣднему:

Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ...
Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,
Какъ ты, великъ, могучъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Въ другихъ случаяхъ онъ называетъ его «поэтомъ гордости», («Какъ Байронъ, гордости поэтъ») и, разумѣя глубоко значеніе его поэзіи, равно какъ и самый ея источникъ:

Лордъ Байронъ прихотью улачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ...

ясно видитъ притомъ, какимъ вѣкомъ эта поэзія вызвана:

Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младья поколѣнья,
Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ;
Онѣ торопятся съ расходомъ свестъ приходить,
Имъ нѣкогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлекъ ихъ могъ.

Ламартинъ одинъ почти призналъ въ Байронѣ то, чѣмъ Байронъ хотѣлъ казаться, — поэтическаго сатану, и даже подвергъ, въ угоду байроновскому обаянію, сомнѣнію вопросъ о томъ, точно ли зло есть зло, и добро — добро?

Toi dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon,

Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie —
 J'aime de tes concerts la sauvage harmonie,
 Comme j'aime le bruit de la foudre et des vents,
 Se mêlant dans l'orage à la voix des torrents;
 La nuit est ton séjour, l'horreur est ton domaine,
 L'aigle, roi des déserts dédaigne ainsi la plaine :
 Il ne veut, comme toi que des rocs escarpés
 Que l'hiver a blanchis, que la foudre a frappés...

Наконецъ любопытно еще отношеніе къ Байрону Жуковскаго и Козлова, поэтовъ не равныхъ между собою по силамъ дарованій, но такъ-сказать однозвучныхъ; любопытно какъ свидѣтельство могущественнаго вліянія Байрона на натуры, даже совершенно чуждыя мрачнаго байроновскаго настроенія, на натуры кроткія и задумчивыя: вліяніе это указываетъ на одну изъ существенныхъ сторонъ байрова таланта, одну изъ тѣхъ сторонъ, которыми онъ самъ былъ отраженіемъ существенныхъ сторонъ духа человѣческаго. Все что есть мрачно-унылаго, фантастически-тревожнаго, безотрадно-горестнаго въ душѣ человѣческой и что по существу своему составляетъ только крайнюю и сильнѣйшую степень грусти, меланхоліи, суевѣрныхъ предчувствій и суевѣрныхъ обаяній, лежащихъ въ основѣ поэзіи Жуковскаго и въ томъ талантѣ Козлова, — все это нашло для себя въ Байронѣ самаго глубокаго и энергическаго выразителя: никто короче его не знакомъ съ мрачнымъ міромъ однообразно-болѣзненныхъ скорбей, въ которомъ мелькаютъ только

образы безъ лицъ,
 Безъ протяженья и границъ.

Никто не постигъ такъ глубоко всего что есть величаво-унылаго въ развалинахъ, никто не знаетъ такъ хорошо призрачной натуры привидѣній, дѣйствія производимаго на организмъ прикосновеніемъ ихъ длинныхъ мраморно-бѣлыхъ и пронзительно холодныхъ перстовъ («Явленіе Франчески Альпу»), никто не подмѣтилъ такъ вѣрно и страшно, судорожныхъ движеній пальцевъ, «невольна бьющихся о чело»; никто не сумѣетъ заставить, какъ онъ, страдать читателя вмѣстѣ съ его Ларой всѣми ужасами безсонной и таинственной ночи. Байронъ великій виртуозъ на этихъ струнахъ души, виртуозъ, извлекающій изъ этихъ тревожныхъ струнъ звуки, потрясающіе натуру человѣческую вообще, и потому естественно, что онъ дѣйствовалъ магически на такія натуры, въ которыхъ особенно развита была чуткость этихъ струнъ.

Наконецъ, что касается до отношеній толпы или лучше-сказать

мѣщанства къ Байрону, то едва ли не яснѣе всѣхъ усмотрѣлъ и поразительнѣе высказалъ всю неправильность, фальшь и смѣшную сторону этихъ отношеній нашъ Грибоѣдовъ, заставившій своего Репетилова разсуждать съ достойными членами его «секретнѣйшаго союза по четвергамъ»

О камерахъ, присяжныхъ,
О Байронѣ... ну, объ матеряхъ важныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ для свѣтской толпы, французской ли, нашей ли — та и другая равно невѣжественны — тупоумной ли нѣмецкой, Байронъ равно принадлежалъ къ числу «важныхъ матерій», о которыхъ можно потолковать на досужи, т. е. пережевывать взгляды людей высшихъ, не понимая ихъ.

Отношеніе къ Байрону собственной его страны опредѣлялось все тѣмъ, что онъ былъ эксцентрикъ и, какъ таковой, не подлежалъ уже никакому дальнѣйшему суду; довольно того, что онъ вышелъ изъ условныхъ орбитъ условнѣйшаго существованія: онъ могъ быть хуже или лучше того, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, это уже ничего не прибавило и не убавило бы въ его эксцентрическомъ образѣ.

Таковы различныя отношенія собственно къ Байрону и къ его таланту. На всѣхъ онъ болѣе подѣйствовалъ такъ-сказать стихійными своими началами: Гёте видѣлъ нѣчто слѣное въ необузданной силѣ его таланта; Пушкинъ, поэтизируя эту слѣпую силу, проникалъ разумно въ ея личныя иружины; Жуковский и Козловъ сочувствовали великому виртуозу на струнахъ души, имъ также, хотя и не въ такомъ сильномъ стрѣбѣ, доступныхъ... Ламартинъ только въ посланіи, изъ котораго приводилъ я отрывокъ, посланіи въ которомъ Байронъ, каковымъ онъ хочетъ казаться, изображается, надобно отдать справедливость, — весьма поэтически, — Ламартинъ только, какъ выразитель въ этомъ случаѣ потребностей цѣлой пресыщенной и виѣстѣ жадной эпохи, взялъ все на вѣру и притомъ имъ впервые узаконено слѣное стихійное начало, *байронизмъ*, это особое повѣтріе, особый зловѣщій и фосфорическій блескъ, увѣнчавшій сначала голову Байрона и перелетѣвшій на нѣсколько другихъ головъ; байронизмъ, которому не подчинялись конечно, но тѣмъ не менѣе глубоко сочувствовали великіе и равные Байрону поэты: Пушкинъ и Мцкевичъ; байронизмъ, котораго печать легла и на даровитомъ нѣмцѣ Гейне, превратившись изъ провіи мрачной и сплинической въ иронію болѣзненно-ядовитую и полу-пахальную, полусентиментальную, и на даровитомъ французѣ Альфредѣ де Мюссе, претворившись у него изъ безотраднaго смѣха въ беззаботно-

наглый и вмѣстѣ наивный цинизмъ или въ слезы тоски и стонъ искренняго раскаянія, какъ напримѣръ въ «Confessions d'un enfant du siècle»; байронизмъ воплотившійся наконецъ и достигшій крайнихъ предѣловъ своихъ въ яркомъ и могучемъ талантѣ Лермонтова и въ немъ окончательно истощившійся, ибо дальнѣйшее отношеніе къ байронизму самаго Лермонтова, который былъ

не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избранникъ,

было бы непременно комическое, а лицо Печорина и такъ уже одной ногой стоитъ въ области комическаго, что и оказалось, когда писатель не безъ дарованія вздумалъ послѣ Лермонтова повторить этотъ образъ въ лицѣ Тамарина.

Байронизмъ, какъ нѣкоторое повѣтріе, выразилъ свое вліаніе двоякимъ образомъ: вопервыхъ онъ пожиралъ страстныя натуры, слѣпо и искренно ему отдававшіяся и искавшія въ немъ опрагматизованія своихъ безобразій, и такое вліаніе ни на комъ не отразилось такъ трагически, какъ на нашемъ безвременно и бесплодно погибшемъ даровитомъ Полежаевѣ. Нѣсколько напряженно, но искренне въ основахъ и чрезвычайно сильно выразилось это вліаніе въ такомъ напримѣръ изображеніи:

Кто видѣлъ образъ мертвеца,
Который демонскою силой,
Вражду съ темною могилой,
Живеть и страждетъ безъ конца?
Въ часъ полуночи молчаливой,
При свѣтѣ сумрачномъ луны
Изъ подземельной стороны
Исходитъ призракъ боязливый...

.....
Вотъ мой удѣлъ, — игра страстей!
Живой стою при дверяхъ гроба,
И скоро, скоро мечь и злоба
На вѣкъ уснутъ въ груди моей.
Кумиры счастья и свободы
Не существуютъ для меня,
И членъ ненужный бытія,
Не оскверню собой природы...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изображавшій себя такимъ образомъ несчастный поэтъ, какъ ни падалъ онъ, но все-таки много клеветалъ на себя, и въ этой постоянной клеветѣ на себя, въ постоянномъ стремленіи развивать напряженно-мрачныя стороны ду-

ши, заключалось все зло байронизма — зло страшное, когда оно оказывает свое вліяніе на природы, подобныя натурѣ Полежаева. Найдя оправданіе, такъ-сказать опозитизированіе своихъ внутреннѣхъ тревогъ въ словѣ вождя вѣка, онѣ съ какимъ-то упоеніемъ отдавались стремительному потоку страстей, отдавались *наслажденію страданія* :

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена:
Меня несла противная волна,
Несла на смерть, и гибель не страшна
Кавалась мнѣ въ пучинѣ безпощадной.
И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ
Любилъ встрѣчать я съ думою суровой —
И свисту бурь подь молніей багровой
Внимать, какъ мужъ отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ.

Было въ самомъ дѣлѣ нѣчто обаятельное въ этихъ самовольно развиваемыхъ страданіяхъ, что-то сладкое и вмѣстѣ лихорадочно-болѣзненное въ этомъ состояніи духа, что-то безвыходное въ этой тоскѣ, отвергающей даже живительный лучъ свѣта :

Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучъ, внезапно ослѣня,
Не извлекла изъ тьмы ожесточенья..

Но тяжела была расплата за это болѣзненное сладострастіе сердца, и тяжесть расплаты можетъ быть нигдѣ не высказана съ такою грустью и искренностью какъ въ слѣдующихъ, полежаевскихъ же стихахъ :

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю
Какъ кропинки дождя,
По эфиру слѣта,
Благотворяю живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листьяхъ
Пожелтѣвшихъ луговъ.
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпить и растить.

Чтожъ кропинки дождя
 Вашъ бальзамъ не живить
 Моего бытія?
 Что въ вечерней тиши,
 Какъ пріятный обманъ,
 Не исцѣлитъ онъ ранъ
 Охлаждѣлой души?..
 Ахъ не цвѣтъ полевой
 Жжетъ полдневной порой
 Разрушительный зной, —
 Сокрушаетъ тоска
 Молодого пѣвца,
 Какъ въ землѣ мертвеца
 Гробовая доска...
 Я увялъ и увялъ
 Навсегда, навсегда!
 И блаженства не зналъ
 Никогда, никогда!
 И я жилъ, но я жилъ
 На погибель свою...
 Буйной жизнью убилъ
 Я надежду мою...
 Не разцвѣлъ, а отцвѣлъ
 Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
 Что любилъ, въ томъ нашолъ
 Гибель жизни моей...

 Не кропите-жь меня
 Вы, росинки дождя!

Съ другой стороны байронизмъ, какъ повѣтріе, выражался въ
 общежитіи живыми пародіями, заставившими Пушкина спраши-
 вать, даже нѣсколько во вредъ своему герою :

Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангелъ иль надменный бѣсъ...
 Чтожъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ,
 Ужь не пародія ли онъ?

Въ томъ и другомъ случаѣ байронизмъ, безъ малѣйшаго сомнѣ-
 нія, имѣлъ вредное, можно сказать пагубное вліяніе. Въ немъ была

неправда, стало быть и безнравственность постольку, поскольку неправда. Неправда же его заключалась въ неправильномъ отношеніи къ мрачнымъ сторонамъ души, къ темнымъ слѣпымъ силамъ, которыми байронизмъ подчинялъ человѣческую натуру; все, что до толѣ, т. е. до байронизма, нѣкоторымъ образомъ скрывалось или порицалось, порицалось даже и тѣми, которые не вѣрили ни во что святое: — безбожіе, эгоизмъ, сухая гордость, злобная пронія въ отношеніи къ людямъ, безстыдство отношеній къ женщинамъ, — все то, однимъ словомъ, что прежде выступало подъ благопристойною маской самой чинной нравственности въ какой-нибудь сухой *Sitten-Lehre*, барона фонъ-Книгге, въ какомъ-нибудь изъ романовъ XVIII вѣка, — все это явилось безъ маски въ байронизмѣ и прямо сказало міру «поклоняйся мнѣ откровенному, какъ ты доселѣ кланялся мнѣ прикрытому». Но между тѣмъ, такъ какъ сама по себѣ высокая поэтическая натура Байрона не могла же принять спокойно обоготворенія эгоизма, то оно и выразилось въ пей тоской или ироніей, что естественнымъ образомъ окружило эгоизмъ поэтическимъ ореоломъ. Можно сказать, что самая крайность неправды была слѣдствіемъ правдивости и поэтичности натуры Байрона. Ненавидя маску ханжества и лицемерія, подъ которою прятался до него эгоизмъ, самъ развращенный ученіями и опытами вѣка, поэтъ, чѣмъ носить маску, готовъ былъ лучше клеветать на самого себя: таковъ онъ, когда смѣется своимъ сатаническимъ хохотомъ надъ тѣмъ, что матросы съѣли донъ-жуанова учителя; таковъ онъ, поющій неистовый гимнъ чувственности по поводу любви Донъ-Жуана и Гайде; таковъ онъ въ анализѣ отношеній леди Адлины къ Жуану, — все это неправда, все это напряженіе, клевета на самого себя и на душу человѣческую, клевета, протексающая съ одной стороны изъ прихоти чловѣка, пресыщеннаго изображеніями условной и истрепаной добродѣтели, изображеніями весьма приторными, а съ другой стороны, изъ правдиваго негодованія на ложь и лицемеріе жизни.

Байронъ есть пламенный поэтический протестъ личности противъ всего условнаго въ окружавшемъ его общежитіи, и потому можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общежитія, которую постоянно казнила его муза: онъ ничего иного не сдѣлалъ, какъ обнажилъ только то что прикрывалось ветхимъ покровомъ условнаго, сорвалъ маску съ обоготвореннаго втихомолку эгоизма, и какъ истинный, глубокий поэтъ, воспѣлъ торжество этого страшнаго начала съ тоской и яловитой ироніей. Въ нихъ-то, въ этой тоскѣ и ироніи — его великая сила, ибо они — горестный плачь

объ утраченныхъ и необрѣтаемыхъ идеалахъ ; въ нихъ-то, въ этой же тоскѣ и провіи — его слабость, ибо съ ними связаны у него шаткость основъ міросозерцанія, отсутствіе нравственнаго, т. е. цѣлостнаго взгляда, отсутствіе возможности суда надъ жизнью, и поэтому самому, отсутствіе возможности быть поэтомъ эпическимъ или драматическимъ, вообще быть чѣмъ-либо, кромѣ величайшаго поэта лирическаго, или лучше сказать величайшаго лирическаго виртуоза на извѣстныхъ указанныхъ мною струнахъ. Высшее обладаніе этими струнами, есть правда, красота и сила его поэзіи, и не безнравственностью, т. е. не ложью, а правдою увлекалъ онъ и доселѣ увлекаетъ поколѣнія, увлекалъ даже мудрецовъ, каковъ былъ Гёте, даже людей ему равныхъ, каковы были Пушкинъ и Мицкевичъ. Ложь въ поэзіи блеснетъ, какъ метеоръ, и какъ метеоръ же разсыплется прахомъ, но постоянное въ извѣстной степени дѣйствіе имѣетъ поэзія Байрона, ибо постоянно затрогиваетъ она чувствованія, живущія въ глубинѣ сердца: она не сдѣлана искусственно, она порождена духомъ человѣческимъ. Покомѣ человечество способно мучительно любить, глубоко чувствовать оскорбленіе и жажду мести, стенать посреди мукъ и гордо поднимать голову передъ сѣкирой палача — до тѣхъ поръ оно будетъ жадно читать и Гаура и исповѣдь Уго передъ казнью въ Паризинѣ; доколѣ живетъ въ духѣ человѣческомъ необузданное стремленіе, готовое иногда ломать всѣ преграды, полагаемыя условнымъ общежитіемъ, дотолѣ обаятельно будутъ дѣйствовать на людей мрачные образы Корсара, Лары, Чайльдъ-Гарольда, Альпа и иныхъ чадъ мятежной души поэта. Байронъ есть поэтическое воплощеніе протеста, и въ этомъ опять таки его сила и его слабость: сила его въ томъ, что протесту, вызываемому всегда болѣе или менѣе неправдою, душа горячо сочувствуетъ; слабость въ томъ, что протестъ этотъ есть протестъ слѣпой, протестъ безъ идеала, протестъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Повторяю, что Байронъ ничего иного не дѣлаетъ, какъ срываетъ благопристойную маску съ дикаго по существу эгоизма, вѣнчаетъ его не втихомолку уже, а прямо, — но какъ поэтъ истинный и глубокій, вѣнчаетъ съ тоской и провіей.

Въ Байронѣ очевидна стало-быть не безнравственность, а отсутствіе нравственнаго идеала, протестъ противъ неправды безъ сознанія правды. Байронъ поэтъ отчаянія и сатанинскаго смѣха потому только, что не имѣетъ нравственнаго полномочія быть поэтомъ истиннаго смѣха, комикомъ — ибо комизмъ есть правое отношеніе къ неправдѣ жизни во имя идеала, на прочныхъ основахъ покоящагося, — комизмъ есть праведный судъ надъ уклонившеюся отъ идеала жизнію, казнь, совершаемая надъ всю зрячимъ художе-

ствомъ. Если же идеалы подорваны и между тѣмъ душа не въ силахъ помириться съ неправдою жизни по своей высшей поэтической природѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по отсутствіи нравственной мѣры, не можетъ прямо назвать неправды неправдою, то единственнымъ выходомъ для музы поэта будетъ безопадно ироническая казнь надъ неправдою жизни, казнь обращающаяся и на самого себя, насколько въ его собственную натуру влѣлась эта неправда, проникла до мозга костей и насколько онъ самъ, какъ поэтъ, сознаетъ это искреннѣй и глубже другихъ. Возьмите самую вопіющую безнравственность въ любой поэмѣ Байрона, — вы увидите, что она есть только казнь, совершенная поэтомъ надъ другой, прикрытою мишурною хламидой безнравственностью: безнравственно напримѣръ отношеніе Уго и Паризивы, но въ сущности оно есть только казнь, совершаемая надъ герцогомъ Азо, и казнь совершенно справедливая; скиталецъ Гарольдъ исполненъ порою столь справедливаго негодованія противъ мелочности и суетности свѣтской толпы, противъ гнущихъ жизнь условныхъ понятій, что скитальчество его становится понятно. Вездѣ однимъ словомъ муза Байрона есть Немезида жизни; Немезида, въ свою очередь обращающая бичъ на самого поэта, какъ далеко на несвободнаго отъ неправды, а напротивъ, проникнутаго ею до мозга костей, и посылающая прометеева коршуна терзать его собственное сердце.

Но снимая такимъ образомъ съ Байрона единичную отвѣтственность за отсутствіе въ поэзіи его идеальнаго созерцанія, замѣняемаго тоскою и иронією, созерцанія, котораго создать нельзя, а взять при совершенномъ разложеніи жизни не откуда, тѣмъ не менѣе можно указать на него, какъ на примѣръ весьма печальный раздвоенія между поэтическимъ и нравственнымъ созерцаніемъ, раздвоенія вреднаго въ отношеніи къ художеству тѣмъ, что оно: коперныхъ лишило натуру поэта извѣстной полноты и цѣлости, вслѣдствіе чего онъ остался только лирикомъ, со всѣми своими стремленіями къ эпосу и драмѣ; вовторыхъ тѣмъ, что вслѣдствіе такого раздвоенія вся поэзія Байрона есть не что иное, какъ гениальная импровизація или лучше сказать постоянная проба на нѣкоторыхъ его, въ особенности доступныхъ ей струнахъ, именно на струнахъ ощущеній мрачныхъ, фантастическихъ, тревожныхъ и негодующихъ. Вслѣдствіе отсутствія поэтически-нравственнаго и гармонически-цѣлостнаго взгляда, у Байрона нѣтъ суда надъ жизнію и надъ создаваемыми образами, того суда, который напримѣръ даетъ возможность и полномочіе Шекспиру, имѣвшему прямое и цѣлостное воззрѣніе на жизнь, казнить неумолимою и рассчитанною казнію своего Фольстафа, жирнаго, сквернаго, но остроумнаго, милаго и гениально-наглаго Фоль-

стафа, быть может также близкаго его душѣ, какъ близокъ онъ былъ душѣ казнящаго его своею холодною Гевриха, — того суда, который суроваго Данта заставилъ обречь мукамъ ада Франческу да-Римини, несмотря на страстное къ ней сочувствіе; того суда, котораго враждебное отношеніе къ дѣйствительности, противурѣчащей ясно сознаваемому идеалу, не можетъ быть инымъ, какъ казнящимъ, — трагически ли казнящимъ Макбета, Отелло, Лира и Гамлета, Уголио и Франческу, или комически казнящимъ Фольстафа, Сквозника-Дмухановскаго, Самсона Силыча Большова, и того суда, при которомъ только и возможно въ художествѣ созданіе живыхъ лицъ и отношеніе къ образамъ, какъ къ живымъ лицамъ — отношеніе Шекспира, Мольера, Данта, Сервантеса, Пушкина, — начиная съ его Онѳина, — Диккенса, Гоголя. Властвіе же односторонней своей виртуозности, поэзія Байрона однообразна, а потому утомительно дѣйствуетъ на душу. Байрона можно читать только такъ-сказать пріемами и притомъ въ извѣстныя минуты душевнаго настроенія, хотя правда, что тогда онъ кажется зато высшимъ изъ поэтовъ. Въ силѣ его есть именно что-то стихійно-слѣпое, такъ что пушкинское уподобленіе его морю остается едва ли не вѣрнѣйшимъ опредѣленіемъ его значенія. Эта сила бунтуетъ во имя самаго бунта, безъ всякихъ другихъ полномочій — поднятая эгоизмомъ, безобразіемъ, безнравственностью общественныхъ понятій и въ неправдѣ этихъ понятій заключается оправданіе для нея самой, хотя и лишонной свѣта правды — и судима она можетъ быть не съ точки зрѣнія той общественной нравственности, которою она вызвана, какъ прямое послѣдствіе и вмѣстѣ казнь. Съ этой точки зрѣнія Гёте и Шиллеръ поэты столь же, какъ и Байронъ, безнравственные, но вѣдь есть же причина, почему впервыхъ высшія стремленія духа въ этихъ блистательнѣйшихъ представителяхъ жизни духа на западѣ, въ этихъ великихъ міровыхъ силахъ, всегда являлись чѣмъ-то враждебнымъ условіямъ окружавшаго ихъ общества и почему съ другой стороны враждебное отношеніе къ неправдѣ жизни не имѣетъ у нихъ возможности возвыситься до комизма, почему напримѣръ Шиллеръ вмѣсто того, чтобы какъ нашъ Гоголь въ «Ревизорѣ» смѣлою кистью начертать картину вопіющихъ неправдъ жизни, предпочитаетъ возстать на зло зломъ же, на безнравственность безнравственностью же, на мѣщанство — страшною утопіею «разбойниковъ». *Si ferrum non sanat ignis sanat!* И замѣтьте, что тотъ же самый образъ, который Шиллеръ осуществилъ сначала въ разбойникѣ Моорѣ, является потомъ въ свѣтлыхъ призракахъ Поэзы, Юганны и Телля; есть причина, почему Гёте вмѣсто того, чтобы просто насмѣяться въ комической картинѣ надъ мѣ-

щанской нѣмецкой семейностью, какъ напримѣръ насмѣялся надъ семейнымъ безобразіемъ самодурства Островскій во имя высшаго идеала семейственности, — Гёте, говорю я, создаетъ утопію въ своихъ «Wahlverwandschaften», а въ этой утопіи еще до Занда возстаютъ на святость и неизбежность семейныхъ узъ вообще. Комизмъ есть отношеніе высшаго къ низшему, отношеніе къ неправдѣ съ смѣхомъ во имя оскорбляемой ею и твердо сознаваемой поэтомъ правды. Когда Гоголь напримѣръ казнить взяточничество, — вы не боитесь за комика, чтобы у него съ взяточничествомъ или развратомъ было что либо общее: но Гёте, враждебно относящійся къ мѣщанской нравственности, и самъ часто впадаетъ въ нее въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ; а Шиллеръ только на высотѣ отвлеченныхъ идеаловъ оберегаетъ себя отъ паденія. Но Байронъ, съ сатанинскимъ хохотомъ и съ глубокою тоскою обоготворяющей эгоизмъ, тѣмъ не менѣе обоготворяетъ его, т. е. не можетъ подняться выше этого эгоизма поэтическимъ созерцаніемъ; велика еще заслуга его и въ томъ, что обоготворяя идолъ, онъ плачетъ о необходимости обоготворенія, язвительно хохочетъ и надъ жизнію, и надъ самимъ собою, обоготворителемъ идола. Въ немъ все-таки глубоко чувство правды, чувство поэзіи! — Я положилъ и положилъ кажется правильно различіе между Байрономъ и байронизмомъ, обозначивши дѣйствіе сего послѣдняго, какъ повѣтрія, пожравшаго силы, зловѣщаго сіянія, перелетѣвшаго съ головы Байрона на головы двухъ байрончиковъ весьма даровитыхъ, Мюссе и Гейне, изъ которыхъ первый замѣчательнѣе въ высокой степени искренностью и обиліемъ казни надъ самимъ собою, а другой фальшивостью неискрѣпимою, возведенною въ принципъ и погубившею необузданно страстную натуру Полежаева. Что касается до Лермонтова, въ которомъ байронизмъ воплотился въ высшей степени ярко, то прежде всего въ жизни, въ которой онъ явился, онъ не представляетъ того значенія, какое имѣлъ Байронъ въ отношеніи къ жизни, которой онъ былъ отражателемъ. Лермонтовъ не болѣе какъ случайное повѣтріе, миражъ иного, чуждаго міра; правда, его поэзія есть правда жизни мелкой по объему и значенію, теряющейся въ безбрежномъ морѣ народной жизни: казнь совершаемая этою, все-таки поэтическою правдою надъ маленькимъ муравейникомъ, въ отношеніи къ которому она справедлива, имѣетъ сколько-нибудь общее значеніе только какъ казнь одинокаго отношенія этого муравейника: весь Лермонтовъ и вся его правда — въ горестныхъ сознаніяхъ, что:

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
что:

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой,

что:

... не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ни чуть,

что наконецъ для него:

... жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Горе или лучше сказать отчаяніе вслѣдствіе сознанія своего одиночества, своей разьединенности съ жизнью; глубочайшее презрѣніе къ мелочности той жизни, которою создано одиночество, вотъ правда лермонтовской поэзіи, вотъ въ чемъ сила и искренность ея стонувъ... Еслибы Пушкинъ остался подъ искусственными вліяніями, тяготящими надъ первыми его вдохновеніями, онъ впалъ бы въ тоже мрачное отчаяніе; еслибы съ другой стороны Лермонтовъ не былъ постигнутъ общою трагическою участью русскихъ поэтовъ, онъ оправдалъ бы собственныя предчувствія о томъ, что онъ

Не Байронъ, а другой
Еще невѣдомый избранникъ.

И въ немъ вѣроятно, какъ справедливо сказалъ Гоголь, готовился одинъ изъ великихъ живописцевъ родного быта. Не даромъ же по собственному сознанію «любилъ онъ родину», «но странною любовью, не побѣдитъ ея разсудокъ мой.» Говорить о Лермонтовѣ, какъ о русскомъ Байронѣ, нѣтъ никакой возможности серьезно: стоитъ только приложить байронизмъ къ той пошлой свѣтской сферѣ, въ которой къ сожалѣнію вращался нашъ поэтъ, чтобы дѣло приняло оборотъ комическій: стоитъ напримѣръ представить себѣ типъ женскій, къ которому обращены слѣдующія строки:

Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
Сошлись и разошлись вновь.

Или другой, который опоэтизированъ такъ:

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка..
Она ускользаетъ какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится какъ птичка.

Стоитъ представить только эти типы осуществленными въ кругѣ лермонтовскаго муравейника, въ жалкой свѣтской дѣйствительности и взглянуть на нихъ съ высоты идеаловъ, цѣлостно и свято храня-
мыхъ въ великой, не муравейной средѣ жизни, чтобы эти типы

тотчасъ же развѣчивать, назвать прямо по имени и поставить на настоящее мѣсто въ комическомъ свѣтѣ. Печоринъ, какъ только вышелъ изъ лермонтовской рамки, чрезвычайно искусной, тотчасъ сталъ въ Тамаринѣ фигуροю комическою. Съ образами Байрона вы ничего подобнаго не сдѣлаете, ибо если вы сведете ихъ съ пьесталовъ, такъ нечего будетъ поставить на ихъ мѣсто: они точно крайнія грани общественности, ея поэтическія верхушки.

Но представьте себѣ байроновскія требованія души, очевидныя въ лермонтовскихъ юношескихъ образахъ, подъ гистомъ ли или на дикомъ просторѣ развинтившагося противуобщественнаго стремленія, въ столкновеніи съ нашимъ лицевымъ общежитіемъ и притомъ съ условнѣйшею изъ миражныхъ сферъ эгого сверху сложившагося общежитія, съ искусствѣннѣйшею изъ нихъ, съ сферою свѣтскою.

Если эти стремленія точно то, за что онѣ выдають себя, или лучше сказать чѣмъ они сами себѣ кажутся, то онѣ *совсѣмъ* противуобщественныя стремленія, *совсѣмъ*, а не только въ условномъ смыслѣ противуобщественныя — и паденіе или казнь ждутъ ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и въ особенности въ стихотвореніи :

Не смѣйся надъ моею пророческой тоской,
Я зналъ: ударъ судьбы меня не обойдетъ, и проч.

Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, то первое чтó закрадется въ душу человека, тревожимаго ими, будетъ конечно сомнѣніе; но на первый разъ еще не истинно разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ самой личности.

Вглядитесь внимательнѣе въ эту нелѣпую, съ дѣтской небрежностью набросанную, хаотическую драму «Маскарадъ», и первый, но уже очевидный слѣдъ такого сомнѣнія увидите вы въ лицѣ князя Звѣздича, котораго баронеса, одна изъ героинь драмы, опредѣляетъ такъ :

Безнравственный, безбожный,
Себялюбивый, злой — но слабый человекъ.

Въ очеркѣ Звѣздича выразилась минута первой схватки разрушительной личности съ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, — схватки, которая кончилась не къ чести дикихъ требованій и необъятнаго самолюбія. Слѣды этой же первой эпохи, породившей разувѣреніе въ собственныхъ силахъ, отпечатлѣлись во множествѣ

стихотвореній, изъ которыхъ одни замѣчательны наиболѣе по извѣстной строфѣ, вполне опредѣляющей минуту подобнаго душевнаго настроенія :

Любить! Но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно!
*Въ себя ли заглянешь? тамъ прошло нѣтъ и слѣда,
И радость и горе и все такъ ничтожно.*

И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновении съ условною свѣтскою сферою жизни сологубовскими Леонидными, отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія; одни только Звѣздичи собою совершенно довольны.

Между тѣмъ лицо Звѣздича и нѣсколько подобнахъ стихотвореній — это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной т. е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т. е. комическое и притомъ безопадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ.

Но до комическаго отношенія Лермонтовъ еще не дошелъ. Ему вѣроятно было окончательно раздѣлаться съ давнишнимъ его образомъ, окончательно свести его въ общежитейскія формы, и вотъ, все еще поэтизируя его, онъ создалъ Печорина.

Въ сущности что такое Печоринъ? Смѣсь арбенинской необузданности съ свѣтскою холодною и безсовѣстною Звѣздича, или пожалуй, поэтизированный и «приподнятый» Звѣздичъ. Первоначальный, незрѣлый очеркъ Звѣздича показываетъ между тѣмъ однако, что въ Лермонтовѣ сидѣлъ тоже своего рода Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, который рано или поздно сперва «убоялся» мрачнаго Сильвіо, потомъ пожалуй «продернулъ бы» критикой простаго здраваго смысла и провѣрилъ бы простымъ чувствомъ колоссальный образъ Демона.

Но о томъ что *было бы*, разсуждать довольно смѣшно. Въ томъ, что осталось намъ отъ Лермонтова, мы видимъ еще только тревожныя и бунтующія начала, ищущія опредѣленнаго воплощенія въ образы.

Пояснить *однимъ* Байрономъ и *однимъ* влѣніемъ байронизма крайнее развитіе этихъ тревожныхъ началъ въ поэзіи Лермонтова — невозможно.

Кромѣ того, что эти тревожныя начала не чужды вообще нашей народной сущности, они въ особенности бушевали въ ту эпоху, которой Лермонтовъ былъ завершителемъ: въ эпоху нашего русскаго романтическаго броженія.

III

НАШЪ РОМАНТИЗМЪ

«Романтизмъ — писалъ Бѣлинскій въ заключительной статьѣ «Литературныхъ мечтаній» — «вотъ первое слово, огласившее пушкинскій періодъ; народность — вотъ альфа и омега новаго періода.»

Чтобы понять это раздѣленіе эпохъ, дѣлаемое Бѣлинскимъ, должно припомнить факты, о которыхъ уже говорилъ я въ одной изъ предшествовавшихъ статей.

Время, въ которое писалъ Бѣлинскій свои «литературныя мечтанія», было временемъ господства историческаго повѣтрія въ литературѣ.

Это была эпоха историческихъ романовъ, выходившихъ дюжинами въ мѣсяцъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, — романовъ, въ которыхъ большею частію изображенія предковъ были прямо списаны съ кучеровъ ихъ потомковъ, которыхъ *народность* заключалась только въ разговорахъ ямщиковъ, да и то еще подслушанныхъ и переданныхъ невѣрно и не свободно, а историческое заключалось въ описаніяхъ старыхъ боярскихъ одеждъ и вооруженій, да столовъ и кушаній, въ которыхъ оригинальна была только дерзость авторовъ, изображавшихъ съ равною безцвѣтностью всякую эпоху нашей исторіи... Разумѣется, что я говорю это не о романахъ Загоскина, не о романахъ Полевого, которыхъ никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его драмами, этими несчастными плодами несчастной эпохи его дѣятельности, и въ особенности не о романахъ Лажечникова. Это были блестящія исключенія, хотя, надобно сказать правду, только даровитость и какая-то оригинальная задушенность тома выкупаютъ романы Загоскина; только смѣлыя замашки, только стремленія къ проведенію новыхъ историческихъ мыслей, вѣрныхъ или невѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ отрицательное значеніе, сообщаютъ цѣковую жизнь Симеону Кирлянѣ, Клятвѣ при гробѣ господнемъ, и другимъ попыткамъ Полевого, который вовсе не былъ рожденъ творцемъ и художникомъ, и только романы Лажечникова остались и удѣляли для насъ, со всѣми ихъ огромными пожалуй недостатками, но и огромными достоинствами... Все же остальное вполне стоило нападокъ Бѣлинскаго. Писались, или лучше сказать фабрикавались эти штуки по извѣст-

нымъ рецептамъ : московскія издѣлія по загоскинскимъ , петербургскія по болгаринскимъ .

Кромѣ того историческое повѣтріе ударило и въ другую область, въ драму. На сценѣ постоянно горланилъ и хвасталъ Ляпуновъ, кобѣнился Мининъ въ видѣ дѣвы орлеанской, и поистинѣ въ грязь стаскивались эти великія и доблестныя тѣни. Опять должно и тутъ псключить нѣсколько попытокъ хомяковскихъ , несмотря на ихъ странный въ приложеніи къ нашему быту шиллеровскій лиризмъ , подававшій поводъ къ правдивымъ и язвительнымъ насмѣшкамъ , да пожалуй погодинскихъ , хотя менѣе всего къ художеству способенъ достопочтенный нашъ историкъ , и только глубокое знаніе , столь же глубокое чутье историческое и пламенная любовь къ быту предковъ , подкупали въ отношеніи къ его драмамъ небольшой кругъ друзей , между прочимъ Пушкина , который вовсе не вронически писалъ къ нему извѣстное письмо объ его Марфѣ-посалницѣ . Замѣчательный фактъ , что хомяковскія и погодинскія попытки , т. е. единственные остатки историко-драматическаго повѣтрія , о которыхъ можно вспомнить съ нѣкоторымъ уваженіемъ , не пользовались въ то время никакимъ успѣхомъ ; на сценѣ свирѣпствовали Ляпуновы и ломались Минины...

Таково было состояніе литературы , которое Бѣлинскій охарактеризовалъ какъ стремленіе къ народности и отдѣлилъ отъ прежняго , отъ стремленія романтическаго . Прежде всего самое отдѣленіе такое было неправильно . Эпоха была и долго еще оставалась романтическою ; самъ Бѣлинскій былъ еще въ то время романтикомъ и потому — то впоследствии , разъяснивши себѣ окончательнo вопросы , всю свою энергическую вражду обратилъ онъ на романтизмъ , преслѣдуя и бичуя его нещадно... Но понятіе о романтизмѣ — до сихъ поръ столь мало разъясненное понятіе , что и воюя съ романтизмомъ , Бѣлинскій долго еще былъ романтикомъ , только въ другой кожѣ , да сдвали и пересталъ быть имъ до конца своего поприща . Нѣтъ покрайней-мѣрѣ сомнѣній , что Бѣлиевскій второй эпохи своего развитія , т. е. развитія нашего общаго критическаго сознанія — эпохи и «Наблюдателя» зеленого цвѣта и «Отечественныхъ записокъ» 1839 , былъ романтикомъ гегелизма и съ наивно-страстною энергіею бичевалъ въ себѣ и во всѣхъ романтика старой формы , романтика французскаго романтизма .

Да и что называть романтизмомъ , мы доселѣ еще сдвали можемъ дать себѣ ясный и окончательный отчетъ .

Поэзія Жуковскаго — романтизмъ .

Гюго — романтикъ .

Полежаевъ и Марлинскій — романтики .

Гамлетъ Полевого и Мочалова — романтикъ.

А Кольцовъ развѣ не романтикъ? А Лермонтовъ въ Арбушинѣ и Мцыри, развѣ не романтикъ?

Все это романтизмъ, и все это весьма различно, да и различно, что не имѣетъ никакихъ связующихъ пунктовъ.

Романтическое въ искусствѣ и въ жизни на первый разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, а съ другой стороны оно же, это подчиненное чему-то отношеніе, есть и то тревожное, то вѣчно-недовольное настоящимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди, и чему недовольно цѣлаго міра, — тотъ огонь, о которомъ говорить Мцыри, что онъ

Отъ юныхъ дней
Таяя жилъ въ груди моей...
И онъ прожогъ свою тюрьму.

Начало это несвободно, потомучто оно стихійно, но оно же, тревожное и кипящее, служитъ толчкомъ къ освобожденію человѣческаго сознанія отъ всего стихійнаго; оно же разрушаетъ кумиры темныхъ боговъ, хотя подчинено имъ еще само, и подчинено потому, что слишкомъ хорошо помнить, еще чувствуетъ на себѣ ихъ силу и вліяніе, но само въ то же время есть вѣяніе. Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ, и Шатобрианъ, одинъ изъ самыхъ наивныхъ романтиковъ, чутьемъ романтика отыскиваетъ романтическія вѣянія въ древнихъ поэтахъ; романтическое есть и въ средневѣковомъ мірѣ, и въ новомъ мірѣ, и въ стремленіяхъ гётевскаго Фауста, и въ лихорадкѣ Байрона, и въ судорогахъ французской словесности тридцатыхъ годовъ. Романтическое является во всякую эпоху, только-что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго моральнаго переворота, въ переходные моменты сознанія.

Я упомянулъ имя Шатобриана — и въ самомъ дѣлѣ, это одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей одной стороны романтическаго вѣянія, и та страница въ его «Mémoires d'Outre-tombe», гдѣ онъ называетъ себя предшественникомъ Байрона, не покажется нисколько хвастовствомъ тому, кто читалъ «Начезовъ», «Рене», «Аталу». Что такое «Рене», какъ не исповѣдь самаго Шатобриана? Сквозь всю шумиху фразъ и старыхъ формъ, затрудняющихъ для читателей новаго времени чтеніе поэмы «Начезы», не прорывается ли тотъ недугъ de la mélancolie ardente, который конечно не въ одинаковой степени грызъ и автора «Генія христіанства», и автора «Чайльда Гарольда»? Что такое Рене, какъ не болѣзненный первенецъ XIX вѣка, получившій въ наслѣдіе безотрад-

ный скепсис, до того совладѣвшій съ нами, и не усвоившій какъ Байронъ и собою комедства, а бросившійся навротивъ съ отчаяніемъ въ омутъ? Казнушающихся, но величавыхъ старыхъ формъ? Что такое, въ общемъ какъ не тотъ же «Корсаръ и Лара», только не переступившій башной бездны, въ которую они ринулись, а оставившійся надъ нею въ болѣзненномъ недоумѣніи? А помните ли вы и Лала въ «Les Martyrs» — единственный, но зато истинно-человѣческій оазисъ этого надутаго романа? Надъ этимъ отрывкомъ виситъ романтическое вѣяніе переходныхъ эпохъ. Въ тяжелой борьбѣ, терзающей героя, въ безсознательномъ пресыщеніи жизнью и въ всѣхъ лицъ его окружающихъ, въ безумно-лихорадочномъ порывѣ страсти къ Веллэдъ пробивается тотъ же романтически-мелуцъ, то же тревожное начало, которое равно способно и къ плѣчу по старомъ мірѣ и къ его разрушенію, только неспособно ни къ какому созиданію. Поэтому-то у Шатобриана есть странное чутье на открытіе романтической струи повсюду; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только развернуть на любой страницѣ второй томъ «genie du Christianisme», гдѣ подмѣчаетъ онъ порывы романтическіе у Виргилія, ищетъ романтической струи въ самой одиссеѣ Гомера, ищетъ только этой одной струи надобно прибавить, указывать на нее всегда правильно и ею только въ состояніи отъ души увлекаться.

Зачѣмъ же, спрашивается, назвали *романскимъ* это начало стихійное и тревожно-лихорадочное, которое было обще многимъ эпохамъ, и вѣроятно будетъ обще многимъ другимъ, этотъ знобъ и жаръ съ напряженнымъ біеніемъ пульса, который равно болѣзненъ, окажется ли онъ сладкою, но все-таки тревожною и разъяряющею мечтательностью Жуковского, тоскою ли по прошедшемъ Шатобриана, мрачнымъ ли и сосредоточеннымъ отрицаемъ Байрона, безтрепетно ли роющимся въ глубь жизни и души анализомъ другого великаго и равнаго Байрону поэта, Гюго, лихорадкою ли литературы тридцатыхъ годовъ, борьбою ли съ этимъ началомъ свѣтлой и ясной пушкинской природы, подчиненіемъ ли ему до морального уничтоженія натуръ Марлинскаго и Полежаева, ичоловскими ли созаваніями, воплями ли огаревскихъ «монологовъ», или фетовскими «страшными», но для души ясными пѣсками на какіе-то звуки», которые

Льнуть къ моему изголовью,
Полны они томной разлуки
Дрожать небывалой любовью;

которые

Такъ томно и грустно-небрежно,

Въ свой мѣръ раздвѣченный, ^{коленѣя, а}
 И ластятся къ сердцу такъ, ^{Блинскаго об}
 И такъ умирительно просятъ. ^{и въ ту}

Зачѣмъ же назвали, говорю я, исключительно это начало, которое столь же, если не болѣе свойственной русской природѣ, которое не разъ закруживало эту прѣху типовъ выходной хандры, до лермонтовскаго ожесточенія и зловъ самыхъ бѣдъ чувствій, до тургеневскаго раздвоенія и расслабленія, ны свое дѣло болѣе грубыхъ до полсжаевскаго цинизма и до запоя цола?..

Неудачное названіе придумано въ неудачную эпоху и чуждъ эпоху такъ-называемой романтической реакціи, доходившей до Мочарманіи, странъ послѣдовательности логическаго мышленія, до досъумствъ «Доктора любви» Захарія Вернера и до католическаго обрѣдѣнн братьевъ Шлегелей!.. Въ этой своей формѣ — въ формѣ тоски по прошедшемъ, доходящей до кукольной комедіи въ отношеніи къ прошедшему, романтизмъ намъ мало свойственъ. Самое наше славянофильство далеко не то, что романтизмъ Гёрреса и братьевъ Шлегелей, ибо полъ формами его таится нѣчто живое, нѣчто иное, ибо иная была наша историческая судьба, и иное вслѣдствіе того возникло у насъ отношеніе къ нашему прошедшему.

Поэзія Жуковскаго, несмотря на великій талантъ Жуковскаго, мало привилась въ нашей жизни. Поэтъ остался для насъ дорогъ какъ поэтъ истинный, но тихо-грустное вѣяніе его пѣсней, туманныя порыванія въ даль встрѣтили себѣ отпоръ въ нашемъ здоровомъ юморѣ или тотчасъ же доведены были до послѣднихъ границъ смѣшнаго русскою послѣдовательностью, дошли до комическаго въ *наивныхъ* повѣстяхъ, романахъ и драмахъ Полевого, котораго «Блаженство безумія», «Аббадона» и «Угольно», въ этомъ отношеніи факты драгоцѣннѣйшіе.

Крайность развитія этой стороны романтизма необходимо вызвала и реакцію.

Было время и притомъ очень недавнее, когда все романтическое безъ различія клеймилось насмѣшкою, когда мы всѣ пытались казнить въ себѣ самихъ то, что называлось нами романтизмомъ, и что гораздо добросовѣстнѣе будемъ называть началомъ тревожнаго порыванія, тревожнаго стремленія, соединеннаго съ давленіемъ и гнетомъ разрушеннаго, но еще памятнаго, еще вліяющаго прошедшаго. Анализируя безтрепетно самихъ себя, мы дошли наконецъ до судорожнаго и болѣзненнаго смѣха тургеневскаго Гамлета Щигровскаго узда надъ тревожнымъ порываніемъ, до совершеннаго невѣрія въ тревожное начало жизни, къ которому приводилъ ана-

лизъ Толстого, до вѣтытокъ положительныхъ успокоеній, которыя выражалъ соборъ вѣселін Островскаго... На чемъ же разрѣшился процессъ нашъ? Вѣзвѣ романтизма, повсюду совершавшаяся во все это время въ обрѣмѣ мысленіи и отражавшаяся во всей современной литературѣ рѣшается однако вовсе не такъ рѣшительно, какъ она начиналась: нѣтъ и въ самое продолженіе борьбы эта казнь представляла собою Эвидное изображеніе змѣя, кусающаго собственный хвостъ. Лическіи анализъ бывалъ часто поворотомъ къ началу; дѣлалось вѣсма у немногихъ изъ насъ доставало послѣдовательности, та основаніи вражды къ тревожному началу, взглянуть какъ о и незаконныя, на многія сочувствія, въ которыхъ мы воспитались. Храбрыхъ въ этомъ дѣлѣ нашлось повторю немного, а тѣмъ, которые нашлись, храбрость ровно ничего не стоила, т. е. они по натурѣ лишены были органовъ для пониманія того, съ чѣмъ другимъ тяжело было разставаться. Многіе храбрились сначала, а потомъ рѣшительно теряли храбрость и возвращались потихоньку къ незаконнымъ сочувствіямъ. Тургеневъ принялся было казнить Рудина, а въ эпилогѣ круто поворотилъ къ апотеозѣ. Голоса, вопіяшіе на Лермонтова за то, что онъ мало уважаетъ своего «Максима Максимыча», нашли мало сочувствія. Толстой, сохраняя всю силу своего безтрепетнаго анализа, впалъ въ переходную, — конечно мы на это крѣпко надѣемся, — но тѣмъ менѣе очевидную апатию мысленія. Писемскій тщетно пытался опозитизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія: ни сила таланта, ни правда манеры, ни новостъ пріемовъ не спасли отъ анти-поэтической сухости его большія, стремившіяся къ цѣлости произведенія.

Въ жару борьбы мы забыли многое что романтизмъ намъ далъ: мы, какъ и самъ выразитель нашего критическаго сознанія, Бѣлинскій, осудили самымъ строгимъ судомъ, предали анафемѣ тридцатые годы нашей литературы.

У насъ въ эти годы, за исключеніемъ Пушкина и вѣсколькихъ лириковъ его окружавшихъ, было конечно немного. Представителями романтизма съ его тревожной стороны были Марлинскій, Полежаевъ и въ особенности Лажечниковъ. Былъ еще представитель могущественный, чародѣй, который творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ, но отъ него кромѣ вѣянія этого дыханія ничего не осталось, и такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутинности въ пріемахъ, что о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю Мочалова, великаго актера, имѣвшаго огромно моральное вліяніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго, — Мочалова, слѣдъ

котораго остался только въ памяти его поколѣній, да въ пламенныхъ и высокопоэтическихъ страницахъ Бѣлинскаго объ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный человекъ, который въ ту эпоху стоялъ съ Мочаловымъ въ уровень богатствомъ романтическихъ элементовъ въ душѣ, Лажечниковъ, не лаваль ему никакой пищи, потому что писалъ романы а не драмы: эпохи новой, эпохи типовъ гениальный выразитель не дождался, и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ матерьяловъ, творилъ, впагая въ скучныя формы свое душевное богатство.

Для людей, отвыкшихъ отъ казенщины въ мысли и чувствахъ, будетъ поэтому нисколько не странно, что имя трагика Мочалова попало въ критическую статью о литературѣ: это слѣжалось потому же самому, почему имя Грановскаго, оставившаго по себѣ очень скучныя письменныя, литературныя слѣды, займетъ самое значительное мѣсто въ очеркахъ другой литературной эпохи, тогда какъ множество много-писавшихъ господъ будутъ упомянуты только по именамъ. Какъ съ Грановскимъ сливается цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ Мочаловымъ сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни — и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Бѣлинскій, какъ воплощенное критическое сознаніе эпохи, можетъ-быть сильнѣе всѣхъ подвергался вліянію этой стороны романтическаго вѣянія. Можно сказать, что оно наполняло всю его страстную душу въ періодъ отъ 1834 года, отъ ряда статей «Литературныя мечтанія» до 1838 года, когда онъ въ «Наблюдателѣ зеленаго цвѣта» сдѣлалъ ему послѣднюю прощальную пѣсню въ страстныхъ и великолѣпныхъ «статьяхъ о Гамлетѣ и игрѣ въ немъ Мочалова», на половину уже впрочемъ пропитанныхъ мистическимъ гегелизмомъ, т. е. новымъ видомъ романтизма.

Это «романтическое вѣяніе» съ одной стороны пришло къ намъ извнѣ, но съ другой стороны нашло въ насъ самихъ, въ нашей натурѣ готовыя данины къ его воспріятію. Тяжкую борьбу выдержала съ этимъ бурнымъ вѣяніемъ великая природы Пушкина. Но то, что одолѣлъ Пушкинъ, валь чѣмъ сталъ онъ властелиномъ, что привелъ въ мѣру и гармонию, то другихъ, менѣе сильныхъ, закруживало въ какомъ-то угарѣ — и сколько жертвъ пало закруженныхъ этимъ вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владиміръ Соколовскій, самъ Мочаловъ, Іеронимъ Южный... Есть книги, которыя представляютъ собою для наблюдателя нравственнаго міра такой же интересъ многоговорящей уродливости, какъ остатки допотопнаго міра для геолога. Такая книга напримѣръ, весь Бестужевъ (Марлинскій)

съ шумихой его фразъ, съ насильственными порывами безумной страстности — совершенно ненужными, потому что у него было достаточно настоящей страстности, съ дѣтскими промахами и широкими замазками, съ зародышами глубокихъ мыслей... Его уже нельзя читать въ настоящую эпоху — потому что онъ и въ своей эпохѣ промелькнулъ метеоромъ; но тѣ элементы, которые такъ живо бушуютъ въ Амагаль-бекѣ, въ его безконечно тянущемся Муланурѣ, въ цмъ же, только сплоченными мочучею властительною рукою художника, любуетесь въ созданіяхъ Лермонтова.

Оцѣненіе Бѣлинскаго къ этому, въ 1834 году еще модному, еще любимому писателю истинно изумительно и наводитъ на многія размышленія. Оцѣнка Марлинскаго Бѣлинскимъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» несравненно выше и вѣрнѣе оцѣнки Марлинскаго имъ же въ «Отечественныхъ Запискахъ» сороковыхъ годовъ. Въ ней дорого то, что Бѣлинскій тутъ еще самъ романтикъ — да и какой еще! романтикъ французскаго романтизма! тогда какъ въ сороковыхъ годахъ, перешелши горнило гегелизма правой стороны и отрицавши эту форму — онъ уже относится къ Марлинскому съ слишкомъ отдаленной и эпохѣ Марлинскаго чуждой высоты требованій.

Къ этой оцѣнкѣ почти нечего прибавить и въ наше время, какъ къ чисто-художественной; слѣдуетъ только помягнуть ее тамъ, гдѣ наше сознаніе выросло до болѣе яснаго разумѣнія. Но общій тонъ ея до сихъ поръ и вѣренъ и дорогъ, несмотря на то, что Бѣлинскій является здѣсь фанатическимъ поклонникомъ лицъ, подобныхъ Феррагюсу и Монриво, и что самъ онъ потомъ съ такою же наивною яростью преслѣдовалъ поклоненіе этимъ призракамъ, перенося озлобленіе верфита гегелиста на всю французскую литературу...

Вотъ этотъ фактъ, этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ Бѣлинскомъ, въ представителѣ критическаго сознанія цѣлой эпохи, и важенъ въ высочайшей степени. Мы замѣтять, что Пушкинъ никогда не увлекался юной французской словесностью, а умѣлъ между тѣмъ оцѣнить въ ней перлъ дарованія А. де Мюссе, — но Пушкинъ пережилъ уже тревожное вліаніе поэзіи, поэзіи Байрона — и юная французская словесность застала его уже въ зрѣлую эпоху развитія. Мы замѣтять, что И. В. Кирѣевскій, авторъ пердаго философскаго взгляда на нашу литературу, остался чуждъ этому вліанію, равно какъ и его кружокъ; но Кирѣевскій и его кружокъ были чистые теоретики, таковыми остались и такими окончательно являются. На натуры живыя, подобныя натурамъ Наполеона и Бѣлинскаго, это вѣяніе должно было сильно подѣйствовать. На

натуры. богато одаренныя художественными силами, но недостаточно зрѣлыя, какъ натура Полежаева, или недостаточно гармоническія, какъ натура Лажечникова, это вѣяніе опять-таки должно было дѣйствовать сильно. Кто изъ насъ, дѣтей той эпохи, ушолъ изъ-подъ этого вѣянія?

Тѣмъ болѣе, что вліяніе-то было сильное. Вѣдь «Notre-Dame» Виктора Гюго расшевелила даже старика Гёте — и понятно почему; на что онъ слегка намекнулъ въ своей «Мирнонѣ», то геніальный уродъ, какъ долго титуловали мы великаго поэта, развилъ до крайнѣхъ предѣловъ поэтическаго въ своей Эсмеральдѣ! Вѣдь и перъ еще надобно большія, напряженныя усилія дѣлать надъ собою, чтобы начавши читать «Notre-Dame», не забрести, искренне не зазести виѣсть съ голоднымъ поэтомъ Пьеромъ Гренгуаромъ за цыганочкой и ея козочкой въ Cour des miracles; не увлечься потомъ до страстнаго сочувствія судьбою бѣдной мушки, надъ которой вѣтъ сѣтъ злой наукъ-судьба; не прокливать этого злого паука съ другою его жертвою Клавіемъ Фролло; удержаться отъ головокруженія и проч. и проч. И вѣдь право, тотъ лирическій восторгъ, съ которымъ одинъ изъ нашихъ тогдашнихъ путешественниковъ, нынѣ едва ли помнящій или даже можетъ-быть постаравшійся забыть эти впечатлѣнія, описывалъ въ «Телескопѣ» свое восхожденіе на башни «Notre-Dame» и свое свиданіе съ В. Гюго, гораздо понятнѣе той принужденной и сочиненной холодности или того величественнаго презрѣнія, съ которымъ долго говорили мы о геніальномъ произведеніи и о самомъ геніальномъ поэтѣ. Да и не Гюго одинъ; въ молодыхъ повѣстяхъ, безнравственныхъ драмахъ А. Дюма, разнѣвававшегося въ послѣдствіи на «Монте-Кристо» и «Мушкетеровъ», бьетъ такъ лихорадочно пульсъ, клопочетъ такая дава страсти, хоть бы въ маленькомъ рассказѣ: «Маскерадъ» или въ драмѣ «Антони» (а надобно припомнить еще, что въ «Антони» мы видѣли Мочалова — да и какого Мочалова!) что потребна и теперь особенная крѣпость нервовъ для того, чтобы эти вѣянія извѣстнымъ образомъ на насъ не подѣйствовали. Скажу болѣе — они, эти вѣянія, должны были быть пережиты всѣмъ отъ романовъ Гюго до «Мертваго осла и обезглавленной женщины» Ж. Жанена... Эти вѣянія отразились и притомъ отразились двойственно, созидательно съ одной стороны и разрушительно съ другой, на дѣятельности полнѣйшей и даровитѣйшей художнической натуры тридцатыхъ годовъ — Лажечникова.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перейдя бездну, лежащую между написанными въ карамзинскомъ духѣ «Воспоминаніями офицера» и послѣдующими романами, натура богатая бесознательнымъ чувствомъ, женственно-страстною впечатлительностью, но положитель-

но лишонная самообладанія, Лажечниковъ, подъ вліяніемъ вѣявія, возвысившійся до «Ледяного дома» и «Бусурмана», переживши вѣяніе, отдавши ему дань — упалъ до «Бѣленькихъ и червенькихъ», до драмы «Еврейка» и проч.

Поразительнѣйшее явленіе этотъ огромный талантъ безъ всякаго мѣрила, въ которомъ романтизмъ получилъ русскій характеръ, — талантъ, могущественный до созданія истинно-народныхъ типовъ и безтактно сопоставляющій съ этими типами фигуры сумазбродныхъ художниковъ à la Кукольникъ, сладкихъ мечтателей à la Полевой. Но о немъ и его значеніи уже достаточно говорилъ я во второй главѣ моего изслѣдованія.

Другимъ яркимъ представителемъ этой эпохи былъ Полежаевъ, великое, погибшее дарованіе, о которомъ уже говорено въ этой статьѣ по поводу байронизма и о которомъ еще болѣе необходимо говорить, когда начинаешь вести рѣчь о нашемъ романтическомъ броженіи.

Въ самомъ дѣлѣ взгляните пристальнѣе въ ту поэтическую фантомію, которая встаетъ изъ-за отрывочныхъ, часто небрежныхъ, но мрачныхъ и пламенныхъ пѣсенъ Полежаева, и вы признаете то лицо, которое устами Арбенна говоритъ:

На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятя
Для чувствъ и счастья земли.

Только Лермонтовъ уже прямо и безтрепетно начинаетъ съ того, чѣмъ безнадежно и отчаянно кончилъ Полежаевъ, — съ положительной невозможности процесса нравственного возрожденія. О чемъ Полежаевъ еще стонетъ, если не плачетъ, о томъ Лермонтовъ говоритъ уже съ холодной и иронической тоской. Полежаевъ, рисуя мракъ и адъ собственнаго душевнаго міра, говоритъ:

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго творца,
Удѣлъ ихъ, — грусть, отчаянье, отрада,
А жизнь — мученье безъ конца,

и описывая судъ, совершившійся надъ падшими духами, кончаетъ такъ:

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созавья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучить ихъ и жечь безъ состраданья
Печать проклятья на челѣ.
Напрасно ждутъ преступные свободы.

Они противны небесамъ —
 Не долетитъ въ объятія природы
 Ихъ недостойный «ниміамъ».

Дерматовъ безъ страха и угрызеній, съ ледяной ироніей становится на сторону тревожнаго, отрицательнаго начала въ своемъ «Демонѣ» и въ своей «Сказкѣ для дѣтей»; онъ съ ядовитымъ наслажденіемъ идетъ объ руку съ мрачнымъ призракомъ, имъ же вызваннымъ, видитъ вмѣстѣ съ нимъ,

. съ невольною отрадой
 Преступный сонъ подъ стѣною палатъ,
 Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
 И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рялъ;

ловить какъ этотъ же зловѣщій призракъ

. блуждающіе звуки,
 Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки.

подслушиваетъ «въ молитвахъ — упрекъ»

Въ бреду любви безстыдное желанье,
 Вездѣ обманъ, безумство или страданье.

Состояніе духа, конечно болѣе послѣдовательное, но едвали не болѣе насильственное, нежели дрожь и вновь страданія и страха, смѣшанные съ неукротимую страстностью и гордостью отчаянія, которые слышны въ лежаевскихъ звукахъ.

Мрачныя, зловѣщія предчувствія, терзаншія душу Полежаева, вырывали порою изъ души его энергическіе стоны вродѣ пьесы «Осужденный» въ особенности ея начала:

Я осужденъ къ позорной казни,
 Меня законъ приговорилъ;
 Но я печальный мракъ могилъ
 На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
 Окончу дни мои какъ жилъ.
 Къ чему раскаянье и слезы
 Передъ безчувственной толпой,
 Когда назначено судьбой
 Миѣ слышать вопли и угрозы
 И гулъ проклятій за собой?
 Давно душой моей мятежной
 Какой-то демонъ овладѣлъ
 И я зловѣщій мой удѣлъ,
 Неотразимый, неизбѣжный,

Въ дали туманной усмотрѣлъ...
 Не розы свѣтлаго пароса,
 Не ласки Гурій въ тишинѣ,
 Не искры яхонта въ вивѣ,
Но смерть, сѣкиры и колеса
Всегда мнѣ грезились во снѣ.

(Стихотворенія Полежаев. Москва 1857 г. стр. 59, 60.)

Эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, звучащія стономъ и трепетомъ ужаса, совершенно понятны будутъ, если читатели припомнятъ обстановку, изъ которой вышелъ Полежаевъ. У Лермонтова такъ же выдалутся впоследствии эти мрачныя, зловѣщія предчувствія, но самый канискій трепеть получить у него что-то в извѣстное и вмѣстѣ могущественное въ стихотвореніи «Несмѣйся вальмой пророческой тоскою» или въ другомъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
 Гляжу на прошлое съ тоской,
 И какъ преступникъ передъ казнью
 Ищу кругомъ души родной.

У Лермонтова все оледенится, застынетъ въ суровой и жестокой гордости. Онъ съ наслажденіемъ будетъ, вмѣстѣ съ своимъ Арсеніемъ, всматриваться въ смерть и разрушеніе:

Но приближаясь видитъ онъ
 На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
 Чернѣющій слезами прахъ
 И ткани паутины сѣдыхъ
 Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ...
 Тогда въ окно свѣтлицы той
 Упалъ заката лучъ златой,
 Играя. На поверъ цвѣтвой
 Арсеній голову сложили...
 Но вдругъ затряся, отсочилъ
 И вскрикнулъ, будто на змѣю
 Поставилъ онъ пату свою.
 Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
 Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль или взглядъ
 Въ него проникъ смертельный адъ.
Громаду бѣлую костей
И жолтый черепъ безъ очей
Съ улыбкой вѣчной и ямой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Шлець бѣломраморныхъ краса

*Разсыпавшись въ суживе костямъ
Кой идъ прилипла, и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось оживой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ.*

Уже и по одному такому многозначительному мѣсту, мы всѣ были вправѣ видѣть въ поэтѣ, что онъ самъ въ себѣ провидѣлъ, т. е. «не Байрона, а другого, еще невѣдомаго избранника» и притомъ «съ русской душой», ибо только русская душа способна дойти до такой безошаднѣйшей послѣдовательности мысли или чувства, въ ихъ приложеніи на практикѣ, и отъ этой трагической, еще мрачной безтрепетности — одинъ только шагъ до простыхъ отношеній графа Толстого къ идеѣ смерти и до его безошаднаго анализа этой идеи, или даже до разсказовъ извѣстнаго разсказчика о смерти старухи, или о плачѣ барыни о покойномъ мужѣ — разсказовъ, въ которыхъ въ самой смерти уловлено и подмѣчено то что въ ней можетъ-быть комическаго. А между тѣмъ безтрепетность Лермонтова есть еще романтизмъ, выходитъ какъ уже сказано, изъ состоянія духа болѣе послѣдовательнаго, но зато болѣе насильственнаго чѣмъ настроеніе полежаевское въ пѣсняхъ «Черная коса», «Мертвая голова» и проч.

Ледяное, ироническое спокойствіе Лермонтова — только кора, которою покрылся романтизмъ, да и кора эта иногда спадаетъ, какъ напримѣръ въ пѣсняхъ «къ ребенку», «1 января», гдѣ поэтъ, измѣняя своей искусственной холодности, плачетъ искренно, уносясь въ своего рода «Dahin!» въ романтическій міръ воспоминаній:

*И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться памятью, къ недавней старинѣ,
Лечу я вольной, вольной птицей,
И вижу я себя ребенкомъ и кругомъ
Родныя всѣ мѣста, высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернуть сиящій прудъ,
А за прудомъ село дымится и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ алею темную вхожу я, сивозъ кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами
И странная тоска тѣснить ужъ грудь мою.
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурнаго огня,*

Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
За рощей первое сіянье!

Подобнаго рода порывы тоскующаго глубоко и искренне чувства рѣдкіе у Лермонтова, постоянно встрѣчающіеся у Полежаева («Черные глаза», «Зачѣмъ задумчивыхъ очей»), нашли для себя особенный голосъ впоследствии въ поэтѣ: «Монологъ» «Дилжанса» и другихъ дышащихъ глубокою и неподдѣльною скорбію стихотвореній, въ поэтѣ, который несмотря на безыскусственность и небрежность своихъ пѣсней, занимаетъ очень важное мѣсто въ исторіи нашего душевнаго броженія, какъ искреннѣйшій поэтъ скорбей своего поколѣнія, выразитель хотя и однообразный, но глубокой его задушевнѣйшихъ стонувъ...

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Основныя преобразованія судебной части въ Россіи. — Рѣчь волостного старшины. — Хитрая барыня. — Введеніе уставныхъ грамотъ. — Вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. — Экономическая будущность Россіи. — Земско-хозяйственныя учрежденія. — Кошерный сборъ. — Рекрутскій наборъ. — Золотое дѣло. — Акціонерныя дѣла. — Николаевская желѣзная дорога. — Непостижимыя исторіи.

Громаднѣйшій переноротъ готовится въ судьбѣ Россіи, переворотъ радикальный, охватывающій всю нашу внутреннюю жизнь, преобразование, которое по огромной важности своей почти равняется освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Переворотъ еще только готовится, но главныя основанія его уже утверждены, упрочены за Россіей. Двадцать девятого сентября высочайше утверждены основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи въ смыслѣ самыхъ серьезныхъ улучшеній. Эти основныя положенія еще не введены въ жизнь: правительство еще работаетъ надъ составленіемъ законоположеній сообразно съ утвержденными началами, еще будутъ приняты переходныя мѣры, при помощи которыхъ совершится окончательное вступленіе Россіи въ новую, юридически-полноправную жизнь, и срокъ этихъ мѣръ еще неизвѣстенъ; еще самый текстъ законоположеній можетъ имѣть вліяніе на степень дѣйствительности основныхъ положеній; но правительство обнародовало эти положенія, и тѣмъ исполнило пламеннѣйшія желанія всѣхъ любящихъ Россію. Будемъ теперь съ нетерпѣніемъ ждать обѣщанныхъ преобразованій, зная очень хорошо, что существующіе теперь такъ-называемые порядки судебной части признаются неудовлетворительными не только частными людьми, но и самымъ правительствомъ. Это неудовлетворительное существуетъ пока мѣсть, но всякій видитъ очень хорошо, что это не куклолка, изъ

которой должна вывестись бабочка, что ожидаемый теперь порядокъ не только не похожъ на вынѣшій, какъ бабочка не похожа на куколку, но и не имѣетъ съ нимъ ровно ничего общаго, тогда какъ органы куколки все прямо и непосредственно переходятъ въ органы бабочки.

Переворотъ въ судебной части у насъ произойдетъ полнѣйшій: новое выработается не изъ стараго, феникъ сгоритъ до тла и прахъ его развѣется вѣтромъ, а на мѣсто его лягнетъ не феникъ, а нѣчто совершенно другое.

Основанія новаго судоустройства могутъ быть выражены въ четырехъ пунктахъ:

1) Власть судебная *отдѣляется* отъ исполнительной, административной и законодательной.

2) Судебныя засѣданія для рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ происходятъ *публично* въ присутствіи тяжущихся, обвиняемыхъ, свидѣтелей и *постороннихъ лицъ* (§ 60).

3) Каждое окончательное рѣшеніе состоявшееся публично можетъ быть *напечатано* какъ самимъ судомъ, такъ и частными лицами и обсуждаемо ими послѣдними въ юридическихъ журналахъ, съ сохраненіемъ должнаго къ суду и его членамъ уваженія. (§ 62)

4) *Различіе подсудности* по сословіямъ *отмѣняется*. (§ 17)

Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда тѣхъ засѣданій, которыя у насъ теперь называются судами, и правительство, принимая эти четыре пункта, крайне огорчаетъ тѣхъ убогихъ публицистовъ, которые увѣряютъ, будто всякая новал мѣра должна постепенно вытекать изъ старыхъ, укрьпившихся временемъ и обычаями формъ. Какимъ образомъ изъ канцелярской тайны можетъ произойти публичность? Какъ изъ зависимости судебной власти отъ администраціи произойдетъ независимость? Какъ изъ различія подсудности могла бы произойти отмѣна этого различія? Конечно, правительство предупреждаетъ насъ, что будетъ переходное время, но это будетъ только «опредѣленный порядокъ постепеннаго введенія въ дѣйствіе новыхъ уставовъ и положеній.» Само собою разумѣется, что невозможно въ одинъ день установить по цѣлой Россіи и мировыхъ судей, и окружные суды, и присяжныхъ засѣдателей, и судебныя палаты, и присяжныхъ повѣренныхъ; на все это нужно время, но кто же не видитъ, что благо Россіи зависитъ отъ того, чтобы это время было какъ можно короче, и чтобы новые уставы и положенія не имѣли ни малѣйшаго сходства со всемъ существовавшимъ. Остается только громко пожалѣть тѣхъ подсудимыхъ и тяжущихся, которые будутъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ съ судебною властью втеченіе всего времени отъ 29 сентября до окончательнаго введенія въ дѣй-

ствіе новыхъ уставовъ и положеній, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ положеніе измѣнится къ величайшей выгодѣ всѣхъ привлеченныхъ или прибѣгающихъ къ суду. Начиная съ бѣднака, подозреваемого въ убійствѣ, до счастливаго, отыскивающего полтора миліона наслѣдства, всѣ почувствуютъ величайшее облегченіе своей участи.

«Власть обвинительная отдѣляется отъ судебной.» Прокуроръ преслѣдуетъ обвиняемого, но судить его не можетъ. На это учреждается особенная судебная власть, которая безъ всякаго участія властей административныхъ разсматриваетъ уголовныя дѣла и постановляетъ приговоры. Въ публичномъ засѣданіи суда доказательства, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, повѣряются и дополняются. Въ основныхъ положеніяхъ преобразования у насъ судебной части не видно въ какой мѣрѣ будутъ измѣнены правила о предварительныхъ слѣдствіяхъ, и будетъ ли попрежнему подозрѣваемымъ сидѣть цѣлые годы въ острогѣ, ожидая окончанія предварительнаго слѣдствія. Если предварительное слѣдствіе остается безпредѣльно въ рукахъ администраціи, то не останется ли въ дѣлахъ прежней медленности и прежняго административнаго произвола? Въ главѣ «о дознаніяхъ и предварительныхъ слѣдствіяхъ» сказано, что полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ, а потомъ учиненное полиціею дознаніе передается ею непосредственно мѣстному судебному слѣдователю. Полиція, при производствѣ дознанія, можетъ задерживать подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ только въ случаяхъ законами опредѣленныхъ, и по задержаніи кого-либо, должна немедленно увѣдомить о семъ судебного слѣдователя и прокурора. Далѣе судебный слѣдователь приступаетъ къ предварительному слѣдствію: 1) по требованіямъ прокуроровъ, 2) по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, 3) по жалобамъ и объявленіямъ частныхъ лицъ и 4) по собственному усмотрѣнію. Въ «основныхъ положеніяхъ» мы не могли отыскать опредѣленія степени зависимости судебного слѣдователя отъ администраціи. Въ судебномъ слѣдователѣ заключается весь ключъ будущаго устройства судебной части, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что недавно введенныя правила о судебныхъ слѣдователяхъ должны будутъ быть точно такъ же радикально измѣнены, какъ и всѣ законы, касающіеся судебной части. При нынѣшнемъ положеніи вещей судебный слѣдователь иногда долженъ начать двадцать слѣдствій въ одинъ день, на другой день пятнадцать, на третій семьнадцать, въ разныхъ частяхъ уѣзда, и т. д. Понятно, что въ слѣдствіяхъ нельзя ожидать особенной быстроты; законъ и не опредѣлялъ никакого срока на производство слѣдствій, что было бы даже

невозможно по самой сущности дѣла. Стало-быть ожидаемый законъ измѣнить также и положеніе судебныхъ слѣдователей, въ видахъ точнѣйшаго опредѣленія ихъ отношеній и степени ихъ независимости отъ администраціи.

Участь челоѣка, попавшаго подъ предварительное дознаніе, обезпечена только въ томъ отношеніи, что онъ непремѣнно долженъ быть допрошенъ втеченіи сутокъ. Но что будетъ за тѣмъ и какъ будетъ производиться дознаніе, и чѣмъ обезпеченъ подозрѣваемый, что предварительное дознаніе не будетъ продолжаться нѣсколько лѣтъ, — это покажетъ еще неизвѣстно и разъяснится впоследствии. Но когда судебный слѣдователь признаетъ предварительное слѣдствіе оконченнымъ, онъ представляетъ его прокурору окружнаго суда. Если прокуроръ найдетъ, что подозрѣваемый долженъ быть преданъ суду, то онъ составляетъ обвинительный актъ, который предъявляется судомъ обвиняемому, съ предоставленіемъ ему указать, кого онъ признаетъ нужнымъ вызвать въ судъ къ судебному слѣдствію и кого избираетъ своимъ защитникомъ. Обвиняемый и его защитникъ могутъ требовать выдачи имъ копія съ обвинительнаго акта и рассмотреть подлинное слѣдствіе въ канцеляріи суда подъ надлежащимъ надзоромъ. Затѣмъ судебное публичное засѣданіе начинается чтеніемъ обвинительнаго акта. Обнаруженныя при предварительномъ слѣдствіи доказательства повѣряются и дополняются въ судѣ: 1) рассмотрѣніемъ полныхъ протоколовъ объ осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствахъ, и 2) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдующихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Для полнаго разъясненія дѣла, въ допросахъ и преніяхъ на судѣ принимаютъ участіе прокуроръ, подсудимый, его защитникъ и лицо, потерпѣвшее отъ преступленія. Члены суда и присяжные засѣдатели могутъ требовать разъясненій; послѣднее слово въ преніяхъ на судѣ принадлежитъ всегда обвиняемому или его защитнику. Потомъ предсѣдатель суда вручаетъ старшему присяжному засѣдателю письменные вопросы: 1) о дѣйствительности событія, подавшаго поводъ къ обвиненію и 2) о винѣ или невинности подсудимаго по предметамъ обвиненія. Присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго.

Такимъ образомъ всякому подсудимому обезпечено справедливое рѣшеніе его дѣла, съ той минуты, какъ онъ преданъ суду; но во все время предварительнаго слѣдствія, то-есть въ самое тяжкое для обвиняемаго время онъ будетъ находиться въ такихъ же точно

обстоятельствахъ, какія существуютъ и теперь, если ожидаемыми законоположеніями это не будетъ измѣнено.

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены также правила о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ по службѣ. Наложене на должностныхъ лицахъ взысканій административнымъ порядкомъ, за упущенія по службѣ, производится на прежнемъ основаніи. Но когда начальство передаетъ обвиняемаго суду, то оно обязано привести всѣ предметы обвиненія въ такую ясность, чтобы постановленіе о преданіи суду служило обвинительнымъ актомъ, и чтобы судебному мѣсту можно было приступить въ его засѣданіи прямо къ судебному слѣдствію. Затѣмъ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ производятся въ судебныхъ мѣстахъ и кассационныхъ департаментахъ сената по общимъ правиламъ уголовного судопроизводства. Въ подробныхъ уставахъ и положеніяхъ конечно будутъ опредѣлены права лица, напрасно обвиняемаго въ преступленіи по службѣ. У насъ прежде нерѣдко простая минутная прихоть начальника отдавала подчиненнаго подъ судъ; затѣмъ по суду подчиненный оказывался ни въ чемъ ни душой ни тѣломъ не виноватымъ. Но дѣло было уже совершенно-непоправимо, точно такъ же какъ непоправимо лишеніе жизни. За пребываніе подъ судомъ, несмотря ни на какое блистательнѣйшее оправданіе подсудимаго, на доказательство совершенной его невинности, онъ лишается службы, теряетъ свою карьеру, теряетъ право на пенсію. Неизвѣстно, будетъ ли въ подробныхъ уставахъ и положеніяхъ постановлено что-нибудь въ огражденіе подчиненныхъ отъ произвола начальства и чѣмъ подчиненный будетъ огражденъ: преданіемъ ли суду неправильно обвинившаго начальника, или денежнымъ штрафомъ, или чѣмъ другимъ, или будутъ отмѣнены всѣ послѣдствія исправительнаго обвиненія и безвиннаго нахождения подъ судомъ.

По гражданскому судопроизводству преобразованіе производится тоже радикальное. Гражданское судопроизводство будетъ гласное, такъ что Россія наконецъ будетъ избавлена отъ безконечнаго многописанія, отъ такихъ объемистыхъ дѣлъ, которыя трудно увезти на двухъ возахъ. Канцелярская тайна, источникъ тысячи злоупотребленій, уничтожается. Тяжущимся и ихъ повѣреннымъ открывается свободный доступъ къ обзорѣнью судебного производства, и никакое дѣйствіе, показаніе или требованіе одной стороны не должно быть скрываемо отъ другой. Всѣ необходимыя для разъясненія дѣла свидѣнія и справки собираются самими тяжущимися и судъ не входитъ по этому предмету ни въ какую переписку съ другими мѣстами и лицами, но выдаетъ тяжущимся, по просьбѣ ихъ, свидѣ-

тельства для полученія этихъ справокъ и свѣдѣній. Число подаваемыхъ тяжущимся состязательныхъ бумагъ ограничивается четырьмя: по двѣ для каждой стороны. Затѣмъ докладъ будетъ производиться въ публичномъ засѣданіи суда не секретаремъ, а однимъ изъ членовъ. По объясненіи докладчиковъ сущности дѣла, начинается состязаніе сторонъ. По окончаніи словеснаго состязанія, предсѣдатель излагаетъ вкратцѣ сущность дѣла и требованія сторонъ, и за тѣмъ судъ постановляетъ рѣшенія по общимъ правиламъ.

Нѣтъ возможности въ короткихъ словахъ передать всѣ тѣ подробности ожидаемаго преобразованія судебной части, которыя изложены въ «Основныхъ положеніяхъ.» Читатели наши, безъ сомнѣнія, прочитали въ подлинникѣ «Основныя положенія». Теперь приняты мѣры для составленія подробныхъ уставовъ и положеній, для чего и составлена въ государственной канцеляріи особая комиссія. Теперь она собираетъ свѣдѣнія о составѣ, кругѣ дѣйствій и дѣлопроизводствѣ различныхъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ это необходимо имѣть въ виду для точнаго и успѣшнаго окончанія всего вообще поручаемаго комиссіи дѣла, особенно по составленію проектовъ, касающихся судоустройства. Само собою разумѣется, что комиссія извѣстень и кругъ дѣйствій и дѣлопроизводство различныхъ судебныхъ мѣстъ, какъ извѣстно это всякому, читавшему Сводъ Законовъ; но надо полагать, что комиссія наводитъ справки о личномъ составѣ судовъ и о количествѣ въ нихъ дѣлъ, чтобы сообразно съ этимъ опредѣлить въ какой мѣрѣ нужны намъ образованные юристы въ особенности и образованные люди вообще, — стало-быть въ какой мѣрѣ необходимы намъ университеты и еще университеты.

Громадное дѣло возложено на комиссію. И нельзя не порадоваться, что ей предоставлено приглашать въ свои засѣданія юристовъ, «замѣчанія коихъ могутъ принести пользу при предварительномъ обсужденіи работъ.» Къ участию въ засѣданіяхъ будутъ призваны также нѣкоторые предсѣдатели или товарищи предсѣдателей судебныхъ палатъ, предсѣдатели коммерческихъ судовъ и прокуроры, и *нѣкоторыя другія лица.* Само собою разумѣется, что чѣмъ больше будетъ этихъ лицъ, до извѣстнаго предѣла, тѣмъ многостороннѣе будетъ обсужено дѣло, тѣмъ прочнѣе установится вновь вводимый порядокъ, тѣмъ меньше впоследствии потребуется перемѣнъ и тѣмъ съ большею благодарностью Россія приметъ новые суды, и тѣмъ охотнѣе предастъ своему обычному великодушному забвенію старое.

Объ этомъ весьма наивно и дѣльно выразился волостной стар-

шиша Иванъ Никитинъ, на обѣдѣ, который онъ давалъ въ день тезоименитства императора, у себя дома, въ боровскомъ погостѣ великолудскаго уѣзда (исков. губ.) Народъ обѣдалъ на дворѣ, а мировой посредникъ и сосѣдніе помѣщики въ домѣ у старшины. Во время обѣда Иванъ Никитинъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующими словами: «милостивые государи, забудемъ старыя наши отношенія въ крѣпостномъ правѣ, и будемъ жить пососѣдски. Вы не забывайте насъ, не чуждайтесь насъ, а мы васъ не забудемъ.» Въ этихъ словахъ заключается окончательная ликвидація крѣпостного права: забудемъ крѣпостныя отношенія, но людей, бывшихъ съ нами въ этихъ отношеніяхъ, не забудемъ и не оставимъ; дѣло только въ томъ, чтобы они насъ не чуждались, а сблизились бы съ нами, да не совершали бы продѣлокъ вродѣ той, которая случилась недавно въ новоржевскомъ уѣздѣ.

Тамъ, именно въ третьемъ мировомъ участкѣ (посредникъ Крепицынъ), нѣкоторая помѣщица, имя которой скромно умалчивается въ «Сѣверной Почтѣ», запродала постороннему лицу часть усадебной земли, принадлежащей временно-обязаннымъ крестьянамъ, на ея землѣ поселенымъ, да кстатѣ запродала и бывшій въ постоянномъ ихъ пользованіи прогонъ для скота. Все это совершилось послѣ обнаруженія положеній объ освобожденіи крестьянъ. Запроданныя мѣста были надлежащимъ образомъ загорожены, и новыя владѣльцы стали стѣснять крестьянъ. Къ счастью мировой посредникъ не далъ себя обойти и привелъ надлежащее толкованіе закона, по которому запродажа владѣльцемъ постороннимъ лицамъ земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, не должна служить основаніемъ къ отрѣзкѣ этихъ земель отъ крестьянскаго надѣла. Такимъ образомъ помѣщицѣ не удалось обмануть крестьянъ и мирового посредника, да въ добавокъ она еще будетъ вѣдаться судомъ съ людьми, купившими у нея крестьянскія земли, да еще судомъ прежнимъ, основаннымъ на канцелярскихъ тайнствахъ и поощреніи бумажныхъ фабрикантовъ.

Уставныя грамоты вводятся и представляются чрезвычайно медленно. Срокъ, назначенный положеніями для составленія грамотъ самими помѣщиками, уже давно кончился и близокъ къ окончанію срокъ, опредѣленный для повсемѣстнаго введенія грамотъ. Помѣщики верѣлко представляютъ посредникамъ уставныя грамоты, несогласныя съ положеніями. Чтобы покончить съ ними, распоряженіемъ министерства постановлено не возвращать болѣе такія грамоты помѣщикамъ для исправленія, съ тѣмъ, чтобы ихъ исправляли или составляли вновь уже сами мировые посредники.

Къ началу прошедшаго сентября всего представлено 71,212 уста-

яных грамотъ , и изъ нихъ введено въ дѣйствіе только 39,371. Крестьяне, обладающіе уже дѣйствующими уставными грамотами, составляютъ нѣсколько болѣе третьей доли (именно 37½ процен- товъ) общаго числа временно-обязанныхъ крестьянъ. Но дѣло въ томъ , что когда нужно , мы умѣемъ и поторопиться. По этому можно надѣяться , что къ назначенному сроку , до истеченія котораго остается еще около полугода , грамоты будутъ введены въ дѣйствіе повсемѣстно.

Впрочемъ есть уже много мировыхъ участковъ , въ которыхъ всѣ до одной грамоты и составлены и введены уже въ дѣйствіе. Такихъ мировыхъ участковъ пятьдесятъ два. Есть даже цѣлые два уѣзда , въ которыхъ введены всѣ грамоты.

И тогда Россія окончателъно вступитъ въ періодъ вольнонаем- наго труда , и тогда только начнетъ мало-помалу уясняться наша экономическая будущность. Теперь уже многіе помѣщики сократили свою запашку и обрабатываютъ меньшее противъ прежняго коли- чество земли. Между прочимъ это видно изъ одной замѣчательной статьи , помѣщенной въ калужскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Статья эта составлена изъ свѣдѣній , присланныхъ тринадцатю ми- ровыми посредниками , и потому достоверность фактовъ , въ ней со- общаемыхъ , не можетъ подлежать сомнѣнію. Оказывается , что вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ далеко не даетъ тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ , какіе отъ него ожидались. Обработка земли обходится помѣщикамъ такъ дорого , что не оку- пается произведеніями земли , или едва окупается. Поэтому помѣ- щики обрабатываютъ лишь лучшія свои земли , а остальные отдаютъ въ наемъ крестьянамъ. Желających нанимать земли весьма много , такъ что рапахиваются старыя залежи , запущенныя по негод- ности.

Теперь оказывается несомнѣннымъ , что наше сельское хозяй- ство должно по необходимости измѣниться радикально , сообразно съ происходящимъ радикальнымъ измѣненіемъ нашего сельскаго быта , и что наука должна и здѣсь быть руководительницею насту- пающихъ преобразованій. Теперь оказывается , что мы не имѣемъ понятія о необходимой въ сельскомъ хозяйствѣ расчетливости. Благодаря крѣпостному труду , мы еще не считали , во что намъ са- мимъ обходится четверть хлѣба , и теперь еще надо учиться счи- тать. Бывали примѣры , что помѣщикъ не зналъ куда дѣвать своихъ рабочихъ , на какую работу ихъ поставить , и приказывалъ рыть въ са- ду прудъ , который на другой годъ приказывалъ засыпать. Теперь это- го уже нельзя , потомучто невольно кидается въ глаза итогъ того , во что подобная бесполезная работа обойдется. Но это примѣръ уже

слишкомъ рѣзкій. Цѣны на хлѣбъ устанавливались у насъ безо всякаго отношенія къ тому, во сколько производителю обходится пудъ хлѣба, потому что у производителя не было твердаго основанія для этого расчета. Теперь основаніе есть, и несмотря на нѣкоторую стѣснительность общаго положенія, всякій хозяинъ лучше захочетъ заплатить дорого, но знать сколько именно, чѣмъ блуждать въ хозяйственной мглѣ. Результатъ выходитъ въ высшей степени благопріятный для рациональнаго хозяйства; оказывается, что безъ введенія машинъ, безъ улучшенія породъ скота, безъ прочныхъ каменныхъ построекъ, безъ строжайшей расчетливости помѣщикъ не въ состояніи будетъ соперничать на рынкѣ съ крестьянскимъ хлѣбомъ.

До сихъ поръ наша экономическая дѣятельность вся носила на себѣ печать крѣпостного труда, и не было такой отрасли дѣятельности, на которой не отзывалось бы это учрежденіе, теперь отжившее. Начать съ того, что Россія считалась, и до сихъ поръ считается у нѣкоторыхъ экономистовъ государствомъ, самую природою созданнымъ для земледѣлія. На томъ основаніи, что мы отправляемъ границу ленъ и покупаемъ полотно изъ нашего льну приготовленное, они увѣряютъ, будто такъ всегда и должно быть, и что кромѣ льну, пеньки, хлѣба, кожъ и сала мы никогда ничего не должны производить. Они въ своихъ горемычныхъ трактатахъ, пышно именуемыхъ политическою экономіей, увѣряютъ, будто Россія вѣчно будетъ государствомъ земледѣльческимъ. Восемь мѣсяцевъ зима, восемь мѣсяцевъ земледѣлецъ вынужденъ даромъ ѣсть свой хлѣбъ, — и это страна по преимуществу земледѣльческая? При отсутствіи удобныхъ глубокихъ рѣкъ, въ добавокъ еще полгода покрытыхъ льдомъ — страна земледѣльческая? При зимнемъ пути, по которому на каждой верстѣ твердо стоитъ по двѣсти пятидесяти замороженныхъ волнъ морскихъ, называемыхъ ухабами, и причиняющихъ самому здоровому путешественнику морскую болѣзнь, если не членовредительство — страна земледѣльческая? — Мы не ставемъ, конечно, произносить рѣшительнаго приговора объ экономической будущности Россіи; но никто, конечно, не усомнится, что съ окончательнымъ освобожденіемъ крестьянъ наша дѣятельность приметъ другое направленіе: Россія не останется государствомъ чисто земледѣльческимъ. Понятно само собою, что при существованіи крѣпостного права, помѣщики всего проще могли извлекать изъ своихъ крѣпостныхъ какой-нибудь доходъ при помощи земледѣльческой работы, потому что въ земледѣліи большая часть производительнаго труда возлагается на даровыя силы природы, а то, что приходится на долю человѣка, можетъ быть сдѣлаво

болѣе или менѣе тщательно, безъ рѣзкаго вліянія на болѣе или менѣе обильные результаты. Въ другихъ отрасляхъ промышленности на даровыя силы природы люди расчитываютъ гораздо менѣе, и несравненно большей тщательности требуется отъ человѣческаго труда. Этой тщательности, отчетливости нельзя было ожидать отъ крѣпостного труда. Къ тому еще наша паспортная система и нашъ подушный окладъ привязывали человѣка къ землѣ, такъ что ежели человѣкъ и жилъ внѣ своей общины, то всегда невидимая цѣнь въ видѣ паспортнаго срока привязывала его къ мѣсту рожденія. Съ перемѣною паспортной системы и съ перехода окладовъ съ душъ на имущество исчезнетъ и это стѣсненіе. Тогда, при помощи нѣкоторыхъ облегченій, экономическая дѣятельность наша приметъ свое естественное направленіе, но какое именно, это едва ли кто теперь можетъ сказать на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Въ калужской губерніи, говорятъ, крестьяне охотно нанимаютъ помѣщичьи земли. Прекрасно; они конечно видятъ въ этомъ свои выгоды и извлекаютъ ихъ даже изъ плохихъ, заброшенныхъ участковъ. Но дѣло въ томъ, что навсегда въ такомъ положеніи дѣла остаться не могутъ. Запущенныя за негодностью старыя залежи отъ времени поправляются, но при усиленной разработкѣ истощаются весьма скоро. Приверженцы англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю не хотятъ этого знать, не хотятъ справиться съ земледѣльческою химіей и съ статистикой, и увѣряютъ, будто страна вѣчно можетъ производить хлѣбныя растенія и безнаказанно вывозить свои продукты. Пусть же они справятся, въ какомъ положеніи теперь земли Мэриленда, Кентуки и сѣверной Каролины, считавшіяся плодороднѣйшими на земномъ шарѣ. Они узнаютъ, что эти земли, вслѣдствіе усиленной обработки, потеряли всякую производительность и съ трудомъ родятъ дрянныя сорныя травы. Пусть они спросятъ опытныхъ хозяевъ хотя екатеринославской губерніи, велики ли тамъ средніе урожаи. Они узнаютъ, что самыя пята считается тамъ урожаемъ далеко не самымъ дурнымъ, и что наши великолѣпные черноземы выпахались, такъ что и они уже требуютъ перехода на рациональное хозяйство. Пусть же они заглянутъ въ земледѣльческую химію: тамъ они узнаютъ, что составныя части зерна заключаются въ почвѣ въ очень ограниченномъ количествѣ, что самая богатѣйшая почва наконецъ истощается, если съ нея постоянно увозить эти драгоцѣнныя составныя части; что для поддержанія плодородія эти части должны въ томъ или въ другомъ видѣ возвращаться въ почву, а то на мѣсто плодородія явится наконецъ мерзость заустѣнія. Калужскіе крестьяне знаютъ это все очень хорошо, и если теперь охотно кину-

ливъ на дешовыя помѣщичьи земли, то разумѣется не для того, чтобы поддержать въ нихъ плодородіе, а чтобы извлечь изъ нихъ теперь же какъ можно болѣе продажныхъ продуктовъ. А послѣ — хоть трава тамъ не рости. Послѣ, года черезъ три-четыре необходимо будетъ удобрение, безъ котораго съ выпаханной земли не соберешь и сѣмянъ. А гдѣ взять удобрение, that is the question.

Любители англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю не хотятъ этого знать, и стараются витать въ самыхъ высокихъ и далекихъ отъ дѣйствительности сферахъ, не удостоиваютъ свести счеты съ удобрениемъ, съ навозомъ, съ этой альфой и омегой земледѣлія. Если мы тутъ и сосчитаемъ для нихъ во что обходится въ калужской губерніи возъ навозу, то это не послужитъ имъ въ пользу, потому что они привыкли вертѣться въ софизмахъ подалеже отъ земли и отъ дѣйствительности.

Одинъ англличанинъ, случайно попавшій съ нами въ богатое нѣмнѣе калужской губерніи, въ жиздринскомъ уѣздѣ, въ первый разъ увидѣлъ русскаго пашущаго мужика, и никакъ не хотѣлъ повѣрить, что это онъ на лошади пашетъ. Онъ все старался увѣрить, что это какое-нибудь странное порожденіе чахоточной курицы и отставного козла. Происхожденіе туземныхъ крошечныхъ коровъ должно объясняться такимъ же загадочнымъ чудомъ. Но мы будемъ рассчитывать на скотъ нѣсколько болѣе крупный, напримѣръ корову цѣною рублей въ пятьдесятъ.

Расходъ на нее. Коровы достанетъ круглымъ счетомъ на пять лѣтъ, — она или устарѣетъ, или подохнетъ отъ чумы. Стало-быть надо откладывать каждый годъ по десяти рублей на покупку новой. Это соотвѣтствуетъ ремонту коровы или страховой за нее преміи. Затѣмъ необходимо ее кормить хоропо, чтобы она дала какъ можно больше молока. Для этого въ калужской губерніи дается 200 пудъ сѣна по 8 копѣекъ, всего на 16 рублей. Пастуху за лѣто изойдетъ два рубля. Посыпать въ пойло муки рубля хоть на три въ годъ, да на подстилку употребить 70 пудъ озимой соломы, хоть по пяти копѣекъ, всего на 3 руб. 50 коп. За помѣщеніе и уходъ надо положить хоть пять съ полтиной. Выходитъ, что исправному крестьянину содержаніе коровы средней руки обходится круглый годъ неменѣе сорока рублей, не считая покупки.

Приходъ. Пятидесяти-рублевая корова даетъ молока ребятишкамъ по три штофа въ день, — по одной копѣйкѣ за штофъ, всего на десять рублей, да при хорошей хозяйкѣ два пуда масла, всего на 12 руб., да теленка на три рубля. Весь приходъ отъ коровы 25 рублей. Оказывается, что съ коровы въ годъ чистаго убытку пятнадцать рублей. Но сверхъ того въ годъ можно собрать двадцать возовъ

навозу, который и обходится крестьянину по 75 копѣекъ возъ. Чтобы порядочно удобрить на три года десятину, пужно 80 возовъ съ четырехъ коровъ, всего на 60 рублей, не считая вывозки.

Такимъ образомъ, чтобы земля, занимаемая у помещика, не истощалась, необходимо крестьянину держать на каждыя три десятины во всѣхъ трехъ поляхъ по четыре коровы, кромѣ тѣхъ, которыя нужны для удобрения копоплянника и своего собственного надѣла. Это значить впаще, что ему нужно затрачивать ежегодно по двадцати рублей на каждую арендуемую десятину, не считая арендной платы и всего того, во что обойдется обработка. Очевидно, что этого мы еще очень долго не дождемся, и земля, если только исполнятся желанія приверженцевъ англійскихъ взглядовъ на нашу торговлю, должна весьма скоро истощиться, страна должна дичать все болѣе и болѣе, народонаселеніе при безхлѣбницѣ увеличиваться не можетъ. Яснѣе солнца, что дѣла такъ идти не могутъ. Свободная дѣятельность свободныхъ людей покажетъ, какое направленіе приметъ наша экономическая дѣятельность.

Если же въ самомъ дѣлѣ Россія повѣритъ англійскимъ совѣтамъ, да сдѣлается государствомъ исключительно земледѣльческимъ, что будетъ тогда, въ случаѣ благопріятнаго урожая въ Европѣ? Въ нынѣшнемъ году отчасти такъ и случилось; хлѣба отпущено за границу на четыреста-тысячъ четвертей менѣе, нежели въ прошломъ году. Не хотять они понять, что тогда намъ у тѣхъ же англичанъ не на что будетъ купить сахару, хлопчатой бумаги, москательныхъ товаровъ и т. д. Не хотять они понять, что для народа несравненно выгоднѣе увеличеніе внутренней торговли на рубль, чѣмъ увеличеніе внѣшней на сто рублей. Но обо всемъ этомъ въ другой разъ. Очень много накопилось фактовъ, которые слѣдуетъ еще занести въ нашу лѣтопись.

Облегченіе крѣпостной зависимости до введенія уставныхъ грамотъ отозвалось уже въ высшей степени благопріятно на поступленія податей и государственныхъ земскихъ повинностей. Въ прошедшемъ году вмѣсто ожидаемыхъ 70,440,501 рубля поступило на 2,004,965 рублей болѣе, стало-быть недоимка уменьшается, такъ что къ нынѣшнему году оставалось подоимки всего $4\frac{3}{4}$ мильона рублей.

Предпринято преобразование земско-хозяйственныхъ дѣлъ въ Россіи. Завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; составленіе смѣтъ и раскладокъ денежныхъ сборовъ, устройство и содержаніе земскихъ зданій и тѣхъ путей сообщенія, которые будутъ отнесены къ разряду земскихъ; мѣры обезпеченія народнаго продовольствія, общественное призрѣніе, взаимное стра-

хованіе строеній, попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промысловъ, и еще нѣкоторыя другія дѣла возлагаются на уѣздныя и губернскія земскія собранія и управы. Всѣ члены этихъ собраній и управъ будутъ избираемы землевладѣльцами, городскими жителями всѣхъ сословій, — волостные старшины и сельскіе старосты. Земскія учрежденія будутъ обсуживать, опредѣлять и приводить въ исполненіе всѣ мѣры, необходимыя для хода земскихъ дѣлъ по губерніи или по уѣзду, и будутъ дѣйствовать самостоятельно въ дѣлахъ, отнесенныхъ къ ихъ вѣдомству. Собранія будутъ имѣть общую распорядительную власть и контроль по земскимъ дѣламъ, а управы будутъ приводить въ дѣйствіе распоряженія собраній. Теперь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ составляется окончательная редакція проекта положенія о земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ для внесенія на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

И совершенно по всѣмъ частямъ управленія готовятся или происходятъ дѣятельныя преобразованія. Между многими готовящимися перемѣнами, готовится также и облегченіе участи евреевъ, которыхъ права очень ограничены, которые до сихъ поръ прикрѣплены къ землѣ извѣстныхъ губерній, именно юго-западныхъ, и имѣютъ право жить только тамъ. Въ другихъ губерніяхъ они живутъ только при исполненіи извѣстныхъ условій, на примѣръ объявивъ значительный торговый капиталъ. И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ позволено жить, они пользуются не всѣми гражданскими правами, и одно изъ самыхъ тяжелыхъ ограниченій есть такъ называемый *кошерный* сборъ. Кто жила въ югозападныхъ губерніяхъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что это за сборъ. Въ послѣднее время онъ отмѣненъ въ царствѣ Польскомъ, но у насъ онъ находится еще въ полной силѣ, и чуть ли не въ томъ же номерѣ «Сѣверной Почты», гдѣ объявлено, что въ царствѣ Польскомъ евреи избавляются отъ кошернаго сбора, объявлены торга на отдачу этихъ сборовъ съ торговъ въ подольскомъ губернскомъ правленіи.

Кошерный или коробочный сборъ происходитъ отчасти отъ религіозной вражды. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда бывшія подъ властью Польши губерніи стали присоединяться къ Россіи, при ревизіи и повѣркѣ дѣлъ оказалось, что многія еврейскія общества были должны нѣкоторымъ помѣщикамъ, духовнымъ лицамъ и костеламъ. Они занимали деньги на устройство своихъ школъ и на постройку синагогъ. Встарину, извѣстно, деньги отдавались за громадныя проценты, и потому многія синагоги не въ состояніи были уплачивать костеламъ процентовъ, не говоря уже о капиталѣ. Мало-помалу долги росли, и вслѣдствіе крайней бѣдности

еврейскихъ обществъ становились неоплатными. Поэтому дѣльи еврейскія общества были въ чистой кабалѣ у своихъ заемодателей. Тогда правительство рѣшило освободить евреевъ, и приняло на себя уплату ихъ долговъ, устроивъ для этого особенный сборъ съ обществъ, независимо отъ подушнаго и всякихъ другихъ окладовъ. До сихъ поръ это совершенно справедливо и понятно: взятая займы деньги должны быть уплачены; но форма этого добровольнаго, новаго сбора, бывшая въ то время не дурною, по нынѣшнимъ понятіямъ оказывается совершенно устарѣлою, безнравственною, и въ царствѣ Польскомъ поэтому и отмѣнена. Дѣло вотъ въ чемъ: по закону Моисея, всякое животное, убиваемое на пищу еврея, должно быть убито съ извѣстными присамами, обрядами, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Только такимъ образомъ убитое животное считается чистымъ и годнымъ въ пищу еврея. Если при этомъ вдобавокъ окажется при разсмотрѣніи внутренностей все въ надлежащемъ порядкѣ. Такое мясо называется *кошернымъ* или *кошеръ*, а мясо наше, убитое обыкновенными христіанскими мясниками, называется нечистымъ или *трефнымъ*. Постановлено было отдавать на откупъ право убивать скотъ и домашнюю птицу по моисеевскимъ правиламъ, и продавать эти вещи евреямъ. Нашлось много евреевъ, желающихъ взять на откупъ мясное продовольствіе своихъ единоувѣрцевъ, вслѣдствіе великой выгодности и заманчивости всякаго откупнаго дѣла, всякой монополіи. За нѣкоторый уѣздный городъ откупщикъ платитъ, положимъ, полторы тысячи въ годъ, и разумѣется выручаетъ четыре или пять тысячъ, потому что иначе онъ не взялъ бы откупа, не платилъ бы въ казну за мѣсяцъ или за годъ деньги впередъ. Выручаетъ онъ свои деньги, продавая своимъ единоувѣрцамъ кошерное мясо дороже, нежели покупаютъ обыкновенное трешное мясо христіане. Чтобы оградить евреевъ отъ преувеличеннаго грабежа откупщика и отъ всякихъ съ его стороны прижимокъ, постановлена такса, для разныхъ мѣстностей различная, смотря по степени благосостоянія жителей и по многолюдству. Есть мѣста, гдѣ откупщикъ продаетъ кошерное мясо только двумя копейками за фунтъ дороже противъ христіанской таксы: это въ деревняхъ и небольшихъ мѣстечкахъ. Въ другихъ мѣстахъ эта разница доходитъ до трехъ копѣекъ, до 4, до 5 и даже до 7½ копѣекъ съ фунта. Это уже въ большихъ губернскихъ городахъ, гдѣ еврей имѣютъ право жить. Въ губернскомъ городѣ благочестивый еврей покупаетъ фунтъ говядины за пятнадцать копѣекъ, когда христіанинъ платитъ за тотъ же фунтъ семь съ половиной копѣекъ. Сверхъ того еврей самъ не имѣетъ права зарѣзать курицу, гуся, индѣйку или барана, еслибы даже онъ очень хо-

рошо зналъ довольно простыя и несложныя правила моисеева закона касательно этого дѣла. Онъ долженъ снести свою курицу къ откупщику или къ рѣзнику, который и совершить обрядъ зарѣзанія, получивъ за это впередъ сколько назначено по таксѣ. При этомъ разумѣется, что если еврей заплатитъ за эту работу десять копѣекъ, то не всѣ эти деньги поступаютъ въ казну, а около двухъ третей изъ нихъ, а можетъ быть и три четверти, или даже болѣе идутъ откупщику.

Поватно само собою, какое пагубное вліяніе имѣетъ на здоровье евреевъ эта искусственная, привилегированная дороговизна мясной пищи. По необходимости имъ приходится удовольствоваться пищею растительной, страдать худосочиемъ и накожными болѣзнями ради барышей своего кошернаго откупщика.

Сверхъ того въ это дѣло вкралось безчисленное множество злоупотребленій, которыя неизбѣжны во всемъ человѣческомъ, а въ откупномъ дѣлѣ накликаются самую сущностью откупа, монополию.

Кошерные откупщики по большей части народъ очень богатый. Нѣкоторые изъ нихъ берутъ на откупъ цѣлую губернію, и двѣ, и три; но такъ какъ торги производятся на каждый городъ и на каждое мѣстечко отдѣльно, то у нихъ есть подставныя лица, при помощи которыхъ они съ большимъ удобствомъ обходятъ законъ. Въ силу богатства, они находятся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ раввинами и разными учителями, которые наблюдаютъ за благочестивымъ исполненіемъ правилъ, касающихся кошернаго мяса. Каждый еврей имѣетъ полнѣйшее гражданское право покупать мясо трешное, которое вдвое дешевле, имѣетъ право самъ убить барана; но раввины и учителя бдительно слѣдятъ за барышами откупщика, поддерживая религіозный предрасудокъ своихъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ выходитъ, что кошерный сборъ есть штрафъ, платимый евреямъ за то, что онъ исполняетъ моисеевъ законъ, то есть за то, что онъ еврей. Правительство въ царствѣ Польскомъ поняло, что такой штрафъ не соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни вѣротерпимости, и отмѣнило этотъ сборъ, предоставивъ евреямъ ѣсть что они хотятъ, и при убоѣ скота исполнять или не исполнять какіе бы то ни было обряды. Эта мѣра тѣмъ благодѣтельнаѣе, что кошерный сборъ былъ сопряженъ еще съ большимъ количествомъ злоупотребленій.

Является жидокъ къ своему рѣзнику съ бараномъ. Купленъ этотъ баранъ на деньги, добытыя всяческими правдами и неправдами, при помощи неутомимой бѣготни, съ перенесеніемъ всевозможныхъ оскорбленій и величайшихъ лишеній. Рѣзникъ беретъ

впередъ установленную плату и надлежащимъ орудіемъ съ должными обрядами совершаетъ зарѣзаніе барана. Но на бѣду при вскрытіи внутренностей оказывается, что баранъ не кошеръ, а трешъ, потомучто у него замѣчается какая-нибудь дѣйствительная или мнимая аномалія во внутренностяхъ, что-нибудь противное моисееву закону. Возникаетъ споръ. Жидокъ не можетъ ѣсть своего барана; онъ долженъ уступить его рѣзнику, который можетъ пролатъ его христіанамъ. Рѣзникъ предлагаетъ за барана полцѣны; жидокъ требуетъ назадъ свой двугривенный, заплаченный впередъ, за убой скотины на кошеръ. Но при соблюденіи всѣхъ обрядовъ вышло мясо не кошерное. Кто виноватъ? Однако завязывается тяжба, поступаеть куда слѣдуетъ прошеніе. Резолюція не удовлетворяетъ просителя, онъ восходитъ по инстанціямъ выше и выше, такъ что дѣло идетъ уже вообще о притѣсненіи евреевъ кошерными откупщиками.

Евреи знаютъ очень хорошо, что по закону кошерный откупъ или коробочный сборъ назначается на содержаніе раввинскихъ училищъ, синагогъ, больницъ и остатки зачисляются въ уплату податей за бѣднѣйшія еврейскія общества той губерніи, въ которой образовались эти остатки. Поэтому въ убѣжденія всѣхъ еврейскихъ обществъ проникла мысль, что коробочный или кошерный сборъ существуетъ взаимно податей; поэтому еврейскія общества вовсе не заботятся о сборѣ податей, всегда рассчитывая на остатки отъ кошернаго сбора, и нигдѣ по цѣлой Россіи не накопляется столько недоимокъ, какъ на евреяхъ. Они никакъ не могутъ понять, какъ это выходитъ, что они платятъ, платятъ откупщику, переплатятъ за кошеръ втрое больше, чѣмъ нужно на уплату податей, а все-таки подати платитъ приходится своимъ порядкомъ. Отсюда неудовольствіе на христіанъ, которые будто бы берутъ податей втрое больше, нежели нужно, тогда какъ всѣ ихъ платежи поступаютъ на обогащеніе нѣсколькихъ такъ-называемыхъ капитальныхъ евреевъ откупщиковъ.

Несмотря на всю очевидную тягость этого сбора, между евреями далеко нѣтъ согласія во взглядахъ на кошерные откупа. Тѣ, у которыхъ есть нѣкоторый капиталецъ, увѣряютъ, будто эти откупа — благодѣяніе для евреевъ, такое благодѣяніе, которое слѣдовало бы даже усилить посредствомъ возвышенія таксы, и заставитъ ихъ платить за мясо не пятнадцать, а тридцать копѣекъ тамъ гдѣ христіане платятъ по семи, съ тѣмъ только, чтобы уже откупщикъ уплачивалъ за общество всѣ подати. Они говорятъ, что такимъ образомъ прямой душевой налогъ будетъ обращенъ въ косвенный, который будетъ уплачиваться совершенно незамѣтно копѣйками, а въ

казну будетъ поступать спола, отъ откупщика, да еще впередъ за какое угодно время. Тутъ они пустятся въ доказательства, какъ выгоденъ для платящаго и собирающаго непрямой налогъ въ сравненіи съ прямымъ, и какъ тутъ естественно само-собою выходятъ пропорціональное распредѣленіе налога, смотря по состоянію и заработкамъ человѣка. Тутъ выйдетъ такъ, что не хочешь или не можешь платить, — не покупай только мяса, если оно по твоимъ средствамъ слишкомъ дорого, живи на пищѣ св. Антонія, забудь требованія своего организма, забудь, что твои зубы и кишечный каналъ устроены для растительной и въ тоже время для животной пищи, хворай отъ этого, умирай, но если не хочешь платить — не плати. Другіе евреи, не обладающіе болѣе или менѣе круглымъ капиталомъ, не имѣющіе надежды взять со временемъ кошерный откупъ и понимающіе сущность дѣла, говорятъ, что это разоренье, прямой налогъ на первую жизненную потребность.

Но въ царствѣ Польскомъ, гдѣ евреи живутъ на тѣхъ же основаніяхъ и при тѣхъ же условіяхъ, что и въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ, кошерные сборы уничтожены. Будемъ надѣяться, что они скоро уничтожатся и у насъ, причемъ евреямъ можно будетъ ѣсть что издается, не платя откупщику за право ѣсть, то-есть существовать, втроѣ больше, нежели платится за это въ казну.

Евреи платятъ еще свѣчной сборъ, поручаемый тому же кошерному откупщику. Извѣстно, что вслѣкую недѣлю въ шабашъ они собираются, чтобы читать установленныя священныя книги, и что при этомъ зажигаются свѣчи, на каждого изъ членовъ семейства по одной. За зажиганіе этихъ свѣчей они тоже платятъ извѣстный штрафъ своему откупщику. Тутъ дѣло такъ ясно говоритъ само за себя, что нѣтъ надобности какимъ-нибудь образомъ анализировать этотъ налогъ на религіозный обрядъ.

Такимъ образомъ евреи стѣснены весьма значительно, и огромное количество ихъ живетъ въ крайней бѣдности, съ огромнымъ количествомъ дѣтей, вопреки мудрому закону, открытому кунескою проницательностью Мальтуса. Живутъ они обыкновенно въ страшной тѣсотѣ, и въ своихъ занятіяхъ, ремеслахъ соперничаютъ другъ съ другомъ до послѣдней крайности, чтобы только какимъ-нибудь образомъ просуществовать. Въ какомъ-нибудь крошечномъ мѣстечкѣ случается встрѣтить двухъ и даже трехъ весьма искусныхъ ювелировъ, десятковъ слесарей, двадцать кузнецовъ и множество другихъ ремесленниковъ, тогда какъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей за глаза было бы довольно и десятой доли этихъ мастеровыхъ. И каждый изъ этихъ бѣдняковъ имѣетъ претензію

жить своимъ ремесломъ, и еще прокармливать свое семейство, со стоящее душъ изъ двѣнадцати маленькихъ дѣтей. Отъ этого является отчаянная конкуренція, столь благотѣльная во всякомъ случаѣ, какъ увѣряютъ политикозкономы. Сбивая одинъ другому цѣны, они наконецъ работаютъ за такую дешовую цѣну, что уже нѣтъ возможности работать не только хорошо, но сколько-нибудь сносно. И толпяся они такимъ образомъ можетъ-быть у самой границы сосѣдней губерніи, гдѣ они не имѣютъ правъ гражданства. И тутъ же рядомъ съ ними въ сосѣдней губерніи, какъ напримѣръ въ курской, почти вовсе нѣтъ мастеровыхъ, такъ что если въ молотилкѣ или вѣялкѣ сломается какъ-нибудь винтъ, то придется остановить работу и везти всю машину въ Харьковъ или въ Москву, въ починку. Если есть хотя тѣнь правды въ томъ, что евреи вредятъ христіанскому населенію того края, въ которомъ они живутъ, разоряя крестьянъ своимъ настойчивымъ добываніемъ барышей всѣми неправдами, то на это одна только причина: относительная пустота еврейскаго населенія и невозможность выселиться туда, гдѣ нужна ихъ работа, гдѣ они могутъ быть полезны промысломъ, честнымъ трудомъ. Это не во гнѣвъ будь сказано нѣкоторой московской газетѣ, весьма сердитой на евреевъ.

Всего еврейскаго населенія у насъ въ Россіи миллионъ четыреста тысячъ душъ. Живутъ они въ извѣстныхъ только губерніяхъ, слишкомъ тѣсно, чувствуютъ себя такъ-сказать въ непріятельскомъ лагерѣ, несмотря на отчаянную конкуренцію держатся другъ за друга, пользуются въ случаѣ крайности покровительствомъ своего кошернаго откупщика, ихъ же обирающаго, сами страдаютъ отъ тѣсноты и естественнымъ образомъ стѣсняють другихъ. Когда имъ дано будетъ право гражданства въ цѣлой Россіи, то они расплзутся по всему государству, слѣзаются незамѣтны, исчезнутъ, поглотятся большинствомъ, потомучто ихъ придется только одинъ на сто христіанскихъ душъ. Положимъ, что они не станутъ заниматься земледѣіемъ, но они пополнятъ весьма чувствительный у насъ недостатокъ въ мастеровыхъ. Опять-таки не во гнѣвъ будь сказано московской газетѣ, они напримѣръ весьма могутъ быть очень ловкими винокурами и вступить въ конкуренцію съ винокурами остзейскими. Чѣмъ же для насъ русскихъ выгоднѣе остзейскій винокуръ или слесарь, въ сравненіи съ винокуромъ или слесаремъ евреемъ? Впрочемъ можетъ-быть мы и ошибаемся: у московскихъ газетъ бываютъ иногда непостижимыя для обыкновенныхъ смертныхъ фантазіи.

Впрочемъ довольно о евреяхъ: мы возвратимся къ нимъ, когда возникнетъ вопросъ объ уравненіи ихъ правъ съ христіанами, о

дарованіи имъ въ Россіи правъ гражданства, уже дарованныхъ въ Польшѣ.

Между нашими домашними дѣлами не послѣднее мѣсто занимаетъ объявленный на будущій годъ рекрутскій наборъ. Наши податныя сословія шесть лѣтъ не тревожились вѣстью о рекрутскомъ наборѣ, и въ это время обстоятельства такъ перемѣнились, что извѣстіе о наборѣ, сколько намъ извѣстно, не произвело той ужасающей тревоги, какъ это бывало встарину. Бывало по деревнямъ поднимется вой и плачь: матери, обвиняя голову сыновей, причитываютъ и голосятъ какъ надъ покойниками; отцы съ своею сосредоточенною, страшною покорностью судьбѣ, гдѣ-нибудь въ клѣти или въ конюшнѣ укралкой отираютъ кулакомъ выдавленную горемъ слезу. Теперь стало совсѣмъ другое. Во всѣхъ деревняхъ, въ самыхъ дальнихъ захолустьяхъ извѣстно теперь, что солдатское житье не хуже мужицкаго, а мѣстами и гораздо лучше; что солдатъ не бьютъ, какъ бывало встарину, за малѣйшій проступокъ, съ свирѣпою жестокостію; что срокъ службы сталъ гораздо короче, такъ что на службу не уходятъ всѣ лучшіе годы жизни, или вѣрнѣе сказать, вся жизнь; что солдатъ содержатъ хорошо, кормятъ сытно, гораздо лучше, нежели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ крестьяне. Извѣстно, что у насъ, въ странѣ по преимуществу земледѣльческой, какъ увѣряютъ такъ-называемые политикоэкономы и вольное экономическое общество, крестьяне иногда вынуждены печь хлѣбъ если не пополамъ съ мякиной, то покрайней-мѣрѣ съ значительною примѣсью этого неудобоваримаго вещества, — солдатамъ же выдается мука чистая, безъ примѣси. Все это въ деревняхъ очень хорошо извѣстно, и вѣсть о наборѣ вовсе не произвела тягостнаго впечатлѣнія. Нѣсколько приуныли только тѣ молодые люди, которые давно уже на дурномъ счету у своихъ обществъ и угодаютъ непременно подъ красную шапку, причемъ придется оставить деревню, печь, красныхъ дѣвушекъ и прочія пріятности сельскаго быта. Но опять же и то сказать, авось Богъ милостивъ, можетъ-быть какъ-нибудь гроза и пройдетъ. А если не пройдетъ, то чтоже, вѣдь подъ красной шапкой люди живутъ, да еще припѣваючи.

Для предстоящаго набора приняты нѣкоторыя облегчительныя мѣры, въ ожиданіи окончательнаго пересмотра рекрутскаго устава. Впервыхъ прощено двадцать-пять тысячъ рекрутъ, числящихся въ долгу за помещичьи имѣнія по долговымъ рекрутскимъ должамъ. Ввторыхъ, уменьшена мѣра роста, который долженъ имѣть каждый рекрутъ, на цѣлыя три четверти вершка, такъ что теперь солдаты могутъ быть не болѣе 2 арш. 3 вершк. ростомъ. Это обстоятельство показываетъ значительное измѣльчаніе породы, которая

уже не производить тѣхъ сажонныхъ голіафовъ, которые въ прошломъ столѣтіи посылались отъ насъ въ подарокъ иностраннымъ государямъ цѣлыми отрядами. Въ третьихъ, рекрутскія присутствія назначены теперь въ каждомъ уѣздномъ городѣ, вмѣсто того, что прежде бывало по одному рекрутскому присутствію на два и на три уѣзда, что весьма сократитъ дальніе переѣзды, какіе приходилось дѣлать рекрутамъ, отдатчикамъ и всѣмъ провожающимъ родственникамъ. Въ четвертыхъ, пограничные съ Австрією и Пруссією на стоверстномъ растояніи жители не избавляются, какъ прежде, отъ рекрутства, а несутъ эту повинность наравнѣ съ другими, что до нѣкоторой степени облегчатъ все остальное населеніе имперіи. Въ пятыхъ, теперь младшимъ возрастомъ поступления въ рекруты охотниковъ назначено не 17 лѣтъ, какъ это было прежде, а 21 годъ, на томъ основаніи, что семнадцатилѣтній юноша еще не можетъ вполне разумно располагать своею участью. Сверхъ того впредь рекруты въ рекрутское присутствіе будутъ вводимы въ сорочкѣ, а не голые. Дворянамъ и класнымъ чиновникамъ дозволено занимать въ рекруты. Употребленіе гербовой бумаги по дѣламъ рекрутскимъ отмѣняется. Самый составъ рекрутскихъ присутствій измѣненъ; въ число членовъ ихъ внесены кандидаты на мѣста мировыхъ посредниковъ и городскіе головы. Прежде, ежели очередной рекрутъ скроется, на его мѣсто славался подочередной, съ тѣмъ, что онъ возвращался въ первобытное состояніе если очередной отыскивался и поступалъ на службу и если сверхъ того не прошло шести мѣсяцевъ со дня поступления на службу подочередного. Теперь этотъ шестимѣсячный срокъ отмѣненъ, и принятой на службу подочередной можетъ во всякое время возратиться въ первобытное состояніе, если только тотъ, за кого онъ принятъ, поступитъ на службу. Но изъ всѣхъ облегченій важнѣйшее и по послѣдствіямъ благотѣльнѣйшее есть слѣдующее: перемѣна рекрута охотникомъ дозволялась по рекрутскому уставу только отдѣльнымъ семействамъ и только въ опредѣленные сроки, — братъ могъ замѣнить брата не далѣе, какъ въ теченіи года со дня его приема, а для представленія наемника срокъ полагался толко въ полгода. Теперь *замѣна рекрута охотникомъ разрѣшается во всякое время*, какъ обществамъ такъ и отдѣльнымъ семействамъ и лицамъ; братья, или родственники одной семьи или цѣлыя общества *могутъ принять бремя рекрутской повинности на себя сообща и смѣнять другъ друга поочередно*. Всякій легко замѣтитъ, что это радикальнѣйшая перемѣна, и если общества будутъ пользоваться значительною долею самостоятельности и самоуправленія, которыя одни только и могутъ подвинуть впередъ ихъ развитіе, то они поймутъ, что отъ нихъ вполне зависитъ срокъ

военной службы, что они могутъ ограничить его пятью годами, семью годами, четырьмя годами, какъ они найдутъ выгоднѣйшимъ. Прежде общества неимѣли права назначать рекрутамъ наградныхъ денегъ болѣе шести рублей, а семействамъ ихъ вылавать въ пособіе болѣе двухъ сотъ рублей. Теперь это стѣснительное для общества ограниченіе отиѣнено; сумма награды и пособія совершенно предоставлена усмотрѣнію самаго общества, съ тѣмъ только, чтобы каждый рекрутъ лично получилъ не менѣе трехъ рублей. Но можетъ-быть развитыя общества найдутъ, что имъ выйдеть не вылавать семействамъ рекрутъ пособія, а только ограничить военную службу извѣстнымъ срокомъ, съ тѣмъ, чтобы на мѣсто каждаго поступившаго, по истеченіи пяти напримѣръ лѣтъ, представлять новаго рекрута, а прежде принятаго возвращать обществу и семейству. Можетъ-быть окажется полезнымъ, въ развитыхъ обществахъ, безъ исключенія каждаго изъ молодыхъ людей проводить черезъ пятилѣтнюю практическую военную школу, чтобы каждый умѣлъ владѣть ружьемъ, чтобы каждый былъ хорошимъ стрѣлкомъ, зналъ службу, и возвращался бы въ общество, къ прежнимъ своимъ занятіямъ, всегда готовый, по призыву отечества, явиться въ ряды его защитниковъ не жалкимъ ополченцемъ, не злосчастнымъ волонтеромъ, какъ волонтеры сѣверо-американскіе, неимѣющіе понятія о ружьѣ до перваго сраженія, куда бросить ихъ неповоротливый, нерасторопный и нерѣшительный предводитель, а настоящими, знающими свое дѣло солдатами. Такой взглядъ со стороны обществъ на военную службу значительно облегчилъ бы и правительство, которое всегда имѣло бы такимъ образомъ въ запасѣ, на случай непредвидѣннаго вѣдншаго столкновенія, богатый благонадежный и сверхъ того даровой резервъ. Нельзя не пожелать, чтобы общества какъ городскія, такъ и сельскія вполнѣ повяли это послѣднее указанное манифестомъ радикальное преобразование и воспользовались имъ въ полномъ его объемѣ, со всѣми благодѣтельными его послѣдствіями.

Говоря вообще о преобразованіяхъ, нельзя не вспомнить о томъ, какое готовится по золотопромышленности, которая до сихъ поръ платитъ слишкомъ большую подать. Въ тридцатыхъ годахъ платилось въ казну 15 процентовъ со всякаго количества добытаго золота. Въ 1840 году открыты были очень богатыя розсыпи по рѣкѣ Удерею, и подать съ нихъ положена въ 24 процента, а въ прочихъ мѣстахъ Сибири 20 проц. Сверхъ того платилось съ каждаго фунта по 4 рубля на администрацію, да еще нѣкоторые другіе платежи, доходившіе до трехъ и даже четырехъ процентовъ, такъ что всякій, добывшій золота около пуда, на десять тысячъ рублей, платилъ въ

казну отъ 2400 до 3000 рублей, независимо отъ расходовъ на добываніе, тоже огромныхъ. Въ богатомъ верхнеудинскомъ округѣ добываніе золота было разрѣшено, но обложено совершенно запрѣтительною податью съ пріисковъ небольшихъ, именно въ 30 процентовъ, независимо отъ четырехъ-рублевого платежа на администрацію и проч., и разумѣется, независимо отъ разныхъ косвенныхъ, не прямыхъ, тайныхъ расходовъ. Поэтому верхнеудинскіе пріиски почти не давали дохода и мало-помалу оставались, несмотря на богатое содержаніе въ нихъ золота. Чтобы сколько-нибудь подвинуть дѣло, въ 1849 году была принята пропорціональная подать, по количеству добываемаго золота. Всѣ пріиски были раздѣлены на десять разрядовъ: кто добывалъ менѣе пуда, платилъ въ казну 300 рублей, не считывая подати съ добычи на проценты. Второй разрядъ, отъ 1 до 2 пудъ платилъ пять проц., третій, до 5 пудъ платилъ 10 проц.; четвертый, до 10 пудъ — 15 проц.; пятый, до 15 пудъ, платилъ за первые десять пудъ по 17 проц., а выше этого количества 25 проц., и т. д. Десятый разрядъ, за добычу золота болѣе 50 пудъ платилъ въ казну 35 процентовъ. Въ силу такого громаднаго налога, золотые промыслы постоянно падали. Въ 51 году добыто всего 1035 пудъ, въ 52-мъ только 900 пудъ, въ 53-мъ 878 пудъ. Въ тысяча первый разъ доказана была та несомнѣнная истина, что слишкомъ высокій налогъ всегда обманываетъ возлагасмыя на него надежды. Въ 1854 году составлены были новыя правила, въ видѣ опыта, на три года: всѣ пріиски по добычѣ золота раздѣлены на четыре разряда, до 2, до 5, до 10 пудъ и болѣе 10 пудъ, съ податью въ 5, 10, 15 и 20 процентовъ и съ платою отъ каждаго лигатурнаго фунта по 4, 6, 8 и 10 рублей. Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ началось увеличеніе добычи золота и возрастаніе казенныхъ прибылей. Въ 1855 году добыто 1110 пудъ, въ слѣдующемъ году 1177 п., потомъ 1275 п., потомъ 1301 п., а казна получила подати 177, 184, 203 и 207 пудъ, гораздо болѣе предшествовавшихъ лѣтъ, несмотря на то, что тогда процентъ брался высшій. Въ официальномъ сообщеніи сказано, что «произведенный опытъ *внушаетъ основательное предположеніе*, что еще нѣкоторое пониженіе подати содѣйствовало бы увеличенію добычи золота, причемъ и доходы фиска остались бы безъ уменьшенія.»

А золото покажетъ намъ нужно до зарѣзу, вопреки всему тому, что говорятъ политикоэкономы, проповѣдующіе англійскіе взгляды на нашу торговлю. Они утвѣряютъ, что драгоценные металлы необходимы только какъ орудіе мѣны, что они товаръ, довольно удобно представляющій всякій другой товаръ, и что ежели мы выпустили за границу пудъ золота, то-есть ежели у насъ пудомъ стало меньше

то мы же въ выигрышѣ, потому что не даромъ пудъ бросили, а получили за него известное количество тканей для своей одежды, или машинъ, для производства новыхъ цѣнностей, или истративъ его во время путешествія, получили известное количество умственного свѣта. Золото и серебро были у насъ непродуцательны, стало-быть бесполезны, тогда какъ одежда приноситъ прямую пользу, предохраняя насъ отъ холоду, машины производятъ новые предметы мѣны, а говорить о пользѣ умственного свѣта какъ-то даже неприлично: такъ это ясно само собою. Ктому же золото — что вода, всегда найдетъ свой уронень, и всегда съ большою охотою естественно приливаетъ туда, гдѣ оно дорого, и уходитъ оттуда, гдѣ оно дешево и проч. и проч. Мало ли чего не говорятъ наши политико-экономы.

Но не хотятъ понять эти господа, не хотятъ видѣть очевидности. Золото, какъ представитель цѣнностей, уходитъ за границу и охотно возвращается, правда, но только въ обмѣнъ опять-таки на другія цѣнности, а не даромъ. Положимъ, что въ нѣкоторомъ царствѣ имѣется известная сумма звонкой монеты изъ драгоцѣнныхъ металовъ, хоть напримѣръ 150 миліоновъ рублей. Положимъ также, что это царство имѣетъ нужду въ предметахъ заграничной промышленности. Прекрасно. Это хорошая нужда, она составляетъ источникъ, причину международныхъ сношеній, ключъ къ общенію народовъ, задатокъ братства между людьми, къ какимъ бы различнымъ національностямъ они ни принадлежали. Все это очень хорошо. Но политическая экономія выработала между прочимъ ту неоспоримую истину, что торговля есть обмѣнъ продуктовъ, и деньги тутъ составляютъ только удобныхъ представителей. Приобрѣтаетъ взятое нами въ примѣръ нѣкоторое царство различныхъ продуктовъ заграничной фабрикаціи на 500 положимъ миліоновъ въ нѣсколько лѣтъ, платитъ за нихъ своими сырыми продуктами 410 миліоновъ, а остальные 90 миліоновъ приплачиваетъ звонкою монетой. Продукты ввозятся, распределяются, тратятся; потомъ сводится балансъ. Оказывается, что жители царства или для краткости само царство состоятъ должнымъ за границу своихъ продуктовъ на 90 миліоновъ, что одно средство воротить монету, необходимое орудіе мѣны, состоитъ въ томъ, чтобы отдать этотъ долгъ продуктами своего труда: тогда возвратятся и отосланные представители труда, драгоцѣнные металы. Но на бѣду случись за границей благопріятный урожай: царство и не можетъ заплатить долга напримѣръ хлѣбомъ; оно и радо бы заплатить, да не берутъ, говорятъ не вало, отдавайте чѣмъ-нибудь другимъ. Чтобы какъ-нибудь извернуться, царство дѣлаетъ заемъ; но что такое заемъ, это известно. Дѣлается

заемъ только тогда, когда вѣтъ готовыхъ продуктовъ труда для полученія за нихъ звонкой монеты, стало-быть закладывается будущій трудъ нашего и слѣдующихъ поколѣній, иначе сказать берутся деньги впередъ за будущую работу. Каково-то будетъ потомъ отработывать, хотя заемъ, пока онъ въ рукахъ, еще не истраченъ, дѣло очень удобное.

Царство могло перетратить сказанные 90 миллионовъ рублей, могло и не перетратить, все это было въ его волѣ или лучше сказать это зависѣло отъ соображеній каждаго лица, тратившаго деньги на покупку предметовъ заграничной промышленности. Но еслибы впередъ этимъ всѣ лучшіе граждане царства собрались и обсудили дѣло, не могли ли бы они прийти къ слѣдующему заключенію: вымѣнивая за границей трико первѣйшаго свойства ковры-Персію, машины тамъ этакія какія-нибудь на такое количество нашего хлѣба, кожъ и сала, какого теперь выставить не можемъ, мы обязуемся отлатъ ихъ впослѣдствіи, а покажемъ разницу досылаемъ деньгами. Это весьма удобно, но не совсѣмъ расчетливо. Мы очевидно теряемъ, хотя вѣкоторые изъ насъ въ данную минуту выиграютъ. Мы лишаемъ себя необходимаго орудія мѣны, и чтобы воротить его, придется 90 миллионовъ рублей отослать сырыми продуктами и въ обмѣнъ за нихъ получить не трико первѣйшаго свойства, не ковры, не машины, которыя намъ такъ необходимы, а презрѣнный металлъ, который относительно такъ-сказать тоже необходимъ. Но что намъ будетъ дѣлать, если заграничные торговцы, отягательные эгоисты, не захотятъ во всякое время, когда намъ ни вздумается, принять наши хлѣбъ, сало и кожи, отговариваясь тѣмъ, что покажемъ не требуется, навѣдайтесь въ другое время? Какъ намъ быть, если у нихъ своего хлѣба родится довольно? Что намъ наконецъ дѣлать, если они въ своемъ грубомъ, отъявленномъ эгоизмѣ зная, что мы нуждаемся въ презрѣнномъ металлѣ, то есть нуждаемся въ отдачѣ имъ продуктовъ, станутъ прижимать насъ и давать слишкомъ мало метала въ обмѣнъ на хлѣбъ, сало и кожу? Входить въ долги вообще дѣло скверное, но денежный, металлическій долгъ несравненно легче того, котораго предметъ — товары, которыхъ достоинство неопредѣлено, сроки отдачи и цѣны не назначены. По этому непридержатъ ли намъ вѣсколько свою склонность входить въ долги. Политическая экономія, которой вѣкоторые любители такъ усердно стараются навязать титулъ науки, увѣряетъ, будто въ государствѣ *всегда* находится въ обращеніи столько золота и серебра, сколько ихъ требуется торговыми оборотами, но мы собственнымъ опытомъ дознавая, что это вздоръ, и потому считаемъ нужнымъ принять вѣ-

которыя мѣры. Пусть это будетъ стѣснительно для нѣкоторыхъ; пусть это непріятно будетъ иностранцамъ, которые стараются увѣрить насъ, будто для насъ свободная безрасчетность всего выгоднѣе; но такъ какъ отъ своей безрасчетности все-таки приходится плохо намъ, а не имъ, то мы и распорядимся дома какъ намъ выгодно.

Еще такъ называемая наука увѣряетъ, что во Франціи савшкомъ много находится въ обращеніи и въ банковыхъ подвалахъ драгоценныхъ металловъ, именно до тысячи мильоновъ рублей, что составляетъ на cadaго изъ 37 мильоновъ жителей по 27 рублей. «Наука» увѣряетъ, будто столь огромное накопленіе металловъ невыгодно для Франціи. Чтоже? Значитъ 60 мильоновъ рублей, находящихся въ обращеніи въ Россіи, или по 86 коп. на человѣка выгодно? Значитъ въ государствѣ *neverгда* находится въ обращеніи столько золота, сколько требуется торговыми оборотами? И почему же это было бы невыгодно? Золото въ рукахъ того, кому оно принадлежитъ, представляетъ квитанцію въ полученіи отъ него товаровъ или труда на такую-то сумму, обязательство возратить ихъ или другихъ товаровъ на такую же сумму. Слѣдовательно ему должны, все равно кто,—хоть цѣлый свѣтъ долженъ различныхъ товаровъ и продуктовъ на имѣющееся въ наличности количество золота. Весьма выгодное положеніе всеобщаго кредитора, могущаго потребовать уплаты товарами во всякое время, когда ему вздумается или когда придетъ нужда.

Хотя въ Англіи имѣется въ обращеніи и банковыхъ фондахъ не болѣе 450 мильоновъ рублей звонкою монетой, или по 17 рублей на человѣка, но это вовсе не значитъ, что такая пропорція выгодно, и что и при такой пропорціи можно дѣлать большіе обороты, если хорошо организованы банки и если вошли въ обычай платежи посредствомъ переводныхъ бумагъ.

При этомъ не мѣшаетъ оговориться, что мы вовсе не считаемъ полезнымъ запрещеніе вывоза драгоценныхъ металловъ изъ государства. Кромѣ того, что это невыгодно, это было бы и бесполезно: въ Испаніи всегда было мало золота и серебра, хотя вывозъ ихъ за границу наказывался смертною казнью. Для удержанія въ странѣ нормальнаго количества золота нужны другія мѣры, болѣе дѣйствительныя.

Въ Англію привозится золота и серебра каждый годъ до 250 мильоновъ рублей и почти столько же вывозится, такъ что головой оборотъ этими металлами доходитъ тамъ до 500 мильоновъ. Значительная доля вывоза идетъ на заимообразное удовлетвореніе потребностей другихъ государствъ, что конечно равняется обложенію

вѣчнымъ налогомъ труда нынѣшняго и будущихъ поколѣній чужихъ народовъ.

Изъ Россіи въ 1857 году вывезено золота и серебра на $23\frac{1}{2}$ мил., а привезено $8\frac{3}{4}$ мил. Въ 1858 году отпущено $30\frac{3}{4}$ мил., а привезено $6\frac{1}{2}$ мил. Въ 1859 году отпущено $28\frac{1}{2}$ мил., а привезено только $2\frac{3}{4}$ мил. Вотъ уже въ три только года $82\frac{3}{4}$ мил. вывезено, а привезено только 18; стало-быть количество нашихъ металовъ уменьшилось въ три года на $64\frac{3}{4}$ мил. рублей или въ годъ на $21\frac{1}{2}$ мил. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это число еще не включены драгоценные металы, идущіе всякій годъ за границу на уплату процентовъ по вѣнскимъ государственнымъ займамъ, что какъ извѣстно составляетъ не малую сумму; вывозъ этотъ не входитъ въ официальные отчеты. Сюда еще не включены издержки нашихъ путешественниковъ, платежи правительства по различнымъ заказамъ, содержаніе всѣхъ нашихъ посольствъ и консульствъ, которымъ жалованье выдается золотомъ, и наконецъ платежи по акціямъ и облигаціямъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Если принять все это въ соображеніе, то ежегодная у насъ убыль золота дойдетъ очень далеко за исчисленные нами $21\frac{1}{2}$ мил. руб., уходящихъ за границу по частнымъ торговымъ оборотамъ.

Слѣдовательно за границу вывозилось въ эти три года не только все то количество золота, которое добывалось въ рудникахъ и россыпяхъ Сибири и Урала на казенныхъ и частныхъ заводахъ, но приходилось извлечь изъ обращенія большія суммы.

1860 годъ представляетъ уже значительное улучшеніе, указывающее далеко еще не на барыши, а только на начало уплаты долговъ. Въ этомъ году отпущено товаровъ за границу на 22 мильона болѣе, чѣмъ привезено, а вывозъ золота и серебра только на $2\frac{3}{4}$ мильона превышаетъ привозъ. Отчетъ за 1861 годъ еще не обнародованъ до сихъ поръ, но судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ даннымъ, торговые обороты этого года почти равнялись предшествующему году. Произошло это не вслѣдствіе того, что всѣмъ почувствована была необходимость приостановить чрезмѣрную выписку товаровъ изъ-за границы, а просто потому, что курсы наши чрезвычайно упали, такъ что окончательно прекратилась возможность съ выгодой скупать золотую монету. Сверхъ того въ весьма значительныхъ размѣрахъ уменьшилась отправка денегъ за границу по правительственнымъ и частнымъ заказамъ машинъ (по морскому министерству состоялось высочайшее повелѣніе о заказѣ непременно въ Россіи тѣхъ судовъ и машинъ, которыя могутъ быть сдѣланы здѣсь, а не за границей), а наши путешественники бросаютъ за границей далеко уже не тѣ сумашедшія суммы, какъ бывало прежде. Все это

значительно поправляетъ общее наше положеніе. Къ тому же внутрѣнный кредитъ нашъ начинаетъ мало-помалу возстановляться, благодаря послѣднему займу въ 15 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, назначенному на выкупъ изъ народнаго обращенія кредитныхъ билетовъ. Правда, что размѣнный фондъ государственнаго банка съ полутора ста миліоновъ дошелъ до ста, однако теперь онъ опять клонится къ увеличенію. Кредитныхъ билетовъ находится въ обращеніи все еще около 700 миліоновъ, но размѣнъ ихъ на золото и серебро открытъ и въ скоромъ времени вѣроятно разница въ цѣнѣ между билетами и металомъ исчезнетъ. Бумажные знаки или безпроцентные банковые билеты необходимы въ народномъ обращеніи, и всегда останутся въ обращеніи на ряду съ звонкою монетою, если только они свободно будутъ обмѣниваться на монету въ кассетахъ банка или въ уѣздныхъ казначействахъ. Отпускъ золота за границу на уплату процентовъ по государственнымъ займамъ будетъ конечно продолжаться, даже вслѣдствіе послѣднихъ займовъ нѣсколько увеличится; но надобно надѣяться, что при помощи нѣкоторой умѣренности, основанной на прямомъ торговомъ расчетѣ, мы нѣсколько приостановимъ излишне роскошную выписку товаровъ изъ-за границы, что избавитъ насъ отъ вывоза золота; а съ другой стороны облегченіе постановленій, существующихъ относительно золотопромышленности увеличитъ количество добываемаго у насъ золота, которое конечно будетъ болѣе вывѣшняго, т. е. болѣе 21 миліона въ годъ.

Само собою разумѣется, что на поправленіе акціонерныхъ нашихъ дѣлъ это не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, потому что вовсе не безденежье виновато въ крайнемъ разореніи акціонерныхъ обществъ. Напротивъ, эти общества собрали пропасть денегъ, и ежели разорились, то по одной только причинѣ, именно вслѣдствіе нашего повѣческаго *авось*. Это вовсе не тотъ авось, который у другихъ народовъ называется рискомъ и безъ котораго, говорятъ, ничего нельзя выиграть; это и не лотерейная игра, въ которой на тысячу билетовъ приходится одинъ выигрышъ; это невѣроятно-нелѣпное предоставленіе своей участи не случаю, не какимъ-нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, а почти навѣрное-извѣстной неудачѣ; это хроническое самоотверженіе по случаю дѣла сдѣлать маленькое усиліе, чтобы уберечься.

А во всемъ виноваты два-три иностранныя слова, не переведенныя надлежащимъ образомъ на нашъ языкъ, причемъ вошли и въ обычай иностранныя понятія, вовсе не подходящія къ дѣлу. Обыкновенно соберутся акціонеры, и въ первомъ собраніи выберутъ директоровъ, какихъ-нибудь финансовыхъ или административныхъ

тузовъ. По привычкѣ быть тузами въ другихъ сферахъ, они не мѣняютъ своей масти и передъ акціонерами, да сверхъ того, занятые дѣлами внѣ акціонернаго общества, они здѣсь дѣлами вовсе не занимаются, а только подписываютъ предписанія, полномочія, выдачи, или съ общественной суммой «живутъ какъ съ собственной казной.» Но будь здѣсь иностранное слово хорошо переведено на нашъ языкъ и наши народно-общинные нравы, дѣла не приняла бы такого траурнаго оборота. Не директоровъ должны избирать общества, а управляющихъ—приказчиковъ. Дѣло торговое, промышленное, денежное, такъ незачѣмъ тутъ дирекція, совѣтъ управленія и проч. Тутъ нужны холоди, приказчики, повѣренные, а не директора-распорядители, директора-учредители, управляющіе. Названіе, титулъ чрезвычайно много у насъ значать, да и не только у насъ, но и вездѣ. Собралась община денежныхъ вкладчиковъ, произошла между ними складчина. Хозяева складчины, безъ различія суммъ вкладовъ, всѣ на одинаково равныхъ правахъ должны выбрать исполнителей своихъ плановъ, холодовъ, повѣренныхъ, приказчиковъ. Во первыхъ тузы не согласились бы на такіе унижительные (въ ихъ глазахъ) титулы, вотъ уже и огромный выигрышъ. Потомъ тѣ, которые приняли бы должности, чувствовали бы себя на надлежащемъ мѣстѣ, понимали бы, что они подчиненные міру, а не начальники ему. Это чувство весьма помогало бы правильному веденію дѣла. Сами вкладчики смотрѣли бы на себя иначе, яснѣе понимали бы, что они хозяева дѣла, стало быть всѣ отношенія были бы несравненно ближе къ дѣйствительному, настоящему своему значенію. Акціонеры въ качествѣ хозяевъ наблюдали бы за ходомъ *своего* дѣла, а директора, въ качествѣ повѣренныхъ и приказчиковъ, дѣлали бы свое дѣло какъ слѣдуетъ, зная, что за ротоустройство хозяйнѣ спуска не дасть, а за безтолковую растрату общественныхъ денегъ на міру бываетъ и расправа, потому что общество потребуетъ строгаго отчета, какъ хозяйнѣ отъ приказчика, а не такъ, какъ всепокорнѣйшій акціонеръ отъ ясновельможнаго директора—распорядителя.

А дѣла акціонерныхъ компаній окончательно теперь въ упадкѣ. Биржевыя вѣдомости недѣла двѣ тому назадъ увѣрили, будто «положеніе нашего акціонернаго рынка, послѣ долговременнаго зстоя и полной апатіи къ покупкамъ, представляетъ нынѣ конечный результатъ биржевого акціонернаго кризиса: акціи упали въ цѣнѣ до крайняго предѣла и дальнѣйшее пониженіе ихъ невѣроятно.» Слѣдуетъ замѣтить, что это было биржевое самообольщеніе. Конечный результатъ кризиса являть не положенъ, крайній предѣлъ упадка цѣны не опредѣленъ, и если нехочется вѣрить возможно-

сти дальнѣйшаго пониженія, то это не удержитъ цѣнъ отъ дальнѣйшаго пониженія. Въ началѣ нынѣшняго года акціи падали въ цѣнѣ, — это всякій помнитъ. Теперь лучшія акціи, то-есть тѣ, которыя до сихъ поръ продаются дороже своей номинальной цѣны, упали противъ цѣнъ, бывшихъ въ началѣ года, на 6, на 11 и даже на 13 процентовъ. Это акціи обществъ «Надежда», «бумагопрядильной мануфактуры», «перваго страхового общества» и «застрахованія капитала в доходовъ». Акціи «россійско-американской компаніи» продаются теперь по номинальной цѣнѣ, но ниже, чѣмъ въ началѣ года на 19 процентовъ. Какъ ни жаль акціонеровъ за такую огромную потерю, вельзя однакоже не радоваться, за колошей, алеутовъ и прочихъ краснокожихъ и бѣлокожихъ крѣпостныхъ этой компаніи. Если дѣла компаніи идутъ дурно, то это значитъ что дѣла колошей и алеутовъ идутъ лучше прежняго, и всякій можетъ радоваться упадку акцій сѣверо-американской компаніи или приходиться отъ этого въ глубокую печаль, смотря по тому, кому онъ сочувствуетъ: эксплуатируемому или эксплуататору. Остальныя акціи упали противъ цѣнъ, бывшихъ въ началѣ года, отъ 3 до 35 процентовъ. Но кто же можетъ удостовѣрить, что пониженіе цѣнъ не будетъ продолжаться? На это нѣтъ никакого ручательства, потомучто неслыхать даже о пересмотрѣ уставовъ, о перемѣнѣ системы, — а только одно это и можетъ остановить дальнѣйшее пониженіе цѣнъ.

Само собою разумѣется, что акціи съ поручительствомъ правительства не подвержены такому упадку какъ всѣ остальныя; такъ облигаціи и акціи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ продаются почти по номинальной цѣнѣ, а открытіе движенія по всей варшавской линіи вѣроятно еще возвыситъ ихъ цѣну, въ особенности въ наступающую зиму, когда начнется сухопутный привозъ товаровъ. Но объ этой дорогѣ и объ этомъ обществѣ мы поговоримъ въ свое время.

Дѣла николаевской желѣзной дороги процвѣтаютъ. Она выручила въ первые восемь мѣсяцевъ нынѣшняго года 5,467,792 рубля; втеченіе одного августа выручено 722,951 рубль за перевозку пассажировъ, грузовъ, товаровъ, багажа и почты. Пересматривая ежемѣсячные отчеты этой дороги, замѣчаемъ, что наибольшій доходъ ея — отъ пассажировъ, и именно тѣхъ, которые ѣздятъ на пассажирскомъ, а не на почтовомъ поѣздѣ. Въ августѣ, въ сентябрѣ и въ октябрѣ, когда рабочіе изъ Петербурга ѣдутъ по деревнямъ, домой, доходъ наибольшій, точно такъ же какъ и въ весенніе мѣсяцы, когда рабочіе сѣзжаются въ столицу. Въ остальные мѣсяцы дѣла идутъ гораздо тише: почтовые поѣзды иной разъ бываютъ почти пусты. Зато пассажирскіе поѣзды третьяго класса бываютъ

чрезмѣрно переполнены. Кому не случилось заглянуть въ тотъ залъ, гдѣ берутъ билеты третьеклассные пассажиры (4 руб. до Москвы), тотъ не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія о томъ что тамъ происходитъ. Поѣзды изъ Петербурга отправляются въ часъ и въ два часа пополудни; при огромномъ стеченіи народа иногда въ промежуткѣ отправляется еще поѣздъ. Желающихъ ѣхать бываетъ въ осеннее время около тысячи человекъ за разъ. Касирь одинъ. Онъ долженъ вырѣзывать изъ книги отъ 700 до 800 билетовъ на каждый поѣздъ, или около двухъ тысячъ билетовъ втеченіе трехъ часовъ; на каждый изъ нихъ наложить штенпель и на каждый изъ нихъ получить деньги и дать сдачи. Чтобы вся масса желающихъ ѣхать не задвила касира вмѣстѣ съ его прилавкомъ, устроены перила, вдоль которыхъ желающихимъ ѣхать приходится стоять поодиначкѣ, подходить стало-быть поочереди, по мѣрѣ того, какъ получившій билетъ уходитъ, уступая мѣсто слѣдующимъ. Когда за перилами не помѣщаются еще неудовлетворенные желающіе, они становятся внѣ перилъ и дѣлаютъ такъ-называемый хвостъ, *on fait la queue*. Все это придумано чрезвычайно хорошо. Но за перилами и въ хвостѣ находитесь человекъ двѣсти. Покамѣстъ касирь удовлетворяетъ перваго, всѣмъ среднимъ, отъ второго до сто-девяносто-девятаго приходится жутко. Пламенно стремясь къ одной цѣли, они слегка надавливаютъ другъ друга, но двѣсти легонькихъ давленій равняются чуть ли не давленію трехъ атмосферъ. Ктому же вся почтеннѣйшая публика одѣга въ овчинные тулумы (зима на дворѣ), да у каждаго за плечами котомка съ имуществомъ или мѣшокъ пуда въ полтора. Разогрѣваніе человекъ въ кипящей смогѣ никакъ не можетъ быть тягостнѣе того, что тутъ испытываетъ публика. Но пожалуй, это бы еще ничего: во первыхъ нарѣ костей не ломить, а во вторыхъ помучился, пропрѣлъ какой-нибудь часъ, съѣлъ потомъ на машину, и считаешь себя будто дома, — тутъ уже несомнѣнна минута, въ которую пріѣдешь на свою станцію. Но каково же это для здоровья, выйти изъ этого ада на морозъ и на сквозномъ вѣтру отыскивать себѣ мѣста, переходя изъ вагона въ вагонъ. Не лучше ли было бы устроить двѣ или три касы, чтобы публика, дающая дорогѣ наибольшій доходъ, не терпала покрайней мѣрѣ здоровья.

Понятно, что двѣсти-первому стать въ хвостѣ — страшная перспектива, потому что онъ скоро перестанетъ быть послѣднимъ, только-что прижметъ къ нему новый желающій, тамъ явится третій, и пойдетъ давленіе такъ-сказать гидравлическое. Поэтому публика поднимается на хитрости. Мужики, дѣлающіе хвостъ внѣ рѣшотки, честнѣйшимъ образомъ стоятъ одинъ за другимъ, не пере-

бывая очереди. Но вотъ является какое-нибудь пальто, только не мужикъ, и насильственно втирается въ очередь, нарушая права всего хвоста, бездально, безошливно увеличивая его муку. И замѣчательно, что никто не протестуетъ, никто не поднимаетъ голоса, чтобы выгнать притѣснителя, чтобы заставить наглеца занять свое мѣсто въ очереди. Публика съ поразительнымъ терпѣніемъ переноситъ злоупотребленіе. Только разумѣется, что—нибудь нехорошее накапливается. Или какая-нибудь барыня подойдетъ къ периламъ, за которыми прѣдетъ очередная публика, и попроситъ кого-нибудь ближайшаго къ цѣли взять и для нея билетецъ, до такой-то станціи. И беретъ у нея деньги прѣющій, и беретъ для нея билетецъ, не думая о томъ, что позади его по этому случаю цѣлую лишнюю минуту страдаетъ хвостъ.

Но вотъ потопролитіе кончилось; счастливецъ съ билетомъ спѣшитъ въ вагонъ, и тутъ оказывается степень нравственнаго развитія нашей публики. Вы входите въ вагонъ и обращаетесь къ первому лицу, которое сидитъ одно на лавкѣ, назначаемой для двухъ пассажировъ: — возлѣ васъ мѣсто не занято? — Занято, отвѣчаетъ лицо съ надутою важностью, и вретъ, чтобы удобнѣе сидѣть одному. — А возлѣ васъ мѣсто свободно? — Здѣсь мой мужъ сидитъ, сейчасъ придетъ, — отвѣчаетъ особа, и нагло вретъ, чтобы удобнѣе сидѣть одной. Проходя долго по вагону, вы наконецъ встрѣчаете простодушно-привѣтливый взглядъ и радушныя слова: свободно, свободно, садись, кормилецъ!

Вопросъ о степени нравственнаго развитія нѣкоторой публики сводится непосредственно къ вопросу объ образованіи, о просвѣщеніи, о развитіи умственномъ. Намъ приходится теперь принять рѣшительныя мѣры для того, чтобы образованіе полвинулось впередъ. Это становится необходимымъ даже по хозяйственнымъ соображеніямъ; этого прямо требуютъ наши выгоды, не говоря уже о человѣческомъ достоинствѣ. Преобразованія судебной части требуютъ юристовъ въ огромномъ количествѣ; сельское хозяйство силою обстоятельствъ поставлено такъ, что должно принять новое, раціональное направленіе и требуетъ естественниковъ и камералистовъ; крайняя нужда въ различныхъ фабрикахъ и заводахъ вызываетъ химиковъ, технологовъ, механиковъ и минералоговъ; всеобщій недостатокъ дорогъ требуетъ инженеровъ; наконецъ духъ времени требуетъ честныхъ, нравственно развитыхъ гражданъ, а съ духомъ времени ктоже совладаетъ? Пусть никто и не пробуетъ: совладать нельзя.

Если мы не поторопимся удовлетворить всѣмъ этимъ законнѣй-

шимъ и настоятельнѣйшимъ требованіямъ, то наша лѣтопись будетъ обыкновенно и нормально слѣдующаго содержанія :

Орловской губерніи малоархангельскаго уѣзда въ селѣ Фошиѣ, жена кантониста Трофима Яковлева, Анна Семенова, изрубилась себѣ топоромъ обѣ ноги и спину. Она объяснила, что къ ней приходилъ какой-то старичекъ и совѣтовалъ ей удавиться, отъ чего она отказалась; но потомъ тотъ же старичекъ, взявши топоръ, отрубилъ ей на лѣвой ногѣ палецъ, и передавая ей топоръ, сказалъ, чтобы она себя рубила, что она и исполнила, желая испытать трехдневную муку, которую претерпѣлъ Спаситель. Принаковъ помѣшательства въ Семеновой не замѣчено, а извѣстно только, что она пела за-поемъ.

Въ августовской книжкѣ «Труды экономическаго общества» г. Гакъ увѣряетъ, будто *предметъ кирпичныхъ заводовъ и кирпичное производство* составляетъ важную отрасль политической экономіи. Тоже ученое общество, которое распространяетъ такія глубокія истины, поручаетъ временное отправленіе должности своего ученаго секретаря, бывшаго за границей, — лицу, не имѣющему никакого ученаго или экономическаго авторитета.

Тамбовской губ. липецкаго уѣзда села Алексѣвки крестьянинъ Никита Абросимовъ проповѣдывалъ, что 29 іюля между заутреней и обѣдой будетъ свѣтопреставленіе. Народъ началъ толпами стекаться къ Абросимову не только изъ своего села, но изъ Ивановки, Семеновки и Головицы. На мѣсто происшествія долженъ былъ пріѣхать становой приставъ, чтобы доказать народу заблужденіе проповѣдника Абросимова, потерявшаго разумъ.

6 сентября г. Холневъ, секретарь «Вольнаго экономическаго общества», неизвѣстно для какой цѣли и въ какихъ видахъ посланный на деньги общества на лондонскую выставку, читалъ въ собраніи краткій отчетъ о своей поѣздкѣ. Изъ этого отчета оказывается, что поѣздка была вовсе бесполезна, ни къ чему не повела, да и не могла повести. Г. Холневъ повторилъ то, что мы уже знаемъ изъ газетъ, именно что образцы хлѣбныхъ зеренъ были самого дурнаго качества, ленъ и пенька низшихъ сортовъ, а изъ минеральныхъ богатствъ былъ выставленъ, по энергическому выраженію самого г. Холнева, «какой-то хламъ, какъ бы съ толкучаго рынка: большіе, грязные и запыленные образцы, расположенные почти на самомъ полу, безо всякой системы.» Въ добавокъ г. Холневъ имѣлъ неосторожность напомнить о нашей сельско-хозяйственной выставкѣ, не имѣвшей каталога и стоявшей обществу огромныхъ денегъ. На лондонской выставкѣ тоже не было каталога нашихъ вещей. «Такова уже видно судьба нашихъ каталоговъ, что они всегда послѣ носибъ-

вають», неосторожно замѣчаетъ г. Ходневъ, но не упоминаетъ, кому поручено было составленіе каталога и кто за него взялся, — не тотъ ли самый господинъ, который распоряжался нашею выставкой въ Петербургъ?

Г. Дмитревскій въ «Москов. вѣдом.» высчитываетъ, что московскій купеческій клубъ получаетъ отъ одной игры въ лото-домино около ста тысячъ рублей серебромъ въ годъ, взимая по пятидесяти коп. за каждую сыгранную партію.

Въ подольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ напечатано: 29 іюля крестьянинъ с. Глинянца, Михальчукъ, семидесяти лѣтъ, страдавшій съ давняго времени чахоткой, умеръ отъ удара въ лицо, нанесеннаго мировымъ посредникомъ 4 участка брацлавскаго уѣзда, Запольскимъ.

ПО ПОВОДУ ГОДИЧНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

Почтенное званіе академіи, мрачное и безлюдное весь годъ, съ потемнѣлыми копіями и гипсами въ пыли, съ холодною лѣстницей и длинными коридорами; тѣсныя студіи молодыхъ художниковъ, страдающихъ надъ разными Агамемнонами, Харонами и Тирзисами, этими чистилищами, сквозь которыя непременно суждено пройти грѣшнику искусства, чтобы сподобиться медали; тяжелая дубовая дверь входа на запорѣ; швейцаръ такой же тяжелый на подъемъ, при появлении рѣдкаго посѣтителя, какого-нибудь заѣзжаго чудака, осматривающаго Петербургъ какъ рѣдкость; все это, неподвижное, запертое и затхлое, съ наступленіемъ осени, начинаетъ вдругъ обнаруживать признаки движенія, оживать отъ хлынувшаго извѣтѣ свѣжаго воздуха, выползати на свѣтъ и въ началѣ сентября доказывать свое рѣшительное существованіе раскрытою настезью двери. Холсты, рисунки, чертежи, гипсы, иногда мраморы, съ нѣкоторыхъ поръ всегда фотографіи (а современемъ вѣроятно будутъ и что-нибудь другое — выдѣланныя кожи напримѣръ), несутся, везутся и тащатся изъ закоулковъ всякаго рода и изъ мастерскихъ. (Слово мастерская надо принимать впрочемъ болѣе за метафору: собственно мастерскихъ въ Петербургѣ вовсе нѣтъ, а есть болѣе или менѣе неудобныя комнаты, гдѣ художники, порабатывшіе въ странахъ съ мастерскими, долго приноравливаются какъ-нибудь работать, пока не придутъ къ убѣжденію, что лучшее средство — совсѣмъ не работать...) Но не одна только дверь въ швейцарскую, дверь въ храмъ безсмертія, или покрайней-мѣрѣ сбыта художественнаго товара, осенью

Отперта для званыхъ и незваныхъ —
Особенно изъ иностранныхъ.

Академическій совѣтъ въ мундирахъ произноситъ слово жизни или смерти Тирзисамъ и Агамемнонамъ. Слѣдствіемъ бываетъ по-

явленіе ярлыковъ надъ произведеніями искусства: «удостоенъ первой золотой медалі, признанъ академикомъ, профессоромъ» и т. п. Пріятно доносится до слуха рассказы свѣдущихъ людей о томъ, какъ вѣрныя стражи чистоты искусства, признавая весьма основательно, что только изъ чистаго источника и могутъ истекать настоящіе Хароны и Тирзисы, подвергаютъ при этомъ тщательному изслѣдованію нравственную сторону производителей — почему благонаравіе, т. е. послушаніе и соединенныя съ нимъ добродѣтели, получаютъ (или по крайней-мѣрѣ до сихъ поръ получали) *заслуженную* награду; свойства же противоположныя, т. е. безнравственность, достойно наказуются...

При общемъ упадкѣ нравственности вообще, нельзя не остановиться съ нѣкоторымъ даже умиленіемъ передъ совѣтомъ нравственности академіи и не остановить у его порога читателя...

Совѣтъ этотъ, читатель, состоитъ изъ 12 членовъ, и начало несмѣняемости, о которомъ вамъ толкуютъ по поводу новаго учрежденія верховныхъ судей, имѣеть здѣсь давно свое приложеніе. Совѣтъ такимъ образомъ есть пожизненная собственность опредѣленнаго числа *заслуженныхъ* профессоровъ. Этотъ художественный ареопагъ, недоступный для современнаго художника, представляетъ въ полномъ своемъ собраніи тысячелѣтіе русскаго искусства и онъ-то рукою указываетъ дорогу молодымъ дарованіямъ (*). Одна смерть властна ввести новое лицо въ старую залу стараго совѣта, но вѣтъ сила сплоченности подставляетъ ему ногу, и подъ вилломъ новаго лица вводитъ безличность или продолженіе фирмы, какъ это было еще не такъ давно съ кресломъ профессора пейзажной живописи. Профессоръ этотъ получилъ свое званіе преемственно отъ отца и не выдержалъ бы тогда, а теперь и подавну, конкурса не только что съ такими профессорами-художниками, каковы Боголюбовъ, Лагоріо, Эрасси и др., но даже и съ весьма многими учениками, которымъ онъ присуждаетъ преміи и которыхъ можетъ-быть лишаетъ премій...

Правда, молодые художники влекутся болѣе отъ старыхъ профессоровъ совѣта къ профессорамъ-художникамъ, находящимся внѣ совѣта, но вѣдь это уже во всякомъ случаѣ *безнравственность*. И вотъ ученикъ, имѣя страшилище экзамена передъ собою, волей или неволей бредеть за приказаніями къ своему начальнику-

(*) Между членами совѣта есть люди старѣе 90 лѣтъ; какъ исключенія, можно назвать двухъ-трехъ замѣчательныхъ художниковъ, сохранившихъ способность быть руководителями и судьями въ искусствѣ: довольно назвать Пяменова, Бруни, А. Брюлова...

професору, держа картину какъ хлѣбъ-соль предъ собою (такая уже заведена форма).

— Гм! это что у тебя тамъ? спрашиваетъ наставникъ со свойственною фамильярностью.

— Программа, ваше п—ство... Агамемнонь, ваше п—ство, отвѣчаетъ ученикъ.

— Гм! Агамемнонь. Такъ это у тебя Агамемнонь? Хорошо. Ну, такъ чтоже тебѣ надо отъ меня?

— Не прикажете ли чего, ваше п—ство...

— Гм! произноситъ профессоръ, разваливаясь въ креслахъ: — держи, братецъ, картину передъ собою, какъ слѣдуетъ, — ничего не вижу... И вытаскивъ очки изъ футляра, его превосходительство начинаетъ водить глазами по картинѣ — иногда пальцемъ, а иной разъ табакеркою или зонтикомъ, если изволило вернуться съ прогулки.

— Стиля нѣтъ у васъ нынче, — рѣшаетъ онъ, укладывая очки обратно въ футляръ. А впрочемъ, ступай себѣ, братецъ, съ богомъ — дѣлай какъ знаешь. Только къ молодымъ профессорамъ не ходи. У нихъ неуваженію къ старшимъ только наберешься. *Слышь!* А не то медали тебѣ какъ своихъ ушей невидать. *Слышь!*

Послѣ такого или почти такого полезнаго назиданія, художникъ отправляется, сохраняя по возможности инкогнито, къ одному изъ молодыхъ набираться, вмѣстѣ съ неуваженіемъ къ старшимъ, чему-нибудь по части умѣнья писать картины.

Ну что еслибы сдѣлать обмѣнъ ролей, т. е. профессоровъ съ учениками и совѣтами признать за профессоровъ академіи и членовъ академическаго совѣта, а профессоровъ безъ учениковъ и совѣтовъ оставить на покоѣ, на пенсіи, въ высокомъ чинѣ, какъ хотите, но только не на аренѣ художественныхъ подвиговъ, превратившихся для нихъ въ бремя не по силамъ? Отчѣго бы не назначить конкурса, по истеченіи опредѣленнаго срока, на право занимать кресло въ совѣтѣ? Это не позволяло бы профессору художественные интересы мѣнять на чиновные и въ тоже время давало бы возможность молодому, свѣжему дѣятелю войти въ составъ совѣта, на мѣсто отставшаго или облевившагося. Подрядная иконопись, само собою разумѣется, не должна бы давать правъ истинной живописи, но при обсужденіи вопроса о продолженіи занятія должности профессора академіи, слѣдовало бы требовать самостоятельной живой работы отъ конкурента. Тогда увидѣли бы всѣ, кто продолжаетъ быть профессоромъ—художникомъ и кто сдѣлался чиновникомъ? А теперь, дарованія сильныя и развитыя современно (каковы наприимѣръ гг. Худяковъ, Боголюбовъ, Лагоріо, Эрасси, Соколовъ и другіе) устра-

нены отъ права сказать свое слово въ стѣнахъ академіи и только подъ секретомъ могутъ учить молодыхъ художниковъ, чтобы не повредить имъ на экзаменѣ. Московское училище ваянія и живописи, которому посчастливилось приобрести себѣ Сорокина (старшаго), неумѣло даже найти свѣтлаго угла г. Худякову, гдѣ онъ могъ бы работать и вынудило его черезъ то переселиться въ Петербургъ. Здѣсь, благодаря опустѣлой мастерской одного академика, умѣвшего себѣ добыть это диво, Худяковъ имѣетъ покрайней мѣрѣ довольно пространства и свѣту, чтобы помѣстить холстъ, на которомъ пишетъ. А у профессоровъ-чиновниковъ половина зданія академіи подъ квартирами, и свѣтъ обширныхъ оконъ только мѣшаетъ имъ спать покойно.

Вообще положеніе нашихъ молодыхъ профессоровъ въ академіи совершенно противоположно ихъ правамъ на это положеніе: въ свѣтъ они, какъ сказано, не имѣютъ голоса, и только нѣкоторые изъ нихъ получили недавно помѣщеніе, въ которомъ могутъ работать; всѣ большіе заказы отъ правительства отданы и отдаются безъ конкурса чиновникамъ академіи, и кистя людей даровитыхъ служатъ откупщикамъ, которые одни въ состояніи покуда выплачивать большія деньги за ихъ картины. Съ прекращеніемъ откупа придется вѣроятно понизить цѣны, отчего впрочемъ выиграютъ не только истинные любители съ размѣрами кармановъ болѣе скромными, чѣмъ у откупа, но и художники, переставъ состоять, на старомъ положеніи, подъ покровительствомъ денежныхъ меценатовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что художники не захотятъ долго оставаться подъ этою опекою и свергнуть съ себя, какъ русская литература, иго богачей, покровительственно относившихся когда-то къ писателю и несомнѣнно еще отвыкшихъ относиться такимъ образомъ къ художнику. Когда монополія капиталовъ въ области художества прекратится, послѣдняя перестанетъ быть невольною странною для большинства публики. Еще Петербургъ и Москва покрайней-мѣрѣ изрѣдка напоминаютъ своими выставками, что есть вѣчто кромѣ литографій въ эстампныхъ магазинахъ и образцовъ на золотомъ фонѣ; прочія же мѣста Россіи почти незнаютъ вовсе что такое картина. За свои большія деньги, художникъ, самъ того не подозревая, продаетъ часто свою извѣстность, потому что картина, перешедшая изъ мастерской прямо въ залу какого-нибудь откупщика или московскаго торговаго мецената, за немногими исключеніями, хоронится для публики. Только усерднымъ посѣтителемъ мастерскихъ художниковъ и извѣстны всѣ ихъ работы; самыя лучшія по большей части остаются тайной для публики: ревнивый ихъ заказчикъ не хочетъ даже подразнить ими чужихъ глазъ и не пу-

склеть на выставку, какъ строгій отецъ своихъ дочерей на балъ. Пусть не говорятъ и переставутъ думать, что искусство есть роскошь, достояніе богатства: вѣтъ, искусство есть потребность образованнаго общества, средство къ смягченію нравовъ и очищенію вкуса. Оно должно стремиться къ тому, чтобы картина по возможности, на ряду съ книгой, вошла въ небогатыхъ жилища людей, ищущихъ свѣта и утѣшенія, въ чемъ бы они ни проявлялись: въ звукѣ, печатномъ словѣ, или краскахъ. Задача искусства — вовсе не забавить богача — она гораздо возвышеннѣе. Искусство (по выраженію одного знаменитаго писателя) «вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное несомнѣнное благо наше.»

Съ нѣкоторыхъ поръ учреждена въ Петербургѣ (и кажется также въ Москвѣ) постоянная выставка художественныхъ произведеній. Въ Петербургѣ она помѣщалась сперва далеко отъ центра города, въ зданіи биржи, и одни отчаянные любители чувствовали въ себѣ довольно храбрости, чтобы предпринимать эстетическіе походы «на тѣ острова, гдѣ растетъ тринь-трава.» Послѣ настояній художниковъ и нѣкоторыхъ изъ этихъ отчаянныхъ, меценаты перевели выставку на Невскій проспектъ. Къ ихъ крайнему удивленію, залы новаго помѣщенія остаются почти также пусты, какъ и залы стараго. А удивляться-то собственно нечему: неудача въ выборѣ перваго пристанища успѣла охладить вниманіе публики къ постоянной выставкѣ; привычка же къ тому, что все носящее названіе художественнаго произведенія соединено съ понятіемъ о большихъ деньгахъ, породило убѣжденіе въ недоступности впускной цѣны на настоящую выставку. Выставьте цѣну (а она очень умѣрена: 15 коп.) на наружныхъ дверяхъ и въ окнахъ — и вы увидите, что посѣтели явятся.

Заговоривъ объ этой выставкѣ, я вовсе неуклоняюсь отъ выставки *академической*: одна дополняетъ другую, также какъ одна и обираетъ другую. Дѣйствительно, на постоянной выставкѣ, всякое или почти всякое произведеніе (исключеніе составляютъ собственности ревнивыхъ хозяевъ) можетъ появиться во всякое время года, не дожидаясь, когда двери академіи украсятся представителями порядка. Такимъ образомъ, только-что конченная работа художника показывается въ помѣщеніи на Невскомъ проспектѣ. Простоявъ недѣлю, другую, она замѣщается новою, и на годичную выставку попадаетъ только непроданная или прямо вышедшая изъ мастерской. Отъ этого-то въ послѣдніе годы, особенно въ самый послѣдній, академическія выставки все малочисленнѣе и бѣднѣе количествомъ (и даже отчасти качествомъ) своихъ произведеній. Попрѣжнему являются въ полномъ составѣ только программы учениковъ.

Все это мало извѣстно большинству публики; чаще небольшими залами постоянной выставки (1), богато снабженными отборными произведениями современных и старых мастеровъ, нашихъ и иностранныхъ, доставляемыхъ изъ мастерскихъ и изъ лучшихъ галерей Петербурга — вѣрно бывали бы полнѣе. Между гуляющими ежедневно нашлось бы не мало людей, готовыхъ вынуть изъ кошелька 15 к., чтобы отдохнуть, кто душою, а кто и просто вогами... А всякій ли знаетъ, что эти 15 копѣекъ имѣютъ назначеніе помогать даровитымъ бѣднякамъ художникамъ, и что изъ нихъ, со взносами членовъ общества поощренія художниковъ, образуется капиталъ, воспитывающій и уже воспитавшій не одного замѣчательнаго живописца, скульптора и т. д.? Общество поощренія художниковъ дѣйствительно ихъ поощряетъ, только публика — то мало поощряетъ самое общество. Причиной тому, мнѣ кажется, все также неизвѣстность и исключительность, окружающія наши предпріятія по части художествъ. Еслибы всѣмъ было извѣстно, что входя членомъ въ это общество, поощритель, за свои 10 рублей въ годъ, имѣетъ разныя права и привилегіи, какъ-то: бесплатный входъ на постоянную выставку, право бесплатнаго выигрыша на художественной ежегодной лотерей, гдѣ разыгрываются, только для однихъ членовъ, оригинальныя картины, рисунки, гравюры и проч., сверхъ того, вслучаѣ невыигрыша, непремѣнное полученіе, въ видѣ преміи, особаго эстампа, — еслибъ все это было хорошенько извѣстно, то великодушіе жертвователей, не замедлило бы обнаружиться... Жаль, если и при такихъ соблазнительныхъ правахъ членовъ, общество поощренія художниковъ останется безъ членовъ и постоянная выставка — эта драгоценная школа для развитія эстетическаго вкуса публики и для готоваго во всякое время назиданія художниковъ, молодыхъ и зрѣлыхъ, должна будетъ закрыться... Меценаты, нанявшіе помѣщенія на Невскомъ проспектѣ, захотятъ ли еще нести дефицитъ на себѣ, — да и нестыдно ли достаточной части публики, бросающей охотно деньги на всякія наслажденія кромѣ эстетическихъ, предоставлять кому-нибудь исключительное право прокормленія художествъ...

Кстати о профессорахъ-художникахъ, остающихся за штатомъ. Пишущему эти строки положительно извѣстно, что многіе изъ выѣзжавшихъ молодыхъ профессоровъ согласились бы занять мѣста профессоровъ-преподавателей живописи при учебныхъ округахъ и поселиться въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани, Кіевѣ или Москвѣ. Посмотрите, какъ это способствовало бы развитію эстетическаго чув-

(1) Противу Аничкова дворца, на Невскомъ проспектѣ.

ства дѣлаго края: мастерская художника, открытая для всѣхъ, пріучала бы глазъ не однихъ посѣтителей университета къ произведеніямъ искусства и рождала охоту къ приобретенію картинъ, взамѣнъ золоченыхъ обоевъ, которые богатые провинціалы выпиваютъ за большія деньги изъ Петербурга. Молодые люди, съ призваніемъ къ искусству, лишонные средствъ добраться до Москвы и Петербурга, нашли бы готовую школу у себя подъ рукою и развились бы современемъ въ художниковъ, или приобрѣли бы своими работами нѣкоторыя матерьяльныя средства, чтобы довершить развитіе въ академіи. Довольно вспомнить, что многіе изъ лучшихъ современныхъ талантовъ нашихъ: Худяковъ, братья Сорокины и др., почувствовали призваніе къ искусству въ деревняхъ, подъ указкой простыхъ иконописцевъ. Что же было бы, еслибъ они встрѣтили сразу опытнаго и даровитаго художника-профессора, до котораго не было бы нужды добираться путями всевозможныхъ лешеній, преодолевая тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ бездомный бѣднякъ, пѣшкомъ пришедшій въ московское училище живописи и ваянія, или въ петербургскую академію художествъ. А теперь взгляните на каталоги выставокъ: есть ли хоть одно произведеніе, присланное изъ провинціи? Ни одного. Есть ли кому заказать хоть портретъ въ губернскомъ городѣ? у кого купить пейзажъ или картину! Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Въ Крыму правда есть Айвазовскій, и около него образовалось нѣсколько художниковъ; но Айвазовскій живетъ у себя въ деревнѣ, и потому ему труднѣе составить школу, чѣмъ жителю большого города. Миѣ удалось видѣть очень недурные пейзажи одного изъ его учениковъ въ Харьковѣ, куда они попали случайно. Выслалъ еще когда-то одну или двѣ картины на выставку Гарановичъ изъ Оренбурга, но Гарановичъ ученикъ Карла Брюллова, занесенный обстоятельствами изъ Петербурга на границы Киргизіи. Вообще же далѣе столицъ не проникъ свѣтъ искусства въ Россіи, и дурно-освѣщенные улицы губерній вполнѣ соотвѣтствуютъ мраку по этой части. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока художники, полные силы и готовности къ труду, останутся (а пока они остаются) въ сѣрой атмосферѣ петербургскихъ четвертыхъ этажей или заднихъ дворовъ академіи. Мало того: виды Италіи и Швейцаріи не сойдутъ со станковъ художниковъ, покуда они не станутъ проживать внутри Россіи: мимолетныя ихъ поѣздки за этюдами не достаточны для усвоенія характера новой для нихъ страны. Говорю новой, потомучто всѣ они учены на образцахъ и на природѣ иныхъ странъ; глазъ ихъ привыкъ уловлять иные краски, иные очертанія. Я не думаю оскорбить г. Боголюбова, наприимѣръ, сказавши, что его картины изъ русской приволжской

природы (невыставленные) отстали отъ его же картинъ, изображающихъ Италію, Нормандію, Голландію и т. п. А отчего это? Оттого что художникъ много и пристально учился надъ тѣми мѣстностями и только схватилъ на лету общій видъ мѣстностей приволжскихъ; оттого что роскошныя краски еще горятъ въ его глазахъ и мѣшаютъ видѣть блѣдныя, бѣдныя тоны этихъ картинъ.

Живописцы быта (жанристы) обнаруживаютъ болѣе влеченія къ русской, или покрайней-мѣрѣ петербургской жизни, введенные въ нее смѣлымъ Федотовымъ. Впрочемъ это происходитъ можетъ быть и оттого, что за нею не надо ѣздить. Собственно *русскій* бытъ дается и въ этой области немногимъ. Нельзя не замѣтить также самоотверженнаго поступка академіи, наложившей, какъ Сатурнъ, свои руки на собственныхъ ея чадъ — Тирзисовъ и Агамемноновъ, замѣненныхъ для конкурса Іоаннами III и стрѣльцами. Бѣдныя исполнители программъ спасены такимъ образомъ отъ переодѣванья русскихъ Архиповъ и Матривъ въ боговъ и царей Греціи, а посѣтители выставки — отъ неприятности быть свидѣтелями этого страннаго маскарада.

Затѣмъ общій видъ выставки похожъ на всѣ бывшія и вѣроятно будущіе виды академическихъ выставокъ; вообще вѣсколько произведеній солистовъ послѣдней залы (античной) утопаютъ въ хорахъ и между статистами, наполняющими остальные залы. — только на этотъ разъ и первыхъ и вторыхъ численно менѣе обыкновеннаго; еслибы вторыхъ было еще менѣе, то было бы еще лучше. Незбѣжныя, родовые признаки выставки — вакханка и пейзажи братьевъ Чернецовыхъ на лицо. Вакханка такая же розовая, какъ принято быть вообще вакханкамъ на выставкахъ, пейзажи такіе же сѣрые, словно писанные горохомъ, какими и подобаетъ быть пейзажамъ братьевъ Чернецовыхъ.

Кисть заслужонныхъ братьевъ, передавшая счастливому человечеству Волгу «отъ Твери до Астрахани», Палестину и Египеть, не мѣняя красокъ на палитрѣ, произвела изъ ихъ остатковъ на этотъ разъ какъ кажется видъ Чукотскаго-носа, который только для удовольствія публики названъ въ каталогѣ видомъ южнаго берега Крыма.

Портреты есть тоже такіе, какіе должны быть на выставкахъ: портреты иныхъ господъ съ выпученными глазами, купцовъ съ золотыми медалями на шеѣ, барынь съ лорнетами и въ бархатныхъ платьяхъ, словомъ такіе какъ слѣдуетъ. Но и этихъ статистовъ что-то уродило меньше; побило ли ихъ фотографіями, или всѣ иные господа, купцы и барыни успѣли прежде перенести свои отличительныя черты на холсты, только этого украсе-

нія первыхъ залъ куда какъ пубу было. Чудаковъ, распечатывающихъ письмо, закуривающихъ папирску и т. п. даже не видно вовсе. Одинъ совсѣмъ зеленый господинъ, правда, передалъ особенность своего колорита, или своего художника, и тѣмъ вѣсколко слобрилъ общую бездѣятность портретнаго отдѣла, про который пришлось бы иначе отозваться словами паспорта: лицо круглое, носъ обыкновенный, подбородокъ выбивающійся, глаза чистые, особыхъ приметъ не имѣется. Какой-то проказникъ еще нюхаетъ табачокъ, всѣ прочіе ведутъ себя скучно.

Въ самомъ дѣлѣ портретная живопись остановилась, упала съ вѣкоторыхъ поръ: сильныхъ портретистовъ невидно болѣе. Приятныя работы Макарова можно видѣть въ каждомъ домѣ, но ихъ не увидите на выставкѣ: это произведенія гостинныхъ. Горавскій, сулившій своими первыми опытами большого мастера въ портретной живописи, какъ-то колеблется, терлетъ старую дорогу и новой еще не видитъ; доказательство — его работы на выставкѣ. Прочіе работаютъ старательно и честно, но вѣдь и фотографическіе станки тоже честно и старательно работаютъ. Портретисты-акварелисты — нашъ Рауловъ и заѣзжій римлянинъ Беллоли, каждый въ своемъ родѣ выставили вещи, достойныя полной похвалы, — одинъ чрезвычайно сильные, другой граціозныя, и вотъ единственные замѣчательные портреты выставки. Академія, вѣроятно ища пятенъ, не нашла неприличнымъ рядомъ съ Беллоли выставить оптическіе портреты Штейнберговъ и компаніи, а можетъ быть и это сдѣлано въ удовольствіе публики. Спора нѣтъ, на промышленной выставкѣ эти громады-фотографіи могли бы назваться художественными, какъ тѣяныя шолковыя картины лондонскихъ фабрикъ, но на художественной они кажутся немножко промышленными. Трудно также доискаться причины присутствія на *художественной* выставкѣ вѣкоторыхъ заказовъ для церквей.

По части пейзажей солистами являются: Эрасси, Боголюбовъ, Клотъ и Дюкеръ (Лагоріо и Мещерскій ничего не выставили). Дюкеръ молодой художникъ, одаренный такою способностью видѣть природу и передавать ея краски съ правдою такою поразительною, что работы его во многихъ отношеніяхъ превосходятъ работы зрѣлыхъ художниковъ. Его деревья — совершенство рисунка и письма. Такъ никто у насъ не напишетъ деревьевъ.

Г. Дюкеръ часто являлся въ прошлую зиму на постоянной выставкѣ: всѣ его пейзажи болѣе этюды, чѣмъ картины, это коніи съ природы; но начинать такъ и слѣдуетъ: натура лучшая школа для художника. Будетъ ли г. Дюкеръ также удачно сочинять, какъ онъ копируетъ — сказать пока трудно; но, повторяю, копиро-

вать натуру лучше нельзя. Вдобавокъ краски его свѣжи, свѣтлы, и блѣдный типъ свѣра усвоить имъ плохѣе. Выставленные имъ на этотъ разъ два пейзажа такъ просты, что не всякій лакей останется передъ ними. Но кто всматривался въ природу, тотъ прикуется къ этому дереву, разметавшему свои роскошныя партіи и сквозящему глубокимъ и свѣтлымъ воздухомъ, тотъ не оторвется отъ этой быстро-объгудей рѣчки. Работы г. Дюкера — просто отрывки изъ живой природы. Что если молодой художникъ разрабатываетъ свой талантъ добросовѣстно, какой изъ него выйдетъ замѣчательный мастеръ!

Пейзажи г. Клода, особенно ночной, имѣютъ также много хорошаго; борьба огненнаго освѣщенія, охватившаго группу людей перваго плана, съ освѣщеніемъ звѣздной ночи, выдержаны прекрасно. Такая же противоположность солнечнаго свѣта и тѣни на дневномъ пейзажѣ гораздо менѣе удалась художнику въ отношеніи естественности и правды.

Г. Эрасси признанъ профессоромъ за четыре выставленные имъ пейзажа. Лѣтъ около пятнадцати посѣтителю выставки привыкли встрѣчать работы этого художника въ залахъ академіи. Дарованіе Эрасси — одинъ изъ назидательныхъ примѣровъ для молодыхъ дарованій: сначала на натурѣ, потомъ въ женевской мастерской Калама оно развивалось и разрабатывалось неутомимо; усидчиво, послѣдовательно, и наконецъ является въ полномъ расцвѣтѣ собственнаго сознанія. Прѣжнее сходство Эрасси съ его женевскимъ учителемъ, доводившее иногда до *qui pro quo*, исчезло совершенно въ новыхъ произведеніяхъ молодого профессора, который является со своею собственною физиономіею. Если выставленные виды Швейцаріи и напомнятъ кому-нибудь о Каламѣ, то это покажетъ только, что Каламъ и Швейцарія въ понятіяхъ зрителя не могутъ быть разведены, какъ законно-обвиняемые супруги. Болѣе основательный наблюдатель увидитъ сейчасъ, что озеро запримѣръ и сочинено и написано совсѣмъ не по-каламовски, и что въ немъ видна одна только Швейцарія, безъ всякаго Калама на придачу.

«Озеро» Эрасси — лучшее его произведеніе. Сколько воздуха, утренняго пару въ глубинѣ картины, которая такъ сквозна, что высокое дерево перваго плана совсѣмъ отдѣляется отъ фона и стоитъ само по себѣ, далеко отъ горъ и озера; между нимъ и ими — безпредѣльность, и видишь ясно, что дерево можно обойти со всѣхъ сторонъ. Лиловатыя горы мягко уходятъ въ пространство, отражаясь въ невозмутимой утренней тишинѣ воды. На небѣ ни облачка; будетъ восхитительный день. Первый планъ уже облитъ пригрѣвающими лучами солнца, а въ роуцѣ еще царствуютъ ночная

прохлада и тѣнь. И надъ всѣмъ этимъ вѣетъ та кроткая тишина, та свѣжесть и какаѣ-то торжественная простота, какія свойственны одной Швейцаріи. На картинѣ Эрасси лежитъ печать страны, а для художественнаго произведенія это огромное достоинство.

Рядомъ съ озеромъ Швейцаріи стоитъ озеро или большой прудъ въ Малороссіи. Тамъ было утро; здѣсь — вечеръ. Тамъ вставалъ чудный лѣтній полдень изъ-за горъ; здѣсь уходитъ знойный день съ равнины. Горячія облака столпились на западномъ склонѣ неба. Даль утонула и сквозитъ въ вечернемъ заревѣ, отраженномъ въ засыпающемъ прудѣ... А дубы и тополи уже облеклись сумерками и вода утратила цвѣта заката... Еще минута — и черная ночь спустится своимъ южнымъ мигомъ на прудъ, и на деревья, и на едва мелькающую вдали церковь Диканьки.

Трудно сказать: которая изъ двухъ картинъ лучше. Сила, съ какою написана вторая, производитъ своего рода противоположность мягкой манерѣ первой, и обѣ вмѣстѣ показываютъ искусство художника въ полномъ его проявленіи.

Остальные два пейзажа (одинъ тоже швейцарскій и другой тоже малороссійскій) очень хороши каждый самъ по себѣ.

Въ настоящее время Эрасси — въ Италіи, гдѣ онъ еще никогда не былъ. Художникъ во всей силѣ своего развитія, неутомимый труженикъ и почти фанатикъ искусства, какимъ всѣ признаютъ Эрасси, подъ впечатлѣніемъ этой страны искусства, долженъ излиться лучшими своими красками и самыми пламенными вдохновеніями. Счастливъ тотъ, кто видитъ берега средиземнаго моря и снѣжющія Аппенины, съ кипарисными и пинновыми рощами у полошвы, — съ блѣдною зеленью оливы на яркомъ небѣ, тысячелѣтними каменными дубами, бѣлой акаціей и лавромъ... кто все, чѣмъ околдовываетъ Италія, какъ неуловимою улыбкою, можетъ запечатлѣть на холстѣ, хоть частію, хотя въ отрывкахъ и намекахъ красокъ.

А какія краски! Картина г. Боголюбова блистательно о томъ свидѣтельствуетъ. Это яркое воспоминаніе Италіи такъ и мечется въ глаза полуденными тонами «золотого свѣтлаго юга» поэта. Не всегда и не всякому художнику удается общій мотивъ картины такъ счастливо, какъ удался этотъ южный мотивъ Боголюбову. Конечно Боголюбовъ писалъ картины и лучшія — позамысловатѣе и пооконченнѣе; но конечно также, небольшое произведеніе выставки, одно изъ самыхъ эффектныхъ по каталогу и широкому письму. На немъ тоже печать страны. Отъ него возстаютъ въ памяти

Тотъ край, тотъ брегъ, съ его полуденнымъ сіяньемъ,
Гдѣ вѣчный блескъ и равній цвѣтъ,

Гдѣ позднихъ, блѣдныхъ розъ дыханьемъ
Декабрьскій воздухъ разогрѣтъ...

И нескоро выгонять его изъ головы и сердца

Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранить!

Мудрено ли, послѣ этого, что долго, и крѣпко сидятъ въ душѣ и въ памяти художника тѣ далекія краски, тѣ чудные очерки, покуда шное — родное, убогое и тусклое, не затмитъ блеска чужого, но роскошно-плѣнительнаго...

Всѣ, или почти всѣ, лучшія произведенія выставки посвящены не Россіи — это все еще отголоски «прекраснаго далека». Даже лучшія картины быта (жавры) или привезены прямо изъ Италіи, или родились подъ петербургскимъ небомъ, о которомъ не думалъ художникъ, перенесшій съ собою въ этюдахъ и воспоминанія небо Италіи, ея жизнь или хотя и *нашу* жизнь, но въ проявленіи болѣе романтическомъ и съ другою обстановкою подъ разными вліяніями страны любви и красоты... Таковы, между прочимъ картины гг. Реймерса и Худякова. Первая — совсѣмъ итальянская, безъ всякой русской примѣси, даже безъ примѣси чего-либо особенно своего: все это мы видѣли и видимъ чуть не на каждой выставкѣ въ Петербургѣ, Парижѣ, Римѣ — особенно въ Римѣ. Сюжетъ (если только можно назвать это сюжетомъ) картины Реймерса (осенній сборъ винограда въ окрестностяхъ Рима) почти такой же новый, какъ *сюжеты* вакханокъ, дѣвушекъ у фонтана, семействъ вищаго, пффераровъ и т. п. Въ Римѣ, гдѣ сосредоточены всѣ художественныя народности, каждую зиму каждая изъ нихъ ставитъ непременно по одному сбору винограда. У насъ памятиѣ другихъ были сборы винограда (кромѣ брюловскаго) гг. Орлова и Тимашевскаго: у перваго, какъ всегда, юный праздникъ олицетворялся тремя полу-фигурами, изъ которыхъ одна скалитъ зубы... у него же римскій карнавалъ, съ двигающимися, скачущими, кидающими букеты и муку, бѣснующимися тысячами народа, воплощался въ одну женскую полуфигуру съ букетомъ, и тоже съ оскаленными зубами. Г. Тимашевскій собиралъ виноградъ en grand, какъ и г. Реймерсъ, — на большомъ холстѣ, посредствомъ цѣлыхъ и многочисленныхъ фигуръ; нѣкоторыя изъ нихъ плясали также искусно, какъ тѣ балетныя солисты, которые вертятся мельницею на сценѣ. Г. Реймерсъ обошелся со своимъ виноградомъ нѣсколько иначе: безъ балета, съ замѣчательнымъ блескомъ красокъ и мастерствомъ группировки, но содержанія въ картинѣ оттого не прибыло. Глядя на работу г. Реймерса,

исполненную съ большимъ искусствомъ, вкусомъ и знаніемъ дѣла, жалѣешь о потраченномъ дарованіи на такой пустой предметъ. Что онъ вполне овладѣлъ умѣньемъ разставить фигуры, ловко и вѣрно нарисовать и написать ихъ — въ томъ картина вполне удостовѣряетъ; но еще пріятнѣе было бы удостовѣриться въ умѣнья художника *задумать* картину. А что умѣнья этого г. Реймерсу не занимать—стать — тому порукой нѣкоторыя изъ его прежнихъ небольшихъ работъ (похороны наприимѣръ, съ фигурой женщины въ траурѣ). Зачѣмъ же было затѣвать большую картину съ намѣреніемъ блеснуть однимъ высшимъ достоинствомъ? Развѣ для полученія званія профессора? Но неужели за картину съ содержаніемъ, званіе это не дается?

Еще одно замѣчаніе: при большихъ достоинствахъ рисунка и письма г. Реймерса, не хотѣлось бы встрѣчать въ его работахъ какого-то предвзятаго, какъ бы заказаннаго себѣ художникомъ пріема, вслѣдствіе чего большая его картина, чрезвычайно свѣтлая и колоритная, грѣшитъ нѣсколько противъ природы: дневной свѣтъ ея — скорѣе освѣщеніе сцены солнечными лампами, чѣмъ свѣтъ солнца. Всѣ прочія работы, г. Реймерса, меньшихъ размѣровъ, предельныя по мотивамъ и исполненію, подверглись еще болѣе капризу его манеры: онѣ точно прошли сквозь старыя картины разныхъ галерей, сквозь нихъ прокатаны и около нихъ набрались копоти, потускнѣли. Зачѣмъ это? Безспорно, старая картина, подъ пеленою времени, имѣетъ свою особенную, какую-то таинственную прелесть. Но это происходитъ оттого, что сквозь эту пелену глазъ проникаетъ мысленно до первоначальныхъ красокъ, о потерѣ которыхъ скорбитъ, какъ о поблекшей свѣжести щокъ красавицы, воображая ихъ себѣ можетъ быть даже цвѣтушѣе, чѣмъ онѣ были... Но прямо коптять свои свѣжія произведенія, стирать со щокъ румянецъ, превращая ихъ въ «новѣйшіе антики», какъ выражался одинъ губернский купецъ о своихъ товарахъ, право уже черезчуръ капризно. Дарованіе, какимъ надѣлила природа г. Реймерса, можетъ и должно обходиться безъ этихъ приправъ; матеріалы только не свѣжіе нуждаются въ приностяхъ, — свѣжая пища хороша и сама по себѣ...

Взгляните на картину г. Худякова «Тайное посѣщеніе»; или вспомните его «Игру въ мячъ»: онѣ безъ всякихъ приправъ, а кто станетъ жалеть о томъ? «Игра въ мячъ» даже не приправлена и особеннымъ содержаніемъ: беззаботные люди, подъ балующимъ ихъ солнцемъ, предаются пустой игрѣ, какъ чему-то важному — и только; но безукоризненная правда и простота, съ какими отвесся художникъ къ своему изображенію, дѣлаютъ изъ его картины безъ содержанія — картину полную содержанія: это жизнь простона-

роля Италіи въ живѣ, какъ она есть, безъ всякаго ухищренія и переданная въ тѣхъ краскахъ, какія есть въ ней самой, а не въ фантазіи живописца, насмотрѣвшагося галерей. Оттого-то, глядя на нее, вспоминаешь живую Италію, а глядя на картины г. Реймерса (медлія) вспоминаешь галерею Италіи... (1)

Нынѣшняя работа г. Худякова не всякаго даже заставитъ остановиться передъ собою. Иные назовутъ ее (и даже называютъ) пустякомъ, шуткою, не болѣе. Дѣйствительно, вещь не важная: холстъ небольшой, три-четыре фигуры, да и тѣ ничего особеннаго не дѣлаютъ: блондинка въ амазонкѣ, брюнетъ въ высокихъ запыленныхъ сапогахъ; смуглая римская простолюдинка у колыбели; розовый ребенокъ въ атласѣ и кружевѣ и черномазый въ растрепанной рубашкѣ... И никто даже руками не размахиваетъ; ни краски, ни движенія — ничто не бьетъ въ глаза. Точно пустякъ — шутка художника, не болѣе. Но такими пустяками не всякій художникъ забавляется и не всякій можетъ дошутиться до такихъ шутокъ. Впрочемъ и шуточной-то картина г. Худякова покажется развѣ тому, кто мало знакомъ съ заключенною въ ней драмою и съ той сферой, гдѣ она разыгрывается, или кому нужны красные плащи, кинжалы, кровь, таинственное ночное освѣщеніе, факелы, ракурсы мертвыхъ тѣлъ и разныя страсти, въ которыхъ

Все есть, коль нѣтъ обмана...

Страсти, разыгрывающіяся въ картинкѣ г. Худякова, одѣты въ обыденное платье, освѣщены яркимъ, откровеннымъ солнцемъ, отчасти и вызвавшимъ-то ихъ наружу; онѣ проявляются спокойно, безъ рѣзкихъ тѣлодвиженій, благовоспитанно и прилично, — словомъ, это страсти какъ онѣ есть въ известномъ кругу, и вдобавокъ, при условіяхъ голубыхъ глазъ и сѣвернаго женскаго личика, только загорѣвшаго подъ тѣмъ небомъ, которое такъ уже прямо и рождаетъ загорѣлыхъ брюнетовъ... да еще какихъ соблазнительныхъ для голубыхъ глазъ брюнетовъ!

Жизнь сѣверной женщины на пескахъ и ливняхъ только въ половину жизнь: кровь ея, согрѣтая березовыми дровами, густѣетъ и недвижется. Все тому способствуетъ: холодъ на улицѣ, холодъ въ обычаяхъ, холодъ въ той половинѣ человечества, который приносятъ свой юный жаръ на жертвенникъ канцелярій и департаментовъ, или расточаетъ на минеральныхъ водахъ и у разныхъ губительныхъ

(1) Позже явились на выставкѣ этюды и сцена *Келлера*, молодого художника, бывшаго въ Италіи насчетъ общества поощренія художествъ. Работы эти облачаютъ рѣшительное дарованіе, и по правдѣ красокъ составляютъ противоположность работамъ г. Реймерса.

Минь, привлекая къ себѣ фортуна, но не привлекая женщины иначе, какъ развѣ только законнымъ образомъ... Мудрено ли, что произведенія Италіи и Франціи, даже какого-нибудь Бадень-Бадена или самой Вѣны, съ груднымъ теноромъ, со скрипкою подъ боролою или съ метавѣемъ по воздуху своего тѣла обтанутого въ трико, являются какими-то метеорами иныхъ сферъ, болѣе горячихъ и фосфорическихъ въ этомъ сѣверномъ мірѣ холодной золотухи и гемороа. И боже, какія батареи биноклей направляютъ дожи и какъ воспламеняется кровь бель-этажей и всѣхъ вообще этажей отъ одного присутствія въ залѣ этихъ зажигательныхъ снарядовъ! Полиція дѣйствуетъ очень неосмотрительно, терпя ихъ присутствіе въ городѣ, гдѣ пожарная команда дурно устроена... Но платоническій пожаръ только обжигаетъ глаза, далѣе его не допустятъ брантьмауэры приличія, общественнаго надзора, чива и другихъ гасительныхъ средствъ благоустроенной жизни. Погодите однако: потушонная вепышка возьметъ свое при другихъ обстоятельствахъ, подаѣе, гдѣ приличіе на время можно сбросить какъ тѣсный корсетъ, чтобъ нѣсколько размять съ дѣтства зашнурованныя чувства... И вотъ, настроенная на романтической ладъ, спѣшить, съ замирающимъ сердцемъ, молодая женщина, бывшая только статскою совѣтницею, генеральшею, на Камениомъ острову или въ Петоргофѣ — въ страну Петрарка и Лауры. Она воображаетъ себѣ и вообразить боится, что тамъ, въ этой странѣ чудесъ, эти могучіе красавцы, съ глазами камъ ночь и какъ огонь, съ волосами чернѣе ночи, встрѣтятся на каждомъ шагу, что и лакей на запяткахъ даже будетъ итальянецъ, и кучеръ на козлахъ; что подобно тому, какъ кто-то, описывая Германію, сказалъ: «Вы знаете, что такое одинъ нѣмецъ? Ну, представьте же себѣ цѣлую страну населенную нѣмцами», что также точно въ Италіи, только вмѣсто нѣмцевъ — все чистые итальянцы. Всякій прохожій по улицѣ, всякая фраза долетѣвшая до уха — приводитъ въ восторгъ бѣдную женщину: герои театра и звуки арій, измѣнявшіе теченіе ея крови въ театрѣ по одному разу въ недѣлю, — заѣсь толпа, говоръ этой толпы. А южный воздухъ! что за шутки такіа онъ шутитъ съ ея кровью, что за маки разсыпаетъ онъ на ея щоки — маки, неусыпляющіе, но отъ которыхъ пьняють глаза, кружится голова... А тутъ еще этотъ металлическій говоръ за окнами — говоръ голосовъ, производящихъ дрожь, какъ струна виолончеля подъ смычкомъ... Скорѣе на балконъ... спѣши на улицу; лови минуту жизни, о которой ты мечтала всю жизнь, спеленутая душа!.. Солнце бросаетъ свое послѣднее золото на верхушки храмовъ; развалины стоятъ розовыя въ заревѣ заката... длинныя лиловыя тѣни пошли надъ городомъ и улеглись по уллицамъ, по пло-

щадяи... Колоколъ Петра ударилъ ave-Maria, и сорокъ-сороковъ колоколовъ Рима наполнили вечеръ своимъ перекликающимся пѣніемъ... Шаги на улицахъ умножаются. Римъ дождался сумерокъ и начинается жить... Февраль наполнъ воздухъ запахомъ цвѣтущаго миндаля и бѣлой акаціи... Скорѣе на Пинчіо, на Villa Medicis, Borghese!.. Какъ прекрасны и статны всѣ эти люди, которыхъ обгоняешь, которыхъ встрѣтить и къ которымъ прикуется глазами загорѣлая бѣлокурая головка.

— Oh, bella biondina! раздается вдругъ подъ самымъ ухомъ, и помутившіеся голубые глаза встрѣчаются съ черными глазами съ поволокой—ухъ, съ какими глазами! такихъ и на сценѣ она не видѣла... покрайней-мѣрѣ такъ близко не видѣла...

И все это: вечеръ, и глаза, и звуки віолончели уже прямо къ ней направленные, — все шутить съ нею шутки, какихъ она не знала прежде... Смотришь, новый февраль, вновь напоая воздухъ миндалемъ и акаціей, уже сводить бѣлокурую головку съ смуглою и черноволосою на одну картину, въ избу загорѣлой простолюдинки, къ люлькѣ — къ тайному посѣщенію... Понятно ли теперь содержаніе работы Худякова «Тайное посѣщеніе», которое могло бы быть названо также южнымъ изверженіемъ сѣвернаго волкана. Этимъ изверженіемъ обязанъ не одинъ красивый прислужникъ кофейни или обтесчикъ мрамора въ мастерской ваятеля титуломъ маркиза, купленнаго на заложенные въ опекуновскомъ совѣтѣ саратовскія и нивы души и правомъ на ихъ законное обладаніе... Покуда право это еще незаконно, происходятъ пассажи, вродѣ подмѣченныхъ г. Худяковымъ. Окрестности Рима — это царство художниковъ и кормилицъ — знаетъ не одну тайну такихъ тайныхъ посѣщеній...

Картина г. Худякова поднимаетъ завѣсу, или говоря проще, открываетъ дверь потаеннаго уголка, въ которомъ спрятано грѣшное послѣдствіе февральскихъ вечеровъ на вилахъ и проулкахъ святаго города... Въ избу простолюдинки заѣхала, катаясь верхомъ, молодая женщина, съ знакомымъ круглымъ очертаніемъ лица, такимъ же круглымъ носикомъ и русыми волосами, миловидная, какъ бывають миловидны тѣ женщины, которыхъ принято называть *миленькими*. Верхомъ безъ кавалера не ѣздить — и у нея есть кавалеръ, но только не скучная необходимость своей страны, а цвѣтокъ, сорванный на пути кратковременной свободы и жизни почти поэтической въ странѣ, гдѣ есть изъ чего выбрать по части цвѣтовъ. Это красивый юноша-итальянецъ, съ недавно-пробившимся усомъ и мягкимъ пушкомъ на подбородкѣ, съ волосами черными какъ смоль и густыми какъ руно... О, какъ онъ не похожъ на молодыхъ

столоначальниковъ Петербурга и даже на офицеровъ въ бѣлыхъ фуражкахъ, потрясающихъ прохожихъ своими рысаками... Съ вопросомъ на губахъ и счастьемъ во взорѣ, она смотритъ на своего красиваго юношу, нѣсколько тупо и почти перепуганно уткнувшася на малютку въ люлькѣ — такого же бѣлокураго и кругленькаго, какъ мать... Радъ ли онъ, какъ и она, или только потрясенъ важностью послѣдствій? Чего онъ боится? что его удивляетъ? Кому же какъ не ему было знать о возможности послѣдствій? Картина не даетъ положительнаго отвѣта на ваши вопросы. Додумывайте сами что хотите... Надъ люлькою, бокомъ къ зрителю, сидитъ красивая итальянка, сдвинувшая немножко розовое атласное одѣяльцо со спящаго ребенка, чтобы лучше показать его родителямъ. Бѣдное дитя спитъ также спокойно, какъ существо, котораго будущность определена и обезпечена. А какая это загадочная будущность! Страшно за малютку! Срокъ паспорта, срокъ домашняго отпуска, истощившійся кредитъ банкира — все можетъ лишить его завтра же и его розоваго одѣяльца, и кружевомъ обшитаго чепчика, и вкуснаго молока здоровой кормилицы, которая продовольствуетъ пока свое собственное дѣтище, грязное, смуглое, взерошенное и полунагое, средствами козы, такъ восхитительно озаренной на картинѣ полосой яркаго свѣта, упавшаго въ растворенную дверь... Вотъ вамъ и вся картина г. Худякова. Всѣ дѣйствующія лица: женщина въ амазонкѣ, ея спутникъ въ запыленныхъ сапогахъ, кормилица, ребенокъ въ люлькѣ и ребенокъ на полу, съ мѣдными образками, перевернувшимися съ груди на спину, даже коза — исполнены съ мастерствомъ и граціею, какіе встрѣтишь рѣдко у нашихъ художниковъ. Кисть г. Худякова пріятная и мягкая, передаетъ всю правду дѣйствительности въ ея истинныхъ краскахъ, не прибѣгая ни къ какимъ приправамъ или эффектамъ. Строгость рисунка и сочиненія до послѣднихъ подробностей достойны настоящаго профессора, которому отнюдь не слѣдуетъ оставаться безъ вліянія въ академіи.

Но до сихъ поръ было упомянуто только о главныхъ лицахъ «тайнаго посѣщенія». Остаются еще неглавныя — двѣ верховыя лошади, играющія и дыблящіяся въ рукахъ наряднаго негра. Онѣ видны въ открытую дверь избы и составляютъ какъ бы фонъ картины. По поводу этихъ-то второстепенныхъ лицъ и нельзя не сказать нѣсколько словъ, нето чтобы порицанія, но несогласія со взглядомъ автора картины. Мнѣ кажется, что положеніе лошадей, слѣвавшихъ, суда по запыленнымъ сапогамъ кавалера, не одну и не двѣ версты, слвали избрано удачно: глядя на нихъ скорѣе можно подумать, что ихъ только-что вывели изъ конюшни, и что отъѣздъ

впередѣ. Самое присутствіе тутъ негра, хотя и составляющаго выгодное пятно въ картинѣ, сбиваетъ съ толку. Я слышалъ кругомъ вопросы: «не на востокѣ ли происходитъ дѣйствіе?» Конечно у богатой барыни *заграницею* можетъ быть негръ, и даже часто бываетъ. Но едвали она возьметъ его съ собою, отправляясь на *тайное* посѣщеніе. Притомъ же художникъ добровольно лишилъ себя, насчетъ негра, одной изъ характерныхъ чертъ страны, имъ изображаемой: я говорю объ уличныхъ *факимахъ* — этихъ полу-нагихъ Ювовъ Италіи, существующихъ мѣдными крупницами, падающими отъ кошелековъ *форестьера* (иностраница). Пріѣзжіе волей-неволей должны были бы отдать новолья своихъ лошадей одному (еслибъ умѣли отдѣлаться отъ многихъ) изъ этихъ хозяевъ улицъ, площадей и городскихъ воротъ Италіи. Ихъ характерныя фигуры, любопытство превышающее всякое воображеніе, лакомое ожиданіе подачки за услугу — все это дало бы художнику не пятно только, но и превосходный типъ, который настолько же пояснилъ бы, гдѣ происходитъ дѣйствіе, насколько негръ это затемняетъ. Да негръ и неволь: Брюловъ непременно поставилъ бы тутъ негра.

Этимъ оканчиваются произведенія нерусскихъ, или смѣшанныхъ картинъ быта (жанра) на выставкѣ. Всѣ прочія чисто свои и вышли болѣе или менѣе изъ Федотова, какъ Минерва изъ головы Юпитера. На многихъ изъ нихъ (напримѣръ: «Кредиторъ описываетъ имѣнье вдовы» или «Первое число») Федотовъ оставилъ такіе замѣтные слѣды, какъ учитель на работѣ учениковъ. Прочія болѣе самостоятельны, да и авторы ихъ болѣе зрѣлы. Таковы двѣ простонародныя сцены гг. Перова и Попова. Первое мѣсто между ними занимаетъ картина г. *Перова*, явившаяся уже послѣ составленія каталога и исчезнувшая на другой же день съ выставки, *по причинамъ отъ художества независящимъ*.

Г. *Перовъ* обнаружилъ рѣшительное дарованіе два года назадъ своею работою: «Сынъ дьячка произведенный въ чинъ». Теперь это сатирическое дарованіе является съ сатирою, которую можно назвать «картинною безобразіемъ русской жизни». Изъ избы зажиточнаго мужика только-что вышелъ крестный ходъ и удаляется по улицѣ, предшествуемый пономаремъ въ затрапезной хламидѣ. Нѣсколько молодыхъ парней и мужиковъ, изъ грамотныхъ, одинъ почтенный старичокъ, нето мастеровой, нето дворовый, но во всякомъ случаѣ большой мастеръ выпить, въ стеганомъ халатѣ, тоже пожившемъ на своемъ вѣку, молодая бабенка, шлепаютъ по грязи, подтыкавши полы и поютъ. Съ крыльца спускается духовная особа въ облаченіи и дьячокъ сзади... Судя по операціи, совершаемой въ это время надъ хозяиномъ, проводившею дорогихъ гостей хозяй-

кою, — надо полагать, что въ избѣ была закуска. На голову этого достойнаго амфитріона льется цѣлый потокъ холодной воды изъ привѣшеннаго къ крылечной перекладинкѣ большого чайника и стекаетъ ручьемъ на гостя (тоже мужичка), повалившася замертво подъ крыльцомъ. Осень; по небу ходять низко тучи, гонимыя вѣтромъ. Все это такъ вѣрно и такъ безобразно, что г. Перова нельзя не поздравить съ умѣньемъ попадать не въ бровь, а прямо въ глазъ. Типы фигуръ и техническое исполненіе превосходны: такъ впоору работать и совсѣмъ зрѣлымъ художникамъ.

Мотивъ картины *г. Попова* элегической, но простой и потому хватающій за сердце: «больная крестьянка, исхудалая отъ шелуга, лежитъ въ рабочую пору на соломѣ въ избѣ; надъ нею машетъ вѣткою дѣвочка лѣтъ восьми и качаетъ въ тоже время колыбель, изъ которой выглядываетъ кулачокъ ребенка, по всѣмъ вѣроятіямъ надрывающася отъ крика. А въ открытую дверь идетъ лѣтнее тепло и солнце кладетъ свою золотую полосу на полъ. Желтѣющая нива, уставленная снопами, кишитъ рабочимъ людомъ.

Остальныя картины быта принадлежать жизни чиновниковъ, мастеровыхъ и того отдѣла человечества, которое всего лучше можно назвать *петербургскимъ*. Это міръ истертыхъ виць-мундировъ и жалованій по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ, міръ Петровичей и Акакіевъ Акакіевичей, открытый для искусства Гоголемъ, — сцены жалкой бѣдности и смѣшного довольства, мелкихъ стремленій и крупныхъ паденій Федотова, слезы вдовы, у которой описываютъ за долгъ бѣдняка или пьяницы мужа послѣднюю старую нитку, причемъ каска квартальнаго является роковымъ символомъ въ комнатѣ... Грязь невѣжество или роковое бѣдствіе всюду. Въ этотъ-то міръ перенесли свои палитры наши молодые художники быта, и надо имъ отдать справедливость, что если не всегда удачнымъ исполненіемъ, то почти всегда болѣе или менѣе удачною затѣєю они привлекаютъ къ себѣ зрителей. Послѣднее обстоятельство даже отчасти балуетъ ихъ и оттого-то исполненіе часто далеко отстаетъ отъ сюжета.

Между сценами изъ быта *петербургскаго человечества* особенно привлекательна сцена *г. Клодта*: «Бѣдная невѣста». Сумерки. Вдали, на потухшемъ осенне-свѣжемъ петербургскомъ небѣ рисуется церковь. Сквозь открытую дверь видны свѣчи и оклады образовъ. Изъ темной улицы, мимо подъѣзда богатаго дома, молчаливо, почти робко направляются къ церкви старушка, скромно одѣтая и дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ и покрываломъ невѣсты. Мальчикъ въ курточкѣ, вѣрно меньшей братъ невѣсты, безъ шапки, несетъ образъ. Сзади —

дѣвчонка-горничная тащить большой дождевой зонтикъ, на всякій случай. У невѣсты на плечахъ, тоже на всякій случай, накинута бѣдненькая мантилья. Отъ всего этого такъ и вѣтъ скромную, забитою долей, тощимъ обѣдомъ, тѣснымъ уголкомъ въ деревянномъ домикѣ, *Песками*, *Подъ-таврическимъ* и тому подобными мѣстностями Петербурга, куда богатые люди тоже уносятъ иногда свой сытый покой въ высокія палаты, сметающія каждый годъ по десятку такихъ деревянныхъ, кривыхъ, повалившихся на-бокъ убѣжищъ бѣдности. И вотъ одна изъ нарядныхъ обитательницъ этихъ палатъ, возвращаясь домой, въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, окидываетъ своимъ лорнетомъ бѣдную невѣсту, и вѣрно будетъ рассказывать со смѣхомъ у чайнаго стола о необыкновенномъ покрое ея платья... Лакей «изъ хорошихъ домовъ» почти недоволенъ встрѣчей: всякая молъ сволочь тоже болтается подъ ногами у барыни...

«Сватовство» г. *Петрова* (ученика) происходитъ разомъ отъ Голя и отъ Федотова: къ Петровичу-портному, сидящему на столѣ, на корточкахъ, какъ и слѣдуетъ сидѣть истинному портному, является съ предложеніемъ руки, сердца и чина его краснощекой дочери геморoidalный герой въ вицъ-мундирѣ о двѣнадцати рубляхъ жалованья. Отъ такого казуса, подмастерье — русскій парень съ бородкой, почесываетъ у себя въ затылкѣ: «Эхъ, молъ, не мнѣ досталась — пропадай дѣвка!» Дѣвка тоже потупилась и украдкой поглядываетъ на парня... Можетъ быть имъ жалко чего-нибудь. Теперь она чиновницею станетъ, знатность не позволитъ: *noblesse oblige*. Петровичъ, какъ человекъ благополучно дожившій на корточкахъ до блестящей лысины и очковъ на носу и надъ сердцемъ котораго приутюженный шовъ приобрѣлъ почти кровные права, неприятно развлеченъ въ эту торжественную минуту семьянина необузданностью босого мальчика, который зазѣвался и уронилъ на полъ раскаленный утюгъ, да еще дуетъ себѣ на пальцы, а утюга не поднимаетъ. Петровичъ съ угрозой и неудовольствіемъ смотритъ на нарушителя порядка: «Погоди, дескать, дай благословить, я тебя ужо!» Старуха-портниха — та поглощена однимъ зрѣлищемъ своей дочери-невѣсты, будущей чиновницы... А будущая чиновница?.. Не ея ли это долю предсказываетъ на своей картинѣ г. *Кочелевъ* (*Первое число*)? Пригорюнившаяся, худая и блѣдная, надъ пустымъ бумажникомъ мужа, который пришелъ въ первое число мѣсяца домой съ однимъ запасомъ хмѣля да ругательствъ и болѣзненно храпить, растянувшись на оборванномъ диванѣ: вотъ она — будущая чиновница. Парень, почесывающій въ головѣ, принесъ ли бы еще ей худшую долю — неизвѣстно...

Чтобы покончить со сценами изъ быта петербургскаго человечества, укажу на «опись имѣнія вдовы» г. *Журавлева*, съ очень типичными квартальнымъ, приказнымъ и купцомъ-кредиторомъ (извиняющими нѣсколько излишнее родство сюжета съ «Вдовой» Федотова), и еще г. Перова (автора «безобразія») «Дилетантъ». Толстый майоръ (чина не видно, но если онъ не майорскій, то начальству слѣдуетъ поспѣшить возвести дилетанта въ это званіе за его *deportement* (1)). Майоръ съ брюшкомъ и коротенькими жирными ножками занимается живописью. Онъ сострепалъ что-то такое, что возбуждаетъ въ немъ удовольствіе. Прищуривъ глазъ и откинувшись назадъ, онъ изслѣдуетъ свое произведеніе вмѣстѣ съ майоршей, вѣсящей съ мужемъ пудовъ конечно болѣе десяти. Сложивъ руку въ зрительную трубу, она тоже разсматриваетъ эффектъ майорской кисти. Законный отпрыскъ художественныхъ родителей, невсоставшій еще съ молокомъ вкусовъ своей матери, предается въ это время самымъ матерьяльнымъ побужденіямъ природы, лезетъ ручонкою за талью майорши... Г. Перовъ дѣйствительно одаренъ большою способностью *отрицанія*, какъ принято выражаться, а по моему — положительнымъ умѣньемъ смѣяться надъ тѣмъ, что смѣшно.

Большія картины выставки (называемыя обыкновенно историческими) менѣе всего могутъ заставить говорить о себѣ, и даже тѣмъ менѣе, чѣмъ онѣ болѣе. Что наиримѣрь можно сказать объ очень большомъ холстѣ г. Венига, «Два ангела, возвѣщающіе гибель Содома», гдѣ все есть — и познаніе, и трудъ, и пожалуй даже право на званіе профессора, но нѣтъ чего-то такого, что дѣлаетъ изъ труда произведеніе, изъ познаній — пользу, т. е. достиженіе впечатлѣнія, нѣтъ себя, — словомъ, нѣтъ... таланта. Что сказать о «Положеніи во гробъ», г. Тимашевского? Развѣ то, что по краскамъ оно гораздо лучше картины г. Венига; но вѣдь и въ немъ — одинъ воспоминанія разныхъ галерей Италіи... Говорить ли объ Александрѣ Невскомъ, въ двухъ видахъ, профессора Моллера, или о «Явленіи ангела женамъ мирносолицамъ», г. Ксенофонта, гдѣ художникъ точно раскололъ сперва свои фигуры на двое и потомъ приставилъ ихъ къ холсту, отчего онѣ вышли какъ-то плоско и бокомъ... Поменьше картины и получше: «Убіеніе архіепископа Іежскаго» г. *Страшнскаго* даже было бы совсѣмъ хорошо, еслибы ошибка въ освѣщеніи не испортила нѣсколько дѣла. Картина, величиной въ нѣсколько аршинъ, вся кака-то каменная, багровая, какъ-будто она изображаетъ пожаръ, а ей надо представить просто

(1) Помните одного изъ героевъ Дикенса съ его знаменитымъ *deportement*?

залу освѣщенную лампами. Г. Страшинскій настолько же пережарилъ свою картину, насколько г. Реймерсъ свою недожарилъ, и отъ этого обѣ теряютъ. Впрочемъ у г. Страшинскаго и движенія, и экспрессіи гораздо болѣе, чѣмъ у г. Реймерса, да и самое сочиненіе сложнѣе. Несмотря на нѣкоторые недостатки и между прочимъ на отсутствіе центра, отчего зритель развлеченъ отдѣльностями, картина г. Страшинскаго все-таки лучшее произведеніе выставки по части большихъ картинъ. Дарованіе у художника несомнѣнное и значительно разработанное.

Небольшая картина г. *Мясоедова* «Побѣгъ Гришки Отрепьева изъ корчмы» очень хороша по типамъ и движенію. Изъ картинъ русской исторіи — она положительно лучшая. Отрепьевъ въ окнѣ, съ ножомъ въ рукѣ, какъ волкъ ослабившійся на ухватившаго его за кушакъ человѣка, просто мастерская фигура...

Но если живопись настоящей выставки не представила ничего крупнаго, или крупныя ея явленія оказались мелкими, то зодчество обогатилось приобрѣтеніемъ, хотя и въ копіи, безцѣннаго памятника искусства. Архитекторъ г. *Нодбекъ* привезъ изъ Испаніи слѣпки *Алямбры*, воспроизведенной имъ съ необыкновеннымъ совершенствомъ. Это просто каменное кружево. Художникъ посвятилъ десять лѣтъ жизни на свой утомительный трудъ, но зато онъ перенесъ подъ финское небо Петербурга одинъ изъ блистательнѣйшихъ остатковъ мавританскаго зодчества. Зала, въ четверть настоящей величины, собранная въ цѣломъ, поразительна болѣе всего изваяніями потолка: точь-вточь столкиты повисли надъ головою... Прочія воспроизведенія разложены въ частяхъ, и ими, вмѣстѣ съ собранною залой, занята вся большая брюловская комната академіи.

Слѣпки г. Нодбека публикѣ не показывались — изъ опасенія, какъ слышно, чтобъ ихъ не разбилъ. Такимъ образомъ ихъ точно никто не разобьетъ, но никто и не увидитъ; а неужто это была цѣль десятилѣтней работы художника! Убережь Алямбру отъ рукъ, готовыхъ ее расколотить, конечно необходимо, но не бережь же ее отъ глазъ, умѣющихъ только смотрѣть...

И. К.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе.

Прусскія дѣла. — Прекращеніе конституціоннаго образа правленія въ Пруссіи. — Возвращеніе къ абсолютному. — Закрытіе палатъ.

Итальянскія дѣла. — Прощеніе Гарибальди. — Ходъ его болѣзни. — Папа и Францискъ II.

Греко-славянскій или восточный вопросъ. — Возстаніе въ Греціи. — Удаленіе короля. — Очеркъ исторіи греческаго королевства. — Сущность восточнаго вопроса. — Выгоды окончательныхъ рѣшеній.

Послѣднія извѣстія.

Если взять человѣка, который никогда не обращалъ большого вниманія на политическія дѣла западной Европы, не имѣлъ времени или не хотѣлъ познакомиться съ дѣлами внутренняго быта и внѣшнихъ отношеній западныхъ державъ и стало-быть не посвященъ во всѣ не очень таинственныя тайны стремленій, соображеній и комбинацій кабинетовъ, — если взять такого человѣка, и до нѣкоторой степени подробно описать ему нынѣшнее общее положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ, то онъ подумаетъ, что все это сказка, вродѣ плохого французскаго романа съ преувеличенною, натянутаю запутанностью завязки и интриги. Два-три отдѣльныя явленія онъ понялъ бы совершенно, но остальное показалось бы ему уродавымъ коверканьемъ празднаго воображенія. И много времени, много усилій стоило бы человѣку окончательное убѣжденіе въ томъ, что все это голая дѣйствительность и самая истинная правда. Но и тому, кто взялся бы познакомить свѣжаго человѣка съ этою дѣйствительностью, было не легко это сдѣлать: пришлось бы рассказывать о существованіи такихъ установившихся, но условныхъ понятій, которыя не объясняются обыкновеннымъ здравымъ смысломъ; пришлось бы называть нормальными такія положенія, которыя противорѣчатъ всему тому что свѣжій человѣкъ привыкъ считать естественнымъ, наконецъ нало бы называть нравственнымъ то, что во всякой другой сферѣ считается преступнымъ. Ничего нѣтъ

мудренаго, что свѣжій человѣкъ счелъ бы своего рассказчика сумашедшимъ, или вошелъ бы въ роль бѣднаго титулярнаго совѣтника Поприщина.

Есть на свѣтѣ одинъ народъ, который считаетъ себя первымъ народомъ на свѣтѣ; есть и другой народъ, который тоже себя считаетъ первымъ. У каждаго изъ этихъ народовъ есть, какъ водится, правительство, и каждое въ этомъ только пунктѣ съ своимъ народомъ совершенно согласно. Но такъ какъ два первые нумера невозможны, то они и готовы во всякое время между собою подрагаться, каждый имѣя въ виду низвести своего сосѣда во вторые нумера, чтобы остаться неоспоримо первымъ, и тогда распорядиться безъ помѣхи выгодиѣйшимъ для себя образомъ. Оба они однако знаютъ, что драка — дѣло невыгодное, тѣмъ болѣе, что между равносильными противниками никогда неизвѣстно чѣмъ она кончится, и чтобы какъ-нибудь печально не покориться, заключаютъ между собою союзы, трактаты, договоры, застраховываясь отъ невыгодъ войны торговыми барышами. Одинъ изъ этихъ народовъ лѣтъ двадцать жилъ на всей своей волѣ, крѣпко стѣсняя свое правительство; но одинъ изъ стѣсненныхъ правителей счелъ полезнѣйшимъ для блага народа перемѣститъ давленіе и стѣснить народъ. У другого народа правительство давно не было стѣсняемо и всегда пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, распорядясь произвольно; има ему капиталъ. Стало-быть оба соперника пользуются одинаковыми условіями по отношенію къ правительству, хотя и въ разныхъ формахъ. Каждый изъ соперниковъ силится имѣть возможно большее вліяніе на другихъ, и въ дальнихъ странахъ оба заботятся о распространеніи цивилизаціи, т. е. торговли, т. е. своихъ барышей. Все-таки боясь столкновенія между собою, они вступаютъ въ частые союзы для распространенія цивилизаціи посредствомъ пушекъ, какъ на примѣръ въ Китаѣ и въ Мексикѣ, и по поводу различныхъ внѣшнихъ вопросовъ часто заранѣе условливаются, какъ дѣйствовать. Куда одинъ пошлетъ свои корабли, туда и другой, чтобы неуступить сопернику исключительнаго вліянія, и оба тратятъ громадиѣйшія суммы на постройку непроницаемыхъ кораблей и неодолимыхъ крѣпостей, защищаясь другъ противъ друга. Одинъ изъ этихъ двухъ народовъ все-таки счастливѣе другого и въ своей внѣшней политикѣ сноснѣе вежели другой, потому собственно, что во главѣ его правленія стоитъ штыкъ, тогда какъ во главѣ другого — капиталъ, а штыкъ, еслибы даже онъ былъ самымъ дурнымъ на свѣтѣ штыкомъ, все-таки лучше капитала: у него хоть когда-нибудь, хоть изрѣдка могутъ проявляться добрыя чувства, проскальзывать стремленія къ справедливости, тогда какъ капиталъ никогда себѣ нена-

мѣняетъ, на одну минуту не теряетъ своей холодной бездушности, своего непреклоннаго, всеугнетающаго деспотизма.

Скучая очень вмѣшательствомъ штыка во всѣ дѣла ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, капиталъ придумалъ очень хитрое начало, *невмѣшательства*, и постарался доказать штыку, что никакуда же это не годится безпреставно всовываться вездѣ, гдѣ насъ не спрашиваютъ. Штыкъ съ этимъ совершенно согласился, нашолъ это вполне справедливымъ, и продолжаетъ всюду всовываться, потому что нельзя же ему отказаться отъ своей натуры и, чтобы сдѣлать удовольствіе сосѣду, перестать быть штыкомъ. Поэтому правило невмѣшательства остается, но допускаются нѣкоторыя исключенія, здѣсь, тамъ, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ, словомъ сказать вездѣ. Штыкъ остается въ чужой столицѣ; капиталъ состоитъ опекуномъ при одномъ умирающемъ государствѣ, считаетъ его копѣйки и терпѣливо ждетъ его смерти для полученія наслѣдства. Особенно торопится ему и нечего, да и выгоды не торопится, потому что фактически наслѣдство въ рукахъ, а тогда придется тревожить вопросъ о формѣ.

Рядомъ съ умирающимъ государствомъ есть другое, маленькое, меньше любой изъ нашихъ губерній; въ немъ произошла перемѣна правленія: король чужеземецъ удаленъ, народъ хочетъ устроиться по своему. Казалось бы здѣсь-то и надо невмѣшиваться; но капиталъ послалъ свои корабли, штыкъ послалъ свои, — вмѣшались будто бы для поддержанія начала невмѣшательства. Значитъ, ожидаются барыши.

Еще въ одномъ государствѣ, по распоряженію правительства, рвануть и взять въ плѣнъ доблестный сыпь своего отечества. Штыкъ весьма доволенъ, потому что не очень любитъ чужія доблести. Капиталъ не вмѣшивается, не видя тутъ никакой выгоды на барыши. Народъ подвластный капиталу требуетъ вмѣшательства своего правительства, но капиталъ находитъ другія помѣщенія и спокойно воздерживается подъ пятою замками.

Еще одно государство имѣло хартію, которой присягали всѣ. Въ послѣднее время правительство нарушило ее и начинаетъ преслѣдовать людей, крѣпко стоявшихъ за свои убѣжденія, несмотря на свои служебныя отношенія. Оно восторжествовало надъ хартіею, одержало полнѣйшую побѣду, и теперь не знаетъ какъ отдѣлаться отъ своего торжества.

Есть и еще одно государство, въ которомъ правительство устроило для разнообразныхъ своихъ подданныхъ однообразную колодку земнаго счастья и свободы, — ни дать ни взять какъ еслибы начальство какого-нибудь учебнаго заведенія для воспитанниковъ разныхъ

лѣтъ и возрастѣвъ вздумало шить совершенно одинаковые сапоги. Одному они велики, другому не лѣзутъ, вовсе не входятъ на ногу; а начальство говоритъ: ничего, — налѣвай, если приказано. И выходитъ, что никто недоволенъ: ни начальство, ни воспитанникъ. Начальство сердится, называетъ воспитанника строптивымъ, безпокойнымъ; стѣсненная нога ломить и не даетъ воспитаннику ступить, и наконецъ самый сапогъ изъ гнилого товара трещитъ по швамъ и расплзается. Не догадались, — если уже такъ необходимо шить сапоги по одной колодкѣ, — сдѣлать ихъ какъ можно просторнѣе, потому что младшіе воспитанники имѣютъ способность расти очень скоро, въ особенности ежели ихъ развитіе висколько нестѣснено; да сверхъ того доказано, что просторные сапоги въ зимнее время лучше держатъ тепло и отъ малѣйшаго движенія не лопаются по швамъ.

Много еще удивительныхъ и совершенно неправдоподобныхъ вещей можно бы наказать свѣжему человѣку; но все равно, лучше и не рассказывать, потому что онъ не повѣритъ. Чтобы все это видѣть и слышать не возмущаясь, нужна особенная привычка, которая извиняетъ то что неизвинимо, оправдываетъ то что не можетъ быть, не должно быть оправдано, и придумываетъ уловки и извороты, посредствомъ которыхъ черное выставляется въ бѣломъ свѣтѣ, а бѣлое вдругъ и неожиданно оказывается совершенно чернымъ.

Прусскія дѣла

Официальная газета великаго герцогства баденскаго въ замѣчательной статьѣ: «Наше положеніе относительно прусскаго конституціоннаго кризиса» превосходно опредѣляетъ значеніе того, что произошло въ Пруссіи. Обращаемъ на эту статью особенное вниманіе читателей, потому что она помѣщена въ правительственномъ органѣ, который долго молчалъ объ общегерманскихъ дѣлахъ.

«Прусская конституція нарушена въ одномъ изъ своихъ главнѣйшихъ пунктовъ, — это событіе, богатое послѣдствіями, важная ошибка, которая обратится противъ совершившихъ ее съ силою обратно пропорціональною той легкости, съ какою она совершена. Девяносто девятый параграфъ прусской уставной грамоты говоритъ до послѣдней степени ясно: «приходъ и расходъ государства должны быть на каждый годъ предложены заранѣе и вписаны въ смѣту, которая утверждается ежегодно закономъ.» Два собранія, — то, которое кончилось распущеніемъ палаты депутатовъ весною нынѣшняго года, и то, которое только-что закрыто, работали надъ утвержденіемъ смѣты на нынѣшній годъ. Вслѣдствіе закрытія собранія оказывается невозможнымъ кончить начатое дѣло, и мнѣн-

стерство объявило, что оно будет управлять безъ смѣты, и безъ предварительнаго смѣтнаго приходо-расходнаго закона будетъ распоряжаться государственными расходами, которые, по точному смыслу уставной грамоты, могутъ производиться только на основаніи этого закона. Правительство отринило 134 миліона, на которые получило законное согласіе, и предпочло незаконно истратить съ чѣмъ-то 170 миліоновъ. Но какъ бы ни легко было совершить незаконность, она все-таки продолжаетъ оставаться незаконностію, и эта кажущаяся легкость исполненія откликнется со временемъ очень тяжело. Сколько разъ прусскій кабинетъ можетъ повторить ту же самую продѣлку? Съ 1859 года народное движеніе въ Германіи клонилось къ тому, чтобы довѣрить Пруссіи наше политическое возрожденіе или воскресеніе; а нынче не только свободномыслящіе люди, ревниво стоящіе за всякое обезпеченіе свободы, но и самые безусловные сторонники германскаго единства вынуждены признаться, что Пруссія не имѣетъ свойствъ, необходимыхъ для предводительствованія такимъ движеніемъ. Правительство, не имѣющее никакого уваженія къ своему парламенту, не можетъ созвать *германскій парламентъ*, а германское единство не можетъ быть основано безъ воли народа. Народное стремленіе, вслѣдствіе переворота происшедшаго въ Пруссіи, потеряло такъ-сказать сборный пунктъ и ограничивается собою.»

По всей справедливости слѣдуетъ замѣтить, что прусское правительство нарушило свою уставную грамоту не какъ-нибудь торопливо, сгоряча, въ припадкѣ гнѣва на палату народныхъ представителей, не соглашавшихся платить на военные издержки столько, сколько назначило правительство. Нѣтъ, правительство знало рѣшеніе палаты, не торопясь обдумало свое рѣшеніе, дало время всѣмъ высказаться, привести всѣ доводы, пригрозило неутвержденіемъ смѣты въ верхней палатѣ, устроило благообразную обстановку посредствомъ форменной прилирки, отринило утвержденную въ сокращенномъ видѣ смѣту, и спокойно, какъ слѣдуетъ увѣренной въ себя силѣ, объявило, что нарушаетъ уставную грамоту потому, что такъ хочетъ. Оказалось, что всѣмъ давала высказаться собственно для обнаруженія большей или меньшей самостоятельности убѣжденій каждаго изъ членовъ палаты.

Съ другой стороны справедливость требуетъ замѣтить, что во все время повидимому бурныхъ преній о смѣтѣ, члены палаты вели себя въ высшей степени умѣренно, строго держались закона, требовали только законности и не дозволили себѣ ни одного малѣйшаго увлеченія. Въ своихъ протестаціяхъ самыя рѣзкія мѣста члены цитировали изъ чужихъ ораторовъ, такъ что все выходило

въ высшей степени прилично, и самый щекотливый министр не могъ оскорбиться.

Положено было протестовать противъ расходовъ, совершаемыхъ сверхъ утвержденной палатою смѣты. Протестаціи эти были въ разныхъ формахъ, но сущность была одна и таже: продолженіе расходовъ, однажды и экстраординарно разрѣшенныхъ на 1860 и 61 годы, составляетъ въ 1862 году передержку противъ смѣты; эта передержка ложится на отвѣтственность королевскаго правительства и не можетъ быть покрыта иначе, какъ съ согласія обѣихъ палатъ особымъ закономъ. Палата заравѣе протестуетъ противъ возможности предположить, будто она молча соглашается на продолженіе тѣхъ же расходовъ въ 1863 году, и не допускаетъ новыхъ расходовъ, кромѣ обусловленныхъ быстрымъ переходомъ съ военнаго положенія на мирную ногу, при условіи двухлѣтней военной службы.

Сверхъ того палата изъявляла свое неудовольствіе по поводу поздняго представленія смѣты, и объясняла это не безпечностью со стороны министерства, а преднамѣреннымъ промедленіемъ. «Въ такомъ же точно положеніи находилась палата общинъ въ Англіи, во времена Питта, — говоритъ одинъ изъ ораторовъ, — и тогда въ протестѣ палаты было сказано: будетъ считаться тяжкимъ преступленіемъ, дерзкимъ посягательствомъ на довѣріе общества, насиліемъ противъ уставной грамоты поступокъ всякаго чиновника министерства финансовъ, который заплатитъ или прикажетъ заплатить малѣйшую сумму, не утвержденную предварительно парламентскимъ постановленіемъ».

Въ самомъ дѣлѣ смѣта тогда только есть смѣта, когда составлена до начала расходовъ. Это въ 99 параграфѣ и обозначается словомъ «заравѣе». Палата не хотѣла даже употребить слова «протестуемъ», а выразилась гораздо умѣреннѣе, говоря, что она «приглашаетъ» министерство. Ей легко было быть умѣренною, потому что она предъявляла только свои несомнѣнныя права, тогда какъ министерство стояло внѣ своихъ правъ отъ перваго слова до послѣдняго. Приходорасходная государственная смѣта есть главное основаніе всякой конституціи; но въ Пруссіи нѣтъ другого важнѣйшаго закона объ отвѣтственности министровъ, хотя собственно говоря, эта отвѣтственность сама собою вытекаетъ изъ уставной грамоты; тамъ нѣтъ еще закона объ отказѣ платить подати, ни объ отказѣ утвердить смѣту, но у палаты имѣется конституціонное право участвовать въ составленіи и утвержденіи смѣты. Это *минимумъ*, при помощи котораго возможенъ какой-нибудь законный конституціонный порядокъ. Но это *минимумъ* должно быть неиркосновенно.

Если уничтожить 99 параграфъ или согласиться въ немъ на какую-нибудь уступку, то конституція не существуетъ. Во всѣхъ конституціяхъ на свѣтѣ, въ финансовомъ вопросѣ первую роль играетъ нижняя палата, потому что она непосредственно избирается тѣми, кто платитъ подати. Если она отвергла какой-нибудь расходъ, то онъ этимъ самымъ вычеркивается изъ смѣты, не можетъ уже составлять ея часть. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ нынѣшній президентъ совѣта министровъ эту простую теорію разбивалъ противоположными началами, говоря: «если смѣта не утверждена, то можно управлять безъ смѣты, а если утвержденная палатою смѣта не нравится, можно составить другую». Нечего говорить, въ какой мѣрѣ эти начала согласны съ существующею уставною грамотой, тѣмъ болѣе, что прусскій народъ достаточно развитъ для пониманія финансового вопроса, и знаетъ что значить растрачивать жизненные силы страны въ самовольныхъ расходахъ; сверхъ того народъ имѣетъ вѣру въ установившееся и нравственное право, которое все-таки произноситъ послѣднее слово въ судьбахъ народовъ. Въ народѣ прусскомъ заключается огромнѣйшій запасъ силъ, которыя приведутъ его къ побѣдѣ, помогутъ сопротивляться и страдать, чтобы побѣдить непостижимое легкомысліе, съ которымъ министерство смѣется надъ конституціей.

Что должно бы произойти, еслибы верхняя палата не утвердила смѣты? Тогда не было бы никакой смѣты, а такъ какъ безъ смѣты государство существовать не можетъ, то изъ этого прямо слѣдуетъ, что правительство должно представить другую, исключивъ изъ нея всѣ непринятые пункты. Въ случаѣ если и другая была бы отвергнута верхнею палатою, палата обязана была бы заняться разсмотрѣніемъ третьей. Но еслибы упущено было время, вслѣдствіе постоянныхъ отказовъ верхней палаты, пришлось бы наконецъ прибѣгнуть къ силѣ, на употребленіе которой такъ тонко намекнулъ предсѣдатель совѣта министровъ; но сила должна бы быть употреблена противъ тѣхъ, кто злонамѣренно не платитъ, злонамѣренно отказывается отъ утверждаемыхъ 133 миліоновъ, злонамѣренно упустилъ время. И тогда наступитъ минута, столь горячо желаемая прусскимъ народомъ уже столько лѣтъ сряду; тогда доказана будетъ ясно и очевидно необходимость совершенно преобразовать верхнюю палату, составляющую важное препятствіе цивилизаціи въ Пруссіи.

Возвращаясь опять къ 99 параграфу, замѣтимъ, что смѣта каждаго года есть особенный каждый разъ законъ. По смыслу прусской уставной грамоты всякій законъ обсуживается въ двухъ палатахъ и утверждается королемъ, стало-быть всякій законъ есть продуктъ

тройственного согласія трехъ властей. Такимъ образомъ палата депутатовъ одна не можетъ разрѣшать расходы; это разрѣшеніе должно всегда сопровождаться двумя другими. Но далѣе надо различать: не нужно трехъ отказовъ, чтобы отвергнуть смѣту; довольно чтобы недоставало одного утвержденія, — и смѣта не допускается. Еслибы существовалъ законъ объ ответственности министровъ, то въ случаѣ крайней необходимости министръ переступаетъ конституцію, и тогда его положеніе исполнено высоконравственного значенія. Когда въ 1766 году Питтъ нарушилъ уставную грамоту, чтобы спасти отъ голода цѣлое народонаселеніе, онъ спокойно могъ явиться передъ народными представителями. Когда генераль Юркъ 30 декабря 1812 года заключилъ въ Таурогенѣ конвенцію, въ силу которой не спросясь короля отложился отъ французскихъ войскъ и принялъ нейтральное положеніе, онъ очень хорошо зналъ, что преступилъ границы своей власти; но онъ могъ спокойно предоставить королю выборъ между утвержденіемъ его конвенціи и паденіемъ его сѣдой головы. Когда министръ знаетъ, что онъ подлежитъ законной ответственности, пусть онъ нарушаетъ уставную грамоту, пускай въ крайнемъ случаѣ онъ становится выше закона; иначе онъ оскорбляетъ здравый смыслъ и нравственное чувство народа.

Когда смѣта была окончательно разсмотрѣна въ палатѣ и утверждена въ измѣненномъ видѣ, она перешла на разсмотрѣніе верхней палаты. Послѣ краткихъ предварительныхъ преній, графъ Арнимъ-Бойценбургъ предложилъ отвергнуть смѣту, измѣненную палатою депутатовъ, и утвердить ту, которая предложена была министерствомъ. 150 голосовъ противъ 17 отвергли смѣту, измѣненную парламентомъ, и потомъ 114 голосовъ противъ 44 утвердили смѣту, составленную министерствомъ.

На другой же день, 13 октября, президентъ палаты депутатовъ, достопочтенный старецъ фонъ-Грабовъ, прочелъ въ засѣданіи постановленіе верхней палаты касательно смѣты на 1862 годъ и прибавилъ: я горько и откровенно сожалею, что вамъ черезъ меня пришлось узнать это горестное рѣшеніе. Я глубоко убѣжденъ, что верхняя палата поступила противно нашей конституціи; но я не имѣю права не подвергнуть верхнихъ постановленій обсужденію этой палаты, и потому предлагаю передать ихъ смѣтной комиссіи, которая должна будетъ представить вамъ свой отчетъ черезъ часъ.

Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ часъ комиссія представила слѣдующій проектъ заключенія:

«Палата депутатовъ объявляетъ, что постановленіе верхней палаты не ограничивается принятіемъ или непринятіемъ постановлен-

ной палатою депутатовъ смѣты, которая только и была представлена на разсмотрѣніе; напротивъ, отвергнувъ постановленіе палаты депутатовъ, она утвердила непредставленную ей на разсмотрѣніе смѣту правительства; такое постановленіе противно точному смыслу и тексту 62 параграфа уставной грамоты, и потому считается за ничто и не существуетъ. Королевское правительство не можетъ вывести никакого права изъ этого постановленія верхней палаты.»

Это заключеніе утверждается палатою единогласно. Потомъ г. Бисмаркъ прочелъ королевское посланіе, созывающее палаты во дворецъ для ихъ закрытія. Наконецъ президентъ Грабовъ сдѣлалъ бѣглое обзорѣніе всего того что сдѣлала палата, и выразилъ надежду, что королю удастся разрѣшить нынѣшнее затрудненіе въ смыслѣ уставной грамоты. Кончилъ онъ, три раза провозгласивъ: «да здравствуетъ король, неколебимо стоящій на почвѣ конституціи, которой онъ присягалъ, и да здравствуетъ конституція!» Члены палаты съ восторгомъ повторили этотъ крикъ.

Въ тотъ же день палата была закрыта королевскимъ посланіемъ. Многіе изъ членовъ въ тотъ же день уѣхали изъ Берлина.

Послѣ этого началось запрещеніе нѣкоторыхъ номеровъ различныхъ газетъ, началось преслѣдованіе нѣкоторыхъ чиновниковъ, которые были членами распущенной палаты, подавали голоса противъ смѣты, составленной министерствомъ. Началось представленіе королю различныхъ депутацій, поздравляющихъ его величество съ благополучнымъ избавленіемъ отъ палаты. Нѣкоторымъ депутаціямъ король отвѣчалъ между прочимъ: «Я твердо рѣшился не оставлять болѣе ни одного изъ доставшихся мнѣ преемственно правъ. Скажите это пославшимъ васъ. Богъ всемогущій всегда покровительствовалъ Пруссіи и будетъ продолжать намъ покровительствовать. Девизъ Пруссіи есть: Съ Богомъ за короля и отечество!»

Побѣда министерства надъ прусскою уставною грамотой была чрезвычайно легка, точно также, какъ итальянскому министерству легко досталась побѣда при Аспромонте. Чтобы далѣе съ успѣхомъ вести дѣла, необходимо сообразить всѣ обстоятельства, извѣстныя всѣ возможности, собрать мнѣнія людей компетентныхъ, посоветоваться съ первыми знатоками и мастерами государственныхъ переворотовъ въ извѣстномъ смыслѣ. Нынѣшній президентъ совѣта министровъ г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, какъ извѣстно, нѣкоторое время былъ посланникомъ въ Парижѣ. Теперь онъ опять уѣхалъ въ Парижъ, подъ предлогомъ представленія императору королевскаго письма, отзывающаго его съ поста посланника.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Итальянскія дѣла происходятъ теперь въ разныхъ мѣстахъ, въ Парижѣ, въ Біарицѣ, въ Лондонѣ, только не въ Италіи. Тамъ лежитъ только больной человекъ съ прострѣленной ногой и ожидаетъ операціи и смерти. Но смерть его конечно не страшитъ. Столько разъ онъ вдалѣ ее лицомъ къ лицу, столько разъ былъ къ ней готовъ, что теперь она его не удивитъ. Но страшно ему оставить свою Италію, проститься съ нею въ такое время, когда еще ей необходимъ такой преданный сынъ, бросить ее на произволъ біарицкихъ распоряженій и можетъ быть очень честныхъ, но очень, очень далеко негеніальныхъ опекуновъ. Что станется съ его твореніемъ? Кто подниметъ его изъ униженія? Чье обожаемое имя подниметъ массы противъ прятѣснителя? Чей голосъ вдохнетъ въ эти массы увлеченіе, необходимое для великаго дѣла? А энтузіазмъ простываетъ; онъ, раненый, это чувствуетъ, и бьется это сознать ясно и отчетливо, потомучто въ этомъ сознаніи смерть, не его, раненаго смерть, которая ровно ничего не значитъ, а политическая смерть прекрасной Италіи, которой чужеземецъ не даетъ стать на ноги, не даетъ укрѣпиться, опериться, которому въ этомъ помогаютъ иъщавски умѣренные и акуратные опекуны. И къ невыносимому физическому страданію присоединяется глубокое страданіе нравственное, и могучій, несокрушимый организмъ наконецъ уступаетъ адскимъ страданіямъ. Само собою разумѣется, что извѣстіе о прощеніи не опечалило его и не порадовало. Онъ лежалъ, закрывши глаза, въ полуусыпленіи, когда ему объявленъ былъ королевскій декретъ, иъсколько открывъ глаза, сказалъ «а!» и опять погрузился въ болѣзненный полусонъ. А между тѣмъ стоило обратить вниманіе на этотъ актъ и предшествовавшій ему докладъ, какъ на любопытнѣйшіе документы внутренней дипломатіи.

Въ докладѣ сказано, что поводы, заставившіе министровъ воспротивиться великодушнымъ стремленіямъ короленскаго сердца, болѣе не существуютъ; владычество законовъ восстановлено и утверждено. Довѣріе къ открытой и въ тоже время мудрой политикѣ короля умѣрило нетерпѣніе, которое подвигнуло Гарибальди на пугъ возстанія и привело аспромонтскую катастрофу. Всякому стало очевидно, что когда онъ сражался во имя короля, то совершалъ чудеса, а когда онъ, забывъ свои обязанности, употребилъ оружіе противъ королевскихъ правъ, то немедленно пораженъ былъ неудачей. Теперь успокоенная Италія, вспоминая услуги, оказанныя раненымъ героемъ, желаетъ забыть его заблужденія. Пока надо было бороться

съ возставіемъ, правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры, а теперь, когда всякая опасность прошла, можно исполнить общее желаніе и даровать помилованіе. Въ текстѣ королевскаго декрета Гарибальда не упоминаютъ; сказано только, что зачинщики и соучастники событій и попытокъ къ возстанію, бывшии въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ въ южныхъ провинціяхъ, и не виновные въ обыкновенныхъ преступленіяхъ, освобождаются отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ. Исключаются изъ этого прощенія военные какъ сухопутные, такъ и моряки. — Коротко, но не совсѣмъ ясно.

Главный зачинщикъ тоже военный генералъ итальянской сухопутной службы; его сынъ военный полковникъ. По точному смыслу декрета оказалось, что зачинщикъ не прощенъ, такъ какъ объ немъ—то шло все дѣло, противъ него только юстиція не имѣла оружія, о немъ только болѣла и болитъ его Италія. Но не придираясь къ словамъ, не доводя министерство на промахѣ въ выраженіи, зачинщикъ сказалъ только «а!» и не протестовалъ противъ прощенія: для него не въ томъ заключалось главное дѣло. Италія ничего не выигрывала и не проигрывала отъ этого декрета, потому что ея боецъ во всякомъ случаѣ выбылъ изъ строя, и сколько столѣтій пройдетъ, пока она дождется такого же!

Съ самаго начала состояніе раны было очень удовлетворительно: была надежда не только на полное, но и на скорое выздоровленіе. Но не все врачи были такого мнѣнія. Докторъ Палашіано былъ того мнѣнія, что пуля осталась въ ранѣ; того же мнѣнія были два другіе врача. Но четыре доктора, бывшіе постоянно при больномъ, и съ ними еще два итальянскіе профессора и англійская знаменитость докторъ Партраджъ, считали, что пули нѣтъ въ ранѣ и что заживленіе произойдетъ безпрепятственно. Оптимисты въ этотъ случаѣ основывались на томъ, что пули нельзя найти, что различные куски шерсти и кожи, увлеченные пулей въ рану, вышла сама собою вмѣстѣ съ гноемъ, тогда какъ еслибы въ ранѣ была и пуля, то она не выпустила бы этихъ кусковъ, притиснувъ ихъ къ стѣнкамъ раны. Песимисты возражали, что неестественное положеніе ступни прямо указываетъ на то, что между костями находится постороннее тѣло. Потомъ рана имѣетъ одно только отверстіе, и если пуля вышла, то могла выйти только обратно, отскочивъ отъ кости; но этого допустить нельзя, потому что берсальеры стрѣляли на очень близкомъ разстояніи, не болѣе девяноста сажень, а на этомъ разстояніи коническая пуля изъ нарѣзнаго ружья летитъ еще съ полною силой, и не расплющивается, какъ обыкновенная круглая пуля. Сверхъ того легкость, съ какою вышла изъ раны предметы, увлеченные туда пулей, ничего

не доказываетъ, потому что пуля по своей конической формѣ и вращательному движенію, проникая въ тѣло, весьма могла оставить за собой увлеченныя въ тѣло доскутья одежды. Такъ сначала споръ и небылъ рѣшонъ. А между тѣмъ состояніе больного становилось хуже и хуже, такъ что надо было 10 октября созвать консультацію. Разсмотрѣвъ больное мѣсто врачи нашли сильную опухоль выше щиколки, и приписали это явленіе припадку ревматизма, который явился и въ другихъ суставахъ, вслѣдствіе перемежающаго состоянія атмосферы. Исслѣдуя рану зондомъ, легко проникнуть въ боковую вѣтвь, глубиною дюйма въ два: тамъ замѣчаются неровности обломанной кости. Конецъ зонда останавливается близь внѣшней щиколки, не встрѣчая твердаго тѣла. Нагноеніе хорошаго качества и пропорціональное объему раны. Вокругъ сустава значительная отечная опухоль. На нѣсколько линій впереди внѣшней щиколки замѣчается краснота кожи; прикосновеніе въ этомъ мѣстѣ производитъ сильную боль, а въ глубинѣ можно примѣтить нѣкоторое сопротивление. При давленіи подъ щиколкой, изъ раны выходитъ гной. Общее состояніе больного удовлетворительно, всѣ отправленія совершаются нормально. Однако онъ сильно похудѣлъ, что уже неизбѣжно вслѣдствіе продолжительной неподвижности и страданій отъ раны и отъ ревматизма. Изъ всего хола болѣзни и изъ состоянія раны выведено, что рана очень серьезная, потому что имѣется переломъ внутренней щиколки, и суставъ обнаженъ; потому что нельзя положительно сказать, чтобы пули тамъ не было, наконецъ потому что у больного есть расположеніе къ ломотѣ. Несмотря на все это, можно произнести предсказаніе благопріятное, хотя и могутъ произойти осложненія, болѣзнь можетъ затянуться и усилиться.

До сихъ поръ больной лежалъ въ небольшомъ фортѣ Варивьяно, принадлежащемъ къ системѣ укрѣпленій Спеція. Въ этомъ фортѣ есть лазаретъ, обширное помѣщеніе для каторжниковъ и морской запасный магазинъ. Остроумный г. Ратацци чрезвычайно искусно помѣстилъ своего плѣнника вмѣстѣ съ каторжниками. Чтобы дойти до помѣщенія больного, надо было пробраться въ отравленной атмосферѣ среди работающихъ въ цѣпяхъ арестантовъ. У входа къ больному всегда стояло два карабинера съ заряженными ружьями. Мѣсто печальное: тюрьма и больница въ одно время, слышенъ звукъ цѣпей, чувствуется запахъ лекарствъ; страшное мѣсто.

Посѣтитель, желающій видѣть больного, пройдя часовыхъ, попадаетъ въ отрядъ красныхъ рубашекъ: это штабъ раненаго. Въ первой комнатѣ находится вѣчный дежурный старый докторъ Рипари, сераятый, ворчунъ, недоступный; мало говоритъ, никогда не

смѣется, но плачетъ иногда, видя страданія своего больного. Если посетитель не принадлежитъ къ числу друзей и старыхъ знакомыхъ, то дальше этой комнаты онъ и не попадетъ. Проникнуть къ больному можно только черезъ длинный рядъ небольшихъ лазаретныхъ комнатъ, изъ которыхъ каждая занята однимъ или двумя изъ преданнѣйшихъ друзей.

Несмотря на ужасающія страданія, Гарибальди и въ болѣзни сохранилъ ту величаво-спокойную простоту, которая такъ привязывала къ нему всякаго, кто къ нему приближался. Говорилъ онъ мало, охотнѣе слушалъ, и если скажетъ что-нибудь, то съ необычайною краткостью и точностью, удивительно вѣрно и удачно. Ненависти въ немъ рѣшительно не было замѣтно ни къ кому, и въ этомъ отсутствіи гнѣва было что-то величественное. Онъ не любилъ говорить о себѣ, о своихъ страданіяхъ и ранѣ; тридцать дней онъ пробылъ безъ сна и ни разу не жаловался.

Англійскій докторъ Партриджъ осматривалъ его больную ногу, трогалъ ее, щупалъ и давилъ во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчая, что на лицѣ больного не шевелится ни одинъ мускулъ, онъ наконецъ испугался и спросилъ: «Неужели вамъ не больно?» — Очень, отвѣчалъ больной. Тогда онъ снова принялся за осмотръ. — «Здѣсь какъ?» спросилъ онъ. — Боль не большая. — «А тутъ?» — Очень больно. — «Здѣсь?» — Мука невыносимая, отвѣчалъ больной своимъ обычнымъ, кратко спокойнымъ голосомъ. Можетъ-быть эта стойкость и обманула англійскаго хирурга.

Пятка и суставъ обнажились, такъ что вся нога должна была лежать на икрѣ; нога привязана перевязкою къ особенной подставкѣ, такъ что она постоянно виситъ.

Жизнь въ Вариньяно была печальная; въ теченіе дня случалось одно только происшествіе, — прибытіе почты; всякій ждалъ и надѣялся писемъ. Одинъ Гарибальди не ждалъ и не надѣялся ничего; если дадутъ ему газеты, то онъ читаетъ, забудутъ дать — не спрашиваетъ. Писемъ получалъ онъ много, но конечно ему подавали только тѣ, которыя до него лично касались. Не было возможности только перечестъ письма отъ разныхъ лекарокъ и знахарей, которые предлагали его лечить. Онъ получалъ много подарковъ, оружія, книгъ, всякой провизіи. Одна дама прислала ему изъ Манчестера изъ своихъ оранжерей винограду. Въ Спеціи нѣсколько стрѣлковъ охотились постоянно только для его стола.

Между тѣмъ время шло; всѣ окончательно убѣдились, что пуля осталась въ ранѣ, а рѣшительныхъ мѣръ не принимали. Приѣхалъ г. Бертани, по мнѣнію котораго необходимо немедленно отнять ногу; но для этого надобно перевести его изъ Вариньяно, не защищен-

наго горѣни отъ сѣвернаго вѣтра, что въ его ломотномъ расположеніи вредно. Еслибы Гарибальди былъ какой-нибудь неизвѣстный бѣднякъ или обыкновенный больной, то съ нимъ справились бы весьма скоро, вынули бы пулю или отняли бы ногу. Но тутъ возбуждаемое больнымъ сочувствіе было причиною надежды вылечить его безъ отнятія ноги. Думали пособить дѣлу тщательнѣйшимъ уходомъ, внимательнѣйшимъ, ежеминутнымъ присмотромъ, и можетъ-быть потеряли слишкомъ много времени.

22 октября больной былъ перевезенъ черезъ заливъ изъ форта Варивьяно въ самую Спецію. Положили его на лодку, взятую на буксиръ арсенальнымъ пароходомъ; потомъ его буксировала шлюпка съ корабля «il Re Galantuomo». Горькое совпаденіе обстоятельствъ. Это слово изобрѣтено самимъ больнымъ въ то счастливое время, когда онъ взялъ Италію и отдалъ ее королю. Отъ короля имя перешло къ кораблю, съ котораго шлюпка буксировала чуть не похоронную лодку. На пристани палатку сняли съ лодки и вынули оттуда больного на большомъ креслѣ, въ полулежащемъ положеніи. Нѣсколько человѣкъ подняли его и понесли. Народу собралось множество, но всѣ молчали и молча снимали шапки, какъ передъ гробомъ. Больной отвѣчалъ на поклоны движеніемъ руки. Народъ замѣтилъ, что онъ похудѣлъ и въ тоже время какъ-то отекъ. Вокругъ носилокъ шло человѣкъ двѣнадцать въ красныхъ рубашкахъ и нѣсколько друзей въ обыкновенномъ платьѣ. Самъ онъ былъ тоже въ красной рубашкѣ покрытой сѣрымъ плащемъ. На головѣ у него была низенькая сѣрая шляпа; одинъ изъ друзей прикрывалъ его зонтикомъ отъ солнца.

Теперь надо ожидать извѣстій о результатахъ консиліума: отнять ногу или попробуютъ вынуть пулю со стороны внѣшней щиколки? Но Италія въ страстномъ напряженіи ожидала развязки, трепещетъ и боится несчастнаго исхода. Въ теченіи семи недѣль потерянаго времени не успѣло ли уже развиться худосочіе, которое вслѣдъ за операціей убьетъ больного? На консиліумъ ѣдетъ опять докторъ Партриджъ, съѣзжаются другія европейскія хирургическія знаменитости. Но успѣютъ ли они что-нибудь сдѣлать? Что они могутъ сдѣлать противъ худосочія? Не придется ли имъ только своимъ безсиліемъ доказать г. Ратацци старую поговорку, что одинъ броситъ камень въ воду, а десять умныхъ не вытащатъ.

Между тѣмъ пока больной лежалъ въ страшныхъ мукахъ, благополучно совершилось бракосочетаніе дочери короля Виктора-Эммануила съ королемъ португальскимъ. Торжества по этому случаю были пышныя, великолѣпныя; различные города прислали разныя

свадебныя припошніа, большею частію художественныа; король ихъ благодарилъ.

Сильно поговариваютъ о перемѣнахъ, имѣющихъ произойти въ составѣ министерства, и важность ихъ весьма понятна, если принять въ соображеніе, что президентомъ совѣта министровъ останется тотъ же господинъ Ратацци, министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлается министромъ финансовъ, министръ финансовъ возьметъ портфель публичныхъ работъ, а министръ публичныхъ работъ займется министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Впрочемъ, можетъ-быть произойдетъ перетасовка другого рода, карты подтасуются въ другомъ порядкѣ; но игра останется все таже. Благодаря бессилію министерства, его неумѣнью воспользоваться рѣдкимъ въ жизни народомъ энтузіазмомъ, овладѣвшимъ Италіей, эта прекрасная страна поставлена въ такое положеніе могущественнымъ покровительствомъ императора Наполеона III, что великая перемѣна министра во Франціи отзывается болѣзненнымъ или радостнымъ образомъ на Италію. Такъ перемѣнился тамъ министръ иностранныхъ дѣлъ: мѣсто г. Тувенеля занялъ г. Друэнъ-де-Люи. Это произошло совершенно неожиданно какъ все, что дѣлаетъ императоръ Наполеонъ III. И вотъ офиціальныи миръ заволновался: что будетъ? какъ будетъ? какъ новый министръ будетъ смотрѣть на итальянскій вопросъ? Но бѣдныя политики могутъ быть совершенно спокойны: онъ будетъ смотрѣть глазами своего императора. «Все мое, сказалъ булатъ.»

Папа находится теперь въ Кастель Гандольфо. Онъ ищетъ развлеченія отъ своихъ великихъ заботъ въ маленькихъ поѣздкахъ въ сосѣдніе городки и деревни. По большей части его вездѣ народъ встрѣчаетъ выраженіями сочувствія и преданности. Злые языки увѣряютъ, будто эти встрѣчи устроиваются клерикалами для доказательства передъ цѣлымъ міромъ, что народъ блаженствуетъ подъ управленіемъ обожаемаго папы-короля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакоже святаго отца встрѣчаютъ довольно враждебно, иногда просто холодно, вовсе его незамѣчая, а иногда раздаются свистки.

Король Францискъ II все еще живетъ въ Квириналѣ, но скоро намѣренъ переѣхать въ свой купленный дворецъ Боргезе. Папа уговаривалъ его остаться, представляя, что въ Квириналѣ онъ находится прямо подъ его непосредственнымъ покровительствомъ, тогда какъ во дворцѣ Боргезе онъ уже не въ состояніи будетъ дать швейцарскихъ тѣлохранителей и устроить обстановку, подобающую бывшему королю. Однако Францискъ II все-таки намѣренъ переѣхать, можетъ-быть изъ деликатности, чтобы не отягощать папскую казну содержаніемъ ста-двадцати человекъ его свиты. Но онъ можетъ-быть совершенно спокоенъ. Кромѣ того, что папская область даетъ

порядочный доходъ, имѣется еще доходъ со всего католичества, линарій св. Петра, котораго доставеть на содержаніе бывшего короля, съ его святою и швейцарцами.

Греко-славянскій или восточный вопросъ

Недавно Европа была удивлена маленькою телеграфическою депешей изъ Корфу отъ 23 октября: «Ожидаютъ сегодня провозглашенія временнаго правительства. Произошли безпорядки въ Миссологъ, Акарнанія, Патрасъ и Мессенія. Войска охраняютъ тюрьмы и казначейства.» То-есть какъ же это слѣдовало понимать? Зачѣмъ было временное правительство, когда имѣется постоянное, учрежденное властью и вліяніемъ великихъ европейскихъ державъ. И что за безпорядки? Какого свойства? Весьма недавнее возстаніе въ Навплин было болѣе нежели безпорядкомъ, однако постоянное правительство привело все въ порядокъ, и не оказалось надобности въ правительствѣ временномъ. Невольно навязывалось внимательному читателю газетъ, что это извѣстіе изъ Корфу, находящагося подъ тѣснѣйшимъ покровительствомъ Англіи, что въ Лондонъ, конечно, послано болѣе подробное донесеніе, а Европѣ достались только непонятные отрывки. Понятно, что телеграфная станція въ Корфу прежде всего обратилась къ своему правительству.

Отъ 24 числа была депеша уже изъ Триеста. Въ ней сказано было, что временное правительство учреждено для всего королевства, что будетъ создано народное собраніе и что въ Афинахъ спокойно. Опять загадка. Но и этого короткаго извѣстія довольно было для газетъ, чтобы составить большія, порою даже очень дѣльные статьи по поводу правъ Греціи на распоряженіе своею участью в не-обходимости удержать верховное господство Порты надъ христіанскими ея подданными, все равно — греки они или славяне.

Отъ 25 числа явились уже извѣстія болѣе подробныя. Изъ Смирны получена депеша, возвѣщающая что переворотъ въ Греціи произошолъ оковчательно 22-го, стало-быть 23-го былъ весьма хорошо извѣстенъ въ Корфу, но не возиѣщенъ Европѣ ради предосторожности, чтобы Англія имѣла время принять свои мѣры. Король Отонъ отказался отъ престола въ пользу своего брата, и уѣхалъ. Временное правительство провозгласило удаленіе отъ престола баварской династіи. Король съ королевой уѣзжали изъ Афинъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть нѣкоторыя мѣста своего государства. Въ ихъ отсутствіе совершился переворотъ, такъ что на возвратномъ пути король не присталъ къ берегу въ Парѣ, а остановился на якорѣ въ Саламинскомъ заливѣ. Тотчасъ же къ его пароходу подо-

шли и стали съ обѣихъ сторонъ два фрегата, французскій и англійскій. Къ ихъ величествамъ королю Отону и королевѣ немедленно явились представители постороннихъ державъ, увѣдомили о совершившейся революціи и совѣтовали не дѣлать ей никакихъ уступокъ. Говорятъ, что особенно г. Больверъ подстрекалъ дворъ къ самой упорной настойчивости, обѣщая самую дѣятельную помощь со стороны Англіи. Тогда король отказался входить въ какія бы то нибыло сношенія съ Булгарисомъ, предсѣдателемъ временнаго правительства, и уѣхалъ. 27 октября король Отонъ и королева Амалия утромъ благополучно прибыли въ Корфу и въ тотъ же день отправились по направленію къ Венеціи. Въ тотъ же самый день вечеромъ французская эскадра Средиземнаго моря вышла изъ Тулона въ греческія воды. 29 числа около полудня король и королева благополучно прибыли въ Венецію. Въ тотъ же день четыре австрійскіе корабли получили приказаніе отплыть въ греческія воды. Такимъ образомъ временное правительство въ Греціи находится подъ внимательнымъ надзоромъ, если не подъ тѣсною опекой трехъ эскадръ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ двѣ прямо поддерживаютъ Турцію и прямо враждебны всякому греческому движенію. Газета «Times» уже успѣла подать свой голосъ касательно греческаго переворота, и заявила, что Греція имѣла право такимъ образомъ распорядиться съ своею династіей, а что Англія съ своей стороны не желаетъ избранія на греческій престолъ принца Альфреда, но не ставеть противиться избранію или герцога лейхтенбергскаго, или графа фландрскаго, или князя Ипсиланти.

Вотъ и все, что мы покажемъ знаемъ о греческомъ возстаніи и о сверженіи короля Отона, перваго и послѣдняго греческаго короля баварской династіи. Хотя фактовъ о самомъ возстаніи извѣство еще весьма немного, но источники и причины его очень хорошо извѣстны. Какъ явленіе органическое, это возстаніе сдѣлалось не случайно, не вдругъ: оно было неизбежнымъ слѣдствіемъ всего предыдущаго, оно было такъ—сказать продолженіемъ войны за независимость. Эта война была только прервана тридцатилѣтнимъ царствованіемъ короля Отона. Это весьма продолжительное время для переставшаго управлять короля, но въ жизни народа это не очень длинный срокъ, пропавшій впрочемъ для Греціи не даромъ.

Въ 1825 году Порта собрала всѣ свои силы, чтобы подавить греческое возстаніе, которое втеченіи четырехъ лѣтъ сдѣлало уже значительные успѣхи, несмотря на всѣ ужасы самой опустошительной и варварской войны. Ибрагимъ, паша морейскій, съ египетскими войсками, начиналъ одолевать возстаніе. Число сожженныхъ

имъ городовъ и деревень считалось уже сотнями; греческіе плѣнники и плѣнницы цѣлыми корабельными грузами вывозились уже въ Египетъ на продажу въ неволю. Къ концу осени 1825 года вся Морея превратилась въ пустыню. Но и тутъ греки еще не палали духомъ; они продолжали отчаянно отстаивать только-что мелькнувшую для нихъ независимость. Наконецъ ожесточенность борьбы подвинула великія державы къ дѣятельному вмѣшательству, особенно потому, что онѣ сильно боялись, чтобы не вмѣшалась въ дѣло одна Россія, что дало бы ей рѣшительный перевѣсъ въ восточныхъ дѣлахъ.

Англія открыва въ Петербургѣ переговоры, которые привели 4 апрѣля 1826 года къ подписанію протокола. Россія съ Англіей условились (а послѣ къ нимъ пристала и Франція), что Греція будетъ управляться туземнымъ княземъ, будетъ имѣть полную свободу вѣры и торговли, и будетъ платить Портѣ извѣстную дань, находясь все-таки подъ ея покровительствомъ. Протоколъ былъ предложенъ Портѣ; но она его отвергла безусловно особеннымъ ультиматумомъ 10 іюня 1827 года, такъ что великимъ державамъ осталось только или вовсе отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла, или подкрѣпить свои представленія оружіемъ. Переговоры тянулись цѣлые четырнадцать мѣсяцевъ. 6 іюля 1827 года великія державы подписали трактатъ о независимости Греціи и немедленно предписали адмираламъ, командовавшимъ ихъ флотами въ Средиземномъ морѣ, противиться всякой новой присылкѣ египетскихъ войскъ въ Грецію, но прибѣгнуть къ употребленію силы только въ такомъ случаѣ, если Ибрагимъ-паша первый начнетъ непріязненныя дѣйствія. 20 октября дѣйствительно произошла битва, въ которой при Наваринѣ уничтоженъ былъ турецко-египетскій флотъ. Державы придавали наваринскому сраженію какое-то двусмысленное значеніе. Поэтому Турція снова заговорила свысока и потребовала окончательной покорности Мореи. Въ концѣ года посланники трехъ державъ уѣхали изъ Константинополя. Дипломатическія сношенія съ Турціей кончились.

Битва при Наваринѣ нѣсколько ободрила грековъ, которые потомъ одержали нѣсколько незначительныхъ побѣдъ. Въ началѣ 1828 года пріѣхалъ графъ Каподистрія, избранный на семь лѣтъ президентомъ греческой республики, и немедленно занялся организаціей того, что оставалось въ Греціи. Дѣло это было чрезвычайно трудно. Семь лѣтъ войны за независимость совершенно разстроили греческіе финансы, породили внутреннія несогласія и междоусобія. Военныя операціи были незначительны, по неимѣнію войскъ, такъ что даже не было возможности заставить Ибрагима-пашу выйти

изъ Морен, несмотря на то, что великія державы требовали его удаленія. Вообще дѣла шли чрезвычайно медленно. Только въ концѣ августа 1828 года въ Морей высадились 14,000 французовъ, которые и вытѣснили Ибрагима. Благодаря неутомимой дѣятельности графа Каподистрія равы Греціи начали мало-помалу заживать, хотя со всѣхъ сторонъ являлось еще множество недовольныхъ, и были частыя возстанія противъ власти президента. Такъ прошолъ весь 1829 г. Между тѣмъ въ Лондонѣ собиралась особенная конференція для обсужденія греческихъ дѣлъ. Къ 3 февраля 1830 г. Греція объявлена государствомъ независимымъ съ опредѣленными на конференціи границами, и престолъ ея отдавался принцу Леопольду саксен-кобургскому. Сначала принцъ согласился взять на себя управленіе Греціею, и тотчасъ сталъ хлопотать объ увеличеніи давнихъ Греціи границъ, доказывая, что постановленныя на конференціяхъ границы малы, неудовлетворительны, не обезпечиваютъ независимости и безопасности новаго государства. Но Англія и тогда ревниво берегла Турцію: домогательства принца не имѣли никакого успѣха; пробывъ три съ половиною мѣсяца номинальнымъ королемъ Греціи, онъ отказался 21 мая.

Тутъ вскорѣ вспыхнула іюльская революція, а съ нею вмѣстѣ и другія важныя перемѣны въ Европѣ. Это остановило работы лондонскихъ конференцій по греческимъ дѣламъ, а въ самой Греціи откликнулось возстаніями въ разныхъ мѣстахъ. Президентъ долженъ былъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для сбора налоговъ; повсюду были неудовольствія, смуты, и наконецъ вспыхнуло междуусобіе по случаю ареста нѣкоего Полизондеса, редактора журнала «Аполлонъ». Командиръ русской эскадры въ Средиземномъ морѣ потребовалъ, чтобы выданъ былъ весь греческій флотъ, стоявшій тогда близъ острова Пароса. Міаулисъ рѣшился тогда на страшное дѣло: чтобы не выдать флота русскимъ, чтобы этотъ флотъ не послужилъ президенту новымъ орудіемъ будтобы для угнетенія Греціи, онъ сжегъ двадцать-восемь большихъ кораблей и взорвалъ укрѣпленія паросскаго порта. Казалось, что Греція должна была погибнуть въ судорогахъ междуусобной войны; но убійство президента на нѣкоторое время возстановило миръ между партіями. Новый президентъ, Августинъ Каподистрія, точно такъ же вынужденъ былъ усмирять различныя возстанія до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе о протоколѣ лондонскихъ конференцій 7 марта 1832 года, объ избраніи принца Оттона баварскаго королемъ Греціи.

Между великими державами и Баваріей заключенъ былъ 7 мая договоръ; имъ формально утверждался принцъ Оттонъ королемъ греческимъ, учреждалось регентство для управленія отъ его имени

до совершеннолѣтія; великія державы обѣщали свое ручательство за Грецію по случаю займа въ 60 милліоновъ франковъ, а Баварія обязалась послать въ Грецію регентство и 3500 человекъ войска. Потомъ народное собраніе въ Навпліа единодушно выбрало принца Отона своимъ королемъ. Только къ 6 октября назначено было въ Мюнхенъ регентство, состоящее изъ генерала Армавшперга, генерала Гейдеггера и статскаго совѣтника Маурера. 30 января 1833 года это регентство съ юнымъ королемъ прибыло къ Навпліа, но вышло на берегъ не ранѣе 6 февраля, когда высадились привезенныя войска и заняли караулы. Такая осторожность произвела уже неблагоприятное впечатлѣніе на вѣрнопопалаяныхъ. Народъ, привыкшій двѣнадцать лѣтъ сряду драться за свою независимость и жизнь ставить нивочто, считалъ неумѣстнымъ дѣломъ тѣ мелочныя предосторожности, которыя принимались при высадкѣ.

Регентство немедленно принялось за дѣло, и надо отдать ему справедливость, съ большою энергіей. Пошли преобразованія, какія требовались для устройства Греціи по баварскому образцу съ нѣмцами во главѣ всѣхъ важныхъ мѣстъ. Гражданскія и военныя должности занимались преимущественно нѣмцами, такъ что природныя греки оттерты были на второй планъ и въ должности съ малыми окладами жалованья. Министры были конечно нѣмцы, генералы нѣмцы, сульи нѣмцы, офицеры нѣмцы, чиновники нѣмцы, такъ что народъ чистосердечнѣйшимъ образомъ возненавидѣлъ все иностранное, въ особенности нѣмецкое. Потомъ, когда король, достигнувъ совершеннолѣтія, вступилъ въ бракъ съ принцессой гольштейнъ-ольденбургскаго дома, что еще болѣе усилило вліяніе нѣмцевъ въ Греціи, то народъ уже ненавидѣлъ и своего короля. Но греки были очень терпѣливы, и установившійся порядокъ вещей тянулся бы вѣроятно до сихъ поръ, еслибы не подвернулся денежный вопросъ, весьма интересовавшій и великія державы.

Заемъ въ 60 милліоновъ франковъ мало-помалу былъ встраченъ, а правительство не сумѣло распорядиться такъ, чтобы при помощи его создать себѣ способы уплаты процентовъ и погашенія. Выесто того, чтобы употребить заемъ преимущественно на упроченіе матеріальнаго благосостоянія страны, правительство весь его потратило на содержаніе огромнаго, ненужнаго по числу войска количества генераловъ и на содержаніе самой хитрой системы администраціи, вовсе несообразной съ истинными потребностями страны. Не доставало наконецъ денегъ не только на уплату процентовъ по вѣншему займу, но и на внутреннія потребности. Россія, Франція и Англія подписали наконецъ въ Лондонѣ протоколъ и общую ноту, переданную королю въ сентябрѣ 1843 года. Его просили озаботиться

уплатою процентовъ и погашенія займа, удалить отъ публичныхъ должностей иностранцевъ и созвать народное собраніе.

Когда недовольные узнали, что и великія державы недовольны греческимъ правительствомъ, тотчасъ же въ Афинахъ вспыхнуло возстаніе, удавшееся потому что войска, подъ начальствомъ Калерджи и Макріяннса, приняли въ немъ дѣятельное участіе. Король принужденъ былъ уволить свое вѣмецкое министерство и пригласить новое, національное. Созвано было народное собраніе для обсужденія новой уставной грамоты. Послѣ продолжительныхъ и шумныхъ толковъ и споровъ, сочинено было уложеніе по образцу Французской хартіи 1830 года. Король ему присягнулъ, и дѣла могли бы пойти очень хорошо, если бы постоянная вражда партій не тормозила всего хода. Англіи и Франціи постоянно казалось, что Россія интригуетъ въ Афинахъ для приобрѣтенія себѣ исключительнаго вліянія на дѣла. Поэтому онѣ сами непрерывно интриговали и расшевеливали всевозможныя оппозиціи всякій разъ, какъ только принималась мѣра, могущая, по ихъ мнѣнію быть хотя въ малѣйшей степени благопріятною для воображаемаго вліянія Россіи. Не останавливаясь этимъ, англійское правительство все съ большею настойчивостью и горечью требовало своихъ денегъ у государства, лишоннаго всякихъ средствъ. Лордъ Пальмерстонъ, недовольный тѣмъ, что Греція своимъ отпаденіемъ ослабила его обожаемую Турцію, требовалъ денегъ съ настойчивостью неумолимою. 11 января 1850 года англійская эскадра Средиземнаго моря стала на якорѣ противъ Пирея и предъявила правительству различныя требованія, и между прочимъ требованія португальскаго еврея Пачифико, которому надо было заплатить 800,000 драхмъ убытковъ, будто бы повесенныхъ имъ во время какого-то возстанія. Сверхъ того англійскій адмиралъ требовалъ уступки въ пользу Англіи двухъ острововъ Элафонизи и Сапіенца. Англійскіе политики сами знали очень хорошо, что большая часть этихъ требованій не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; но все это было только предлогомъ, чтобы начать борьбу противъ русскаго вліянія на востокъ. Въ этомъ собственно и заключается весь восточный вопросъ.

Въ европейской Турціи находится болѣе онадцати миліоновъ жителей, исповѣдующихъ греческую и армянскую вѣру, тогда какъ поклонниковъ ислама вѣтъ и четырехъ миліоновъ. Если разсматривать Турцію по племенамъ, то окажется, что славянъ тамъ 7,700,000 душъ, а грековъ 1,050,000. Эти-то цифры и не даютъ спокойно спать лорду Пальмерстону, потому что въ самомъ дѣлѣ Россія могла бы имѣть покровительственное значеніе и по славянскому племени своему и по греческой вѣрѣ. Для Англіи теперь гла-

вное дѣло — имѣть одинакое, безраздѣльное вліяніе на торговлю Турціи; для этого нужно убавить русское вліяніе и ослабить все, что въ Турціи можетъ принять какую-нибудь самостоятельность. Греки, какъ наиболѣе развитой народъ, имѣютъ претензію, сдѣлавъ Византію своей столицей, быть повелителями турецкихъ славянъ, такъ какъ они тоже греческой вѣры.

Такимъ образомъ весь восточный вопросъ для Англіи заключается въ возможномъ стѣсненіи двухъ національностей, греческой и славянской и собственно для того, чтобы предотвратить могущее возникнуть исключительное вліяніе Россіи въ нынѣшнихъ турецкихъ областяхъ. Но обстоятельства сходятся такъ, что стѣсненіе грековъ и славянъ въ пользу османовъ кажется непостижимымъ туркофильствомъ, которое въ чистомъ видѣ было бы непостижимо въ сколько-нибудь мыслящемъ человѣкѣ. Однакоже изъ чего бы ни происходило туркофильство, оно есть крайняя нелѣпость, показывающая все-таки плохое пониманіе турецкихъ дѣлъ. Въ Турціи почти восемь миліоновъ славянъ и только одинъ миліонъ съ чѣмъ-то грековъ. Когда турки будутъ вычеркнуты изъ Европы (а это будетъ неперемѣнно и неизбежно; весь вопросъ только во времени), то все-таки останутся два враждебные между собою элемента: славянской и греческой. У грековъ есть старинная мечта, которая въ политическихъ тамошнихъ кружкахъ технически называется «великая идея», — это завоеваніе или занятіе нынѣшней Турціи, пораженіе турецкихъ славянъ и основаніе византійской имперіи. Разумѣется само-собою, что славяне по мнѣнію грековъ тутъ будутъ играть такую же роль, какъ въ Чехіи или въ Познани; иначе греки не представляютъ себѣ византійской имперіи. Но ихъ меньше нежели славянъ, и потому едва ли имъ скоро и легко удастся устроить себѣ хорошую и прочную имперію. Славяне разумѣется охотнѣе согласятся быть въ неволѣ у грековъ, нежели у мусульманъ, если уже нельзя будетъ дѣлать никакого выбора; но есть еще третья возможность, весьма заманчивая, это свобода совершенная, безъ мусульманскаго да и безъ греческаго гнета. Ктому же въ случаѣ войны за независимость, придется довольно удобно, за одинъ походъ, такъ-сказать сбрасывать всякое иго. Такимъ образомъ пространство, занимаемое теперь Турціей, очень долгое время не будетъ представлять ничего прочнаго, такъ что лордъ Пальмерстонъ и его преемники совершенно могутъ быть на этотъ счетъ спокойны. Пуще всего имъ страшно, что турецкіе славяне въ числѣ восьми миліоновъ, соединившись съ славянами австрійскими, въ числѣ пятнадцати миліоновъ примкнутъ къ Россіи, для которой увеличеніе въ 23 миліона составитъ опасное для европейскаго равновѣсія, черезъ мѣру могущественное

государство. И на этотъ счетъ они могутъ быть совершенно покойны. Россіи слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы ей можно было расхотовать силы еще наружу.

Чтобы сбросить турецкое иго, славяне еще могутъ соединиться съ греками и дѣйствовать заодно чрезвычайно дружно, но потому только-что главное дѣло будетъ покончено, цѣль будетъ достигнута, начнутся такія междоусобія, какихъ Европа можетъ-быть и не видала. Чего же лорду Пальмерстону бояться? отчего было такъ сильно хлопотать объ униженіи, оскорбленіи и разореніи маленькаго государства? Не въ томъ ли вся сила, что греческая торговля стала развиваться и процвѣтаетъ, что отъ греческихъ капиталистовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не стало житья англійскимъ финансовымъ тузамъ? Кажется, что это вѣрнѣйшее разрѣшеніе сущности дѣла.

По случаю исторіи съ евреемъ Пачифико, англійскій адмиралъ объявилъ, что ежели ему втеченіи 24-хъ часовъ не будутъ выплачены деньги по всѣмъ требованіямъ, то онъ употребитъ силу. Министерство объявило, что его требованія неосновательны, и 19 января началась блокада всѣхъ греческихъ портовъ англійскимъ флотомъ. Въ мѣсяцъ захвачено было болѣе двухъ-сотъ торговыхъ и военныхъ кораблей, а греческому правительству ничего не оставалось дѣлать, кромѣ какъ протестовать въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Франція и Россія протестовали въ Лондонѣ; а между тѣмъ торговля остановилась, капиталы, обезсиленные, притаились, и пальмерстоновская цѣль достигалась самымъ блестящимъ образомъ. Напрасно французскій посланникъ въ Афинахъ давалъ знать англійской эскадрѣ, что посредничество Франціи въ этомъ дѣлѣ принято сенджемскимъ кабинетомъ; англійскій посолъ увѣрялъ, будто онъ не имѣетъ касательно снятія блокады никакихъ инструкцій отъ своего правительства, и стѣсненіе греческой торговли продолжалось. Въ концѣ апрѣля окончательно прекратилась блокада, когда лордъ Пальмерстонъ убавилъ сумму всѣхъ своихъ требованій съ 800 до 33 тысячъ драхмъ. Такое мелочно-торгашеское поведеніе Англіи во всемъ дѣлѣ Пачифико, необходимость уступить представленіямъ Россіи и Франціи и даже самая убавка требованій сильно уронили Англію на востокѣ; зато Россія выиграла и своимъ заступничествомъ и тѣмъ еще, что обѣщала не требовать у Греціи процентовъ по займу до тѣхъ поръ пока эта страна не поправится отъ послѣдствій блокады и слишкомъ жестокой прешествовавшей зимы.

Въ августѣ того же года король Отонъ, не имѣвшій дѣтей, отправился въ Баварію устроить дѣло по наслѣдству греческаго престола; въ его отсутствіе королева была регентшей, и продолженіи цѣлаго года. Во все это время она умѣла заслужить общую ве-

любовь самою даже манерою своего обращенія. Она всегда держала себя съ неестественною важностью невѣроятно высоко и далеко отъ земли и всѣхъ земныхъ интересовъ, радостей и печалей, отъ всего человѣческаго. Когда король возвратился, ничего не устроивъ для наслѣдства своего престола, то нашолъ свое королевство въ такомъ же точно неустройствѣ, какимъ его оставилъ. Греція была раздираема мѣстными, туземными интригами и беспорядками въ соединеніи съ интригами дипломатическими. Англійскіе и французскіе посланники постоянно вели таинственныя, подземныя интриги противъ воображаемыхъ русскихъ интригъ, и плутали дѣла такъ, что сами потомъ не могли распутать. Все имъ казалось, что Россія старается приобрести исключительное вліяніе на тамошнія дѣла, и всякое новое министерство было окружаемо такими кознями, происками и подкопами, что долго удержаться не могло и падало. А русское вліяніе въ самомъ дѣлѣ было; Греція въ самомъ дѣлѣ тяготѣла и до сихъ поръ тяготѣетъ къ Россіи по двумъ весьма важнымъ причинамъ, которыхъ дипломаты истребить не въ состояніи. Первая — искренняя ненависть противъ Турціи со стороны Россіи и Греціи; оба государства дружно соединяются въ одномъ чувствѣ: во враждѣ за угнетеніе своихъ единоплеменниковъ османами. Вторая — единство вѣры и опять вражда за угнетеніе общей религіи въ турецкихъ областяхъ. Тутъ дипломатія ровно ничего не сдѣлаетъ.

По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что греки всякій разъ были глубоко благодарны Россіи за всякое предпріятіе противъ Турціи, со временъ еще Петра I. Поэтому понятво, что когда всыпнула ваша послѣдняя турецкая война, въ концѣ 1853 года, то на греко-турецкой границѣ всыпнуло сильное возстаніе. Спариліонъ Коранскаки провозгласилъ крестовый походъ противъ турокъ, съ тѣмъ, чтобы завоевать «элинскую имперію или смерть!» Движеніе скоро охватило всю Фессалію и весь Эпиръ; изъ Афинъ отправился корпусъ волонтеровъ на помощь возстанію; вскорѣ за тѣмъ отправился другой корпусъ, подъ начальствомъ вице-президента палаты депутатовъ. Турецкое правительство требовало отозванія волонтеровъ, но греческое правительство не рѣшалось это сдѣлать, такъ что наконецъ турецкій посланникъ выѣхалъ изъ Афинъ (21 марта 1853 года), а черезъ нѣсколько дней послѣ того, Англія и Франція объявили войну Россіи. Чтобы облегчить Турціи подавленіе греческаго возстанія, французскія и англійскія войска высадились въ Ширѣ и завяли всѣ тамошнія укрѣпленія. Послѣ того въ англійскихъ газетахъ точно также какъ и во французскихъ долгое время раздавались радостныя гимны въ честь торжества западной дипло-

маціи, которая раскрыла и подавила русскія шитраги. Дѣйстви-тельно, греческое возстаніе было вскорѣ подавлено турецкими си-лами, которыя уже не были отвлечены войной съ Россіей.

И до сихъ поръ Греція чувствуетъ тоже и всегда будетъ чув-ствовать то что говорилъ принцъ Леопольдъ саксенъ-кобургскій, именно что великія державы, вслѣдствіе отдаленныхъ соображеній, поспешили отрѣзать ей естественныя границы, достаточныя для самостоятельности и независимости государства. Въ 1830 году не былъ рѣшонъ, а только отложенъ греческій вопросъ. Безъ сомнѣ-нія теперь его рѣшеніе нѣсколько труднѣе, нежели было тридцать два года тому назадъ; но въ дѣлахъ политическихъ всегда такъ бываетъ, что отложенный вопросъ отъ времени запутывается и осложняется всѣми обстоятельствами, которыя въ теченіе даннаго времени воспослѣдовали. Теперь здравая политика уже бросаетъ старинное правило, будто время, давность узаконяетъ какое угодно безобразное и незаконное явленіе. Оказалось, что у народовъ па-мять гораздо лучше, нежели всегда полагали управляющіе, и что несравненно выгоднѣе рѣшить дѣло несовсѣмъ выгодно, но окон-чательно, чѣмъ отложить рѣшеніе въ долгій ящикъ. Еврона мо-жетъ это видѣть на каждомъ шагу, по поводу вопросовъ римскаго, аспромонтскаго, венгерскаго, аграмскаго, берлинскаго-конститу-ціоннаго, вашингтонскаго, шлезвигъ-голлитинскаго, кургессем-скаго и еще множество другихъ, включая сюда и шумный вопросъ восточный или грекославянскій.

Рѣшеніе римскаго вопроса отложено въ долгій ящикъ ради ка-жущихся выгодъ настоящаго времени. Чтоже изъ этого вышло и неизбежно выйдетъ? Отцы іезуиты, которыхъ меньше всего можно обвинять въ томъ, что они понапрасну теряютъ время, хлопочутъ между тѣмъ изъ всѣхъ силъ, чтобы доставить торжество своему дѣлу; во Франціи въ высшихъ сферахъ ихъ вліяніе процвѣтаетъ, и мало-помалу они докажутъ всѣмъ и каждому, какъ дважды два четыре, что Италіи совсѣмъ не нужно Рима, и что ветолюкато-личество, но и все христіанство безъ свѣтскаго значенія папы про-падетъ, будетъ хуже какого-нибудь магометанства, что вѣчныя муки (слѣдуютъ подробности о кипящей смолѣ, желѣзныхъ крю-чьяхъ и т. п.) ожидаютъ тѣхъ, кто не употребляетъ всего своего вліянія въ пользу свѣтской власти папы. Отъ этихъ пропондѣй въ церквахъ и насинѣ, въ канцеляріяхъ и булуарахъ, въ конторахъ и въ театрахъ разрѣшеніе римскаго вопроса становится дель ото дня труднѣе. А между тѣмъ ему нужно же разрѣшиться; необхо-димо ему чѣмъ-нибудь кончиться. И когда наконецъ пробьетъ часъ его рѣшенія, кто знаетъ, съ какими насиліями это будетъ сопря-

жено, какіе расколы и секты въ католичествѣ это произведетъ какимъ нравственнымъ распаденіемъ общество будетъ сопровождаться.

Римскій вопросъ шолъ къ своему разрѣшенію, когда Гарибальди сказалъ: Римъ или смерть. Будь на мѣстѣ г. Ратацци геніальный человекъ, или по крайней мѣрѣ даровитый, какъ Кавуръ, извѣстно очень хорошо что онъ сталъ бы дѣлать. Онъ прежде всего не сдѣлалъ бы аспромонтской ошибки, о которой итальянскіе генералы, самые военные, говорятъ уже теперь, что еслибы теперь они получили приказаніе остановить Гарибальди, то всѣ вышли бы въ отставку. Кавуръ не отложилъ бы римскаго вопроса. Онъ предоставилъ бы полный просторъ энтузіазму итальянцевъ, подъ рукой пособлялъ бы имъ вооружаться, подъ рукой помогалъ бы военнымъ упражненіямъ водолазатовъ, накопилъ бы около мильона такого войска и потомъ погормилъ бы съ императоромъ французовъ, на правахъ полнѣйшаго равенства, хотя и въ надлежащихъ прилично-дипломатическихъ формахъ: дескать, извините, — народъ, пользуюсь вполне своими конституціонными правами, вооружился и требуетъ Рима; не благоволите ли намъ его уступить, а у насъ ни много, ни мало, мильонъ нарѣзныхъ ружей, и каждое попадаетъ въ туза. Конечно императоръ французовъ говорилъ бы съ нимъ иначе, нежели говорить теперь со своимъ покорнѣйшимъ слугою, предсѣдателемъ туринскаго министерства, г. Ратацци. И дѣло кончилось бы миролюбиво, безъ разрыва, безъ кровопролитія, съ подобающимъ приличіемъ. А теперь какъ? Энтузіазмъ итальянцевъ простываетъ, охлажденный большими военными движеніями для приведенія гражданъ будто бы въ порядокъ. А римскій вопросъ все-таки выступаетъ на сцену; рано или поздно онъ поведетъ къ разрыву, къ войнѣ, и обойдется несравненно дороже.

Точно также отложенъ въ долгій ящикъ венгерскій вопросъ. Императоръ весьма удобно могъ бы подарить мадьярамъ всѣ тѣ права, которыхъ они теперь добиваются. Но тогда это былъ бы подарокъ. А теперь все-таки придется сдѣлать всѣ требуемыя уступки, только насильно, пройдя сквозь униженіе насилія, потерѣвъ неудачу въ говорливомъ, но глубоко бесполезномъ рейхсратѣ, выдержавъ нѣсколько лишнихъ мѣтъ крайняго безденежья и надавивъ на разноплеменные народы нѣсколько лишнихъ очень болящихъ мозолей.

Въ Пруссіи конституціонная форма правленія, установившаяся вслѣдствіе кроваваго переворота тридцать мѣтъ тому назадъ, отложена въ долгій ящикъ. Но прусаки не даромъ привыкли стремиться къ самоуправленію, къ конституціонной формѣ, и что рано или

поздно во всякомъ случаѣ придется нѣтъ уступить эту форму со всею ея сущностью. Вся разница во времени.

Въ Вашингтонѣ отдѣленіе южныхъ штатовъ отъ сѣверныхъ тоже отложено; только въ промежутокъ между заявленіемъ желанія отдѣлиться и окончательнымъ отдѣленіемъ вставлена продолжительная, бесполезная и свирѣпая рѣзня. Опять—таки дѣло вкуса, однако болѣе или менѣе хорошаго, человѣческаго. Меньше нежели въ годъ истреблено съ одной только стороны сто-тридцать тысячъ человѣкъ, да вѣроятно столько же съ другой. А между тѣмъ отдѣленіе все-таки совершится: предупредить его нѣтъ никакой возможности, потому что причина его заключается не въ чьей-нибудь волѣ, не въ капризѣ, а въ физическихъ, климатическихъ условіяхъ враждующихъ между собою странъ. Если даже сѣверъ одержитъ верхъ, покорить возставшій югъ и заставить его уступить всѣ свои права, то это будетъ только на время. Климатическія и физическія условія отъ этого не переиґнутся; они опять поднимутъ югъ, потому что они сильнѣе ветолю сѣвера, но и всего человѣчества.

Тожѣ самое можно сказать и о знаменитомъ восточномъ вопросѣ, который возникаетъ теперь съ новой силой по поводу отреченія отъ престола греческаго короля Отона. Тридцать два года тому назадъ Греціи слѣдовало предоставить ея естественныя границы. Отложивъ это дѣло, оставили болѣе мильона грековъ подъ турецкимъ игомъ. Рано или поздно греки турецкіе и греки греческіе составятъ одинъ народъ; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но времени потеряно много, такъ что множество новыхъ, тогда не существовавшихъ интересовъ втянуто въ это дѣло и пролито много крови въ Крыму, на Дунаѣ, въ Сербіи, въ Босніи, въ Черногорьѣ. Съ тѣхъ поръ, все вслѣдствіе откладыванья, множество англійскихъ денегъ перешло въ Турцію, и всѣ капиталысты, владеющіе облигаціями турецкихъ займовъ, требуютъ полдержанія турецкой независимости. Съ тѣхъ поръ Черногорье унижено, сотни тысячъ людей легло въ Крыму, мильоны денегъ втрачено на веденіе въ Константинополѣ интригъ и производство всевозможныхъ надзоровъ. И все это совершенно напрасно, вслѣдствіе слѣплаго консерваторства вочто бы нистало.

Еслибы англійское правительство тридцать пять лѣтъ тому назадъ слѣдовало собственному побужденію, то оно поступило бы не такъ, какъ пришлось поступить, послушавшись общественнаго мнѣнія и требованій филеленовъ или любителей Греціи. Сначала оно крѣпко держалось своихъ холодныхъ расчетовъ въ восточномъ вопросѣ. Христіане бились отчаянно, погибали поголовно; Царелиха

и другія женщины владѣли ружьемъ не хуже мужчинъ и выходили драться съ патронами въ подолѣ и съ груднымъ ребенкомъ за плечами. Народъ терпѣлъ всевозможныя нужды, голодъ, мученическую смерть, отстаивая свою рождавшуюся политическую независимость. Въ это время англійская политика держала свои корабли возлѣ приморскихъ пунктовъ, осажденных турками и не допускала грековъ подвозить провіантъ и боевые снаряды своимъ братьямъ, умиравшимъ съ голоду и переставшимъ стрѣлять по немилѣнной зарядовъ. Это была настоящая, хорошая англійская политика, и это было логично, при англійскомъ возрѣвіи на восточный вопросъ; слѣдовало ожидать поголовнаго истребленія грековъ и даже отчасти ему помогать двумя—тремя небольшими высадками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греки особенно удачно выдерживали турецкій ватискъ. Но англійская публика стала наконецъ сочувствовать грекамъ; множество замѣчательныхъ людей поѣхало изъ Англій сражаться въ рядахъ грековъ; состоялся даже на биржѣ греческій заемъ, и правительство было увлечено противъ воли. Однако оно уступило общественному мнѣнію не совсѣмъ. Въмѣсто того, чтобы отдать грекамъ все греческое, оно оставило большую половину въ неволѣ, и посредствомъ этой несчастной полумѣры навѣдало только себя пропасть лишнякхъ хлопотъ, именно для поддержанія невозможнаго существованія турецкой имперіи. Чтобы ее уберечь, чтобы она не развалилась отъ малѣйшаго сосѣдскаго дуновенія, приходится принимать даже забавныя мѣры предосторожности.

Такъ напримѣръ, мѣсяца три тому назадъ, вслѣдъ за возстаніемъ въ Навпліи, въ Греціи состоялся законъ о національной гвардіи или гражданской стражѣ. Это было хорошее дѣло: нація хотѣла вооружиться, и правительство на это согласилось. Въ прошломъ году такимъ же образомъ вооружилась Сербія. Тогда англійскій пославникъ заставилъ Порту протестовать противъ учрежденія гражданской стражи въ Сербіи; въ тогдашней нотѣ писалось, что княжество, по случаю своихъ вассальныхъ отношеній, не имѣетъ права безъ особеннаго разрѣшенія вооружаться. Сербскій князь опровергнулъ эти претензіи. Въ Греціи Порты не имѣетъ права опираться на вассальныя отношенія и ставить себя въ роль высокой покровительницы, но въ нотѣ 25 августа минувшаго года сказано, что «статья третья закона о гражданской стражѣ, допуская на службу даже иностранцевъ, можетъ нарушить спокойствіе Турціи.» Если въ греческую гражданскую стражу будутъ поступать турецкіе подданные, заявивъ только желаніе перейти въ подданство Греціи, то это составитъ новый замаскированный способъ рекрутскаго набора, совершенно противоположнаго, — сказано въ турецкой нотѣ, — «друже-

скимъ отношеніямъ Порты оттоманской къ эллинскому правительству.» Эти новыя эллины будутъ поддерживать съ своими турецкими соотечественниками безпокойныя для Порты сношенія и распространять духъ непокорности и возмущеній. Англійскій посланникъ въ Афинахъ, въ нотѣ 6 сентября, выражаетъ тѣже самыя опасенія, и обѣ ноты требуютъ, чтобы «эллинское правительство, въ доказательство того, что оно цѣнитъ хорошія отношенія къ Портѣ, уничтожило это неудобство.»

Греческій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что «онъ съ большимъ удивленіемъ видѣлъ, какой смыслъ турецкое министерство придаетъ третьей статьѣ. Гражданская стража есть учрежденіе, которое страна дастъ себѣ во всей полнотѣ своихъ самостоятельныхъ правъ. Лондонскіе протоколы не постановили этой самостоятельности никакихъ предѣловъ. Греція будетъ устроить у себя такія учрежденія, какія найдетъ полезными для своего благосостоянія и безопасности, причемъ никакая держава неимѣетъ права мѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Къ тому же въ законѣ не говорится о турецкихъ подданныхъ, законъ дастъ правительству полномочіе распространять безразлично на всѣхъ безъ исключенія иностранцевъ, желающихъ вступить въ подданство, одну изъ тягостей, лежащихъ на подданныхъ. Сама Порта тотчасъ принимаетъ въ свое подданство всякаго иностранца, который только изъявитъ на это желаніе, безо всякихъ условій и ручательствъ. Какъ же можно опасаться, чтобы жители Фессалии и Эпира рѣшились оставить свои дома единственно съ тою цѣлью, чтобы записаться въ греческую народную стражу?..» Англійскому посланнику отвѣчено было почти то же самое и выражено очень ясно, что Греція, допустивъ третью статью въ законѣ о гражданской стражѣ, нисколько не уклонилась отъ правъ, неоспоримо принадлежащихъ ей, какъ нація независимой.

Греція, само собою разумѣется, совершенно права, но не о томъ рѣчь. Съ тѣхъ поръ, какъ Турція имѣетъ основаніе рассчитывать на рѣшительную поддержку со стороны Англіи, она находитъ, что всѣ на свѣтѣ наступаютъ ей на ногу, и уже ничѣмъ ее не переувѣришь, что никто не наступалъ. Эти двѣ ноты прямо показываютъ, что для Турціи вооруженные христіане по близости ея границъ во всякомъ случаѣ подозрительны и непріятны, и что сверхъ того Англія неусынно печется о томъ, чтобы ея милому дѣтищу не грозило на небѣ ни одно славянское или греческое облачко, затѣмъ—то дѣтище в прикрывается густою, непроглядною тучей англійскаго протектората.

По поводу нынѣшнихъ событій въ Грецію, мы увидимъ много любопытнаго со стороны англійской политики. Вѣроятно будутъ

въкоторыя колебанія между требованіями христіанской цивилизаціи и потребностями капитала. Говориться будетъ за Грецію и дѣлаться будетъ противъ нея. И все это въ самомъ недалекомъ будущемъ. Англійская эскадра уже усыпала берега Греціи.

Послѣднія извѣстія

Недавно во Франціи былъ поединокъ, о которомъ кстати вспомнить по поводу войны. Герцогъ де-Граммонъ-Галерусъ дрался съ г. Дильономъ, редакторомъ журнала «Спортъ», и убилъ его на-поваль. Война эта возгорѣлась слѣдующимъ образомъ. Г. Дильонъ, описывая какія-то скачки, невѣрно или несправедливо выразился о герцогѣ де-Граммонѣ; можетъ-быть выразился до нѣкоторой степени колко. На это герцогъ написалъ отвѣтъ и послалъ въ редакцію. Г. Дильонъ грубаго отвѣта не напечаталъ. Тогда молодой герцогъ (какъ называютъ его французскія газеты) напечаталъ свой отвѣтъ въ бельгійскомъ журналѣ. Только что узналъ объ этомъ редакторъ «Спорта», тотчасъ распѣтушился и послалъ къ герцогу двухъ секундантовъ. Тотъ сначала не хотѣлъ драться, на томъ основаніи, что господинъ Дильонъ принадлежитъ къ простому званію. Это съ нашей стороны не выдумка, не клевета; это дѣйствительно такъ было. Выходить что для молодого герцога безъ слѣда прошла французская революція, которая вычеркнула всѣ званія изъ кодекса и изъ нравовъ. Дѣло было негласнымъ образомъ передано на обсужденіе жокей-клуба, который въ современномъ (французскомъ) духѣ рѣшилъ, что молодой герцогъ имѣетъ право принять вызовъ. Тогда секунданты г. Дильона выбрали оружіемъ пистолеть, на что г. де-Граммонъ не согласился, желая не застрѣлить, а заколотъ своего непріятеля. Произошолъ споръ. Снова сиропенный жокей-клубъ сказалъ, что оскорбленъ тутъ молодой герцогъ и потому онъ можетъ выбирать оружіе. Рѣшено было рѣзаться, а не стрѣлаться. Произошла встрѣча, и молодой герцогъ прокололъ своему противнику лѣвое легкое. Убійца успѣлъ уѣхать въ Бельгію, и тамъ разумѣется на него будутъ смотрѣть не какъ на убійцу.

Одинъ изъ прусскихъ, кажется, королей прошлаго столѣтія, недовольный огромнымъ количествомъ поединковъ, происходившихъ безпрестанно, несмотря на строгія запрещенія, наконецъ разрѣшилъ всякія дуэли вообще, какимъ угодно оружіемъ, безпрепятственно, хоть даже публично. Постановлено было однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы однимъ изъ секундантовъ непремѣнно былъ палачъ, который былъ обязанъ оставшагося въ живыхъ тутъ же на мѣстѣ повѣсить. «Какое несчастіе быть слишкомъ счастливымъ въ подоб-

мой встрѣчѣ», замѣчаютъ газеты, которыя и по этому случаю не могутъ воздержаться отъ страстишки сострить, хоть плохо, хоть какъ-какъ, а все-таки сострить.

Въ Лондонѣ на дняхъ повѣсили женщину за убійство. За немѣніемъ политическихъ занимательныхъ новостей, такъ-какъ парламентъ закрытъ, это зрѣлище было принято публикою съ восторгомъ. Окна на площади отдавались въ наемъ за баснословную цѣну; на крышахъ домовъ при помощи особеннаго устройства, разставлены были стулья для зрителей. Торговцы биноклями накануне распродали весь свой товаръ. Любители, нежелавшіе платить, завали свои даровыя мѣста на площади еще съ вечера, вооруженные патентованными зонтиками. Представленіе началось въ назначенный часъ. Главное дѣйствующее лицо взошло какъ слѣдуетъ на лѣстницу съ двумя секундантами, которые наложили ей на шею заранее приготовленный и хорошо приспособленный аппаратъ. Черезъ минуту все было кончено; трупъ качался въ воздухѣ еще цѣлый часъ послѣ того. Какъ заплатившіе, такъ и незаплатившіе за мѣсто получали желаемое удовольствіе. Можно положить, что антрепренеры, выстроившіе мѣста амфитеатромъ на площади и на крышахъ, получили въ этотъ день чистаго барыша около девяти тысячъ рублей, да столько же, если не больше, за окна, выходящія на площадь. Сверхъ того стеченіе народу на площади дало возможность хорошо расторговаться многимъ разносчикамъ, да получили значительный барышъ продавцы описаній процесса. Всего можно полагать отъ 25 до 30 тысячъ рублей чистаго барыша отъ одного представленія. Поэтому одному уже видно, какъ процвѣтаетъ въ Англіи промышленность.

28 октября манчестерскій городской банкъ учрежденный, какъ извѣстно, на акціяхъ, прекратилъ свои платежи, по случаю огромныхъ недочетовъ. Оказалось, что директоръ банка, г. Андрью, получавшій 35,000 рублей жалованья, слишкомъ сильно попользовался на счетъ акціонеровъ. Онъ арестованъ и, разумѣется, будетъ сосланъ въ каторжную работу въ Австралію. Акціонеры цѣлаго свѣта могутъ утѣшиться: и въ Англіи директора «пользуются».

29 октября была у Гарибальди консультація. Собрали было семнадцать знаменитѣйшихъ въ Европѣ хирурговъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднее мѣсто занималъ Н. И. Пироговъ. Они всѣ рѣшили, что пуля находится въ ранѣ и что надо будетъ произвести

новое изслѣдованіе для точнаго опредѣленія ея мѣста. Докторъ Нелатонъ (Французская хирургическая знаменитость) объявилъ, что вынуть пулю будетъ легко и выздоровленіе послѣдуетъ быстро. Къ несчастію, намъ еще неизвѣстно что сказали объ исходѣ болѣзни и операціи другія знаменитости.

КУПЦЫ — РЕФОРМАТОРЫ ГИМНАЗІЙ

Двѣ болѣе другихъ важныя , въ количественномъ отношеніи, петербургскія газеты — «Сѣверная пчела» (№ 246 13 сент. 1862) и «С. Петербургскія вѣдомости» сообщаютъ будто :

• нѣкоторые московскіе купцы берутъ дѣтей своихъ изъ гимназій, полагая, что дѣти ихъ получаютъ тамъ воспитаніе *недовольно религіозное и нравственное* и находя , что *знаніе* латинскаго языка, которому обучаютъ въ гимназіяхъ, для нихъ *бесполезно*. Говорятъ, что эти родители намѣреваются устроить въ Москвѣ, насчетъ общества, свою особенную гимназію съ тѣмъ , чтобы *само общество* завѣдывало *хозяйственною* частію заведенія , безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а чтобы учебною и воспитательною частію распоряжался одинъ изъ московскихъ священниковъ , заслужившій общее уваженіе и любовь *купцовъ*. Если же это предположеніе не удастся (такія предположенія иногда удаются), то тѣже лица полагаютъ отдать своихъ сыновей въ одинъ *частный пансіонъ* съ тѣмъ , чтобы тотъ же священникъ (т. е. заслужившій любовь *купцовъ*) имѣлъ постоянное наблюденіе за учебною и воспитательною частію въ ономъ .

Изъ этого читатель можетъ исполнѣ убѣдиться въ совершенной неосновательности весьма распространеннаго мнѣнія , будто наши купцы — мертвый народъ въ дѣлѣ распространенія образованія. Помилуйте, наши купцы начинаютъ являться даже реформаторами гимназій, и какіе еще купцы? — московскіе. Несовершенство, недостатки нашего гимназическаго воспитанія замѣтили наконецъ наши *тѣньки и мамы* ; мало того , они протестуютъ противъ гимназическаго воспитанія , берутъ изъ гимназій , *изъ науки* — своихъ любезныхъ дятятокъ , и хотятъ заводить свои гимназіи , по *своему* учить ихъ наукамъ. Чтожъ , пора наконецъ и имъ взятъ за умъ , пора вспомнить и имъ , что мы начали новое тысячелѣтіе... Мы даже долго не вѣрили, когда прочитали въ нашихъ петербургскихъ газетахъ тѣ строки , которыя сейчасъ выписали ; но наконецъ должны были повѣрить авторитетнымъ газетамъ , хотя правду ска-

затѣ, для совершеннаго убѣжденія въ подобныя драгоцѣнныя слухахъ, стоило бы нарочно прокатиться въ Москву...

Чтоже такое въ гимназическомъ воспитаніи возбудило благородный протестъ московскихъ купцовъ и полталкиваетъ ихъ на полезную для общественнаго образованія дѣятельность? Два обстоятельства: во первыхъ, что тамошнее гимназическое воспитаніе будто бы недовольно религіозно и нравственно, и вторыхъ, что въ кругъ его введено преподаваніе латинскаго языка, которое совершенно бесполезно для купеческихъ дѣтей. Ну, въ послѣднемъ случаѣ шенитое купечество сообразило какъ-будто неладно. Это хорошо оно сообразило, что знаніе латинскаго языка совершенно бесполезно для ихъ дѣтей; противъ этого мы ни слова: пусть въ самомъ дѣлѣ наконецъ провалится сквозь землю вся эта заморщина!.. Но зачѣмъ же брать дѣтей изъ заведенія, если въ этомъ заведеніи читается одинъ лишній предметъ, положимъ и бесполезный для дѣтей? Ну, пусть они и не слушаютъ этого бесполезнаго предмета... Вѣдь московскіе купцы всегда могли бы слѣдать, что ихъ дѣти продолжали бы ходить въ гимназіи и не поганялись бы тамъ латынью. Видно главное-то дѣло въ первомъ обстоятельствѣ. Оно такъ и есть. Если въ самомъ дѣлѣ воспитаніе въ московскихъ гимназіяхъ недовольно религіозно и нравственно — по взгляду московскихъ купцовъ, въ которыхъ вѣроятно по ихъ собственному мнѣнію, только и живетъ до сихъ поръ настоящее-то благочестіе, — то это ужъ фактъ не мелочной, а дѣло первой важности. Тутъ ужъ нельзя не обратить вниманія на московскія гимназіи... Купцы московскіе совершенно правы, вполне здраво относятся къ прогрессу и должны обратить на себя общее вниманіе русскаго общества. А московскимъ гимназіямъ пожалуй придется плохо. Въ самомъ дѣлѣ имъ нужно быть впередъ поосмотрительнѣе. «Сѣверная пчела» первая побаивается за нихъ. Она тутъ же говоритъ и надѣется, что «гг. директоры московскихъ гимназій и преподаватели разъяснятъ путемъ печати падающее на нихъ обвиненіе (?)». Въ то же время «Сѣверная пчела» до того любезна и сострадательна, что, выражая свою невольную радость проявляющемуся между купцами стремленію учредить свою собственную гимназію, заодно молвитъ словечко и въ пользу московскихъ гимназій, предполагая, будто недовѣріе къ нимъ со стороны московскихъ купцовъ есть «совершенно незаслуженное» недовѣріе. Милая, хотя и странная эта «Сѣверная пчела»: почему-то въ ней весьма сильно развита слабость *трусить за другихъ*. Пусть бы трусила только за себя...

Наши московскіе купцы, реформаторы московскихъ гимназій, думаютъ, что ихъ дѣти произойдутъ настоящую науку, слѣдаютъ прав-

ственнымъ только тогда, когда будутъ воспитываться не въ мундирной директорской гимназiи, а подъ исключительнымъ всестороннимъ вліаніемъ священника и именно того, кого они любятъ. Мы не сомнѣваемся, что московскіе купцы достигнутъ своей цѣли. Они именно увидятъ дѣтей своихъ такими, какими имъ хочется. Мы даже рады за ихъ роль реформаторовъ гимназiй, потому что чрезъ нихъ можетъ-быть получаемъ правильное понятіе о нашихъ гимназiяхъ; думаемъ даже, что самымъ московскимъ гимназiямъ весьма лестно быть призванными достойными реформы — по взгляду такихъ реформаторовъ, какъ московскіе купцы. Но непонятно, какимъ же это образомъ многіе знаменитые воспитатели, — возьмемъ хоть Оуэна — совсѣмъ противоположными путями, сдѣлали своихъ питомцевъ изъ отравленныхъ негодяевъ честными, нравственнымъ гражданами? За что это тысячи людей цѣлую жизнь свою благословляли потомъ имя Роберта Оуэна, какъ своего великаго благодѣтеля? Какой секретъ былъ у Роберта Оуэна, добивались узнать многіе другіе знаменитые люди, въ свою очередь тоже великіе благодѣтели человѣчества, которые изъ далекихъ странъ пріѣзжали къ нему сказать съ нимъ слова два-три?.. Трудно выяснить все это такъ, чтобы хоть *чуть-чуть* поняли московскіе реформаторы. Есть люди, которыхъ можно изумить, потѣшить, расшевелить, задѣть за живое, но только не убѣдить; и есть люди которыхъ и убѣдишь, но они все-таки будутъ противъ тебя...

Впрочемъ попробуемъ въ настоящемъ случаѣ воспользоваться однимъ извѣстнымъ намъ психологическимъ секретомъ; чтобы заставить своихъ противниковъ согласиться съ нашими мыслями, будемъ сначала сами побольше соглашаться съ ними, тѣмъ болѣе, что вѣдь на самомъ дѣлѣ мы почти согласны съ нашими московскими реформаторами... Право такъ.

Мы сами очень часто нападали на мысль о недостаткахъ нашего гимназическаго воспитанія (не преподаванія) и именно о недостаткахъ въ томъ отношеніи, что оно не довольно нравственное. По всѣмъ другимъ сторонамъ наши гимназiи постепенно улучшаются и идутъ впередъ; мало идутъ впередъ относительно только этой важной стороны. Въ этомъ, повторяемъ, мы совершенно согласны съ московскими купцами.

Во первыхъ, въ нашихъ гимназiяхъ большею частію не *воспитываютъ* мальчиковъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, а *учатъ* ихъ извѣстной религіи и извѣстной системѣ нравственности; религія и нравственность есть для мальчиковъ не дѣло ихъ жизни, а одинъ изъ предметовъ школьнаго изученія, подобный другимъ отдѣльнымъ предметамъ гимназическаго курса; въ семь дѣтъ

они проходить полный курсъ религіи и нравственности, получаютъ всегда въ своихъ атестатахъ безукоризненные отиѣтки въ своемъ поведеніи и въ успѣхахъ, оказанныхъ имъ въ религіи, отиѣтки, въ которыхъ будто на ладонь выложены ихъ нравственныя стороны, потому что даже превращены въ наглядныя математическія формулы, такъ что сейчасъ видишь кто каковъ гусь, сейчасъ видишь, наприимѣръ что этому только одной единицы недостаетъ, чтобы быть совершенно нравственнымъ, а этотъ цѣлыми двумя единицами ниже его по нравственности, а слѣдовательно малый неважный... Надобно здѣсь впрочемъ отдать честь нашимъ воспитателямъ, которые весьма заботятся, чтобы математическія величины, которыя они ставятъ на атестатахъ своихъ питомцевъ для выраженія ихъ нравственнаго состоянія, вполне точно соответствовали этому состоянію; для этого нѣкоторые мудрые воспитатели обязываютъ комнатныхъ надзирателей ежедневно въ особо-заведенныхъ книгахъ отиѣчать балами поведеніе каждаго изъ вѣренныхъ имъ мальчиковъ, и потомъ въ концѣ года, или трети, выводятъ общій балъ. О рациональности такого приѣма не можетъ возникать и вопроса: тутъ ужъ какъ ни юли другой, а непременно получить достойное, потому что очевидно общій балъ ставитъ не начальство, а каждый воспитанникъ самъ себя; начальство тутъ изобрѣтаетъ завидную возможность оставаться въ совершенно-страдательномъ положеніи... спокойнѣе... Взглядъ на нравственность, какъ на нѣчто идеально-высокое, и главное — вѣшнее, что наноснымъ слоемъ ложится на воспитанниковъ, а не воспитывается въ нихъ самихъ при помощи обыденныхъ, минутныхъ проявленій ихъ воли и сердца (хотя конечно не многіе изъ нашихъ воспитателей признаютъ въ себѣ такой взглядъ), есть весьма неудачный по жизненнымъ результатамъ взглядъ. Учить воспитанника нравственности — это значитъ навязывать ему извѣстное чувство, извѣстную добродѣтель, а это въ свою очередь значитъ приучить его двоедушничать, лицемерить; тогда какъ подправляя, очищая, облагораживая каждую особенность, или вообще каждое свойство *собственной* природы воспитанника, вы прямо и неизбѣжно будете образовывать въ немъ честный, прямой, искренній характеръ. Воспитанникъ, выучившій наизусть курсъ нравственности, пожалуй скоро забудетъ его, какъ забываетъ онъ все, что выучиваетъ къ *зубу*; или пожалуй еще въ самомъ заведеніи пропуститъ его мимо ушей. Въ такомъ случаѣ ему придется остаться *самимъ собою*, съ дѣльными своей природы, весьма мало тронутыми школьнымъ воспитаніемъ. Но это еще ничего, если школьная нравственность пройдетъ мимо ушей воспитанника и онъ останется пока безъ нравствен-

наго достоинства; впереди у него все-таки останется возможность нормального нравственного развитія. Большая же часть натуръ сродняется съ школьною наносною нравственностью, превращаетъ ее въ сокъ и кровь своей жизни, а лучшіе природные человѣческіе инстинкты остаются задавленными, страдательными. Передъ нами подвигается цѣлый рой этихъ лицемѣрно-попылыхъ, бездушныхъ натурашекъ, искаженныхъ принятою отъ другихъ моралью... При вопросѣ, кто они такіе, — онѣ самодовольно осматриваются и шегомъ припоминаютъ извѣстную степень своего секретарства, или совѣтничества. Мало-помалу они въ самомъ дѣлѣ убѣждаются, будто лучше другихъ... Какъ видите, читатель, московскіе купцы совершенно справедливо съ недоувѣріемъ взглянули на нравственное и религіозное воспитаніе гимназій. Положимъ и съ гимназіи, поэтому надѣмся и московскія, въ настоящее время начинаютъ выбиваться изъ средневѣковой нормы воспитанія; но вѣдь еще только выбиваются, а московскимъ купцамъ не дожидаться же, особенно когда полъ руками у нихъ есть люди, которые легко могутъ поправить все дѣло. Новые воспитатели, которымъ они вполнѣ вѣрваютъ своихъ дѣтей, конечно поведутъ нравственное ихъ воспитаніе совершенно иначе и лучше. Они не будутъ преподавать имъ извѣстную нравственную теорію, существующую уже весьма давно, какъ въ гимназіяхъ, не отдадутъ ихъ полъ вліяніе многихъ предразсудковъ, хотя бы милыхъ имъ самимъ и до сихъ поръ идущихъ изъ рода въ родъ путемъ преданія, а въ полномъ смыслѣ воспитаютъ въ мальчикахъ зачатки правильной человѣческой жизни, воспитаютъ въ нихъ добрыхъ гражданъ съ честнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь. Ихъ воспитаніе конечно не создастъ такихъ ничтожныхъ натуръ, какія, мы видѣли, создаетъ школьная наносная нравственность, выучиваемая наизусть...

Восторыжъ наше школьное воспитаніе съ нравственной стороны весьма плохо рекомендуетъ систему наказаній, существующая въ практикѣ (но не въ уставахъ) во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прежде всего наказаніе за шалость, за проступокъ, каково бы оно ни было, есть приѣмъ самъ по себѣ весьма нерациональный. Положимъ, всякая шалость, всякій проступокъ есть ошибочное, ненормальное дѣйствіе, положимъ даже есть вредъ, зло; зачѣмъ же, если разъ произошелъ вредъ, случилось зло, еще снова дѣлать вредъ, производить зло, т. е. назначать наказаніе за него? Развѣ можетъ когда-нибудь быть оправдано разсудкомъ то, что такъ или иначе увеличиваетъ сумму зла? Но, скажутъ, хотя наказаніе само по себѣ есть тоже зло, но оно имѣетъ хорошую цѣль и употребляется всегда какъ средство къ достиженію добра.

Ужели же всякое средство, если даже оно есть чистое зло, можетъ быть оправдано доброю цѣлью? Вѣдь это отзывается логикою патера Родена. А наказаніе дѣйствительно всегда есть чистое зло, потому что оно дѣйствіе вполне свободное, преднамѣренное и сознательное. Даже всякая шалость, всякій проступокъ съ этой стороны всегда есть меньшее зло, чѣмъ наказаніе; весьма трудно представить, чтобы шалости и проступки производились, и особенно школьниками, такъ—сказать изъ чистой любви къ искусству, ради самихъ шалостей и проступковъ: они всегда вызываются чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, предшествующимъ, либо окружающимъ ихъ, либо порождаются юношескимъ легкомысліемъ; въ иныхъ случаяхъ они совсѣмъ не могутъ не быть. Совсѣмъ нельзя этого сказать о другомъ злѣ — наказаніи, которое поэтому всегда есть большое зло. А мы всѣ увѣрены, что наказывать за шалости, воздавать за меньшее зло большимъ, мстить легковѣрному мальчику солидно-сознаннымъ и какъ-бы законнымъ образомъ, это значитъ нравственно воспитывать его!.. Далѣе, чистая ложь, будто школьное наказаніе можетъ когда-нибудь привести къ добру, т. е. будучи нераціонально само по себѣ, оно не оправдывается и *практическими* результатами. На первыхъ порахъ наказаніе всегда до-нельзя *возмущаетъ* мальчика; многіе изъ нихъ всю жизнь потомъ съ негодованіемъ вспоминаютъ, какъ ихъ первый разъ наказали, хотя многіе воспитатели часто замѣчаютъ имъ, наказывая, что впоследствии они сами будутъ благодарны за наказаніе, а въ возмущенномъ, ненормальномъ состояніи каждому мальчику гораздо естественнѣе сдѣлать новый проступокъ, новое зло, чѣмъ обсудить прежнее и раскаяться въ немъ. Такъ всегда и бываетъ. Всегда мальчикъ, котораго наказываютъ, затаиваетъ въ себѣ запасъ кипучей злости, которая очевидно никогда не приводитъ, да и не можетъ привести ни къ чему хорошему. Послѣ каждаго наказанія онъ непременно становится хуже. Всякое наказаніе есть униженіе, обида; а униженіе развѣ можетъ воспитывать, возвышать нравственно? Каждый изъ насъ конечно самъ переживалъ состояніе мальчика, сдѣлавшаго извѣстный проступокъ, состояніе мучительное, сжимающее сердце, собирающее въ себя, упрекающее; подобное состояніе всегда есть *большое* нравственное состояніе, экстренное, болѣе другихъ чуткое и потому весьма удобное и даже драгоценное для нравственнаго вліянія на воспитанника со стороны воспитателя. Войди воспитатель въ такое его состояніе, коснись бережно его большого мѣста, отнесись гуманно къ его страданію, которое уже и есть наказаніе за его проступокъ, и если только воспитатель не мумдирная кукла, а человекъ съ душою и сердцемъ, онъ сумѣетъ извлечь слезы изъ вос-

литавника, за который действительно тотъ будетъ потомъ долго, долго благодаренъ. Самъ мальчикъ, слѣвавшій шалость, инстинктивно всегда желаетъ такого образа дѣйствования со стороны своего воспитателя; его природа возмущается при одной мысли, что сейчасъ придется расправляться съ нимъ; онъ уже безконечно превращаетъ и ненавидитъ воспитателя, отъ котораго еще только ждетъ наказанія, тогда какъ онъ безконечно уважалъ бы его, еслибы тотъ повялъ его мучительное состояніе и отнесся къ нему именно какъ воспитатель, а не какъ раздаватель казней. Всякій проступокъ есть вло нравственное, покрайней-мѣрѣ въ немъ заслуживаетъ порицанія только зло нравственное; ясно это какъ дважды-два четыре, что и дѣйствовать на него должно только однимъ нравственнымъ образомъ, а не чрезъ наказаніе, которое всегда сопряжено бываетъ съ видимымъ физическимъ зломъ. Нравственную боль безнравственно лечитъ физическою болью. Всякій мальчикъ всегда будетъ пораженъ и задумается надъ собою, если даже совѣмъ не дѣйствовать на него нравственнымъ образомъ, а просто оставить его только безъ физическаго наказанія; всякій мальчикъ, слѣвавшій проступокъ, до наказанія бываетъ несравненно лучше, чѣмъ послѣ наказанія. А что сказать о томъ состояніи воспитанниковъ, когда они, перешпытавши нѣсколько разъ всѣ роды наказаній, перестаютъ наконецъ и возмущаться ими, когда наказанія опошляваются, когда они со стороны мальчиковъ вызываютъ больше смѣха, нежели раскаяніа; когда мальчикъ, поставленный на колѣна, смѣется, дѣлаетъ гримасы товарищамъ и высовываетъ языкъ воспитателю?.. А то, что этотъ мальчикъ — жалкое существо, и не исключеніе изъ общей массы, а напротивъ прямое, законное слѣдствіе системы наказаній, существующей въ нашихъ заведеніяхъ. Когда мальчика неизбежно систематически подвергаютъ чрезъ наказанія всевозможнымъ родамъ униженій, то было бы вѣрно и требовать, чтобы онъ возвышался, облагораживался нравственно; напротивъ ему и слѣдуетъ все болѣе и болѣе опускаться, унижаться. На высунутый имъ воспитателю языкъ, воспитатель долженъ полюбоваться какъ на плодъ, какъ на торжество и гордость своей системы. А наказанія необходимо опошляваются во всякомъ заведеніи. Это происходитъ оттого, что число родовъ и видовъ наказаній никогда не можетъ соответствовать даже одной четверти числа родовъ и видовъ школьническихъ шалостей и проступковъ. Шалости и проступки, какъ нравственныя явленія, весьма многочисленны и разнообразны; самыя похожія одна на другую шалости рѣдко бываютъ одинаковы, и большею частію отгѣвляются каждая своими особенными характеристическими чертами. Поэтому и на-

казаніямъ , чтобы быть справедливыми и точными , слѣдовало бы также видоизмѣняться и оттѣняться характеристическими особенностями ; но такъ какъ они всегда сопряжены болѣе или менѣе съ физическою болью и вообще составляютъ видимое злс , то умножать и видоизмѣнять ихъ было бы ужъ слишкомъ нехорошо и нечеловѣчно. Отъ этого въ педагогической практикѣ рѣдко можно насчитать больше десяти извѣстныхъ видовъ наказаній , которыя поэтому повторяются каждый день и даже весьма много разъ каждый день, опошлываются, теряютъ всякую цѣну и чуть ли не превращаются въ забаву. А хороша забава, нечего сказать! Правда, есть и нѣкоторые воспитатели, которые ухищряются до-нельзя видоизмѣнять наказанія, ухищряются по возможности въ наказанія выразить всегда характеръ самаго проступка, чтобы пристыдить виноватаго. Такъ на примѣръ, если мальчикъ ругается гадкими словами, то, написавши на клочкѣ бумаги «за сквернословіе», заткнуть ему клочокъ за воротникъ и поставить на колѣни; если что-нибудь онъ разбилъ, или взял чужое, то дадутъ эту разбитую или присвоенную вещь ему въ руки и опять поставить на колѣни и проч. Но не нужно забывать, что и на стыдливость мальчика нужно дѣйствовать весьма осторожно. Стыдливость — это такое вѣжное и щекотливое чувство, что оно заглушается и тратится отъ подобныхъ крупныхъ, грубоватыхъ, несвойственныхъ пріемовъ. Разъ, другой выставленная на публичный позоръ стыдливость просто напросто превращается въ безстыдство. А все оттого, что и тутъ не хотятъ довольствоваться только нравственнымъ томленіемъ виновнаго, а еще примѣшиваютъ непременно и томленіе физическое — наказаніе. Остричь и каламбурить можно на словахъ, въ бесѣдахъ съ друзьями, а каламбурить въ дѣйствіяхъ, да еще такихъ, которыми выѣютъ цѣлью быть воспитательными дѣйствіями, какъ на примѣръ наказанія — непростительно. Въ подобномъ остроумничавьи наказаніями преглядываетъ дѣйствительно одна здравая по нашему мнѣнію педагогическая идея, уже высказанная нами: та, что воспитатель при помощи самаго проступка провинившагося мальчика долженъ отыскать источникъ для нравственнаго воздѣйствія и исправленія мальчика; но если онъ въ образѣ своего дѣйствіи не довольствуется чисто-нравственными стимулами, а усиливается изобрѣсти еще соотвѣтствующее имъ по характеру физическое принужденіе, то выходитъ просто жалко и смѣшно.

Вообще *система наказаній* и со стороны *практическихъ* результатовъ есть весьма ненадежный элементъ нравственнаго воспитанія юности. Возьмемъ любое изъ общепотребительныхъ въ заведеніяхъ наказаній, и мы увидимъ, что оно всегда гораздо болѣе

приносить вреда, нежели пользы. Мальчикъ невнимательно сидитъ во время лекціи, смѣется; его оставляютъ безъ обѣда. То, что нехорошо смѣяться въ класѣ, онъ очень хорошо знаетъ самъ и прежде нежели смѣялся, и прежде нежели, послѣ смѣха, приказали ему остаться безъ обѣда; зачѣмъ же оставляютъ его безъ обѣда? Зачѣмъ хотять достигать результата, который уже существуетъ? Скажутъ затѣмъ, что онъ и знаетъ, что нехорошо смѣяться на лекціи, а все-таки смѣялся, такъ чтобъ не забывалъ. Но въ такомъ случаѣ онъ и послѣ того, какъ останется безъ обѣда, все равно одинаково будетъ смѣяться, потомучто сдѣлавъ свой проступокъ, смѣялся не оттого, что забылъ, что не надо смѣяться, а оттого, что были причины и обстоятельства, побудившія его къ смѣху, которыя могутъ быть и послѣ. Скажутъ, такъ вотъ онъ затѣмъ долженъ остаться безъ обѣда, чтобъ знаетъ, что ни при какихъ причинахъ и обстоятельствахъ онъ не долженъ смѣяться на лекціи. Прекрасно, это послѣднее знаніе для него весьма необходимо; оно можетъ предотвратить проступокъ съ его стороны на будущее время, но зачѣмъ же этого духовнаго результата достигать такимъ неблагороднымъ насиліемъ физической природы, какъ оставленіе безъ обѣда? Для этого нужно показать ему ясно, какъ дважды-два четыре, что смѣяться на лекціи глупо, при какихъ бы то нибыло обстоятельствахъ; объяснить это такъ, чтобы онъ уважалъ ваши слова и исполнялъ бы ихъ впослѣдствіи, а оставлять безъ обѣда дѣло все-таки лишнее. Скажутъ, сколько ни объясняй воспитатель, этого недостаточно. То-то вотъ и есть: значить воспитатель не умѣетъ придать цѣны и вѣсу своимъ словамъ, значить его не уважаютъ, или мало уважаютъ виновный; въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ виновать уже не столько мальчикъ, сколько воспитатель; слѣдовательно, если уже необходимо оставаться кому-нибудь безъ обѣда, то по всей справедливости слѣдуетъ оставаться воспитателю... Притомъ, если виновный мальчикъ такого рода, что сколько ему ни толкуй, все равно, то и сколько ни оставяи безъ обѣда, одинаково будетъ все равно. Итакъ наказаніе остаться безъ обѣда виновному мальчику — дѣло лишнее и нераціональное. Но этого мало. Положимъ онъ въ самомъ дѣлѣ остался безъ обѣда. Изъ этого вѣдь выйдутъ еще кой-какія *послѣдствія*. Ему обидно быть голоднымъ; онъ либо подговоритъ товарищей вынести ему что-нибудь съѣстное, либо самъ достанетъ себѣ разнымъ плутовствомъ обѣдъ изъ своего же заведенія, или со стороны; найдутъ новые обманы, новые проступки, какъ съ его стороны, такъ и со стороны другихъ постороннихъ лицъ, которыхъ онъ, по милости уже одного воспитателя, запутаетъ въ свою исторію... Наконецъ, если

даже ничего этого не случится, и мальчикъ останется безъ обѣда, т. е. если мѣра воспитателя вполне будетъ выполнена, — то и тогда случится болѣе худого, чѣмъ хорошаго. Мальчикъ всю остальную часть дня проведетъ въ неестественномъ злостномъ состояніи; по свойству этого состоянія, будетъ дѣлать все и всѣмъ наперекоръ; вообще надѣлаетъ гораздо болѣе худого, чѣмъ сколько надѣлалъ бы пообѣдавши, и главное не выучитъ урока къ слѣдующему дню, потому что этому будутъ препятствовать не только нравственныя причины, но и физическая — голодь. Это только когда длиннонолые дьячки были у насъ воспитателями юношества, была справедлива поговорка: «satur ventis non studet libenter», а теперь каждому извѣстно, что если сытое брюхо учится плохо, то голодное совсѣмъ не можетъ учиться. Возьмемъ другое, весьма употребительное наказаніе — заключеніе въ карцеръ, куда посадили воспитанника, положимъ за то, что онъ курилъ табакъ. Онъ сидитъ тамъ двое-трое сутокъ; его выпускаютъ. Зачѣмъ его, спрашивается, сажали въ карцеръ? Какая польза и какой смыслъ этого наказанія? Вѣдь онъ и послѣ карцера, при первомъ вольномъ шагѣ, закуритъ папиросу, да и въ карцерѣ пожалуй *затягивался*. Вѣдь почему онъ куритъ табакъ? Потому что у него есть табакъ; вотъ и уничтожьте причины проступка, сдѣлайте такъ, чтобы онъ не имѣлъ табаку въ заведеніи, если ужъ не хотите, чтобы онъ курилъ табакъ. Это трудно сдѣлать? тогда подумайте хорошенько, стоитъ ли еще и дѣлать; и если видите у него папиросу въ зубахъ, возьмите папиросу, возьмите отъ него всѣ папиросы и считайтесь съ нимъ нравственнымъ образомъ; но только пожалуйста не ведите его въ карцеръ, потому что впервыхъ вы сами косвеннымъ образомъ виноваты въ его проступкѣ, а вѣдь сами вы только провожали его до карцера, и во вторыхъ — карцеръ принесетъ ему не пользу, а вредъ. Мальчикъ напрасно потеряетъ время, можетъ-быть захвораетъ отъ невыносимой тоски, отъ нечего дѣлать подымется на какія-нибудь продѣлки; если онъ мальчикъ не дюжинный, впечатлительный и самолюбивый, — можетъ первый разъ натолкнуться на самыя печальныя мысли, которыя впоследствии, при подобныхъ обстоятельствахъ всегда будутъ преслѣдовать его, какъ демоны-искусители; и во всемъ этомъ уже прямо будетъ виновато одно наказаніе, которымъ ему мстятъ за его проступокъ. Еще весьма распространено наказаніе — лишеніе отпуска къ роднымъ. Наказаніе въ высшей степени нераціональное въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Никакое начальство не можетъ никогда такъ благотворно и энергично вліять на нравственное развитіе своего воспитанника, какъ семья на своего живого члена, ка-

кое бы нибыло отеческое начальство и какова бы нибыла семья. А какъ же можетъ отозваться на нравственномъ воспитаніи мальчика подобное наказаніе, разрывающее и оскорбляющее всегда живой и священный союзъ его съ семьей, прекращающее ему доступъ къ тому источнику, который всегда такъ благотворно вліяетъ на его нравственное воспитаніе? Притомъ въ наказаніи лишеніемъ отпуска воспитанника къ роднымъ, есть явная несообразность. Заведеніе должно имѣть отношенія къ воспитаннику, именно какъ къ *воспитаннику* своему, какъ къ мальчику извѣстныхъ способностей и склонностей, какъ къ мальчику, опредѣленному въ училище для извѣстной опредѣленной цѣли, — а не какъ къ *сыну* извѣстнаго отца и матери, не какъ къ члену извѣстной семьи; сфера его сыновнихъ отношеній, равно какъ на примѣръ сфера его религіозной совѣсти, должна быть совершенно выдѣлена изъ-подъ администраціи заведенія. Нелогично ему, провинившемуся какъ лѣнивому, или дурному *воспитаннику*, отвѣчать и нести наказаніе какъ *сыну*, — можетъ-быть и примѣрному сыну. Дурныхъ же послѣдствій для него и послѣ этого наказанія равно можетъ быть очень много, какъ и послѣ всякаго другого наказанія.

Существуетъ въ нашихъ заведеніяхъ, по милости системы наказаній, еще одно обыкновеніе, парализирующее нравственное воспитаніе юношества, а не способствующее воспитанію. Это *табунокое* (извините за слово, оскорбляющее гуманное чувство) разбирательство дѣла, если слѣлана шалость, а между тѣмъ виновный неизвѣстенъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно имѣютъ дѣло съ цѣлымъ *классомъ*, съ цѣлою *массою* воспитанниковъ и ведутъ съ ними слѣдующую нравственную рѣчь: «вы *сами* должны отыскать виновнаго или виновныхъ пзъ среди-себя, а если нѣтъ, то мы не будемъ разбирать Сидора, Петра, Карна, Ивана и Матфея, *не будемъ разбирать* кто *правъ* и кто виноватъ, а накажемъ всѣхъ», и дѣйствительно наказываютъ всѣхъ. Прежде всего что сказать о томъ, что *сами* воспитанники должны отыскать виновныхъ? Почему это они должны дѣлать дѣло начальства, или помогать ему?.. Далѣе, — кто это говорить: мы не будемъ разбирать *праваго и виноватаго*? Ужели человѣкъ, поставленный нравственно воспитывать юношество? Что же послѣ такихъ словъ будутъ думать о воспитателяхъ воспитанники? Будутъ ли, да и могутъ ли воспитанники уважать ихъ? Итакъ чрезъ такой непедагогическій образъ дѣйствования воспитатели сами себя нравственно унижаютъ предъ воспитанниками. Притомъ тѣ же воспитатели въ настоящемъ случаѣ нравственно унижаютъ и воспитанниковъ. Въ подобной ихъ тактикѣ весьма ясно проглядываетъ обидный, унижающій, обезличивающій взглядъ на воспитанниковъ,

какъ на безправную массу, какъ на *табуки* животныхъ, гдѣ не разбираютъ отдѣльныхъ экземпляровъ, и гдѣ по отношенію ко всѣмъ однѣ и тѣже мѣры, одинъ способъ дѣйствованія. Если виновные, которыхъ два-три неизвѣстны и товарищамъ своимъ и не назовутъ сами себя, то благотворно ли подѣйствуетъ на многихъ отдѣльныхъ лицъ, совершенно невинныхъ, то обстоятельство, что они будутъ терпѣть наказаніе совершенно невинно?.. Что сказать о такомъ образѣ дѣйствованія воспитателей, который лишонъ даже элемента юридической правды? Но положимъ товарищи нападутъ на слѣдъ виновныхъ; сколько опять тутъ неизбѣжно произойдетъ зла отъ ссоры товарищей виновныхъ съ невинными! По этому поводу могутъ разсориться самые задушевные друзья. Сколько потомъ будетъ затаено враждебнаго чувства въ груди виновныхъ противъ нѣкоторыхъ изъ невинныхъ, послѣ того какъ виновныхъ выдаютъ и начальство накажетъ ихъ еще строже! И проч. и проч.

Вотъ что такое система наказаній и к чему она всегда приводитъ. Между тѣмъ она органической, необходимый элементъ нашего воспитанія; безъ нея въ нашихъ заведеніяхъ педагогика не дѣлаетъ ни шагу. Легче представить преступника, помилованнаго за преступленіе чѣмъ школьника, ненаказаннаго за дѣтскую шалость. Откуда это и что за убѣжденіе такое, что ежели школьникъ напакоститъ, то и ему непременно нужно напакостить, и его доканать-таки самого?! Развѣ эта своего рода месть, то воздаяніе зломъ за зло, можетъ воспитывать, можетъ исправлять? Впрочемъ извѣстно, откуда такіа убѣжденія: они отзываются добрымъ старымъ временемъ... Вспомнимъ мысль хоть божественнаго Платона, что наказаніе — это не только неизбѣжное *слѣдствіе* проступка, но даже *неотъемлемое право* виновнаго. Вспомнимъ культы неумолимаго правосудія боговъ, древніе и не столь древніе. Вспомнимъ громоносныя слова Эммануила Канта, что еслибы завтра рухнула весь міръ, то сегодня все-таки послѣдній виновный долженъ быть наказанъ. Зачѣмъ и долго ли будутъ оставаться эти призраки, когда въ человѣчествѣ засвѣтились великія имена: Бентама, Шопенгауера, Конта, Гутчесона, Оуэна, Литтре, Фурье, и другія современныя намъ?..

Наказаніе никогда не воспитываетъ и не можетъ быть элементомъ воспитанія. Но безъ системы наказаній не будетъ никакой возможности поддерживать въ заведеніи извѣстный внѣшній порядокъ, дисциплину. Настанетъ война всѣхъ противъ всѣхъ. Чѣмъ, скажутъ намъ, будете сдерживать вы внѣшнее поведеніе воспитанниковъ въ извѣстныхъ границахъ?.. А зачѣмъ же вамъ и хлопотать очевъ о внѣшнемъ поведеніи воспитанниковъ? Не для

попарнаго же шествія, не для церемоніальныхъ выправокъ они живутъ у васъ. Притомъ развѣ только наказаніями, или страхомъ наказаній, развѣ только этими внѣшними и весьма нецеремонными стимулами вы удерживаете внѣшнее поведеніе воспитанниковъ въ извѣстныхъ границахъ?.. Хорошо же. Мы только съ своей стороны къ вашему же удивленію сильно сомнѣваемся въ этомъ. Воспитанники исполняютъ извѣстный внѣшній порядокъ въ своей школьной жизни тогда, когда *понимаютъ* или *испытываютъ* на *самомъ дѣлѣ*, что это хорошо для нихъ самихъ; на наказанія же они всегда смотрятъ какъ на несправедливую и случайную кару судьбы и не по нимъ располагаютъ жизнь свою... Если исполнять какую-нибудь отдѣльную статью заведеннаго порядка они не видятъ никакого резона и не ощущаютъ въ исполненіи ея никакой пользы для себя, то какимъ бы ни пришлось подвергаться имъ наказаніямъ, все-таки они весьма небрежно и неохотно будутъ исполнять ее. Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ школьною жизнью, подтвердитъ это. И это понятно безъ фактовъ: требованіе воспитателей, подкрѣпляемое угрозами наказаній, не мирится въ настоящемъ случаѣ съ требованіями собственной природы воспитанника, и потому, исключая самые рѣдкіе отдѣльные случаи, вообще перевѣсъ будетъ конечно на сторонѣ природы. А такого рода отдѣльныхъ статей внѣшняго порядка школьной жизни весьма много. Объ этихъ именно статьяхъ идетъ всегда дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитатель говоритъ съ жаромъ воспитаннику: вы еще смѣете разсуждать? вамъ сказано и basta! и—тогда воспитанникъ, дѣйствительно, перестаетъ разсуждать и смотритъ на воспитателя изумленными глазами. Къ чему существуютъ такіа статьи въ правилахъ поведенія воспитанниковъ? А вѣдь, собственно для нихъ нужна, да только для нихъ и можетъ быть нужна, система наказаній... *Нравственное* поведеніе, правильное направленіе чувствъ, особенностей характера воспитанниковъ должно быть воспитываемо, да и достаточно всегда можетъ быть воспитано только нравственнымъ воздѣйствіемъ воспитателя. Нравственную силу воспитанника точно также нужно воспитывать, какъ и умственную. Какъ вы развиваете умъ воспитанника? Вы сначала сами уясняете ему, до послѣдней возможности дѣло, потомъ возбуждаете въ немъ его собственную умственную самостоятельность, и такъ какъ она слаба, то постепенно поддерживаете и укрѣпляете ее; но лучше ли, яснѣе ли, скорѣе ли въ самомъ дѣлѣ пойметъ воспитанникъ извѣстную объясняемую ему истину, если учитель пригрозитъ ему за непониманіе наказаніемъ и дѣйствительно накажетъ? Точно такимъ же образомъ воспитатель долженъ вліять и на нравственную сторону воспитан-

ника; точно также и тутъ, если воспитатель, самъ вліяя на чувство и особенности характера и воли воспитанника, исправляя его нравственную дѣятельность, вдругъ пригрозитъ ему наказаніемъ за извѣстный проступокъ и дѣйствительно накажетъ, то для нравственной силы, воспитанника, ненормально выразившейся въ проступкѣ, это рѣшительно все-равно. Она не исправится отъ наказанія, она только оскорбится и загрузѣтъ отъ соприкосновенія съ грубымъ и чуждымъ себѣ элементомъ. Что же касается извѣстнаго порядка *внѣшняго* поведенія, то объясните воспитанникамъ, убѣдите ихъ здравымъ разсужденіемъ, что извѣстный порядокъ, для нихъ же самихъ — благо, польза, и что дѣйствительно рационально въ этомъ порядкѣ, въ чемъ они увидятъ дѣйствительную для себя пользу — то всегда будутъ они исполнять опять-таки безъ системы наказаній; система наказаній, повторяемъ, будетъ необходима только для тѣхъ отдѣльныхъ статей порядка, весьма впрочемъ многихъ, въ которыхъ воспитанники не увидятъ достаточно здраваго смысла и пользы для себя. Скажутъ, извѣстныя статьи педагогической практики, извѣстный образъ жизни воспитанниковъ должно устанавливать и обсуживать начальство, которое безъ этого не будетъ имѣть своей самостоятельности. Кто же споритъ, что именно начальство должно *обсуживать* все; самостоятельность его и должна болѣе всего состоять въ томъ, чтобы дѣло обсуживанія не доставалось вмѣсто начальства на долю воспитанниковъ. Но вѣдь люди, которые будутъ спорить съ нами для поддержанія самостоятельности начальства, будутъ требовать, чтобы исполняемы были строго всѣ статьи внѣшняго порядка школьной жизни безъ разговоровъ о томъ, какая изъ нихъ рациональна, и какая нерациональна, и для этого признаютъ вполнѣ необходимою систему наказаній. Хорошо же, если начальство стремится къ такой капризной самостоятельности! Хорошо же, нечего сказать, если оно, только для поддержанія такой своей самостоятельности, будетъ сохранять систему наказаній!

Такимъ образомъ система наказаній въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ парализируетъ нравственное вліяніе воспитателей на воспитанниковъ, унижаетъ, какъ мы видѣли, и первыхъ и послѣднихъ. Поэтому весьма понятно, что нѣкоторые московскіе купцы съ недовѣріемъ взглянули на нравственное воспитаніе въ московскихъ гимназіяхъ и берутъ оттуда дѣтей своихъ. Въ новой, проектируемой ими гимназіи, нравственные элементы будутъ конечно пониматься во всей широтѣ и высотѣ, ни въ какомъ случаѣ не будутъ сведены въ каталогъ узкихъ предписаній, въ перечень общепринятыхъ, узаконенныхъ давностію мелочей, и главное, по всей

вѣроятности, не будутъ вдавливаться въ ихъ дѣтей физическими принужденіями, системою наказаній... Мы горячо вѣримъ и сочувствуемъ этому, потомучто зачѣмъ было бы въ противномъ случаѣ московскимъ купцамъ брать дѣтей своихъ изъ гимназій?.. Совершенно незачѣмъ....

Въ *третьихъ*, нравственное состояніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ находится въ неудовлетворительномъ состояніи отъ такъ называемаго *надзирательства* въ томъ statu quo, въ какомъ требуютъ, чтобы оно существовало, и въ какомъ большею частію оно дѣйствительно и существуетъ. Определить должность надзирателя вдругъ въ краткихъ и опредѣленныхъ чертахъ—дѣло невозможное. Прежде всего онъ нравственный *воспитатель* юношества, вообще контролирующій жизнь воспитанниковъ въ заведеніи, изучающій ее и вліяющій на нее, смотря по степени собственнаго нравственнаго развитія. Потомъ — онъ надзиратель, который въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ долженъ *видимымъ* образомъ слѣдить за каждымъ шагомъ, каждымъ внѣшнимъ движеніемъ воспитанниковъ, ввѣренныхъ ему, и смотрѣть притомъ за ними во всѣ глаза, чтобы, какъ говоритъ начальство, сами воспитанники видѣли, что неослабный надзоръ надзирателя не прекращается надъ ними ни на одну минуту. Вы ясно видите, что чрезъ это расширеніе надзирательской должности, къ прежнему чисто-*нравственному воспитательному* элементу уже примѣшался элементъ *полицейскій*, такъ что надзиратель оказывается уже и воспитателемъ и отчасти квартальнымъ надзирателемъ. Далѣе, онъ *гувернеръ*, подъ руководствомъ котораго идутъ приготовительныя домашнія учебныя занятія воспитанниковъ внѣ классовъ, — и *учитель*, потомучто за отсутствіемъ собственно-патентованныхъ учителей, обязанъ занимать ихъ классы. Потомъ онъ обязанъ смотрѣть за *одежею* воспитанниковъ, пересматривать ихъ сапоги, бѣлье, прическу, — по желанію воспитанниковъ, на ихъ деньги доставлять имъ булки, пирожное, — обязанъ укладывать ихъ спать и стараться не прозѣвать, чтобы они не просыпались раньше его; т. е., какъ сами видите, — онъ гувернеръ, весьма много смахивающій на *лакея* и *дядьку*. Можно и еще отыскать въ нашемъ надзирательствѣ нѣсколько сторонъ, но довольно и этихъ. Спрашиваемъ, возможно ли вообще какому бы то нибыло человѣку хоть на половинну добросовѣстно исполнить подобную сложно-разнородную должность, исполнить только *вообще* количественно, не разговаривая пока, будетъ ли это исполненіе нравственно-благоотворно вліять на развитіе воспитанниковъ, или нѣтъ? Возможно ли представить въ человѣкѣ присутствіе такой счастливой и отчасти странной всесторонности, чтобы онъ безотлучно двадцать-

четыре часа могъ быть при воспитанникахъ, чтобы онъ могъ быть учителемъ *всѣхъ* наукъ, чтобы онъ былъ въ состояніи или захотѣлъ изъ человѣка съ высокими нравственно-воспитательными тенденціями тутъ же вдругъ превращаться въ полицейскую штучку, и быть отчасти лакеемъ и дядькой? Скажутъ, слишкомъ несправедливый и отжившій взглядъ, будто нравственное вліяніе надзирателя на воспитанниковъ можетъ страдать, если надзиратель въ тоже время будетъ заниматься мелочами вѣшной жизни воспитанниковъ, — будто занятіе подобными мелочами можетъ унижать самого надзирателя. Напротивъ, прибавятъ, чѣмъ цѣльнѣе, всестороннѣе вліяніе надзирателя, тѣмъ больше чести для него самого, тѣмъ больше нравственныхъ плодовъ для воспитанниковъ. Такое возраженіе совершенно справедливо съ общей гуманной точки зрѣнія на вещи; но забудемъ, что мы стоимъ на частной и своеобразной *школьной* почвѣ. Конечно, никакого, самой высокой природы человѣка не унизитъ то обстоятельство, если онъ вычиститъ другому сапоги, не унизитъ ни предъ нимъ самимъ, ни предо мною съ вами читатель, но всегда это обстоятельство унизило бы его въ глазахъ школьниковъ средняго учебнаго заведенія. Для рациональнаго взгляда на такія мелочи нужно вообще слишкомъ немелко быть развитымъ, ну а вѣдь отъ мальчиковъ-школьниковъ напрасно было бы этого требовать. Это только *мамашу* свою мальчикъ одинаково уважаетъ и любитъ, и въ то время когда она учитъ его молитвамъ, и въ то время когда моетъ ему шейку и причесываетъ головку, потому что во всемъ этомъ ухаживаніи мальчикъ ощущаетъ нѣжное, сладостное родственное чувство; ухаживаніе же надзирателя, хоть бы оно дѣйствительно было ухаживаніемъ, хоть бы даже осмысливалось извѣстнымъ офиціально-отеческимъ чувствомъ, всегда для него не повутру, всегда вызываетъ въ немъ досаду, а главное, опошливаетъ предъ его глазами личность самаго надзирателя. Въ школьной сферѣ вообще чѣмъ многостороннѣе будетъ служба надзирателя, тѣмъ меньше въ глазахъ воспитанниковъ она будетъ имѣть важности и значенія и тѣмъ меньше слѣдовательно принесетъ хорошихъ результатовъ. Всякій надзиратель есть человѣкъ съ извѣстными слабостями и недостатками, такъ какъ онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать на воспитанниковъ *всѣми родами* вліяній, то этимъ самымъ поставленъ въ печальную необходимость сдѣлаться извѣстнымъ имъ со всѣхъ своихъ сторонъ и дурныхъ и хорошихъ; между тѣмъ школьники бѣдовый народъ и мигомъ *подымутъ на зубки* всѣ его слабости до единой. Мало этого, какъ лицо по отношенію къ нимъ все-таки стороннее, оппозиціонное, офиціальное и во всякомъ случаѣ не милое, онъ въ ихъ глазахъ превратится въ *воплощеніе*

однѣхъ именно слабыхъ своихъ сторонъ, которыми школьники и будутъ потомъ тѣшиться, совершенно оставляя въ сторонѣ — достойныя его стороны... Вотъ и ждите послѣ этого нравственныхъ результатовъ отъ вліянія надзирателя на воспитанниковъ! Надзиратель напримѣръ пришолъ въ классъ вмѣсто отсутствующаго учителя и вачиваетъ запиматься съ воспитанниками. Если даже онъ знаетъ предметъ, которымъ пришолъ заниматься не хуже самого учителя (а это можетъ быть весьма рѣдко), то и тогда воспитанники смотрятъ на него все-таки *скептически*, слѣдятъ исключительно за новою его *ролюю*, а не за *содержаньемъ* его лекціи; для воспитанниковъ, слѣдовательно, пользы никакой, а для надзирателя, самое лучшее, если только онъ не провалится въ ихъ мнѣніи. А если онъ знаетъ предметъ похуже настоящаго учителя, или вообще знаетъ предметъ, но не сумѣетъ стать на точку зрѣнія прежняго учителя, или просто — будетъ выражаться иначе, нежели тотъ (что естественно почти всегда и бываетъ), то его кредитъ у воспитанниковъ на уваженіе къ себѣ мгновенно падаетъ: мальчишки просто начинаютъ диспутировать съ нимъ, да еще съ полнымъ созваньемъ своего превосходства предъ нимъ, бѣднымъ импровизированнымъ учителемъ! Вотъ и опять ждите съ его стороны нравственнаго вліянія на воспитанниковъ, требуйте побольше нравственныхъ результатовъ! А каково дорого обходится надзирателю то требованіе его службы въ настоящемъ *statu quo*, что онъ безотлучно долженъ торчать при воспитанникахъ день и ночь! Прежде всего, для него это *физически* невозможно, и отлучаясь по необходимости, онъ долженъ *плутовать*, что конечно видятъ и понимаютъ воспитанники. Надзирателю напримѣръ нужно нѣсколько разъ отлучиться покурить, два раза напиться чаю, есть и еще нужды, для которыхъ неизбѣжно ему отлучиться еще два раза. Кромѣ подобныхъ постоянныхъ нуждъ, могутъ быть еще нѣкоторыя случайныя. Далѣе, есть огромная *нравственная* невыгода для надзирателя быть при воспитанникахъ безотлучно сутки. Кто изучалъ человѣка съ его психической стороны, тотъ знаетъ, что въ одинаковомъ равномъ состояніи, въ одной и той же роли человѣку оставаться долго весьма трудно, а въ роли, требующей такой энергіи, такого общаго напряженія силъ, и притомъ такой продолжительной (сутки), какова роль надзирателя средняго учебнаго заведенія, даже совершенно невозможно. Это всякій надзиратель подтвердитъ своимъ собственнымъ опытомъ. Во все *продолженіе* дежурства ему весьма рѣдко бываетъ психически возможно остаться въ равномъ состояніи. Къ половинѣ и къ концу дня, его непременно либо одолѣетъ утомленіе, и нападетъ на него апатія, либо онъ слѣбается раздражителемъ, досадливъ,

придирчивъ поэтому къ воспитанникамъ , даже несправедливъ. Судите опять, какіе отъ этого должны произойти результаты для его нравственнаго вліянія на воспитанниковъ. Но положимъ , для *надзирателя* весьма неудобно исполнять требованіе его службы, о которомъ мы говоримъ, но можетъ быть для *самихъ воспитанниковъ* исполненіе этого требованія благотворно? А вотъ посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно благотворно и для нихъ. Можетъ ли заключаться что-нибудь существенно-благотворное въ томъ условіи школьной жизни воспитанниковъ, что они видятъ подлѣ себя надзирателя день и ночь, чувствуютъ себя связанными по рукамъ и по ногамъ, чувствуютъ какъ онъ слѣдитъ за каждымъ жестомъ, словомъ, шуткою каждаго изъ нихъ? Нѣкто весьма справедливо замѣтилъ, что человѣку весьма трудно оставаться *собою*, быть какимъ онъ обыкновенно бываетъ, когда ему извѣстно, что со стороны наблюдаютъ за нимъ. Чуть только въ мальчикѣ зародится искра сознанія, т. е. чуть онъ сознаетъ себя чѣмъ-то *отдѣльнымъ* и отъ вещей міра внѣшняго и отъ существъ, подобныхъ себѣ, у него въ тоже время естественно и необходимо является потребность жить своею *отдѣльною*, единичною жизнію, не быть связаннымъ въ этой своей единичной жизни чужою волею, вообще внѣшними условіями, внѣшнимъ насиліемъ; это первое проявленіе въ немъ *человѣческой свободы*, которая въ свою очередь есть первое и существеннѣйшее условіе нормальной *человѣческой нравственности*. И вотъ это-то стремленіе быть *собою*, быть въ сферѣ своей единичной жизни, такъ-сказать одному безъ другого, эти первые росточки личной свободы и убиваются аргусовскимъ надзоромъ надзирателя. Надзиратель, котораго цѣль нравственное воспитаніе юношей, своимъ неослабнымъ надзоромъ самъ уничтожаетъ въ воспитанникахъ то, что больше всего, и скорѣе всего привело бы его къ его цѣли. Воспитанники отъ неослабнаго надзора надзирателя необходимо превращаются мало-помалу въ *лицемѣровъ*: тутъ въ жизни ихъ неизбежно развиваются до крайности два образа дѣйствій: либо замашка *скрытничать*, заператься донельзя, непризнаваться даже въ томъ что сейчасъ всѣ видѣли собственными глазами, либо страсть съ намѣреніемъ, или невольно *рисоваться* предъ надзирателемъ. Они непремѣнно живутъ двойственною жизнію: одною для самихъ себя, дѣтскою, искреннею, другою для надзирателя, фальшивою, *лицемѣрною*; они свыкаются мало-помалу съ этою жизнію, такъ что въ обыкновенную естественную ихъ жизнь превращается именно эта жизнь, неестественная, двойственно-лицемѣрная. Имъ до того противно, если надзиратель какъ-нибудь случайно увидитъ ихъ *самихъ по себѣ*, какъ они есть, что они совершенно возмущаются въ такихъ случаяхъ. Мальчикъ

напримѣръ забудется иной разъ и дѣлаетъ себѣ что-нибудь въ уголку такое, что совершенно не составляетъ шалости, но чего по вкоренившемся въ него въ школѣ обыкновенію, онъ никогда не сталъ бы дѣлать подѣ глазомъ надзирателя. Если чрезъ нѣсколько времени онъ замѣтитъ, что надзиратель наблюдалъ и наблюдаетъ за нимъ, тогда онъ непременно вспыхнетъ, покраснѣетъ, смутится, какъ-будто слѣлалъ какое-нибудь преступленіе. Да чего проще: мальчикъ напримѣръ почесалъ у себя сзади, — чтожъ, кривинала нѣтъ никакого, а между тѣмъ, если это видѣлъ надзиратель, мальчикъ возмущается до крайности. Что это значитъ? Это именно и значитъ то, что воспитанники привыкли лицемѣрить, скрывать предѣ надзирателемъ, а между тѣмъ въ приведенныхъ случаяхъ надзиратель засталъ ихъ наединѣ съ собою, безъ лицемѣрія; понятно отчего имъ неловко: они какъ-будто жалѣютъ объ этомъ. Отъ этого именно условія жизни, т. е. вѣчнаго неослабнаго надзора надзирателей, изъ нашихъ среднихъ *святскихъ* школъ и выходятъ нерѣдко пассивныя, мелкія натуры, въ которыхъ фальшь не всегда потомъ уничтожается и такую великою школою, какъ *жизнь*. Хотя въ нихъ какъ-бы въ нѣкоторые живые чемоданы, каждый воспитатель и учитель и положили отъ себя нѣчто, но они большею частью остаются и навсегда чемоданами, безъ самостоятельно-выработанныхъ убѣжденій, безъ самостоятельно-развитаго благородства и правильной человѣческой чести. Чему же удивляться, если потомъ они совершенно равнодушно склоняютъ свою шею равно и для кулака и для искательства?.. А между тѣмъ наши попечительныя гимназическія начальства до сихъ поръ еще хлопочуть, чтобы какъ-нибудь надзиратель не отошолъ отъ воспитанниковъ; они не могутъ быть спокойны, когда не увѣрены, что надзиратель дѣйствительно *надзираетъ*. Интересно обратить вниманіе на тѣ слова, которыми нѣкоторые мудрецы убѣждаютъ надзирателей неотходить отъ воспитанниковъ. «Вы когда-нибудь помѣтите, — какой шумъ и гамъ бываетъ, чуть только вы отлучитесь», говорятъ они. Дѣйствительно, когда надзиратель уйдетъ, — все измѣняется, всѣ мальчики какъ-будто перерождаются. Да и еще бы: они вѣдь цѣлый день только и ждуть, пока исчезнетъ этотъ человекъ, котораго даже всѣ вишнія черты лица, всѣ особенности походки, голоса, пріемовъ давно уже опротивѣли имъ, который вообще *оношленъ* въ ихъ глазахъ до крайности. Ихъ лица веселѣютъ, движенія развязываются; они вполне отдаются искренней и шумной радости, почувявъ свободу. Они милы въ это время, и нравственнѣе, выше, чѣмъ когда-нибудь; только въ этомъ положеніи изъ нихъ и можетъ выйти *семья* братьевъ, а не толпа *школьниковъ*. Шумъ дѣйствительно бываетъ большой, но какой смыслъ

имѣть этотъ шумъ?.. Ясно, что фактъ, ради котораго начальство требуетъ безотлучнаго присутствія надзирателя при воспитанникахъ, громко говоритъ какъ-разъ противъ него. Теперь представьте себѣ положеніе надзирателя, выполняющаго рационально понимающую свою должность, ясно видящаго и глубоко сознающаго, что для него нелѣпо было бы дѣйствовать такъ, какъ требуетъ дѣйствовать *казенное* пониманіе его службы, но все-таки поставленнаго въ необходимость дѣйствовать по казенному! И представьте себѣ потомъ положеніе воспитанниковъ, которыхъ судьба надѣлила другого рода надзирателями, *примѣрными* надзирателями, которыхъ *точностью* любитъ начальство, поощряетъ ее и вполне удовлетворяется ею. Нечего сказать, — завидныя положенія и стоятъ одно другого!

Такимъ образомъ величайшая, благороднѣйшая и благодѣтельная служба человечеству и обществу — служба воспитателя — въ нашихъ средне-учебныхъ свѣтскихъ заведеніяхъ, чрезъ присоединеніе въ ней къ чисто-воспитательному элементу совершенно чуждыхъ и разнородныхъ элементовъ *дядки и полицейскаго*, до того унижается, становится безсильною, противорѣчащею себѣ, что въ своемъ *statu quo* большею частію не воспитываетъ юношества, а скорѣе препятствуетъ его здоровому, нормальному воспитанію. Между-тѣмъ, повторяемъ, она можетъ-быть и всегда будетъ величайшею и благодѣтельнѣйшею службою, именно если очистить ее отъ чуждыхъ дѣлу воспитанія элементовъ. Пусть надзиратель не связываетъ воспитанниковъ по рукамъ и ногамъ своимъ постояннымъ видимымъ присутствіемъ, пусть напротивъ заботится о томъ, чтобы они вполне всегда были собою, отглавались своимъ природнымъ инстинктамъ, — пусть является въ ихъ кругъ только тогда, когда есть какая-нибудь опредѣленная нужда; но за то въ это время пусть сумѣетъ поставить себя, такъ невидимо овладѣть ихъ умами и волями, чтобы ихъ дѣйствія невольно сдерживались уваженіемъ къ нему, — чтобы и безъ него тяготѣло надъ ними его присутствіе, чтобы личность надзирателя была любимая и симпатичная личность, не опошленная и докучливая. Воспитаніе приметъ тутъ существенно иной характеръ: воспитанникъ будетъ вести правильный образъ жизни и развитія — самъ отъ себя, — по собственному состоянію и желанію, а не потому, что его будетъ поиталкивать къ этому вѣчный его спутникъ — надзиратель. Дѣйствительно, много еще недостатковъ въ нашихъ гимназіяхъ и московскихъ и петербургскихъ и губернскихъ, но онѣ совершенствуются и нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе въ нихъ современемъ будетъ удовлетворительно. Теперь же, по нашему мнѣнію, московскіе купцы правы. Воспитаніе

въ гимназіяхъ еще очень плохо. Гимназія нашихъ реформаторовъ можетъ выйти и лучше. Особенно если они отрицаютъ современное гимназическое воспитаніе въ томъ именно смыслѣ, въ которомъ единственно можно отрицать его и который мы попробовали изложить въ этой статьѣ. Вѣдь не новую же, небывалую свѣтскую бурсу хотятъ сочинить наши реформаторы изъ своей новой гимназіи? Вѣдь не о новыхъ же «Бурсацкихъ типахъ» хлопочутъ они въ самомъ дѣлѣ? Это было бы такъ нелѣпо, что и возможности этого вѣрить не хочется... А впрочемъ... А впрочемъ подождемъ и увидимъ. *Finis coronat opus.*

М. РОДЕНІЧЪ

ЩЕКОТЛИВЫЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬЯ СО СВИСТОМЪ, СЪ ПРЕВРАЩЕНІЯМИ И ПЕРЕОДЪВАНЬЯМИ

Въ нашей литературѣ раздался недавно очень щекошливый вопросъ, именно: «кто виновать?» Это «кто виновать?» крикнуло недавно «Современное Слово» и его крикъ немедленно слился съ безчисленнымъ хоромъ тѣхъ голосовъ, которые давно уже спрашиваютъ и справляются, кстати и некстати: «кто виновать?» Ктожъ наконецъ виновать? Статья «Современнаго Слова» продолжалась четыре номера (!); ее многіе читали съ жадностію; мы тоже съ крайнимъ любопытствомъ прочли ее и все-таки не узнали кто виновать. Мало того, намъ показалось, что вопросъ поставленъ сбивчиво и что дѣло затемнѣно. Оговоримся: мы вовсе не хотѣли нападать на «Современное Слово». Вопросъ конечно поставленъ неточно, но намъ понятна и цѣль, съ которой онъ такъ поставленъ. Тутъ точность сознательно была пожертвована извѣстному результату. Собственно съ этой точки зрѣнія все ясно. Но вопросъ въ томъ: можно ли такимъ способомъ достигать извѣстныхъ и заранѣе поставленныхъ результатовъ? Достигаетъ ли наконецъ статья какого-нибудь результата? Такой вопросъ показался намъ въ своемъ родѣ любопытнымъ. Мы соображали, подводили, рѣшали, и въ некоторую часть нашихъ выводовъ хотимъ теперь сообщить нашимъ читателямъ. Но прежде всего изложимъ содержаніе статьи «Современнаго Слова».

Въ послѣднее время раздавались повсемѣстно крики, обвиняшіе нашу молодежь; раздаются и теперь. Худо то, что рядомъ съ дѣльными, заботливыми вопросами нерѣдко раздавались и предположенія опасныя, нелѣпыя, вредныя, которыя были даже гораздо вреднѣе для самихъ обвинителей, чѣмъ для обвиненныхъ. Нелѣпца

(!) - «Современное Слово» №№ 99, 100, 101, 102.

подобныхъ обвиненій падаетъ каждую минуту и современемъ падеть окончательно, а нелѣпность иныхъ обвинителей перейдетъ въ исторію. Это хоть бы и ничего, въ исторію-то, но вѣдь и современное мнѣніе высказывается. Оно есть и теперь. Нѣкоторые даже рады были приписать все зло молодежи, и конечно на этомъ одномъ не успокоились. Естественно, что тотчасъ же и самъ собою, во всемъ обществѣ, возникъ вопросъ: «Ктожъ виноватъ? Кто наущалъ молодежь и съ пути ее совращалъ?» Эти вопросы раздались и въ литературѣ; посыпались яростныя обвиненія и обличенія. Но замѣчательно, что изъ всѣхъ яростныхъ особенною яростію отличались именно тѣ, которые чувствовали, что у нихъ самихъ рыльце наиболее въ пушкѣ. Они искали виновныхъ всюду, и вблизи и вдали, ругались, изъ себя выходили и кричали такимъ голосомъ, что ихъ чуть не въ Парижѣ было слышно. Къ нимъ приставало все болѣе и болѣе литературнаго народу (чтожъ дѣлать, мода!) и еще недавно Николай Филиповичъ Павловъ бросилъ всему этому народу, всему этому новому направленію и новому слову свое горькое слово проклятія, свой стихъ.

Облитый горечью и злостью,

т. е. хоть и не стихъ, а прозу, но эта проза стоитъ стиха. Онъ говоритъ въ своемъ объявленіи объ изданіи газеты «Наше Время» въ 63 году слѣдующее:

«Въ литературѣ и въ настроеніи общества произошла перемѣна. Разные общественные вопросы выяснились. Теперь въ нашемъ смыслѣ говорятъ столько голосовъ, что мы боимся остаться назад и уступить имъ въ рвеніи.»

Такая филиппика отъ Николая Филиповича многозначительна. Его обвиняютъ что онъ ретроградъ. Намъ кажется что къ Николаю Филиповичу такое слово какъ-то нейдетъ: не по носу табакъ. Впрочемъ положимъ, что онъ и дѣйствительно ретроградъ, если судить его теперь сравнительно съ его прежней дѣятельностью въ то модное прогрессивное время лѣтъ пять тому назадъ, когда роль прогрессиста сулила почетъ и выгоду. Но къ обвиненіямъ въ ретроградствѣ онъ кажется совершенно равнодушнъ. Есть такіе люди, которые не только не жмутся отъ иныхъ обвиненій, но отъ этого цвѣтъ лица у нихъ становится лучше. Покрайней-мѣрѣ обвиненія сходили съ него какъ съ гуся вода. Разумѣется защита его одна, какъ и у всѣхъ въ такихъ случаяхъ: «говорю дескать по убѣжденію». Мы не споримъ и о томъ, что г. Павловъ былъ убѣжденъ; даже обходимъ вопросъ: чѣмъ именно онъ былъ убѣжденъ? Вѣдь намъ лично никакого и дѣла-то нѣтъ собственно до г. Павлова

и его убѣжденій. Заинтересовало насъ только теперешнее интересное его положеніе: вдругъ такой человекъ, какъ онъ, начинаетъ замѣчать, что многіе, даже изъ тѣхъ самыхъ, которые еще такъ недавно смотрѣли на него свысока, которые подчасъ изливали на него свою жолчь, свой ядъ и насмѣшки, что тѣ самые рвутся теперь въ запуски, чтобъ говорить и писать въ томъ же тонѣ и духѣ какъ онъ. Мало того: рвутся до такой степени, что онъ уже опасается, чтобъ эта накинувшаяся вдругъ толпа не оттерла его совсѣмъ отъ тѣхъ благъ и плодовъ, которые онъ завоевалъ своимъ литературнымъ талантомъ. Онъ боится за свою литературную идею, за свою литературную собственность; ею пользуются, ее расхищаютъ и вотъ, съ горькимъ смѣхомъ онъ принужденъ свидѣтельствовать, что онъ, онъ самъ, боится отстать отъ новыхъ литературныхъ талантовъ, онъ! отстать!!! Развѣ это не стоитъ стиха, облитатаго горечью и злостью? развѣ это не демоническій хохотъ изъ Москвы? развѣ это не монологъ московскаго въ нѣкоторомъ роѣ Гамлета надъ череномъ Юрика, королевскаго шута:

«Ахъ бѣдный Юрикъ! Зналъ я его, Гораціо; онъ былъ весельчакъ и умница...»

Шутъ Юрикъ, разумѣется представляетъ въ этомъ случаѣ русскую литературу. Весельчакъ! Умница! Даже самъ г. Краевскій, наивинниѣйшій г. Краевскій, который вовсе никогда не бывалъ ни весельчакомъ, ни... ну и такъ далѣе (1), даже и г. Краевскій, и тотъ кричитъ въ своемъ пискливомъ объявленіи о «Голосѣ», что отказывается отъ республики, что онъ не хочетъ вторично впасть въ ошибку, которую уже до него сдѣлала Франція. Моргентъ-фри, дескать, теперь ужъ не надуешь Андрея Александровича. Какъ будто онъ былъ надутъ и прежде! Какъ будто и прежде-то кто-нибудь стоялъ собственно за республику! Какъ будто собственно республику искала и добивалась Франція въ сорокъ восьмомъ году? Какъ будто республика желаетъ кто-нибудь и теперь! О невинность! о рутину рутинъ! Но... это все покамѣстъ въ сторону. Мы остановились на томъ, что повсемѣстно у насъ раздались вопросы: кто виновать? Затѣмъ стали искать виноватыхъ. Затѣмъ стали намекать, указывать, обличать. Ярость распространялась все сильнѣе и сильнѣе; иныхъ и не спрашивали, но они лѣзли сами. Иныхъ обвиняемыхъ, особенно такихъ, которые почему-либо не могли защищаться, окричали наиболѣе, даже съ ругательствами. Всѣхъ злѣе

(1) Въ своей литературной дѣятельности разумѣется; никогда не позволимъ мы себѣ коснуться частной жизни литературныхъ дѣятелей нашихъ, ибо она для насъ священна

въ этомъ смыслѣ работалъ профессоръ отъ литературы «Русскій Вѣстникъ» и его редакторъ г. Катковъ. И вотъ теперь «Современное Слово», занявшись окончательно формулированіемъ и рѣшеніемъ этого вопроса, выводитъ презабавную вещь: именно что г. -то Катковъ и былъ родоначальникомъ всѣхъ нашихъ злокачественныхъ увлеченій; что онъ, онъ — главнѣйшій преслѣдователь виновныхъ, такъ-сказать Немезида всѣхъ неблагомыслящихъ, сыщикъ и избличитель преступниковъ, совлекавшихъ нашу молодежь съ пути истиннаго, что онъ, этотъ самый г. Катковъ и есть этотъ самый главный преступникъ; что онъ началъ первый, что примѣромъ своимъ онъ расплодилъ и послѣднихъ, что отъ него весь сыр-боръ загорѣлся, что наконецъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Надо отдать справедливость «Современному Слову»: процессъ г. Каткова изложенъ чрезвычайно ясно, удовлетворительно, избличительно и поразительно. Съ поразительною ясностію выводится, какъ, еще въ древнія времена, во времена баснословныя, тотчасъ же послѣ осады Троя, — виновать, — Севастополя, начался «Русскій Вѣстникъ» въ Москвѣ. Общій духъ всѣхъ русскихъ былъ тогда настроенъ и разстроенъ въ высочайшей степени! Требовали реформы, заговорили о злоупотребленіяхъ, рѣшали колоссальные вопросы въ одинъ присѣсть, преслѣдовали г. Владимира Зотова, рѣшались докопаться до корня, откопать этотъ корень, и ничего не выкопали. Чтобъ откопать этотъ корень и начался «Русскій Вѣстникъ», съ англійскимъ началомъ и приборомъ въ Москвѣ

.... Какъ провозвѣстникъ
Московскихъ думъ и англійскихъ началъ.

«Современное Слово» съ необыкновенною послѣдовательностію повѣствуетъ какъ «Русскій Вѣстникъ», соблазнилъ сначала все поколѣніе и всю молодежь развратной картиной англійскихъ началъ, а уже потомъ началъ проповѣдывать и московскія думы. Затѣмъ «Современное Слово» приступаетъ къ исторіи московскихъ думъ и проникаетъ при семъ даже въ самую таинственную сущность вещей. Мало того: пускается въ археологическія изысканія, стряхая пыль съ древнѣйшихъ хартій и цитуетъ древнѣйшихъ мудрецовъ, такъ сказать Гостомысловъ «Русскаго Вѣстника», а именно Николая Филиповича Павлова, г. Леонтьева, г. Байбороду, и проч., и проч. Страхнули даже пыль съ мирнопочивающихъ, но незабвенныхъ статей г. Громеки «О полиція въ полиція». Привели цитаты изъ «Біографа - ориенталиста» и «Чиновника» — статей драгоценныхъ и наполнявшихъ въ свое время весь міръ изумленіемъ. Какъ жаль, что ничего не цита-

рвали при семъ удобномъ случаѣ изъ замѣчательной статьи того же автора о дерзости и нелѣпости посыпавъ пескомъ московскихъ тротуаровъ въ іюль мѣсяцѣ. Ужъ все бы одно къ одному! Наконецъ, къ довершенію картины, изображено было пространно и тоже съ поразительной ясностью, какъ г. Катковъ, столь заботящійся о сохраненіи невинности и нравственнаго цѣломудрія учащихся юношей, заботящійся объ укорененіи въ ихъ сердцахъ почтительности къ профессорамъ и авторитетамъ, и обличающій всѣхъ тѣхъ, которые лишь подозрѣваемы были въ соблазнѣ невинности этихъ отроковъ, — какъ этотъ же самый г. Катковъ, единственно изъ удовольствія повредить профессору Крылову, помѣщаль, допускалъ и поощрялъ въ своемъ журналѣ статьи, которыя именно вели къ возбужденію юношества противъ ихъ наставниковъ и учителей, и тѣмъ самымъ зарождалъ скептицизмъ, цинизмъ и нигилизмъ въ ихъ сердцахъ, достойныхъ лучшей участи. И такъ далѣе, и такъ далѣе, всего не пересчитаешь; однимъ словомъ изъ четырехъ номеровъ «Современнаго Слова» выходитъ ясно какъ день, что г. Катковъ, выдающій теперь себя въ нѣкоторомъ смыслѣ за генія хравителя нашего, грѣшнѣе того козла, на которомъ исповѣдывались древніе евреи, а потомъ навьюченнаго грѣхами своими пускали въ степь. Родоначальникомъ всѣхъ винъ и провинностей, всѣхъ прогресистовъ и нигилистовъ нашихъ, «Современное Слово» выставяетъ г. Каткова, великодушно щадя при семъ случаѣ товарища и сотрудника его, г. Леонтьева. Послѣ всего этого отвѣтъ на вопросъ становится ясенъ! Вопр. Кто виновать? Отв. Катковъ.

Вотъ безпристрастное и повозможности полное извлеченіе статьи «Современнаго Слова.»

Какой же вопросъ зародился у насъ послѣ этой статьи? Мы упомянули, что и мы начали соблазняться многоразличными вопросами и привели одинъ изъ этихъ вопросовъ: достигается ли такая статья хоть какого-нибудь результата? Въ самомъ дѣлѣ: что руководило публициста? Къ какой цѣли стремился онъ? Неужели къ одному только скандалу? Но вѣдь это все равно, что искусство для искусства. А ужъ выше позора, какъ служить искусству для искусства, въ наше время не существуетъ.

Замѣтимъ, что мы уже не станемъ теперь распространяться о томъ, что самъ по себѣ вопросъ неясенъ и поставленъ сбивчиво, хотя мы и упомянули объ этомъ вскользь на первой страницѣ и хотя матерья эта очень интересная. Въ самомъ дѣлѣ, если уже сказано: «кто виновать?» значитъ несомнѣнно признается существованіе «вины», а если признается существованіе «вины», значитъ

допускается и виновникъ, какъ отдѣльное лицо, какъ единица. Такъ и дѣлаетъ «Современное Слово», называя и допуская виновника. А это невозможно. Виновника при такой постановкѣ вопроса найти трудно; тутъ можно еще, пожалуй, допустить зло, но не вину, слѣдовательно нельзя найти и первоначальнаго виновника. Въ этомъ смыслѣ г. Катковъ въ виновники не годится, — ни г. Катковъ, ни Бѣлинскій, ни ктобы-то нибылъ. Въ этомъ столько же какъ и они виноваты и Пушкинъ, и Фонъ-Визинъ, и Кавтемиръ, и Ломоносовъ. Пойдемъ дальше: Столько же, именно столько же, если не больше, виноваты и Лапласъ, и Галилей и Коперникъ. Это дѣло — клубокъ. Тутъ дѣйствительно можно добраться до Аргонавтовъ, или покрайней-мѣрѣ до призванія трехъ князей варяжскихъ, до сихъ поръ неизвѣстно откуда.

Намъ можетъ-быть и очень бы хотѣлось распространиться на эту тему побольше, но разныя обстоятельства мѣшаютъ на этотъ разъ. Ктому же насъ особенно привлекаетъ вышеставленный вопросъ о цѣли статьи «Современнаго Слова», о чемъ мы уже и начали говорить. Мы упомянули о скандалѣ; но мы первые и отвергаемъ эту причину. Статья слишкомъ серьезно и горячо написана. Тутъ цѣль была другая. Какая же? Неужели «Современное Слово» имѣло въ виду подѣйствовать на самого г. Каткова лично, на его сознание, совѣсть, упрекнуть его, убѣдить его и вывести на путь истинный? Нѣтъ, и такая цѣль была бы нелѣпою. Такіе господа, какъ г. Катковъ, не выводятся такими путями на путь истинный. Приемъ совершенно не тотъ. Но если и это не такъ, то не имѣло ли въ виду «Современное Слово» подѣйствовать своими доводами на иныхъ специалистовъ, чтобъ имъ помочь и направить ихъ при рѣшеніи иныхъ вопросовъ? Но, сколько мы можемъ судить, специалисты такихъ извѣщеній въ руководство не принимаютъ и ими никогда не стѣсняются. Однимъ словомъ, чтобъ не перебирать всѣхъ нашихъ догадокъ, скажемъ одно: мы остановились на единственно-возможной причинѣ, а именно: цѣль «Современнаго Слова» была — доносъ публикѣ. Такъ-таки формальный доносъ, для настоящаго и полнаго обличенія настоящихъ виновниковъ дѣла, виновниковъ разумѣется въ смыслѣ «Современнаго Слова». Такіе доносы и извѣщенія разумѣется сами посебѣ допускаются, потому что представляются всей публикѣ. Они — гласность, обличенье, они даже иногда необходимы. Представляется характеръ и образъ дѣятельности извѣстныхъ лицъ, вѣрно рисуется эта дѣятельность, выводится абсурдъ и зазоръ этой дѣятельности, и все это, по возможности, освѣщается бенгальскимъ огнемъ, для удобства разсматриванья.

Но если и такъ, что же выходитъ и изъ этого? Неужели въ самомъ

дѣлъ «Современное Слово» работало только для того; чтобъ изобличить г. Каткова лично и выставить всю его суть. Но если такъ, то понашему, оно оказало г. Каткову даже услугу. Вопросъ теперь именно такъ поставленъ, что г. Катковъ имѣеть превосходный предлогъ отвѣчать на него со всѣми выгодами на своей сторонѣ, между прочимъ и потому, что вопросъ заданъ ему въ самомъ крайнемъ видѣ:

— Ты виноватъ? признавайся.

— Кто, я виноватъ? можетъ спросить г. Катковъ, — въ чемъ? въ томъ, что отъ меня сыр-боръ загорѣлся? — Хорошо, пусть; но вѣдь я раскаялся. Въ томъ ли, что я преслѣдую теперь моихъ же послѣдователей? Но чѣмъ же другимъ могъ бы я сильнѣе заявить мое раскаяніе, заявить поворотъ въ моихъ убѣжденіяхъ? Преслѣдую зло, — значить ненавижу его; преслѣдую моихъ же послѣдователей, — значить преслѣдую самого себя за прежнюю дѣятельность. Въ томъ ли, что я перемѣнилъ убѣжденія, но.. »

Но тутъ намъ ввезапно представилась другая картина. Это было видѣнье, сонъ, мечта, что угодно, но фактъ тотъ, что она намъ представилась. Предъ нами явилась величественной архитектуры, блистательно освѣщенная огнями. Что это: клубъ, манежъ, парламентъ? Нѣтъ, это не парламентъ; пьютъ и ѣдятъ, а въ парламентѣ только говорятъ. Длинныя столы тянутся черезъ всю комнату, а за столами сотни гостей. Это вѣрно какой-нибудь обѣдъ по подпискѣ, что-то торжественное, клубное, пахнетъ митингомъ. Кушать кончили, но по британскому обычаю все еще пьютъ. Вдругъ подымается издатель журнала и просить слова. Онъ желаетъ самъ передъ почтеннымъ собраніемъ изложить свое дѣло; онъ хочетъ объясниться; онъ говоритъ, что его принуждаютъ къ тому его обвинители (слушайте, слушайте!) онъ присовокупляетъ, что ихъ находится немало и въ числѣ гостей... (шумъ), что вся Москва, а слѣдовательно и вся планета интересуются рѣшеніемъ вопроса. (Слушайте, слушайте!) онъ хочетъ сказать рѣчь... (браво! bis!) Раздаются вопли одобренія и радости. Поспѣшно назначается президентъ (лицо безъ рѣчей и занимающееся римскими древностями), воздвигается трибуна. Ораторъ всходитъ на нее съ торжественною важностью. Онъ бодръ, въ лицѣ его сіяетъ самоувѣренность; нѣсколько насмѣшливая, но чрезвычайно идущая къ дѣлу улыбка бродитъ на губахъ его. Онъ прилично щуритъ глаза, пытливо обводитъ взглядомъ все общество и нѣсколько минутъ наблюдаетъ молчаніе. Въ это время усліями президента и нѣсколькихъ джентльменовъ, его помощниковъ, молчаніе и типина восстанавливаются. Взоры всѣхъ жадно устремлены на оратора. Онъ начинаетъ:

Милорды и господа!

Я намѣренъ говорить о себѣ. Меня побуждаютъ къ тому мои обвинители. Не думайте впрочемъ, что я хочу защищаться, оправдываться. О нѣтъ! Я просто хочу поговорить о своихъ дѣлахъ, такъ, послѣ обѣда, такъ сказать за бокаломъ вина. Очень пріятно говорить о себѣ въ такомъ почтенномъ собраніи. Но не думайте однакоже, что я особенно люблю говорить о себѣ. Не скрою, я самолюбивъ и очень люблю помечтать иногда о своемъ значеніи и о своей славѣ. Но говорить, — о, я говорю только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда надо, такъ сказать, выпалить изъ пушки, когда надо раздавить, скосить, уничтожить. И я раздавливаю, скашиваю и уничтожаю. Но к чему скрывать? Признаюсь вполне: если я взойду теперь на эту трибуну и объявлю, что начну говорить о дѣлахъ моихъ, и о себѣ лично, то единственно въ томъ убѣжденіи, что такимъ разговоромъ доставлю необыкновенное удовольствіе всему почтенному собранію (шумъ). Скажу болѣе: я увѣренъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стали существовать на свѣтѣ собранья, клубы, парламенты, митинги и проч., не было и не будетъ предмета болѣе интереснаго, любопытнаго, важнаго и благороднаго, какъ тотъ, о которомъ я намѣренъ сейчасъ повести рѣчь передъ почтеннымъ собраньемъ.

(Начинается страшный шумъ. Нѣсколько сотъ членовъ собранья режутъ во все горло. Президентъ тщательно звонитъ въ колокольчикъ. Шумъ не утихаетъ. Во все это время ораторъ гордо стоитъ въ благородной позѣ и снисходительно улыбается. Онъ не сердится за шумъ и какъ-бы любитъся имъ; онъ увѣренъ въ побѣдѣ. Лѣвая рука его опирается на столъ, правая заложена за жилетъ. Но въ собраньи чрезвычайно много приверженцевъ и обожателей оратора. Мало-помалу они одерживаютъ верхъ и шумъ затихаетъ. Нѣсколько ярыхъ прогрессивовъ съ лѣвой стороны еще долго не могутъ успокоиться. Особенно отличается своимъ волненіемъ одинъ джентльменъ изъ нигилистовъ, съ растрепанными волосами, крайній лѣвый. Онъ рѣшительно не можетъ успокоиться. Ораторъ прикладываетъ къ главу стеклышко и минуты двѣ его разсматриваетъ какъ букашку. Повидимому это выводитъ противниковъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Раздаются возгласы: «Ретроградъ! отступникъ! милордъ!» Но молчаніе все-таки наконецъ восстанавливается и ораторъ продолжаетъ, уже увѣренный въ побѣдѣ).

Милорды и господа! Я совершенно былъ увѣренъ, что вы затѣете изъ-за моихъ словъ шумъ, и вовсе не сержусь за него. Не

думаю, рѣшительно не думаю, чтобъ я хоть чѣмъ-нибудь могъ нарушить законы парламентскихъ формъ. Они для меня священны. Прошу вникнуть въ дѣло: я признаю, что очень уважаю себя и считаю свои интересы выше всего на свѣтѣ. Но развѣ найдется здѣсь хоть одинъ нобльменъ, изъ всего почтеннаго собранья, который бы не уважалъ себя и не считалъ своихъ интересовъ выше всего на свѣтѣ? Чтоже, если я сверхъ того признаю, что не только люблю и уважаю, но даже нѣсколько обожаю себя? Скажу болѣе: я даже желаю, чтобъ всѣ обожали меня и считаю, что это только мнѣ должное. Обращаюсь опять къ почтенному собранью: есть ли здѣсь хоть одинъ нобльменъ, который бы не желалъ себѣ того же самого? Вся разница въ томъ, что я говорю объ этомъ публично, а другіе нѣтъ, потому что не умѣютъ говорить о себѣ публично. Но впервыхъ, почему же не говорить объ этомъ публично? Всякій британецъ имѣетъ привилегію оригинальности. Я хочу говорить то, что думаю, и увѣренъ, что выражая мнѣніе о важности моей особы и моихъ интересовъ, не только не манкирую передъ почтеннымъ собраніемъ, но даже дѣлаю ему честь моею снисходительною откровенностью.

Голосъ съ правой стороны (*сквозь зубы*). Остроумно и... и.. и забавно.

Другой голосъ. Чувства настоящаго британца.

Лицо оратора выражаетъ ощущеніе удовлетвореннаго самолюбія. Собранье очевидно склоняется, въ о громномъ большинствѣ, въ его пользу, а на лѣвой сторонѣ ропотъ усиливается. Начинаютъ кричать: «безъ лишнихъ словъ, безъ фразерства! къ вопросу, къ вопросу!»

Ораторъ. Начну съ необходимыхъ объясненій. Я даже занимался литературой. Я перевелъ Ромео и Джульету, я написалъ еще одну статью, кажется о Пушкинѣ. Я писалъ еще... но право я уже забылъ, объ чемъ я писалъ. Тѣмъ менѣе мнѣ очень хотѣлось быть извѣстнымъ. Кчему ложная деликатность: я откровенно считалъ себя и считаю выше всѣхъ моихъ современниковъ. Надѣюсь, что никого не оскорбляю въ почтенномъ собраньи. Но случая для меня не было. Онъ наступилъ во время нашего всеобщаго обновленія. Я затѣялъ тогда мой удивительный журналъ, и пустилъ въ ходъ англійскія начала. Само собою, что я тотчасъ же завоевалъ значеніе, деньги и безсмертную славу. И вдругъ, теперь, нѣсколько странныхъ джентльменовъ (не скажу жалкихъ, хотя и сожалѣю о нихъ) объявляютъ... намекаютъ... однимъ словомъ, вздумали нафискалить на меня публикѣ и доносить, что я веду дѣла свои по

последнимъ вопросамъ несовсѣмъ... какъ бы это выразиться понятнѣе... однимъ словомъ, будто бы несовсѣмъ честно.

Разъяренный нигилистъ съ лѣвой стороны громкимъ голосомъ: «совсѣмъ нечестно!»

Ропотъ пробѣгаетъ по собранью. Ораторъ нѣсколько смущается отъ такого прямого и громкаго восклицанія. Улыбка впрочемъ не сходить съ устъ его. Разъяренный членъ, чувствуя что совершилъ подвигъ, смотритъ на него отчаянно, прямо въ упоръ. Водарается глубокое молчанье. Всѣ ждуть съ напряженіемъ, чѣмъ разрѣшится ссора.

Ораторъ (*сдержаннымъ, но глубоко внушительнымъ голосомъ*): Я не вслушался и желаю, чтобъ почтенный членъ повторилъ слова свои.

Нигилистъ (*громовымъ и страшно внушительнымъ голосомъ*): На вашу уклончивую фразу: «несовсѣмъ честно», я возразилъ, что совсѣмъ нечестно! Ну, что вы на это скажете?

Ораторъ. Въ такомъ случаѣ я принужденъ обратиться къ нашему почтенному спикеру и препоручить ему спросить у почтеннаго члена: въ обидномъ или не въ обидномъ для меня смыслѣ сказаны слова его?

Нигилистъ. Пусть понимаетъ какъ хочетъ, въ какомъ угодно смыслѣ.

Ораторъ. При всемъ уваженіи къ почтенному члену, я не могу удовлетвориться его отвѣтомъ, и потому принужденъ снова затруднить высокороднаго спикера. Я желаю положительно звать: въ обидномъ или не въ обидномъ смыслѣ сказаны были слова почтеннаго опонента?

Нигилистъ (*сверкая глазами и стукнувъ кулакомъ объ столъ*): Въ обидномъ! и жалѣю что не могу еще сильнѣе выразиться.

(Сильный шумъ. Нигилистъ вскакиваетъ съ мѣста, какъ бы не понявъ себя отъ ужаса. Ораторъ, хотя нѣсколько блѣдный, еще разъ спокойно обращается къ спикеру).

Ораторъ. Въ такомъ случаѣ я долженъ особенно просить уважаемаго друга моего передать почтенному опоненту, что я, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ буду немедленно упомянуть о четвертакѣ, внезапно пронавшемъ со стола редакціи.

Неистовый шумъ. Опонентъ въ высшей степени ярости. Его усвоиваютъ всѣми средствами. Кричатъ со всѣхъ сторонъ, что онъ мѣшаетъ, что чрезъ него можетъ прекратиться рѣчь, чтобъ онъ убирался вонъ. «Вонъ его, вонъ!» Прогрессисты на этотъ разъ уступаютъ. Ораторъ пылко и съ достоинствомъ оглядываетъ собрание.

Нигилистъ (съ волненіемъ съ видимымъ отараченіемъ). Я говорилъ не въ обидномъ, а во всеобщемъ смыслѣ.

Ораторъ (съ лоспльшкостью): Въ такомъ случаѣ я объявляю почтенному члену, что съ своей стороны готовъ взять назадъ вопросъ о внезапно пропавшемъ четвертакѣ.

Нигилистъ. Отвяжитесь съ вашимъ четвертакомъ!.. Я говорилъ не въ обидномъ, а во всеобщемъ смыслѣ и...и довольно съ васъ!

Ораторъ торжествуетъ, и объявляетъ, что онъ совершенно доволенъ; онъ предлагаетъ даже выпить съ почтеннымъ опонентомъ рюмку вина. Опонентъ что-то рычитъ про себя въ знакъ согласія. Подымаютъ бокалы, выпивается вино. Спокойствіе восстанавливается совершенно. Ораторъ продолжаетъ внушительнымъ голосомъ, ударяя на каждомъ словѣ:

— Итакъ я говорилъ, что нѣсколько странныхъ, скажу болѣе, — жалкихъ (язвительно смотря на нигилиста) вредныхъ, сумашедшихъ крикуновъ, (надѣюсь, что слова мои не могутъ быть приняты за личную обиду почтеннымъ опонентомъ) вздумали стоять на томъ, что будто бы я поступаю теперь не совсѣмъ честно. Да, не совсѣмъ честно; я стою на выраженіи хотя можетъ быть оно все еще не имѣетъ счастья нравиться почтенному лжентльмену. Но на чемъ же основываются ихъ обвиненія? Впервыхъ, если я и проповѣдывалъ англійскія начала, то ктоже увѣрилъ ихъ, что и поступать буду по этимъ началамъ? (Смѣхъ.) Но это въ сторону. Это только вопросъ о свободѣ личности и дѣйствій. Признаюсь, я до такой степени презираю всѣхъ моихъ обвинителей, настоящихъ и будущихъ, что никогда не соглашусь сдѣлать имъ честь защищаться передъ ними. И если говорю теперь передъ такимъ почтеннымъ собраніемъ, то единственно для того, что самъ хочу позабавиться. Нашъ митингъ дѣло семейное и я увѣренъ, что ни одно слово, произнесенное здѣсь, не перейдетъ за эти двери. А впрочемъ мнѣ все равно... (кое-гдѣ раздаются крики одобренія. Слушайте! Слушайте!)

Нигилистъ ворчитъ заглушеннымъ голосомъ: Да вѣдь это ма-скарадъ... Мы не въ Англии... шутовство!

Ораторъ. Продолжаю со всѣмъ достоинствомъ, которыми я обязанъ самому себѣ. Впервыхъ: утверждаютъ, что будто бы изложеніемъ англійскихъ началъ развратилъ общество и особенно юную часть его, что я возбуждалъ... и проч. и проч. Это мнѣ просто смѣшно. Обхожу на время вопросъ о возбужденіи общества и займусь его «юною частію», т. е. школьниками. Точно никто не знаетъ эту юную часть, точно никто самъ изъ нихъ не былъ юнымъ и не помнитъ какъ развивается юношество, особенно на нашей почвѣ! Но ра-

звѣ можно что-нибудь скрыть отъ нашего юношества, отъ этихъ не сформировавшихся, но вострыхъ, пытливыхъ, скептическихъ умовъ? Замѣчательно, что все наше юношество полно скептицизма и недоувѣрія къ авторитетамъ. Это кажется законъ нашей почвы. Но кому она ввѣрится, кто заслужитъ ихъ уваженіе, затѣмъ она илутъ съ энтузіазмомъ. Признаюсь мнѣ некогда было заслуживать ихъ энтузіазмъ къ моей персонѣ. Кому же же пришлось бы пожалуй заслуживать средствами неприличными моей особѣ, моему значенію въ свѣтѣ, моему достоинству. Фамильярности и всего этого прочаго я не терплю; а всѣ эти нравственныя равенства, духовныя братства и проч. и проч. все это уже фамильярность. Тѣмъ не менѣе я желалъ поклоненія, хотя бы и отъ этихъ безтяглыхъ мальчишекъ. Я вообще люблю поклоненіе. Я люблю его даже отъ тѣхъ, которыхъ въ высшей степени не уважаю и презираю. Я слишкомъ гордъ, чтобъ скрывать что-нибудь въ этомъ случаѣ передъ почтеннымъ собраніемъ.

Нигилистъ. Да мы не въ Англіи! что вы! Вы просто заигрались.

Ораторъ (съ презрительнымъ взглядомъ на нигилиста и дѣлая намѣренно видъ что подавляетъ насмѣшливую улыбку). Продолжаю: я надѣялся, что у меня достанетъ ума, чтобъ овладѣть нашими юношами безъ большого труда. Но они увлеклись въ другую сторону и пошли за моими послѣдователями. Такъ и должно было быть; я тотчасъ же увидѣлъ что это трудъ потерянный, да и собственно выгоды приносить не много. Школьниками можно всегда овладѣть, хоть бы и розгой. (Браво, браво!) Кажется моему почтенному опоненту розги не нравятся? (Язвительно смотритъ на нигилиста, тотъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же). Итакъ я предпочелъ заняться самимъ обществомъ, о чемъ и поведу теперь рѣчь передъ почтеннымъ собраніемъ. Положимъ я и дѣйствовалъ на него англійскими началами. Но, впервыхъ, я остановился на извѣстномъ пунктѣ. Разумѣется я во все время поступалъ и поступаю чрезвычайно ловко, такъ что сначала всѣ думали, что я никогда не остановлюсь въ прогрессивномъ движеніи; но вольно-жъ имъ думать! Тогда поднялись разные общественные вопросы. Мы разрѣшили ихъ въ извѣстной степени и въ извѣстномъ видѣ представляли свой идеаль. Мы знали, что мы могли это дѣлать и пользовались обстоятельствами? О томъ, о чемъ мы говорили, можно всегда говорить и мы это знали. Иначе надо уничтожить и математику, и желѣзныя дороги, и инженерствъ, и все. Ну, я и трактовалъ до извѣстной степени объ извѣстныхъ матерьяхъ. Ктожъ виноватъ, что они сунулись дальше? Чѣмъ въ этомъ случаѣ я зачинщикъ? Я остановился на извѣстной точкѣ и

знать ничего не хочу. (Браво!) Кто мнѣ велѣлъ идти дальше? Какое мнѣ дѣло? Мы въ сторонѣ. Мало того: мы должны преслѣдовать ихъ, обвинять ихъ для нашей же пользы, для нашего самосохраненія. Это вообще выгодно, даже во всѣхъ отношеніяхъ. А я люблю выгоду во всякомъ случаѣ и прежде всего придерживаюсь практической стороны во всѣхъ обстоятельствахъ. (Страшные аплодисменты. Лѣвая сторона выражаетъ сильное безпокойство.)

Ораторъ (*продолжая съ наслажденіемъ*): Сейчасъ я сослался на практицизмъ. Практицизмъ — свойство всякаго истиннаго британца. Но сознаюсь съ гордостью: Есть одинъ пунктъ, на которомъ я страшный идеалистъ, и даже, при случаѣ, готовъ пожертвовать и практической стороной дѣла. Этотъ пунктъ — собственное мое самолюбіе. Не совѣтую въ этомъ случаѣ раздражать меня. Тутъ ужъ я несмотрю на выгоды, и рука моя, готовая всегда пожать дружески руку моего обожателя, — рука моя, всегда и вездѣ найдетъ непочтительнаго къ моимъ достоинствамъ. Будь онъ хоть подъ землей, за морями, я достану его вездѣ, и задамъ ему такой боксъ, что до новыхъ вѣшниковъ не забудеть! Вотъ этимъ-то самолюбіемъ и объясняется вся моя литературная дѣятельность. Изъ самолюбія я и журналъ основалъ. Я хотѣлъ первенствовать, блистать, и покорять.

Я ввелъ англійскія начала. Расскажу вамъ откровенно какъ было дѣло: Англійскія начала для насъ тѣмъ хороши, что тутъ и то, и другое, и третье, и парламентъ, и пресса, и присяжные и т. д. и т. д. а тогда, съ непривычки, все это было какъ-то особенно соблазнительно, всѣ этимъ бредили, начинали съ азовъ; я очень хорошо зналъ до чего дойдутъ.

Николай Филиповичъ (*съ своего мѣста*). Или лучше ни до чего не дойдутъ.

Ораторъ. Я совершенно согласенъ съ высокороднымъ барономъ и очень благодаренъ за его замѣчаніе... Итакъ, я очень хорошо зналъ до чего дойдутъ; но какъ же было не воспользоваться случаемъ? Ктому же англійскія начала, — это для насъ, не совсѣмъ приготовленныхъ, (т. е. я разумѣется говорю о публикѣ; я-то приготовленъ) ну-съ, это для насъ есть до такой степени что-то неуправимое растяжимое, — и снободой пахнетъ и аристократическимъ элементамъ льстить, — до такой степени способное, въ крайнемъ случаѣ (т. е. когда припрутъ къ стѣнѣ) къ переливанію изъ пустого въ порожнее, что невозможно было упустить случай и не схватиться за нихъ. Наконецъ и то, что эти начала способны вполнѣ отвлечь общество отъ начала народнаго, національнаго, а я его терпѣть не могу (браво, браво, yes, yes). Скажу болѣе: я ненавижу его. Я уже объявилъ разъ, что даже самой народности не признаю и очень былъ

радъ, когда петербургскіе передовые ревѣли со мною заодно во все горло и называли ретроградами тѣ, которые стоятъ за народъ и признають его самостоятельность, т. е. желаютъ освободить его отъ будущаго, вторичнаго, нравственнаго крѣпостнаго состоянія, отъ будущей опеки иностранныхъ книжекъ, отъ всѣхъ говоруновъ, желающихъ его осчастливить, отнявъ у него впередъ самостоятельность и свободу. Всѣ эти крошечные Петры великіе возбуждали во мнѣ ужасный смѣхъ, но я радъ былъ за нихъ: пусть идутъ впередъ, думалъ я, пусть идутъ; пусть идутъ! (Смѣхъ и крики одобренія).

Нигилистъ. Вздоръ! болтовня!

Ораторъ (*сія самодовольствомъ и намъпренно не замѣчая нимиста*). Но я отялекся. Я сказалъ что въ Россіи англійскія начала вообще имѣють нѣчто обязательное. Въ Москвѣ же они популярны. Не помнитъ ли кто изъ почтенныхъ джентльменовъ князя Григорія, того самого, о которомъ упоминаетъ поэтъ въ своей комедіи, въ разговорѣ Репетилова съ этимъ безтолковымъ Чацкимъ (впрочемъ превосходнымъ и истиннымъ джентльменомъ)

Вопервыхъ князь Григорій,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка;
И также онъ сквозь зубы говорить,
И также коротко обстриженъ для порядка.

Я зналъ этого превосходнаго и незабвеннаго нобльмена, князя Григорія. Онъ даже занялъ у меня книгу, которую и забылъ отдать; но я уже давно простилъ ему это. Онъ тоже стоялъ на англійскихъ началахъ. Тѣ же которые шли далѣе его, ушли потомъ очень далеко (смѣхъ, bravo, bravo!) Князь Григорій испугался и уѣхалъ въ свою деревню. Помню я видѣлъ его потомъ въ деревнѣ, въ его развалившемся деревянномъ замкѣ. Онъ разорился, и носилъ стеганый ватный халатикъ, хандрилъ, кисъ и расправлялся на конюшнѣ съ своимъ камердинеромъ Сенькой, ходившимъ въ сюртукъ съ продранными локтями. Отъ англійскихъ началъ почти ничего не осталось. Вся англійская складка исчезла безвозвратно. И послѣ этого обвиняють меня, что я развращалъ общество? Я очень хорошо зналъ, что англійская складка у насъ въ Москвѣ, когда доходить до дѣла, исчезаетъ тотчасъ же и безвозвратно. Разумѣется я самъ смотрю на дѣло неизмѣримо серьезнѣе... гм... да, я всегда уважалъ Великобританію... (bravo, bravo, yes, yes). Я только въ томъ смыслѣ сейчасъ говорилъ, что за нее ужъ никакъ нельзя обвинять въ развращеніи. Почему-жъ не позабыться этой складкой когда она такъ невнятна и прилична? Конечно общество требовало обновленія серьезнаго. Но на первыхъ порахъ и англоманія могла послужить. Я и

употребилъ ее въ дѣло. Въ англоманіи есть и еще одно драгоценное свойст^{во} ^{ди} (о боже, сколько въ ней драгоценныхъ свойствъ!) именно: она — дѣло готовое, устроенное, оконченное. Говоришь, проповѣдуешь и разумѣется ни одной іоты не уступаешь изъ своихъ убѣжденій (именно потому, что ничего уступить нельзя, ничего измѣнить, потомучто все безъ насъ уже сдѣлано, а мы-то форсимъ и куражимся надъ готовымъ! однимъ словомъ дѣло цѣльное и устроенное). А тѣмъ самымъ вы тотчасъ же достигаете двухъ выгодъ. Во-первыхъ прославите крѣпко-убѣжденнымъ и стойкимъ, потомучто ничего не уступаете, а вовторыхъ, можно проповѣдывать безъ конца, а на дѣлѣ...

Нигилистъ (*съ лѣвой стороны*). Ни съ мѣста!

Ораторъ. Именно ни съ мѣста! я совершенно согласенъ съ джентльменомъ.

Нигилистъ. А еще лучше два шага впередъ, а три назадъ.

Ораторъ (*съ нѣкоторой злобой*). Я вдвойнѣ согласенъ съ почтеннымъ джентльменомъ, который любитъ такъ часто меня прерывать, и благодарю его за его замѣчаніе.

Почтенный повлѣменъ съ правой стороны. Два шага впередъ и три назадъ, это значитъ ровно одинъ шагъ назадъ.

Ораторъ (*нетерпливо и не безъ ироніи*). Я совершенно согласенъ съ высокороднымъ маркизомъ и нахожу догадку его чрезвычайно остроумною. Но продолжаю...

Президентъ (*прерывая оратора*). Такъ какъ пошло на перерывы, то и я осмѣлюсь позволить себѣ одно замѣчаніе. Высокородный лордъ и почтенный другъ мой вѣроятно позволитъ ему замѣтить, что онъ отчасти на себя клевететь. Теперь онъ выпилъ нѣсколько бокаловъ вина и увлекается нѣкоторыми великосвѣтскими замашками. Онъ видимо форситъ передъ нами и ставитъ себя гораздо хуже, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Надѣюсь благородный другъ мой не разсердится за мое замѣчаніе. Подымаю этотъ бокалъ за его здоровье и считаю за честь во всеуслышаніе провозгласить, что благородный лордъ искалъ истинной пользы при основаніи своего журнала и уже многократно заявлялъ себя самой разнообразной полезной дѣятельностью. (*Хнычетъ отъ удивленія*).

Николай Филиповичъ (*съ своего мѣста*). Миѣ хочется сдѣлать одно сравненіе по вопросу о полезной общественной дѣятельности. Въ нашемъ дѣтствѣ я думаю мы всѣ любили играть съ котатами. Если привязать бумажку къ шточкѣ и дергать ее передъ котенкомъ, онъ начинаетъ ловить ее. Потомъ раздражается, увлекается игрой и наконецъ совершенно принимаетъ ее за настоящую мышъ, ловить ее, грызеть, тербить лапками. Вотъ точно также

бываетъ и съ нами по поводу этой общественной пользы. Мы большею частью эгоисты (и это прекрасно) люди положительнае и самолюбивые. Я не про насъ однихъ говорю; я говорю про все свѣтъ, про всѣхъ безъ исключенія, даже про самыхъ передовыхъ нашихъ прогресистовъ. Ну кто изъ насъ въ самомъ дѣлѣ способенъ увлечься общественной пользой? Что до меня, такъ я даже убѣжденъ, что заботы объ общественной пользѣ и быть не можетъ ни у кого на свѣтъ, да никогда и не было; все это обманъ и надуванье, но надуванье превосходное и необходимое; оно законъ природы. Но несмотря на это, при случаѣ, мы дѣйствительно можемъ увлечься игрой, какъ и тотъ котенокъ. При всѣхъ начинаніяхъ нашихъ мы увѣряемъ публику, что стремимся къ ея пользѣ и даже готовы за нее свою жизнь отдать. Такъ какъ у насъ бываютъ всегда и конкуренты, то мы до того иногда раздражаемся и увлекаемся этой игрой, что наконецъ даже самихъ себя увѣряемъ, что служимъ общественной пользѣ, что хлопочемъ только о ней, и что она-то и есть вещь всѣхъ нашихъ желаній. Такъ ли я говорю? Обращаюсь къ совѣсти всего почтеннаго собранія и спрашиваю: есть ли хоть одинъ джентльменъ на свѣтъ, который поступалъ бы иначе! Впрочемъ предупреждаю, мнѣ даже пріятнѣе будетъ если вслухъ со мной никто не согласится. Это будетъ гораздо приличнѣе. А формы приличія — это все, самое главное. Всѣ мы въдь такая дрянь (я говорю про всѣхъ, то-есть пожалуй хоть про все человѣчество) что не будь этихъ спасительныхъ формъ, мы бы тотчасъ же передрались и перекусались. И потому блаженно общество, которое выжило себя эти формы, остановилось на нихъ и умѣетъ ихъ отстаивать. Я за формы. Но вся бѣда, что мы русскіе еще до нихъ не доросли. Что же касается до мнѣнія моего объ общественной пользѣ, то я въ немъ убѣжденъ совершенно.

(Громкій крикъ олобренія. Но прогресисты вскакиваютъ съ мѣсть своихъ и неустово протестуютъ. Многие кричатъ, что готовы сейчасъ на костеръ за свои убѣжденія. Имъ отвѣчаютъ съ правой стороны: «Что костеръ! и костеръ изъ самолюбія, все изъ самолюбія!». Шумъ продолжается долго, наконецъ мало-помалу стараніями президента видное спокойствіе возобновляется.)

Ораторъ. Милорды и господа! Я торжественно объявляю, что совершенно согласенъ съ высокороднымъ баронетомъ, сдѣлавшимъ свое остроумное замѣчаніе о бумажкѣ и котенкѣ. Да, въ основаніе всеобщей пользы полагается всегда наша собственная. Это совершенно согласно съ личнымъ началомъ, т. е. началомъ западнымъ, а слѣдственно и британскимъ, въ противоположность началу ста-

вому, общинному, котораго я никогда не пойму. Кстати, по поводу чисто личной выгоды: припоминаю теперь одно бессмысленное обвиненіе, которое воздвигаютъ на меня мои опоненты. Говорятъ что будтобы я, когда-то преслѣдуя моимъ гнѣвомъ и сарказмами одного професора, старался повредить его авторитету даже въ стѣнахъ аудиторіи, и тѣмъ самымъ нарушалъ въ студентахъ уваженіе къ професору. Но это дичь, совершенная дичь! Развѣ я того именно добивался, чтобъ искоренить въ студентахъ уваженіе къ професору и вообще къ авторитету наставника? Я просто былъ увлеченъ самолюбіемъ, положимъ раздражительнымъ, мелкимъ (я слишкомъ гордъ, чтобъ скрывать это); но мнѣ надо было взять свой гнѣвъ на професора и я не остановился даже и перелъ аудиторіей, потому что въ такихъ случаяхъ не останавливаюсь ни перелъ чѣмъ. Я не пощадилъ юношей, говорятъ мнѣ. Но что значать для меня юноши, когда меня самого задѣваютъ? Зачѣмъ они сами подвернулись мнѣ на дорогѣ! (yes, yes, bravo! bravo!) Развращалъ, возбуждалъ, возмущалъ! Но это смѣшно и противно. Кромѣ того, что вы уже знаете мой взглядъ на юношество и мое мнѣніе, что они и безъ нашихъ возбужденій и развращеній все видятъ и понимаютъ насквозь, кромѣ этого, спрашиваю васъ окончательно: хотѣлъ ли я ихъ возбуждать? У меня было въ виду только доконать професора и я доконалъ его! (вторичные аплодисменты.)

Голоса съ лѣвой стороны. Это наконецъ несносно! все только о себѣ! Къ дѣлу, къ дѣлу!

Ораторъ. Кстати, насчетъ возбужденій. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ высокородный маркизъ Андрю выпустилъ свое объявленіе о новой газетѣ: «Умѣренный Басокъ». Но послѣ этого и этотъ почтенный нобльменъ возбуждаетъ общество? Посмотрите, въ объявленіи сказано:

«Мы вѣримъ, что хорошія учрежденія способствуютъ къ развитію въ обществѣ гражданскихъ доблестей, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что даже наилучшія учрежденія останутся мертвою буквою, если само общество будетъ равнодушно къ дѣламъ общественнымъ. Дѣятельная инициатива самого общества необходима.

Вслѣдствіе этого, мы съ своей стороны постараемся постоянно и настойчиво возбуждать дѣятельность общества на такихъ предметахъ, которые указаны ей закономъ и т. д. и т. д.

— Слышали? Онъ хочетъ, да еще *постоянно и настойчиво* возбуждать общество къ дѣятельности и когда же? Теперь, теперь, когда мы не знаемъ куда дѣваться отъ дѣятелей и отъ жажды дѣятельности? А онъ еще возбуждать хочетъ? (Смѣль.) Положимъ уважаемый маркизъ написалъ это отъ невинности...

Голосъ съ правой стороны. Позвольте! Высокородный лордъ очевидно забываетъ, что высокородный и уважаемый маркизъ говорить о дѣятельности, указанной закономъ. Слѣдственно тутъ возбужденіе много рода.

Ораторъ. Я ничего не забываю. Но все-таки не могу понять объявленія.

Николай Филиповичъ. Я совершенно его понимаю. Маркизъ конечно говорить о гражданскихъ и военныхъ чиновникахъ и хочетъ ихъ возбуждать къ лучшей дѣятельности, т. е. чтобъ они служили вѣрно и прилежно и т. д. и т. д. Однимъ словомъ это тирада изъ прописей, чтобъ чѣмъ-нибудь наполнить объявленіе. Впрочемъ иначе и понять нельзя.

Ораторъ. Во всякомъ случаѣ я хотѣлъ только поставить на видъ какъ легко можно злоупотреблять словомъ «возбужденіе». Но оставимъ это. Я...

Гневные голоса съ лѣвой стороны. Да кончите ли вы наконецъ! все я, да я! это несносно! къ вопросу! къ вопросу!

Ораторъ. Джентльмены, я полагаю, что нахожусь въ самой сущности вопроса. Я защищаюсь, или лучше сказать забавляюсь анализированіемъ всѣхъ способовъ, которыми могу защищаться. Это такъ сказать игра... И такъ какъ собственно меня она забавляетъ, то надѣюсь что и почтенное собраніе съ удовольствіемъ меня слушаетъ (Yes, yes!). Я именно хочу рассмотреть тотчасъ же еще одинъ способъ къ моей защитѣ. Неловкіе враги мои оборачиваютъ на меня теперь мое же оружіе и хотятъ мени добить упреками въ неблагонамѣренности. Но ужъ если на то пошло, то съ этой точки зрѣнія мои способы къ защитѣ великолѣпны: вы доказываете, друзья мои, что я теперь то и то, но что я самъ былъ неблагонамѣренъ и возбуждалъ... Но боже-мой, вѣдь это было да сплыло. Теперь я благонамѣренъ и не возбуждаю. Я одумался, я воротился (хотя я никогда не возвращался, а всегда стоялъ на той же точкѣ, какъ и теперь. Вольно-жъ было имъ самимъ еще сначала меня выпихнуть на такой пьедесталъ. Но это только способъ защиты). Я принесъ наконецъ богатые и сладкіе плоды:

• Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ. •

Наконецъ я...

Николай Филиповичъ. Я тоже принесъ плоды, но за мой десертъ рассчитываю на весь объѣдъ.

Ораторъ, Кричатъ: зачѣмъ я не объявилъ, что измѣняю убѣжденія. Смѣшной вопросъ. Но если вы и безъ того замѣтили что я ихъ измѣнилъ, к чему-жъ объявлять? И однакоже въ чемъ и когда

я ихъ измѣнилъ? повторяю, я точно таковъ же какъ и былъ въ самомъ началѣ. Но положимъ еще разъ, что я измѣнился. Кричатъ, что я преслѣдую тѣхъ, которые пошли дальше меня. Но въпервыхъ, чѣмъ же иначе я бы могъ заявить мои новыя убѣжденія? А вторыхъ, я именно преслѣдую ихъ за то, что они пошли дальше меня.

Голоса (браво, браво, ловко, хорошо!)

Ораторъ. Но я все насчетъ этихъ убѣжденій, милорды. Признаюсь, подчасъ меня это даже начинаетъ бѣсить: всѣ съ убѣжденіями! у всѣхъ какая-то мода, какал-то ярость убѣжденій. И все это шарлатанство, и вздоръ!

Съ лѣвой стороны (не вздоръ! не вздоръ.)

Нигилистъ съ лѣвой стороны. Нѣтъ! здѣсь невозможно сидѣть; я уйду!

Ораторъ. Кстати: я намѣренъ еще разъ повеселить почтенное собраніе. Тотъ же самый высокородный маркизъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, подписался и подъ другимъ объявленіемъ вмѣстѣ съ однимъ, чрезвычайно почтеннымъ и уважасмымъ нобльменомъ. Они оба издавали и продолжаютъ издавать вмѣстѣ одинъ извѣстный своею древностію толстый журналъ: «Старухины записки». Вотъ слово въ слово тирада изъ объявленія объ изданіи этого журнала въ будущемъ году. Все это по поводу убѣжденій:

«Вопросы общественныя, политика внѣшняя и интересы литературныя и историческія — вотъ главные предметы, которымъ обыкновенно посвящены всѣ періодическія изданія, ежемѣсячныя, точно также, какъ и ежедневныя. Если газета преимущественно слѣдитъ за интересами дня и летучими извѣстіями, то журналъ, *по нашему глубокому убѣжденію*, долженъ быть преимущественно посвященъ болѣе подробному, менѣе торопливому разсмотрѣнію вопросовъ, возникающихъ въ жизни. Иначе какая же его цѣль при существованіи ежедневныхъ газетъ, гораздо равнѣе овладѣвающихъ событиями, фактами?»

— Чтожъ и это убѣжденіе, что ли? Оба думала цѣлый годъ и выдумали удивительную новость: что газета говоритъ только про ежедневныя новости, а журналъ за весь мѣсяцъ. Да еще увѣрятъ, что это ихъ *глубокое убѣжденіе*. (Смѣхъ). Это какая-то мода на убѣжденія, манія...

Николай Филиповичъ. А я такъ просто думаю, что это сатира. Оба нобльмена хотѣли написать пародію на современныя объявленія.

Почтенный нобльменъ (съ правой стороны). Непремѣнно... Высокородный маркизъ очень остроуменъ... когда захочетъ.

Ораторъ. Совершенно готовъ согласиться съ высокороднымъ nobleменомъ, сдѣлавшимъ это замѣчаніе, но ужъ если пошло на примѣры, то я приведу сейчасъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ неловкости враговъ нашихъ. Въ журнальномъ мірѣ существуетъ одинъ джентльменъ...

Голоса съ лѣвой стороны. Но вы злоупотребляете терпѣніемъ нашимъ! Къ вопросу, къ вопросу!

Ораторъ (*съ досадою*). Джентльмены, я убѣжденъ, что я нахожусь въ самомъ центрѣ вопроса и продолжаю...

Голоса съ правой стороны, yes, yes, все это очень забавно.

Ораторъ. Я знаю, что это забавно. Случай, который я хочу рассказать имѣетъ даже нѣкоторое сходство съ моими собственными обстоятельствами (браво! браво!). И такъ: въ журнальномъ мірѣ существуетъ одинъ, впрочемъ весьма почтенный джентльменъ, издающій одинъ журналъ съ весьма мрачнымъ направленіемъ. Человѣкъ онъ ловкій, а потому выѣзжаетъ на благонамѣренности. Враги его отыскали, что когда-то у него была какая-то Лурля, полногрудая Лурля, къ которой онъ писалъ въ свое время стихи...

Одинъ голосъ. Ахъ это тотъ... какъ его... изъ кувиркателей.

Ораторъ. Совсѣмъ не изъ кувиркателей. Почтенные члены ошибаются положительно: вовсе не изъ кувиркателей и трясучекъ. Именно на благонавія онъ и основалъ свою защиту. Я хочу показать на какую подходящую для него же самую точку опоры его ставятъ враги его. Отконали они эту Лурлю и ужасно обрадовались. «А! такъ вотъ какъ! Толкуешь о благонавія, а у тебя Лурля была полногрудая». «Да что жъ такое» могъ бы отвѣчать имъ издатель мрачной газеты, чтожъ такое что была. Она была, а теперь и вѣтъ. Чѣмъ же можетъ такой случай поколебать направленіе моего мрачнаго журнала? Да тѣмъ паче (я увлекаюсь и говорю даже слогомъ почтеннаго журналиста) тѣмъ паче, что она была. Тѣмъ явственнѣе спасеніе мое, ибо утопалъ въ смрадной нечистотѣ, а теперь прозрѣлъ и просіялъ. Тѣмъ внушительнѣе обращеніе мое, и тѣмъ паче оправдалось то, что обратило меня. Что тычете вы имъ теперь сію Лурлю? О моего окаянства! О смрада бѣсовскаго! Да нусть я похотствовалъ съ Лурлей за ея полногрудіе. Но теперь ея вѣтъ и неужели вы, окаянные невѣгласи, не видите, что тѣмъ паче слава спасенія моего объявляется?..

Голосъ съ правой стороны: Да, пожалуй...

Дряхлый, козлиный голосъ (*оттуда, же отъ дряхлаго джентльмена съ вставными зубами*). И... в... пол-но-грудая?

Ораторъ. На этотъ счетъ, къ сожалѣнію, я не могу доставить

почтенному виконту точнѣйшихъ свѣдѣній. Но однакоже, милорды и джентльмены: Не похожъ ли хоть отчасти /этотъ случай на мой? Я тоже могу защищаться въ этомъ же родѣ. Что упрекаете вы меня за прежнее, скажу я имъ всѣмъ: прежнее давно прошло и теперь я не только принесъ плоды, но даже сами вы замѣчаете, что пробиваюсь статьями «о сухихъ туманахъ». Въ портфель редакціи...

Нигилистъ (*съ лѣвой стороны*). Просто въ шкапу. Какой тамъ еще портфель редакціи!

Ораторъ (*нѣсколько язвительнымъ тономъ*). Мнѣ кажется почтенный членъ еще не привыкъ къ парламентскимъ формамъ выраженій.

Нигилистъ. И слава-богу, если они только въ этомъ и состоятъ! Какія тутъ формы! По моему и въ парламентѣ рѣжь правду.

Ораторъ. Правду? А четвертакъ?

Нигилистъ (*въ изступленіи*). Послушайте, если вы еще разъ скажете слово объ этомъ проклятомъ четвертакѣ, то я... я...

Ораторъ. Что?

Нигилистъ. Я... я ужъ и не знаю, что тогда сдѣлаю!

Николай Филиповичъ (*язвительно*). Почтенный членъ, хоть и не любитъ парламентскихъ формъ, но очевидно наблюдаетъ ихъ... въ крайнихъ случаяхъ...

Нигилистъ. Вздоръ! Я ничего не наблюдаю... Я... я... я требую, положительно требую, чтобъ ораторъ немедленно объяснился объ этомъ проклятомъ четвертакѣ! Онъ до меня не касается! ни до кого изъ нашихъ!.. Вся моя жизнь на виду... Я требую, я настаиваю! Я обращаюсь къ президенту!..

(Начинается чрезвычайный шумъ, но опоненты поднялись всѣ вмѣстѣ и на этотъ разъ не хотятъ уступить. Президентъ, по ихъ требованію, принужденъ формально поднять вопросъ о пропавшемъ четвертакѣ. Ораторъ отдѣляется сначала парламентскими формами; но опоненты на этотъ разъ не хотятъ парламентскихъ формъ. Ораторъ утверждаетъ, что сказалъ не въ обидномъ смыслѣ. «Вздоръ! кричатъ опоненты, это все формы, а намъ надо правду. Правду! правду!» Ораторъ сознается наконецъ, что онъ самъ не знаетъ про что говорилъ, и что четвертакъ надо принимать въ какомъ-то аллегорическомъ смыслѣ, а что прямое значеніе придали ему крикуны. Прогрессисты удовлетворены. Обиженный, но удовлетворенный нигилистъ громко говоритъ: «Это сонъ! Это невыносимо! Прочь изъ этого звѣринца!» И съ негодованіемъ выходитъ изъ залы.

Собранье взволновано. Члены очевидно перессорились. Ораторъ чувствуетъ себя почти обиженнымъ.)

Ораторъ (*язвительно*). Это все отъ убѣжденій... вотъ примѣръ... Мы были въ такомъ прекрасномъ, джентльменскомъ настроеніи духа, такъ свободно, такъ легко говорили... и что же!..

Крики съ лѣва. Нѣтъ, нѣтъ, не отвертитесь. Вы нападаете на убѣжденія! Вы смѣете не признавать убѣжденій!

Ораторъ. Напротивъ, я именно требую къ нимъ уваженія, и если я переимѣнилъ ихъ, то можете не уважать моихъ новыхъ убѣжденій, но свободу переимѣны ихъ не ставьте въ порокъ.

Крики съ лѣва. Свободу такъ. Но развѣ всякое убѣжденіе почтенно? И развѣ вы свободно мѣняете ихъ?

Ораторъ. Джентльмены, я даже не понимаю чего вы хотите. Игнорирую совершенно. Говорю окончательно, я убѣжденъ только въ одномъ: было-бъ мнѣ хорошо, а если и другимъ, то пожалуй хоть и другимъ, но только въ такомъ случаѣ, когда это лично мнѣ не мѣшаетъ.

Крики съ права (*yes, yes, браво, урре! урре!* Это чувства настоящего британца.)

Крики съ лѣва. Вздоръ! вздоръ!.. Это не такъ...

Николай Филиповичъ. Но, джентльмены, я убѣжденъ, совершенно убѣжденъ, что вы тоже самое исповѣдуете; подумайте!

Крики съ лѣва. Вздоръ! Только честныя убѣжденія почтенны! Прочь, прочь! мы довольно послушались!.. *assez causé*.

Подымается шумъ, какого еще не было. Президентъ принужденъ прекратить засѣданіе; джентльмены и нобльмены, послѣ многихъ препиваній, схватываются наконецъ за палки...

Николай Филиповичъ. Вотъ этого-то я и боялся! Драка за убѣжденья, бѣда! Нѣтъ ужъ давай Богъ ноги!

Москва, Россія дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать!

Цитуетъ эти стихи, онъ тихонько пробирается между сражающимися и выходитъ коварно улыбаясь.

Ораторъ (*въ смущеніи наблюдавшій съ трибуны всю кашу*). Не дорѣли до формъ, не доросли! Это противно, это абструзно! А можно бы было такъ хорошо, такъ сладко проболтать, хоть до утра! (*печально сходитъ съ трибуны*).

Затѣмъ начинается страшная нелѣпость, которую можно только увидѣть во свѣ. Это наводятъ меня на мысль, что я можетъ быть дѣйствительно вижу сонъ. Палки, президенты, парламентскія формы, высокородные маркизы, лурлен и милорды блѣднѣютъ, пере-

мѣняются лица, ступовываются и исчезаютъ сами собой; усиліе съ моей стороны и я просыпаюсь окончательно. Уже часъ за полночь, свѣчи догораютъ, на столѣ начата статья в 102 номеръ «Современнаго слова» съ вопросомъ : кто виновать?

Невозможно чтобъ я заснулъ отъ статьи «Современнаго Слова»; статья чрезвычайно любопытная; нѣтъ, это былъ сонъ магнитическій. Но не явись въ «Современномъ Словѣ» эта статья, я бы не видалъ и такого сна, т. е. нѣтъ, хоть и увидалъ бы, не можеть-быть не записалъ бы его.

ЗАМѢТКИ ПО ВОПРОСУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ (1)

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ)

М. Г! Въ августовской книжкѣ издаваемого вами журнала помѣщена статья г. Родевича, по поводу книжки эстляндскаго дворянина и барона г. Штейнгеля «Наша общественная нравственность. Мысли объ устройствѣ убѣжища, или общества для обращающихся съ пути заблужденія женщинъ въ Россіи». Статья читается съ интересомъ, и очевидно, писана съ участіемъ къ дѣлу, но въ ней встрѣчаются нѣкоторые мысли, которыя могутъ возбудить недоумѣніе, или которыя, во всякомъ случаѣ, спорны. Между тѣмъ, почтенный авторъ рѣшаетъ ихъ категорически, и тѣмъ вызываетъ на объясненіе. Позвольте мнѣ, м. г. въ вашемъ же журналѣ представить мои соображенія на этотъ счетъ, которыя можетъ-быть дополнять то, что кажется упущеннымъ изъ виду г. Родевичемъ.

Вопросъ о нравственности — прежде всего вопросъ чисто-нравственный. Я хочу сказать этимъ, что для оцѣнки нравственнаго значенія какого нибудь поступка, проступка, преступления или просто дѣйствія, — намъ гораздо важнѣе знать *побужденія* къ нимъ, чѣмъ самый *фактъ*.

Вышнія проявленія разврата существенно разнятся отъ внутреннихъ, и ихъ нельзя связывать въ одно неразрывное звено. Можно встрѣтить въ одинъ вечеръ сотню публичныхъ женщинъ на

(1) Помѣщаемъ это письмо, во первыхъ потому, что мысль автора показалась намъ сама по себѣ замѣчательною, а во вторыхъ потому, что вопросъ объ общественной нравственности такъ мало еще выясненъ и опредѣленъ въ нашей литературѣ, что мы съ охотою даемъ мѣсто еще статьѣ по этому предмету. Хотя эта статья и противорѣчитъ статьѣ г. Родевича, недавно напечатанной въ нашемъ журналѣ, но такъ-какъ она прогрессивна и гуманна и трактуетъ о дѣлѣ съ особенной и оригинальной точки зрѣнія, то намъ кажется, что подобныя противорѣчія служатъ къ дальнѣйшему разрѣшенію вопроса, въ которомъ окончательнаго слова еще долго ждать.

Ред.

какой-либо великолѣпной, ярко-освѣщенной улицѣ, и все-таки не имѣть ни малѣйшаго понятія о состояніи ихъ нравственности. Чтобы получить это понятіе, необходимо переселиться въ ихъ внутренній міръ, и оттуда, подъ угломъ новой точки зрѣнія, взглянуть на ихъ поступки. Одинъ голый внѣшній фактъ, оторванный отъ своей почвы, отъ корней, которыми онъ держится въ нравственной природѣ человѣка, ничего еще недоказываетъ. И сужденія о нравственности чрезвычайно условны, потому что для оцѣнки ея нужно принять во вниманіе всѣ психическіе и физиологическіе моменты въ жизни человѣка, совершившаго какой-либо поступокъ, попадающій подъ разрядъ общепринятаго понятія о развратѣ. Что изъ этого выходитъ, постараюсь представить послѣ, а теперь приведу замѣтки изъ статьи г. Родевича, вызвавшія мое недоумѣніе.

«Всякому извѣстно (говоритъ авторъ), что бѣдность есть главная причина, препятствующая заключенію брачныхъ союзовъ». На это мы замѣтимъ, что причина эта условна; бѣдность въ какомъ быту? въ нашемъ крестьянскомъ, наиримѣръ, она не помѣха. Даже напротивъ, бѣдный крестьянинъ вступая въ бракъ, пріобрѣтаетъ себѣ помощницу въ трудахъ, которая зимою стряпаетъ обѣдъ и ужинъ, исполняетъ разныя домашнія работы, а лѣтомъ помогаетъ ему въ полевыхъ работахъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ среднихъ сословіяхъ и въ быту фабричныхъ. Для первыхъ, если и существуютъ препятствія къ браку, то скорѣе — общепринятая понятія, рутинна, а не бѣдность. Мы, конечно, не представляемъ себѣ такой абсолютной бѣдности, которая прямо велеть къ нищенству, къ просьбѣ куска хлѣба у прохожихъ. Такая бѣдность, у насъ покрайней-мѣрѣ, нѣсколько исключительна, и ужь прямо касается благотворительности. Нѣтъ, мы говоримъ вообще о нашихъ среднихъ сословіяхъ, къ которымъ относимъ купцовъ, чиновниковъ, учителей, ученыхъ, журналистовъ, землевладѣльцевъ средней руки, и т. д., словомъ, людей пріобрѣтающихъ средства къ существованію трудомъ, но не исключительно физическимъ, какимъ пріобрѣтаютъ ихъ крестьяне и ремесленники. Дѣйствительно въ этомъ кругу, по увѣренію многихъ, замѣчается годъ отъ году уменьшеніе числа браковъ. Если это и справедливо, то на чемъ основано такое явленіе? гдѣ его причины? Скажутъ, въ бѣдности. Но бѣдность если только неидеть дѣло о кускѣ хлѣба — понятіе слишкомъ условно. Для А. тысяча рублей въ годъ, значитъ бѣдность, а для Б. пятьсотъ — богатство. Чтобы не слишкомъ распространяться, скажемъ коротко: дѣло идетъ не о бѣдности, а о невыгодной обстановкѣ брачнаго союза въ его общепринятыхъ формахъ. Живя въ обществѣ, въ городѣ, А. невольно подчиняется ходячимъ понятіямъ о пріличіяхъ и обязанностяхъ

свихъ къ женѣ, семьѣ и обществу, онъ вращается въ известномъ кругу, знакомъ съ разными лицами, и не желаетъ составлять исключенія изъ общаго правила. Онъ и разсуждаетъ такимъ образомъ: если я одинъ съ тысячею рублями живу только кое-какъ, то *жениться, одоуметь*, мнѣ будетъ положительно дурно. Я долженъ войти въ долги, для совершенія всѣхъ формальностей брака и сватовства, я долженъ обзавестись полнымъ хозяйствомъ, гостиною, роялемъ, мебелью, я долженъ доставлять наряды женѣ, долженъ принимать гостей, и самъ выѣзжать съ женою, иначе она зачахнетъ отъ скуки и бездѣлья, или придумаетъ свои собственные средства развлеченія, несовмѣстныя съ семейною жизнью, — словомъ, я долженъ жить, какъ и другіе семейные люди моего круга, или вообще, окружающаго общества. На это у меня нѣтъ средствъ. Ergo: А. не женится. Къ тому жъ съ году на годъ все дорожаетъ, и доходы остаются тѣ же, и обстановка брачной жизни — все *таже*. И такъ, А. и подобные ему люди остаются холостыми. Также точно остаются не замужними и дѣвицы одного съ ними поколѣнія и возраста. Между ними стала преграда, которая не позволяетъ имъ сблизиться въ общепринятыхъ формахъ сближенія; но эта преграда не мѣшаетъ контрабандѣ. Жизнь беретъ свое и сближеніе свершается. Пуристы называютъ это развратомъ, и причины его относятъ къ бѣдности.

Мы же, напротивъ, относимъ причины «контрабанднаго пути», въ общепринятыхъ формахъ и условіяхъ, къ фальшивому положенію женщины въ обществѣ, и къ устарѣвшимъ понятіямъ о значеніи и сущности брака. Очевидно, что надъ А. тяготѣетъ деспотизмъ общественнаго мнѣнія, въ силу котораго онъ считаетъ себя бѣднымъ для брака. Но пусть измѣнится только нѣсколько условій въ этомъ мнѣніи, и А. измѣнитъ свое мнѣніе о брачной жизни. Пусть напримеръ, общественное мнѣніе потребуетъ такого воспитанія женщинъ, которое бы не только научало ихъ кокетничать, но и приобретать собственными трудами средства къ существованію. Тогда вмѣстѣ оно должно потребовать и разширенія круга дѣятельности женщины; а для этого въ свою очередь потребуются обученіе ея болѣе разнообразнымъ мастерствамъ и ремесламъ, чѣмъ нынѣ это дѣлается, и допущеніе ея въ болѣе разнообразныя мѣста и учрежденія для службы и приобрѣтенія трудовыхъ денегъ. Это могло бы свершиться пока и безъ всякаго законнаго, офиціальнаго вмѣшательства; одно только прогрессивное движеніе въ нашихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ, во взглядахъ общества (то есть во взглядахъ Иванова, Андреева, Петрова, Николаева, Сидорова, словомъ, *толпы*, которая всего страшнѣе единичнымъ людямъ изъ той же толпы), могло бы двинуть этотъ вопросъ впередъ. Съ другой стороны, пусть толпа

прокричить въ свою могучую трубу рутинны: «отнынѣ, мы не связываемъ нашихъ членовъ, изъ нашей толпы, особенными обязательствами для обстановки семейной жизни. Мы не ставемъ глумиться, если кто-либо изъ васъ, женись, не занасется приличною мебелью, шолковыми нарядами для жены, билетомъ въ театральную ложу, пріемными и выходными днями, и всею мѣщанскою обстановкою, считавшеюся до сихъ поръ по мнѣнію свѣта, обязательною для комфорта женатаго чловѣка, хотя бы онъ и не имѣлъ къ тому средствъ.» Совершите эти измѣненія въ такъ-называемомъ нашемъ «общественномъ мнѣніи» (1), или вѣрнѣе, въ ходячихъ понятіяхъ нашихъ Петровыхъ, Сидоровыхъ, Ивановыхъ и вообще всей толпы, и А. — смѣю увѣрить васъ, — непременно женится. Онъ найдетъ, напримѣръ, что если его будущая половина, вмѣсто того, чтобы разорять его нарядами, выѣздами и пріемами гостей, театрами и потребностями въ комфортѣ, — принесетъ еще дохода рублей пятьсотъ, и въ семейную жизнь внесетъ тѣже привычки къ труду, которыя помогаютъ А. поддерживать свое одинокое существованіе въ этомъ «юдольномъ» мірѣ, то «брачная жизнь» представится ему въ гораздо болѣе привлекательномъ свѣтѣ, и онъ не найдетъ препятствій къ ней въ бѣдности. Но А. чловѣкъ толпы, и потому ожидаетъ такихъ переворотовъ не въ самомъ себѣ, а въ Ивановѣ, Сидоровѣ, Петровѣ и tutti quanti: только когда они прокричатъ свою фанфару въ грозную трубу (матерьяльно) сильнаго общественнаго мнѣнія, когда толпа дастъ свой законъ для толпы, то есть, для самой же себя, тогда только А. осмѣлится жениться, съ тысячею рублями годового дохода. А вотъ В. такъ поступилъ иначе: онъ не дождался переворота въ мнѣніяхъ толпы, а произвелъ его въ самомъ себѣ, и съ пятьюстами рублей — женился. О ужасъ! чтожъ онъ дѣлаетъ?.. Живетъ, и болѣе ничего. У него нѣтъ условнаго комфорта, требуемаго Ивановыми и Сидоровыми, но есть комфортъ, умягчающій его собственную жизнь. У него нѣтъ дивана и фортепьяно и пріемныхъ дней, но жена любитъ его, и не скучаетъ съ нимъ. Они оба работаютъ, и пользуются вождѣленнымъ здоровьемъ. За то В. долженъ

(1) Признаюсь, на счетъ нашего общественнаго мнѣнія, я немножко скептикъ. Тутъ все условно: какъ для кого? Напримѣръ для чиновника все общественное мнѣніе заключается въ мнѣніи начальства; для солдата — тоже, для батрака — въ мнѣніи хозяина, для сидѣльца и приказчика тоже, для многихъ публицистовъ въ мнѣніи кружка, или высшаго какого-либо лица и т. д. Гдѣ собственно сказывается наше общественное мнѣніе? При своемъ несносномъ скептицизмѣ, я рѣшаюсь видѣть его въ крестьянскомъ мірѣ только... Но можетъ-быть я и ошибаюсь...

былъ пожертвовать добрымъ мнѣніемъ о себѣ и знакомствомъ съ Ивановыми и Сидоровыми. Но у него явился свой кругъ знакомыхъ, и онъ не жалуется на судьбу.

Таже самая исторія разыгрывается и въ большихъ и въ меньшихъ размѣрахъ. Не допускайте только абсолютно бѣдныхъ людей въ кругъ вашихъ разсужденій, то есть людей, которыхъ въ эту самую минуту надо накормить, напоить, согрѣть и обуть, иначе они завтра же откажутся влачить далѣе свое отчаянное существованіе, и вы увидите, что въ заключеніи брачныхъ союзовъ въ среднихъ сословіяхъ главную роль играетъ не бѣдность, а *понятіе о бѣдности*. Для людей слабыхъ, малодушныхъ, живущихъ не своимъ умомъ, это понятіе о бѣдности навязывается не внутреннею правдою, а деспотизмомъ ходячихъ понятій, силою какого ни-на-есть общественнаго мнѣнія. А бѣденъ, потомучто не можетъ удовлетворить всѣмъ тѣмъ требованіямъ неразвитаго общества, которыя оно предъявляетъ какъ *норму* для семейнаго человѣка изъ такого-то круга (или состоянія, профессіи). Эту же норму предъявляетъ и будущая жена его, и если А. не можетъ ее выполнить, то прости семейное счастье! Вѣдь жена воспитана въ духъ господствующихъ понятій, и не будетъ считать безстыдствомъ съ своей стороны вогнать мужа въ чухотку для того только, чтобы ей можно было съ приличіемъ принимать въ своемъ будуарѣ пансіонскую или институтскую подругу, тоже вышедшую замужъ, и тоже съ приличіемъ принимающую своихъ подругъ, въ назначенные дни, въ своей изящной гостиной. Само собою разумѣтся, что если А. мало-мальски разсудительный человѣкъ, то онъ заранѣе бѣжитъ отъ такой заманчивой перспективы въ будущемъ. Итакъ, мы не видимъ, чтобы дѣйствительно бѣдность мѣшала брачнымъ союзамъ въ нашихъ сословіяхъ: крестьянскомъ и среднемъ. Для первыхъ, т. е. для крестьянъ, судьбу которыхъ историческія обстоятельства у насъ связали неразрывно съ землею, бѣдность скорѣе благоприятствуетъ браку, чѣмъ противодѣйствуетъ. Для среднихъ сословій препятствіемъ къ бракамъ служитъ опять не бѣдность, а узкія, неразвитаго требованія массы, обращающіяся къ брачнымъ людямъ, и заставляющія ихъ избѣгать очевидно непріятнаго положенія. Улучшите эти понятія и требованія массы, и таже самая бѣдность превратится въ богатство, а непріятное положеніе въ пріятное, воображаемый комфортъ семейнаго человѣка — въ дѣйствительный.

Если мы и признаемъ бѣдность помѣхой къ брачнымъ союзамъ, то развѣ въ отношеніи къ ремесленникамъ и фабричнымъ, и людемъ, живущимъ поденнымъ, физическимъ трудомъ, безъ собственнаго хозяйства. Но очевидно, что мы тутъ ужъ переходимъ на

почву пролетаріата, развитаго болѣе за границей, въ Англіи или во Франціи, чѣмъ у насъ. Явленіе это у насъ не такъ обще и громаднo, чтобы придавать ему особенно значеніе въ «общественной нравственности.» Для Англіи, которая вся состоитъ изъ фабрикъ, для Франціи, на половину состоящей изъ фабрикъ, — вопросъ этотъ на первомъ планѣ; у насъ на второмъ. Самъ г. Родевичъ, чтобы подкрѣпить свое положеніе о бѣдности, препятствующей бракамъ, сейчасъ же бросается (не въ Россію) именно въ Англію: «англійскими учеными, говоритъ онъ, найдено что въ ихъ отечествѣ число браковъ бываетъ болѣе, или менѣе, смотря потому, выше или ниже цѣны на хлѣбъ, больше или меньше заработки простого класа и доходы класовъ высшихъ.»

Я не имѣю надобности сомнѣваться въ этихъ наблюденіяхъ. Пусть и такъ; но вѣдь тутъ не сказано въ какомъ именно сословіи или кругу уменьшилось число браковъ: въ фабричномъ (городскомъ), или земледѣльческомъ (сельскомъ)? Для послѣднихъ рѣшительно все равно: поднялись ли цѣны на хлѣбъ, или уменьшились, уменьшились заработки, или нѣтъ, и т. д. Если хлѣбъ дороже, то онъ и продасть его дороже; заработокъ же у него всегда на мѣстѣ, обработать и убрать свой участокъ земли. Идея о бракѣ не входитъ ни въ какія противорѣчія съ такою обстановкою. Вообще же, сельскій бытъ, въ томъ видѣ, какъ онъ у насъ существуетъ, не тяготеетъ брачными условіями жизни. Они неудобны только для городскихъ, фабричныхъ, ремесленниковъ—учениковъ и т. д., потому что въ городѣ, и при фабричной жизни нѣтъ твердыхъ точекъ опоры труда, какъ поземельному владѣльцу, и всякое подобное лицо можетъ выработать буквально *только* то, что нужно для его жизни. Тутъ бѣдность — прямая причина отсутствія браковъ. Помочь ей могутъ только лучшія условія организаціи фабричнаго труда, о чемъ теперь и пишутъ лучшіе люди экономической и соціальной науки. Если заработокъ таковъ, что едва хватаетъ на пропитаніе одного лица, а на пріютъ, точку опоры — первое условіе семейной жизни, — ужъ не хватаетъ средствъ, то о бракѣ и говорить нечего. Но это вопросъ спеціальный, и для Россіи болѣе или менѣе мѣстный: вліяніе его чувствуется въ столицахъ, въ трехъ-четырехъ большихъ городахъ, да въ нѣсколькихъ фабричныхъ округахъ средней Россіи. Вопросъ объ «общественной нравственности» поставленъ г. Родевичемъ вообще, безъ примѣненія къ даннымъ мѣстностямъ, а болѣе съ философской соціальной точки зрѣнія; съ этой же точки и я излагаю свои недоумѣнія, и потому отрекаюсь отъ цифръ и мѣстныхъ наблюденій. Такъ какъ число фабричныхъ и вообще бобылей у насъ,

относительно общей массы населенія, невелико, то я рѣшаюсь принять такую формулу:

1) *Бѣдность у насъ, пока, не составляетъ причины, препятствующей заключенію брачныхъ союзовъ. Для земледѣльческаго класа она — не помѣха. Фабричный бытъ у насъ сравнительно мало развитъ, а въ среднемъ сословіи бракамъ мѣшаетъ у насъ не бѣдность, а фальшивыя понятія о бѣдности, о бракѣ, о женщинѣ.*

Сѣтующимъ на малое число браковъ предстоитъ тутъ одно лишь средство: улучшить, просвѣтитъ и развитъ въ духѣ труда и правды понятіе толпы, дающей законы людямъ толпы.

Затѣмъ я ставлю другую формулу:

2) *Уменьшеніе числа браковъ вовсе не находится въ прямой связи съ увеличеніемъ общественнаго разврата. Оно можетъ находиться въ связи съ нимъ лишь случайно. Здѣсь я ужъ прямо противорѣчу г. Родевичу. Онъ говоритъ: «черезъ уменьшеніе числа браковъ увеличивается масса холостыхъ людей, естественно и необходимо поддерживающихъ общественный развратъ. Нерѣдко даже мать продаетъ въ развратъ свою дочь изъ-за гнетущей бѣдности.» Остановившись пока на этомъ. Впервые мать, если продаетъ въ развратъ свою дочь, то ей все равно: холостому ли, или женатому. Ей нужны деньги, ее гнететъ бѣдность, — и потому здѣсь не виноваты ни холостые, ни женатые, или собственно виноваты тѣ и другіе, если они становятся покупателями такого товара. Обстоятельство это прямо касается бѣдности и безнравственности матери, а холостые люди тутъ становятся на одну доску съ женатыми. Но почему же именно масса холостыхъ людей *естественно* (!) и *необходимо* (?) поддерживаетъ общественный развратъ?*

Если имѣются на это числовыя данныя, для извѣстной мѣстности, и наблюденія нѣсколькихъ лѣтъ, — то стоило бы привести ихъ.

Одному проступку женатаго человѣка (въ томъ видѣ разврата, о которомъ идетъ рѣчь) можно противопоставить десять проступковъ холостыхъ людей. Если даже послѣдніе вторгаются съ соблазномъ въ чужую семью, то этому вторженію большею частью предшествуетъ внутреннее разложеніе семьи: въ здоровомъ состояніи она всегда дастъ отпоръ враждебному элементу.

Это — *primo*; остается еще дополнить наши объясненія *secundo*: холостые люди большею частью самими обстоятельствами вращаются (относительно нашего вопроса) въ такихъ опредѣлительныхъ перипетіяхъ, которые никакъ не могутъ производить ихъ въ распространителей разврата. Объяснимся: нельзя вѣдь назвать всякое сближеніе мужнины съ женщиной развратомъ; чтобы дока-

зять это, забудемъ на минуту, что женщина отлична отъ мужчины, и примемъ ее, вмѣстѣ съ моралистами, просто за человѣка. Чтоже изъ этого выходитъ? что всякое сближеніе человѣка съ человѣкомъ есть развратъ! Неужели? Но вѣдь вы забываете главное: нравственныя побужденія; безъ нихъ нечего и говорить ни о развратѣ, ни о нравственности. Если человѣкъ сошелся съ человѣкомъ во имя любви, дружбы, сердечнаго расположенія, взаимной помощи, одинаковыхъ вкусовъ, словомъ во имя человѣческой цѣли, а не съ тѣмъ, чтобъ обворовать другъ друга, то ихъ сближеніе вполне нравственно, какими бы именемъ оно ни называлось на общепринятомъ языкѣ массы. Тоже самое мы должны сказать и о всякомъ сближеніи мужчины съ женщиной; пока мы не знаемъ нравственныхъ поводовъ къ ихъ сближенію, мы положительо не въ состояніи судить о степени нравственности или безнравственности ихъ отношеній. Положимъ, нравственныхъ нитей, связующихъ ихъ отношенія, мы не находимъ: ихъ нѣтъ. Вся связь основана лишь на фізіологическихъ причинахъ: женщина превращается исключительно въ женщину, а мужчина исключительно въ мужчину; человѣкъ забывается съ обѣихъ сторонъ; нравственной, душевной или сердечной нити нѣтъ и въ поминѣ. Какая же нить остается? Только одна и можетъ оставаться: нить личнаго интереса. Одна сторона платитъ, другая продаетъ. Покупщикъ — человѣкъ, продавецъ — человѣкъ, товаръ — человѣкъ. Открывается рынокъ и торговля; одни продаютъ себя изъ крайней бѣдности, другіе изъ явныхъ выгодъ; третьи привлечены на рынокъ мутною волною житейской грязи, захватившей ихъ врасплохъ; четвертыя попали туда жертвою обмана; пятые — жертвою неопытности и глупости, шестые — изъ любопытства, седьмые — ради ощущеній и т. д. Каждое паденіе имѣетъ свою грустную исторію и съ ней-то и слѣдовало бы имѣть дѣло моралисту. Но мы не знаемъ этихъ исторій; мы ходимъ по рынку, справляемся о цѣнахъ, видимъ массы падшихъ измученныхъ женщинъ, массы товара, такую же массу жадныхъ покупателей, и восклицаемъ: «о ужасъ! развратъ охватилъ общество; продажа и купля совершается въ очию, паденіе идетъ волною, захватываетъ все болѣе и болѣе грунта, и грозитъ общою опасностью!» Можетъ быть мы и правы, можетъ быть и неправы. Я говорю только, что мы ничего не знаемъ собственно о «развратѣ», хотя и были на рынкѣ разврата. Мы видимъ жертвъ разврата, послѣдствія позорной торговли, мѣсто рынка, массу товара и покупателей, но о самомъ развратѣ не имѣемъ никакого понятія. Такъ точно мы можемъ видѣть башню, разбитую выстрѣлами пушки, и все-таки не имѣть понятія о самой пушкѣ.

На нашемъ рынкѣ одни только осколки, разбитыя существованія, голодь, изнуреніе, вопли, румяна и бѣлила, бѣдность и нищета; словомъ, публичныя проявленія всего того, что выкинула пѣна бродящаго общества; но самое то броженіе идетъ незамѣтно, своимъ порядкомъ, и выкидываетъ все новую пѣну, и мы опять восклицаемъ: «ахъ, какъ много пѣны! скоро все въ иѣну превратится!» и хотимъ снять всю иѣну, и пристроить ее, а забываемъ, что завтра наростутъ новыя волны пѣны, и опять поразятъ насъ своею массою... Прекратите броженіе—то, такъ и пѣны не будетъ. Такъ и разирать: пѣна его видна, а броженіе скрыто; происходитъ онъ незримо, какъ духъ носится надъ обществомъ въ его предразсудкахъ, злоупотребленіяхъ, и пожираетъ жертвы съ приличною тайною, за тройными замками.

На свѣтъ выходятъ только разбитыя остатки человѣка.

Эти остатки разсортировали покупатели по относительному ихъ достоинству. Вышли просто публичныя женщины, полу-камельи, настоящія камелии, и камелии въ модѣ. Всѣ они болѣе или менѣе носятъ на себѣ печать рыночнаго происхожденія по своему характеру публичности. Спрашиваемъ: есть ли какія-либо особыя причины приписать ихъ происхожденіе преимущественно холостымъ людямъ? Нѣтъ; это просто продукты того незримаго духа безнравственности, который носится вообще надъ даннымъ обществомъ. Въ большихъ городахъ такихъ существъ болѣе, потому что размѣръ явленія больше; пропорція же вѣроятно одна и таже, вездѣ при одинаковыхъ условіяхъ жизни. Если же подозрѣвать холостыхъ въ большемъ развратѣ потому только, что имъ предстоитъ эта возможность, то это будетъ лишь одно отвлеченное разсужденіе. Напротивъ, сама жизнь въ большихъ городахъ показываетъ намъ, что они охотнѣе вступаютъ въ извѣстныя постоянныя отношенія къ женщинѣ, связуемыя человѣческимъ чувствомъ общегитія, чѣмъ въ блужданія по рынкамъ. Такихъ отношеній общество пока еще не подвело подъ свою формулу брака, а между тѣмъ, въ сущности они подходятъ къ ней, и часто даже гораздо чаще отношеній, прикрытыхъ лишь формальною связью. Тамъ гдѣ нельзя опереться на форму, силу закона и обычая, поневолѣ надо искать душевныхъ, нравственныхъ связей для прочности союза. Для мыслителя и моралиста такія связи вполне человѣчны.

Если же мы вспомнимъ массу женщинъ, попадающихъ на содержаніе, равно какъ и болѣе обще-доступныхъ камелий, и захотимъ ихъ поставить въ извѣстныя отношенія къ холостымъ людямъ, то это будетъ напрасный трудъ. Вся суть тутъ основывается не на брачномъ или безбрачномъ состояніи, а на деньгахъ. Мы не

можемъ тутъ привести никакихъ положительныхъ данныхъ, да и кто это можетъ? — но знаемъ изъ рассказовъ, слуховъ и другихъ источниковъ, что лучшій товаръ попадаетъ не къ холостымъ, а вообще къ зажиточнымъ людямъ, любящимъ пожить «себѣ въ удовольствие». Что же касается до посѣтителей публичныхъ домовъ, то нельзя не замѣтить, что характеръ этихъ посѣтителей, равно какъ и характеръ посѣщеній отличаются совершенною случайностью. Притомъ, кто бы ихъ ни посѣщалъ, въ ихъ происхожденіи нельзя винить холостыхъ людей; это остатки того глухого, незрямаго, душевнаго разврата, котораго мы не видимъ за стѣнами домовъ, у котораго есть время, средства и охота губить невинность, и который остается загадкою для наблюдателя однихъ внѣшнихъ фактовъ, наблюдателя, видящаго только рынокъ, жертвы, гнусныя улыбки, уничтоженную красоту, тусклые взоры, впалые щоки, морщинистыя уста и черные зубы... А пружинъ-то и не видно.

Я не иду далѣе, потому что кажется выяснилъ въ общихъ чертахъ свою мысль: что нельзя исключительно обвинять холостыхъ людей и вообще холостую жизнь въ служеніи дѣлу разврата. Это не подтверждается ни практикою, ни принципами такой жизни. Если не быть крайнимъ пессимистомъ, и не отвергать безъ нужды естественнаго стремленія человѣку къ лучшему, къ идеалу, къ высшей задачѣ жизни, смутнотающейся въ душѣ каждаго даже не развитаго человѣка, — то вѣтъ нужды и связывать распространеніе разврата съ уменьшеніемъ браковъ. Въ реестрахъ статистиковъ могутъ стоять цифры этого уменьшенія, но онѣ мертвы для объясненія состоянія общественной нравственности въ обществѣ. Помимо реестровъ, люди (мужчины и женщины) могутъ сближаться между собою въ тысячахъ разнообразныхъ отношеній, и освящать ихъ истинно человѣческими чувствами, вмѣсто формальныхъ внѣшнихъ нитей. Реестры могутъ навести совѣтъ на нѣкоторые размышленія, напримеръ о неудовлетворительности брачнаго состоянія въ данную эпоху, въ данномъ обществѣ, о перемѣнахъ въ понятіяхъ массы, и т. п. Но для моралиста они нѣмы. Напротивъ, пять-шесть исторій жизни публичныхъ женщинъ, правдиво рассказанныхъ со всѣми подробностями и съ психическими указаніями — могли бы значительно объяснить вопросъ объ общественной нравственности. Реестры же тоже, что самый рынокъ съ своимъ товаромъ и торговлею: видѣть-то мы видимъ, что вотъ столько-то на рынкѣ публичныхъ женщинъ, а болѣе ничего. Почему они тамъ, этого мы не видимъ; между тѣмъ это «почему», и есть то, чего мы ищемъ, и не находимъ.

Наконецъ, въ противоположность г. Родевичу, я ставлю третью формулу: 3) *Распространеніе общественнаго разврата не находится*

въ прямой связи съ бѣдностью. Она можетъ помогать ему, и случайно давать ему пищу, но необходимо-разумной или неотразимой связи между этими двумя явленіями не существуетъ. А г. Родевичъ говоритъ: «вообще можно признать справедливымъ, что какъ отдѣльный человѣкъ тѣмъ болѣе развратенъ, чѣмъ ниже его матеріальное обезпеченіе, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ сословіи государства, и въ каждомъ государствѣ среди другихъ государствъ уровень безнравственности тѣмъ ниже, чѣмъ выше его матеріальное обезпеченіе». Стало-быть; я совершенно противоположнаго мнѣнія. Доводы мои слѣдующіе:

Если подъ словомъ развратъ понимать развращенность воли и сердца (умъ едва ли можетъ-быть развратнымъ), то мы необходимо должны допустить въ немъ участіе *сознанія*. Безъ сознанія развратъ перестаетъ быть настоящимъ развратомъ, въ нравственномъ смыслѣ этого слова; онъ можетъ быть дурною привычкою, рутинною, подражаніемъ обычаямъ среды, проявленіемъ невѣжества, наконецъ фзіологическою манією, продуктомъ болѣзненнаго состоянія, и т. д. Но чтобы получить значеніе разврата, онъ долженъ быть основанъ на свободѣ выбора, на проявленіи нравственной природы. Когда человѣкъ знаетъ, что это дурно, а это — хорошо, и поступаетъ дурно, то онъ развратенъ. Если же онъ не знаетъ и не понимаетъ такого различія, то мы никакъ не можемъ назвать его развратнымъ, хотя бы поступки его и относились къ разряду развратныхъ поступковъ. Объяснимся примѣромъ. Семилѣтній мальчикъ, попавшій въ услуженіе въ комнаты къ М., очень пристрастился играть въ бабки съ уличными мальчишками. Онъ то выигрываетъ, то проигрываетъ. Наконецъ ему предстала необходимость купить цѣлую игру бабокъ: эту игру онъ видитъ во снѣ и на яву, просыпается и засыпаетъ съ нею. И нужно-то всего шесть копѣекъ серебромъ, а ихъ вѣтъ какъ-вѣтъ. Замѣтивъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ на столѣ у барина, онъ беретъ ихъ и покупаетъ себѣ игру бабокъ. Баринъ призываетъ рыжаго Ваньку.

— Ты взялъ на столѣ шесть копѣекъ?

Ванька начинаеть отпираться.

Почему же онъ отпирается?.. Потому ли, что сознаеть за собою нехорошее дѣло, или потому, что испугался грознаго вида барина? Конечно потому что испугался. Попробуйте спросить рыжаго Ваньку съ ласковой улыбкой, и онъ сейчасъ же скажетъ: «я взялъ.»

— Зачѣмъ же ты взялъ?

— Нужно было купить бабокъ.

— А! вотъ что!

Затѣмъ начинается какая-нибудь экзекуція. Ванька пробуетъ

еще раза два-три пользоваться барскими деньгами, и каждый разъ получаетъ экзекуцію все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ, онъ перестаетъ красть. Его останавливаетъ страхъ наказанія, — болѣе ничего; но онъ еще не скоро пойметъ что такое чужая собственность, и почему красть — дурно, безнравственно. Онъ только боится непріятнаго ощущенія, сопряженнаго съ экзекуціей. Еслибы въ этомъ періодѣ развитія Ваньки мы занесли его кражи въ реестры, статистики, и потомъ прибавили бы къ нимъ и кражи всѣхъ другихъ подобныхъ Ванекъ, то, спрашиваю дала ли бы намъ полученная цифра хоть какое-нибудь понятіе о состояніи нравственности общественной? Я полагаю — никакого. Такъ точно, число человѣческихъ жертвъ, принесенныхъ бушманами, малайцами или самоѣдами, съ 1850 по 1860 годъ, не дали бы намъ никакого понятія о ихъ нравственности, хотя ужаснѣе нѣтъ преступленія, какъ убить или сжечь человѣка. Только тогда Ванька начинаетъ поддаваться разврату, когда онъ уже сознаетъ, что красть — дурно, и что чужая собственность неприкосновенна. До этого онъ легко доходитъ путемъ личнаго опыта: онъ самъ начинаетъ зарабатывать деньги трудомъ, и обзаводиться кое-какою собственностью; ему становится понятнымъ трудъ и права труда не по урокамъ только барина, а по собственному ощущенію. Скажутъ, у дѣтей нерѣдко проявляется чувство собственности съ самыхъ раннихъ лѣтъ, когда они объявляютъ претензіи на куклы, и различаютъ «свои» куклы отъ «чужихъ». Стало-быть безнравственность кражи можетъ чувствовать и ребенокъ. Конечно можетъ, когда онъ ужъ отвѣдалъ «сладость» собственности, тогда онъ отчасти знакомъ и съ понятіемъ и чувствомъ собственности; но что они еще слабы у него, доказываются извѣстными наклонностями дѣтей — дарить свои куклы то другимъ дѣтямъ, то взрослымъ. Они еще не цѣнятъ своей собственности, потому что не сами приобрѣтали ее... Но я удалился въ сторону.

Въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной безсознательнаго разврата не можетъ быть. Онъ или сознательнъ, или не развратъ. Но такъ какъ эти отношенія проявляются въ извѣстномъ возрастѣ, когда сознаніе уже достаточно развито для отличія зла отъ добра, то обыкновенно они или порождены чувствомъ, или же извращены холоднымъ расчетомъ ума, пускающимъ въ ходъ и деньги и софизмы, чтобы удовлетворить физиологическое побужденіе цѣною чьего-нибудь нравственнаго паденія. Здѣсь развратъ является какъ противорѣчіе съ высшею идеею жизни: онъ разбиваетъ чье-нибудь нравственное существованіе, разбиваетъ личность, физически и морально и тѣмъ нарушаетъ гармонію жизни вообще, гармонію законовъ природы. Камень могъ обрушиться со скалы и раздавить женщину;

но камень не поиралъ нравственной ея природы; женщина умерла, но идея жизни въ ней не умерла, вѣчный принципъ не поправъ. Развратъ, напротивъ, поираетъ сначала идею, принципъ, и приводитъ за собою физическое разрушеніе, разложеніе, какъ результатъ отсутствія нравственной идеи въ жизни. Только она одна, идея оживляетъ человѣческій организмъ; развратъ, *de facto*, отрицаетъ эту идею, и тѣмъ наноситъ смертоносный ударъ жизни.

Итакъ разврата нѣтъ безъ сознанія. Онъ весь вращается въ нравственномъ мірѣ, и потому заключается не *въ фактъ*, а въ *смысль* факта, въ томъ духовномъ побужденіи, которое родило фактъ.

Помѣшанный можетъ случайно лишитъ дѣвушку невинности; и хотя это будетъ фактъ разврата, но онъ не годится въ реестры тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мы бы хотѣли судить объ общественной нравственности.

Здѣсь мы опять приходимъ къ тому же заключенію, что и прежде: сотни и тысячи публичныхъ женщинъ, какъ цифра, ничего не доказываютъ въ вопросѣ общественной нравственности.

Если принять къ свѣдѣнію наши объясненія, и то, что изъ нихъ вытекаетъ, то не трудно будетъ согласиться съ слѣдующими положеніями:

1) Развратъ гораздо сильнѣе въ богатыхъ классахъ общества, чѣмъ въ бѣдныхъ.

2) Развратъ гораздо сильнѣе въ образованныхъ классахъ общества, чѣмъ въ необразованныхъ.

3) Бѣдность не находится въ прямой связи, какъ причина, съ распространеніемъ разврата. Бѣдность — только легкая добыча разврата. Такъ точно сухая солома легче вспыхиваетъ отъ огня, нежели сырая, но откуда берется-то огонь? Неужели солому можно назвать причинною пожара, потому только, что она легко загорается? Вовсе нѣтъ. Огонь подъ нее подкладываетъ развратъ, который гнѣздится тамъ, гдѣ болѣе развито сознаніе, гдѣ болѣе путей для выбора, то-есть между классами образованными и богатыми.

Сама жизнь не доказываетъ ли это на каждомъ шагѣ? Булочникъ Швабе, пока былъ мало извѣстнымъ, бѣднымъ ремесленникомъ, пекъ булки вкусныя, полноувѣсныя, и старался угождать покупателямъ; а какъ разбогатѣлъ, такъ и сталъ пренебрегать честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей: оказался и недовѣсъ, и поташъ не въ мѣру, и мука смѣшанная. Мадамъ Салеçon, изъ Парижа, пока была скромною, бѣдною модницею, дѣлала корсеты по пяти рублей, и корсеты ея не лопались; попавши въ моду, вслѣдствіе протекціи кос-какихъ барынь (а по другимъ, — джентльме-

новъ), стала запрашивать за такіе же корсеты, по двадцати пяти рублей, и въ счетахъ дѣлать разныя спеціализаціи: за матерію, за работу, за фасонъ, за моду, за фирму, за стараніе, за кайму и проч.; а корсеты ея стали лопаться.

Сапожникъ Фирсовъ былъ отличнымъ малымъ, пока скромныя средства держали его въ границахъ золотой умѣренности; сапоги его носились подълымъ годамъ, и ласковыя рѣчи сыпались на него отовсюду. Но вотъ онъ разбогатѣлъ,—и его же сапоги на третьемъ мѣсяцѣ стали разверзать нескромныя тайны.

Емельяновъ былъ честнымъ, скромнымъ пахаремъ, а понавѣ въ фабричныя, развился и сталъ развратничать.

Что же? — возразятъ мнѣ — такъ для противодѣйствія разврату надо противодѣйствовать развитію и матерьяльному благосостоянію?

Но я спрошу въ свою очередь: неужели для того, чтобы противодѣйствовать пожару, надо отказаться отъ постройки домовъ, городовъ, отъ сбора соломы, сѣна, и т. д.

Вовсе нѣтъ. Надо принять мѣры противъ пожаровъ. Если у насъ есть закромы хлѣба, которыя усердно посѣщаются мышами, то неужели, чтобы избавиться отъ нихъ, надо отказаться отъ земледѣлія, отъ жатвы, отъ хлѣба? Вѣдь это будетъ очень не разумительно, потомучто противъ мышей есть болѣе простыя мѣры, которыя нисколько не нуждаются въ уменьшеніи земледѣлія. Закромы съ хлѣбомъ должны остаться, и ихъ должно стараться всячески увеличивать, а противъ мышей все-таки надо принять свои мѣры.

Образованіе, и богатство представляютъ болѣе возможности и для разврата, и для высшаго служенія вѣчнымъ идеямъ; вотъ и все. Гдѣ предстоятъ двѣ дороги, тамъ легче и ошибиться, и заблудиться; гдѣ одна — рутинна, тамъ процессъ жизни очень простъ, но зато и труднѣе выйти изъ колен, изъ стихійнаго прозябанія.

Г. Родевичъ упоминаетъ о замѣчаніи Виктора Гюго (въ его послѣднемъ романѣ «Les misérables»), что и орлеанская дѣва можетъ-быть не осталась бы дѣвою, если-бъ была голодною. Предположимъ, что это и случилось бы въ самомъ дѣлѣ: мы бы не видѣли въ этомъ фактѣ ничего болѣе; кромѣ печальной необходимости; перейти же въ развратъ она могла бы только послѣ такого душевнаго процесса, съ которымъ совершилось бы нравственное паденіе орлеанской дѣвы. Можетъ-быть это и случилось бы впоследствии, а можетъ быть и нѣтъ.

Я же съ своей стороны, въ защиту своего мнѣнія, приведу слѣдующую дѣйствительно случившуюся исторію. Въ городѣ Е. ря-

домъ со мною желъ купецъ М. Къ нему изъ города К. пріѣхала, къ концу зимы, погостить его сестра; она была въ чахоткѣ, въ связи съ какою-то другою женскою болѣзвью. Лучшіе доктора тщетно истощали надъ нею свое искусство; М. былъ человѣкъ зажиточный, и ничего не жалѣлъ для спасенія любимой сестры, однакожь она видимо таяла. Тогда, въ виду крайности, докторъ Х., а за нимъ и другіе, сообщили купцу М., что единственное средство спасти молодую дѣвушку отъ смерти состоитъ въ томъ, чтобы ее немедленно выдать замужъ. Но кто женится на дѣвушкѣ въ такомъ положеніи? Жениховъ не оказывалось, да и М. не хотѣлъ какъ-нибудь сбыть сестру. Оставалось одно: не выдавая ее замужъ, тѣмъ не менѣе, въ видахъ леченія, доставить ей супружеское ощущеніе. Сообщили объ этомъ М. Онъ наотрѣзъ отказалъ. Когда объ этомъ узнала и дѣвушка, она также наотрѣзъ отказала, прибавивъ: «Лучше я умру». И дѣйствительно, — ни братъ, ни сестра ни на минуту не колебались въ своемъ рѣшеніи. Черезъ полтора мѣсяца ея ужъ не было на этомъ свѣтѣ.

Это — былъ. Наша дѣва, цѣною смерти, осталась дѣвою. Кто знаетъ: можетъ быть, такъ поступила бы и орлеанская дѣва!

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему я не одобряю напримѣръ раздѣленія г. Родевича: развратъ публичный, и развратъ патріархальный.

Развратъ только одинъ: душевный, развратъ воли, сердца, развратъ внутренній. Бросаясь въ различныя сферы жизни, онъ и проявляется въ различныхъ формахъ: взяточничества, воровства, обмана, прелюбодѣянія, семейнаго деспотизма и т. п. Человѣкъ, который не задумавшись губить чужую жизнь, неужели задумается сорвать взятку, или солгать предъ старшимъ, сильнымъ?

Патріархальнаго же разврата нѣтъ. Если онъ и проявляется въ формахъ, свойственныхъ разврату, то онъ все-таки неразвратъ, а *рутина*, пока въ немъ нѣтъ сознанія. Но лишь только оно явилось, — рутина дѣлается развратомъ.

Какое же значеніе могутъ имѣть для насъ, въ такомъ случаѣ, напримѣръ цифры публичныхъ женщинъ въ такомъ-то городѣ или государствѣ?

Весьма относительное. Сами по себѣ они указываютъ только на число *жертвъ* разврата; а какъ жертвами легче дѣлаются бѣдность и невѣжество, то цифры могутъ отчасти дать указанія на эти элементы въ обществѣ. Если же мы поставимъ эти цифры въ связь съ другими цифрами преступленій, а также съ цифрами бѣдности, благотворительныхъ учрежденій, учебныхъ заведеній, числа браковъ, смертности и т. д., то въ результатъ получатся кое-какія

данныя для сужденія объ общественной нравственности. Но все-таки и тутъ мы будемъ имѣть дѣло только съ внѣшнимъ развратомъ, съ формою, а не съ сущностью.

Если и говорить, что между бѣдными болѣе разврата, то это потому только, что онъ тамъ вилѣе, обнажонѣе, циничнѣе, но не забудемъ, что въ этомъ быту развратъ болѣею частью носитъ характеръ ужаса, отчаянія, тотъ мрачный, раздражающій душу характеръ, который такъ поражаетъ насъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ англійскихъ писателей, и который придаетъ ему еще человѣческое значеніе на самомъ краю пропасти. Въ утонченномъ развратѣ — на сценѣ холодный расчетъ. Льдомъ окружены его шаги, а гдѣ нужно — блескомъ и золотомъ. Толпа часто не видитъ его, а еще чаще не понимаетъ. Но оттуда-то и идетъ закваска того яла, который такъ легко поражаетъ бѣдность и невѣжество. Тамъ — огонь. А солома — внизу.

По какимъ же даннымъ мы можемъ судить о состояніи общественной нравственности въ данномъ обществѣ, въ данное время?

Развратъ есть противорѣчіе идеалу, а потому онъ самъ — идея. Судить же состояніе идей въ обществѣ слѣдуетъ по его проявленіямъ на томъ пути, по которому люди стремятся къ вѣчнымъ идеямъ жизни: истинѣ, благу и красотѣ. Какова литература въ обществѣ, каковы законы и учрежденія, каковы обычаи, ходячія понятія, общественное мнѣніе, каковы науки и искусства, каковы люди, такова и общественная нравственность. Если на сто душъ приходится девяносто взяточниковъ, воровъ, гѣбителей, прелюбодѣевъ и тирановъ (не въ древне-греческомъ смыслѣ), — то на общественную нравственность и рукой можно махнуть... Не надо посылать и рынковъ публичныхъ женщинъ, чтобы на основаніи цифръ, выводить глубоко-ученныя изслѣдованія. Дѣло ясно само по себѣ. Если изъ ста душъ девяносто лгутъ, — очевидное дѣло, что нельзя доискаться правды.

Итакъ въ заключеніе: *развратъ — не отъ бѣдности, не отъ невѣжества и не отъ уменьшенія числа брачныхъ союзовъ.*

Напротивъ наоборотъ: бѣдность, невѣжество и уменьшеніе числа брачныхъ союзовъ *отъ* плохого состоянія общественной нравственности.

Но это кругъ, скажутъ. — Какъ кругъ? Все ли равно: причина и слѣдствіе? Развратъ — причина. Бѣдность, невѣжество, и уменьшеніе числа браковъ — слѣдствіе.

Вы хотите помочь общественной нравственности: дѣйствуйте на причины. Конечно исполнѣ гуманно дѣйствовать и на слѣдствія, то-есть учреждать убѣжища для совратившихся съ честнаго пути

женщинъ, или общества для предупрежденія ихъ отъ паденія, — но помните, что вы дѣйствуете не на причины.

Причина же — развратъ, и орудія его — развратители.

Слѣдствія — жертвы разврата: публичныя женщины, массы бѣдныхъ, массы голодныхъ, неразвитыхъ, массы пребывающихъ во тьмѣ кромѣшной...

Средства противъ разврата: укрѣпленіе въ обществѣ идей правды и добра, которыя онъ попираетъ.

Противъ развратителей — сила мнѣнія. Вооружите противъ нихъ всю силу негодованія и мщенія за поруганное человѣческое достоинство, воздвигните между ними и ихъ жертвами непреодолимую преграду мнѣнія, защитите честный трудъ и честное имя отъ голода и нищеты, дайте свѣту въ тьму кромѣшную, — и вы слѣдуете что-нибудь для общественной нравственности...

И. С.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

А мы вотъ какими товарами торгуемъ!

Купеческое присловье.

III

Мы хотѣли разобрать наличные капиталы нашей сценической драматургіи, покончивши дѣло съ драматургіею литературною тѣмъ, что весь образованный и мыслящій людъ признаеть за русскую драматургію — и что явнымъ образомъ мало признается или даже вовсе не признается за таковую специальными блюстителями театра и театральными комитетами, позволяющими себѣ отвергать пьесы Островскаго и восторгающимися издѣліями гг. Дьяченко и Боборыкина.

Чтоже въ самомъ дѣлѣ даютъ на *такъ-называемомъ* «русскомъ театрѣ». Понастоящему слѣдовало бы прослѣдить цѣлый, хоть на примѣръ прошлогодній сезонъ т. е. время отъ сентября 1861 г. по іюнь 1862 года, и статистическими данными доказать всю бессмысленность и безосновность нашего сезоннаго репертуара, но въ настоящее время, только-что принявшись слѣдить за русской сценою, мы должны сократить возможности всякія вступленія, и такъ или иначе, *partir du point où nous sommes*, взять дѣло до ея настоящей минуты.

Тѣмъ болѣе, что насчетъ бессмысленности репертуара прошлаго сезона, можно намъ повѣрить и на-слово. Бессмысленность — такой обычный фактъ въ нашей обычной общественной жизни — что доказывать статистическими фактами нужно развѣ только ея рѣдкія *lucida intervalla* здраваго смысла. Съ другой стороны, статистиче-

скіе факты за одинъ предшествовавшій мѣсяць достаточно могутъ удостовѣрить каждаго, кто только усумнится (а кромѣ членовъ разныхъ специальныхъ комитетовъ, право едвали кто усумнится) въ томъ, что слова безсмысленность и безосновность по отношенію къ репертуару русской сцены, употреблены нами вовсе не для «красоты слога».

Еслиже, противъ всякаго нашего чаянія, насъ упрекнутъ въ опрометчивости или заносчивости сужденія, мы возьмемъ на себя благодарный трудъ вывести «любопытныя» статистическія данныя изъ афишъ прошлагодняго сезона.

Въ настоящую минуту, мы прежде всего исчислимъ что давалось въ послѣднее время, хоть напримѣръ отъ 25 сентября — на двухъ русскихъ театрахъ, на Маріинскомъ и на Александринскомъ. До балета (покрайней-мѣрѣ покамѣстъ) итальянской оперы — какъ дѣла музыкальныхъ специалистовъ и любителей, до французской и нѣмецкой сцены, до появленія на нихъ какого-либо новаго и поучительнаго художника намъ дѣла нѣтъ. На первое время мы ограничиваемся только насущнымъ.

Итакъ вотъ что давалось на русскихъ театрахъ съ 25 сентября.

25 сентября на Александринскомъ: «Отецъ и дочь», драма. «А. и Ф.», водевиль. На Маріинскомъ «Горе отъ ума» и «Беззаботная» (г-жа Спорова).

26 сентября на Александринскомъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», драма. «Балъ у банкира», водевиль. (Г. Жулевъ — Нарцисъ Бишоно). На Маріинскомъ «Жизнь за царя».

27 сентября на Александринскомъ «Уголино». «Мишя браватся, только тѣшатся». Въ Маріинскомъ «Не въ деньгахъ счастье», (г. Васильевъ 2) «Бѣдовая бабушка».

28 сентября на Александринскомъ въ первый разъ «Легкая набавка», драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. Погоскаго. «Въ чужомъ пиру похмѣлье», комедія А. Н. Островскаго. «Всѣхъ цвѣточковъ болѣе — розу я любилъ». На Маріинскомъ «Норма» (г-жа Лаврова-Спекки). Второе дѣйствіе оперы «Невѣста-лунастикъ» (г. Никольскій и г-жа Булахова).

30 сентября въ Александринскомъ «Смерть Ляпунова». «Живчикъ». На Маріинскомъ «Испорченная жизнь», комедія г. Чернышова. «Проказы барышневъ на черной рѣчкѣ». Сцена г. Горбунова.

1 октября на Александринскомъ «Не по носу табакъ», г. Погоскаго. «Комедія съ дядюшкой». «Волшебная флейта», водевиль. На

Маринскомъ «Марта», опера. «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова).

2 октября на Александринскомъ «Велизарій», драма. «Взаимное обученіе». На Маринскомъ «Сватъба Кречинскаго», комедія. «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» (г-жа Спорова). «Бабушкины грѣшки» (г-жа Спорова).

3 октября на Александринскомъ въ первый разъ «Не первый и не послѣдній», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, г. Дьяченко. «Женщины-гвардейцы» (бенефисъ г. Марковецкаго). На Маринскомъ «Жизнь за царя» (208 представленіе).

4 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино», «На ловца и звѣрь бѣжитъ». На Маринскомъ — «Гроза», А. Н. Островскаго, «Женихи», «Дядюшка болтушка».

4 октября. На Александринскомъ: «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», «Балъ у банкира». На Маринскомъ — «Русалка» опера А. С. Даргомыжскаго...

Но вѣдь это перечисленіе, скучно нашимъ читателямъ?.. Оно и самимъ намъ скучно — во вѣдь изъ него открывается фактъ довольно поучительный. Если вѣрить нашему репертуару, то должно быть «Уголино», «Жизнь игрока» пьесы наиболѣе капитальныя. Отъ 25 сентября до 5 октября, включительно — онѣ раздѣлили честь повторенія съ одной только дѣйствительной, всѣми признанной капитальной вещью — съ оперой Глинки.

Пропустимте недѣлю.

14 октября. На Александринскомъ театрѣ: «Уголино» (ого! въ третій разъ), «Женщины-гвардейцы» (тоже должно быть штука капитальная). На Маринскомъ — «Жидовка» (гг. Сѣтовъ, Васильевъ 1, Булаховъ — г-жи Валентина Біанки, Анненская).

15 октября. На Александринскомъ: «Жертва за жертву», драма г. Дьяченко. На Маринскомъ «Испорченная жизнь», «Комедія съ дядюшкой», сцена г. Горбунова.

16 октября. На Александринскомъ: въ первый разъ по возобновленіи — «Ермакъ Тимофеечъ», Полевого, «Беззаботная». На Маринскомъ — (въ пятый разъ), «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко, «Что имѣемъ нехранимъ».

17 октября. На Александринскомъ: «Легкая надбавка», г. Погосскаго. «Игроки», Гоголя. «Первое декабря».

18 октября. На Маринскомъ: «Непервый и непослѣдній», г. Дьяченко (въ шестой разъ). На Александринскомъ — «Двумужница».

19 октября. На Александринскомъ: «Велизарій», «Живчикъ». На Маринскомъ «Жизнь за Царя».

Въ пространство времени, пропущенное нами, промелькала еще

комедія Островскаго: «Праздничный сонъ...» Мы замѣчаемъ это, желая быть справедливыми...

Но спрашиваемъ читателей — что должно заключить изъ образчика нашего репертуара за мѣсяць. Что кромѣ «Жизни за Царя», у насъ есть одна капитальная вещь, это — «Уголино», Полевого и что первый драматическій писатель нашъ — г. Дьяченко, второй — г. Чернышовъ, третій — г. Погосскій? Не такъ ли? *Недурно* также писалъ Гоголь, такъ что иногда еще можно его давать; не безъ достоинства тоже и комедія Островскаго.

Но мы не можемъ продолжать далѣе въ шуточномъ тонѣ. Театръ для насъ — дѣло серьезное, дѣло народное.

И вотъ именно, прежде всего мы беремъ вопросъ съ этой точки зрѣнія. На Александринскомъ театрѣ — понизили цѣну мѣстамъ, стало-быть, явнымъ образомъ хотѣли сдѣлать его доступнымъ небогатой массѣ. Чѣмъ же угощаютъ эту небогатую массу? Свирѣпствомъ г. Степанова въ «Уголино» и «Жизни игрока»... такими драмами какъ «Айвенго» и «Велизарій», возобновленіемъ постыднаго вздора, въ родѣ «Ермака» покойнаго Полевого... Почему же спрашивается, эту небогатую массу лишаютъ удовольствія видѣть и слышать такія капитальныя вещи русскаго искусства какъ «Жизнь за Царя» и «Гроза» — за что ее осуждаютъ на вольное-невольное выслушивание дичи, которую несутъ Нино Галлури или Ермакъ Тимофеевичъ?

Наконецъ мы поймемъ даже и вздоръ, если онъ логиченъ. Но какими логическимъ мѣриломъ руководствуются въ распредѣленіи спектаклей на двухъ русскихъ театрахъ?.. Будь Маріинскій театръ, исключительно оперный — мы это поймемъ, хотя опять-таки пожалѣемъ, что небогатая масса лишается — Богъ знаетъ за что и прочто — высокихъ наслажденій, доступныхъ ей нисколько не менѣе зажиточнаго мѣщанства. Будь Маріинскій театръ — опредѣленъ для спектаклей съ великолѣпной обстановкой — тоже было бы понятво, но вѣдь «Айвенго» же напримѣръ и даже «Ермакъ Тимофеевичъ» требуютъ немалой обстановки, а давались на Александринскомъ театрѣ, а съ другой стороны — ни «Испорченная жизнь», ни «Горе отъ ума», ни даже «Гроза», особеннаго великолѣпія не требуютъ, а давались на Маріинскомъ и на Александринскомъ. Будь даже Александринскій театръ — мѣстомъ предопредѣленнымъ для свалки сора вродѣ «Уголино» и произведеній г. Дьяченки, тоже было бы дѣло логически объяснимое. Но вѣдь на немъ играютъ: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», Островскаго — «Игроковъ», Гоголя. Будь наконецъ этотъ театръ ареною для рева г. Степанова и вообще для актеровъ — послабже, мы бы и это поняли, хотя конечно не могли

бы одобрить такого аристократическаго раздѣленія. Съ другой стороны, будь Маріинскій театръ предназначенъ для людей съ эстетически-развитымъ вкусомъ, на немъ не соединялась бы съ «Грозою» Островскаго, такая пошлость, какъ «Дялюшка бортушка», не давалась бы въ немъ пьесы въ родѣ водевиля «Проказы барышень на черной рѣчкѣ»...

Но оставимъ безсмысленный фактъ быть безсмысленнымъ фактомъ, и обратимся къ нашему вопросу, т. е. къ вопросу о кашталахъ нашей драматургіи. Неужели же въ самомъ дѣлѣ «Уголино», «Ермакъ Тимофеевичъ» и хламъ г. Дьяченко — считаютъ распорядители репертуара за капитальныя произведенія?.. Неужели же они не знаютъ, что о произведеніяхъ хоть бы напимѣрь г. Дьяченко, хоть бы напимѣрь о номомъ его произведеніи, серьезная критика постыдится говорить; что по поводу штуки г. Погосскаго; она пожалѣетъ только, что не бездарный, судя по его прежнимъ военнымъ рассказамъ, авторъ садится не въ свои сани. Въдѣ среди этихъ штукъ комедіи г. Чернышова и драмы г. Потѣхина старшаго — перлы, а между тѣмъ и объ этихъ перлахъ смѣшно говорить серьезно въ литературѣ, которая имѣетъ Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго. Комедіи г. Чернышова напимѣрь очень нравятся на сценѣ, и мы нисколько не думаемъ посягать на ихъ сценическое достоинство, тѣмъ болѣе, что онѣ представляютъ для такихъ высокодаровитыхъ артистовъ, какъ г. Васильевъ 2, хорошія роли, но попробуйте прочесть ихъ, и вы увидите, какими бѣлыми нитками онѣ сшиты, какъ все въ нихъ «сдѣлано», натянуто за волосы, какъ изъ-за всякой сцены неприятно-навязчиво скачетъ вамъ въ глаза задняя мысль, такъ называемая «идейка». Возьмите хоть послѣднюю изъ нихъ: «Испорченная жизнь»; въдѣ это драматизированный, разжиженный и отвратительно-подслащенный казенной нравственностью «Подводный камень» г. Авдѣева! Или драмы г. Потѣхина напимѣрь? (мы говоримъ о г. Потѣхинѣ старшемъ, ибо о г. Потѣхинѣ младшемъ считаемъ болѣе лишнимъ говорить, чѣмъ о г. Дьяченко или г. Боборыкинѣ). Напишетъ Островскій «Не въ свои сани не садись» и выставитъ типъ патріарха, въ лицѣ Русакова; г. Потѣхинъ дастъ «Судъ людской не божій», гдѣ пересаливаетъ этотъ типъ до невозможности, обставивъ его отвратительными бабами-кликушами. Коснется Островскій какъ художникъ тина широкой русской природы въ Петръ Ильичъ, сумѣвши при всей правлѣ удержаться въ границахъ поэзіи; г. Потѣхинъ заставитъ четыре акта пьянствовать, буянить и воровать какого-то дурмана въ пьесѣ «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Или варугъ напимѣрь, съ чего-то въкоторымъ господамъ приходило въ го-

лову при первых комедіяхъ Островскаго, что онъ ведетъ войну съ образованностью, и вотъ г. Владыкинъ всю вину начинаетъ валить на образованныхъ, не постыдившись даже назвать «образованностью» одну изъ своихъ комедій, въ которой образованность выходитъ виновата въ томъ, что молодой купчикъ обирадываетъ дражайшаго родителя. O imitatores, servum pecus! Думалъ ли когда Островскій, что его Ненялы Сидоровны и другія лица, убѣжденные, что образованіе ведетъ людей къ безобразіямъ, найдутъ своимъ мыслямъ поборниковъ въ литературѣ? Думалъ ли не только онъ, но думалъ ли даже покойный Добролюбовъ, толкуя о самодурствѣ темнаго царства, что для возбужденія тошноты заѣздитъ г. Чернышовъ самодурство въ своихъ комедіяхъ?

Нѣтъ, господа распорядителя репертуара русскаго театра, плохи ваши капиталы, которыми вы думаете замѣнить вещи Гоголя и Островскаго!

IV

Чтобы начать наши замѣтки о «русскомъ театрѣ» чѣмъ-нибудь хорошимъ и пріятнымъ, мы прежде всего должны сказать, что до самаго начала сезона мы верѣлко выносили истинно-отрадное чувство изъ нашей русской оперы. Теперешній составъ ея съ такими primi и secondi tenori, какъ гг. Сѣтовъ, Никольскій, Булаховъ, Васильевъ 2, съ такими замѣчательными пѣвицами, какъ г-жа Валентина Біанки и г-жа Леонова, съ такими басами и баритонами, какъ гг. Петровъ, Васильевъ 1, Артемовскій, Гумбинъ, — теперешній составъ ея, соединенный съ великолѣпнѣйшею постановкою, удовлетворитъ хоть кого. Кто видѣлъ напримѣръ «Жидовку» Галеви на нашей и на парижской сценѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что и поставлена она у насъ гораздо великолѣпнѣе и исполняется несравненно лучше. Но что это за странность такая, что въ «Жидовкѣ» напримѣръ у насъ исторически вѣрна костюмировка, а въ нашей родной оперѣ «Жизнь за царя» не вывелась еще театральные пейзажи вмѣсто крестьянъ, и театральныя пейзажи съ какими-то мантильями, шмѣющими претензіей быть шубками. Антонина въ костюмѣ средневѣковой герцогини, и сирота Ваня, одѣтый пляшущимъ театральнымъ пейзажникомъ, въ кафтанчикѣ съ галунчиками. Не говоримъ уже о криволикахъ, съ которыми не въ силахъ разстаться даже русски въ оперѣ Даргомыжскаго; уничтожить криволины, положимъ дѣло невозможное, но неужели нельзя ввести серягу, зипунъ,

кличку и настоящей заправскій сарказмъ въ заправскую, народную оперу Глинки? Вѣдь такая вещь должна быть исполняема, мы полагаемъ, съ почтеніемъ.

Во все это время, истинно серьезныхъ драматическихъ спектаклей былъ всего одинъ: это «Горе отъ ума», да и оно было кажется для дебюта новой артистки г-жи Споровой. Какъ объ этомъ единственномъ серьезномъ спектаклѣ, такъ и о новой дебютанткѣ, мы обязаны сказать нѣсколько словъ.

Въ «Горѣ отъ ума» на нашей сценѣ вышло собственно только одно, вполнѣ живое и художественно созданное лице, да и то глухонѣмое, князь Тугоуховскій (г. Васильевъ 2). Это мы говоримъ совсѣмъ не для краснаго словца, а весьма серьезно.

Затѣмъ наибольшая часть принадлежитъ г. Нильскому, въ роли Чацкаго. Большая заслуга его игры въ Чацкомъ уже та, что онъ не похожъ ни на покойнаго Максимова, ни на г. Самарина 1. Мы думаемъ, что г. Нильскій современемъ сыграетъ настоящаго Чацкаго, какого до сихъ поръ мы не видавали. Ему только слѣдуетъ прежде всего выкинуть изъ головы мысль, что Чацкій, jеune premier, отдался болѣе своему внутреннему жару и сдѣлать Чацкаго нѣсколько постарше; мы не станемъ заниматься какъ рецензентъ «Сѣв. Пчелы» счисленіемъ лѣтъ Чацкаго. Можетъ быть Чацкому и двадцать-три года, но на физиономію такихъ людей какъ Чацкій мысль и чувство рѣзко кладутъ свою печать. Вездѣ гдѣ г. Нильскій искренно увлекался, забывая о томъ что онъ jеune premier, онъ былъ не только хороши, но превосходенъ.

Фамусовъ (г. Григорьевъ 1) ходилъ гораздо болѣе на департаментскаго сторожа, о которомъ пишетъ Хлестаковъ къ душѣ Трапичкину, чѣмъ на грибоѣдовскаго Фамусова.

Молчалинъ (г. Шемаевъ) былъ такимъ пошлякомъ, въ котораго не могла бы влюбиться не только Софья, но даже жена портного Петровича гоголевской шинели.

Софья... Неужели г-жа Сибткова 3 думаетъ серьезно, что всѣ роли можно играть однимъ тономъ — да и тономъ-то вѣчно плаксивымъ?

Скалозубъ былъ скопированъ съ фельдфебеля, да и то не гвардейскаго, а армейскаго, изъ безсрочно-отпускныхъ.

Хлестова, хоть и играла ее г-жа Линская, артистка весьма даровитая — нисколько не была московкой барыней, передъ которой всѣ трепещуть. Тоже къ сожалѣнію должно сказать и о другой, истинно же даровитой артисткѣ, г-жѣ Левкѣевой, въ роли Натальи Дмитриевны.

О г. Соснацкомъ въ роли Ренетилова, имъ совершенно не поня-

той, лучше умолчать изъ уваженія къ его лѣтамъ и дѣйствительнымъ заслугамъ.

Г. Каратыгинъ въ Загорѣцкомъ, копируетъ какого-то петербургскаго прошальгу и несоздалъ московскій типъ, который имѣлъ въ виду Грибоѣдовъ.

Чтоже сказать о дебютанткѣ? По роли Лизы, которую какъ ни стараются защищать, а все-таки она въ комедіи Грибоѣдова вѣчто условное и смахиваетъ на французскую субретку, по этой роли, говоримъ мы, о ней еще нельзя произвести какого-либо окончательнаго сужденія, да къ сожалѣнію и по другимъ ролямъ, выбраннымъ ею для дебютовъ — тоже. Г-жа Спорова, очень ловка на сценѣ, говоритъ со смысломъ, иногда даже съ огнемъ — но какъ видно изъ ея выбора дебютовъ, на счетъ искусства весьма «легковѣрнаго» мнѣнія. Впрочемъ, тутъ мы можетъ-быть и ошибаемся. Если на долю ея выпали все такія ничтожныя и пустыя роли, то это можетъ-быть и потому, что лучшихъ ей и не дали.

Смѣшна въ высшей степени театральная публика, раздѣлившаяся уже на двѣ партіи: *сильтковистовъ* и *споровистовъ*. Изъ этихъ партій «обѣ лучше», и та которая неистово хлопаетъ г-жѣ Свѣтковой за неудачно выполненную роль Софьи и та, которая подноситъ вѣнки и букеты г-жѣ Споровой, за то что г-жа Спорова очень хороша собою.

ГОЛОСЪ ЗА ПЕТЕРБУРГСКАГО ДОНЪ-КИХОТА

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ Г. ТЕАТРИНА

Нѣкто санктпетербургскій донъ-Кихоть (котораго мы и въ глаза не видали) напалъ на какой-то фантастическій комитетъ. (См. «Гулокъ» № 40).

Нѣкто г. Театринъ вступился за честь своихъ фантастическихъ сотоварищей, и готовый за нихъ въ огонь и въ воду, вооружился перомъ, сталъ въ оборонительное положеніе, (Смотр. «Спб. Вѣдомости» № 236.) и воскликнулъ:

— Не донкихотствуйте г. донъ-Кихотъ! а нето... я васъ!..

Такъ какъ г. Театринъ, мы увѣрены, самъ лицо вовсе не фантастическое, (г. Краевскій ничего фантастическаго, т. е. не существеннаго и не допустилъ бы въ свою газету), лицо нетолько не фантастическое, но лишонное даже всякой фантазіи, — то очень можетъ быть, что и комитетъ, подвергающій разбору драматическія сочиненія — также не фантастическій.

Очевидно, что донъ-Кихотъ на все смотритъ съ своей точки зрѣнія, во всемъ видитъ вѣчто волшебное и чародѣйственное, — и это совершенно въ его характеръ. Мало того, сей странствующій рыцарь вполне убѣжденъ, что всѣ неправды, всѣ злоупотребленія совершаютъ не люди, а духи; что даже взятки берутъ не люди, — а все какіе-то волшебники или волшебницы. О высокое, благородное безуміе! Изъ какой глубокой вѣры въ честность челоуѣчества ты простираешься!

Г. Театринъ, внимая рѣчамъ донъ-Кихота, сначала прикидывается будто бы вовсе и не знаетъ, о какомъ комитетѣ рѣчь идетъ. Наконецъ не выдерживаетъ характера и проговаривается.

И то сказать: будь комитетъ дѣйствительно фантастическій, какое бы дѣло вступаться за него реальному г. Театрину!

Чтобъ поразить донъ-Кихота, убить его наповаль передъ публикой, онъ статью его приписываетъ оскорбленному самолюбію...

Дескать подалъ онъ въ какой-то фантастическій комитетъ какую-то драму «Русскіе въ 1862 году или народная подоплека», ну и члены этого комитета, читавшіе эту пьесу, ее не одобрили, такъ какъ она что-нибудь да смыслятъ въ драматическомъ искусствѣ. Ну вотъ донъ-Кихотъ и разсердился и напалъ на комитетъ.

А донъ-Кихотъ вѣроятно драмы этой и не писалъ, а просто выдумалъ ее, чтобъ имѣть случай проскользнуть въ фантастическій комитетъ; это съ его стороны была военная хитрость, которая иногда допускалась рыцарями.

Стало-быть донъ-Кихотъ сталъ донкихотствовать противъ комитета не ради оскорбленнаго самолюбія, а просто потому, что вознегодовалъ, и такъ какъ онъ петербургскій, а не ламанчскій донъ-Кихотъ, то и замаскировалъ свое негодованіе.

Видя все это, г. Театринъ совѣтуетъ донъ-Кихоту не донкихотничать, и увѣряетъ насъ, читателей, что роль донъ-Кихота самая жалкая и постыдная.

Ну нѣтъ, г. Театринъ, не совѣмъ такъ!

Быть-можетъ у насъ оттого такъ много всякихъ неправдъ и злоупотребленій, такъ много невѣждъ, взяточниковъ и казнокрадовъ, что мало, увы! очень мало святая Русь производитъ на свѣтъ донъ-Кихотовъ. Вѣдь донъ-Кихотъ (Сервантеса, прибавимъ). — это идеалъ честности, неподкупности и неустранимости.

Ламанчскій донъ-Кихотъ отперъ клѣтку со львомъ, и вызывалъ сего царя звѣрей на бой. Петербургскій донъ-Кихотъ льва не вызоветъ, а много-много что отворить двери въ засѣданіе какого-нибудь комитета и поглядить, что тамъ дѣлаютъ чародѣи или господа Театрины.

Левъ, когда-то вызванный ламанчскимъ донъ-Кихотомъ, только зѣвнулъ и повернулся къ нему хвостомъ, не чувствуя за собой никакой вины; и вы, г. Театринъ, сдѣлали бы гораздо лучше, еслибъ на вызовъ петербургскаго донъ-Кихота также бы зѣвнули, но вы этого не могли сдѣлать: правда, хоть и замаскированная, кольнула васъ, вы испугались и вскрикнули:

«Не донкихотствуйте г. донъ-Кихотъ!»

Перейдемъ теперь отъ фантазій къ дѣйствительности.

Вы г. Театринъ говорите, что пьесы г. Островскаго въ настоящее время не даются часто потому, что г. Островскій не пишетъ ничего новаго.

Помилуйте, г. Театринъ, неужели вы ничего не читаете? Да въ продолженіи года г. Островскій напечаталъ двѣ пьесы: драму «Козьма Миничъ Сухорукій» («Современникъ») и комедію «Женитьба Бальзамина» («Время»). Неужели этого мало? Послѣдняя ко-

медіа г. Островскаго такъ хороша, что едвали не одна изъ лучшихъ его произведеній, и на сценѣ имѣла бы успѣхъ громадный; ее и читать—то вельзя не умирать со смѣху. Отчегоже ни этой драмы, ни этой комедіи нѣтъ на сценѣ?

Авторъ не даетъ... авторъ самъ объ этомъ не хлопочеть.

Но вопросъ, отчего не даетъ и не хлопочеть авторъ? Ужь не смотритъ ли онъ на весь комитетъ глазами донъ-Кихота, и не будучи самъ донъ-Кихотомъ, не считаетъ нужнымъ съ вами безплодно ратовать. Вѣдь имѣть съ вами дѣло не легко — говорить авторы.

Но положимъ это вздоръ, положимъ г. Островскій не даетъ своихъ пьесъ и о томъ не хлопочеть... а вы-то начто? Вѣдь вы обязанныя думать и о славіи и о направленіи театра... Хлопочите, просите г. Островскаго; пишите къ нему: онъ талантливый писатель, оказавшій уже много услугъ нашему театру. Его и портретъ красуется на одномъ изъ театральныхъ плафоновъ. А вы? вы кто? Какія ваши заслуги? И вы хотите, чтобъ талантъ вамъ кланялся, васъ упрасивалъ, не оставьте-де меня вашимъ покровительствомъ! Нѣтъ-съ! вы ему поклонитесь, вы ищите его вниманія, если только вамъ дорога русская сцена, если только *вы* для театра, а не театръ для васъ.

Вы, г. Театринъ, между прочимъ просите донъ-Кихота хотъ *передѣлать вкусъ публики*.

Да развѣ это его дѣло! Вкусъ публики неразвить, восхищается всякимъ вздоромъ, а вы употребляете всѣ ваши усилія для того, чтобъ еще болѣе исказить этотъ вкусъ, поглажая его неразвитости.

Понимаете ли вы, что одна пьеса, написанная съ идеей, съ жаждой сказать правду, съ талантомъ, стоитъ цѣлой сотни, цѣлой тысячи такихъ эфемерныхъ фарсовъ и водевилей, какіе страшаетъ вамъ г. П. Федоровъ съ компаніей.

Мы не хуже васъ знаемъ, что репертуаръ не можетъ состоять изъ пьесъ первокласныхъ, но мы также знаемъ, что пьесу à la П. Федоровъ за деньги можетъ написать любой фельетонистъ, и что стоитъ только поощрить переводчиковъ, какъ весь заграничный репертуаръ, все лучшее, появившеся на нѣмецкой, французской и англійской сценахъ за послѣдніе десять лѣтъ, появится и на нашей сценѣ, и что всякая переводная пьеса, написанная съ талантомъ, *во сто разъ лучше* бездарнаго, доморощенаго произведенія, т. е. такого, изъ котораго зритель ничего не вынесетъ, ни одной мысли, ни одного нравственнаго побужденія.

Неужели же бездарныя комедіи, водевили и фарсы все болѣе и

болѣе будутъ плодиться у насъ на сценѣ, потому только, что есть авторы привлекательные и благодарные. Ужели публика все болѣе и болѣе будетъ портить вкусъ свой и убивать время въ театрѣ на правдное и безплодное удовольствіе, потому только, что это гораздо выгоднѣе для авторовъ вроде г. Федорова и другихъ.

Слышали мы, будто фантастическій комитетъ повременамъ сваливаетъ кой-что на цензуру, будтобы цензура смотритъ строже и оказывается неумолимою ко всему, на чемъ лежитъ печать таланта, и задерживаетъ лучшія пьесы, по одному, по два и даже по четыре года. Едва ли это правда; но если это и правда, то все-таки комитетъ долженъ быть первымъ заступникомъ и ходатаемъ нашихъ лучшихъ драматическихъ писателей передъ судомъ цензуры. Въ этомъ случаѣ комитету и подонкихотничать не мѣшало бы. За такое донкихотство мы не только бы не назвали его жалкимъ, напротивъ преклонились бы передъ его благородной храбростью.

А отъ фантастическаго комитета многое зависитъ. Можно примѣръ любую пьесу убить наповаль недобросовѣстнымъ чтеньемъ, можно самую патетическую сцену прочесть такъ вяло, или такимъ тономъ, что она покажется и смѣшной и глупой. Недаромъ говорятъ, что *le ton fait la musique*.

Можно также иначе поступить для того, чтобы пьеса не понравилась, а именно: нынче прочесть начало, а потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда начало забудется, дочесть конецъ.

Какихъ фокусовъ нельзя придумать въ такихъ стѣнахъ, куда не проникаетъ гласность и куда не хотятъ даже писатели заглядывать, тѣ писатели, которыхъ когда-то приглашала сама дирекція. Пусть дирекція спроситъ этихъ писателей, отчего они покинули этотъ комитетъ и какъ имъ не грѣхъ и не стыдно показать къ театру такое равнодушіе, вмѣсто того, чтобы принять въ немъ самое горячее участіе.

Жаль, если г. Театринъ говоритъ правду, т. е. если такіе волевики и бездарныя комедіи даютъ лучшій сборъ, нежели комедіи Гоголя, Островскаго, Тургенева, Потѣхина и другихъ менѣе даровитыхъ писателей. Въдъ Гоголь и Островскій передъ г. П. Федоровымъ то же, что Лаблашъ и Маріо передъ уличнымъ цыганомъ. Отчегоже умная дирекція не приучаетъ слухъ публики къ уличному пѣнію, а выписываетъ для оперы лучшихъ европейскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, дорого имъ платитъ и убѣждена, что эти деньги не пропадшія, что эти деньги развиваютъ эстетическій вкусъ публики, и быть-можетъ побуждаютъ ее къ изученію музыки.

Почему же въ отношеніи оперы дирекція рассчитываетъ не на дешовыя посредственности, а на знаменитости, и почему комитетъ

болѣе рассчитываетъ на посредственности, чѣмъ на знаменитости? Слава-богу, что пѣвцы выбираются не фантастическимъ комитетомъ, — вотъ была бы у насъ опера!

Но довольно.

Пусть члены фантастическаго комитета засѣдаютъ яко боги на Парнасѣ, и вѣщаютъ своихъ вѣрныхъ и благодарныхъ поклонниковъ, но пусть они помнятъ, что и гласность, настоящая, святая, неумолимая гласность не за горами.

Ч. КОМИТЕТСКІЙ

ТЯЖОЛОЕ ВРЕМЯ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»)

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ

Помните ли вы, милостивый государь, тотъ номеръ «Гудка», гдѣ между другими совѣтами дѣлается также увѣщаніе г. Страхову прекратить со мною знакомство? Признаюсь вамъ, что увидѣвъ эти коварныя строки, я пришолъ въ большое смущеніе. Давно уже замѣчалъ я, что г. Страховъ неблагоклонно смотритъ на мои письма къ вамъ; несмотря на довольно короткое знакомство со мною, онъ или вовсе не говорилъ объ нихъ, или же отзывался какими-то очень неопредѣленными фразами. А что, подумалъ я, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ послушается совѣта «Гудка»? Вѣдь нынче, говорятъ, печать имѣетъ страшную силу. Не долго думая, я бросился къ г. Стравову.

Дорога была не близкая. Должно быть было грязно, тряско, холодно; но ничего этого я не помню. Дѣло въ томъ, что мало-помалу, меня начинала угрызать совѣсть. Я бѣжалъ, глубоко задумавшись. Сталъ я припоминать, въ чемъ меня печатно упрекали; вспомнилъ я, что въ одномъ журналѣ меня назвали *мрачнымъ*; въ другомъ еще лучше — *лишоннымъ гуманности* (причемъ въ примѣръ гуманности мнѣ былъ поставленъ П. Л. Лавровъ), въ третьемъ наконецъ меня назвали *свирьнымъ*; вспомнилъ я, что меня пространно упрекали въ злости, да еще въ какой! въ чистой злости для злости, подобной чистому искусству для искусства. Неужели, думалъ я, эта перадостная репутація имѣетъ какое-нибудь основаніе? Знаю я очень хорошо знаю, что не могу я равняться гуманностію съ П. Л. Лавровымъ; но чѣмъ выше эта гуманность, тѣмъ больше степеней отдѣляетъ ее отъ злобы. Ужели я стою ниже всѣхъ этихъ степеней?

Ужели во мнѣ есть искра злобы, которой я не замѣчаю по самообольщенію и которая противъ моей воли проглянула въ моихъ письмахъ? Не можетъ-быть! Въ этихъ письмахъ я кажется занимался самымъ невиннымъ дѣломъ: я наблюдалъ, сравнивалъ, анализировалъ, дѣлалъ выводы; я строжайшимъ образомъ держался логики и стремился къ дѣйствительности... Гдѣ же злоба?

Волнуемый такимъ мыслями я вошелъ къ г. Страхову. По обыкновенію онъ переводилъ Куно Фишера. Думалъ ли онъ о *жителяхъ планеты*, — какъ это постоянно утверждаютъ журналы, не могу сказать навѣрное. Тутъ произошолъ между нами разговоръ, который глубоко поразилъ меня и который, съ его позволенія, я передамъ вамъ, какъ фактъ весьма по моему мнѣнію любопытный для наблюдателя и дѣписателя нашей словесности.

— Вотъ, сказалъ я ему, полагая сѣренъкій номеръ «Гудка»: — посмотрите-ка что здѣсь написано. Я надѣюсь, продолжалъ я, записываясь, что вы однакоже... тѣмъ не менѣе не послѣдуете этому совѣту. Но... я рѣшился по этому случаю все-таки спросить васъ окончательно: какого вы мнѣнія о моихъ письмахъ въ редакцію «Времени»?

— Если вы уже такъ настоятельно требуете, отвѣчалъ онъ, то такъ и быть скажу вамъ прямо мое мнѣніе. Я не считаю вашихъ писемъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или вреднымъ. Но признаюсь, я все-таки ими недоволенъ и недоволенъ по причинѣ, которая по моему очень важна: я думаю, что они бесполезны. По моему мнѣнію, они не могутъ производить никакого дѣйствія, ни дурного, ни хорошаго.

— Какъ? воскликнулъ я. Почему же такъ? Вы полагаете, вѣроятно, что они дурно написаны, сбивчивы, неосновательны, вялы...

— Нисколько, нимало! Въ нихъ нѣтъ большихъ недостатковъ этого рода, но зато есть недостатокъ, который несравненно хуже и котораго, какъ я вижу, вы и не подозреваете. Не правда ли, что въ нихъ вы главнымъ образомъ стараетесь быть логичнымъ, употреблять строгіе, научные приемы, дѣлать точные выводы?

— Конечно, отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ изумленіемъ, хотя не безъ самоловольства. Но какой же тутъ недостатокъ?

— Да такой, что его трудно чѣмъ-нибудь поправить. Такъ какъ вся сила и вся сущность вашихъ писемъ заключается въ логикѣ, то они не имѣютъ почти никакой силы и даже можно сказать никакой сущности.

— Какъ такъ? Я васъ не понимаю. Развѣ логика чему-нибудь можетъ помѣшать? Вѣдь масло каши не портить. Кажется, это вѣрно!

— Вѣрно, да не совѣмъ. Скажите, развѣ когда-нибудь люди руководствовались чистою логикою? Развѣ она когда-нибудь имѣла господствующее значеніе? Всегда и вездѣ истина въ ея строгой и чистой формѣ была доступна немногимъ; всегда она была трудна для пониманія, распространялась и дѣйствовала медленно...

— Экую премудрость вы мнѣ проповѣдуете, сказалъ я съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. — Слыхали мы это и прежде васъ. Что же повашему — сложить руки и молчать?

— Кто же вамъ мѣшаетъ говорить? Пишите все что вамъ угодно. Я говорю только, что ваши писанія не будутъ имѣть никакого значительнаго вліянія. Для этого нужно употреблять другія средства.

— Какія же это, позвольте спросить?

— Странно, если вы ихъ до сихъ поръ не знаете. Развѣ вы не замѣтили еще, что именно имѣетъ вліяніе и приобрѣтаетъ значеніе? Дѣйствительную, жизненную важность преимущественно имѣетъ то, что болѣе или менѣе уклоняется отъ формы чистой мысли; на примѣръ страсть, одностороннее увлеченіе, фанатическое, слѣдовательно преувеличенное, неправильное, несоразмѣрное поклоненіе какой-нибудь идеѣ. Чтобы заинтересовать людей, чтобы ихъ увлечь, мысль должна непременно воплотиться, должна отказаться отъ своего невозмутимаго спокойствія и прозрачнаго теченія. Вотъ почему также производятъ такое обширное дѣйствіе прекрасная музыка, романъ, сценическое представленіе; все это, какъ вы видите, очень далеко отъ чистой логики.

— Положимъ такъ, сказалъ я, приходя въ раздумье. — Но вѣдь я не претендую на какое-нибудь важное значеніе моихъ писемъ; вы знаете, до какой степени я дѣйствительно скромнѣнъ. Все-таки я не могу рѣшиться считать ихъ бесполезными. Я согласенъ, что логикой взять много нельзя. Но неужели же вы въ самомъ-дѣлѣ держитесь такого обиднаго мнѣнія, что логика вовсе неумѣстна въ нашей журналистикѣ?

Такой прямой вопросъ, какъ мнѣ показалось, нѣсколько затруднилъ г. Страхова.

— Какъ вамъ сказать? уклончиво отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть менѣе умѣстна, чѣмъ многое другое. Посмотрите въ самомъ-дѣлѣ, какъ некстати вы дѣйствуете во многихъ случаяхъ! Гдѣ надобно кричать, — вы разсуждаете; гдѣ нужно браниться, — вы дѣлаете точные анализы; гдѣ нужно смѣяться, — вы подводите силлогизмы. Что же изъ этого выходитъ? Васъ не слушаютъ, а тѣ, кто кричитъ, бранится, смѣется, — достигаютъ своей цѣли.

— Знаете ли, сказалъ я съ нѣкоторымъ уныніемъ. — Я нако-

вещь былъ бы радъ, еслибы вы были вполне правы, то-есть еслибы мои письма въ самомъ-дѣлѣ не возбуждали никакого вниманія. Но дѣло кажется гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Почему-то, право не знаю, меня ославили какъ человѣка злобнаго и вилать въ моихъ письмахъ одно порожденіе моей злости и свирѣпости.

— Неужели! воскликнулъ г. Страховъ.

Тутъ я рассказалъ ему всѣ тѣ печатныя заявленія, по которымъ я убѣдился въ своей позорной репутаци.

— Сдѣлайте милость, сказалъ я въ заключеніе: — объясните мнѣ, отчего это такъ вышло, и какимъ образомъ мое пристрастіе къ логикѣ привело меня къ такому великому бѣдствію?

Выслушавъ меня очень внимательно, г. Страховъ задумался и какал-то двусмысленная улыбка показалась на его губахъ.

— Это интересно, заговорилъ онъ. — Признаюсь я не ожидалъ, чтобы ваши письма возбудили какой-нибудь отзывъ; но если они произвели дѣйствіе, то именно такое, какого должно было ожидать. Вы, какъ я вижу, очень наивно и простодушно смотрите на свое дѣло. Вы дивитесь, что въ логикѣ напли злость? Но логика по сущности дѣла свирѣпа и никогда не была милостивою и снисходительною. Снисходительною можетъ быть жизнь, а не логика. Неужели вы не знали, съ какимъ опаснымъ оружіемъ вы обращаетесь? Если такъ, то недурно васъ предупредить. До сихъ поръ, сколько могу судить, вы не натѣлали еще никакой бѣды; но съ вашимъ пристрастіемъ къ логической строгости, съ вашимъ отвращеніемъ отъ логической нечистоплотности вы можете впасть въ большую опасность.

— Вы шутите! воскликнулъ я. — Какая же можетъ быть опасность въ строгихъ выводахъ и правильныхъ заключеніяхъ?

— Не въ этомъ дѣло! говорю вамъ серьезно. Не смотрите на вещи такъ легкомысленно. Легко можетъ случиться, что вы натолкнетесь на великій талантъ и великое сердце, однимъ словомъ на огромную духовную силу, и вмѣсто того, чтобы понять ее, взять ее въ ея цѣлости и глубинѣ, станете капризно прикидывать къ ней мѣрку вашихъ точныхъ силогизмовъ. Вы пуститесь проповѣдывать, какъ это было съ вами до сихъ поръ, что люди не идюшки, что Гегель былъ не помѣшанный, что нельзя уничтожить на свѣтѣ ни глупыхъ книгъ, ни глупыхъ людей, и т. п. и конечно вы будете совершенно правы; но вмѣстѣ съ тѣмъ на васъ ляжетъ великая вина, что вы не поняли всего объема той духовной силы, о которой рѣшились говорить. И тогда — горе вамъ! Чѣмъ яснѣе будутъ ваши аргументы, чѣмъ свирѣпѣе будетъ ваша логика, тѣмъ хуже для васъ, тѣмъ тяжелѣе ваша вина. Жизнь отмститъ вамъ за то, что

вы не прислушивались къ ея голосу, что отвернулись отъ нея, что вздумали наслаждаться чистымъ и яснымъ мышленіемъ, когда ей было не до того!

Съ ужасомъ выслушалъ я эти слова, и признаюсь въ ту минуту не нашолся что возразить. Невольная тоска закралась въ мою душу. Я поспѣшилъ проститься и поѣхалъ домой. Давно уже была ночь, и въ темнотѣ Петербургъ имѣлъ самый гнусный видъ. Туманъ стлался по пустымъ и пустынно-широкимъ улицамъ. Фонари глядѣли сквозь него тускло и кроваво. Кое-гдѣ на перекресткахъ, какъ огромныя статуи, стояли городовые. И вотъ все яснѣе и яснѣе я сталъ чувствовать, среди какой жизни мнѣ привелось жить, какую атмосферу я дышу, какой городъ меня окружаетъ. Давно уже знакомъ мнѣ Петербургъ. Сталъ я припоминать тысячи рѣчей и мнѣній, которыя мнѣ случалось слышать, все эти убѣжденія и руководящія мысли, возбуждавшія споры, служившія предметомъ горячаго проповѣдыванія. Какой страшный хаосъ! Какія изумительныя уродливости недоросшей, подавленной, изгибающейся мысли! Какія дикія, невѣроятныя формы! Какія антилогическія сплетенія и сочетанія! Но въ тоже время я чувствовалъ, что чѣмъ безобразнѣе этотъ міръ, тѣмъ кажется несправедливѣе прилагать къ нему шѣрку правильной и чистой мысли. Припоминая людей, которымъ принадлежали эти рѣчи, я невольно вспомнилъ, какъ часто они обнаруживали чистыя, благородныя чувства, какъ часто отъ нихъ вѣяло сердечной теплотою; передо мною какъ-будто мелькнули эти одушевленныя лица, мелькнуло пламя этихъ глазъ, которыя я видѣлъ, и я понималъ, что въ глубинѣ этого туманнаго міра безобразныхъ мыслей все-таки скрываются горячіе источники жизни. Если же присутствіе этихъ источниковъ не обнаруживается правильными и чистыми явленіями, то виноваты не они, а та атмосфера, которая ихъ окружаетъ, гнетущая, смрадная, удушающая творческія біенія жизни. Вотъ отчего и литература, вмѣсто того, чтобы производить на своей почвѣ стройныя и красивыя растенія, поражаетъ множество уродливыхъ и извращенныхъ формъ. Безумецъ тотъ, кто приступилъ бы къ этому міру съ требованіемъ правильныхъ формъ и мыслей, кто думалъ бы, что живя въ немъ, онъ можетъ наслаждаться такими формами и мыслями! Но еще болѣе безумецъ тотъ, кто сталъ бы упрекать этотъ міръ за его безобразіе, и вмѣсто сожалѣнія и сочувствія, казнилъ бы его сарказмомъ и презрѣньемъ!

Можетъ быть вы найдете, милостивый государь, что я употребляю нѣсколько рѣзкія выраженія, но таковы именно были мысли, которыя овладѣли мною, когда я возвращался отъ г. Страхова. Я пришолъ тогда въ то печальное расположеніе духа, которое съ нѣкото-

раго времени все чаще и чаще находить на меня. Вы помните конечно мое прежнее спокойное настроеніе, всегдѣшнюю ясность моего характера. Увы! Едвали имѣть вернуться когда-либо! Меня глубоко поразили нѣкоторыя событія, всѣмъ памятыя. Первый ударъ моему счастливому настроенію былъ нанесенъ закрытіемъ двухъ журналовъ — «Современника» и «Русскаго Слова». При моей извѣстной вамъ любви къ чтенію, при моей страсти къ литературнымъ наблюденіямъ, отсутствіе двухъ журналовъ не могло не показаться лишеніемъ. Но кромѣ того я былъ повергнутъ въ такое недоумѣніе, что долго не могъ опомниться и сообразить, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ (я не найду лучшаго сравненія), что на глазахъ астронома вдругъ исчезла бы комета или планета, исчезла бы въ то самое время, когда онъ внимательно наблюдалъ ее въ телескопъ. Что долженъ бы почувствовать въ этомъ случаѣ астрономъ? Онъ вдругъ и самымъ очевиднымъ образомъ увидѣлъ бы, что онъ обманывался во всѣхъ своихъ расчетахъ и соображеніяхъ. Я такъ и подумалъ. Я призналъ, что мои статьи не имѣютъ никакого правльнаго значенія, я отказался отъ своихъ прямыхъ наблюдательныхъ приемовъ и зачеркнулъ свои наблюденія, какъ ни къ чему пока не ведущія. На сей разъ я поступилъ логически; я, милостивый государь, логикъ и слѣдовательно во всемъ ишу сущности; вы понимаете теперь, что я не могъ не отказаться отъ своихъ заключеній какъ скоро увидѣлъ, что сущность не въ нихъ. Боюсь одного, что въ настоящее время никакія усилія моей логики уже не могутъ открыть мнѣ существенной стороны дѣла.

Такое жестокое пораженіе моей логики не могло не огорчить меня. Но этимъ не кончилось. Послѣ того, какъ изъ солнечной системы нашихъ журналовъ исчезли двѣ планеты, я предполагалъ, что равновѣсіе остальныхъ планетъ будетъ нарушено. Я внимательно наблюдалъ ихъ и чтоже? Не обнаружилось ни малѣйшаго признака нарушенія равновѣсія. Все было тихо и перемѣна произошла совершенно незамѣтно. Новый ударъ моей логики! Я принужденъ былъ убѣдиться, что наши журналы или вовсе не образуютъ системы, или составляютъ какую-то особенную систему безъ общаго центра тяготѣнія, странную систему, — въ которой есть планеты, но нѣтъ солнца. И въ самомъ дѣлѣ, что всего удивительнѣе, въ журнальномъ мірѣ понемножку послышались даже звуки какого-то музыкальнаго согласія, чего-то вродѣ гармоніи міровъ, звуки, своею монотонностью наводящіе непреодолимую тоску. Присутствіе этой гармоніи положительно было замѣнено многими; всего яснѣе ее замѣтилъ чуткій слухъ Н. Ф. Павлова. «Въ литературѣ и въ настроеніи общества», говоритъ онъ въ своемъ объявленіи, «произошла

перемѣна». «Теперь въ нашемъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ Н. Ф. Павлова) говорятъ столько голосовъ, что мы боимся остаться назадъ и уступить имъ въ рвеніи».

Послѣ такихъ уроковъ, надѣюсь, вамъ будетъ понятно, что мною овладѣло уныніе. Разговоръ съ г. Страховымъ довершилъ его. Я сталъ мягкимъ и робкимъ и пришолъ въ необыкновенно мирное расположеніе духа до того, что даже насмѣшки на мой счетъ, попадавшіяся мнѣ въ журналахъ не только не раздражали меня, но даже приводили въ нѣкоторое умиленіе.

Не будемъ ссориться, думалъ я, не станемъ раздражаться одинъ противъ другого! Къ чему приступать другъ къ другу съ строгими, тяжелыми требованіями? Къ чему мѣрять нашу умственную жизнь слишкомъ большими мѣрками, которыя къ ней вовсе не идутъ? Положимъ, что мы очень дурно разсуждаемъ; зато мы прекрасно чувствуемъ. Пусть умъ нашъ производитъ уродливыя несообразности; зато сердце наше пламенѣетъ любовью къ добру. Изъ-за чего же намъ расхотится? Не лучше ли соединиться какъ возможно тѣснѣе, пренебечь своими спорами и разногласіями и стремиться къ существенному — къ образованію одной великой нравственной силы?

Такъ думалъ я, и въ этихъ мирныхъ мысляхъ сталъ совершенно другими глазами смотрѣть на наши литературныя явленія. Я чувствовалъ къ нимъ нѣжность, которая переходила даже въ страхъ, въ боязнь, что я не сумѣю оцѣнить въ нихъ хорошую сторону. Съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ брался я за каждый листокъ газеты, за каждую книжку журнала. Въ самой жестокой брани я видѣлъ слѣды тайной гуманности автора. Въ величайшихъ нелѣпостяхъ я умѣлъ находить самую незамѣтную черту добраго чувства, которое ихъ внушало. А вѣдь вы знаете, милостивый государь, что когда-то нелѣпость была для меня вещь жестокая, нестерпимая, непереваримая никакими средствами. Но тутъ я помирился и съ нелѣпостью. Вездѣ я слѣдилъ ту сокровенную живую силу, которая такъ или иначе но все-таки двигаетъ нашу литературу. Они не умѣютъ разсуждать, они ничего не знаютъ, часто думалъ я, но зато какъ много чувствуютъ!

Въ такомъ настроеніи духа я даже благополучно перенесъ статью «Современнаго слова»: *Кто виноватъ?* Я наполю, что въ этой статьѣ много правды, что она недурно написана; я твердо вѣрилъ, что она имѣетъ благороднѣйшую цѣль. И однакоже каждый разъ, когда я читалъ ее (она появилась въ четырехъ нумерахъ газеты), глубокой стыжъ овладѣвалъ мною и я краснѣлъ до корня волосъ. Скажу прямо — я очень радъ, что эта статья написана и однакоже я кажется низачто бы не рѣшился самъ написать ее. Какъ объ-

яснить вамъ это? Представьте себѣ оскорбленіе, которое почувствовалъ бы астрономъ, увидѣвши, что одянь изъ его собратій играетъ роль астролога, а вмѣсто научныхъ наблюденій, составляетъ гороскопы. Или нѣтъ, еще хуже. Представьте себѣ съ какимъ чувствомъ можно смотрѣть на челоуѣка, который бы по принужденію и ради достиженія извѣстной цѣли, рѣшился бы публично бить по щекамъ свою мать. Положимъ что онъ былъ бы только для виду; положимъ, что многіе понимали бы, что онъ дѣйствуетъ по принужденію и что такое дѣйствіе необходимо; все-таки зрѣлище было бы отвращающее и тяжелое.

Вы можетъ-быть опять найдете, что я употребляю слишкомъ рѣзкіе образы; но таково именно было мое впечатлѣніе при тоглашаемъ чувствительномъ настроеніи. Я старался однакоже пересилить чувство униженія, которое возбуждала во мнѣ эта тройная или четверная уродливость и наконецъ помирился со статьею, предполагая, что не легко было и тому, кто ее писалъ.

И вообще я сталъ больше жалѣть, чѣмъ осуждать. Поэтому я преимущественно сочувствовалъ мрачному тону; мнѣ нравилось все, въ чемъ проглядывала горькая иронія; и даже въ случаѣ веселыхъ разглагольствій я любилъ предполагать, что у автора тѣмъ неменѣе скрежутъ кошки на душѣ. Увы, милостивый государь, вы понимаете, что подобное самообольщеніе не могло не нарушиться. Скоро я сталъ замѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ дѣятелей въ сущности чувствуютъ себя очень хорошо и многіе очень довольны собою; что они позволяютъ себѣ презирать другихъ и обходиться съ другими съ наглостью, а между тѣмъ ихъ презрѣніе основано только на дикой самоувѣренности и ихъ наглость на слѣпомъ самодовольствѣ. Я сталъ замѣчать, что у многихъ умъ вовсе не томится и не тревожится, а напротивъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя сытымъ; что вмѣсто неправильнаго и уродливаго, но все-таки живого движенія впередъ, онъ предпочитаетъ сидѣть неподвижно тамъ, куда его толкнула случайность, или кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ котенокъ за своимъ хвостомъ. Однимъ словомъ мнѣ начала открываться оборотная сторона дѣла. Вмѣсто живыхъ, хотя и извращенныхъ явленій, я увидѣлъ просто фальшивыя явленія, которыхъ источникъ не въ умѣ и сердцѣ, а въ лакейскомъ лицемѣрїи, въ раболѣпномъ подражаніи чужому уму и сердцу. И когда я замѣтилъ, что эти явленія имѣютъ однакоже силу, что они образуютъ авторитетъ, внушаютъ самодовольство, то мое мирное расположеніе духа опять поколебалось и во мнѣ опять стала пробуждаться моя старинная свирѣпость.

Такимъ образомъ, милостивый государь, во мнѣ постоянно про-

исходить тягостная борьба между умилением и свирѣпостью. И я не вижу ей исхода и окончанія. Есть люди, которые въ этомъ хаосѣ, именуемомъ россійской словесностью, плаваютъ свободно, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ, чувствуютъ себя хорошо какъ рыба въ водѣ. Я не принадлежу къ этимъ счастливымъ и постоянно наталкиваюсь на случаи, приводящіе меня въ уныніе и недоумѣніе. Расскажу вамъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ кажется вполне подтверждающіе правильность и законность моихъ колебаній.

Въ 39 № «Дня», г. Аксаковъ отнесся къ Петербургу и санктпетербургской литературѣ съ великой свирѣпостью и безъ малѣйшаго умиленія. Понятно что сначала я долженъ былъ почувствовать припадокъ нѣжности къ Петербургу и вооружиться противъ московскихъ нападокъ. И въ самомъ дѣлѣ, послушайте, что пишетъ г. Аксаковъ :

«Санктпетербургскія газеты толкуютъ много о либерализмѣ и демократизмѣ, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, онѣ, со всею запальчивостью того деспотизма, который внесенъ Петербургомъ въ дѣло нашего просвѣщенія и развитія, угнетаютъ насмѣшками, грубыми нападками, постоянными оскорбленіями самыя святыя чувства русскаго народа, свободу его вѣрованія, обычая, жизни. Ихъ либерализмъ является насиліемъ и тираніей въ отношеніи къ русскому народу. Для нихъ нѣтъ ничего заветнаго въ русской исторіи до Петра, въ этой «дикой Азіи нашего прошедшаго», какъ выражается «Современное слово». Все это очень естественно и понятно: иначе санктпетербургскія газетны и думать не могутъ: въ противномъ случаѣ они бы противорѣчили своему призванію, отрицали бы свой собственный принципъ, которому санктпетербургская пресса, надобно отдать ей справедливость, такъ вполне вѣрна, такъ храбро служить!»

Сначала я оскорбился этими рѣчами и готовъ былъ отвѣчать на нихъ такъ: «О какомъ деспотизмѣ вы говорите? Не разумѣете ли вы подъ этимъ словомъ силу европейскаго знанія, авторитетъ науки? Такъ знайте же, что это власть законная, непрерываемая, святая, на которую никто не имѣетъ права жаловаться. Вы говорите объ угнетеніяхъ и насмѣшкахъ; но естественно, что наука не даетъ покоя невѣжеству, что насмѣшки колятъ въ глаза наше безобразіе. Этому нужно радоваться а не печалиться! И о какомъ либерализмѣ вы говорите? Либерализмъ санктпетербургской прессы есть отголосокъ европейскаго либерализма, того великаго либерализма, принципа котораго тамъ въ Европѣ нашли во многихъ случаяхъ свое осуществленіе и на которомъ мы всѣ воспитаны, на которомъ воспитаны вы сами, закоренѣлый и непоколебимый славянофилъ!»

Такъ думалъ я отвѣчать, но подумалъ и раздумалъ. Такъ мо-

жетъ отвѣчать только тотъ , кто смотритъ на вещи поверхностно и видитъ ихъ въ общихъ чертахъ. Я же къ несчастью слишкомъ подробно изучалъ петербургскую прессу, чтобы удовольствоваться такимъ общимъ взглядомъ. Къ несчастью мы не имѣемъ права говорить во имя науки и европейскаго либерализма, потому что у насъ очень мало и того и другого, а есть у насъ въ изобиліи самобытные плоды, принесенные наукою и европейскимъ либерализмомъ на нашей петербургской почвѣ. Вкусъ и запахъ этихъ плодовъ я знаю, и вижу совершенно ясно, что слова г. Аксакова на этотъ разъ относятся именно къ этимъ плодамъ. Невольно мнѣ пришло на память множество случаевъ, множество подробностей — и я принужденъ былъ согласиться съ г. Аксаковымъ и рѣшился печально умолкнуть.

Я и молчалъ бы, еслибы г. Аксаковъ въ своей статьѣ не сказалъ далѣе жестокаго слова, которое показало мнѣ, какой слѣпой глѣбѣ имъ обладаетъ.

«Изъ всего сказаннаго ясно, — говоритъ онъ въ заключеніе, — что истинный либерализмъ и русское народное чувство невозможны для санктпетербуржца, если онъ санктпетербуржецъ не по одному мѣсту жительства, а по принципу имъ ясно сознаваемому.»

«Это былобы *contradictio in adjecto*, одно исключаетъ другое. Поэтому мы съ своей стороны не только не даемъ никакой цѣны либерализму санктпетербургской прессы, но положительно ему не вѣримъ, точно также какъ и благоволенію санктпетербургскихъ газетъ къ русской народности...»

Вотъ упрекъ, котораго снести невозможно и который возмущаетъ свою жестокостью. Г. Аксаковъ *не вѣритъ* искренности нашихъ петербургскихъ убѣжденій! Его собственные убѣжденія кажутся ему до того святыми, что онъ не вѣритъ никакой святости другихъ убѣжденій; наши петербургскія убѣжденія кажутся ему до того нелѣпыми, что онъ не вѣритъ возможности держаться ихъ искренно и честно. Какой фанатизмъ! Какое непониманіе жизни! Не вѣритъ г. Аксаковъ! Но онъ забываетъ, что дѣло нимало не измѣняется отъ того, вѣритъ онъ или не вѣритъ. Онъ забываетъ, что закрыть глаза еще не значитъ уничтожить предметы, которые стоятъ передъ глазами. Г. Аксаковъ не можетъ *не знать* того, чему онъ старается не *вѣрить*. Это странное невѣріе можно сравнить только съ тѣмъ случаемъ, когда тотъ же г. Аксаковъ, ревнуя о православной вѣрѣ, пришолъ къ заключенію, что евреи не могутъ быть у насъ терпимы какъ члены гражданскаго общества. Какъ тогда онъ отлучалъ евреевъ, такъ теперь, ревнуя о народномъ духѣ, онъ отлучаетъ насъ, отлучаетъ петербургскую прессу.

Это ужасно, неправда ли? Но что вы скажете, милостивый госу-

дарь, если я замѣчу, что санктпетербургская пресса не уступитъ московской въ ревности и слѣпотѣ? Вѣдь и у насъ нетерпимость считается похвальнымъ признакомъ опредѣленности направленія; если г. Аксаковъ не признавалъ евреевъ согражданами, то вѣдь и мы ставили г. Аксакова на одну доску съ г. Аскоченскимъ; если г. Аксаковъ не вѣритъ искренности напихъ убѣжденій, то вѣдь и мы прямо и криво и всячески изводили на него упреки въ разныхъ противу-гражданскихъ свойствахъ. Такъ что собственно говоря, намъ обижаться нечѣмъ. Мы заранѣе и съ избыткомъ отплатили ему за его высокоуміе и невѣріе.

Таковы черты того удивительнаго расположенія умовъ, въ которомъ мы находимся. Москва и Петербургъ одинаково щеголяютъ взаимнымъ непониманіемъ и взаимною враждою. Кто изъ нихъ лучше, рѣшить трудно; что касается до меня, то какъ я вамъ писалъ еще въ первомъ своемъ письмѣ, я несмотря ни на что, не теряю надежды на Петербургъ. Петербургъ мнѣ всегда представляется хаосомъ, въ которомъ бродятъ безчисленные элементы; онъ подобенъ планетѣ, которая быстро развивается и до времени покрыта странными чудищами. Москва же есть вѣчто пришедшее въ порядокъ; она подобна планетѣ, которая ужѣ вполне развилась, и потому вполне довольна собою и своими обитателями.

Такъ какъ я стою за Петербургъ, то мнѣ всегда бываетъ прискорбно, когда онъ что-называется срамить себя передъ Москвою. Теперь вышелъ именно такой случай. Едва г. Аксаковъ успѣлъ произнести свое отлученіе надъ петербургскою литературою, едва я успѣлъ проникнуться надлежащимъ гнѣвомъ противъ такого отлученія, какъ въ «Искрѣ» явилась статья, которая огорчила меня до глубины души и чуть ли не вполне оправдала г. Аксакова. Эта статья называется «Балаганчики Дня». Изобразить всю странность, всю хаотическую нескладницу этой статьи, я рѣшительно отказываюсь. Остановлюсь только на одномъ вопросѣ, который столь интересенъ самъ по себѣ, что трудно умолчать о немъ.

Въ 38 № «Дня» г. Аксаковъ сказалъ нѣсколько теплыхъ и свѣтлыхъ словъ о милостынѣ. Главная мысль статьи, по моему мнѣнію, необыкновенно правильна. Она состоитъ въ томъ, что истинная благотворительность, по самой сущности, должна быть дѣйствиельно свободнымъ, которое совершается съ личнымъ участіемъ, потому что только въ такомъ случаѣ она будетъ дѣйствиельно нравственнымъ, будетъ вполне удовлетворять идеѣ нравственности. На этомъ основаніи г. Аксаковъ замѣчалъ, что какъ скоро помощь бѣднымъ не совершается свободно и сознательно, какъ скоро она производится административнымъ порядкомъ, посредствомъ подати и ре-

гламентація, она теряетъ часть своего нравственнаго достоинства, хотя можетъ быть очень полезною. И на оборотъ дѣйствіа, безполезныя или можетъ-быть даже вредныя, какъ напримѣръ раздача милостыни, имѣютъ однакоже большое значеніе; потомучто носятъ на себѣ нравственный характеръ благотворительности. Раздача милостыни, совершаемая на всемъ пространствѣ Руси, есть одно изъ средствъ, которымъ народъ удовлетворяетъ свою потребность чисто нравственныхъ дѣйствій.

При этомъ, само собою разумѣется, г. Аксаковъ не могъ не впасть въ нѣкоторыя увлеченія. Онъ вовсе не обращаетъ вниманія на вопросъ, не вредны ли для общества всякія чисто-нравственныя дѣйствія; если не вредны, то необходимо ли они нужны и не можетъ ли общество обойтись безъ нихъ? Такіе вопросы вѣроятно кажутся ему оскорбительными, и онъ говоритъ такимъ тономъ, какъ-будто хочетъ сказать: нравственныя дѣйствія должны быть совершаемы ради нравственности; а что изъ этого будетъ, все равно, хотя бы разрушился міръ!

Благородное увлеченіе! Но нѣтъ ли здѣсь неправильнаго энтузіазма, который фальшивитъ, потомучто въ немъ вовсе нѣтъ нужды? Зачѣмъ напрасно геройствовать, мечтая о разрушеніи міра, когда міръ и не думаетъ рушиться? Чисто-нравственныя дѣйствія, какъ прямое слѣдствіе самой природы человѣка, викакимъ образомъ не могутъ быть ни неизбѣжно вредными, ни совершенно лишними для общества людей. Напротивъ идеалъ благополучнаго общества можно себѣ представить иначе, какъ предполагая, что всѣ отношенія членовъ этого общества превратились въ чисто-нравственныя отношенія. Когда разсуждаютъ объ обществѣ, то многіе представляютъ себѣ, что оно сложено изъ людей такъ, какъ зданіе изъ камней. Если зданіе красиво и держится крѣпко, то это не зависитъ отъ кирпичей, изъ которыхъ оно состоитъ, а только отъ архитектора. Онъ расположилъ камни такъ, что каждый изъ нихъ крѣпко опирается на однихъ и самъ служитъ прочною опорой для другихъ, а всѣ вмѣстѣ образуютъ правильное цѣлое. Поэтому камни не имѣютъ никакой заслуги, а вся заслуга принадлежитъ архитектору. Вотъ отчего въ такую славу вошли многіе архитекторы, составлявшіе красивые планы для общества. Но почетъ, имъ оказываемый, нѣсколько преувеличенъ: эти строители все-таки люди, а не особыя существа. И матерьялъ, изъ котораго они брались строить, напрасно былъ разсматриваемъ такъ презрительно: этотъ матерьялъ не камни, не кирпичи, а люди. Поэтому общественное зданіе должно представлять себѣ не иначе, какъ предполагая, что каждый камень въ немъ сохраняетъ за собою достоинство

человѣка. Слѣдовательно каждый камень самъ занимаетъ свое мѣсто и держится на немъ сознательно, а не вслѣдствіе цемента и давленія. Если же такъ, то чѣмъ сознательнѣе и свободнѣе дѣйствуетъ каждый членъ общества въ отношеніи къ другимъ, тѣмъ оно будетъ крѣпче и правильнѣе, тѣмъ меньше будетъ опасности, что какой-нибудь камень изъ него выпадетъ и разобьется. Только при общемъ сознательномъ взаимодействіи возможно благоустройство между людьми. Тотъ оскорбляетъ человѣческую природу, кто воображаетъ, что можно устроить благополучное человѣческое общество, безъ содѣйствія его сознанія и свободы; а не это ли обиліе предположеніе дѣлаетъ тотъ, кто говоритъ, что развитію благополучія въ обществѣ нужно предпочитать развитіе нравственности?..

Но, мнѣ кажется, я увлекся; я вѣдь хотѣлъ рассказать вамъ про статью «Искры». Вы меня извините, что я нѣсколько распространюсь объ ней. Я знаю, что противъ «Искры» существуетъ предубѣжденіе: ей не отвѣчаютъ, и ея статьи не считаются подлежащими разбору. Но мнѣ мало до этого дѣла: случай вышелъ слишкомъ любопытный и я чувствую въ себѣ безпощадное расположеніе къ анализу.

Уже во вступленіи статья беретъ фальшивыя поты, которыя по дѣйствовали на меня раздражительно.

• День, говоритъ она, — продолжаетъ открывать давно открытую Америку, т. е. наивно выдавать за что-то новое вопросы, давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные, или беретъ за перевершеніе вопросовъ науки, рѣшонныхъ умами первой величины, не примѣчая того, что онъ вовсе не перевершаетъ этихъ вопросовъ, а только путаетъ дѣло.

Быть можетъ вы найдете, что это очень простые слова; но я вамъ скажу, что на первой страницѣ «Искры» они имѣютъ видъ возмутительный, почти преступный. Замѣчу вообще, что всякій разъ, когда я встрѣчаю въ нашихъ журналахъ ссылку на науку, я прихожу въ невольное безпокойство. Здѣсь же я сейчасъ готовъ приступить къ строжайшему допросу. Чѣмъ это вы насъ пугаете, достопочтенная «Искра»? Что это за вопросы *давно рѣшонные и всѣмъ извѣстные*? Что это за умы *первой величины*, которыхъ касаться воспрещается умамъ второй и всякой другой величины? Что касается до вопросовъ, давно рѣшонныхъ, то чѣмъ давнѣй они рѣшены, тѣмъ хуже для нихъ. Что касается до вопросовъ, рѣшеніе которыхъ всѣмъ извѣстно, то я позволю себѣ вовсе усомниться въ существованіи такихъ вопросовъ, особенно же для васъ. Наконецъ что касается до умовъ *первой величины*, то я требую, чтобы умъ, который мнѣ указываетъ на такіе умы, самъ бы не былъ ка-

кой-нибудь сто-двадцатой или сто-тридцатой величины, а иначе я отправлю его куда-нибудь подальше, вмѣстѣ съ его указаніями. Рѣшонные вопросы! великіе умы! Такъ вотъ за какія оружія беретъ нынче «Искра»? Кто бы могъ ожидать, что она начнетъ наконецъ проповѣдывать поклоненіе авторитетамъ и возставать противъ непокорности, которую имъ оказываютъ!

Между тѣмъ дѣло дѣйствительно такъ.

• Г. Аксаковъ — пишетъ она — отстаиваетъ ту московскую благотворительность, которая раздачею мѣдныхъ пятаконъ и грошей нищимъ на улицахъ поддерживаетъ тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество. Такъ какъ современная, экономическая наука всѣми силами вооружается противъ подобнаго неразумнаго деморализированія общества, то г. Аксаковъ стремится потрясти основы самой науки. Вотъ онъ каковъ! •

Вы видите (признаюсь вамъ, это глубоко меня возмущаетъ), что наука здѣсь служитъ прямо авторитетомъ, что ея имя произносится здѣсь съ такимъ же удареніемъ и вѣсомъ, какъ еслибы говорилъ самъ «Русскій Вѣстникъ». Вотъ неожиданное совпаденіе!

За этимъ въ «Искрѣ» слѣдуетъ выписка изъ «Дня», которую, ради достоинства самого отрывка, я приведу цѣликомъ, безъ урѣзокъ, слѣвавшихся «Искрою».

• Практикъ Иуда, — какъ гласитъ евангельское сказаніе, съ такою властью живущее и такъ неослабно-благоухающее въ душевной памяти каждаго, кто бы онъ ни былъ, если только читалъ онъ евангеліе, — практикъ и политико-экономъ Иуда, видя святой порывъ Маріи, съ стремительностью женскаго сердца отдавшей любви къ божественной истинѣ, и расточительно изливавшей дорогое міро на ноги Учителя, сдѣлалъ замѣчаніе совершенно практическаго и политико-экономическаго свойства. Онъ выразилъ мнѣніе, повидимому совершенно справедливое, что подобная трата многозначительной цѣнности вовсе не производительна; онъ основательно доказалъ, что міро, будучи проданнымъ, дало бы столько-то барыша, принесло бы такую-то сумму, которая могла бы быть съ немалюю пользою употреблена на нищихъ. Кажется, чѣмъ же неправъ былъ Иуда Искаріотъ (въ душу котораго, вспомнимъ, еще не входилъ тогда умыселъ предательства), Искаріотъ, напоминавшій о бѣдныхъ, противопоставлявшій неосмотрительнымъ движеніямъ умиленнаго сердца логическіе выводы разсудка и безрасчетной благости соображенія пользы и практической благотворительности?.. Христосъ однако не отвергъ приношеній Маріи, не отнялъ у нея свободы въ выраженіяхъ вѣры и радости, и повидимому безцѣльная, безрасудная расточительность чистой, святой, пламеньющей любви, тѣснимая отовсюду расчетами житейской мудрости, нашла себѣ убѣжище у ногъ Христа, подъ покровомъ его милосердія...

• Намъ часто приходитъ на память этотъ практицизмъ Гуды, въ наше практическое время. Нельзя не поразиться сходствомъ вышеприведенныхъ соображеній павшаго апостола съ учениемъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ политико-экономовъ, которые всё нравственныя побужденія челоѣка переводятъ на языкъ математическихъ формулъ, всякое добро опредѣляютъ вѣсомъ и мѣрой, не признаютъ никакого другого двигателя въ челоѣчествѣ, кромѣ выгоды, и подчиняютъ (въ теоріи) этому кумиру всё произволенія нравственной природы челоѣка. По доктринѣ Мальстуса, Смита и другихъ выходитъ, что не благоустроенное хозяйство существуетъ ради челоѣка, а наоборотъ челоѣкъ, со всѣми своими нравственными запросами, приносится въ жертву отвлеченному принципу и имѣетъ значеніе только какъ рабочая сила, какъ часть благоустроеннаго механизма. •

Нельзя не согласиться, что сравненіе, выбранное г. Аксаковымъ мѣтко, рѣзко, что вопросъ рисуется въ немъ выразительно и глубоко. И вы ясно видите какъ смотритъ г. Аксаковъ на милостыню. Онъ вовсе не безусловный ея защитникъ. Онъ сравниваетъ ее съ міромъ Маріи, онъ называетъ ее *безцѣльною, безразсудною расточительностью*, но онъ оправдываетъ ее, когда она есть *неосмотрительное движеніе умиленнаго сердца*, когда она служитъ выраженіемъ *чистой, святой любви*.

Что же отвѣчаетъ на это «Искра»? На этотъ разъ она сочла удобнымъ сдѣлать голую ссылку на авторитеты и, вмѣсто того, чтобы говорить о дѣлѣ, начинаетъ говорить о политико-экономѣхъ.

• Ожидали ли — пишетъ она — Мальтусъ, Смитъ и другіе политико-экономы, посвятившіе свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо челоѣчества, что найдется когда-нибудь литераторъ, не изъ дерзкихъ, недоучившихся юношей, а литераторъ вполне доучившійся, снабженный многочисленными дипломами, который поставитъ ихъ на одну доску съ Гудою Искариотомъ? •

• Читатель видитъ — побѣдоносно продолжаетъ «Искра» — сколько въ этомъ сопоставленіи безобразія, натянутости, пустого словоизверженія. •

Покажѣтъ я думаю, читатель ровно ничего не видитъ, кромѣ громкихъ словъ, кромѣ безцеремонно-явнаго желанія запугать именами и фразами всякаго, кто рѣшился бы

.... Смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Глубоко огорчаютъ меня подобныя вещи, милостивый государь. Чистосердечное раболѣпство передъ именами, передъ авторитетами

въ наукѣ и съ чѣмъ бы то нибыло, еще можетъ быть прощено слабости человѣческой; но рабодѣпство злостное, но употребленіе *всуче* именъ великихъ умовъ, служенія наукѣ и т. д., есть дѣло никакъ непростительное.

Вы можетъ быть спросите, почему я такъ думаю; вы можетъ быть возразите, что авторъ разбираемой мною статьи написалъ предъидущія строки совершенно искренно, что онъ вѣроятно глубоко изучилъ Смита и Мальтуса, питаетъ величайшее уваженіе къ наукамъ вообще и къ политической экономіи въ особенности, что онъ обидѣлся сравненіемъ ученыхъ съ Иудею Искаріотомъ можетъ быть даже потому, что и самъ онъ *желаетъ посвятить свою жизнь добросовѣстному служенію науки на благо человечества?*

Счастливы вы, отвѣчу я вамъ, если можете еще питать такіа смѣлыя и пріятныя предположенія. Что касается до меня, то я считаю болѣе основательнымъ предполагать, что автору, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе неизвѣстны какія бы то нибыло научныя изслѣдованія, относящіяся къ настоящему вопросу. Доказательствомъ этому служить то, что ни въ предъидущихъ, ни въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ о милостыни нѣтъ ни одного изъ тѣхъ доводовъ, которыя противъ нея приводятся въ наукѣ. Ссылаясь на Смита и Мальтуса, онъ самъ не знаетъ на что ссылается, — таково мое печальное заключеніе. Дальше, какъ вы увидите, онъ старается привести доводы противъ милостыни, но то, что онъ говоритъ, не имѣетъ никакого отношенія къ наукѣ и не можетъ быть судимо съ научной точки зрѣнія. Какъ я уже говорилъ, науки у насъ нѣтъ, или очень мало; и то, что я буду сейчасъ разбирать, есть не научныя, не политико-экономическія или какія-нибудь другія мнѣнія, а просто петербургскія, или если хотите санктпетербургскія разсужденія, то есть образчикъ тѣхъ плодовъ, какіе принесли сѣмена европейскихъ книгъ на нашемъ родимомъ нингерманландскомъ болотѣ.

Съ вашего позволенія я возьму всю аргументацію «Искры» цѣлкомъ.

«Дѣйствительно ли, (такой вопросъ задаетъ себѣ статья) *ручка благотворительности, состоящая въ раздачѣ таскающимъ по улицамъ нищимъ пятаковъ и мѣдныхъ грошей, (каково опредѣленіе! И вы могли подумать, что это лежало подлѣ Мальтуса и Смита!)* возбуждаетъ чувство, пораждаетъ, по выраженію г. Аксакова, процессъ нравственныхъ ощущеній, переживаемый какъ дающимъ, такъ и принимающимъ даянія, *благотворныхъ для обоихъ, очищающихъ душу, хотя бы и на время, сводящихъ ее въ общеніе съ злочною благодію, сжимающею міръ?»*

Чтобы доказать, что нѣтъ, статья разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

• Если вы человекъ вѣсомько развитый и встрѣтите на улицѣ нищаго — полубосога, полуодѣтаго, голоднаго, можете ли вы успокоиться, сунувъ ему въ руку мѣдный пятакъ или грошъ? •

Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ читатель, пораженный трогательною картиной. Я не могъ бы успокоиться и тогда, еслибы онъ былъ не полубосою, а въ крѣпкихъ сапогахъ, еслибы я не сунулъ, а вѣжливо подаль ему, и не мѣдный грошъ, а блестящій двугривенный послѣдняго чекана. Но постарайтесь, милостивый государь, соблюсти нѣкоторое хладнокровіе. Замѣчаете ли вы куда мы захвали съ перваго шагу? Вопросъ «Искры» предлагается людямъ развитымъ и вѣроятно, какъ мы дальше увидимъ, богатымъ. А развѣ о нихъ было дѣло? Г. Аксаковъ говорилъ о милостыни, которую подаетъ народъ, т. е. эти десятки миліоновъ, которые за малыми исключеніями и не развиты и не богаты; онъ говорилъ напрямѣрь о тѣхъ подальнихъ, которыя дѣлаются ссыльнымъ и арестантамъ; вотъ въ этихъ-то сердцахъ г. Аксаковъ ручался за присутствіе нравственнаго процесса, а не въ сердцахъ развитыхъ людей, довольствующихся раздачею пятаковъ. Простому человѣку простительно не знать ни Малтуса, ни Смита, и онъ конечно можетъ успокоиться, подавая нищему можетъ-быть свой послѣдній грошъ, послѣднюю липнюю копѣйку. Но о такихъ случаяхъ «Искра», какъ видно и думать не хочетъ. Чтобы судить о нравственныхъ явленіяхъ, она непременно беретъ людей развитыхъ; а у неразвитыхъ, помилуйте, какая же тамъ нравственность, какіе нравственные процессы!

И вотъ обращаясь къ развитымъ людямъ, «Искра» держитъ такую рѣчь:

• Вѣдь этотъ нищій — говоритъ она — вашъ братъ, членъ одного съ вами общества. Онъ имѣетъ полное право быть и сытымъ, и одѣтымъ, и обутымъ какъ и вы. •

Что значить развитые люди! Какими сладкими рѣчами они угощаютъ другъ друга! Что касается до неразвитыхъ, то тамъ подобныя рѣчи показались бы можетъ-быть слишкомъ наивными и простыми. Они, эти неразвитые, давно и крѣпко знаютъ, что всѣ люди братья: у нихъ никто другъ на друга не смотритъ особенно свысока, и у всѣхъ равныя права. Тамъ нищаго не презираютъ, а обходятся съ нимъ какъ съ ровнею. Тамъ именно существуетъ мысль, что съ точки зрѣнія любви — всѣ равны и милостыня дается не только бѣднымъ, но и преступникамъ, убійцамъ.

Посмотримъ, какъ должны поступать люди развитые.

• Если ваше участіе къ нему (къ нищему, подробно описанному)

ше) не принадлежъ пустого тщеславія, не прихоть играющаго въ гудивность барства, а истинно-человѣческое чувство, — вы увидѣвъ его разъ на улицѣ, не можете оставить тутъ. Вы должны ввести его въ свой домъ, одѣть его, обувь, дѣлать съ нимъ вашъ столъ доголѣ, пока вы поставите его въ возможность имѣть все это самому.

Вотъ она — истинная гуманность! Даже на бумагѣ читать это очень пріятно, а не только видѣть на самомъ дѣлѣ. Одно жаль — бѣднымъ людямъ плохо приходится. Дать грошъ или пятакъ — за-прещается; не позволять пожалуй и цѣлковый рубль. Сейчасъ ска-жутъ — *припадокъ тщеславія, прихоть играющаго въ гуманность бар-ства!* А *вести въ свой домъ, одѣть, обувь*, — вѣдь это не всякій можетъ. Иному самому едва въ силу прокормиться и одѣться.

Чтоже касается до насъ съ вами, милостивый государь, то мы обязаны замѣтить, что «Искра» очевидно витаетъ въ облакахъ. Она вообразила, что проповѣдуетъ какую-то неслыханную, высоко-развитую мораль, а между тѣмъ эта самая мораль исполнялась и исполняется у насъ въ огромныхъ размѣрахъ. Изъ древности бо-гатые люди у насъ не только раздавали деньги нищимъ, но вводили ихъ въ свои дома, кормили ихъ, поили и одѣвали. Еще недавно не было почти ни одного достаточнаго дома, гдѣ бы не жили нахлѣб-ники и приживальщицы. Только чтоже изъ этого выходило? Разу-мѣется тоже, что и изъ раздачи денегъ, такъ какъ это было продол-женіе одной и тойже системы. Принятіе нищихъ въ домъ, держаніе нахлѣбниковъ и приживальщицъ было точно также вредно, какъ и уличная раздача денегъ; говоря словами «Искры», оно *поддерживало тунеядство, пьянство, развратъ, ханжество*. Употребляя вы-раженіе г. Аксакова, это была *безразсудная расточительность*, въ которой результаты не соответствовали намѣренію и въ которой намѣреніе заслуживаетъ большаго почтенія и искупаетъ собою ре-зультаты.

Чтоже такое послѣ этого предлагаетъ намъ «Искра»? Ужъ не скрывается ли въ ея словахъ какой-нибудь высшій смыслъ? Повидимому нѣтъ; повидимому она находитъ великую разницу между *введеніемъ въ домъ* и подачею пятака и думаетъ, что въ этомъ весь секретъ.

«Сунуть нищему — говоритъ она — мѣдный грошъ или пятакъ и затѣмъ уйти отъ него, бросивъ его на улицѣ, значить не имѣть не только никакого истинно-человѣческаго чувства къ нему, а просто — насмѣхаться надъ его положеніемъ.»

Если эти слова относятся дѣйствительно къ милостынямъ, то они очень дикы. Но авторъ говоритъ одно, а на умъ у него совсѣмъ дру-

гое. Слѣдите прилежно за игрою его воображенія. Ему кажется представляется милонеръ, котораго умоляютъ о помощи и который подаетъ грошъ.

• Развѣ — продолжаетъ • Искра — пришедши развѣ въ нищенство, онъ (нищій) вашимъ пятакъ или даже двадцатью пятаками, которые онъ получить въ день отъ подобныхъ вамъ милосердыхъ людей, можетъ поправиться и прійти въ прежнее независимое положеніе? Если же вы не имѣете въ виду привести его въ это положеніе, то что же по вашему мнѣнію всякій нищій? Субъектъ, назначенный вамъ вѣчною благодѣлю для ураженій вашихъ въ добродѣтели милосердія? •

Эхъ баринъ! сказалъ бы я думаю на это иной простой человѣкъ. Больно ужъ вы высоко берете, больно ужъ разносились съ вашимъ *независимымъ положеніемъ*. Тутъ иногда думаешь о томъ, какъ бы человѣкъ не умеръ съ голоду, не замерзъ съ холоду, а вамъ вотъ непременно подавай независимое положеніе. И за что вы меня корите и стыдите? Съ чего вы взяли, что я ему не желаю этого положенія, что я *не имѣю этого въ виду*? Я радъ бы всею душою. Понять не могу, чѣмъ помѣшалъ тутъ мой пятакъ. Что его мало — я самъ знаю; но у насъ говорится: съ міру по ниткѣ — голому рубашка. Потому я и подаю грошъ или пятакъ, что знаю — весь міръ подастъ и нищій будетъ на это сытъ. И самъ нищій это знаетъ и не обижается моимъ трудовымъ грошомъ. По вашему это и выходитъ *общественная благодѣтельность*, почти таже подать, только собираемая безъ писарей и становыхъ, а съ крестомъ и молитвою. Не я одинъ кормлю нищаго: его кормитъ міръ. Ему оттого легче, чѣмъ еслибы кто одинъ помогалъ ему; тотъ пожалуй попрекалъ бы его каждой коркой хлѣба. А что мірское подаяніе скудно, такъ и это не всегда правда; бывали нищіе, которые набирали тысячи и десятки тысячъ рублей.

Мы съ вами, милостивый государь, разумѣется будемъ говорить иначе. Мы примемъ во вниманіе спутанность мыслей автора и постараемся открыть, что за идея смутила его вображеніе. Повидимому онъ желаетъ, чтобы каждый имѣлъ независимое положеніе; онъ хочетъ чтобы нищему не давали денегъ, или хлѣба, или чего другого, а постарались бы привести его въ *независимое* положеніе. Вотъ наконецъ, скажете вы, гдѣ авторъ явно приближается къ доктринѣ Мальтуса и Смита. Не думаю, чтобы такъ. Едвали напримѣръ онъ знаетъ, что для того, чтобы каждый былъ въ независимомъ положеніи, лучшее средство — устроить общество такъ, чтобы божъ независимаго положенія не было возможности и жить на свѣтѣ. Пусть тѣ, кто потерялъ независимое положеніе, подвергаются величай-

ннѣмъ личеніемъ и опасности умереть съ голоду. Тогда и только тогда всѣ будутъ изъ всѣхъ силъ стараться приобрести и сохранить это положеніе. Такъ думаютъ многіе политико-экономы и въ этихъ мнѣніяхъ есть своего рода смыслъ. Они не безъ основанія говорятъ, что если вы дадите людямъ возможность существовать внѣ независимаго положенія, то сейчасъ же найдутся люди, которые воспользуются этою возможностью. Политико-экономы того мнѣнія, что люди, вообще говоря, большіе подлецы и всегда готовы пожить на чужой счетъ. Они утверждаютъ, что если вы усилите частную благотворительность, то вмѣстѣ увеличите число лицъ, которые будутъ ею жить, а если учредите общественную благотворительность, то ею воспользуются еще легче, еще охотнѣе, на томъ самомъ основаніи, по которому украсть изъ казны не считается такимъ грѣхомъ, какъ украсть у частнаго человѣка. Слѣдовательно чѣмъ больше будетъ благотворительность, тѣмъ меньше будутъ люди дорожить независимымъ положеніемъ. И вотъ почему политико-экономы, тоже полагающіе свой идеалъ въ независимомъ положеніи, отвергаютъ всякую благотворительность.

Мнѣ кажется они послѣдовательны. Благотворительность по самой сущности дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ принимаетъ на себя трудъ, необходимый для другого, слѣдовательно люди при этомъ неизбѣжно приходятъ въ зависимое положеніе. Такимъ образомъ благотворительность и независимое положеніе суть вещи, вытекающія изъ совершенно различныхъ источниковъ. Стремленіе къ благотворительности основывается на любви и довѣрїи, стремленіе къ независимому положенію — на эгоизмѣ и опасенїи. Если главною пружиною общества, главнымъ двигателемъ въ человѣкѣ признается эгоизмъ, то благотворительность должна быть отвергнута, потому что цѣль благотворительности не можетъ состоять въ развитїи эгоизма. Нельзя сказать: благотворите, т. е. доставьте каждому возможность жить эгоистомъ, независимо отъ другихъ. Гораздо послѣдовательнѣе политико-экономы; они говорятъ: не благотворите и тогда всѣ будутъ эгоистами.

Нашъ авторъ очевидно и не подозреваетъ, что политико-экономы отвергаютъ не одну частную благотворительность; онъ не подозреваетъ, что они гораздо послѣдовательнѣе и строже его въ своихъ выводахъ и что вслѣдствіе этой болѣе строгой послѣдовательности они отвергаютъ *всякую благотворительность безъ исключенїя*. Этой точки зрѣнїя для него, какъ кажется, и не существуетъ.

• Возьмемъ дѣло, пишетъ онъ, съ другой стороны. Какой человѣкъ, если онъ только немножко развитъ и привыкъ жить своимъ трудомъ,

можетъ безъ чувства самаго тамошняго униженія, безъ внутренняго сродоганія, безъ краски на лицѣ протянуть руку, чтобы принять милостыню?.

Ну, сейчасъ видно, что бѣлоручка! Жить на чужой счетъ, ему ничего; а руку протянуть — стыдно. Препустой народъ!

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтите милостивый государь, что картина опять перемѣняется. Прежде авторъ сдѣлалъ благотворителя чело-вѣкомъ развитымъ, теперь онъ дѣлаетъ развитымъ и нищаго, и слѣдовательно заставляетъ просить развитого человѣка у развитого же. Ужасная картина! Представьте себѣ, что человѣкъ развитой, привыкшій жить въ независимомъ положеніи и пользоваться правомъ точно также ѣсть, пить и одѣваться, какъ и вы, протягиваетъ руку къ вамъ, къ человѣку развитому, но не потерявшему своего богатства. Вы имѣете возможность вдругъ, сейчасъ привести его въ независимое положеніе, такъ что онъ попрежнему будетъ жить своимъ трудомъ. И вдругъ вы суете ему мѣдный пятакъ! Ужасная картина! Сколько злобы въ этомъ пятакѣ! Какая ехидная насмѣшка! Какое униженіе!

• И при подобныхъ неестественныхъ, нечеловѣческихъ отношеніяхъ дающаго и принимающаго, восклицаетъ «Искра», какого можно ожидать въ нихъ процесса нравственныхъ ощущеній, очищающихъ душу, и вводящихъ ее въ общеніе съ вѣчною благодію, живущею міръ? Тутъ напротивъ одинъ играетъ роль палача, а другой жертвы.

Вотъ оно куда пошло! Трагедія да и только!

Но куда же наконецъ мы заѣхали? Въ какой-то очарованный міръ, въ которомъ всѣ развиты, всѣ привыкли къ независимому положенію, всѣ могутъ взять нищаго къ себѣ въ домъ и такъ или иначе привести его снова въ независимое положеніе, и проч. и проч. Пусть въ этомъ мірѣ совершаются чудеса нравственности, пусть въ немъ милостыня есть стыдъ и преступленіе. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что мы, живущіе совсѣмъ не въ такомъ мірѣ, уже вовсе лишены нравственности? Развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ нашемъ народѣ, въ дѣлахъ его благотворенія невозможенъ никакой процессъ нравственныхъ ощущеній?

А между тѣмъ вѣдь этого, а не какого другого заключенія добивается «Искра!»

• Только при варварствѣ и грубости человѣческаго рода, заключаетъ она, при общемъ неустройствѣ его общественной жизни могъ возникнуть подобный (т. е. ручной чтоли?) способъ благотворительности.

Хоть этого вы намъ недоказали нисколько, ни на одну іоту, по-

ложитъ однакоже, что такъ. Положимъ, что современемъ онъ замѣнителъ какимъ-нибудь шестидесятымъ превосходнѣйшимъ способомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что въ древнемъ способѣ милостыня имѣтъ нравственнаго начала и есть хотя быг тѣнь безнравственности?

Этимъ я и кончу.

Замѣйте, милостивый государь, съ какою поразительною ясностію здѣсь обнаруживается безобразіе извѣстнаго, очень распространеннаго направленія мыслей. Еслибы авторъ напалъ на нечлѣпость народныхъ понятій, еслибы онъ не признавалъ ничего свѣтлаго въ народномъ міросозерцаніи, — это было бы понятнѣе; еслибы онъ не сумѣлъ найти никакого достоинства въ произведеніяхъ народнаго творчества, въ народной музыкѣ, поэзіи и проч., это было бы простительнѣе. Но отвергать нравственный элементъ въ народной жизни, но не видѣть его въ такомъ простомъ и чистомъ явленіи, какъ милостыня, — хуже этого ничего не можетъ быть. Дальше этого въ презрѣніи или лучше сказать въ легкомысліи къ народу идти нельзя.

Повидимому подобная статья способна возбудить величайшее негодованіе. Но авторъ такъ ужъ хватилъ черезъ край, что скорѣе заслуживаетъ сожалѣнія. Что до меня, то я былъ бы очень непослѣдователенъ, еслибы не простилъ его ото всей глубины души. Нужно судить его съ той самой точки зрѣнія, съ которой мы судили о милостыни, нужно цѣнить не столько самое дѣло, сколько доброе намѣреніе. А что намѣренія автора были прекраснѣйшія, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Вѣдь онъ сострадательно думалъ о нищихъ! Онъ ждалъ того блаженнаго состоянія, когда ихъ вовсе не будетъ! О прекрасный, чувствительный, гуманный человѣкъ!

Я поэтому именно и выбралъ эту статью для письма къ вамъ, что она показала мнѣ разительнымъ примѣромъ того, какъ прекраснѣйшія намѣренія соединяются съ самымъ плохимъ исполненіемъ. Примѣръ же нуженъ потому, что подобныхъ статей, подобныхъ разсужденій, подобныхъ авторовъ у насъ великое множество.

Будемъ же благодушны, какъ благодушенъ русскій человѣкъ, подающій милостыню всѣмъ: и правымъ и виноватымъ; положимъ, что нѣкоторые изъ этихъ авторовъ не говорятъ ни одного путнаго слова, все-таки скажемъ имъ спасибо за ихъ доброе желаніе, простимъ имъ много, потому что они много возлюбили!

Въ частности, что касается до «Искры», то я не имѣю противъ нея ничего, сколько-нибудь враждебнаго. Говорю это не изъ боязни ея насмѣшекъ. Помилуйте! Прекрасный журналъ! Приносящій весьма много пользы! Имѣющій хоршес направленіе! «Гудокъ» конечно

но острѣе, но и «Искра» хороша! Очень хороша! Укажу хоть на пародіи на князя Вяземскаго: онѣ доставили мнѣ величайшее удовольствіе!

Если же несмотря на то, иногда очень грустно читать наши журналы, какъ грустно иногда дѣлается при видѣ нищихъ у церквей, или гдѣ-нибудь на большихъ дорогахъ и въ далекихъ селахъ, то причина этому не въ томъ, чтобы милостыня была безразлична или чтобы у насъ не было журналовъ съ прекрасными напечатаніями.

И. КОСИЦА

СОДЕРЖАНІЕ

ОКТАБРЬ. № 10

Свое и Навѣрное. Романъ. Часть первая. С. Федорова	5
Командирша. — Житейскія сцены. А. Плещеева	144
Соборъ парижской Богоматери. (Notre-Dame de Paris). Романъ Виктора Гюго.	174
<i>Мать въ сердцахъ меня журила...</i> Стих. Всеволода Крестовскаго.	260
Изъ Горация. Стих. Его же.	364
Нѣсколько страницъ (Изъ записокъ лекаря) Анатолия Инсарова.	261
Смерть. Стих. Э. Берга	313
<i>И плескъ, и блескъ рѣчной волны,</i> Стих. Его же	315
Лѣтнія пѣсни. Стих. А. Плещеева	316
Земство и расколъ. Бѣгуны. А. Щапова	319

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Статья первая. Элементы поэтической дѣятельности Лермонтова. — I. Введеніе. — II. О Байронѣ и о матеряхъ важныхъ. — III. Нашъ романтизмъ. Аполлона Григорьева. 1

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Основныя преобразованія суклебной части въ Россіи. — Рѣчь волостного старшины. — Хитрая барыня. — Введеніе уставныхъ грамотъ. — Вольнонаемный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. — Экономическая будущность Россіи. — Земско-хозяйственныя учрежденія. — Кошерный сборъ. — Рекрутскій наборъ. — Золотое дѣло. — Акціонерныя дѣла. — Николаевская желѣзная дорога. — Непостижимая исторія 33

По поводу годичной выставки въ академіи художествъ. П. К. . . 66

ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Прусскія дѣла. — Прекращеніе конституціоннаго образа правленія въ Пруссіи. — Возвращеніе къ абсолютному. — Закрытіе палатъ. — Итальянскія дѣ-

ла. — Прощеніе Гарибальди. — Ходъ его болѣзни. — Паша и Францискъ II. — Греко-славянскій или восточный вопросъ. — Возстаніе въ Греціи. — Удаленіе короля. — Очеркъ исторіи греческаго королевства. — Сущность восточнаго вопроса. — Выгоды окончательныхъ рѣшеній. — Последнія извѣстія

Кушцы — реформаторы гимназій. М. Родевича	120
Щекотливый вопросъ. Статья со снисхождѣніемъ, съ превращеніями и переодѣваньями	141
Замѣтка по вопросу общественной нравственности (письмо къ редактору). П. Сокальскаго	164
Русскій театръ. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья первая.	181
Голосъ за петербургскаго донъ-Кихота. (По поводу статей г. Театрина	189
Тяжелое время (письмо въ редакцію «Времени». Н. Косицы	194

18
162

DEC 19 1939

